

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
КОМИССИЯ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Москва
2013

УДК 811.161
ББК 81
С47

*Издание осуществлено на средства, выделенные
Российским гуманитарным научным фондом
(проект № 13-04-16008)*

Ответственный редактор

М. И. Чернышева

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАН Ю.Л. Воротников
член-корреспондент НАН Беларуси А.А. Лукашанец
академик РАН А.М. Молдован

Утверждено к печати Ученым советом
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Рецензенты

доктор филологических наук И.С. Улуханов
(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

доктор филологических наук Е.А. Нефедова
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет)

Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред.
С47 М.И. Чернышева. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – 886 с.

ISBN 978-5-91172-076-6

В коллективном международном труде «Славянская лексикография» подводятся итоги исторического развития словарного дела в славянских странах. Прослежены особенности становления национальных лексикографий и описано их современное состояние. Авторы дают свое видение сложившейся ситуации в данной научной области, очерчивают важнейшую проблематику, определяют тенденции развития. Представлены главные достижения и перспективные разработки в лексикографии славянских языков.

УДК 811.161
ББК 81

Slavic Lexicography. International collective monograph / Ed. by Margarita Chernysheva. – Moscow: Azbukovnik, 2013. – 886 p.

The collective international work «Slavic Lexicography» summarizes the historical development of the art of dictionary building in Slavic countries. The article traces the formation of the national features of lexicography and describes their current state. The authors give their vision of the situation in the scientific field, outline the critical issues, identify trends. Main achievements and future developments in lexicography of Slavic languages are present.

ISBN 978-5-91172-076-6

© Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013
© Издательский центр «Азбуковник», 2013
© Коллектив авторов, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (М.И. Чернышева)	7
------------------------------------	---

Часть 1

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Белоруссия: <i>В.К. Щербин</i> (Минск, Белоруссия) Белорусская лексикографическая традиция: история и современность	21
Болгария: <i>Мария Чоролеева</i> (София, Болгария) История и современное состояние болгарской лексикографии	61
Македония: <i>Е.В. Верижникова</i> (Москва, Россия) Македонская лексикография	90
Польша: <i>Tadeusz Piotrowski</i> (Wrocław, Polska) Leksykografia polska	121
Сербия: <i>В.П. Гудков, Е.И. Якушкина</i> (Москва, Россия) Сербская лексикография .... <i>Ненад Ивановић</i> (Beograd, Србија) Историјат рада на Речнику САНУ (1853–1953): један век развоја савремене српске лексикографије	146 166
Словакия: <i>Alexandra Jarošová</i> (Bratislava, Slovensko) Slovenská lexikografia	198
Словения: <i>Majda Merše</i> (Ljubljana, Slovenija) Slovenska leksikografija in leksikologija v zgodovinski perspektivi	217
Украина: <i>В.В. Дубичинский</i> (Харьков, Украина) Лексикография украинского языка: прошлое и настоящее	251
Хорватия: <i>Бранка Тафра, Желька Финк-Арсовски</i> (Загреб, Хорватия) Хорватская лексикография	310
Чехия: <i>Zdeňka Hladká</i> (Brno, Česká republika), <i>Olga Martincová</i> (Praha, Česká republika) Tradice a současnost české lexikografie	340

Часть 2

ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Желька Финк-Арсовски</i> (Загреб, Хорватия) О хорватско-славянском словаре сравнительных фразеологизмов	373
<i>Райна Драгичевич</i> (Белград, Сербия), <i>Мария Стефанович</i> (Нови-Сад, Сербия) О славянской ассоциативной лексикографии	390

<i>Эмилия Благова</i> (Прага, Чехия) Старославянская лексикография в Чехии	405
<i>Л.В. Куркина</i> (Москва, Россия) Русская этимологическая лексикография на славянском фоне	424

Часть 3

ЛЕКСИКОГРАФИЯ В РОССИИ

<i>Ю.Д. Апресян</i> (Москва, Россия) «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»	445
<i>Ю.Д. Апресян</i> (Москва, Россия) Теоретические основы активной лексикографии	471
<i>А.С. Белоусова</i> (Москва, Россия) О новых жанрах словарей русского языка под редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой	481
<i>Е.Э. Биржакова, И.А. Малышева, И.Е. Кузнецова</i> (Санкт-Петербург, Россия) Русская лексикография — XVIII век	497
<i>М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина, Л.Л. Касаткин</i> (Москва, Россия) Орфоэпические словари русского языка: современные подходы и новые принципы	520
<i>Е.С. Копорская</i> (Москва, Россия) Принципы описания лексики в «Новом толковом словаре современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)»	536
<i>Л.П. Крысин</i> (Москва, Россия) Словари современного русского языка. Типы словарей	542
<i>С.А. Мызников</i> (Санкт-Петербург, Россия) Русская диалектная сводная и региональная лексикография (XIX–XXI вв.)	563
<i>Г.Н. Склярёвская</i> (Санкт-Петербург, Россия) Современная русская лексикография: достижения и лакуны	579
<i>М.И. Чернышева</i> (Москва, Россия) Русская историческая лексикография	615
<i>Л.Л. Шестакова</i> (Москва, Россия) Русская авторская лексикография: общее состояние и тенденции развития	645

Часть 4

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В НЕСЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

<i>Ренате Беленчикова</i> (Магдебург, Германия) Славянская лексикография в Германии	655
<i>Улла Биргегорд</i> (Упсала, Швеция) Русская лексикография в Швеции	667

Часть 5

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

<i>А.А. Поликарпов</i> (Москва, Россия; Барселона, Испания) Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии	679
<i>Стана Ристич</i> (Београд, Србија) Неки аспекти «унутрашње» лексикографске критике (критички осврт на методологију рада и лексикографске поступке у изради тезаурусног <i>Речника САНУ</i>)	702

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПЕРЕВОДЫ

<i>З. Гладка, О. Мартинцова</i> (Чехия) Традиция и современность в чешской лексикографии. Перевод Г.Я. Романовой	727
<i>Н. Иванович</i> (Сербия) История работы над <i>Словарем САНУ</i> (1853–1953): один век развития современной сербской лексикографии. Перевод К.В. Пьянковой	758
<i>М. Мерше</i> (Словения) Словенская лексикография и лексикология в исторической перспективе. Перевод О.С. Плотниковой	787
<i>Т. Пиотровский</i> (Польша) Польская лексикография. Перевод М.М. Шетэли (при участии М.А. Малыгиной)	817
<i>С. Ристич</i> (Сербия) Некоторые аспекты «внутренней» лексикографической критики (критический обзор методологии и способов лексикографического представления единиц в тезаурусном <i>Словаре САНУ</i>). Перевод М.Л. Кулешовой	842
<i>А. Ярошова</i> (Словакия) Словацкая лексикография. Перевод Г.Я. Романовой	863

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ .....

CONTENTS .....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обобщающий труд «Славянская лексикография», подготовленный к XV Международному съезду славистов (Минск, 2013), представляет собой итоговую работу большого международного коллектива. «Славянская лексикография» состоит из отдельных очерков, в которых подводятся итоги исторического развития словарного дела во всех славянских странах со времени его возникновения до первого десятилетия XXI века, в нем прослежены особенности развития национальных лексикографий и описано их современное состояние. Авторы дают свое видение сложившейся ситуации в данной научной области, очерчивают важнейшую проблематику, определяют тенденции развития, оценивают и прогнозируют языковые процессы. В данном труде представлены главные достижения и перспективные разработки в области лексикографии славянских языков, среди них — новые типы словарей и примыкающие к ним теоретические изыскания как следствие возникновения новых сдвигов в языке и их осмысления в лингвистике.

Международный коллективный труд «Славянская лексикография», в работе над которым приняли участие лексикографы из всех славянских стран, представляет собой первый опыт создания подобного рода итоговой обобщающей работы.

Созданию этого труда предшествовала долгая работа. К XIV Международному съезду славистов, проходившему в 2008 г. в Охриде (Македония), члены Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов подготовили рабочие научные материалы — «Теория и история славянской лексикографии»¹, где члены Комиссии, а также приглашенные к сотрудничеству авторы обозначили круг проблем, характеризующих современное состояние теории лексикографии, и описали историю развития словарного дела в каждой славянской стране. Эти научные материалы, представленные для ознакомления научной общественности, вызвали большой интерес и были высоко оценены специалистами. Их обсуждение (на XIV Международном съезде славистов и затем во время проведения заседаний Комиссии на нескольких международных лексикографических конференциях — в Гродно, Киеве, Москве, Софии и Харькове) привело к решению о необходимости их издания в более полном и переработанном виде. Как показал этап апробации рабочих материалов первоначальной версии данного труда, объем информации, глубина проработки и масштаб осуществленного проекта — все вместе взятое способствует дальнейшему взаимодействию лексикографов разных стран. Кроме

---

¹ Теория и история славянской лексикографии: Научные материалы к XIV съезду славистов / Отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2008.

того, полученный на стадии предварительной разработки результат побудил ввести в план вузовской подготовки славистов и русистов новый учебный курс «Славянская лексикография» (рабочая версия уже используется в качестве учебного пособия в России и в других славянских странах).

Для осуществления задач, поставленных специалистами, полноты представления исторического развития лексикографии славянских языков, демонстрации новых наиболее значимых проектов, итоговых достижений и перспектив развития были привлечены ведущие лексикографы из всех славянских стран и ученые, непосредственно занимающиеся этой проблематикой.

Состав участников

В работе над коллективным трудом приняли участие 37 специалистов из 12 европейских стран — главные участники проекта. Кроме того было сформировано Приложение, где помещены переводы оригинальных очерков на русский язык, осуществленные шестью переводчиками и проверенные несколькими специалистами. Таким образом, 43 исследователя работали над международной коллективной монографией «Славянская лексикография».

Структура работы

В книге пять частей и Приложение.

Первая часть: «История и современное состояние лексикографии в славянских странах» состоит из 11 разделов-очерков, расположенных в алфавитном порядке в соответствии с названием страны.

Белоруссию представил В.К. Щербин, Болгарию — М. Чоролеева, очерк о македонской лексикографии принадлежит российскому специалисту в этой области Е.В. Верижниковой, о лексикографии Польши написал Т. Пиотровский (на польском языке), лексикография Сербии представлена очерками сербского лексикографа Н. Ивановича (на сербском языке) и российских ученых В.П. Гудкова и Е.И. Якушкиной, лексикография Словакии описана А. Ярошовой (на словацком языке), Словении — М. Мерше (на словенском языке), Украины — В.В. Дубичинским, Хорватии — Б. Тафрой и Ж. Финк-Арсовски, Чехии — З. Хладкой и О. Мартинцовой (на чешском языке).

Вторая часть: «Лексикография славянских языков» состоит из четырех очерков², в которых демонстрируются лексикографические достижения, так или иначе охватывающие материал ряда славянских языков. Очерк Э. Благовой (Че-

---

² Без сомнения, этот раздел нуждается в дальнейшем расширении. Сюда можно было бы добавить сведения о работах по контактологии Й. Айдуковича (*Ajdukovih Jovan*. Контактолошки речник адаптације русизма у осам словенских језика. Београд, 2008; *он же*. Контактолошки речник словенских језика. Речник адаптације бугарских контактолексема под руским утицајем. Т. 1. А–В. Београд: Фото Футура, 2010; Т. 2. Г–Е. Београд, 2011; Т. 3. Ж–Й. Београд, 2012) и другие разработки лексикографов славянских стран.

хия) посвящен старославянской лексикографии: автор не только подводит итоги работы над «Старославянским словарем», но рассказывает об истории формирования и процессе развития целого направления — палеославистической лексикографии, а также о новых проектах в этой области. В очерке Л.В. Куркиной (Россия) представлена русская этимологическая лексикография на фоне славянских разработок в этой области. Р. Драгичевич и М. Стефанович (Сербия) описывают развитие ассоциативной лексикографии славянских языков. Ж. Финк-Арсовски (Хорватия) посвятила свою работу хорватско-славянскому словарю сравнительных фразеологизмов.

Третья часть: «Лексикография в России». Эта часть отличается от первой. Поскольку книга готовилась и выходит в Москве, это давало право представить русское словарное дело шире и иначе, чем лексикографию других славянских стран. Здесь практически отсутствует материал об истории русской лексикографии (за исключением работы петербургских ученых о словарях XVIII в.), поскольку этому вопросу посвящен большой труд «История русской лексикографии»³. В соответствии с замыслом, представленный материал демонстрирует наиболее важные достижения и новейшие разработки, осуществляемые в последние годы в России. Очерки написаны ведущими специалистами в области лексикографии: Ю.Д. Апресяном, А.С. Белоусовой (ученицей и последователем Н.Ю. Шведовой), Е.Э. Биржаковой (в соавторстве с И.А. Малышевой и И.Е. Кузнецовой), М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткиной, Л.Л. Касаткиным, Е.С. Копорской, Л.П. Крысиным, С.А. Мызниковым, А.А. Поликарповым, Г.Н. Склярёвской, М.И. Чернышевой, Л.Л. Шестаковой.

Четвертая часть: «Славянская лексикография в неславянских странах». Эта небольшая часть представлена работами лексикографов из государств, имеющих давние славистические традиции — это: Ренате Беленчикова (Германия) и Улла Биргегорд (Швеция).

Пятая часть: «Вопросы теории лексикографии славянских языков». Сюда вошли две теоретических работы: С. Ристич (Сербия), исследование которой, написанное на сербском языке, соприкасается с новым проектом Комиссии по лексикологии и лексикографии при МКС — «Критика в славянской лексикографии»⁴, и А.А. Поликарпова (Россия).

Приложение. Приложение содержит переводы на русский язык оригинальных очерков на славянских языках. Перевод очерка Т. Пиотровского осуществлен М.М. Шетэлей при участии М.А. Малыгиной, перевод очерка Н. Ивановича — К.В. Пьянковой (перевод отредактирован Е.И. Якушкиной), перевод очерков А. Ярошовой, З. Хладки и О. Мартинцовой — Г.Я. Романовой (консультации дала сотрудница Славянского института в Праге И. Крейчиржова), перевод очерка М. Мерше — О.С. Плотниковой, перевод очерка С. Ристич сделан М. Кулешовой. Все переводы согласованы с авторами оригинальных версий.

---

³ История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. 2-е изд. СПб., 2001.

⁴ Этой теме посвящен подготовленный Комиссией специальный раздел в сб.: Українська і слов'янська тлумачна та перекладна лексикографія. Л.С. Паламарчукові. Київ, 2012. С. 307–444.

Появление Приложения объясняется несколькими причинами, одна из них та, что книга «Славянская лексикография» выходит в России. Наличие русских переводов расширяет круг потенциальных читателей от лингвистов до студентов и людей, проявляющих интерес к словарному делу.

Некоторые замечания по организации и редактированию материала

При редактировании было принято решение о принципиальном отказе от выравнивания лингвистической (и лексикографической) терминологии, имеющей отличия в национальных традициях разных стран.

Еще одно решение касается недопустимости вмешательства в авторскую трактовку разных аспектов теории лексикографии (это относится, например, к типологии словарей, имеющей сильные отличия в разных странах, и ко многим другим вопросам).

Ответственность за информацию и ее интерпретацию несут авторы.

И, наконец, последнее замечание. В каждом из очерков коллективного труда «Славянская лексикография» библиография вопроса представлена достаточно полно, тем не менее необходимо помнить, что данный труд не является энциклопедией.

* * *

Лексикография как самостоятельная филологическая дисциплина занимает особое место в культурном пространстве. Результаты лексикографической деятельности, с одной стороны, отражают современные достижения филологии, с другой стороны, выходят за границы этой гуманитарной дисциплины, поскольку они свидетельствуют об уровне культуры и об определенном цивилизационном состоянии в данный исторический момент; мало того — лексикография и ее произведения оказываются включенными в процесс развития, а в определенный исторический период и становления национальной культуры.

В коллективном труде представлены оригинальные взгляды на существующую проблематику.

Авторы очерка о хорватской лексикографии Б. Тафра и Ж. Финк-Арсовски начинают свое рассуждение словами: «Словари представляют собой гораздо большее, нежели только языковые памятники. Двухязычные и многоязычные словари раскрывают **связи... [национальной. — М. Ч.] культуры с иными культурами**, а также показывают **степень развития собственной культуры по отношению к другим культурам**⁵ в тот или иной период времени».

Польский лексикограф Т. Пиотровский настаивает на том, что кроме обычного историко-лингвистического подхода к словарям, понимаемым как реестры языковых единиц (которые обычно базируются на какой-либо теоретической концепции),

---

⁵ Здесь и далее выделение сделано ответственным редактором.

необходим еще ракурс восприятия **словарей как объектов культуры и цивилизации**, которые можно изучать с разных точек зрения.

Исторический аспект

Почти в каждом очерке затрагиваются вопросы **периодизации** развития словарного дела, так или иначе связанной с историческим, политическим и культурным развитием соответствующей страны. Автор очерка о польской лексикографии Т. Пиотровский прямо пишет: «Периодизация польской лексикографии совпадает с политической историей Польши: период независимости до 1795 г., период разделов: 1795–1939 гг., период независимости, начиная с 1945 г. (относительной — до 1990 г. и затем полной)».

Для освещения истории развития славянской лексикографии существенным оказывается понятие **традиции**. Для чешской лексикографии значимой была европейская латинская и немецкая лексикография, для польской — латинская, для хорватской — латинская и итальянская и т. д. На разработке этого понятия останавливается автор очерка о белорусской лексикографии В.К. Щербин. Традиция имеет свои положительные стороны, однако в какой-то исторический момент она может оказаться «чрезмерной». Действительно, с одной стороны, отмечает В.К. Щербин, «собственно белорусская лексикографическая традиция формировалась на базе общей восточнославянской лексикографической традиции и в условиях сильного влияния на словарную практику Белоруссии развитой русской лексикографической традиции», а с другой стороны, характеризуя белорусскую лексикографию XX в., он констатирует, что «чрезмерное влияние на развитие белорусской словарной традиции русской лексикографической традиции» повлекло за собой «формальное копирование ключевых характеристик лучших русских словарей в процессе составления словарей белорусского языка». Кроме того, сравнение словарей современной Белоруссии и эмигрантских словарей белорусского языка дает автору основание для выделения в рамках белорусской лексикографии «*основной и альтернативной белорусскоязычных лексикографических традиций*».

Значимая роль принадлежит крупным **личностям**, вложившим весомый вклад в историю создания национальной лексикографии и в процесс формирования ее традиции. В каждой стране — свои фигуры национального звучания — Вук Караджич для сербов, Макс Плелершник — для словенцев и т. д. В XIX веке были «межславянские» фигуры такие, как профессор Московского и Пражского университетов А.Л. Дювернуа — автор первого печатного болгарского словаря. XX век, несмотря на преобладание коллективных работ, тоже богат значимыми личностями. Для словацкой лексикографии таким был, по признанию А. Ярошовой, А.В. Исаченко, воспитавший целую плеяду лексикографов, которые продолжили его начинание — составленный с помощью студентов и аспирантов «Словацко-русский словарь», ставший «переломным моментом в области двуязычной словацкой лексикографии» и углубивший теорию лексикографии, что привело к созданию Братислав-

ской лексикографической школы. В этом смысле по отношению к восточнославянской ситуации интересное наблюдение принадлежит В.К. Щербину. Он пишет, что, в отличие «от **“университетской основы”** научного потенциала стран Западной Европы и Северной Америки, в которых университеты были основаны на два-три столетия раньше, чем национальные академии наук, в России, Белоруссии и Украине уровень как национальной науки в целом, так и отечественной лексикографии в частности, с XVII в. и до настоящего времени определяется **достижениями академических ученых** этих стран».

Исследователи отмечают факты **взаимовлияния** в сфере словарной деятельности и в связи с этим — **значение отдельного крупного лексикографического достижения**. Так было, когда в 1621–1632 гг. в Польше появился трехтомный труд «Thesaurus Polono-Latino-Graecus», составленный иезуитом Георгом Кнапиусом (Кнапским), который опирался на заграничные образцы двуязычных латинских и французских словарей предыдущего столетия. До середины XIX в. «Тезаурус» Кнапиуса оказывал огромное влияние на последующие словари, причем не только на польские, плодотворная роль этого произведения отмечена по отношению к лексикографическим трудам стран, граничащих с Польшей. Примеров подобного рода воздействия словарного достижения на лексикографию других стран — достаточно. Среди них один из наиболее ярких: чешские и польские слависты отмечают важную роль шеститомного (первого моноязычного) словаря польского языка С. Линде для создания пятитомного чешско-немецкого словаря Й. Юнгмана, положившего начало чешской толковой лексикографии.

Нелишне напомнить — мысль эта неоднократно звучит в коллективном труде, — что в ряде славянских стран именно словари (или наиболее значимый один) не просто содействовали, но и напрямую решали **задачу формирования и развития национального литературного языка** (в связи со сказанным болгарская лексикограф М. Чоролеева отмечает особый вклад словарей Ивана Богорова). Кроме того, словари могли служить **средством сохранения народного сознания**, выполняя при этом функцию **содействия национальному объединению**. Тогда, в период формирования национального литературного языка, словарники стремились очистить литературный язык от неславянских заимствований (например, словенский язык от немецких слов — об этом в очерке М. Мерше), а дефицит лексики пытались компенсировать заимствованиями из славянских языков. Создатель упомянутого выше пятитомного чешско-немецкого словаря Йосеф Юнгман в авторском предисловии сформулировал следующее, до сих пор актуальное, положение: «Словарь национального языка относится к первейшим потребностям образованного человека».

Авторы не только воссоздают сложную историю становления национальной лексикографии, но и предлагают свое собственное видение причин трудностей этого процесса (в этом смысле показательны очерки сербских лексикографов С. Ристич и Н. Ивановича).

Современная лексикография

Современная лексикография представляет собой направление деятельности, призванное наиболее оперативно реагировать не только на потребности собственно языка и, соответственно, филологии, но и на изменения, происходящие в современной науке, культуре, обществе конкретной страны и — шире — вообще во всем мировом пространстве.

В каждом очерке авторы особое внимание уделяют **крупнейшим национальным проектам**, имеющим большое значение для современного развития языка, культуры и в целом — страны.

Бурные трансформации, происходящие в современном мире, связанные и с **интеграционными процессами**, и с переменами на постсоциалистическом пространстве, побудили (среди прочего) авторов многотомных трудов, первые тома которых появились несколько десятилетий назад, начать работу по серьезной переработке вышедших первых томов (в качестве примера можно привести многотомный академический словарь болгарского языка, первый том которого вышел в 1977 г., таким образом, авторы вынуждены были начать переработку первых восьми томов своей работы). По этому поводу М. Чоролеева пишет: «Особенно большие изменения произошли в дефинировании целых пластов лексики; это касается, например, деидеологизации... отражения изменений в значениях политической, экономической, философской и др. лексики».

Исследователи также отмечают, что, начиная с 1980-х гг. больше внимания стали обращать на разговорную речь и субстандарт, кроме того, выявлена **тенденция к неологизации** в славянских языках. Обращение славянских народов к культурным и историческим традициям как выражению их национальной идентичности вызвало **возвращение в язык устаревших слов**, историзмов и названий народных реалий, которые не нашли отражение в современных словарях. Новые проблемы для составления словника словарей различных типов возникают также в связи с **переходом общенаучной лексики**, многих научных и технических терминов и других пластов специальных названий **в общее употребление**.

Лексикография — это не просто динамично развивающаяся отрасль языкознания, но развивающаяся супердинамично. Одно из следствий этого — **появление новых разновидностей словарей и концептуально новых разработок**. В лексикографии славянских стран достаточно инновационных, готовящихся и реализованных, словарных проектов. В этом смысле показательна лексикография русского языка. Под руководством Ю.Д. Апресяна создан «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» и готовится «Активный словарь русского языка»; под руководством Н.Ю. Шведовой завершается шеститомный «Русский семантический словарь», издан «Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире)», готовятся новые проекты (подробнее — в очерке А.С. Белоусовой); опубликован «Большой орфоэпический словарь русского языка» (авторы: М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин и Р.Ф. Касаткина), который представляет собой сло-

варь нового типа — это базирующийся на новых принципах фундаментальный свод русского литературного произношения; предложены и обоснованы концепции новых словарей (см. очерки Е.С. Копорской, Г.Н. Складневской и др.); необыкновенно активно и типологически разнообразно представлена диалектная лексикография (об этом — см. очерк С.А. Мызникова); бурно развивающаяся авторская лексикография позволяет выделять ее как самостоятельное значимое направление (см. подробнее в очерке Л.Л. Шестаковой). Свежий взгляд на типологию русских словарей — в очерке Л.П. Крысина.

В связи с видоизменением и совершенствованием привычной словарной типологии следует снова, как и в прежние исторические эпохи, отметить процесс **взаимовлияния и взаимообогащения**. Так, для шеститомного «Словаря синтаксической интенции македонских глаголов», работа над которым велась более двадцати лет, в качестве предшествующих трудов и образцов называют немецкий и польский словари: *Gerhard Helbig, Wolfgang Schenkel. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben* — 1969 и “*Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich. Zeszyt próbny*” — 1976 (подробнее — см. очерк Е.В. Верижниковой, посвященный македонской лексикографии). Для чешской лексикографии также новыми в концептуальном отношении (и, соответственно, потребовавшими обращения к теории валентности) стали такие грамматико-синтаксические словари, как «Валентный словарь» — “*Slovesa pro praxi. Valenční slovník nejčastějších českých sloves*” (1997) и «Словарь глагольных субстантивных и адъективных связей» — “*Slovník slovesných, substantivních a adjektivních vazeb*” (2005) (подробнее — см. очерк З. Хладки и О. Мартинцовой).

Для современного этапа взаимовлияния и интеграции в области словарного дела показательна та роль, которую сыграла серия ассоциативных словарей, созданных под руководством Ю.Н. Караулова. Авторы первого сербского проекта ассоциативной лексикографии, успешно реализованного коллективом во главе с П. Пипером в издании «Ассоциативного словаря сербского языка», прямо указывают на корреляцию с «Ассоциативным тезаурусом современного русского языка» (авторы — Ю.Н. Караулов и др.). Развитию ассоциативной лексикографии в Сербии и в других славянских странах посвящен специальный очерк сербских специалистов Р. Драгичевич и М. Стефанович «О славянской ассоциативной лексикографии».

В связи с этим следует отметить как важное достижение славянской лексикографии последних десятилетий **включение материала нескольких славянских языков при создании словарей**, благодаря чему ценность таких трудов неизмеримо возрастает. Если прежде изучение лексического запаса славянских языков составляло методику этимологического анализа славянских языков, то теперь сравнительный подход, примененный к современным славянским языкам, дает совершенно новые результаты (эти вопросы освещаются в разделе «Лексикография славянских языков»).

Взаимное обогащение происходит и за счет **участия ученых славянских и неславянских стран в разработке общих лексикографических проектов**. Ренате

Беленчикова в своем очерке «Славянская лексикография в Германии» особо отметила этот процесс в отношении немецкой и славянской лексикографии: «Многие ученые славянского происхождения работали в немецких университетах и участвовали в создании немецко-славянских и славянско-немецких словарей. В России, в свою очередь, в качестве создателей словарей выступали как русские немцы, так и приглашаемые в Россию немецкие ученые. Без преувеличения можно сказать, что Германия была и остается западноевропейской страной с наиболее богатой славянской лексикографией».

Наряду с демонстрацией реальных достижений, в ходе рассуждения авторы неизбежно выявляют «**белые пятна**» **отечественной лексикографии**, например, чешская исследовательница А. Ярошова так оценивает нынешний уровень состояния словацкой лексикографии: «... Нам не хватает некоторых важных словарей: современного толкового словаря среднего типа или большего объема (шеститомного и более), этимологического словаря, большого фразеологического словаря, словообразовательного словаря и некоторых других». Несколько лет назад М. Мерше называла пробелы и формулировала перспективные задачи: «В число основных задач словенской лексикографии в следующем десятилетии безусловно входит продолжение и завершение уже начатых работ по составлению словарей: словаря новой лексики, словаря синонимов, фразеологического словаря, осовремененного издания “Словаря словенского литературного языка”, необходима подготовка однотомного словаря словенского литературного языка, издание частеречного словаря лексики словенских протестантских писателей XVI в. и словаря литературного языка XVI в., диалектных словарей, малого орфографического словаря и т. д.». Частично эти задачи решены.

Авторы указывают также на **проблемы**, стоящие перед национальной лингвистикой и, соответственно, лексикографией. Одна из них связана с созданием словарей новых слов: «Она [чешская лексикография. — М. Ч.] снова и снова при описании новых слов сталкивается с проблемой: должны ли стандартные словари неологизмов иметь характер дополнений, т. е. должны ли они быть связаны с общими толковыми словарями как по целям и намерениям, так и по использованию лексикографических методов, или же эти труды должны быть особыми самостоятельными словарями». Авторы склоняются в пользу создания специальных словарей неологизмов.

Лексикографы славянских стран особое внимание обращают на необходимость разработки проблем **двуязычной лексикографии**. Соответствующая проблематика также нашла отражение в коллективном труде «Славянская лексикография». Среди достижений последних лет в области двуязычной лексикографии можно назвать такие крупные проекты с неславянской второй частью, как издающийся в Германии большой «Русско-немецкий словарь», который должен включать около 250 000 заголовочных слов (все подробности представила в своем очерке руководитель этого проекта Ренате Беленчикова), а также вышедший в Стокгольме в 2006 г. и затем воспроизведенный в России русско-шведский и шведско-русский словарь, общее

количество слов и словосочетаний обеих частей составляет 141 000 (об этом написала в своем очерке шведская исследовательница Улла Биргегорд).

В качестве показательной тенденции исследователи отмечают нарастание числа двуязычных словарей с английской составляющей.

Кроме того Р. Беленчикова обращает внимание на появление в современном мире **многоязычных сопоставительных словарей**, в которых представлены и славянские языки, таков, например, опубликованный в 2001 г. в Оксфорде Словарь англицизмов, где прослеживается **заимствование англоязычных лексем** в 16 европейских языках⁶.

Решающее влияние на развитие словарного дела в современном мире оказывает **компьютеризация**. По ряду показателей можно думать, что происходит (иногда полагают: уже произошло) прощание с традиционной лексикографией, на смену которой пришла компьютерная лексикография. Это верно для целого ряда показателей словарной работы. Действительно, компьютеризация позволяет облегчить целый ряд рутинных лексикографических операций, которые сильно тормозили подбор материала и процесс подготовки рукописи словаря к печати. Без сомнения, компьютеризация способствует скорости развития этой области лингвистики. Для ряда словарей (и части словарной продукции), особенно претендующих на исчерпывающий характер информации и отражение современного состояния научной мысли, — электронная форма представления материала оказывается оптимальной. Возникли «Компьютерные словари», создающиеся отдельно или параллельно, вместе с традиционным книжным изданием; в некоторых случаях они совпадают информационно и отличаются только формой представления материала; по всеобщему признанию, электронный вариант позволяет успешно реализовывать свои преимущества по сравнению с печатным (о проекте, предполагающем два способа лексикографического описания: книжную и углубленную электронную версии, сообщается в очерке Е.С. Копорской). Издательства стали добавлять к популярным книжным словарям их цифровые аналоги, кроме того, многие словари стали доступны через Интернет. Возникновение **Интернет-лексикографии** и тенденции ее дальнейшего развития позволяют говорить о «начале основательных перемен в пользовании словарями, отходе от их книжных версий» (Т. Питровский), поскольку компьютерные методы дают возможность не только накопить, но систематизировать и обработать неограниченный объем информации, а сочетание того и другого — приводит к совершенно новым результатам.

Кроме того, на смену картотекам, архивам, собраниям, которыми словарники гордятся как национальными сокровищницами языка, **приходят электронные картотеки и архивы** и еще недавно совершенно новое явление — **электронные корпуса**, т. е. электронные собрания текстов. Одним из первых достижений в этой области был Упсальский корпус объемом в 1 миллион словоупотреблений, работа над

---

⁶ Görlach M. Dictionary of European Anglicisms. A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages. Oxford, 2001.

которым осуществлялась с 1987 по 1991 гг.; на базе корпуса под ред. Леннарта Лённгрена был составлен «Частотный словарь современного русского языка», опубликованный в 1993 г. (см. очерк: Улла Биргегорд «Русская лексикография в Швеции»). Практически во всех славянских странах созданы **национальные корпуса**, в некоторых странах их несколько (в каждом очерке указаны электронные адреса). Автор очерка об украинской лексикографии В.В. Дубичинский сообщает о деятельности Украинского языково-информационного фонда (Киев), в котором под руководством В.А. Широкова созданы большие академические орфографический и орфоэпический словари объемом более 100 000 каждый, словарь аффиксальных морфем; активно разрабатываются украинский толковый, синонимический, фразеологический и антонимический словари, а также украинско-иноязычные и иноязычно-украинские электронные словари. На базе Машинного фонда украинского языка составляется новый многотомный толковый словарь украинского языка с реестром не менее 200 000–250 000 слов (планируется подготовить около 20 томов). В другом украинском — харьковском — центре созданы и успешно работают по всей Украине системы автоматического двуязычного перевода. В.В. Дубичинский сообщает, что «система ПАРС оснащена целым комплексом **терминологических компьютерных словарей** почти по всем областям человеческой деятельности (на много десятков тысяч терминов каждый)».

Достижения корпусной лингвистики открывают новые возможности для получения информации. Яркие свидетельства этого представлены в очерке А.А. Поликарпова, работа которого посвящена разработке теоретических положений системного подхода к анализу механизмов лексико-семантического и словообразовательного процессов в языке. По словам А.А. Поликарпова, «именно корпусная организация материала позволяет осознанно планировать и держать под контролем отбираемый материал (как тексты, так и их единицы), а также объективно анализировать, в каком системном соотношении характеристики неологического материала находятся с остальными лексическими данными корпуса». Это исследование имеет дополнительное значение в связи с указанной выше **тенденцией к неологизации** в славянских языках.

Процессы **интеграции** требуют создания новых **терминологических словарей**, особенно — многоязычных. Так, в Словакии лексикографические проекты по созданию баз данных осуществляются при поддержке Европейской комиссии (например, «Терминологический словарь и глоссарий из области социальной защиты» — “Terminologický slovník a glosár z oblasti sociálnej ochrany”. Программа Консенсус, 2000 и «Многоязычный мультимедийный словарь окружающей среды и научных дисциплин, касающихся изучения Земли» — “Viacjazyčný multimedialný slovník životného prostredia a vedných disciplín týkajúcich sa Zeme”. Программа Леонардо да Винчи, 2005).

Вместе с тем процессы интеграции и глобализации имеют не только положительные стороны, но некоторые ее последствия могут вызывать тревогу за состояние родного языка. Лексикографы-слависты призывают в этих условиях брать

на себя функцию не только хранителей, но охранителей родного языка. В очерке Б. Тафры и Ж. Финк-Арсовски об этом сказано следующим образом: «Лексикография более старшего периода создавала хорватский язык, ища соответствующие отечественные эквиваленты для иноязычных слов, а современная в условиях мировой глобализации должна оберегать язык от потери своих слов и все большего проникновения английской лексики».

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что в результате проделанной работы создан значительный по объему обобщающий труд, который, хотелось бы надеяться, послужит новым стимулом не только для плодотворного развития лексикографии славянских языков, но и для дальнейшего взаимного обогащения словарного дела во всех славянских государствах.

* * *

В заключение хочу выразить благодарность всем лексикографам из славянских и неславянских стран, принявшим активное участие в подготовке международной коллективной монографии «Славянская лексикография», а также коллегам из Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, многие годы оказывавшим мне дружескую поддержку.

*М.И. Чернышева (Россия),
председатель Комиссии по лексикологии
и лексикографии при МКС*

Часть 1

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ
В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ**

В.К. ЩЕРБИН
(Минск, Белоруссия)

БЕЛОРУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Периодизация истории белорусской лексикографии

Рассмотрение белорусской лексикографии в столь широкой исторической перспективе — от XI–XIII вв. до настоящего времени — с необходимостью предполагает использование детализированной периодизации истории словарного дела Белоруссии, которая позволила бы эксплицировать динамику изменения (от периода к периоду) состава выполняемых белорусской лексикографией функций и перечня формируемых в ее рамках словарных направлений. Созданные ранее варианты периодизации истории белорусской лексикографии не могли нас удовлетворить по следующим причинам:

а) в отдельных вариантах периодизации охватывается только часть такой истории продолжительностью в одно-два столетия¹;

б) отдельные варианты периодизации носят слишком общий характер, поскольку в них выделяется, как правило, не более двух периодов (например, довоенный и послевоенный периоды², период ручной лексикографии и период машинной лексикографии³ и т. д.). В силу своего чересчур общего характера подобные варианты периодизации, на наш взгляд, не имеют большой объяснительной силы при рассмотрении истории белорусской лексикографии;

в) набор критериев, использованных при разработке отдельных вариантов периодизации, носит эклектический характер, поскольку в его состав входят как собственно лингвистические, так и экстралингвистические критерии⁴;

г) отдельные варианты периодизации носят узкотематический характер, охватывая историю только отдельных словарных направлений и выражая при этом их национальную специфику. Например, А.А. Кривицкий выделяет в истории белорусской диалектной лексикографии три основных этапа: 1) этнографический, 2) этно-

---

¹ Гуліцкі М.Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.). Мн., 1978. С. 5.

² Лобан М.П. Сучасны стан беларускай лексікаграфіі і задачы яе развіцця // Навуковая канферэнцыя па пытаннях лексікалогіі і лексікаграфіі. Тэзісы дакладаў. Мн., 1963. С. 1.

³ Лобан М.П. Пяць раніц тыдня: Эсэ, асацыяцыі, артыкулы. Мн., 1984. С. 66.

⁴ Элементы эклектики можно отметить, к примеру, в варианте словарной периодизации М.Ф. Гулицкого: «Учитывая общественно-политические условия, в которых жил белорусский народ, состояние филологической науки, цель собирания и обработки лексических материалов, характер деятельности и уровень квалификации исследователей, количество, качество и ценность подготовленных материалов, в истории белорусской лексикографии новой эпохи можно отчетливо выделить два периода: белорусская лексикография первой половины XIX столетия и белорусская лексикография второй половины XIX – начала XX столетия» (См.: Гуліцкі М.Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.). С. 5).

лингвистический, 3) собственно диалектографический⁵. Для сравнения: Ф.П. Сороколетов и О.Д. Кузнецова разбивают историю русской диалектной лексикографии на четыре этапа: 1) начальный (собираТЕЛЬский); 2) этап становления собственно диалектной лексикографии; 3) классический период русской диалектной лексикографии; 4) современный этап⁶.

Изучение существующих вариантов периодизации истории белорусской лексикографии не позволило нам выявить среди них приемлемого для данного исследования варианта. Поэтому поиск такого варианта словарной периодизации был продолжен нами на материале зарубежных металексикографических работ. Как показало знакомство с этими работами, многие из представленных в них вариантов периодизации истории словарного дела тоже не лишены тех недостатков, которые характерны для существующих вариантов периодизации истории белорусской лексикографии.

К примеру, ряд предложенных российскими исследователями вариантов словарной периодизации носит слишком общий характер, поскольку в них история мировой лексикографии делится всего на два периода — эксплицирующий и кодифицирующий этапы⁷, на эпоху авторских словарей и эпоху коллективных словарей⁸. Иная крайность (формальная разбивка словарной истории по столетиям нашей эры) наблюдается в варианте словарной периодизации, представленном в коллективной монографии «История русской лексикографии» (СПб., 1998): 1) древний период (XI–XVII вв.); 2) лексикография XVIII века; 3) лексикография XIX века; 4) лексикография XX века⁹.

В результате критического анализа содержания нескольких десятков вариантов периодизации истории словарного дела, созданных металексикографами разных стран, в качестве наиболее приемлемого для нашего исследования был избран функциональный вариант словарной периодизации, разработанный В.Г. Гаком. Данный вариант периодизации носит достаточно универсальный характер, а потому может быть использован для описания (в том числе) и истории белорусской лексикографии. В.Г. Гак излагает суть созданной им функциональной периодизации следующим образом: «В развитии форм практич. лексикографии у разных народов выделяются 3 сходных периода. 1) **Дословарный период**. Осн. функция — объяснение малопонятных слов: *глоссы* (в Шумере, 25 в. до н.э., в Китае, 20 в. до н.э., в Зап. Европе, 8 в. н.э., в России, 11 в.), глоссарии (сб-ки глосс к отд. произведениям или авторам, напр. к Ведам, 1-е тыс. до н.э.; к Гомеру, с 5 в. до н.э.), вокабуларии (сб-ки слов для учебных и др. целей, напр. трехязычные шумеро-аккадо-хеттские таблички, 14–

---

⁵ *Крывіцкі А.А.* Тры этапы фарміравання беларускай дыялектнай лексікаграфіі // 3 народнага слоўніка. Мн., 1974. С. 15.

⁶ *Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. С. 4–5.

⁷ *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 227–229.

⁸ *Уваров В.Д.* Субъективное и объективное в словаре (Из опыта итальянской лексикографии) // Переводная и учебная лексикография. М., 1979. С. 49. См. также: *Ступин Л.П.* Словари современного английского языка: учеб. пособие. Л., 1973. С. 24–34; *Салохиддинов Г.С., Карпович А.Е.* Английская и американская лексикография: учеб. пособие / Отв. ред. Л.П. Ступин. Самарканд, 1979. С. 10–25.

⁹ История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. 2-е изд. СПб., 2001. С. 609–610.

13 вв. до н.э., списки слов по тематич. группам в Египте, 1750 до н.э., и др.). 2) **Ранний словарный период.** Осн. функция — изучение лит. языка, отличного у мн. народов от разг. речи: напр., одноязычные лексиконы санскрита (6–8 вв.), др.-греч. языка (10 в.); позднее — переводные словари пассивного типа, где лексика чужого языка толкуется с помощью слов нар. языка (араб.-перс., 11 в., лат.-англ., 15 в., церк.-слав.-рус., 16 в., и др.), затем переводные словари активного типа, где исходным является нар. язык (франц.-лат., англо-лат., 16 в., рус.-лат.-греч., 18 в.), а также двуязычные словари живых языков. Первые словари типа толковых создаются в странах с иероглифич. письменностью (Китай, 3 в. до н.э., Япония, 8 в.). 3) **Период развитой лексикографии,** связанный с развитием нац. лит. языков. Осн. функция — описание и нормализация словарного состава языка, повышение языковой культуры общества: толковые словари, многие из к-рых составляются гос. академиями и филологич. об-вами (итал. словарь Академии Круска, 1612, словарь Рос. Академии, 1789–94, и др.), появляются также синонимич., фразеологич., диал., терминологич., орфографич., грамматич. и др. словари»¹⁰.

Вместе с тем, объяснительные возможности изложенной выше функциональной периодизации истории мировой лексикографии, на наш взгляд, значительно расширятся, если дополнить ее, выделив еще один период в истории современного словарного дела — период научной лексикографии. Основаниями для выделения такого дополнительного периода служит быстрое развитие в последней трети XX в. теоретической лексикографии (или металексикографии) и подчеркнутое внимание лексикографов разных стран к отражению национального видения научной картины мира в специальных словарях разных типов (терминологических справочниках, энциклопедиях, классификаторах, рубрикаторах, дескрипторных словарях, информационно-поисковых тезаурусах, концептуариях и др.), количество которых в последние годы стремительно растет.

В мировой металексикографической литературе можно найти и другие аргументы в пользу выделения периода научной лексикографии. В частности, редакторы трехтомной международной энциклопедии «*Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires*» (Берлин; Нью-Йорк, 1989–1991) считают, что быстрый рост удельного веса специальных словарей и справочников в составе национальных лексикографий разных стран мира, а также неуклонное повышение требований к научному обеспечению традиционной словарной деятельности, дают основания для выделения двух основных ветвей современного словарного дела — научной лексикографии и ненаучной лексикографии: «В наше время существуют две ветви лексикографии: научная и ненаучная. Эти две ветви могут быть разграничены, несмотря на широкие области совпадений между ними. Ненаучная лексикография является культурной практикой, которой можно овладеть самостоятельно; научная лексикография является культурной и научной практикой с сильным и во многом независимым теоретическим компонентом; она в достаточно большой степени подвержена влиянию внешних по

---

¹⁰ Так В.Г. Лексикография // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 258.

отношению к ней теорий, а также предполагает наличие научного образования у тех, кто в ней участвует»¹¹.

Опираясь на изложенные выше отечественные и зарубежные подходы к построению периодизации истории словарного дела, нами были выделены в истории белорусской лексикографии следующие четыре периода ее развития: 1) дословарный период, 2) ранний словарный период, 3) период развитой лексикографии и 4) период научной лексикографии. Особо отметим тот факт, что между указанными периодами нет точной временной границы, а существуют достаточно продолжительные (от 2–3 до 5–6 десятилетий) переходные зоны.

1.1. Дословарный период

Хронологические рамки первого (дословарного) периода в развитии словарного дела Белоруссии, на наш взгляд, охватывают почти пять столетий (XI–XVI вв.). Хотя отдельные исследователи ведут историю белорусской лексикографии не с XI в., когда на территории Белоруссии начала распространяться письменность и тесно связанная с ней практика глоссирования непонятных слов, а с более поздних времен. Так, зарубежный белорусовед Р. Максимович считает, что «начала белорусской лексикографии и словарей теряются в эпохе рукописной письменности XIII–XV вв., когда переписчики книг стали давать то ли в тексте, то ли на полях страниц, свои пояснения непонятных слов»¹². Еще ближе к современности относит начало словарного дела Белоруссии член-корр. АН БССР М.Р. Судник: «Сравнительно давно зародилась словарная работа и у белорусского народа, во всяком случае не позднее XVI в. Это подтверждают глоссы Г. Скорины, словари-приточки и «Лексис» Л. Зизания, изданный в Вильно в 1596 г.»¹³.

На наш взгляд, с подобными утверждениями нельзя согласиться, поскольку в соответствии с требованиями наиболее универсальной на сегодняшний день функциональной периодизации истории лексикографии многие упомянутые Р. Максимовичем и М.Р. Судником белорусские словарные реалии относятся ко второму (раннему словарному) периоду развития лексикографической деятельности в Белоруссии. Показательно, что в более поздних своих работах М.Р. Судник тоже придерживается указанной функциональной периодизации истории словарного дела¹⁴. Более последовательную позицию в данном вопросе занимает известный исследователь истории белорусского языка А.И. Журавский, который считает, что практика глоссирования, с которой хронологически совпадает дословарный период развития отечественной лексикографии, имеет значительно более продолжительную

---

¹¹ Hausmann F.J., Reichmann O., Wiegand H.E., Zgusta L. Preface // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires: An International Encyclopedia of Lexicography. Vol. 1. Berlin; New York, 1989. P. XVI.

¹² Записы БНІМ. Кн. 3. Мюнхэн, 1964. С. 243.

¹³ Суднік М.Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. Вып. IV. Мн., 1957. С. 63.

¹⁴ Суднік М.Р. Лексікаграфія // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Т. 3. Мн., 1986. С. 217–218.

историю и, скорее всего, берет начало в первых рукописных книгах восточных славян (т. е. с XI в.). По мнению последнего, «интерпретация иноязычных и устаревших слов при помощи глосс была известна уже памятникам древнерусской письменности»¹⁵.

Как свидетельствует само название первого (дословарного) периода истории белорусской лексикографии, в рамках этого этапа были выработаны только отдельные элементы будущих словарей белорусского языка. В отличие от большинства европейских стран, где функции конфессионального языка выполнял латинский язык, основным средством распространения христианства на восточнославянском языковом пространстве стал старославянский (церковнославянский) книжно-письменный язык. По подсчетам П.Н. Денисова, в XI–XIII вв. на Руси было почти 10 тысяч церквей и 200 монастырей, в которых только для обеспечения религиозных служб использовалось около 100 тысяч церковнославянских книг¹⁶. Однако, несмотря на значительную близость старославянского и общевосточнославянского (древнерусского) языка того времени, далеко не все церковнославянизмы в этих книгах были понятны для наших далеких предков. Поэтому на полях и прямо в тексте между строк рукописных книг восточнославянские переписчики (ими чаще всего были монахи) помещали так называемые *глоссы* — переводы и описательные толкования непонятных старославянских, византийских, греческих и других заимствованных слов при помощи лексических, грамматических, словообразовательных и иных средств местного варианта общевосточнославянского языка.

К примеру, только белорусский первопечатник Франциск Скорина путем глоссирования истолковал непосредственно в тексте и на полях изданных им книг около 200 непонятных слов, в том числе старославянские названия отдельных животных, птиц, растений, музыкальных инструментов, географических и других понятий: *онагри* — лоси, *горлица* — сивоворонка, *пажить* — былие, *тимпань* — бубень, *холмы* — узгорки, *астрономия* — звездочеты и т. д. Еще более совершенные глоссы, имеющие вид развернутых толкований церковнославянских слов с соответствующими этимологическими сведениями об их происхождении, содержатся в «Евангелии» известного деятеля белорусской реформации Василия Тяпинского (всего 210 глосс), в «Баркулабовской летописи», в «Венце веры» Симеона Полоцкого и во многих других рукописных и печатных книгах того времени. Именно многочисленность и разнообразие глосс, выявленных в древних рукописях и старопечатных книгах восточных славян, подтолкнули отечественных исследователей к мысли о необходимости изучения этих глосс в качестве «лексического материала первого, подготовительного, этапа в истории белорусской лексикографии»¹⁷. Со временем практика глоссирования непонятных слов в древних восточнославянских памятниках письменности стала однозначно квалифицироваться белорус-

---

¹⁵ Жураўскі А.І. Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. Мн., 1960. С. 213.

¹⁶ Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 149.

¹⁷ Жураўскі А.І. Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага. С. 213.

скими исследователями в качестве разновидности лексикографической деятельности¹⁸.

Таким образом, основной функцией белорусской лексикографии в дословарный период ее развития было объяснение непонятных или малопонятных слов при помощи глосс. Причем переписчиками древних рукописей и первопечатниками использовались для этого самые разные приемы глоссирования. В частности, современными исследователями выявлен на материале древних рукописей и первых печатных книг восточных славян целый ряд типов и видов глосс, а также способов их использования для толкования непонятных и малознакомых слов.

Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров «различают два вида глоссирования: маргинальное (на полях рукописи) и интерлинейное (между строчками текста рукописи)»¹⁹. В свою очередь, А.И. Журавский считает, что на 62-х уцелевших листах «Евангелия», переведенного и опубликованного около 1570 г. белорусским писателем-гуманистом В. Тяпинским, «можно условно выделить следующие четыре вида глосс: толковые, текстологические, этимологические и ссылочные. Однако некоторые из глосс этого памятника заключают в себе одновременно признаки нескольких из отмеченных видов. Часто, например, Тяпинский толкует значение какого-либо слова и вместе с тем указывает на его происхождение, а также отмечает смысловое расхождение с другими источниками. При отнесении таких глосс к тому или иному типу необходимо учитывать их основные, самые существенные признаки»²⁰.

На наш взгляд, в качестве таких наиболее существенных признаков должны рассматриваться структурное строение глосс и речевые функции, выполняемые ими в тексте древних рукописей и первых печатных книг. Совокупностью структурных элементов, из которых состоят глоссы, и выполняемых этими глоссами речевых функций как раз и определяется тот или иной способ глоссирования непонятных слов, который в следующем (раннем словарном) периоде развития лексикографии положил начало тому или иному способу лексикографирования языкового материала, а соответственно и тому или иному типу словаря.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пишут об одном из таких способов глоссирования следующее: «Среди приемов глоссирования отметим прежде всего эквиваленцию, т. е. отождествление непонятого слова (или выражения) с понятным, отсылку к нему. Лексикографический прием эквиваленции лежит в основе создания двуязычных, переводных словарей, а также в основе синонимических замен и частично отсылок в одноязычных словарях»²¹. Прием эквиваленции был одним из основных в первоначальный период развития практики глоссирования непонятных слов. А.И. Журавским к этому периоду относятся «однословные глоссы предшествующих и даже позднейших переводчиков, которые каждое устаревшее или

---

¹⁸ *Анічэнка У.В.* Лексікаграфічная дзейнасць Скарыны // Питання східнослов'янської лексикографії XI–XVII ст.: Матеріали симпозіуму. К., 1979. С. 58–64.

¹⁹ *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. С. 221.

²⁰ *Жураўскі А.І.* Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага. С. 216.

²¹ *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. С. 222.

зайствованное слово текста обычно толковали на полях книги одним эквивалентным словом белорусского языка того времени. Однословными в большинстве своем являются глоссы Г. Скорины... Из памятников позднейшего времени однословные глоссы отмечены в “Апокрисисе” Х. Филолета, переведенном с польского языка и изданном в 1599 г. ...Однословные глоссы встречаются и в рукописной “Александрии” начала XVII в.»²².

Несколько позднее в практике глоссирования непонятных слов получил распространение «прием толкования (последовательного определения понятийного содержания слова)»²³, который основывался на многословном описании семантики означаемого слова и который позднее (в период развитой лексикографии) стал доминантным лексикографическим параметром среди трех десятков самых разных параметров, используемых в современных толковых словарях. Использование приема толкования в процессе глоссирования непонятных слов наиболее характерно для «Евангелия» В. Тяпинского: «Глоссы этого памятника в подавляющем большинстве представляют собой целые предложения и даже небольшие оформленные по смыслу статьи»²⁴. Отчетливый дефиниционный характер содержащихся в данном памятнике глосс дал основания А.И. Журавскому назвать их *толковыми глоссами*.

Причину появления в тексте «Евангелия» В. Тяпинского толковых глосс А.И. Журавский объясняет следующим образом: «Толковыми глоссами в рассматриваемом памятнике сопровождаются обычно слова, которые обозначают предметы и понятия, неизвестные в древности белорусам. Само евангелие, как известно, было составлено во II–III вв. н.э. на Ближнем Востоке, и вполне естественно, что в нем нашли определенное отражение явления, понятия и предметы, специфические для тогдашних жителей этой местности. При переводе этого произведения на другие языки в переводы сознательно переносились и слова, связанные с обозначением таких специфических предметов и понятий. Эти слова, как и некоторые собственные имена и географические названия, в дальнейшем и стали предметом толкования многочисленных комментаторов евангельского текста»²⁵.

Еще одним способом глоссирования в старобелорусских письменных памятниках стало текстологическое толкование (Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют его *приемом контекстного изъяснения*²⁶) непонятных слов при помощи специально подобранных вариантов определенного фрагмента текста. А.И. Журавский пишет о причинах использования В. Тяпинским при переводе «Евангелия» на белорусский язык таких *текстологических глосс* следующее: «...наиболее близкими по значению к толковым являются текстологические глоссы. Ими сопровождаются также оба текста, однако большая их часть приходится на церковнославянский текст. При переводе евангелия на белорусский язык Тяпинский пользовался, как извест-

---

²² Жураўскі А.І. Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага. С. 214–215.

²³ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. С. 222.

²⁴ Жураўскі А.І. Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага. С. 214.

²⁵ Там же. С. 216.

²⁶ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. С. 222.

но, различными источниками — апракосом и другими редакциями церковнославянских переводов, московским печатным евангелием второй половины XVI в. и польскими изданиями этого произведения. Стремясь более точно передать смысл оригинала и внимательно изучая имеющиеся источники, Тяпинский выявлял некоторые текстовые расхождения между отдельными церковнославянскими редакциями этого произведения. В таких случаях переводчик вносил в церковнославянский текст своего евангелия варианты, которые казались ему наиболее подходящими, а разночтения других источников отмечал на полях соответствующими глоссами»²⁷. Сегодня контекстное изъяснение или, говоря языком современной лексикографии, иллюстрация реестрового слова является неотъемлемым компонентом словарной статьи в таких типах белорусских лексикографических изданий, как толковые, исторические словари, конкордансы, словари языка писателя и др.

Весьма специфическим способом глоссирования можно считать помещение в тексте древнего письменного памятника этимологической справки о происхождении непонятого слова. Этот способ глоссирования обычно сочетался с другими, но мог использоваться и самостоятельно. К примеру, в тексте «Евангелия» В. Тяпинского представлены все возможные варианты использования данного способа глоссирования: «В толковых и текстологических глоссах, как мы видели, давались порой и этимологические справки о происхождении некоторых слов. Вместе с тем в рассматриваемом памятнике есть значительное количество и собственно этимологических глосс, в которых отмечается только, из какого языка происходит то или иное слово. Среди слов иноязычного происхождения выделяются прежде всего слова греческого и еврейского языков»²⁸. Со временем практика написания таких *этимологических глосс* развилась до такой степени совершенства, а их количество увеличилось настолько, что уже в XIX в. стало возможным составление белорусских этимологических словарей²⁹, а также словарей иностранных слов и заимствований.

Четвертым типом глосс, выделенным А.И. Журавским на материале вышеупомянутого памятника, являются *ссылочные глоссы*, которые отсылают читателя к предшествующим толкованиям непонятого слова при помощи глосс других типов: «Ссылочными глоссами в “Евангелии” В. Тяпинского сопровождаются слова, толкование которых было дано на предшествующих страницах памятника. Эти глоссы обычно выражаются словами “гледі о томъ слове вышей” или “гледі о тыхъ словахъ вышей” с указанием предшествующей главы и стиха, где соответствующее слово уже было растолковано»³⁰. При этом речевые функции таких ссылочных глосс в указанном памятнике были достаточно разнообразными: «Ссылками на предшествующий текст обеспечены не только непонятные слова, но и текстовые расхождения, если они встречаются в памятнике несколько раз»³¹. В современных белорусских словарях разных типов ссылки на другие словарные статьи являются широко

---

²⁷ Жураўскі А.І. Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага. С. 219.

²⁸ Там же. С. 222.

²⁹ Трусман Г. Этимология местных названий Витебской губернии. Ревель, 1897.

³⁰ Жураўскі А.І. Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага. С. 223.

³¹ Там же. С. 224.

используемым приемом лексикографирования. Однако, как было показано выше, свои истоки этот словарный прием берет в древнерусской практике глоссирования непонятных слов.

Отдельными исследователями старобелорусских письменных памятников подробно описаны и другие типы глосс. К примеру, В.В. Аниченко в результате изучения скорининских глосс в тексте пражского издания Псалтыря выделил, помимо толковых глосс, еще и такой их тип, как «грамматические глоссы, которые подаются в одинаковых с текстом формах»³². После соответствующей трансформации, которой грамматические глоссы Ф. Скорины и других белорусских просветителей подвергались в последующие столетия, они дошли до нашего времени в виде разнообразных грамматических помет, которые широко используются в грамматических словарях разных типов (словарях трудностей, глагольного управления и др.), а также в толковых, переводных, орфографических, орфоэпических, терминологических и других словарях белорусского языка.

Обобщая сказанное выше о различных типах и видах глосс, приемах и способах их использования в древних рукописях и первых печатных книгах восточных славян, можно сделать вывод, что практически все приемы дословарной, текстовой семантизации лексики, которые были выработаны в течение многовековой практики глоссирования непонятных и малопонятных слов, сегодня широко используются белорусскими лексикографами в своей практической словарной работе. В частности, *прием эквиваленции* является, пожалуй, наиболее распространенным средством семантизации реестровых слов в таких типах словарей, как переводные (двуязычные и многоязычные), синонимические и др. *Прием толкования* лежит в основе создания толковых, энциклопедических, терминологических, исторических, диалектных и других словарей. *Прием контекстного изъяснения* слова (путем включения его в контекст литературной цитаты, пословицы, поговорки, специально созданного лексикографом типового предложения) выступает одним из ключевых лексикографических параметров в справочных изданиях таких типов, как толковые, исторические словари, конкордансы, словари языка писателя и др. *Прием этимологизации* реестрового слова является доминантным лексикографическим параметром в этимологических словарях, а также широко употребляется в исторических словарях, словарях иностранных слов и заимствований, в больших толковых словарях академического типа. Использование *приема ссылки* на другие словарные статьи характерно едва ли не для каждого современного справочного издания. Наконец, *прием определения грамматического статуса* реестровой единицы является неотъемлемым атрибутом грамматических словарей разных типов, а также входит в число часто используемых параметров в таких типах словарей, как толковые, переводные, орфографические, орфоэпические, учебные и др.

Таким образом, основными итогами дословарного периода развития белорусской лексикографии стали следующие: а) в течение многовековой практики глоссиро-

---

³² Анічэнка У.В. Лексікаграфічная дзейнасць Скарыны. С. 62.

вания непонятных слов были выработаны разнообразные приемы дословарной, текстовой семантизации лексики письменных памятников, которые впоследствии получили статус отдельных лексикографических параметров в справочных изданиях разных типов; б) исторически сложилась специфическая разновидность лексикографической деятельности, которая в работах разных исследователей получила название текстовой лексикографии³³, несловарной лексикографии³⁴, глоссографии³⁵.

Последний термин (*глоссография*), помимо современного широкого значения ‘дословарная разновидность лексикографической деятельности, практика глоссирования’, имел в средние века другое, более конкретное значение: ‘сборник глосс, глоссарий, словарь’³⁶. Наличие у данного термина двух указанных значений, связанных между собой определенным отношением к глоссам, дало основания отдельным исследователям для отнесения рукописных глоссариев к дословарному периоду развития лексикографии³⁷. Хотя более логичным, на наш взгляд, было бы относить глоссарии к раннему словарному периоду, поскольку им присущ главный конститутивный признак словарной литературы — фрагментарность содержания.

В пользу данного вывода можно привести весьма показательное рассуждение Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова об условности границы между глоссариями и словарями: «Если выписки-глоссы одного источника собрать вместе и как-то организовать их, то возникла бы книга, содержательно эквивалентная отраслевой энциклопедии; если же свести вместе глоссы разных источников, то возникла бы книга, содержательно аналогичная универсальной энциклопедии. Ярчайшим и нагляднейшим примером становления словаря на базе соединения опыта энциклопедических выписок и глоссирования является знаменитый Лексикон Свиды, созданный в Византии в X в., который может считаться родоначальником алфавитной организации справочного материала»³⁸. По указанным выше соображениям рукописные глоссарии восточных славян относились нами к раннему словарному периоду развития белорусской лексикографии.

1.2. Ранний словарный период

Ранний словарный период развития белорусской лексикографии, на всем протяжении которого ее основной функцией было описание лексико-фразеологического богатства общевосточнославянского языка и национального языка белорусов пу-

---

³³ Hausmann F.J., Reichmann O., Wiegand H.E., Zgusta L. Preface. P. XX; Ковтун Л.С. Языкознание у восточных славян в XI–XV вв. // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. СПб., 1991. С. 182.

³⁴ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. С. 222.

³⁵ Суднік М.Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары. С. 93; Німчук В.В. Глоссографія // Українська мова. Енциклопедія. К., 2000. С. 90–92.

³⁶ См., например: *Thomes Blount. Glossographie or a Dictionary, Interpretive the Hard Words of Whatsoever Language, now used in our refined English Tongue.* London, 1681; *Kopitar Bartholomaeus. Hesychi Glosso-graphi discipulus.* Vindobonae, 1839.

³⁷ Гак В.Г. Лексикография. С. 258.

³⁸ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. С. 225.

тем составления переводных и одноязычных словарей, охватывает почти четыре столетия (XVI – вторая половина XIX вв.). В указанные хронологические рамки уместились как рукописные восточнославянские глоссарии и словари XVI в. — ономастиконы, приточники, произвольники, разговорники, лексиконы, лексисы, азбуковники и др., — так и первые печатные словари восточных славян конца XVI – первой половины XVII вв.: «Лексис» Л. Зизания Тустановского (1596), «Лексикон» П. Берынды (1627) и др., и даже более разнообразные по своим жанровым характеристикам собственно белорусские словари первой половины XIX в.: диалектные словари К.Ф. Калайдовича, Ф.С. Шимкевича, П.М. Шпилевского и др., исторические словари старобелорусского языка И.И. Григоровича, И.И. Новицкого, М.И Горбачевского, И.И. Носовича и др. Вполне естественно, что созданные на протяжении нескольких столетий словарные работы существенно отличались друг от друга как по объему и языковой принадлежности реестровой лексики, так и по принципам своего составления.

К примеру, объем первых рукописных восточнославянских глоссариев и словарей по количеству реестровых слов был относительно небольшим в сравнении с более поздними словарями — от нескольких десятков до нескольких сотен непонятных слов толковались в таких словариках. История отечественной лексикографии сохранила до нашего времени сведения о рукописном «Лексиконе» известного белорусского просветителя Сымона Будного, подготовленном им где-то между 1560–1593 годами; о «Лексисе с толкованием славенских мов просто», рукопись которого была вложена в Острожскую «Библию» (1581) Ивана Федорова; о рукописном переводном словарике на 91 реестровое слово, который содержится в супрасльском «Измарагде» (1593) Ивана Проскуры, и о некоторых других восточнославянских рукописных глоссариях и словарях: «Речь жидовськаго языка» (XIII в.), «Толкование неудобь познаваемом в писаных речемь» (XIV в.), «Толк о неразумных словесех» (XV в.) и др. Стоит отметить и тот факт, что появление и быстрое распространение на территории Восточной Славии рукописных глоссариев и словарей приходится на период наивысшего расцвета рукописного книгописания у восточных славян. В конечном итоге эта широко распространенная в XVI в. практика составления рукописных глоссариев и словарей подготовила все необходимые условия для появления первых печатных словарей восточных славян.

Так, уже в 1596 г. в качестве приложения к изданному в Вильно церковнославянскому букварю был напечатан «Лексис, сиречь Речения, вькратъце събранны. И из словенскаго языка на просты русский диялект истолкованы» Лаврентия Зизания Тустановского. «Лексис» стал первым печатным словарем на территории Восточной Славии. Он вобрал в себя многие глоссы Ф. Скорины, а также словарные материалы из рукописного глоссария (при Новгородской Кормчей 1285–1291 гг.) и еще одного «новгородского словарика того же типа, дошедшего до нас в нескольких списках (древнейший из них — 1431 г.)»³⁹, из «Лексиса с толкованием славенских мов просто» и многих других рукописных глоссариев и словарей того времени. Всего

---

³⁹ Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 211.

же в «Лексисе» Лаврентия Зизания насчитывается 1061 реестровое слово и по своему объему он значительно превосходит рукописные глоссарии и словари.

Уже из самого названия словаря видно, что, как и в предшествующих ему рукописных глоссариях и словарях, главным объектом толкования в нем были церковнославянские слова. В целом же в «Лексисе» Лаврентия Зизания представлена тематически более разнообразная лексика в сравнении с рукописными глоссариями и словарями. Кроме того, от последних он отличается и более совершенными толкованиями непонятных слов. Так, для более точной передачи разных значений одного и того же церковнославянизма Лаврентий Зизаний нередко использует целую цепочку синонимичных по содержанию старобелорусских, староукраинских и старорусских слов: «*молва* — гомонь, гук от молвы людской, окрик, и тыж тревога»⁴⁰. Встречаются в «Лексисе» и развернутые толкования непонятных слов: «*зефирь* — ветер вдячны, от полудня веючий»⁴¹; «*трудолюбие* — коханься в працы»⁴². Попадают в нем и отдельные гнезда родственных слов: «*злоба* — злость; *злюбивый* — злостливый; *злодейство* — злость; *злонравный* — злого обычаю»⁴³.

Именно высокими словарными качествами «Лексиса» Лаврентия Зизания объясняется его широкая популярность у восточнославянских книжников того времени: об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на него в рукописях и первых печатных книгах белорусских, русских и украинских авторов XVI–XVII вв. Как необычайно интересный памятник восточнославянской лексикографии, «Лексис» Лаврентия Зизания неоднократно переиздавался в последующие столетия по инициативе отечественных исследователей М. Возняка, И. Сахарова, Я. Рудничего, А. Яскевич и др.

Еще более полным по количеству включаемых реестровых слов и более совершенным по уровню их лексикографической обработки является второй печатный словарь восточных славян — «Лексиконъ славеноросскій и именъ Тлъкование» (1627), составленный и изданный выдающимся украинским лексикографом Памвой Берындой. Реестр этого словаря насчитывает 6982 лексические единицы, в том числе более 4000 церковнославянизмов, около 2000 иноязычных заимствований и несколько сотен местных (старобелорусских и староукраинских) слов. Чтобы собрать такое невероятно большое по тем временам количество непонятных и малопонятных слов, Памва Берында совершил настоящий лексикографический подвиг — за 30 лет работы над своим «Лексиконом» он обработал и затем использовал в качестве его текстовых источников множество разнообразных письменных памятников того времени.

Результатом многолетней составительской работы Памвы Берынды стало включение им в состав «Лексикона» многочисленных глосс Ф. Скорины и многих дру-

---

⁴⁰ Лексис сиречь реченія вькратыце събранны. И из славенскаго языка на просты рускій діалектъ истолкованы. Л.З. // Старабеларускія лексіконы / Уклад. А.А. Яскевіч. Мн., 1992. С. 32.

⁴¹ Там же. С. 29.

⁴² Там же. С. 40.

⁴³ Там же. С. 29.

гих восточнославянских просветителей того времени, а также словарные материалы из рукописных глоссариев и словарей, из печатных справочников — из «Лексиса» Лаврентия Зизания, «Толкования имен по алфавиту» Максима Грека и других словарных изданий восточных славян. Кроме того, Памвой Берындой была отображена непонятная и малопонятная лексика из многих десятков восточнославянских рукописей и старопечатных книг XVI–начала XVII вв., а также из западнославянских, византийских и западноевропейских письменных памятников⁴⁴.

При этом в отличие от авторов предшествовавших восточнославянских словарей Памва Берында приводил почти для каждого реестрового слова его адресатные характеристики: из какого письменного источника и из какой его части взято данное слово. Точная паспортизация реестровой лексики в «Лексиконе» Памвы Берынды сближает данный справочник со «Словарем английского языка» (1755) знаменитого английского лексикографа Сэмюэля Джонсона, который ввел в мировую лексикографическую практику принцип авторизации реестрового слова при помощи так называемых оправдательных цитат из авторитетных литературно-письменных источников⁴⁵. Новаторским для того времени было и приведение для многих реестровых слов в «Лексиконе» иноязычных лексических параллелей с соответствующими этимологическими сведениями: *Петель*: чески и руски, когоут. Волынски, пень. Литовски, петух.

Ярким свидетельством того, что изданный в Киеве «Лексикон» Памвы Берынды играл весьма существенную роль в обеспечении словарных запросов всех восточных славян того времени, является его переиздание в 1653 г. в типографии Кутеинского монастыря около белорусского города Орша. Причем значительная часть тиража Кутеинского издания «Лексикона» оказалась в России, о чем свидетельствует его наличие в описях многих русских библиотек середины XVII в. Отдали дань уважения словарю Памвы Берынды и книгоиздатели XX в.⁴⁶.

Наряду с «Лексисом» Лаврентия Зизания и «Лексиконом» Памвы Берынды, определенным спросом среди восточных славян пользовались и другие словари того времени — «Синонима славеноросская»; «Лексеконъ вкротце албо речникъ выборних речей к словенщизне закрытых» (1660); рукописный белорусско-латинско-польский словарь, который послужил источником для московского «Лексикона трехязычного» (1704) Ф.П. Поликарпова-Орлова; польско-латинско-греческий словарь (1621) Г. Кнапского, в реестре которого представлено немало белорусских слов; многоязычные «Номенкляторы» и «Лексиконы» (1700) И.Ф. Копиевича (Копиевского); подготовленный в Супрасле толково-переводной «Лексиконъ сиречь: Словесникъ славенскій... благопотребный къ виразуменію словесъ словенскихъ обретающихся въ книгахъ церковныхъ» (1722) неизвестного автора и др. Однако среди

---

⁴⁴ Голенченко Г.Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI–середине XVII в. Мн., 1989. С. 167.

⁴⁵ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. С. 229.

⁴⁶ Берында П. Лексикон словенороський Памви Беринди. Підг. тексту і вступна стаття В.В. Німчука. К., 1961.

всех перечисленных словарных работ XVI–XVII вв. «Лексис» Лаврентия Зизания и «Лексикон» Памвы Берынды занимают особо почетное место.

Во-первых, среди других современных им словарных изданий они выделяются полнотой охвата непонятной лексики и совершенством ее лексикографического описания. Во-вторых, среди множества восточнославянских книжников того времени Лаврентий Зизаний и Памва Берында первыми сделали очень важный шаг от рукописных глоссариев и словарей к печатному словарю, приблизив его тем самым (благодаря массовым тиражам печатных книг) к широким кругам читателей. Причем этот шаг совпал по времени с появлением лучших образцов тогдашней западно-европейской лексикографии.

Так, популярная британская энциклопедия «Радость познания» свидетельствует, что первыми английскими печатными словарями были «Мир слов» (1598) Джона Флорио, в котором непонятные британцам итальянские слова переводятся на английский язык, и «Алфавитный список» (1604) Роберта Коудри, толкующий по-английски непонятные латинские и другие заимствованные книжные термины⁴⁷. Сравнение показывает, что по выполняемой ими функции (толкование непонятных и малопонятных слов) и по времени своего издания (конец XVI – начало XVII вв.) «Лексис» Лаврентия Зизания и «Лексикон» Памвы Берынды весьма близки к первым печатным словарям, положившим начало знаменитой английской лексикографии. Поэтому полностью обоснованными, на наш взгляд, являются утверждения отдельных белорусских исследователей о том исключительно сильном влиянии, которое словари Лаврентия Зизания и Памвы Берынды оказали на развитие восточнославянских языков того времени⁴⁸.

Своевременно закрепить и продолжить заложенную в XVI–XVII вв. первыми печатными словарями восточных славян отечественную лексикографическую традицию удалось только русским лексикографам и издателям, которые в XVIII в. обогатили ее разработкой новых и дальнейшим совершенствованием уже использовавшихся лексикографических параметров (неологического, переводного, этимологического, толкового, нормативного и др.), которые содержались в таких словарных изданиях, как частично отредактированный Петром Первым «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» (начало XVIII в.), «Немецко-российско-русский лексикон» (1731) Вейсмана, основательный (на 18 тысяч реестровых слов) «Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон» (1771) Ф. Гельтергофа, «Церковный словарь» (1773) П.А. Алексева, четырехтомный толковый «Словарь Академии Российской» (1789–1794) и др. Что же касается словарного дела Белоруссии и Украины, то в конце XVII в. его развитие было фактически остановлено в результате интенсивной полонизации белорусских и украинских земель⁴⁹. Возобновление же активной словарной деятельности белорусских и украинских лексикографов про-

---

⁴⁷ Радость познания. Популярная энциклопедия в 4-х томах. Т. 4 / Пер. с англ. М., 1986. С. 210.

⁴⁸ *Голенченко Г.Я.* Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. С. 165–170.

⁴⁹ *Гуліцкі М.Ф.* Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.). С. 3.

изошло только в XIX в., причем на совершенно ином лексическом материале и в иных социально-политических условиях.

Указанными экстралингвистическими причинами объясняется то, почему еще и в XIX в. белорусские словари продолжали выполнять основную функцию раннего словарного периода — функцию изучения национального языка. Если в развитии русской лексикографии указанный период завершился в конце XVIII в. изданием четырехтомного толкового «Словаря Академии Российской» нормативного типа, то для белорусской лексикографии вплоть до последней трети XIX в. сохраняли актуальность проблемы выявления и описания лексических ресурсов различных подсистем общенационального языка. Именно этим обусловлено появление в XIX в. большого количества относительно небольших по объему описательных белорусских словарей разных типов:

а) диалектных и социолектных словарей — «Краткого словаря белорусского наречия» (1822) К.Ф. Калайдовича, рукописного «Собрания слов литовско-русского наречия» (1842) Ф.С. Шимкевича, рукописного «Словаря белорусского наречия» (1845) П. Шпилевского, рукописного «Словаря западнорусского наречия» (1850) И. Григоровича, рукописного словаря «Слова местныя» (1850) Г. Кладницкого, словаря «Белорусские слова» (1854) С.П. Микуцкого, рукописного «Алфавитного указателя особенных словъ и выражений, извлеченныхъ изъ песенъ и сказокъ крестьянъ Новогрудскаго уезда» (1858) М. Дмитриева, словаря «Объяснение непонятных словъ» (1873) П. Шейна, ««Словарика катрушницкаго лемезня» (1890) Е.Р. Романова, рукописных и опубликованных словарей витебской диалектной лексики (1892–1899) М. Никифоровского и др.;

б) фразеологических и паремиологических словарей — «Słownika wyrazów Krewickich» (1846) Я. Чечота, рукописного словаря «Провинціальныя слова, песни, пословицы и поговорки, употребляемые жителями м. Глусска Минской губерніи» (1852) Янчукова, рукописного «Сборника пословиць изъ Новогрудскаго уезда Минской губерніи» (1897) К.И. Зиновьева и др.;

в) исторических и терминологических словарей — рукописного «Алфавитного указателя старинныхъ белорусскихъ словъ» (1857) И.И. Носовича, «Справочного словаря юридических терминов древнего актового языка юго-западной России» (1871) И. Новицкого, «Словаря древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польскаго» (1874) М. Горбачевского, рукописного «Словаря языка Скоринъ» (1890) П.В. Владимирова и др.;

г) этимологических словарей — словаря «Этимология местных названий Витебской губернии» (1897) Г. Трусмана и др.

Активизация словарной деятельности описательного характера на территории Белоруссии в XIX в. стала возможной во многом благодаря научным инициативам представителей более развитой русской лексикографии. В частности, М.Ф. Гулицкий, опубликовавший монографическое исследование по белорусской лексикографии указанного периода, пишет об этом следующее: «Напечатанные, а также рукописные словари и подборки слов показывают, что собираніе белорусской народно́й

лексики заметно активизировалось во второй половине XIX в. в результате повышенного интереса к Белоруссии, ее истории, языку со стороны Отделения русского языка и словесности Академии наук. Значительно увеличивается количество собирателей белорусской лексики: участвуют учителя, этнографы, фольклористы, ученые»⁵⁰. Аналогичным образом описывает процесс изучения белорусской диалектной лексики в XIX в. и А.А. Кривицкий: «Первые подходы к собиранию лексики диалектного языка и первые попытки ее лексикографической обработки в России относятся к началу XIX в. В Белоруссии эта работа начала разворачиваться по инициативе двух научных центров того времени — Виленского университета и Московского вместе с Российской Академией наук»⁵¹.

Свидетельством же того, что все перечисленные выше разнотипные белорусские словари XIX в. выполняли главным образом функцию описания лексических ресурсов национального языка, характерную для раннего словарного периода в развитии белорусской лексикографии, служит следующая исследовательская констатация А.А. Кривицкого: «Правда, эта регистрация местных слов не была отчетливо подчинена каким-либо конкретным лексикографическим замыслам. Однако в ученых кругах университета [Виленского университета. — *В. Шц.*] и в среде студенчества хорошо осознавалась в то время, нужно думать, не только научная, но и общественная потребность в словарях и иных справочниках на языке белорусского народа. Не случайно отсюда была подана мысль о необходимости составления исторического словаря языка памятников старобелорусской письменности (проф. И. Лабойко)»⁵².

Инициативная словарная работа белорусских, русских, украинских и польских языковедов, этнографов, историков и фольклористов привела в конечном итоге к накоплению «критической массы» лексических материалов, которая позволила белорусскому лексикографу Ивану Ивановичу Носовичу начать свой почти пятнадцатилетний труд по составлению большого словаря белорусского языка. Значительным стимулом в работе И.И. Носовича над этим словарем стало сделанное ему в 1852 г. официальное предложение Второго отделения Императорской Академии наук составить такой словарь вместо умершего Ивана Ивановича Григоровича, который должен был представить вторую часть («Говоры малорусские и белорусские») для академического «Опыта словаря областных говоров», задуманного академиками И.И. Срезневским и А.Х. Востоковым в двух частях. Первая часть этого академического словарного издания — «Опыт областного великорусского словаря» — вышла в 1852 г. (дополнение к ней опубликовано в 1858 г.) и включала вместе с дополнением около 40 тысяч диалектных слов из разных регионов России.

В 1863 г. работа И.И. Носовича над составлением второй части указанного академического словаря была завершена, и ее рукопись была направлена для издания

---

⁵⁰ Гуліцкі М.Ф. Рукапісныя матэрыялы для слоўніка беларускай дыялектнай мовы // 3 народнага слоўніка. Мн., 1975. С. 12.

⁵¹ Крывіцкі А.А. Тры этапы фарміравання беларускай дыялектнай лексікаграфіі. С. 16.

⁵² Там же. С. 17.

в Императорскую Академию наук. В 1870 г. данная рукопись была опубликована в Санкт-Петербурге под названием «Словарь белорусского наречия». Словарь И.И. Носовича включал более 30 тысяч слов живого белорусского языка середины XIX в. с удачными иллюстрациями к ним в виде пословиц, поговорок, загадок, строк из народных песен и т.п. фольклорного материала. По качеству лексикографического описания языкового материала он ни в чем не уступал лучшим словарям того времени, о чем свидетельствует присуждение словарю И.И. Носовича престижной Демидовской премии. По существу это был первый по-настоящему научный и достаточно полный словарь белорусского языка, который не утратил своего значения (как источник надежной информации о белорусской лексике) и до настоящего времени. Именно этим обусловлены два переиздания (в Минске и Мюнхене) данного словаря спустя сто с лишним лет после его выхода в свет⁵³.

Использование И.И. Носовичем в своем «Словаре белорусского наречия» ряда лексикографических параметров (нормативного, стилистического, дефиниционного, грамматического, иллюстративного, фразеологического, паремиологического, переводного, энциклопедического, синонимического, ссылочного и др.), которые обычно представлены в толковых словарях академического типа, дает основания считать, что данный словарь выполняет не только функцию описания белорусской диалектной лексики, но и функцию ее нормализации, являющуюся основной для следующего периода развития словарного дела — периода развитой лексикографии. Это означает, что изданием словаря И.И. Носовича завершается ранний словарный период в истории отечественного словарного дела и начинается период развитой лексикографии.

Основными итогами раннего словарного периода развития белорусской лексикографии, по нашему мнению, стали следующие: а) формирование основных семиотических форм представления словарных знаний (рукописного и печатного словарей); б) создание специализированных жанров словарных изданий (толковых, переводных, диалектных, исторических, этимологических, терминологических и других словарей); в) развитие целого ряда отдельных словарных направлений, ведущими среди которых выступали переводная, диалектная и историческая лексикографии.

1.3. Период развитой лексикографии

Начавшийся изданием в 1870 г. «Словаря белорусского наречия» И.И. Носовича период развитой белорусской лексикографии полностью не завершен и в настоящее время. Основной функцией отечественной лексикографии в данный период является нормализация и кодификация разноуровневых единиц белорусского литературного языка, а также повышение языковой культуры его носителей. Для полноценной реализации указанной функции белорусскими лексикографами создан целый ряд нормативных словарей различных типов. Учитывая довольно большую продол-

---

⁵³ Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. Мн., 1983; Словарь белорусскага наречця / Сост. И.И. Носовичемъ. In 2 Bänden. München, 1984–1986.

жительность периода развитой лексикографии (почти полтора столетия), вполне естественным выглядит тот факт, что созданные в его рамках нормативные словари белорусского языка довольно сильно отличаются друг от друга степенью нормированности и языковыми характеристиками своей реестровой лексики. К примеру, «несколько сотен слов старобелорусского языка содержится в приложении к изданиям актов Литовской метрики в 1896–1897 гг. («Русская историческая библиотека», т. XXVII), а также в других лексикографических работах, из которых можно назвать «Словарь наречия белорусского из Судебника Казимира IV, литовских статутов, летописца великих князей литовских, актов литовской метрики» (рукопись, хранящаяся в библиотеке АН СССР) и «Слоўнік старакрыўскай актавай мовы» (напечатанный в «Чтениях общества истории и древностей российских», кн. IV). Все перечисленные словари в той или иной степени отражают словарный состав старобелорусского языка»⁵⁴.

Если составление словарей старобелорусского языка в XIX ст. осуществлялось по канонам более развитой русской лексикографической традиции со свойственными ей устоявшимися лексическими нормами и высокими профессиональными требованиями к составителям, то словари нового белорусского литературного языка, создававшиеся в конце XIX – начале XX в. на территории Белоруссии местными языковедами, характеризовались как значительно меньшей степенью нормированности включаемой ими реестровой лексики, так и менее высоким уровнем лексикографической культуры их составителей. Последнее замечание касается, в первую очередь, составителей первых послереволюционных словарей белорусского литературного языка. К примеру, объем первых словарей известного белорусского писателя Максима Горьцкого — подготовленного им вместе с братом Гавриилом «Руска-беларускага слоўніка» (1918), «Невялічкага беларуска-маскоўскага слоўніка» (1919) и его второго издания (1921) — был относительно небольшим (первый словарь содержал немногим более трех тысяч реестровых слов, а второй — 6,5 тысяч). При этом, по справедливому замечанию А.А. Кривицкого, «указанные словари знакомы преимущественно с лексическим своеобразием белорусского литературного языка в области традиционного словарного состава и имели вместе с тем заметный «уклон» к родным для авторов говорам восточной Могилевщины»⁵⁵.

Вместе с тем, нужно отдать должное старанию и трудолюбию белорусских лексикографов 1920-х гг., которые стремительно наращивали объемы работ по описанию лексики нового литературного белорусского языка, чему в немалой мере способствовало придание последнему статуса одного из четырех государственных языков в советской Белоруссии. К примеру, только Максим Горьцкий издал в 1920-е гг. более десятка переводных, терминологических и литературно-биографических словарей⁵⁶. По несколько переводных словарей опубликовали в указанный период

---

⁵⁴ Гурскі М.І., Булахаў М.Г., Марчанка М.Ц. Беларуская мова. Ч. 1. Лексікалогія, фанетыка і марфалогія. 2-е выд. Мн., 1968. С. 69.

⁵⁵ Кривіцкі А.А. У рытме з развіццём мовы. Мн., 1976. С. 35.

⁵⁶ Шчэрбін В.К. Слоўнікавая спадчына Максіма Гарэцкага // Роднае слова. 1993. № 9. С. 19–23.

также Николай Байков⁵⁷, Степан Некрашевич⁵⁸, Вацлав Ластовский⁵⁹ и некоторые другие белорусские языковеды.

При этом быстро росло не только количество издаваемых белорусских словарей, но также их объем и научный уровень. Так, уже в 1924 г. Максим Горецкий вместе с Николаем Байковым издал «Практычны расійска-беларускі слоўнік», в котором на белорусский язык переведено более 18 тысяч русских слов и словосочетаний. Это словарное издание засвидетельствовало выход лексикографической деятельности в Белоруссии на качественно новый, научный уровень. В пользу такого вывода говорит не только значительное увеличение количества реестровых слов, но и то, что в отличие от первых словарей Максима Горецкого, в реестрах которых довольно значительно была представлена диалектная лексика Мстиславщины, в качестве белорусских соответствий русских заголовочных слов «Практычнага расійска-беларускага слоўніка» Н. Байкова и М. Горецкого используются в основном наиболее распространенные, общеупотребительные слова белорусского литературного языка того времени. А это свидетельствует о нормативном характере словаря. Переиздание данного словаря в 1926 г. придало ему комплексный характер: помимо основной переводной части, в нем появились в качестве отдельных частей «Словарик собственных (мужских и женских) имен» и «Словарик собственных географических названий».

Еще более полными по реестру и количеству регистрируемых значений у заголовочного слова стали подготовленные Н. Байковым и С. Некрашевичем «Беларуска-расійскі слоўнік» (1926), в котором переводится на русский язык более 20 тысяч белорусских слов, и «Расійска-беларускі слоўнік» (1928) с реестром на 60 тысяч русских слов. Эти авторские переводные словари не только вобрали в себя лексические богатства словарной картотеки Института белорусской культуры, предшественника Белорусской Академии наук, но и засвидетельствовали уровень развития лексикографической теории 1920-х гг., поскольку обработка собранного в них языкового материала осуществлялась с учетом всех известных в то время словарных параметров. В частности, наряду с традиционными для лучших переводных словарей довоенной поры лексикографическими параметрами (иноязычным, терминологическим, диалектным, синонимическим, стилистическим, неологическим и др.), в статьях «Расійска-беларускага слоўніка» С. Некрашевича и Н. Байкова используются, к примеру, еще и такие параметры, как словообразовательный, фразеологический, многоязычный, дефиниционный, сочетаемостный, иллюстративный и др.

Удачное сочетание в переводных словарях С. Некрашевича и Н. Байкова кропотливо отобранного словарного материала с новейшими на то время теоретиче-

---

⁵⁷ *Щербин В.К.* Лексикограф, літаратуразнавец, педагог: 100 гадоў з дня нараджэння М.Я. Байкова // Беларуская мова і літаратура ў школе. 1989. № 2. С. 73–76.

⁵⁸ *Щербин В.К.* Ён мог бы стаць беларускім Далем: Пра лексікаграфічную дзейнасць Сцяпана Некрашэвіча // Роднае слова. 1995. № 2. С. 36–42.

⁵⁹ *Щербин В.К.* [Рэфэрат кнігі] Ластоўскі В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924. 832 с. // Научно-реферативный бюллетень (отечественная литература). № 97. Белорусское советское обществоведение в 1920–1930 годы. Ч. 2. Мн., 1989. С. 64–72.

скими принципами его лексикографической обработки обусловило исключительную роль этих словарей в формировании концептуальных основ белорусской лексикографической традиции XX столетия. В частности, историк белорусского языкознания И.К. Германович считает, что «переводные словари С.М. Некрашевича и Н.Я. Байкова явились важным этапом в истории национальной лексикографии и до самого выхода в 1953 г. «Русско-белорусского словаря» под редакцией Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки и в 1962 г. «Беларуска-рускага слоўніка» под редакцией К. Крапивы оставались наиболее основательными работами такого типа»⁶⁰. Более того, как показало сравнительное изучение лексического материала указанных переводных словарей 1920-х гг. и послевоенных словарей аналогичного типа, составители последних (словарей 1953 г. и 1962 г. издания) использовали в своих работах подавляющее большинство белорусских слов из словарей С.М. Некрашевича и Н.Я. Байкова. Об этом свидетельствует тот факт, что многие использованные в послевоенных словарях белорусские слова свою первую лексикографическую фиксацию получили в словарях С.М. Некрашевича и Н.Я. Байкова.

Успешно развивалась в 1920-е гг. не только переводная лексикография Белоруссии, но и белорусская терминография⁶¹, диалектография и другие словарные направления. По нашим подсчетам, на протяжении указанного десятилетия в Белоруссии было опубликовано около сотни разнообразных переводных, терминологических, диалектных, биографических и иных словарей. Как справедливо заметил английский белорусовед А.Б. Макмилин, по количеству опубликованных словарей даже белорусская лексикография 70-х гг. уступает 20-м гг.⁶²

К сожалению, на смену «словарному буму» 1920-х гг. пришел мрачный период необоснованных политических репрессий (1930–1950-е гг.), от которых пострадали многие белорусские лексикографы. В частности, были арестованы практически все члены Словарной комиссии Института языкознания Белорусской академии наук, работавшие над составлением многотомного толкового словаря живого белорусского языка (ее председатель С.М. Некрашевич, секретарь Комиссии Н.Я. Байков, проф. Б. Эпимах-Шипило и др.). Результатом такого отношения к языковой науке стал тот грустный факт, что за два последующих десятилетия (1930–1940-е гг.) были изданы единичные переводные и терминологические словари, включавшие в свой реестр главным образом интернационализмы и советизмы. В качестве примера такого словаря с подчеркнута «интернационально-советским» реестром можно назвать «Руска-беларускі слоўнік» (1937) под редакцией А. Александровича.

Некоторое оживление словарной работы в Белоруссии произошло в годы так называемой «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х гг. Именно в эти годы были изданы нормативные академические «Русско-белорусский словарь» (1953) под ре-

---

⁶⁰ Германовіч І. Аб навуковай дзейнасці Сцяпана Міхайлавіча Некрашэвіча // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя IV. 1972. № 3. С. 37.

⁶¹ Шчэрбін В.К. Беларуская тэрміналогія і тэрмінаграфія даваеннай пары // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1994. № 3. С. 112–121.

⁶² См.: The Journal of Byelorussian Studies. 1971. Vol. 2. № 3. P. 317–318.

дакцией Я. Коласа, К. Крапивы и П. Глебки с реестром на 80 тысяч русских слов и «Беларуска-рускі слоўнік» (1962) под редакцией К. Крапивы, реестр которого включает около 90 тысяч белорусских слов. Кроме того, издавались в этот период белорусские словари и справочники других типов: диалектные словари (т. 1–3, 1959–1970) Ф.М. Янковского, «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы» (1963), «Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны» (1970) И.К. Белькевича, «Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў» (1962) А.Л. Юревича и др.

Главное же, в 1960-е гг. белорусскими лексикографами была начата большая подготовительная работа по созданию разнообразных фундаментальных словарных картотек, на основе которых уже в 1970–1980-е гг. изданы такие объемные и научно обоснованные лексикографические справочники, как «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча» (т. 1–5, 1979–1986), «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» (т. 1–12, 1978–2008), «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» (вып. 1–33, 1982–2013), «Тураўскі слоўнік» (т. 1–5, 1982–1987) и многие другие словари. Активное участие белорусские лексикографы принимали и в создании универсальной «Беларускай Савецкай Энцыклапедыі» (т. 1–12, 1969–1975). При этом наиболее полными и многоаспектными в современной белорусской лексикографии являются академические толковые словари — пятитомный (в 6-ти кн.) «Глумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984) и однотомный «Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (1996; 4-е изд. — 2005), а также «Слоўнік мовы Янкі Купалы» (т. 1–8, 1997–2012) и др. Заметным явлением в славянской филологии 70-х гг. стал биобиблиографический словарь «Восточнославянские языковеды» (т. 1–3, 1976–1978) М.Г. Булахова. Ведущую роль в указанный период играют толковая, писательская, переводная, ортологическая, диалектная, историческая и учебная лексикографии.

1.4. Период научной лексикографии

Начавшаяся в 1960-е гг. мировая научно-техническая революция стала причиной развития научной лексикографии. Отдельные исследователи называют ее также исследовательской лексикографией⁶³, дисциплинарной лексикографией⁶⁴ и отраслевой лексикографией⁶⁵, поскольку главным объектом описания в рамках научной лексикографии становятся термины, номены и профессионализмы, составляющие лексическое ядро языка науки. Именно по этой причине начало периода научной лексикографии в Беларуси связывают с подготовкой и изданием универсальной «Беларускай Савецкай Энцыклапедыі» в 12-ти томах (Мн., 1969–1975), вобравшей в себя все основные пласты белорусской терминологии. Основной функцией бело-

---

⁶³ Морковкин В.В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 38.

⁶⁴ Haensch G. Die zweisprachige Fachlexikographie und ihre Probleme // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires: An International Encyclopedia of Lexicography. Vol. 3. Berlin; New York, 1991. P. 2937–2948.

⁶⁵ «Каждая наука развивает собственную отраслевую лексикографию» (см.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. С. 216.).

русской лексикографии в указанный период, который продолжается и в настоящее время, является создание национального варианта научной картины мира. Для полноценной реализации указанной функции белорусскими учеными и издателями к настоящему времени опубликована новая универсальная «Беларуская энцыклапедыя» (т. 1–18, 1996–2005) и многие сотни терминологических, энциклопедических, отраслевых словарей и справочников, наиболее полными среди которых являются следующие: «Энцыклапедыя прыроды Беларусі» (т. 1–5, 1983–1986), «Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі» (т. 1–5, 1984–1987), «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (т. 1–6, в 7-ми кн., 1993–2003), «Русско-белорусский политехнический словарь» (т. 1–2, 1997–1998) и др.

Новые задачи, которые поставило перед белорусской лексикографией время, потребовали для своего решения формирования принципиально новых словарных направлений. К примеру, в рамках белорусской терминологической лексикографии такими принципиально новыми направлениями явились корпусная терминография⁶⁶ и классификационная терминография⁶⁷, а в рамках когнитивной лексикографии — специальная концептография⁶⁸. В частности, к числу достижений белорусской корпусной терминографии можно отнести составленный вручную двухтомный «Тематический русско-белорусский словарь языка научных отчетов» (1992–1993), подготовленный с помощью ЭВМ «Русско-белорусский словарь математических, физических и технических терминов» (1995) Н.Н. Костюковича, В.В. Люштика, В.К. Щербина, а также ряд электронных корпусов и банков терминологических данных. К примеру, значительный интерес для пользователей в плане новейшей машиночитаемой текстовой информации представляет созданный сотрудниками Национального центра правовой информации Республики Беларусь *Компьютерный вариант эталонного банка данных правовой информации* (ЭТАЛОН-WIN), который «состоит из регистрационных карт и текстов правовых актов в действующей редакции (по состоянию на 1 ноября 1999 г. — более 25 300 документов) и включает в себя следующие банки данных:

1. Банк данных (БД) Законодательство Республики Беларусь;
2. Банк данных (БД) Международные договоры;
3. Банк данных (БД) Решения органов местного управления»⁶⁹.

Удобство пользования информационными ресурсами этого компьютерного корпуса текстов правовых актов обеспечивается встроенными в него справочными ре-

---

⁶⁶ Щербин В.К. Белорусская корпусная терминография // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. тр. по лексикографии / Отв. ред. В.В.Дубичинский и др. Гродно, 2002. С. 187–192.

⁶⁷ Щербин В.К. Классификационное направление в современной терминографии // Сучасні проблеми термінології та термінографії. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. К., 2000. С. 10–11.

⁶⁸ Щербин В.К. Общая и специальная концептография // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. тр. по лексикографии / Отв. ред. Л.В. Рычкова и др. Гродно, 2005. С. 26–31; *он же*. Роль специальной концептографии в описании языка науки // Терминология 3: изучение и обучение. Материалы Третьей международной научно-практической конференции. Мн., 2006. С. 8–15.

⁶⁹ ЭТАЛОН-WIN. Банк данных правовой информации Республики Беларусь (версия 2.5): Руководство пользователя. Мн., 2000. С. 3–4.

гистрами: Справочником видов актов, Рубрикаторм, Словарем терминов и определенных действующего законодательства Республики Беларусь, Глоссарием компьютерных команд.

Наличие у ЭТАЛОН-WIN указанных справочных регистров и обеспечение широкого доступа к нему путем переустановки любой его части на жесткий диск пользователя способствовали подготовке на основе информационных ресурсов ЭТАЛОН-WIN целого ряда специальных словарей и энциклопедий корпусного типа. Наиболее совершенным из них является «Словарь юридических терминов» (2000) под ред. А.М. Абрамовича, который представляет собой справочный корпус текстовых фрагментов правовых актов. Указанные текстовые фрагменты объемом от одного до нескольких абзацев эксцерпированы из текстов правовых актов, имеют при себе ссылки на данные акты и являются развернутыми законодательными дефинициями более 3300 реестровых юридических терминов, которые подаются в алфавитном порядке. Всего же на основе ЭТАЛОН-WIN в 1997–2006 гг. создано более двух десятков специальных словарей и энциклопедий корпусного типа⁷⁰.

Продолжается также активная подготовка «ручных» терминологических словарей. Всего же в различных библиографических указателях нам удалось выявить более 600 белорусских терминологических словарей, подавляющая часть которых опубликована в последние два десятилетия. Ускоренное развитие белорусской терминологии, наряду с широкой автоматизацией лексикографических работ, массовым выпуском универсальных и отраслевых энциклопедий, отражающих детализированную научную картину миру, являются лучшими свидетельствами того, что словарное дело Белоруссии вступило в период научной лексикографии. Ведущими направлениями белорусской лексикографии в указанный период являются теоретическая лексикография или металексикография, толковая, энциклопедическая, терминологическая, переводная, учебная и компьютерная лексикографии.

Таким образом, за свою почти тысячелетнюю историю белорусская лексикография прошла четыре периода развития, которые различаются между собой основными функциями, выполнявшимися ею в тот или иной период, а также перечнями сформированных в ее рамках ведущих словарных направлений. Необходимо также отметить, что от периода к периоду стремительно растет количество издаваемых белорусскими лексикографами словарей разных типов. Всего же в рамках белорусской лексикографии подготовлено и опубликовано более трех тысяч разнотипных и разноязычных словарей и справочников. Многовековая история белорусской лексикографии и огромный объем накопленных в ее рамках словарных знаний дают основания утверждать, что все это стало возможным не только благодаря кропотливой

---

⁷⁰ См., например: *Гавриленко В.Г.* Деловой энциклопедический словарь. Мн., 1997; *Гавриленко В.Г., Ядевич Н.И.* Конституционное право: термины, понятия, определения. Мн., 1998; *Гавриленко В.Г., Никитенко П.Г., Сокол С.Ф., Ядевич Н.И.* Юридическая энциклопедия руководителя. Мн., 1999; *Гавриленко В.Г., Никитенко П.Г., Ядевич Н.И.* Информационное право. Энциклопедический словарь. Мн., 2000; *Энциклопедия научно-технического прогресса.* Мн., 2001; *Инновации. Деловой энциклопедический словарь.* Мн., 2006 и др.

ежедневной работе белорусских лексикографов-практиков, но и благодаря наличию сформировавшейся белорусской лексикографической традиции, имеющей сложную типологическую структуру.

2. Типологические разновидности белорусской лексикографической традиции

Рассмотрение существующих разновидностей белорусской лексикографической традиции целесообразно начать с детального изучения объема и содержания понятия *лексикографическая традиция* вообще, поскольку в работах металексикографов разных стран указанные атрибуты данного понятия существенно различаются. При этом анализ объема и содержания упомянутого понятия необходимо осуществлять с учетом данных об исторической динамике их развития в рамках отличающихся лексикографических традиций (восточнославянской, белорусской, русской, украинской, западноевропейской и др.).

2.1. Объем и содержание понятия «лексикографическая традиция»

Давно замечено, что в периоды резких социальных сдвигов, которым неизменно сопутствует быстротекущее изменение мировоззренческих основ, научной и наивной картин мира и даже отдельных дисциплинарных парадигм (философской, социологической, политологической, исторической и иных гуманитарных парадигм), которые сложились в предшествующие, более спокойные, времена в научной среде, как и в обществе в целом, стремительно растет интерес к своим историческим корням, к существующим научным традициям. Сам факт возрастания такого интереса, который по своей познавательной ориентации противоречит сегодняшним парадигмальным сдвигам, изменениям и инновациям, обусловлен насущной потребностью исследователей опереться на что-либо устойчивое, продолжительное, оправдавшее себя на практике, чтобы не растратить отведенные жизнью время и силы на что-нибудь «модное», но не очень существенное для развития избранной для исследований области знаний. Во все же времена и в рамках любой научной дисциплины наиболее устойчивым и прочным является развитая традиция, поскольку она формируется на протяжении десятков и даже сотен лет как результат труда нескольких поколений исследователей, направленного на сохранение и передачу потомкам всего самого ценного из накопленного научного опыта.

Отмеченные выше исторические, кумулятивные и познавательные качества традиции отмечаются как исследователями, так и составителями справочных и учебных изданий, в которых приводятся определения понятия *традиция*. К примеру, французский ученый Ж. Деррида считает, что «осознать науку как традицию — значит осознать ее интегральную историчность. Отсюда любое внутринаучное проявление, любой возврат к первым аксиомам, к первоначальным очевидностям и учре-

ждающим понятиям есть в то же время «историческое разоблачение». Каким бы ни было наше невежество в реальной истории, нам априори известно, что всякое культурное, а значит, и научное, настоящее предполагает в своей целостности целостность прошлого»⁷¹.

По мнению же О.Г. Шавровой, изучение культурной традиции имеет важное значение не только для познания прошлого, но и для прогнозирования будущего: «Нарастающий динамизм общественно-политических и этнокультурных процессов, порождающий ощущения социальной нестабильности и катастрофизма, вызывает необходимость обращения к основаниям культуры. Таким основанием, обеспечивающим устойчивое функционирование культуры и процессы преемственности в ее развитии, является культурная традиция. Представляя собой социальный механизм наследования культурно-исторического опыта от поколения к поколению, а также необходимую форму сохранения и развития культуры, традиция одновременно выступает как достояние прошлого и как проекция в будущее, преломляясь в настоящем и организуя его. Без ее изучения нельзя адекватно осмыслить историю, понять современность и прогнозировать будущее»⁷².

Определенный интерес вызывает также познавательная трактовка традиции в работе российского философа И.Т. Касавина, согласно которой «традиция представляет собой способ аккумуляции и трансляции коллективного опыта человеческой деятельности, выраженного в социальных стереотипах. Это значит, что в ней запечатлены схемы, нормы и идеалы опредмеченного труда. Но, с другой стороны, традиция является формой неявного знания, т.е. знания, которое существует только в процессе непосредственного общения между людьми, а также формой самоуправления человеческой деятельностью»⁷³.

В свою очередь, авторы и составители «Философского энциклопедического словаря» (1983) под *традицией* понимают «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени. Традиция охватывает объекты социального наследия (материальные и духовные ценности); процесс социального наследования; его способы. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т. д.»⁷⁴.

Наконец, авторы новейшего белорусского учебного пособия по философии и методологии науки дают рассматриваемому понятию следующее определение: «**Традиция** (лат. tradition — передача, придание) — специфический способ взаимосвязи

---

⁷¹ Дerrидa Ж. Введение // Гуссерль Э. Начала геометрии. М., 1996. С. 142.

⁷² Шаврова О.Г. Феномен культурной традиции в современной философской герменевтике // Ноумен: Сб. науч. работ молодых ученых и аспирантов фак-та философии и социальных наук БГУ. Вып. 4. Мн., 2005. С. 3.

⁷³ Касавин И.Т. Традиции познания и познание традиций (О некоторых социальных механизмах познавательной деятельности) // Вопросы философии. 1985. № 11. С. 52–53.

⁷⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 692.

последовательно сменяющих друг друга стадий развития системы, при котором устойчивые структуры предыдущей стадии адекватно воспроизводятся на последующей, обеспечивая стабильность существования данной системы»⁷⁵.

Не подлежит сомнению, что определенная исторически сформировавшаяся система трудов, знаний и мнений, которую можно назвать традицией, существует и в рамках такой специфической области знаний, как лексикография. Особенно если учесть, что времени для формирования такой лексикографической традиции было более чем достаточно. К примеру, белорусская лексикография берет свое начало еще в XI–XIII вв., когда в рукописях восточных славян появились первые элементы будущих словарей (глоссы). За прошедшие с того времени столетия коренным образом изменились приемы и способы лексикографической обработки языковой и экстралингвистической информации в белорусских словарях и справочниках. Выявление в созданных в разное время словарях белорусского языка своих, специфических приемов и способов лексикографирования позволило выделить в истории словарного дела Белоруссии четыре разных периода (дословарный и ранний словарный периоды, периоды развитой и научной лексикографии).

Вместе с тем при углубленном изучении словарных продуктов каждого из перечисленных выше периодов можно отыскать определенные устойчивые структуры (лексикографические приемы, параметры, взгляды и т. п.), наличие которых характеризует не один, а несколько таких периодов. Совокупность таких устойчивых структур и обеспечивает единство белорусской лексикографической традиции, несмотря на то, что ее содержание постепенно изменяется под влиянием внутренних и особенно внешних факторов, в качестве которых выступают создание отечественных и зарубежных словарей новых типов, появление новых технических средств и способов хранения информации, формирование новых направлений словарной науки и др. В свою очередь, наличие такого единства белорусской лексикографической традиции обеспечивает стабильность существования всей системы словарного дела.

Сложные взаимосвязи, которые существуют между понятиями *белорусская лексикография* и *белорусская лексикографическая традиция*, а также сам факт постепенного изменения характера белорусской лексикографической традиции в соответствии с непрерывным развитием отечественного словарного дела делают достаточно актуальной постановку вопроса об объеме и содержании понятия *белорусская лексикографическая традиция*. Необходимость постановки этого вопроса обусловлена не только естественным желанием исследователя ближе познакомиться с указанным понятием и дать ему более точное определение. Как справедливо заметили российские философы И.А. Быченкова и Л.С. Сычева, «гуманитарии обращаются к традициям не только с целью их изучения. Движет ими и практический интерес — они ставят перед собой задачи сохранения тех или иных традиций,

---

⁷⁵ Яскевич Я.С., Кузнецова Л.Ф., Барковская А.В. Современная наука: ценностные ориентиры: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. Я.С. Яскевич. 2-е изд. Мн., 2003. С. 278.

включения их в современную деятельность, каталогизации их с целью выяснения национальной принадлежности их носителей. Существенны также методологические соображения: стремясь превратить ту или иную область гуманитарных исследований в науку, ученые рассматривают традицию как одну из форм повторяемости и тем самым закономерности в социальной реальности»⁷⁶.

Объем и содержание сложного понятия можно определить быстрее, если проследить, хотя бы в самых общих чертах, историю формирования фрагмента научной картины мира, который стоит за этим понятием. Основой формирования как белорусской, так и всей восточнославянской культурной традиции, неотъемлемой частью которой обычно является лексикографическая традиция, послужила киевская традиция книгописания, которая, начиная с XI–XII вв., почти не прерывалась и которую, по мнению академика И.К. Белододе, не смогли разрушить ни татаро-монгольское нашествие, ни истребительные действия иезуитско-ватиканской, латино-католической политики⁷⁷.

Позднее, в XV–XVI столетиях, из этой киевской культурной, книжно-письменной традиции выделилась более специализированная грамматико-лексикографическая традиция восточных славян. Ряд старорусских памятников XV–XVI вв., относящихся к указанной грамматико-лексикографической традиции, Е.А. Аксенова характеризует таким образом: «В структуре “Букв” сочетаются элементы грамматики и словаря, причем собственно словарный материал также неоднороден: часть его организована по принципу толковых словарей (типа азбуковников), другая часть — по типу Буковницы... Буковница 1592 г. является уникальным лингвистическим памятником: она в сущности представляет собой не что иное как грамматический (словоизменительный) словарь и в этом своем качестве не имеет прямых аналогов»⁷⁸.

С появлением же первых печатных словарей восточных славян, а именно «Лексиса» Лаврентия Зизания Тустановского (1596) в Вильно и «Лексикона» Памвы Беринды (1627) в Киеве, которые вобрали в себя толкования слов из новгородских азбуковников XIII–XIV столетий, глоссы из книг белорусского первопечатника Франциска Скорины и других белорусских, русских и украинских просветителей, а также иные подобные словарные материалы, уже можно вести речь о возникновении восточнославянской собственно лексикографической традиции. Результаты сформированной в XVI–начале XVII вв. общей восточнославянской лексикографической традиции дают о себе знать и в современной словарной практике Белоруссии. Так, в качестве примеров подготовленных и опубликованных в Белоруссии словарей и энциклопедических справочников, которые используются всеми лексикографами Восточной Славии и свидетельствуют о значительной общности научных инте-

---

⁷⁶ Быченко И.А., Сычева Л.С. Традиции как объект социогуманитарного познания // Науковедение. 2001. № 2. С. 162.

⁷⁷ Белодод И.К. Киево-Могилянская академия в языковой ситуации на Украине XVI–XVII вв. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. статей к 70-летию В.И. Борковского. М., 1971. С. 55.

⁷⁸ Аксенова Е.А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции: текстологический и акцентологический анализ // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 68–69.

ресов последних, можно привести справочные издания, подготовленные минским профессором М.Г. Булаховым⁷⁹.

2.2. Динамика развития типологической структуры белорусской лексикографической традиции

Формирование на протяжении XVIII–XX вв. научных академий в странах Восточной Славии и создание этими академиями собственно белорусских, русских и украинских академических словарей дает основание вести речь об окончательном оформлении отдельно белорусской, русской и украинской лексикографических традиций. При этом статус всесторонне оформленной национальной лексикографической традиции первой получила система трудов, знаний и мнений русских словарников, благодаря изданию ими в 1789–1794 гг. четырехтомного толкового «Словаря Академии Российской». Значительно позднее указанный статус получили украинская лексикографическая традиция (в результате издания в 1907–1909 гг. четырехтомного «Словника української мови» Б.Д. Гринченко и публикации на протяжении 1970–1980 гг. академического «Словника української мови» в 11-ти томах) и белорусская лексикографическая традиция, благодаря изданию в 1870 г. Императорской Академией наук толково-переводного «Словаря белорусского наречия» И.И. Носовича и публикации на протяжении 1977–1984 гг. академического «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» в 5-ти томах (6-ти книгах). Более раннее издание ряда русских толковых словарей общенационального масштаба (наряду с упоминавшимся выше «Словарем Академии Российской», можно назвать его второе, значительно дополненное издание — «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» в 6-ти томах (1806–1822), «Общий церковно-славяно-российский словарь» в 2-х ч. (1834) академика П. Соколова, четырехтомный академический «Словарь русского и церковнославянского языков» под ред. А.Х. Востокова (1847), четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866) и другие русские толковые словари академического типа) и возможность их использования белорусскими и украинскими лексикографами в своей ежедневной деятельности не могли не повлиять на характеристики создаваемых академических словарей белорусского и украинского языков, а в конечном счете и на общее содержание позднее формировавшихся белорусской и украинской лексикографических традиций.

Тот факт, что собственно белорусская лексикографическая традиция формировалась на базе общей восточнославянской лексикографической традиции и в условиях сильного влияния на словарную практику Белоруссии развитой русской лексикографической традиции, определенным образом усложняет поиск ответов на вопрос о том, какие типовые словарные показатели необходимо включать в состав

---

⁷⁹ Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь: В 3-х т. Мн., 1976–1978; *он же*. «Слово о полку Игоревым» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь / Под ред. Л.А. Дмитриева. Мн., 1989; *он же*. Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: В 5-ти т. Мн., 2004–2005.

собственно белорусской лексикографической традиции и какие словари вообще можно отнести к белорусской лексикографии. В частности, отдельными исследователями отличаются, с одной стороны, «белорусская лексикография»⁸⁰ и ее концептуальное ядро — «белорусская лексикографическая традиция», а с другой стороны, «лексикография белорусского языка»⁸¹ и ее наиболее устойчивая часть — «белорусскоязычная лексикографическая традиция». В рамках словарного дела Белоруссии значительно лучше разработана лексикография белорусского языка (такие языковые предпочтения словарников Белоруссии являются полностью оправданными, поскольку словари белорусского языка описывают языковую компетенцию представителей титульной нации) и значительно лучше изучена белорусскоязычная лексикографическая традиция. Наиболее очевидным свидетельством в пользу данного вывода является недавнее издание одновременно в Нью-Йорке и Минске достаточно полного библиографического справочника «Беларускія слоўнікі й энцыклапедыі» В. Кипеля и Д. Совко (2002), в котором содержатся сведения о 2320 белорусскоязычных словарных изданиях и рукописях. Для сравнения, аналогичный библиографический справочник о подготовленных и опубликованных в Белоруссии иноязычных словарях пока не создан.

Таким образом, при изучении словарной практики Белоруссии очень трудно разграничить процессы создания и взаимообогащения белорусскоязычных и иноязычных (русскоязычных, польскоязычных, англоязычных и других) словарей и справочников, поскольку эти процессы тесно переплетены между собой. Как обоснованно заметил В.В. Морковкин, «любая лексикографическая деятельность осуществляется на фоне огромной совокупности уже созданных словарей, т. е. на фоне исключительно богатой, многообразной, часто противоречивой лексикографической традиции»⁸². При этом в своем развитии любая национальная лексикографическая традиция плотно взаимодействует с другими аналогичными традициями, поскольку «лексикография как часть филологии, как общественная наука достигает той или иной степени совершенства в границах непрерывной национальной лексикографической традиции... обогащаясь в процессе контактирования с другими традициями»⁸³.

Вышесказанное дает основания заключить, что составление даже одноязычных словарей какого-либо национального языка осуществляется с учетом сильных сторон лучших словарных изданий разных стран и народов мира, которые создавались в рамках других национальных лексикографических традиций и на другом языковом материале. Более того, изучение словарной практики Белоруссии показывает, что отдельные словари белорусского языка нередко переводятся затем на русский

---

⁸⁰ Суднік М.Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары. С. 67.

⁸¹ Трубачев О.Н. Об этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 66.

⁸² Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 39.

⁸³ Денисов П.Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике. Сб. статей. М., 1978. С. 33.

язык, и наоборот, отдельные русскоязычные справочники переводятся на белорусский язык. В качестве примеров можно привести следующие пары разноязычных изданий одного и того же специального справочника: а) «Слоўнік фізічных і астранамічных тэрмінаў. Для сярэдняй школы» А.И. Болсуна, Е.Н. Рапановича (1979) и «Словарь физических и астрономических терминов: Для учащихся среднего и старшего школьного возраста» А.И. Болсуна, Е.Н. Рапановича (1986); б) «Беларуская ССР: кароткая энцыклапедыя. У 5-ці т.» (1978–1981) и «Белорусская ССР: Краткая энциклопедия. В 5-ти т.» (1978–1981).

Практическая необходимость учета при металексикографическом изучении словарной практики Белоруссии существующих взаимовлияний между белорусскоязычными и иноязычными словарями вынуждает их исследователей ориентироваться на самое широкое определение термина *белорусская лексикография*, которое еще в 1957 г. сформулировал М.Р. Судник: «Когда мы употребляем термин «белорусская лексикография», мы понимаем под ним все созданное белорусским народом в словарной области независимо от языка»⁸⁴. В полном соответствии с таким пониманием термина *белорусская лексикография* должно определяться и его концептуальное ядро — понятие *белорусская лексикографическая традиция*: это система наиболее устойчивых характеристик и параметров из любых (белорусскоязычных и иноязычных) словарных изданий, подготовленных белорусскими лексикографами. Такое широкое толкование указанного понятия дает возможность включать в состав белорусской лексикографической традиции любые типовые и регулярно повторяющиеся приемы обработки словарного материала (независимо от его языковой принадлежности и предметно-тематического характера), начиная с первых глосс в рукописных памятниках восточных славян.

Вместе с тем, время окончательного оформления отдельной белорусской лексикографической традиции приходится на тот хронологический период, в рамках которого сформировалась ее ключевая часть, а именно — белорусскоязычная лексикографическая традиция, которая и представляет собой этнокультурный стержень всего словарного дела Белоруссии. Таким образом, статус отдельной белорусскоязычной лексикографической традиции получила после издания Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге «Словаря белорусского наречия» И.И. Носовича, а статус всесторонне оформленной лексикографической традиции — после подготовки Институтом языкознания АН БССР и издания пятитомного (в 6-ти книгах) «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» (1977–1984), т. е. в период развитой белорусской лексикографии.

История отечественной и мировой лексикографии свидетельствует, что с появлением первых академических словарей какого-либо языка и получением системой наиболее устойчивых словарных характеристик и параметров, используемых в рамках лексикографии данного языка, статуса отдельной и всесторонне оформленной лексикографической традиции процесс развития и дальнейшей дифференциации

---

⁸⁴ Суднік М.Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары. С. 67.

содержания данной традиции не заканчивается. Так, после появления «академической традиции построения словаря»⁸⁵, представленной в толковых словарях академического типа, постепенно складывается и неакадемическая, университетская традиция создания справочных изданий разных типов, среди которых количественно преобладают учебные словари. Более позднее формирование университетской традиции составления словарей на территории Восточной Славии обусловлено тем, что в отличие, например, «от «университетской основы» научного потенциала стран Западной Европы и Северной Америки»⁸⁶, в которых университеты были основаны на два–три столетия раньше, чем национальные академии наук, в России, Белоруссии и Украине уровень как национальной науки в целом, так и отечественной лексикографии в частности, с XVII в. и до настоящего времени определяется достижениями академических ученых этих стран.

В свою очередь, английский металексикограф Г. Джеймс в процессе изучения словарной практики Индии выявил и такие разновидности лексикографических традиций, как «основная» и «альтернативная»⁸⁷. Эти разновидности лексикографических традиций можно выделить и в рамках белорусской лексикографии XX столетия. Так, в качестве основной белорусскоязычной лексикографической традиции будет выступать совокупность устойчивых словарных характеристик, представленных в справочных изданиях, которые опубликованы на территории Белоруссии. Соответственно, альтернативная белорусскоязычная лексикографическая традиция будет охватывать типовые характеристики эмигрантских словарей белорусского языка. Правомерность такого разграничения научных трудов, результатов и взглядов ученых на основе их геополитических характеристик еще в 1946 г. обосновал известный польский науковед Л. Флек: «Научные результаты и воззрения ученых по сути являются лишь историческими событиями, относящимися к тем или иным этапам процесса развития стиля научного мышления... Даже частичная изоляция, вызванная, например, политическими границами, приводит к тому, что результаты, полученные по обе стороны этих границ, в чем-то отличаются друг от друга»⁸⁸.

В частности, сравнительный анализ отечественных и зарубежных (эмигрантских) словарей белорусского языка показывает, что последние отличаются от советских и постсоветских словарей, изданных на территории Белоруссии, не только употреблением различных вариантов «тарашкевицы» (свода орфографических правил белорусского языка, который использовался до советской реформы правописания 1933 г.), отдельных элементов латинской графики и значительного количества реестровых единиц, заимствованных из западноевропейских языков, но и своей подчеркнутой ориентацией на взаимодействие с неславянскими лексикографиче-

---

⁸⁵ Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 227.

⁸⁶ Право и управление научными организациями. М., 1980. С. 64.

⁸⁷ James G. Lexicography, Indian // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 4. Oxford, 1994. P. 2183.

⁸⁸ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Пер. с англ., нем., польск.; общ. ред. В.Н. Поруса. М., 1999. С. 205.

скими традициями. В качестве примера, иллюстрирующего такую подчеркнутую ориентацию, можно привести двухтомный «Клясычна грэцка-беларускі слоўнік» Я. Петровского (1983–1985), изданный в США.

В отдельных эмигрантских словарях белорусского языка даже алфавитный порядок подачи реестровых слов существенно отличается от принятого в словарном деле Белоруссии. Так, в опубликованном в Нью-Йорке «Беларуска-расійскім (вялікалітоўска-расійскім) слоўніку» Я. Станкевича (1989) реестровые слова подаются в следующем алфавитном порядке букв: А, Б, Г, Г (взрывное), Х, Д, Е, Ё, Я, Дз, Дж, З, Ж и т. д. Нельзя не видеть, что подобный алфавитный порядок букв согласно звукам, которые этими буквами обозначаются, максимально приближен к алфавиту английского языка. Все перечисленные выше существенные отличия между словарями современной Белоруссии и эмигрантскими словарями белорусского языка, взятые в совокупности, и дают основание для выделения *основной* и *альтернативной* белорусскоязычных лексикографических традиций в рамках белорусской лексикографии.

Можно обсуждать достоинства или недостатки каждой из названных лексикографических традиций, но не подлежит сомнению, что наилучший практический результат получается тогда, когда представители *основной* и *альтернативной* белорусскоязычных лексикографических традиций объединяют свои усилия при реализации конкретного словарного проекта. Именно таким образом был создан библиографический справочник «Беларускія слоўнікі й энцыклапэдыі» (2002), при подготовке которого *основную* лексикографическую традицию представлял гражданин Белоруссии Д. Совко, а *альтернативную* — американец белорусского происхождения В. Кипель.

Помимо перечисленных выше разновидностей лексикографических традиций (академической, университетской, основной и альтернативной), отдельными исследователями выделяются и другие, еще более узкие по объему и содержанию словарные традиции. Например, авторы учебного пособия «Русская лексикография» (2004) В.А. Козырев и В.Д. Черняк выделяют следующие разновидности таких традиций: «В лексикографии XVI–XVII вв. наметилось несколько лексикографических традиций, по которым строились словари этого периода. Среди них наиболее существенны две: алфавитная и тематическая»⁸⁹.

В свою очередь, российские исследователи В.М. Живов, Е.А. Земская и Л.П. Крысин утверждают, что традиция составления антонимических словарей в русистике значительно короче, чем традиция составления словарей синонимов⁹⁰, т. е. они рассматривают в качестве отдельных лексикографических традиций практику составления словарей разных типов. Про насущную необходимость для каждого автора, задумавшего составить словарь, «изучить традицию, сложившуюся в той области,

---

⁸⁹ Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: Пособие для вузов. М., 2004. С. 13.

⁹⁰ Живов В.М., Земская Е.А., Крысин Л.П. [Ред. на:] Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen / Hrgb. von H. Jachnow. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. 1336 S. // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 131.

к которой относится задуманный им словарь»⁹¹, пишет и В.В. Морковкин, который, в частности, всесторонне описал «лексикографическую традицию в области составления идеографических словарей»⁹². Примеры такого ограниченного рамками одного словарного жанра понимания понятия *лексикографическая традиция* можно отыскать и в белорусской металексикографии⁹³. Еще более узко понимает данное понятие Л.М. Васильев, когда он пишет про традицию использования грамматической пометы транзитивности, интранзитивности и рефлексивности при реестровых глаголах в словарях немецкого и русского языков⁹⁴.

Наконец, различные типы и виды лексикографических традиций можно выделять и дифференцировать не только в зависимости от их понятийного объема и содержания, но и по формам существования таких традиций. Так, И.А. Быченкова и Л.С. Сычева утверждают, что «традиции существуют: а) как непосредственные эстафеты, т. е. как передача опыта от человека к человеку, от поколения к поколению путем воспроизведения непосредственных образцов поведения или деятельности; б) в виде описаний деятельности, иногда предписаний, как осуществлять деятельность, т. е. в виде вербализованных эстафет; в) традиции существуют как образцы продукта»⁹⁵. Иначе говоря, накопленные в рамках лексикографической традиции специфические знания и навыки могут передаваться либо устным путем от одного лексикографа к другому в ходе их совместной работы над словарем, либо через создание и использование металексикографических описаний словарной практики, либо в процессе изучения и использования словарей различных типов и языков.

Если учесть, что в Белоруссии работает весьма ограниченное количество коллективов профессиональных лексикографов (это предельно сужает возможности передачи лексикографических знаний и навыков устным путем) и что опубликованные белорусскими металексикографами теоретические работы монографического типа можно пересчитать по пальцам одной руки⁹⁶, то достаточно обоснованным выглядит вывод о том, что основным каналом передачи и регенерации (основной формой существования) как собственно белорусской, так и общей восточнославянской лексикографической традиции в Белоруссии является старательное изучение

---

⁹¹ Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: Сб. статей / Под ред. В.В. Морковкина и Л.Б. Трушиной. М., 1986. С. 112.

⁹² Морковкин В.В. Идеографические словари и обучение языку // Вопросы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и Л.А. Новикова. М., 1969. С. 82.

⁹³ Гуліцкі М.Ф. Пра адну беларускую лексікаграфічную традыцыю // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: Тэзісы дакладаў Другой рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. Гомель, 1980. С. 22–23.

⁹⁴ Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка // Словарь в системе филологического образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2001. С. 49.

⁹⁵ Быченкова И.А., Сычева Л.С. Традиции как объект социогуманитарного познания. С. 165.

⁹⁶ Киселевский А.И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Мн., 1977; Гуліцкі М.Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.). Мн., 1978; Шчэрбін В.К. Тэарэтычныя праблемы беларускай лексікаграфіі. Мн., 1996; Любецкая К. 3 гісторыі нямецка-беларускай і беларуска-нямецкай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі. Мн., 2002; Плотнікаў Б.А. Беларускае слоўніцтва. Вучэбны дапаможнік. Мн., 2003.

лучших словарных образцов и, как результат этого изучения, нередкое формальное копирование существующих словарей белорусского, русского и других языков в процессе создания новых белорусских словарей. К чему это приводит, показывает вся отечественная словарная практика послевоенных лет.

Так, чаще других, в качестве лучших словарных образцов при создании белорусских словарей 50–80-х гг. использовались толковые и переводные словари русского языка. При этом, однако, не учитывалось, что эти словари созданы в рамках значительно более развитой лексикографической традиции, с совершенно иными требованиями и возможностями, нежели те, которыми характеризуется белорусская лексикографическая традиция. Существенные отличия, существующие между русской и белорусской лексикографическими традициями, кстати, еще в начале 70-х гг. отмечались А.И. Киселевским: «Конечно, русская лексикография по традиции является более строгой в определении задач каждого типа словарей, каждого направления»⁹⁷.

Результатом формального копирования ключевых характеристик лучших русских словарей в процессе составления словарей белорусского языка стало чрезмерное влияние на развитие белорусской словарной традиции русской лексикографической традиции. Для последней характерна ориентация на создание системы узкоаспектных, жестко нормативных словарей (грамматических, ортологических, орфоэпических словарей, словарей синонимов, антонимов, омонимов, сокращений, иностранных слов и других разрядов общеупотребительной лексики, словообразовательных, терминологических, фразеологических, ономастических словарей, словарей языка писателей и т.п. справочников) литературного языка при относительно небольшом объеме полного толкового словаря академического типа. К примеру, изданный Российской академией наук «Большой толковый словарь русского языка» (1998) содержит около 130 тысяч реестровых слов.

Совсем иным путем шло в XX столетии развитие западноевропейской лексикографической традиции. Последняя характеризуется первоочередной ориентацией на создание максимально полных толковых словарей, которые охватывают общеупотребительную и более специализированную лексику национальных языков (английского, немецкого, французского и др.) в широкой исторической перспективе. Ярким образцом такого максимально полного толкового словаря национального языка является изданный впервые в 1879–1933 гг. вначале в 12-ти, а затем в 16-ти томах «The Oxford English Dictionary», который включил в свой реестр около 450 тысяч разных слов. Аспектные словари и толковые словари меньшего объема создавались в дальнейшем в рамках англоязычной лексикографической традиции на базе этого максимально полного Оксфордского словаря, что придавало развитию указанной лексикографической традиции черты устойчивости, системности и преемственности. К сожалению, белорусская лексикография в своем развитии ориен-

---

⁹⁷ Киселевский А.И. О структуре и характере языка описания в энциклопедиях // Романо-германская и славянская лексикография: Сборник теоретических статей. Мн., 1973. С. 83.

тировалась исключительно на русскую лексикографическую традицию и шла по пути разработки ряда аспектных словарей как жестко нормативного, так и описательного характера при отсутствии достаточно полного толкового словаря белорусского языка.

Однако то, что было по силам большому отряду русских лексикографов (создание разветвленной системы аспектных словарей и ряда многоаспектных академических толковых словарей разного объема, а также формирование в середине 80-х гг. комплексного Машинного фонда русского языка, который вобрал в себя лексические богатства всех ключевых словарей русского языка и другие материалы справочного характера), оказалось неразрешимой задачей для небольшой группы белорусских лексикографов, которые не имели возможности опереться на информационные ресурсы Машинного фонда белорусского языка, поскольку такой фонд до настоящего времени не создан. В результате совокупность существующих на современный момент белорусских словарей имеет не столько системный, сколько «мозаичный» характер. В частности, наряду с хорошо разработанными в словарном деле Белоруссии направлениями (диалектная, историческая, переводная, энциклопедическая, учебная, фразеологическая, ономастическая, терминологическая лексикография и некоторые другие), существуют и такие лексикографические направления (грамматическая, компьютерная, лингвострановедческая лексикография, идеография, концептография, дериватография и многие другие), которые представлены сегодня единичными словарными изданиями. Главным же недостатком современной белорусской лексикографии является отсутствие в ее составе достаточно полного толкового словаря академического или общего типа. Подготовленный академическим Институтом языкознания им. Я. Коласа пятитомный (в шести книгах) «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984) включает около 105 тысяч реестровых слов и относится к числу академических толковых словарей средних размеров, а однотомный академический «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (1996; 4-е изд. — 2005) с реестром на 65 тысяч общеупотребительных слов вообще является кратким популярным справочником.

Для сравнения заметим, что украинская лексикография, которая также долгое время развивалась под сильным влиянием русской словарной традиции, в последние годы учла богатый опыт, накопленный в рамках западноевропейской лексикографической традиции, трезво оценила свои возможности (в сравнении с русской лексикографией) и внесла соответствующие коррективы в практику создания толковых словарей украинского языка. Именно об этом свидетельствует создание путем объединения реестрового и дефиниционного материала ранее изданных справочников по украинскому языку однотомного «Великого тлумачного словника сучасної української мови» (2001), первое издание которого включает 170 тысяч реестровых единиц, а второе издание (2005) — свыше 250 тысяч таких единиц. Видимо, пришло время и белорусским лексикографам вносить коррективы в стратегию развития своей национальной словарной индустрии, сделав ее главным приоритетом составление максимально полного толкового словаря общего типа.

3. Перспективы развития белорусской лексикографической традиции на период до 2020 года

Если с учетом указанного выше приоритета (составления максимально полного толкового словаря общего типа) взглянуть на перспективы развития белорусской лексикографической традиции в ближайшие два десятилетия, то можно оценить эти перспективы следующим образом:

1) создание за одно-два десятилетия действительно большого по объему (15 томов здесь не предел⁹⁸) академического толкового словаря, который станет наиболее полным источником сведений о лексике белорусского языка и ее национальном своеобразии, является вполне осуществимой задачей, если в процессе ее решения будут выполнены следующие условия. Во-первых, создание большого академического словаря национального языка должно иметь в качестве теоретической и практической основы всю многовековую белорусскую лексикографическую традицию, т. е. наработки разных поколений белорусских лексикографов и разных направлений словарного дела Беларуси (толковой, исторической, диалектной, переводной, терминологической лексикографии и многих других направлений). Главное, чтобы в процессе отбора лучших словарных наработок, накопленных за столетия в рамках данной лексикографической традиции, ее сегодняшние субъекты и творцы твердо помнили о том, что «она есть продукт собственного развития лексикографической деятельности как особого вида деятельности вообще, обусловленный не только самим языком, которому посвящена данная лексикография, но и какими-то филологическими традициями, например, обычаем давать определения в словаре»⁹⁹. Во-вторых, создание за короткое время большого по объему реестровой лексики (200–250 тысяч слов) академического толкового словаря возможно только в том случае, если в его рамках будут объединены все основные лексические пласты современного национального языка (общеупотребительная, терминологическая, диалектная, ономастическая лексика), которые широко представлены в письменных текстах различных жанров (художественных, научных, научно-популярных, газетно-публицистических, официально-деловых и других текстах). В-третьих, понятие лексической нормы в таком большом по объему справочнике общего типа неизбежно будет иметь самое широкое понимание;

2) процесс пополнения содержания большого толкового словаря белорусского языка за счет наработок исторической, диалектной, переводной, терминологической лексикографии и многих других словарных направлений будет носить характер многостороннего, взаимовыгодного сотрудничества. Другими словами, не только толковая лексикография обогатится реестровым, дефиниционным, иллюстративным и прочими материалами, наработанными представителями перечисленных выше

---

⁹⁸ Шамякина М. У Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі // Польшыя. 2005. № 10. С. 146.

⁹⁹ Шайкевич А.Я. Выступление во время дискуссии о Машинном фонде русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М., 1986. С. 227.

словарных направлений, но и данные направления резко повысят свой престиж и научный уровень, поскольку, с одной стороны, их материалы будут востребованы в словарном издании общенационального масштаба, а с другой стороны, комплексная обработка этих материалов в рамках толковой лексикографии по значительно более широкому перечню лексикографических параметров, нежели тот, что используется, к примеру, в рамках исторической или диалектной лексикографии, будет способствовать расширению параметрических возможностей всех словарных направлений. Таким образом, организационное объединение нескольких групп белорусских лексикографов, работающих независимо друг от друга в рамках различных словарных направлений, совместной реализацией общенационального лексикографического проекта по созданию большого толкового словаря общего типа позволит придать белорусской лексикографической традиции недостающие ей черты устойчивости, системности и преемственности;

3) работа по составлению большого толкового словаря общенационального масштаба, отражающего лексику литературного белорусского языка в широкой исторической перспективе, неизбежно приведет к рассмотрению вопросов тесного взаимодействия белорусской, русской, украинской и общей восточнославянской лексикографических традиций, поскольку на начальном этапе развития словарного дела Беларуси, в дословарный и ранний словарный периоды, многие устойчивые элементы этих традиций совпадали. Возрождение на современном этапе такого тесного взаимодействия представителей указанных выше лексикографических традиций способствовало бы формированию единого словарного пространства Восточной Славии (с общими словарными работами и журналами, общими лексикографическими конференциями, летними научными школами и т.п. атрибутами) и явилось бы мощным импульсом для взаимосвязанного развития белорусской, русской и украинской лексикографических традиций в XXI столетии.

ЛИТЕРАТУРА, ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Аксамітаў А.С.* Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стагоддзяў. Мн., 2000. 320 с.
- Анамастычны слоўнік Гродзеншчыны: У 2 ч. Ч. 1. Мікратапонімы / Пад рэд. П.У. Сцяцко. Гродна, 2005. 347 с.
- Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа / Пад рэд. М.В. Бірылы. Мн., 1990. 638 с.
- Анатомический словарь: русско-белорусско-латинский, белорусско-латинский, латинско-белорусский / С.П. Ярошевич, Л.Н. Бойцов, Д.В. Ковалева, П.И. Лобко. Мн., 1998. 479 с.
- Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / Пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў, 2009. 240 с.
- Англо-русский словарь общенаучной лексики / Сост. Н.М. Новиченко, Н.Н. Кикор; Под общ. ред. Н.М. Новиченко. Барановичи, 2005. 262 с.
- Андрыеўская З.Я., Галай І.П.* Руска-беларускі фізіка-геаграфічны слоўнік. Мн., 1994. 367 с.
- Анічэнка У.В.* Вопыт літаратурна-дыялектнага слоўніка беларускай мовы. Гомель, 1999. 483 с.
- Арашонкава Г.У., Лемцюгова В.П.* Кіраванне ў беларускай і рускай мовах: Слоўнік-даведнік / Пад рэд. М.В. Бірылы, А.І. Падлужнага. Мн., 1991. 303 с.
- Арашонкава Г.У., Чабатар Н.А.* Тлумачальны слоўнік адметнай лексики ў творах Якуба Коласа / Навук. рэд. А.І. Падлужны. Мн., 2003. 287 с.
- Аўласевіч М.А., Якубовіч Т.І.* Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы: Дапаможнік для навучэнцаў і студэнтаў. Ч. 1: А–К. Магілёў, 2002. 241 с.

- Бардовіч А.М., Круталевіч М.М., Лукашанец А.А.* Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы: Вучэбны дапаможнік для агульнаадукацыйных школ, ліцэяў, гімназій. Мн., 2000. 413 с.
- Бардовіч А.М., Мормыш Л.С., Шакун Л.М.* Школьны марфемны слоўнік беларускай мовы. Мн., 2005. 496 с.
- Бардовіч А.М., Шакун Л.М.* Марфемны слоўнік беларускай мовы. 2-е выд. Мн., 1989. 718 с.
- Баршчэўскі А.Л., Шастак Р.І.* Слоўнік беларускай мовы: амафоны, амаформы, амографы, амонімы, антонімы, паронімы, сінонімы. Мн., 2006. 496 с.
- Баршчэўскі Л.П.* ЕўраСлоўнік: 28 моў. Мн., 2008. 704 с.
- Баханькоў А.Я., Гайдукевіч І.М., Шуба П.П.* Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мн., 2006. 413 с.
- Беларуска-рускі слоўнік: У 2 т. / Рэд. К.К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). 2-е выд. Мн., 1988–1989.
- Беларуская мова: Энцыклапедыя / Пад рэд. А.Я. Міхневіча. Мн., 1994. 655 с.
- Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мн., 1996–2004.
- Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Склад. Я. Рапановіч. 2-е выд. Мн., 1974. 384 с.
- Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склад. Ф. Янкоўскі. 3-е выд. Мн., 1992. 491 с.
- Беларускі слоўнікі й энцыклапедыі: Бібліяграфія / Склад. В. Кіпель і З. Саўка. Нью Ёрк; Мн., 2002. 570 с.
- Белорусско-русский паралексический словарь-справочник: Пособие для учителя / Под ред. А.Е. Михневича. Мн., 1985. 367 с.
- Бірыла М.В.* Беларуская антрапанімія: У 3 т. Мн., 1966–1982.
- Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь: В 3-х т. Мн., 1976–1978.
- Булахов М.Г.* Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: В 5 т. Мн., 2002–2005.
- Булыка А.М.* Слоўнік іншамоўных слоў: А-Я. Мн., 1993. 398 с.
- Булыка А.М.* Слоўнік іншамоўных слоў: У 2 т. Мн., 1999.
- Булыка А.М.* Слоўнік іншамоўных слоў: актуальная лексіка: Каля 4000 слоў. Мн., 2005. 334 с.
- Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / Рэд. М.В. Бірыла, А.А. Крывіцкі. Мн., 1970. 512 с.
- Волкава Я.В., Авілава В.Л.* Польска-беларускі слоўнік: звыш 40 000 слоў / Пад рэд. Г.А. Цыхуна. Мн., 2004. 880 с.
- Гамеза Л.М.* Комплексны лексічны слоўнік беларускай мовы (сінонімы, антонімы, амонімы, паронімы). Мн., 2008. 304 с.
- Гаўрош Н.В.* Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы: 18000 вобразных азначэнняў. Мн., 1998. 604 с.
- Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Рэд. А.І. Жураўскі, А.М. Булыка. Вып. 1–33–. Мн., 1982–2013–.
- Грабчыкаў С.М.* Цяжкія выпадкі ўжывання блізкіх па гучанню слоў. Мн., 1977. 328 с.
- Грабчыкаў С.М.* Слоўнік паронімаў беларускай мовы. Мн., 1994. 478 с.
- Граматычны слоўнік дзеяслова / Навук. рэд. А.І. Падлужны, В.П. Русак. Мн., 2007. 1252 с.
- Граматычны слоўнік назоўніка / Навук. рэд. А.Я. Міхневіч, В.П. Русак. Мн., 2008. 1379 с.
- Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя / Навук. рэд. В.П. Русак. Мн., 2009. 1176 с.
- Гюльмянц К.М.* Польско-русский фразеологический словарь: Свыше 11 000 фразеологических словосочетаний. В 2 т. Мн., 2004.
- Даніловіч М.А.* Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны. Гродна, 2000. 267 с.
- Друцкі-Падбярэскі Б.* Падручны беларуска-польскі слоўнік. Вільня, 1929. 294 с.
- Дыялекталагічны атлас беларускай мовы: Даведачныя матэрыялы і каментары да карт / Пад рэд. Р.І. Аванесава, К.К. Крапівы, Ю.Ф. Мацкевіч. Мн., 1963. 971 с.
- Дыялектны слоўнік Брэстчыны / Рэд. Г.М. Малажай, Ф.Д. Клімчук. Мн., 1989. 294 с.
- Жывёльны свет: Тэматычны слоўнік / Навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. Мн., 1999. 239 с.
- Завальнюк У.М., Прыгодзіч М.Р., Раманцэвіч В.К.* Слоўнік сучаснай беларускай мовы / Пад агул. рэд. М.Р. Прыгодзіча, У.М. Завальнюка. Мн., 2009. 399 с.
- Зайка А.* Дыялектны слоўнік Косаўшчыны. Слонім, 2011. 270 с.
- Іванов Е.Е., Мокіенко В.М.* Русско-белорусский паремнологический словарь. Могилев, 2007. 248 с.
- Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дапаможнік. Мн., 1997. 262 с.
- Іваноў Я.Я., Іванова С.Ф.* Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў, 2007. 192 с.

- Ідыш-беларускі слоўнік / Сабраў і пераклаў на бел. мову А. Астравух. Мн., 2008. 928 с.
- Канюшкевіч М.І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка: У 3 ч. Гродна, 2008-2010.
- Карповіч Л.Т., Казыра Л.А.* Англа-беларускі слоўнік грамадска-палітычнай лексікі. Мн., 1993. 459 с.
- Клышка А.К.* Беларуская-польскі размоўнік. Мн., 1992. 335 с.
- Клышка М.К.* Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / Пад рэд. Л.А. Антанюк. Мн., 1976. 592 с.
- Костюкович Н.Н., Люштик В.В., Щербин В.К.* Русско-белорусский словарь математических, физических и технических терминов. Мн., 1995. 512 с.
- Кур'янка М.І.* Нямецка-беларускі слоўнік: больш за 50 000 слоў. Мн., 2006. 976 с.
- Лазарук М.А., Ленсу А.Я.* Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў. 3-е выд. Мн., 2003. 239 с.
- Лазоўскі У.М.* Слоўнік антонімаў беларускай мовы: Канкрэтныя выпадкі ўжывання. Мн., 1994. 293 с.
- Ластоўскі В.* Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924. XII + 832 с.
- Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся: Атлас. Слоўнік. Мн., 2008. 353 с.
- Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 т. / Пад рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мн., 1993–1998.
- Лемцюгова В.П.* Украінска-беларускі слоўнік / Пад рэд. М.В. Бірылы, А.Я. Супруна. Мн., 1980. 688 с.
- Лепешаў І.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мн., 2004. 443 с.
- Лепешаў І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў: У 2 т. Мн., 2008.
- Лепешаў І.Я., Якаліцэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. 695 с.
- Ляшчынская В.А., Шведова З.У.* Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / Пад рэд. В.А. Ляшчынскай. Гомель, 2007. 312 с.
- Мажэйка Н.С.* Частотны слоўнік беларускай мовы. Мн., 2006. 658 с.
- Манаенкова А.Ф.* Словарь русских говоров Белоруссии: Ветковские говоры. Мн., 1989. 231 с.
- Матэрыялы Агульнаславянскага лінгвістычнага атласа. Раслінны свет / Навук. рэд. В.П. Русак. Мн., 2009. 341 с.
- Музычны слоўнік беларуска-рускі. Мн., 1999. 559 с.
- Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мн., 1972. 320 с.
- Насовіч І.І.* Слоўнік беларускай мовы. Мн., 1983. 792 с.
- Некрасіўвіч С.М., Байкоў М.Я.* Расійска-беларускі слоўнік. Мн., 1928. 728 с.
- Падручны польска-беларускі слоўнік / Пад рэд. А. Абрэмбскай-Яблонскай і М. Бірылы. Варшава, 1962. 1084 с.
- Пашкевіч В.* Ангельска-беларускі слоўнік / Пад рэд. С. Шупы. Мн., 2006. 1028 с.
- Піскуноў Ф.А.* Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка (каля 223 000 слоў). Мн., 2012. XVI + 1208 с.
- Плотнікаў Б.А., Трайкоўская В.П.* Слоўнік цяжкасцяў беларускай мовы. Мн., 2004. 544 с.
- Пятроўскі Я.* Клясычны грэцка-беларускі слоўнік. Ч. 1–2. Florida, 1983–1985.
- Рагаўцоў В.І.* Мовы свету: энцыклапедычны даведнік. Магілёў, 2009. 290 с.
- Рагойша В.П.* Паэтычны слоўнік. 3-е выд. Мн., 2004. 575 с.
- Рагойша В.В.* Літаратуразнаўчы слоўнік: тэрміны і паняцці: для школьнікаў і абітурыентаў. Мн., 2009. 303 с.
- Радына А., Радына Я.* Беларуская-польскі і польска-беларускі матэматычны слоўнік / Пад рэд. Я. Радыны. Гродна, 2010. 341 с.
- Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Мн., 1973. 295 с.
- Республика Беларусь. Энциклопедия: В 7 т. Мн., 2005–2008.
- Руска-беларускі слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі / Пад рэд. М.В. Бірылы, Г.У. Арашонкавай. Мн., 1994. 560 с.
- Руска-беларускі слоўнік скарачэнняў: У 2 т. Мн., 1996.
- Русско-белорусский политехнический словарь: В 2 т. / Ред. И.Л. Бурак, В.В. Люштик, А.В. Орешонкова. Мн., 1997–1998.
- Русско-белорусский словарь: В 3 т. 4-е изд. Мн., 1993.
- Русско-белорусский словарь для военных=Руска-беларускі слоўнік для вайскоўцаў / Под ред. В.В. Язепчика, Н.Н. Кривко. Мн., 1996. 447 с.
- Русско-белорусский словарь жестового языка / Науч. ред. В.И. Мархель. Мн., 2006. 354 с.

- Русско-белорусский словарь общественно-политической терминологии / Под ред. Н.В. Бирилло, М.Р. Судника. Мн., 1970. 452 с.
- Русско-белорусский словарь общеупотребительной лексики / Сост. Н.Н. Кривко. Мн., 1999. 1183 с.
- Санько В.А. Гаворыць — старажытны Рым, гавораць — пра старажытны Рым. Афарызмы, прымаўкі, максімы. Лацінская, руская, беларуская мовы / Навук. рэд. І.М. Грамыка. Мн., 2003. 380 с.
- Словарь белорусского наречия / Сост. И.И. Носовичемь. СПб., 1870. VI+756 с.
- Словарь запрещенного языка [иврит-русский словарь] / Авт.-сост. Л.Ф. Престина-Шапино. Мн., 2006. 335 с.
- Слоўнік асабовых імёнаў. Беларуска-рускі і руска-беларускі / Уклад. У.А. Сарока; Навук. рэд. М.Н. Крыўко. Мн., 2000. 277 с.
- Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфаэпія. Анцэнтауцыя. Словазмяненне / Пад рэд. М.В. Бірылы. Мн., 1987. 903 с.
- Слоўнік беларускай мовы / Навук. рэд. А.А. Лукашанец, В.П. Русак. Мн., 2012. 916 с.
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. Мн., 1979–1986.
- Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: У 2 т. / Уклад. Е.С. Мяцельская і інш.; Пад рэд. Е.С. Мяцельскай. Т. 1. Мн., 1990. 287 с.
- Слоўнік лексічных формаў (сінонімы, амонімы, антонімы, паронімы, амографы, амафоны) / Уклад. Я.І. Хвалей, У.В. Шарпіла. Мн., 2004. 416 с.
- Слоўнік мовы «Нашай Нівы» (1906–1915): У 5 т. / Пад рэд. В.П. Лемцюговай. Мн., 2003–2007 (Т. 1–2, издание продолжается).
- Слоўнік мовы Скарыны: У 3 т. / Склад. У.В. Анічэнка. Мн., 1977–1994.
- Слоўнік мовы Янкі Купалы: У 8 т. Т. 1–6. Мн., 1997–2012.
- Слоўнік тыпу INSITU беларускай мовы: Слоўнік, граматычны даведнік і збор тэкстаў для вывучаючых беларускую мову / А.І. Дабралюбаў, Н.В. Маргун, Н.У. Машэда і інш. Мн., 2003. 429 с.
- Слоўнік цяжкасцей беларускай мовы: правапіс, вымаўленне, націск, словазмяненне, словаўжыванне / Аўт.-склад. Г.У. Арашонкава, В.П. Лемцюгова. Мн., 2005. 447 с.
- Смарничок М.Ф., Барысаглебская Э.І. Беларускія аднакарэнныя і сугучныя словы з рускімі адпаведнікамі: Слоўнік-даведнік. Мн., 2002. 296 с.
- Станкевіч А.А., Фралова Н.І. Слоўнік-даведнік асабовых імён / Навук. рэд. А.М. Булыка. Гомель, 2001. 236 с.
- Станкевіч Я. Беларуска-расійскі (вялікалітоўска-расійскі) слоўнік. New York, 1989. 1305 с.
- Старычонок В.Дз. Слоўнік амонімаў беларускай мовы. Мн., 1991. 255 с.
- Струкава С.М. Слоўнік архаізмаў і гістарызмаў (на творах беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі). Мн., 2007. 655 с.
- Сцяцко П.У., Гуліцкі М.Ф., Антанюк Л.А. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / Пад рэд. М.В. Бірылы, П.У. Сцяцко. Мн., 1990. 222 с.
- Сцяшковіч Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мн., 1983. 671 с.
- Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мн., 1977–1984.
- Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. 4-е выд. Мн., 2005. 784 с.
- Трухан Т.М., Клімчук Ф.Д. Лексіка апрацоўкі льну: Тэматычны слоўнік, лексічны атлас. Мн., 2006. 202 с.
- Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Рэд. А.А. Крывіцкі. Мн., 1982–1987.
- Уласевіч В.І., Даўгулевіч Н.М. Слоўнік новых слоў беларускай мовы. Мн., 2009. 448 с.
- Француска-беларуска-рускі слоўнік / С.П. Батура, Г.А. Змудзяк, А.С. Прохарава, Н.А. Скір; Пад агул. рэд. С.М. Батуры. Мн., 1992. 295 с.
- Францускі Скарына і яго час: Энцыкл. даведнік. Мн., 1988. 608 с.
- Цітова А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы / Нав. рэд. А.Я. Супрун. Мн., 1982. 144 с.
- Цыхун А.П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну). Гродна, 1993. 244 с.
- Чарнякевіч Ю.В. Атлас гаворак паўночна-ўсходняй Брэстчыны. Мн., 2009. 255 с.
- Шатэрнік М.В. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны / Пад рэд. М.Я. Байкова, Б.І. Эпімаха-Шыпілы. Мн., 1929. 317 с.

- Шведаў С.М.* Слоўнік сінонімаў беларускай мовы. Мн., 2004. 480 с.
- Шкраба І.Р.* Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні). Мн., 2008. 320 с.
- Шуба П.П.* Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў. Мн., 1993. 168 с.
- Шынкaroў В.В., Раманав С.П.* Беларускі палітычны слоўнік. Мн., 2011. 576 с.
- Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мн., 1993–2003.
- Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 т. Мн. 1984–1987.
- Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1989. 575 с.
- Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–12. Мн., 1978–2008.
- Юрчанка Г.Ф.* Народнае вытворнае слова: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны. Вып. 1–3 / Рэд. А.А. Крывіцкі. Мн., 1981–1985.
- Юрчанка Г.Ф.* Сучасная народная лексіка: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны: У 2 ч. Мн., 1993–1996.
- Юрчанка Г.Ф.* Народнае мудраслоўе: Слоўнік / Навук. рэд. А.А. Крывіцкі. Мн., 2002. 319 с.
- Яленскі М.* Слоўнік з малюнкамі / Пад рэд. П.П. Шубы. 2-е выд. Мн., 1995. 264 с.
- Янка Купала:* Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1986. 727 с.
- Янкова Т.С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Рэд. М.В. Бірыла, А.А. Крывіцкі. Мн., 1982. 432 с.
- Янкоўскі Ф.М.* Дыялектны слоўнік / Рэд. М.Р. Суднік. Вып. 1–3. Мн., 1959–1970.
- Ясіньска Т., Барташэвіч А.* Кароткі слоўнік беларуска-польскі, польска-беларускі. Warszawa, 2007. 621 с.
- Яшкін І.Я.* Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў. Тапаграфія. Мн., 2005. 806 с.

Мария ЧОРОЛЕЕВА
(София, Болгария)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БОЛГАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Начало болгарской лексикографии относится к XIX веку, к эпохе Возрождения, и связано с появлением первых лексикографических опытов наших книжных деятелей, прежде всего, в связи с нараставшим интересом к болгарскому языку и болгарской культуре, а в некоторых случаях — в связи со стремлением к изучению иностранных языков и ради приобщения и знакомства с другими культурами. Этим целям служит, например, «Гръцко-български речник към Разговорник грекобългарски за ония, които желаят греческий язык да се научат» (Белград, 1835) Христати́я Павловича Дупничанина — первый печатный двуязычный словарь, созданный как пособие для изучения греческого языка. В большинстве случаев, однако, на этом начальном подготовительном этапе в истории болгарской лексикографии первые попытки были подчинены основной цели болгарских возрожденческих деятелей — созданию и развитию новоболгарского литературного языка, решение которой относится ко времени с середины XIX в. до его конца. Часть первых лексикографических опытов представляет собой приложение к другим трудам (грамматикам), например: «Речи турски и няколко гречески...» — словарь-приложение к «Болгарска граматика» Неофита Рилского (Крагуевац, 1835), «Речник или Лексикон на Словенски речи, които треба да ся в нашат язык...» к «Кратко начертание (на всеобщата

история» Анастаса Ст. Кипиловского (1836), «Словарник или няколко думи, които на места говорят турски или гръцки, а пък на други места Български» — приложение к «Първичка българска словница» (Стамбол, 1848) Ивана Богорова, приложение к «Grammatik der Bulgarischen Sprachen» братьев Цанковых (Виена, 1852). Самостоятельно в этот период изданы: «Речник на думи турски и гръцки в языка българский» А. Живкова и М. Павлева (Букурещ, 1855), «Краткий речник за чуждестранните речи, които ся находжат в българский язык» Тодора Хрулева (Браила, 1863), «Френско-български и българско-френски речник», ч. I (Виена, 1869) и «Българско-френски речник» (Виена, 1871) Ивана Богорова, часть из «Словар на българския език, изтълкуван на църковнославянски и гръцки език» Неофита Рилского (1875) и ряд других.

Характер большинства из них определяется поставленной создателями болгарского литературного языка целью очищения языка от иноязычных (в основном, турецких и греческих) слов, что понималось как обязательное условие выполнения языком своей основной функции — служить средством сохранения болгарского народного сознания и содействовать национальному объединению. Так, например, Н. Рилский в словаре к болгарской грамматике «Речи турски и няколко гречески» пишет, что эти слова находятся «во употребление на сегашното време в сичката България», и стремится заменить их равнозначными славянскими, что соответствует его взглядам на построение единого литературного языка, который не покрывается ни одним диалектом и состоит прежде всего из славянских элементов. Т. Хрулев пошел другим путем. Во времена, когда народный язык изобиловал турецкими словами, в его словаре «Краткий речник за чуждестранните речи» им отведено незначительное место (включены только некоторые слова, связанные с административным устройством), и это тоже было средством отказа от нежелательной в формирующемся языке лексики.

С другой стороны, именно словари этого периода были посредниками в момент вхождения и усвоения болгарским языком международной культурной лексики. Авторы разделяли прогрессивное мнение, что невозможно строить язык совершенно в отрыве от развитых литературных языков и что для общих культурных понятий надо заимствовать и их названия. Так, например, в словаре Хрулева такие слова, как: *гимназия, директор, институт, конференция, студент, литератор, этика, система, стил, идол, документ, кабинет, олимпиада, резиденция, цивилизация, фантазия, иллюминация, конгрес, хармония* и др. понимались как неотъемлемая часть болгарского книжного языка.

Наряду с этим, все упомянутые словари, хотя и в разной степени, содействовали целям формирования болгарского литературного языка. Нужно особо отметить словари Ивана Богорова, вклад которых в развитие лексической системы болгарского литературного языка все еще не получил заслуженной оценки. Сами условия создания болгарского литературного языка, отсутствие цельных лексикографических трудов и богатой литературы привели к созданию двуязычного переводного словаря, каким был «Французско-болгарский и болгарско-французский словарь» Богорова. Богоров понимал важную роль словаря в формировании литературного языка, назы-

вая его основой разговорного и письменного языка («бъдник на един говорни и писмовни език»), а с другой стороны, он отдавал себе отчет в неизбежных трудностях и необходимости большого времени, чтобы составить его. Это и определило его подход при создании «Французско-болгарского словаря» — ориентироваться на такой сформировавшийся литературный язык, каким был французский. «Болгарско-французский словарь» Богорова впервые системно представляет болгарскую лексику. Этот словарь тоже выполнял те функции, о которых говорилось выше: с одной стороны, способствовать очищению языка от иноязычных слов, а с другой, содействовать вхождению международной культурной лексики. Крайние увлечения автора пуризмом, благодаря которым он стал знаменитым, здесь еще не проявляются. Богоров ставил себе и другие задачи, особенно важные для этого этапа развития языка. В тот период было необходимо, чтобы словарь отражал также и новосозданные слова — так словарь становился действенным инструментом для создателей литературного языка, а не просто «гробом для слов», по выражению П.Р. Славейкова. Таким образом, хотя Богоров и отличался известными увлечениями, но в то время они сыграли свою положительную роль. В словаре Богорова впервые делается попытка представить максимально полно словообразовательные гнезда: на базе конкретной словообразовательной основы разнообразными словообразовательными средствами созданы все возможные производные лексемы — так лексика болгарского языка получила системный характер. Целенаправленно и сознательно осуществлялось построение литературного языка (например, системно отражены отвлеченные существительные на *-ост*, *-ина*, отглагольные существительные, уменьшительные существительные, прилагательные на *-лив*, сложные существительные и др.). Обычно подчеркивается, что Богоров заменял иноязычные слова придуманными им новыми словами, что во многих случаях было неприемлемо. Однако важным и существенным является то, что эти новые слова были созданы по законам болгарского языка, в соответствии с болгарским народным словообразованием, и таким образом Богоров продемонстрировал словообразовательные возможности болгарской языковой системы. Интересно представлены в словаре производные слова — указывается способ их образования: выделены префиксы и некоторые первые составные части сложных слов, перечислены все исходные слова — все это было весьма полезно, поскольку таким образом был выявлен механизм неограниченного образования новых производных слов.

Наиболее точно взгляды ряда болгарских деятелей на роль словарей в процессе создания литературного болгарского языка отражены в лексикографических материалах П.Р. Славейкова. На его взгляд, словарь должен очерчивать основы современного болгарского языка и строиться на базе всех болгарских народных говоров, так как уже назрели условия для создания словаря, который включал бы в себя все словарное богатство народного болгарского языка — на этот период времени это было уже необходимостью. Первым, кто взялся составить толковый словарь болгарского языка, был Неофит Рилски, но издана была только небольшая часть (в 1875 г.), и до сих пор рукопись этого словаря хранится в Народной библиотеке имени Свв. Кирилла и Мефодия в Софии.

Все предыдущие лексикографические попытки подготовили наступление следующего этапа развития болгарской лексикографии. В этот период появляются первые болгарские толковые словари. Русский филолог, профессор Московского и Пражского университета, Александр Львович Дювернуа стал автором первого печатного болгарского толкового словаря «Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» (Москва, 1885–1889). Он включил в словарь лексику, почерпнутую как из народных говоров, так и из болгарской литературы. Слова расположены в алфавитном порядке, в словаре дается грамматическая характеристика слова (например, у глаголов указываются безличные и возвратные формы, совершенный и несовершенный вид, сочетаемость; у существительных — формы множественного числа, уменьшительные производные и др.). Особо указываются заимствованные слова. Толкование значений слов дается на русском языке при помощи описательных дефиниций или синонимов, словарь имеет свое собственное лицо, и он не является толковым словарем в общепринятом смысле. Значения лексических единиц проиллюстрированы в нем богатым материалом, который был эксцерпирован автором из печатных сборников произведений болгарского народного творчества, а также из произведений тогдашней болгарской литературы. Труд был закончен учениками А. Дювернуа, помощь при оформлении словаря в печать оказал известный болгарский писатель Т. Влайков, бывший тогда студентом Московского университета. Деятельность А. Дювернуа имеет исключительное значение для дальнейшего развития болгарской лексикографии.

Наиболее существенное место в лексикографии этого периода, как и вообще в болгарской лексикографии, имеет созданный Найденом Геровым многотомный толковый «Речник на български език (с тълкувание речите на български и руски)» (Пловдив, 1895–1908), эпохальный труд, который является сокровищницей болгарского народного языка. В нем представлено лексическое богатство всех болгарских народных говоров второй половины XIX века. Первые три буквы словаря были изданы в Москве еще в 1857 г., однако автор решил, что ему необходим еще материал, и отложил публикацию словаря, продолжая упорную работу по сбору и обработке материала. С помощью Т. Панчева (с третьего тома) словарь был издан в пяти томах с дополнениями. Он содержит 78 620 слов, более 60 000 примеров для иллюстрации значений, 4100 фразеологизмов и устойчивых словосочетаний, 15 000 пословиц, поговорок и др. Таким образом, этот словарь впервые выявляет огромное богатство болгарской лексики, ее семантики и фразеологии; благодаря иллюстративному материалу он одновременно является также энциклопедией народной духовности, болгарского духа, народной культуры. Согласно определению самого Н. Герова, это словарь живого болгарского народного языка. Он придерживался мнения, что в словаре в первую очередь необходимо представить народный язык, чтобы на этой основе создавать литературный язык.

В этом словаре закладываются теоретические основы болгарской лексикографии и основные принципы создания толкового словаря болгарского языка. Ряд лексикографических решений актуален и для современной лексикографии. Таким об-

разом, словарь не потерял свое значение до сих пор (хотя в некоторой степени его использование затрудняется этимологическим правописанием, которого придерживался Н. Геров). Хорошо известно, что этот словарь был настольной книгой таких титанов болгарской литературы — создателей болгарского литературного языка, — как Иван Вазов, который называл его «неоценимым трудом», Пенча Славейкова и др. Через посредство этого словаря в художественную литературу, а через нее и в литературный язык попало множество слов из разных болгарских говоров. Так словарь Герова и другие словари того времени содействовали созданию единого болгарского литературного языка, основанного на всех болгарских народных говорах.

В период дальнейшего развития и обогащения болгарского литературного языка задачи и роль болгарской лексикографии стали несколько иными. Уже появилась возможность представлять в толковых словарях лексическую систему языка целостно, учитывая ее сложные внутренние связи и взаимодействия. Здесь следует отметить большие заслуги в области болгарской лексикографии видного болгарского лингвиста Стефана Младенова. В составленном им словаре «Български тълковен речник с оглед към народните говори» (БТР), из которого был издан только первый том (1951), автор ставит целью системно представить болгарскую лексику. По этой причине он выбирает алфавитно-гнездовой принцип построения словаря. Стремление к системности выражается в заполнении свободных (пустых) мест в словообразовательных гнездах производными словами и формами, например, через добавление ряда отглагольных существительных, производных существительных, префиксальных глаголов. Таким образом, опираясь на уже утвердившиеся модели, выявляются словообразовательные возможности языка и демонстрируются тенденции становления новых литературных моделей.

Начало более высокого этапа в развитии болгарской лексикографии положено с момента создания в 1942 г. Службы болгарского словаря при Болгарской академии наук, которая позднее переросла в Институт болгарского языка. Как прямой наследник Службы обособилась Секция болгарской лексикологии и лексикографии. С этого момента можно считать, что наступило время современной болгарской лексикографии. Институт болгарского языка и особенно Секция болгарской лексикологии и лексикографии уже почти 70 лет является лексикографическим центром страны. Здесь проходят подготовку профессиональные лексикографы, разрабатываются теоретические вопросы лексикографии и формируются солидные научные лексикографические концепции, на основе которых создаются наиболее серьезные болгарские лексикографические труды.

Таким образом, обобщая, можно выделить следующие этапы развития болгарской лексикографии:

– первый, подготовительный этап, на котором предпринимаются первые лексикографические попытки, подчиненные целям возрождения; в это время создаются лексиконы, которые представляют собой приложение к другим трудам; позже появляются самостоятельные двуязычные словари, ставшие основой для перехода к более высокому этапу — этапу создания толковых словарей;

– второй этап охватывает два последних десятилетия XIX века и начало XX века, в это время А. Дювернуа и Н. Геровым созданы первые толковые словари болгарского языка, отражающие лексическую систему болгарского языка;

– третий этап (до начала 50-х годов XX века) характеризуется исследованием и представлением в специальных словарях отдельных аспектов болгарской лексической системы: создаются словари иноязычных слов, синонимов, разрабатывается этимология слов, исследуются грамматические особенности и орфография лексики, появляются толковые словари (БТР Стефана Младенова);

– четвертый этап; это этап современной болгарской лексикографии; он начинается с создания Службы болгарского словаря, когда лексикография утверждает свои позиции как научная область, и продолжается до наших дней; в этот период прослеживаются два этапа развития современной болгарской лексикографии: первый этап характеризуется такими трудами, как трехтомный «Речник на съвременния български книжовен език» (РСБКЕ) и однотомный БТР, в это время формируются и развиваются основные принципы создания толковых и специальных словарей; с начала 70-годов XX века до наших дней — велась упорная работа по выработке теории многотомного толкового словаря, разрабатывались теоретические вопросы лексикографии, что привело к созданию словарей разных жанров, построенных на основе строгих научных концепций.

Как уже было отмечено выше, основной задачей Службы болгарского словаря было создание Словаря современного болгарского литературного языка. С этой целью началась работа по собиранию материала для формирования лексического архива как необходимой базы для создания задуманного словаря. Под руководством акад. Ст. Романского усилиями сотрудников секции был собран первый архив словарного фонда болгарского языка, возникла солидная база для создания разных по виду и объему словарей и для проведения различных лингвистических исследований.

Естественно, необходимо было направить внимание лексикографов, во-первых, на создание толкового словаря, так как именно этот словарь в дальнейшем мог стать основой для формирования специальных словарей, и, во-вторых, нормативно-толкового словаря, который бы отражал нормативную лексику, так как в этот период продолжался процесс складывания болгарского литературного языка. Такие задачи ставились и при выработке концепции трехтомного словаря «Речник на съвременния български книжовен език» (РСБКЕ), изданного с 1954 по 1959 г. (объем — 2300 с., словарь включает 63 567 слов). Он разработан коллективом из 15 научных сотрудников (С. Бояджиев, З. Генадиева, М. Димитрова, Й. Заимов, А. Иванова, Д. Иванова, Цв. Македонска, Р. Мутафчиев, К. Ничева, А. Спасова, С. Спасова, Л. Стоичкова, Л. Тодоров, М. Филипова, Кр. Чолакова), главный редактор Ст. Романски, состав редакционной коллегии: чл.-корр. Л. Андрейчин, Ст. Илчев, чл.-корр. Ив.Леков, чл.-корр. К. Мирчев, проф. Ст. Стойков и чл.-корр. Цв. Тодоров. Руководствуясь нормативным принципом, РСБКЕ строится на основе материалов из произведений художественной, научной и общественно-политической литературы, учитывается также разговорный язык второй половины XIX в., таким образом словарь отражает

только нормативно принятую лексику, т.е. одну часть лексической системы болгарского языка. В словаре указываются наиболее существенные грамматические свойства слов, признанные правильными согласно требованиям нормы литературного языка, грамматические формы лексических единиц, делается нормативная оценка стилистической принадлежности лексем или некоторых их значений. Семантика лексических единиц впервые разработана достаточно точно. Особенно глубоко проанализирована и представлена семантическая структура многозначных слов. Значения определены краткими и точными дефинициями и проиллюстрированы примерами из произведений болгарских писателей. В конце словарных статей приводятся наиболее распространенные фразеологизмы со своими дефинициями. Более ограниченно представлена лексическая сочетаемость и прежде всего синтаксические границы некоторых лексических значений, т.е. часто не показаны условия — лексические и синтаксические — для проявления того или другого лексического значения. Несмотря на отдельные неточности и пропуски, трехтомный академический РСБКЕ остается одним из наиболее весомых трудов современной болгарской лексикографии большого национального и общекультурного значения. РСБКЕ использовался как основа для создания других толковых и специальных словарей болгарского языка.

Другим толковым словарем этого периода, занимающим значительное место в развитии современной болгарской лексикографии, является одготомный «Болгарски тълковен речник», (в нескольких изданиях — первое в 1955 г., изд. «Наука и изкуство»), разработанный авторским коллективом: чл.-корр. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, чл.-корр. Ив. Леков, проф. Ст. Стойков и чл.-корр. Цв. Тодоров. В отличие от РСБКЕ, в него включены как слова из современного литературного языка, так и лексические единицы, которые характерны для народных говоров, а также жаргонные слова, архаизмы, устарелые слова, новые слова и употребления, т.е. более широко и свободно введены лексические единицы, выходящие за рамки нормативно принятой в литературном языке лексики. Несмотря на это, в словаре осуществляется нормативная классификация лексических единиц. Специальные пометы показывают их стилистическую принадлежность и эмоционально-экспрессивный характер. Семантика слов представлена достаточно экономно, во многих случаях даже схематично; информация об их грамматических свойствах очень скупа, а иллюстративный материал состоит преимущественно из коротких примеров-сочетаний, используются также примеры из произведений писателей и общественно-политических деятелей. Это первый завершённый одготомный толковый словарь болгарского языка.

В 1994 г. вышло из печати четвертое издание «Български тълковен речник», которое представляет собой результат переработки и обновления, осуществлённых Д. Поповым (Институт болгарского языка). Автор принимает за эту трудную задачу с целью сблизить представленную в словаре модель лексической системы болгарского языка с современным его состоянием, так как этот единственный одготомный словарь болгарского языка в известной степени устарел как в отношении объема

(большое количество утвердившихся в языке слов не вошло в него), так и в отношении достаточно полной демонстрации значений, употреблений и форм слов, включенных в словарь. В новом издании словник словаря обогащен новыми словами (10 000), заимствованными из других языков или созданными на болгарской почве, которые утвердились уже в болгарской лексической системе за последние 20 лет. Вместе с этим из словаря были устранены устарелые и диалектные слова, так как их присутствие не соответствовало целям словаря. Представление лексических значений слов осовременено, но сохранились сущность и вид дефиниций в словаре. Обновление выражается, главным образом, в уточнении семантики ряда слов, особенно терминов, и освобождении дефиниций от неуместной идеологизации с соблюдением принципа научной объективности. Так как принимается важная роль иллюстративного материала в выявлении значений слов, в словаре увеличено количество примеров и словосочетаний, от части слишком длинных или недостаточно ясных примеров из художественной и общественно-политической литературы отказались. С учетом усовершенствования лексикографического представления сделаны изменения и в представлении стилистической и грамматической характеристики слов. Таким образом Д. Попов достиг своей цели, так что «Български тълковен речник» в этом новом издании продолжает оставаться основным и доступным справочником.

Наиболее значительным достижением современной болгарской лексикографии является многотомный академический толковый «Речник на българския език» (РБЕ), который разрабатывается коллективом Секции болгарской лексикологии и лексикографии Института болгарского языка Болгарской академии наук. Работе над этим словарем (т. I вышел из печати в 1977 г.) предшествовал долгий подготовительный период, во время которого была обогащена лексическая база — словарные картотеки Секции. Сегодня они насчитывают около 7 000 000 карточек и состоят из архива современной художественной литературы, картотеки с материалами литературы XIX века, картотеки с материалами опубликованных произведений народного творчества, терминологического архива, архива синонимов, архива для систематизации значений и др. Эти словарные картотеки являются бесценной национальной языковой базой, объединяющей богатство болгарского языка, начиная с первой четверти XIX века до наших дней. Первоначально в редколлегию входили К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова. До восьмого тома главным редактором была Кр. Чолакова. С девятого тома каждый том имеет отдельного главного редактора. Для решения ряда теоретических лексикографических проблем и реализации на практике системности и единых решений в словаре был разработан и опубликован труд «Ръководство за съставяне на Речник на българския език» (авторы: З. Геннадиева-Мутафиева, К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова — София, 1966). Это первый труд по теории лексикографии и собственно по теории толковых словарей в болгарской лексикографии. Надо отметить, что данное теоретическое руководство постоянно обновляется и совершенствуется. Редколлегия Словаря, (состав которой в разных годах изменялся), находит решение ряда возникающих новых или нерешенных ранее лексикографических вопросов.

Многотомный «Словарь болгарского языка» отражает не только современное состояние болгарской лексической системы, но и демонстрирует ее развитие со времени возникновения и развития новоболгарского литературного языка до наших дней. Охватывая лексику двух столетий (с 1824 г., когда был издан на живом народном языке «Рыбный букварь» д-ра П. Берона, до сегодняшнего дня), словарь фиксирует слова, формы, значения, употребления, сочетания и фразеологизмы из художественной и публицистической литературы XIX и XX вв. до наших дней, а также в нем нашла отражение почерпнутая из опубликованных произведений лексика народного творчества. Таким образом словарь представляет лексическую систему всего болгарского языка. По объему словника РБЕ является самым богатым болгарским толковым словарем. В нем представлено в наибольшей полноте словарное богатство болгарского языка во всех его разновидностях: книжная лексика, разговорная лексика, просторечие, диалектная лексика, жаргонная лексика. Наряду с общеупотребительной болгарской лексикой в словарь вошли устарелые слова (архаизмы), старинные слова, слова и устойчивые сочетания, перешедшие в пассивный запас языка, слова, возобновившие свое употребление, неологизмы, церковнославянизмы, иноязычные слова, термины разных областей знания, диалектные слова, которые встречаются в художественной литературе, опубликованные произведения народного творчества, лексемы из толковых и других словарей болгарского языка, жаргонная лексика. Он отличается от остальных болгарских словарей и по своему характеру, который определяется сочетанием двух тенденций — историко-описательной и нормализаторской. Слова представлены в алфавитном порядке. В отдельных статьях разработаны все простые непроезводные и производные слова, сложные слова, все приставки и продуктивные первые и вторые составные части сложных слов. В словарной статье после заголовочного слова дается его грамматическая характеристика, которая очень важна с учетом нормализаторской задачи словаря. В связи с этим характеристика слов дается с учетом их употребления. При определении лексической нормы учитывается современное состояние литературного языка. Классификация слов дается с учетом таких критериев, как принадлежность слова к внелитературной, нарушающей литературную норму, лексике, а также с учетом употребления данных языковых единиц в определенном функциональном языковом стиле; показывается историческая перспектива в жизни слов, экспрессивно-эмоциональный характер слов, частота употребления.

В отличие от РСБКЕ и БТР в РБЕ впервые столь детально представлена семантическая структура слов — их значения, нюансы и употребления. Отражены все лексикализованные, утвердившиеся в общенародной языковой практике значения, как современные, так и устарелые, как нормативные, так и диалектные, терминологические значения, которые используются в учебниках средней школы и в научно-популярной литературе, разговорные значения и употребления, жаргонные значения. Отдельные значения в словарных статьях упорядочены с учетом внутренней иерархии, которая определяется семантической производностью значений. Раскрытие значений слов осуществляется на основе их связи и взаимоотношений между

ними. В определении значений слов важное место занимает вопрос о типичных, системно проявляющихся производных значениях в определенных лексико-семантических группах. Для раскрытия семантики лексических единиц особо важным представляется выявление обязательной лексической сочетаемости и конструктивной обусловленности ряда значений. В словаре используются описательные, структурные, структурно-описательные, синонимические дефиниции и такие дефиниции, посредством которых указывается, в каких случаях употребляется слово. Значения, нюансы и употребления лексических единиц, их грамматические, стилистические и сочетаемостные способности иллюстрируются материалами, почерпнутыми из художественной литературы, произведений народного творчества, публицистики, специальной литературы, а также примерами-сочетаниями и короткими предложениями, составленными автором словарной статьи. После представления семантической структуры слов в конце словарной статьи в трех блоках даются устойчивые сочетания с элементом заголовочного слова: сложные названия и термины, фразеологизмы и сложные лексико-грамматические единицы, которые сопровождаются краткими дефинициями. Словарные статьи завершаются справочным отделом, содержащим сведения о происхождении иноязычных слов, о фонетических вариантах заголовочного слова, о наиболее древнем книжном источнике (обычно для заимствованных слов) и о самом старом словаре, из которого взято слово (если материал о нем представлен в словарных картотеках). РБЕ наиболее целостно отражает лексическую систему болгарского языка в соответствии с современной научной лексикографической теорией многотомного толкового словаря типа тезаурус. В 2012 г. вышел из печати 14 том, а в настоящий момент авторский коллектив работает над 15 и 16 томами. Весь словарь будет состоять из 19–20 томов. Была начата и работа по переизданию 1–8 тт., так как они уже давно разошлись и не существовали на электронном носителе. Уже изданы первый, второй, третий и четвертый тома второго, дополненного и переработанного издания. В новом издании отражены наступившие очень быстрые и значительные изменения, произошедшие в лексике болгарского языка в последние почти три десятилетия: появилось много новых слов, в то время как ряд слов переходит в пассивный пласт лексики за счет активизации других. Особенно большие изменения произошли в дефинировании целых пластов лексики, это касается, например, деидеологизации определений, отражения изменений в значениях политической, экономической, философской и др. лексики. Мы надеемся, что в скором времени этот наиболее весомый труд болгарской лексикографии будет завершен, опубликован и представлен на электронном носителе.

Большое внимание в болгарской лексикографии уделяется и специальным словарям.

Значительны достижения в описании болгарской фразеологической системы. Впервые болгарская фразеология была научно представлена в двухтомном словаре «Фразеологичен речник на българския език» (БАН, 1974–1975), составленном К. Ничевой, С. Спасовой-Михайловой, Кр. Чолаковой. Он содержит более 13 000 фразеоло-

логических единиц (включая варианты). Словарь построен на основе созданной его авторами очень солидной теории о характере и сущности фразеологической единицы, об объеме и границах фразеологического состава болгарского языка, о формах и границах фразеологических единиц, о модификациях их формальной структуры и принципах лексикографического представления. В Словаре фразеологизмы болгарского языка представлены как система: показано взаимодействие между ними, отражены различные связанные между собой варианты и уточнены все виды изменений в формах фразеологических единиц. Так как, по мнению авторов, фразеологические единицы являются равноправными элементами наряду с лексическими единицами в системе языка, фразеологизм воспринимается в словаре как основная единица. Это определяет расположение фразеологизмов по первому компоненту в алфавитном порядке. Словарь снабжен указателем компонентов включенных в него фразеологических единиц. Пояснения, при помощи которых реализуются конструктивно-обусловленные значения фразеологизмов, а также круг лексем, с которыми связаны фразеологизмы при реализации лексически связанных значений, и их сочетаемость представлены в словаре другим шрифтом, чтобы разграничить их от действительного состава фразеологизмов. Большим преимуществом словаря являются точные дефиниции фразеологизмов, а также богатый иллюстративный материал из художественной литературы, публицистики, научно-популярной литературы и произведений народного творчества. Словарь остается лучшим научным лексикографическим трудом, представляющим наиболее полно болгарскую фразеологию как систему.

Еще одним серьезным лексикографическим трудом по фразеологии болгарского языка является составленный К. Ничевой словарь «Нов фразеологичен речник на българския език», в котором отражено более широкое понимание об объеме и границах фразеологии, в него входят также единицы, не попавшие в «Фразеологический словарь».

Из специальных дифференциальных толковых словарей, отражающих ту или иную сторону лексической системы, должен быть упомянут и «Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век» (София, 1974), под редакцией Ст. Илчева (авторы: Ст. Илчев, А. Иванова, А. Димова, М. Павлова). Словарь включает в себя не только слова упомянутых групп лексики, но и устарелые формы, устарелые значения и употребления современных слов. Он является весомым справочным пособием для читателей старой литературы, а также базой для исследования лексических пластов, отражающих язык эпохи Возрождения. В болгарской лексикографии чувствуется необходимость в создании словаря лексики XIX века на материалах этой эпохи. Он мог бы пролить свет на ряд процессов формирования современной лексической системы болгарского языка.

В современной болгарской лексикографии разрабатываются словари для повышения языковой культуры — нормативные справочники по орфографии, орфоэпии, касающиеся правильного употребления слов. Особенно это стало актуально в последние годы, так как наблюдается ускоренное развитие лексической системы бол-

гарского языка в связи с новыми тенденциями в орфографии и пунктуации, что привело к колебаниям и разным решениям в повседневной языковой практике (это касается слитного или раздельного написания слов, конкуренции вариантов и дублетных форм, транскрипции чужих имен, употребления знаков препинания). С этой целью Секция современного болгарского языка Института болгарского языка, уполномоченная Министерским советом изучать изменения в орфографии и создавать нормативные труды, составила новый орфографический словарь («Нов правописен речник на българския език». София: Хейзъл, 2002), который в большой степени опирается на академический «Правописен речник на съвременния български книжовен език» (София, 1983 и 2-е изд. 1995). Словарь состоит из трех основных частей. В теоретической части «Принципы и правила орфографии и пунктуации болгарского языка» по-новому формулированы принципы болгарской орфографии и болгарской пунктуации, слитного, дефисного и раздельного написания слов, переноса слов, постановки знаков препинания и др. Словник словаря (вторая часть) не только намного полнее в сравнении со всеми изданными орфографическими словарями, но и является более современным. Третья часть содержит 17 приложений — тематически объединенных списков — личных и географических имен, праздников, сокращений и др., которые дают дополнительную информацию об особенностях включенных в них лексических единиц.

«Речник за правоговор, правопис и пунктуация» (София, 1998) Д. Попова, К. Синова и С. Видинской отличается оригинальным замыслом и исполнением. Он содержит около 65000 лексических единиц, подбор которых был интуитивным с учетом частоты употребления и нормативности. Словник выработан на основе четвертого и дополненного издания Болгарского толкового словаря Д. Попова. Вводная часть словаря с заголовком «Правоговор, правописание, пунктуация (основные понятия, правила и исключения в алфавитном порядке)» является теоретической разработкой в виде словаря, в которой систематизированы и расположены в алфавитном порядке орфографические, орфоэпические и пунктуационные правила болгарского языка и исключения из них. Здесь даны названия основных языковых понятий (фонетических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических), которые связаны с определенными орфоэпическими, орфографическими или пунктуационными проблемами. Так, например, разработаны грамматические статьи, посвященные именам существительным, нарицательным и собственным наименованиям, формам множественного числа, деепричастиям, междометиям, частицам, порядковым числительным, отражено употребление постпозитивного члена, описаны однородные члены предложения, обособление, вводные слова и выражения, звательная форма. После объяснения их сущности указывается, какие орфоэпические и орфографические ошибки наиболее часто связаны с ними, объясняется правильное употребление. Исключительно полезными для языковой практики и культуры являются статьи, которые рассматривают орфографические и пунктуационные вопросы, например, статьи, детально разрабатывающие вопросы о слитном, дефисном и раздельном написании, о знаках препинания, которым впервые

уделяется такое внимание. Вторая часть словаря представляет алфавитный список включенных в него слов. Индексами показывается образец, по которому изменяется данное слово, он представлен в третьей части. В некоторых случаях используется и индекс, который отсылает к вводной части, где дается объяснение соответствующей проблемы и возможных орфографических и орфоэпических ошибок. В третьей части представлено и словоизменение частей речи, включенных в словник, посредством обобщающих таблиц, которые показывают парадигму определенного типа слов и содержат примеры для иллюстрации. После индекса следует поле основной формы и список слов, которые изменяются по данному образцу. Указываются дифференциальные признаки данного типа парадигмы. В специальном поле указываются элементы парадигмы, например, у имен существительных есть клетки для окончания единственного и множественного числа, форм с определительным членом, звательных форм и др. Посредством последовательно осуществленной формализации достигается целостное и системное, основанное на точных критериях, представление о болгарском словоизменении. Этот новый для болгарской лексикографии тип словаря, созданного на основе взаимодействия лингвистики и компьютерного моделирования и программирования, полезен как для развития языковой культуры, так и для выработки различных типов словарей.

Наряду с этими основными нормативными справочниками по правописанию издаются и многие другие, меньшие по объему, словари, предназначенные служить обществу — в ряде случаев с учебными целями — для усвоения норм современного болгарского литературного языка.

Первым в болгарской лексикографии справочником, предоставляющим информацию об орфографии терминов определенной области (научно-технические термины), является разработанный М. Поповой и др. «Правописен речник на българската научно-техническа лексика» (София, 2001). Словник словаря строится на основе двух основных критериев: орфографического и тематического, их сочетание дает возможность представить в словаре такие термины научно-технического подъязыка, при употреблении которых констатируются нарушения произносительной и орфографической нормы. Положительной стороной словаря является системное представление типов орфографических и языковых особенностей научно-технической лексики. Особенно важно подчеркнуть, что этот словарь есть первая попытка системной стандартизации болгарской научно-технической лексики посредством унифицирования языковой формы групп терминов, а также нормализации терминов на основе принятых орфографических принципов.

Большой интерес представляет и разработанный Л. Крумовой-Цветковой «Речник на трудностите в българския език» (София, 1999), который отражает затруднения говорящих на болгарском языке — фонетического, морфологического, лексического и синтаксического характера, касающихся произношения, орфографии, словоизменения, выбора той или иной грамматической формы (в случае колебания в роде или в форме числа), той или иной лексической единицы (при учете взаимоотношений между дублетами, синонимами, вариантами, антонимами, паронимами),

правильного употребления слов (в связи с его значением, стилистической окраской, лексической и грамматической сочетаемостью, сферой употребления). Словарь содержит около 5000 единиц. Словарь отличается от изданных в других странах подобных словарей (для Болгарии он первый в своем роде) тем, что в нем представлена, хотя и в сжатом виде, семантическая структура всех слов. Это дает возможность отнести и связать каждую особенность с точно определенным значением, т. е. гарантируется полная идентификация нормативных замечаний и рекомендаций. В словаре приводятся сведения о существующих исследованиях, относящихся к включенным словам, а также указывается информация, предлагаемая разными справочниками, прежде всего, орфографическими, орфоэпическими, толковыми и др. словарями. Таким образом словарь становится ценным пособием для повышения языковой культуры и овладения нормой современного болгарского литературного языка.

К словарям, отражающим отдельные части лексической системы, принадлежит «Речник на съкращенията в българския език» (авторы: Л. Крумова-Цветкова и М. Чоролеева — София, 1-е изд., 1983; Л. Крумова-Цветкова, М. Чоролеева и Хр. Холиолчев — София, 2-е, доп. и переработ. издание, 2003). Составлению словаря предшествовало теоретическое исследование сущности аббревиации, перехода части из них к обычным словам и классификации сокращений. Второе издание этого словаря содержит 15 200 сокращений. В него включены сокращения всех структурных типов: лексические сокращения (частично сокращенные слова, сложносокращенные слова, внутрисловные сокращения, инициальные сокращения, смешанные сокращения) и графические сокращения. Около 5000 из них — новые аббревиатуры, возникшие в последние 20 лет. Среди них находятся и сокращения, связанные с международными контактами и обменом в экономической, политической, военной и культурной областях. Особенно важное место занимают международные сокращения, связанные с участием Болгарии в европейских и мировых структурах (Европейский союз и НАТО). Словарь строится в алфавитном порядке. Для сокращений, которые используются в устной речи и, следовательно, в той или иной степени подвергаются влиянию обычных слов, после заголовочного слова указывается их правильное произношение, грамматические формы (род, число, определенность) и производные от них слова. Для иноязычных (и интернациональных) сокращений указывается язык, из которого они были заимствованы, дается форма сокращения в соответствующей иноязычной графике, а также полная расшифровка на данном языке.

* * *

В истории болгарской лексикографии среди первых попыток создания словарей известны ранние варианты словарей иноязычных слов. Так как невозможно остановиться на всех словарях этого богато представленного жанра в болгарской лексикографии, упомяну только те, которые основаны на научно выдержанной концепции и были изданы в последние десятилетия. Одним из самых лучших словарей этого жанра является академический «Речник на чуждите думи в българския език» (София, 1982), созданный авторским коллективом: М. Филипова-Байрова, С. Бояджиев,

Ел. Машалова, К. Костов, отв. редактор Ст. Илчев. Он отражает в широком охвате утвердившуюся иноязычную лексику с XIX в. до наших дней. Указано происхождение заимствованных слов и в необходимых случаях язык-посредник. Значения слов определяются описательными дефинициями или при помощи синонимов. Подготавливается современный переработанный и дополненный вариант переиздания этого словаря.

Следует отметить пятое, дополненное и переработанное Ем. Пернишкой, издание «Речник на чуждите думи в българския език» Александра Милева, Божила Николова, Йордана Браткова (София, 2000). В него включена иноязычная лексика и отражены значения слов, связанных с разными областями современной жизни в сфере экономики, торговли, информатики, техники, политики, медицины, спорта, музыки. Словник обновлен более 3 300 новыми словами и многими новыми значениями. Дефиниции нескольких тысяч слов осовременены, деидеологизированы, уточнены в соответствии с требованиями современной лексикографии. К сожалению, однако, здесь не представлен языковой облик иноязычных слов, как это сделано в академическом словаре.

«Речник на чуждите думи в български» (В. Търново, Елпис, 1995) Ст. Бурова и П. Пехливанова насчитывает 40 000 иноязычных слов, которые употребляются во всех сферах жизни. В него включено очень много заимствований, которые не отражены в предыдущих словарях. Значения слов пояснены краткими и ясными дефинициями. Делаются рекомендации об их употреблении и возможных ошибках в использовании заимствований.

Отличается по концепции от других словарей этого вида «Речник на чуждите думи» (София, Атлантис, 1994, 2-е изд. — 1996), разработанный коллективом: Г. Армянов, Б. Георгиев, Ив. Касабов, Л. Крумова-Цветкова, С. Павлова и М. Чоролеева. В него вошли иноязычные слова из сфер, наиболее поддающихся изменениям и влияниям: культуры, литературы, музыки, спорта, бизнеса, финансов. Именно в этих областях существующие словари иноязычных слов нуждаются в осовременивании, актуализации и деидеологизации дефиниций, пополнении новыми заимствованными словами. Авторы рассматривают большую часть включенных слов не как чужие лексемы, а как часть международной культурной лексики, которая является неотъемлемой частью лексической системы как болгарского, так и многих других европейских языков.

Отдельным жанром являются словари, посредством которых показываются взаимоотношения и взаимодействия единиц лексической системы (словари синонимов, антонимов и др.).

В болгарской лексикографии существует несколько синонимических словарей. В первую очередь, нужно отметить академический «Синонимен речник на современния български книжовен език» (София, 1980 и 2-е изд. — 1994), М. Димитровой и А. Спасовой, построенный на основе хорошо обоснованной научной концепции, изложенной в ряде теоретических статей. Он содержит около 5000 синонимов и 1643 синонимических ряда. Словарь имеет толковый и нормативный характер. Чле-

ны синонимических рядов даны с их прямыми значениями и из-за этого синонимическое богатство болгарского языка показано очень ограничено. После каждого синонимического ряда приводится его общее значение, а далее в словарной статье дается определение значения каждого члена ряда, указываются особенности в отношении сочетаемости, стилистической и эмоциональной характеристики. Преимущество словаря состоит именно в точном и сжатом представлении значений синонимических рядов и каждого синонима в отдельности.

В отличие от этого словаря, который сравнительно ограничено показывает синонимику в болгарском языке, несколько раз переиздававшийся «Български синонимен речник» Л. Нанова (1-е изд. София, 1936; 2-е перераб. и доп. изд. подг. А. Нановой. София, 1987) демонстрирует в наиболее полном объеме синонимическое богатство болгарского языка (3-е изд. состоит из 23 000 синонимов). В него вошли прежде всего слова современного болгарского литературного языка, а также некоторые диалектные и устарелые слова. В словаре предпринято упорядочение синонимических рядов по алфавитному порядку синонимов-доминантов. Естественно, в первом богатом словаре синонимов есть непоследовательности и противоречия в представлении материала, например, доминантные синонимы не всегда отвечают требованиям стилистической нейтральности и частоты употребления. Упорядочение синонимов в синонимическом ряду не означает их близость к доминанту по значению и сфере употребления, часто члены синонимических рядов являются синонимами доминантного синонима, но не между собой; как члены синонимического ряда включены названия родовых и видовых понятий, которые не могут быть определены как синонимы. Преимущество словаря состоит в том, что в синонимических рядах участвуют слова с переносными, производными значениями, и поэтому он намного богаче словаря М. Димитровой и А. Спасовой. Однако, к сожалению, члены синонимических рядов не сопровождаются дефинициями, что затрудняет их использование. Таким образом, рассмотренные два синонимических словаря имеют разные преимущества — богатство синонимических рядов у одного и точное определение значений у другого. Объединение этих двух принципов выработки привело бы к созданию хорошего синонимического словаря.

Недавно появился еще один тип словаря, новый для болгарской лексикографии, — «Фразеологичен синонимен речник на българския език» (автор Ани Нанова — София: Хейзъл, 2005), в котором впервые продемонстрировано синонимическое богатство болгарской фразеологии (10 000 фразеологизмов). Фразеологизмы — доминанты синонимического ряда представлены как заглавные единицы. Указывается их синтаксическая сочетаемость, стилистические и эмоционально-экспрессивные особенности, приводится толкование значения доминантного синонима и иллюстрирование его авторскими примерами. С новой строки даются фразеологизмы-синонимы, упорядоченные по степени семантической близости с доминантным синонимом. В словаре находится очень богатая картина фразеологической синонимии, настоящее синонимическое фразеологическое богатство — некоторые синонимические ряды составлены из более чем 100 фразеологизмов. Во второй части

словаря отражена синонимия между лексическими единицами (около 4000) и фразеологизмами. Словарь имеет большое практическое значение, кроме того он открывает широкие возможности для интересных семантических исследований в области фразеологии.

К подобному жанру, способному отражать взаимоотношения единиц лексической системы, относится и «Речник на антонимите в българския език» (авторы: Емилия Пернишка и Стефка Василева. София: Изд. дом «Петър Берон», 1977), который является первым болгарским словарем антонимов, разработанный на основе концепции Ем. Пернишкой и под ее редакцией. В заголовочных антонимических рядах (их около 1800) в алфавитном порядке охвачено приблизительно 5000 слов. После каждого антонимического ряда дается объяснение значений слов, расположенных с двух сторон знака, которым отмечается противоположность. Используются описательные и синонимические дефиниции. Каждое значение иллюстрируется соответствующими примерами. В конце словарной статьи даются производные антонимов, и таким образом словарь обогащается дополнительными антонимическими рядами.

Многотомный академический «Български етимологичен речник» (София, 1971–2002. Т. 1–6), раскрывает этимологию и историю единиц лексической системы болгарского языка. Он разрабатывается коллективом Секции болгарской этимологии при Институте болгарского языка. Идея создания словаря принадлежит акад. Владимиру Георгиеву, который был его редактором с первого тома по третий, с четвертого по шестой редакторами разных частей были В. Георгиев, И. Дуриданов, М. Рачева, Т.Ат. Тодоров, а с 7-го тома главным редактором словаря является Т.Ат. Тодоров. Границы словарного фонда, включенного в словарь, очень широки, как с точки зрения учета разных лексических пластов национального языка — литературной, диалектной (хранящей много общеславянских и субстратных слов) и жаргонной лексики, так и с точки зрения хронологических границ слова: учитываются материалы как из современной литературы, так и из всех литературных памятников, архивов и словарей разных этапов развития языка. Словарь позволяет пролить дополнительный свет на единство болгарского языка разных этнических территорий. В него включены также имена поселений, местностей и лиц. Словарь построен по гнездовому принципу — после основного (обычно производного) слова располагаются его производные, т.е. представлено все этимологическое, словообразовательное гнездо. В случаях, когда производное слово семантически отдалено от основного, первичного, оно дается как заголовочное слово в отдельной статье, с отсылкой к первичному, а оно само становится центром других производных, представленных в этой статье. Таким образом, этот труд содержит богатую информацию, присущую словообразовательному словарю. Вместе с тем, так как в словаре указываются староболгарские соответствия и все их производные, начиная с памятников до XIV века, в нем отражается история слов, следовательно, он выполняет также роль исторического словаря болгарского языка. В словаре впервые предлагается этимологическое объяснение большого числа слов. Вносятся исправления и дополнения к существующим этимологиям. В словаре устанавливаются связи болгарского языка с дру-

гими славянскими и балканскими, индоевропейскими и неиндоевропейскими языками, это проливает свет на генезис болгарского народа и на историю его материальной, духовной культуры. Таким образом, болгарский этимологический словарь занимает важное место не только в болгарской, но и в славянской лексикографии.

Словарем, отражающим ранний этап развития болгарского языка и болгарской лексики, является разработанный коллективом Секции истории болгарского языка при Институте болгарского языка «Старобългарски речник». Издан т. I: А–И (София, 1999), т. II: О–У (София, 2009), ответственный редактор Д. Иванова-Мирчева. Словарь охватывает целостно лексику сохранившихся в оригинале или в рукописных копиях староболгарских памятников IX–XI вв., включая местные и личные имена. Особенно ценной стороной словаря является то, что он по типу приближается к толковым словарям. Слова расположены в алфавитном порядке кирилловского староболгарского алфавита. Все слова — основные и производные — имеют свои словарные статьи за исключением только некоторых фонетических или графических вариантов. После заголовочного слова и соответствующей грамматической характеристики словарная статья содержит детально разработанную семантическую структуру слова, со всеми его значениями, нюансами (оттенками) и употреблениями. В толковании часто используются синонимические дефиниции — эквивалентные по значению слова современного болгарского языка. Словарная статья содержит сведения о происхождении и распространении слова в памятниках письменности, толкование значений, греческие соответствия, иллюстративный материал, данные о вариантах и дублетах и др. Словарь отражает также устойчивые сочетания, в которые входит заголовочное слово. Значительная их часть сохранилась в фразеологической системе современного болгарского языка. В конце приводится указание на современное употребление слова, если оно все еще существует в современном болгарском языке (в литературном языке или в некотором из его диалектов). Староболгарский словарь занимает особое место в болгарской лексикографии как исключительно ценный лексикографический труд не только из-за полного представления лексики старейших болгарских памятников, но и благодаря своей научно обоснованной и последовательно выдержанной лексикографической концепции. Вместе с тем он является исключительно ценным трудом для всех болгаристов и славистов.

Интенсивные процессы, происходящие в обществе, порождают активное развитие лексической системы языка, активизируется словообразование, возникают новые значения, происходит процесс заимствования иноязычных слов. Из словарей, отражающих изменения в лексике болгарского языка последних лет, должен быть отмечен «Речник на новите думи и значения в българския език» (авторы: Е. Пернишка, Д. Благоева и С. Колковска, ред. Е. Пернишка — София, 2001). Словарь содержит более 3500 новых данных, около 500 новых сложных названий, терминов и фразеологизмов, возникших или заимствованных в последнее десятилетие XX века (1990–2001). В словарь включены в основном утвердившиеся в болгарской лексике слова-неологизмы (в отличие от окказионализмов, номенклатурных названий и др.). Слова расположены в алфавитном порядке. После заголовочного слова дается грам-

матическая и функциональная характеристика. Для представления семантики слова используются описательные или синонимические толкования. Указываются синонимы и антонимы слова. Значения иллюстрируются примерами. Иллюстративный материал (преимущественно предложения) собран по материалам прессы, радио, телевидения, художественной литературы. Словарь особенно ценен тем, что большая часть новых слов и значений впервые получила свое толкование. Те же авторы подготовили и новый «Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.)», который вышел в 2010 г. Он содержит 5000 новых слов и значений, около 750 новых сложных названий и фразеологизмов. Словник Словаря определен максимально точно благодаря опоре на созданный электронный корпус, содержащий 240 млн. единиц. Слова имеют ясные и точные дефиниции. Таким образом, словарь стал ценным справочником о грамматических, стилистических и функциональных особенностях новых слов и значений.

Недостаточно представлен в болгарской лексикографии жанр авторской лексикографии, т. е. пока разработано лишь несколько словарей языка того или иного автора (писателя). К этому жанру относятся: незаконченный «Речник на езика на Христо Ботев» (напечатан только т. I: А–К — София, 1960, авторы: Стойко Божков и Зара Генадиева) и «Речник на езика на Васил Левски (София, АИ «Марин Дринов», 2003, автор: Маргарита Симеонова), отражающий лексику, представленную в документальном наследстве В. Левского. Оба словаря имеют толковый характер.

В последние десятилетия настоящий расцвет отмечается в двуязычной болгарско-иноязычной и иноязычно-болгарской лексикографии, без сомнения, в связи с необходимостью быстрее изучения иностранных языков. Этот факт отражает потребность в переводных двуязычных словарях. Однако качество большей части порожденных рыночным спросом словарей ниже необходимого научного уровня. Совсем немногие из них созданы специалистами-лексикографами. К существенным недостаткам двуязычных переводных словарей надо отнести, прежде всего, интуитивный, а не строго лексикографический, с опорой на научную теорию, подход при определении состава словников. Несмотря на это, в болгарской двуязычной лексикографии могут быть отмечены немалые достижения.

Прежде всего нужно сказать о «Новом русско-болгарском словаре», созданном выдающимся болгарским лексикографом Сергеем Влаховым (под ред. д-ра Анны Липовской. София: Парадигма, 2004). Он содержит 50 000 слов, устойчивых сочетаний и фразеологизмов и, следовательно, по объему является словарем среднего типа. Его разработка мотивирована потребностью в современном русско-болгарском словаре, который отражал бы значительные изменения в лексике, произошедшие в последние 15 лет в двух языках в связи с существенными переменами в жизни болгарского и русского общества. Автор справился успешно со своей задачей. Словник охватывает прежде всего слова «современного русского литературного языка», но в него включены также и слова, оставшиеся за пределами книжной нормы (простонародная и жаргонная лексика), которые в последние годы вошли в язык публицистики. Многопластовость лексики, ее функциональная специфика представ-

лена с помощью набора стилистических помет. Структура словаря подчинена трем принципам. На первом месте применен классический принцип — упорядочение слов в алфавитном порядке. Одновременно с этим использован и гнездовой принцип упорядочения — в ряде статей представляются производные основного (заголовочного) слова. Таким образом отражаются и словообразовательные возможности слов. Оригинален третий способ представления русских лексических единиц, условно названный «над чертой»: в словарных статьях дается их формальная и семантическая характеристика, приводится сочетаемость и особенности использования в речи при переводе на болгарский язык. «Под чертой» представлены слова, совпадающие по облику и значению с болгарскими словами, поэтому только они документируются без перевода на болгарский язык. Над чертой даются и такие слова, которые имеют общий корень, и часть их значений совпадает в двух языках, но они имеют разную сочетаемость, образуют различные устойчивые сочетания и фразеологизмы, поэтому приходится анализировать их в содержательной части словаря. Важно предупреждение болгарского читателя о возможных ошибках в межъязыковых омонимах, которое выражается при помощи отрицательной частицы *не* и указания на болгарское слово, с которым можно спутать русский омоним. Очень ценны и важны заметки автора, указывающие на специфические особенности при использовании в речи русских лексических единиц (в отличие от соответствующих болгарских), которые связаны с особенностями русского быта и культуры. В словаре отражена также лексика, для которой нет эквивалентов (т. е. отсутствует перевод). Это реалии, относящиеся к специфике русского быта, значения таких слов даны в кратких дефинициях. Ценность словаря состоит также в широком представлении русской фразеологической системы с соответствующими болгарскими эквивалентами. Кроме того С. Влахов в иллюстративных примерах воссоздает картину реального речевого функционирования лексики. Благодаря всему этому словарь С. Влахова выгодно отличается от традиционных двуязычных переводных словарей и может быть причислен к научным лексикографическим трудам высокого качества.

Специального внимания заслуживает новое издание «Българско-английски речник» в двух томах (коллектив предыдущего издания: Т. Атанасова, М. Ранкова и др. София: ЕМАС, 2004), осовремененное и расширенное проф. Вл. Филиповым. Словарь полностью был переработан и дополнен значительным количеством новых слов, значений и употреблений. В нем представлены американские соответствия, а также варианты слов и значений. Усовершенствованию данного лексикографического труда в значительной степени способствовала редакторская работа специалиста-лексикографа н.с. Сабины Павловой. При редактировании в словник были включены более 1000 новых слов, ставших общеупотребительными и актуальными в последнее десятилетие. Введено стилистическое маркирование значений и употреблений, а также грамматическая характеристика отдельных значений, когда она является условием для их реализации. Впервые в болгарской словарной практике словарь снабжен приложениями («Имена, связанные с историей болгарской земли», «Богослов-

ские термины», «Имена богов», расширены приложения «Страны, столицы, денежные знаки», «Наиболее часто используемые сокращения», «Измерительные единицы»). Благодаря приложениям в виде пяти маленьких словариков сам словарь становится шире двухтомного филологического справочника.

Из энциклопедических словарей отметим «Енциклопедичен речник от Авгий до Яфет (Български изказни средства от чужди собствени имена)» (София, 1996), разработанный С. Влаховым. Этот словарь, оригинальный и необычный по замыслу и исполнению, является единственным в своем роде в болгарской лексикографии. В нем представлены иноязычные собственные имена, проникшие в языковой мир болгарина, а также слова и словосочетания, связанные с ними по происхождению. В 936 блоках (гнездах) содержатся 6000 словарных статей. Заголовочным словом каждого блока является иноязычное собственное имя. После него следуют слова и словосочетания, связанные по цепочке с этим именем. Каждое следующее слово или словосочетание является частью дефиниции предыдущего. Благодаря этому гнездовому принципу расположения материала приводится огромная информация с очень широкими тематическими и хронологическими границами. Специальное внимание уделяется библейским, мифологическим и историческим личностям и связанным с ними устойчивым выражениям и фразеологизмам. Введены исключительно ценные сведения о происхождении и истории ряда имен и фразеологизмов. Читатель, который пользуется этим словарем, получает разновременные знания из всех областей мировой культуры и истории.

Очень важным для теории лексикографии является труд «Семантический словарь-минимум» Ивана Касабова (София, 1990). В теоретической части, предшествующей основной части словаря, которая озаглавлена «Семантические проблемы лексикографической работы», изложены принципы и методика составления словаря и обосновано применение предложенной теории в лексикографической практике. Словарь представляет ядро (центр) лексической системы болгарского языка (около 850 слов с их значениями), он организован на основе двух дополняющих принципов — алфавитно-толкового и лексико-семантического по полям. Толкование осуществляется только средствами самого словаря, т. е. посредством этих 850 слов. Представлена полная картина семантических взаимоотношений единиц из ядерной части лексики, определены лексико-семантические варианты слов, характеризующиеся определенными интегральными и дифференциальными признаками, представлено их включение в разные семантические поля, которые тоже характеризуются такими же признаками, но со сменными ролями. Исходной базой при определении ядра лексико-семантической системы послужил корпус из 100 слов — ассоциативные стимулы из так называемого «списка Кента и Розанова», на основе которых строятся лексико-семантические поля, после чего решаются проблемы организации этих полей в целостную взаимосвязанную лексико-семантическую систему. В словаре, составленном в соответствии с предложенной теорией, представлена завершенная схема системы лексико-семантических полей и их взаимодействие. Определяя ядро лексико-семантической системы языка посредством радиального

расширения, можно составить словник словаря среднего типа и большого типа. Благодаря предложенной теории, выявление этих словников научно обосновано и достаточно системно, в то время как до сих пор во многих (особенно двуязычных) словарях определение того, какие слова должны быть включены, происходит во многом интуитивно и субъективно.

Как достижение современной болгарской лексикографии должен быть указан и «Универсален енциклопедичен речник», созданный по проекту, оригинальной теории и методике Ивана Касабова, авторы: И. Касабов, Кр. Симеонов, составители: Б. Георгиев и С. Павлова, под редакцией Ив. Касабова (I т. София, 1999; II т. София, 2003). Словарь содержит более 12 000 заголовочных единиц (2/3 нарицательных, 1/3 собственных имен). Он является словарем среднего типа, количество включенных слов соответствует принятому принципу, согласно которому каждое словообразовательное гнездо представлено одним заголовочным словом — с именем существительным, которое имеет наибольший семантический охват. Заголовочные слова, которые составляют словник словаря, подобраны по специальной методике, основанной на теоретических исследованиях болгарской лексики. Основной принцип подбора — полевой. Лексические единицы объединены в 80 полей (с 45 субполями) сообразно соответствующей (научной) области. Каждое из этих терминологических полей содержит только самые необходимые, характерные для данной научной области и достаточные для энциклопедического познания мира термины. Словарь организован и по алфавиту, и по полям, которые связаны между собой. Значения слов определяются на основе их места и связи в соответствующих полях. Каждая словарная статья содержит три раздела: терминологический, популярно-лингвистический и образно-метафорический. В первом разделе представлено терминологическое значение, во втором — обычное (лингвистическое) значение и в третьем — образно-метафорическое значение. Так каждое слово является точкой пересечения трех семантических полей принципиально разного типа, которые соответствуют разным и одновременно сосуществующим в естественном языке «картинам мира»: научно-энциклопедической, бытовой и языковой и ассоциативно-метафорической. Универсальность словаря проявляется в структуре статьи и благодаря информации, заключающейся в ней. В словаре, в сущности, содержатся связанные между собой основные виды словарей: 1) толковый — алфавитный; 2) идеографический — по полям; 3) энциклопедический — по включенным собственным именам и по способу толкования значений; 4) этимологический — благодаря указанию на происхождение слов и мотивирующую базу, связывающую названия со значениями; 5) метафорически-поэтический; 6) антропонимический — типа «Who is who» («Кто есть кто»); 7) географическо-политический и исторический; 8) словарь иноязычных слов и международной лексики; 9) терминологический. Авторы подготавливают и мультимедийный CD-ROM вариант.

На основе анализа болгарских лексикографических трудов, наиболее значительным из которых было уделено внимание в данном очерке, можно предложить классификацию (типологию) словарей болгарского языка. Она опирается на определен-

ные принципы отражения языковой системы в словарях. Очень важно иметь в виду, что каждый словарь строится не на одном принципе, а обычно на основе комплекса принципов, и потому при классификации его можно отнести одновременно к нескольким группам.

Принцип «один язык – два или больше языков» — одноязычные – двуязычные (многоязычные словари).

Принцип «объем» (отраженного языкового материала) — малый, средний, большой, словарь типа тезауруса.

Принцип «диахрония – синхрония» — этимологический словарь, словари, отражающие лексику отдельного периода развития языка; словари, отражающие часть лексики, связанной с развитием языка — словари новых слов, устарелых слов.

Принцип «представления разных аспектов лексической системы», разных частей этой системы:

- по отношению к происхождению слов — словари иностранных слов;
- с учетом специфики единиц языка — фразеологические словари, словари сокращений;
- принцип отражения функционально-стилистических разделений лексики — терминологические словари, диалектные словари, словари жаргонных слов.

Принцип «отражения взаимодействий и взаимоотношений в лексической системе» — словари синонимов, антонимов и др.

Принцип «правильного, нормативного использования языка, языковой культуры» — орфографические, орфоэпические словари.

Принцип «отражения языка в индивидуальном творчестве» — словарь языка писателя и др.

Принцип «фреквентности» — частотные словари.

Основное, традиционно принятое деление в болгарской лексикографии одноязычных словарей — это **толковые и специальные словари**. Оно однако не является точным. Принцип, на котором основывается «толкование, определение значений слов дефинициями», часто используется и в специальных словарях, так что этот признак не может быть различительным для этих двух основных групп. Характерным и определяющим для этой группы является принцип «**многоаспектности – одноаспектности** представления лексической системы». В толковых словарях она находит выражение во всей сложности, во взаимодействиях и с иерархией отдельных частей. В сущности, в толковых словарях находят отражение в той или иной степени принципы построения и разных специальных словарей. Так что название «толковые – специальные словари» можно принять только условно в силу традиции.

В последние годы все больше создается словарей комбинированного типа, например, появились двуязычные, переводные словари, которые одновременно являются специальными, а в некоторых из них используется принцип толкования значений, т. е. они имеют также характер толковых словарей.

Если на начальных этапах развития болгарской лексикографии внимание было направлено прежде всего на создание разных словарей, то в последние десятилетия у лексикографов сильно вырос интерес к исследованию вопросов истории и теории лексикографии, т. е. самостоятельное развитие получает и другая — теоретическая — составляющая лексикографической науки, внимание специалистов все больше привлекают теоретические вопросы и принципы создания словарей. Появился ряд исследований, посвященных анализу отдельных словарей. В этом смысле ценным пособием является «Енциклопедия на съвременния български език» (В. Търново, 2000), в которой описана значительная часть болгарских словарей.

Существует также множество исследований, в которых рассматриваются отдельные моменты истории болгарской лексикографии. К наиболее весомым можно отнести труд В. Кювлиевой «Болгарское словарное дело в период Возрождения» («Българското речниково дело през Възраждането». София, 1977).

Активизации теоретических исследований в области лексикографии способствует созданное в 1996 г. Болгарское лексикографическое общество. Основной его заслугой, как и Секции болгарской лексикологии и лексикографии Института болгарского языка БАН, является проведение каждые два года международных конференций; доклады, прочитанные на этих конференциях, печатаются в лексикографических сборниках. Сборники содержат разнообразные лексикологические и лексикографические исследования. Возможность для дискуссии и выражения взглядов предоставляет издающийся Обществом журнал «Лексикографски преглед». В изданных семи номерах журнала находятся работы, посвященные неисследованным до сих пор лексикографическим и лексикологическим проблемам, обзорные статьи, в которых демонстрируются достижения болгарской и мировой лексикографии, рецензии на новые словари.

В последние годы болгарские лексикографы, в том числе лексикографы Секции болгарской лексикологии и лексикографии Института болгарского языка стремятся к использованию самых современных лексикографических подходов. Создан электронный корпус, содержащий более 300 млн. единиц, который позволяет создавать словники и подбирать иллюстративный материал для словарей разных типов. Ведется работа над новыми важными проектами, к которым относится, например, проект «Информационная среда комплексного лексикографического описания лексического богатства болгарского языка» («Информационна среда за комплексно лексикографско описание на словното богатство на българския език»), в рамках которого создается и используется специальное лексикографическое программное обеспечение для составления словарей и формирования других языковых ресурсов — электронных словарей, лексических баз данных и др.

В заключение надо подчеркнуть, что болгарская лексикография в последние десятилетия развивается весьма интенсивно, напечатано большое количество разнообразных, хотя и разного качества, словарей (только за период 1992–1998 гг. издано более 300 словарей). В предложенном кратком обзоре представлена только небольшая часть лексикографических трудов, а именно только те труды, которые

отличаются последовательностью применяемой научной концепции, отражают новые лексикографические взгляды и, таким образом, имеют значение для развития болгарской лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

(составитель: Сабина Павлова)

Первая часть

Словарные издания со времени возникновения болгарской лексикографии до наших дней

В библиографическом списке печатные издания до конца XIX в. расположены в хронологическом порядке, издания XX–XXI вв. объединяются по принципу жанра.

XIX в.

- Павлович Дупничанин Христаки*. Разговорник греко-болгарский, ... [приложение: Гърцко-български речник]. Белград, 1835.
- Неофит Рилски*. Речи Турски и няколко Гречески, ..., истолкувани по възможности с равнозначенателни Словенски или Русийски [приложение към «Болгарска граматика»]. Крагуевац, 1835.
- Кипиловски Анастас Ст.* Речник или Лексикон на Словенски речи, които треба да ся присвоят в нашат язык..., за да ся очисти языкат ни от чужди речи [приложение към «Кратко начертание към всеобщата история», прев. от рус.]. Будим, 1836.
- Неофит Рилски*. Лексикон славянского языка [черковнославянско-гръцки] [приложение към «Христоматия славянского языка»]. Константинопол, 1852.
- Kyriak Cankof A. und D.* Grammatik der Bulgarischen Sprache [с приложение Българско-немски речник]. Wien, 1852.
- Павлев М. и Живков А. Т.* Речник на думи турски и гръцки в языка българский. Букурещ, 1855.
- Morise C.F.* An English and Bulgarian vocabulary in two parts... Constantinople, 1860.
- Каравелов Любен*. Памятники народного быта болгар [с приложение Българско-руски речник]. Москва, 1861.
- Хрулев Тодор*. Краткий речник за чуждестранните речи, които ся находжат в българский язык. Браила, 1863.
- Богоров Иван*. Френско-български и Българско-френски речник... Част първа. Френско-българска част. Виена, 1869.
- Богоров Иван*. Българско-френски речник... Дял втори. Виена, 1871.
- Неофит Рилски*. Словарь болгарско-гръцкий в старите и нови наречия [отпечатан от А до Благоисправляю]. Цариград, 1875.
- Дювернуа Александър Л.* Словарь болгарского языка. Москва, 1888. 2622, 38 с.
- Геров Найдено*. Речник на българский язык: В 5 т.+ допълнение. Пловдив, 1895–1908 Т. 1. Пловдив, 1895. 396 с.; Т. 2. Пловдив, 1897. 448 с.; Т. 3. Пловдив, 1899. 439 с.; Т. 4. Пловдив, 1901. 416 с.; Т. 5. Пловдив, 1904. 637 с.; Дополнение на българския речник от Н. Геров. Събрал, наредил и изтъкувал Тодор Панчев. Пловдив, 1908. 336 с.

XX – XXI вв.

Толковы е словари

- Младенов Стефан*. Български тълковен речник с оглед към народните говори. Т. 1. А–К. София, 1951. 1126 с.
- Български тълковен речник / Ред. С. Бояджиев. 1. изд. София, 1955. 1021 с.
- Речник на съвременния български книжовен език: В 3 т. / Главен ред. акад. Стоян Романски. София, 1955–1959. Т. 1. София, 1955. 682 с.; Т. 2. София, 1957. 940 с.; Т. 3. София, 1959. 692 с.
- Попов Димитър*. Български тълковен речник. 4. доп. и преработено изд. София, 1994. 1093 с.

- Речник на българския език. [многомомен академичен тълковен]. София, 1977–продължава. Т. 1–8. Главен ред. ст.н.с. I ст. Кр. Чолакова: Т. 1. 1977. 910 с.; Т. 2. 1970. 672 с.; Т. 3. 1981. 770 с.; Т. 4. 1984. 868 с.; Т. 5. 1987. 1029 с.; Т. 6. 1990. 963 с.; Т. 7. 1993. 768 с.; Т. 8. 1995. 864 с.; Т. 9. 1998. 880 с. / Главни ред. ст.н.с. I ст. д.ф.н. В. Кювлиева-Мишайкова, ст.н.с. д.ф.н. М. Чоролеева; Т. 10. 1996. 1267 с. / Главни ред. ст.н.с. I ст. д.ф.н. Ем. Пернишка, ст.н.с. д.ф.н. Л. Крумова-Цветкова; Т. 11. 2002. 1240 с. / Главни ред. ст.н.с. д-р Ю. Балтова, ст.н.с. д.ф.н. М. Чоролеева; Т. 12. 2004. 1074 с. / Главни ред. ст.н.с. I ст. д.ф.н. В. Кювлиева-Мишайкова, ст.н.с. I ст. д.ф.н. Ем. Пернишка; Т. 13. 2008. 1224 с. / Главни ред. чл.-кор. д.ф.н. Ем. Пернишка, ст.н.с. I ст. д.ф.н. Л. Крумова-Цветкова; Т. 14. 2012. 1223 с. / Главни ред. проф. д.ф.н. Л. Крумова-Цветкова, проф. д.ф.н. М. Чоролеева.
- Речник на българския език. [многомомен академичен тълковен]. Допълнено и пеработено изд. за т. 1–8. София, 2001 и продължава. Т. 1. 2001. 1080 с. / Ред. ст.н.с. I ст. д.ф.н. Ем. Пернишка; Т. 2. 2002. 768 с. / Ред. ст.н.с. д.ф.н. Л. Крумова-Цветкова; Т. 3. 2006. 805 с. / Ред. ст.н.с. д-р Ив. Касабов; Т. 4. 2012. 974 с. / Ред. проф. д.ф.н. М. Чоролеева.

Фразеологические словари

- Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр.* Фразеологичен речник на българския език: В 2 т. София, 1974–1975. Т. 1. София, 1974. 759 с.; Т. 2. София, 1975. 779 с.
- Анкова-Ничева К.* Нов фразеологичен речник на българския език. София, 1993. 463 с.
- Калдиева-Захариева Ст.* Румънско-български фразеологичен речник. София, 1997. 943 с.
- Нанова А.* Фразеологичен синонимен речник на българския език. София, 2005. 1389 с.

Словари редких слов

- Речник на редките, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX в. / Под ред. на Ст. Илчев. София, 1974. 606 с.

Словари сравнений

- Кювлиева В.* Устойчивите сравнения в българския език. София, 1986. 274 с. Ч. 2. Речник на устойчивите сравнения в българския език. С. 95–274.

Орфографические и орфоэпические словари

- Младенов Стефан.* Етимологически и правописен речник. София, 1941. 704 с.
- Правописен речник на съвременния български книжовен език / Отг. ред. ст.н.с. Ел. Георгиева, ст.н.с. В. Станков. София, 1983. 930 с.
- Попов Д., Видинска Св., Симов К.* Речник за правоговор, правопис и пунктуация. София, 1998. 917 с.
- Попова М. и др.* Правописен речник на българската научно-техническа лексика. София, 2001. 629 с.
- Нов правописен речник на българския език. / Отг. ред. чл.-кор. ст.н.с. I ст. В. Станков. София, 2002. 1069 с.
- Попов Д. и др.* Правописен речник на българския език. София, 2003. 808 с.
- Пашов П., Първев Хр.* Правоговорен и правописен речник с около 350 000 словоформи. 4. преработено изд. София, 2004. 1208 с.

Обратные словари

- Обратен речник на съвременния български език / Отг. ред. чл.-кор. Л. Андрейчин. София, 1975. 655 с.

Словари трудностей

- Крумова-Цветкова Л.* Речник на трудностите в българския език. София, 1999. 463 с.

Словари сокращений

- Крумова-Цветкова Л., Чоролеева М., Холиолчев Хр.* Речник на съкращенията в българския език. 2. доп. и прераб. изд. София, 2003. 622 с.

С л о в а р и и н о с т р а н н ы х с л о в

- Футеков З. Речник на чуждите думи. София, 1926. 616 с.
Младенов Стефан. Речник на чуждите думи в българския език. 3. доп. изд. София, 1947. 495 с.
Милев Ал., Братков И., Николов Б. Речник на чуждите думи в българския език. 3. прераб. и доп. изд. София, 1970. 880 с.
Речник на чуждите думи в българския език / Отг. ред. Ст. Илчев. София, 1982. 1015 с.
Буров Ст., Пехливанова П. Речник на чуждите думи в българския език. Велико Търново, 1995. 767 с.
Армянов Г. и др. Речник на чуждите думи в българския език. София, 1996. 320 с.
Пернишка Ем. Речник на чуждите думи в българския език. 5. доп. и осн. прераб. изд. София, 2000. 904 с.

С л о в а р и с и н о н и м о в

- Нанов Л. Български синонимен речник. 2. доп. и прераб. изд. София, 1950. 684 с.
Димитрова М., Спасова А. Синонимен речник на българския език. 3. изд. София, 1999. 1142 с.
Пернишка Ем. Синонимен речник на българския език (с антоними и близкозначни думи). Пловдив, 2003. 471 с.

С л о в а р и а н т о н и м о в

- Василева Ст., Пернишка Ем. Речник на антонимите в българския език. София, 1997.

Исторические и этимологические словари

- Български этимологичен речник. [многотомен академичен]. София, 1971 — продължава. Т. 1–3. Ред. акад. Вл. Георгиев. Т. 1. 1971. 680 с.; Т. 2. 1979. 740 с.; Т. 3. 1986. 800 с.; Т. 4–6. Отг. ред. акад. Ив. Дуриданов; Т. 4. 1995. 1003 с.; Т. 5. 1996. 860 с.; Т. 6. 2002. 886 с.; Т. 7. 2011.
Старобългарски речник: В 3 т. / Отг. ред. проф. Д. Иванова-Мирчева. Т. I. А–И. София, 1999. 1027 с. Т. II. О–У. София, 2009. 1325 с.

С л о в а р и н о в ы х с л о в

- Речник на новите думи и значения в българския език / Под общата ред. на ст.н.с. I ст. д.ф.н. Ем. Пернишка. София, 2001. 310 с.
Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на XX в. и първото десетилетие на XXI в.). София, 2010. 515 с.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е с л о в а р и

- Словообразователен речник на съвременния български книжовен език / Под ред. на проф. Й. Пенчев. София, 1999. 395 с.

С л о в а р и я з ы к а п и с а т е л е й (а в т о р с к а я л е к с и к о г р а ф и я)

- Божков Ст., Генадиева З. Речник на езика на Христо Ботев: В 2 т. София, 1960. Т. I. А–К. 622 с.
Тодорова Ел., Трифонова Й. Римо-комбинаторен речник на лириката на Яворов. София, 2000. 432 с.
Симеонова М. Речник на езика на Васил Левски. София, 2003. 688 с.

О н о м а с т и ч е с к и е с л о в а р и

- Илчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969. 606 с.
Ковачев Н. Честотно-etimологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия. Велико Търново, 1995. 620 с.

Д в у я з ы ч н ы е с л о в а р и

- Нов руско-български речник. / Под ред. на А. Липовска. София, 2004. 904 с.
Българско-английски речник: В 2 т. Ново изд., осъвр. и разшир. от проф. Вл. Филипов. / Ред. лексикограф С. Павлова. София, 2004. Т. I. А–Н. 755 с.; Т. II. О–Я. 723 с.
Българско-словашки речник: В 3 тома / Ред. от словашка страна М. Кошкова; от бълг. страна В. Кювлиева-Мишайкова. Братислава, 2004. Т. I. А–К. 709 с.

Энциклопедические словари

- Кратка енциклопедия Трайкийска древност. / Отг. ред. Д. Попов. София, 1993. 316 с.
Андреев Й., Лазаров Ив., Павлов Пл. Кой кой е в Средновековна България. София, 1994. 400 с.
Влахов С. Енциклопедичен речник от Авгий до Яфет. Чужди собствени имена в езиковия свят на България. София, 1996. 430 с.
Касабов Ив. Семантичен речник минимум. София, 1990. 227 с.
Универсален енциклопедичен речник: В 2 т. / Под общата ред. на Ив. Касабов. София, 1999–2003. Т. I. А–Л. 1999. 543 с.; Т. II. М–Я. 2003. 660 с.

Паремнологические словари

- Влахов С.* Съпоставителен речник на пословици — български – руски – английски – френски – немски (и латински). София, 1998. 276 с.

Вторая часть

Българские исследования по истории и теории лексикографии

Включены основные разработки по лексической семантике, имеющие значение для теории и практики лексикографии; полная информация находится в справочнике: Библиография по българска лексикология, фразеология и лексикография. 1950–2010. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2011.

Используемые сокращения:

БЕ = сп. Български език

Изв.ИБЕ = Известия на Института за български език

СпБАН = Списание на Българската академия на науките

Сб. = Сборник

1. Статии, исследования, монографии (по темам)

Сохраняется хронологический порядок расположения материала.

Толковая лексикография

- Бояджиев С.* Методи за тълкуване на думите // Изв.ИБЕ. 1959. Кн. VI. С. 201–222.
Иванова-Мирчева Д. Преносно значение на думата и преносимост на значението // Изв.ИБЕ. 1959. Кн. VI. С. 3–37.
Чолакова Кр. Омонимията в съвременния книжовен български език // Изв.ИБЕ. 1959. Кн. VI. С. 65–98.
Спасова-Михайлова С. Лексико-семантични различия при съществителните имена в българския език с оглед на категорията число // Изв.ИБЕ. 1961. Кн. VII. С. 225–306.
Чолакова Кр. За някои вметнати думи и вметнати съчетания от думи и тълкуването им в речниците // Славистичен сборник. 1963. С. 213–224.
Чолакова Кр. За мястото на фразеологичните единици в речниковата статия на един тълковен речник // БЕ. 1964. Кн. 6. С. 475–483.
Генадиева З., Ничева К., Спасова-Михайлова С. и Чолакова Кр. Ръководство за съставяне на Речник на българския език. София, 1966. 50 с.
Чолакова Кр. Към въпроса за формата на фразеологичната единица // Изв.ИБЕ. 1967. Кн. XV. С. 139–181.
Ничева К. и Чолакова Кр. Съотношение между фразеологична и лексикална единица // Сб. Славянска филология. София, 1968. Т. X. С. 83–96.
Ничева К. Основни лексикографски проблеми при определяне на значението на думите в един тълковен речник // Език и литература. 1974. Кн. 6.
Спасова-Михайлова С. Отклонения от семантичния паралелизъм между предлог и представка в съвременните им пространствени значения // БЕ. 1976. Кн. 1.
Божикова М. Речникът като машина на времето // СпБАН. 2002. Кн. 1.
Лилова М. Системен подход при проучване на семантичните иновации и тяхното лексикографско описание // Тезиси на докладите за Международна научна конференция по палеославистика, лексикология и лексикография в памет на Р. Цейтлин, 27–29 ноември 2002 г. Москва.

- Павлова С. «Колелото на живота» и разбирането на българи и руснаци за него, езиково изразено в «Толковий словарь...» от В.И. Даль и «Речник на българский язык» от Н. Геров // Сп. Съпоставително езикознание. 2002. Кн. 3. С. 85–89.
- Божилова М. Четирите годишни времена в речниците на Вл. Даль и Н. Геров // Българска реч. 2002. Кн. 1. С. 18–27.
- Божилова М. Конотацията като лексикографски тип в Речник на българския език // Тезиси на докладите за Международна научна конференция по палеославистика, лексикология и лексикография в памет на Р. Цейтлин, 27–29 ноември 2002 г. Москва.
- Божилова М. Речникът на националния език като познание и самопознание // Сп. БЕ. 2003. Кн.1. С. 6–18.
- Божилова М. От Вавилонската кула до Двудукия Янус (Опит за антропологична таксономия на българската езикова картина на света) // Сп. Български фолклор. 2004. Кн. 4.
- Пернишка Ем. Съвременната лексикография — извор на познания за богатството и системните връзки на лексиката // Живот сред книгите. Юбилеен сб. в чест на 85-годишнината на проф. д-р Елена Савова. София, 2004. С. 268–276.
- Чоролеева М. Периодизация на развитието на българската лексикография // Сб. Езиковедски изследвания / В чест на чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев, проф. д-р Венче Попова и проф. Петър Пашов. София, 2009. С. 351–357.
- Чоролеева М. Класификация на речниците /вз основа на българските лексикографски трудове // Сб. Българската и словашката лексикография в обединена Европа. Братислава; Велико Търново. 2009. С. 12–17.

Специална лексикография

- Спасова А., Димитрова М. Около проблематиката при съставяне на синонимни речници // БЕ. 1963. Кн. 5. С. 426–434.
- Спасова А. Лексическата синонимия като обект на лексикографията // Изв. ИБЕ. 1970. Кн. XIX. С. 459–465.
- Стойков Ст., Младенов М. Проект за «Идеографски диалектен речник на българския език» // БЕ. 1969. Кн. 2. С. 155–170.
- Божилова М. Лексикографско представяне на език на автор // Българско езикознание. Т. 3. София, 2002. С. 350–398.
- Павлова С. Речник на отдавна забравеното // Тезиси на докладите за Международна научна конференция по палеославистика, лексикология и лексикография в памет на Р. Цейтлин, 27–29 ноември 2002 г. Москва.

Двуязычна лексикография

- Филипова-Байрова М. Изработване на двуезични речници // Изв. ИБЕ. 1959. Кн. IV. С. 223–262.
- Павлова С. Модел за изграждане на общ типов словник на родно-чужд речник // Българско езикознание. Т. 3. София, 2002. С. 399–437.
- Калдиева Ст. За някои проблеми на двуезичната фразеология // Българско езикознание. Т. 3. София, 2002. С. 438–456.
- Павлова С. Българската двуезична лексикография от Освобождението до края на XX век. София, 2010. 234 с.

Лексикографически анализ и история

- Стоичкова Л. Речникът на Найден Геров // БЕ. 1954. Кн. 1. С. 10–39.
- Македонска Цв. П. Р. Славейков като лексикограф // Сб. Стоян Романски, 1960. С. 327–344.
- Чолакова Кр. Българската лексикография и лексикология // Сп. БЕ. 1969. Кн. 4–5. С. 376–383. [см. также: БЕ. 1972. Кн.5. С. 456–458; БЕ. 1985. Кн. 1. С. 21–25].
- Пантелеева Хр. Лексикографските трудове на Иван Богоров // БЕ. 1971. Кн. 1. С. 59–65.
- Кювлиева-Мишайкова В. Българският речник на Ал. Дювернуа // Изв. ИБЕ. 1972. Кн. XIX. С. 467–473.
- Кювлиева В. Българското речниково дело през Възраждането. София, 1997. 337 с.
- Попов Д. Теоретичен анализ на лексикографските принципи на Български тълковен речник от Ст. Младенов // Българско езикознание. Т. 3. София, 2002. С. 285–349.
- Бояджиев Т. Българска лексикология. София, 2002. 367 с.

Сборники, энциклопедии

Лексиколожки и лексикографски проучвания, София, 1983.

Въпроси на съвременната българска лексикология и лексикография, София, 1986.

Лексикографски преглед. Годишен бюлетин на Българското лексикографско дружество. София, 1999 и сл. Енциклопедия на съвременния български език / Съст.: проф. Р. Русинов, Ст. Георгиев. Велико Търново, 2000. 583 с.

За думите и речниците. Лексикографски и лексиколожки четения '98. Сб. с доклади от I нац. конфер. с междунар. участие на Бълг. лексикографско дружество, 1998 / Съст. С. Павлова. / Ред. Л. Крумова-Цветкова, Хр. Пантелеева. София, 2000. 412 с.

Найден Геров в историята на българската наука и култура. Сб. с доклади от II нац. конфер. с междунар. участие на Бълг. лексикографско дружество, 2000. София, 2002. 301 с.

Проблеми на българската лексикология, фразеология и лексикография. Т. 3. Поредица «Българско езиковедие» / Съст. В. Кювлиева-Мишайкова. София, 2002. 457 с.

Лексикографията и лексикологията в съвременния свят. Сб. с доклади от IV нац. конфер. с междунар. участие на Бълг. лексикографско дружество, 2006 / Съст. и ред. Л. Крумова-Цветкова, М. Чоролеева, С. Павлова. Велико Търново, 2007. 375 с.

Е.В. ВЕРИЖНИКОВА

(Москва, Россия)

МАКЕДОНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Македонская лексикография является одной из важнейших составляющих процесса становления и развития литературного языка.

Роль инструмента кодификации играли орфографические и толковые словари, формировавшие и утверждавшие лексическую, орфографическую и грамматическую норму.

На македонской языковой территории существует многовековая книжная традиция. Однако исторические и социально-политические условия до 40-х гг. XX века не позволяли македонскому народу оформить собственный литературный язык, хотя в последней четверти XIX века деятелями национального возрождения предпринимались попытки создать литературный язык на базе македонских диалектов.

Одним из решений исторического заседания АСНОМ (Антифашистского собрания народного освобождения Македонии), состоявшегося 2 августа 1944 г. в монастыре Св. Прохора Пчиньского и провозгласившего курс на вхождение Македонии как самостоятельной единицы в состав федеративной Югославии, было «введение народного македонского языка в качестве служебного в македонском государстве»¹.

В течение более чем десяти веков македонский язык функционировал в виде диалектов и использовался носителями только при неофициальном общении. В раз-

---

¹ АСНОМ 1944–2004, Скопје, 2004 (изданный Музеем Македонии каталог юбилейной выставки с фотовоспроизведением всех документов заседания).

ное время Македония входила в состав различных государств, где официальным и деловым языком был чужой для македонского этноса язык (греческий, сербский, затем более пятисот лет турецкий, в первой половине XX в. — сербохорватский). Роль наддиалектного идиома у македонских славян играл язык фольклора. В церкви использовались церковнославянский (в различных редакциях) или греческий языки. Что касается графики, в X–XIII вв. на территории Македонии в Охридской книжной школе применялись глаголица и кириллица, разные варианты церковнославянской кириллицы использовались вплоть до XIX в. В XIX–XX вв. для записей фольклорных, общественно-политических и художественных текстов использовались греческий, болгарский или сербский алфавиты².

1. Орфографические и толковые словари

После освобождения Македонии от фашистской оккупации в ноябре 1944 г. была создана комиссия по вопросам языка и орфографии. Перед ней стояла задача сформулировать принципы, на которых будет строиться литературный язык, и подготовить проект алфавита. Члены комиссии были уроженцами разных краев страны. Кодификаторы основывались на богатейшем наследии устного народного творчества, созданных в период между двумя мировыми войнами драматургических и поэтических произведениях и опыте партизанской печати (в годы народно-освободительной борьбы выходило около 50 газет)³. В работу второй и третьей комиссий включились вернувшиеся с фронта писатели и публицисты. К маю 1945 г. были выработаны следующие принципы:

1. Норма македонского литературного языка опирается на центральные говоры западной диалектной группы как в наибольшей степени отражающие специфику языка и равно приемлемые для жителей остальных краев.

2. Основой литературного языка должны стать народные говоры. Лексика пополняется из фонда всех македонских диалектов. Для образования новых слов используются собственные словообразовательные средства, и только в случае необходимости заимствуется иноязычная лексика.

3. Ведущим принципом орфографической системы является фонетический⁴.

5 мая 1945 г. был введен в употребление македонский алфавит на основе кириллицы: 31 буква, в том числе *џ*, *љ*, *њ*, *ѕ*, имеющиеся и в сербской азбуке, и *ќ* и *ѓ* для специфических македонских звуков⁵.

7 июня 1945 г. Министерство просвещения НРМ приняло разработанный комиссией «Македонский орфографический кодекс»⁶. Этот документ очерчивает круг тех присущих македонским диалектам языковых явлений, которые возводятся в ранг

---

² См.: Усикова Р.П. Македонский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 103–104.

³ *Стаматоски Т.* Борба за македонски литературен јазик. Скопје, 1986. С. 159.

⁴ *Конески Б.* Граматика на македонскиот јазик. Дел 1. Скопје, 1952, цит. по 1981. С. 56–57.

⁵ «Нова Македонија», Година II. Велигденски број 104, 5, 6, 7 мај 1945 година.

⁶ *Македонски правопис.* Скопје, 1945.

литературной нормы. Так, нормативным для литературного языка принимается *a* на месте праславянского носового непереднего ряда (черта, отличающая центральные говоры): *рака, пат, мака, тага* и т. д. Слоговому *л*, имеющему различные рефлексy по диалектам, в литературном языке соответствует *ол*: *солза, долг, волк, болва, полно, волна, јаболко* и т. п. Исключение: *Бугарија, Бугарин, бугарски*.

Кодекс содержит четыре раздела: I. Основные орфографические правила; II. Обзор форм; III. Употребление прописной буквы; IV. Пунктуация. Он не только регламентирует правила написания слов, но и дает информацию о словоизменении частей речи для тех случаев, где в говорах представлены разные варианты. В частности, кодифицируются три вида постпозитивного артикля и его формы (*-ом/-ма/-то/-те, -ов/-ва/-во/-ве, -он/-на/-но/-не*), а также некоторые окончания множественного числа существительных (*-ови, -иња*). Приводятся списки числительных, личных, указательных и относительных местоимений. Даны образцы спряжения глаголов трех классов в настоящем и прошедших временах (аористе, имперфекте, перфекте), формы повелительного наклонения, деепричастия и глагольные существительные.

Кодифицированные орфографическим кодексом 1945 г. правила прошли проверку временем. В 1948 г. в него были внесены небольшие исправления и уточнения⁷. На его основе Блаже Конеским и Крумом Тошевым был подготовлен и опубликован в 1950 г. значительно расширенный и дополненный «Орфографический кодекс со словарем», содержащим около 6 000 слов⁸.

Лексемы в словаре в основном приводятся в алфавитном порядке. Этот принцип нарушен в тех немногочисленных случаях, когда в одной строке дается два допустимых варианта: *Божик, Божик; Арапин, Арап, Арапи; поредба, споредба* (при этом в соответствующем месте по алфавиту находим *споредба, поредба*). Ударение помечается лишь тогда, когда оно не подчиняется общему правилу (т. е. приходится не на третий слог от конца в трех- и более сложных словах или на второй в двусложных).

В трудных случаях дается грамматическая информация. Для существительных, хотя и не всегда последовательно, приводятся дублетные (*грст, грсти, грстови; ливада, ливади, ливаѓе*) или нерегулярные (*рака, раце; нокот, нокти; вепар, вепарот, вепрови*) формы множественного числа и членная форма. Отражены колебания в родовой принадлежности (*прав, правот, правта, правови*). В тех случаях, когда написание прилагательных может вызвать затруднение, дается форма женского, иногда и среднего рода, а также множественного числа (*идеен, идејна; божји, божја, божјо, божји*). Достаточно широко представлены существительные, обозначающие национальности, географические названия и их дериваты, личные имена. Иногда включение в словарь тех или иных собственных имен (исторических деяте-

---

⁷ *Промени и дополенија во нашиот правопис. «Нова Македонија», година V, број 1014, 15 април 1948.* В частности, первоначально были кодифицированы имперфективные формы с суффиксом *-уе*. Как не отвечающие духу литературного языка они были заменены формами на *-ува*.

⁸ *Конески Б., Тошев К. Македонски правопис со правописен речник. Скопје, 1950. 182 с.*

лей, писателей и даже литературных героев) диктуется не столько их важностью для культурного контекста Македонии, сколько необходимостью проиллюстрировать правила транскрипции.

Чрезвычайно важным достижением орфографического словаря стало нормирование распределения глаголов по трем классам (с тематическим **-а**, **-и**, **-е**). Уже в первом орфографическом кодексе 1945 г. были даны образцы парадигмы спряжения. В издании 1950 г. раздел, посвященный глаголам, разработан более подробно и наглядно, с большим количеством примеров. В македонских диалектах обнаруживается значительное варьирование в принадлежности глагольных основ к тому или иному классу. В отдельных говорах, в том числе некоторых центральных, сохранилось только два класса (интегрированный *-и/-е*-класс и *-а*-класс). Поэтому унификация литературной нормы была весьма актуальна. Словарь решил эту задачу. Глаголы приводятся в первом лице, которое не выявляет тематического гласного, потому для глаголов *и*- и *е*-классов последовательно указывается окончание 2-го лица: *сечам*, *еш*; *ловам*, *иш*. Его отсутствие означает, что глагол относится к *а*-классу: *читам*, *изгорувам*. Отметим, что во всех последующих лексикографических описаниях словарной формой станет форма третьего лица единственного числа настоящего времени, представляющая собой глагольную основу с нулевым окончанием.

Орфографический кодекс и словарь 1950 г., напечатанный тиражом 50 тыс. экземпляров, был рекомендован Министерством просвещения НРМ в качестве пособия для средних и специальных учебных заведений.

После выхода первого орфографического словаря кодификаторами отчетливо осознавалась острейшая необходимость создания словаря, который толковал бы значения слов.

С 1945 г. македонский язык был введен в школах, издавались газеты, осуществлялось ежедневное радиовещание. В 1946 г. в Скопье был основан Университет им. Кирилла и Мефодия. Первое десятилетие после кодификации подтвердило правильность выбранного принципа — опора на народный язык. Однако расширение сферы применения языка, призванного обслуживать все стороны общественной жизни, ставило задачу обогащения его словарного состава, поиска средств передачи абстрактных понятий, создания национальной терминологии. Литературный язык еще не имел развитых функциональных стилей. В повседневной языковой практике царил пестрота лексических элементов, заимствованных из сербского, болгарского, русского, турецкого. Носители македонского языка говорили на своих родных диалектах, а образование до 1945 г. получали на чужом (сербохорватском, болгарском и др.) языке. Языковая ситуация характеризовалась би(поли)лингвизмом и диглоссией⁹.

В 1952–1954 гг. вышла двухтомная грамматика македонского литературного языка Б. Конеского¹⁰, в которой затронуты вопросы, связанные с формированием лекси-

⁹ См. об этом подробнее: Усикова Р.П. О языковой ситуации в Республике Македонии // Язык – культура – этнос. М., 1994. С. 221–231.

¹⁰ Конески Б. Грамматика на македонскиот литературен јазик. Дел I. 1952. 188 с. Дел II. 1954. 252 с.

ческого состава. Автор предлагает максимально использовать собственные языковые ресурсы, лексические и словообразовательные, отказаться от бездумного заимствования, но при этом предостерегает от бессмысленного пуризма.

В 1951 г. началось собирание материала для толкового словаря, а в 1955 г. — его обработка. Источником для эксцерпции послужили фольклорные тексты (в частности, богатейшее наследие собирателя народного творчества Марко Цепенкова¹¹), произведения художественной литературы, материалы диалектологических исследований, язык СМИ, записи разговорной речи.

В марте 1953 г. был создан Институт македонского языка, одна из первоочередных задач которого — составление словаря. Лексикографами-первопроходцами стали руководитель проекта Б. Конеский и составители Тодор Димитровский, Благоя Корубин и Трайко Стаматоский. Первоначально планировался объем 40 тыс. слов, предполагалось дать лишь основные значения, снабдив их сербохорватскими эквивалентами. Однако в процессе работы концепция словаря менялась. От буквы к букве значения разрабатывались все более подробно, увеличивалось количество иллюстративного материала¹².

Три тома «Словаря македонского языка с сербохорватскими толкованиями» увидели свет в 1961–1966 гг.¹³. Общий объем — 64 522 слова. Первый том включает 29 359 словарных статей (510 страниц), второй — 17 799 (592 страницы), третий — 17 364 (606 страниц). Заявленный как двуязычный, словарь по существу является словарем комбинированного типа, будучи последовательно переводным и, вместе с тем, в большой мере толковым.

В предисловии к словарю отмечается, что он отражает «значительную степень стабилизации лексического фонда македонского литературного языка, достигнутого к настоящему времени. Однако словарь не ставит себе строго нормативной цели, хотя и в этом отношении, несомненно, сыграет свою роль. В него вошло довольно большое число диалектизмов, часть которых могла бы в дальнейшем найти более широкое применение в литературном языке, а также архаизмов, прежде всего, встречающихся в народной поэзии и прозе. Интернационализмы и специальные термины включаются на основе критерия их широкой употребительности в культурной среде»¹⁴.

Такая установка авторов (сочетание признаков нормативного словаря и тезауруса) отвечала конкретному этапу развития языка, норма которого находилась в процессе формирования. Их цель — как можно шире представить лексическое богат-

---

¹¹ Марко Цепенков (1829–1920) — выдающийся собиратель и рассказчик, наследие которого включает 799 сказок, преданий и легенд в собственной языковой обработке, свыше 5000 пословиц и загадок, народную поэзию, этнографические записи. Родной говор М. Цепенкова, прилепский, относится к центральным говорам, послужившим диалектной базой литературного языка. Народная проза в записи этого талантливейшего самоучки — основной источник примеров и иллюстраций в «Грамматике македонского литературного языка» Б. Конеского.

¹² *Стаматоски Т.* Во одбрана на македонскиот литературен јазик. Скопје, 2001. С. 86.

¹³ Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Ред. Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Т. I. А–Н. Скопје, 1961. 510 с.; Т. II. О–П. Скопје, 1965. 595 с.; Т. III. Р–Ш. Скопје, 1966. 606 с.

¹⁴ Там же. Т. I. С. V.

ство, все разнообразие возможностей, с тем чтобы отбор был сделан самим литературным языком в процессе развития. Следует воздать должное мудрости и чуткости пионеров македонской лексикографии, их бережному отношению к языковому достоянию. Оговорка о том, что словарь не преследует строго нормативной цели, означает лишь уважение к языку как к живому организму со своими законами, нежелание навязывать ему жесткую норму. При этом все диалектные и устаревшие слова снабжены соответствующими пометами. Словарь стал одной из важнейших вех в становлении и развитии македонского языка, сыграв и кодифицирующую, и нормативную роль. На этих трех томах стоит все здание македонской лексикографии.

Слова и примеры снабжены сербохорватскими эквивалентами. Между тем, главная задача словаря — описать лексику македонского языка, и предназначен он, прежде всего, для его носителей, хотя, разумеется, вполне мог использоваться и в переводческой деятельности. Тем не менее, выходной язык в большой степени играет прикладную роль. Выбор переводного типа словаря объясняется рядом причин. Прежде всего, его нужно было подготовить как можно в более короткий срок. Все македонцы в то время владели сербохорватским языком, и, таким образом, словарь был доступен каждому. Македония входила в состав Югославии, где межнациональная коммуникация осуществлялась на сербохорватском. Более того, словарь учил не смешивать, разграничивать эти два языка. Немаловажно и то, что создание переводного словаря вводило македонский язык в научный обиход, поскольку сербохорватский язык уже имел лексикографическую традицию. Однако составители словаря не ограничились только переводами. По мере продвижения работы семантизация на македонском языке все чаще расширяется до толкования: описательного, синонимического или отсылочного. Ср.:

остарен *adj* I ostareo. 1. (за живо существо) ostarela žena. 2. (за предмет) остарени книги ostarele knjige.

остари *pf* I *intrans.* ostareti. 1. (за живо существо — стане стар) многу брзо остаревме vrlo brzo smo ostareli. 2. (за предмет — стане стар, ветов од употреба, оветви) кориците на книгата остареа, а внатре остана како нова korice knjige su ostarele, a unutra je ostala kao nova. II *trans.* ostariti; грижите побргу ќе го остарат отколку работата brže će ga ostariti brige nego rad.

Во втором и третьем томах число статей с толкованиями на македонском языке преобладает. Значения разрабатываются подробно, устанавливается их иерархия, даются переносные значения, выделяются оттенки. Употребление иллюстрируют словосочетания или фразы. Иногда приводятся антонимы. Широко представлена фразеология, в том числе поговорки и пословицы. Конечно, несоразмерность первого и двух других томов и неоднородность македонских толкований очевидны. Авторы словаря вполне отдавали себе в этом отчет. Об изменении концепции говорится и в предисловии ко второму тому. Однако на дальнейшее совершенствование и унификацию ушло бы много времени, а потребность в словаре была чрезвычайно острой. Важно отметить, что во всем словаре выдержана четкая система грамматических, стилистических и тематических помет, структура статьи. Диспропорции

наблюдаются только в степени подробности разработки значений, в количестве иллюстративного материала, наличии или отсутствии македонских толкований. Но было бы несправедливо упрекать составителей в том, что они сделали больше, нежели планировалось изначально, обогатив македонскую науку ценнейшим лексикографическим опытом, без которого дальнейшие успехи были бы невозможны.

Принцип расположения материала — алфавитный. Гнездуются только возвратные глаголы. Словарь систематически и последовательно дает грамматическую информацию. Приводятся супплетивные и параллельные формы, отмечаются случаи чередования, выпадения гласных; существительные, употребляющиеся только в единственном или множественном числе, и неизменяемые прилагательные снабжаются соответствующими пометами. В качестве единственного недостатка в этом отношении можно было бы назвать отсутствие форм аориста у глаголов. Правда, как правило, информацию о глагольных формах можно почерпнуть из примеров:

земе *pf I* uzeti <...> ја зеде книгата од масата <...> ги зел и парите <...> што ќе дадеш — тоа ќе земеш *posl.* <...> земи ауто и појди кај него <...> од лозјето зедев годинава сто илјади.

Кроме того, отдельными статьями даются нерегулярные *л*-формы с отсылкой к исходному глаголу.

Во вступительной статье формулируются правила македонской акцентуации, и в корпусе словаря ударение помечается только в случае отступления от правил.

Важным достижением словаря стала стилистическая нормализация. Слова получают стилистическую и экспрессивную характеристику: *kniž.* книжное, *nar. poez.* народно-поэтическое, *poet.* поэтическое, *razg.* разговорное, *vulg.* вульгарное, *žarg.* жаргонное, *deč.* детское, *iron.* ироническое, *augm.* увеличительное, *dem.* уменьшительное, *hip.* ласкательное. Помечаются архаизмы, историзмы, диалектизмы, церковнославянизмы.

Используются и отраслевые пометы: *bot.* ботаника, *geogr.* география, *gram.* грамматика, *hem.* химия, *mat.* математика, *med.* медицина, *muz.* музыка, *sport.* спорт, *tehn.* техника, *voj.* военное дело, *zool.* зоология. Таким образом, словарь заложил основы национальной терминологии.

В конце словаря отдельным приложением приводятся географические названия и слова, связанные с ними деривационными отношениями (прилагательные, названия лиц мужского и женского пола).

Роль трехтомного словаря в становлении и развитии македонской лексикографии трудно переоценить. Он отразил реальное состояние македонского языка 60-х гг. XX в. Его публикация завершила кодификацию македонского литературного языка. Долгое время он оставался единственным столь полным собранием македонской лексики. Напечатанный тиражом 10 тыс. экземпляров, словарь выдержал еще три стереотипных издания (1979, 1986 и 1997).

Работа по формированию национальной терминологии, начатая трехтомным словарем, впоследствии была продолжена. Македонская академия наук и искусств (МАНИ основана в 1967 г.) образовала призванный руководить этой масштабной

деятельностью Комитет по выработке национальной терминологии. В него вошли 18 представителей, делегированных от различных факультетов и исследовательских институтов Университета г. Скопье. Специальным органом Комитета стала Лингвистическая комиссия, определяющая лексикографические и языковые принципы обработки терминологии. Председателями Комитета на протяжении всей его деятельности являются виднейшие македонские лингвисты — академики Блаже Конеский (до 1993 г.), Божидар Видоеский (с 1994 г. до 1998 г.), Петар Хр. Илиевский (в настоящее время). С 1971 г. выходит «Бюллетень Комитета по выработке македонской терминологии» (первоначально по два, а с 1974 г. — по четыре ежегодных выпуска)¹⁵, публикующий относящиеся к разным отраслям знания толковые словари терминов. Как правило, в словарях приводятся эквиваленты терминов на основных европейских (в том числе на русском), сербохорватском и словенском языках, а где это необходимо — медицина, биология и т. п. — и на латинском. На первом этапе Бюллетень публиковал также дискуссии, критические материалы, отражающие процесс формирования национальной терминологии. К настоящему времени вышло более 115 выпусков. С 1992 г. (№ 75–76) издание выходит под названием «Македонская терминология»¹⁶, что соответствует современному состоянию в значительной мере стабилизировавшейся нормы.

В 1967 г. вышел «Обратный словарь македонского языка»¹⁷, составленный Владимиром Миличицем, являющийся индексом трехтомного словаря и подразумевающий необходимость обращения к нему. Издание содержит расположенные в инверсионном порядке почти все заглавные слова основного корпуса словаря (кроме л-форм, префиксов и частей сложных слов) и отдельно — географического приложения (64 578 + 1219). Подготовка обратного словаря была осуществлена машинным способом. В конце помещен составленный К. Конеским и А. Джукеским обзор частотности однобуквенных, двухбуквенных и трехбуквенных сочетаний, с указанием общего числа слов (в абсолютном выражении и в процентном отношении к общему числу), имеющих соответствующие финали.

На основании словника трехтомного словаря впоследствии было подготовлено немало двуязычных словарей. Однако один словарь, появившийся еще до выхода второго и третьего тома, имеет самостоятельную ценность для лексикографической фиксации македонского литературного языка. Это «Македонско-русский словарь», составленный Д. Толовским и В.М. Илличем-Свитычем, под редакцией Н.И. Толстого с приложением краткого грамматического справочника, составленного В.М. Илличем-Свитычем¹⁸. Этот выдающийся труд является первым достаточно пол-

¹⁵ Билтен на Одборот за изработување на македонска терминологија. МАНУ, Скопје. До 1988 года выпуски нумеровались в соответствии с годом выпуска и номером за текущий год, напр.: Билтен на ОИМТ, Год. XI (1981), бр. 1. Со второго номера за 1984 г. (№ 44) — нумерация сплошная.

¹⁶ Македонска терминологија. Скопје: МАНУ.

¹⁷ Миличиќ В. Обратен речник на македонскиот јазик. Редактори К. Конески и А. Џукески. Скопје, 1967. 387 с.

¹⁸ Толовски Д., Иллич-Свитыч В.М. Македонско-русский словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1963. 576 с.

ным лексикографическим описанием македонского литературного языка. Словарь, вышедший в 1963 г., содержит 30 тыс. слов. Он составлен на базе собственной картотеки авторов, которая была создана путем расписывания текстов на македонском литературном языке, главным образом, прозаических произведений современных македонских писателей за период 1945–1958 гг., и сверена с материалом первого тома трехтомного словаря. Македонско-русский словарь до сих пор не утратил своего научного, лексикографического и исторического значения.

На основании Словаря македонского языка с сербохорватскими толкованиями был составлен новый «Орфографический кодекс и словарь» 1970 г. Б. Видоеского, Т. Димитровского, К. Конеского, К. Тошева, Р. Угриновой-Скаловской¹⁹. Здесь более подробно, чем в кодексе 1950 г., изложены ортологические правила. Добавлены новые разделы: Транскрипция иностранных имен собственных (с 18 языков), Аббревиатуры и правила сокращения слов, Орфографические знаки. Словарная часть (подготовленная К. Конеским) содержит около 30 тыс. слов. В корпус включены также географические названия и их дериваты. Македонские имена и фамилии приводятся, если их написание может вызвать затруднения, из иностранных же представлены только иллюстрирующие раздел справочника о транскрипции. Словарь содержит информацию обо всех нерегулярных формах слов. Для существительных приводится форма собирательного множественного, если таковая имеется. Доведена до конца работа по нормализации в сфере глагольного словоизменения. Для глаголов совершенного вида приводятся формы 1-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч. презента, аориста, будущего и будущего в прошедшем, ед. ч. м.р. будущего пересказывательного, а также формы повелительного наклонения, л-форма, причастие на *-н/-т*:

даде, дадам, дадат; дај, дајте; дадов, дадоа; дал; (ке) дадев, (ке) дадеа; (ке) дадел; даден.

Орфографический кодекс и словарь 1970 г. имел строго нормативный характер. Он переиздавался без изменений в 1979 г. и 1986 г. За это время лексический состав македонского языка претерпел значительные изменения. Особенно динамичными они стали с 1991 г., когда после распада СФРЮ возникло независимое государство — Республика Македония. Македонский язык проник в сферы, ранее преимущественно обслуживавшиеся сербохорватским: дипломатические отношения, армия.

Произошедшие изменения отразил переработанный и дополненный К. Конеским новый «Орфографический словарь македонского литературного языка»²⁰ 1999 г. объемом 42 тыс. слов, который в настоящее время является источником грамматической, орфографической и орфоэпической нормы. Он дает исчерпывающую информацию для образования любой формы слова, представленного в корпусе. Словарь опирается на обновленный свод правописных правил Б. Видоеского, Т. Димитровского, К. Конеского и Р. Угриновой-Скаловской, вышедший в 1999 г.²¹

---

¹⁹ Правопис на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1970. 610 с.

²⁰ Конески К. Правописен речник на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1999. 528 с.

²¹ Видоески Б., Димитровски Т., Конески К., Угринова-Скаловска Р. Правопис на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1999. 176 с.

В ситуации меняющейся языковой реальности особенно остро стало ощущать отсутствие современного толкового словаря. Оно негативно сказывалось на развитии словарного дела и лексикологии, создавало трудности для двуязычной лексикографии. Трехтомный словарь с сербохорватскими толкованиями, сыгравший в свое время историческую роль кодификации лексического состава, не дорабатывался при переизданиях. Его фонд в значительной степени устарел. Кроме того, после приобретения самостоятельности из школьной программы был исключен обязательный прежде сербохорватский язык, и нынешнее молодое поколение уже не владеет языком северного соседа.

Сразу после издания трехтомного словаря в Институте македонского языка было создано лексикографическое отделение, перед которым была поставлена задача пополнения картотеки и создания толкового словаря. Было выпущено несколько лексикографических трудов, однако подготовка толкового словаря затянулась. Лишь в 2000 г. началась непосредственная работа по его составлению. Была создана редакционная группа в составе К. Конеского (ответственный редактор, написавший инструкцию по обработке материала), Ж. Цветковского, С. Велковской. К работе были привлечены сотрудники Института, а также других научных и учебных заведений. Первый том «Толкового словаря македонского языка» (А–Ж) вышел в 2003 г., второй (З–К) — в 2005 г., третий (Л–О) — в 2007 г., четвертый (П) — в 2008 г., пятый (Р–С) — в 2012 г.²² В настоящее время работа над словарем продолжается. Предполагается, что объем словника составит около 100 тыс. лексем.

Согласно концепции, изложенной во вводной статье, словарь является нормативным. Эмпирическую базу словаря образует, прежде всего, картотека примеров, собранная лексикографическим отделением на основе эксцерпции из оригинальной и переводной художественной литературы, научных трудов и учебников, публицистических изданий, периодики и т.п., а также трехтомный словарь с сербохорватскими толкованиями и действующий орфографический словарь.

Для словника отобрана наиболее употребительная лексика современного македонского литературного языка, прежде всего, нейтральная, а также в определенном объеме разговорная, книжная, специальная и экспрессивная. Отдельными словарными статьями помещаются приставки и части сложных слов. Сокращения и собственные имена в словарь не включаются. Предполагается, что им будет посвящен отдельный том. Словарь является одноязычным, объяснения носят лингвистический, а не энциклопедический характер.

Применен алфавитный и частично гнездовой принцип построения словаря. В гнездо помещаются производные слова, в которых новый смысл создается только в связи с принадлежностью деривата к иной грамматической категории, нежели производящее слово. Так, в гнезде существительного располагаются уменьшительные, ласкательные, увеличительные и уничижительные производные имена суще-

---

²² Толковен речник на македонскиот јазик / Главен редактор К. Конески, раководител на проектот С. Велковска. Т. I. А–Ж. Скопје, 2003. XXI, 637 с.; Т. II. З–К. Скопје, 2005. 675 с.; Т. III. Л–О. Скопје, 2006. 613 с.; Т. IV. П. Скопје, 2008. 680 с.; Т. V. Р–С. Скопје, 2012. 623 с.

ствительные, названия лиц женского пола, образованные от соответствующих названий лиц мужского пола, прилагательные с суффиксами *-ски* (*-чки*, *-шки*). При прилагательных гнездуются образованные от них существительные на *-ост* и наречия на *-о*, *-ски*. В гнездо глагола помещаются глагольные существительные (на *-ње*), глаголы с суффиксом имперфективации *-ува*, возвратные глаголы.

Последовательно и полно дается грамматическая информация. К уже выработанному македонской лексикологией репертуару здесь добавились частотные формы счетного множественного числа. Интересной новацией словаря является введение третьей пометы для глагольного вида: *повт.* (повторяющийся) наряду с традиционными *св.*, *несв.* О существовании в македонском языке большой группы глаголов несовершенного вида, которые не могут употребляться в основном значении настоящего времени и имперфекта — длительного действия, а только в итеративном значении, говорит в своей грамматике Б. Конеский²³. Это вторичные имперфективы (*тропа – тропне – тропнува*), которые не могут обозначать актуального действия, одновременного моменту речи. Но в ряде случаев «не исключена возможность развития у итеративного глагола значения длительного действия». К сожалению, никаких пояснений во вводной статье словаря пользователь не находит, и у него может вызвать недоумение, почему, в частности, в следующих примерах однотипные глаголы имеют разные пометы:

вдлабочи се, се вдлабочат *св.* Се задлабочи, се внесе во нешто. *Од пазува извади некакво старо тефтерче и се вдлабочи над неговите пожолтени страници.* || **(се) вдлабочува**, (се) вдлабочуваат, *повт.*

задлабочи, задлабочат *св.* <...> • **се ~ 1. в. задлаби се 2.** Се занесе, се внесе подлабоко во нешто. *Тој се задлабочи во своето раскажување. Се задлабочи во косењето, не мислејќи на ништо. Седна и се задлабочи во хартиите пред себе.* || **(се) задлабочува**, (се) задлабочуваат *несв.*

Словарь ставит целью подробную разработку значений многозначных слов: значения отделены арабскими цифрами, а оттенки внутри полужирными маленькими буквами со скобкой или точкой с запятой. Цифрой отделяется переносное значение. Фразеология помещается в конце статьи за ромбом.

Толкования в словаре преимущественно описательные, но встречаются синонимические и отсылочные, иногда для уточнения объяснения приводятся синонимы или антонимы:

имиц (само *едн.*) *м.* Претстава што остава зад себе некоја личност, група, институција итн.; углед, репутација.

десничар, *мн.* десничари *м.* **1.** Човек што повеќе и полесно се служи со десната рака; спрот. левучар. **2.** Припадник на десницата, тој што ги застапува конзервативните сфаќања, конзервативец; спрот. левичар.

В соответствии с концепцией словаря, с помощью отсылок может рекомендоваться норма: «помета *в.* (*см.*) адресует к слову, которому присваивается преимуще-

---

²³ Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1981. С. 372.

ственное употребление по сравнению со словом, снабженным отсылкой; сокращение *сп. (ср.)* отсылает к синониму или к слову, семантически связанному с толкуемым, с целью пояснения его значения»²⁴. Между тем, на практике словарь не всегда указывает предпочтительную форму, даже когда речь идет о терминах.

Хотя заявлено, что в толкованиях используются только те слова, которые как заглавные представлены в самом словаре, встречаются упущения:

качкет ... Вид шапка со стреа, козирка. (**козирка** отсутствует)

дамла Срцев или мозочен удар, апоплексија. (**апоплексија** отсутствует)

Статьи, как правило, содержат иллюстративные примеры — словосочетания или целые фразы. Как сообщается во вступительной статье, они почерпнуты из оригинального материала или составлены специально для словаря. К сожалению, источник цитаты не указывается.

Словарь ставит задачу стилистического нормирования. Для этого используются система помет, указывающих на характеристику слова с точки зрения:

– функционального стиля (*административное, книжное, народно-поэтическое, просторечное, поэтическое, публицистическое*);

– экспрессивной окраски (*ироническое, ласкательное, пренебрежительное, грубое, шутовское*);

– исторической перспективы (*архаизм, историзм, неологизм*), в корпусе встречается и отсутствующее в списке помет *заст.* — *устаревшее*;

– отношения к языковой норме (*диалектное, жаргонное, разговорное*).

Используются также отраслевые пометы.

Нельзя не отметить, что словарю недостает унификации. Конечно, сказалось то, что его части пишутся разными людьми, причем побуквенно, тома выпускаются по мере подготовки, и невозможно провести перекрестную сверку материала. Вследствие этого отсутствует единообразие в подаче слов одного тематического, синтаксического, а иногда даже грамматического класса. Так, при толковании существительных со значением деятеля используются разные метаформулы: *лице што...*, *човек што...*, *тој што...* Ср.:

востаник Лице што учествува во востание (но: **борец** Учесник во борба); **војувач** Тој што се бори, што војува; **губитник** Човек што губи

геодёт Човек што се занимава со геодезија; **биолог** Специјалист по биологија

виолинист Свирач на виолина; **виолист** Свирач, уметник на виола; **гитарист** Музичар што свири на гитара; **зурлаица** Тој што свири на зурла; **гуслар** Човек што свири на гусле; **дајрешица** Лице што тропа на дајре.

То же относится к использованию помет и отсутствию унификации толкований. Впрочем, не следует забывать, что это первый опыт академического толкового словаря македонского языка. Перед составителями словаря стояли масштабные и слож-

²⁴ Толковен речник на македонскиот јазик / Главен редактор К. Конески, раководител на проектот С. Велковска. Т. I. А–Ж. Скопје, 2003. С. XVI.

ные задачи. Хотя они и опирались на мировые достижения словарного дела, однако приемы толкования и систему подачи материала необходимо было вырабатывать применительно к собственным языковым ресурсам.

Безусловно, подготовка столь капитального труда, отражающего современное состояние полифункционального литературного языка, является важнейшим событием. Выход словаря открывает новые перспективы развития македонской лексикографии и лексикологии. В частности, весьма актуальным представляется исследование синонимии и создание соответствующего словаря²⁵, причем не просто инвентарного, а квалифицирующего, объяснительного²⁶, который продемонстрировал бы оттенки в значениях синонимов, указал бы границы сочетаемости, стилистические различия, для полных синонимов и терминов — предпочтительные варианты.

В 2005 г. македонская лексикография ознаменовалась еще одним крупным достижением. Вышел однотомный толковый «Словарь македонского языка» Зозе Мургоского²⁷. Этот труд имеет ярко выраженный авторский характер. Его концепция является отражением лексикографических взглядов и богатого словарного опыта составителя. З. Мургоский — профессор филологического факультета Университета им. Свв. Кирилла и Мефодия г. Скопье, преподаватель английского языка и сопоставительной грамматики английского и македонского языков, автор многочисленных двуязычных словарей²⁸.

Толковый словарь З. Мургоского содержит 60 тыс. слов, 10 тыс. устойчивых и идиоматических выражений, 20 тыс. заимствований, вошедших в язык в последние десятилетия.

Автор не декларирует принципы формирования словника. Однако пользователь замечает, что наряду с апеллятивной лексикой, представленной весьма широко, в словарь включено немало собственных имен. Среди них зарубежные географические названия (с производными). Македонские топонимы приводятся, только если есть статьи, связанные с ними по смыслу. Довольно большую группу составляют исторические личности, библейские, мифологические, сказочные, литературные и даже кинематографические персонажи. Представлены названия планет, знаки Зодиака. Включен ряд актуальных политических реалий (*Пентагон, Мосад, Ал Каеда, Хамас*), а также исторических событий.

---

²⁵ Для современного состояния македонского языка характерно богатство синонимических возможностей и большое количество полных синонимов, пришедших из разных языков и диалектов. Толковый словарь предоставляет возможности для извлечения синонимических рядов, например, *каши, колан, ремен, појас; бес, гнев, јарост, лутина, срџба; виц, анегдота, досетка, шега*.

²⁶ Мы не имеем в виду создание словаря по образцу Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. М.; Вена, 2003, это — дело будущего, хотя следует напомнить, что Ю.Д. Апресян в 1999 г. на Семинаре македонского языка литературы и культуры ознакомил македонскую научную общественность с его концепцией.

²⁷ *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. XV, 948 с.

²⁸ *Мургоски З.* Македонско-англиски речник. Скопје, 1992; Англиско-македонски речник. Скопје, 1993; Македонско-англиски речник на идиоми. Скопје, 1994; Англиско-македонски речник на идиоми. Скопје, 1994; Речник на компјутерски термини. Скопје, 1995; Англиско-македонски и македонско-англиски деловен речник. Скопје, 1997.

Сочетание в одном словаре толковых и энциклопедических статей известно мировой лексикографии, хотя в русской традиции их не принято смешивать²⁹. В конкретном случае выбор такого подхода мог быть обусловлен еще и тем, что на момент подготовки и выхода словаря не существовало собственно македонской энциклопедии. Отбор словника обуславливает сочетание в словаре лингвистических и энциклопедических толкований:

карактер *m.* 1. особините или карактеристичните белези (осб. морални) што еден човек или нешто го разликуваат од друг; природа. 2. морална цврстина или особини: **слаб/јак карактер**. 3. темперамент: **човек со весел карактер; има експлозивен карактер**. 4. а. лице во роман, драма, итн.; лик. б. дел што го игра еден актер; улога. 5 *comput.* еден од низата симболи што претставуваат букви итн.

Пирус *m.* епирски крал (318–272 п.н.е.) кој ги поразува Римјаните кај Аскулум во 279, но претрпува тешки загуби; оттука и фразата ‘пирова победа’.

В словник также включены аббревиатуры (названия партий, учреждений, организаций и т. п.), часто использующиеся латинские выражения и сокращения. Отдельными статьями автор дает словообразовательные морфемы, поясняя их значение и снабжая примерами (*до-*, *за-*, *-ика*, *-икав*, *-есет*, *-кратен* и т. п.).

Алфавитный принцип сочетается с гнездовым. Подробно разрабатывается глагол только одного вида, для парных глаголов дается отсылка к тому, который первым идет по алфавиту.

В словаре З. Мургоского почти не приводится информации о формообразовании.

С точки зрения нормативности, необходимо отметить, что некоторые слова зафиксированы в той форме, в которой они часто встречаются в языковом обиходе, но которая не соответствует норме, предписываемой орфографическим и академическим словарем: *бакембарди* (акад. *бакенбарди*), *конзумира* (орф. *консумира*). В целом же, следует отметить, что словарь весьма полно отражает современное состояние лексики македонского языка. Широко представлены снабженные соответствующими пометами разговорные и просторечные слова, сленг и даже ненормативная (обсценная) лексика, никогда прежде не включавшаяся в македонские словари.

Толкования, объяснительные, синонимические и отсылочные, довольно единообразны. Значения разрабатываются достаточно подробно. При необходимости они иллюстрируются речениями или краткими фразами. Их предназначение также продемонстрировать отличные от словарной формы. Примеры составлены автором, иногда позаимствованы из других источников (без указания). Как правило, они экономны и иллюстративны. Фразеология приводится в конце статьи после значка. Ряд устойчивых сочетаний (*Едитов комплекс*, *Рихтерова скала*, *затезна камата* и др.) даются отдельной статьей.

Словарь отличается оригинальностью и в подходе к стилистической характеристике слов. Помимо уже представленных в македонской лексикографии, правда,

---

²⁹ См. об этом: *Гак В.Г.* Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспект) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 119–125.

иначе обозначенных, градаций: *fml.* формальное (административное), *inf.* неформальное (разговорное), *child.* детское, *lit.* книжное, *sl.* сленг (жаргонное), *dial.* диалектное, *obs.* устаревшее, *poet.* поэтическое, *hum.* шутливое, *pej.* уничижительное, *hist.* историзм, *arh.* архаизм, автор водит две новые: табуированное (*taboo*) и старомодное (*old-fashion.*). Использование в одноязычном толковом словаре далеко не всегда прозрачных английских помет может доставить пользователю определенные затруднения, ведь он совсем не обязательно должен владеть английским языком.

Словарь З. Мургоского является ценным лексикографическим источником как для носителей македонского языка, так и для зарубежных славистов, переводчиков с македонского, составителей македонско-иноязычных словарей.

В 2011 г. вышло второе, расширенное и дополненное издание этого словаря³⁰. Как указывает сам автор в предисловии, словник расширен, в частности, за счет существенного увеличения числа энциклопедических словарных статей (исторические деятели и события, географические названия и т. п.). Объем словаря значительно вырос также вследствие еще одного новшества — указания на язык-донор для заимствованных слов, лексикографически оформленного весьма неэкономно (отдельной строчкой после стрелки: ⇒ од грчки и т. п.).

Выход двух толковых словарей знаменует новый этап в македонской науке. Решена важнейшая задача — создание центрального словаря в культуре любого народа — толкового. Два этих труда, в свою очередь, дают солидную основу для заполнения лакун в македонской лексикографии (составления словарей синонимов, словообразовательных и т. д.). Немаловажно, что они различаются и по концепции, и по характеру иллюстративного материала (в словаре Института македонского языка преобладают цитаты из литературы, хотя и без указания источника, у З. Мургоского — словосочетания и речения). Совершенно естественно, что между ними есть расхождения в стилистической характеристике, в разработке значений, в толкованиях отдельных слов. Сравнение таких различий даст возможность выявить проблемные вопросы, выработать оптимальные решения.

2. Словарь народной поэзии

Кроме описанных выше орфографических и толковых словарей, имеющих значение кодифицирующих, македонскими лексикографами создан ряд словарей с различной специализацией.

Устное народное творчество в жизни македонского этноса занимает особое место. Вплоть до XX века оно было важнейшей формой существования общественного сознания, обеспечивающей историческую преемственность народа. Именно фольклор был той ризницей, в которой сохранялось драгоценное языковое богатство. И в наши дни народная словесность — часть языкового сознания каждого носителя македонского языка. Б. Конеский заметил: «Если вообще аисты приносят

---

³⁰ Мургоски З. Толковен речник на современниот македонски јазик. Скопје, 2011. XV, 1498 с.

детей, все мы — дети Сильяна-аиста» (самая известная сказка из собрания М. Цепенкова)³¹.

В рамках эксцерпции материала для толкового словаря лексикографическим отделением Института македонского языка была собрана обширная картотека лексического фонда народной поэзии (наряду с картотеками народной прозы и современного языка). После того как выборка достигла значительного объема и репрезентативности (свыше 120 различных источников), было принято решение представить материал в виде толкового словаря.

К настоящему времени вышло четыре тома «Словаря македонской народной поэзии»³² под редакцией Тодора Димитровского (составители М. Гигова, Т. Димитровский, Д. Митева, Г. Шокларова-Лёровска), которые содержат более 12 тыс. заглавных слов. Разумеется, составители не претендуют на исчерпывающее представление лексики народно-поэтического наследия, да это и невозможно, но считают, что собрана бóльшая ее часть.

Составители видели свою задачу в том, чтобы представить словарный фонд народных песен, указать и проиллюстрировать значения слов, продемонстрировать, что немало слов современного литературного языка, считающихся заимствованиями из соседних славянских языков, являются исконными. Авторы надеются, что многие забытые или малоупотребительные лексемы могут вернуться в активное употребление. Словарь дает богатый материал и для изучения особенностей языка народной поэзии, его выразительных средств.

Слова располагаются в алфавитном порядке, снабжаясь необходимыми грамматическими пометами. Отдельными статьями оформляются все зафиксированные в текстах диалектные формы с отсылкой к той из них, которая соответствует литературной норме. Статьи содержат краткие толкования значений, обязательно подтверждаемые примерами. Каждый из них снабжен указанием точного адреса, позволяющим найти его в источнике. Нередко примеры внутри статьи группируются в соответствии с устойчивыми определениями, с которыми употребляется словарная единица. Приводятся фразеологизмы, как правило, с толкованием, указывается сочетаемость:

ИЗМЕТ м 1. *службење, помош, услуга*; шчо си толку невесела? / Дали ти тежит (Митро) изметот, цанам, / дали ти тежит меракот? (Тах. 139); <...>

2. *со глаголите: п р а в и, с т о р и, ч и н и, п о ч и н и, у ч и н и* — *се грижи за некого (болен, стар, дете и сл.) укажувајќи му помош, внимание*; се разболело девојче, / никој крај него немало, / сам' едно пиле шарено / девојке измет правило, / с крилца је сенка држило, / с кљуна је вода носило (ИФ) <...>

С о п р и д а в к и т е; **голем**: Рабдулица умна и разумна, / (на Мирчета) голем таја измет му чинеше (Мил. 253); <...>; **дребен**: ако имаш стари башта, / ке му чина дре-

³¹ Конески Б. Марко К. Цепенков. Како што пита питачот од куќа в куќа... // *Пенушлиски К.* Книга за приказните на Марко Цепенков. Скопје, 2003. С. 20.

³² Речник на македонската народна поезија / Под редакција на Т. Димитровски. Т. I. А–Г. Скопје, 1983. XXIII, 452 с.; Т. II. Д–S. 1987. 506 с.; Т. III. И–К. 1993. 529 с.; Т. IV. Л–М. 2001. 379 с.

бен хизмет (Верк. 124); **тежок**: ајде да ми прави (моме) алал тежок измет, /да и' правам жолто злато (ИФ)³³.

Словарь народной поэзии является ценным источником для филологов, историков культуры. Для македонской лексикологии важен приобретенный им опыт выработки приемов толкования. Остается только сожалеть, что работа над словарем до сих пор не доведена до конца.

3. Словарь синтаксической интенции македонских глаголов

В рамках Отделения современного языка Института македонского языка более двадцати лет шла работа над подготовкой шеститомного «Словаря синтаксической интенции македонских глаголов»³⁴.

Этот лексикографический труд посвящен семантико-синтаксическому исследованию глагола, выступающего в качестве предиката и определяющего структуру пропозиции и набор актантов³⁵. Авторы указывают, что в своем понимании пропозиции они опирались на монографию Н.Д. Арутюновой³⁶. Методология исследования и концепция словаря были разработаны Благоей Корубином, который до своей смерти в 1994 г. руководил проектом. В 1995 г. работу возглавила Снежана Велковска. Пробный выпуск словаря под названием «Синтаксическо-генеративный словарь македонских глаголов» был опубликован в 1979 г.

В конце первого и последнего тома содержатся статьи (написанные Б. Корубином и С. Велковской)³⁷, которые, с одной стороны, разъясняют концепцию словаря, а с другой, представляют собой научное исследование по семантическому синтаксису глагола в македонском языке. Составители решили отказаться от термина «валентность», склонившись к более широкому — «интенция», подразумевая под ним «свойство глагола требовать при своей актуализации в качестве предиката, в силу своего семантического наполнения, включения тех или иных “соучастников” и вступать с ними в те или иные функционально-семантические отношения и связи. Это свойство может варьироваться по степени своей интенсивности и своему охвату в зависимости от ситуации, структуры предложения-высказывания (пропозиции), от соучастников-актантов, сирконстантов и др.»³⁸. Таким образом, при описании и сим-

---

³³ Здесь: Тах. — Сборник от македонски български народни песни. Събрал Наум Тахов. Първо издание. София, 1895; ИФ — Неопубликованные записи Института фольклора; Мил. — Миладиновци, Сборник 1861–1961. Скопје, 1962; Верк. — Македонски народни песни. Собрани од Стефан И. Верковиќ. Скопје, 1961.

³⁴ Интенцијално-синтаксички речник на македонските глаголи / Во обработка на Б. Корубин, С. Велковска и соработниците... Т. I. А–Ж. Скопје, 1992. 639 с.; Т. II. З–К. 1997. 476 с.; Т. III. Л–О. 2000. 425 с.; Т. IV. П. 2001. 399 с.; Т. V. Р–С. 2001. 458 с.; Т. VI. Т–Ш. 2001. 301 с.

³⁵ В качестве словарей, подсказавших идею проекта, Б. Корубин указывает: *Gerhard Helbig, Wolfgang Schenkel. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1969; Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich. Zeszyt próbny. 1976.*

³⁶ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

³⁷ Интенцијално-синтаксички речник... Т. I. С. 571–639 (Б. Корубин), Т. 6. С. 281–301 (С. Велковска).

³⁸ Там же. Т. I. С. 574.

волическом представлении структуры предложения учитываются все возможные актанты, существенные, с точки зрения составителей, для реализации семантического наполнения глагольной лексемы. Такой подход продиктован типологическими особенностями македонского языка, анализизмом его грамматической структуры (прежде всего, утратой падежного словоизменения). Тем же отчасти обусловлено использование при описании терминов традиционного учения о членах предложения.

Итак, в схеме, помимо предиката (сказуемого), могут быть представлены следующие компоненты: субъект (подлежащее), прямое и косвенные (предложные) объекты (дополнения) как синтаксические актанты, а также иные предложные и беспредложные группы существительного в роли предикативов первого или второго порядка, конструкции с имплицитным предикатом (пропозитивы, которые могут быть развернуты в отдельную пропозицию), сирконстанты (обстоятельства), *да*-конструкции, придаточные предложения.

Словарь базируется на собственной картотеке и трехтомном словаре с сербохорватскими толкованиями, частично использовались и материалы картотеки лексикографического отделения Института.

4385 словарных статей содержат 7620 глаголов (видовые пары разрабатываются в одной статье, приводится также вторичный имперфектив, если таковой имеется: *штрака* импф, *штракне* пф, *штракнува* импф-итер, отмечаются также дублетные формы *памти/памети/паметува* импф). Таким образом, представлена почти вся наиболее употребительная глагольная лексика македонского языка.

Глаголы приводятся в алфавитном порядке. В 90 % статей для каждого значения глагола приводится краткое толкование. Затем следует схематическая структура пропозиции с обязательными и факультативными актантами, определяются их роли, указываются возможные трансформации. Отмечается принадлежность актантов к семантической категории.

Создаваемый, по выражению Б. Корубина, «портрет глагола» является плодом скрупулезного и тщательного исследования, анализа обширного материала. Большую ценность имеют примеры, иллюстрирующие схему. Все они почерпнуты составителями из картотеки, но почти всегда исходный материал освобождался от элементов, не служивших основной цели — дать семантико-синтаксическую характеристику глагола. Вначале идут примеры с обязательными аргументами, а затем — с факультативными или альтернативными:

каса импф, **касне** пф, (**каснува** импф-итер)

I апе

1. — И (С), И (Од), ± за И (Оп)

И (С) → животно

И (Од) → човек или животно

И (Оп) → дел од телото

Оваа жена ја касна едно куче. — Козарот го каснала змија во планината и додека слегувал во селото, паднал мртв.

2. дезарг на «И(Од)», само импф
Овчарските кучиња касаат. — Нивниот пес каса.

II за човек: апе, гризе
1. — И (С), И (Од), ± за И (Оп)
И (С), И (Оинд) → човек
И (Оп) → дел од телото

Игно ги касааше своите усни. — Таа незабележано му го касна мустаќот (не е обично го касна неговиот мустаќ).

Забелешка — Кога: И (С) ↔ на И (Оинд), имаме: касне си.

Игно си ги касааше усните (не е обично: ... ги касааше своите усни).

III **касне** пф, само: **каснува** импф (наспрема јаде импф)
— И (С), И (Од), п И (Адв)квант
И (С) → човек
И (Од) → конкр предмет

Сватовите каснаа малку кај зетот за да продолжат кај невестата. — Мануш каснуваше по неколку лажици грав (од гравот)³⁹.

Словарь дает детальную семантико-синтаксическую характеристику македонских глаголов. Кроме того, попутно он снабжает читателя информацией об их лексических значениях, употреблении, сочетаемости и даже, через примеры, о грамматических формах. Труд адресован прежде всего лингвистам⁴⁰. Его специфика требует от пользователя предварительной работы: изучить приложения, разобраться в символах и схемах. Менее подготовленному читателю было бы значительно легче, если бы к словарю прилагался справочник с краткими и четкими формулировками значений используемых терминов и их взаимосвязей (*агенс, пациенс, актант, аргумент, интенција, предикат, предикатив од прв и втор ред, пропозитивно значење* и т.д.).

«Словарь синтаксический интенции» является уникальным в македонской лексикографии. Он отражает новейшие тенденции в словарном деле — стремление дать комплексное описание, включающее лексическую, синтаксическую, сочетаемостьную информацию о слове. Это опыт создания словаря активного типа. Вне всякого сомнения, он послужит неоценимым подспорьем при написании научных исследований по синтаксису, подготовке справочных и учебных пособий. Следует рекомен-

³⁹ Условные обозначения:

— заглавный глагол;

↔ — субъект одновременно является прямым или косвенным (как в данном примере) объектом;

И (С) — существительное в позиции и функции грамматического субъекта;

И (Од) — существительное в позиции и функции грамматического прямого объекта;

И (Оинд) — существительное в позиции и функции грамматического косвенного, или дательного, объекта;

п И (Адв) — конструкция предлог плюс существительное в позиции и функции обстоятельства (сирконстанта), квант — с количественным значением; дезарг — дезаргументация, т. е. элиминирование одного из аргументов.

⁴⁰ Об этом говорит и его тираж (первого тома — 300 экз., остальных — 500 экз.).

довать его составителям словарей, в том числе македонско-иноязычных, как весьма ценный источник сведений об употреблении глаголов, содержащий более обширный иллюстративный материал, чем могут позволить себе словари толковые.

4. Словари иностранных слов

Кодификаторы македонского языка в вопросах пополнения лексического состава литературного языка, формирования национальной терминологии с самого начала избегали двух крайностей: пуризма и антинормализаторства. Сознательное стремление освободить молодой литературный язык от иноязычных элементов, заменив их исконными, относилось, пожалуй, лишь к сербизмам и, пока это было актуально, к русизмам и болгаризмам, что диктовалось заботой о развитии национальной самобытности, сохранении богатства родного языка. Уже в словаре с сербохорватскими толкованиями количество интернациональной лексики составило 13 %. В 70-х и 80-х гг. XX в. объем заимствованной лексики в языке значительно увеличился. Возникла потребность в словаре иностранных слов, прежде всего для учащейся молодежи⁴¹. В 1990 г. был выпущен переведенный на македонский с сербохорватского языка «Современный словарь иностранных слов и выражений» Любо Мичуновича⁴².

В предисловии отмечается, что концепция и основная структура словаря были сохранены, но словарь подвергся значительной переработке. Были исключены многие слова и значения, отсутствующие в македонском языке. В первую очередь это касается заимствований из турецкого, венгерского и итальянского. Автор и редактор сообщают, что толкования и орфография сверялись с толковым и орфографическим словарями, добавлялись некоторые значения. При этом собственно словник (около 30 тыс. слов) почти не дополнялся.

При всей лексикографической некорректности такого способа создания словаря результат оказался удовлетворительным. Тому есть несколько объяснений. Во-первых, иноязычные заимствования проникали в македонский язык чаще всего через посредство сербохорватского. Во-вторых, словарь иностранных слов является в большей степени энциклопедическим, он ориентирован не столько на слово, сколько на понятие. А на тот момент оба языка уже довольно длительное время сосуществовали в одном государстве и имели общий фонд лексики, относящейся к сфере науки, общественной жизни и т.д. В-третьих, перевод выполнен качественно, нет следов интерференции. Конечно, словник не удалось полностью избавить от лексем, не присущих македонскому языку. Отмечается отсутствие единообразия в объеме и стиле (порой весьма далеко от академичности) толкований, а также неточности в них:

---

⁴¹ Школьники и студенты до 1990-х гг. пользовались сербским словарем иностранных слов М. Вуяклии.

⁴² *Мичуновиќ Љ.* Современ лексикон на странски зборови и изрази / Превод Б. Благоевски. Редактор А.Цукески. Скопје, 1990. 685 с.

плацебо *лат.* **1.** назив за божемниот лек што понекогаш им се дава на болните наме-сто вистински лек (за да се постигне автосугестивно дејство, иако дадената супстан-ција нема никакво дејство); болниот очекува дека «лекот» ќе му помогне, и му «по-могнува»; **2.** дворјанин, дворски човек, додворувач, дворски ласкавец, мазник (*вто-рое значение для македонского языка не характерно*).

При всех недочетах, словарь сыграл положительную роль. Он был адресован школьникам и студентам для чтения познавательной и научной литературы, и вполне отвечал этой цели. Многие слова были зафиксированы и объяснены в нем впервые. Десять лет он оставался единственным словарем иностранных слов на македонском языке⁴³, использовался и составителями двуязычных словарей.

Бурные процессы 90-х годов, принесших общественно-политические и экономические преобразования, повсеместное внедрение Интернета вызвали стремительные изменения в языке. Демократизация отношения к печатному слову, нередко доходящая до вопиющего небрежения, сокращение числа языковых редакторов в издательствах и СМИ привели к тому, что в язык неудержимым потоком хлынули иностранные заимствования, прежде всего англицизмы, зачастую непонятные не владеющему этим языком читателю.

Вышедший в 2001 г. «Большой словарь иностранных слов и выражений» Велики Шириловой⁴⁴ отражает ситуацию, сложившуюся в сфере иноязычной лексики в последнее десятилетие. Это действительно очень солидный словарь и по своему объему (свыше 1000 страниц), и по охвату иноязычной лексики. Автор не указывает точное количество помещенных в нем слов, говоря лишь, что их несколько десятков тысяч. В предисловии сказано, что составитель отдавал предпочтение тем иноязычным словам и выражениям, которые неоднократно зафиксированы в текстах македонских писателей, научных работников, публицистов, журналистов, а также представлены в двуязычных словарях, энциклопедиях, школьных и университетских учебниках. В действительности В. Ширилова приводит не только наиболее распространенные, но и узкоспециальные и редкие слова:

орфанотрофиум (*грч.* orphanos сирак, trerho храни) дом за сирачиња, сиропита-лиште

голубец (*рус.* голубец) руски народен танц што се изведува со придружба на лира и рог или со мелодијата на една народна песна

Встречаются варваризмы, обычно в словари не включаемые:

џоб (*анг.* job) **1.** работа, вработување; **2.** деловен потфат

џоинт (*анг.* joint) во американскиот жаргон: примитивно завиткана цигара од мари-хуана што наркоманите си ја делат меѓу себе

---

⁴³ Точности ради следует упомянуть трехтомный иллюстрированный словарь иностранных слов издательства «Детска радост»: Речник на странски зборови / 3. Корвезирски, одговорен уредник; составувачи В. Ефтимов и др. Т. 1. А–Ј. Т. 2. К–П, Т. 3. Р–Ш. Скопје, 1993, объемом около 1000 слов, адресованный младшим и средним школьникам.

⁴⁴ Ширилова В. Голем лексикон на странски зборови и изрази. Скопје, 2001. 1071 с.

В словарь включены также сокращения и переданные кириллицей латинские выражения, имена мифологических, библейских и литературных героев, названия исторических памятников и др.

Вопреки сделанному заявлению, словарь следует принципу — включить максимально возможное количество лексем. Вследствие этого в словарь попадают слова, реально в языке не функционирующие, среди значений слова оказываются такие, которые находятся не в македонском, а в английском языке. Однако эта избыточность при нынешнем положении дел, когда иноязычная лексика заимствуется без всяких ограничений, а уже усвоенные слова развивают новые значения, оборачивается высокой практической ценностью.

Этот труд выгодно отличается от предыдущего словаря иностранных слов краткими, четкими и единообразными толкованиями. Издание является ценным приобретением македонской лексикографии.

В 2002 г. вышел «Словарь иностранных слов в македонском языке» Толе Белчева⁴⁵. Его объем 20 тыс. слов. Для словаря преимущественно отобрана интернациональная лексика, утвердившаяся в македонском языке. Кроме того, содержится определенное количество архаизмов, относящихся к общеполубалканскому фонду. Для каждой лексемы указывается происхождение слова, для терминов — сфера употребления. Отличительная особенность этого словаря — широкая представленность и подробная, выходящая за рамки обычного толкования, разработка компьютерной терминологии.

5. Фразеологические словари

Македонская фразеология не оставалась без внимания лексикографов. Она широко представлена в толковых словарях. Выходили и имеющие значение не только для двуязычной лексикографии переводные фразеологические словари⁴⁶.

Первым опытом создания объемного специального лексикографического описания устойчивых сочетаний слов стал трехтомный «Фразеологический словарь македонского языка»⁴⁷ (2003–2009) Т. Димитровского и Т. Ширилова, общим объемом 12 000 фразеологических единиц (ФЕ). Базой для словаря послужили словарь с сербохорватскими толкованиями, словарь народной поэзии и собственная энциклопедия из фольклорных произведений, художественной и публицистической литературы от К. Пейчиновича (первая половина XIX в.) до наших дней.

Во вступительной статье дается определение фразеологизмов, приводится их классификация. Интересен раздел о происхождении македонской фразеологии. Авторы опираются на теорию В.В. Виноградова, но при отборе словаря исходят из

---

⁴⁵ Белчев Т. Речник на странски зборови во македонскиот јазик. Скопје, 2002. 734 с.

⁴⁶ Среди них *Мургоски З.* Македонско-англиски речник на идиоми. Скопје, 1994; *Англиско-македонски речник на идиоми.* Скопје, 1994; *Величковски Б.* Руско-македонски и македонско-руски пословици. Скопје, 2005.

⁴⁷ *Димитровски Т., Ширилов Т.* Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Т. I. А–J. Скопје, 2003. 433 с.; Т. II. К–П. Скопје, 2008. 433 с.; Т. III. Р–Ш. Скопје, 2009. 479 с.

расширенного понимания фразеологии. В словарь включены как фразеологические сращения и единства, так и фразеологические сочетания, поговорки, а также частотные словосочетания, обороты и выражения, не являющиеся фразеологизмами в узком смысле (*последна желба, дете под срце носи, живее како гроф, со половина глас, кучешки живот*).

ФЕ помещены в словаре один раз в алфавитном порядке. В качестве заглавного слова выступает первое по порядку существительное, а если такового отсутствует, то первый глагол, далее прилагательное, наречие, местоимение, числительное. Если имеется несколько ФЕ с данным заглавным словом, то они располагаются в алфавитном порядке по первому слову. Приводятся варианты и модификации ФЕ, факультативные компоненты. Затем следует стилистическая, эмоционально-экспрессивная и историко-временная помета, после чего идет толкование и примеры, если таковые приводятся:

БРАШНО

Друг му меле брашно.

Друг му ги врши работите.

За бабино брашно.

За чисто брашно.

(Жарг.) За ништо, без никаква причина.

— Пет од првата, покојната Коца, три од сегашнава. Зошто?

— **За чисто брашно**, за она брашно што ќе треба да им го донесеш на тие деца.

Славко Јаневски, Тврдоглави, стр. 28

— Чисти се оттука, стари!

— Зошто? — праша човекот.

— **За чисто брашно!** — в лице му се издра предводникот на групата...

Јово Камберски, Севгарија, стр. 42

И на брашно се смее.

Се смее како луд на брашно.

Се смее без причина; силно се смее.

Легна на брашното.

Си легна на брашното.

Најпосле се смири и почна да работи како што треба; принуден е да отстапи и да го прави она што се бара од него.

Ристе и' ги попритегна малку дизгините и попражето и Боја **си легна на брашното**. И' се роди Вилка, Толе, ете сега и трето е на пат, та ги остави сите ацамилици настрана...

Стале Попов, Крпен живот 1, стр. 175

Борис Берберчето прв истури јад:

«Пхи, алабрацета се фатиле! Бре, бре»

А другите по него:

«Госпоѓиците наесен **ќе си легнат на брашното**».

Владо Малески, Разбој, стр. 158

Т. Димитровскому принадлежит еще один труд из области фразеологии. Это «Словарь литературных выражений»⁴⁸, в котором представлено 700 изречений: «афоризмы, максимы, сентенции, мудрые мысли, которые употребляются в письменной и устной речи в образованных кругах во многих странах мира». Среди них латинские выражения (*sic!*; *post factum*), цитаты, фразеологизмы, «крылатые слова», заимствованные из других языков: *Ако не оди планината кај Мухамеда; Потемкинови села; Раздели на владеј; Сепак се врти!*; *Се плашам од Данајците дури и дарови кога носат* и т. п. Изречения даны по алфавиту в переводе на македонский язык и снабжены историко-литературными комментариями. В конце дается алфавитный указатель выражений в исходной форме и правила чтения латинских слов.

«Малый фразеологический словарь» С. Велковской⁴⁹, являющийся частью монографии, посвященной исследованию македонской фразеологии, содержит интерпретацию около 5000 фразеологических выражений (без иллюстраций):

АЦИЈА

пишман ација — се вели за човек што често се попишманува да направи нешто, нерешителен.

6. Ономастические словари

6.1. Антропонимические словари

В изучении ономастики македонские ученые добились больших успехов. Сотрудниками отделения ономастики Института македонского языка собран богатейший материал (картотеки топонимов, антропонимов и т. п.), опубликованы фундаментальные монографии, составлены словари.

Результатом многолетнего научного проекта отделения стал капитальный двухтомный «Словарь фамилий македонцев» под редакцией Т. Стаматоского (составители Мария Коробар-Белчева, Маринко Митков, Трајко Стаматоски), содержащий 23 946 заглавных слов⁵⁰. Базой словаря стали данные переписи населения 1961 г., на основании которых была создана специальная картотека, включавшая 300 тыс. единиц (по числу зарегистрированных семей). Исследование охватывало все фамилии граждан, которые признали себя македонцами. Для установления этимологии фамилий во время полевых исследований был собран фонд производных личных имен (уменьшительных, которые у македонцев используются в качестве самостоятельных) и прозвищ.

Фамилии в словаре располагаются в алфавитном порядке. Каждая статья состоит из двух частей. В первой указываются ареалы распространения, число носителей фамилии и в скобках количество семей. Во второй части приводятся этимоло-

---

⁴⁸ Димитровски Т. Речник на литературни изрази. Скопје, 1995. 298 с.

⁴⁹ Велковска С. Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник. Скопје, 2008. 276 с.

⁵⁰ Речник на презимињата кај Македонците / Обработувачи М. Коробар-Белчева, М. Митков, Т. Стаматоски; редакција Т. Стаматоски. Т. I. А–Љ. 1994. XXIII, 768 с.; Т. II. М–Ш. 2001. 796 с.

гия и структура фамилии, а также необходимые грамматические комментарии. Зак­лючает статью суффикс, с помощью которого образована фамилия. При этимологи­зации отмечается, от личного имени или от прозвища произошла фамилия. В тех случаях, когда это трудно установить, дается помета *антр.* Если для прозвища мож­но установить исходный апеллятив, то дается его толкование:

ВЕРИГОВСКИ I. Владимирово, Беровско 6 (1). **II. Прек. Верига** (: *верига* ‘*син-цир*’; ‘*вид растение*’, *бот. Convolvulis arvensis*) + -овски.

Предлагая словарь вниманию научной общественности, составители с полным правом выразили надежду, что он станет полезным источником для изучения македонской омонимии, для сравнительных исследований, подготовке различных оно­матических и этимологических словарей.

На основании словника этого лексикографического труда был составлен «Об­ратный словарь фамилий македонцев»⁵¹ О. Ивановой, дающий наглядную картину распространённости и продуктивности суффиксов, а также позволяющий уточнить этимологию целого ряда фамилий. В предисловии к словарю приводится их анализ, сведения о происхождении и статистические данные.

«Словарь личных имен македонцев» Любицы Станковской⁵² включает 23 450 личных имен, собранных из различных исторических и современных источников. Отдельно даны мужские (их приблизительно две трети) и женские. Отмечается вре­мя первого упоминания имени в исторических документах. Для исходных имен ука­зывается язык-источник, даются все производные.

Весьма интересным исследованием является «Словарь личных имен в маке­донском народном творчестве», составленный М. Коробар-Белчевой (редактор), В. Миовской и М. Момировской⁵³. Труд базируется на материале из 102 фольклор­ных сборников XIX–XX вв. Для 2879 словарных единиц приводится подробная эти­мология, в ряде словарных статей раскрывается связь имени с народными верова­ниями и обычаями, церковными праздниками, отмечается значение того или иного антропонима в народной традиции. В конце статьи приводятся топонимы, произ­водные от данного личного имени.

«Словарь личных имен» Васи́ла Дрвошанова⁵⁴ содержит 2500 единиц и имеет практическое назначение — помощь родителям в выборе имени новорожденному.

6.2. Топонимические словари

Неоценимым вкладом в ономатографию является «Словарь топонимов в области бассейна Брегалницы» Ольги Ивановой⁵⁵. Это результат многолетнего

---

⁵¹ *Иванова О.* Обратен речник на презиминьата кај Македонците. Скопје, 2007. 235 с.

⁵² *Станковска Л.* Речник на личните имиња кај македонците. Скопје, 1992. 480 с.

⁵³ Речник на лични имиња во македонското народно творештво / Марија Коробар-Белчева, Весна Миовска, Мери Момировска. Скопје, 2008. 418 с.

⁵⁴ *Дрвошанов В.* Речник на лични имиња. Скопје, 1994. 116 с.

⁵⁵ *Иванова О.* Речник на топонимите во областа по сливот на Брегалница. Скопје, 1996. 778 с.

исследования автором топонимики региона. На территории области бассейна реки Брегалницы (восточная Македония) находится 291 живой населенный пункт и 154 исчезнувших. В словаре исследуется 11 462 топонима. Каждая статья содержит характеристику географического объекта, этимологический и словообразовательный комментарий. Когда топоним восходит к апеллятиву, приводится его толкование и происхождение. Привлекаются материалы других славянских и неславянских языков. Как правило, даются отсылки к синонимическим топонимам, а также для специфических суффиксов — к топонимам с той же словообразовательной морфемой. Когда топоним восходит к личному имени или прозвищу, это подтверждается извлечениями из турецких документов времен Османской империи:

Кръевци запусено македонско село Трл. Се среќава со потврда од 1891: Кърњевци и од XVI век: Креновци, втор назив Јарановци. — Од лично име или прекар *Кръе*, *Крне*: *крне* ‘човек без заби, без уво, рака и сл.’ од крн, -а, -о ‘скршен, штрбав’ < стсл **крънь** ‘со отсечено уво или нос’ (сп. XVI: Јани, син на Крно ТД IV 262). Сп. Штрбѣва Чѣшма, Шутѣва Прѣмка⁵⁶.

Словарь содержит богатейший материал для ономастики, этимологии, истории языка, словообразования, и шире — этнографии, географии, истории Балкан. Автором также был составлен «Обратный словарь топонимов бассейна реки Брегалницы»⁵⁷.

В настоящее время в завершающей стадии находится проект отделения ономастики «Словарь топонимов Республики Македонии»⁵⁸. Названия населенных пунктов из официального списка Республики Македонии обследуются по шести пунктам: диалектная форма названия, точное местонахождение, исторические свидетельства, в которых упомянуто название, этимология, имеющаяся литература, относящаяся к ойкониму, рекомендации по замене названия, если существующее по каким-либо причинам не оправданно⁵⁹.

Важным источником сведений по ономастике, диалектологии и этимологии является словарь Божидача Видоеского «Географическая терминология в диалектах македонского языка»⁶⁰, в котором содержится 2251 географический термин с толкованием, этимологическими комментариями и примерами. Терминология базируется на македонском топонимическом материале.

⁵⁶ *Сокращения*: Трл — село Троло, ТД — Турски документи за историјата на македонскиот народ. IV, Скопје, 1978.

⁵⁷ *Иванова О.* Обратен речник на топонимите во областа по сливот на Брегалница. Скопје, 2001.

⁵⁸ Речник на имињата на населените места во Република Македонија / Обработувачи О. Иванова, М. Митков, Т. Стаматоски и Љ. Станковска.

⁵⁹ *Стаматоски Т.* Современата состојба на македонската ономастика // XXII научна дискусија на XXVIII меѓународен семинар на македонски јазик, литература и култура. Скопје, 1996. С. 213.

⁶⁰ *Видоески Б.* Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999. 192 с.

6.3. Диалектные словари

Значительным вкладом в славистику и балканистику является «Словарь македонских юго-восточных эгейских говоров»⁶¹ Косты Пеева. Он представляет лексику двух групп юго-восточных говоров: солунско-воденских (долновардарских) и эгейской части серско-лагадинских, занимающих небольшую область на юго-востоке современной Македонии (Гевгелия и Дойран) и охватывающих обширную территорию на севере Греции к западу и востоку от нижнего течения Вардара и Струмы. Эти говоры, находящиеся на крайней периферии славянского мира, представляют собой, по определению автора, настоящую языковую лабораторию, в которой весьма активно протекали процессы, вызванные контактами с другими языками (турецким, греческим, ароманским и др.). Вместе с тем, здесь сохранялись архаические черты, утраченные другими южнославянскими говорами.

Базой для словаря послужили как опубликованные исследования, так и материалы, собранные самим составителем и другими македонскими диалектологами. Ценность этого лексикографического труда возрастает и в связи с тем, что предметом описания являются практически исчезнувшие говоры. Часть материала для словаря была собрана К. Пеевым путем опроса и записей речи информантов-беженцев из Эгейской Македонии. Использовалась также картотека, составленная автором для словаря говора Кукуша (греч. Килкис) в его вышедшей ранее двухтомной монографии⁶².

Статьи «Словаря македонских юго-восточных эгейских говоров» содержат толкования слов и богатый иллюстративный материал с указанием ареала распространения лексемы. При необходимости даются дополнительные лингвистические пояснения. Помимо корпуса, в словаре помещен обширный исторический комментарий, а также исследования лексикологических и грамматических проблем. Выдающийся труд К. Пеева был высоко оценен в стране и за рубежом. Отмечается, что этот «словарь является не просто отвлеченным собранием лексики, но “энциклопедией народной жизни”, представляя через слова культуру описываемого края и давая читателю возможность ощутить дух народной культуры»⁶³.

7. Исторические словари

С 1964 г. в Скопье ведется работа над «Словарем церковнославянского языка македонской редакции», что является основной задачей Отделения истории македонского языка Института македонского языка. Источниками для словаря послужили 29 рукописей, созданных в македонских скрипториях в XII–XVI вв., из которых

---

⁶¹ Пеев К. Речник на македонските говори во југоисточниот егејски дел. Т. 1. Скопје, 1999. 416 с.; Т. 2. Скопје, 2002. 404 с.; Т. 3. Скопје, 2004. 400 с.; Т. 4. Скопје, 2006. 500 с.; Т. 5. Скопје, 2011; Т. 6. Скопје, 2012. 468 с.

⁶² Пеев К. Кукушкиот говор. Книга I. Скопје. 1987. 355 с.; Книга II. Скопје, 1988. 361 с.

⁶³ Якушкина Е.И. К. Пеев. Речник на македонските говори во југоисточниот егејски дел. Т. 1–3. Скопје, 1999–2004 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2006. С. 314–317.

извлечены около 2 млн. словоупотреблений. На первом этапе работой руководила Радмила Угринова-Скаловска. Необходимо было составить архив копий текстов, ибо лишь три из них хранятся в Македонии, организовать экскерпцию, подготовить кадры. В середине 70-х гг. в работу включилась Зденка Рибарова, ставшая впоследствии главным редактором словаря. Итогом работы стали четыре картотеки: азбучная, предметная, греческая и вспомогательная. В 1975 г. был опубликован пробный выпуск словаря⁶⁴, а в 1985 г. — «Индекс к Словарю македонских библейских текстов»⁶⁵, после чего авторский коллектив приступил к составлению словаря, публиковавшегося с 2000 отдельными выпусками. В 2006 г. вышел первый том словаря⁶⁶, содержащий 1483 статьи (буквы А — 516 статей и Б — 967). Помимо апеллятивной лексики словарь включает и все имеющиеся в рукописях личные и географические имена. В статье раскрывается семантическая структура слова на основании документированной семантики, для каждого значения приводятся переводы на македонский, русский и английский языки, а также греческое соответствие. Указывается наличие или отсутствие слова в источниках. Представлен обширный иллюстративный материал, в специальном разделе обрабатываются фразеологические единицы. Первый том, помимо характеристики источников словаря, его структуры, истории создания, содержит также описание основных особенностей языка текстов. Весь справочный материал переведен также на русский и английский язык. Этот труд является ценным вкладом в палеославику. В настоящее время работа продолжается, вышло несколько выпусков (буква В), которые составят второй том.

Греческо-церковнославянская картотека Отделения истории македонского языка послужила базой для «Словаря греческо-церковнославянских лексических параллелей» М. Аргировского (редактор), Н. Андриевской и А. Гюрковой⁶⁷. В предисловии редактор указывает, что работа над словарем, который был задуман как двуязычный индекс, выявила, что лексикографический труд подобного рода представляет богатый материал для исследования синонимии, переводческой техники, как и путей развития метафорического значения слова.

Свидетельством активной и плодотворной работы македонских ученых над богатейшим языковым наследием являются «Старославянско-македонский словарь (с греческими параллелями)»⁶⁸, который составили Вангелия Десподова (редактор), Соня Новотни, Элка Ячева-Улчар и Мария Чичева-Алексич, а также «Словарь лек-

⁶⁴ Угринова-Скаловска Р. (ред.), Рибарова З., Десподова В. Речник на македонските црковнословенски текстови. Пробна свеска. Скопје, 1978.

⁶⁵ Аргировски М., Бицевска К., Георгиевски Г., Десподова В., Рибарова З. Индекс кон Речникот на македонските библиски ракописи / Македонистика 4. Скопје, 1985.

⁶⁶ Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција. Т. 1. Вовед. А–Б / Главен уредник Зденка Рибарова; редакција Лилјана Макаријоска, Зденка Рибарова, Радмила Угринова-Скаловска. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», Одделение за историја на македонскиот јазик, 2006. 542 с.

⁶⁷ Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели / Редактор Мито Аргировски; соработници Наталија Андријевска, Александра Ѓуркова. Скопје, 2003. 502 с.

⁶⁸ Старословенско-македонски речник (со грчки паралели) / Вангелија Десподова (редактор), Элка Јачева-Улчар, Соња Новотни и Марија Чичева-Алексич. Прилеп; Скопје, 1999. 558 с.

сики поэтических произведений Климента Охридского», подготовленный Стоей Поп-Атанасовой и Весной Костовской⁶⁹.

8. Отдельные аспектные словари

8.1. Словари семонимов (паронимов, антонимов, омонимов). В 2011 г. в Македонии вышло первое лексикографическое издание на электронном носителе. Это «Словарь паронимов и Словарь антонимов македонского языка» Эмила Ниами⁷⁰. Эти два словаря являются итогом серьезных многолетних исследований автора (в 2007 г. им была защищена диссертация по сопоставительному исследованию паронимии в македонском и русском языках, а в 2010 г. — антонимии).

«Словарь паронимов» включает 1064 паронимических ряда, снабженных толкованиями всех значений и оттенков сопоставляемых слов. Примеры иллюстрируют их сочетаемость:

АКАДЕМЕЦ — АКАДЕМИК

Академец — *т.* 1. ученик во воена академија 2. офицер што завршил воена академија 3. студент 4. оној што завршил виша или висока школа. *Дипломирн академец.*

Академик — *т.* член на академијата на науките и уметностите

При составлении корпуса Э. Ниами опирался не только на углубленное изучение закономерностей словообразовательной и семантической соотнесенности паронимов, но и на наблюдения над ошибочным употреблением в СМИ и живой речи. Словарь не только заполняет лауну в отечественной лексикографии, но и имеет большое практическое значение для воспитания культуры речи.

«Словарь антонимов» Э. Ниами содержит 477 антонимических рядов. Все они снабжены толкованиями и примерами из художественных произведений (прозаических и поэтических), публицистики, периодических изданий. При основной, доминантной, паре приведены антонимические словообразовательные гнезда. Важно, что в качестве иллюстраций приводятся контексты, где синонимы употреблены в пределах одного предложения или краткого отрывка.

«Словарь антонимов македонского языка с русскими эквивалентами» Розы Тасевской⁷¹ содержит свыше 1700 антонимических пар. При каждой паре приводится соответствующая одна или несколько русских пар, что, по словам автора, преследует лингво-дидактическую цель, а также делает словарь доступным широкому кругу славистов. Каждый антоним толкуется отдельно. Большинство статей содержит примеры из художественной литературы, фольклора, СМИ, на совместное употребление антонимов. В тех случаях, когда не удалось отыскать такого иллюстративного материала, автор составляет собственные примеры или ограничивается толкованиями.

---

⁶⁹ Лексиката во поетските творби на Климент Охридски / Стоја Поп-Атанасова, Весна Костовска. Скопје : Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2005. 361 с.

⁷⁰ Ниами Е. Речник на паронимите во македонскиот јазик. Речник на антонимите во македонскиот јазик. [Електронски извор] Скопје, 2011. Первый оптический диск на CD-ROM.

⁷¹ Тасевска Р. Речник на антонимите во македонскиот јазик со руски еквиваленти. Скопје, 2011. 519 с.

Работа по изучению македонской лексики ведется в Воронежском государственном университете по инициативе и под руководством А.А. Кретова. В Научно-методическом центре компьютерной лингвистики ВГУ на основе Русско-македонского словаря Д. Толовского и В.М. Иллича-Свитыча⁷² был создан и с выходом в 1997 г. и 2003 г. двух следующих русско-македонских словарей⁷³ обновлен Машинный македонско-русский фонд. На базе этого фонда были подготовлены два словаря омонимов македонского языка. «Македонский словарь омонимов с русскими толкованиями»⁷⁴, изданный в 2008 году, отражает состояние македонского языка конца 1950-х – начала 1960-х годов. «Новый македонский словарь омонимов»⁷⁵ является парным к первому и представляет омонимические отношения в македонской лексике начала XXI века. Он содержит около 600 омонимических рядов. Словарная статья состоит из следующих зон: 1) македонского слова, 2) номера омонима, обозначаемого латинской цифрой, 3) номера значения слова, обозначаемого арабской цифрой, 4) грамматических и прочих помет, 5) русского толкования или отсылки к другому македонскому слову, 6) примера употребления омонима с его русским эквивалентом. Таким образом, как отмечают авторы, два словаря являются уникальным источником информации о динамике лексико-семантической системы македонского литературного языка от его кодификации (в 1945 г.) до современности.

8.2. Оригинальным и до сих пор единственным в своем роде является «**Словарь жаргонных слов и выражений**»⁷⁶ Томислава Трневского. Этот лексикографический труд, представивший в алфавитном порядке около 1800 слов и выражений, является результатом исследования молодежного жаргона 1980–1990-х гг. Удачное построение словаря, удобная система отсылок (синонимических, антонимических и ассоциативных) позволяет автору создать системное описание материала:

крлеж здодевен човек; **жилавка, масер**. / (→) **лепак**.

лепак натраплив, здодевен човек, што сака да се дружи со некого, пијавица, човек од кого нема **откач**; **фластер, ханзапласт, црево**. / (←) **крлеж**. // (→) се **шлепа** | **шлепува**.

шлепа | **шлепува се** се прикачува, се придружува во некое друштво; користи нечиј авторитет. // (←) **лепак**.

⁷² Толовски Д., Иллич-Свитыч В.М. Македонско-русский словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1963. 576 с.

⁷³ Македонско-русски речник. Македонско-русский словарь / Ред. акад. Р. Ускова. Авторы-сост.: Р.П. Ускова, З.К. Шанова, М.А. Поварницына, Е.В. Верижникова. Т. I–III. Скопје, 1997. 1667 с.; Македонско-русский словарь / Под общ. ред. Р.П. Усковой и Е.В. Верижниковой; сост. Р.П. Ускова, З.К. Шанова, Е.В. Верижникова, М.А. Поварницына. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 848 с.

⁷⁴ Кретов А.А. Македонский словарь омонимов (с русскими толкованиями). Воронеж: Институт ИТОУР, 2008. 123 с.

⁷⁵ Кретов А.А. Новый македонский словарь омонимов (с русскими толкованиями) / А.А. Кретов, А.В. Кашкина, Ю.А. Суворова. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2012. 83 с.

⁷⁶ Трневски Т. Речник на жаргонски зборови и изрази. Скопје, 1997. 136 с.

Соответствует материалу и предисловие к словарю, превратившееся из традиционной статьи о пользовании словарем в живое и остроумное эссе, содержащее размышления автора и его наблюдения над «языковым поведением» молодежи с ее нонкорформизмом и максимализмом, стремлением к творческому переосмыслению действительности, игре со смыслом и звуком.

Словарь имеет и практическое значение, поскольку жаргон активно проникает в художественную литературу, театральные постановки, фильмы, газетные тексты.

8.3. Авторская лексикография в Македонии представлена «Словарем поэтического сборника “Белые зори” К. Рацина» Т. Димитровского⁷⁷. Выбор лексикографа не случаен. Кочо Рацин — один из основоположников новейшей македонской литературы, а «Белые зори» (1939, Загреб) — первая поэтическая книга на македонском языке, опубликованная в королевской Югославии. Лексикографический труд содержит три раздела: толковый словарь с грамматическими и этимологическими сведениями, включающий все 848 слов, употребленных в сборнике, а также обратный и частотный словари. В приложении дан регистр 696 лексем из других стихов того же автора, из которых 341 слово не встречается в «Белых зорях», а также 160 слов, обнаруженных Т. Димитровским в черновых вариантах и набросках поэта. Отдельно даны личные имена и географические названия. В рецензии на этот труд Б. Конеский указывает, что он являет собой образец, который вдохновит лексикографов на создание словарей других выдающихся македонских мастеров слова.

8.4. Опыт создания частотного словаря македонского литературного языка на ограниченном языковом материале принадлежит Д. Стефании. Методом сплошной выборки (не учитывались только личные имена, и немакедонские географические названия) было обработано 10 номеров газеты «Нова Македония» за 1981 год. Объем выборки составил 141 953 словоупотребления. 4220 слов вошли в словник «Основного частотного словаря газеты “Нова Македония”»⁷⁸. Словарь состоит из двух частей: частотной и алфавитной. В конце отдельным списком даны македонские географические названия, существительные, обозначающие национальности, и сокращения. После каждого слова приводится порядковый номер, абсолютная частота слова, частота отдельных его форм и индекс частотности.

* * *

За неполных семьдесят лет, прошедших со времени кодификации македонского языка, создан солидный корпус лексикографических трудов. Достижения македонских лексикографов представляют весомый вклад как в славистику и балканистику, так и в словарное дело. На современном этапе лексикография в Македонии развивается весьма активно, продолжается издание начатых проектов, создана база для дальнейшего расширения репертуара лексикографических изданий.

---

⁷⁷ Димитровски Т. Речни на «Бели мугри» на К. Рацин. Скопје. 1990. 219 с.

⁷⁸ Stefanija D. Osnovni frekvenčni slovar Nove Makedonije. Основен честотен речник на Нова Македонија. Ljubljana, 1991. 106 с.

Tadeusz PIOTROWSKI
(Wrocław, Polska)

LEKSYKOLOGRAFIA POLSKA

1. Zarys dziejów słowników w Polsce

Historię słowników w Polsce można podzielić na trzy okresy: od początków do 1795 roku, lata 1795–1939, wreszcie okres od roku 1945 do chwili obecnej. Ów podział dziejów leksykografii polskiej pokrywa się z historią polityczną Polski: okres niepodległości do 1795 roku, okres zaborów, wraz z krótkim okresem niezależności politycznej, a następnie niepodległość od roku 1945, względna do roku 1990 i całkowita po tym roku.

Rozwój słowników w Polsce analogiczny jest do powstania dzieł leksykograficznych w innych krajach europejskich. Pierwszymi dziełami leksykograficznymi, kompilowanymi w wiekach średnich, były glosy, glosariusze czy też wokabularze, układane do nauki łaciny. Jednym z najstarszych, prawdopodobnie z roku 1424, jest tzw. „Wokabularz trydencki”, który zawiera 600 haseł. Najstarsze dwa drukowane słowniki pochodzą z roku 1528. Słowniczek Jana Murmeliusza (Myrmeling, 1479–1527), Holendra, zatytułowany „Dictionarius Murmelii variarum rerum...” (por. Gruszczyński 2000). Podawał on hasła polskie wraz z łacińskimi i niemieckimi, oparty na zbiorze przysłów, zawierał ok. 2600 polskich haseł w typowym układzie tematycznym. Nieznany jest autor części polskiej. Drugi słownik, także z roku 1528, autorstwa Franciszka Mymera (Mymerusa), „Diccionarius trium linguarum: latinae, teutonicae etc. polonicae” z wyrazami łacińskimi, niemieckimi i polskimi, zawierał 2300 haseł. Słowniki te miały układ rzeczowy i były wzorowane na słowniczkach z zachodu Europy.

Jeden z największych słowników łacińsko-polskich, liczący ok. 1000 stron, ułożył Jan Mączyński (1520 – ok. 1587). Dzieło pod tytułem „Lexicon Latino-Polonicum”, wydane w 1564 roku, zawierało 20 500 haseł. Jego makrostruktura już była alfabetyczna, jednak w słowniku korzystano także z gniazdowania etymologicznego. Gniazdowanie etymologiczne pojawia się także i w następnych słownikach w Polsce. Słownik ten był ciekawy ze względu na włączanie słownictwa potocznego. Autor słownika nie był katolikiem — co ograniczało liczbę potencjalnych nabywców, słownik był też drogi i wydrukowano niewielką ilość egzemplarzy (500), z tych też względów nie wywarł szerszego wpływu w Polsce. W 1585 język polski, wraz z węgierskim i angielskim, pojawił się także w słynnym wielojęzycznym słowniku Ambrogio Calepino („Dictionarium decem linguarum”) w wydaniu z Lyonu, a także w późniejszych jego wydaniach, np. w roku 1590. Nie wiadomo, kto dodał polskie ekwiwalenty, sądzi się, że dokonał tego Mączyński, albo Piotr, albo sam Jan. Polskich ekwiwalentów jest ok. 12 500, były one jednak często źle wydrukowane i ogromnie zniekształcone. Jednak polski materiał jest cenny ze względu na to, że autor nie czuł się związany stosownością językową. Polski występuje i w innych wielojęzycznych słownikach Renesansu, np. Georga Henischa dziewięciojęzycznym

“Teütsche Sprach vnd Weissheit. Thesaurus Lingvae et Sapientiae Germanicae” z 1616 roku, opartego już na języku niemieckim.

Najważniejszym słownikiem renesansowym w Polsce jest trzypięciotomowe dzieło, opublikowane w latach 1621–1632 pod tytułem “Thesaurus Polono-Latino-Graecus”, a ułożone przez Grzegorza Knapiusza, znanego też jako Knapski (ok. 1564–1639), jezuitę. Pierwszy tom, liczący ponad 1500 stron, zawierał materiał polsko-łacińsko-grecki, drugi tom zawierał na 840 stronach indeks łaciński do pierwszego tomu, a trzeci tom był zbiorem ok. 1300 fraz idiomatycznych i przysłów. Słownik ten był ważny dla rozwoju leksykografii polskiej ze względu na użycie nowatorskich, na gruncie polskim, metod. Metodologicznie twórca słownika opierał się prawdopodobnie na wzorcach zagranicznych z poprzedniego stulecia, zwłaszcza zaś na dwujęzycznych słownikach z łaciną i francuskim, ułożonych przez Henri Estienne (“Dictionnaire Francois-Latin”, 1539/1549) i Roberta Estienne (“De la Conformité du Langage François avec le Grec”, 1565). Słownik Knapiusza daje także informacje o problemach tłumaczeniowych między łaciną a polskim, a także uwzględnia dużą liczbę informacji encyklopedycznych. Sądzi się, że zawiera on 40 000 haseł.

Makrostruktura słownika jest konsekwentnie alfabetyczna, wyrażenia idiomatyczne, jak i formy fleksyjne, a nawet poszczególne znaczenia, są omawiane w odrębnych hasłach. Wewnątrz w hasłach znajdują się odsyłacze, często także synonimy. Czasami zamiast obcego ekwiwalentu pojawia się definicja. W hasłach znaczenia uporządkowane są od ogólnych do wyspecjalizowanych. To cecha charakterystyczna dla znakomitej większości słowników polskich. Knapiusz podawał zarówno przykłady użycia danych wyrazów jak i odsyłacze (w liczbie 43) do uznanych autorów. Co ciekawe, uwzględniał także kolokacje. Słownik także posługuje się 150 kwalifikatorami. W odróżnieniu od Mączyńskiego (1564), Knapiusz dokonał wyboru wyrazów, uwzględnianych w słowniku, pomijając te z nich, które uznawał za leżące poza obszarem języka literackiego (który nazywał *dialectus maxime communis*), np. barbarzyzny (nawet te rozpowszechnione), kolokwializmy, wulgaryzmy oraz nacechowane formy gwarowe. Jego zdaniem język — a to obejmuje i jego opis w słowniku — powinien być oparty o zasady (normy), a szczególnie ma być pozbawiony wpływów obcych. Knapiusz dlatego też wprowadził szereg neologizmów, którymi chciał zastąpić wyrazy obce, a które utworzył na podstawie języka czeskiego. Słownik Knapiusza nie jest oczywiście słownikiem jednojęzycznym, jednak w jego dziele «język polski nie istnieje tylko po to, by tłumaczyć lub być tłumaczonym na łacinę, lecz jest wreszcie sam przez się przedmiotem zainteresowania i badania» (Puzynina 1961: 18); stąd też wpływało jego znaczenie dla leksykografii polskiej.

Aż do połowy dziewiętnastego wieku “Tezaurus” Knapiusza wywierał ogromny wpływ na następne słowniki, nie tylko polskie, ale i dzieła leksykograficzne z językiem litewskim czy łotewskim. Sam słownik był też często przedrukowywany, szczególnie zaś tom drugi, albo wydawany w wersji skróconej. Materiał ze słownika Knapiusza był w dużym stopniu wykorzystany i rozszerzony w trójjęzycznym — francusko-niemiecko-polskim — “Nouveau Dictionnaire François, Allemand et Polonois” w trzech tomach, autorstwa Michała Abrahama Troca (nazwisko pisane też Trotz; ok. 1689–1769). Trzeci tom tego słownika, liczący ponad 1,500 stron, polsko-francusko-niemiecki, ukazał się w 1764 roku. Troc był

nauczycielem akademickim języka polskiego w Lipsku, gdzie zresztą opublikował swe dzieło. W słowniku Troca widać zanikanie łaciny jako międzynarodowego środka porozumiewania się, a wzrost znaczenia francuskiego i niemieckiego. Dodał on do wyrazów przejętych od Knapiusza terminologię naukową i techniczną, wiele wyrazów pochodnych, wyrazy obce, czy to nowe, czy też te, które Knapiusz pomiął, jak i wyrazy potoczne. Troc był pierwszym leksykografem, który wprowadził grupowanie znaczeń wyrazów w jedno hasło oraz opatrywanie ich numerami. Używał także na szeroką skalę kwalifikatorów. Choć nie jest znana liczba haseł w jego słowniku, jest ona znacznie wyższa niż w słowniku Knapiusza — niektóre strony u Troca mają dwa razy więcej haseł niż u Knapiusza.

Lata 1795–1939

Słowniki ogólne

Zaczyna ten okres dzieło, które nadal pozostaje bardzo istotnym słownikiem dla historyka języka polskiego, „Słownik języka polskiego” (1807–1814) w sześciu tomach Samuela B. Lindego (1771–1847), pierwszy słownik jednojęzyczny języka polskiego. Co więcej, jest to także słownik jedno- i wielojęzyczny. Powstał on bardzo późno, gdy porównamy go z osiągnięciami innych krajów europejskich, w których pierwsze słowniki jednojęzyczne wydawano w XVII i XVIII wieku. Na tle leksykografii europejskiej prezentuje się jednak niezwykle interesująco, choćby dlatego, że stworzył go Niemiec, dla którego polski nie był językiem rodzimym (bogata literatura przedmiotu syntetyzuje Matuszczyk 2006).

Znajduje się w nim ok. 60 000 haseł, przy czym jako pierwszy jednojęzyczny słownik języka polskiego zawiera on ok. 2000 nazw własnych (Walczak 1991). Obejmuje słownictwo od wieku XVI do początków XIX. Hasła, choć umieszczone w kolejności alfabetycznej, zgrupowane są w duże akapity — gniazda, które obejmują hasła powiązane etymologicznie. Etymologie Lindego są najczęściej naiwne i, na tle ówczesnych poglądów, zacofane — hebrajski np. był dla niego językiem pierwotnym. Pojedyncze hasło zawiera, oprócz wyrazu hasłowego, warianty ortograficzne tego wyrazu oraz, w kolejnych znaczeniach, kwalifikatory gramatyczne (stosowane zgodnie z gramatyką łacińską), odpowiedniki z innych języków słowiańskich, polską definicję, ekwiwalenty niemieckie. We wszystkich znaczeniach znajdują się cytaty, dość dokładnie zlokalizowane, zaczerpnięte z dzieł 400 pisarzy. Na końcu podane są derywaty słowotwórcze. Zarówno znaczenia, jak i cytaty, porządkowane są logicznie, od konkretnych do abstrakcyjnych i wyspecjalizowanych, np. naukowych.

Słownictwo, jakie znalazło się w tym słowniku obejmuje trzysta lat, jednak pod względem metod porządkowania materiału nie jest to słownik historyczny (choć jest tak nazywany w literaturze polskiej) w ścisłym tego słowa znaczeniu, na podstawie bowiem materiału zawartego w słowniku Lindego nie można odtworzyć dziejów danej jednostki języka. Historyzm i słownik historyczny to spadek okresu Romantyzmu, a Linde i jego słownik należą koncepcyjnie do Oświecenia.

Ogromny zbiór przytaczanych ekwiwalentów z innych języków czyni ze słownika Lindego także słownik wielojęzyczny. Często nawet ekwiwalenty niemieckie wydają się

być w nim ważniejsze od polskich definicji — występują hasła, w których brak definicji, zawsze natomiast znajduje się odpowiednik niemiecki. Jak się zdaje, Linde pragnął przybliżyć polszczyznę narodom zachodniej Europy, dając im wielki słownik tłumaczeniowy. Wielka jest także liczba ekwiwalentów innosłowiańskich (ok. 250 000). Co najciekawsze, w słowniku znaleźć można hasła, niektóre opatrzone gwiazdkami, które prawdopodobnie, podążając śladami Knapiusza, stworzył sam Linde. Takich haseł jest ok. 5000 (Lewaszkiwicz 1980). Zadaniem tych nowotworów było, jak się zdaje, uzupełnić braki leksykalne języka polskiego, braki, które pozornie występują przy porównaniu z innymi językami słowiańskimi. Jednak gdy Knapiusz charakterystycznie opierał się na czeskim, Linde za wzorzec wziął raczej rosyjski. Celem Lindego, jak się zdaje, było zbliżenie w ten sposób polszczyzny do innych języków słowiańskich. Żaden z tych neologizmów nie wszedł jednak do języka polskiego. Bardzo interesująca jest dokumentacja materiałowa w słowniku. W cytatach bowiem Linde najczęściej modernizował pisownię i fleksję, poddawał je skrótom. Zmieniał w nich też wyrazy tak, by cały cytat nie zależał od szerszego kontekstu, by był łatwiej zrozumiały.

Linde stworzył słownik nienormatywny, tzn. nie poddawał faktów językowych selekcji poprawnościowej. Miał jednak cele dydaktyczne na uwadze — jego słownik miał być zbiorem słownictwa, z którego przyszłe pokolenia mówiących po polsku mogłyby się dowiedzieć, jak wszechstronny i bogaty był język polski. Linde i jego arystokratyczni mecenasowie chcieli w ten sposób położyć przyczynić się do ocalenia języka narodowego, ponieważ po stracie państwa (po rozbiorach Rzeczypospolitej Polski w XVIII wieku, dokonanych przez Austrię, Prusy i Rosję) lękano się, iż wraz z państwem zginie i język polski.

Słownik Lindego zdobył olbrzymie uznanie. Był to pierwszy słownik porównawczy języków słowiańskich i jeden z pierwszych w miarę naukowych słowników jednego języka słowiańskiego. Wielki był też jego wpływ na inne słowniki polskie i innych języków, przede wszystkim na czeskie, zwłaszcza zaś na słownik Jungmanna (*“Slovník česko-německý”*, 1835–39), który wprowadzał nowe wyrazy czeskie na podstawie materiału Lindego.

Dzieło Lindego wyzyskiwały jednak przede wszystkim późniejsze słowniki polskie, np. *“Słownik polsko-niemiecki”* z roku 1835, ułożony przez Krzysztofa Mrongowiusza (Mrongovius; 1764–1855), wydany w Prusach Wschodnich, w Królewcu. Część niemiecko-polska ukazała się w innym pogranicznym mieście, Gdańsku, w 1820. Słownik ten zawierał pewną liczbę wyrazów gwarowych, a także słownictwo potoczne.

Wpływ Lindego widać także w pierwszym podręcznym słowniku języka polskiego, jakim jest tzw. *“Słownik wileński”* (1861, Wilno, przedrukowany Warszawa 1986; por. Walczak 1991). Ten liczący około 110 000 haseł dwutomowy słownik poszedł dalej, jeśli idzie o bogactwo zarejestrowanej leksyki, ukazanie jej zróżnicowania stylistycznego dzięki rozbudowanym kwalifikatorom, a przede wszystkim notowaniu słownictwa regionalnego (zwłaszcza kresowego) i kolokwialnego. Redaktorem naczelnym słownika był Aleksander Zdanowicz (1808–1868). Wywarł ten słownik ogromny wpływ na inne słowniki polskie jeżeli chodzi o strukturę hasła i zasady hasłowania materiału leksykalnego. Dzięki temu chyba nadal zresztą prezentuje się ten słownik całkiem współcześnie.

W odróżnieniu od wielu słowników wcześniejszych, a zwłaszcza Lindego, hasła są w “Słowniku wileńskim” ułożone ściśle alfabetycznie. Użyto także dużą liczbę kwalifikatorów, których lista znajduje się na początku słownika, czego przed tym słownikiem nie stosowano. Hasła obejmują niemal wszystkie hasła ze słowników Lindego i Mrongowiusza. Ze słownika Lindego nie przejęto niektórych wyrazów przestarzałych. Prawie 2000 haseł jest oznaczonych jako gwarowych, a słownik zawiera wiele dialektyzmów ze wschodnich terenów Polski oraz z Litwy, jak też wiele wyrazów potocznych oraz naukowych. Najważniejsza jest być może struktura hasła, która wywarła największy wpływ na inne słowniki. Jest ona bardzo przejrzysta, wszystkie znaczenia są numerowane. W słowniku znaleźć można także wiele przykładów, albo opartych na cytatach w “Słowniku języka polskiego” Lindego, albo stworzonych przez samych autorów. Warto też odnotować uwzględnianie wielu luźno-łączliwych związków frazeologicznych jak i użycie naukowych nazw łacińskich do określania nazw roślin i zwierząt. Ze względu na jego wpływ w zakresie formy zapisu informacji leksykograficznej słownik ten obecnie można traktować jako jeden z ważniejszych słowników języka polskiego.

Innym popularnym słownikiem, wydawanym przez lat kilkadziesiąt, był “Słownik języka polskiego” Erazma Rykaczewskiego (1803–1873) z roku 1866. Był to w zasadzie pierwszy słownik podręczny, kieszonkowy, o dużym zasobie haseł. Rykaczewski, poliglota, zasłużył się zresztą także opracowaniem słowników dwujęzycznych, języka polskiego z włoskim i angielskim.

Największym słownikiem, jaki został wydany w wieku XIX i XX w Polsce, był “Słownik języka polskiego” pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego, Władysława Niedźwiedzkiego, często nazywany “Słownikiem warszawskim”. Prace nad nim rozpoczęto w 1889 roku. Zeszty I tomu zaczęły wychodzić w 1898 roku, cały tom I ukazał się w 1900 roku, a tom ostatni, VIII, wydrukowano w 1927 roku. Koncepcyjnie słownik ten jednak należy jeszcze do XIX wieku. Inicjatorem słownika i twórcą jego koncepcji był Jan Karłowicz (1836–1903). W leksykografii polskiej zapisał się on także jako twórca “Słownika gwar polskich” oraz nieukończonego wielkiego “Słownika wyrazów obcego ... pochodzenia w języku polskim” (1894–1905).

Już w 1876 roku Karłowicz planował wydanie wielkiego słownika języka polskiego, który by mógł odpowiadać zakresem i jakością owym słownikom. Taki słownik miałby obejmować wszystkie zaświadczone polskie wyrazy wraz z wariantami. Dla każdego wyrazu podana byłaby jego wyczerpująca historia poprzez dokładnie zlokalizowane cytaty, umieszczone w porządku chronologicznym. Postulując, by taki słownik zawierał luźne związki frazeologiczne i dokładny opis gramatyczny, zwłaszcza składniowy, Karłowicz wyprzedzał swoją epokę. Niestety, z powodu braku funduszy i odpowiedniej liczby wykształconego personelu, “Słownik warszawski” nie stał się owym planowanym wielkim słownikiem. Jest on rozwiązaniem kompromisowym.

Do tej pory “Słownik warszawski” jest największym słownikiem języka polskiego. Zawiera prawdopodobnie ok. 250 000 haseł (dokładnych danych brak). “Słownik warszawski” wchłonął materiał wcześniejszych słowników, przede wszystkim Lindego oraz “Słownik gwar” Karłowicza, dodano także wybór wyrazów z tekstów średniowiecznych,

nie odnotowanych przez Lindego. Obejmuje więc słownictwo od polszczyzny średnio-wiecznej do XIX wieku, z założenia wszystkich warstw społecznych i wszystkich odmian stylistycznych. Stąd znajdziemy w nim socjolekty, np. gwarę złodziejską czy też wyrażenia obsceniczne. Notowane są w nim warianty wyrazów (ortograficzne i fleksyjne), przy czym dyskretnie podaje się wskazówki poprawnościowe, w formie ostrzeżeń dla użytkownika przed posługiwaniem się danym wyrazem czy też jego formą. Słownik zawiera także formy uznawane za niegrammatyczne, z odpowiednim komentarzem.

Jak u Lindego, struktura hasła oparta jest nie na historycznym rozwoju znaczenia wyrazu, lecz na logicznych powiązaniach między znaczeniami, które układane są od konkretnego do abstrakcyjnych i od najczęstszego do rzadszych, czyli do tych, których używa się w ograniczonych kontekstach. Stosunkowo niewiele uwagi poświęcono etymologii i zagadnieniom gramatycznym. Cytaty ilustrujące znaczenia nie mają dokładnej lokalizacji, oznaczone są jedynie nazwiskiem autora. Ze względów praktycznych znaczeń najczęściej nie definiuje się, ale opisuje przy pomocy ciągów synonimów. Ten sposób, bardzo rozpowszechniony w praktyce leksykograficznej, zazwyczaj wystarcza rodzimemu użytkownikowi, któremu słownik ma pomóc przy rozumieniu tekstów. Natomiast sposób ten ma również tę zaletę, że synonimy mogą być użyte także przy tworzeniu nowych tekstów. Temu samemu celowi służą także odsyłacze do innych haseł bliskoznacznych oraz hasła, w których podano całe grupy synonimiczne.

Dane czerpano z różnych źródeł, często ich nie sprawdzając. Zbyttno np. polegano na materiale Lindego, często zdarzają się więc nieścisłości. Przed drugą wojną światową krytycy, aprobując zadania słownika, wytykali autorom brak kompletności w zebranych słownictwie. Po drugiej wojnie natomiast same założenia tego słownika zostały poddane krytyce, tzn. jego zasadniczy nienormatywizm i wszechogarniający charakter. Zwracano także słusznie uwagę na to, że w późniejszych tomach słownika znajduje się wiele haseł utworzonych w sposób sztuczny (chodzi tu zwłaszcza o czasowniki przedrostkowe i ich derywaty).

Przed II wojną światowej ukazywały się także inne słowniki jednojęzyczne. Słowniki, popularne w zamierzeniu, wydawane w tym okresie przez Michała Arcta (1840–1916) niewiele wniosły elementów oryginalnych, z wyjątkiem użycia ilustracji obrazkowych, w liczbie 4300, do wyjaśniania znaczenia rzeczowników w “Słowniku ilustrowanym języka polskiego” (t. I–III, Warszawa 1916, 1925, 1929; Arctowi pomagał Henryk Galle, 1872–1948). Skróciami tego słownika były, wydane już po śmierci Michała Arcta, “Mały słownik języka polskiego” (Warszawa 1935) i “Podręczny słownik języka polskiego” (Warszawa 1939, 1957). Były one w dużej mierze oparte na materiale “Słownika warszawskiego”, a objęły słownictwo współczesne, standardowe. Zawierają dużo frazeologii, choć autorzy nie mieli najwyraźniej jasnej koncepcji co do zadań słownika, stąd duże rozbieżności w opisie materiału w poszczególnych artykułach hasłowych.

Konkurencyjne wobec Arcta wydawnictwo Trzaski, Everta i Michalskiego, mające ambicje wydawania dzieł oryginalnych i znaczących, a także umiejące zjednać sobie wybitnych autorów, zaczęło wydawać w 1938 roku “Słownik języka polskiego” pod red. T. Lehra-Spławińskiego (1891–1965). Jego opracowywanie rozpoczęło w 1935 roku,

w 1939 słownik doszedł do hasła *normalny* (t. II). Choć po wojnie można go było dokończyć — zachowały się bowiem podobno materiały do niego — koncepcje Doroszewskiego, przygotowującego nowy słownik po roku 1950 (opisane poniżej), okazały się tak atrakcyjne dla państwowych mecenasów, że dalszych prac zaniechano. Większy od słowników Arcta i metodologicznie znacznie dojrzałszy, także zawierał zasadniczo słownictwo standardowe. Istotnym novum na gruncie leksykografii polskiej było notowanie przynależności do części mowy każdego hasła. Wojny natomiast nie przetrwały materiały do suplementu “Słownika warszawskiego”, do którego zgromadzono już 60 000 haseł.

Okres 1945–2006

Okres 1945–2000 można znów podzielić na trzy krótsze okresy: 1945–1970, 1970–1989 oraz 1989–2006, będzie on jednak omawiany w sposób ciągły. Podział ten także odzwierciedla periodyzację polityczną: w 1945 roku Polska znalazła się w strefie wpływów ZSRR, co niosło za sobą wpływ modeli radzieckich, zamknięcie się na świat, a także monopolizację rynku wydawniczego. W leksykografii polskiej jednak okres ten był wyjątkowy, ponieważ w nim powstały podwaliny współczesnego słownictwa polskiego, a także wydano bądź zaczęto wydawać najważniejsze słowniki języka polskiego. W 1970 roku politycznie zaczął się okres dalszej liberalizacji oraz unowocześniania gospodarki polskiej, jednak dla leksykografii oznaczał on okres względnej stagnacji, w którym jedynie kontynuowano prace zaczęte w okresie poprzednim. Wreszcie rok 1989 przynosi całkowitą niepodległość polityczną, oznacza także powrót do gospodarki wolnorynkowej, konkurencyjnej, oraz otwarcie się na świat. Poniższe omówienie dotyczy jedynie słowników ogólnych współczesnego języka polskiego, słowniki naukowe omówione zostaną w części o typologii słowników.

Po wojnie znów odżyła idea wydania suplementu do “Słownika warszawskiego”, szybko jednak zarzucono ją i postanowiono wydać nowy słownik współczesnego języka polskiego. Redakcję powierzono Witoldowi Doroszewskiemu (1889–1976). Po przedstawieniu przez niego “Słownika współczesnego języka polskiego” (Zeszyt dyskusyjny) w 1951 roku jego koncepcje poddano ostrej, często niesłusznej, krytyce. Doroszewski, broniąc ich i precyzując ich wykład, przedstawił teorię leksykografii ogólnej na tle historii leksykografii polskiej (Doroszewski 1954). Poglądy Doroszewskiego na temat zadań leksykografii, jego interpretacja dziejów leksykografii polskiej, a przede wszystkim urzeczywistnienie jego idei w praktyce, wywarły ogromny wpływ na kształt powojennych ogólnych słowników polskich i w zasadzie obowiązywały nieomalże do końca wieku XX, tak więc model Doroszewskiego dominował w okresie po II wojnie światowej. Choć należy on już do historii, jednak nadal ma ogromne znaczenie, choć pośrednie, przez “Słownik języka polskiego”, który wciąż pozostaje najważniejszym słownikiem języka polskiego.

Słownik, który po owych dyskusjach zaczął się ukazywać w 1958 roku pod tytułem “Słownik języka polskiego” (SJPDor), ma dziesięć tomów i jeden tom suplementu. Publikację zakończono w 1969 roku (przedr. 1996–1997; wersja na CD-ROM 1997). Prace przygotowawcze prowadzono od 1950 roku, w ich toku zebrano ok. 6 500 000 fiszek z przytoczeniami z 3200 publikacji. Uzyskano z nich ok. 125 632 haseł słownikowych

(115 636 haseł w części głównej i 9 996 haseł w suplementcie). Ramy czasowe obejmowały okres od drugiej połowy wieku XVIII-go do lat sześćdziesiątych wieku XX-go, przy czym słownictwo początku tego okresu opisywane było bardzo wybiórczo. Trzeba podkreślić, że dzięki bardzo wydajnej pracy zespołu SJPDor opracowano niezwykle szybko.

Pod pewnymi względami SJPDor jest pierwszym nowoczesnym słownikiem dokumentacyjnym współczesnego języka polskiego; pierwszymi w ogóle nowoczesnymi słownikami dokumentacyjnymi w Polsce były “Słownik staropolski” (t. I 1953 r.) i “Słownik średniowiecznej łaciny polskiej” (t. I 1953 r.). Nowoczesny jest w SJPDor zapis dokumentacyjny, który jest precyzyjny i wiarygodny, jednak jego najpoważniejszym brakiem jest opieranie się na dowolnych (nie pierwszych) wydaniach źródeł, co oznacza, że błędy druku mogą być traktowane jako jednostki leksykalne.

W porównaniu z wcześniejszymi słownikami polskimi SJPDor ma także przejrzysty układ hasła, który niewątpliwie dużo zawdzięcza “Słownikowi wileńskiemu”. Układ ten jest typowo ahistoryczny, zaś poszczególne numerowane znaczenia wychodzą od znaczeń ogólnych i konkretnych, które, według Doroszewskiego, najbliższe są rzeczywistości, do znaczeń przenośnych i technicznych. Pewnego rodzaju chronologiczne uporządkowanie znajdujemy natomiast w licznych cytatach, które często porządkowane są w odwrotny sposób niż w słownikach historycznych: porządek jest od cytatów najpóźniejszych do najwcześniejszych. Choć SJPDor nie przedstawiał synonimów wyrazów hasłowych, to zawiera on bardzo dużą liczbę połączeń wyrazów.

Zupełnym zaś novum była informacja gramatyczna w słowniku, opracowana przez Jana Tokarskiego. Po raz pierwszy słownik polski podawał informację, która miała służyć do utworzenia wszystkich form fleksyjnych wyrazów odmiennych. Pierwszy tom SJPDor zawiera tablice z końcówkami fleksyjnymi i każde hasło ma przypisany symbol odnoszący się do tej tablicy. Nie jest ten zapis w pełni zadowalający, np. nie jest ekonomiczny: 58.3 % rzeczowników zanalizowanych przez Gruszczyńskiego nie odmienia się zgodnie z systemem zawartym w tabelach (Gruszczyński 1989: 87). Także tzw. wyrazy funkcyjne zostały opisane znacznie bardziej wyczerpująco i dokładnie niż w poprzednich słownikach.

Pozostałe elementy słownika, tj. zasób słownictwa i sposób jego opisu, mogą budzić wiele zastrzeżeń. Materiał poddano bardzo ostrej selekcji. To samo przypuszczenie nasuwa się przy porównaniu procentowej zawartości nowego słownictwa w SJPDor (tzn. słownictwa nie notowanego we wcześniejszych słownikach) i w innych słownikach. W SJPDor takiego słownictwa jest jedynie ok. 7 % (22 % zaś w słownikach innych języków).

Zasady tej selekcji można zrozumieć na tle poglądów leksykograficznych Doroszewskiego. Według Doroszewskiego naczelnym zadaniem leksykografii jest ulepszenie stosunków między ludźmi, dzięki właściwej interpretacji rzeczy, do których odnoszą się wyrazy. Rejestracja i opis wyrazów i związków wyrazowych jest podporządkowana temu celowi zasadniczemu. Owa interpretacja rzeczy w słowniku musi być zgodna z naukowym poglądem na świat i z potrzebami życia społecznego. Można powiedzieć, że widać tu trzy zasadnicze elementy podejścia do opisu słownikowego. Słowniki mają powodować zmianę nastawień, poglądów, użytkowników słowników, czyli mają mieć charakter perswazyjny. Naukowy opis cech rzeczy, podawany jako opis znaczenia wyrazu, nazwać można opisem

typu scjentyistycznego. I wreszcie umieszczanie w słowniku wyrazów i wyrażeń uznawanych za zgodne z wymogami poprawnego stylu można określić jako normatywizm.

Według teorii Doroszewskiego najważniejszym opisem znaczenia jest definicja realnoznaczeniowa, która w zasadzie nie jest opisem znaczenia wyrazu, a opisem świata zewnętrznego, w duchu scjentyzmu. Miarą prawomocności sądów o świecie była dla Doroszewskiego nauka, naukowe zaś opisy, włączane do definicji, miały informować użytkownika o osiągnięciach nauki. Definicje takie słabo jednak wiązały się z cytatami, były enigmatyczne i ogólnikowe, a wybór naukowych danych użytych przy budowie definicji był czysto arbitralny.

Doroszewski podkreślał, że najważniejszym założeniem jego teorii jest normatywność. Zgodnie z tym założeniem, leksykograf dokonuje wyboru słownictwa, jakie ma się znaleźć w słowniku. Doroszewski stał na stanowisku, że wybierać należy tylko te wyrazy, które będą używane w przyszłości, a wybór zależy od społecznej ważności wyrazów. Stąd SJPDor pomijał np. bardzo wiele wyrazów potocznych, jako efemerycznych, i nie włączał większości wulgaryzmów, jako niepożądanych. Słownictwo, zawarte w SJPDor, można określić jako słownictwo odmiany pisanej, przede wszystkim oddające mowę Warszawy (np. duża liczba derywatów z przyrostkiem *-ak*: *szoferak*, *inteligenciak*, etc.), o dużym nasyceniu biurokratyzmami (np. *kosztorysant*, *kosztorysiarz*, *kosztorysowiec*). Żle natomiast opisane jest w SJPDor słownictwo odnoszące się do życia religijnego. Wreszcie często struktura hasła, tzn. liczba i porządek znaczeń, jest w SJPDor przejęta z wcześniejszego słownika¹.

SJPDor pozostaje najważniejszym słownikiem współczesnego języka polskiego. Następne ogólne słowniki, "Mały słownik języka polskiego" (MSJP; pod red. S. Skorupki, H. Auderskiej i Z. Łempickiej Warszawa 1968; wyd. nowe pod red. E. Sobol Warszawa 1993), trzytomowy "Słownik języka polskiego PWN" (SJP PWN; pod red. Mieczysława Szymczaka, t. I–III, Warszawa 1978–1980; wyd. nowe Warszawa 1995), a także "Podręczny słownik języka polskiego PWN" (pod red. E. Sobol, Warszawa 1998), są w zasadzie skrótami SJPDor, jak też atrakcyjny wizualnie "Ilustrowany słownik języka polskiego PWN" (pod red. E. Sobol, Warszawa 1999), w którym pojawiają się ilustracje, nie stosowane w słownikach języka polskiego od lat dwudziestych, od słowników Arcta. Także i wielki "Słownik frazeologiczny języka polskiego" Stanisława Skorupki (t. I–II, Warszawa 1967–1968) w przeważającej części na nim się opiera.

Trzytomowy SJP PWN jest zapewne najpopularniejszym ogólnym słownikiem języka polskiego, jako że dostępny był w licznych wydaniach (a także w wersji komputerowej), obecnie natomiast dostępny jest bezpłatnie na stronach internetowych wydawnictwa PWN. W tym słowniku jeszcze bardziej zwiększony był scjentyzm opisu znaczenia oraz ideologizacja słownika. Nie umieszczono w nim nawet *stalinizmu*, *stalinisty*, *destalinizacji*, umie-

¹ Niewykluczone, że ogromne tempo opracowywania słownika sprawiło, że sięgano po gotowe już opracowania materiału leksykalnego. Z drugiej strony na pewno ten sam czynnik był przyczyną braków SJPDor; z niektórymi z nich zapoznamy się. Zupełnie zdumiewające jest np., że "Słownik wyrazów bliskoznacznych" notuje znaczenia, których brak w SJPDor (patrz Wawrzyńczyk 1989), a redaktorem naczelnym tego słownika był Stanisław Skorupka, zastępca redaktora naczelnego SJPDor.

szczonych w SJP Dor. Na gorsze zmieniono opis gramatyczny, zarówno w tablicach fleksyjnych, jak i w samych hasłach. W rezultacie hasła były źle powiązane z tablicami. Natomiast wiele błędów i niezręczności SJP Dor zostało w tym słowniku usuniętych, definicje są często ulepszone, ale większość z nich opiera się na SJP Dor i powtarza jego błędy.

Po 1989 roku, choć wreszcie pojawiła się konkurencja, długo nie powstawały żadne nowe słowniki ogólne współczesnego języka polskiego. Odpowiednim warsztatem — zespołem profesjonalnych leksykografów — dysponowało mianowicie jedynie sprywatyzowane Wydawnictwo Naukowe PWN. Wyraźną zmianę w stosunku do modelu Doroszewskiego stanowił „Suplement” do SJP PWN, wydany w 1992 roku, uzupełniający braki tego ostatniego, a także zawierający nowe słownictwo polskie. Pierwszy raz w ogólnych powojennych słownikach polskich umieszczono w nim — w wyborze — wyrazy kolokwialne i obsceniczne. W wydaniu z 1992 roku SJP PWN usunięto wiele braków, np. znalazły się w nim prawie wszystkie wyżej wymienione ‘brakujące’ wyrazy, a także poprawiono hasła o zabarwieniu ideologicznym na neutralne. Suplement włączono do słownika SJP PWN w wydaniu nowym w 1995 roku.

W roku 1994 w Poznaniu — co warto odnotowania, ponieważ z małymi wyjątkami słowniki opracowywano w Warszawie — pojawił się pierwszy tom pierwszego słownika współczesnego języka polskiego, wielotomowego, liczącego po ukończeniu 50 tomów: „Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny” (red. H. Zgólkowa), w zamierzeniu wydawcy i autorów kompilacyjnego, opartego przede wszystkim na danych z innych słowników. Było to bodajże pierwsze duże dzieło leksykograficzne w Polsce, oparte na idei komercyjnej, z czym wiązała się agresywna akcja reklamowo-marketingowa. Zakrojony na ogromną skalę, zawiera z założenia wszystkie informacje niezbędne użytkownikowi: opis znaczenia, frazeologię, synonimy, wskazówki poprawnościowe, itp. Słownik ma niestety wiele braków, wprowadza całkowicie sztuczne jednostki leksykalne, używa przykładów nienaturalnych lub pustych znaczeniowo. Hasła są też bardzo duże. Nie powstał natomiast na bazie tego słownika żaden skrót ani wersja elektroniczna.

W Krakowie natomiast przygotowany został — wydany zaś w Warszawie w 1996 roku, pod red. B. Dunaja (nowe zmienione wydanie ukazało się w 1999 roku) — „Słownik współczesnego języka polskiego”. Opracowany na podstawie wrywkowej tradycyjnej ekscerpacji tekstów oraz słowników wcześniejszych, zawiera ok. 60 000 haseł, w tym jednostki dotąd nie notowane. W odróżnieniu od innych współczesnych słowników polskich, ujmuje on każdy frazeologizm w odrębnym hasle, w hasłach natomiast znajduje się wskazanie odpowiednich walencji gramatycznych. Definicje, choć wiele zawdzięczają opisowi znaczenia z SJP Dor i słowników pochodnych, posługują się współczesniejszym językiem, są prostsze i znacznie bardziej przystępne. Słownik ten został także mechanicznie skrócony jako „Popularny słownik języka polskiego” (red. B. Dunaj; Warszawa 1999), dostępny też w wersji elektronicznej.

Wydawnictwo PWN, największy wydawca słowników w Polsce, w 2000 roku opublikowało w Warszawie „Inny słownik języka polskiego” PWN (pod red. M. Bańki) w dwóch tomach. Zawiera on około 40 000 haseł, 100 tysięcy jednostek leksykalnych i 150 tysięcy przykładów; oparty jest na nowatorskiej metodologii opisu języka (częściowo przejętej

od leksykografów brytyjskich, twórców serii słowników Cobuild) oraz pomocniczo na analizie komputerowego korpusu tekstów. Zawiera on także wszechstronne informacje: ‘narracyjny’ opis znaczenia, opis gramatyczny, uwagi poprawnościowe, frazeologię, synonimy i antonimy. Precyzja opisu gramatycznego czy, ogólnie, leksykograficznego, jest bardzo wysoka, choć nie sposób nie zauważyć także wykorzystywania słowników poprzedzających (zdarzają się opisy znaczenia niezgodne z uzusem). Słownik ten, po usunięciu wszelkich haseł mogących budzić zastrzeżenia obyczajowe, od roku 2006 ukazuje się jako “Wielki słownik ucznia”, także w dwóch tomach, oraz w wersji elektronicznej jako “Multimedialny słownik szkolny” (2005).

To samo wydawnictwo przygotowało także “Uniwersalny słownik języka polskiego” (Warszawa 2003, II wydanie 2006), pod redakcją S. Dubisza. Choć wydawnictwo w tekstach reklamowych sugeruje daleko idący zakres zmian, jest to zmieniona i rozszerzona wersja “Słownika języka polskiego PWN” (do ok. 100 000 haseł), do którego dodano także, w wyborze, nazwy własne. Oprócz dodania słownictwa nowszego zmiany polegają na większej konsekwencji w uporządkowaniu struktury hasła oraz dodaniu nowych przykładów. Przykłady te nie są dosłownymi przytoczeniami z tekstów języka polskiego. Słownik ten ukazał się także w wersji elektronicznej, pod tym samym tytułem, która nie tylko jest, co oczywiste, mniejsza przestrzennie, ale także ma więcej możliwości przeszukiwania słownika.

W 2005 roku rozpoczęto pracę nad “Wielkim słownikiem języka polskiego” pod redakcją Piotra Żmigrodzkiego. Ma on być opracowaniem naukowym, uwzględniającym współczesną wiedzę językoznawczą. Jako pierwszy słownik w Polsce ma być udostępniony bez żadnych opłat w Internecie (www.wsjp.pl; por. Żmigrodzki i Przybylska 2007; 2008).

Na rynku dostępne są także inne słowniki małe, jednotomowe, języka polskiego, w większości wydawnictw specjalizujących się w wydawnictwach szkolnych, jednak przedstawiają one bardzo niewielką wartość czy to opisową czy praktyczną, są wyraźnie wtórne wobec słowników PWN. Natomiast interesującym eksperymentem jest niewątpliwie “Słownik 100 tysięcy potrzebnych wyrazów” (red. J. Bralczyk, 2005), właśnie wydawnictwa PWN, w którym zawarto jedynie spis haseł wraz z definicjami. Jest on eksperymentem podwójnie. Po pierwsze w leksykografii polskiej dla użytkownika-niespecjalisty opracowuje się słowniki definiujące dwóch typów: ogólne słownictwa polskiego, które jednak zwykle odnotowują słownictwo częste, znane dobrze użytkownikowi rodzimemu, oraz tzw. słowniki wyrazów obcych, niezasymilowane wyrazy, użyteczniejszych dla takiego użytkownika. Ten zaś słownik zawiera połączenie słowników obu typów. Po drugie w słownikach polskich ogólnych typowo podaje się wiele informacji, np. fleksję, przykłady użycia, w tym słowniku natomiast znaleźć można jedynie definicje i kwalifikatory. Innym ciekawym eksperymentem był słownik połączony z encyklopedią, którego model zapożyczono z leksykografii francuskiej. To “Encyklopedia Powszechna Larousse”, czyli polska wersja “Le Petit Larousse Illustré”. Niestety, wydawca polski najwyraźniej stracił zainteresowanie do takiej działalności i słownik nie jest obecny na rynku.

2. Metodologia – współczesne koncepcje teoretyczne

Do połowy XX wieku brak było jawnego opisu koncepcji leksykograficznych. Pojawiały się jedynie historie słowników. Koncepcje metodologiczne pojawiają się dopiero po roku 1950, z tym że w okresie 1950–1990 zarówno wizja historii leksykografii polskiej jak i koncepcja opisu języka w słownikach języka współczesnego były zdominowane przez idee Doroszewskiego (opisane w części poprzedniej). Jego stwierdzenia, powtarzane były w większości publikacji, a wzmacniane przez wydawane wówczas słowniki, oparte zarówno ideowo jako i materiałowo właśnie na jego koncepcjach. Obecnie, choć teoretycznych idei Doroszewskiego nie uważa się za obowiązujące, nadal wywierają one wpływ poprzez słowniki nadal będące w obiegu.

Jeśli chodzi o historię leksykografii polskiej, w szeregu publikacji Piotrowski (1986, 1994, 2001) zaproponował inne spojrzenie na dzieje słowników w Polsce (przedstawione w skrócie w niniejszym tekście), odmienne od interpretacji Doroszewskiego i najwyraźniej zaakceptowane przez środowisko (por. np. Bańko 2001, Żmigrodzki 2003). Piotrowski proponuje także, aby oprócz zwyczajowego historycznojęzykowego traktowania słowników jako rejestru jednostek języka, który bywa oparty na jakiejś koncepcji teoretycznej, choć często tak nie jest, traktować je jako obiekty kultury i cywilizacji, które można analizować z punktu widzenia historii kultury czy socjologii, ale także metod produkcji skomplikowanej książki czy programu komputerowego. Ta teza także jest coraz szerzej akceptowana (Bańko 2002: 24–25).

Jeśli chodzi zaś o koncepcje opisu języka w leksykografii, inne od koncepcji Doroszewskiego, należy wyróżnić kilka postaw w omawianym okresie, choć większość z nich wychodzi o dyskusji na temat semantyk i leksykografii z lat siedemdziesiątych, odwołujących się często do osiągnięć lingwistów rosyjskich pracujących w ramach modelu *Smysl-Tiekst*. Jedna z nich dotyczy poglądów na koncepcję jednostki języka, i, co się z tym wiąże, na semantykę. W przeciwieństwie do tradycyjnych poglądów Doroszewskiego na to, co stanowi jednostkę języka, a co najczęściej oznacza też jednostkę opisu słownikowego, znajdują się idee współczesnych polskich semantyków, przede wszystkim Andrzeja Bogusławskiego (por. jego prace zebrane w Bogusławski 1994, oraz 1988), a także Macieja Grochowskiego, które, tworzone w okresie wcześniejszym, doczekały się realizacji w postaci słowników dopiero w latach dziewięćdziesiątych. Bogusławski mianowicie wydał, wraz z Janem Wawrzyńczykiem, „Polszczyznę, jaką znamy” (Warszawa 1993), rodzaj suplementu do istniejących słowników, w którym pokazywali na konkretnych przykładach, jak metodologię Bogusławskiego można zastosować do opisu wielu jednostek języka. Maciej Grochowski natomiast opublikował „Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów” (Warszawa 1995), oparty na swych ideach. Podobne koncepcje, w bardziej uproszczonej wersji, zostały wykorzystane także w „Słowniku współczesnego języka polskiego” pod red. Dunaja (jednak wykorzystana teoria leksykograficzna nie została opisana w sposób jawny).

W koncepcjach tych i słownikach, skrótowo rzecz ujmując, jednostką opisu nie jest wyraz (jednosegmentowy, jak tradycyjnie w leksykografii), ale jednostka leksykalna, która może być jedno lub wielosegmentowa, tzn. dana jednostka wraz z otwieranymi pozycjami

syntaktycznymi, oznaczanymi konwencjonalnie przez (często indeksowane) zaimki. Jednostki języka powinny być opisywane w słownikach, w których występowałyby jako obiekty leksykograficzne — jednostki opisu słownikowego. Przy czym jeden obiekt słownikowy powinien w ideale odpowiadać jednej jednostce językowej. “Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich” Kazimierza Polańskiego (Wrocław; Kraków 1980–1993) jest w większości także oparty na takich koncepcjach. Podejście Bogusławskiego i Grochowskiego cechuje ogromny rygorizm metodologiczny, w większości strukturalistyczny, za czym idzie też hermetyczność opisu. Idee Bogusławskiego niewątpliwie są znane także przez wpływowe publikacje, leksykograficzne i inne, Anny Wierzbickiej (np. 1985, 1996), która, choć od lat kilkudziesięciu jest uczoną australijską, zawsze podkreśla swoje związki z językoznawstwem polskim i rosyjskim i swoje powiązania z metodologią Bogusławskiego.

Inne podejście cechowało językoznawców interesujących się lingwistyką antropologiczną, etnograficzną, jak Jerzy Bartmiński. Formułowali oni wiele zarzutów co do sposobu opisu słownictwa w słownikach opartych na metodologii Doroszewskiego, jako nie oddających kompetencji leksykalnej Polaka, jego «naiwnego światopoglądu». Lingwiści antropologiczni stawiają sobie za cel rekonstrukcję tego światopoglądu, często posługując się metodami Wierzbickiej. Monumentalnym słownikiem specjalistycznym, jaki powstaje na podstawie tych poglądów, jest “Słownik stereotypów i symboli ludowych”. Do językoznawców tych należał też Janusz Anusiewicz, który (wraz z Jackiem Skawińskim) wydał Słownik polszczyzny potocznej, w którym zastosowany został onomazjologiczny układ, ukazujący według autorów dominanty leksyki potocznej.

Niewątpliwie koncepcje semantyków wywarły szerszy wpływ na nowsze słowniki, na sposób definiowania w nich wyrazów. Z wyjątkiem publikacji wywodzących się ze “Słownika języka polskiego” pod redakcją Witolda Doroszewskiego (SJPDor) w słownikach nowszych definicje są zwykle mniej encyklopedyczne, bardziej zrozumiałe, widoczna jest także większa troska o opis aspektów formalnych, fleksji i składni. Jednak należy zauważyć, że oprócz “Słownika współczesnego języka polskiego” (pod redakcją Dunaja), koncepcje te bezpośrednio zostały wykorzystane w publikacjach, które nie ogarniają całości słownictwa, ale jego wybrane aspekty.

Natomiast bardzo interesujący metodologicznie opis całego częstego słownictwa można znaleźć w słowniku, w zamierzeniu popularnym, pt. “Inny słownik języka polskiego PWN”. Ważne jest także i to, że jego teoretyczne koncepcje zostały opisane przez redaktora naczelnego, Mirosława Bańko, w szeregu publikacji, z których najważniejszą jest książka (Bańko 2001). Bańko korzysta z dorobku leksykografów i leksykologów polskich (a także tradycyjnie rosyjskich) oraz brytyjskich (zwłaszcza grupy Johna Sinclaira). Za tym, że jego koncepcje mają szanse wpłynięcia na inne słowniki, przemawia to, że powstał słownik ogólny o wysokiej jakości wykonania. Przeciw zaś to, że odbiega on od stereotypu słownika w Polsce. Koncepcje Bańki już zaczęły wywierać wpływ na słowniki języka polskiego, zwłaszcza zaś na słowniki dla dzieci i młodzieży.

Należy odnotować, że normatywne podejście do zapisu i opisu jednostek leksykalnych, jakie, za Doroszewskim, cechowało wszystkie słowniki popularne wydawane przed

rokiem 1990, po tym roku zostało najnaturalniej odrzucone. Po roku 1990 to właśnie słownictwo nacechowane: potoczne, obsceniczne i środowiskowe, doczekało się najszybciej opisu leksykograficznego, choć zwykle prace słownikowe zaczęły się w okresie poprzednim. Wszystkie słowniki współczesne dla dorosłych włączają jednostki wulgarne lub potoczne. Choć od czasu do czasu pojawiają się głosy protestu (najczęściej nauczycieli), ogół najwyraźniej nie widzi nic nienormalnego w tym, że w słownikach znaleźć można wyrazy, z jakimi Polacy mogą się zetknąć w swoim otoczeniu. Warto jeszcze wspomnieć o innej metodologii, niezwykle użytecznej właśnie w leksykografii, w wykorzystaniu komputerowych korpusów języka naturalnego, czyli o wykorzystaniu językoznawstwa korpusowego. W Polsce do połowy lat dziewięćdziesiątych nie było widać dużego zainteresowania metodami korpusowymi, w roku 1996 rozpoczęto prace nad korpusem komercyjnym, dla Wydawnictwa Naukowego PWN. Przede wszystkim dla potrzeb leksykografii utworzono Narodowy Korpus Języka Polskiego, w 2011 roku liczący ponad 1,5 miliarda jednostek (<http://nkjp.pl>).

3. Słowniki – typologia

Podrozdział ten zawiera dwie części, pierwszą, poświęconą słownikom dla niespecjalistów, drugą, słownikom dla specjalistów.

Słowniki dla niespecjalistów

Bańko (2003) przytacza wyniki analizy rynku księgarskiego, głównie w Warszawie, z roku 2002, a pośrednio ukazuje to nie tylko strukturę słowników dla niespecjalistów w Polsce, ale także ich popularność. Przytoczone są one w tabelce poniżej.

Rozpowszechnienie typów słowników w Polsce w 2002 roku

typ słownika	liczba tytułów	procentowy udział w rynku słowników	popularność
<i>ortograficzne</i>	46	48	1
<i>wyrazów obcych</i>	14	15	2
<i>synonimów</i>	13	14	3
<i>ogólne</i>	11	12	4
<i>poprawnościowe</i>	6	6	5
<i>frazeologiczne</i>	5	5	6
OGÓŁEM	95	100	

Ta tabelka wyraźnie ukazuje tradycjonalizm leksykografii w Polsce. Wszystkie rodzaje słowników wymienione w tabeli wymienia Piotrowski w artykule z 1987 roku, w którym pisał o uwspółcześnianiu leksykografii w Polsce, o słownikach i ich użytkownikach, jego ocena popularności poszczególnych typów jest dokładnie taka sama, jak wynika z danych z tabelki. Wynika z tego, że zmieniła się jedynie ilość słowników w poszczególnym typie —

poprzednio każdy typ był reprezentowany najczęściej przez jeden tytuł, obecnie przez wiele z nich, nie zmieniła się natomiast różnorodność opisu leksyki, prezentowana w dziełach leksykograficznych.

Uderza w tej strukturze podział informacji językowych na określone rodzaje, z których każdy jest opisywany w innym słowniku: poprawna pisownia (słownik ortograficzny), znaczenie wyrazów rzadkich (słownik wyrazów obcych), zróżnicowanie stylu (słownik synonimów). Wydawcy nie publikują dzieł, które podają różnorodne informacje w jednej książce. Innymi słowy, nie ma prostych w odbiorze słowników o tendencjach uniwersalnych, które między innymi służyłyby do przyzwyczajania użytkowników do posługiwania się dziełami bardziej skomplikowanymi, a także byłyby po prostu dla niego użyteczniejsze. Najbardziej zastanawiające są serie słowników tworzonych dla dzieci w których bezrefleksyjnie powtarza się strukturę słowników dla dorosłych, gdy dziecko zapewne najbardziej skorzystałoby z jednego słownika. Pojawiają się nieliczne wyjątki, najbardziej udany to “Leksykon ortograficzny”, raczej dla młodzieży szkolnej, Edwarda Polańskiego i Piotra Żmigrodzkiego, jedna z pierwszych prób stworzenia polskiego słownika łączącego funkcje słownika normatywnego, ortograficznego ze słownikiem wyrazów obcych. Inną próbą jest “Słownik 100 tysięcy potrzebnych wyrazów”, raczej dla odbiorcy dojrzałego, w którym znów brak jakichkolwiek informacji normatywnych (oprócz pisowni nazw haseł).

W leksykografii polskiej wiele jest słowników wyrazów obcych i słowników ortograficznych, rozpowszechnienie tych dwóch rodzajów słowników to niewątpliwie cecha wyróżniająca leksykografię polską. Są one atrakcyjne dla użytkowników, ponieważ zaspokajają najbardziej istotne ich potrzeby, dotyczące formy graficznej wyrazu — którego nie potrafią oni poprawnie zapisać, i znaczenia wyrazów rzadkich — których znaczenia nie znają. Tytuły tych słowników są dość mylące, ponieważ słowniki ortograficzne są często traktowane jako słowniki gramatyczne, podają także formy fleksyjne wyrazów, a słowniki wyrazów obcych nie zawierają wszystkich wyrazów obcych, jedynie zapożyczenia niezasymlowane, albo nowsze, takie, które mogą być niezrozumiałe dla rodzimego użytkownika. Słowniki wyrazów obcych są w zasadzie kontynuacją renesansowych słowników wyrazów trudnych. Stąd brak w nich np. zwykle informacji gramatycznych czy też przykładów użycia.

W leksykografii niemieckiej słownik ortograficzny i słownik wyrazów obcych, czy, ogólniej, trudnych, są połączone w jedną publikację, która też ma mylący tytuł “Duden Rechtschreibung” (Lipsk 1880), autorstwa Konrada Dudena. Jest dość prawdopodobne, że ów słownik niemiecki wywarł wpływ na leksykografię polską, poprzez np. A. Jerzykowskiego “Słownik ortograficzny z dodatkiem niepolskich wyrazów i wyrażień” (Poznań 1887).

Typy słowników

Przegląd jest działowo-chronologiczny: publikacje leksykograficzne omawia się w grupach, poświęconych poszczególnym typom, zaś w każdej grupie kolejność jest zwykle chronologiczna. Na stronie <http://leksykografia.uw.edu.pl/> można znaleźć opisy ważniejszych słowników oraz przykładowe hasła. Opis w tym artykule nie opisuje wszystkich słowników, jest ich obecnie dużo, ale wiele nie jest nadmiernie wartościowych.

Słowniki ogólne

Słowniki tego typu zostały omówione już w części traktującej o historii leksykografii polskiej, gdzie zostały potraktowane jako najważniejszy typ słownika. Należy odnotować na tym miejscu, że w latach obecnych udostępnione są w ciągłej sprzedaży wszystkie powojenne słowniki ogólne (przedrukowano także niektóre znacznie starsze). Z nielicznymi wyjątkami zostały one także zrewidowane i uzupełnione, a także pozbawione nadmiernej ideologizacji.

Słowniki poprawnej polszczyzny

Ogólnymi słownikami, w których dominuje funkcja dydaktyczno-normalizacyjna, są tzw. słowniki poprawnej polszczyzny. Kontynuują one tradycje poradników poprawnościowych, reprezentowanych w Polsce przez dzieła m.in. Antoniego Krasnowolskiego (Warszawa 1903), Adama Kryńskiego (Warszawa 1921, 1931), Stanisława Słońskiego (Warszawa 1947), a przede wszystkim Stanisława Szobera: “Słownik ortoepiczny” (Warszawa 1937, wyd. VIII, pod tytułem “Słownik poprawnej polszczyzny”, Warszawa 1971) oraz “Słownika poprawnej polszczyzny” (Warszawa 1973) pod redakcją Witolda Doroszewskiego i Haliny Kurkowskiej. W 1999 roku w Warszawie ukazał się “Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN”, pod red. Andrzeja Markowskiego, który zredagował wcześniej także mniejszy “Praktyczny słownik poprawnej polszczyzny PWN” (Warszawa 1995). To typowe słowniki, w których warianty występujące w uzusie są traktowane jako drugorzędne, a problemy rozstrzygane są przez odwoływanie się do apriorycznych kryteriów poprawności językowej oraz intuicji autora.

Odminnym sposobem opisu problemów językowych posługuje się Maria Krajewska i Mirosław Bańko w poradniku pt. “Słownik wyrazów kłopotliwych” (Warszawa 1999); sądzą oni, że powinno uwzględniać się nie tylko oceny normatywistów, ale także «wrażne tendencje rozwojowe..., powszechny zwyczaj językowy i przydatność poszczególnych środków językowych do wyrażania myśli». Tak też robią — odnosząc się do uzusu zarejestrowanego w tekstach — w swej, z wielu względów wzorcowej, publikacji.

Słowniki ortograficzne

A. Jerzykowskiego “Słownik ortograficzny z dodatkiem niepolskich wyrazów i wyrażen” (Poznań 1887) to jedna z pierwszych publikacji zatytułowanych słownik ortograficzny w Polsce. Innymi autorami wczesnych słowników ortograficznych byli m.in. Wł. Kokowski (Warszawa 1903), M. Galle (Warszawa 1907), A. Passendorfer (Warszawa 1911). Szczególnie zaś wiele słowników ortograficznych pojawiło się tuż przed II wojną światową. Mianowicie na początku XX wieku sytuacja w pisowni polskiej nie tylko nie była ustabilizowana, ale brak było powszechnego konsensusu na sposób jej ujednoczenia. Dwa opiniotwórcze środowiska, krakowskie oraz warszawskie, wysuwały swe własne propozycje. W 1918 ustalono nową pisownię, skodyfikowaną w Pisowni polskiej Łosia, książka zawierała także słowniczek ortograficzny. Łoś wydał także odrębny “Zasady ortografii polskiej i słownik ortograficzny” (Lwów 1920).

Występowały jednak nieścisłości, a także sprzeczności między prawidłami ogólnymi a słowniczkiem w Pisowni. Wreszcie w 1936 roku uchwalono nową pisownię polską, z pewnymi zmianami w zasadzie obowiązującą do dzisiaj. W 1936 roku także ukazało się wiele słowników ortograficznych, kodyfikujących nowe ustalenia. Takie słowniki znaleźć można było między innymi w publikacjach Nitscha, czy też Polskiej Akademii Umiejętności. Przede wszystkim warto odnotować szóste wydanie, najobszerniejszego do lat siedemdziesiątych dwudziestego wieku, liczącego 60 000 haseł, słownika ortograficznego M. Arcta. Nieduży słownik wydali Trzaska, Evert i Michalski. Wreszcie w 1936 roku we Lwowie ukazało się pierwsze wydanie szeroko znanego poradnika “Zasad pisowni polskiej i interpunkcji ze słownikiem ortograficznym” Jodłowskiego i Witolda Taszyckiego, a ich słowniki ortograficzne, wydawane często po 1945 roku, stały się prawie standardem kodyfikacyjnym na około 60 lat. Oprócz ich słownika drugim popularnym, choć znacznie większym, poradnikiem, był “Słownik ortograficzny języka polskiego PWN” (red. M. Szymczak, Warszawa 1975), często przedrukowywany do 1995 roku.

Do 1990 roku tylko słowniki ortograficzne (i wyrazów obcych) były uzupełniane i doskonalone, a liczba ich wydań i nakłady kilkakrotnie przewyższały nakłady ogólnych słowników języka polskiego (Piotrowski 1994). Nie sposób wymienić wszystkich słowników ortograficznych z ostatniego okresu, wychodzi ich ogromna liczba, najprawdopodobniej dlatego, że wydają się być najłatwiejsze do napisania. Autorka bibliografii tych słowników, Danuta Piper (2003) stwierdza, że od 1936 do 2002 ukazały się co najmniej 54 tytuły (w różnych wersjach liczba wynosi 64), z tego od 1991 wyszło 46 słowników (57 publikacji), czyli 85 % całej liczby tytułów.

Ogólnie słowniki układają się w trzy grupy, ustalone według ilości haseł: małe — do 20 000 haseł, średnie — od 20 000 do 60 000 haseł, duże — ponad 60 000 haseł. Słowników mniejszych jest oczywiście najwięcej. Częstym zjawiskiem jest opracowywanie kilku słowników przez jednego autora. Kilka publikacji sygnowali K. i M. Tittenbrunowie (“Podręczny słownik” 1992, “Uniwersalny słownik” 1999, “Duży słownik ortograficzny” 1997), Franciszek Nowak (“Słownik ortograficzny” 1999, inne w latach 1995, 1998). Szczególnie płodny jest Edward Polański, wydający, samodzielnie lub jako współautor, słowniki ortograficzne (co najmniej 8) w co najmniej pięciu wydawnictwach (np. z Nowakiem 1995, ze Żmigrodzkiem 1999, a także “Słownik ortograficzny dla najmłodszych” profesora Edwarda Polańskiego 1999). Spośród tych szablonowych wydawnictw wyróżnia się “Ortograficzny słownik ucznia” Z. Saloniego, K. Szafrana i T. Wróblewskiej (Warszawa 1994), który umieszcza tylko wyrazy i ich formy budzące wątpliwości ortograficzne. Po śmierci Jodłowskiego i Taszyckiego ich pracę kontynuuje Danuta Jodłowska-Wesołowska, która w latach dziewięćdziesiątych wydaje także swe własne słowniki (np. “Słownik ortograficzny” 1998, “Szkolny słownik. Ortografia”), w wielu wariantach.

Jest coraz więcej dużych słowników ortograficznych, zawierających ponad 100 000 haseł. Słowniki te zaczynają coraz wyraźniej przekształcać się w rejestry wyrazów występujących w języku polskim (taki podtytuł nosi jeden z nich, Karpowicza, por. też Wawrzyńczyk 2002). A przecież są one z założenia normatywne, preskryptywne, stanowią jedno z ważniejszych narzędzi kodyfikacji języka, i powinny podawać tylko formy zalecane

do użytku, natomiast w wielu odnotowywane są jedynie formy (wyrazów specjalistycznych czy archaicznych) występujące w tekstach, nie wartościuje się zaś ich poprawności. Taką tendencję zapoczątkował już pierwszy z nich, “Nowy słownik ortograficzny PWN” pod red. Edwarda Polańskiego o 125 000 hasłach, wydany w 1996 roku. Funkcje rejestracyjne podkreślone były w nim przez stosowanie definicji. Bardziej ortodoksyjny był “Wielki słownik ortograficzny języka polskiego” (pod red. A. Markowskiego; Warszawa 1999), ale, by rozszerzyć listę haseł, wprowadzono w nim m. in., bez żadnych skrótów, formy fleksyjne, także takie, które nie sprawiają żadnych problemów. Następny duży słownik wydał Jan Grzenia (ponad 100 000 haseł; Warszawa 2000), odnotowując wiele wyrazów rzadko spotykanych, a później Tomasz Karpowicz (160 000 haseł; Warszawa 2001). Na podobnej zasadzie co i słownik Wilgi opracowany został “Wielki słownik ortograficzno-fleksyjny” (Warszawa 2001; 182 154 haseł).

Wreszcie raz jeszcze trzeba wspomnieć “Leksykon ortograficzny PWN” (Warszawa 2001), kolejne dzieło Edwarda Polańskiego i Piotra Żmigrodzkiego, który ma być jednocześnie słownikiem ortograficznym, gramatycznym i definicyjnym poradnikiem wyrazów trudnych (obcych). To pierwszy polski słownik, który stara się być słownikiem zaspokajającym najbardziej istotne potrzeby użytkowników w Polsce. Przeznaczony przede wszystkim dla uczniów szkół średnich, zawiera ok. 50 000 haseł. Oparty jest w dużej mierze na materiale “Nowego słownika ortograficznego”.

Słowniki wyrazów obcych

Do początków XX wieku wyszły słowniki Ksawerego Łukaszewskiego (Królewiec 1847), J. Raszewskiego (Bydgoszcz 1847), Michała Amszejewicza (Warszawa 1859), czy Józefa Błotnickiego. W słowniku Amszejewicza pojawia się wiele fraz ilustrujących użycie wyrazów, późniejsze słowniki zarzuciły tę cechę. Niewątpliwym bestsellerem było opracowanie Arcta — “Słownik wyrazów obcych” M. Arcta — które doczekało się wielu wznowień. Na jego podstawie opracowano liczne mniejsze słowniki. Znów Trzaska, Evert i Michalski wydali konkurencyjne opracowanie: “Encyklopedyczny słownik wyrazów obcych” (Warszawa 1939), jak dotąd jeden z najobszerniejszych.

Po 1945 długo utrzymywał się słownik Zygmunta Rysiewicza (1954; wyd. XII, 1967); choć pracowali przy nim wybitni znawcy języka, skażony był propagandyzmem i ideologią komunistyczną. W 1959 r. ukazał się mały słownik F. Jakubowskiego (Warszawa 1959), a pierwsze wydanie popularnego i przystępnego słownika Władysława Kopalińskiego wyszło w 1967. Obecnie dostępny jest nadal, w bardzo wielu mutacjach, wraz z wersją elektroniczną, publikowany jest przez kilka różnych wydawnictw, choć odnosi się wrażenie, że stracił na popularności, choćby dlatego, że niezbyt adekwatnie opisuje współczesne słownictwo, zagadnienia np. współczesnej techniki są wyraźnie obce autorowi. Słownik Kopalińskiego, systematycznie zmieniany, wraz ze znacznie większym “Słownikiem wyrazów obcych PWN” pod redakcją Jana Tokarskiego (1971; wydanie nowe 1995) należał do najbardziej popularnych. Kopaliński ułożył także swoisty onomazjologiczny słownik wyrazów obcych, “Słownik przypomnień” (Warszawa 1992), nie do końca jednak chyba przemyślany. Natomiast nowa, przerezegowana, wersja “Słownika wyrazów obcych

PWN”, z dodanym określeniem “Wielki” ukazała się w roku 2005. Usunięto z niego wiele haseł, o których można sądzić, że zostały całkowicie zasymilowane, natomiast dodano wiele haseł nowych, także zaczerpniętych z analizy korpusu. Uzupełniono także informacje w hasłach przez wskazanie form fleksyjnych, a także podano derywaty słowotwórcze. Słowniki wyrazów obcych mogą służyć także jako podręczne słowniki etymologiczne, ponieważ ten typ informacji dla jakichś względów był zwykle uważany w nich za bardzo istotny. Etymologie słownika PWN zostały przygotowane przez specjalistów i wyróżniają się poziomem wśród innych dzieł. Słownik PWN jest niewątpliwie obecnie największym słownikiem tego typu.

Autorami mniejszych słowników byli np. A. Markowski (1995), M. Bocian (1997) czy też R. Pawelec (1999) w interesującym narracyjnym słowniku dla dzieci PWN, oraz Teresa Marcinów (1999), M. Jarosza (pod redakcją Ireny Kamińskiej-Szmaj, 2001 roku). Pawelec wraz z Markowskim byli także autorami “Słownika wyrazów obcych i trudnych” opracowanego dla wydawnictwa Wilga w Warszawie. To pierwszy większy słownik wyrazów obcych wydany współcześnie, w którym pojawiają się przykłady użycia wyrazów (niestety, wymyślone przez autorów) oraz wskazówki poprawnościowe, które są niewątpliwie istotniejsze dla użytkowników takich słowników niż dla użytkowników słowników ogólnych.

Słowniki synonimów i antonimów

Pierwszym słownikiem tego typu było dzieło Antoniego Krasieńskiego z 1885 roku, w którym autor wyjaśniał znaczenie synonimów i różnice między nimi w obszernych artykułach hasłowych. Do niedawna jednym z najciekawszych słowników, z roku 1926, był Romana Zawilińskiego “Dobór wyrazów”, pierwszy polski słownik grupujący wyrazy polskie w sposób onomazjologiczny, według znaczeń, wzorowany na słynnym teaurusie Anglika P. M. Rogeta (1852). Przez długie lata był on jednak zapomniany, bez kontynuacji.

W roku 1957 wydano bardzo dobry “Słownik wyrazów bliskoznacznych” (pod red. Stanisława Skorupki, Warszawa 1957; nowe wydanie 1999), znakomity zwłaszcza dla użytkownika mniej wyrobionego, ponieważ zawierał wiele przykładów użycia synonimów. Do 1990 roku był to jedyny słownik synonimów (nie było zaś żadnego słownika antonimów); od tego roku pojawiło się ich natomiast wiele, w większości wykorzystywały materiał Skorupki, m. in. W. Cienkowskiego (1990, 1993), T. Miki (1997), Pawlus (1997) i, oparte na oryginalnych koncepcjach, Z. Kurzowej (1998; 24 000 jednostek), czy P. Żmigrodzkiego (1998; 15 000 jednostek). Dla wyrafinowanego użytkownika przeznaczony jest duży nowatorski “Słownik synonimów” A. Dąbrówki, E. Geller i R. Turczyńska (1993; 50 000 znaczeń) oraz “Słownik antonimów” A. Dąbrówki oraz E. Geller (1995; 64 500 znaczeń). Te dwa ostatnie dzieła to w zasadzie słowniki tematyczne: nie podają ścisłych synonimów, ale słownictwo luźniej powiązane ze sobą. W 2005 roku ukazał się “Wielki słownik wyrazów bliskoznacznych PWN”, w którym, w 80 000 hasłach, wykorzystuje się relacje opisywane przez semantyków strukturalnych, takie jak hiponimia czy metonimia. To pierwszy słownik, w którym jawnie ukazują się warsztat językoznawczy. Dużym słownikiem jest publikacja Wojciecha Broniarka “Gdy Ci słowa zabraknie. Słownik

synonimów”. Jest bardzo bogaty, zawiera tylko listy wyrazów bliskoznacznych. Koncepcja została zapożyczona z kultury angielskiej, opiera się na słowniku J. Rodale’a “The Synonym Finder”.

Słowniki frazeologiczne

Pierwszym poważnym dziełem leksykograficznym rejestrującym jednostki frazeologiczne w Polsce był “Słownik frazeologiczny języka polskiego” Stanisława Skorupki (Warszawa 1967–68), w dużej mierze oparty na materiale “Słownika języka polskiego” pod red. Witolda Doroszewskiego, oparty na własnych koncepcjach teoretycznych autora, długo przyjmowanych jako standardowe w Polsce. Słownik ukazywał nie tylko frazeologizmy jako oddzielne, nieciągłe jednostki języka, skontrastowane z jednostką ciągłą, wyrazem (czyli, w terminologii Skorupki, związków frazeologicznych stałych, często nazywanych idiomami), ale także związki frazeologiczne luźnołączliwe (często nazywane kolokacjami). Do tej pory to największy zbiór kolokacji języka polskiego, niestety, wyraźnie już rejestrujący jednostki niedzisiejsze. Natomiast w słownikach późniejszych rozwinięcia doczekała się w zasadzie jedynie koncepcja rejestracji frazeologizmu jako zbiorów idiomów.

Z ambitniejszych opracowań nowsze frazeologizmy zawiera “Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego PWN” (S. Bąby, G. Dziamskiej, J. Liberka, Warszawa 1998) — jednak ten sam frazeologizm pojawia się w nim pod każdym z wyrazów składowych, co sprawia, że słownik zawiera ich znacznie mniej, niżby wskazywały jego pokaźne rozmiary. Podobnie opracowany został rozmiarami większy “Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny” tych samych autorów (Warszawa 2001), zawierający ok. 4000 frazeologizmów oraz 10 000 cytatów. Znów wiele materiału powtarza się w nim.

“Popularny słownik frazeologiczny” Katarzyny Głowińskiej (red. naukowy Tadeusz Piotrowski, Warszawa 2000) natomiast to pierwszy słownik frazeologii polskiej oparty na analizie komputerowej korpusu, wykorzystujący twórczo metodologię rejestracji frazeologizmów Słownika współczesnego języka polskiego. Zawiera ok. 4000 haseł oraz prawie 12 000 cytatów, które ukazują nie tylko to, że frazeologizm wystąpił w tekstach, ale także jego wariantywność, która w przypadku frazeologii jest olbrzymia. To pierwszy słownik ukazujący wariantywność frazeologizmów. “Wielki słownik frazeologiczny PWN” z przysłowiami (Warszawa 2005) to kolejny zbiór frazeologizmów, zawierający ich ok. 17 000. Pierwszym zaś, po dziele Skorupki, słownikiem kolokacji, skromnym rozmiarami, ale opartym na automatycznej analizie korpusu współczesnego języka polskiego PWN, jest “Słownik dobrego stylu PWN” pod redakcją M Bańki (Warszawa 2006). Luźne związki frazeologiczne (ponad 100000) notuje także ciekawy “Słownik stylistyczny języka polskiego” Ewy Gellner i Andrzeja Dąbrowski (Warszawa 2007).

Słowniki leksyki nacechowanej

To właśnie słownictwo nacechowane: potoczne, obsceniczne i środowiskowe, doczekało się najszybciej opisu leksykograficznego po roku 1945, choć oczywiście prace słownikowe zaczęły się w okresie poprzednim. W poprzednich okresach słowników specjalnych tego typu raczej nie było, ale należy mieć na uwadze, że takie słownictwo

obejmowały słowniki ogólne, przede wszystkim “Słownik warszawski”, który nadal pozostaje niezwykle cennym źródłem wiedzy na ten temat. W dużej mierze polszczyznę potoczną ogarnia bardzo nierówny, amatorski “Słownik tajemnych gwar przestępczych” Klemensa Stępniaaka (Londyn 1993). Polszczyznę bardzo nacechowaną obejmuje pionierski “Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów” Macieja Grochowskiego (Warszawa 1995), którego największy brak to sztuczne przykłady. Na ekscerpcji tekstów (w tym mowy) oparty został “Słownik polszczyzny potocznej PWN” Janusza Anusiewicza i Jacka Skawińskiego (Warszawa; Wrocław 1996) o porządku onomazjologicznym. Innym interesującym słownikiem z tego zakresu jest “Słownik eufemizmów PWN” Anny Dąbrowskiej (1998).

Spośród wielu takich publikacji rozmiarami wyróżnia się kompilatorski “Słownik seksualizmów polskich” Lewinsona (1999), o układzie zarówno alfabetycznym jak i onomazjologicznym. Gwarę studentów, w dużej mierze ekspresywizmy, znajdziemy w historycznym już dziele “Słownik gwary studenckiej” Leona Kaczmarka, Teresy Skubalanki, Stanisława Grabiasa (wydrukowany w 1974, nie dopuszczony wówczas do rozpowszechniania; udostępniony został dopiero w 1994 roku w Lublinie), a uczniów w słowniku “Słownik gwary uczniowskiej” Katarzyny Czarneckiej i Haliny Zgółkowej (Poznań 1991). Największą publikacją obejmującą leksykę potoczną będzie kilkutomowy “Słownik polskich leksemów potocznych” pod redakcją Władysława Lubasia, którego pierwszy tom wyszedł w roku 2002 w Krakowie (obecnie dostępne tomy I–III, A–J).

Słowniki elektroniczne

W drugiej połowie lat dziewięćdziesiątych XX wieku zaczęły pojawiać się jednojęzyczne słowniki komputerowe. Jednym z pierwszych i największych był “Komputerowy słownik języka polskiego PWN” (1996, II wydanie 1998, dostępny w licznych mutacjach), w rzeczywistości zawierający tekst “Słownika wyrazów obcych” wraz ze “Słownikiem języka polskiego” wydawnictwa PWN. Program obsługujący słownik był bardzo dobry, zawierał także analizator morfologiczny języka polskiego, co oznacza, że można w słowniku wyszukiwać naraz wszystkie formy fleksyjne danego wyrazu. Mocno dyskusyjne jest wydanie dwóch słowników jako jednego (zdarzają się diametralnie różne definicje), jednak znacznie zyskują one na wartości dzięki wyrafinowanym możliwościom przeszukiwania całego tekstu. Słownik zawiera także nagrania dźwiękowe wyrazów obcego pochodzenia. Obecnie Wydawnictwo Naukowe PWN zdobyło niewątpliwie rynek poważnych słowników jednojęzycznych, większość jego słowników jest obecnych w wersji książkowej i elektronicznej. Na swojej stronie internetowej, www.pwn.pl, udostępnia także trzy podstawowe słowniki (starsze wersje) za darmo.

Wiele wydawnictw, jak np. Wilga czy PWN, od roku 2002 dodaje do swych popularnych słowników książkowych ich wersje cyfrowe, na CD-ROMach, jednak tekst udostępniany jest w bardzo prosty sposób, brak bardziej zaawansowanych możliwości ich przeszukiwania. Różne słowniki są obecnie także udostępniane — za darmo — poprzez Internet lub w sieciach telefonii komórkowych. Ten trend może oznaczać początek gruntownych zmian w posługiwaniu się słownikami, odchodzenie od ich wersji książkowych. Znamienny jednak jest brak jakiegokolwiek słownika dla komputerów kieszonkowych (czy też

telefonów komórkowych, oraz smartphones). A są to produkty niezwykle dynamicznie rozwijające się, znakomicie też dostosowane do udostępniania słowników.

Słowniki specjalistyczne-naukowe

Po długich latach przygotowań po roku 1945 przystąpiono do opracowania słowników okresów historycznych. „Słownik staropolski” (pod red. Stanisława Urbańczyka, t. I, Warszawa 1953–1955, w 2002 roku zakończono prace; ukazało się 11 tomów) obejmuje słownictwo wszystkich druków polskich do końca XV w, a także rękopisów. Prace nad nim trwają w zasadzie cały wiek XX, już w 1895 r. Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929) opracował instrukcję redakcyjną, która wykorzystywana była przy pracy z pewnymi zmianami; ułożył on także schemat opisu opisywanych dokumentów. Ze względu nie tylko na poszerzenie bazy dokumentacyjnej w czasach najnowszych, ale także na zmiany metodologiczne, planowane jest wydanie kilkutomowego suplementu do słownika.

Epokę Renesansu obejmuje nowatorski „Słownik polszczyzny XVI wieku” (pod red. Marii Renaty Mayenowej, t. I, Wrocław 1966, w 30 tomach doszedł do litery P). Opierając się na największej kartotece w leksykografii polskiej (ponad 8 000 000 fiszek), obejmuje on w miarę możliwości wszystkie jednostki leksykalne tego okresu. Zrezygnowano jednak z początkowego zamiaru objęcia całkowitą ekscerpcją wszystkich ówczesnych tekstów. Podaje opis związków frazeologicznych, uporządkowanych składniowo, i daje synonimy do poszczególnych znaczeń. Zawiera obfitą dokumentację źródłową, dokładnie zlokalizowaną, oraz podaje informacje statystyczne — po raz pierwszy w leksykografii polskiej.

W 1999 wyszły pierwsze zeszyty „Słownika polszczyzny XVII i 1. połowy XVIII wieku” (Warszawa), nad którym prace trwają od lat kilkadziesiąt. Brak nadal naukowego, obszernego słownika wieku XVIII i XIX. Do pewnego stopnia „Słownik języka polskiego” pod red. W. Doroszewskiego, i oczywiście „Słownik warszawski”, notują leksykę tego okresu. W pewnym stopniu słownictwo różnych okresów historycznych zawierają liczne słowniki języka autorów. Wydano „Słownik języka Jana Chryzostoma Paska” (pod red. Haliny Konecznej i Witolda Doroszewskiego, t. I–II, Wrocław 1965–1973). Istnieje też „Słownik języka Adama Mickiewicza” (pod red. Konrada Górskiego i Stefana Hrabca, t. I–X, Wrocław 1962–1980) oraz „Słownik języka Jana Kochanowskiego” (Kraków 1997–2003; doszedł do P, pod red. Mariana Kucały).

„Słownik etymologiczny języka polskiego” (Kraków 1927, często przedrukowywany), autorstwa A. Brücknera (1856–1939), aż do roku 2005 był jedynym większym kompletnym słownikiem etymologicznym języka polskiego. Związała historię wyrazów, a przede wszystkim ich etymologię, podaje nowoczesny, niestety doprowadzony jedynie do Ł „Słownik etymologiczny języka polskiego” Franciszka Sławskiego (t. I, Kraków 1952–1956). W latach 2000–2001 zaczął ukazywać się trzypiętomowy „Etymologiczny słownik języka polskiego PWN” (Warszawa) Andrzeja Bańkowskiego, erudycyjny, ale i indywidualny, podający mnóstwo dodatkowych informacji, nie związanych z etymologią. Cenną nową cechą jest datowanie odnotowania po raz pierwszy danego wyrazu w tekstach lub słownikach języka polskiego. Autor tego dzieła pisze w sposób niekonwencjonalny, nie-

zgodny z wieloma przeświadczeniami i stereotypami. Natomiast kompletny jest słownik Wiesława Borysia, "Słownik etymologiczny języka polskiego" (Kraków 2005), zawierający 4600 haseł, w większości częstych wyrazów języka polskiego. Także i w nim datuje się hasła.

Jeśli chodzi o słownictwo gwarowe, całość gwar nadal obejmuje tylko "Słownik gwar polskich" (t. I–VI, Warszawa 1900–1911), dzieło Jana Karłowicza, będący w zasadzie kompilacją opracowań szczegółowych. Wydany po śmierci autora, był pierwszym na Słowiańszczyźnie odrębnym słownikiem gwar, które niejednokrotnie ujmowano w słownikach ogólnych (w Rosji np. w słowniku Dala). Wytykano mu wiele braków: niejednorodną reprezentację gwar, duże dowolności w zapisie fonetycznym i graficznym, chaotyczny układ, wadliwe wskazywanie źródeł. Nadal jednak to jedyny kompletny słownik gwar polskich.

W nowocześniejszym ujęciu odmiany gwarowe ma objąć nowy "Słownik gwar polskich" (zaczęty pod red. Mieczysława Karasia, t. I, z. 1, Wrocław 1977, dalej prowadzony przez Jerzego Reichana, doszedł do litery D w 5 tomach). Dla udostępnienia jego zasobów — przynajmniej częściowego — wydano listę wyrazów, jakie obejmuje jego kartoteka, zawierającą 240 000 pozycji, "Indeks alfabetyczny wyrazów...". Oczywiście wyrazy te to dopiero materiał do opracowania haseł, ale po "Słowniku warszawskim" zapowiada się on na jeden z największych zbiorów jednostek leksykalnych języka polskiego. Zaczął ukazywać się i inny duży słownik gwarowy, nad którym prace trwają od lat pięćdziesiątych, "Słownik gwar śląskich" (red. B. Wyderka, Opole). Wiele regionów polskich ma swoje ukończone słowniki gwarowe, warto wymienić przede wszystkim monumentalne dzieło Bernarda Sychty "Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej" (jeżeli traktować kaszubski tradycyjnie jako gwara polską, nie zaś współcześnie jako odrębny język regionalny; Wrocław 1967–1976, t. I–VII) oraz cztery opracowania gwar miejskich warszawskiej — Bronisława Wieczorkiewicza (Warszawa 1966), poznańskiej — Moniki Gruchmanowej i Bogdana Walczaka (Warszawa; Poznań 1997). Nie ma niestety żadnego słownika języka terenów tzw. Ziemi Odzyskanych, np. Wrocławia, Szczecina, Olsztyna czy Gdańska. W 1996 roku pojawił się pierwszy tom niecodziennego onomazjologicznego słownika folkloru "Słownik stereotypów i symboli ludowych. 1: Kosmos" (Lublin; pod red. J. Bartmińskiego).

Bardzo liczne są onomastyczne publikacje leksykograficzne. Wydano spisy nazwisk i imion powszechnie używanych w Polsce, rozpoczęto słownik etymologiczno-historyczny nazwisk, nazw miejscowości, czy też "Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych" (Kraków 1995–2002) w układzie rzeczowym.

Częstość wyrazów w tekstach podają słowniki frekwencyjne: "Słownictwo współczesnego języka polskiego. Listy frekwencyjne", t. I–V (Warszawa 1974–1977); tom syntetyczny Idy Kurcz, Andrzeja Lewickiego, Jadwigi Sambor, Krzysztofa Szafrana, Jerzego Woronczaka "Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej" (t. 1–2, Kraków 1990); Haliny Zgółkowej "Słownictwo współczesnej polszczyzny mówionej" (Poznań 1983); Janusza Imiołczyka "Prawdopodobieństwo subiektywne wyrazów. Podstawowy słownik frekwencyjny języka polskiego" (Warszawa 1987).

Opracowano kilka indeksów jednostek leksykalnych, tzw. indeksy a tergo szeregują wyrazy według kolejności liter od końca, użytecznych przy badaniu słowotwórstwa. Dostępne są indeksy do słownika Lindego pod redakcją Renaty Grzegorzycykowej, Zofii Kurzowej, Jadwigi Puzyniny, Warszawa 1965; do słownika języka Paska pod red. A. Pasoń i Kazimierza Żelazko, Wrocław 1976; do SJP Dor pod red. Renaty Grzegorzycykowej i Jadwigi Puzyniny, Warszawa 1973; unikatowy "Schematyczny indeks a tergo polskich form wyrazowych" J. Tokarskiego i Z. Saloniego, rejestrujący końcówki fleksyjne języka polskiego, Warszawa 1993.

Wymowę obejmuje "Słownik wymowy polskiej" (pod red. Mieczysława Karasia i Marii Madejowej, Warszawa 1977); homonimy rejestrowane są w "Słowniku polskich form homonimicznych" (pod red. Danuty Buttler, Wrocław 1984) i "Słowniku polskich całkowitych homonimów" (pod red. Danuty Buttler, Wrocław 1989). Łączliwość czasowników odnotowuje "Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich" (pod red. Kazimierza Polańskiego, t. I–VII, Wrocław; Kraków 1980–1993).

W okresie najnowszym pojawiają się słowniki odmian czasowników, z największym papierowym "Słownikiem form koniugacyjnych czasowników polskich" Stanisława Mędaka (Kraków 1997) oraz najbardziej chyba oszczędnym, wzorowanym na słynnej serii słowników Bescherelle'a, wydawanymi przez francuskie wydawnictwo Hatier, kompendium "Czasownik polski" Zygmunta Saloniego (Warszawa 2001). Największym słownikiem elektronicznym podającym pełną odmianę wszystkich odmiennych leksemów polskich jest "Słownik gramatyczny języka polskiego" Zygmunta Saloniego W. Gruszczyńskiego, M. Wolińskiego, R. Wołosza, (Warszawa 2008), a zarazem największy indeks polskich leksemów, których zawiera ok. 250000.

4. BIBLIOGRAFIA

- Bańko M.* Z pogranicza językoznawstwa i leksykografii. Studia o słowniku jednojęzycznym. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2001.
- Bańko M.* Słownik języka polskiego Erazma Rykaczewskiego — pierwszy popularny słownik polszczyzny // *Prace Filologiczne*. 2002. XLVII. S. 7–26.
- Bańko M.* Stan i perspektywy współczesnej leksykografii jednojęzycznej // *Językoznawstwo w Polsce. Stan i perspektywy* / Red. S. Gajda. PAN: Uniwersytet Opolski, 2003. S. 127–141.
- Bogusławski A.* O zasadach rejestracji jednostek języka // *Poradnik Językowy*. 1976. Z. 8.
- Bogusławski A.* Uwagi o pracy nad frazeologią // *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*, t. 3 / Red. Z. Saloniego. Białystok, 1989.
- Bogusławski A.* Word Matters. Sprawy słowa. Warszawa: Veda.
- Bukowcowa Z., Kucala M.* Bibliografia podręczna gramatyki historycznej i historii języka polskiego. Cz. II. Słownictwo. Kontakty językowe. Wrocław: Ossolineum, 1981.
- Chlebda W.* Frazeografia polska przełomu wieków XX na XXI // *Współczesna polska i słoweńska sytuacja językowa. Sodobni jezиковni položaj na Poljskem in v Sloveniji* / Red. S. Gajda, A. Vidovič-Muha. Opole, 2003.
- Chlebda W.* Definiowanie skrzydlatych słów jako problem leksykograficzny // *Język polski w perspektywie diachronicznej i synchronicznej* / Red. C. Piątkowski. Zielona Góra, 2004.
- Doroszewski W.* Z zagadnień leksykografii polskiej. Warszawa: PIW, 1954.
- Encyklopedia Powszechna Larousse*. Red. Marek Gumkowski. Wrocław: Larousse, 2006.
- Gellner Ewa, Andrzej Dąbrowka.* Słownik stylistyczny języka polskiego. Warszawa: Świat Książki, 2007.

- Grochowski M.* Zarys leksykologii i leksykografii. Zagadnienia synchroniczne. Toruń: Wydawnictwa UMK, 1982.
- Gruszczyński W.* Fleksja rzeczowników pospolitych we współczesnej polszczyźnie pisanej. Na materiale 'Słownika języka polskiego' PAN pod redakcją W. Doroszewskiego. Wrocław: Ossolineum, 1989.
- Gruszczyński W.* Wokabularze ryskie na tle XVI i XVII-wiecznej leksykografii polskiej. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Aspra, 2000.
- Grzegorzczak P.* Index lexicorum Poloniae: Bibliografia słowników polskich. Warszawa: PWN, 1967.
- Hausmann F.J., Reichmann O., Wiegand H.E., Zgusta L.* Wörterbücher. Dictionnaires. Dictionnaires. Internationales Handbuch der Lexikographie. International Encyclopedia of Lexicography. 3 vols. Berlin: Walter de Gruyter, 1989–1991.
- Kania Stanisław, Jan Tokarski.* Zarys leksykologii i leksykografii polskiej. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1984.
- Kędelska E.* Łacińsko-polskie słowniki drukowane pierwszej połowy XVI wieku i ich stosunek do źródeł czeskich. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986.
- Kędelska E.* Studia nad łacińsko-polską leksykografią drugiej połowy XVI wieku. Warszawa: Instytut Sławiastyki PAN, 1995.
- Le Petit Larousse 2005 en couleurs.* Paris: Larousse, 2004.
- Lewicki A.M., Pajdzińska A., Rejakowa B.* Z zagadnień frazeologii. Problemy leksykograficzne. Warszawa, 1987.
- Majdak M.* Słownik warszawski: koncepcja — realizacja — recepcja. Warszawa: Wydawnictwo Wydziału Polonistyki UW, 2008.
- Matuszczyk B.* Słownik języka polskiego S.B. Lindego. Warsztat leksykografa. Lublin: Wydawnictwa KUL, 2006.
- Miodunka W.* Podstawy leksykologii i leksykografii. Warszawa: PWN, 1989.
- Piotrowski T.* The Development of the General Monolingual Dictionary in Poland // The History of Lexicography (red. R.R.K. Hartmann). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1986. S. 185–195.
- Piotrowski T.* Uwspółcześnianie leksykografii. Słowniki i ich użytkownicy w Polsce // Studia z polskiej leksykografii współczesnej. Vol. II (Z. Saloni, red.). S. 35–56. Białystok: Filia Uniwersytetu Warszawskiego, 1987.
- Piotrowski T.* Z zagadnień leksykografii. Warszawa: PWN, 1994.
- Piotrowski T.* Lexicography in Poland: From Early Beginnings — 1997 // Koerner, E. F. K. & Szwedek, A. (red.) Towards a History of Linguistics in Poland. From the Early Beginning to the End of the Twentieth Century. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. S. 101–122 (także: Lexicography in Poland: From Early Beginnings — 1997 // Historiographica Linguistica. 1998. XXV. 1/2. S. 1–24).
- Piotrowski T.* Zrozumieć leksykografię. Warszawa: PWN, 2002a.
- Piotrowski T.* Leksykografia w Polsce w latach 1990–2002 // Gajda, S. & Vidovič-Muha, A. (red.) Współczesna sytuacja językowa w Polsce i w Słowenii / Sodobni jezikovni položaj na Poljskem in v Sloveniji. Opole: Uniwersytet Opolski/Univerzita v Ljubljani, 2002b. S. 225–250.
- Piotrowski T.* Polish lexicography // Elsevier Encyclopedia of Linguistics. II wydanie / Editor-in-Chief Keith Brown. Tom IX. S. Oxford: Elsevier, 2005. S. 675–676.
- Piper D.* Współczesna norma ortograficzna w szkole — na przykładzie gimnazjum. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2003.
- Plezia M.* Dzieje leksykografii łacińsko-polskiej w Polsce // Słownik łacińsko-polski (ed. by Marian Plezia). Vol. I. Warszawa: PWN. P. 5–39.
- Puzynina J.* 'Thesaurus' Grzegorza Knapusza. Wrocław: Ossolineum, 1961.
- Rodale J.I.* The Synonym Finder / Editor-in-chief Rodale J. I. Emmaus: Rodale Press, 1961.
- Rudnicka E.* Znaczenie metaforyczne w polskiej tradycji słownikarskiej. Studium leksykologiczno-leksykograficzne. Warszawa: Semper, 2004.
- Rymsza-Zalewska D.* et al. (red.). Bibliografia słowników wydanych w Niemieckiej Republice Niemieckiej, Rumuńskiej Republice Ludowej, [...] Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej [...] w latach 1945–1961. Vol. I–IX. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1965–1981. [Covers the years 1945–1978.]

- Saloni Z. (red.). *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. T. II. Białystok: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1987.
- Saloni Z. (red.). *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988.
- Saloni Z. (red.). *Studia z polskiej leksykografii współczesnej t. III*. Białystok: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1989.
- Saloni Z., Gruszczyński W., Woliński M., Wołosz R. *Słownik gramatyczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2008.
- Stankiewicz E. *Grammars and Dictionaries of the Slavic Languages from the Middle Ages up to 1850*. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton, 1984.
- Urbańczyk S. [1964]. *Słowniki, ich rodzaje i użyteczność*. 3rd ed. Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1991.
- Urbańczyk S. *Polnische Lexikographie // Hausmann F.J. et al.* 1989–1991. P. 2268–2274.
- Walczak B. *Słownik wileński na tle dziejów polskiej leksykografii*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1991.
- Wierzbicka A. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Karoma, Ann Arbor, 1985.
- Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Żmigrodzki P. *Wprowadzenie do leksykografii polskiej*. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2003.
- Żmigrodzki P., Ulińska E., Nowak T. *O świadomości leksykograficznej kandydatów na polonistów (na podstawie badań ankietowych) // Poradnik Językowy*. 2005. Nr 5. S. 3–21.
- Żmigrodzki P., Przybylska R. (red.). *Nowe studia leksykograficzne*. Kraków: Lexis, 2007.
- Żmigrodzki P., Przybylska R. (red.). *Nowe studia leksykograficzne*. T. 2. Kraków: Lexis, 2008.

В.П. ГУДКОВ, Е.И. ЯКУШКИНА
(Москва, Россия)

СЕРБСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Современная сербская, хорватская, черногорская и босняцкая лексикографии имеют общую предысторию, содержанием которой являются изготовленные и изданные в XVI–XVII вв. двуязычные и многоязычные словари, отражающие лексику преимущественно западноштокавских (приморских, чакавских и кайкавских хорватских говоров с лексической эквивалентикой латинского, итальянского, венгерского и немецкого языков¹. Вторая половина XVIII в. у православных сербов, получивших в составе Австрии и Венгрии возможности самостоятельной духовной жизни и развития культуры, включая школьное образование, ознаменована появлением целой серии учебных словарей, предназначенных для изучения латинского, не-

---

¹ Обозрения этих словарей см. в публикациях: *Musulini S.* Hrvatska i srpska leksikografija // *Filologija*. Knj. 2. Zagreb, 1959. Str. 41–63; *Трофимкина О.И.* Краткий обзор югославской лексикографии // *Очерки по словообразованию и словоупотреблению*. Ленинград, 1965. С. 132–158; *Putanec V., Krstić K.* Leksikografija Srba, Hrvata i Crnogoraca // *Enciklopedija Jugoslavije*. Zagreb, 1962; *Šipka D.* Osnovi leksikologije i srodnih disciplina. Drugo izdanje. Novi Sad, 2006. S. 176–182.

мецкого, венгерского и итальянского языков, причем славянская часть этих изданий характеризуется «славяносербским» лексиконом, то есть смешением слов сербских, церковнославянских и русских². В первые десятилетия XIX в. ряд подобных словарей опубликован в Белграде (греческо-сербский, французско-сербский, латинско-сербский и другие).

Литературно-языковая реформа Вука Караджича, манифестом и воплощением которой стал напечатанный в 1818 г. в Вене его «Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма», обусловила постепенное забвение упомянутых словарей, лексический фонд которых содержал немало отвергнутых Вуком элементов «славяносербской» книжности. Как писал В. Ягич, труд Караджича «был в славянской науке для своего времени явлением единственным. Ни в одном словаре не проведено начало строгого подбора исключительно простонародных слов с такой последовательностью, как здесь. Ни в одном не обойден литературный язык так безжалостно, как в этом словаре; а так как в то время целая западная половина сербско-хорватского народа и языка была Вуку еще совсем неизвестна, поневоле пришлось и в области простонародного языка ограничиться языком Сербии, Срема и южной Венгрии»³. Известно, впрочем, что Караджич располагал некоторыми словарями из западного (хорватского) ареала, но черпал лексический материал из них весьма сдержанно, скептически относясь к словам, не свойственным его диалекту и речи сербского крестьянского населения.

Словарь Вука Караджича в его первом (1818) и подготовленном при участии высокообразованного филолога Дж. Даничича втором издании (1852) стал фундаментом всей последующей сербской лексикографии. Но, естественно, словесный фонд литературного языка в связи с развитием производства, общественных отношений, науки, системы образования, вооруженных сил возрастал и обогащался. Это находило отражение в новых переводных (двуязычных) словарях, например, в «Словаре сербского и немецкого языка» Дж. Поповича (2-е изд., т. 1–2, Београд, 1886–1895), в котором представлены и лексические новообразования и отдельные элементы «славяносербского» вокабуляра.

На рубеже XIX–XX вв. концепция «вуковского» литературного языка, то есть языка, опирающегося на так называемые новоштокавские говоры и имеющего в качестве образцовых ориентиров тексты Вука Караджича, Дж. Даничича и их сподвижников, утвердилась и в Хорватии. В 1901 г. в Загребе был опубликован фундаментальный «Словарь хорватского языка» И. Броза и Ф. Ивековича (т. 1 — 952 с. энциклопедического формата, т. 2 — 884 с.), в котором обработана и представлена лексика из авторских сочинений, словаря, переводов Библии, фольклорных изданий Вука Караджича, а также Дж. Даничича и других сербов, тогда как хорватские источники относительно немногочисленны.

В предпосланном словарю предисловии сказано: «Это произведение могло бы быть названо “Словарем сербского языка” и, если бы его составили сербы, оно

---

² Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII в. М., 1993. 178 с.

³ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 378.

бы, несомненно, так и называлось; но в соответствии с равноправием и по самим принципам сербов Вука Караджича и Дж. Даничича оно названо “Словарем хорватского языка”, ибо его написали и издали хорваты. Не прибавлено “или сербского”, так как это дополнение не удовлетворило бы ни одного серба и раздражило бы многих хорватов, да и сербы не прибавили бы “или хорватского”. Братья как братья».

Выдающийся сербский филолог Дж. Даничич, энергично способствовавший победе литературно-языковых преобразований Вука Караджича, которые он обосновал в трактате «Война за сербский язык и правописание» (1847), и внесший большой творческий вклад в совершенствование второго издания словаря Вука, стяжал весомые заслуги как историк языка. Помимо издания памятников письменности он выпустил трехтомный «Речник из књижевних старина српских» (словарь лексики древнесербских памятников, Белград, 1863–1864).

При основании в Хорватии Югославянской академии наук и искусств (1866), ныне переименованной в Хорватскую, Даничич был приглашен в Загреб, где, заняв пост секретаря академии, разработал концепцию, план издания и составил первый том монументального исторического словаря (Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika), охватывающего лексику, начиная с древнейших текстов до литературы середины XIX в. После кончины Даничича (1882) это издание было продолжено хорватскими лексикографами и завершено в 1976 г. Оно составляет 23 тома, содержащих около 250 тысяч словарных статей.

Основанная в 1886 г. Сербская академия наук (первоначально называвшаяся Сербской королевской академией) поддержала в свою очередь предложение филолога, историка и просветителя Стояна Новаковича об издании толкового академического словаря сербского языка, который должен был в максимальном объеме отразить лексику авторских текстов, созданных с начала XIX в., и диалектные слова, специально для этой цели собранные. Словарь задумывался как инструмент, который будет способствовать становлению сербского литературного языка и станет «основой для его дальнейшего развития»⁴, а именно «преобразования народного языка в литературный»⁵. На призывы Новаковича в 1893 г. Академия откликнулась открытием Лексикографического отдела, в задачи которого входило создание задуманного труда. В 1947 г., с созданием Института сербского языка, этот проект передан в Институт и стал основной целью его деятельности.

За более чем полвека, прошедшие с начала сбора материала до выхода в свет первого тома словаря (1959), кардинально менялась его концепция. На начальном этапе работы под руководством М. Иванича сбор материала сознательно производился преимущественно из сербских источников, и сам словарь носил название сло-

---

⁴ Новаковић С. Српска краљевска академија и неговање језика српског. Цит. по: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1. Београд, 1959. С. IX.

⁵ Новаковић С. Предлог Српској краљевској академији да се отпочне купљење грађе за академијски Српски речник. С. 5. Цит. по: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1. Београд, 1959. С. X.

варя сербского языка. В 20-е годы, когда руководителем проекта стал А. Белич, отдел выступил с новой концепцией, согласно которой словарные материалы были дополнены хорватскими источниками. Все восемнадцать томов словаря, опубликованные на данный момент (последний вышел в 2010 г. и заканчивается словом *оцарити*), представляют собой описание «современного лексического богатства сербов и хорватов» и носят название «Речник српскохрватског књижевног и народног језика»⁶. В настоящее время ведется дискуссия о смене языковой и диалектной ориентации на собственно сербскую и, соответственно, об изменении названия издания.

Словарь Сербской академии — это грандиозный проект, располагающий словарной картотекой в пять миллионов единиц. Словник семнадцати опубликованных томов составляет около 250 тысяч лексем. В соответствии с лексикографическими принципами, изложенными в первом томе А. Беличем, словарь является тезаурусом и охватывает лексику «литературного и общекультурного сербскохорватского языка XIX–XX вв.», в том числе ономастику. Сбор этой лексики производился, во-первых, на основании предшествовавших лексикографических источников (словари Караджича, Броза и Ивековича, Ристича и Кангрги, Бакотича, Югославянской академии наук⁷), во-вторых, — на базе литературных, фольклорных, научных, общественно-политических произведений и прессы XIX–XX вв., которые обрабатывали видные сербские писатели и знатоки языка (И. Секулич, С. Пандурович, М. Московлевич, Г. Элезович и др.), и в-третьих, — на базе лексических собраний народной лексики, составленных энтузиастами и переданных Академии. Сбор материала все время продолжается, так что последние тома словаря отражают и вновь собранную лексику.

Яркое своеобразие академического словаря составляет его этнокультурный колорит. Значительное место в нем отводится так называемой «народной» лексике⁸. А. Белич в предисловии к словарю провозглашает принцип лексической и семантической «общей правильности», согласно которому любое слово может войти в литературный язык, будучи адаптированным к его фонетической и акцентной системе (этой процедуре подвергаются включаемые в словарь диалектизмы). Тем самым словарь является не нормативным, а информационным, показывая и толкуя, что и как употребляется или может быть употреблено писателем. В словаре представлен штокавский и в какой-то мере чакавский и кайкавский диалектный материал, который «этого заслуживает по своей выразительности» и может «обогащать литератур-

⁶ Речник српскохрватског књижевног и народног језика. 1–18 (*оцарити*)–. Београд, 1959–2010–. См. об этом словаре в работе: *Ристић С.* Прва лексикографска школа у Институту за српски језик САНУ // Шездесет година Института за српски језик САНУ. Зборник радова I. Београд, 2007. С. 131–149.

⁷ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.

⁸ Литературный сербский язык сформировался на народной основе, соответственно и ядро лексической системы стандартного языка базируется на лексике народных говоров, восточно-герцеговинских и шумадийско-воеводинских. Поэтому степень «пересечения» и взаимодействия диалектной и стандартной лексики гораздо больше, чем, например, в русском языке: с начала формирования сербского литературного языка филологами и литераторами приветствовалось обогащение литературного языка за счет диалектной лексики.

ный язык»⁹, включая фольклорную лексику. О «демократичности» словаря и признании широких прав диалектной лексики в общенациональном языке свидетельствуют принципы трактовки фонетических форм. Фонетически базовой считается «восточная» огласовка, с экавским рефлексом «ятя». «Южные», иекавские формы также включаются в словник, но описываются через отсылку к «восточным», а «западные», икавские, то есть нелитературные по огласовке, включаются в словник в том случае, если данная лексема не встречается в литературной форме.

По широте охвата диалектной лексики и сообщения разного рода этнографических данных в иллюстрациях словарь является энциклопедией народной жизни, «заглядывая в ее разные уголки»¹⁰. Не случайно, на первоначальном этапе сбора материала этнографические труды и фольклор составляли вторую по численности группу источников после художественной литературы. Одним из важнейших предприятий Лексикографического отдела явилась организация сбора диалектной лексики (1899 г.), в результате чего в Академию было передано 250 собраний диалектных слов, общей численностью в 500 тысяч карточек. Частью эти собрания были составлены еще до начала работы над словарем — к ним относится знаменитое собрание В. Арсениевича в 265 тысяч слов, собранных по печатным и фольклорным источникам, а частью — по «полевым» данным на базе специально разработанного Лексикографическим отделом вопросника.

Процедура лексикографического описания, разработанная для словаря, считается образцовой для сербской лексикографии, по ее стандартам создается большинство толковых диалектных словарей высокого уровня.

* * *

В период между первой и второй мировыми войнами в Сербии создавались многочисленные двуязычные словари, один из которых явился значительной вехой в сербской лексикографии вообще. Это выпущенный в 1928 г. сербскохорватско-немецкий словарь С. Ристича и Й. Кангрги¹¹. Достоинствами этого труда являются, во-первых, обширный словник, достоверно отражающий лексикон как классической сербской литературы и фольклора, так и разговорной городской речи первых двух десятилетий XX века, включая заимствования нового времени; во-вторых, аккуратная детализация семантического наполнения отдельных слов; в-третьих, наличие толкований на сербскохорватском языке при значительном количестве заглавных лексем (обычно малочастотных или заимствованных); в-четвертых, четкий грамматический аппарат, включая сведения о просодических характеристиках заглавных слов. Произведение Ристича и Кангрги стало важным источником сведений для всех двуязычных и одноязычных словарей XX века.

---

⁹ Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1. Београд, 1959. С. VIII.

¹⁰ Там же.

¹¹ Речник српскохрватског и немачког језика. Израдили др. phil. Светомир Ристић и Јован Кангрга. Београд, 1928. 1264 с.

В межвоенный период появился у сербов первый одноязычный (толковый) словарь, составленный публицистом и дипломатом Л. Бакотичем (Бакотић Лујо. Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1936). Это произведение оценивается специалистами весьма сдержанно как труд непрофессионала, хотя его словник неплохо отражает лексический фонд сербского языка первых десятилетий XX века.

Оригинальный толковый словарь современного сербского литературного языка составил сербский филолог и переводчик Милош Московлевич¹². В 1949 г. Московлевич издал русско-сербский словарь, предназначенный, преимущественно для учащихся, а в 1963 г. соединенные в одном томе сербскохорватско-русский и русско-сербскохорватский словари. Одновременно Московлевич работал над толковым словарем сербского литературного языка, первое издание которого, появившееся в 1966 г., было запрещено и почти весь тираж уничтожен по политическим мотивам в условиях титовского коммунистического режима. В изменившихся в конце XX века политических условиях труд Московлевича был дважды переиздан (1990; 2000). В словаре около 50 тысяч словарных статей. Они примечательны указанием определенного круга лексики на ее принадлежность к литературному языку Хорватии, причем многие из этих слов автор словаря квалифицировал как областные (то есть нелитературные). Особый интерес представляют акцентуационные характеристики заглавных слов, сообщавшиеся Московлевичем в соответствии с акцентуацией его родного сербского диалекта.

Самым значительным завершенным произведением сербской лексикографии XX в. явился шеститомный толковый словарь, решение о подготовке и издании которого было принято в декабре 1954 г. на Новисадском совещании филологов и деятелей культуры Сербии, Хорватии и других республик Югославии. На совещании, организованном по инициативе Матицы сербской, обсуждалась проблема состояния литературного языка и декларировалось единство литературного языка сербов и хорватов и были намечены меры по его унификации, в частности была принята рекомендация о разработке единой научной терминологии. Одновременно было принято решение об издании под руководством Матицы сербской и Матицы хорватской общего толкового словаря сербскохорватского литературного языка. Обсуждался вопрос концепции словаря, в частности, должен ли он быть нормативным справочником. Ведущий сербский лингвист Александр Белич усматривал в понятии нормативности опасность принудительных запретов и настоял на том, чтобы словарь был в широком смысле слова информационным, то есть содержал бы сведения о реальном лексиконе сербских и хорватских текстов XIX–XX вв. Первые два тома словаря вышли в свет в 1967 г., в г. Нови-Сад напечатанные кириллицей (Речник српскохрватског књижевног језика) и в г. Загребе — латиницей (Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika). Поскольку в кириллице и латинице порядок букв различен, содержание сербского и хорватского изданий не вполне совпадает.

---

¹² *Московлевич М.* Речник савременог српскохрватског књижевног језика. Београд, 1966, 1990, 2000. 1032 с.

В конце 60-х годов в Хорватии обострились сепаратистские тенденции, нашедшие выражение в языковой политике. Одним из компонентов острых дискуссий стал вопрос своеобразия хорватского языка и в этом контексте общий словарь Матицы сербской и Матицы хорватской был подвергнут хорватскими филологами, а также многими не вполне компетентными людьми агрессивной критике. В вину составителям словаря ставилось непропорциональность и неравноценность представленности сербского и хорватского лексического иллюстративного материала. Совместными усилиями был выпущен еще третий том словаря, а после этого Матица хорватская под давлением националистической общественности отказалась от сотрудничества с Матицей сербской. Словарь был завершен сербскими лексикографами. Последний, шестой, том был издан в 1976 году в г. Нови-Сад.

Этот словарь содержит почти 150 тысяч словарных статей, отражая лексический состав литературного сербскохорватского языка XIX–XX вв. (начиная с текстов Вука Караджича до 60-х годов XX столетия). В корпус словаря включались распространенные диалектизмы, а также плоды словотворчества выдающихся писателей, как и архаичная лексика, но представленная в современных текстах. Разработана и применяется обширная система грамматических и стилистических помет. Представлены многочисленные фразеологизмы. Составители словаря сознательно стремились заглушать лексические различия между литературным языком в Хорватии и Сербии, то есть в словарных статьях отсутствует информация о предпочтительном употреблении некоторых лексем в западных и восточных областях тогдашней Югославии. В нашей стране развернута рецензия на первые два тома словаря была опубликована в журнале «Советское славяноведение»¹³.

Шеститомный словарь сербскохорватского литературного языка, условно называемый словарем Матицы сербской, служит важным источником для современных двуязычных словарей разного объема. Опыт создания этого словаря использован при подготовке однотомного толкового словаря.

Однотомный толковый «Словарь сербского языка»¹⁴, предисловие к которому датировано 15 сентября 2007 г., является новейшим достижением сербской лексикографии. Словарь, изданный Матицей сербской в г. Нови-Сад, подготовлен коллективом филологов-сербистов (11 человек), работающих в академическом Институте сербского языка, на филологическом факультете Белградского университета и на философском факультете в г. Нови-Сад, под общим руководством Мирослава Николича, известного создателя капитального «Обратного словаря» сербского языка. В качестве редакторов нового труда указаны Мато Пижурица и Мирослав Николич.

Идея подготовки и издания однотомного словаря обсуждалась еще в 50-х гг. XX в., когда создавался проект шеститомного лексикона. В предисловии к новому слова-

---

¹³ Гудков В.П. Новый толковый словарь сербскохорватского литературного языка // Советское славяноведение. 1968. № 6.

¹⁴ Речник српскога језика / Израдили М. Вујанић, Д. Гортан-Премк, М. Дешић, Р. Драгићевић, М. Николић, Љ. Ного, В. Павковић, Н. Рамић, Р. Стијовић, М. Тешић, Е. Фекете. Редиговао и уредио М. Николић. Нови Сад, 2007.

рю указано, что авторский коллектив под руководством М. Николича в полной мере опирался на шеститомный словарь с необходимыми дополнениями, вставкой пропущенных лексем или слов, появившихся в последние годы. Словарь адресуется широким слоям общества: учащимся, преподавателям, переводчикам, журналистам, писателям, а также иностранным славистам.

Словарь напечатан в форме книги большого энциклопедического формата, содержащей 1560 страниц с текстом, набранным убористым шрифтом. В печати сообщалось, что он содержит около 85 тысяч заглавных слов. Слова располагаются последовательно в алфавитном порядке, без применения гнездового принципа. Словник характеризуется обилием производных лексем. Кроме апеллятивной лексики зарегистрировано некоторое количество имен собственных (например, имен богов и топонимов). В словаре отсутствуют буквенные аббревиатуры. Примечательно включение в словарь значительного количества современных технических и иных терминов, в частности компьютерных. Среди заглавных слов находятся и лексем, характерные для западных областей сербскохорватского языка. Они публикуются без пометы «хорватизм», но с отсылкой к соответствующей сербской лексеме. Новый фундаментальный труд сербских лексикографов послужит, несомненно, бесценным базовым источником для разработки популярных лексикографических пособий для рядовых потребителей и для создания более совершенных двуязычных переводных словарей¹⁵.

Институт сербского языка САНУ ведет проект по созданию нового большого авторского толкового словаря (автор — Д. Оташевич)¹⁶, который должен дать срез лексики конца XX – начала XXI в. и тем самым восполнить лакуны, образовавшиеся с течением времени в толковых словарях, издававшихся в XX в. В основе словаря лежит авторский корпус, включающий около шестисот произведений художественной, научной и публицистической литературы, опубликованной в последние десятилетия, несколько десятков периодических изданий и обширное лексикографическое собрание (около ста словарей и энциклопедий). Первый выпуск состоит из двух частей — основной, где слова получают полное лексикографическое описание, и дополнительной, куда внесены нелитературные слова, входящие, в основном, в пассивный фонд носителя литературного языка (жаргонизмы, диалектизмы, архаизмы, редкие термины).

В последнее время в Сербии все более многочисленными становятся такие издания, включающиеся в разряд одноязычных (толковых) словарей, как словари языка писателей¹⁷, словари арг (жаргонов), словари новых слов, аббревиатур, словари иностранных слов. Вслед за популярным «Лексиконом иностранных слов и выра-

---

¹⁵ Подробнее об этом словаре см.: Гудков В.П. О составе словника (вокабулара) однотомного словаря сербского языка: заметки пользователя // Славистика. 2009. № 13. С. 483–487.

¹⁶ Оташевић Ђ. Речник савременог српског књижевног језика. 1. Београд, 2005, 2008² (А – авундулаг).

¹⁷ Например, Павловић В. Речник поезије Милана Ракића. Нови Сад, 1984; Јелић Б. Речник приповедака Лазе Лазаревића. Нови Сад, 2008.

жений» Милана Вуяклии, выдержавшим пять изданий, недавно появился словарь Ивана Клайна и Милана Шипки¹⁸.

В 1980 г. был издан «Систематски речник српскохрватског језика» — и д е о г р а ф и ч е с к и й словарь сербохорватского языка¹⁹ Р. Йовановича и Л. Атанацковича, значительно расширенное продолжение труда первого автора, опубликованного в 1940 г. и сохранившегося в ограниченном числе экземпляров. «Систематический словарь» содержит около 100 тысяч слов, выражений (в том числе примеров глагольного управления), фразеологизмов и пословиц (без толкований). Источники, которые легли в основу словаря, в издании не указаны, однако по общим наблюдениям охваченный им лексический фонд носит достаточно современный характер (возможно именно в силу того, что, как можно предположить, основным источником было языковое чутье Л. Атанацковича), что представляет собой весьма нетривиальный факт для сербской лексикографии, большинство произведений которой значительно отстает от уровня развития лексики. Словарь включает и хорватскую лексику (без помет), хотя и не последовательно. И по масштабности охвата лексики, и по самобытности идеографической классификации, идущей, во многом, от наивного мировоззрения и языкового членения действительности, этот словарь принадлежит к важнейшим достижениям сербской лексикографии. В основе словаря лежит два принципа классификации. В соответствии с первым, основанным на наивной картине мира, построен первый отдел словаря «Человек, его повседневная жизнь и деятельность» (1183 тематические рубрики), второй отдел словаря, названный «Малые терминологические словари», структурирован по областям науки (психология, философия, география, военное дело и др., всего 2615 рубрик). Ядро лексического фонда содержится, главным образом, в первой части (психические и физические особенности человека, рождение, смерть, счастье, событие, опасность, еда, движение и др.). Третья часть словаря — алфавитный указатель систематизированных в словаре лексем и выражений с их адресацией, отсылающей к классификации. Вторая часть словаря также содержит много общепотребительной лексики, но в некоторых разделах, соответствующих отраслям знания, не отраженных в обычном языке, преобладает узко-специальная терминология (ср. в разделе «литература» названия стихотворных размеров, видов строф, литературных направлений; в разделе «язык» — фонетическая, грамматическая, синтаксическая терминология).

Среди лексикографических описаний современного сербского языка важное место принадлежит «Обратному словарю» М. Николича²⁰. Значение этого труда для исследований в области словообразования и морфологии, как и различных прикладных лингвистических дисциплин, очевидно — предыдущий обратный сербохорватский словарь²¹ во всех отношениях серьезно устарел. Однако этот словарь обладает и беспрецедентной лексикографической значимостью. Словарь был авто-

---

¹⁸ *Клајн И., Шипка М.* Велики речник страних речи и израза. Нови Сад, 2006. Более 1600 с.

¹⁹ *Јовановић Р., Атанацковић Л.* Систематски речник српскохрватског језика. Нови Сад, 1980.

²⁰ *Николић М.* Обратни речник. Београд, 2000.

²¹ *Matešić J.* Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Wiesbaden, 1965–1967.

ром задуман и воплощен как описание сербского языка конца двадцатого века. В силу отсутствия (на момент работы автора над данным лексиконом) толкового словаря самого современного сербского литературного языка (напомним, что академический словарь далеко не завершен и первые его тома уже успели устареть, словарь же Матицы сербской отражает лексический фонд 60–70-х годов), а также какого-либо иного вида актуального сербского словника (проблема обновления сербской части давно стоит и для двуязычных словарей) при составлении своего словаря автор не мог опереться ни на один существующий словарь, а был вынужден разрабатывать свой словник. Этой цели он достиг путем, как он сам выразился, «компиляции» различных лексикографических источников, а также собственных включений. Основу полученного инвентаря составляет переработанный словник словаря Матицы сербской. Этот базовый инвентарь дополнен лексемами, заимствованными из первых шестнадцати томов академического словаря и словарей новых слов: И. Клайна²², Й. Чирилова²³, Дж. Оташевича²⁴. В качестве дополнительных источников терминологии использовался общий энциклопедический словарь²⁵, словари компьютерной и издательской лексики²⁶ (заметим, сколь удачно определены автором сегменты терминологии, требующие наибольшего внимания в современной лексикографии). В словник вошли личные имена и уменьшительно-ласкательные формы на основании словаря М. Гркович²⁷, интересные/типичные по своей словообразовательной структуре географические названия и, наконец, около ста так называемых обценных слов, заимствованных из собрания Д. Шипки²⁸.

Вся лексика, вошедшая в словарь, стандартная и нестандартная, характеризуется высокой степенью распространенности, всякого рода диалектные варианты, архаизмы и окказионализмы, которыми изобилует, скажем, академический словарь, автор не включал в свой словник. В него вошли (в «умеренном» количестве) и слова, которые принято считать хорватизмами, — в силу невозможности, по мысли автора, разделить, во многом, общую лексико-семантическую систему в недавнем прошлом единого языка. Словарь соблюдает равноправие относительно произносительных норм сербского языка: иекавские формы включены в словник в качестве самостоятельных лемм. Общий объем словника составляет более 163 тысяч слов, все слова снабжены ссылками на источник.

Благодаря характеру словника и дополнительной информации словарь М. Николаича намного превосходит функции обычного обратного словаря, заменяя собой, в частности, современный орфоэпический словарь. Лексемы снабжены просодиче-

²² *Клајн И.* Речник нових речи. Нови Сад, 1992.

²³ *Ћирилов Ј.* Нови реџник нових речи. Београд, 1991.

²⁴ *Оташевић Ђ.* Речник нових и незабележених речи. 1. Београд, 1999. Ср. более позднее издание: *Оташевић Ђ.* Велики речник нових и незабележених речи. 1–2. Београд, 2008.

²⁵ Мала енциклопедија Просвета. I–III. Београд, 1978.

²⁶ *Oksfordski rečnik računarstva.* Београд, 1990; *Živojinović-Japanac D.* Rečnik štamparstva i izdavaštva. Београд, 1998.

²⁷ *Грковић М.* Речник личних имена код Срба. Београд, 1977.

²⁸ *Шипка Д.* Опсцене речи у српском језику. Београд, 1999.

ской, грамматической и в ряде случаев морфонологической информацией, уточненной автором в соответствии с современной нормой (не всегда отражаемой существующими словарями), омонимы и омографы сопровождаются семантическим комментарием.

Первый сербский проект ассоциативной лексикографии, успешно реализованный коллективом во главе с П. Пипером в издании «Ассоциативного словаря сербского языка (часть I: от стимула — к реакции)»²⁹, коррелирует с «Ассоциативным тезаурусом современного русского языка» (авторы — Ю.Н. Караулов и др.). Ориентация на методику сбора и презентации материала, примененную в русском словаре, была вызвана не только желанием учесть его успешный опыт, но и сделать возможным и удобным прямое сопоставление сербских данных с русскими, что значительно расширило сферу потенциального научного использования сербского словаря и повысило его значимость. Параллелизм с русским изданием предвосхитил идею создания компаративного «Славянского ассоциативного словаря», которая начала реализовываться в разных славянских странах, в том числе и в Сербии, к моменту выхода «Ассоциативного словаря сербского языка».

Словарь включает 600 стимулов (500 в основной грамматической форме и 100 стимулов, из числа 500, — в зависимой), относящихся к разным частям речи, в том числе служебным, из которых большая часть повторяет стимулы русского словаря. Помимо стимулов, принадлежащих к базовым тематическим группам лексики, в словаре описываются нарицательные и собственные имена, знаковые для современной эпохи или сербского сознания (НАТО, Гаага, Югославия, С. Милошевич, И. Андрич, св. Савва), в том числе названия этносов и стран, наиболее важных для сербов (русских, американцев, немцев, черногорцев). Словарю предпослано обширное теоретическое введение, состоящее из трех статей каждого из авторов, посвященных теории вербальных ассоциаций, возможностям применения результатов ассоциативных исследований в семантике и грамматике, типологии реакций на стимулы у сербов, болгар и русских. В 2011 г. издан «Обратный ассоциативный словарь сербского языка (от реакции — к стимулу)»³⁰.

На философском факультете Новисадского университета под руководством Д. Гортан-Премк ведется работа над семантико-деривационным словарем³¹. В первом выпуске описываются словообразовательные гнезда слов *човек*, *људи*, *жена* и более 80 названий частей тела. В следующих выпусках планируется охватить прочие тематические группы, связанные с бытием человека (внутренние органы, физиологические состояния, названия эмоций, интеллектуальных свойств, социальные отношения, базовые действия). Внутри каждого гнезда лексемы представлены в алфавитном порядке и являются заглавными словами статьи, который

---

²⁹ Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Београд, 2005.

³⁰ Драгићевић Р., Пипер П., Стефановић М. Обратни асоцијативни речник српског језика. Од реакције ка стимулусу, Београд, 2011.

³¹ Семантико-деривациони речник. Свеска 1: Човек — делови тела / Редакторке Д. Гортан-Премк, В. Васић, Љ. Недељков. Нови Сад, 2003.

включает толкование, грамматическую информацию и буквенно-цифровой индекс, указывающий на мотивирующую базу, тип и ступень деривации. В заглавном слове выделен словообразовательный формант, с помощью которого оно образовано. В конце каждого гнезда приводятся таблицы, в которых дериваты систематизированы по типам и ступеням деривации и приводится статистика типов по частям речи. Словарь является базой для исследования зависимости числа и типа дериватов от семантической природы исходной лексемы, а также для описания обозначаемого лексемой понятия и его статуса в сознании носителя языка. По своему завершении и презентации полного списка гнезд, функционирующих в современном сербском литературном языке, словарь станет также уникальным инвентарем лексем, относящихся к ядру лексико-семантической системы.

В 1983 г. по инициативе и под руководством П. Ивича в Институте сербского языка САНУ был открыт отдел этимологии с целью создания нового *э т и м о л о г и ч е с к о г о* словаря сербскохорватского языка, первоначально задуманного как дифференциальное дополнение к изданному в Хорватии этимологическому словарю П. Скока³², а позже — как этимологического тезауруса, включающего всю сербскохорватскую литературную и диалектную лексику. В соответствии с последней концепцией был выполнен пробный выпуск словаря, в который вошел как штокавский, так и хорватский кайкавский и чакавский материал³³. Впоследствии принято решение в качестве основного объекта описания остановиться на штокавской лексике, а сам словарь получил название «Этимологического словаря сербского языка»³⁴. На данный момент усилиями авторского коллектива, в который входят А. Лома, М. Бьелетич, Я. Влаич-Попович и С. Петрович, опубликовано три его выпуска (А–Бj). По замыслу авторов, словарь стремится к охвату «всего лексического богатства сербского языка»³⁵, общелитературного и диалектного, за исключением недавно вошедших в язык интернационализмов и книжных слов. Широкий охват штокавской диалектной лексики в ее различных вариантах, собираемой авторами по крупницам из множества источников, превращает это лексикографическое описание из чисто этимологического словаря в сводный словарь сербских говоров — «лексикографический синтез непреходящей ценности»³⁶.

В 2007 г. отделом старославянского языка Института сербского языка САНУ опубликован пробный выпуск словаря языка церковнославянских евангелий сербской редакции³⁷. Работа над словарем церковнославянского языка сербской редак-

³² *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

³³ *Этимолошки одсек Института за српски језик САНУ.* Огледна свеска. Београд, 1998.

³⁴ *Этимолошки речник српског језика.* 1 (А), 2 (Б–Бд), 3 (Бе–Бj). Београд, 2003, 2006, 2008.

³⁵ *Этимолошки речник српског језика.* 1. Београд, 2003. С. 7.

³⁶ Там же. См. также: *Бјелетић М.* Пројекат «Этимолошка истраживања српског језика и израда Етимолошког речника српског језика» // Шездесет година Института за српски језик САНУ. Зборник радова I. Београд, 2007. С. 151–170.

³⁷ *Српскословенски речник јеванђеља.* Огледна свеска / Саставио В. Савић. Уредник Г. Јовановић. Београд, 2007; см. также: *Јовановић Г., Савић В.* Пројекат «Обрада старих српских писаних споменика и израда Речника црквенословенског језика српске редакције и Српскословенског јеванђељског речника» // Шездесет година Института за српски језик САНУ. Зборник радова I. Београд, 2007. С. 171–177.

ции была начата в Институте в 1969 г. с полного описания лексики древнейшей сербской кириллической книги — Мирославова евангелия — и дифференциального описания ряда более поздних евангелий. Результатом этой работы стала картотека в 100 тысяч единиц, причем было принято решение первоначально изготовить словарь языка евангелий как наиболее хорошо сохранившегося типа памятников. На разных этапах осуществления этого проекта свой вклад в него внесли Н. Родич, Г. Йованович, Д. Стефанович, М. Пешикан, В. Савич. В настоящий момент корпус источников включает тридцать пять сербских евангелий XII–XVI вв., которые сопоставляются с пятью старославянскими евангелиями (прежде всего Мариинским), шестью переводами Нового завета на сербский язык и двумя греческими изданиями Нового завета, что нашло отражение в Пробном выпуске, включающем 385 словарных статей, в основном, на букву «А».

* * *

Необозримо многочисленны д в у я з ы ч н ы е словари — от учебных, ограниченного объема, до изданных в последние годы двухтомных польско-сербского и чешско-сербского словарей. При этом особого внимания заслуживают сербские лексикографические труды, являющиеся ключом к русскому языку. В их ряду находится пионерское произведение Радована Кошутича, лексикографическая концепция которого предвосхитила замысел Л. Щербы о комбинированном словаре — по способу трактовки (семантизации) иностранных лексем, в котором вместе с объяснительными дефинициями «могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и несколько не вредит полному познанию настоящей природы иностранного слова»³⁸. Русист и полонист Радован Кошутич издал в 1910 г. в Белграде трехтомную хрестоматию текстов русской литературы с литературно-историческими и языковыми комментариями (т. 2) и словарем (т. 3)³⁹. Автор последовательно воплощал установку на активное овладение учащимися устно-разговорной разновидностью литературного языка, а также навыками корректного перевода с русского на сербский. Поэтому в словаре и в комментариях последовательно разграничивается лексика русского языка, используемая в живой разговорной речи «образованных русских», и лексика и словоупотребление, свойственные диалектным, просторечным и книжным реализациям русского языка. Указываются сочетаемостные ограничения, размежевание синонимических единиц. Лексикографическим новшеством стало описание социально-маркированного применения общеупотребительных лексем.

О непреходящей актуальности концепции Кошутича, разработанной без малого век тому назад, свидетельствуют современные суждения академика Ю.Д. Апресяна, писавшего, в частности: «Необходимо обогатить замечательные филологиче-

---

³⁸ Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 300–301.

³⁹ Кошутић Р. Примери књижевнога језика руског. I. Текстови. 290 с.; II. Напомене. 225 с.; III. Речник. 359 с. Београд, 1910.

ские традиции отечественного словарного дела опытом мировой лексикографии. Две главные ее тенденции: а) постепенное преобразование пассивных (чисто толковых) словарей в словари активного типа; б) переход от чисто филологического описания слова к цельному филологическому и культурологическому описанию слова-вещи, с привлечением элементов энциклопедического и этнолингвистического знания»⁴⁰.

В XX в. Сербии было издано несколько русско-сербских (русско-сербскохорватских) словарей в большинстве своем небольшого объема, не отражавших актуальное состояние лексического фонда русского языка и имевших примитивный лексикографический аппарат. Для удовлетворения потребности в полноценном словаре русского языка Матица сербская в Нови-Саде и словарная редакция издательства «Советская энциклопедия», позже вошедшая в состав издательства «Русский язык», создали совместный проект подготовки русско-сербскохорватского словаря среднего объема. Коллектив сербских авторов возглавлял профессор Новисадского университета Джордже Язич, а после его кончины (1973) — профессор Белградского университета Боголюб Станкович. Работа коллектива в составе тринадцати филологов увенчалась изданием в Москве в 1988 г. «Русско-сербскохорватского словаря» под редакцией Боголюба Станковича (при участии сотрудников московской редакции славянских словарей), содержащего 52 тысячи словарных статей. Составители, стремясь достоверно отразить состояние лексического фонда русского языка советской поры, опирались на такие авторитетные издания, как словарь Ожегова и ряд других справочников, в том числе терминологических. Система оформления заглавных слов выдержана в традиционных приемах славянской словарной редакции. В 1998 г. словарь был переиздан в Нови-Саде с измененным названием языка: «Русско-сербский словарь. Под ред. Б. Станковича» с исправлениями и дополнениями, общим объемом 55 тысяч заглавных слов.

В 80-х годах прошлого века также в рамках сотрудничества Матицы сербской и издательства «Русский язык» началась подготовка сербскохорватско-русского словаря на базе шеститомного толкового словаря сербскохорватского языка, который заменил бы добротный, но уже заметно отставший от развития языка сербскохорватско-русский словарь И.И. Толстого. Участниками проекта были с сербской стороны Б. Станкович, с российской — В.П. Гудков.

Однако в условиях перестройки, а затем распада СССР при многочисленных преобразованиях издательств была ликвидирована словарная редакция, договоры расторгнуты, и работа над словарем прекратилась в ожидании лучших времен.

* * *

В последние три десятилетия начала проводиться активная лексикографическая обработка сербской д и а л е к т н о й лексики, результатом которой стала публи-

---

⁴⁰ Апресян Ю.Д. Толковый словарь нового типа как основа серии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. Всесоюзная конференция. Тезисы докладов. М., 1988. С. 14–15.

кация более тридцати диалектных словарей и развитие крупнейшего в Сербии регионального лексикографического проекта – «Словаря сербских говоров Воеводины»⁴¹.

Лексика штокавских говоров, а носителями именно этих говоров является сербское население, впервые подверглась лексикографической обработке в словарях хорватских авторов Белостенца (1740), Ямбрешича (1742), Делла Белина (1785), Иоакима Стулли (1806)⁴². В 1818 году (2-е издание — 1852 г.) появляется знаменитый словарь Вука Караджича, содержащий ядро словарного фонда сербского языка, который определил направление развития всей диалектной лексикографии последующего времени, став эталоном описания лексики. Этот словарь, во-первых, целиком вобрал в себя лексику родного говора Караджича (западная Сербия, по историческому происхождению носителей говора — Пива, Черногория), относящегося к восточногерцеговинскому типу (более 26 тысяч лексем), а также в него вошло около 400 лексем, распространенных в других говорах: прежде всего, воеводинских, а также ресавских и черногорских⁴³. В тридцатые годы двадцатого века вышел «Словарь косовско-ресавского диалекта» Глиши Элезовича⁴⁴ — дифференциальный по отношению к Караджичу и словарю Югославянской академии наук и искусств⁴⁵. В него, несмотря на название, фактически вошла лексика гораздо более узкой территории (основной корпус материала собран в городке Вучитрн и его окрестностях), так что сам автор характеризовал его как метохийско-копаоникский. Таким образом, до середины восьмидесятых годов сербская лингвистика располагала лишь двумя диалектными словарями, причем только последний из них можно назвать диалектным словарем в настоящем смысле этого слова; все же «остальное, кроме тематических словарей, — просто ряд различных, часто очень полезных, больших или меньших подборок диалектной лексики, а не лексикографические труды»⁴⁶.

Подобная ситуация объясняется тем направлением, которое приняла сербохорватская лексикография еще в XIX веке, а именно ориентацией на подготовку словаря-тезауруса. В общей сложности в хорватском и сербском академическом словарях «растворилось» около пятисот собраний штокавской диалектной лексики, многие из которых представляли собой самостоятельные лексикографические труды⁴⁷. Учитывая же то, что в словари вошла только часть собранной лексики, сегодня эти материалы доступны лишь в словарных карточках.

---

⁴¹ Речник српских говора Војводине. Св. 1–9. Нови Сад, 2000–2009. Издание незакончено, последний опубликованный выпуск включает лексику до буквы «ф».

⁴² Об истории диалектной лексикографии у сербов и хорватов см.: *Зајцева С.* Дијалекатски речници као база за савремена лингвистичка истраживања // Лексикографија и лексикологија. Зборник реферата. Београд; Нови Сад, 1982; *Толстој Н.И.* Српскохрватска дијалекатска лексикографија у лингвогеографској перспективи // Лексикографија и лексикологија. Зборник реферата. Нови Сад; Београд, 1984.

⁴³ В своей основе словарь Караджича — это словарь говора одного человека, в то же время его можно считать и региональным словарем.

⁴⁴ *Елезовић Г.* Речник косовско-метохијског дијалекта, књ. I–II // Српски дијалектолошки зборник (далее: СДЗб) IV, Београд, 1932; СДЗб VI, Београд, 1935.

⁴⁵ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* Zagreb, 1880–1976.

⁴⁶ *Толстој Н.И.* Српскохрватска дијалекатска лексикографија... С. 185.

⁴⁷ См., например, собрание лексики г. Призрень Д. Чемерикича.

Сербскую традицию диалектной лексикографии, в разных словарях прослеживающуюся более или менее четко, характеризует осознание диалектного словаря не только или даже не столько как инструмента лингвистического исследования, сколько как описания, выполняющего культурологическую функцию в самом широком смысле слова. Некоторым современным сербским лексикографам присущ романтический дух лексикографии девятнадцатого века, заключающийся в том, что словарное представление диалектной лексики служит пополнению сокровищницы национальной культуры, сохранению исчезающего лексического богатства народных говоров и обогащению литературного языка. Тезаурусная концепция презентации диалектной лексики на долгие годы вошла в кровь сербской диалектной лексикографии, которая оказалась ориентированной на поиск специфической, редкой лексики, отсутствующей в стандартном языке, в престижных диалектах и отражающих их словарях. Подобный подход отразился в двух характерных чертах сербской диалектно-лексикографической традиции — интересе к диалектной периферии и дифференциальной презентации диалектной лексики.

Большинству сербских диалектных словарей свойственно внимание к лексически архаичным диалектным типам, значительно удаленным от литературного языка, и при этом — к говорам отдельных населенных пунктов или небольших областей. Наиболее обширной лексикографией обладают говоры самой экзотичной — т о р л а ц к о й зоны⁴⁸. Также существуют словари к о с о в с к о - р е с а в с к и х говоров⁴⁹ и г о в о р о в Ч е р н о г о р и и — восточно-герцеговинского⁵⁰ и зетско-ловченского типа⁵¹, а также два словаря з а п а д н о ш т о к а в с к и х говоров — дубровницкого⁵² и иекавского говора Подкозарья⁵³. Самые крупные из этих словарей — словарь говора Лесковца Б. Митровича и говора ускоков М. Станича — насчитывают по сто тысяч слов, объем прочих словарей составляет в среднем около десяти тысяч лексем.

⁴⁸ *Митровић Б.* Речник лесковачког говора // Библиотека народног музеја у Лесковцу. Књ. 32. Лесковац, 1984; *Златановић М.* Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998; *Динић Ј.* Речник тимочког говора // СДЗб XXXIV. Београд, 1988; *Динић Ј.* Додатак речнику тимочког говора // СДЗб XXXVI. Београд, 1990; *Динић Ј.* Речник тимочког говора (други додатак) // СДЗб XXXVIII. Београд, 1992; *Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008; *Живковић Н.* Речник пиротског говора. Пирот, 1987; *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша // СДЗб LI. Београд, 2004; *Форски М.Д.* Лужнички речник. Бабушница, 1997; *Томић М.* Говор Свиничана // СДЗб XXX. Београд, 1984 (Речник — с. 116–243); *Жугић Р.* Речник говора јабланичког краја (СДЗб LIП). Београд, 2005; *Стојановић Р.* Црногравски речник // СДЗб LVII. Београд, 2010.

⁴⁹ *Елезовић Г.* Речник косовско-метохијског дијалекта, књ. I–II // СДЗб IV. Београд, 1932; СДЗб VI. Београд, 1935; *Марковић М.* Речник народног говора у Црној Реци, књ. I–II // СДЗб XXXII. Београд, 1986; СДЗб XXXIX. Београд, 1993; *Томић М.* Речник радимског говора // СДЗб XXXV. Београд, 1989.

⁵⁰ *Станић М.* Ускочки речник. Књ. 1–2. Београд, 1990; *Вујичић М.* Рјечник говора Прошћења (код Мојковца). Подгорица, 1995; *Гаговић С.* Из лексике Пиве (село Безује) // СДЗб LI. Београд, 2004.

⁵¹ *Стијовић Р.* Из лексике Васојевића // СДЗб XXXVI. Београд, 1990; *Ђунић Д., Ђунић Ж.* Речник говора Загарача // СДЗб XLIV. Београд, 1997.

⁵² *Бојанић М., Тривунац Р.* Речник дубровачког говора // СДЗб XLIX. Београд, 2002.

⁵³ *Далмаџија С.* Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.

Все перечисленные словари (кроме словаря дубровницкого говора, словаря црно-травского говора и словаря радимского говора, который в полном смысле слова и не является словарем, поскольку содержит список слов без толкований) составлены по дифференциальному принципу. Отбор лексики производится либо по отношению к литературному языку, либо по отношению к какому-либо словарю, так как лексикографы шли по пути дополнения уже существующих лексических собраний: словаря Караджича, академического словаря и словаря Матицы сербской, каждый из которых помимо литературной лексики включает и диалектную. Это значит, что сербскими диалектными словарями обычно фиксируются лексические, семантические, морфологические, акцентологические, фонетические ограниченно распространенные диалектизмы, как слова, так и формы, не вошедшие в большие словари.

Вследствие особых условий возникновения некоторых сербских диалектных словарей (их авторы не всегда являются лингвистами), система лексикографического описания проста и не всегда систематична: в большинстве случаев словарь представляет собой список лексем, сопровождающихся переводом на литературный язык, с иллюстрациями и минимальной грамматической информацией. Исключение составляет словарь черногорского говора М. Станича, составленный с использованием принципов описания, принятых в словаре Сербской АН (в этом словаре последовательно эксплицируется семантическая структура слова, присутствуют отсылки к синонимам и вариантам, приводится фразеологический материал).

Отличительная черта сербских диалектных словарей — стремление раскрыть культурное содержание слова и представить читателю культуру, отражаемую данным говором. Этнокультурный подход к описанию диалектной лексики в первую очередь характеризует словари архаических призренско-тимокских говоров, составленные энтузиастами-краеоведами, которые, помимо представления лексики родного говора, нацелены на то, чтобы популяризовать культуру и историю своего края. И пафос, и характер деятельности этих лексикографов, включающей не только составление словарей, но и сборников местного фольклора и обычаев, описания истории и географии родного края, теснейшим образом связаны с традицией, восходящей к опыту Вука Караджича. Наиболее яркое и оригинальное воплощение эта традиция нашла в нелингвистическом, но чрезвычайно интересном словаре так называемого «лужницкого Вука», Д. Форского, автора «Лужницкого словаря». Возможность ввести в словарь этнокультурную информацию в случае этнографическо-краеведческой ориентации составителя или его нацеленности на максимально полное раскрытие содержания слова дает лексика, связанная с обычаями, обрядами и поверьями народа. Внеязыковая информация вводится в словарь посредством расширенного толкования, в иллюстрациях и в разного рода дополнениях к дефиниции. Так многие диалектные словари становятся ценными источниками сведений, в том числе уникальных, по фольклору и этнографии. Исключительное место в этом ряду занимают труды Д. Златковича, систематизировавшего в форме словарей короткие диалектные тексты пиротского говора, содержащие устойчивые речевые

формулы: поговорки, проклятия, угрозы, клятвы, благопожелания, ругательства, молитвы, тосты, фразеологизмы и сравнения⁵⁴.

С начала 80-х годов XX в. в югославской лингвистике начинает формироваться концепция «нового», лингвистического, диалектного словаря, исходящая из представления о лексическом фонде говора как лексико-семантической системе, функционирующей в своих территориальных вариантах, и которую в известной степени можно противопоставить «культурологической». Эта концепция вывела сербскую диалектную лексикографию из простой инвентаризации редкостей в сферу описания диалектной лексики в соответствии с самыми современными лексикографическими требованиями. Первым и пока единственным практическим воплощением новой лексикографической концепции стал возглавляемый Д. Петровичем «Словарь сербских говоров Воеводины», в основном, шумадийско-воеводинского типа, лежащих в основе литературного языка⁵⁵, и вышедший отдельным изданием «Словарь говора буневцев Бачки»⁵⁶ так называемого «младшего» икавского типа.

«Словарь сербских говоров Воеводины» по масштабности проекта и тщательности его разработки, по уровню методологической базы и лексикографического описания — выдающееся издание для сербской лингвистики, один из лучших образцов современной славянской диалектной лексикографии и всей современной лексикографии Сербии, диалектный словарь XXI века. Работа над этим словарем ведется в Матице сербской с 1980 г. усилиями многих видных лингвистов. За прошедшее время был собран колоссальный полевой материал из 200 сел, помимо «Словаря говора буневцев Бачки» в рамках этого проекта был подготовлен целый ряд лексических подборок и тематических словарей⁵⁷, вошедших в картотеку словаря.

Основной принцип новой лексикографии заключается в системной презентации диалектной лексики, то есть в полном отражении в словаре всей лексики говора, вне зависимости от ее «специфичности» или «общераспространенности». Названные словари делают акцент на презентации ядра лексико-семантической системы и в том числе включают современную лексику. Интерпретация лексики в данных словарях подчинена строгим правилам, единообразна и упорядочена. В «системном» словаре (термин Д. Петровича) эксплицируются связи слова с другими словами системы: статьи содержат отсылки к синонимам и словообразовательным вариантам, причем толкуется из них только один, а остальные объясняются через отсылку к более распространенному варианту или синониму. Между иллюстрациями также

⁵⁴ *Златковић Д.* Пословице и поређења у пиротском говору // СДЗб XXXIV. Београд, 1988; *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору // СДЗб XXXV. Београд, 1989; *Златковић Д.* Фразеологија омаловажавања у пиротском говору // СДЗб XXXVI. Београд, 1990.

⁵⁵ В последние годы наблюдается рост интереса лексикографов к говорам, близким к литературному языку, ср. словарь говора шумадийско-воеводинского типа: *Лазич А.* Грађа за речник говора Мачве. Шабац, 2008.

⁵⁶ *Peić M., Bačlija G.* Rečnik bačkih Bunjevaca. Novi Sad; Subotica, 1990. Буневцы — субэтнос, проживающий на севере Воеводины.

⁵⁷ Обзор их см.: *Петрович Д.* Сербские диалектные словари. Обзор // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. М., 2000.

существует система отсылок, так что одна иллюстрация обслуживает несколько статей. В том случае, если слово неизвестно литературному языку, оно толкуется литературным эквивалентом или получает описательное толкование. Лексика же, идентичная литературной, либо вообще не толкуется, а только помечается специальным значком, указывающим на то, что данная лексема имеет такое же значение, как и в литературном языке (так поступают составители словаря воеводинских говоров), либо толкуется описательно, как в толковом словаре литературного языка (такая процедура применяется в «Словаре буневцев»). Единицу лексикографического описания в системном словаре представляет собой не лексема, как в большинстве словарей, а лексико-семантический вариант, следствием чего является подробная экспликация семантической структуры слова. В традиционных словарях, напротив, семантическая структура слова, как правило, вообще не членится. Существенная черта лексикографического метода Д. Петровича заключается в том, что словарь содержит только ту информацию, которая является необходимой и достаточной для идентификации лексемы. Информация, которая не служит этой цели и рассматривается как избыточная, в системных словарях отсутствует.

* * *

Повременная библиография сербской лексикографии публикуется в ежегодном журнале «Южнославянский филолог». Обширные сведения о сербских словарях содержатся в монографии: *Danko Šipka. Osnovi leksikologije i srodnih disciplina. Drugo izdanje*. Novi Sad, 2006.

ЛИТЕРАТУРА, ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Бојанић М. Тривунац Р.* Речник дубровачког говора // СДЗб XLIX. Београд, 2002.
Вујичић М. Рјечник говора Прошћеня (код Мојковца). Подгорица, 1995.
Гаговић С. Из лексике Пиве (село Безује) // СДЗб LI. Београд, 2004.
Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII в. М., 1993.
Гудков В.П. О составе словника (вокабулара) отномного словаря сербского языка: заметки пользователя // Славистика. 2009. № 13. С. 483–487.
Далмација С. Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.
Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. 1–3. Београд, 1975.
Динић Ј. Речник тимочког говора // СДЗб XXXIV. Београд, 1988.
Динић Ј. Додатак речнику тимочког говора // СДЗб XXXVI. Београд, 1990.
Динић Ј. Речник тимочког говора (други додатак) // СДЗб XXXVIII. Београд, 1992.
Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.
Драгићевић Р., Пипер П., Стефановић М. Обратни асоцијативни речник српскога језика. Од реакције ка стимулусу. Београд, 2011.
Елезовић Г. Речник косовско-метохијског дијалекта, књ. I–II // СДЗб IV. Београд, 1932; СДЗб VI. Београд, 1935.
Етимолошки речник српског језика. 1–. Београд, 2003–.
Живковић Н. Речник пиротског говора. Пирот, 1987.
Жугић Р. Речник говора јабланичког краја // СДЗб LIИ. Београд, 2005.
Златановић М. Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.
Златановић М. Речник говора Јужне Србије. Врање, 2008.

- Златковић Д. Пословице и поређења у пиротском говору // СДЗб XXXIV. Београд, 1988.
- Златковић Д. Фразеологија страха и наде у пиротском говору // СДЗб XXXV. Београд, 1989.
- Златковић Д. Фразеологија омаловажавања у пиротском говору // СДЗб XXXVI. Београд, 1990.
- Јелић Б. Речник приповедака Лазе Лазаревића. Нови Сад, 2008.
- Јовић М. Крајишки рјечник: особенице јуначке. Београд, 2008.
- Караџић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1935.
- Клајн И. Речник нових речи. Нови Сад, 1992.
- Клајн И., Шутка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад, 2006.
- Кошутић Р. Примери књижевнога језика руског. I–III. Београд, 1910.
- Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша // СДЗб LI. Београд, 2004.
- Јовановић Р., Атанацковић Л. Систематски речник српскохрватског језика. Нови Сад, 1980.
- Лазевић А. Грађа за речник говора Мачве. Шабац, 2008.
- Лалевић М. Синоними и сродне речи српскохрватскога језика. Београд, 1974, 2-е изд. 2007.
- Лексикографија и лексикологија, зборник реферата. Београд; Нови Сад, 1982.
- Лексикографија и лексикологија, зборник реферата. Нови Сад; Београд, 1984.
- Марковић М. Речник народног говора у Црној Реци, књ. I–II // СДЗб XXXII. Београд, 1986; СДЗб XXXIX. Београд, 1993.
- Митровић Б. Речник лесковачког говора // Библиотека народног музеја у Лесковцу. Књ.32. Лесковца, 1984.
- Московљевић М. Речник савременог српскохрватског књижевног језика. Београд, 1966, 1990, 2000.
- Николић М. Обратни речник. Београд, 2000.
- Оташевић Ђ. Велики речник нових и незабележених речи. 1, 2. Београд, 2008.
- Оташевић Ђ. Речник савременог српског књижевног језика. 1. Београд, 2005, 2008²; 2. Београд, 2008.
- Павловић В. Речник поезије Милана Ракића. Нови Сад, 1984.
- Павловић И. Рјечник говора Срба Посавине и Семберије. Београд, 2008.
- Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Београд, 2005.
- Речник синонима / Павле Ћосић и сарадници. Београд, 2008.
- Речник српских говора Војводине / Редактор Драгољуб Петровић. Свеска 1–. Нови Сад, 2000–.
- Речник српскохрватског и немачког језика. Израдили др. phil. Светомир Ристић и Јован Кангрга. Београд, 1928.
- Речник српскохрватског књижевног језика. Т. I–VI. Нови Сад, 1967–1976.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1–. Београд, 1959–.
- Русско-сербскохрватски словарь / Под ред. Б. Станковича. Москва, 1988.
- Русско-сербский словарь / Под ред. Б. Станковича. Нови Сад, 1998.
- Семантико-деривациони речник. Свеска 1: Човек – делови тела / Редакторке Д. Гортан-Премк, В. Васић, Љ. Недељков. Нови Сад, 2003.
- Српскословенски речник јеванђеља. Огледна свеска / Саставио В. Савић. Уредник Г. Јовановић. Београд, 2007.
- Станић М. Ускочки речник, књ. 1–2, Београд, 1990.
- Стујковић Р. Из лексике Васојевића // СДЗб XXXVI. Београд, 1990.
- Стојановић Р. Црнотравски речник // СДЗб LVII. Београд, 2010.
- Толстой И.И. Сербскохрватско-русский словарь. 7-е изд. М., 2001.
- Томић М. Говор Свиничана // СДЗб XXX. Београд, 1984 (Речник: с. 116–243).
- Томић М. Речник радимског говора // СДЗб XXXV. Београд, 1989.
- Ђунић Д., Ђунић Ж. Речник говора Загарача // СДЗб XLIV. Београд, 1997.
- Форски М. Д. Лужнички речник. Бабушница, 1997.
- Iveković F., Broz I. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901.
- Peić M., Bačlija G. Rečnik bačkih Bunjevaca. Novi Sad -Subotica, 1990.
- Šipka D. Osnovi leksikologije i srodnih disciplina. Drugo izdanje. Novi Sad, 2006.
- СДЗб – Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1905–, књ. 1 –.

Ненад ИВАНОВИЋ
(Београд, Србија)

**ИСТОРИЈАТ РАДА НА РЕЧНИКУ САНУ (1853–1953):
ЈЕДАН ВЕК РАЗВОЈА САВРЕМЕНЕ СРПСКЕ
ЛЕКСИКОГРАФИЈЕ**

0. Увод

0.1. У односу на лексикографска дела која се на српском културном простору зачињу у току 18. и 19. столећа, *Речник српскохрватског књижевног и народног језика Српске академије наука* (у даљем тексту: Речник САНУ), по својој концепцији и методологији израде, представља значајан помак напред.

У овом речнику се, по први пут у српској лексикографији, примењују савремена сазнања о развоју и функционисању језика као система, чиме се у други план потискују идеје о речничком поступку као приказу етимолошког порекла и историјске еволуције речи, које су до тада биле доминантне. Лексикографски метод експлицирања лексике њеним поређењем са другим језицима, пре свега латинским, напушта се у корист једнојезичног описа значења речи; као последица овога, развија се метајезик Београдске лексикографске школе као скуп системских образаца којима се дефинише и стандардизује улога лексема у језику. Захваљујући раду лексикографа са скупљачима збирки речи, магловито знање о лексичким варијантама које се простиру по «западним», «источним» и «јужним крајевима» штокавског говорног подручја замењује се егзактнијим приказима употребе појединачних лексема у одређеним дијалекатским ареалима, чиме се у Речнику САНУ указује на органско јединство народних говора штокавског говорног подручја. Коначно, у овом речнику култивишу се шумадијско-војвођанско и источно-херцеговачко наречје, чиме се истиче дијалекатска база која стоји у основи савремене српске књижевности и језичке културе.

0.2. Сви поменути методолошки помаци, који сврставају српску лексикографију у ред савремених лингвистичких дисциплина, уобличени су у току припремног рада на Речнику САНУ, који је, са мањим прекидима, трајао од средине 19. до средине 20. века. Посматран као целина у свом историјском континуитету, овај рад представља једну од најобимнијих филолошких активности српске хуманистичке мисли. Ова активност није оставила трага само у лексикографији, већ и у процесу кодификовања и стабилизовања српског језика у преломним периодима његовог развоја; као и у развоју савремених научних увида који су засновани на посматрању унутрашњих односа лексике и лексичког система у целини.

0.3. И поред овога, у досадашњим истраживањима историје савремене српске лингвистике, припремни рад на Речнику САНУ најчешће се помиње само у општим цртама. Разлоге за ово треба тражити најпре у недостатку архивске грађе потребне

за веће научне синтезе; затим, у измештању фокуса историјско-језичких истраживања из контекста речничке проблематике; као и у непостојању обимнијег историјата лингвистичких идеја који би, као поглавље, садржавао и повест савремене српске лексикографије.

0.4. Узимајући изложено у обзир, у сагледавању значаја припремног рада на Речнику САНУ, питање о историјском континуитету не поставља се само као захтев за расветљавањем детаља својствених појединим историјским епохама, већ и као проблем њихове међусобне повезаности. Из овог разлога, наш рад ће бити организован око два питања:

а) историјат припремног рада на Речнику САНУ према етапама;

б) сагледавање централних филолошко-лингвистичких принципа у изради Речника САНУ који чине заједничко наслеђе свих етапа.

Другим речима, задатак рада је да историјат припремног посла на Речнику САНУ представи кроз процес континуираног историјског обликовања његовог описног речника као обавезне фазе стандардизације језика у активностима дескрипције и елаборације; и да тиме установи место овог посла у развоју савремене српске лексикографије и лингвистике у целини.

0.5. Историјат припремног рада на Речнику САНУ може се представити кроз шест етапа. Поменуте етапе у лексикографском раду најчешће се централизују око појединаца који су изградили речничку методологију, као и догађаја који су се, у духу епохе, показали кључним за научни и лексикографски рад. Самим тиме, свака етапа поседује свој општи методолошко-научни контекст који је омеђује, и у коме се реализује један сегмент лексикографског посла.

Узимајући изложено у обзир, у наставку рада дајемо преглед сваке етапе, после чега ће уследити приказ идејних и методолошких константи рада на Речнику САНУ које су заједничке за сваку од њих.

1. Прва етапа (1847–1867)

1.1. Прва етапа припремног рада на Речнику САНУ смештена је у другу половину 19. века. Њен почетак је обележен заснивањем и радом Друштва српске словесности, у коме долази до првих огледа о обради књижевног и народног језика према примарно лексикографским принципима.

Оснивање и рад Друштва српске словесности у пресеку језичких мишљења и лингвистичке методологије тога доба. Лексикографске идеје Друштва

1.2. Друштво српске словесности (у даљем тексту: Друштво), претеча данашње Српске академије наука, основано је 1841. године. У складу са језикословним активностима које су обележиле развој европске хуманистичке мисли 19. века¹, Друштво је за свој основни задатак поставило «изображавање српскога језика и распро-

¹ «Научна тела у Европи, поступно и коначно називана академијама, готово су се увек као најпречек задатка прихватала бриге о језику и изради речника; тек после су прелазила на разраду ширих националних и интернационалних дисциплина» (Грицкат 1993: 5).

страњавање наука на српском језику»². Оснивање Друштва, чији су духовни зачетници били Јован Стерија Поповић, Атанасије Николић и Димитрије Исаиловић, представља, стога, прву институционализацију филолошке науке у српском културном простору.

1.3. За историјат израде Речника САНУ, као и савремене српске лексикографије у целини, нарочито је важно што се Друштво, непосредно по оснивању, одлучује да своје идеје о неговању и чувању језика уобличи *лексикографски*. Два су разлога за ово.

1.3.1. У складу са општом интелектуалном климом 19. века, постављање израде речника на прво место одговара просветитељској концепцији скупљања, чувања и проучавања речи као лексичких форми појмова и идеја који су неопходни за живот. Према овој концепцији, суштина сваког филолошког (и хуманистичког уопште) рада лежи у прављењу целовитих појмовних номенклатура једног језика, које описују духовне, интелектуалне и материјалне активности народа. Према овом гледишту, прављење речника представља одраз филозофског настојања да се сачини потпуни каталог речи према свим областима националног духовног и материјалног развитка.

1.3.2. Међутим, у избору лексикографског приступа очувању језика и његовој научној култивацији чланови Друштва нису само следили филозофска настојања учене Европе. Можда и више од овога, они су имали у виду и свест о лексикографији као одразу научне, социјалне и културне историје једног народа, која је у то време, највише захваљујући Вуковом *Рјечнику*, била већ увелико присутна у српској средини. Израдом *Српског рјечника* из 1818. Вук Карацић је, наиме, јасно указао на надређен научни положај институције речника у односу на друга лингвистичка дела, пре свих у односу на граматiku (Вук је на грађи из *Рјечника* засновао граматичку реформу српског језика). И у оквиру Друштва израда речника се у то време сматра примарним, а израда граматике секундарним задатком. Поред овога, пракса израде Вуковог *Рјечника* указала је и на друге методолошке смернице које су усвојене у Друштву, као нпр. на педагошку улогу речника као просветног средства на основу кога ће се, у другим језичким срединама, учити српски језик (поменута карактеристика ће, и у потоњим временима, бити један од централних стожера рада на Академијином Речнику); или на важност непосредног додира са информаторима, одн. носиоцима језика чији речник се саставља (овај контакт прерашће, почетком 20. века, у свестрану и плодну сарадњу лексикографа са скупљачима народних речи).

1.4. Описане културне тенденције и потребе навеле су чланове Друштва да се, између 1842. и 1846. године, окрену лексикографском раду. У овом периоду, њихова активност на изради речника српског језика еволуирала је у неколико лексикографских огледа, који су објављени 1847. године, у првој свесци *Гласника Друштва српске словесности*. Ту су, на једном месту, истакнути нацрти и идејне концепције: терминолошког речника («називословних речи»); диференцијалних речника дијалекатских и покрајинских речи и варијаната у српском језику («српска наречница» и «речи пределне»); речника синонимских гнезда («покушеније смислосродног речника»),

---

² *Устав Друштва српске словесности*, члан 1, ГлДСС 1/1847. С. 1.

као и речника српскословенских речи, чија је израда окупирао чланове Друштва (Стерија et al. 1847).

1.4.1. У српској науци доста је писано о овим огледима, углавном са лексикографског становишта³. Примећено је да, по начину представљања лексичке грађе и њене обраде, они чине значајан напредак у односу на владајућу лексикографску методологију тога времена. Тако је, на пример, прилог под насловом «Покушеније (оглед) смислосродног (синонимног) речника» посвећен откривању «потајних разлика» између наизглед истих речи. «Докучити ову разлику» за аутора Огледа значи «речи, тако рећи, цепати, означај сваке стално определити, предмете, на које се односе, добро свежбати» — што представља антиципацију савремене лексикографске праксе у разврставању значења при дефинисању лексема. Са друге стране, основу огледа «О српским речима пределним» чини дефинисање речи «које се не чују опште у народу, него у појединим само местима и пределима». У огледу се далековидо закључује да се пределне речи деле на *покрајинске* (које задржавају изворну народну чистоту, и могу се употребити у књижевном језику, нпр. *личити*, *наликовати*, *муљати*, *кљукати* и сл.); и *дијалекатске* (искварени облици који се у књижевном језику не могу употребљавати, нпр. *седло* (ум. *седло*), *идеду*, *стојиду* и сл.). Као образложење овог закључка истиче се гледиште, блиско савременој дијалектолошкој лексикографији, по коме дијалекатски ареали варирају по међујезичким контекстима, те се у отворенијим ареалима речи прилагођавају утицајима суседних језика, док у другим, затворенијим, те речи «остају у првобитности» (Стерија et al. 1847: 1–58).

1.4.2. Писањем лексикографских огледа у којима су истраживали многоаспектуалност лексикографске обраде језика, чланови Друштва настојали су да, средином 19. века, савладају различите сегменте рада на описном речнику. Из овог разлога, сагледана као једна целина, прва свеска *Гласника Друштва српске словесности* може се посматрати и као својеврсна «огледна свеска» будућег речника Српске академије. У овако конципираној «огледној свесци» нуди се нацрт унификованог речничког чланка, који се бави лексиком са термилошког, дијалекатског, семантичког и историјског аспекта – што одговара главним лексикографским начелима класификације, територијалне стратификације, семантичке анализе и историјске синтезе.

«Предлог за српски речник и српску граматику» Јована Стејића (1853) и његов значај за формирање модерне лексикографске концепције Речника САНУ

1.5. На основу урађеног, чланови Друштва изнели су на редовној седници, 1852. године, *Предлог за српски речник и српску граматику*⁴. Текст *Предлога* је сачинио Јован Стејић, поред Стерије један од првих српских модерних лексикографа⁵.

³ Уп. радове: Грицкаг 1960; 1996; 2004; Ивић М. 2000; Ивановић 2007 итд.

⁴ *Предлог за српски речник и српску граматику* писан је чистим, славенизмима ненатруњеним српским језиком. Штампан је годину дана после Стејићевог излагања (1853), у петој свесци *Гласника Друштва српске словесности* (с. 1–13).

⁵ Иако несумњиво великом, значају дела др Јована Стејића у области српске науке о језику 19. века, па, према томе, и у области српске историјске лексикографије, тек од скоро се посвећује обимнија научна пажња. Можда најбољу карактеристику Ј. Стејића дао је П. Ивић (1998: 194), који га сматра припадни-

Предлог за српски речник и српску граматуку изражен је у форми захтева да се, у окриљу Друштва, одмах започне са радом на скупљању грађе за велики Речник српског књижевног језика «којим се данас код нас уредно не само *говори*, него и *пише*» (Стејић 1853: 6). У њему је Ј. Стејић, тада потпредседник Друштва, изразио оригиналне ставове о раслојености српског лексичког састава према друштвеним класама и доменима језичке употребе, на које у језичкој науци до тога времена није обраћана нарочита пажња и које се могу посматрати као зачетак оваквих категоријација.

1.5.1. Основу концепције великог Речника, која је изражена у *Предлогу*, чине сазнања о социјалним раслојеностима српског друштва, која обликују његову лексичку раслојеност. Пооштравањем старих нејасности Доситејевог концепта српског језика као идиома чију основу чини народни језик, али језик у коме владају и кога обликују закони полиглосије, и увођењем социјалне компоненте у тај концепт, Ј. Стејић је јасно прецизирао све елементе од којих се, по његовом мишљењу, састоји будући корпус српског књижевног и говорног језика, као и место које ће ови елементи заузимати у великом Речнику.

1.5.2. Ово прецизирање Ј. Стејић је извео путем изненађујући модерне констатације да у српском народу постоје различите друштвене (социјалне) класе, које поседују сопствене законитости лексичког развитака. Према његовој концепцији, у лексичком саставу српског књижевног језика стоје два основна регистра, који стоје у међусобно уређеном односу: «говорни простонародни језик», чија је есенција представљена у Вуковом *Рјечнику*; и «писмени језик», као израз оних «који се занимају с предметима препростране области науке и уметности». Стога аутор сматра да у српској лексикографији постоји потреба за речником који ће одсликавати образложено двојство у језичком изразу, функционалну дивергенцију «говорног» и «писменог» језика. «Као што ратар и сваки тежак изумева и прави себи потребне речи за свој живот и своје потребе, и говори по свом чувству и разуму — пише Стејић — тако образован и учен човек тражи и прави нужне речи за предмете неизмериме области науке и потребе снажне умности, и даје језику ону правилност и чистоту ... која задовољава облагорођено људско чувство и строго оцењујући просвећени разум» (Стејић 1853: 2, курзив ауторов).

1.5.3. Своје аргументе о постојању два језичка варијетета (или регистра), који се изграђују у контексту поделе српског друштва на два основна социо-културна слоја: «прости народ» и «учене људе», Ј. Стејић је поткрепио запажањем да регистар «писменог» језика, за чију се равноправну егзистенцију са народним језиком у речничком корпусу залаже, већ одавно чини језичку основицу виталних друштвених процеса, попут школског образовања или савременог законодавства. Такође,

---

ком струје писаца — присталица народног језика у књижевности, али ипак не у свему сложном са Вуком. О Стејићевој критици језика *Новог завјета* међу првима је писао М. Селимовић (1975: 120 и д.) — који Ј. Стејића назива и «првим озбиљним критичарем Вуковог језика». О Стејићу су писали још и М. Пешикан (1987), Ј. Нуорлуото (1989), И. Грицкат (1993) и Љ. Поповић (1995), који је изнео до сада најобимнији и најцеловитији приказ Стејићевог концепције књижевног језика.

поменути регистар је присутан и у писаној књижевности, чији утицај на српски језик у целини, према Стејићевим речима, «више није ни мали ни незнатан» (с. 3, 5). Узимајући изложено у обзир, Ј. Стејић је у *Предлогу* такође сугерисао могућност да, израдом великог Речника (који ће у себи, уз најбоље стандарде «народног», равноправно садржавати и најбоље стандарде «писменог» језика)⁶, Друштво српске словесности на себе преузме улогу регулатора норме српског књижевног језика у целини. На тај начин би се најбоље могло уредити стање на овом подручју, које је, према његовом мишљењу, још увек неуједначено и хаотично: «Као што се без данога доброг правца ништа, тако се исто без тога [Речника] ни писменост нашега језика неће моћи мирно, уредно, основно и ваљано развијати ... Него мислим, да се оно [Друштво] потруди, овом у толико само подобно дело изградити, да онај, који би желио наш језик познати и научити, ако не сваку, а оно барем сваку најбољу и најпотребнију како говорну, тако и писмену његову реч ... а поред тога и сву ... нужну српскога примљеног писма и својственог говора правилност [у њему нађе]» (с. 5).

1.5.4. Уз напомене о формирању грађе за овако замишљен Речник, Ј. Стејић је у свом *Предлогу* дао и прве конкретне назнаке за његову израду, формулишући методолошке смернице за лексикографску обраду речи. Тиме је резимирао и образложио рад у првој свесци *Гласника*. «Код сваке речи која би год то по својству свом захтевала — пише он на крају *Предлога* — добро би било, поред осталог, што лексикално треба, нарочито то у кратко изложити, где се она и кад правилно употребљава или употребљавати има, у обичном и у фигурном смислу, наведеши за то, ако треба, и zgodне примере из доброга говора, из народни' пословица и песама» (с. 9, т. 4). Из изложеног навода можемо реконструисати Стејићев нацрт лексикографског чланка: у опису речи прво се излажу «лексикалне ствари» (граматика, облици, акценат); затим даје дефиниција основног значења речи са посебним освртом на регистар употребе (мотивисан њеном употребом); затим дефиниција фигуративног значења; после чега следе примери. На крају се даје превод речи на латински и немачки језик, што је пракса која се у српској лексикографији задржава до почетка 20. века.

1.5.5. Поред изложеног, Ј. Стејић је размотрио и метајезичку основу овако осмишљеног речника. Код њега налазимо по први пут формулисан предлог да се за језик речничких дефиниција узме српски језик екавског наречја. «Треба нам одредити — пише Стејић — по ком ће се наречју наш језик у овом Словару изложити. Нама је, дакако, свако наше наречје и мило и лепо; али, колико ја судити могу, ваља нам овом приликом једно посвојити и њега се у овом нашем послу придржавати. Ја сам за ово наречје, којим ми говоримо и које се и тако пуним правом без додатка и икаквог провинцијалног епитета *српско* назива; само желим, да место **ѣ** стављамо онде у корену речи **е**, где се ово писмо у старославенском језику пише, из тог погла-

⁶ «Чим се управо разликује писмени језик од говорнога простонароднога језика, од којег се он произвео? По главном тим, што он није само народни; него је уједанпут и народни и писмени језик ... и тако, што је он један и исти, те још правилан и углађен, па и довољан за живот и потребе свега народа» (с. 2).

вито узрока, што се то и тако већ здраво уобичајило ... и што је овде ово писмо најбољи посредственик између овог нашег и остали наши' наречја, у којима се или на **и** или на **ие** претворило» (Стејић 1853: 11–12).

Рад Друштва са скупљачима лексичке грађе (1854–1867). Прве збирке народних речи

1.6. Стејићевим *Предлогом* заокружена је теоријска основица овако осмишљеног речника српског језика, а отпочела је његова практична реализација. С тим у вези, редовни члан Друштва, Милован Јанковић, сачинио је позив за купљење речи којих нема у Вуковом *Рјечнику* и отпослао га књижевницима, свештеницима, учитељима и државним службеницима по унутрашњости (ГлДСС 8/1856, стр. 351–2). На овај начин, лексикографске идеје Друштва покренуле су на филолошки рад шири слој образованих појединаца, који је стајао у непосредном додиру са народом.

На позив М. Јанковића одговорено је збиркама народних речи, којима је скренута пажња на лексику појединих ареала, као и на појединачна језикословна питања. Пракса која је тада успостављена, да прилив нове грађе уједно подразумева и нова лексикографска сазнања, биће настављена током целог 20. века.

1.6.1. Хронолошки прва збирка речи пристиже у Друштво већ 1854. године: М. Живановић, по занимању писар, шаље «неколико српских речи из среза хомолског». Угледајући се на оглед «О српским речима пределним», М. Живановић наводи речи (њих 12) са ширим контекстом употребе (нпр. **растока**: «Кад потоци преко ливада текући испуне корито и разлију се на све стране, то народ овог краја оне барице именује *растока*»; **сливница**: «По луговима по угнутим местима налазеће се помање барице, именују *сливнице*, иначе веће баре називају *бара*»; **прислеж**: «Кад је површина једног брда (гребен) угнут на некоме месту, то место наричу *прислеж*»; **стаповина**: «Простор места у ком се више салаша или трла налазе, гди се масло мете и сир производи», и сл.). Сличну структуру имају и друге збирке народних речи које у то време стижу у Друштво: М. Јанковића (175 речи пореклом из Срема и Левча); А. Остојића (око 400 речи из разних крајева Србије), и других.

Поред збирки речи које се фокусирају на поједине дијалекатске ареале, у Друштво у овом периоду пристижу и прве тематски конципиране збирке које, обрадом специфичних аспеката језичке културе, завређују нарочиту пажњу.

1.6.2. Тако, на пример, књижевник Милан Ђ. Милићевић своју збирку од 322 речи саставља као списак необичних речи и израза које употребљавају његови савременици, српски књижевници тога времена: М. Глишић, И. Цепелић, К. Руварац, М. Вукићевић, В. Радишић и други (нпр. **бизгов**: «развијен а нерадан дечак или младић: Коликій си бизговъ а не умешъ 20 да изброишъ»; **ерцопалъ**: «Ерцопаль ... рекне се ономе, кои є теломъ изрasto великій а омало є душевiе способности и окретности»; **коњштип**: «Коњштипъ [је] нека буба коя највише у ђубрету живи; кажу да врло може да уеде», и сл.). Са друге стране, Ђорђе Натогошевић, доцнији председник Матице српске, доставља Друштву овећу збирку од око 1500 погрдних речи и назива за особе у српском језику, која чини једну од највећих збирки погрдних речи

тога времена (нпр. **бекељило**, **дериклуна**, **горопадало**, **кашљуцало**, **кланцало**, **клапрњало**, **лењгуза**, **мољакало**, **вашкодер** и сл.).

1.6.3. Међу скупљачима народних речи у овом периоду посебно се истиче дубровачки прота Ђорђе Николајевић, просветни радник, књижевник и митрополит. Николајевић је Друштву послао богату збирку од 1875 српских речи из *Рјечослозја* дубровачког лексикографа Јоакима Стулића⁷. Међу скупљеном грађом налазе се народне српске речи, пореклом из Дубровника којих нема код Вука (нпр. **белић**: «бело просо»; **бибав**: «гибак, нпр. бибаво море ... обично кад велики ветар престане, а море се још не утиша»; **лабараст**: «који много лабара, брбљив», и сл); као и бројни италијанизми које користе Срби по Далмацији и дубровачком залеђу (нпр. **брокет** (тал. brocchetta): «клинчић, ексерчић»; **ингваздати**: (према тал. imbastire) «крупним бодом овлаш саставити скројени материјал, прошити»; **каламир**: (према тал. calmare, умирити) «висак»; **напестати**: (исп. тал. pestare) «истући, изударати песницама, испесничити»; **вачелати**: (тал. vacillare) «бунцати у грозници»; **невав**: (исп. тал. neve, снег; дијал. тал. nevega, невреме, олуја) «који је зле воље, мрзовољан», и сл). Помињање српског народног језика у *Рјечослозју*, и интеграција ове лексичке грађе у Речник САНУ већ половином 19. века, говори у прилог томе да Стулићевом речнику, као и речницима других хрватских лексикографа којима у основи стоји штокавски идиом (Микаља, дела Бела, Белостенец и други), тек предстоји озбиљнија анализа лексичког корпуса у светлу његове територијалне и културолошке припадности.

* * *

1.7.1. Посматрана у својој идејној основи, лексичка концепција будућег речника српског књижевног језика, развијена у оквиру Друштва српске словесности, разликује се од Вукове пре свега по томе што се залаже за равноправну заступљеност лексике свих социо-културних слојева српског народа у оквиру тога Речника. С тим у вези, Стејићев *Предлог* изражава тежње да се основа речника прошири а сам речник модернизује, као и да се рад на речнику институционализује.

1.7.2. Наиме, у историјској перспективи је видљиво да је Вуков лексикографски центар половином 19. века већ у опадању. Он је своју сврху у лексикографији већ испунио скретањем пажње на значај народног језика у књижевности, као и на изворе тог језика у литератури. Чланови Друштва су истакли да је, у оквиру културних институција, потребно радити на новом речнику, заснованом на ширим језичким основама и савременијим методама од Вуковог. Стога је, идејама о функционалној раслојености српског језика, тачним увидима у функционисање лексичког система, као и практичним лексикографским радом, ова етапа оставила значајног трага у доцнијим пословима око Академијиног Речника.

⁷ Joachim Stulli. Rjecoslozje slovinsko-italijansko-latinsko. Ragusa, 1806.

2. Друга етапа (1867–1899)

2.1.1. Друга етапа историјског развоја Речника САНУ обухвата последње четири деценије 19. века. Овај период је, у својој најзрелијој фази, обележен радом Стојана Новаковића на заснивању Лексикографског одсека Српске академије наука, у чијим ће оквирима доћи до даљих корака на изради великог Академијиног речника.

2.1.2. У савременој лингвистичкој историографији, Стојан Новаковић се оправдано сматра лексикографском доминантом своје епохе⁸. Поред тога што је, као теоретичар лексикографије, дефинисао научну и културну потребу за великим описним речником савременог српског језика, описао сложени однос између књижевног и народног идиома у његовом корпусу и одредио овако осмишљен речник према према другим лексикографским делима свога времена — Новаковић је, као организатор, у времену утемељења националних институција истовремено уобличио и филолошко-књижевни програм који ће рад на академијиним Речнику установити као један од њених најважнијих научних задатака.

2.1.3. Стога расветљавање Новаковићевог лексикографског формирања, као и генезе његових научних схватања, чини главни део описа ове етапе.

Ђуро Даничић као лексикограф и његов утицај на Стојана Новаковића

2.2. У периоду између 1864. и 1867. године долази до значајних промена на пољу српске лексикографије. Са Вуковом смрћу, 1864. године, гаси се лексикографски центар који, преко пола века, постоји у његовом дому⁹. Тиме се завршава научно-методолошка епоха коју су обележила два издања *Српског рјечника*. У складу са овим, мења се и општи друштвени и културни став изради националног речника: носилац овога посла, у друштвеној свести, више није Вук са својим помагачима, већ су то научне институције у обновљеној Србији, пре свих Матица српска и Друштво српске словесности (касније Српско учено друштво). Оваква промена културне климе пружиће могућност члановима Друштва (међу којима је све више Вукових настављача) да, у наредним деценијама, размотре оснивање сопственог лексикографског центра у коме ће се позабавити израдом великог описног речника српског језика према савременим научним принципима.

2.3.1. У овом периоду запажа се нагли лексикографски успон Ђуре Даничића. У четири године преданог рада на другом издању Вуковог *Рјечника*, Ђ. Даничић се, из проучаваоца језичке историје, прогресивно развио у познаваоца савременог српског језика, његових дијалеката, акцената, морфолошке и семантичке парадигме, као и синтаксе падежних облика. Врло је важно истаћи да је Даничић део својих

⁸ Ову тезу први је успоставио А. Белић, у првој половини 20. века. Белићеву тврдњу преузели су, доцније, и други истраживачи: И. Грицкаг: «Најзаслужнији за коначну одлуку о почетку рада на академијском речнику и о његовој првој концепцији био је Стојан Новаковић» (1996: 29); Е. Фекете: «Не може се повести реч о Речнику Српске академије, а да се већ на самом почетку не помене име његовог идејног и духовног зачетника Стојана Новаковића» (1993: 21); М. Пешикан; М. Стевановић; С. Ристић и други.

⁹ О Вуковом лексикографском центру, кога су, поред Вука и Даничића, чинили бројни скупљачи и записивачи народних речи, в. у: Стојановић 1924.

знања, као и сопствену лексикографску самосталност, у ово време стекао у реакцији према Вуковом методу израде речника којим, као сарадник на његовој изради, није био сасвим задовољан¹⁰.

2.3.2. У складу са изреченим, Ђ. Даничић је, по свој прилици још у Вуковом кругу, сачинио сопствени план за израду савременог описног речника. Поменути план, као и стечена знања, Ђ. Даничић је реализовао 1867. године, када је, прешавши у Загреб, отпочео рад на монументалном *Рјечнику хрватскога или српског језика Југославенске академије наука* (у даљем тексту: Рјечник ЈАЗУ). На овај начин, Даничић је начинио прве кораке ка системској једнојезичној лексикографији.

2.3.3. Преласком у Загреб, Ђ. Даничић ипак није раскинуо сва своја познанства. Његова кореспонденција из овог времена показује да Даничић упућује бројна писма својим ученицима са београдске Велике школе, где је радио као предавач. У тим писмима, Даничић неке од њих ангажује као сараднике на скупљању лексичке грађе за Рјечник ЈАЗУ.

2.3.4. Међу Даничићевим коресподентима у овом периоду нарочито се истиче Стојан Новаковић, редовни члан Друштва српске словесности. Имајући у виду Новаковићева научна интересовања, као и однос између Даничића и Новаковића, с правом можемо тврдити како сарадња Даничића и Новаковића на лексикографским пословима представља први Новаковићев додир са лексикографијом и уједно и почетак његовог интересовања за ту област¹¹.

2.3.5. Преписка између Даничића и Новаковића током 1867. и 1868. године указује на интензиван лексикографски рад са обе стране. Новаковић је ангажован на пословима скупљања и класификације речи, док је Даничић задужен за теоријске увиде и синтезе, које доноси на основу решења практичних проблема у ексцерпцији грађе. Тако нпр., у писму од 4.12.1867, Даничић говори Новаковићу о основним начелима ексцерпције лексичке грађе:

¹⁰ То незадовољство Даничић је изразио у познатом писму Ђ. Натопшевићу од 25. септ. 1851. Говорећи о томе како *Рјечник* не испуњава његова очекивања («(...) Ја сам одавно (још кад се рјечник почео штампати, а може бити и прије) говорио људма који овиј посао разумију да рјечник овај не ће бити ни онаки како би свако по правди могао од Вука чекати, а камо ли онаки како би управо требало да буде»), Даничић излаже две основне замерке на ово Вуково дело. Прва је садржана у ставу о улози речника као научног приручника кога, према Даничићу, није дозвољено разумевати и читати из забаве, као сваку другу књигу («Из огласа Вукова видјећеш како он разумијева шта је рјечник («и саме забаве ради» да га «чита сваки Србин и свака Српкиња колико и каку другу књигу»). С онијем мислима рјечници се не пишу»). Друга замерка садржана је у незадовољству што ни *Рјечник* из 1852. није имао редакцију која би му уједначила све типске елементе у лексикографској обради («Не ћу помињати шта је написано и додано за ове неколике године дана како му ја око рјечника помажем, и шта се и у пошљедњијем коректурама додаје, него да речемо да сам ја све затекао, опет ће бити мало, врло мало за *тридесет и неколике године дана!* (...) Мој је посао *управо* био само уредити га за штампу и у штампању старати се око њега, а највише могло би се рећи да ми је био посао од Вукове грађе начинити што се могло, па ни то не по својој вољи»). (у: Шевић 1925: 242–243). Описану разлику у ставовима и принципима израде речника, која стоји између Вука и Даничића, С. Новаковић ће назвати разликом између «субјективне» и «објективне» лексикографије (Новаковић 1878: 168).

¹¹ Мање од деценије пре Даничићевог преласка у Загреб, Новаковић слуша његова предавања на Великој школи. Новаковићево окретање лексикографији пада у време његовог обновљеног интересовања за филолошку науку под Даничићевим окриљем (1865).

« (...) узмите преда се Давидовићеве новине које су се ту штампале, и табак хартије; на хартији најприје запишите да су то ријечи које ће доћи из тих и тих новина од те и те године; па онда читајте редом новине: како наиђете на каку год ријеч, која може пристати у наш језик, нпр, *указ*, на ријеч у којој нема ништа против закона нашега језика, а ви је запишите на онај табак хартије и одмах додајте цијелу фразу у којој је, па онда додајте број од стране (ако на странама имају бројеви); па тако даље редом (...) ако би која ријеч више пута била, то неће бити од штете, него ће бити добро (...) али ријечи које би врло често долазиле не треба свагда записати, већ као ради особите фразе у којој је (...) Имена и презимена као и имена мјеста биће нам врло драга, такође и имена којима се каже из којег је ко мјеста (...) К ономе што написах о купљењу ријечи треба још да додам да у свему том мислим само *ријечи књижевне*, а не народне које се већ налазе у Вукову рјечнику; али ради особите фразе у којој би била и така народна ријеч, *добро* би било и њу записати» (Књ. Ћ. Д. 1976: 302–303).

2.3.6. Из цитираног навода је видљиво да Даничић, поред технике бележења речи за речник, излаже и целокупну стратегију њиховог скупљања: на листиће се издвајају само речи «које могу пристати у наш језик» (по Вуковом начелу «опћени-те правилности»), по могућству у разноврсним примерима који показују сво богатство њихове употребе; речи које се јављају често (и чији се контексти понављају) бележе се само у диференцијалним примерима, «ради особите фразе» у којима се налазе. На ономастику треба обратити нарочиту пажњу. Коначно, речи које се бележе треба да буду махом књижевне; од народних треба узимати само оне речи и значења која нису позната Вуковом *Рјечнику*. Сродне садржине су и друга писма која датирају из 1867. и 1868. године.

2.3.7. Оваквом разменом између Даничића и Новаковића, у оквирима Друштва српске словесности и Југославенске академије, започиње друга етапа у развоју савремене српске лексикографије.

Новаковићев одговор на «Оглед Рјечника ЈАЗУ» Ћ. Даничића (1878)

2.4. Сарадња Даничића и Новаковића наставља се до 1878. године, када из штампе излази *Оглед Рјечника ЈАЗУ*, Даничићев спис којим се најављује прва свеска речника Југославенске академије и демонстрира нацрт савременог речничког чланка. Даничић је искористио *Оглед* да заокружи и утврди властиту лексикографску концепцију; док је, са друге стране, Новаковић, пишући реаговање на *Оглед*, први пут самостално артикулисао сопствене лексикографске ставове.

2.4.1. У реаговању на Даничићев *Оглед*, Новаковић иступа као историчар и теоретичар лексикографије. Појашњавајући карактер *Огледа*, он одређује место овог дела међу другим речницима тога времена који обрађују лексику штокавског наречја, као и његов однос према тадашњим могућностима и потребама лексикографије. Са друге стране, Новаковић користи ову прилику да, на основи урађеног, истакне потребу за изградом речника савременог језика по сродним, научним принципима. На тај начин, Новаковићев одговор на Даничићев *Оглед* има и карактер лекси-

кографског манифеста, објаве скорог почетка рада на тезаурусном речнику српског језика.

2.4.2. Новаковићево реаговање на *Оглед* Ђ. Даничића може се, тематски, поделити на три целине: питање хронолошких етапа српске лексикографије, питање допуна Вуковој лексикографској концепцији, и питање временског оквира савременог речника.

2.5. У сагледавању Даничићевог *Огледа* и његовог значаја за филологију, тврди Новаковић, као основно питање поставља се његово историјско одређење у развоју дотадашње лексикографије. У складу с овим, може се говорити о три хронолошке етапе.

2.5.1. *Прву етапу* обележавају тзв. «шокачки речници» махом дубровачких лексикографа, као дела која антиципирају идеју о томе да у речнику треба да буде представљена «целина» језика. *Другу (прелазну) етапу* у развоју савремене лексикографије репрезентује Вуков *Рјечник* из 1818, као јединствена и заокружена целина. Вуку се мора одати признање, тврди Новаковић, што је српску лексикографију покренуо напред, пре свега тиме што је као њену основицу поставио *народни језик* и тиме задао ударац рускословенској традицији писања, чиме је створио речник «народнога говорног језика и језика народне традиционалне (усмене) у свем народу познате и усвојене литературе» (с. 170). Међутим, Вуков *Рјечник*, по методологији израде, остао је врло сродан «шокачким» речницима прве етапе, превасходно по томе што није до краја разрадио поједина крупна језичка питања (тако се нпр. у *Рјечнику* не бележе лексичка одступања у дијалектима, нити се даје опис «положаја речи према родбини» (према руском и старословенском), и сл).

2.5.2. Узимајући изложено у обзир, не чуди што *трећа (савремена) етапа* развоја српске лексикографије, којој припада Даничићев *Оглед*, почиње признањем да за представљање језика у описном речнику није довољна Вукова лексикографска концепција. Да би се у лексикографији успоставила савремена стручна начела обраде лексичке грађе, Вуковој концепцији потребне су, према Новаковићу, две велике методолошке допуне.

а. *Прва допуна* везана је за равноправно представљање лексике свих социо-културних слојева у речнику. Новаковић, наиме, не посматра језик као статичан, већ као динамичан ентитет, састављен од низа језичких варијетета, које назива «круговима језика». «Кругови су ти — пише Новаковић — у свези с различитим посленим круговима. (...) Ријечи њеке и многа значења ријечи, која се налазе у проповједника, залуду ћемо тражити у математичара и физичара; другим се (донекле) ријечима пјева, а другим приповиједја; друкчији је језик судије, а друкчији радника, друкчији свакога мајстора и свакога заната. Разлика стила, коју сваки има на устима, долази много пута не од праве стилистичке (у ствари логичке и синтаксичке) него и од лексичке разлике» (с. 172).

У овом наводу, Новаковић истиче да су диференцијална обележја између језичких варијетета, која се очитују на плану лексике, заокружена контекстом друштвених активности у којима се одвија језичка реализација. Тек у свом јединству ти

варијетети, према ауторовом мишљењу, сачињавају целину појма «књижевни језик». Вук, тврди Новаковић, ове кругове није могао испитати, јер је у *Рјечнику* програмски давао само народну основицу књижевног језика. «У њему (*Рјечнику*) нити је тражити нити наћи ... све оне разне лексичке кругове, који не би требало да изостану из потпунога рјечника» (с. 171). Стога је лексички фонд затечен у Вуковом *Рјечнику* потребно типолошки допунити системским нивовима речи које стоје за појмове и термине непознате Вуковом језику¹².

б. *Друга методолошка допуна* Вуковој лексикографској концепцији везана је за представљање лексичких специфичности у дијалектима. Савремени описни речник, према овом гледишту, служи и томе да се његови корисници упознају са лексичким благом других дијалеката: «Ријечи приморскијех нико не зна у унутрашњим планинама; рјечник опет горскога становника Кома и Дурмитора зар може бити у свеуколикој потпуности познат становнику баровите Мачве?» (с. 172). Разлика у дијалектима не почива само на изворној лексици, већ и на чињеници да неки ареали трпе језичке промене у већој мери него други: «Велику разлику чини и сусједство околно, те узајмица ријечи италијанских, мађарских, турских јавно показују, како су нам разни дијелови народа под различитом комуникацијом и под различитим упливима сусједства» (с. 172).

2.5.3. У две изложене тезе о допунама Вукове концепције речника налазимо зачетак Новаковићеве теорије о динамичној реализацији језика на српском културном простору, која се, из чисто практичних лексикографских потреба, развила читавих пола века пре него што ће савремена лингвистика познати појмове «социолекта» и «жаргона». Кроз поменуту теорију, Новаковић је уобличио концепцију грађе за Речник САНУ као скуп свих видова лексичког оспољавања српског језика у његовом друштвеном (културном и територијалном) окружењу.

Новаковићева «Посланица Српској Краљевској Академији» из 1888. као еволуција његових лексикографских схватања

2.6. У деценији после реаговања на Даничићев *Оглед*, Новаковић се озбиљније посветио практичним проблемима савремене српске лексикографије. Као резултат овог интересовања настаје његова позната *Посланица Академији наука* из 1888. године, под насловом *Српска краљевска академија и неговање језика српског*¹³.

У *Посланици* из 1888. питање израде речника савременог српског језика се конкретизује и ставља у контекст језичке стандардизације; док се потреба за његовом израдом везује за институцију Српске академије наука. Истовремено, овакви поступци се методолошки образлажу те, у овом смислу, овај Новаковићев спис представља конкретни план рада на речнику савременог српског језика, као вид синтезе свих лексикографских и уопште језичких сазнања тога времена.

---

¹² За савремену разраду ове Новаковићеве идеје в. у Пешикан 1987.

¹³ *Посланица* је писана поводом стогодишњице рођења Вука Стеф. Караџића, а прочитана је на свечаном скупу Академије који је, 10. септембра 1888. године, одржан овим поводом.

2.6.1. Будући да Даничићев речник «ни по изради ни по намени није речник садашњег књижевног језика, него речник народног, самониклог и историјски до сад очуваног језика», тврди у *Посланици* Новаковић, приметно је да су дотадашњи лексикографски радови оставили недодирнуту читаву једну страну обраде језика. Та страна намењена је изради речника «народног књижевног језика» који би требало да обухвати последњих сто година књижевног живота (Новаковић 1888: 25–26).

2.6.2. Основна област примене овако осмишљеног речника, према Новаковићу, јесте успостављање и одржање различитих видова континуитета употребе језика: историјског, територијалног, граматичко-стилског и семантичког.

а. *Историјски континуитет*. Израдом описног речника савременог језика на једном месту нашла би се и објединила успела решења у употреби појединих лексема, метафоричких обрта, регистара и сл. На тај начин би се начинио списак «срећних» решења у коришћењу језика од Доситеја до модерних писаца, који би био од велике користи у књижевном раду.

б. *Територијални континуитет*. Стварање јединственог речника који у себи обједињује лексичко наслеђе свих дијалеката којим се тај језик говори, имало би за циљ књижевно јединство на широком говорном подручју.

в. *Грамматичко-стилски континуитет*. У *Посланици* из 1888. први пут налазимо тезу да овако сачињен речник може послужити као широко фундирана основа граматичко-стилске стандардизације српског језика. Новаковић прецизира области у којима би се речник у овом смислу могао користити: то су синтакса падежних облика, фразеологија глагола, употреба именских и глаголских облика, стилистичка парадигма («може се знати, и за то треба да се зна, шта је то српски стил», с. 37), и сл.

г. *Семантички континуитет*. Посебну пажњу Новаковић обраћа семантичкој парадигми речи, као пољу које је «овде онде само узгред додиривано, али у њ нико није дубље загазио, нити га с пажњом расправио» (с. 39). Разрађивање питања о значењима речи у речнику, као и о синонимима (речи са сродним значењима) доведше не само до знања о томе како сваку реч «употребити тамо где треба», већ и до општег развитка и богаћења књижевног језика.

2.6.3. У трећем поглављу *Посланице* Новаковић разматра питање односа књижевног језика према дијалектима, које чини основицу устројства речничке грађе. Износећи тврдњу да у сваком народу постоје дијалекти, али да нема тог народа који би «у свом народном књижевном језику могао имати све своје народне дијалекте»; Новаковић оцртава два језичка идиома: *народни књижевни*, који представља култивацију одабраних дијалеката у књижевном језику; и *народни дијалекатски*, који представља дијалекатску подлогу штокавског наречја (с. 41). Задатак је речника да обради и представи оба идиома, водећи рачуна о томе да књижевни стави на прво место.

2.6.4. У закључку своје *Посланице*, Новаковић још једном резимира задатак *Речника народнога књижевног језика српског* као дела у коме би се, «с критиком и разбором, изложило и изнело све што је до сад одабрани део литературе урадио за

лексичко развиће и усавршење народног књижевног језика»; тј. «изнело и представило садашње стање народнога књижевног језика српског» (с. 78 и д.).

«Предлог Српској краљевској академији» (1893), оснивање Лексикографског одсека и почетак рада на великом Академијином Речнику

2.7. Последње две деценије 19. века обележене су практичним радом С. Новаковића на оснивању Лексикографског одсека, у чијим оквирима ће доћи до првих конкретних корака на изради великог Академијиног Речника. У том смислу, његов Предлог да се отпочне купљење грађе за академијски Српски Речник, и да се за тај посао установи у Академији Лексикографски одсек из 1893. године представља дело које, у години основања Одсека, сумира и конкретизује оно што је аутор, говорећи о тој теми, у претходним навратима већ изрекао.

2.7.1. На основу претходно уобличених принципа, С. Новаковић је у Предлогу изнео методологију формирања корпуса великог Речника српског језика, која би се могла сумирати у следећим тачкама:

а. *Историјско-стилски критеријуми*. У историјској перспективи, утврђује Новаковић, скупљање грађе за Речник САНУ почиње од Доситеја и продужава се до наших дана; док се избор савремених писаца чија дела улазе у корпус Речника одвија према критеријумима чистоте њиховог језика, способности «самосталног владања језиком» и «творне моћи у језику».

б. *Лексичко-стилски критеријуми*. Главни део Предлога, на коме је засновао своју лексикографску концепцију, С. Новаковић је посветио изради принципа формирања речничког корпуса, који су послужили као основ свеобухватне експерпције речничке грађе. У овом одељку рада, по први пут јасно је формулисан концепт, код Ј. Стејића дат само у грубим цртама, о великом Академијином Речнику српског језика као лексикографском делу у коме се обрађује сва разноликост лексичких аспеката књижевног и народног језика. С. Новаковић предлаже да се, уз помоћ нарочитих упитника, из народног језика поцрпу речи везане за све аспекте народног живота «у оним посебним круговима, на које је он подељен»: «од лова и риболова па до куће сеоске и градске, до сточарства и ратарства, до млинарства и до свих заната ... шуме и шумарства, виноградарства и винарства, ракицинице и казана, баштованства, воћарства и пчеларства».

в. *Критеријуми тематско-стилске разуђености књижевног језика*. У свом Предлогу, С. Новаковић је најпре истакао значај писане речи за развој српског књижевног језика, који стоји као подлога савременог описног речника. Према овом аутору, број речи присутних у језику књижевности, које до сада нису лексикографски обрађене, чак десетоструко надмаша број речи присутних у народном језику (Новаковић 1893: 5а). Задатак новог Речника српског језика, према томе, био би не само да обухвати сву различитост његових дијалеката, већ и да са нарочитом пажњом обради «књижевни тип» српског језика, пружајући тиме потоњим генерацијама основ за територијално и социјално јединство на језичкој основи. На овом задатку, истиче С. Новаковић, велики Речник треба да сабере најбоље стандарде језичке употребе,

служећи као регулатор његове норме и пружајући што потпунији увид у историјски процес при коме се «народни језик ... претворио у књижевни» (Исто).

* * *

2.8. Посматрано са становишта српске историјске лексикографије, Стојан Новаковић представља личност у којој су се, у једном за нашу науку преломном времену, срећно спојили луцидност и акрибичност великог научника и ауторитет академски и друштвено утицајног човека. Захваљујући успешној реализацији скупа оригиналних лингвистичких идеја, којима почиње лексикографија савременог српског језика, његов допринос раду на великом Речнику постао је неизмеран; а његов научни дух остао је да лебди над радом у Лексикографском одсеку и у дубинама 20. века.

3. Трећа етапа (1899–1913)

3.1. Трећа етапа историјског развоја савремене српске лексикографије обухвата време од почетка 20. века па до Првог светског рата. Овај период обележен је првим обимним скупљањем лексичке грађе за Речник Српске академије, према основама које је зацртао Новаковић. Захваљујући том раду, за непуне две деценије прикупљен је корпус од преко милион лексема из књижевног и народног језика. Истовремено, на основу искуства појединих скупљача у формирању већих збирки речи (од 5000 до 250 000 лексема), дошло се и до првих методолошких сазнања о акценатској, граматичкој и семантичкој обради језика у описном речнику; а приређена је и издата прва *Огледна свеска* овог Речника (1913). На овај начин, поред теоријске организације корпуса великог Речника, чија је разрада својствена другој половини 19. века; на прелазу из 19. у 20. век долази до његове практичне организације, кроз сређивање и обраду велике количине нове грађе пристигле у Одсек.

«Позив и упутство за купљење речи по народу за Речник Српске краљевске академије» (1899) као вид семантичке организације речничког корпуса

3.2. Теоријом о «лексичким круговима језика», С. Новаковић је уобличио метод класификације лексике према тематским областима, гранама људских занимања и различитим типовима текстова. Конкретним предлогом (из 1899) да се за посао купљења нових речи у говорном (и писаном) језику израде нарочити упитници који ће, у складу са овом теоријом, обрађивати терминологију широког спектра људских занимања и заната, као и захтевом да се у овом послу не изостави ни један аспект народног живота (ни у социјалном ни у географском смислу те речи), Новаковић је показао синтетички дух и начинио прве кораке према детаљној семантичкој организацији корпуса великог Речника.

3.3. У складу са Новаковићевим замислима, секретар новооснованог Лексикографског одсека Момчило Иванић је, 1899. године, у *Српским новинама* објавио *Упутство за купљење речи по народу*, програмски чланак који је позивао књижевнике, професоре, свештенике и друге припаднике српске интелигенције да сабирају, об-

рађују и Лексикографском одсеку шаљу народне речи којих нема у постојећим речницима српског и хрватског језика. Судаћи према тексту *Упутства*, који представља конкретну реализацију теорије о лексичком раслојавању језика, од скупљача се тражило да речи локализују, обраде и разврстају према припадности појмовно-семантичким доменима. Истовремено су, унутар самог Одсека, по истом принципу сабиране и дефинисане речи из књижевних дела, научних студија, објављених терминологија, двојезичних речника и других типова текстова.

3.4. Сам текст *Упутства за купљење речи* састоји се од два потпоглавља: «Општим напомена» и «Речи по групама предмета и појава». У «Општим напоменама» дате су смернице скупљачима народних речи за њихову техничку обраду, путем захтева да се уз речи наводе подаци о месту где је реч забележена, њеном акценту, граматичким облицима и дијалекатским особеностима. Будући да се од скупљача изричито тражи и то да свакој речи «тачно опише и протумачи значење, било оно стварно, пренесено или мислено», у делу «Упутства» под називом «Речи по групама предмета и појава», изложено је 99 семантичких класа појмова (са низом подкласа), у чије оквире би, према општем значењу, скупљачи требало да сместе све забележене речи.

3.4.1. Поменуте семантичке класе, од којих су многе и до данас остале плодна тема за семантичка истраживања, нису набрајане насумце, већ у извесном концентричном поретку који има задатак да обухвати сву потпуност народног живота у свим његовим аспектима. На тај начин, пажња скупљача се усмерава на следеће групе речи: «климате и годишња времена»; «мање познате речи за минерале», «метафоре, фигуре и изреке народне које су узете из минералнога света, нпр.: 'Није све злато што се сија'»; затим «делове биљака (дрвета) и делове тих делова», «споредне производе од шума (дрвени угаљ, катран и др.)»; «врсте и сорте воћа», њихово «навртање (калемљење)», «сађење и подизање»; «врсте грожђа» и «разних вина»; «врсте и сорте жита и осталих усева», те «метафоре, фигуре или изреке народне, узете из биљнога света, нпр.: 'Здрав као дрен'; 'Драг ми је као лук очима'»; затим «речи које се употребљавају у сточарству уопште», нпр. «имена која дају пастири стоци»; «имена која се придевају медведи, вуку, лисици, јелену, кошути и сл.». Од скупљача се још траже и речи везане за «радове и алате у столарници и стругарници», за «разне врсте оружја и њихових делова»; затим речи за «боравишта људска (колиба, кућа, кула итд.)» и «њихове делове (одаја, зид, врата итд.)»; али и називи за «поједине делове људскога и животињскога тела»; па и речи везане за многе видове интелектуалног и духовног живота народа: «необичније речи за чулна опажања», за «разне врсте осећања», за «мисаоне (апстрактне) појмове (памет, разум, ум, дух, свест, жеља, воља итд.)», и многе друге групе појмова (Иванић–Ђорђевић 1899: 5–13).

3.4.2. На основу изнетог, видљиво је да Новаковићева теорија, која је реализована у *Позиву и упутству*, полази од становишта да се у средишту језичког система налази појам, око кога се групишу његове лексичке варијације (метафоре, изрази, изреке и сл.). Основни принцип овог груписања, као и језичког раслојавања, услов-

љен је семантички. Придружујући концепцији социо-културних слојева српског језика димензију његове семантичке организације у свој дубини своје појмовне раслојености, аутори *Позива и упутства* су направили значајан помак – од теоријске концепције формирања речничког корпуса, ка концепцији његове тематске организације и коначне лексикографске обраде.

Збирке народних речи и њихов утицај на методологију речничке обраде

3.5. У времену непосредно после штампања *Позива и упутства*, прилив збирки речи у Академију је у знатној мери повећан. Те исте 1899. године, у Лексикографском одсеку се стекло 352 964 речи, да би у првој деценији 20. века Академија располагала са преко 180 збирки из разних крајева штокавског говорног подручја.

3.6. Збирке народних речи које су, у првој деценији 20. века, пристигле у Одсек као одговор на *Позив и упутство*, дале су не само слику тематских области реализације народног језика појединих ареала, већ и добар увид у то које је лингвистичке информације требало да садржи модерни лексикографски чланак. У времену пре увођења структуралистичке парадигме у лингвистику, ове збирке речи су представљале прву (и једину) анализу лексичког корпуса, прво осветљавање језичке материје, као и прве увиде у лексикографску обраду језика.

3.6.1. Тако је, на пример, српски књижевник Јован Јовановић Змај, својом великом збирком од преко 8.000 речи посвећеном језичком стваралаштву, скренуо пажњу на то да творби нових речи, нарочито сложеница, у описном речнику треба посветити нарочиту пажњу и засебан тип дефиниције. Наиме, за разлику од већине других сакупљача народних речи за Речник САНУ, који су се, у својим збиркама, везали за лексику појединих ареала, Змај је прикупљао речи које су производ индивидуалног језичког стваралаштва (нпр. **додуварити**: «дотерати (некога) до дувара, притеснити»; **берићетник**: «срећан човек»; **мимосвет**: «човек који се понаша друкчије од осталих»; **босоглав**: «ћелав» и сл.). Својом великом збирком, Змај је скренуо пажњу на то да народна лексика не мора представљати лексичку базу говора једне територијално омеђене целине, већ и манифестацију језичке креативности говорника који су се нашли у различитим разговорним ситуацијама.

3.6.2. Са друге стране, збирка од око 20 000 речи пореклом из Старе Црне Горе Андрије Јовићевића обогатила је методологију лексикографске анализе тиме што је прва упутила на бројне специфичне аспекте творбе речи, попут грађења глаголских именица (*азуравање, алакање, баречење, баџигање, вавукање, воскање, гаркање, гилићање, главобољање, насаврдавање, ћефљење, шушкоренење* и сл.); или творбе перфективних и имперфективних глагола (*бестимати, брецнути, мижђети, накобечити се, облизнути, омргинити се, осекнути се, процушкорити* и сл.). Поред овога, збирка А. Јовићевића скренула је пажњу и на богатство дијалекатских варијаната (*аирли – хаирли; казивати – кажевати; кашитигати – кастигати*); до тада незабележене префиксалне облике (*накужевати* ум. *скужевати*); па чак и на различите дијалекатске варијанте функционалних речи, нпр. узвика (*боф, бофа, боха*).

3.6.3. Ипак, од спољних сарадника Одсека, раду на великом Академијином речнику највише је допринео Владан Арсенијевић, професор Српске учитељске школе. У току последње три деценије свога живота, Арсенијевић је сакупио и обрадио (акцентатски, морфолошки и семантички) преко 250 000 речи које је похранио у неколико тематских збирки (животиње, биљке, минерали, метеорске појаве, митске представе и сл.). На основу овог лексикографског искуства, В. Арсенијевић је изнедрио и методологију израде општег речника која се, у својим најглавнијим цртама, уградила у основ методологије израде Речника САНУ.

а. Арсенијевић је, у значајној мери, прецизирао и у пракси уобличио Новаковићево теоријске поставке, тиме што је указао на све *језичке* елементе тематске организације лексикона. Тако се, под једним појмом (нпр. *језик*) у његовој збирци налазе: изведене речи (*језичак, језичина, језичница, језиковати*); пословице (*Једна глава, хиљада језика*); узречице (*стоји ми наврх језика*); народне песме (*Ој ти зрно шенично! / Ти не буди језично, / Па ћеш бити честито; / Ако л' будеш језично, / Не ћеш бити честито!*); синонимни појмови (*језичак = реса*); делови других појмовних апарата: *језичац = клатно = звечак*, и сл.

б. Поред изложеног, припадници ауторског колектива Речника САНУ и данас цене Арсенијевића због велике акрибије: бројна техничка решења, која се користе у обликовању речничког чланка, такође су настала угледањем на његову збирку: навођење лексичких дублета у одредници (нпр. *корњача = чанчара*), обрада фразема као засебних лексичких јединица, обрада функционалних речи, лексике дијалекатског порекла, и др.

3.6.4. Прикупљеном грађом, као и методологијом њене обраде, поменуте (као и многе друге) збирке народних речи знатно су утицале на сазнања која су о језику стекли чланови Лексикографског одсека у првој половини 20. века.

«Огледна свеска» Речника Српске академије (1913)

3.7. На основу урађеног, у оквиру Одсека се, у другој деценији 20. века, приступило изради *Огледне свеске Српског речника књижевнога и народнога језика*, која је штампана 1913. године. Као њен аутор потписан је М. Иванић.

3.7.1. *Огледна свеска* Речника САНУ из 1913. представља крајњи домет онога што је, без сасвим оформљеног аналитичког апарата, постигнуто на његовој изради. Као прво, уобличена је и у наслову истакнута широка концепцијска основа језика који се обрађује у Речнику, заснована на наслеђу претходне епохе — чиме је, до извесне тачке, уобличен и назив самог Речника; квантитативно су и квалитативно попуњени корпуси како «српског књижевнога и пословнога језика», тако и «чисто народних речи»; а, ради што веће потпуности грађе, у њу су «с опрезношћу и обзиривошћу» уведени први хрватски писци. На тај начин, створена је обухватна концепција «садашњег књижевнога и народнога језика», чија је лексикографска обрада представљена у *Огледу*.

3.7.2. Ову концепцију, између осталог, потврђује и засебно наведен преглед извора из којих је црпена грађа. Из овог прегледа сазнајемо да основу грађе за *Оглед*

Речника чини око 110 библиографских јединица и збирки речи, које махом датирају између 1840. и 1910. године. Грађа садржи бројне референце: збирке народних речи, народних умотворина, песама и приповедака; затим драме, прозна дела, романе; па научне радове (етнографска, историјска, педагошка, религијска, филозофска, географска, математичка и друга дела); законе и друге државне списе; речнике; часописе, календаре и друга периодична издања.

3.7.3. Речнички чланак у *Огледној свесци* осмишљен је према Гримовим принципима речничке обраде, с тим изузетком што се у дефиницији користе српске, а не немачке и латинске речи. У речничком чланку се, поред етимолошких, дају и синтаксичко-стилистичке, као и прагматичке експликације значења. Поступак дефинисања лексема, међутим, није унификован, већ варира од лексеме до лексеме, чиме се, по ауторовим речима, истражују различити лексикографски методи у обради речи.

3.8. Захваљујући раду са спољним сарадницима, као и доследном поштовању Новаковићевих принципа у скупљању и обради речи, овај период лексикографског рада у Академији остао је обележен великим приливом лексичке грађе, као и бројним методолошким решењима у њеној обради, која су припремила терен за будућу, структуралистичку обраду језика у описном речнику.

4. Четврта етапа (1921–1941)

4.1.1. Четврта етапа историјског развоја савремене српске лексикографије обухвата време између два светска рата. Овај период обележен је радом Александра Белића на успостављању концепцијске и методолошке основе Речника САНУ према савременим лингвистичким принципима у лексикографији.

4.1.2. Период између 1921. године, када бележимо прву активност А. Белића у Лексикографском одсеку, и 1941. године, када у Европи избија Други светски рат, везује се за најактивнији период Белићевог лексикографског и уопште лингвистичког рада. Развијајући се као лингвиста структуралистичко-феноменолошког усмерења (у чему је највећег удела имао рад на Речнику САНУ), А. Белић је, у поменутом периоду, дао коначан облик концепцији овога речника и поставио основне смернице савременој методологији његове израде. Поред овога, А. Белић је, кроз нове приступе лексичкој грађи и начелима њене обраде, успоставио место Речника САНУ у српској култури, дајући му статус језичког стожера према коме се усмерава књижевни израз савременог штокавског говорног простора.

Александар Белић и модерна српска лексикографија

4.2.1. У историји српске и европске лингвистике, А. Белић се сматра личношћу која је у дијалектологији, упоредној словенској лингвистици, историји језика, граматици, теорији језичког система (општој лингвистици) и другим областима остварила значајне резултате. Из истог разлога, А. Белић се сматра покретачем савремених истраживања из многих од поменутих научних дисциплина.

4.2.2. Међутим, у области у којој је, кроз континуирани научни рад од преко пет деценија, оставио готово највише — у лексикографији — Белић се, готово по правилу, не спомиње или тек овлаш спомиње као зачетник и покретач модерног метода. Пошто се лексикографски рад свуда сматра колективним послом, у коме је ауторство, а посебно ауторство идеја, спорно — непомињање Белића као првог српског модерног лексикографа-практичара проистиче из немогућности да се његов рад на овом пољу изолује и засебно проучи. И друго, иако је лексикографска мисао А. Белића мотивисала и централизовала готово највећи део његових лингвистичких идеја, почев од знања о језичкој концепцији па до идеја о језичкој природи и језичком развоју, и обележила значајан део његовог живота — од 1906. године па све до смрти, већина Белићевих лексикографских радова, текстова које је о овом проблему написао и промишљања које је оставио за собом — остала је необјављена, у рукописима, најчешће у облику редакторских записа на маргинама првих томова Речника САНУ.

4.2.3. При томе се, у радовима о Белићу као научнику и његовим лингвистичким идејама, обично превиђа и то да друге области којима се он бавио имају упоришта у лексикографији. У сагледавању А. Белића као лексикографа долази се до закључка да је, у току припремног рада на Речнику САНУ, он остварио увид у системске језичке проблеме, проверио бројне теоријске поставке (нпр. о творби речи), усавршио се као дијалектолог, и увидео значај филолошког рада за лингвистичку анализу. Следствено томе, може се закључити да лексикографија и лексикологија, као и њихове граничне области (граматика, синтакса, дијалектологија) представљају најзначајнију Белићеву лингвистичку делатност, као и значајне изворе његових лингвистичких знања.

4.2.4. Према свему изложеном, Белићев рад на српској лексикографији, пре свега на концепцијским и методолошким основама Речника САНУ, остаје значајно питање, не само за историју новије српске лексикографије, него и историју новије српске лингвистике у целини.

Белићев спис «Србија и јужнословенско питање» (1915) као концептуална основа Речника САНУ

4.3.1. Иако почетак Белићевог рада на Речнику САНУ пада у 1906. годину (када је, истовремено, изабран за члана Српске академије наука и секретара Лексикографског одсека); његов први оглед из теорије лексикографије налазимо 1915. године, у спису *Србија и јужнословенско питање*. Спис је издат непосредно по завршетку Првог светског рата (још су трајале неке борбе), у Нишу, као властито издање и рукопис. На овом месту Белић излаже мисли о језичком јединству штокавског говорног подручја, које ће се, у форми лексикографског концепта, уградити у основу Речника САНУ.

4.3.2. Језгро ове Белићеве књиге посвећено је језичким питањима, а као њихово решење нуде се лексикографски принципи. Као такав, спис *Србија и јужнословенско питање* ослања се на Новаковићеву *Посланицу* из 1888. Иако у *Предговору*

овог списа А. Белић напомиње да је прилика за писање књиге «плод момента[л]не потребе» – ипак се «у основици овог дела налазе погледи пишчеви којих се он држи, у питањима јужнословенским, већ много година» (Предг., с. 3) – из чега можемо закључити да је његов рад у Лексикографском одсеку у првој деценији 20. века био посвећен управо филолошко-историјским основама Академијиног Речника.

4.3.3. У спису *Србија и јужнословенско питање* А. Белић нарочито истиче две тезе: о језичком јединству српскохрватског језика, и о књижевно-културним покретима који стоје као основа овог јединства.

а. Позивајући се на чињеницу да је *Рјечник ЈАЗУ*, као историјски речник «хрватског или српског језика», написан на материјалу из црквених споменика некадашње Рашке; на повељама, хрисовуљама и писмима српских владалаца; на целокупној књижевности Дубровника и Далмације; коначно, на народним умотворинама са читавог штокавског говорног подручја – А. Белић извлачи закључак «да су уредници овога речника, исто као и његов издавалац, његов духовни патрон, Југославенска Академија, сматрали да је хрватски језик идентичан са српским језиком». Из самог назива «српскохрватски језик» Белић, овим, не искључује полицентризам: он тврди да га, историјски, могу сачињавати и штокавски и чакавски дијалекат, али да су се разлике између њих данас изгубиле (у корист штокавског). Стога, сагледан у односу према другим јужнословенским језицима, српскохрватски језик нема разлога за даље поделе (Белић 1915 [1999]: 14–15): «(То да) ... назив хрватски значи и српски, и обрнуто, потврђује (се) и при микроскопској научној анализи. При свођењу данашњих језичких особина на старије, када се све одбије што представља природно, у лингвистичком смислу, продужење старијих особина, долазимо до једног извора из којег су потекла оба језичка потока: и штокавски и чакавски. Како штокавским дијалектом говоре и Хрвати и Срби, а чакавским само Хрвати, то ја називом српскохрватски језик не означујем штокавско-чакавске дијалекте него један језик по пореклу, чијим данашњим дијалектима говоре они који се називају Србима и Хрватима» (подвукао: Н. И.).

б. Према овом становишту, српскохрватски језик обухвата три наречја. Првим, по географском положају, **источним говором** говори се у већем делу северне Србије: тај се говор, нарочито својим централним делом, шумадијским, пружа, у потпуности, у *Срем, Бачку и Банат*. На тај начин, те српске земље улазе, по својој језичкој формацији, у једну целину са северозападном Србијом од Мораве до Дрине (с. 22). Друга група још је много већа, иако није компактна као прва. То је **јужна дијалекатска група**. Она обухвата југозападни део Србије до великих планина од Цера и Рудника и до реке Груже и Ибра. Према Србији тај дијалекат заузима у компактној маси стари Санцак новопазарски, Црну гору и део Босне, Херцеговине и Далмације до реке Босне и Неретве. Најзад, на западу Босне и Херцеговине колевка је треће модификације горњег српскохрватског дијалекта, **западног**. И носиоци тога дијалекта, из истих узрока као и представници јужнога, померили су се у Славонију, Хрватску и Далмацију (с. 23).

в. Посебну пажњу у спису *Србија и јужнословенско питање* А. Белић посвећује опису јединственог културолошко-књижевног оквира овако оцртаног језика. Успостављање овог оквира поклапа се са културним јачањем Београда, који средином 19. века постаје политички центар слободне кнежевине Србије, и почиње да доминира као стожер књижевног рада на целокупном штокавском подручју. Овом процесу највише доприноси књижевна омладина, која се окупља око часописа *Словенски Југ* и *Српски књижевни гласник*, као и око јужнословенских изложби. Националне институције (Музеј, Библиотека, Универзитет) претварају се у институције за изучавање културе Балкана и јака национална језгра. Коначно, за основицу и стандард тако формираног књижевног језика узима се екавско наречје (с. 30–44).

4.3.4. На овај начин, Речник Српске академије наука представљен је, у концепту, као речник јединственог, српскохрватског језика – који је, у стилском, акценатском и другом смислу, централизован око Београдског културно-језичког круга.

Рад А. Белића на Речнику САНУ у периоду 1921–1941

4.4.1. Са списом *Србија и јужнословенско питање*, у А. Белићу сазрева она снага разлога која ће га мотивисати да предложи израду речника на претходно постављеним методолошким и културолошким принципима.

4.4.2. Прилику за то Белић добија 1921. године, када му Председништво Академије наука упућује позив да поднесе своје мишљење о дотадашњем и даљем раду у Лексикографском одсеку. Белић користи ову прилику да Председништву Академије упути предлог даљег програма рада на Речнику САНУ. Из Академијиног *Годишњака* за 1921. сазнајемо да је предлог прихваћен: руковођење посла око Речника Академија је поверила своје члану, А. Белићу; док је Лексикографски Одбор попуњен члановима Р. Кошутићем и Х. Барићем (*Годишњак* 1922: 223).

4.4.3. На основу увида у речничку архиву, убрзо се дошло до закључка да се не може приступити изради Речника без поновног довођења у ред грађе, као и њеног попуњавања из дела савремене књижевности, термилошких речника, као и из нових збирки народних речи. Стога је, за један од првих задатака у обновљеном Лексикографском одсеку, А. Белић одредио прегледање прикупљеног материјала и његовог сређивања према утврђеним принципима.

4.4.4. О основним начелима скупљања грађе, као и о нацрту Речника САНУ у овом периоду можемо сазнати и из Белићевог чланка «Књижевни језик српскохрватски» у *Енциклопедији српско-хрватско-словеначкој* С. Станојевића. У овом чланку, Белић резимира инхерентне законитости књижевног језика, према коме се у том времену равнају и скупљачи грађе за Речник Српске академије: језик следи начела «опћените правилности облика и гласова» у оним границама које је одредио Вук; из црквеног језика у савремени могу се унети речи само у случајевима када одговарају фонетским, морфолоким и творбеним законима народног језика: *конац*, *начело* и сл; нове речи, терминологија посебно, не смеју се градити насумице (у недостатку бољих, у ту сврху се могу узимати стране речи); турске и друге стране

речи, које је народ унео у језик, могу се гонити из језика тек кад им се нађе добра народна замена. За даљи рад на Речнику САНУ нарочито је важна констатација да народни језик остаје основ богаћења књижевног, са том оградом да покрајинске речи могу постати општекњижевне тек када их већина књижевника прихвати и примени у свом раду (Белић 1925: 348).

4.5.1. У Лексикографском одсеку под Белићевом управом интензивно се ради, током друге и треће деценије 20. века, на скупљању и сређивању речи по изложеним принципима. Из извештаја о раду Лексикографског одсека у овом периоду сазнајемо да је сваке године исписано, поправљено и сређено од 50 000 до 200 000 листића. Истовремено, успостављају се и општа методолошка начела лексикографске обраде језика.

4.5.2. Основу Белићеве лексикографске концепције у периоду 1921–1941. чини померање од теоријских начела о изгледу и функцијама речника према примењеним принципима речничке израде. С тим у вези, Белић је свој рад на Речнику засновао на две групе научних принципа: концепцијским – о општој природи и структури језика који стоји у основи описног речника; и методолошким – о начину обраде тога језика у речничком чланку.

а. На *концепцијском плану*, Белић је, на основу историјских сазнања о употреби јединственог књижевног језика на штокавском говорном подручју, грађи за Речник САНУ прикључио и обиман корпус савремених хрватских књижевника који су, у времену од Илирског покрета до најновијег времена, свој рад засновали на Вуковим начелима. Овим је значајно проширена и употпуњена културна основа Речника САНУ, а његов назив, у складу са овим, промењен је у речник *српскохрватског* језика. Белић је, у истом духу, поставио и начело да у тако конципираном речнику треба обрађивати све речи које су се одомаћиле у савременом књижевном и народном језику нове епохе, чиме је из српске лексикографије протерано начело језичког пуризма и оворен пут обради усвојених страних речи, жаргонизама, колоквијализама и других типова лексике.

б. На *методолошком плану*, Белић је, као примарно, развио **феноменолошко начело** посматрања и обраде грађе. Ово начело подразумева да грађа сама треба да покаже инхерентне законитости у језику без да јој се намећу предефинисани лингвистички контексти. Тиме је успостављен један од основних савремених принципа у изради Речника САНУ.

в. У складу са овим, Белић је дефинисао три засебна типа лексикографских послова, који, узети заједно, чине основ савремене обраде језика у описном речнику. Први тип послова везан је за утврђивање *свих граматичких детаља који се тичу одређене речи*: њене промене, акцента, књижевног облика, творбеног типа, и сл. Други тип послова везан је за *дефинисање значења и употребе обрађиване речи према синтаксичко-семантичким и прагматичким принципима*. И коначно, трећи тип послова везан је за *унификацију свих лексикографских поступака у систем правила за обраду речничке грађе*.

4.5.3. Коначно, 1937. године, на основу грађе од 2 184 395 листића из 595 090 извора (књига, збирки речи, бројева новина и часописа и сл.) А. Белић најављује дефинитивну редакцију и објављивање речника књижевног и народног језика у 6–8 књига обима Вуковог *Рјечника* (око 350 000 речи). Овако осмишљен речник заснован је на следећим филолошко-лингвистичким принципима:

а. Речник Академије обухвата књижевни језик од реформе В. Карацића, као и народни језик, уколико му може послужити као допуна.

б. Речник не може сам по себи бити нормативан. Њиме се износи *стање* језика од Вука Карацића и Људевита Гаја, онако како се огледа у нашој књижевности.

в. Речник не показује само развој језика, већ служи и као средство разумевања књижевности и других писаних текстова.

г. Иако није нормативан, уредници ће у овом речнику имати задатак да успоставе хијерархију у лексичком систему, показујући шта је од речи, синтаксичких и фразеолошких конструкција односно обрта неправилно, шта против духа нашег народног језика, шта непотребно позајмљено и сл. (Белић 1937: 130–131).

* * *

4.6. Захваљујући реализацији скупа прогресивних идеја о језичкој природи и развоју, Белић је конституисао српску модерну лексикографију као самосталну примењену дисциплину, одвојену од утицаја позитивистичких школа 19. века и њихових метода језичке анализе, и поставио основу Речнику САНУ као модерном лексикографском делу. На овај начин, лексикографски рад у првој половини 20. века не оцртава само Белићев научни портрет, већ и осветљава генезу његових идеја, које су, током времена, еволуирале у многобројна и разноврсна научна знања и увиде.

5. Пета етапа (1941–1944)

5.1. Пета етапа историјског развоја савремене српске лексикографије обухвата период Другог светског рата и Србије под окупацијом. У овом периоду долази до финализације обе групе принципа које конституишу Речник САНУ као савремено лексикографско дело: принципа организације речничког корпуса; и принципа на основу којих се, доследним коришћењем лингвистичких метода, обликују речничке одреднице. Стога се, као резултат поменуте етапе, по први пут у савременој српској лексикографији појављује потпуно формализован систем израде описних речника – којим се, у другој половини 20. века, поред Речника САНУ израђују и други једнојезични речници пореклом са штокавског говорног подручја.

Рад у Лексикографском одсеку током Другог светског рата

5.2. У односу на лексичку концепцију Речника САНУ као лексикографског дела које обухвата говоре пореклом са штокавског говорног простора и уједињује их у једном књижевном идиому — период између 1941. и 1944. доноси регресију поме-

нутих начела. Наиме, у складу са основном одликом културно-политичке климе у Србији под Окупацијом — култивисањем антијугословенских тенденција — концепција Речника САНУ у овом периоду враћена је на «класични српски језик», коме у средишту стоје Вуков и Његошев израз.

5.3.1. У Академији је, под оваквим околностима, убрзо постало јасно да ће се око рада на Речнику Српске академије, као највећем националном језичком пројекту XX века, развити одсудна борба, која ће, својим исходом, дефинисати правац културне политике Србије у потоњем времену. Стога је разумљиво што је постојала општа сагласност да Речник САНУ, у таквом виду (као «речник класичног српског језика»), не сме изаћи до краја рата, како не би оснажио културне тежње прелазне власти и тиме, на нивоу највише научне установе код Срба, поткопао идеју уједињења јужнословенских народа, као и идеју јединственог језика на штокавском говорном подручју.

5.3.2. Из ових разлога, уместо Речника Српске академије (чији скори излазак још 1937. године најављује А. Белић), рад у Лексикографском одсеку под Окупацијом свео се на израду Огледне свеске тога Речника. У току израде Огледне свеске, опет, прибегавало се сталним ревизијама лексикографског посла: консултацијама са спољним сарадницима, новим прикупљањима грађе, расправама око акцената и сл., које су трајале безмало четири године.

5.3.3. Захваљујући оваквом, тенденциозно спором и детаљном раду, *Огледна свеска* Речника САНУ изашла је из штампе тек на јесен 1944. године, непосредно пред Ослобођење. Тада она више није имала политичку, већ само стручну вредност. Истовремено, током четири године оваквог рада у Лексикографском одсеку завршени су обимни технички послови који су се уградили у рад Одсека и после ослобођења: унификована је и систематизована лексикографска обрада, израђен прецизан нацрт речничког чланка, а сагледане су и грешке и исправљени многи дотадашњи пропусти.

«Оглед Речника српског књижевног и народног језика» (1944) и његов утицај на развој савремене лексикографије

5.4.1. Нову и «по свему лингвистичку» концепцију *Огледа Речника српског књижевног и народног језика* из 1944. године његови аутори (Хенрик Барић, Милош Московљевић, Радосав Бошковић, Кирил Тарановски) изложили су у *Уводу*, где су као своје основне задатке поставили реформу две групе принципа: принципа формирања корпуса за Речник, и принципа лексикографске организације тога корпуса.

5.4.2. Принципи организације речничког корпуса, којима је у *Огледу* из 1944. године посвећена нарочита пажња, изложени су као низ формалних критеријума за уобличавање и сортирање речничке грађе. Док се једни критеријуми начела баве организацијом грађе са функционалног аспекта; други се тичу принципа на основу којих се, доследним коришћењем научне методологије, обликују јединице лексичког система. Другим речима, у *Огледу* из 1944. године подједнака пажња поклоњена

је и општој природи језика у сложенем односу његовог књижевног и народног идиома, на којој се темељи лексикографски концепт претходне епохе; али и његовој унутрашњој структури, чије темељно испитивање доводи до теорије о лематском саставу Речника. Узимајући у обзир свестраност научне методологије изложене у *Огледу*, стога не чуди ни то што су се оба типа принципа, у виду формалних правила, уградила у базична начела на којима се заснива обрада речничке грађе у нашем времену.

5.5. У *Огледу* из 1944. године, начела формирања и организације речничког корпуса изложена су у следећим тачкама:

5.5.1. Речничка грађа на основу које је израђен *Оглед*, према речима његових аутора, ограничена је на три начина: *фактички, историјски и лингвистички*.

а. Задатак *фактичког ограничења речничке грађе*, под претпоставком да се она заснива на довољно широким основама, јесте да, системски и формално, ту грађу изједначи са самим језиком. Фактичком ограничењу наша савремена лексикографија има да захвали за једно од својих основних начела: да оно чега нема у речничком корпусу, нема ни у самом језику кога тај Речник представља. Међутим, за разлику од језичког система који је практично неограничен, грађа за Речник, због свог ограниченог обима, треба да буде и култивисана, односно бирана према способности да осветли различите језичке појаве. То заправо значи да у речнички корпус треба сврставати најбоље, са лингвистичког становишта најинтересантније, а не све уочене примере.

б. О питању *историјског ограничења грађе* која улази у састав Речника, аутори *Огледа* су се сложили са мишљењем С. Новаковића да Речник треба да садржи само језик наше нове књижевности, почев од Доситеја до данашњих дана. Са друге стране, задатак је Речника да што потпуније представи овај језик, његов «књижевнички, песнички, говорни, пословно-административни, научни, стручни и новинарски стил» (стр.: х).

в. Сав преостали материјал, према речима аутора *Огледа*, посматран је кроз призмину женевске лингвистичке школе – што значи да је из њега, лингвистичким филтрирањем, издвојено само оно што је спадало у **језички систем** (*langue*). Ово је, пре свега, значило решавање статуса хапакса (индивидуално употребљених речи), који су били прилично бројни у прикупљеној грађи. Према образложењу аутора *Огледа*, хапакси не припадају језику као систему, већ индивидуалним, «више стилским него језичким» творевинама, које карактеришу **језик појединца** (*parole*); и стога је разумљиво што ове речи не треба да уђу ни у Речник, који представља експонент језичког система.

5.5.2. У *Огледној свесци* из 1944. опсежно су размотрени и одређени проблеми у формирању леве стране речника, који су задавали тешкоће како скупљачима грађе за Речник, тако и њеним обрађивачима. Наиме, није лако одговорити на питање да ли засебан статус одреднице (па, према томе, и своје место у речничкој грађи) могу задобити оне изведенице које су добијене граматичким варирањем мотивних речи, попут глаголских именица или присвојних придева на **-ов** и **-ев**. Разматрајући ово

питање, аутори *Огледа* су дошли до закључка да је, у језичком систему, деривациона продуктивност обрнуто пропорционална семантичкој продуктивности: да оно што се гради «лако, готово механички и без изузетка» не представља *језичку творевину* него *језички потенцијал*, који не треба да уђе ни у грађу ни у даљу речничку обраду.

5.5.3. Захваљујући лингвистичким погледима на језик као уређен систем елемената, са *Огледом* из 1944. године у српској описној лексикографији почиње да се обраћа пажња на чињеницу да је лексички систем сачињен од скупа различитих граматичких јединица, које траже засебне приступе у лексикографској обради. Један од доказа за ову тврдњу могло би да буде нарочито опсежно разматрање о типовима фразема, чије научно регистровање и обрада представља новину у српској лексикографији. Фраземе су у *Огледу* подељене на три групе: 1) изразе без буквалног значења (*дићи кућу на главу, претурати по глави што*); и изразе с буквалним и пренесеним значењем истовремено (*трљати главу, убити кога у главу*); 2) двочлане изразе, термине, називе и сл. (језичке етикете) које се могу заменити једном речју: *крунисана глава*; и 3) двочлане синтагме, најчешће придеви и именице, са помереним значењем код једног члана: придева (*главни пријатељ, главни усев*), односно именице (*водити главну реч, у главним цртама*). Свака од поменутих група семантички је обрађена на други начин.

5.5.4. Сазнања о организацији језика према семантичким пољима, својствена лексикографији 19. века, у *Огледу* из 1944. године продубљују се, систематском употребом квалификатора, сазнањима о функционално-стилској интерпретацији речи. Поред квалификатора «књижевно» и «говорно», који већ одраније чине основ оваквих подела, у *Оглед* сада улазе и ознаке попут: «неодомаћено», «застарело», «неологизам», «свечано», «шаљиво», «погрдно» и др., чиме се унапређује функционална организација грађе. Употребом ових ознака, наглашавају аутори *Огледа*, «одређује се сфера у којој поједина реч има првенствено право грађанства, као и стилска вредност речи у тој сфери» (стр.: xix). У складу са овим, успостављена су и начела речничког дефинисања као обележавања општег (основног) значења и дистинктивних значења речи.

* * *

5.6. Из свега изложеног видљив је валики методолошки утицај *Огледа Речника САНУ* из 1944. на формирање модерног лексикографског чланка. У овом спису, остварени су значајнији помаци у дефинисању и представљању грађе: уочена је и истакнута разлика између енциклопедијске и лексикографске обраде речи; а одређени су и сви елементи речничког чланка и предложена њихова типска обрада. Из овог разлога, решења у обради грађе која су овде изведена касније су прихваћена готово без измене.

6. Шеста етапа (1945–1953)

6.1. Последња, шеста етапа припремног рада на Речнику САНУ обележена је Белићевим повратком у Академију, финализацијом рада на Речнику, као и писањем *Упутстава за речничку обраду* и нове *Огледне свеске* Речника (1953).

6.2. Питање репрезентативности речничке грађе са становишта савременог језика у целини, које је обележило читав век припремног рада на Речнику, заокружено је последњим низом интервенција на дотадашњим принципима њене лингвистичке организације. Од овог времена, пажња лексикографа све се више усмерава на саму лексикографску обраду, чија ће теоријско-методолошка проблематика обележити другу половину 20. века; а нове ексцерпције грађе за Речник САНУ, иако се у континуитету одвијају све до данашњих дана, само обогаћују његов корпус, не мењајући му тежиште нити начела његове уређености.

6.3. Под Белићевим утицајем, као средишње начело лексикографске анализе у овом периоду успоставља се систем обједињених, синтаксичко-семантичких принципа у обради лексема. При томе се формулише важна напомена — да се промена синтаксичке конструкције или граматичке парадигме речи мора интегрисати у њену речничку дефиницију. На тај начин, установљају се први кораци ка систематизацији комплетног језичког описа, који се представља Академијиним Речником.

6.4. Поред овога, израда нове Огледне свеске Речника САНУ из 1953. године захтевала је да се размотри читав низ питања везаних за образовање леве стране Речника. У ову сврху, Ауторски колектив Речника САНУ издаје *Упутства за обраду речничке грађе*, интерни спис који се искључиво бави различитим аспектима методологије лексикографске обраде.

6.5. Сва поменута начела истакнута су у *Уводу* у Речник САНУ (1959), Белићевом чланку који сумира рад на овом Речнику у 20. веку и даје преглед принципа на основу којих је израђен његов први том.

7. Закључак

7.1. Као што је већ истакнуто, све етапе рада на Речнику САНУ повезују заједнички филолошко-лингвистички принципи, који чине основ савременог лексикографског рада. Ови принципи се очитују преко различитих видова континуитета: концепцијског, методолошког, културолошког и институционалног.

Концепцијски континуитет

7.2.1. Први вид континуитета модерне лексикографије везан је за концепцију Речника САНУ као дела које, далеко од сваке наметнуте или претпостављене нормативности, настаје са свешћу о широкој функционалној раслојености ткива језика: раслојености кроз језичке варијетете, кроз дијалекте и кроз временске етапе. У основи ове свести стоји не-проскриптивно лингвистичко усмерење, својствено синтетичком духу Хумболтовог система мишљења.

7.2.2. Поменуто усмерење мотивисано је задатком који је пред Академијин Речник постављен још 1853. године — да треба прикупити што разноврснију лексичку грађу из њених најрепрезентативнијих извора, а на основу њега започела је еволуција лексикографских сазнања о општој природи и структури језика који ће се наћи у основи будућег речника. Представљање лексичког богатства, почев од краја 19. века, прати и свест о семантичкој организацији прикупљене грађе према семантичким пољима, која се затим екстензивно дефинишу. Другим речима, овај увид је омогућио еволуцију идеја о језичкој природи и развојку које су формирале лик Речника САНУ као лексикографског дела које даје увид у језичке процесе и промене, као и у језичко богатство на свим стратификационим нивоима.

7.2.3. У овом светлу, израда савременог описног речника почиње свешћу да се језички систем не састоји од јединица истога ранга. Основна подела на домаће и стране речи, која је присутна у разматрањима свих лексикографа, шири се и под утицајем нових сазнања постаје метод жанровске, термилошке, покрајинске и дијакроне евалуације речи које улазе у речник.

Методолошки континуитет

7.3.1. Други вид континуитета модерне лексикографије означио је постављање општег лексикографско-методолошког оквира у коме ће се писати Речник, као проблема *начина обраде језика* који улази у састав великог описног Речника. То питање, које су, у другој половини 19. века, својом преписком отворили С. Новаковић и Ђ. Даничић, временом је довело до развоја *методологије дефинисања* различитих типова речи у речнику.

7.3.2. Методологија обраде грађе развија се као питање систематске обраде одређених језичких појава. Сагласно овоме, сагледана кроз историјски континуитет, методологија израде Речника САНУ, паралелно са сродним погледима на језик, кроз време се мењала на специфичан начин: наслојавањем. Увиди у природу лексичког фонда и начела његове обраде нису се потирали, већ наслојавали један на други у широко конципираним методолошким оквирима. Ослањајући се на рад својих претходника, лексикографи су, стога, били у стању да начине велики број лингвистичких синтеза – које су, за своје време, готово незамисливе у српској науци о језику. На овај начин, у историјату израде Речника САНУ готово да и нема методолошких анахронизама.

Континуитет културолошког оквира Речника

7.4.1. Трећи вид континуитета модерне лексикографије означио је постављање општег културолошког оквира у коме настаје описни речник. Поменути оквир, у крајњој инстанци, подразумевао је синтезу сазнања о језичком јединству штокавског говорног подручја, која ће кроз Речник САНУ добити своју институционалну потпору.

7.4.2. Изградња културолошког оквира Речника САНУ обележена је временом краја 19. и почетка 20. века. То је време обележено индустријском револуцијом,

експанзијом различитих области језика, посебно у домену лексике. Посебну улогу у овом процесу игра развој књижевности, периодике, војних наука, стручних области и уџбеничке грађе.

7.4.3. Изложени оквир је, у својој зрелој фази (која је наступила после Првог светског рата) означио развитак свести о једном општем стилистичком и језичком центру, названом и «београдски», који ће бити тежиште овог јединства. Није случајно што је до свести о овом центру дошло почетком 20. века, у време развоја београдског стила. На тај начин, језички узус Речника САНУ (акцентског, фонолошког, лексичког типа) остао је у потпуности окренут стандарду београдских књижевних и српских народних кругова.

7.4.4. Са друге стране, у грађу за Речник САНУ у овом периоду пристижу, у великом броју, и збирке речи из различитих ареала штокавског говорног подручја. Поменути културолошки оквир овде је такође одиграо значајну улогу: речи се посматрају кроз филтер књижевног језика и тако се врши њихова евалуација у односу на стандард.

Институционални континуитет

7.5. Четврти вид континуитета модерне лексикографије везан је за задатак институције у оквиру које се Речник САНУ формира и издаје. У складу са овим, током читавог једног столећа припремног рада на изради Речника САНУ, који је, у повести српске лексикографије, обележио другу половину 19. и прву половину 20. века, читаве генерације српских филолога и лингвиста свих епоха и праваца у језичкој науци, од позитивизма до структурализма, концентрисале су главнину својих научних и стручних напора на једном лексикографском послу: стварању великог описног речника књижевног и народног језика. Чињеница да се тај посао одвијао у оквиру једне институције, Српске академије наука, даје нам за право да тврдимо како је развитак кодификације српског језика у његовој најзначајнијој фази, у знатној мери обележен управо историјским развојем великог описног Речника САНУ.

ЛИТЕРАТУРА

- Белић Александар.* Србија и јужнословенско питање // Изабрана дела. Књ. 7. Београд: Завод за уџбенике, 1915 [1999]. С. 77–171.
- Белић Александар.* Књижевни језик српскохрватски // Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка, ур. Станоје Станојевић. Том II. 1925. С. 347–357.
- Белић Александар.* Речник народног књижевног језика // Српска академија наука и уметности. Изабрана дела. Књ. 5 (Из историје установа). Београд: Завод за уџбенике, 1937 [1999]. С. 124–132.
- Белић Александар.* Увод (у први том Речника САНУ) // Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ. Књ. I. Београд. 1959. С. VII–XXVI.
- Бошковић Радосав, Барић Хенрик, Тарановски Кирил и др.* Речник српског књижевног и народног језика, огледна свеска, Београд: Државна штампарија, 1944.
- ГлДСС: Гласник Друштва српске словесности.
- Годишњак Српске краљевске академије за 1921. годину. Св. XXX. Београд, 1922.
- Грицкат Ирена.* Академијски речници и њихови задаци – поводом прве књиге Речника Српске академије наука // Наш језик. Књ. X, св. 3–6 и 7–10. С. 88–100 и 212–227. Београд, 1960.

- Грицкат Ирена*. Речник Српске академије наука и уметности – почеци, лик, перспективе // Глас ССCLII Српске академије наука и уметности. Одељење језика и књижевности. Књ. 13. Београд, 1988. С. 25–40.
- Грицкат Ирена*. Стогодишњица лексикографског рада при Српској академији наука и уметности // Сто година лексикографског рада у САНУ: Зборник. Београд, 1993. С. 5–13.
- Грицкат Ирена*. Наука о језику у делатности Академије // Глас ССCLXXIX Српске академије наука и уметности. Одељење језика и књижевности. Књ. 15. Београд, 1996. С. 1–83.
- Грицкат Ирена*. Из проблематике синонимије у српској филологији // Глас СССХСVIII Српске академије наука и уметности. Одељење језика и књижевности. Књ. 20. Београд, 2004. С. 11–17.
- Иванић Момчило*. Српски речник књижевног и народног језика по материјалу Лексикографског одсека Српске Краљ. Академије. Огледно издање бр. 1. Београд: Државна штампарија Краљевине Србије, 1913.
- Иванић Момчило*, *Ђорђевић Пера*. Позив и упутство за купљење речи по народу за Речник Српске Краљевске Академије. Посебан отисак из Српских новина. Београд: Штампарија Краљевине Србије, 1899.
- Ивановић Ненад*. Принципи формирања и организације корпуса Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ (у периоду од 1853. до 1953. године) // Шездесет година Института за српски језик САНУ: Зборник радова. Књ. II. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 53–78.
- Ивић Милка*. Година 1847: Прва свеска *Гласника* Друштва српске словесности // Лингвистички огледи, три. Београд: XX век, 2000. С. 163–174.
- Ивић Павле*. Преглед историје српског језика. Целокупна дела. VIII. Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1998.
- Јовановић Мирослав*. Језик и друштвена историја — друштвеноисторијски оквири полемике о српском књижевном језику. Београд: Стубови културе, 2002.
- Књ. *Ђ.Д.* Књига Ђуре Даничића, прир. Војислав Ђурић. Београд: СКЗ, 1976.
- Новаковић Стојан*. Писмо председнику Југославенске Академије поводом «Огледа Рјечника ЈАЗУ» // Рад ЈАЗУ. Књ. XLV. Загреб, 1878. С. 165–213.
- Новаковић Стојан*. Српска краљевска академија и неговање језика српског // Глас Српске краљевске академије. Књ. 10. Београд, 1888. С. 5–87.
- Новаковић Стојан*. Предлог Српској краљевској академији учињен 5. априла 1893, да се отпочне купљење грађе за академијски Српски Речник, и да се за тај посао установи у Академији Лексикографски одсек. Посебно издање (прештампано из листа «Јавор»). Земун: Штампарија Јове Карамата, 1893.
- Нуорлуото Јухани*. Језички тип Јована Стејића у конфронтацији са вуковским типом стандардног језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. Књ. 17/2. Београд, 1988. С. 151–158.
- Пешикан Митар*. Трећина посла на изради великог речника САНУ // Наш језик. Књ. XX. Св. 1–5. Београд, 1973. С. 11–22.
- Пешикан Митар*. Типолошка допуњавања Вуковог народног лексичког система за потребе књижевног језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. Књ. 17/1. Београд, 1988. С. 33–42.
- Поповић Љубомир*. Стејићева концепција српског књижевног језика // Књижевност и језик. Бр. 3–4/1995. Београд, 1995. С. 1–31.
- Ристић Стана*. Раслојеност лексике српског језика и лексичка норма. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2006.
- Ристић Стана*. Прва лексикографска школа у Институту за српски језик САНУ // Шездесет година Института за српски језик САНУ: Зборник радова. Књ. I. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 131–149.
- Ристић Стана*, *Ивановић Ненад*. Предлог за модернизацију рада на речнику САНУ // Граматика и лексика у словенским језицима: Зборник радова с међународног симпозијума. Нови Сад: Матица српска; Београд: Институт за српски језик САНУ, 2011. С. 529–553.
- Селимовић Меша*. За и против Вука. Сабрана дела. 8. Ријека–Београд: Отокар Кершовани – Слобода, 1975.
- Сосир Фердинанд де*. Општа лингвистика. Београд: Нолит, 1969.
- Стевановић Михаило*. Институт за српскохрватски језик и програми његова рада // Наш језик. Књ. XX. Св. 1–5. Београд, 1973. С. 1–10.
- Стејић Јован*. Језикословне примедбе на предговор г. Вука Стеф. Караџића к преводу Новог Завета // Гласник Друштва српске словесности. Св. 2. Београд, 1849. С. 1–42.

- Стејић Јован. Предлог за србски речник и србску граматику // Гласник Друштва србске словесности. Св. 5. Београд, 1853. С. 1–13.
- Стерија и др. 1. Називословне речи, 2. Прилог к српској наречници, 3. О српским речима пределним; 4. Покушај смислосродног (синонимног) речника, 5. Речи српско-славенске, у влашком језику познате // Гласник Друштва српске словесности. Св. 1. Београд, 1847. С. 1–58.
- Стојановић Љубомир. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд; Земун: Графички завод Макарије, 1924.
- Упутства: Упутства за израду Речника САНУ (интерни спис Института за српски језик САНУ), Београд.
- Фекете Егон. О Речнику српскохрватског књижевног и народног језика САНУ // Сто година лексикографског рада у САНУ: Зборник. Београд, 1993. С. 21–49.
- Шевић Милан. Из Бранкова и из Даничићева круга — писма Ђ. Даничића и његових другова // Даничићев зборник. Београд: Српска краљевска академија, 1925. С. 227–287.

Alexandra JAROŠOVÁ
(Bratislava, Slovensko)

SLOVENSKÁ LEXIKOGRAFIA

1. Historický prehľad

1.1. Slovníky od najstarších čias do Bernolákovej kodifikácie

Staršie rukopisné a tlačene slovníky pochádzajúce z územia Slovenska boli určené pre latinské školy a popri latinčine obsahovali spravidla aj nemecké, maďarské a české alebo slovenské ekvivalenty. Tento fakt poukazoval na neobyčajne zložitú jazykovú situáciu. Popri latinčine, ktorá mala v Uhorsku výsadné postavenie do 15. storočia a úlohu diplomatického jazyka si zachovala do 19. storočia, sa v písomnom styku na Slovensku používala štandardizovaná alebo slovakizovaná čeština (plniaca od 14. storočia pre Slovákov úlohu kultúrneho a kultového jazyka) a od polovice 16. storočia kultúrne nadnárečové útvary slovenčiny. Jazykom právnych a administratívnych textov na slovenskom území bola aj nemčina a maďarčina (najmä v 17. a 18. storočí).

Stredoveké školské slovníky boli často zostavované vo veršoch. Tie, ktoré tlmočili latinské výrazy českými slovami mali názov *bohemáre*. Rukopis bohemára pochádzajúci od *Martina zo Strážnice* (Martin zo Strážnice) obsahuje viaceré západoslovenské nárečové výrazy. České glosáre, ktoré vytvoril v období Karola IV. majster Klaret (Claretus de Solentia) so svojou družinou, sa používali aj na Slovensku. Mnoho slovenských lexikálnych prvkov obsahuje Buľovského preklad Komenského učebnice *Janua linguae latinae reserata aurea* (Komenský 1666) a Komenského práca *Orbis sensualium pictus* vydaná v Levoči (Komenský 1685).

V roku 1635 vznikla v Trnave univerzita. Súviselo to s celkovou politickou situáciou v krajine, keď po dobytí hlavného mesta Uhorska Turkami sa okrajovo položené sídla na západe Slovenska, Bratislava a Trnava, stali nadhlo politickými a kultúrnymi centrami

Uhorská. Rekatolizácia v hornom Uhorsku získala silnú oporu v trnavskej univerzite, pri ktorej bola vybudovaná aj významná tlačiareň. Teologicky erudovaní vzdelanci okolo trnavskej univerzity sa zapojili do tvorby popularizačnej náboženskej spisby v češtine, ktorá sa postupne viac a viac slovakizovala. Z tejto situácie „profitovala“ aj slovenská lexikografia. Prvý známy tlačený školský slovník, v ktorom je slovenčina (s českými prvkami) jedným z cieľových jazykov, je tzv. *Trnavský slovník (Verborum in institutione grammatica contentorum in ungaricum et sclavonicum translatio* — 1648) obsahujúci 1300 abecedne usporiadaných latinsko-maďarsko-slovenských hesiel. Z prostredia trnavskej univerzitnej tlačiarne vyšli aj iné latinsko-maďarsko-nemecko-české/slovenské slovníky. Medzi známejšie patrí *Catalogus onomasticus* od Lyczeiho (Lyczei 1707) — štvorjazyčný (latinsko-maďarsko-nemecko slovenský) slovník pripojený na konci knihy *Iter Oeconomicum* sprevádzajúcej čitateľa hospodársko-správnym životom tej doby: hradom, domíniom, gazdovským dvorom, svetom domácich zvierat, polí a napokon dielňami remeselníkov. Niekoľko vydaní mali dva informačne nasýtené latinsko-maďarsko-nemecko-české/slovenské slovníky určené pre vzdelaného používateľa *Gradus ad Parnassum sive novus synonymorum, epithetorum et phrasium poetiarum thesaurus* (Gradus 1725 — 1. vyd.) a *Universae phraseologiae latinae corpus* (Wagner 1750 — 1. vyd.). Už v prvom vydaní *Gradus ad Parnassum* badať slovakizačné tendencie, ktoré v ďalších vydaniach zosilneli (tretí cieľový jazyk je označený ako lingua bohemica). Komplikované heslá obsahujú veľa latinských dokladových spojení a citácií. Známe dielo F. Wagnera *Universae phraseologiae latinae corpus* doplnil českými (slovakizovanými) a slovenskými ekvivalentmi B. Zarubal. Heslá majú podrobne spracovanú významovú štruktúru doloženú ilustračnými spojeniami a pri ekvivalentácii latinských slov sa používa bohatá synonymika (tretí cieľový jazyk je označený ako lingua slavica).

Prameňom poznania západoslovenského variantu kultúrnej slovenčiny je rukopisný latinsko-slovenský slovník s českými prvkami známy pod názvom *Nomenclator pružinský*. Tento vecný slovník obsahujúci 36 pojmových okruhov sa zachoval v odpise pravdepodobne z 18. storočia. Má 36 strán a je súčasťou rukopisného herbára liečivých rastlín.

Prvým rukopisným slovníkom, ktorý systematicky zachytáva stredoslovakizmy je dielo A. Latsného *Dictionarium Cognatum, seu Conventiam linguarum: Hungarica et slavica exhibens, pro nationalibus Scholis Slavenicis adernatum* (Latsný 1767–1797). Na slovník upozornil odbornú verejnosť v roku 1967 P. Király, ktorý toto dielo obsahujúce asi 13 000 slov datoval do obdobia rokov 1767–1797. Heslové slovo je v maďarčine, potom nasleduje slovenský a napokon latinský ekvivalent.

Dôležitým slovníkom usilujúcim o jazykovú a pravopisnú normalizáciu kultúrnej podoby západnej slovenčiny je tzv. *Kamaldulský slovník (Syllabus dictionarii latino-slovenicus*. 1763). Toto 948-stranové rukopisné dielo napísali mníši kamaldulskej rehole, ktorí pracovali na preklade Biblie do slovenčiny. To, že Kamaldulská biblia a Kamaldulský slovník zostali iba v rukopisoch, znižuje dosah ich významu pre ustálenie západnej slovenčiny. Na druhej strane sú dôležitým svedectvom existencie západoslovenského kultúrneho úzu, na ktorý sa Bernolák pri svojej kodifikácii západnej slovenčiny neraz odvolával.

Juraj (Jiří) Palkovič, profesor Katedry reči a literatúry československej, vydal dvojzväzkový česko-nemecko-latinský slovník — *Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch* (Palkovič 1820–1821), ktorý mal byť praktickou príručkou pre moravských a slovenských vzdelancov. Slovník je svedectvom autorovho úsilia o zachovanie čistoty českého jazyka v jeho klasickej biblickej podobe. Materiálovým východiskom slovníka je najmä klasická česká literatúra 16. storočia. Z nášho hľadiska je slovník zaujímavý tým, že popri spisovných českých slovách zaznamenal aj množstvo slovenských a moravských slov, charakteristických pre češtinu používanú v danej dobe na Morave a na Slovensku. Slovenský materiál čerpal z bohatých lexikálnych zbierok J. Ribaya a Š. Lešku. Tieto slová, označované v slovníku skratkou *sl.*, chápal ako dialektizmy, pretože za spisovnú, vyššiu slovenčinu považoval češtinu. Z hľadiska lexikografického spracovania jednotlivých hesiel má slovník dobrú úroveň, pretože jeho autor poznal práce najlepších filológov svojej doby.

1.2. Od Bernolákovho Slovára do roku 1918

V roku 1787 začal Anton Bernolák (1762–1813) uverejňovať veľkolepý komplex spisov, ktorými prvý raz v našich dejinách kodifikoval slovenský spisovný jazyk. Súčasťou Bernolákových kodifikačných opisov slovenčiny je aj päťdielny *Slowár slowenský, Česko-Latínsko-Ňemecko-Uherský* (Bernolák 1825–1827). Tento slovník s tzv. *Repertóriom* od ostrihomského kanonika Juraja Palkoviča vyšiel v rokoch 1825–1827. Slovenčina je tu predstavená nielen pomocou ekvivalentov, ale aj voľných a ustálených spojení, porekadiel a prísloví. Hoci je v ňom pomerne veľa nepoužívaných slov, veľa odkazových hesiel, predsa prevažná väčšina tam zaznamenaných slov je verným svedectvom používania a významového členenia slov v prvom období spisovnej slovenčiny. Slovník obsahuje aj niektoré autorom utvorené slová. Svoju kodifikačnú a normatívnu funkciu slovník plnil delimitáciou prostriedkov, považovaných Bernolákom za spisovné, od lexikálnych výrazov ľudových, českých a cudzojazyčných (označených špeciálnymi značkami). Bernolák pri uzákonení spisovného jazyka nadviazal na západoslovenskú jazykovú kultúrnu tradíciu, ale dopĺňal spisovný jazyk aj prvkami stredoslovenskými a celonárodnými, pričom eliminoval z neho značný počet nepotrebných bohemizmov.

J. Ribay, významný slovenský filológ a Bernolákov súčasník, je autorom rozsiahlych rukopisných diel, z ktorých najvýznamnejšie je *Idioticum slovacicum* (slovensko-nemeckolatinský slovník obsahujúci 14 700 slov) (Ribay 1808). Práca bola napísaná na základe prevažne stredoslovenského lexikálneho materiálu, ktorý Ribay zbieral 30 rokov a vo vzťahu k češtine predstavuje diferenciálny slovník. Hoci cenný Ribayov slovník nevyšiel tlačou, zozbieraný lexikálny materiál použil J. Dobrovský pri tvorbe svojho nemecko-českého slovníka, ktorý obsahuje aj slovenské ekvivalenty. Dobrovskému pri práci na slovníku tiež pomáhal slovenský jazykovedec Š. Leška, ktorý výdatne prispel aj do Jungmannovho a Palkovičovho slovníka. Zaoberal sa pôvodom cudzích slov v maďarčine s osobitným dôrazom na slová slovanského pôvodu (*Elenchus vocabulorum Europaeorum magyarici usus* — Leška 1825).

V polovici 19. storočia bola časťou slovenských vzdelancov pod vedením L. Štúra vyhlásená druhá kodifikácia slovenčiny postavená na stredoslovenskej nárečovej báze,

ktorá bola vzdialenejšia od češtiny. Slovníkom reprezentujúcim štúrovskú kodifikáciu je dvojdielny *Noví Slovensko-maďarskí a maďarsko-slovenskí slovník* Š. Jančoviča (Jančovič 1848). Maďarsko-slovenskému slovníku predchádza krátka slovenská gramatika vysvetlená po maďarsky a v slovensko-maďarskej časti slovníka je maďarská gramatika opísaná po slovensky. Heslové slová v slovensko-maďarskej časti sú vybavené odkazom na skloňovací alebo časovací vzor uvedený v gramatike. Frekventovanejšie heslové slová sú exemplifikované aj pomocou typických a ustálených spojení. Heslová stať sloviess uvádza slovesné formy zoradené abecedne, takže heslovým slovom je často trpné prídavné. Autor niekedy hniezduje slovesá, ktoré sú abecedne blízko pri sebe (často predponové) do jednej heslovej state, a tak ju zneprehľadňuje.

Obdobie reformy štúrovského pravopisu a úsilia o stabilizáciu „opravenej slovenčiny“ reprezentuje *Slovník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči* J. Loosa (Loos 1871) ako tretia časť trojdielného trojjazyčného slovníka (*A magyar, német és tót szótára*, 1869; *Wörterbuch der deutschen, magyarischen und slowakischen Sprache*, 1870). Všetky odvodené slová majú v Loosovom slovníku samostatné heslá, a teda nie je použitý princíp hniezdovania. Rozličné významy slov autor oddelil bodkočiarkou. Heslové slová nie sú doložené príkladmi. Slovníku sa vyčítal vysoký podiel českých slov a umelých novotvarov. Za pozitívum sa považuje prítomnosť administratívno-právnej terminológie. Vzhľadom na nedostatok materiálu a praktické zameranie sa mu nepodarilo ustáliť slovnú zásobu mladého spisovného jazyka.

Jazyková prax slovenských časopisov a kníh vydávaných v Martine po zrušení kultúrno-vzdelávacej inštitúcie Maticy slovenskej (1963–1875) položila základ pre tzv. martinský úzus spisovného jazyka. Martinský úzus dostal podobu pravopisnej kodifikácie v dielach Sama Czambela. Aj keď Czambelova kodifikácia výrazne prispela k ustáleniu viacerých pravopisných javov a k dotvoreniu slovenčiny na stredoslovenskom základe, nebola, podľa slov L. Nováka, dostatočná najmä v oblasti slovníka. Slovnú zásobu slovenčiny konca 19. storočia pomerne dobre odrazili dva diferenciálne slovníky — slovensko-český a česko-slovenský slovník K. Kálala a K. Salvu (Kálal – Salva 1896) a rusko-slovenský slovník L. Mičátka (1900). Obraz lexikografickej produkcie toho obdobia dopĺňa dvojdielny a obojstranný Slovník slovenský a maďarský A. Pechány (Pechány 1906).

1.3. Slovníky v období medzi dvoma vojnami (dvadsiate a tridsiate roky 20. storočia)

Slovenská lexikografia po roku 1918, keď sa Slovensko stalo súčasťou Československa, odráža všetky zmeny kultúrneho a hospodárskeho života Slovákov. Spoluexistenciu dvoch blízkych jazykov v jednom štáte reflektuje množstvo *diferenciálnych slovensko-českých slovníkov* a fungovanie slovenčiny ako úradného jazyka vyvolalo potrebu vydávať *administratívno-právne a terminologické slovníky*. Ako bohatý informačný prameň o slovenskej slovnej zásobe slúžil praktický diferenciálny slovník K. Kálala a M. Kálala *Slovenský slovník z literatúry a nárečí* (Kálal – Kálal 1923). Slovník obsahuje okolo 40 000 hesiel a napriek dobovo podmienenému spájaniu spisovného jazyka so slovníkom nárečí

poskytoval cenné služby. Funkcie diferenciálneho a synonymického slovníka spájala v sebe príručka J. Garaja (Garaj 1937).

Medzi najznámejšie a najlepšie spracované terminologické slovníky v prvej Československej republike patrí Ledényiho (Ladzianskeho) anatomická terminológia — *Nomina Anatomica* (Ledényi 1935), *Maďarsko-nemecko-slovenský železničný slovník* Viesta a Škultétyho (Viest – Škultéty 1919), Fajnorov – Zátureckého *Právnický terminologický slovník* I.–II. (Fajnor – Záturecký 1921–1923) a Feriancove práce zo zoologickej terminológie.

Dôležitým príspevkom k slovníkovému *spracovaniu historickej slovnnej zásoby* slovenčiny a češtiny je publikácia V. Vážneho s názvom *Glossarium Bohemoslavicum* (Vážný 1937). Ide o jazykovú analýzu a slovník s abecedne usporiadanými slovami zo súboru listín, ktoré vydal V. Chaloupecký v knihe *Středověké listy ze Slovenska. Sbirka listů a listin psaných jazykem národním z let 1426–1490* (1937).

Dvojazyčné školské slovníky mali napospol slabú úroveň. V prvej Československej republike bola nemčina povinným cudzím jazykom na stredných školách, a preto sa pociťovala potreba školských slovníkov s týmto jazykom. Najvydávanějšími autormi nemecko-slovenských a slovensko-nemeckých slovníkov (v mnohých reedíciách) boli J.M. Seewarth a J. Schultz. Z hľadiska dnešných kritérií lexikografického spracovania boli tieto slovníky veľmi nedokonalé. Do druhej svetovej vojny u nás vyšiel len jeden francúzsko-slovenský slovník (Šedivý 1933); opačný slovník vyšiel v roku 1938 napriek tomu, že francúzština bola pomerne preferovaným jazykom na gymnáziách. Najhoršie bola na tom angličtina, pretože do vojny vyšiel len jeden malý anglicko-slovenský slovník. Lepšou kvalitou spracovania vynikajú v tomto období len dva dvojazyčné slovníky — Tvrdého *Slovník latinsko-slovenský* (Tvrdý 1923) a Hvozdzikov *Zovrubný slovník slovensko-maďarský a maďarsko-slovenský* (Hvozdzik 1937).

Tridsiate roky minulého storočia v slovenskej jazykovede sa niesli v znamení boja medzi dvoma tendenciami v otázkach spisovnej slovenčiny: medzi unifikačnou čechoslovakistickou (chápujúcou slovenčinu ako nárečie fiktívneho československého jazyka) a protiunifikačnou (zdôrazňujúcou osobitosti slovenčiny). Napriek tomu, že sa slovenčina v spoločnom československom štáte vyvíjala veľmi intenzívne a postupne plnila aj funkciu prostriedku verejnej a oficiálnej komunikácie, ústava z roku 1920 nezaručovala jestvovanie samostatného slovenského národa a ani samostatného slovenského jazyka, pretože konštituovala umelý konštrukt československého národa a československého jazyka v dvoch zneniach. Výsledkom pôsobenia unifikačného tlaku bolo vydanie *Pravidiel slovenského pravopisu* pod vedením V. Vážného (Pravidlá 1931). Spomíname ich preto, lebo súčasťou pravidiel bol aj *pravopisný slovník*, ktorý uprednostňoval slová, ktoré boli bližšie k češtine a neodporúčal slová, ktorými sa spisovná slovenčina od češtiny odlišovala. Veľká časť slovenskej inteligencie vystúpila ostro kriticky proti zblížovacej tendencii Vážného Pravidiel a výsledkom bol v roku 1939 návrh opravených pravidiel, ktoré spracoval H. Bartek. Aj keď Bartekov návrh nebol akceptovaný v plnom rozsahu, predsa len nové oficiálne *Pravidlá slovenského pravopisu* (Pravidlá 1940) odstránili najkrikľavejšie prejavy čechoslovakizmu. Tieto Pravidlá sa používali do roku 1953, keď vyšlo tretie vydanie s novou pravopisnou úpravou smerujúcou k posilneniu foneticko-fonologického pravopisného princípu na úkor tradičného historicko-etymologického princípu.

Boj o slovenský pravopis, ktorý sa začal kritikou Pravidiel z roku 1931 stimuloval aj dávnejšie prebiehajúce prípravné práce na *výkladovom slovníku slovenského jazyka*. V Matici slovenskej, kultúrno-vydavateľskej inštitúcii, sa popri práci na nových pravidlách pravopisu excerpoval pod koncepčným vedením J. Škultétyho a J. Vlčka dokladový materiál na väčší slovník. Hoci sa lexikálna kartotéka začala v Matici zhromažďovať už po prvej svetovej vojne, v prácach sa veľmi nepokročilo. Slovník napokon zostavil P. Tvrdý, najvýznamnejší slovenský slovníkár obdobia medzi dvoma vojnami. Slovník nebol napísaný na základe systematickej excerpcie a nemal ani jasnú koncepciu týkajúcu sa štruktúry hesla. Matica ho odmietla vydať a autor ho napokon vydal v Trnave, v Spolku Svätého Vojtecha. Peter Tvrdý svojím *Slovenským frazeologickým slovníkom* (Tvrdý 1931; 2. vyd. 1933, Doplnky — 1937) začal tradíciu vydávania normatívnych výkladových slovníkov. Slovo “frazeologický“ v názve naznačuje, že význam slova je opisovaný v prvom rade pomocou dokladových fráz ukazujúcich fungovanie slova v kontexte. Na tieto ciele využíval (nedôsledne a nerovnomerne) aj idiomatické spojenia, príslovia a porekadlá. Autor nerozlišoval jednotlivé existenčné formy národného jazyka a niektoré zaužívané výrazy vysúval za okraj spisovnej slovnjej zásoby.

2. Súčasná lexikografia: prehľad najdôležitejších výsledkov podľa typov slovníkov

2.1. Jednojazyčné slovníky

2.1.1. Slovníky komplexne opisujúce slovnú zásobu jednotlivých útvarov (variet) alebo vývinových štádií národného jazyka

2.1.1.1. Výkladové slovníky súčasného spisovného jazyka. V 40. rokoch minulého storočia prebiehala príprava na vydanie moderného výkladového slovníka slovenčiny na bohatom dokladovom materiáli súčasne na dvoch pracoviskách: v Matici slovenskej a v novozaloženej Slovenskej akadémii vied a umení (1942). V rokoch 1946–1949 vychádza v Matici slovenskej *Slovník spisovného jazyka slovenského* (Jóna – Jánošík 1946–1949) ako prvý pokus o vydanie moderného výkladového slovníka založeného na širokej excerpcii z literatúry; z projektu ostalo torzo v podobe prvého zväzku (písmená A–J).

Po vojne (v roku 1949) prešiel projekt výkladového slovníka súčasnej slovenčiny do jazykovedného ústavu akadémie vied (názov tejto jazykovednej inštitúcie sa v priebehu rokov menil), ktorý vydal 6-zväzkový *Slovník slovenského jazyka* (1959–1968). Slovník redigovaný Š. Peciarom bol založený na textoch z obdobia rokov 1860–1960 a obsahoval vyše 120 000 hesiel. *Slovník slovenského jazyka* má základný význam pre vedecké poznanie slovnjej zásoby slovenčiny, ale aj ďalších oblastí jazyka, napr. morfológie, tvorenia slov, syntaxe. Jeho publikovanie vyvolalo širokú odbornú a spoločenskú diskusiu o otázkach normatívnosti (kritické posúdenie diela poukázalo na nedostatočné plnenie normatívneho zreteľa) a takisto diskusiu o potrebe novej teórie spisovného jazyka. Napriek istým nedostatkom je slovník najzávažnejším slovenským lexikografickým dielom, ktoré bolo dosiaľ vydané. Bol a je východiskom ďalších lexikografických opisov slovnjej zásoby a je

dôležitým prameňom pre konfrontačný výskum jazykov. V polovici 60. rokov bola na odbornom podujatí prediskutovaná koncepcia Príručného slovníka spisovnej slovenčiny. Účastníci podujatia prišli k záveru, že príručný slovník musí byť nové dielo s novou materiálou bázou a novou teóriou pri výbere hesiel a hodnotení slov. Príručný slovník musí byť výlučne normatívny.

Príručný slovník vydaný pod názvom *Krátky slovník slovenského jazyka* (1987, hlavná redakcia J. Kačala – M. Pisárčiková) poskytuje komplexné informácie o základnej slovnej zásobe slovenčiny. Predstavuje základnú praktickú príručku určenú širokej verejnosti a plní predovšetkým normatívne ciele. Slovník doteraz vyšiel v troch aktualizovaných vydaniach (1989, 1997, 2003). Obsahuje 66 000 heslových slov a najdôležitejším prameňom pri jeho tvorbe bola nová lexikálna kartotéka. Jeho aktualizácia sa opiera aj o materiál textovej databázy — Slovenského národného korpusu. *Krátky slovník slovenského jazyka* predstavuje syntézu predchádzajúcej kodifikácie v šesťdielnom Slovníku slovenského jazyka a čiastkových kodifikácií v podobe príspevkov v odborných časopisoch. Ide teda o druhú komplexnú kodifikáciu slovnej zásoby slovenčiny po druhej svetovej vojne.

2.1.1.2. Historické slovníky. V oblasti lexikografie opisujúcej historickú lexiku hodno spomenúť dôležité dielo, akým je *Slovník k Žilinské knize* (Ryšánek 1955). Ide o úplný slovník jednej z najstarších zachovaných mestských kníh na Slovensku so zápismi z rokov 1451–1651. Kniha podáva obraz češtiny (v úlohe spisovného jazyka Slovákov) a lexikálnych slovakizmov z okolia Žiliny. Nový výskum hodnotí daný jazyk ako slovenský.

Po dlhoročnom zbieraní cenného jazykového materiálu, prácnom budovaní archívu fotokópií vzácných rukopisov a tlačí, po rokoch triedenia, excerpovania a monografického spracúvania čiastkových tém začal v roku 1991 vychádzať *Historický slovník slovenského jazyka* (II. zv. 1992; III. zv. 1994; IV. zv. 1995; V. zv. 2000; VI. zv. 2005 a VII. zv. 2008, vedecký redaktor M. Majtán). Tento slovník predstavuje slovenčinu z predpisovného obdobia od najstarších čias ako je zachovaná v rukopisných a tlačených pamiatkach a v starších latinských písomnostiach (najmä slovenské mená apelatívneho pôvodu) až do kodifikácie slovenčiny A. Bernolákom na konci 18. storočia. Toto reprezentatívne dielo slovenskej jazykovedy má okrem vedeckej a dokumentárnej hodnoty aj neoceniteľný národno-kultúrny význam ako doklad kontinuálneho vývoja slovenčiny od obdobia rozpadu praslovanskej jednoty až po súčasnosť.

2.1.1.3. Nárečové slovníky. Pred vydaním celoslovenského nárečového slovníka na Slovensku vyšlo niekoľko regionálnych nárečových slovníkov. Dva slovníky sú tematického typu a v nich sú heslá usporiadané podľa vecnej súvislosti: *Lexika Novohradu* (Matejčík 1975) a *Vecný slovník dolnotrenčianskych nárečí* (Ripka 1981). V abecednom poradí je usporiadaný lexikálny materiál v *Gemerskom nárečovom slovníku* (Orlovský 1982).

Publikáciou, ktorá poskytla výskumu slovnej zásoby celonárodný rozmer je slovtvorný a lexikálny diel *Atlasu slovenského jazyka* (III. diel, 1978; IV. diel, 1984). Na tomto monumentálnom diele pracovalo niekoľko generácií jazykovedcov, ktorí zozbierali neobyčajne cenný dokumentačný materiál z celého územia Slovenska.

V roku 1994 vyšiel prvý (A–K) a v roku 2006 druhý zväzok (L–P-povzchádzať) plánovaného trojzväzkového celonárodného *Slovníka slovenských nárečí* (hlavný redaktor I. Ripka), ktorý je výberovým slovníkom (nie tezaurom) opisujúcim apelatívnu lexiku slovenských miestnych nárečí. Heslové slovo má spisovnú (štandardizovanú, pospisovnenú) podobu, pod ktorou sa uvádzajú všetky jeho nárečové varianty s nepravidelnými hláskovými zmenami. Významy lexikálnych jednotiek sa vysvetľujú pomocou spisovných ekvivalentov, odkazových definícií, ale aj pomocou výstižných výkladov a opisov.

Nespisovnú slovnú zásobu tvoria nielen nárečia, ale aj slangové výrazové prostriedky. Túto vrstvu slov odráža *Slovník slovenského slangu* (Hochel 1993).

2.1.2. Špeciálne slovníky

V opisovanom období vyšiel rad slovníkov zachytávajúcich podsystémy lexikálnej zásoby na základe vymedzeného kritéria, napr. podľa typu nominačnej funkcie jednoslovných aj viacslovných pomenovaní (termíny, frazeologické jednotky a propriá alebo na základe formálno-významovej korelácie slov (synonymá a iné paradigmatické skupiny slov), na základe pôvodu (cudzie slová).

2.1.2.1. Slovníky funkčne príznakovej lexiky. Päťdesiate a šesťdesiate roky 20. storočia boli charakteristické nárastom počtu vydaných **terminologických slovníkov**, ktoré odrážali prácu vyše 30 terminologických komisií koordinovaných jazykovedným ústavom akadémie. Vedúcou postavou teoretickej aj praktickej terminológie na Slovensku bol J. Horecký.

Jazykovedný ústav v súčasnosti nevytvára terminologické komisie a nekoordinuje vydávanie terminologických slovníkov, ako to bolo v predchádzajúcom období. Lingvistickú stránku termínov posudzujú jazykovedci poverení účasťou v rezortných terminologických komisiách zriaďovaných spravidla na jednotlivých ministerstvách. Starostlivosťou o technickú terminológiu je poverený Slovenský ústav technickej normalizácie, ktorý vydáva okrem iného aj terminologické normy a buduje terminologickú databázu prístupnú na základe registrácie. Prekladatelia v rámci svojho záujmového združenia Jednoty tlmočníkov a prekladateľov uskutočnili projekt *Prieskum terminologických aktivít na Slovensku* a vytvorili *Zoznam terminologických projektov v Slovenskej republike*, ktorý je publikovaný na internete (autorkou je V. Křečková). Zoznam zachytáva jestvujúce terminologické databázy umiestnené na pamäťové médiá (CD ROM), publikované aj rozpracované terminologické slovníky (výkladové aj prekladové) a diplomové/dizertačné práce s terminologickou problematikou. V 90. rokoch vyšlo niekoľko terminologických výkladových slovníkov z oblasti prírodných vied (napr. astronomický slovník), techniky (napr. slovník leteckej terminológie) aj spoločenských vied (napr. väčší ekonomický a právnický slovník, séria pedagogických slovníkov, slovníky z oblasti literárnej vedy, výtvarného umenia a hudby).

Aj keď na Slovensku jestvuje (počínajúc dielom D. Sinapia Horčičku *Neoforum Latino Slavonicum*, 1678) vyše tristoročná tradícia vydávania **zbierok parémii** — prísloví, porekadiel, pranostiek, hádaniek, okridlených viet — nemáme doteraz veľký **frazeologický slovník** slovenčiny. Pretože paremiologické útvary predstavujú interdisciplinárny predmet

štúdia a na Slovensku sa nimi okrem jazykovedy (J. Mlacek, P. Ďurčo) zaoberá predovšetkým folkloristika ako súčasť etnológie, nezahrnuli sme paremiologické zbierky do nášho prehľadu slovenských jazykovedných slovníkov. Pre informáciu len spomenieme, že *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia* A. Zátureckého (1886) sa dočkali niekoľkých nových vydaní. Kritické vydanie vyšlo v roku 1975 (Záturecký 1975) a doteraz posledné v roku 2006. Značnej popularite sa teší aj dvanásťjazyčný slovník prísloví B. Hečka (Hečko 1994) *Nehádzte perly svinia*.

Doteraz vyšiel v niekoľkých vydaniach *Malý frazeologický slovník* (Smiešková 1973, 1. vyd.) a dve tematicky usporiadané popularizačné príručky slovníkového typu *Človek v zrkadle frazeológie* (Habovštiaková – Krošláková 1990) a *Človek a príroda vo frazeológii* (Habovštiaková – Krošláková, 1996). Pomerne rozšíreným žánrom sú dvojязыčné frazeologické slovníky, napr.: slovensko-nemecký (Čierna – Juríková – Ondrčková 1995), nemecko-slovenský (Ondrčková – Hanning, 1978), slovensko-maďarský (Smiešková – Simová 1981), maďarsko-slovenský (Habovštiaková – Hasák – Törörková 1984) a mnohé iné. *Polsko-slovenský slovník nárečovej frazeológie* pripravil F. Buffa (Buffa 1998). Kvalitou spracovania vyniká *Rusko-slovenský frazeologický slovník* (Dorotjaková – Ďurčo – Filkusová – Petrufová – Malíková 1998).

Rozsiahle zbierky pomenovaní onymických objektov, dobre vypracovaná teória vlastného mena a jej aplikácia v praktických príručkách svedčia o tom, že onomastika je na Slovensku jednou zo silných vedeckých disciplín a dobrú pozíciu v rámci lexikografie majú **slovníky vlastných mien (onomastické slovníky)**. Ako príklad možno uviesť publikácie vyhľadávané aj širšou verejnosťou ako sú *Názvy obcí na Slovensku za ostatných 200 rokov* (Majtán 1972) a *Meno pre naše dieťa* (Majtán – Považaj 1983). Od sedemdesiatych rokov doteraz sa vďaka zriadeniu Názvoslovnej komisie Slovenskej správy geodézie a kartografie urobil veľký kus práce na štandardizácii slovenského geografického názvoslovia. Prvým predsedom Názvoslovnej komisie (NK) bol jazykovedec L. Dvonč (1970–1992), od roku 1992 M. Majtán a od roku 2008 M. Považaj. Jednou z úloh NK bolo aj vypracovanie metodiky úpravy názvoslovia. Výsledkom práce NK je vydanie 56 názvoslovných publikácií (niektoré v spolupráci s českým partnerom) v rokoch 1974 až 1998. Najprv bol vydaný súbor geografických názvov Základnej mapy Slovenskej republiky v mierke 1 : 50 000 a neskôr sa pristúpilo ku štandardizácii geografického názvoslovia základnej mapy v mierke 1 : 10 000. Okrem toho vyšli viaceré slovníky hydronym a slovníky zachytávajúce iné špecializované podmnožiny geografických názvov, napr. jaskyne a priepasti, vrchy a doliny, chránené územia a pod.

Dlhodobou tradíciou slovenskej lexikografie od 20. rokov 20. storočia je vydávanie **slovníkov cudzích slov**. Prvý slovník tohto typu vydal P. Tvrďý (*Slovník inojazyčný*, 1922). V medzivojnovom období vyšli tri. V povojnovom období najúspešnejšou autorkou v tomto žánri je M. Ivanová-Šalingová. Jej *Malý slovník cudzích slov* vychádzal od roku 1959 (Šalingová 1959) v mnohých zrevidovaných a rozšírených vydaniach. V spoluautorstve vydala v 60. rokoch *Slovník cudzích slov* stredného typu obsahujúci 27 000 bežne používaných slov cudzieho pôvodu (Šaling – Šalingová – Peter 1965, 2. vyd. 1966, 3. vyd. 1970). S tým istým názvom vyšiel neskôr rozsahovo podstatne väčší slovník, ktorý

obsahoval 60 000 slov (Ivanová-Šalingová – Maníková 1979). Od 90. rokov doteraz vychádzajú reedície *Veľkého slovníka cudzích slov* obsahujúceho cez 100 000 slov (Šaling – Ivanová-Šalingová – Maníková 2006, 4. vyd.)

2.1.2.2. Paradigmatické slovníky. Pozoruhodnou kolektívnou prácou Jazykovedného ústavu je rozsiahly *Synonymický slovník slovenčiny*, ktorý pomáha používateľom orientovať sa v lexikálnom bohatstve slovenčiny a kultivovane štylizovať. Ide o prvé rozsiahle dielo tohto druhu v slovenčine (13 000 synonymických radov a 45 000 odkazov), pretože *Malý synonymický slovník* (Pisárčiková – Michalus 1973) určený pre školskú prax zachytával lexikálnu synonymiu iba veľmi výberovo. V novom slovníku (hlavná redaktorka M. Pisárčiková) výber synonymím do synonymického radu vychádza zo široko chápanej synonymie, ktorá zahŕňa úplné synonymá a čiastočné synonymá diferencované z hľadiska času, frekvencie, funkčnosti, štylistického a citového príznaku, ako aj významovo súvzťažné slová patriace k nespisovným útvarom slovenčiny — nárečové, slangové a subštandardné lexikálne prvky.

Medzeru medzi špeciálnymi slovníkmi slovenčiny opisujúcimi časť slovej zásoby na základe formálno-významových (paradigmatických) vzťahov vyplnilo publikovanie *Homonymického slovníka* (Ivanová-Šalingová 1997) a *Paronymického slovníka* (Škvareninová 1999). Paronymický slovník obsahuje aj teoretický úvod. Jeho slovníková časť obsahuje 12 000 paronymických jednotiek získaných zo súboru 80 000 slov.

2.1.2.3. Slovníky parametrov slova. Slovenčina má k dispozícii aj slovníky opisujúce niektorý z parametrov slova: *Frekvencia slov v slovenčine* (Mistrík 1969), *Retrográdny slovník slovenčiny* (Mistrík, 1976), *Príručný slovník slovenskej výslovnosti* (Kráľ 1979; neskoršie vyšli aj jeho rozšírené verzie). Frekvenčný aj retrográdny slovník majú rozsiahle teoretické úvody a pri oboch slovníkoch sa v záverečných etapách práce použila výpočtová technika.

Súčasťou základnej kodifikačnej príručky — *Pravidiel slovenského pravopisu* (Pravidlá 1991) — je aj *Pravopisný a gramatický slovník* obsahujúci 60 000 slov (v 3. vyd. z roku 2000 takmer 70 000 slov). Pri spracúvaných slovách sú základné slovnodruhové údaje a údaje o kľúčových gramatických tvaroch potrebných na identifikáciu skloňovacieho alebo časovacieho typu. V problematických prípadoch sa uvádza rozšírený súbor tvarov.

Prvý *Morfematický slovník slovenčiny* (Sokolová – Moško – Šimon – Benko 1999) vznikol pod vedením M. Sokolovej, ktorá súčasne vypracovala teoretické zásady morfematickej analýzy. Heslár slovníka tvorí asi 70 000 lexikálnych jednotiek. Lexémy sú zoradené abecedne. Cieľom slovníka je aplikovať stanovené pravidlá segmentácie na lexémy a identifikovať jednotlivé segmenty ako morfémy a submorfémy. Slovník je východiskom na opis štruktúry morfém, kombinačných schopností morfov, ako podklad na zistenie frekvencie jednotlivých morfém a vymedzenie ich inventára v slovenčine.

Z morfematického slovníka vyšla aj ďalšia práca tohto autorského kolektívu *Slovník koreňových morfém slovenčiny* (Sokolová a kol. 2005), ktorý má morfematicko-derivačný charakter. Slovník je primárne usporiadaný do súborov koreňových morfém, ktoré sa najčastejšie zhodujú so slovotvorným hniezdom, ale pri polysémnosti koreňov sú súbory

koreňových morfém širšie ako hniezda. Toto dielo vďaka svojmu komplexnému prístupu nahrádza v súčasnosti aj chýbajúci derivačný slovník.

Valenčný slovník slovenských slovies (Sokolová – Nižníková 1998) a *Valenčný slovník slovenských slovies, 2. zväzok (na korpusovom základe)* (Nižníková 2006) zachytáva a opisuje valenčný potenciál najfrekvencovanejších slovenských slovies, ich vidových protikladov a reflexívnych podôb. Prvý zväzok je chápaný ako pokusný a obsahuje 625 slovies s 2060 významami (lexiami). Práca má teoretickú a slovníkovú časť. V teoretickej časti je predstavená základná charakteristika a zásady spracovania slovníka, sémantická klasifikácia slovies, systém slovesných participantov, ich gramatická a sémantická charakteristiku, problematika vidových dvojíc a transformovaných štruktúr. Slovníková časť obsahuje valenčné štruktúry slovies podľa ich frekvencie. V závere je abecedný zoznam slovies aj s uvedením strany, na ktorej sa sloveso rozpracúva. Druhý zväzok, čerpajúci dokladový materiál zo Slovenského národného korpusu, obsahuje 568 slovesných lexém s 1531 lexiami.

2.2. Dvojazyčné slovníky

Po 2. svetovej vojne dvojazyčné slovníky vychádzali viac-menej náhodne a z iniciatívy jednotlivcov. Spravidla to boli reedície predvojnových slovníkov. Takými sú Schultzove nemecké slovníky a maďarsko-slovenský a slovensko-maďarský slovník G. Orbána a M. Meča. Úroveň lexikografickej techniky a rozsah týchto praktických slovníkov neboli dostačujúce. Istým prelomom na poli dvojazyčnej lexikografie bolo vydanie dvojdielného *Slovensko-ruského slovníka*, ktorý napísal s príspevom študentov a aspirantov-rusistov A.V. Isačenko (Isačenko 1950–1957). Autor vo svojom diele vychádzal z koncepcie L.V. Ščerbu a zo zásad uplatnených v jeho Rusko-francúzskom slovníku. A.V. Isačenko vychoval rad lexikografov, ktorí v jeho práci pokračovali a teóriu dvojazyčnej lexikografie ďalej prehlbovali (Bratislavská lexikografická škola). Istým slovenským špecifikom je vydanie 6-zväzkového *Veľkého rusko-slovenského slovníka* (Filkusová – Kučerová – Lapárová – Sekaninová 1960–1970; hlavní redaktori L. Ďurovič, J. Ferienčík, J. Horecký), ktorý predstavuje dvojazyčný slovník akademického typu. Slovník sledujúci aj vedecké, nielen praktické ciele vznikol na dobre vypracovaných základoch prekladového ekvivalentu. V priebehu 80. a 90. rokov vychádzal jeho pendant — *Veľký slovensko-ruský slovník* (1979–1995), ktorý predstavuje doteraz najväčší slovensko-inojazyčný slovník v slovenskej lexikografickej tvorbe. Popri jeho porovnávacej a prekladateľskej funkcii je nezanedbateľná aj jeho sprostredkovateľská slavistická funkcia.

Podstatne odlišná bola situácia vo vydávaní dvojazyčných slovníkov s ostatnými svetovými jazykmi. Pociťovala sa absencia nielen kvalitných školských slovníkov, ale aj prekladových slovníkov stredného typu. Koncom päťdesiatych rokov z ministerstva školstva a kultúry vzišli podnety na zlepšenie prípravy a vydávania dvojazyčných slovníkov malého a stredného typu. Slovníkárska produkcia sa sústredila do Slovenského pedagogického nakladateľstva.

Najviac prekladových slovníkov bolo vydaných z nemčiny, častejšie išlo o slovníky pasívneho typu (východiskovým jazykom je nemčina). Solídne je spracovaná slovná zásoba

v *Nemecko-slovenskom slovníku*, ktorý napísal kolektív autorov (Čierna – Géze – Juríková – Menke 1981). Slovník obsahuje približne 80 000 hesiel s bohato rozpracovanými dokladovými spojeniami a príkladmi správneho použitia hesla v kontexte. Popri bežnej lexike obsahuje aj termíny z rozličných vedných odborov, hovorové výrazy a frazeologizmy. Dlhé roky bol jediným slovníkom stredného rozsahu pre prácu s angličtinou *Anglicko-slovenský slovník* J. Šimka (Šimko 1967), ktorý mal štyri vydania (1968, 1971, 1991). V posledných rokoch sa objavili dobre spracované jednozväzkové slovníky aktívneho typu (t. j. slovensko-inojazyčné) zo všetkých troch svetových jazykov, ktoré sú na Slovensku najrozšírenejšie: *Slovensko-anglický slovník* (Cániková – Slobodníková – Barac – Červenčíková 1997), *Slovensko-nemecký slovník* (Čierna – Čierny 2002) a *Slovensko-francúzsky slovník* (Porubská – Gründlerová 2005). Veľký význam v slovenskom kultúrno-spoločenskom kontexte majú slovníky s maďarčinou. Z posledného obdobia možno spomenúť *Maďarsko-slovenský príručný slovník*, ktorý napísala skúsená lexikografka a vnímavá recenzentka lexikografickej produkcie E. Chrenková (Chrenková 2003).

Klasickú filológiu v slovenskej lexikografii zastupujú J. Špaňár (Špaňár 1962) a J. Hrabovský (Hrabovský 1962) — autori latinsko-slovenských a slovensko-latinských slovníkov, ktorých prvé vydania vyšli v roku 1962 a v rozlične modifikovaných verziách vychádzajú doteraz.

Okrem spomínaného rusko-slovenského a slovensko-ruského slovníka sú z hľadiska slavistickej komunity relevantné aj slovníky porovnávajúce slovenčinu s inými slovanskými jazykmi. V podmienkach slovensko-českej dvojjazyčnosti sú na Slovensku veľmi dôležité slovníky s češtinou. Dobrú úroveň má *Česko-slovenský slovník* (1979) vypracovaný v jazykovednom ústave pod redakciou G. Horáka v spolupráci s českými lexikografmi. Tento jednozväzkový slovník stredného typu obsahuje asi 60 000 hesiel.

Pre dvojicu slovenčina — poľština máme *Poľsko-slovenský a slovensko-poľský slovník* (Buffa – Stano 1975; 2. vyd. 1988). Medzi menšie slovníky patrí *Bulharsko-slovenský slovník* (Zemková 1977), *Slovensko-ukrajinský slovník* (Bunganič 1985) a dnes už (nie vlastnou vinou) anachronický *Slovensko-srbochorvátsky a srbochorvátsky-slovenský slovník* (Horák 1991). V súčasnosti vychádza trojzväzkový *Bulharsko-slovenský slovník* opierajúci sa o koncepciu prekladového ekvivalentu Bratislavskej lexikografickej školy (Koškova a kol. 2004). Kolektív autorov má dobrú lingvistickú prípravu a k spracovaniu hesiel pristupuje veľmi zodpovedne. Slovníky konfrontujúce slovenčinu a slovinčinu vyšli len v Slovinsku.

Sériu *viacjazyčných terminologických slovníkov* pod názvom Technický prekladový slovník vydalo v 70. a 80. rokoch vydavateľstvo Alfa (vyše 30 slovníkov). V tomto vydavateľstve vyšlo aj niekoľko dvojjazyčných polytechnických slovníkov. ***Dvojjazyčné terminologické slovníky*** vydávané prekladateľmi alebo jednotlivcami používajúcimi počítačovú kompiláciu jestvujúcich slovníkov a databáz spravidla nevyňikajú kvalitou lexikografického spracovania. Istú výnimku tvoria dva ekonomické slovníky: *Taliansko-slovenský slovník ekonómie a obchodného práva* (Taraba – Tarabová 2001) a *Nemecko-slovenský ekonomický slovník* (Ondrčková – Lišková – Pospíšilová 2000), jeho pendant s východiskovým jazykom slovenčinou vyšiel roku 2005 (Ondrčková – Lišková – Pospí-

šilová 2005). Niektoré terminologické slovníky vychádzajú ako viacjazyčné lexikografické a databázové projekty podporované Európskou komisiou, napr. *Terminologický slovník a glosár z oblasti sociálnej ochrany* (program Consensus, 2000) a *Viacjazyčný multi-mediálny slovník životného prostredia a vedných disciplín týkajúcich sa Zeme* (program Leonardo da Vinci, 2005). Obidva slovníky vyšli v zahraničí.

3. Problémové miesta slovenskej lexikografie a perspektívy

Napriek tomu, že v posledných dvoch desaťročiach vyšli alebo postupne vychádzajú slovníkové diela predstavujúce súčasť základného lexikografického fondu každého jazyka (jednozväzkový výkladový slovník súčasného jazyka, veľký synonymický slovník, historický slovník, nárečový slovník), predsa nám niektoré základné slovníky chýbajú: súčasný výkladový slovník stredného alebo väčšieho rozsahu (6 a viacej zväzkov), etymologický slovník, veľký frazeologický slovník, slovotvorný slovník, slovník spätelnosti a niektoré iné. Všetky uvedené slovníky okrem frazeologického sú už rozpracované.

Doteraz vyšli dva zväzky *Slovníka súčasného slovenského jazyka* (1. zv. A – G, 2006; 2. zv. H – L, 2011; ďalej SSSJ), **výkladového slovníka** plánovaného na osem zväzkov, ktorý spracúva slovnú zásobu slovenčiny za posledných 50 rokov a vychádza z kombinovanej materiálnej základne — z klasickej lístkovej kartotéky aj z elektronických textových zdrojov textového korpusu a internetových stránok v slovenčine. Obidva zväzky obsahujú 55 711 heslových slov. Svojím typom je SSSJ slovník výkladový (poskytujúci výklady slov na základe najnovších teoretických poznatkov z oblasti lexikálnej sémantiky a korpusovej lingvistiky), slovník dokladový (dokumentujúci status slova ako súčasti autentických prehovorov a textov) a slovník deskriptívno-preskriptívny (dôsledne reflektujúci výsledky skúmania širokej materiálnej základne a súčasne poskytujúci kvalifikovaný názor na lexikálne jednotky z hľadiska výstavby kultivovaného prejavu). Vedúcou tohto viaczväzkového projektu je A. Jarošová, ktorá je spolu s K. Buzássyovou aj hlavnou redaktorkou vydaných zväzkov SSSJ.

Etymologický slovník jazyka českého a slovenského zostavil český jazykovedec V. Machek (1957). V 2. vydaní s názvom *Etymologický slovník* (1968) sa už slovenské slová, ktoré nemajú obdobu v češtine, ako heslové slová neuvádzajú. Tento slovník, ktorý je už z viacerých príčin zastaraný, sa na Slovensku doteraz používa ako základná etymologická príručka. Odborník v oblasti indoeuropeistiky a slavistiky Š. Ondruš uverejňoval niekoľko desaťročí etymologické výklady jednotlivých slov vo vedeckých aj v spoločenskocultúrnych časopisoch. V posledných rokoch vyšli tri zväzky jeho esejisticky štylizovaných etymologických profilov jednotlivých slovenských slov, vlastných mien a zemepisných názvov. Dielo nazvané *Odtajnené trezory slov* (Ondruš 2000–2005) čiastočne nahrádza dosiaľ nejestvujúci kompletný etymologický slovník slovenského jazyka a prezentuje významné výsledky autorovho celoživotného odborného bádania.

Realizácia detailného etymologického slovníka slovenčiny, ktorý by obsahol lexiku súčasného spisovného jazyka, starších období vývinu slovenčiny i slovenských nárečí, si vyžaduje účasť tímu vysokokvalifikovaných odborníkov. Nedostatočné personálne obsade-

nie tejto disciplíny na Slovensku dovoľuje uskutočniť len alternatívny projekt — zostavenie stručného (jednozväzkového) vedecko-popularizačného etymologického slovníka. Takéto dielo môže aspoň čiastočne odstrániť medzeru v slovakistickej literatúre a — podľa slov jeho autora Ľ. Kráľika (Králik 2001: 71) — „v budúcnosti by mohlo slúžiť aj ako východisko na prípravu spomínaného detailného etymologického slovníka“. Vydanie *Stručného etymologického slovníka slovenčiny* Ľ. Kráľika je v štádiu záverečnej redakčnej úpravy.

Predpokladáme, že k práci na vydaní veľkého *frazeologického slovníka* sa pristúpi po vydaní viacdielneho Slovníka súčasného slovenského jazyka.

4. Teoretická reflexia lexikografickej tvorby

Tradícia vedeckých stretnutí venovaných lexikografickej a lexikologickej problematike sa začala celoštátnou konferenciou českých a slovenských lexikografov v Bratislave roku 1952. Táto konferencia si kládla za cieľ, aby sa na pozadí vtedajších skúseností prerokovali základné otázky lexikálnej sémantiky, lexikológie a teórie lexikografie a tak, aby sa účinne zasiahlo do odbornej prípravy chystaných aj rozpracovaných slovníkov. Diskusia o slovensko-ruskom a rusko-českom slovníku ukázala základné rozdiely v ponímaní dvojjazyčného hesla medzi bratislavskými a pražskými rusistami. Na tejto konferencii bratislavská skupina explicitne formulovala zásady svojej koncepcie dvojjazyčného slovníka (prekladový ekvivalent a členenia hesla podľa ekvivalentov, a nie podľa významovej štruktúry východiskového slova). Zborník z tejto konferencie (*Lexikografický zborník 1953*) sa stal jedným z prvých diel modernej teoretickej lexikografie v Európe a bohato ho cituje aj L. Zgusta vo svojej príručke *Manual of Lexicography*, ktorá má pre teóriu lexikografie zásadný význam.

V roku 1959 sa na popud školských orgánov uskutočnila porada o dvojjazyčných slovníkoch v Piešťanoch (*Lexikografický zborník 1961*). Účastníci si uvedomovali medzerovitost' vtedajšej lexikografickej teórie a fakt, že slovníkárská práca je rozptýlená po niekoľkých vedeckých pracoviskách a redakciách. Odznali na nej aj teoretické referáty opreté o praktické skúsenosti z koncipovania slovníkov, ale mnoho príspevkov sa zameriavalo na praktické a technické otázky. Porada dala organizačný popud na to, aby sa práca na menších, stredných a odborných dvojjazyčných slovníkoch sústredila do redakcie cudzích jazykov Slovenského pedagogického nakladateľstva.

Jazykovedné pracovisko akadémie usporiadalo v roku 1965 vedeckú konferenciu o slovníku spisovnej slovenčiny, na ktorej boli prednesené posudky na prvé štyri zväzky Slovníka slovenského jazyka (1959–1964) a tézy koncepcie pripravovaného príručného slovníka spisovnej slovenčiny. Slovník sa posudzoval ako málo normatívny, pokiaľ ide o rozhraničenie slovnej zásoby češtiny a slovenčiny a, naopak, ako príliš aktívny, pokiaľ ide o odsúvanie expresívnych a širšie známych (vďaka literatúre) regionálnych slov za hranice spisovnosti. Príspevky z konferencie boli uverejnené v časopise *Slovenská reč* v roku 1966.

V roku 1970 sa uskutočnila medzinárodná lexikologicko-lexikografická konferencia (*Slovo a slovník 1973*), ktorá vedome nadväzovala na všetky predchádzajúce podujatia.

Konferencia bola zamýšľaná ako vyvrcholenie prác na Veľkom rusko-slovenskom a Veľkom rusko-českom slovníku a zhrnutie dlhoročných skúseností z práce na všetkých typoch slovníkov. Úvodný tematický okruh Lexika ako systém sa zaoberal otázkami lexikológie v spojení s najvšeobecnejšími pojmami jazykovedy.

Nasledujúca konferencia výskumu a opisu lexiky sa uskutočnila až v roku 1983 (Obsah a forma v slovnej zásobe 1984). Na konferencii sa referovalo a diskutovalo o všetkých slovníkových projektoch na Slovensku: o výkladovom, prekladovom, nárečovom, historickom aj etymologickom slovníku. Okrem lexikografických opisov sa konferencia venovala aj posúdeniu atlasových projektov týkajúcich sa lexiky a jeden tematický okruh tvorili príspevky o dynamických javoch slovnej zásoby slovenčiny. Hlavné referáty boli tradične venované teoreticko-metodologickým východiskám výskumu slovnej zásoby. Problematikou tvorby slovenských slovníkov sa zaoberal aj jeden zo štyroch tematických okruhov medzinárodného sympózia o slovnej zásobe slovanských jazykov, ktoré sa konalo v roku 1989 pri príležitosti 7. pracovného zasadnutia Lexikologicko-lexikografickej komisie pri Medzinárodnom komitáte slavistov (Metódy výskumu a opisu lexiky slovanských jazykov 1990). Posudzovali sa jednotlivé problémy synonymického, historického a veľkého dvojjazyčného slovníka. Po prvý raz sa rokovalo aj o počítačovom spracovaní slovnej zásoby.

V roku 1991 sa uskutočnilo 4. celoslovenské stretnutie jazykovedcov, ktorého témou bola slovensko-inojazyčná lexikografia. Na tomto podujatí odzneli referáty venované teoretickej problematike dvojjazyčných slovníkov, napr. typológii ekvivalentov a frazeológii v dvojjazyčnom hesle, ale súčasne sa referovalo aj o prebiehajúcich slovníkových projektoch.

6. celoslovenské stretnutie jazykovedcov sa zoberalo problematikou pripravovaných jednojazyčných slovníkov, ktoré spracúvajú špecifické aspekty slovnej zásoby (morfematický slovník, valenčný slovník, slovotvorný slovník, slovník slovenských terénnych názvov a iné). V druhom bloku boli referáty približujúce problematiku vzťahu teórie a praxe, koncepcie a realizácie rozpracovaných projektov (nárečový slovník, historický slovník, synonymický slovník). Súčasťou tohto bloku bola aj problematika počítačovej podpory pri tvorbe slovníkov.

Zborník *Lexicographica '99* (2001) venovaný K. Buzássyovej poskytuje vcelku verný obraz o súčasnej lexikografickej produkcii na Slovensku, pretože sedem úvodných štúdií, tvoriacich prvú časť zborníka, predstavuje zasvätený autorský a redaktorský pohľad na jednotlivé slovníkové projekty. Druhú časť zborníka tvoria štúdie venované špeciálnym otázkam. Ide o lexikografické spracovanie jednotlivých parametrov slova ako komplexnej jazykovej jednotky. Rozpracúvajú sa také aspekty ako štylistická príznakosť, výslovnosť, funkčná určenosť slova a iné.

Lexikograficky relevantné aspekty lexikálnej sémantiky, gramatiky a pragmatiky sa rozpracúvajú príspevkami v zborníku *Slovo v slovníku* (2012).

Pomerne podrobný prehľad prác zaoberajúcich sa výskumom dejín slovenských slovníkov podáva vo svojom dvojjazyčnom diele o slovenskej lexikografii M. Hayeková (Hayeková 1979, 1992). Na konci zoznamu slovníkov a relevantných teoretických prác, pripájame aj Prehľad odborných prác doplnený o niektoré novšie tituly.

ZOZNAM SLOVNÍKOV

- Atlas slovenského jazyka. III. Tvorenie slov. Časť 2 / Red. F. Buffa. Bratislava: Veda, 1978. 248 s.; IV. diel. Lexika. Časť 2 / Red. A. Habovštiak. Bratislava: Veda, 1984. 368 s.
- Bernolák Anton. Slowár slowenský, Česko-Laťansko-Ľemecko-Uherský. Budín: Typogr. Reg. Univers. Hungarie, 1825–1827. 4446 s.
- Buffa Ferdinand – Stano Mikuláš. Poľsko-slovenský a slovensko-poľský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1975. 860 s.; 2. vyd. 1988.
- Buffa Ferdinand. Poľsko-slovenský frazeologický slovník. Prešov: Náuka, 1998. 278 s.
- Bunganič Peter. Slovensko-ukrajinský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1985. 674 s.
- Cániková Angela, Slobodníková Ľubica, Barac Ľudovít, Červenčíková Silvia. Slovensko-anglický slovník. Bratislava: Slovak Academic Press, 1997. 1128 s.
- Chrenková Edita. Magyar-szlovák kézisztótár. Maďarsko-slovenský príručný slovník. Veľký Meder: Talentum, 2003. 631 s.
- Česko-slovenský slovník / Red. G. Horák. 1. vyd. Bratislava: Veda, 1979. 790 s.; 2. vyd. 1981.
- Čierna Mária, Čierny Ľadislav. Slovensko-nemecký slovník. Bratislava: Ikar, 2002. 832 s.
- Čierna Mária, Géze Ernest, Juríková Marta, Menke Eligius. Nemecko-slovenský slovník, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1981. 855 s.
- Čierna Mária, Juríková Marta, Ondrčková Eva. Slovensko-nemecký frazeologický slovník, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1995. 532 s.
- Dorotjaková Viktória, Ľurčo Peter, Filkusová Mária, Petrufová Magdaléna, Malíková Mária Oľga. Rusko-slovenský frazeologický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1998. 670 s.
- Fajnor Ľadimír, Záturecký Ľdolf. Právnický terminologický slovník I. (maďarsko-slovenský). Martin, 1921. 163 s. II. zv. (slovensko-maďarský). Bratislava, 1923.
- Filkusová Mária, Kučerová Eleonóra, Ľapárová Viktória, Šekaninová Ella. Veľký rusko-slovenský slovník. I / Red. Ľ. Ľurovič, J. Ferencič, J. Horecký. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1960. 762 s.; II. zv. 1963. 1009 s.; III. zv. 1965. 1028 s.; IV. zv. 1970. 789 s.; V. zv. 1970. 792 s.
- Garaj Ján K. Príručný slovník diferenciálny a synonymický. Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1937. 250 s.
- Gradus ad Parnassum sive novus synonymorum, epithetorum et phrasium poeticarum thesaurus. Trnava: Univerzitná tlačiareň, 1725. 1248 s.
- Habovštiaková Katarína, Hasák Ľiliam, Törökóvá Matilda. Magyar-Szlovák frazeológiai sztótár. Maďarsko-slovenský frazeologický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1984. 2. vyd. 170 s.
- Habovštiaková Katarína, Krošláková Ema. Človek v zrkadle frazeológie. Bratislava: Tatran, 1990. 217 s.
- Habovštiaková Katarína, Krošláková Ema. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava: Veda, 1996. 175 s.
- Hečko Ľlahoslav. Nehádzte perly sviniam. Bratislava: Artifex, 1994. 372 s.
- Historický slovník slovenského jazyka. I. (A–J) / Red. M. Majtán. Bratislava: Veda, 1991. 535 s.; II. (K–N). 1992. 614 s.; III. (O–P). 1994. 653 s.; IV. (Poihrať sa – Pytlovať) 581 s.; V. (R–Š) 690 s.; VI. (T–V). 2005. 699 s.; VII. (Z–Ž. Dodatky). 2008. 542 s.
- Hocheľ Branislav. Slovník slovenského slangu. Bratislava: Hevi, 1993. 191 s.
- Horák Ľmil. Slovensko-srbochorvátsky a srbochorvácko-slovenský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1991. 756 s.
- Hrabovský Jozef. Slovensko-latinský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1962. 609 s.
- Hvozdzik Ján. Zovrubný slovník slovensko-maďarský a maďarsko-slovenský. Časť slovensko-maďarská. Praha; Prešov: Československá grafická únia, 1937. 1638 s.
- Isačenko Ľleksandr. Slovensko-ruský prekladový slovník. I. (A–O). Bratislava: Slovenská akadémia vied a umení 1950. 822 s.; II. (P–Ž). Bratislava: Slovenská akadémia vied, 1957. 591 s.
- Ivanová-Šalingová Mária, Maniková Zuzana. Slovník cudzích slov. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1991. 943 s.
- Ivanová-Šalingová Mária. Homonymický slovník. Veľký Šariš: SAMO-AAMM, 1997. 213 s.
- Jančovič Štefan. Noví Slovensko-maďarský a maďarsko-slovenský slovník. Sarvaš: Tlač Ľ. Réthy, vlastným nákladom, 1848. I. zväzok 448 s.; II. zväzok 417 s.
- Jánošik Anton, Jóna Eugen. Slovník spisovného jazyka slovenského. I. (A–J). Martin: Matica slovenská, 1946. 992 s.

- Káral Karel, Káral Miroslav.* Slovenský slovník z literatúry aj z nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Banská Bystrica: Slovenská Grafia, vlastným nákladom, 1923. 1104 s.
- Káral Karel, Salva Karol.* Slovník slovensko-český a česko-slovenský. Ružomberok: vlastným nákladom, 1896. 290 s.
- Kamaldulský slovník (Syllabus dictionarii latino-slovenicus). (1763, 948 s.; rukopis v Rukopisnom oddelení Univerzitnej knižnici v Budapešti, sign. H 64).
- Komenský Jan Amos.* Janua linguae latinae reserata aurea sive seminarium linguae latinae et scientiarum omnium. Levoča: L. Brewer, 1649. (Slovenský preklad František Buřovský z roku 1666; 503 s., rukopis v Literárnom archíve Matice slovenskej v Martine, sign. B 529).
- Komenský Jan Amos.* Orbis sensualium pictus quadrilinguis. Levoča: S. Brewer, 1685. 472 s. (Fotolitografický reprint: Orbis sensualium pictus. Ed. L. Bakoš / Red. A. Sandany – M. Bartoňová. Praha: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Státní pedagogické nakladatelství, 1958. 512 s.)
- Košková Mária a kol.* Bulharsko-slovenský slovník. I. (A–K). Bratislava: Slavistický kabinet Slovenskej akadémie vied, 2004. 709 s.
- Kráľ Abel.* Príručný slovník slovenskej výslovnosti. 1. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1979. 644 s.; 2. opr. vyd. 1982.
- Králik Ľubor.* O príprave Stručného etymologického slovníka. In: Lexicographica 99. Zborník na počesť Kláry Buzássyovej. Ed. S. Ondrejovič – M. Považaj. Bratislava: Veda, 2001. S. 69–78.
- Krátky slovník slovenského jazyka / Red. J. Kačala, M. Pisárčiková. 1. vyd. Bratislava: Veda, 1987. 587 s.; 4. dopl. a opr. vyd. 2003. 985 s.
- Latsný Adam.* Dictionarium Cognatium, seu Conventiam linguarum: Hungarica et slavica exhibens, pro nationalibus Scholis Slavenicis adernatum (datovanie stanovené 1767–1797, 358 s., rukopis v Rukopisnom oddelení Univerzitnej knižnice v Budapešti).
- Ledényi Július.* Nomina Anatomica. Slovenské telovedné názvoslovie. Martin: Matica slovenská, 1935. 234 s.
- Leška Štefan.* Elenchus vocabulorum Europaeorum magyarici usus. Budín: Typographiae Regiae Univ. Hungaricae, 1825. 271 s.
- Loos Josef.* Slovník slovenskej, maďarskej a nemeckej reči. III. Diel slovensko-maďarsko-nemecký: Pešť: Wilem Lauffer, 1871. 652 s.
- Lyczei Ján.* Catalogus onomasticus Latino- Hungaro- Germano- Slavonicus vocum difficiliorum Oeconomici. In: Iter Oeconomicum. Trnava: Univerzitná tlačiareň, 1707. S. 285–301.
- Majtán Milan.* Názvy obcí na Slovensku za ostatných 200 rokov. Bratislava: VSAV, 1972. 666 s.
- Majtán Milan, Považaj Matej.* Meno pre naše dieťa. 2. vyd. Bratislava: Obzor, 1983. 200 s.
- Martin zo Strážnice. Bohemarius (datovanie stanovené 1369–1409, 42 s.; rukopis v Knižnici Metropolitnej kapituly u sv. Víta v Prahe, sign. O LIX, fol. 21–33. Prvé vydanie tlačou: In: Zbírka nejdávnějších slovníků. Ed. V. Hanka. Praha, 1833. S. 26–53).
- Matejčík Ján.* Lexika Novohradu. Vecný slovník. Martin: Osveta, 1975. 308 s.
- Mičátek Ludovít.* Diferenciálny slovensko-ruský slovník s tromi prílohami a skrátaná mluvnica slovenského jazyka s krátkym úvodom. Turčiansky Sv. Martin: Knihtlačiarstvo-účastinársky spolok, 1900. 322 s.
- Mistrik Jozef.* Frekvencia slov v slovenčine. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1969. 726 s.
- Mistrik Jozef.* Retrográdný slovník. Bratislava: Univerzita Komenského, 1976. 735 s.
- Nížniková Jolana.* Valenčný slovník slovenských slovies. 2. zväzok (na korpusovom základe). Prešov: Prešovská univerzita, Filozofická fakulta, 2006. 166 s.
- Nomenclator pružinský (datovanie stanovené do 18. storočia, 135 s., rukopis v Literárnom archíve Matice slovenskej v Martine, sign. J 222).
- Ondrčková Eva, Hanning Dieter.* Nemecko-slovenský frazeologický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1978. 332 s.
- Ondrčková Eva, Liškova Danuša, Pospíšilová Jana.* Nemecko-slovenský ekonomický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 2000. 995 s.
- Ondrčková Eva, Liškova Danuša, Pospíšilová Jana.* Slovensko-nemecký ekonomický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 2005. 848 s.
- Ondruš Šimon.* Odtajnené trezory slov. I. Martin: Matica slovenská, 2000. 239 s.; II. zv. 2002. 225 s.; III. zv. 2005. 230 s.
- Orlovský Jozef.* Gemerský nárečový slovník. Martin: Osveta, 1982. 424 s.

- Palkovič Juraj (Jiří)*. Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Befügung der Slowaken und Mahren eigenen Ausdrücke und redensarten. I. (A–N). Prag: Thomas Bulka 1820. 1182 s.; II. zv. (O–Ž). Pressburg: Belnayischen erben, 1821. 3048 s.
- Pechány, Adolf*. Slovník slovenský a maďarský dľa Jozefa Loosa. I. diel. Slovník slovensko-maďarský. Budapešť: Bratia Révai literárny ústav úč. spol., 1906. 400 s.; II. diel. Slovník maďarsko-slovenský. 449 s.
- Pisárčiková Mária, Michalus Štefan*. Malý synonymický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1972. 320 s.
- Porubská Emilia, Gründlerová Viera*. Slovensko-francúzsky slovník. Bratislava: Ikar, 2005. 696 s.
- Pravidlá slovenského pravopisu. Red. V. Vážny. Praha: Štátne nakladateľstvo, 1931. 360 s.
- Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Martin: Matica slovenská, 1940. 482 s.
- Pravidlá slovenského pravopisu. Bratislava: Veda, 1991. 536 s.
- Ribay Juraj*. Idioticum Slovacicum, voces Bohemis aut plane non, aut alio sensu usitatas circiter 14700 complectens. (napísané v roku 1808, 286 s.; rukopis v Literárnom archíve Matice slovenskej, sign. c/4063).
- Ripka Ivor*. Vecný slovník dolnotrenčianskych nářečí. Bratislava: Veda, 1981. 340 s.
- Ryšánek František*. Slovník k Žilinské knize. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1954. 800 s.
- Slovník slovenského jazyka. I. (A–K). Red. Š. Peciar. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1959. 815 s.; II. zv. (L–O) 1960. 847 s.; III. zv. (P–R) 1963. 911s.; IV. zv. (S–U). 1964. 759 s.; V. zv. (V–Ž). 1965. 847 s.; VI. zv. Doplnky a dodatky. 1968. 331 s.
- Slovník slovenských nářečí. / Red. I. Ripka. I. (A–K). Bratislava: Veda, 1994. 936 s. II. (L–P–povzchádzať). 2006. 1066 s.
- Slovník súčasného slovenského jazyka. A–G. [1. zv.] / Red. K. Buzássyová — A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2006. 1134 s.; H–L. [2. zv.] / Red. A. Jarošová – K. Buzássyová. Bratislava: Veda, 2011. 1088 s.
- Smiešková Elena*. Malý frazeologický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974. 296 s.
- Smiešková Elena, Simová Eva*. Szlovák-magyar frazeológiai szótár. Slovensko-maďarský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1981. 152 s.
- Sokolová Miloslava, Moško Gustáv, Šimon František, Benko Vladimír*. Morfematický slovník slovenčiny. Prešov: Náuka, 1999. 530 s.
- Sokolová Miloslava, Nižníková Jolana a kol.* Valenčný slovník slovenských slovies. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 1998. 280 s.
- Sokolová Miloslava a kol.* Slovník koreňových morfém slovenčiny. Red. M. Sokolová — M. Ološtiak — M. Ivanová. Prešov: Prešovská univerzita, 2005. 584 s.; 3. upr. a dopl. vyd. 2012.
- Synonymický slovník slovenčiny / Red. M. Pisárčiková. 1. vyd. Bratislava: JÚLŠ – Veda, 1995. 998 s.; 3. vyd. 2004.
- Šaling Samo, Šalingová Mária, Peter Ondrej*. Slovník cudzích slov. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1965. 1137 s.
- Šaling Samo, Ivanová-Šalingová Mária, Maniková Zuzana*. Veľký slovník cudzích slov. 4., revidované a doplnené vyd. Bratislava – Prešov: SAMO, 2006. 1392 s.
- Šalingová Mária*. Malý slovník cudzích slov. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1959. 460 s.
- Šedivý Vladimír*. Slovník francúzsko-slovenský. Nitra: Prvá slovenská knihtlačiareň, 1933. 995 s.
- Šimko Ján*. Anglicko-slovenský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1967. 1143 s. 1. vyd.
- Škvareninová Olga*. Paronymický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1999. 212 s.
- Špaňár Július*. Latinsko-slovenský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1962. 1316 s.
- Taraba Ján, Tarabová Mária*. Taliansko-slovenský slovník ekonómie, finančného a obchodného práva. Bratislava: Stimul, 2001. 616 s.
- Trnavský slovník (Verborum in institutione grammaticae in ungaricum et slavicum translatio secundum ordinem alphabeticum). Trnava: Univerzitná tlačiareň, 1648. 53 s.
- Tvrдый Peter*. Slovník Latinsko-Slovenský. Ružomberok: Lev, Knihtlačiarsky a nakladateľský spolok, 1923. 345 s.
- Tvrдый Peter*. Slovenský frazeologický slovník. Trnava: Spolok Sv. Vojtecha, 1931. 738 s. 2. rozšírené vydanie Praha: Československá grafická únia, 1933. 844 s.
- Vážný Václav*. Glossarium Bohemoslavicum. Slovník k “Středověkým listům ze Slovenska” s jazykovým rozbohem. Bratislava, 1937. 130 s.
- Veľký slovensko-ruský slovník I (A–L) / Red. D. Kollár. Bratislava: Veda 1979. 992 s.; II. zv. (L–O) / Red. E. Sekaninová. 1982. 848 s.; III. zv. (P–Q). 1986. 808 s.; IV. zv. (R–Š). 1990. 760 s.; V. zv. (T–Vú). 1993. 496 s.; VI. zv. (Vy–Ž). 1995. 704 s.

- Viest Ivan, Škultéty Jozef.* Maďarsko-nemecko-slovenský železničný slovník. Turčiansky Svätý Martin: vlastným nákladom, 1919. 788 s.
- Wagner František, Zarubal Bartolomej.* Universae phraseologiae latinae corpus. Trnava: Univerzitná tlačiareň, 1750. 1328 s.
- Záturecký Adolf Peter.* Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Ed. M. Kosová. Predslov A. Melicherčík. Bratislava: Tatran, 1975. 760 s.
- Zemková Luba.* Bulharsko-slovenský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1977. 928 s.

ZOZNAM PRÁC S LEXIKOGRAFICKOU PROBLEMATIKOU

4. celoslovenské stretnutie jazykovedcov konané 1.–2. 10. 1991 v Modre-Piesku. Súčasná slovensko-inojazyčná lexikografia // Zápisník slovenského jazykovedca. Bulletin Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV. 1991. Roč. 10. Č. 3 a 4. S. 26–35.
6. celoslovenské stretnutie jazykovedcov konané v dňoch 17.–18. 5. 1994 v Bratislave. Lexikológia a lexikografia v synchronickom a diachronickom aspekte // Zápisník slovenského jazykovedca. Bulletin Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV. 1994. Roč. 13. Č. 1–4. S. 11–28.
- Hayeková 1979, 1992: *Hayeková Matilda.* Dejiny slovenských slovníkov do roku 1945. Bratislava: Univerzita Komenského, 1979. 256 s., *eadem.* Dejiny slovenských slovníkov II. 1946–1975. Bratislava: Univerzita Komenského, 1992. 244 s.
- Lexicographica '99: Zborník na počesť Kláry Buzássyovej / Ed. S. Ondrejovič – M. Považaj. Bratislava: Veda, 2001. 308 s.
- Lexikografický zborník 1953: Lexikografický zborník. Materiály z I. celoštátnej konferencie lexikografov. Bratislava 1952 / Red. Š. Peciar. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1953. 215 s.
- Lexikografický zborník 1961: Lexikografický zborník. Materiály z porady o prekladových slovníkoch. Piešťany 1959 / Red. V. Blanár. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1961. 120 s.
- Metódy výskumu a opisu slovanských jazykov 1990: Metódy výskumu a opisu slovanských jazykov. Materiály sympózia konaného v rámci 7. zasadnutia Lexikologicko-lexikografickej komisie Medzinárodného komitétu slavistov. Nové Vozokany 1989. Red. J. Kačala. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 1990. 294 s.
- Obsah a forma v slovnej zásobe 1984: Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny. Smolenice 1983. Red. J. Kačala – I. Masár. Bratislava: jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 1984. 400 s.
- Slovo a slovník 1973: Slovo a slovník. Zborník referátov z lexikologicko-lexikografickej konferencie. Smolenice 1970. Red. J. Ružička — I. Poldauf. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1973. 256 s.
- Slovo v slovníku 2012: Slovo v slovníku. Aspekty lexikálnej sémantiky — gramatika, štylistika (pragmatika). Na počesť Alexandry Jarošovej. / Eds. K. Buzássyová – B. Chochoľová – N. Janočková. Bratislava: Veda, 2012. 300 s.
- Prehľad odborných článkov:** *Weingart Miloš.* Príspevky k studiu slovenštiny. II. Časť. Slovenský slovník // Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave. Roč. 1. Č. 14.–17. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 1923. S. 28–112; *Vážný Václav.* Z trnavské slovníkové a mluvnické literatury před Bernolákem. (Jazyková charakteristika) // Bratislava. Časopis pro výskum Slovenska a Podkarpatské Rusi. 1936. Roč. 10. Čís. 4–5. S. 365–405; *Jóna Eugen.* Prehľad slovenskej a českej lexikografie a lexikológie // Slovenská reč. 1950–1951. Roč. 16. S. 270–284; *Jóna Eugen.* Slovenská lexikografia a lexikológia v rokoch 1945–1960 // Slovenská reč. 1960. Roč. 25. S. 242–253; *Blanár Vincent.* Problematika dvojjazyčných slovníkov na Slovensku (Lexikografia v dejinách slovenskej jazykovedy; dnešný stav, úloha a organizácia). // Lexikografický zborník. Materiály z porady o prekladových slovníkoch. Piešťany 1959 / Red. V. Blanár. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1961. S. 6–17; *Palkovič Konštantín.* Z predberňolákovských slovníkov // Philologica. 15. Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1962. S. 103–121; *Peciar Štefan.* Súčasná slovenská lexikografia // Studia Academica Slovaca. 11 / Red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, 1982. S. 415–428; *Horecký Ján.* Slowakische Lexikographie // Wörterbücher. Ein Internationales Handbuch zur Lexikographie / Ed. F.J. Hausmann – O. Reichmann – H. E. Wiegand – L. Zgusta. Zweiter Teilband. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1990. S. 2284–2287; Encyklopédia jazykovedy. Ed. J. Mistrík. Bratislava: Obzor, 1993. 350 s.

Majda MERŠE
(Ljubljana, Slovenija)

SLOVENSKA LEKSIKOGRAFIJA IN LEKSIKOLOGIJA V ZGODOVINSKI PERSPEKTIVI

0. Uvod

V preteklosti je nastalo več prikazov slovenskega slovaropisja (Breznik 1926 in 1938; Novak 1970; Lukan 1978; Weiss 1997). Avtorji so se predstavitev lotevali z različnih vidikov. Pričujoči prispevek skuša predstaviti celotno slovensko slovaropisno dejavnost v preteklosti in sedanjosti¹. Dosedanji prikazi razvojno vplivnejših slovarjev so dopolnjeni z novimi ugotovitvami, ki so jih prispevale raziskave posameznih slovarjev in tipov slovarjev.

1. Razvoj slovenskega slovaropisja do “Slovarja slovenskega knjižnega jezika” (1970–1991)

1.1. Zgodovina slovenskega slovaropisja je tesno povezana z zgodovino slovenskega knjižnega jezika, ki se začne leta 1550 z izidom dveh Trubarjevih del. Slovenski protestantski pisci 16. stoletja so se kot avtorji prvih slovenskih tiskanih knjig, med katerimi je osrednje mesto pripadalo biblijskim prevodom, nenehno soočali s poimenovalnimi potrebami in zadregami, z izraznim primanjkljajem slovenskega jezika in s prevodno problematiko nasploh. Potreba po praktičnem jezikovnem priročniku, ki bi na slovarski način povezoval jezike, s katerimi so se protestantski pisci srečevali v vsakdanjem govoru in pri prevajanju, je vsekakor morala biti živa. Med slovarske zametke, nastale v prvih petdesetih letih razvoja slovenskega knjižnega jezika², je mogoče šteti: 1. štiriindvajset latinsko-slovenskih besednih parov iz Kreljeve “Otrozhie Bible”, 1566 tipa *Deus Bog*; 2. Bohoričevo, za šolsko rabo napisano, vendar kasneje izgubljeno slovarsko delo “Nomenclatura trium linguarum”, kjer je bilo besedje razvrščeno po zaporedju latinsko-nemško-slovensko; 3. večjezične besedne sezname iz Bohoričeve slovnice iz leta 1584, ki ponazarjajo sklanjatvene in spregatvene tipe³; 4. Register, dodan Dalmatinovemu prevodu Pentatevha iz leta 1578, in Register, dodan Dalmatinovi “Bibliji”⁴. Gre za narečne sopomenke, ki so kot ustreznice pripisane besedam, ki so bile uveljavljene na Kranjskem in hkrati v knjižnem jeziku. Namen obeh registrov je bil doseči večjo razumljivost biblijskih prevodov. 5. So-

---

¹ Obsežnejša predstavitev celotnega slovenskega slovaropisja je v novejšem času nastala na Poljskem, prim.: Ostromecka Frączak 2007. Glede na avtoričino lastno slovaropisno delo je v knjigi več pozornosti namenjene dvojezičnim slovarjem (poljsko-slovenskemu in slovensko-poljskemu (Ostromecka Frączak 2007: 129–149)).

² Podrobneje o slovenskih slovaropisnih začetkih prim.: Stabej 1967; Lukan 1978: 193; Novak 1988; Gjurin 1986 itd.

³ Prim.: Ahačič 2006: 143.

⁴ Register iz leta 1578 vsebuje 205 besed (Stabej 1967: 185), Register, dodan Dalmatinovi “Bibliji” iz leta 1584, pa 754 besed (Gjurin 1984: 185).

pomenske pare ter nekaj razlagalnih modelov izkazujejo tudi stvarni registri, dodani nekaterim protestantskim knjigam.

1.1.1. Prvi večji večjezični slovar, v katerega je bil vključen slovenski jezik, je “Dictionarium qvatvor lingvarvm” (nemško-latinsko-slovensko-italijanski slovar) iz leta 1592, ki ga je izdelal nemški učenjak in leksikograf Hieronim Megiser. Čeprav slovenski jezik v njem nastopa v vlogi ustreznice jezika, pa se izbor slovarsko zajetih štirih jezikov dejansko omejuje na jezike, s katerimi so se izobraženci srečevali na slovenskih tleh.

Leta 1603 je izšlo še drugo slovarsko delo istega avtorja, ki vključuje vrsto jezikov, narečij in govorov. Slovenski jezik ima v njem zaradi pomnoženega števila leksikalnih enot glede na druge slovanske jezike in glede na slovar iz leta 1592 vidno mesto⁵. To je “Thesaurus Polyglottus: vel, Dictionarium Multilingue”. Megiser je v prvi in za njim tudi v drugi slovar vključil slovensko besedje, navedeno v Registru, dodanem Dalmatinovi “Bibliji”, in v besednih seznamih iz Bohoričeve slovnice. Zajel je splošno uporabljano besedje, navedel pa tudi besedje, ki ga v knjižnih izdajah 16. stoletja ni mogoče zaslediti (npr. za realije, ki v biblijskih prevodih niso bile omenjene, ker izvirajo iz drugega naravnega, kulturnega ali zgodovinskega okolja (Merše 2006)).

1.2. Naslednji slovar z zajetim slovenskim besedjem je “Vocabolario Italiano, e Schiauo”⁶, ki ga je leta 1607 v Vidmu izdal pater Gregorio Alasia da Sommaripa. Slovar že spada v poprotestantsko obdobje. Kljub poznavanju Megiserja in sledem upoštevanja njegovih slovarjev se na protestantsko knjižnojezikovno normo ni izraziteje navezoval, pa tudi v osrednjeslovensko slovaropisno tradicijo se mu ni uspelo včleniti. Za slovaropisno zgodovino ostaja zanimiv, ker je nastal iz praktičnih potreb v dvojezičnem okolju.

1.3. Trije ohranjeni rokopisni slovarji kažejo, da je bilo slovaropisno prizadevanje živo tudi v 17. in v prvi polovici 18. stoletja. Iz druge polovice 17. stoletja izvira “Kranjsko besedishe pisano” (slovensko-nemško-latinski slovar). Iz Megiserjevega slovarja “Thesaurus Polyglottus” izbrano slovensko besedje razširja z gradivom, zbranim na Gorenjskem, od koder je bil doma nepodpisani avtor (Orel 2006). Avtor drugega rokopisnega slovarja “Dictionarium latino-carniolanum vel carniolicum”, ohranjenega le v prepisih, je bil duhovnik Matija Kastelec (1620–1688).

Kastelčev rokopisni latinsko-slovenski slovar je spodbudil patra Gregorja Vorenca (1659/60–1730) k zapisovanju slovenskega besedja v Dasypodijev latinsko-nemški slovar iz leta 1592⁷. Uporabil ga je tudi kot predlogo pri pripravi izpopolnjene verzije latinsko-slovenskega slovarja. Žal njegov delež ni ugotovljiv, saj je Kastelčev izvirnik izgubljen (Stabej 1997: 569). Slovar izkazuje individualne pisno-pravopisne poteze. Zajeto besedje kaže na upoštevanje Megiserjevih slovarjev, Habeličevega hrvaško-latinskega slovarja, pa tudi različnih narečij.

---

⁵ Stabej je pri preobračanju slovarja naštel 10.445 pojavitev slovenskih besed, kar je po njegovem izračunu za 1.870 več kot pri slovarju iz leta 1592 (Stabej 1977: XXIII). Slednji v obrnjeni različici, ki jo je izdelala Annelies Lägroid, izkazuje 4.674 iztočnic in 275 kazalk (Lägroid 1967: XVII).

⁶ Legiša (1979) navaja, da ima slovar 2.617 italijanskih iztočnic in 2.841 slovenskih ustreznice. Slovarske vrstice so preproste: npr. *amare lubit*.

⁷ Vanj je bilo vpisanih pribl. 10.000 slovenskih besed (Stabej 1997: 568).

Kastelec-Vorenčevemu slovarju je naglo sledil zelo obsežen rokopisni slovar, ki ga je izdelal Janez Adam Gaiger oz. pater Hipolit (1667–1722). Nemško-slovensko-latinski slovar z naslovom “*Dictionarium trilingue*”, ki je bil končan v letih 1711–12, je hkrati najobsežnejši slovenski rokopisni slovar⁸. Hipolit je za osnovo vzel latinsko-nemški in nemško-latinski slovar Johanesa Frisiusa (1709). Besedje je zajemal iz starejših slovarjev, iz živega govora, tvoril pa ga je tudi sam. Slovar kaže, da je bil Hipolit zelo dober poznavalec slovenskega jezika. Kastelec-Vorenčev in Hipolitov slovar se od predhodnih razlikujeta po večji pomenski razčlenjenosti slovarskih sestavkov, po podaljšanih nizih slovenskih ustreznic in po obogatenih sopomenskih jedrih⁹.

1.4. Medtem ko je splet okoliščin preprečil natis Kastelec-Vorenčevega in Hipolitovega slovarja, je Megiserjev slovar iz leta 1592 doživel 1744. leta ponovni izid v močno razširjeni obliki¹⁰. Izdali so ga koroški jezuiti. Za razširitev je zaslužen Anton Miklauz, pridigar iz Železne Kaple. V primerjavi z izdajo iz leta 1592 izkazuje precej sprememb v ustreznicih nizih: posamezni členi so zamenjani, dodani pa so tudi novi. Sopomenski ustreznici nizi so razširjeni z deželnim (koroškim) besedjem domačega in tujega izvora, pogosto prepoznavnega tudi po značilnih glasoslovnih, oblikoslovnih in besedotvornih potezah (Orožen 1989: 121–133).

1.5. V rokopisu je ostal tudi nemško-slovenski slovar “*Dictionarium Germanico-Slavonicum*”, ki nosi letnico 1760. Izdelal ga je kapucin Ivan Anton Apostel (1711–1784), z redovniškim imenom Bernard Mariborski. Slovar je bogata zbirka besed, besednih zvez, pregovorov in fraz, v veliki meri zajetih iz štajerskih ter prekmurskih govorov¹¹. Sopomenski nizi kažejo na soočanje slovenskih knjižnih in narečnih ustreznic (Jesenšek 2002b).

1.5.1. Apostlovednemu slovarju sta na slovenskem Štajerskem sledila dva natisnjena (Čebulovo “*Enu Mala Besedishe*” iz leta 1789¹² ter znani Murkov nemško-slovenski in slovensko nemški slovar iz leta 1833), več nenatisnjenih slovarjev¹³ ter nekaj manjših, neohranjenih slovarskih poskusov. Nastalo je tudi več manjših in večjih besednih zbirk¹⁴, ki so bile kasneje vključene v obsežne vseslovenske slovarje (npr. Cigaletovega in Pleteršnikovega). Tako slovarji kot zbirke kažejo močne sledove okolja, kjer so nastali.

---

⁸ Stabej (1997: 565), ki je izdelal popolni izpis slovenskega besedja, navaja podatek, da je v slovarju preko 320 000 pojavitvev besed.

⁹ Prim.: Orel-Pogačnik 1991; Merše 1997: 27–35, zlasti 32.

¹⁰ Koroška izdaja slovarja iz leta 1744 zaobsega kar 21 188 slovenskih besed (o tem Läg Reid 1967: XVI; Orožen 1989: 121).

¹¹ V slovarju je ob 36 000 nemških iztočnicah zbranih tudi 55 524 slovenskih besed (Jesenšek 2002a: 93).

¹² Čebulova slovensko-nemška zbirka kaže močno odvisnost od Pohlinovega slovarja, omembe vredna pa je zaradi zajetega izvirnega štajerskega besedja (Jesenšek 1999: 362).

¹³ Najobsežnejši je bil Zagajškov nemško-slovenski slovar iz leta 1781 (pribl. 70 000 besed), znan pa je tudi Pennov dvodelni slovar “*Deutsch-lateinisch-windisches, dann windisch-deutsches Wörter-Buch zum allgemeinen Gebrauche*” (pribl. 67 000 besed), ki je bil končan leta 1854.

¹⁴ Zelo bogato je bilo Miklošičevo gradivo, zbrano v letih 1849–1855. Namenjeno je bilo za slovensko-nemški slovar. Zbirka je dopolnjena s podatki o virih. Najobsežnejša pa je bila Cafova vseslovenska zbirka, ki je nastajala v letih 1834–1874 s sistematičnim izpisovanjem slovenske literature (tudi prekmurskih piscev) ter tiskanih in rokopisnih slovarjev (Jesenšek 1999: 371).

1.6. Leta 1781 je izšel Pohlinov slovar “Tu malu besedishe treh jesikov”, v katerem slovenščina nastopa v iztočnični vlogi¹⁵. Slovar ima trdno mesto v razvoju slovenskega slovaropisja, saj se navezuje na starejše slovarje (tiskane in rokopisne), neposredno ali posredno pa je upoštevan tudi v mlajših. Kot v Pohlinovem jeziku nasploh se tudi v njem kažejo vplivi govorenega jezika v Ljubljani (kjer je bil rojen) in okolici, zlasti rezultati vokalne redukcije. Poleg pogovornosti je posebna značilnost Pohlinovega slovarja, hkrati pa tudi značilen razvojni pojav slovenskega slovaropisja, uvajanje ekvivalentov iz drugih slovanskih jezikov, zlasti iz hrvaščine oz. kajkavščine in češčine, kadar je za to obstajala potreba. Slovar je bil manj cenjen zaradi nekaterih pomanjkljivosti (npr. pisnih posebnosti, ponesrečenih tvorjenk, neenotnosti itd.)¹⁶.

1.7. Drugo pomembno slovarsko delo iz obdobja razsvetljenstva je bil Gutsmanov nemško-slovenski slovar iz leta 1789, ki mu je na koncu dodan še krajši slovensko-nemški del¹⁷. Nastajal je v jezikovno mešanem (nemško-slovenskem) koroškem okolju. Ocenjevalci mu priznavajo, da je s poznavanjem koroških narečij, kranjskega knjižnega izročila in ob podpori domačih in tujih¹⁸ slovarskih pomagal ustvaril upoštevanja vredno slovaropisno podlago za mlajše slovarnike, zlasti za Vodnika, Murka in Janežiča. Med zajetim besedjem je več hrvaških ter nekaj slovaških in čeških besed. Številne so njegove lastne tvorjenke, veliko pa je tudi živo rabljenih frazemov in pregovorov iz koroškega okolja (Karničar 1999a: 23–24). Ena izmed opaznejših značilnosti slovarja je tudi zelo obsežno kalkiranje, ki je bilo grede na takratno stanje v jeziku skorajda neizogibna poteza.

1.7.1. Na Pohlinov in Gutsmanov slovar se trdno navezuje rokopisni slovar “Deutschkraimerisches Wörterbuch” (1795) Janeza Debevca. Slovar izkazuje čistejši jezik od obeh vzornikov, zajeto besedje pa ostaja v znanih okvirih.

1.8. Za slovensko slovaropisno dejavnost 19. stoletja je značilna dvotirnost, ki jo je povzročila usmerjenost k različnim ciljem. Prvi, dolgoročni cilj je predstavljala izdelava čim popolnejšega slovenskega slovarja (čeprav v oviru večnamenskega dvojezičnega slovaropisja), ki bi zajel čim več besedja, uporabljanega na celotnem slovenskem jezikovnem območju, drugi (kratkoročni) pa izdelava manjših dvojezičnih slovarjev, ki bi zrcalili živo, aktualno, zlasti knjižnojezikovno rabo besedja.

1.8.1. Prizadevanje za izdelavo kolikor mogoče popolnega slovensko-nemškega slovarja je steklo že konec 18. stoletja. Tako zamišljeni slovar je bil uvrščen med programske naloge Academie operosorum (obnovljene leta 1797). Dela se je lotil njen ustanovitelj Blaž Kumerdej. Rezultat njegovega desetletnega prizadevanja je bila obsežna zbirka besed ter nenatisnjeni slovar, ki je prispel do črke L. Baron Žiga Zois, ki je bil osrednja osebnost slovenskega preporoda, je za uresničitev slovarske zamisli pridobil vsestranskega preporodnega delavca (pesnika, slovničarja in žurnalista) Valentina Vodnika.

---

¹⁵ Stabej (1973/74: 250) navaja, da ima Pohlinov slovar komaj 12 640 slovenskih besed.

¹⁶ Prim. Jakopin 1988: zlasti 37–40.

¹⁷ Jakopin (1988: 41) navaja, da ima slovar po površnem štetju pribl. 25 000 nemških iztočnic in pribl. 6000 slovenskih.

¹⁸ V prvi vrsti je upošteval Jambrešičev slovar iz leta 1742 (Breznik 1938: 17–22), leksikografsko pa se je zgledoval pri Adelungovem enojezičnem nemškem slovarju, ki je izhajal v letih 1774–1786 (Karničar 1999a: 19).

Glavnina njegovega, strokovno zelo dobro zasnovanega slovarja je nastala v letih 1804–1806. Slovar, ki je zaradi različnih ovir ostal v rokopisu, je Vodnik dopolnjeval in izpopolnjeval vse do leta 1817¹⁹. V gradivu, ki mu ga je pomagalo zbrati dvanajst zbiralcev (Suhadolnik 1960: 225), je bilo zajetega največ slovenskega besedja dotlej, tako govorjenega kot dosegljivega v pisanih in natisnjenih virih. V skladu s Kopitarjevimi idejami je Vodnik besedje nabiral med ljudstvom. Z domačimi besedami je nadomestil več prevzetih besed in nekaj novotvorb. Besedje je nabiral tudi pri slovanskih narodih. Vrednost Vodnikove zbirke povečujejo besedam dokaj dosledno pripisani podatki o virih.

1.8.2. Veliko število rokopisnih slovarjev iz 17. in 18. stoletja ter nedokončani slovarski poskusi iz prve polovice 19. stoletja — vse to je kazalo, da obsežnim slovarskim delom posamezniki niso bili več kos in da je nastopilo obdobje slovarjev kot kolektivnih del, ki jim je uresničitev lahko zagotovil le trden organizacijski okvir in poseben denarni vir. Na vse težje obvladljivo obsežnost je vplival razvojni razmah besedja, razvoj novih strokovnih področij, vse višja raven vplivnega (srednje)evropskega slovaropisja itd. Ob manjših, individualnih slovarjih, ki so se v krajših intervalih zvrstili do srede 19. stoletja (Jarnikov, Murkov in Janežičev slovar), pa se je pokazala še druga zakonitost: da je aktualen in uporaben slovar na osnovi dobre vnaprejšnje zamisli in ob upoštevanju omejenega, vendar informativnega in premišljeno izbranega gradiva mogoče tudi zelo hitro izdelati.

1.8.3. Slovarski deli koroškega jezikoslovca Urbana Jarnika (“Kleine Sammlung solcher altslavischer Wörter, welche im heutigen windischen Dialectae noch kräftig fortleben” (1822) in “Verfuch eines Etymologikons der Slovenischen Mundart in Inner-Oesterreich” (1832)) nista imeli značaja splošno uporabljanih priročnikov. Tipološko spadata na področje etimološkega slovaropisja (prim. **2.2.2**).

1.8.4. Velik slovaropisni dosežek predstavlja Murkov slovar, ki je v dveh delih (slovensko-nemški ter nemško-slovenski slovar) izšel leta 1833. Izdal ga je še ne petindvajsetletni, jezikoslovno zelo nadarjeni Anton Janez Murko (1809–1871). Odlikuje se po aktualnosti zajetega besedja, saj je bilo le-to zbrano iz zadnjih natisnjenih slovarskih virov (to je Gutsmanovega in Jarnikovega slovarja), slovnice (Kopitarjeve, Metelkove in Dajnrove) ter iz del sočasnih osredneslovenskih in vzhodnoštajerskih piscev. Opazna sestavina slovarja so tudi besede iz drugih slovanskih jezikov²⁰. Slovar je bil na Slovenskem zelo navdušeno sprejet, nedvomno predvsem zaradi aktualnosti zajetega besedja. Z vključenim besedjem s celotnega slovenskega ozemlja je udejanjal združevalno tendenco, s katero se je nakazovala najprimernejša pot nadaljnjega razvoja slovenskega knjižnega jezika. Uvaja tudi številne slovaropisne novosti (npr. dosledno izpeljano gnezdnno zgradbo slovarskega sestavka, dosledno besednovrstno oz. slovnico opredeljevanje iztočnic, rabo tipiziranih opisnih razlag, formalizirano (z oznakami) ali opisno izraženo vrednotenje sopomenk itd.)²¹.

---

¹⁹ Vodnikov slovar je za Hipolitovim najboljšejejši slovenski rokopisni slovar. Vsebuje 139 488 slovenskih besed (9500 je bilo pripisanih po Vodnikovi smrti); o tem Stabej 1973/74: 252.

²⁰ Gradivo je črpal iz novejših slovanskih slovarjev: npr. iz Belostenčevega (1740) in Karadžičevega “Srpski rječnik istolkovan njemačkim i latinskim riječma”, 1818.

²¹ Prim. “Murkov zbornik”, povzetek pa v Jesenšek 1999: 367–368.

1.8.5. Murkovemu slovarju je čez dve desetletji sledil prav tako dvodelni Janežičev slovar. Leta 1850 je izšel nemško-slovenski, leto kasneje pa slovensko-nemški del. Avtor obeh delov je bil komaj dvaindvajsetletni koroški jezikoslovec Anton Janežič (1828–1869). Slovar je za razliko od predhodnih natisnjen v na novo vpeljanem, češkem črkopisu. Tudi Janežiču je hitro pripravo in besedno aktualnost slovarja omogočil predvsem premišljen izbor del (in z njimi najbolj uveljavljenih besedilnih zvrsti), ki jih je izpisal. Vanj so se uvrstili zadnji trije natisnjeni slovarji (Gutsmanov, Jarnikov in Murkov), sočasno časopisje in literarna dela. Vplivu razmahnjenege ilirskega in panslavističnega gibanja je mogoče pripisati navedbo številnih slovanskih izposojenk. Tako kot pri Murkovem slovarskem paru je bil tudi pri Janežičevem boljši nemško-slovenski del. Slovarju posebno mesto v slovenski slovaropisni tradiciji zagotavljajo številni ponatisi.

1.8.6. V 19. stoletju vse bolj živo puristično gibanje, ki je knjižni jezik skušalo očistiti sledov dolgotrajnega vpliva nemščine, je puščalo sledove tudi v sočasnem slovaropisju. Murko je iz nemščine prevzete besede označeval s križcem in jim s tem dodajal odsvetovalno označenost. Izrazni primanjkljaj so slovarniki skušali izravnati s slovanskimi izposojenkami, ki so se sicer med slovensko besedje v manjši meri vpletale vse od slovenskih slovarskih začetkov dalje²².

1.8.7. Prizadevanje za obsežnejši slovar slovenskega jezika je znova oživel v revolucionarnem letu 1848. Na novo ustanovljeno Slovensko društvo, ki mu je predsedoval Janez Bleiweis, si je zadalo nalogo izdati obsežen in stopnji literarnega razvoja primeren nemško-slovenski slovar. Bleiweis je za mecenstvo pridobil ljubljanskega knezoškofa Antona Aloisija Wolfa. Za slovar je bilo treba ustvariti ustrezno gradivsko osnovo. Poleg Vodnikove zbirke, ki je bila njeno jedro, so bili vanjo vključeni tudi rokopisni slovarji in zbirke, ki so v drugi polovici 18. in v prvi polovici 19. stoletja nastajali na celotnem slovenskem govornem območju. Skupna zbirka je bila dopolnjena tudi z gradivom iz natisnjenih slovarjev ter z izpisi iz sočasne literature in časopisja. Obsežno gradivo je urejala številna skupina sodelavcev. Uredništvo je leta 1854 prevzel Matej Cigale, jurist, žurnalist in jezikoslovec. “Deutsch-slovenisches Wörterbuch” je izšel v dveh knjigah leta 1860. Cigale je prevzel Vodnikovo slovarsko strukturo. V slovarju je (enako kot v Vodnikovem) kljub nemškemu izhodišču več slovenskih besed in pomenov kot nemških²³. Vrednotenje je izpeljal z razvrščanjem sopomenk ter z označevanjem izposojenk²⁴ in “papirnatih” besed (Suhadolnik 1960: 229).

1.8.8. Velikemu, znanstveno zasnovanemu nemško-slovenskemu slovarju bi moral čim prej slediti težko pričakovani slovensko-nemški slovar. Tudi ta naj bi izšel na stroške tedaj že pokojnega knezoškofa Wolfa. Delo za slovar je steklo na pobudo kranjskega deželnega zbora. Imenovan je bil odbor, ki naj bi skrbel za zbiranje in urejanje gradiva ter za natis slovarja. V izhodiščno gradivsko osnovo so bile vključene tri velike besedne

---

²² Prim. Orel Pogačnik 1996, zlasti 37.

²³ Slovar ima pribl. 103 000 nemških iztočnic (Suhadolnik 1960: 227).

²⁴ Pri izposojenkah je opozarjal na njihov izvor. Opozorilo je pri germanizmih pomenilo odsvetovanje rabe, pri številnih slovanskih izposojenkah, ki so nastopale v različnih slovaropisnih vlogah, pa je učinkovalo predvsem kot podatkovno dopolnilo (prim. Orel Pogačnik 1996: zlasti 43).

zbirke: Zalokarjeva (slovensko-nemški slovar), Cafova in Miklošičeva. Delo je potekalo ob sodelovanju številnih zbiralcev in urejevalcev gradiva. Tudi na uredniškem mestu se je zvrstilo več oseb, za nastanek slovarja pa je zaslužen predvsem Maks Pleteršnik, ki je uredništvo prevzel leta 1883.

Pleteršnik je v desetih letih uspešno opravil obsežno in zahtevno delo. Pregledno in informativno je uredil ogromno količino podatkov, ki so se do konca 19. stoletja nakopičili v številnih, kakovostno zelo različnih gradivskih zbirkah²⁵. Slednje so zajemale gradivo iz tiskanih virov ter iz različnih pokrajin in narečij. Pleteršnik je zbirke dopolnil s svojimi izpisi (zlasti iz najnovejše literature ter iz del iz reformacijskega, protireformacijskega in preporodnega obdobja). Prvi del "Slovensko-nemškega slovarja" (A–O) je izšel leta 1894, drugi del (P–Ž) pa leto kasneje.

Koncept slovarja je nastajal neodvisno od tujih zgledov (Jakopin 1994 in 1997). Pleteršnik je v slovarju skušal kolikor mogoče popolno predstaviti besedje slovenskega jezika. Osnovno načelo je bilo: "Sprejeti, kar se v literaturi nahaja in kar narod govori" (Pleteršnik 1894: VII).

Pleteršnikov slovar velja za klasično delo slovenskega slovaropisja. Obsega več kot 102 000 iztočnic. Pleteršnik je v slovar vgradil tudi rezultate jezikoslovnih raziskav, ki so jih opravili znani jezikoslovci (Fran Miklošič, Fran Levstik, Stanislav Škrabec, Karel Štrekelj, Vatroslav Oblak, Matija Murko, Matija Valjavec). Zaradi bogastva²⁶, raznovrstnosti in dokumentiranosti podatkov je slovar večfunkcionalen: v prvi vrsti je dvojezični, ima pa tudi prepoznavne elemente (razlagalnega) enojezičnega (Orel 1998), zgodovinskega, narečnega, etimološkega (Šivic-Dular 1997) in terminološkega²⁷ slovarja. Slovar izkazuje lastno, na lastnostih slovenskega jezika temelječo vrednotenjsko hierarhijo (Vidovič Muha 1994). V svojem času je zato opravljal tudi vlogo pravopisnega priročnika (Dobrovoljc 1999: 87).

1.9. Po izidu obeh slovarskih vrhuncev 19. stoletja — to je "Cigaletovega" in "Pleteršnikovega" slovarja, ki se glede jezikovne kombinacije medsebojno dopolnjujeta in sestavljata svojsko celoto — je na začetku 20. stoletja nastopilo daljše slovaropisno mrtvilo. Prekinjale so ga le ponovne izdaje Janežičevih slovarjev. Potreba po ponovnem slovarskem zajetju besedja, ki se je ob vsestranskem razvoju naglo spreminjalo, je privedla do poskusa prvega slovenskega razlagalnega slovarja. Izdelal ga je Joža Glonar. Slovar je nastajal v letih 1934–1936, izšel pa je leta 1936. Velik del zajetega besedja se ujema s Pleteršnikovim slovarjem, tretjino pa je na novo registriranega. Med razločevalne značilnosti slovarja spadajo številne slovenske pomenske razlage, veliko število ilustrativnih zgledov ter razvejan vrednotenjski sistem, ki je deloma vključeval tudi zvrstnost knjižnega jezika. Slovar je kritiko doživljal zaradi tipološke neenovitosti, saj se je postopno preoblikoval iz

---

²⁵ Gre za zbirke jezikoslovcev, slovarnikov in ljubiteljskih zbiralcev, ki so navedeni v uvodu slovarja.

²⁶ Med drugim je Pleteršnik z naglasi sistematično opremil vsa gesla. Označen je tonemski naglas (Novak 1994: 48–49).

²⁷ V uvodu slovarja je z okrajšavami, ki kažejo na področje rabe termina, zajetih 20 ved (poimenovanih latinsko in slovensko: architectura, astronomija, botanica, chemia, geographia, grammatica, historia, mathematica, mechanica, mercatura, militaria, mineralogija, montanicum, musica, philosophia, physica, statistica, tehnica, typografia, zoologia) (Pleteršnik 1894: XII–XIII).

prvotno načrtovanega jezikovnega in pravopisnega priročnika v razlagalni slovar slovenskega jezika (Suhadolnik 1984). Na nadaljnji razvoj slovenskega jezika ni imel večjega vpliva.

1.10. V obdobju med prvo in drugo svetovno vojno je bilo na slovenski Akademiji znanosti in umetnosti zasnovanih več temeljnih slovarskih del, med katerimi je bil tudi véliki akademijski slovar. Zamisel, ki je postopoma dobivala jasnejše poteze, se je začela sistematično uresničevati šele po drugi svetovni vojni v okviru na novo ustanovljenega Inštituta za slovenski jezik (Jakopin 1995). Z organiziranim in strokovno vodenim zbiranjem slovarskega gradiva je v 45 letih nastala kartoteka, ki vsebuje šest milijonov izpisov iz pribl. 6500 tiskanih enot. Izpisana so bila leposlovna dela od druge polovice 19. stoletja naprej, publicistična, znanstvena, strokovna dela in učbeniki. Zbranih je bilo pribl. 300 000 iztočnic, od katerih jih je bila v slovar sprejeta le tretjina²⁸.

Dokončna zasnova slovarja je bila po temeljiti razpravi v jezikoslovnih krogih sprejeta na začetku šestdesetih let. Poskusni snopič je izšel leta 1964. Domače in tuje kritike, ki so mu sledile, so vplivale na izoblikovanje slovaropisnih načel, ki so so izpopolnjevala zlasti ob delu za prvo knjigo. Slovar je skupinsko delo uredniškega odbora in urednikov, delavcev Leksikološke sekcije Inštituta za slovenski jezik. Sodelovalo je tudi pribl. 150 terminoloških delavcev in svetovalcev, saj je v slovarju zastopanih približno sto strok (Hajnšek Holz 1993: 21). Izhajal je od leta 1970 do 1991.

SSKJ je največji dosednji dosežek slovenskega slovaropisja. Opredeljuje se kot enojezični razlagalni slovar sodobnega knjižnega jezika srednjega obsega, ki je hkrati informativno-normativen. Obsega 107 000 gesel in podgesel. Oznako "sodobni knjižni jezik" je treba razumeti širše, saj se ne nanaša samo na zadnjih štirideset let. Slovar zaobsega vse bistvene prvine knjižnega jezika: leposlovni, znanstveni, publicistični, časopisni, pogovorni jezik, terminologijo, žargone in narečno besedje. Najbolj izčrpno je predstavljen leposlovni jezik. Upoštewane so tudi številne jezikovne variante in posebnosti. Slovar je doslej najpopolnejši tudi glede slovnične informativnosti (Vidovič-Muha 1993). Vse geselske besede v slovarju so pomensko pojasnjene.

SSKJ uresničuje številne slovaropisne novosti, med katerimi je tudi prikaz razslojenosti jezika oz. njegove socialne in funkcionalne zvrstnosti, ki se opira na dosežke praške lingvistične šole (Vidovič-Muha 1996: 30). Uresničen je z večvrstnimi kvalifikatorji.

1.11. "Slovarju slovenskega knjižnega jezika" je leta 1996 sledil nanj oprti odzadnji slovar (s 115 355 iztočnicami)²⁹. Leto kasneje je izšlo "Besedišče slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki"³⁰. Z njim je bilo zaobseženo besedje, ki iz konceptualnih razlogov ni bilo sprejeto v SSKJ.

²⁸ SSKJ ima 93 152 gesel in 13 888 podgesel. Izpuščene so bile redko rabljene, ozkoknjižne, umetno narejene in nižje pogovorne besede ter zastareli strokovni izrazi. V slovarju ni predvidljivih tvorjenk (npr. manjšalnic, svojilnih pridevnikov itd.). Izključena so bila tudi lastna imena.

²⁹ "Odzadnji slovar slovenskega jezika" iz leta 1996 ni prvotni priročnik na Slovenskem. Pred njim je leta 1993 izšel "Odzadnji slovar zemljepisnih imen po atlasu Slovenije", ki ga je izdelala Metka Furlan, v tujini pa sta nastala dva odzadnja slovarja slovenskega jezika (v Brnu leta 1971 na podlagi Pleteršnikovega slovarja, v Celovcu pa leta 1981 na podlagi Tomšičevega Slovensko-nemškega slovarja). Prim. Weiss 1991: 121–122.

³⁰ Delo je pred tem izšlo že leta 1987, vendar le kot interna objava Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša.

1.12. Osnovne značilnosti slovenskega slovaropisja do konca 20. stoletja. Razvojni pregled slovenskega slovaropisja do konca 20. stoletja je bil osredinjen predvsem na slovarje, ki jih je (razen dveh izjem)³¹ tipološko sicer opredeljevala dvo- ali večjezičnost, funkcionalno pa so si bili dokaj podobni, saj gre večinoma za večnamenske ali celo splošne slovarje. Pregled je pokazal, da se je slovensko slovaropisje od 16. stoletja dalje kakovostno močno razvilo. Razvojne spodbude so nedvomno prinašali tuji slovarski vzori. Slovensko slovaropisje pa od prvih začetkov dalje izpričuje tudi svojske poteze. Slednje so posledica specifičnosti prikazovane jezikovne realnosti ter trdne zakoreninjenosti v domačo slovaropisno tradicijo.

Med motivi za slovaropisno delo je bila praviloma živo občutena potreba po tovrstnih priročnikih, čeprav večkrat vezana na ožjo intelektualno sredino. Slovaropisja so se pogosto lotevali avtorji, ki so se tudi sicer ukvarjali z jezikoslovjem: Bohorič, Pohlin, Gutschmann, Vodnik, Murko in drugi slovaropisci so bili hkrati tudi slovničarji.

Slovarniki preteklih obdobij so bili večinoma duhovniki in redovniki, kar posredno kaže na centre kulturne dejavnosti v slovenski jezikovni zgodovini. Mnogi od njih so živo rabljeno besedje nabirali v svojem delovnem in bivalnem okolju, zato slovarji nosijo pokrajinski pečat.

Primerjalno ugotovljivi, razvojno razraščajoči se sopomenski nizi razkrivajo raznovrstno (glasoslovno, oblikoslovno, besedotvorno in pomenoslovno) problematiko razvoja slovenskega in prevzetega besedja. Preko zajetega besedja zgovorno kažejo tudi na razmerje med osrednjim knjižnim jezikom in med pokrajinskimi različicami ter na razmerje med starejšimi in mlajšimi pojavi znotraj enega in drugega.

Jeziki, ki so bili pritegnjeni v večjezične slovarje, so bili osrednjega pomena za okolje, v katerem so slovarji nastajali. V drugi polovici 19. stoletja je nemščina tudi v šolah začela nadomeščati latinščino. Hkrati se je v 19. stoletju vse bolj krepila tudi zavest o številu in sorodnosti slovanskih jezikov, vse bolj živa pa je bila tudi misel, da bi morala tudi slovenščina pridobiti na družbenem pomenu.

Slovensko slovaropisje je v preteklosti tvorno sledilo razvoju jezikoslovja, tako domačega kot tujega. Slovarje je zato pogojno mogoče obravnavati kot zrcalno sliko sočasne razvojne stopnje jezikoslovja. Slovensko slovaropisje je od 16. stoletja dalje postajalo vse bolj informativno tudi glede slovničnih karakteristik besedja. V dvo- in večjezičnih slovarjih iz slovenske slovaropisne pretekosti se kažejo tudi sledovi opažanja razlik med strukturiranostjo slovenščine in drugih jezikov, s katerimi je na različne načine in v različnem obsegu prihajala v stik (najpogosteje z nemščino).

---

³¹ To sta Glonarjev "Slovar slovenskega jezika" iz leta 1936 in SSKJ (1970–1991).

2. Sodobno slovensko slovaropisje

2.1. Pravopisni priročniki³²

2.1.0. Potreba po izdelavi posebnih pravopisnih priročnikov se je na Slovenskem začela izraziteje kazati šele na začetku 20. stoletja. Do tedaj so jih zasilno nadomeščali bodisi dvojezični slovarji ali slovnice z ustreznimi napotki. Od prvega, to je Levčevega pravopisa iz leta 1899, pa do “Slovenskega pravopisa” iz leta 2001 je nastalo več tovrstnih priročnikov. Ker je jezikovno normiranje živ proces, je bila nenehno prisotna tudi potreba po novih pravopisnih priročnikih.

2.1.1. Izid Levčevega “Slovenskega pravopisa” iz leta 1899, ki je bil tudi uradno potrjen šolski priročnik, je spodbudilo normativno omahovanje 19. stoletja. Levec je upošteval normo, ki jo je predpisoval Pleteršnikov slovar, pa tudi nazore Stanislava Škrabca (znanega jezikoslovca, ki je deloval konec 19. in na začetku 20. stoletja)³³. V dvomnih primerih je dajal prednost živi rabi, občasno pa variantam, primernim za naslovnike, to je učitelje in dijake (Dobrovoljc 2004: 48).

2.1.2. Levčevemu pravopisu je leta 1920 sledil Breznikov pravopis, ki je hkrati tudi zadnji individualni pravopis. Breznik se je izdelave pravopisnega priročnika lotil kot izoblikovan jezikoslovec. Izhajal je iz prepričanja, da pravopis — to je način pisave glasov in oblik — določa splošna raba, druga pravila jezikovne rabe pa določa jezikoslovec. V novem državnem okviru, to je v Državi Srbov, Hrvatov in Slovencev, se je raba slovenskega jezika razmahnila na vsa področja, čemur pravopis ni mogel slediti. Temeljna pomanjkljivost Breznikovega pravopisa je bila, da v svojem času ni zadovoljil potreb vseh pišočih. (Dobrovoljc 2004: 53–55).

2.1.3. Kot odziv na razmahnjeno rabo slovenščine in iz potrebe po usklajenem reševanju aktualne jezikovne problematike so kmalu po Levčevem pravopisu začeli izhajati manjši, različno poimenovani jezikovni priročniki. Del tipične pravopisne problematike je bil obravnavan tudi v razpravah.

2.1.4. Leta 1935 je izšel Breznik-Ramovšev pravopis, ki ga je izdala pravopisna komisija Znanstvenega društva v Ljubljani. Pravopis je prvo tovrstno kolektivno delo. Uvršča se med liberalnejše pravopisne priročnike, saj uresničuje opisno (in ne predpisno) normiranje. Novost pravopisa so pravila, ki določajo izreko pogovornega jezika. Brezniku je pri pripravi priročnika za zgled služil češki pravopis, kar pomeni, da je slovensko pravopisje ohranjalo stik s tovrstnimi deli v slovanskem svetu.

2.1.4.1. Breznik-Ramovševemu pravopisu je leta 1937 sledila skrajšana, poenostavljena, šolski rabi prirejena mala izdaja. V njej je bilo upoštevanih več kritičnih pripomb, namenjenih izdaji iz leta 1935.

---

³² Celovit (monografski) pregled razvoja pravopisja na Slovenskem je pripravila H. Dobrovoljc 2004.

³³ Ostre napade sodobnikov je Levec doživljal zaradi pravila, da naj se samostalniki z obrazilom *-lec* (tip *bralec*), ki označujejo delujoče osebe, pišejo z *-vec*. Za moteči normativni poseg se je odločil pod Škrabčevim vplivom, ki je varianti *bravec* dal prednost, da bi zaježil naraščajoče in nenaravno elkanje (Dobrovoljc 2004: 49).

2.1.5. V predvojnem in medvojnem času je priprava obsežnejših pravopisnih priročnikov mirovala. Potreba po trdnih pravopisnih pravilih, ki bi zaobsegala in urejala spremembe v jezikovni rabi, pa je živela tudi v teh letih.

2.1.6. V povojnem času se je knjižni jezik zelo hitro spreminjal. Spremembe so narekovale hitro ukrepanje. Leta 1950 je po triletnem delu sedemčlanski uredniški odbor Slovenske akademije znanosti in umetnosti izdal "Slovenski pravopis", prirejen po Breznik-Ramovševem. Pravopis je glede na predhodnega povečan tako po obsegu kot po vsebini. Razlikovalna je njegova izrecna normativnost. Opaznejša vsebinska novost je svetovanje glede stila in oblikoslovja (Dobrovoljc 2004: 74). Tradicijo predvojnih manjših pravopisnih priročnikov so v povojnem času nadaljevali jezikovni svetovalci, namenjeni prosvetnim delavcem in šolski mladini.

2.1.7. Ker akademijski pravopis iz leta 1950 neskladja med jezikovnim predpisom in dejansko, zelo razmahnjeno jezikovno rabo ni uravnal, se je hitro pokazala potreba po novem pravopisu. Njegovi sestavljalci so se veliko ukvarjali s problematiko normiranja. Predpis se je moral v številnih primerih prilagoditi rabi. Pravopis, ki je izšel leta 1962, je s spremembo zapisa že uveljavljenega *-lec* v *-vec* razburil in razdelil slovensko jezikoslovno javnost. Polemična razprava se je končala z uradnim preklicem veljave pravopisa iz leta 1962 glede pisanja priponskih obrazil *-lec/-vec*.

2.1.8. Leta 1970 je začel izhajati "Slovar slovenskega knjižnega jezika", ki je bil opredeljen kot informativno-normativen, zato je v času pred izidom naslednjega pravopisnega priročnika opravljal tudi normativno vlogo (zlasti glede pravopisnih, pravorečnih, naglasnih in tonematičnih vprašanj). Črno-belo vrednotenje je bilo s SSKJ prekinjeno. V SSKJ so izrazna sredstva ocenjena po njihovi funkcionalnosti. Vrednotenje je izpeljano posredno.

2.1.9. Leta 1981 je uredniški odbor za novi slovenski pravopis pri SAZU v javno razpravo poslal "Načrt pravil za novi slovenski pravopis". Glavna sestavljalca sta bila Jože Toporišič³⁴ in Jakob Rigler. Pravopisna pravila so teoretično oprta na Toporišičevo "Slovensko slovnico" 1976 (1984², 1991³, 2000⁴), ki prikazuje zgradbo slovenskega knjižnega jezika, vključuje pa tudi pravopisna vprašanja.

Javna razprava je bila obsežna in živahna. Neslovarski del pravopisa je prvič izšel leta 1990 ("Slovenski pravopis 1 — Pravila"), kasneje pa še pregledane in prenovljene izdaje (1994³, 1997⁵). Toporišič je programski koncept slovarskega dela slovenskega pravopisa predstavil v posebni razpravi (Toporišič 1984).

2.1.10. Novi "Slovenski pravopis" (sestavljen iz popravljenih pravil in iz slovarskega dela) je izšel leta 2001. Je najobsežnejši slovenski pravopisni priročnik doslej. Čeprav je bil zamišljen kot specialni priročnik z osnovnimi pravopisnimi informacijami, je čas, v katerem je nastajal (to je v desetletju po izidu zadnjega zvezka SSKJ), vplival na spremembo prvotnega koncepta. Skušal je zadostiti tudi potrebi po besedno in teoretično ažuriranem enojezičnem slovarju. Posledica informativne obsežnosti novega pravopisa je, da je izgubil

---

³⁴ Jože Toporišič je proti jezikoslovnim tradicionalistom kritično nastopil s strukturalnimi načeli in postavil temelje znanstveni slovnici in pravopisu (Dobrovoljc 2004: 111).

priročniški značaj in da se že kaže potreba po izdaji poljudnega in priročnega malega pravopisa, prvenstveno namenjenega šolski rabi³⁵.

“Slovenski pravopis” 2001 je kot prvi obsežnejši normativni priročnik po štiridesetih letih zbudil veliko pozornosti in kritičnih odmevov. Med drugim mu je bila očitana prevelika liberalnost, da ne temelji na aktualnem gradivu, da je preveč univerzalen in preskop s težjimi pravopisnimi rešitvami, da je obvestilno prezapleten itd. Prvi izdaji je leta 2003 sledila nekoliko popravljena broširana izdaja. Popravljena različica je istega leta izšla tudi v elektronski obliki.

2.1.11. Slovenski pravopisni priročniki, ki so se zvrstili v 19. in 20. stoletju, vsak po svoje kažejo značilnosti jezikovne rabe v času, v katerem so nastali. Obsegovno so postopno naraščali, pa tudi glede vsebine so postajali vse bolj izčrpnji.

2.2. Etimološki slovarji

2.2.1. Slovensko besedje je bilo v etimološke raziskave vključeno že v 16. stoletju. Bohorič je v slovnici (1584) v etimološke razlage tujejezičnega gradiva pritegnil tudi slovenske besede. Drobne etimološke razlage so navedene tudi v Alasijevem italijansko-slovenskem slovarju (1607). Osemnajsto stoletje je prineslo Popovičeve³⁶ in Pohlinove etimologije. Pohlinov “Glossarium slavicum” iz leta 1792 se navaja kot prvi etimološki slovar kakega slovanskega jezika sploh. Čeprav je večina razlag neustrezna, so vsi tovrstni poskusi dragoceni, saj odražajo sočasno stanje etimoloških raziskav. Do 19. stoletja je bila kakovost slovenskih etimoloških raziskav in uporabnost njihovih rezultatov odvisna od avtorjeve intuicije in od njegovega poznavanja izhodiščnega in drugih jezikov (Furlan 1994: 10).

2.2.2. Devetnajsto stoletje je tudi na Slovenskem potekalo v znamenju razcveta etimološke znanosti (Furlan 1994: 11). Na etimološko delo Urbana Jarnika, ki je izdal dve etimološki deli (prim. **1.8.3**), je odločilno vplival Dobrovski. Jarnik je v “Verfuch eines Etymologikons der Slowenifchen Mundart in Inner-Oesterreich”, ki je gnezdnno urejen, vključil pribl. 24 000 slovenskih besed. Gradivo je črpal predvsem iz Metelka, Dajnka, Pohlina in Gutsmana (Furlan 1994: 12–13). Besede so v slovarju navedene po besednih korenih. Glagolske tvorjenke je prvi slovarsko razvrščal glede na perfektivnost in imperfektivnost. Njegove etimološke interpretacije se skrivajo v razporeditvi besedja. Osnove, pod katere je razvrščal slovensko besedje, je izločal s sinhrono segmentacijo gradiva. Nekaj opozoril na stanje v drugih slovanskih jezikih (npr. v češčini, poljščini, ruščini, beloruščini in srbsščini) pa kaže, da je občasno že uporabljal tudi metodo eksternega preverjanja in rekonstrukcije.

---

³⁵ Eno izmed možnih poti nakazuje delo “Sodobni pravopisni priročnik med normo in predpisom” (Dobrovoljc, Jakop 2011). Slednje poleg osvetlitev okoliščin jezikovnih sprememb, ki vplivajo na standardizirani jezik, in njihove tipologije prinaša tudi predloge reševanja najbolj perečih sodobnih slovenskih pravopisnih vprašanj.

³⁶ Popovičeva zbirka “Specimen vocabularii Vindocarniolicum” predstavlja enega prvih poskusov, kako sestaviti etimološki slovar. V zbirki je slovenskemu gradivu (pribl. 460 slovenskih besed) dodano besedje iz drugih slovanskih jezikov, zlasti iz hrvaščine (iz Hablediča in Belostenca). Besedje je primerjal z različnimi narečnimi izrazi in s številnimi tujimi jeziki.

Jarnikovemu etimološkemu slovarju je leta 1886 sledil Miklošičev etimološki slovar slovanskih jezikov. Tudi ta je urejen gnezdno. V njem je slovensko besedje primerjano z drugim slovanskim. Iz celotnega slovanskega gradiva je Miklošič rekonstruiral izhodišne slovanske osnove oz. skupno slovansko besedje. Kot iztočnice³⁷ se v njegovem slovarju pojavljajo osnove (npr. *ber-*, *tel-*, *vi-* itd.) in besede (npr. *sol*, *noštb*). Plast skupnega slovanskega besedja je rekonstruirana s pomočjo primerjav in ob upoštevanju strogih fonetičnih pravil in indoevropceističnih dosežkov (Furlan 1992; 1994: 20–22). Etimološke razlage slovenskega besedila so v slovarju praviloma razvidne iz razvrstitve jezikovnega gradiva. Z veznim besedilom so le redko posredovane.

2.2.3. Konec 19. in v prvi polovici 20. stoletja so številni slovenski jezikoslovci (npr. Karel Štrekelj, Fran Erjavec, Stanislav Škrabec) s svojimi prispevki močno povečali znanje o izvoru in etimologiji slovenskega leksikalnega fonda. Ivan Koštiál se je na osnovi novih jezikoslovnih dognanj sistematično lotil etimološke interpretacije slovenskega besedja. Njegov “Slovenski etimološki besednjak” ni bil dokončan. Ostal je v rokopisu.

2.2.4. Prizadevanja za sodobni znanstveni etimološki slovar slovenskega jezika so se začela že pred drugo svetovno vojno. Fran Ramovš je ob ustanovitvi slovenske Akademije znanosti in umetnosti leta 1939 v njen slovenistični program vključil tudi izdelavo etimološkega slovarja. Leta 1942 je bila ustanovljena Komisija za etimološki slovar slovenskega jezika. Sestavljali so jo Rajko Nahtigal, Fran Ramovš, Anton Breznik in Ivan Grafenauer. Načrt za slovar je še istega leta izdelal Fran Ramovš. Širokopotezno zamisel slovarja je ponazoril z 20 vzorčnimi gesli. Ker se komisija svojega dela ni sistematično lotila, je bila leta 1952 skrb za pripravo in izdelavo slovarja poverjena Francetu Bezlaju.

Načrtno in neprekinjeno delo za “Etimološki slovar slovenskega jezika” se je začelo šele v šestdesetih letih, ko je Bezlaju uspelo ustanoviti etimološko delavnico na Inštitutu za slovenski jezik. Ramovševa zasnova slovarja se je ob delu izkazala za neuresničljivo, zato jo je Bezlaj priredil stvarnim razmeram. Spremenjeno zamisel je leta 1963 predstavil v poskusnem zvezku. Izhodiščno načelo je bilo, da naj etimološki slovar slovenskega jezika zajema “vse, kar je narod prekvasil po svoje”. Drugi pogoj za uvrstitev besede v slovar je bila živa raba v preteklosti in/ali sedanjosti. Posebej poudarjeno je bilo merilo kulturnozgodovinske vrednosti besed. Leta 1976 je izšla prva knjiga slovarja (A–J), leta 1982 druga (K–O; pri njej je s samostojnimi gesli že sodeloval Marko Snoj), leta 1995³⁸ je izšla tretja knjiga (P–S), ki je zaznamovana z menjavo generacij (Bezljajeva soavtorja sta bila Marko Snoj in Metka Furlan) in 2005 četrta (Š–Ž), ki sta jo skoraj v celoti izdelala Bezljajeva mlajša sodelavca³⁹. Vse knjige sledijo izhodiščnemu Bezljajevemu konceptu. Niz zaključuje peta knjiga, ki vsebuje premišljeno členjena, izčrpana kazala obravnavanih besed, besednih osnov, morfemov in besednih zvez (Snoj, Klemenčič 2007).

2.2.5. Marko Snoj je leta 1997⁴⁰ izdal tudi poljudnejšo različico etimološkega slovarja, ki je leta 2003 doživela razširjeno in dopolnjeno izdajo. Snojev etimološki slovar obravnava

---

³⁷ Slovar ima skoraj 6100 geselskih člankov (Furlan 1992: 331).

³⁸ Tretja knjiga je izšla dve leti po smrti Franceta Bezlaja.

³⁹ Skupno je v slovarju obdelanih 9728 gesel.

⁴⁰ Slovar v 8583 geselskih člankih obravnava 26 087 slovenskih besed (Snoj 1997: platnice).

osrednje besedišče sodobnega slovenskega knjižnega jezika, tudi tujke. Etimološke razlage v njem so poljudnoznanstvene. Spremlja jih minimalna argumentacija in dokumentacija (Snoj 1997: III). Gesla so urejena po načelu besedne družine.

2.3. Zgodovinsko slovaropisje⁴¹

2.3.0. Slovaropisna zvrst je tudi v okviru slovenskega slovaropisja prepoznavna po tem, da so slovaropisni urejevalni posegi glede na obravnavano besedje diahronega značaja, saj zrcalijo razvojno stopnjo slovaropisja in jezikoslovja v času, v katerem zgodovinski slovar nastaja.

2.3.1. Med najvidnejše dosežke slovenskega zgodovinskega slovaropisja spadajo obrnjeni slovarji. Nastali so s preureditvijo in prireditvijo večjezičnih slovarjev, pri čemer je bila slovenščina z neprvega mesta, kjer je nastopala v ustreznični vlogi, pomaknjena na začetek.

2.3.1.1. Annelies Lägreid (1967) je preobrnila Megiserjev štirijezični slovar iz leta 1592, Jože Stabej pa Megiserjev “Thesaurus polyglottus” iz leta 1603 (1977) ter Kastelec-Vorenčev latinsko-slovenski slovar, nastal v letih 1680–1710 (izšel je leta 1997). Čeprav gre v vseh treh primerih za isto vrsto slovarja, se dela med seboj precej razlikujejo. Različnost je predvsem posledica njihove neenake informativne naravnosti ter neenakega prikazovanja podatkov.

Stabejev slovaropisni delež pri obrnjeni različici “Thesaurusa polyglottusa” je v popolnem izpisu besedja, ki je v slovarju označeno kot slovensko, kranjsko, koroško, hrvaško ali prekmursko/kajkavsko, ter v njegovi slovarski ureditvi. Slovnična obvestilnost slovarja je skromna.

V vseh treh slovarjih so iztočnice navedene v pisno in glasovno posodobljeni obliki, čeprav stopnja posodobitve ni povsod enaka. Diahroni slovaropisni pristop je razviden tudi iz pripisanih pomenskih in drugih pojasnil. Lägreidova je ugotavljala čas rabe iztočnic s preverjanjem njihove prisotnosti v kasnejših slovarjih, Stabej pa se je z namenom, da bi preveril vire za “Thesaurus polyglottus”, omejil na sočasna dela slovarskega značaja: na Bohoričevo slovnico, na prvi Megiserjev slovar (1592) ter na Register in marginalke v Dalmatinovi “Bibliji”. Podatki so bili dostopni, saj so do tedaj že izšle obrnjene različice vseh omenjenih del.

2.3.1.2. Stabej je avtor še dveh manjših slovarskih preobrnitev, ki metodološko bistveno ne odstopata od že predstavljene. Prva je slovarski popis besedja robnih opomb, ki pojasnjujejo z zvezdico označene enote v besedilu Dalmatinove “Biblije” iz leta 1584. Druga je slovarska predstavitev besedja, navedenega v vseh štirih stolpcih Registra, ki je dodan Dalmatinovi “Bibliji”.

Od omenjenih Stabejevih preobrnitev slovarskih del iz šestnajstega stoletja se metodološko nekoliko razlikuje njegov slovarski prvenec, ki je izšel leta 1971. To je slovensko-latinsko in (delno) nemški slovar, narejen po Bohoričevi slovnici. K izdelavi je

---

⁴¹ Prim. Merše 2000, 2002 in 2009.

Stabeja spodbudila raztresenost slovenskega besedja znotraj latinsko pisane slovnice, ki je imela za posledico slabo uzaveščenost le-tega.

2.3.1.3. Podobno kot Stabejeva preobrnitev Megiserjevega slovarja je bil zasnovan tudi njegov obrat mlajšega in obsežnejšega Kastelec-Vorenčevega slovarja. Razlikovalne poteze je dodala končna redakcija, ki so jo po Stabejevi smrti opravili Stane Suhadolnik, Franc Jakopin, France Novak in Majda Merše. Najopaznejša je dosledno izpeljana in sodobni slovnični teoriji prirejena besednovrstna označenost iztočnic, ki so pisno in glasovno ostale bližje izvorni obliki.

2.3.1.4. Sodobnejšo računalniško različico obrnjenega slovarja je na osnovi Gutsmanovega nemško-slovenskega iz leta 1789 v zamejstvu pripravil Ludvik Karničar. Izšla je leta 1999. Karničarjev slovar se od prejšnjih preobrnitev v marsičem razlikuje. K temu je veliko pripomoglo prav razvrščanje s pomočjo računalnika. Posegov v izvorno besedilo je manj kot pri izdajah obeh Megiserjevih ter Kastelec-Vorenčevega slovarja. V vlogi iztočnic so se znašle vse slovenske besede v vseh pojavitvenih oblikah iz izvirnika. Karničar iztočnic tudi ni opremljal s slovničnimi oznakami. Novost slovarja so izčrpn in pregledni sezname vseh besednih zvez iztočnic.

2.3.2. Do pravih avtorskih slovarjev⁴², ki predstavljajo enega izmed osnovnih tipov zgodovinskih slovarjev, se slovensko zgodovinsko slovaropisje v preteklosti ni dokopalo. Priprava načrtovanega pomensko-razlagalnega Prešernovega slovarja je zastala, čeprav je bilo zanj že zbrano gradivo, kar dokazujeta Scherberjev konkordančni slovar Prešernovih "Poezij" (1977) ter s pogostnostnimi podatki opremljeni geslovnik Prešernovega besedišča, ki ga je leta 1985 izdal Stane Suhadolnik (Suhadolnik 1988).

2.3.2.1. Po nekaj približkih iz preteklih desetletij je leta 2006 izšel "Slovar jezika Janeza Svetokriškega"⁴³, ki je dosednji najčistejši primer avtorskega slovarja v okviru slovenskega zgodovinskega slovaropisja. Na osnovi računalniškega izpisa njegovih pridig, ki so izšle v petih knjigah⁴⁴ pod skupnim naslovom "Sacrum promptuarium", ga je izdelal Marko Snoj. Slovar poleg občnih zajema tudi lastna imena, ki so praviloma pojasnjena z enciklopedijskimi podatki. Iztočnice so le okvirno pomensko opredeljene. Avtor daje prednost oblikoslovnim podatkom, s katerimi so dosledno opremljene tudi vse pojavne oblike pregibnih iztočnic, ki so predstavljene v številnih navedkih. Besedam tujega izvora so pripisane kratke etimološke osvetlitve.

2.3.3. Potrebo po razvojno zasnovanem razlagalnem slovarju celotnega predknjižnega obdobja omiljajo slovarske predstavitve posameznih rokopijskih besedil. Izdelovali so jih različni avtorji, zato metodološko niso poenotene.

2.3.3.1. Zelo premišljeno zasnovano izkazuje slovar "Brižinskih spomenikov" (Zor, Jakopin, Logar 1992). Avtorji so se zavedali, da je besedilo za današnjega uporabnika težko razumljivo, zato so mu skušali vstop vanj kar najbolj olajšati. Iztočnice so vse izpričane oblike posameznih besed. Navedene so v izvornem zapisu. Opremljene so z

---

⁴² O tipih avtorskih slovarjev prim. Suhadolnik 1993: 333–336.

⁴³ Svetokriški je bil najplodnejši slovenski protireformacijski in baročni pisec.

⁴⁴ Slovar temelji na gradivu, zbranim s popolnim izpisom prve in pete knjige ter delnim izpisom druge, tretje in četrte. Z izpisom je bilo zajetih 415 167 pojavitev besed, ki so predstavljene v 8539 slovarskih člankih.

vsemi določljivimi slovnimi oznakami. Povezava med iztočnicami v osnovni obliki in njihovimi neosnovnimi oblikami je vzpostavljena s kazalkami. Iztočnicam je pripisan podatek o govorni rekonstrukciji. Pojasnjene so s prevodnimi ustreznici iz različnih jezikov, tudi iz strocerkvenoslovanščine.

2.3.3.2. Štiri stoletja mlajši “Stiški rokopis” je omogočal drugačen slovski prikaz. Oskrbel ga je Jože Toporišič (1992a). Slovnične opredelitve iztočnic so pogosto natančnejše kot v drugih zgodovinskih slovarjih.

2.3.3.3. V monografsko obravnavo slovenskih rokopisnih spomenikov, nastalih od 14. stoletja do leta 1550, ki jo je leta 1998 v Amsterdamu izdal Nikolai Mikhailov, so vključeni tudi slovarji posameznih besedil. Zanje je poleg običajnih urejevalnih posegov značilno tudi dosledno označevanje rekonstrukcij. Iztočnice so pojasnjene s prevodoma v sodobno knjižno slovenščino in nemščino.

2.3.3.4. Tudi novejša spletne izdaje prisežnih besedil⁴⁵ kot redkejšega besedilnega tipa v zgodovini slovenskega jezika so obogatene s slovskimi prikazi manj znanih izrazov, ki jih dopolnjujejo tematsko oblikovane skupine terminoloških poimenovanj (npr. vladarskih naslovov in oblastnih poimenovanj); prim. Golec 2009 in Golec 2011. Iztočnicam so pripisane sodobne sopomenke, njihova raba pa je ilustrirana z navedki iz priseg.

2.3.4. S precejšnjo zakasnitvijo je izšel “Slovar stare knjižne prekmurščine”, ki ga je v letih 1981–1987 sestavil Vilko Novak. Za izid (leta 2006) je poskrbel Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. Poskusni snopič, ki razgrinja nekoliko zahtevnejšo zamisel, je izšel že leta 1988. Slovar je izdelan na osnovi gradiva, zbranega deloma s popolnim izpisom, večinoma pa s kombinacijo popolnega in izbirnega izpisa 25 izbranih del, ki so se zvrstila v 170 letih (1715–1886). Nepopolna gradivska osnova, ki jo predstavlja kartoteka s 160 000 izpisi, je narekovala zamisel slovarja, ki je po obvestilni širini prirejena enemu samemu avtorju. Iztočnice so pomensko večinoma razložene s sopomenkami iz sodobnega knjižnega jezika.

2.3.4.1. S časopisnim jezikom kot posebno funkcijsko zvrstjo v stari knjižni prekmurščini se ukvarja delo, ki teoretični obravnavi pridružuje slovski del (Ulčnik 2009). Tudi ta slovar temelji na izboru besedja, značilnega za publicistični jezik, ki je hkrati tudi prekmurski. Opazna sestavina slovrske metodologije je opozarjanje na jezikovne in stilne prvine prekmurskega besedja.

2.3.5. Priprava “Slovarja slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja”, ki naj bi bil prvi iz niza zgodovinskih slovarjev posameznih obdobij, se po skoraj treh desetletjih preveša iz faze zbiranja in urejanja gradiva v fazo izdelave slovarja. S popolnim izpisom vseh ohranjenih tiskanih protestantskih del je bila zbrana kartoteka, ki šteje preko tri milijone listkov. Slovaropisna načela so predstavljena v poskusnem snopiču, ki je izšel leta 2001. V bodočem slovarju bodo iztočnice in podiztočnice predvidoma izčrpno predstavljene po pisno-pravopisni, oblikoslovni, besedotvorni, predvsem pa po pomenski plati, z njo v zvezi pa še po skladenjski in deloma stilni.

---

⁴⁵ Gre za prisege mestnih, trških in poklicnih skupnosti. Nastale so v obdobju od 16. do srede 19. stoletja.

2.3.5.1. Med pripravljala dela za slovar je mogoče prištevati slovarsko delo z naslovom “Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja” (Ahačič, Legan Ravninar, Merše, Narat, Novak 2011), ki je hkrati tudi prva celovita informacija o besedju, uporabljenem v obdobju nastanka slovenskega knjižnega jezika. Iztočnice so opremljene z besednovrstnimi in drugimi slovničnimi podatki ter s podatki o virih, v katerih so bile uporabljene. Besedje je hkrati predstavljeno v glasovni, oblikovni, besedotvorni in deloma pravopisni raznolikosti.

2.4. Narečno slovaropisje

2.4.0 Veliko število in raznolikost slovenskih narečij sta kljub majhnemu številu govorcev posameznega narečja že daljše obdobje močan izziv za pripravo narečnih slovarjev.

2.4.1 Kot najstarejši različici narečnega slovarja je mogoče priznavati Registra, dodana Dalmatinovemu prevodu Pentatevha (1578) in celotne “Biblije” (1584)⁴⁶. Tiskani in rokopisni slovarji preteklih stoletij, ki so vključevali slovenski jezik, so večinoma zajemali tudi narečno leksiko. Upoštevanje narečij ter obseg zajete narečne leksike sta bila praviloma povezana s pokrajinsko pripadnostjo avtorja slovarja ali odvisna od geografskega okolja njegovega delovanja. Tudi Pleteršnikov slovar, ki je skušal zaobseči vse v preteklosti in sedanjosti uveljavljeno in uporabljano besedje, izkazuje bogato in dokumentirano narečno gradivo iz različnih predelov slovenskega govornega območja, kar pomeni, da kot dvojezični in hkrati splošni slovar izkazuje tudi elemente (več)narečnega slovarja.

2.4.2 Prvi objavljeni znanstveni slovarček kakega narečja je bil “Glosar cerkljanskega narečja” Baudouina de Courtenaya iz leta 1885 (Baudouin de Courtenay 1885: 283–290, 432–462)⁴⁷. Šele v drugi polovici 20. stoletja mu je sledila obsežnejša Tominceva slovarska obravnava črnovrškega narečja (Tominec 1964). V nadaljnjih desetletjih je število narečnih slovarjev precej naraslo. Z njimi je bilo zaobseženega veliko besedja, govorjenega na različnih delih slovenskega jezikovnega ozemlja. Slovarsko obdelavo je doživelo predvsem besedje geografsko obrobnejših narečij in govorov. Slednji se od zahoda proti vzhodu polkrožno razvrščajo takole: govor Sv. Antona pri Kopru (Jakomin 1995), tersko narečje⁴⁸, govor Bile (S. Giorgio) v Reziji (Steenwijk 1992) in rezijanski govori nasploh (Baudouin de Courtenay 1966), govor iz okolice Gozda Martuljka na severozahodnem delu Gorenjske (Košir 1997), obirsko narečje na Koroškem⁴⁹ (Karničar 1990) in sploh koroški govori (Thesaurus 1982–94)⁵⁰, beltinski prekmurski govor (Novak 1985¹, 1996²), severozahodni del prleškega govora (Rajh 2010). Slovarski “zemljevid” slovenskih narečij širita in izpopolnjujeta predstavitvi dveh osrednejših narečij: že omenjeni slovar črnovrškega narečja

---

⁴⁶ Prim. 1.1.

⁴⁷ Prim. o tem Kenda-Jež, Weiss 1999: 27.

⁴⁸ Gradivo zanj je že konec 19. stoletja zbral Poljak Baudouin de Courtenay, vendar je v slovarski obliki po zaslugi Liliane Spinozzi Monai, ki je gradivo uredila in informativno dopolnila, izšlo šele leta 2009.

⁴⁹ Slovar zaobsega besede s pomenskega področja človek — žival — okolje.

⁵⁰ V slovarskem delu knjige “Narodno blago iz Roža” je predstavljeno rožansko narečje (Šašel, Ramovš 1936).

ter poskusni zvezek "Slovarja govorov Zadrebke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami" (Weiss 1998), ki zajema črke A–H.

2.4.2.1. Več desetletij je nastajal slovar kostelskega govora, vendar je bil izid zaradi spleta okoliščin odložen. Nastajajo tudi drugi narečni slovarji: npr. slovar terskega narečja, ki ga pripravlja Pavle Merku (Kenda-Jež, Weiss 1999: 41), in drugi, ki bodo dopolnjevali monografske prikaze narečij.

2.4.2.2. Krajše zbirke narečnega besedja so vključene tudi v knjižne izdaje narečnih besedil.

2.4.3. Avtorji narečnih slovarjev, ki so se zvrstili v drugi polovici 20. stoletja, so bodisi dialektologi in hkrati poznavalci in/ali govorci narečij (npr. Tominec, Weiss, Karničar) ali pa le govorci narečij, ki pa niso bili hkrati tudi jezikoslovci in dialektologi (npr. Jakomin, Košir, Novak). Slovar rezijanskega govora v kraju Bila (S. Giorgio), ki je sestavni del monografskega prikaza narečja, je sestavil nizozemski dialektolog Steenwijk, ki je raziskovalec in dober poznavalec narečja.

2.4.3.1. Slovenski narečni slovarji so večinoma zasnovani razlikovalno glede na knjižni jezik. V nekaterih slovarjih so iztočnice zapisane poknjženo (npr. v Weissovem slovarju), v drugih pa v narečni obliki (npr. v Jakominovem in Koširjevem). Tominec se je tako pri nastavitvi iztočnic kot pri pomenskih razlagah opiral na Pleteršnikov slovar. Metodološko poseben je Novakov slovar beltinskega govora, saj je avtor pri zapisu iztočnic upošteval fonološko načelo, s čimer se je navezal na lokalno, to je prekmursko knjižno tradicijo. V primerjavi s splošnimi slovarji se kot izrazita posebnost narečnih slovarjev kažejo komentarji, ki neobvezno razširjajo slovanske sestavke (Kenda-Jež, Weiss 1999: 39). Neobvezna sestavina večine naštetih narečnih slovarjev so tudi ponazarjalni primeri. Uporaba označevalnikov je v narečnih slovarjih postala praksa šele v zadnjih dveh desetletjih. Njihova sistematična raba pa je značilna predvsem za konceptualno bolj domišljene slovarje, ki so jih pripravljali (ali jih pripravljajo) dialektologi (npr. Karničar, avtorji Thesaurusa, Weiss).

2.4.3.2. Za največji dosežek slovenskega narečnega slovaropisja dvajsetega stoletja velja "Tezaver slovenskega ljudskega jezika na Koroškem", ki je sicer zasnovan kot dolgoročni projekt (Kenda-Jež 2006: 26, Žejn 2006). Ljudski jezik je razumljen kot domači jezik določenega področja. Tezaver je hkrati tudi edini slovenski večzvrstni narečni slovar. Zajema celotno besedje iz vseh dialektoloških obravnav na Koroškem, opremljeno z zvrstnimi in pogostnostnimi označevalniki ter s podatki o njihovi dokumentiranosti v slovenskih slovarjih knjižnega jezika. Tipološko ga je natančneje mogoče opredeliti kot nesinhroni (zajema izpise iz literature od prve polovice 19. do osemdesetih let 20. stoletja), dvojezični (slovensko-nemški), znanstveni slovar. Sinhronost je vanj vgrajena z upoštevanjem sodobnejših dialektoloških raziskav in z uredniškimi komentarji (Žejn 2006: 450). Doslej je izšlo sedem zvezkov (A–M)⁵¹.

Posebno omembo zasluži tudi poskusni zvezek "Slovarja govorov Zadrebke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami", saj predstavlja model za izdelavo sinhronega

---

⁵¹ Kartoteka obsega pribl. 300 000 izpisov. Predvidenih je pribl. 12 000 iztočnic (Žejn 2006: 449 in Karničar 2010).

enonarečnega slovarja (Kenda-Jež 2006: 26–27), čeprav bo zaradi bogate ciljne informativnosti težko dosegljiv in uresničljiv na celotnem gradivu.

2.4.4. Nastanek večjega števila slovarjev v bližnji prihodnosti obeta tudi veliko zanimanje, ki ga kažejo slovenski dialektologi za narečno terminologijo (Škofic 2001; Humar 2004: 26–27). Osnovo zanje ustvarjajo razprave, ki prikazujejo raznovrstno terminologijo, uporabljano v različnih pokrajinah in narečjih (npr. za narečna rastlinska imena v dobropoljskem govoru, kovaško izrazje kroparskega govora, istrsko poljedeljsko in vinogradniško terminologijo, ribiško terminologijo govorov Tržaškega zaliva, oblačilno izrazje v Kanalski dolini, vinogradniško terminologijo na Gomili pri Kogu, tesarsko, mlinarsko, žagarsko terminologijo itd.). Nekatere od njih prinašajo tudi vzorčne slovarske prikaze, ki dokazujejo intenzivno razmišljanje o slovarskem konceptu.

2.5. Terminološki slovarji⁵²

2.5.0. Slovarsko prikazovanje terminov je bilo tudi v slovenskem jeziku tesno povezano z razvojem terminologije, ta pa je bil odvisen od razvoja strok in od družbenih razmer.

2.5.1. Pri razvoju slovenske terminologije je mogoče razlikovati več obdobji, ki so bila njenemu razrastu še posebej naklonjena. Eden izmed temeljnih pogojev za njen razvoj je bil dan z uvajanjem slovenskega jezika v šole, najprej v osnovno šolo (v času Marije Terezije), kasneje v šole vseh stopenj. Za čas razsvetljenega absolutizma je značilno prevajanje uradnih listin ter strokovnih del v slovenščino. Temelje raznovrstnim terminologijam so postavljali učbeniki in strokovni spisi, ki so izhajali v drugi polovici 19. stoletja⁵³. Število strok, ki so razvile lasten strokovni jezik, se je od srede 19. stoletja dalje naglo povečevalo.

2.5.2. K značilni podobi terminologije v različnih obdobjih in k njenemu razvojnemu spreminjanju so bistveno prispevali tisti tuji jeziki, s katerimi je slovenščina v preteklosti prihajala v tesnejši stik. Vse do srede 19. stoletja je bila pod močnim vplivom nemščine, od tedaj dalje pa je zaznaven vse večji vpliv drugih slovanskih jezikov, v času, ko je bila Slovenija ena izmed republik Jugoslavije, pa še posebej vpliv srbohrvaščine. V drugi polovici 20. stoletja, zlasti pa od osamosvojitve Slovenije (1991) dalje, ko je slovenščina tudi po ustavi postala uradni jezik v samostojni državi, je tudi na področju terminologije zaznaven vse večji vpliv angleščine. Večji vpliv latinščine je opazen v terminologiji posameznih (tradicionalnih) strok (npr. v botaniki, kemiji, medicini, farmaciji).

2.5.2.1. Obstoječa terminologija (npr. kmetijska, verska, pravna, naravoslovna, medicinska itd.) je bila v preteklosti vsaj deloma predstavljena v večjezičnih slovarjih, ki veljajo za večfunkcionalne in splošne (npr. v Pohlinovem, Gutsmanovem, obeh Murkovih itd.). Tematska razsežnost in obseg prikaza sta bila v največjih splošnih slovarjih zadnjih dveh stoletij (Cigaletovem, Pleteršnikovem in v SSKJ) predvidena z izhodiščnim kon-

---

⁵² Pregled razvoja in slovarskih predstavitev terminologije v slovenskem jeziku se omejuje le na okvirni prikaz razvojne dinamike obojega, na predstavitev tipologije slovarjev in na omembo vzorčnih primerov. Celovita predstavitev zaradi razvejanosti terminologije in velikega števila terminoloških slovarjev v okviru pričujočega prikaza ni izvedljiva.

⁵³ Prim. Orožen 1979.

ceptom slovarja. Od Cigaletovega slovarja⁵⁴ dalje so termini že opremljeni z imeni strok (Humar 1999: 240). Potreba po prikazu v posebnih slovarjih se je pojavila z intenzivnejšim razvojem strok in z razraščanjem strokovnih poimenovanj. Prizadevanje, da bi Slovenci dobili čim popolnejšo znanstveno terminologijo, zrcali tudi Cigaletova “Znanstvena terminologija s posebnim ozirom na srednja učilišča” (1880) z obširnim nemško-slovenskim in krajšim slovensko-nemškim delom ter s posebej označenim izrazjem različnih strok (Humar 1999: 240). Usmerjevalno je bilo Cigaletovo prepričanje, da je raba mednarodnih tujk upravičena, tvorba novih izrazov pa ne bi smela odstopati od tvorbe pri drugih Slovanih.

2.5.2.2. V prvi polovici 20. stoletja so nastajali predvsem dvojezični (večinoma nemško-slovenski) terminološki slovarji, namenjeni praktični rabi. Prikazovali so poštno, železničarsko, avtomobilistično, obrtno, trgovinsko, rudarsko, ribiško, filozofsko in druge terminologije (tudi terminologijo ožje zamejenih strokovnih področij) (Humar 1999: 240). Z ustanovitvijo Društva inženirjev in arhitektov v Ljubljani 1911 in leto kasneje (1912) še posebne terminološke komisije znotraj društva se je začelo prizadevanje za nemško-slovenski tehniški slovar⁵⁵.

2.5.2.2.1. Pri nadaljnjem oblikovanju slovenskega strokovnega izrazja so imela zelo veliko vlogo strokovna združenja, Univerza (nastala leta 1919) in Akademija znanosti in umetnosti (od leta 1938). Delovni načrt Akademije znanosti in umetnosti je vključeval tudi izdelavo terminoloških slovarjev. Po drugi svetovni vojni ga je v organizacijskem okviru terminološke komisije in njenih podkomisij (kasneje področnih terminoloških komisij) začela uresničevati Slovenska akademija znanosti in umetnosti (Humar 1999: 240)⁵⁶. Podkomisija za tehniko je npr. pripravila “Splošni tehniški slovar” I–II (1962, 1964; 1978², 1981²), Komisija za kmetijsko in živilsko terminologijo pa je zasnovala “Kmetijski tehniški slovar” v 42 zvezkih⁵⁷. Leta 1982 začeto delo pri veterinarskem terminološkem slovarju se je končalo leta 2006. Na SAZU je steklo tudi delo za pravni slovar. V publikaciji “Pravni terminološki slovar. Do 1991. Gradivo” (1991) so objavljeni začasni rezultati. Zamisli nekaterih obsežneje zasnovanih terminoloških slovarjev so bile predhodno predstavljene s poskusnimi zvezki (npr. medicinskega, gozdarskega, bibliotekarskega). Večino že udejanjajo slovarji.

2.5.2.3. Po drugi svetovni vojni je bilo mogoče šolanje v domačem jeziku za vse stroke. Slovarsko je bilo zajetih vse več strokovnih področij. Od leta 1950 dalje je izšla vrsta večjezičnih terminoloških slovarjev. Večino so izdelale skupine. Med posebej poudarjena slovaropisna načela se je uvrstila zahteva po strokovno ustreznem, natančnem, jasnem ter jezikovno pravilnem prikazu terminov, kar je zahtevalo sodelovanje jezikoslovcev.

---

⁵⁴ V Cigaletovem slovarju je z okrajšavami (npr. geom. = geometrifch) opozorjeno na številna strokovna področja.

⁵⁵ Zanj je bila po letu 1918 zbrana kartoteka s pribl. 50 000 izrazi (Humar 1999: 240).

⁵⁶ Kasneje so finančno skrb za izdajo terminoloških slovarjev prevzela strokovna društva, od ustanovitve Znanstvenoraziskovalnega centra SAZU dalje pa je več tovrstnih del nastalo (in nastaja) v njegovem organizacijskem okviru (Adamič 1998: 14).

⁵⁷ Do leta 2011 je izšlo več različno obsežnih knjig in zvezkov, v katerih je predstavljeno strokovno izrazje različnih področij, kot so npr. pedologija (Sušin 1983), živinoreja, varstvo rastlin, vinogradništvo, travništvo in pašništvo kot del poljedelstva, sadjarstvo (Adamič 1995) itd.

Rezultate tovrstnega sodelovanja predstavljajo številni večjezični slovarji (npr. gumarski, metalurški, statistični slovar, slovarji papirniškega izrazja, pravnega in ekonomskega jezika itd.) ter redkejši enojezični razlagalni slovarji, kakršni so npr. veterinarski, sadjarski in meteorološki slovar, pravopis medicinskih izrazov itd. (Humar 1998)⁵⁸.

2.5.2.4. Konec 20. in na začetku 21. stoletja je temeljne slovarje ali leksikone dobilo več področij in podpodročij⁵⁹. Izšlo je tudi več manjših, strokovno ozko specializiranih individualnih slovarjev, pa tudi nekaj večjezičnih slovarjev, namenjenih mednarodni strokovni komunikaciji v novih družbenih in političnih razmerah⁶⁰ (Humar 1999: 241; 2004: 23–25).

2.5.3. Razvoj terminološkega slovaropisja je vzorčno mogoče spremljati ob pravni terminologiji, ki ima najdaljšo tradicijo med slovenskimi terminologijami. Od leta 1850 dalje je izšlo kar 23 večjezičnih pravnih slovarjev, ki zrcalijo razvojno razraščanje in spreminjanje terminologije, pa tudi spreminjanje načina slovaropisne obdelave (Müller 2002). Največje dosežke in s tem mejnike slovenskega večjezičnega pravnega slovaropisja predstavljajo: “Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs” iz leta 1853, ki je delo več kolektivov (slovenski del je ob pomoči sodelavcev izdelal Matej Cigale), Babnikova “Nemško-slovenska pravna terminologija” iz leta 1894 ter “Slovenski pravni leksikon” P. Apovnika in drugih iz leta 1989⁶¹.

Našteti slovarji so bili v času nastajanja tematsko aktualni, saj so bili vezani na veljavni pravni red oz. na gradivo iz novejših pravnih besedil.

2.5.4. Pregled tipologije slovenskih terminoloških slovarjev (natisnjenih in nastajajočih) je pokazal, da so lahko eno- ali večjezični, razlagalni ali ekvivalentni, normativni (če izrazje normirajo glede na jezikovno ali strokovno ustreznost) ali ne. Posamezni slovar lahko opredeljujejo vse tri določilnice. Tipologijo terminoloških slovarjev razširjajo tudi slikovni slovarji. Kakovostni razpon sega od široko obvestilnih enojezičnih razlagalnih strokovnih slovarjev do zgolj večjezičnih ekvivalentnih sopostavitev, pri katerih je možno razlikovati še med živo rabljenimi slovenskimi ekvivalenti in zgolj “prevedenimi” strokovnimi slovarji.

Večina novejših terminoloških slovarjev je enotno opredeljenih kot razlagalni, normativni in prevodni slovar (npr. botanični, čebelarški, farmacevtski, gledališki, smučarski). Pri vseh tistih, ki združujejo poimenovanja z različnih področij, nanje kažejo ustrezne okrajšave.

2.5.5. Pogled v zgodovino terminološkega slovaropisja kaže, da je tudi to prehodilo pot od skromnih rokopisnih zbirk⁶² do obsežnih tiskanih slovarjev in da strožjo zamejitev

---

⁵⁸ O nastajanju terminoloških slovarjev prim. Košmrlj-Levačič 2005.

⁵⁹ Npr. medicina (“Slovenski medicinski slovar”, 2002; 1007 strani), nuklearna medicina, film, gledališče, elektrotehnika (Ogorelec in drugi 1997–), botanika (“Botanični terminološki slovar”, 2011), farmacija (“Farmaceutski terminološki slovar”, 2011), geografija (“Geografski terminološki slovar”, 2005), itd.

⁶⁰ Npr. slovarja konferenčne in poslovne terminologije (npr. Šega 1995 in 1997) itd.

⁶¹ Slovar, ki ga sestavljata nemško-slovenski (18 200 iztočnic) ter slovensko-nemški del (8800 iztočnic), je bil izdelan za potrebe slovenske manjšine na Koroškem, saj se nanaša na tamkaj veljavni (avstrijski) pravni red (Müller 2002: 87).

⁶² Konec 18. stoletja je npr. nastal rokopisni slovar slovenskih rastlinskih imen K. Zoisa (Humar 1999: 240).

področja onemogočajo številne enciklopedije, ki v geselske članke vključujejo pomenske razlage slovarskega značaja (npr. izvorni deli kot "Enciklopedija slovenskega jezika" (Toporišič 1992b) ter desetletja nastajajoči "Slovenski etnološki leksikon" (2004) ali prevedeni "Biblični leksikon").

2.5.6 Naglo spreminjanje večine strok, ki se odraža tudi v terminologiji, nenehno terja pripravo novih slovarjev. Nekatero stroke so spremembe skušale zaobseči s ponovnimi, vendar dopolnjenimi in predelanimi izdajami obstoječih slovarjev⁶³. Rešitev je praviloma le kratkoročna. Nekatero izmed nanovo razvitih modernejših strok so morale strokovno izrazje naglo in skoraj v celoti posloveniti, saj znanje skorajda v celoti prihaja iz tujih okolij⁶⁴ (npr. računalništvo, genska tehnologija, jedrska energija).

2.6. Specialni slovarji

2.6.1. Frazološki slovarji. Slovenski frazemi so bili v preteklosti predstavljeni v obliki dvo- in večjezičnih slovarjev. Najbolj znan je petjezični slovar, ki ga je leta 1960 izdal Pavlica. Avtor je vzel za izhodišče pribl. 1000 slovenskih frazemov in pregovorov, vendar je delo bolj kot prikazu in vrednotenju slovenskega gradiva namenjeno primerjalni frazeologiji. Petjezičnemu slovarju je sledilo več dvojezičnih frazeoloških: hrvatsko-slovenski (Menac, Rojs 1992), madžarsko-slovenski (Mukics 1993), nemško-slovenski (Jenko 1994), slovensko-italijanski (Fabjan Bajc 1995). Pomanjkljivosti, ki jih po mnenju ocenjevalcev kažejo tovrstni slovarji, so v veliki meri posledica neobstajanja enojezičnega razlagalnega frazeološkega slovarja (Kržišnik 1995/96). Primanjkljaj izravnava frazeološki slovar, ki ga je izdelal Janez Keber (2011). V njem je predstavljena glavnina frazemov (pribl. 10 000), ki se pojavljajo v slovenskem knjižnem jeziku. Sestavni del slovarskega prikaza frazemov so poleg citatnih ponazoritev rabe tudi podatki o njihovem izvoru ter navedbe pomensko ustreznih ali sorodnih frazemov v drugih evropskih jezikih.

2.6.2. Na SSKJ kot na temeljni gradivski vir se opira več specialnih slovarjev, ki so že nastali ali še nastajajo na Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša: sinonimni, frazeološki in vezljivostni slovar. Zamisli sinonimnega in frazeološkega slovarja sta bili predstavljeni tudi v obliki poskusnih snopičev.

2.6.2.1. Obseg sinonimnega slovarja je okvirno določen z izhodiščnim načelom, da bodo vanj vključene tiste slovarske enote, ki najmanj z enim od svojih pomenov vstopajo v sinonimno razmerje z najmanj eno drugo slovarsko enoto (Ahlin, Lazar, Praznik, Snoj 2003: 9). Izbor sinonimov izhaja iz sodobnega knjižnega jezika.

2.6.2.2. Vezljivostni slovar je pripravila Andreja Žele (2008), avtorica številnih razprav z vezljivostno tematiko, monografije "Vezljivost v slovenskem jeziku (s poudarkom na glagolu)" (2001)⁶⁵ ter priročnika "Glagolska vezljivost: iz teorije v slovar" (2003). V slovarju je vezljivostno analiziranih 2591 (tvorjenih in netvorjenih) glagolov, kar po mnenju

---

⁶³ "Slovenski zdravstveni besednjak" M. Černiča je npr. prvič izšel leta 1957, pri drugi, močno razširjeni izdaji iz leta 1987 pa so sodelovali še drugi strokovnjaki.

⁶⁴ Najvplivnejše je anglo-ameriško okolje in z njim angleščina.

⁶⁵ Med dela, ki so bistveno zaznamovala avtoričino teoretično misel ter vplivala na teoretično in metodološko zasnovano slovarja, spada monografija "Větné vzorce v češtině" F. Daneša in sodelavcev, Praha 1987.

avtorice zadošča za popoln prikaz slovenske pomenske in strukturnoskladenjske vezljivosti (Žele 2003: 9 in 2008: 7). Zahtevno grajeni prvi izdaji je sledila poljudnejša druga (Žele 2011).

Tako napovedi vseh treh specialnih slovarjev kot izdaji vezljivostnega in frazeološkega kažejo, da vsi slovarji potrebno aktualnost dosegajo z upoštevanjem elektronskih besedilnih korpusov (zlasti "Nove besede").

2.6.2.3. Na osnovi SSKJ je nastal tudi "Slovar slovenskih homonimov" (1997)⁶⁶.

2.6.2.4. Na Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša je poleg naštetih slovarskih del nastal tudi slovar novega slovenskega besedja. Zajema pribl. 6500 enobesednih in besednozveznih iztočnic, ki so se v slovenskem knjižnem jeziku pojavile v zadnjih dvajsetih letih oz. po izidu SSKJ. Ker je večina novih besed tujega izvora, je zelo uporabna sestavina slovarske obvestilnosti podatek o etimologiji. Stekla so tudi dela za novi, konceptualno nekoliko spremenjeni, posodobljeni slovar slovenskega knjižnega jezika.

2.6.2.5. Izšel je poskusni zvezek besednodružinskega slovarja slovenskega jezika (leta 2004). Pripravila ga je Irena Stramljič Breznik. Zaobsega črko B (pribl. 666 besednih družin s skupno 11 136 besedami). Glavni gradivski vir zanj je SSKJ (600 besednih družin s skupno 7721 besedami), ob njem pa še "Besedišče" ter oba osrednja besedilna korpusa ("Nova beseda" in "FIDA" oz. "FidaPLUS").

2.6.3. Če bo slovensko slovaropisje dogovorno krenilo po poti specializiranih slovarjev, bodo naštetim dosežkom in rezultatom, ki se obetajo na podlagi potekajočih nalog, lahko sledila še obsežnejša nadaljevanja ter novi tipi slovarjev (npr. pravorečni, stilistični itd.).

2.7. Slovarji tujk in izposojenk

2.7.1. Tudi potreba po posebnih priročnikih, ki bi pomensko pojasnjevali besede tujega izvora, je v zgodovini slovenskega jezika že dolgo prisotna. Dokazuje jo npr. izid Glonarjevega žepnega slovarja tujk iz leta 1927. Sledili so mu slovarji tujk Frana Bradača (1929¹ in 1942²), Stanka Bunca (1952), precej obsežnejši Verbinčev slovar (1968)⁶⁷. Leta 2002 je izšel skupinsko izdelani "Veliki slovar tujk", ki mu je leta 2005 sledila še priročna različica v knjižni in elektronski izdaji. Slovenskim izdajam se pridružuje tudi zamejska. Razlike med starejšimi in najnovejšim slovarjem tujk so v obsegu zajetega besedja. Slednji se v skladu z naraščanjem števila tujk v slovenskem jeziku naglo povečuje. V slovenske slovarje tujk je praviloma zajetega tudi precej strokovnega izrazja. Prav zaradi neizbežne prekrivnosti s terminološkimi in s splošnim slovarjem se v novejšem času pojavljajo razmišljanja o smiselnosti izdajanja tovrstnih priročnikov in o neaktualnosti dosedanjega koncepta (Holz 2005).

2.7.2. Posebno vrsto slovarja predstavljajo slovarske obravnave besed, prevzetih iz enega samega tujega jezika. Slovarski prikaz iz nemščine prevzetih besed je sestavni del monografije, ki jo je pripravila Striedter-Temps (1963). Krajši seznam iz nemščine prevzetih

---

⁶⁶ Slovar zajema 743 homonimnih nizov, med katerimi močno prevladujejo dvočlenski (Júlia Bálint 1997). Homonimi so — enako kot v SSKJ — razumljeni sinhrono.

⁶⁷ Tako mali Bunčev kot obsežnejši Verbinčev slovar sta doživela veliko število ponatisov.

besed (267 izposojenk oz. 157 korenov), ki ga določa njihovo pojavljanje v Trubarjevi teološki razpravi “Ena dolga predgovor” iz leta 1558, je slovarsko predstavljen in hkrati izvorno pojasnjen v monografiji Helene Jazbec (2007). Del širše obravnave je tudi slovarska predstavitev 188 ruskih besed, izpisanih iz Vodnikovega rokopisnega in iz Murkovega natisnjega slovarja, ki jo je pripravila A. Läg Reid (1973).

2.8. Slovarji lastnih imen

2.8.1. Obstoječi slovarji lastnih imen se med seboj zelo razlikujejo. Med njimi so tudi priročniki mešanega tipa. Bezlajeva “Vodna imena” vsebujejo etimološka pojasnila, Kebrov “Leksikon imen” je že naslovno definiran kot priročnik enciklopedijskega tipa. Avtor v njem obravnava večino na Slovenskem znanih imen z različicami. Več slovarskih del zajema slovenske priimke (npr. Bezlaj 1974), nekatera le tiste, ki so značilni za ožje geografsko področje (npr. Merku 1982).

Priročnik “Antična imena po slovensko” (Aubelj 1997) navaja slovenske različice antičnih imen z namenom, da bi bila raba pravilna in poenotena.

2.8.2. Priročnik “Slovenska krajevna imena” (1985) ima normativni namen (variante so urejene v smeri knjižno — narečno). Med najnovejše dosežke s tega področja spada “Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen” (Snoj 2009), ki skuša odgovoriti na vprašanja, od kod izvirajo važnejša slovenska krajevna, pokrajinska, gorska in vodna imena (v 1650 slovarskih sestavkih), izvorno pojasnjuje pa tudi nekaj bolj znanih imen izven slovenskega narodnega prostora (v 208 sestavkih). Avtor kritično povzema in dopolnjuje dosedanja imenoslovna spoznanja.

2.9. Dvojezični slovarji

2.9.0. Dvo- in večjezični slovarji so do konca 19. stoletja večinoma opravljali vlogo splošnih slovarjev. Tovrstno slovarpisje je višek doseglo z obvestilno najbogatejšim Pleteršnikovim slovarjem. Slednji je v razvoju slovenskega slovaropisja mejnik tudi zato, ker so v njem zaznavni elementi številnih specialnih slovarjev, ki hkrati napovedujejo nadaljnje razvojne usmeritve slovaropisja. Dvo- in večjezični slovarji, ki so se zvrstili za Pleteršnikovim, so funkcionalno ožje zamejeni. Nastajali so predvsem z namenom, da bi olajševali razumevanje jezikov (materne in tujega oz. tujih), ki iz različnih vzrokov prihajajo v medsebojni stik, ter sporazumevanje v njih. Nastajali so iz različnih potreb. Poleg jezikov sosednjih narodov (nemškega, italijanskega, madžarskega, hrvaškega, srbskega in srbohrvaškega), s katerimi so bili Slovenci dolgotrajno (v različnih zgodovinskih obdobjih pa tudi različno intenzivno) v stiku, so bili v obojesmerne slovarske kombinacije iz različnih vzrokov zajeti tudi drugi jeziki: oba klasična (grški in latinski⁶⁸),

---

⁶⁸ Posebne omembe vreden je t. i. Wiesthalerjev latinsko-slovenski slovar, ki spada med najboljše znane zasnovane dvojezične slovarje. Leta 1895 so ljubljanski gimnazijski profesorji latinščine sestavili poseben odbor za sestavo latinsko-slovenskega slovarja. Predsedoval mu je gimnazijski ravnatelj Fran Wiesthaler. Leta 1925 je izšel prvi del slovarja (A–facilis). Nadaljevanje je preprečilo pomanjkanje denarja. Slovar je v nekoliko posodobljeni obliki leta 1993 začel ponovno izhajati in do leta 2007 prispel do konca.

oba "svetovna" angleški in francoski, esperanto kot mednarodni umetni jezik, pa tudi večji vzhodno- in zahodnoslovanski jeziki (ruski⁶⁹, poljski, češki, slovaški jezik). Bivanje Slovencev v večnacionalni državi Jugoslaviji je narekovalo tudi izdelavo makedonsko-slovenskega in albansko-slovenskega slovarja. Potreba po novih slovarskih soočenjih slovenščine s tujimi jeziki se kaže tudi kot posledica vključevanja Slovenije v nove gospodarske tokove, ki jih sproža globalizacija. Seznam tujih jezikov, ki se ob slovenščini pojavljajo v dvojezičnih slovarjih, je vse daljši. Nanj so se poleg že naštetih uvrstili tudi drugi tuji jeziki: evropski, azijski in tisti, ki se uporabljajo na več celinah (npr. švedščina, španščina, portugalščina, japonsščina, kitajščina).

2.9.1. Najdaljšo in najbogatejšo slovaropisno tradicijo izkazujejo slovarska soočenja nemščine in slovenščine. Pregled dvojezičnih slovarjev, ki so izhajali za Pleteršnikovim, hkrati ponazarja razvojni lok dvojezičnega slovaropisja na Slovenskem. V začetku 20. stoletja so nastajali krajši nemško-slovenski in slovensko-nemški slovarji za domačo in šolsko rabo, sledili pa so jim vse popolnejši slovarji. Posebne omembe je vredna slovarska produkcija družine Debenjakovih (Doris, Božidar in Primož Debenjak). Leta 1974 je prvič izšel (pogosto ponatiskovani) "Nemško-slovenski in slovensko-nemški slovar", ki ga je sestavila Doris Debenjak. Družinsko delo je "Veliki nemško-slovenski slovar", ki je prvič izšel leta 1992, leto kasneje pa tudi v elektronski obliki, ter spremni "Mali nemško-slovenski slovar" (2004¹).

Na dolgotrajno jezikovno soseščino in na potrebo po nujno potrebnem medsebojnem razumevanju kaže tudi številčnost dvojezičnih slovarjev, v katerih se ob slovenščini pojavlja še italijanščina, madžarščina ter srbohrvaščina oz. srbski in hrvaški jezik.

V zadnjih desetletjih dvajsetega stoletja je močno naraslo število angleško-slovenskih in slovensko-angleških slovarjev različnega obsega in različnih tipov. Tudi med njimi je veliko terminoloških.

Dvojezični slovarji z vključeno slovenščino so nastajali tudi v zamejstvu.

2.9.2. Večina dvojezičnih slovarjev je doživela več ponatisov ter dopoljenih in razširjenih ponovnih izdaj. Večina avtorjev dvojezičnih slovarjev je izdelala obe kombinaciji in jih izdala v isti knjigi. Vsi obsežnejši dvojezični slovarji so v zadnjem desetletju doživeli tudi računalniško izdajo. Številni dvojezični slovarji vključujejo tudi jedrnate slovnične opise jezikov. Spremni pojav obsežnejših dvojezičnih slovarjev so tudi priročne ter male ali žepne izdaje. Veliki dvojezični slovarji, ki jih vse pogosteje načrtno izdelujejo skupine, skušajo dosegati izrazno aktualnost in informacijsko širino. Neredko vključujejo tudi strokovno izrazje. Oksfordski "Veliki angleško-slovenski slovar" (prva izdaja leta 2005/2006), ki je rezultat desetletnega sodelovanja med založbama Oxford University Press in DZS, npr. prinaša podatke o izgovorjavi, slovnične informacije, frazeologijo, tipične zglede rabe itd.⁷⁰ Dvojezične slovarje v Sloveniji izdajajo tržno naravnane založbe. Slednje

---

⁶⁹ Med slovanskimi jeziki, ki so bili s slovenščino soočeni v dvojezičnih slovarjih, ima najdaljšo tradicijo ruski jezik. Martin (Davorin) Hostnik je že leta 1897 sestavil priročni rusko-slovenski slovar, slovensko-ruski del pa leta 1901. Obema je v dvajsetem stoletju sledilo več različno obsežnih in tipološko različnih slovarjev.

⁷⁰ Njegova posebnost je, da skuša v ustreznični vlogi ponuditi kolikor mogoče sodobno in živo rabljeno slovenščino, kakršno zrealijo besedilni korpusi (zlasti korpus "FIDA").

praviloma skrbijo tudi za njihovo nenehno izpopolnjevanje in dopolnjevanje, kar pa je zaradi majhnosti knjižnega trga pogosto težka naloga.

2.10. Leksikoni, enciklopedije in drugi tipi slovarjev

2.10.1. Oris sodobnega slovenskega slovaropisja bi bilo mogoče razširiti in izpopolniti tudi z navedbo leksikonov in enciklopedičnih slovarjev, zlasti v primerih, kadar meja med njimi in slovarji ni povsem ostro zarisana. Ker pa so v obeh tipih priročnikov najpogosteje v ospredju pojmi in dejstva, je bilo vzporedno omenjenih samo nekaj vzorčnih primerov.

2.10.2. Slovensko slovarsko izbiro novejšega časa bogati še nekaj neomenjenih tipov slovarjev: npr. prevedeni slikovni slovarji, slovarji krajšav, konkordance itd.

2.11. Elektronske izdaje slovarjev

Elektronske izdaje slovarjev, ki omogočajo preprosto in hitro iskanje podatkov ter njihovo poljubno izbiro, so v zadnjem desetletju vse pogostejši dogodek tudi v slovenskem slovaropisju. Izdaje na CD-ejih so doživeli "Slovar slovenskega knjižnega jezika" (1998) in "Slovenski pravopis" iz leta 2001 (2003), Pleteršnikov slovar iz let 1894–95 (2006)⁷¹, "Veliki slovar tujk" ter številni dvojezični slovarji, zlasti tisti, po katerih je veliko povpraševanje. Na plošči CD-ROM so izšli obsežnejši slovarji (npr. "Veliki nemško-slovenski slovar" že leta 1993 itd.) ter kombinacije s slovenskim in tujim izhodiščem hkrati (npr. Gradov "Špansko-slovenski slovar, slovensko-španski slovar" (2006) itd.).

2.12. Spletni korpusi in slovarji

2.12.1. Zahteve po čim večji ažuriranosti v sodobnem slovaropisju bo v prihodnosti mogoče izpolnjevati le ob pomoči namenskih računalniških gradivskih zbirk ter obsežnih spletnih, zvrstno uravnoteženih ali specializiranih besedilnih oz. besednih korpusov. Njihov namen je z zajetim gradivom izkazovati realno jezikovno rabo, omogočati ugotavljanje tipičnega in obrobnega v njej, zaznavati spremembe v jeziku itd.⁷² Obstajata dva obsežna osrednja (referenčna) korpusa, ki z vključevanjem novega besedilnega gradiva nenehno naraščata, z nadaljnjo obdelavo zbranega gradiva (to je s strukturiranjem in podatkovnim označevanjem) pa informativno bogatita: javno dostopni besedilni korpus "Nova beseda" (lastnik je Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU) in pogojno dostopni korpus "FIDA" (lastniki korpusa so Filozofska fakulteta Univeze v Ljubljani, Inštitut Jožef Stefan, Založba DZS in podjetje Amebis) z nadaljevanjem in nadgradnjo "FidaPLUS", ki ga je financirala Javna agencija za raziskovalno dejavnost Republike Slovenije⁷³. Oba sta enojezikovna. "FIDA" (z nadgradnjo "FidaPLUS") je korpus sodobne

---

⁷¹ Tako najnovejša knjižna kot elektronska izdaja slovarja temeljita na transliteriranem (iz gotice) računalniškem prepisu slovarja.

⁷² Prim. Gorjanc 1999, 2000; Jakopin 2001 in 2003; Weiss 2001: zlasti 419–421.

⁷³ Na začetku leta 2012 je korpus "Nova beseda" obsegal 318 milijonov enot (http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda.html), korpus "FIDA" (1997–2000) ob koncu projekta 100 milijonov enot (Gorjanc, Logar 2005), njegovo nadaljevanje in nadgradnja "FidaPLUS" pa ob koncu projekta (2000–2006) 621 150 000 besed.

slovenščine s konca dvajsetega in z začetka 21. stoletja, "Nova beseda" pa poleg (zvrstno različnih) sodobnih besedil vključuje tudi nekaj starejših. Oblikujejo se tudi korpusi strokovnih besedil, kakršen je npr. "Korpus slovenskega vojaškega jezika Grizold" (Gorjanc, Logar 2005). Del slovenskega terminološkega izrazja je npr. vključen tudi v večjezično terminološko zbirko "Evroterm", ki je od leta 2000 prosto dostopna na spletu. Vse boljša je tudi povezava med obstoječimi korpusi in elektronskimi izdajami slovarjev.

2.12.2. Sodobna strokovna literatura opozarja tudi na prednosti spletnih slovarjev in na prve tovrstne slovenske poskuse. Mednje npr. spada spletni slovar informatike (Turk, Puc 2005: 34–35)⁷⁴, ki je zanimiv tudi kot model za druge tovrstne terminološke slovarje.

3. Razvojne tendence slovenskega slovaropisja

Med osrednje naloge slovenskega slovaropisja v naslednjem desetletju vsekakor spada nadaljevanje in dokončanje že začelih slovarskih del (sinonimnega, posodobljene izdaje "Slovarja slovenskega knjižnega jezika", prvih zvezkov slovarja knjižnega jezika 16. stoletja, dialektoloških slovarjev, malega pravopisa itd.). Če bo skrb za slovensko strokovno izrazje tudi v času globalizacije ostala živa, bo z enako ali zaradi novih tehnologij s še večjo intenziteto tekla tudi priprava raznovrstnih terminoloških slovarjev. Zaradi spreminjanja zvrstne vrednosti terminov in zaradi potrebe po vključevanju novih, zlasti tistih, ki se uveljavljajo kot prevodna nadomestila za tuja (večinoma angleška) strokovna poimenovanja, se kažejo tudi potrebe po posodobitvi že obstoječih terminoloških slovarjev. Na osnovi dosedanjih izkušenj in obstoječih potreb je mogoče sklepati, da se bodo na Slovenskem uveljavljenim tipom slovarjev v prihodnosti pridružili tudi spletni.

Uspešno vključevanje v gospodarske in druge mednarodne povezave bodo omogočali tudi novi dvojezični slovarji: bodisi manjkajoči slovarji z nasprotnim izhodiščem ali izpopolnjene, modernejše izdaje že obstoječih. Obstaja še več neomenjenih slovarskih vrzeli, ki naj bi jih zapolnila prihodnost.

4. Leksikologija in leksikografija v medsebojni povezavi

Tako za slovarje iz preteklih stoletij kot za vse novejšje in tiste, ki nastajajo v sedanjem času, je bil potreben bolj ali manj temeljit konceptualni razmislek, ki je moral upoštevati namen slovarja, razpoložljivo gradivo, sočasno razvojno stopnjo domačega in tujega slovaropisja, pa tudi jezikoslovja (v celoti in na posameznih področjih, kot so etimologija, dialektologija, zgodovina jezika itd.) in drugih strok, s katerimi slovaropisje prihaja v stik preko zajetega besedja. Rezultati iskanja najprimernejših načinov slovarskega prikazovanja podatkov so razvidni iz slovarskih del. V novejšem času so slovarska dela praviloma oprta na rezultate predhodno ali vzporedno opravljenih teoretičnih raziskav. Z njimi slovaropisci strokovno javnost seznanjajo preko razprav, člankov in celo monografij. Prispevke k slovaropisni teoriji prinašajo številne bibliografske enote, ki so navedene v

---

⁷⁴ Slovar je dostopen na naslovu: <http://www.islovar.org>.

dodanem bibliografskem seznamu, pa tudi številne neomenjene⁷⁵. V povezavi s slovarskim delom je v novejšem času nastalo tudi več obsežnejših leksikoloških del (npr. Vidovič Muha 2000, Novak 2004, Snoj 2010 itd.).

VIRI IN LITERATURA

Viri (abecedni pregled izbranih slovenskih tiskanih in rokopisnih slovarjev)

- Adamič France*. Sadjarstvo. Kmetijski tehniški slovar. Knjiga 1, zvezek 6. Ljubljana, 1995.
- Ahačič Kozma, Legan Ravnikar Andreja, Merše Majda, Narat Jožica, Novak France*. Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja. Ljubljana, 2011.
- Ahlin Martin, Lazar Branka, Praznik Zvonka, Snoj Jerica*. Slovar sinonimov slovenskega jezika. Splošna določila in opis zgradbe slovarskih sestavkov z vzorčno predstavitvijo. Ljubljana, 2003.
- Alasia da Sommaripa Gregorio*. Vocabolario Italiano, e Schiauo. Udine, MDCVII. Faksimile. Ljubljana, 1979.
- Apostel Johann Anton (Bernard Mariborski)*. Dictionarium Germanico-Slavonicum. 1760. Rokopis.
- Apovnik Pavel, Karničar Ludvik*. Wörterbuch der Rechts- und Wirtschaftssprache. Slovar pravnega in ekonomskega jezika. Teil I: Deutsch-slowenisch (1989); Teil II: Slowenisch-deutsch (1996). [Wien] Manz.
- Aubelj Bronislava*. Antična imena po slovensko. Ljubljana, 1997.
- Babnik Janko*. Nemško-slovenska pravna terminologija. Wien, 1894.
- Bálint Júlia*. Slovar slovenskih sinonimov. Ljubljana, 1997.
- Banič Janez, Batis Janez, Brglez Ivanka, Rigler Leo*. Veterinarski terminološki slovar. 1982–2006.
- Baudouin de Courtenay Jan*. Sprachproben des Dialektes von Cirkno // Archiv für slavische Philologie 1885. N 8. S. 103–119, 274–290, 432–462.
- Baudouin de Courtenay*. Rez'janskij slovar': pod redakcijej N.I. Tolstogo // Slavjanskaja leksikografija i leksikologija. Moskva, 1966. S. 183–226.
- Besedišče slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki (po gradivu za slovar sodobnega knjižnega jezika zbrane besede, ki niso bil sprejete v Slovar slovenskega knjižnega jezika). Ljubljana, 1998.
- Bezljaj France*. Slovenska vodna imena. I. del (A–L); II. del (M–Ž). Ljubljana, 1956–1961.
- Bezljaj France*. Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni snopič. Ljubljana, 1963.
- Bezljaj France*. Začasni slovar slovenskih priimkov. Ljubljana, 1974.
- Bezljaj France*. Etimološki slovar slovenskega jezika. I (1976): A–J; II (1982): K–O; III (1995): P–S, Dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan; IV (2005): Š–Ž. Avtorji gesel France Bezljaj, Marko Snoj in Metka Furlan; V (2007): Kazala. Izdelala Marko Snoj in Simona Klemenčič. Ljubljana.
- Bohorič Adam*. Elementale Labacense cum Nomenclatura trium linguarum. [1580] (neohranjeno).
- Bohorič Adam*. Arcticae horulae fucillivae. Wittenberg, 1584.
- Botanični terminološki slovar. Ljubljana, 2011.
- Bradač Fran*. Slovar tujk. Ljubljana, 1929.
- Slovar tujk. Druga, pomnožena izdaja. Ljubljana, 1942.
- Breznik Anton*. Slovenski pravopis. Ljubljana, 1920.
- Breznik Anton, Ramovš Fran*. Slovenski pravopis. Ljubljana, 1935.
- Breznik Anton*. Slovenski pravopis. Mala izdaja. Ljubljana, 1937.
- Bunc Stanko*. Slovarček tujk. Kranj, 1952.
- Bunc Stanko*. Slovar tujk. Maribor, 1963.
- Caf Oroslav* [Slovensko-nemški slovar]. Rokopisno gradivo. 1834–1874.
- Cigale Matej*. Deutsch-slovenisches Wörterbuch. Laibach, 1860.
- Cigale Matej*. Znanstvena terminologija s posebnim ozirom na srednja učilišča. Ljubljana, 1880.
- Čebul Andrej*. Ein kleines Wörterbüchlein nämlich windisch- und deutscher Sprache. Enu Mala Besediche Nemrizh Slovinskiga, inu Nemshkiga Jefika. Mahrburg; Graz, 1789.
- Černič Mirko*. Slovenski zdravstveni besednjak. Ljubljana, 1957.

⁷⁵ Seznam bi bilo mogoče razširiti s številnimi prispevki, ki se teoretično ukvarjajo z različno slovaropisno problematiko, večinoma v povezavi s posameznim tipom slovarja.

- Černič Mirko, Držečnik Janko, Pertl Eman, Smerdu Franjo. Slovenski zdravstveni besednjak. Druga predelana in obnovljena izdaja. Maribor, 1987.
- Dalmatin Jurij. BIBLIE, TV IE, VSIGA SVETIGA PISMA PERVI DEIL. Ljubljana, 1578.
- Dalmatin Jurij. BIBLIA, TV IE, VSE SVETV PISMV, STARIGA inu Noviga Teftamenta. Wittenberg, 1584. Faksimile. Ljubljana, 1968.
- Debenjak Doris. Nemško-slovenski in slovensko-nemški slovar = Deutsch-slowenisches und Slowenisch-deutsches Woerterbuch. Ljubljana, 1974.
- Debenjak Doris, Božidar, Primož. Großes deutsch-slovenisches Wörterbuch. Ljubljana, 1992.
- Debevec Janez. Deutsch-krainisches Wörterbuch. Rokopis, 1795.
- Fabjan Bajc Diomira. Dve muhi na en mah: slovensko-italijanski frazeološki slovar. Due piccioni con una fava: vocabolario fraseologico sloveno-italiano. Gorica, 1995.
- Farmaceutski terminološki slovar. Ljubljana, 2011.
- Furlan Metka. Odzadnji slovar zemljepisnih imen po atlasu Slovenije. Ljubljana, 1993.
- Geografski terminološki slovar. Ljubljana, 2005.
- Glonar Joža. Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
- Glonar Joža. Slovenski pravopis. Ljubljana, samozaložba, 1936.
- Golec Boris. Mestna prisežna besedila v slovenskem jeziku do začetka 19. st. <http://nl.ijs.si/e-zrc/prisege/>. 2009.
- Golec Boris. Slovenska prisežna besedila trških skupnosti in neagrarnih poklicnih skupin do konca predmarčne dobe. <http://nl.ijs.si/e-zrc/prisege2/>.
- Grabner-Haider Anton, Krašovec Jože s sodelavci. Biblični leksikon. Celje, 1984.
- Grad Anton. Špansko-slovenski slovar, slovensko-španski slovar. Elektronska izdaja na plošči CD-ROM. Ljubljana, 2006.
- Gutsmann Oswald. Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter und einiger vorzüglichen abstammenden Wörter. Klagenfurt, 1789.
- Hajnshek Holz Milena, Jakopin Primož. Odzadnji slovar slovenskega jezika po Slovarju slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1996.
- Hipolit (Gaiger Janez Adam). Dictionarium trilingue Latino-germanico-slavonicum, in posteriori parte Germanico-slavonico-latinum. Rokopis, 1711–1712.
- Hostnik M.M. Ručnoj rýssko-slovínskij slovár'. Ročni rusko-slovenski slovar. Gorica, 1897.
- Hostnik M.M. Slovinsko-russkij slovár'. Gorica, 1901.
- Islovar: <http://www.islovar.org>.
- Jakomin Dušan. Narečni slovar Sv. Antona pri Kopru. Trst, 1995.
- Janežič Anton. Vollständiges Taschen-Wörterbuch der slovenischen und deutschen Sprache. Deutsch-slovenischer Teil. Klagenfurt, 1850. Slověnsko-němški děl. Klagenfurt, 1851.
- Janežič Anton. Deutsch-slovenisches Taschen-Wörterbuch für Schule und Haus. Zweite, umgearbeitete und vermehrte Auflage. Klagenfurt, 1867.
- Jarnik Urban. Kleine Sammlung solcher altslavischer Wörter, welche im heutigen windischen Dialecte noch kräftig fortleben. Klagenfurt, 1822.
- Jarnik Urban. Versuch eines Etymologikons der Slowenifchen Mundart in Inner-Oesterreich. Klagenfurt, 1832.
- Jazbec Helena. Nemške izposojenke pri Trubarju na primeru besedila Ena dolga predgovor. Ljubljana, 2007.
- Jenko Elizabeta. Sich auf die Socken machen: deutsch-slovenisches Wörterbuch der Redewendungen mit einer kontrastiven Studie. Klagenfurt; Celovec, 1994.
- Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs. Deutsch-kroatische, serbische und slovenische. Wien, 1853.
- Kališnik Miroslav in drugi. Pravopis medicinskih izrazov. Ljubljana, 1996¹, 1997².
- Karničar Ludvik. Der Obir-Dialekt in Kärnten. Graz, 1986. Wien, 1990.
- Karničar Ludvik. Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter, und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter von Oswald Gutsmann, Klagenfurt 1789. Auf Slowenisch-Deutsch umgekehrt und bearbeitet von Ludwig Karničar. Graz, 1999.
- Kastelec Matija. Dictionarium latino-carniolanum vel carniolicum. Rokopis, 1680–1688.
- Keber Janez. Leksikon imen. Izvor imen na Slovenskem. Celje, 1988.
- Keber Janez. Frazeološki slovar slovenskega jezika. Poskusni snopič. Ljubljana, 2003.

- Keber Janez*. Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana, 2011.
- Korpus FIDA: <http://www.fida.net/slo/index.html>.
- Korpus FidaPLUS: <http://www.fidaplus.net>.
- Korpus Nova beseda: http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda.html.
- Košir Stanko*. B's'dnjak rutaršče 'n srenščê šprašê: Slovar rutarske in srenške govornice. Rute, samozaložba, 1997.
- Koštiál Ivan*. Slovenski etimološki besednjak. Rokopis. Prva polovica 20. stoletja.
- Kranjsko besedishe pisano. Rokopis. Druga polovica 17. stoletja.
- Krelj Sebastijan*. OTROZHA BIBLIA. Regensburg, 1566.
- Kumerdej Blaž*. [Slovenisch-deutsches Wörterbuch A-liba]. Rokopis, 1787–1798.
- Läg Reid Annelies*. Hieronymus Megiser, Slowenisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, Neugestaltung und Faksimile der ersten Ausgabe aus dem Jahre 1592, Bearbeitet von Annelies Läg Reid. Wiesbaden, 1967.
- Läg Reid Annelies*. Die russischen Lehnwörter im Slowenischen. Die in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts übernommenen Wörter. München, 1973.
- Levec Fran*. Slovenski pravopis. Dunaj, 1899.
- Megiser Hieronim*. Dictionarium quatuor linguarum. Impressum Graecii Styriae a Joane Fabro /.../ M.D.LXXXII.
- Megiser Hieronim*. Thesaurus Polyglottus. Francofurti ad Moenum, 1603.
- Megiser Hieronim*. Dictionarium Quatuor Linguarum. Klagenfurt, 1744.
- Menac Antica, Rojs Jurij*. Hrvatsko-slovenski frazeološki rječnik. Zagreb, 1992.
- Merše Majda, Novak France, Premk Francka*. Slovar jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja. Poskusni snopič. Ljubljana, 2001.
- Mikhailov Nikolai*. Frühslowenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550). Amsterdam; Atlanta, 1998.
- Miklošič Fran*. [Slovensko-nemški slovar]. Rokopisno gradivo, 1849–1855.
- Miklošič Fran*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Mukics Ferenc*. Magyar-szlovén frazeológiai szótár. Szombathely, 1993.
- Murko Anton Johann*. Deutsch-Slowenisches und Slowenisch-Deutsches Handtwörterbuch. Deutsch-Slowenischer Teil. Grätz 1833. Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovenski rózхни besednik. Slovénsko-Nemshki Dél. Gradec, 1833.
- Načrt pravil za novi slovenski pravopis. Ljubljana, Izdala Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik, 1981.
- Novak Franc*. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Dopolnil in uredil Vilko Novak. Murska Sobota, 1985.
- Novak Franc*. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Druga, popravljena in dopolnjena izdaja. Priredil in uredil Vilko Novak. Murska Sobota, 1996.
- Novak Vilko*. Slovar stare knjižne prekmurščine. Poskusni snopič. Ljubljana, 1988.
- Novak Vilko*. Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana, 2006.
- Ogorelec Anton in drugi*. Slovenski elektrotehniški slovar. Prevod in priredba dela International electrotechnical vocabulary. Ljubljana, SLOKO-CIGRÉ, 1997–.
- Pavlica Josip*. Frazeološki slovar v petih jezikih. Rječnik slovenačkih, hrvatskosrpskih, latinskih, njemačkih, francuskih i engleskih fraza. Ljubljana, 1960.
- Penn Vid (Dominik)*. Deutsch-lateinisch-windisches, dann windisch-deutsches Wörter-Buch zum allgemeinen Gebrauche. Rokopis, 1854.
- Pleteršnik Maks*. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895.
- Pleteršnik Maks*. Slovensko-nemški slovar. Transliterirana izdaja. Knjižna in elektronska izdaja na CD. Ljubljana, 2005.
- Pohlin o. Marko*. Tu malu besedishe treh jesikov. Ljubljana, 1781.
- Pohlin o. Marko*. Glossarium slavicum. In supplementum ad primam partem Dictionarii Carniolicum. Viennae (Dunaj), 1792–1793.
- Popovič Ivan Žiga*. Specimen vocabolarum Vindocarniolicum. Rokopis, [1760].
- Pravni terminološki slovar. Do 1991. Gradivo. Ljubljana, 1999.
- Priročni e-slovar tujk. Ljubljana, 2005.
- Priročni slovar tujk. Ljubljana, 2005.

- Rajh Bernard. Gúcati po antujoško. Gradivo za narečni slovar severozahodnopreškega govora. Zora 73. Maribor, 2010.
- Scherber Peter. Slovar Prešernovega pesniškega jezika. Maribor, 1977.
- Slovar novejšega besedja slovenskega jezika. Ljubljana, 2012.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika. I (1970): A–H; II (1975): I–Na; III (1979): Ne–Pren; IV (1985): Preo–Š; V (1991): T–Ž, Dodatki. Izdala Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik, založila Državna založba Slovenije. Ljubljana, 1970–1991.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika (poskusni snopič). Ljubljana, SAZU, 1964.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika z odzadnjim slovarjem in Besediščem slovenskega jezika. Elektronska izdaja na plošči CD-ROM. SAZU, ZRC SAZU, DZS. Ljubljana.
- Slovenska krajevna imena. Ljubljana, 1985.
- Slovenski etnološki leksikon. Ljubljana, 2004.
- Slovenski medicinski slovar. Ljubljana, 2002.
- Slovenski pravopis. Ljubljana, SAZU — Državna založba Slovenije, 1950.
- Slovenski pravopis. Ljubljana, SAZU — Državna založba Slovenije, 1962.
- Slovenski pravopis I — Pravila. Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1990.
- Slovenski pravopis / [uredniški odbor] Jože Toporišič in drugi: Izdala Slovenska akademija znanosti in umetnosti in Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. Ljubljana, 2001.
- Snoj Marko. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
- Snoj Marko. Slovenski etimološki slovar. Druga, pregledana in dopolnjena izdaja. Ljubljana, 2003.
- Snoj Marko. Slovar jezika Janeza Svetokriškega. 1. knjiga A–O, 2. knjiga P–Ž. Ljubljana, 2006.
- Snoj Marko. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009.
- Spinuzzi Monai Liliana. Il Glossario del dialetto del Torre di Jan Baudouin de Courtenay. Udine, Ljubljana, 2009.
- Spolšni tehniški slovar I–II. Del 1 (1962): A–O; Del 2 (1964): P–Ž. Sestavili člani Tehniške sekcije Terminološke komisije pri Slovenski akademiji znanosti in umetnosti. Ljubljana, 1962–1964.
- Stabej Jože. Slowenisch-lateinisches-deutsches (zum Theil) Wörterbuch der Grammatik von Adam Bohorič. Adam Bohorič, Arcticae horulae, Die erste Grammatik der slowenischen Sprache, Wittenberg, 1584. II. Teil: Untersuchungen. München, 1971. S. 144–206.
- Stabej Jože. Wörterverzeichnis der Sprachbemerkungen und des Registers in der Biblia Dalmatins 1584. Jurij Dalmatin, Biblia 1584. II. Teil: Abhandlungen. München, 1976. S. 101–181.
- Stabej Jože. Hieronymus Megiser, Thesaurus polyglottus. Iz njega je slovensko besedje z latinskimi in nemškimi pomeni za Slovensko-latinsko-nemški slovar izpisal in uredil Jože Stabej. Ljubljana, 1977.
- Stabej Jože. Slovensko-latinski slovar po: Matija Kastelec — Gregor Vorenc, Dictionarium latino-carniolicum (1680–1710). Ljubljana, 1997.
- Steenwijk Han. The slovene dialect of Resia, San Giorgio. Amsterdam, 1992.
- Stramljič Breznik Irena. Besednodružinski slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek za iztočnice na B. Zora, Priročniki — 1. Maribor, 2004.
- Striedter-Temps Hildegard. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Wiesbaden, 1963.
- Suhadolnik Stane. Gradivo za Prešernov slovar. Ljubljana, 1985.
- Sušin Jože. Kmetijski tehniški slovar. I. knjiga, 1. zvezek. Nauk o tleh, gradivo za pedološki slovar. Ljubljana, 1983.
- Šašel Josip, Ramovš Fran. Narodno blago iz Roža. Maribor, 1936–1937.
- Šega Lidija. Poslovana terminologija. Ljubljana, 1995.
- Šega Lidija. Veliki moderni poslovni slovar. Ljubljana, 1997.
- Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten. Herausgegeben von Stanislaus Hafner und Erich Prunč. Bd. 1: A–B (1982); Bd. 2: C–dn (1987); Bd. 3: do–F (1992); Bd. 4: G–H (1994); Bd. 5: I–Ka (2007); Bd. 6: Kd–Kv (2009); Bd. 7: K–Mi (2012). Wien.
- Tominec Ivan. Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964.
- Toporišič Jože. Besednjak. Stiški rokopis. Študije. Ljubljana, 1992a. S. 32–40.
- Toporišič Jože. Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana, 1992b.
- Ulčnik Natalija. Začetki prekmurskega časopisja: besedje Agustičevega časopisa Prijatelj. Maribor, 2009.
- Veliki angleško slovenski slovar Oxford. Ljubljana, 2006.

- Veliki slovar tujk. Ljubljana, 2002.
- Verbinc France*. Slovar tujk. Ljubljana, 1968.
- Vodnik Valentin*. Slovenlki Befednjak. Rokopis, 1800–1817.
- Vorenc Gregor*. Dictionarium Latino-Carniolicum. Rokopis, 1695–1710.
- Weiss Peter*. Slovar govorov Zadrecke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami, Poskusni zvezek (A–H). Ljubljana, 1998.
- Wiesthaler Fran*. Latinsko-slovenski veliki slovar. Sestavil ob sodelovanju več šolnikov in uredil Fran Wiesthaler. Ljubljana, 1923.
- Wiesthaler Fran*. Latinsko slovenski slovar. 1 (1993): A–Col; 2 (1995): Coll–Ex; 3 (1999) F–K; 4 (2002): L–Perf; 5 (2005): Perg–Sic; 6 (2007): Sis–Z. Ljubljana, 1993–2007.
- Zagajšek Mihael*. Deutsch Slavisches Wörterbuch. Rokopis, 1773–1790/91.
- Zalokar Janez*. Slovensko-nemški slovar. Rokopis, [1870].
- Zor Janez, Jakopin Franc, Logar Tine*. Slovar. Brižinski spomeniki. Znanstvenokritična izdaja. Ljubljana, 1992. S. 130–160.
- Žele Andreja*. Vezljivostni slovar slovenskih glagolov. Ljubljana, 2008.
- Žele Andreja*. Vezljivostni slovar slovenskih glagolov. Skrajšana knjižna izdaja. Ljubljana, 2011.

Literatura (v izboru)

- Adamič France*. Razvoj terminoloških dejavnosti s pregledom dosežkov in bibliografije. Slovensko naravoslovno-tehnično izrazje. Ljubljana, 1998. S. 13–17.
- Ahačič Kozma*. Nominalna paradigmatika Bohoričeve slovnice v luči evropskega slovničarstva // Slavistična revija LIV. 2006, št. 2. S. 129–153.
- Breznik Anton*. Slovenski slovarji. Razprave. Izdaja Društvo za humanistične vede v Ljubljani, 1926. III. S. 110–174.
- Breznik Anton*. Iz zgodovine novejših slovarjev // Časopis za zgodovino in narodopisje 33. 1938. S. 17–32, 87–98, 147–165.
- Dobrovoljc Helena*. Pravopisje na Slovenskem. Ljubljana, 2004.
- Dobrovoljc Helena, Jakop Nataša*. Sodobni pravopisni priročnik med normo in predpisom. Ljubljana, 2011.
- Furlan Metka*. Miklošičev etimološki slovar v luči sodobnega etimološkega raziskovanja slovenskega besedja // Miklošičev zbornik. Obdobja 13. Ljubljana, 1992. S. 329–338.
- Furlan Metka*. Etimološki slovar — za koga in kako. Rječnik i društvo. Zagreb, 1993. S. 71–79.
- Furlan Metka*. Etimološko raziskovanje slovenskega besedja (Od Jarnikovega do Miklošičevega etimološkega slovarja) // XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1994. S. 7–22.
- Furlan Metka, Snoj Marko*. Bezlajev Etimološki slovar slovenskega jezika // XXXII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1996. S. 17–25.
- Gjurin Velemir*. Register 1584 kot slovaropisni dosežek // Slavistična revija XXXII, št. 3, 1984. S. 183–208.
- Gjurin Velemir*. K začetkom slovenskega slovaropisja // Slavistična revija XXXIV, št. 4, 1986. S. 365–392.
- Gorjanc Vojko*. Korpusi v jezikoslovju in korpus slovenskega jezika *FIDA* // 35. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1999. S. 47–59.
- Gorjanc Vojko*. Nekatere možnosti jezikoslovne izbabe enojezikovnih korpusov // 36. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 2000. S. 335–348.
- Gorjanc Vojko, Logar Nataša*. Od splošnih do specializiranih korpusov — načela gradnje glede na njihov namen. Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Povzetki predavanj. Ljubljana, 2005. S. 16.
- Hajnsšek-Holz Milena*. Informativnost in normativnost slovarja slovenskega knjižnega jezika // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 3. Ljubljana, 1993. S. 21–34.
- Holz Nanika*. Mesto Velikega slovarja tujk v slovenski leksikografiji // Jezik in slovstvo L, št. 1, 2005. S. 87–99.
- Humar Marjeta*. Slovensko strokovno slovaropisje v obdobju po osamosvojitvi. Slovensko naravoslovno-tehnično izrazje. Ljubljana, 1998. S. 19–26.
- Humar Marjeta*. Terminologija. Enciklopedija Slovenije 13: Š–T. Ljubljana, 1999. S. 239–242.
- Humar Marjeta*. Vprašanja in perspektive slovenskega terminološkega slovaropisja // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 12. Ljubljana, 2002. S. 246–252.
- Humar Marjeta*. Stanje in vloga slovenske terminologije in terminografije // Terminologija v času globalizacije / Terminology at the time of globalization. Ljubljana, 2004. S. 17–31.

- Jakopin Franc.* Pohlin in Gutsman kot leksikografa. Leksikografija i leksikologija // Zbornik radova, Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1988. S. 35–43.
- Jakopin Franc.* Maks Pleteršnik — mojster slovenskega slovaropisja // XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1994. S. 23–34.
- Jakopin Franc.* K zgodovini Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša // Jezikoslovni zapiski 2. Ljubljana, 1995. S. 9–25.
- Jakopin Franc.* Pleteršnikovo mesto v sočasnem slovaropisju // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 5. Ljubljana, 1997. S. 9–15.
- Jakopin Primož.* Slovenski nacionalni korpus — idejni osnutek projekta // Jezikoslovni zapiski 7, št. 1–2. Ljubljana, 2001. S. 411–417.
- Jakopin Primož.* Nekaj zanimivosti iz besedilnega korpusa Nova beseda // Jezikoslovni zapiski 9, št. 2. Ljubljana, 2003. S. 145–152.
- Jesenšek Marko.* Slovaropisje na Štajerskem do konca 19. stoletja. Koropčev zbornik // Časopis za zgodovino in narodopisje 70, št. 1–2. Maribor, 1999. S. 355–372.
- Jesenšek Marko.* Mehrsprachigkeit bei Bernardus Marburgensis. Plurilingvizem in Evropi 18. stoletja. Zora 17. Maribor, 2002a. S. 83–93.
- Jesenšek Marko.* Slovensko gradivo v Apostlovem slovarju. Med dialektologijo in zgodovino slovenskega jezika. Zora 18. Maribor, 2002b. S. 336–353.
- Karničar Ludvik.* Gutsman in njegov nemško-slovenski slovar // Murkov zbornik, Referati s simpozija Anton Murko in njegov čas. Maribor, 1999. S. 391–401.
- Karničar Ludvik.* Tezaver slovenskega ljudskega jezika na Koroškem — dokaz živosti graške slavistike // Slavia Centralis III/2. Maribor, 2010. S. 80–86.
- Keber Janez.* Raziskovanje slovenske frazeologije — sedanje stanje in zasnova frazeološkega slovarja // Jezikoslovni zapiski 6. Ljubljana, 2000. S. 81–116.
- Kenda-Jež Karmen.* Slovenska dialektologija v drugi polovici 20. stoletja // Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. Zora 41. Maribor, 2006. S. 22–30.
- Kenda-Jež Karmen, Weiss Peter.* Posebnosti (slovenskega) narečnega slovaropisja // 35. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1999. S. 27–46.
- Košmrlj Levačič Maja.* O terminološkem slovarju in njegovi izdelavi z vidika strokovne in jezikovne ravnine // Jezikoslovni zapiski 11, št. 2. Ljubljana, 2005. S. 63–76.
- Kržišnik Erika.* Mali frazeološki rječnici in Hrvatsko-slovenski frazeološki rejčnik // Jezik in slovstvo XLI, št. 3, 1995/96. S. 157–166.
- Legiša Lino.* Alasia in njegova knjiga. Gregorij Alasia da Sommaripa, Slovar italijansko-slovenski, druga slovensko-italijanska in slovenska besedila. Videm 1607. Faksimile: Ljubljana, 1979. S. 228–272.
- Lukan Walter.* Die slovenischen Wörterbücher // Österreichische Osthefte 20. Heft 1. Österreichisches Ost und Südosteneuropa-Institut. Wien, 1978. S. 193–216.
- Majcenovič Helena.* Praktični vidiki normiranja v slovarjih // Jezikoslovni zapiski 5. Ljubljana, 1999. S. 63–90.
- Merše Majda.* Slovarski prikazi glagolskega vida (od Bohoriča do Pleteršnika) // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 5. Ljubljana, 1997. S. 27–41.
- Merše Majda.* Dosežki in naloge slovenskega zgodovinskega slovaropisja // Zbornik slavističnega društva Slovenije 10. Ljubljana, 2000. S. 155–166.
- Merše Majda.* Vprašanja sodobnega slovenskega zgodovinskega slovaropisja // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 12. Ljubljana, 2002. S. 253–256.
- Merše Majda.* Slovensko besedje v Megiserjevih slovarjih (1592, 1603) in knjižnojezikovna raba v 16. stoletju // Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. Zora 41. Maribor, 2006. S. 485–493.
- Merše Majda.* Slovensko zgodovinsko slovaropisje s konceptualno-razvojnega vidika. Infrastruktura slovenščine in slovenistike. Obdobja 28. Ljubljana, 2009. S. 251–255.
- Murkov zbornik, Referati s simpozija Anton Murko in njegov čas. Maribor, 1999.
- Müller Jakob.* Slovenski večjezični pravni slovarji // Filologija, Knjiga 38–39. Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 2002. S. 83–90.
- Novak France.* O razvoju slovenske leksikografije // VI. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1970. S. 162–175.
- Novak France.* Leksikografija in leksikologija v slovenski reformaciji // Leksikografija i leksikologija. Zbornik radova. Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1988. S. 125–134.

- Novak France*. Pleteršnikov slovar. Rast, L. V, št. 1–2 (23–24), maj 1994. S. 45–53.
- Novak France*. Samostalniška večpomenskost v jeziku slovenskih protestantskih piscev. Ljubljana, 2004.
- Orel Pogačnik Irena*. Sopotomenskost samostalnikov v starejših slovenskih slovarjih // Slavistična revija XXXIX, št. 2, 1991. S. 145–163.
- Orel Pogačnik Irena*. Slovansko besedje v Nemško-slovenskem slovarju iz leta 1860 // 32. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1996. S. 37–51.
- Orel Pogačnik Irena*. Prvine enojezičnega slovaropisja v Pleteršnikovem slovarju // Zbornik s simpozija '96 v Pišecah. Novo mesto, 1998. S. 113–125.
- Orel Pogačnik Irena*. Die älteren deutsch-slowenischen und slowenisch-deutschen Wörterbücher. Bedeutungs- und Äquivalenzdifferenzierung der Wörterbuchmikrostrukturen. Semantische Probleme des Slowenischen und des Deutschen. Frankfurt am Main [etc.], 2005. S. 171–199.
- Orel Pogačnik Irena*. Kranjsko besediše pisano — prvi ohranjeni obrnjeni slovar iz 17. stoletja // Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. Zora 41. Maribor, 2006. S. 501–507.
- Orožen Martina*. Jezik učnih knjig v 19. stoletju // XV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1979. S. 121–153.
- Orožen Martina*. Govorno in knjižno besedje v Megiserjevem slovarju 1744. Riglerjev zbornik // Slavistična revija XXXVII. Ljubljana, 1989. S. 121–133.
- Ostromecka Frączzak Bożena*. Historia leksykografii słoweńskiej. Łódź, 2007.
- Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar // Zbornik s simpozija '96 v Pišecah. Novo mesto, 1998.
- Prunč Erich, Hafner Stanislav, Karničar Ludvik*. Schlüssel zum “Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten”. Wien, 1982.
- Rajh Bernard* Načrt za zahodnoprleški narečni slovar // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 12. Ljubljana, 2002. S. 257.
- Snoj Jerica*. Metafora v leksikalnem sistemu. Ljubljana, 2010.
- Stabej Jože*. Začetki slovenskega slovarstva v 16. stoletju // Jezik in slovstvo XII, št. 6, 1967. S. 182–188.
- Stabej Jože*. M. Pohlin, Tu malu besediše treh jesikov. Das ist Das kleine Wörterbuch in dreyen Sprachen 1781. Faksimile der ersten Ausgabe. München, 1972.
- Stabej Jože*. Vpliv in vrednost Pohlinovega Besediša // Jezik in slovstvo XIX, št. 6–7, 1973/74. S. 249–255.
- Stabej Jože*. O Kastelec-Vorenčevem slovarju. Slovensko-latinski slovar. Po: Matija Kastelec — Gregor Vorenc, Dictionarium latino-carniolicum (1680–1710). Ljubljana, 1997. S. 563–575.
- Stramljič Breznik Irena*. Besedotvorni slovar // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 12. Ljubljana, 2002. S. 242–245.
- Strokovni posvet o novem slovarju slovenskega jezika, 23. in 24. oktober 2008. Ljubljana, 2009.
- Suhadolnik Stane*. Cigaletov besednjak // Jezik in slovstvo V, št. 8, 1959–1960. S. 225–230.
- Suhadolnik Stane*. Glonarjev slovar slovenskega jezika. Obdobja 5. Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1984. S. 505–517.
- Suhadolnik Stane*. Prizadevanja za Prešernov slovar. Sodobni slovenski jezik, književnost in kultura. Obdobja 8. Ljubljana, 1988. S. 325–336.
- Suhadolnik Stane*. Avtorski slovar // Rječnik i društvo. Zagreb, 1992. S. 333–336.
- Šivic-Dular Alenka*. Pomen Pleteršnikovega slovarja za slovansko etimologijo // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 5. Ljubljana, 1997. S. 43–50.
- Škofič Jožica*. Narečni terminološki slovarji // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 12. Ljubljana, 2002. S. 258–263.
- Toporišič Jože*. Slovenska slovnica. Maribor, 1976.
- Toporišič Jože*. Teoretična podstava slovarja novega slovenskega pravopisa // Slavistična revija XLII, št. 4, 1984. S. 455–473.
- Toporišič Jože*. Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar // Slavistična revija XLIII, št. 3, 1995. S. 277–291.
- Toporišič Jože* Novi, šesti slovenski pravopis // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 12. Ljubljana, 2002. S. 38–59.
- Turk Tomaž, Puc Katarina*. Islovar kot model spletnega terminološkega slovarja. Razvoj slovenskega strokovnega jezika. Povzetki predavanj. Ljubljana, 2005. S. 34–35.
- Vidovič-Muha Ada*. Slovnicična obvestilnost slovarja slovenskega knjižnega jezika // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 3. Ljubljana, 1993. S. 35–49.

- Vidovič-Muha Ada.* Aktualnost slovaropisnih načel Pleteršnikovega slovarja // XXX. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1994. S. 99–109.
- Vidovič-Muha Ada.* Razvojne prvine normativnosti slovenskega knjižnega jezika // Jezik in čas. Ljubljana, 1996. S. 15–40.
- Vidovič-Muha Ada.* Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja. Ljubljana, 2000.
- Weiss Peter.* Zasnova novega odzadnjega slovarja slovenskega jezika // Jezikoslovni zapiski 1. Ljubljana, 1991. S. 121–139.
- Weiss Peter.* Katere slovarje smemo pričakovati po izidu Slovarja slovenskega knjižnega jezika // Jezik in slovstvo XXXIX, št. 7–8, 1993/1994. S. 346–350.
- Weiss Peter.* Slovar. Enciklopedija Slovenije 11. Savs-Slovenska m. Ljubljana, 1997. S. 156–158.
- Weiss Peter.* Slovensko (narečno) slovaropisje leta 1999 // Zbornik slavističnega društva Slovenije 10. Ljubljana, 1999. S. 185–194.
- Weiss Peter.* Slovenski nacionalni korpus Maks na Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU: utemeljitev // Jezikoslovni zapiski 7. Ljubljana, 2001. S. 419–428.
- Weiss Peter.* Dosežki in naloge slovenskega slovaropisja // Zbornik Slavističnega društva Slovenije 12. Ljubljana, 2002. S. 209–215.
- Žejn Andrejka.* Graški leksični raziskovalni projekt — uresničevanje prvega delnega cilja // Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah. Zora 41. Maribor, 2006. S. 446–455.
- Žele Andreja.* Vezljivost v slovenskem jeziku (s poudarkom na glagolu). Ljubljana, 2001.
- Žele Andreja.* Glagolska vezljivost: iz teorije v slovar. Ljubljana, 2003.

Крайšави

SSKJ = Slovar slovenskega knjižnega jezika

SAZU = Slovenska akademija znanosti in umetnosti

В.В. ДУБИЧИНСКИЙ
(Харьков, Украина)

ЛЕКСИКОГРАФИЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Знакомство со словарями украинского языка — важнейший аспект настоящего времени, поскольку количество и разнообразие информации, которой пользуется человечество на современном этапе развития общества, требуют четкого и осознанного отношения к ней. Сегодня каждый человек должен знать, где и какую информацию можно получить, использовать, аккумулировать.

Словарь — это источник самой разнообразной информации. Человек, который владеет знаниями о систематизации словарей и об их отдельных видах, оснащен наиболее действенным механизмом получения, переработки и накопления информации из любой сферы человеческой деятельности.

В условиях государственного статуса украинского языка, широкой компьютеризации и издательской деятельности в Украине последних лет современная украинская

наука о словарях (лексикография украинского языка) приобретает все большее значение. Совершенствуются традиционные лексикографические комплексы, создаются новые типы словарей и компьютерные технологии их создания, расширяются границы использования лексикографических произведений в практической жизни людей.

Автор ни в коей мере не может претендовать на полный исчерпывающий анализ всех видов словарей украинского языка. Буду считать выполненной задачу познакомить читателя лишь с основными тенденциями в украинской лексикографии и представить некоторые типы словарей украинского языка.

В отличие от некоторых исследователей, которые пытались в той или иной мере проанализировать разнообразные группы словарей, автору данной статьи хотелось бы систематизировать словари украинского языка по разным типам, описать словарные произведения в комплексе — в единой методологической системе.

Естественно, создание масштабной системы словарей подвластно, вероятно, лишь многолетней перспективной программе общегосударственного уровня. Решение такой задачи равного расширило бы наши знания о языке, о масштабах его словарного запаса, более четко и многообразно показало бы типологические характеристики украинских лексикографических произведений.

Помещенный в конце данной статьи «Краткий библиографический указатель словарей украинского языка (1990–2010)» приводит конкретные фактические доказательства для каждого типа словаря, описываемого в статье.

Краткий исторический экскурс

Первые словари восточных славян — их называли в то время лексиконами, алфавитами или толкованиями — были в основном собраниями иностранных и устаревших слов.

Первый список объясняемых слов, дошедший до нашего времени, помещен в **Новгородской кормчей конца XIII в.** (современная датировка: 1285–1291 гг.), где приводятся объяснения встречающихся в Священных книгах древнееврейских, греческих лексем и слов из других языков — в основном это имена собственные (первоначальное число протолкованных слов — 174). Наиболее древний глоссарий подобного типа принято называть «Ономастиком».

Затем появляются глоссарии, в которых появляются толкования славянских слов, встречающихся в древних славянских книгах. Один из них помещен в качестве вставки в рукописи «Лествицы» Иоанна Синайского. В восточнославянской письменности известно несколько списков такого рода «перечней славяно-русских соответствий», один из них — «Пословки лествичные» — XIV в. Первоначальное число объясняемых слов было 61 (в ранней редакции — 47). Сохранилась рукописная надпись, объясняющая причины появления разных славянских и греческих слов в рукописи (в данном случае подразумевается «Лествица») и необходимость их толкования. Эту надпись можно перевести следующим образом: «Толкование трудных для понимания написанных слов, они употреблены в самых ранних переводных книгах: одно слово написано “по-словенски”, другое — по-сербски, третье — по-

болгарски, четвертое — по-гречески, и не приложили усилий перевести их на русский язык». Эта надпись отражает сложную историю бытования раннеславянских переводов с греческого языка на славянской территории: речь идет о языке первоначального перевода и списков этих произведений. Соответственно лексикографическая задача поставлена иначе, чем в «Ономастиконах».

Со временем структура глоссариев начинает меняться, они совершенствуются, перерабатываются и расширяются. Слова стали располагаться по алфавиту — так возникли «Азбуковники», или «Алфавиты», где наряду с толкованиями и переводными эквивалентами появились исторические, этимологические справки.

С началом книгопечатания появляются печатные азбуковники. В приложении к «Славянской грамматике» (1596), созданной в юго-западной Руси, учитель братских школ Вильно, Киева, Москвы и др. восточнославянских городов Лаврентий Зизаний Густановский помещает словарь «**Лексисъ** сиречь речения вкратце собранная и из славянского языка на простой русский диалект истолкованы» (этот учебный азбуковник является первым известным нам печатным словарем).

Зизаний (Зизаний-Густановский) Лаврентий Иванович (настоящая фамилия — Кукиль, в переводе с греческого — Зизаний, родился в 60-е гг. XVI в. — умер после февраля 1634 г.) — украинский языковед, писатель, переводчик, педагог и церковный деятель. Возможно, учился в иезуитской коллегии в г. Ярослав (теперь Польша) или в Острожской школе на Волыни. Преподавал церковнославянский и греческий языки до 1592 г. — во Львовской, 1592–1596 гг. — в Берестейской (Брестской), 1596–1597 гг. — в Венской братских школах. В 1597–1600 гг. был домашним учителем в семье князя Богдана Соломирецкого в его имении около Минска, 1600–1602 гг. — у князя О.Острожского (г. Ярослав). В 1620-х гг. по приглашению архимандрита Киево-Печерской лавры Елисея Плетенецкого приехал в Киев, принимал участие в редактировании лаврских изданий, переводил с греческого языка на церковнославянский, занимался проповеднической деятельностью. Составил на староукраинском языке «Катехизис» (издание 1627 г.).

Реестр «Лексиса» организован по дифференциальному принципу (т. е. подаются только те церковнославянские слова, которые отличаются от украинских формой или значением) и составляет 1061 вокабулу. Зизаний первым в истории украинского (и восточнославянского) языкознания разработал и применил большинство основных лексикографических методов составления словаря.

В «Лексисе» Зизания была поставлена (и частично реализована) широкая задача: объяснить церковнославянскую лексику народными языковыми средствами. Первый печатный азбуковник восточных славян имел, прежде всего, переводно-толковый характер. Основную часть словаря составляют церковнославянские лексические единицы, но вместе с тем объясняется и много иностранных слов. В своем словаре автор дал переводы с греческого, латинского и других языков. «Новые принципы и приемы составления словарей идут к нам из так называемой юго-западной Руси, которая в то время оказала большое культурное влияние на Московское государство. Там появился первый печатный словарь “Лексис” (1596). Лексика старого

книжного языка, в основной массе своей церковнославянская, нуждалась в переводе на “простой русский диалект” в пояснении ее русскими (для украинцев — украинскими, для белорусов — белорусскими) словами», — писал В.В. Виноградов в статье 1946 г. «Русская наука о русском литературном языке» (с. 26).

Еще более важным событием украинской лексикографии стало издание в 1627 г. в Киеве **Памвой Берындой** (1555–1632), выдающимся украинским языковедом, писателем, переводчиком, гравером, педагогом, второго печатного словаря восточных славян «Лексикон славеноросский и имен толкование», где поясняются значения 6982 слов.

Коротко можно отметить еще **несколько важнейших вех украинской лексикографии XVII–XIX вв.:**

– «Синонима славеноросская» с отдельной украинской частью («Slavonice») (XVII ст.);

– *Dictionarium Latino-Sclavonicum, Lexicon Slovenolatinskij* А. Корецкого-Сатановского и Е.Славинецкого (XVII в.);

– «Изъяснение малороссийскихъ речений» Ф. Туманского (1793);

– Собрание толкований украинских народных выражений, приданное к первому изданию «Энеиды» И. Котляревского (1798);

– Краткий украинский словарь А.П. Павловского в первой «Грамматике малороссийскаго наречья» (1818);

– Общий церковнославяно-русский словарь П. Соколова (1834);

– Словарь церковнославянского и русского языка (1847);

Подробнее об истории украинской лексикографии — см. работы, указанные в списке «Литература».

Лексикография украинского языка XX в.

Энциклопедия «Українська мова» (2000) считает, что развитие лексикографии **в той части Украины, которая входила в состав СССР**, можно разделить на четыре этапа.

Первый этап (1917 – начало 1930-х гг.) характеризуется, во-первых, активным развитием украинской лексикографии по количеству и разнообразию словарей (как отмечает П. Горецкий, за это время издан 131 словарь). Преобладающее большинство составляют переводные русско-украинские и, реже, украинско-русские словари, по большей части направленные на удовлетворение практических потребностей социального и производственного характера. Развивается, прежде всего, терминологическая лексикография.

Во-вторых, первый этап характеризуется желанием найти и максимально полно представить исконную украинскую лексику или при необходимости создать слова из морфем украинского языка, а не заимствовать из других языков.

Основную лексикографическую работу проводили такие организации и учреждения: Комиссия по составлению словаря украинского языка при Украинской АН (в составе А. Крымского, В. Ганцова, Г. Голоскевича, М. Гринченко, А. Никовского

и др.); терминологическими словарями занималось Общество школьного образования в Киеве в 1917 г.; с 1918 г. — Терминологические комиссии Украинского научного общества в Киеве и УАН, на базе которых в 1921 г. создан Институт украинского научного языка ВУАН, который с 1930 г. называется Институтом языкознания.

Приведем примеры наиболее важных словарей (по данным энциклопедии «Українська мова»).

В период 1917 – начала 1930-х гг.:

а) переводные общезыковые украинско-русские: «Словник української мови» Д. Яворницького (т. 1, 1920, А–К, ок. 8200 слов), «Словарь української мови» под ред. Б. Гринченко 1924 г., словари В. Дубровского, Л. Савченко, О. Изюмова и др.;

б) переводные общезыковые русско-украинские: «Російсько-український словник» С. Иваницкого и Ф. Шумлянського (т. 1–2, 1918, ок. 35 000 слов), который переиздавался несколько раз, «Практичний російсько-український словник» М. Йогансена, М. Наконечного, К. Нимчинова и Б. Ткаченко (1926), «Російсько-український словник» ВУАН (известный также под названием «Академический словарь») под ред. А. Крымского и С. Ефремова и при участии В. Ганцова, Г. Голоскевича, М. Гринченко, А. Никовского, создававшийся членами Комиссии по составлению словаря живого украинского языка и оставшийся незавершенным в связи с политическими событиями, словари В. Дубровского, Л. Савченко, О. Изюмова, Г. Сабалдыра и др.;

в) терминологические и отраслевые словари, преимущественно русско-украинские (по данным П. Горецкого, только терминологических словарей вышло 83) — медицинской терминологии (составители О. Курило, М. Галин, О. Корчак-Чепурковский, В. Киселев и др.), естественнонаучной (Х. Полонский и др.), ботанической (О. Яната и Н. Осадца, В. Вовчанецкий и Я. Лепченко и др.), зоологические словари (М. Шарлемань и др.), химические (О. Курило, С. Зенкевич и др.), физические (О. Курило, В. Фаворский, Г. Холодный и др.), геологические (П. Тутковский, П. Василенко и др.), технические, механические, строительные (В. Дубровский, Т. Секунда, М. и Л. Дарморосы, К. Туркало, И. Шелудько, Т. Садовский, С. Булда и др.), математические (Ф. Калинович и др.), юридические (О. Курило, В. Леонтович и О. Ефимов и др.), словари делового стиля (Е. Линкевич и др., под ред. М. Гладкого и К. Туркала, В. Пидмогильный и Е. Плужник, составители наиболее полного и подробного словаря — М. Дорошенко, М. Станиславский, В. Страшкевич), военные (В. Евтимович, С. и О. Якубские), школьного дела (П. Горецкий и др.) и т. д.;

г) среди других типов словарей выделяются: «Исторический словарь украинского языка» под ред. Е. Тимченко (в 1930–1932 гг. вышли выпуски на буквы А–Ж), «Немецко-украинский словарь» И. Шаровольского (1927, ок. 20 000 слов), орфографические словари (Г. Голоскевич, Г. Сабалдыр, О. Изюмов), несколько словарей иностранных слов (З. Пиптенко, Г. Бойкив, О. Изюмов и др.).

Второй этап охватывает период с 1933 до середины 1950-х гг. и характеризуется заметным сужением лексикографической деятельности (в первую очередь, по политическим мотивам) и значительной унификацией украинской лексики в словарях, что стало результатом кампании по борьбе с «вредительством на языковом

фронте» и официальных постановлений «не вносить искусственного размежевания украинского языка и русского».

Особенно заметны изменения в терминологии по сравнению с предыдущими годами. В 1934–1935 гг. для «исправления» ситуации выпущены терминологические бюллетени (медицинский, математический, ботанический, физический, производственный), а для средней школы — несколько небольших русско-украинских отраслевых словарей.

Следует отметить такие общезыковые словари этого периода: «Русско-украинский словарь» (1937, ок. 45 000 слов, составители С. Василевский, Е. Рудницкий), ориентированный на «самую употребительную, самую необходимую» лексику двух языков. Под таким же названием вышел словарь и в 1948 г. под ред. М. Калиновича и с участием Л. Булаховского и М. Рыльского (ок. 80 000 слов). В этих словарях были заложены основные лексические нормы украинского литературного языка того периода, которые действуют по большей мере и поныне.

Третий этап развития украинской лексикографии XX в. (конец 50-х – конец 80-х гг.) характеризуется значительным расширением словарной деятельности и появлением ряда как традиционных для украинской лексикографии, так и новых типов словарей, определенным ослаблением идеологического давления (со значительными колебаниями в разные годы).

Приведем важнейшие словари этого периода:

1) переводные общезыковые словари: «Українсько-російський словник» под ред. И. Кириченко (т. 1–6, 1953–1963) — наиболее полный до 70-х гг. словарь украинского языка (ок. 122 000 слов), «Українсько-російський словник» (1-е изд. 1964, под ред. В. Ильина, ок. 65 000 слов), «Українсько-англійський словник» М. Подвезько (1957, ок. 60 000 слов) и «Польсько-український словник» под ред. Л. Гумецкой (т. 1–2, кн. 1–3, 1958–1960, ок. 100 000 слов), «Німецько-український словник» В. Лещинской и др. (1959, ок. 50 000 слов), «Французько-український словник» (1955) и «Українсько-французький словник» (1963) О. Андриевской, Л. Яворской (каждый ок. 50 000 слов), «Російсько-український словник» (т. 1–3, 1-е изд. 1968, редакторы томов С. Головащук, Л. Коробчинская, М. Пилинский) — один из самых полных и подробных русско-иноязычных словарей (ок. 120 000 слов), «Англо-український словник» М. Подвезько и М. Баллы (1974, ок. 65 000 слов), «Болгарсько-український словник» И. Стоянова и О. Чмыр (1983, 43 000 слов), «Чесько-український словник» (т. 1–2, 1988–1989, ок. 80 000 слов) и др.;

2) толковый «Словник української мови» в 11 томах (1970–1980) — наиболее полный и подробный словарь украинского языка того времени (более 134 000 слов);

3) терминологические словари — в основном русско-украинские, создание которых в 1957 г. поручено Словарной комиссии при АН УССР под руководством Й. Штокала, а с 1969 г. — Комитету научной терминологии АН УССР. С 1959 по 1970-е гг. издано около 30 отраслевых русско-украинских словарей, среди которых выделяются «Російсько-український технічний словник» (1961, 80 000 слов-терминов) и «Російсько-український сільськогосподарський словник» (1963, более 32 000

слов). Что касается энциклопедической лексикографии, прежде всего, следует назвать «Энциклопедию кибернетики» в 2 томах (ок. 1800 терминов), изданную в 1973 г.;

4) фразеологические, паремиологические и другие словари такого типа; в 1960–1980-х гг. вышло несколько словарей, как одноязычных (Н. Батюк, Г. Удовиченко и др., наиболее полный из них «Фразеологічний словник української мови», т. 1–2, 1993, ок. 10 000 единиц), так и переводных (русско-украинский И. Виргана и М. Пилинского, украинско-русский и русско-украинский И. Олійныка и М. Сидоренко, англо-украинский К. Баранцева, немецко-украинский В. Гаврися и О. Пророченко), словари крылатых слов А. Коваль и В. Коптилова, сборники народных загадок, сравнений, скороговорок И. Гурина, а также несколько сборников украинских пословиц и поговорок;

5) диалектные словари, создание которых активизировалось с 50-х годов: словарь полтавских говоров В. Вашенко, полесских — П. Лысенко, бойковских — М. Онышкевича, публикуются материалы к словарю буковинских говоров и др.; в ближайшее время планируется составление общего словаря украинских говоров;

6) исторические и этимологические словари: «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.» (1977–1978, под ред. Л. Гумецкой). В Институте языкознания НАН Украины продолжается работа над «Этимологическим словарем украинского языка» (опубликованы т. 1–6; под ред. А. Мельничука, 1982–2012);

7) словари имен собственных (русско-украинские и украинско-русские): «Словник власних імен людей» (несколько изданий под ред. С. Левченко, потом Л. Скрипник), словарь-справочник «Власні імена людей» Л. Скрипник и Н. Дзятковской (1986), «Довідник українських прізвищ» Ю. Редько (1969), «Словник українських псевдонімів і криптонімів» О. Дея (1969), «Словник гідронімів України» (1979), «Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі» (1985) и др.;

8) ортологические (орфографические, орфоэпические и подобные словари): орфографические словари И. Кириченко, М. Стефанцева, С. Головащука, А. Бурячка, «Орфографічний словник української мови» С. Головащука, Т. Зайцевой, И. Назаровой, М. Пещак, В. Русановского (1975, 1976, ок. 114 000 слов), созданный на основе 2-го издания «Українського правопису», «Словник наголосів» (1959, 1964) и «Орфоепічний словник» М. Погребного (1984), «Українська літературна вимова і наголос» (отв. ред. М. Жовтобрюх, 1973), словари-справочники по культуре языка;

9) словари, которые отображают системные отношения в лексике: словари синонимов А. Багмета, П. Деркача, фразеологических синонимов — М. Коломийца и Е. Регушевского, наиболее полный из них — «Словник синонімів української мови» в 2-х томах, подготовленный в Институте украинского языка НАН Украины, но еще не опубликованный (ок. 9200 синонимических рядов), «Словник антонімів» Л. Полюги (1979), «Словник паронімів української мови» Д. Гринчишина и О. Сербенской (1986);

10) словари языка писателя: «Словник мови Шевченка» (т. 1–2, 1964) и «Словарь языка русских произведений Шевченко» (т. 1–2, 1985–1986), «Словник мови творів Г. Квітки-Основ'яненка» (т. 1–3, 1978–1979) и др.

Четвертый этап (с начала 1990-х гг.) характеризуется активизацией словарной работы в связи с установлением независимости Украины и заметным отсутствием единых методологических и даже орфографических принципов.

Продолжается практика предыдущих годов, в русле которой переиздаются некоторые терминологические словари конца 50-х – начала 60-х годов, возникает новая тенденция к возвращению традиций украинской лексикографии конца XIX – первой трети XX в. (усиленное внимание народной лексике, отказ от многих иностранных слов) и орфографических норм 1928 года. Ярко выражена тяга к очищению украинского языка от несвойственных ему элементов и к обновлению его исконных черт.

Расхождения между современным орфографическим кодексом «Українським правописом» 1993 года и «Правописом 1928 года» усиливаются в связи с переизданием словарей 1920-х годов («Практичний російсько-український словник» О. Изюмова, два переиздания словаря «Фразеологія ділової мови» В. Пидмогильного и Е. Плужника, «Правописний словник» Г. Голоскевича) и изданием словарей авторов украинской диаспоры («Практичний словник синонімів української мови» и «Російсько-український словник складної лексики» С. Караванского, США).

В количественном отношении преобладают переводные общеязыковые и терминологические словари. Это, например, академические — «Російсько-український словник наукової термінології» в 3-х т. («Суспільні науки», 1994; «Біологія, хімія, медицина», 1996; «Математика. Фізика. Техніка. Науки про Землю та Космос», 1998) и терминологические и отраслевые словари отдельных авторов, например, «Англо-український словник» М. Баллы (т. 1–2, 1996, ок. 120 000 слов); орфографические словари, например, «Орфографічний словник української мови» С. Головащука, М. Пещак, В. Русановского, А. Тараненко (1994, ок. 120 000 слов, созданный на основе 4-го издания «Українського правопису» 1993 г.) и др.; словари народного языка: «Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини» В. Чабаненко (т. 1–4, 1992), «Словник стійких народних порівнянь» А. Юрченко и А. Ивченко, 1993.

Вышел «Фразеологічний словник української мови» в 2-х томах (2-е издание — 1999). В 1996–1997 гг. появились три разные переиздания «Словаря української мови» под ред. Б. Гринченко. Началось издание «Словника української мови XVI – першої половини XVII ст.» (опубликованы т. 1–6 до буквы Г, 1994–1999), который составляется в Институте украиноведения НАН Украины во Львове. Издан «Словник синонімів української мови» (т. 1–2, 1999–2000).

С 1920-х гг. лексикографическая работа проводилась и **за границами УССР и Украины в целом**. Можно назвать:

1) переводные общеязыковые словари: «Мадярсько-руський словарь» (Ужгород, 1928) «Українсько-польський і польсько-український словник» Е. Грицака и К. Киселевского (Львов, 1931), «Українсько-німецький словник» З. Кузели и Я. Рудницкого (Лейпциг, 1943), «Українсько-англійський словник» К. Андрусина и Я. Кретта (Саскатун, Канада, 1955, последнее издание 1990, ок. 95 000 слов), «Українсько-польський словник» под ред. С. Грабца и П. Зволинского (Варшава, 1957, 30 000

слов), «Словацько-український словник» П. Бунганича (Братислава, 1985), «Українсько-чеський словник» А. Куримського, Р. Шишковой, Н.Савицкого в 2-х т. (Прага, т. 1, 1994; т. 2, 1996, ок. 75 000 слов);

2) терминологические словари: «Медичний латинсько-український словник» М. Галина (Прага, 1926), «Ботанічний латинсько-український словник» Ст. Маковецкого (Краков, 1936), «Німецько-український технічний словник» И. Жуковского, З. Кузели (1943), «Вибірковий англійсько-український словник з природознавства, техніки і сучасного побуту» А. Вовка (Нью-Йорк, ч. 1–2, 1982);

3) ортологические словари: орфографические словари К. Киселевского (1934), О. Панейка (1941) и др., «Правописний словник» Г. Голоскевича (переиздание, Нью-Йорк, 1952, 1962), «Український стилістичний словник» И. Огиенко (Львов, 1924), «Словник місцевих слів, у літературній мові не вживаних» И. Огиенко (1934);

4) исторические и этимологические словари: «Етимологічний словник української мови» Я. Рудницкого (Виннипег, т. 1–2, 1962–1982), «Етимологічно-семантичний словник української мови» И. Огиенко (Виннипег, т. 1–4, 1979–1995);

5) другие типы словарей: В. Ниневский «Український зворотний словник» (Едмонтон; Мюнхен, 1969), А. Орел «Словник чужомовних слів» (т. 1–3, Нью-Йорк, 1963–1966).

Типология словарей украинского языка

В украинской лексикографии, к сожалению, сегодня существуют еще не все возможные виды словарей. Анализ украинских лексикографических произведений на основе традиционных методов современного языкознания предполагает создание **классификационной схемы существующих словарей украинского языка:**

1. Электронные / **Бумажные:**

2. Переводные (дву- и многоязычные) / **Одноязычные:**

3. Обратные (инверсионные) / Идеографические / **Алфавитные:**

«Лексические»:

4. Толковые
5. Иностранных слов
6. Языка писателя
7. Ономастические
8. Этимологические
9. Исторические
10. Неологизмов
11. Синонимов, антонимов, паронимов, омонимов
12. Терминологические
13. Диалектные
14. Жаргонные

«Нелексические»:

15. Фразеологические
16. Сокращений
17. Словообразовательные
18. Орфографические
19. Орфоэпические
20. Частотные
21. Ассоциативные

По данной рабочей классификации в статье предпринята попытка охарактеризовать положение дел в украинской лексикографии. Многие обобщающие характеристики и примеры различных видов словарей взяты из энциклопедии «Українська мова» (2000).

Термины «лексические» и «нелексические» словари — условны. Они используются только по классификационной необходимости, когда следует различать словари, заголовочными единицами которых являются лексемы (лексические единицы), и словари, основным предметом описания которых являются словосочетания, фразеологизмы, грамматические, словообразовательные, частотные характеристики и т.п.

Рассмотрим подробнее представленные в таблице типы словарей украинского языка.

1. Электронные словари

Новые информационные технологии требуют сегодня новых компьютерных лексикографических решений, что влияет и на типологию словарных произведений, и на качественно иные подходы к лексикографической деятельности.

Электронными словарями называют часть автоматизированной системы интеллектуального назначения с собранными и определенным образом упорядоченными наименованиями понятий в той отрасли, с которой работает или на которые опирается эта автоматизированная система.

В основном электронные словари узкоспециальны. На сегодня в Украине различными фирмами и лабораториями машинного перевода созданы электронные словари по многим отраслям науки и производства: информатики, вычислительной техники, химии, физики, технологии и обработки металлов, экономике, менеджменту и т.п. Они используются в системах машинного перевода и системах общения с компьютером на естественных языках в качестве справочников во время подготовки и расширения словарей, а также уточнения грамматик этих систем.

При заголовочных единицах электронных словарей рекомендуется подавать морфологические и синтаксические характеристики, ремарки предметно-тематической классификации лексики, дефиницию, иллюстрации словоупотребления, паспортизацию примеров, указания на отношения между заголовочными и иноязычными эквивалентами. В современных украинских электронных словарях делаются попытки объединить в одной словарной статье элементы толкового словаря с элементами многоязычного переводного.

Основными центрами компьютерной лингвистики и лексикографии в Украине являются Киев, Львов, Харьков и др.

В Институте кибернетики им. В. Глушкова НАН Украины (Киев) разработана концепция интегрального словаря, на основе которой создается автоматизированная система ведения интегральных словарей АСВИС. На сегодняшний день из этой программы создана подсистема формирования словарей СИФОРС, которая ориентирована на ведение терминологических баз данных.

Близкая по духу концепция создания лексикографического процессора осуществляется сегодня в Украинском языково-информационном фонде (Киев) под руководством В.А. Широкова. Языково-информационным фондом украинского языка созданы большие академические орфографический и орфоэпический словари объемом более 100 000 каждый, словарь аффиксальных морфем, активно разрабатываются украинский толковый, синонимический, фразеологический и антонимический словари, а также украинско-иноязычные и иноязычно-украинские электронные словари.

Электронное издание «Словники України» — 1.03 (В.А. Широков, О.Г. Рабулец, И.В. Шевченко, О.М. Костюшин, К.М. Якименко, 2001–2003 гг.) предназначено для пользователей лексикографической информацией. Оно состоит из пяти словарных подсистем-модулей — словоизменительной парадигмы, транскрипции, фразеологии, синонимической и антонимической. Основу генерального реестра (более 186 000 слов) системы «Словники України» — 1.03 составляет реестр 3-го издания орфографического словаря украинского языка (2002 г.), который практически полностью отображен и значительно расширен в этой системе.

В 2009 г. под эгидой НАН Украины в Украинском языково-информационном фонде вышла усовершенствованная версия интегрированной лексикографической системы «Словари Украины» — 4.0.

В Институте прикладной информатики НАН Украины (Киев) создана адаптивная лингвистическая система АЛИСА, которая представляет собой естественно-языковой лингвистический процессор, ориентированный на выполнение целого ряда функций, в частности автоматизированного создания словарей, тезаурусов, фразеологических, терминологических баз данных и др. На основе этой же системы построены украинский автокорректор ТВИР и самый популярный украинский spelcher РУТА.

С конца 1960-х гг. в Институте языкознания работает отдел структурно-математической лингвистики во главе с В.И. Перебийнис. Именно коллектив этого отдела (М. Муравицкая, Т. Грязнухина, Н. Дарчук, Л. Орлова, В. Критская, Л. Комарова, Т. Пузырева, Т. Недозим и др.) начал формирование полнотекстовых баз данных и составление на их основе разнообразных частотных словарей и конкордансов, что в дальнейшем стало фундаментом создания машинного фонда украинского языка.

В настоящее время в Институте филологии Киевского национального университета активно работает лаборатория компьютерной лингвистики. Ученые этой лаборатории создали параметризованную лексическую базу данных литературных произведений украинских писателей:

1) корпус текстов объемом 300.000 словоупотреблений из произведений поэтов-шестидесятников (Л. Костенко, И. Драч, В. Стус и др.), поэтов 70-х гг. (И. Жиленко, Л. Скирда и др.) и поэтов нового поколения (Ю. Андрухович, О. Забужко и др.);

2) интегрированный алфавитно-частотный словарь объемом 31 000 слов и 69 000 словоформ с грамматической, лексико-грамматической и статистической информацией о слове;

3) алфавитно-частотные словари слов и словоупотреблений каждого из авторов (выборка на 20 000 словоупотреблений);

4) словарь-конкорданс как вспомогательный инструментарий для формирования лексико-семантической, синтаксической и стилистической характеристики слова;

5) морфемные и словообразовательные словари каждого автора с частотными характеристиками;

6) словари синонимов, омонимов, неологизмов, диалектизмов, архаизмов каждого автора;

7) словари тропов: эпитетов, метафор, метонимии, сравнений, синекдох, оксюморонов, гипербол.

В сотрудничестве киевских лингвистов с учеными из других городов активно реализуется проект Национального корпуса украинского языка.

Во Львовском политехническом университете созданы: а) система поддержки многоязычных терминологических словарей «СЛОВО», в которой отработаны системные вопросы технологии подготовки словарей к изданию; б) многоязычный банк стандартизированных терминосистем.

Во Львовской коммерческой академии группа компьютерных лингвистов (А.В. Костенко, И.М. Кульчицкий и др.) создала систему сопровождения многоязычных терминологических словарей для Львовского национального медицинского университета, а в настоящее время работает над электронными словарем товароведческих терминов и переводным итальянско-украинским словарем.

Созданные в Харькове успешно работают по всей Украине системы ПАРС (переводная англо-русская и русско-английская система), ее модификации ПАРС/D (для русско-немецкого и немецко-русского автоматического перевода) и РУМП (русско-украинский и украинско-русский машинный перевод). Система ПАРС оснащена целым комплексом терминологических компьютерных словарей почти по всем областям человеческой деятельности (на много десятков тысяч терминов каждый).

К примеру, система РУМП разработана харьковским ученым М.С. Блехманом. Она работает на IBM-совместимых персональных компьютерах и переводит тексты с русского языка на украинский и с украинского на русский. РУМП обеспечивает связный перевод текстов не только обиходного (общезыкового), но также и терминологического характера, покрываемых авиационным (10 тыс. терминов), экологическим (15 тыс. терминов), компьютерным (14 тыс. терминов) и финансовым (12 тыс. терминов) электронными словарями.

Система поддерживает двухсторонние украинско-русские и одноязычные грамматические словари. Система работает в многозадачном режиме, будучи совместима с широко используемыми текстовыми процессорами. Уникальным свойством РУМП является автоматическое грамматическое кодирование слов, вводимых в словарь: пользователь вводит слово в его канонической форме, а система определяет его грамматические характеристики, включая тип склонения/спряжения.

В процессе перевода РУМП отличается следующими особенностями: одновременное использование до четырех словарей с заданием их приоритетов; перевод

как всего текста целиком, так и его фрагмента, заданного пользователем; выделение многозначных слов в тексте перевода звездочками, что дает возможность выбрать из предлагаемых системой наиболее адекватный переводной эквивалент; выделение ненайденных в словарях РУМП слов; ввод новых слов и словосочетаний прямо из текста в словарь.

Как убедительно доказывает весь ход научно-технического прогресса, компьютеризация словарной деятельности существенно расширяет возможности лексикографов. Безостановочное развитие компьютерных технологий подсказывает необходимость полной компьютеризации словарных исследований. И это подтверждают сейчас новые направления лексикографии Украины: создание словарных картотек на основе компьютерных баз данных, электронное построение словарных статей и автоматическая обработка лексического материала, составление печатных словарей на компьютерной основе и создание собственно электронных словарей (без их бумажных аналогов) и мн. др.

Составление отраслевых электронных словарей машинных фондов украинского языка требует огромной работы по стандартизации современной украинской терминологии всех отраслей науки, техники, производства и культуры.

Машинный фонд украинского языка (МФУЯ) представляет собой систему автоматизации трудоемких процессов в лингвистических исследованиях. Фонд формируется из первичной и вторичной баз данных, программного, математического и технического обеспечения.

Первичная база данных — это публикации современных произведений на украинском языке и исторические письменные памятники, экспедиционные материалы украинских говоров, магнитофонные записи современной украинской литературной речи и данные для сравнительно-типологического изучения украинского языка с другими родственными и неродственными языками, зафиксированные на магнитных носителях и пригодные для компьютерного анализа.

Первичную базу данных в МФУМ рассматривают как источниковую основу исследований с языковыми материалами только долговременного хранения. Она оформляется как машинный архив и библиотечное хранилище ограниченным прямым доступом. Широкий пользователь может обратиться к ней через специальную автоматизированную подсистему — машинный интегрированный библиотечный каталог в виде аннотированных карточек со сведениями о содержании и характере единиц хранения в первичной базе данных.

Вторичная база данных — это машинные продукты обработанных материалов первичной базы также долговременного хранения. На основе публикаций экспедиционных и анкетных записей во вторичной базе создаются электронные картотеки для составления общезыковых и терминологических, толковых и переводных словарей современного украинского литературного языка, современных украинских говоров, исторического словаря и т. д., компьютерные варианты диалектологических и ономастических атласов, разнопрофильные электронные словари, указатели и т. п.

Машинную словарную картотеку формируют по образцу ручных картотек, которые уже существуют, путем сплошного расписывания публикаций первичной базы данных: для каждого словоупотребления вводится лексическая карточка с микроконтекстом, достаточным для понимания значения слова, вынесенного в заголовки карточки в канонической словоизменительной форме; картотеку упорядочивают по алфавиту; при ней создается серия пакетов программ для поиска тематических групп, лексико-семантических группировок и отбора материала для теоретических лингвистических работ и специализированных справочников.

Автоматические словоуказатели предназначаются для фиксации: количества и характера книг, экспедиционных, анкетных и магнитофонных записей, исторических письменных памятников, расписанных для картотек и лингвистических атласов; разнообразности слов, словосочетаний, предложений и других текстовых фрагментов, существующих в картотеках, исследованных населенных пунктов и собирателей диалектного материала, фамилий лиц, от которых записана устная литературная речь.

В программном и математическом обеспечении накапливаются приемы для соответствующих научных операций с материалом первичной и вторичной баз данных и обслуживания тех, кто обращается в МФУЯ и планирует работать самостоятельно.

В частности, МФУЯ обслуживает исследователей по истории украинского языка и стилистики, лингвистики текста и грамматики, лексикологии, лексикографии и семасиологии, диалектологии и ономастики. Тут осуществляется: автоматизированный анализ существующих словарей и на этой основе создание программного обеспечения для синтеза новых; компьютеризация лингвистического картографирования; разработка приемов и методов лингвистического обеспечения разных автоматизированных систем интеллектуального назначения.

Сегодня также важным компонентом МФУЯ остается компьютерная консультативная служба по вопросам культуры языка.

Именно развитие компьютерных словарных исследований, наряду с глубокими традиционными лингвистическими и переводоведческими открытиями, как представляется, определяет широкое будущее украинской лексикографии.

2. Переводные словари

Основным содержанием переводной лексикографии является описание языковых единиц одного языка при помощи другого (других). Переводная лексикография призвана устанавливать эквивалентные отношения между элементами различных языков.

Первым образцом переводной лексикографии у восточных славян условно можно считать список объясняемых слов (в основном, имен собственных), помещенный в Новгородской кормчей конца XIII в., для их лучшего понимания приводится перевод или пояснение. Такие реестры-словарики уже тогда имели некоторые черты словаря толкового типа.

Переводным словарем, с которым связывают начало украинской научной лексикографии, как мы уже отмечали, был «Лексисъ» Лаврентия Зизания (1596), в кото-

ром заголовочные «словенськи» слова переведены на «диалект русский». Переводным в своей основе словарем был и «Лексикон» Памвы Берынды (1627), в первой части которого к словам выходного церковнославянского языка приводятся соответствия и пояснения «мовою простою», т. е. на украинском языке того времени.

В течение 2-й половины XVII в. и в XVIII в. в Украине появляются новые словари, словники которых составляются из слов «мови простои» — соединения живого и книжного украинского языка с их переводом или толкованием на языке «словенском». Примером такого рукописного словаря с реестром около 5000 слов был найден и опубликован в 1889 г. П. Житецким «Словарь книжной малорусской речи по рукописи XVII века», известный в научной литературе под названием «Синонима славеноросская».

К первым украинско-русским словарикам, которые дали толчок созданию ряда аналогичных работ принадлежит «Изъяснение малороссийскихъ речений» Ф. Туманского (1793), в котором к выписанным автором из двух исторических документов 333 словам старого украинского языка даются русские соответствия. Подобное собрание украинских слов с русскими соответствиями есть и в «Энеиде» И. Котляревского (1798), и при «Грамматике малоросійскаго наречія» О.П. Павловского (1818).

Издание в Украине собственно переводных русско-украинских словарей началось публикацией небольшого по объему «Опыта русско-украинского словаря» М. Левченко (1874). Значительно большим по реестру (ок. 37 000 слов) и использованию лексических источников был «Словарь російсько-український» М. Уманца и А. Спилки (псевдоним Г. Комарова и содружества его корреспондентов, т. 1–4, Львов, 1893–1898). Еще больший объем (ок. 40 000 слов) имеет «Русско-малороссийский словарь» Е. Тимченко (т. 1–2, 1897–1899), который основывался на лексическом материале академического «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847) и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля в русской части, а в украинской использовал лексикографические произведения предшественников, в частности, «Малорусько-німецький словарь» Е. Желеховского и С. Недельского (т. 1–2, 1885–1886). Последний относится к самым большим украинско-иноязычным словарям, вышедшим до 1917 г. Выдающейся работой украинской лексикографии до 1917 г. является украинско-русский «Словарь української мови» под ред. Б. Гринченко (т. 1–4, 1907–1909).

С 1917 г. до середины 1930-х гг. вышло более двадцати русско-украинских и украинско-русских словарей разных авторов (В. Дубровского, С. Иваницкого и Ф. Шумлянського, О. Изюмова, М. Йогансена, М. Наконечного, К. Немчинова, Б. Ткаченко, Л. Савченко, З. Манькивського и М. Щербака, М. Гладкого и др.).

Особого внимания заслуживает чрезвычайно богатый фактическим материалом академический «Російсько-український словник», который создавался под руководством А. Крымского и остался незавершенным (из четырех запланированных томов в 1924–1933 гг. вышло три со словником на буквы А–П). В определенной мере этот словарь стал базой для последующей работы в АН УССР над русско-украинскими словарями, которые появились в 1937 и 1948 гг. «Російсько-український словник»

(1948) несколько раз переиздавался и в течение двух десятилетий (до публикации в 1968 г. академического «Російсько-українського словника» в 3-х томах) считался универсальным лексикографическим произведением, которое даже в чем-то заменяло отсутствующие в то время словари других типов — орфографический, акцентологический, фразеологический, синонимический и др.

Таковую же роль играл и «Українсько-російський словник» (т. 1–6, 1953–1963), который по объему обработанной в нем лексики (121 690 слов) чуть ли не вдвое превосходил реестр словаря Б. Гринченко (1907–1909).

Существует целый ряд переводных словарей, где вместе с украинским в первой или во второй части лексикографически описываются западноевропейские языки: словари английско-украинские и украинско-английские М. Подвезька, М. Баллы (1955, 1957, 1974), под ред. Ю. Жлуктенко (1978) и др.; французско-украинские и украинско-французские О. Андриевской и Л. Яворской (1955, 1963); немецко-украинские и украинско-немецкие И. Шаровольского (1929), В. Лещинской и др. (1959), под ред. Е. Лысенко (1978, 1989) и др.; двухтомный (в 3 книгах) «Польсько-український словник» под ред. Л. Гумецкой (1958–1960), «Болгарсько-український словник» И. Стоянова и О. Чмыр (1988), «Чесько-український словник» (т. 1–2, 1988–1989), подготовленный Институтом языкознания АН УССР в сотрудничестве с чешскими коллегами, «Угорсько-український словник» (1961) и др.

Ряд переводных словарей выпустили в свет зарубежные издательства: «Словник українсько-італійський» Е. Онацкого (Рим, 1941), «Українсько-німецький словник» З. Кузели и Я. Рудницкого (Лейпциг, 1943), «Українсько-англійський словник», составители К. Андрусин и Я. Кретт (Саскатун, 1955, посл. изд. — 1990), «Українсько-польський словник» под ред. Е. Грабца и П. Зволинского (Варшава, 1957), «Українсько-словацький словник» И. Попеля (Братислава, 1960) и «Словацько-український словник» П. Бунганича (Братислава, 1985), «Українсько-угорський словник» Л. Катона (Будапешт, 1963), «Румунсько-український словник» (Бухарест, 1963) и «Українсько-румунський словник» под ред. Г. Кокотайла (Бухарест, 1964) «Українсько-хорватський або сербський та хорватсько- або сербсько-український словник» А. Менаца и А. Коваль (Загреб, 1979), опубликованный в Праге двухтомный «Українсько-чеський словник» А. Куримского, Р. Шишковой, Н. Савицкого (т. 1–2, 1994–1996), «Українсько-китайський словник» (Пекин, 1990), «Українсько-японський словник» И.П. Бондаренко и Хино Такао (К., 1997) и др.

Для развития украинской переводной лексикографии большое значение имеет академический русско-украинский словарь (авторы: И.О. Аннина, Г.Н. Горюшина, И.С. Гнатюк и др.), который вышел в свет в 2003 г. Словарь охватывает широкий круг общеупотребительной лексики, отвечает современным орфографическим нормам и является самым точным справочником при переводе русских текстов разных жанров на украинский язык. Он отобразил изменения в лексическом составе двух языков, вызванные общественно-политическими, экономическими и культурными сдвигами последних десятилетий. Словарь включает 160 000 слов. Авторы Словаря творчески учли как процессы изменений самого объекта описания, так и достиже-

ния лингвистической практики за последние тридцать лет — со времени выхода в свет последнего академического «Російсько-українського словника» (т. 1–3. К., 1968–1970), на который опирается это издание.

С 2011 г. с выходом первого тома (А–К) начал свою творческую жизнь четырехтомный русско-украинский словарь («Російсько-український словник»), вышедший под эгидой НАН Украины (главный редактор — директор Института украинского языка НАНУ П.Е. Гриценко). Второй том (К–О) опубликован в киевском издательстве «Знання» в 2012 г. Без сомнения, словарь станет заметной вехой в переводной украинской лексикографии.

Кроме общих, в последние десятилетия вышел ряд двуязычных и многоязычных специальных переводных словарей (см. приводимый ниже «Краткий библиографический указатель»).

3. Обратные (инверсионные) и идеографические словари

Инверсионные словари используются как пособия для научных исследований разных структурных уровней языка, в частности словообразования, фонетики, морфологии, в программах машинной обработки текстов, системах электронного перевода и др. Ими можно пользоваться и как словарями рифм.

В украинской лексикографии известны одноисточниковые инверсионные словари, которые построены на реестре одного словаря и являются, собственно, его инверсионными вариантами, например, «Інверсійний словник української мови» (в. 1–3, Одеса, 1971–1976), источником которого был «Українсько-російський словник» (т. 1–6, К., 1953–1963) и «Інверсійний словник української мови» (К., 1985), который есть обратным словарем-индексом к академическому толковому «Словнику української мови» (т. 1–11, К., 1970–1980). Вместе с дополнениями он включает более 137 000 слов и статистические таблицы (количественные характеристики распределения слов по последним буквам, конечным двух- и трехлитерным сочетаниям и т. д.).

Идеографические словари (тезаурусы) подают лексический состав языка не по алфавиту, а по семантическим рядам, понятийным рубрикам, тематически.

4. Толковые словари

В истории каждой национальной лексикографии жанр толковых словарей появляется сравнительно поздно в зависимости от уровня национальной самосознания и языковой культуры народа, а также от появления новых приемов лексикографического описания.

Составлению толковых словарей всегда предшествует процесс создания лексической картотеки национального языка.

Лексическая картотека Института украинского языка НАН Украины представляет собой совокупность лексических карточек с заголовочными словами, под которыми приводятся тексты (предложения), иллюстрирующие употребление этих слов в соответствующем значении, а в конце приводятся источники, откуда они

выписаны. Картотека собирается с XIX века. В 1995 г. эта картотека насчитывала более 6 млн. карточек.

Комплектование и пополнение лексической картотеки происходит по такому принципу: в картотеке должно быть отражено каждое слово, независимо от частоты его употребления, поэтому рядом с общеупотребительной лексикой в ней наличествуют и архаизмы, диалектизмы, неологизмы и т. п. Иллюстрации раскрывают все случаи прямого и переносного значения слова в украинском языке, его эмоционального и образного употребления, функционирования слова в устойчивых словосочетаниях и фразеологизмах. Картотека отражает также особенности употребления грамматических форм, синтаксических конструкций, правописания.

Первые попытки создания толковых словарей в украинской лексикографии касаются подачи фразеологии и паремиологии. Это сборник в книге «Старосветский бандуриста» М. Закревского (1860) и особенно «Галицько-руські народні приповідки», опубликованные И. Франко (т. 1–3, 1901–1910). Некоторые характерные черты толковых словарей имели такие переводные украинско-русские словари, как «Словарь української мови» под ред. Б. Гринченко (т. 1–4, 1907–1909), «Словник української мови» Д. Яворницького (1920, русский язык здесь — язык не только перевода, но и толкования, особенно для этнографической лексики, подается большой паспортизированный по авторам, источникам и регионам иллюстративный материал, есть даже графические иллюстрации), «Українсько-російський словник», созданный в Институте языкознания (т. 1–6, 1953–1963, где есть большой паспортизированный иллюстративный материал, подробная обработка значений многозначных слов).

«Словарь української мови» — переводной украинско-русский словарь, изданный в 1907–1909 гг. в Киеве в 4 томах под редакцией известного украинского писателя, лексикографа, педагога, фольклориста, этнографа и общественно-культурного деятеля Б. Гринченко. Словарь насчитывает ок. 6000 слов. В конце четвертого тома отдельным приложением приводятся «Крестные имена людей».

Словарь Б. Гринченко считается наиболее полным и лексикографически совершенным украинским толковым словарем начала XX в. Работу над словарем начали еще Е. Тимченко и Б. Науменко, которые упорядочили лексический материал. С 1902 г. к работе был привлечен Б. Гринченко. Он использовал материалы многих корреспондентов журнала «Киевская старина», подобрал материалы из произведений художественной литературы и фольклорных источников, частично пользовался предыдущими словарями такого типа, добавил значительный собственный материал (диалектные и фольклорные записи).

Этот лексикографический труд стал словарем живого украинского языка. Вместе с общеупотребительными словами фиксируются и диалектизмы, иногда узколокальные; большей частью они документируются. Украинские заголовочные слова поясняются русскими соответствиями или описательно, преобладающее большинство иллюстрируется предложениями; при названиях растений и животных, как правило, приводятся латинские научные эквиваленты. Широко подается украинская фразеология, часто с пояснениями их происхождения.

Украинская часть «Словаря» напечатана при помощи новой, специально для этого разработанной Б.Гринченко орфографической системой, так называемой гринчевичевкой, которая аккумулировала все лучшее из предыдущей украинской орфографической практики и лежащая в основе современной украинской орфографии. В 1996 г. вышло новое фототипическое издание этого словаря.

Первым полным академическим толковым словарем украинского языка является «**Словник української мови**» (т. 1–11, 1970–1980) — СУМ, основанный на материалах нового украинского литературного языка от И. Котляревского до конца 70-х гг. XX в. Этот словарь включает ок. 134 000 заголовочных слов.

Словарь создан коллективом ученых Института языкознания АН УССР (И. Белодед, Л. Паламарчук, В. Русановский, А. Бурячок, В. Винник, Г. Гнатюк, С. Головащук, Л. Роднина, Л. Скрипник, Т. Черторизская, Л. Юрчук и др.) на базе лексической картотеки. Кроме общеупотребительной лексики и фразеологии, СУМ охватывает также значительную часть лексического состава языка, отошедшую в пассивный языковой фонд, но в свое время активно употреблявшаяся и поэтому засвидетельствованная, как в фольклоре, так и в творчестве мастеров слова; в словаре фиксируются часто употребительные диалектизмы и слова, стоящие на границе литературного употребления.

Включая чрезвычайно большой и разнообразный по происхождению, функционированию и стилистическому использованию лексико-фразеологический материал, СУМ скорректирован на нормативное словоупотребление. Это обеспечивается тщательной обработкой каждого слова: 1) раскрытием при помощи толкования основных значений и его оттенков заголовочных слов; 2) подачей наиболее важных грамматических форм и ударения; 3) приведением при них (где это необходимо) стилистических ремарок и специальных помет; 4) иллюстрацией функционирования в языке толкуемого слова или фразеологизма фактическим материалом из разных источников. В 1983 г. группе ученых Института языкознания, внесших особый вклад в создание СУМ, присвоено звание лауреатов Государственной премии СССР.

Для школьных потребностей издан «**Короткий тлумачний словник української мови**» (1978, 2-е изд. — 1988, ок. 6750 слов), для начальной школы — «Словник української мови в малюнках» М. Коломийца (1995).

«**Новий тлумачний словник української мови**», который вышел в 1999 г. в 4-х томах включает 42 000, как отмечают составители В. Яременко и О. Слипушко, наиболее употребительных слов. В словарь включена и растолкована бытовая, деловая, книжная, терминологическая лексика и иностранные слова, которые уже стали неотъемлемой частью национального лексического фонда. Точность толкований слов и нюансов их значений достигается значительным расширением синонимических рядов. Иллюстративный материал приводится из произведений украинских классиков.

«**Великий тлумачний словник сучасної української мови**» под ред. В.Т. Бусела вышел в 2001 г. Как отмечается в предисловии, большой толковый словарь современного украинского языка представляет собой универсальный справочник,

в котором объединена академическая полнота лексики с лаконичной нормой одно-томного издания. Словарь включает ок. 170 000 слов, в том числе и вошедшие в украинский литературный язык в течение последнего десятилетия. Кроме общеупотребительных слов в словаре приводятся основные термины современной науки и техники. Новым для толковых словарей является введение в некоторые статьи энциклопедических справок.

Новое, переработанное и исправленное по советам ведущих украинских лексикографов издание этого словаря вышло в 2004 г. Лексикографическое произведение понемногу приобретает авторитет среди пользователей различных категорий.

В 2002 г. в Харькове (издательство «Прапор») опубликован **«Тлумачний словник української мови» под ред. В.С. Калашника**, который включает ок. 12 500 статей (ок. 40 000 слов: синонимов, однокоренных). Его структура обусловлена целью раскрыть значения слов, привести отдельные грамматические формы, наиболее характерные синонимы и словообразовательные ряды, выделить стилистически маркированную лексику. Словарь в целом имеет комбинированный характер: в нем, кроме алфавитного, использован гнездовой принцип расположения материала.

Основная цель **«Короткого тлумачного словника української мови»** (К., 2004) — дать краткие пояснения наиболее часто употребительной лексики и фразеологии современного украинского литературного языка. Объем словаря — 7000 слов. Он составлен с учетом современной орфографии; включена наиболее употребительная терминология, извлечены малоиспользуемые и устаревшие слова.

В Институте украинского языка НАН Украины создан, но еще не опубликован, **однотомный «Словник української мови»** среднего объема (ок. 70 000 слов), построенный по компактному алфавитно-гнездовому принципу.

Издательским домом «Школа» (Харьков) издан **«Современный толковый словарь украинского языка» — «Сучасний тлумачний словник української мови»** (составители: Н.Д. Кусайкина, Ю.С. Цибульник / Под ред. В.В. Дубичинского) на 65 000 слов (2006), 50 000 слов (2007), 60 000 слов (2007), а также на 100 000 слов с CD-версией (2009). Основными чертами этого словаря являются: компактная гнездовая структура, толкования неологизмов и сленговой лексики, приведение этимологии иностранных слов, разъяснение устойчивых выражений и научных терминов, подача окончаний звательного падежа отдельных имен существительных, личных имен и др.

В 2012 г. в киевском издательстве «Просвіта» вышел **«Словник української мови»** (руководитель проекта В.В. Нимчук, отв. ред. В.В. Жайворонок. 1320 с.), созданный на основе принципов академического 11-томного СУМа (1970–1980) с учетом достижений современной украинской лексикографии. В словарь вошла лексика последнего времени.

В настоящее время в Киеве составляется новый многотомный (планируется около 20) **толковый словарь украинского языка** с реестром не менее 200 000–250 000 слов и большим количеством лексикографических параметров, отличающийся от 11-томного СУМа (1970–1980) современным словником и более подробной разра-

боткой лексических единиц. В 2011 г. вышел первый том этого масштабного труда, подготовленный и осуществленный группой исследователей из Языково-информационного фонда украинского языка под руководством академика В.А. Широкова.

5. Словари иностранных слов

Одной из разновидностей толковых словарей являются **словари иностранных слов**. В Украине начало регистрации и разъяснения иностранных слов можно датировать XV в., когда в памятниках украинской письменности появились так называемые глоссарии. Первой попыткой создания оригинального украинского словаря иностранных слов был «Словарик. Пояснення чужих та не дуже зрозумілих слів» В. Доманицкого (1906), в котором подается около 1500 слов, наиболее часто встречающихся в книгах, газетах и журналах.

Намного шире и основательнее обработаны и проанализированы слова и выражения иностранного происхождения в «Словарі чужих слів. 12 000 слів чужого походження в українській мові» З. Кузели и М. Чайковского (1910, 2-е изд. К.; Лейпциг, 1918). Как приложение к основной части словаря приводятся «Чужі слова і звороти, що пишуться латинськими буквами» с их украинскими соответствиями.

Позднее появились: небольшой «Словник чужомовних слів, що увійшли в мову українську» (1924), «Словник чужомовних слів» под ред. О. Бадана-Яворенко (1932, составители И. Бойкив, О. Изюмов, Г. Калишевский, М. Трохименко), а также перевод на украинский язык русского издания «Словника іншомовних слів» под ред. И. Лехина и Ф. Петрова (1951).

Интересным примером словарей иностранных слов является «Словник чужослів. Знадібки» Павла Штепы (Торонто, 1977) — попытка украинской эмиграции описать и привести украинские соответствия иностранных слов. Словарь имеет 16 000 заголовочных слов и 70 000 их украинских эквивалентов.

Наиболее полным и подробным в современной украинской лексикографии считается «Словник іншомовних слів» под ред. А. Мельничука (1974, изд. 2-е, испр. и доп., 1986, ок. 25 000 слов).

В 2000 г. в Киеве вышел «Словник іншомовних слів» (К.: Довіра, 2000) под ред. Л. Пустовит. Издание охватывает общеупотребительную лексику и общеупотребительные термины из разных областей знаний, среди которых и недавно зафиксированные новые слова и значения слов. Словарная статья подает толкования слова, этимологическую справку, наиболее употребительные фразеологические и терминологические словосочетания. В словаре учитываются изменения, внесенные в «Український правопис» 1993 года. В конце издания приводятся иностранные слова и выражения, употребляющиеся в латинском написании.

Следует упомянуть также еще два интересных словаря: Словник іншомовних слів / Уклад. С.М. Морозов, Л.М. Шкарапута. К.: Наукова думка, 2000. 680 с.; *Бибик С.П., Сютта Г.М.* Словник іншомовних слів: тлумачення, словотворення та слововживання / За ред. С.Я. Єрмоленко. Харків: Фоліо, 2006. 623 с.

6. Словари языка писателей

Как свидетельствует мировая лексикографическая практика, словари языка писателей создаются, прежде всего, на материале творчества выдающихся личностей в истории национальных литератур и культур.

Как отмечает энциклопедия «Українська мова», по характеру описываемого языкового материала словари языка писателей подразделяются, во-первых, на:

1) словари полного, тезаурусного типа, включающие лексику (в том числе индивидуальную, авторскую, ненормативную) всего или почти всего творчества писателя, опубликованного (как правило, по последним прижизненным или другим авторитетным изданиям) и рукописного (переписка, дневники и т. п., однако черновики и варианты произведений, деловые бумаги автора в словарь часто не включаются), или всю лексику одного произведения/сборника произведений: «Словник мови Шевченка» (т. 1–2, 1964), в «Словаре языка русских произведений Шевченко» (т. 1–2, 1985–1986) приводится украинская лексика его творчества;

2) словари избирательного типа, где описывается язык произведений писателя по определенным аспектам: «Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка» В. Ващенко (1982); «Словник рим Є.П. Гребінки» И. Гурина (1992).

Во-вторых, словари языка писателей подразделяются на те, которые приводят не только общие, но и разнообразные разряды имен собственных (личные имена, фамилии, топонимы и др.) — это словари филологическо-энциклопедического типа, и те, которые ограничиваются общими наименованиями, за исключением разве что мифологических и переосмысленных имен собственных, а также фразеологизмов с именами собственными.

По полноте подаваемой к слову информации словари языка писателей подразделяются на: 1) собственно словари, которые строятся по принципу словарей толкового типа (пояснение значений слов, их иллюстрация, возможные грамматические и стилистические характеристики) с элементами частотного и грамматического словарей (приведение частотности словоупотребления и существующих в тексте словоформ); 2) словоуказатели к произведениям того или иного писателя (с указанием на месторасположение слова в тексте, иногда особенности его употребления); и 3) конкордансы.

Конкордансами называют словари, в которых возле каждого заголовочного слова приводится контекст, иллюстрирующий словоупотребление. Создаются они по большей мере на одном тексте или на ряде текстов одного писателя. Конкордансы обязательно демонстрируют минимальное лексическое окружение каждой словоформы, чем обеспечивается точность и надежность сохранения текстовой информации.

По показателю полноты описания данные словари можно подразделить на более и менее полные — так, например, в «Словаре языка Шевченко» — «Словнику мови Шевченка» (1964) однозначные слова, значения которых у писателя и в современном языке совпадают, как правило, не поясняются, а только иллюстрируются.

В украинской лексикографии первыми попытками создания словарей языка писателей были два словарика языка произведений Т. Шевченко, составленные Н. Малеем

чей «Словничок Шевченкової мови» (Миколаїв, 1916, под псевдонимом Нестор Летописец) — словоуказатель, приводящий почти всю лексику украинской поэзии Кобзаря — ок. 7000 слов, и «Українсько-руський словничок до “Кобзаря” Т.Г. Шевченка» (Херсон, 1917, ок. 3500 слов) — избирательный, с переводными эквивалентами заголовочных слов, которые могут вызывать трудности у русскоязычного читателя.

На материале языка произведений Т. Шевченко создано наибольшее количество словарей: «Шевченкова лексика. Словопоказчик до поезій Т.Г. Шевченка» В. Ващенко и П. Петровой (К., 1951, более 7000 слов), «Грамаітично-стилістичний словник Шевченкової мови» И. Огиенко (Виннипег, 1961, ок. 2600 слов), «Словник мови Шевченка» (т. 1–2, К., 1964, 10 116 слов; за словарь авторам присуждена Государственная премия УССР им. Т.Г. Шевченко в 1989 г.). Самое полное собрание лексики украинских произведений поэта с использованием всех вариантов и редакций украинских слов из его русскоязычных трудов, дневника, писем — «Словарь языка русских произведений Шевченко» (т. 1–2, К., 1985–1986, 20 548 слов, за словарь присуждена Государственная премия УССР им. Т.Г. Шевченко также в 1989 г.).

В Харькове создан «Словник мови творів Г. Квітки-Основ'яненка» (т. 1–3, Харьков, 1978–1979, 11 772 слова), а также еще неопубликованы словари языка произведений Л. Глибова (кафедра украинского языка Нежинского педагогического института), В. Стефаника (кафедра украинского языка Прикарпатского университета, Ивано-Франковск).

В течение 50-80-х гг. XX в. опубликованы такие словоуказатели к языку ряда украинских писателей: «Лексика “Енеїди” І.П. Котляревського. Покажчик слововживання» В. Ващенко, Ф. Медведева, П. Петровой (Харьков, 1955), «Словопоказчик драматичних творів Лесі Українки» М. Бойко (К., 1961), «Лексика мови Архипа Тесленка» А. Сизька (Харьков, 1970), «Лексика п'єс та од І.П. Котляревського» А. Бурячка, А. Залашка, А. Ротача, М. Северина (К., 1974), «Художнє слово Василя Стефаника» И. Ковалика, И. Ощипко (Львов, 1972), «Лексика поетичних творів Івана Франка» И. Ковалика, И. Ощипко, Л. Полюги (Львов, 1990).

Следует также отметить писательские словари последнего времени: *Льницький О., Гавриш Ю.* Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка у 4 томах (Торонто, 2001); *Оліфіренко Л.В.* Словник поетичної мови Василя Стуса: рідковживані слова та індивідуально-авторські новотвори (К., 2003).

7. Ономастические словари

Систематическое собрание украинских имен собственных, их толкований, унификация написания, подготовка административных карт и административно-территориальных справочников Украины начинается в 1920-х гг. Опубликованы: «Короткі правила правопису. Словнички імен, географічних назв, назв різних установ» Г. Голоскевича (1925), «До правопису українських прізвищ» Ф. Дем'янчука (1927), «Адміністративна карта Української РСР. Покажчик географічних назв» (1941, составитель А. Ярошевич) и т. д. В 50-х гг. активно составлялись общеукраинские и региональные словари имен собственных, в которых подавалась и ономастическая этимология.

По данным энциклопедии «Українська мова» современная украинская ономастическая лексикография включает разные виды словарей имен собственных, среди них словари украинских антропонимов, гидронимов, ойконимов и т. п.

Словари антропонимические репрезентированы: украинско-русским и русско-украинским «Словником власних імен людей» (1954, 1967, 1972), приводящим 532 мужских и 314 женских имен в их основных вариантах, а 5-е издание под ред. Л. Скрипник (К., 1976) включает 602 мужских и 443 женских современных официальных имени украинцев, а также 649 устаревших (дополненное разделом «Происхождение наиболее употребительных имен людей»); «Довідником українських прізвищ» Ю.К. Редька (1969), «Антропонімією Закарпаття» П. Чучки (1970; собрано и проанализировано 30 000 антропонимов коренного украинского населения Закарпаття), «Сучасними українськими прізвищами» Ю.К. Редька (К., 1966), «Власними іменами людей» Л.Г. Скрипник, Н.П. Дзятковской (К., 1986, 2-е изд. — 1996 г.) и др.

В 2005 г. вышли сразу три антропонимических словаря: 1. «Імена та по батькові, поширені в Україні» («Имена и отчества, распространенные в Украине»), как приложение к Большому толковому словарю; 2. *Скрипник Л.Г., Дзятківська Н.П.* «Власні імена людей. Словник-довідник» (Собственные имена людей. Словарь-справочник) — 3-е изд., исправл. / Под ред. В.М. Русанивского. К.: Наукова думка, 2005; 3. *Чучка Павло* «Прізвища закарпатських українців: історико-етимологічний словник» (Фамилии закарпатских украинцев...). Львов: Світ, 2005. 704 с.

К словарям географических названий (топонимическим словарям) относятся:

1. Собственно топонимические словари различной направленности, в которых собраны все географические названия определенной территории или определенного периода (например, «Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі» И. Железняк, А. Корепановой, Л. Масенко, О. Стрижака, 1985) или разные географические названия (например, «Українсько-російський словник-довідник географічних назв Української РСР» В. Нежнипапы, 1971; «Топонімічний словник-довідник Української РСР» М. Янки, 1973) и т. п.

2. Словари гидронимов (гидронимические словари), среди которых «Каталог річок України» (1957), а также «Словник гідронімів України» (1979) — первое сравнительно полное собрание (более 20 000 основных и почти 24 000 вариантных) названий рек, ручьев и др. водотоков, оформленных соответственно с их литературно-нормативными, историко-лингвистическими и географо-локализационными характеристиками; включает ряд указателей, представляющих материалы разных языков. Изданы региональные словари: «Назви річок Полтавщини» О. Стрижака (1963), его же «Назви річок Запоріжжя і Херсонщини» (1967); «Топонімія Буковини» Ю. Карпенко (1973) — гидронимический словарь, включающий историко-этимологическое описание названий 887 рек Черновицкой области; «Гідроніми Нижнього Подністров'я» под ред. Ю. Карпенко (1981) — историко-этимологическое описание 428 гидрообъектов (516 названий) левобережного бассейна Нижнего Днестра; «Назви річок Інгуло-Бузького басейну» Л. Масенко в кн.: «Власні назви і відтопонімі утво-

рення Інгуло-Бузького межиріччя» В. Горпинича, В. Лободы, Л. Масенко (1977); значительный лексический материал собран в работах: «Голубі перлини України» Г. Швеца (1969, гидронимия стоячих вод), «Словотворчі типи гідронімів басейну Нижньої Десни» А. Корепановой (1973) и др.

3. Словари ойконимов (названий поселений — городов, селений, сел, выселков, хуторов) представлены справочниками административно-территориального разделения УССР (1945, 1969, 1973, 1987 и др.), списками населенных пунктов областей (1925–1926, 1946, 1970 и позднее), а также историко-этимологическими словарями ойконимов: «Топоніміка гірських районів Чернівецької області» (1964) — описание названий 325 населенных пунктов Гуцульской части области, «Топонімія східних районів Чернівецької області» (1965) — описание названий 186 населенных пунктов, «Топонімія центральних районів Чернівецької області» Ю. Карпенко (1965) — описание названий 239 населенных пунктов и «Топонімія Дніпро-Бузького межиріччя» (1976) — описание названий более 1200 населенных пунктов Николаевской, Херсонской, Кировоградской областей, «Назви населених пунктів Правобужжя» В. Лободы в кн.: «Власні назви і відтопонімні утворення...» В. Горпинича, В. Лободы, Л. Масенко (1977); «Топонімія північно-східної Одещини» (1975), «Топонімія південно-східної Одещини» (1978) и др.

4. Словари эргонимов (названий разных видов работ) — одиночные служебные справочники типа «Землекористування радгоспів УРСР» (1971).

5. Словари оттопонимических образований (прилагательных, названий жителей): «Топоніми, відтопонімічні прикметники, назви жителів (Вінницької, Миколаївської, Кировоградської та Черкаської областей)» В. Горпинича в кн. «Власні назви і відтопонімні утворення...» В. Горпинича, В. Лободы, Л. Масенко (1977).

К ономастическим словарям можно отнести также словари типа «100 найвідоміших образів української міфології» — «100 самых известных образов украинской мифологии» (авторы: В. Завадская, Я. Музиченко, О. Таланчук, О. Шалак). К.: Орфей, 2002.

8. Этимологические словари

Этимологические словари — это словари, которые содержат основные сведения о происхождении (этимологии) слов одного языка или группы (семьи) родственных языков.

Научный этимологический словарь отличается большим (иногда максимальным) реестром слов, подробным анализом разных точек зрения на этимологию соответствующего слова, наличием библиографии. Словник научного этимологического словаря одного языка состоит лишь из слов литературного языка или, чаще, рядом с ними в большем или меньшем объеме включаются также диалектные слова (например, *An Etimological Dictionary of the Ukrainian Language*, v. 1–2. Winnipeg; Ottawa, 1972–1982; *Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі*. К., 1985).

Многочисленные различия между разными этимологическими словарями научного типа проявляются в структуре словарных статей. В этимологических словарях

группы или семьи родственных языков роль заголовочного слова в статье играет реконструированное слово соответствующего праязыка или его основа/корень.

Подготовка этимологических словарей украинского языка берет свое начало сравнительно недавно. В 1962–1982 гг. в Виннипеге (Канада) появился «Етимологічний словник української мови» Я. Рудницького в 2 томах (на английском языке). К тому времени был уже «Этимологический словарь славянских языков» Ф. Миклошича (1886, на немецком языке), «Славянский этимологический словарь» Е. Бернекера (1913–1915, на немецком языке), доведенный до середины буквы «М»), этимологические словари русского языка М. Горяева (1892, 1896), М. Фасмера (т. 1–3, 1950–1958, на немецком языке, русский перевод О.Н. Трубачева, т. 1–4, 1964–1973), польского языка А. Брюкнера (1927), чешского языка Й. Голуба и Ф. Копечного (1952), чешского и словацкого языков В. Махека (1957), болгарского языка С. Младенова (1941) и др. В этих словарях и в многочисленных публикациях О. Потевни, Г. Ильинского, Л. Булаховского и др. также приводились этимологические данные об украинских словах, которые учитывались при составлении этимологических словарей украинского языка.

Основным среди словарей этого типа считается семитомный «Етимологічний словник української мови» ЕСУМ, подготовленный Институтом языкознания им. А.А. Потевни АН УССР: Т. 1: А–Г. 1982; Т. 2: Д–Копці. 1985; Т. 3: Кора–М. 1983; Т. 4: Н–П. 2003; Т. 5: Р–Т. 2006; Т. 6. 2010–2012.

9. Исторические словари

В исторических словарях описывается и документируется лексика древних письменных памятников. В наиболее полных исторических словарях в лексикографической форме представлена история слова на протяжении веков: изменение формы и значений лексических единиц.

В украинском языкознании первой попыткой создания исторического словаря стал краткий словарь, составленный Е. Тимченко на базе 34-х источников и 60-тысячной картотеки еще в начале XX в., но не опубликованный; рукопись сохранилась в Институте украинского языка НАН Украины. В 1919 г. создана Комиссия по составлению исторического словаря украинского языка (при УАН) во главе с Е. Тимченко, которая должна была составить словарь на основе всего языкового материала памятников украинского языка с древнейших времен до XIX в. Поставленное задание оказалось довольно масштабным, поэтому комиссия утвердила решение об издании собранного материала в 4–5 томах.

В 1930 и 1932 гг. в Киеве-Харькове вышли в свет две тетради первого тома «Историчного словника українського языка» (вошло более 10 000 слов от «А» до «жяловати»). Словарь построен на богатом материале: в нем использовано около 400 памятников.

В 1977–1978 гг. вышел «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.» (т. 1–2, под ред. Л. Гумецкой). Словарь создан на базе 939 памятников делового стиля. Он построен по принципу тезауруса. В словаре подается вся аппелятивная и ономасти-

ческая лексика. Применяется несколько нововведений: в заголовочное слово вынесены все фонетические и графические варианты, внедрена цифровая статистика при каждом заголовочном слове, его значениях, оттенках, фонетических и дублетных грамматических формах, последовательно учтены языковые факты с различных территорий распространения украинского языка; приводится полный перечень всех грамматических форм и др.

С 1975 г. группа языковедов Института общественных наук АН УССР (с 1993 г. — Институт украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины) во Львове готовит «Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.». В 1983 г. была опубликована его пробная тетрадь, словарь начал выходить в 1994 г., в 2010 г. опубликован 15-й выпуск.

Интересной лексикографической работой является словарь Людмилы Ткач «Українська літературна мова на Буковині в кінці XIX – на початку XX ст.» (Частина I. Матеріали до словника. Чернівці: Рута, 2000. 408 с.).

10. Словари неологизмов

Современная украинская лексикография начала работу над сбором и научным описанием новых слов и значений. Словари неологизмов создаются, как правило, на основе реестра недавно появившихся в языке слов. Ограничимся перечислением недавно появившихся словарей: 1) «Нове в українській лексиці» Д. Мазурика (Львов, 2002); 2) «Нові слова та значення» Л.В. Туровской та Л.О. Симоненко (К., 2008); 3) «Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010) под ред. О.М. Тищенко (К., 2010).

11. Словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов

В истории лексикографии известны попытки называть синонимическими либо переводные словари (например, в Украине во 2-й половине XVII в. создан небольшой словарь «Синонима славеноросская», в котором слова украинского языка того времени поясняются «синонимическими» — церковнославянскими — словами), либо сравнительные словари нескольких языков, например, «Словник вибраних синонімів в основних індоєвропейських мовах» К.Д. Бака (Чикаго, 1949). Существуют также переводные синонимические словари, в которых к синонимическому ряду одного языка подбирается соответствующий ряд другого языка (например, «Русско-украинский словарь синонимов», К., 1995).

Однако, как правило, **словари синонимов** — это одноязычные словари. По способу подачи материала синонимические словари бывают нескольких типов — от непосредственно регистрационных, синонимических словоуказателей без толкований, стилистических и грамматических характеристик, иллюстраций и т. п. до подробнейших словарей пояснительного типа.

Синонимические словари украинского языка начали выходить в свет только с середины XX в. (следует отметить, что украинские синонимические ряды приводи-

лись в переводной части иноязычно-украинских словарей, особенно широко — в академическом многотомном «Російсько-українському словнику» 20-х гг.).

Следует назвать несколько заметных словарей синонимов украинского языка. Это — 1. «Короткий словник синонімів української мови» П. Деркача с доработками С. Левченко (1960, 1993), вмещающий около 4280 рядов со сжатыми пояснениями синонимов, их сочетаемости, со стилистическими пометками, без иллюстраций; 2. «Матеріали до синонімічного словника української мови» А. Багмета, опубликованные в журнале «Вітчизна» (1959–1962, А–Н), а позднее в журнале «Україна» (О–П), и в таком незавершенном варианте, но после определенного редактирования, под названием «Словник синонімів української мови» (т. 1) эти материалы были изданы в США (Нью-Йорк, 1982); тут осуществлен достаточно богатый подбор синонимов с пояснением в ряде случаев их значений и примеров; 3. «Синонімічний словник-мінімум української мови» В. Ващенко (1972), включающий около 840 рядов без пояснений и других характеристик (этот словарь можно назвать словоуказателем к украинской синонимике); 4. «Практичний словник синонімів української мови» С. Караванского (1993) с наибольшим количеством к тому времени опубликованных синонимических рядов (ок. 15 000 рядов).

В Институте украинского языка НАН Украины создан «Словник синонімів української мови» (авторы: А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк, С.И. Головащук и др.; ок. 9200 рядов; т. 1–2, 1999–2000). В словаре подается синонимическое богатство украинского языка (на материалах литературного языка XIX–XX в., диалектной и народнопоэтической лексики) с семантическими, грамматическими, стилистическими характеристиками синонимов и примерами их употребления в контексте. Он является самым полным по степени обработки собранием украинской синонимики. Этот лексикографический труд создан на основе специально созданной картотеки, сформированной на материалах авторитетных словарей украинского языка, лексической картотеки Института украинского языка НАН Украины, языковедческих исследований синонимики украинского языка. Употребление синонимов иллюстрируется типовыми для них контекстами — цитатным материалом из художественной, публицистической, научной и др. литературы и словосочетаниями.

Следует указать также: 1. Практичний словник синонімів української мови. К.: Українська книга, 2000. 2. В серии «Словники України» Словник синонімів української мови. 2-е вид. К.: Довіра, 2006. 3. Словник синонімів української мови (автор: Л.М. Полюга). К.: Довіра, 2006. 4. Практичний словник синонімів української мови (автор: М. Зубков). Харків: ФОП Співак, 2008.

Если названные синонимические словари очень ограниченно или совсем не подают фразеологию, то «Словник фразеологічних синонімів» М. Коломийца и Е. Регушевского (1988) включает ок. 300 рядов фразеологических синонимов с подробной их характеристикой и богатым иллюстративным материалом.

Словари антонимов толкуют значения слов, имеющих противоположные значения. В них, как правило, находятся также сведения о сочетаемости и приводятся образцы их использования в тексте. Примером может послужить «Словник антонімів

української мови» Л.М. Полюги (К., 1987; 1999), в котором к антонимам подбираются устойчивые словосочетания и фразеологизмы, примеры их употребления в текстах художественных произведений, выражениях, а также родственные антонимические пары. Отдельно рассматриваются антонимы префиксов, суффиксов, компонентов сложных слов.

Словари омонимов содержат одинаковые по форме (написанию и звучанию) слова, имеющие разные значения. Как правило, слова располагаются в омонимических гнездах (группы по 3–4 слова), подаются грамматические, стилистические пометы, сведения об образовании и этимологии омонимов. Такие словари одновременно являются и толковыми, например, «Словник омонімів української мови» О. Демской и И. Кульчицкого (Львов, 1996).

В словарях паронимов раскрываются значения слов, похожих по форме и полностью или частично отличающихся по значениям, демонстрируются их семантические отличия, например, «Словник паронімів української мови» Д. Гринчишина и А. Сербенской (К., 1986).

Обращают на себя внимание ставшие популярными в последнее время **комплексные словари**, например, «Шкільний словник української мови: синоніми, антоніми, омоніми, пароніми, фразеологізми» (составитель: Т.К. Спивак), изданный в Харькове в 2008 г.

12. Терминологические словари

Терминологические словари являются разновидностью лингвистических словарей, в которых подается терминология какой-либо отрасли (отраслей) знаний. **Терминография** как наука о составлении, изучении и использовании терминологических словарей находится между лексикографией и соответствующей понятийной отраслью человеческой деятельности.

В связи с этим по типологии терминологический словарь можно считать как лингвистическим, так и энциклопедическим, описывающим предметы, понятия действительности вместе с терминами, их обозначающими.

Считается, что украинская терминологическая лексикография берет свое начало во 2-й половине XIX в. с работ И. Гавришкевича («Початок до уложення термінології ботанічної руської», 1852), И. Верхратского («Початки до уложення номенклатури і термінології природописної, народної», 6 выпусков, 1864–1979; автора считают основателем украинской терминологии), О. Роговича («Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России с некоторыми поверьями и рассказами о них», 1874) и др.

Интенсивное развитие украинской терминографии начинается с конца 1920-х гг. В течение 1917–1928 гг. создано около 20 школьных терминологических словарей по разным областям знаний: природоведению, географии, физике, химии и др. Начиная с 1918 г., создаются словари-проекты физической, естественнонаучной, сельскохозяйственной, технической и др. терминологий, ботанической и зоологической номенклатур. До 1933 г. издано 83 терминологических словаря; особое внимание

среди них привлекает «Словник ботанічної номенклатури» (проект, 1928), в котором описываются украинские названия растений (более 25 000), собранные как из научных источников, так и записанные корреспондентами в разных областях Украины, с латинскими соответствиями к ним.

Следующий этап в создании украинских терминологических словарей начался в 50-х гг. В течение следующих десятилетий издан ряд словарей, преимущественно русско-украинских, отображающих состояние развития в то время физики, гидротехники, электротехники, теплотехники и газотехники, горного дела, сварки, ботаники, ветеринарии, химии, швейного производства и т. д. Среди них можно вспомнить «Російсько-український технічний словник» (1961, 80 000 терминов), «Російсько-український сільськогосподарський словник» (1963, ок. 32 000 терминов).

Под эгидой Комитета научной терминологии АН УССР изданы: «Російсько-український юридичний словник» (1985, более 20 000 терминов), «Російсько-українсько-латинський зоологічний словник. Термінологія і номенклатура» О. Маркевича, К. Татарка (1983, 19 000 терминов и номенов), «Російсько-український словник лісівництва» (1980, до 8000 терминов) и др.

Институт языкознания и Институт украинского языка НАН Украины подготовили «Російсько-український словник наукової термінології» в 3-х книгах (ок. 320 000 терминов), первая из которых — «Російсько-український словник наукової термінології. Суспільні науки» (до 100 000 терминов) вышла в 1994 г., вторая — «Російсько-український словник наукової термінології. Біологія. Хімія. Медицина» (ок. 100 000 терминов) — в 1996 г., третья — «Російсько-український словник наукової термінології. Математика. Фізика. Техніка. Науки про Землю та Космос» (ок. 120 000 терминов) — в 1998 г.

Типология терминологических словарей предполагает по меньшей мере такие параметры:

– по количеству описываемых языков — одно-, двух- и многоязычные («Російсько-українсько-англійський словник правничої термінології. Труднощі терміновживання», 1994, 700 терминов; «Словник економічних термінів. Російсько-українсько-англійський» под ред. Т.Р. Кияка, 1997, 2500 терминов и терминологических словосочетаний);

– по наличию и принципу толкования терминов («Енциклопедія кібернетики», т. 1–2, 1973; «Українсько-російсько-англійсько-німецький тлумачний та перекладний словник ринкової економіки» под ред. Т.Р. Кияка, 2001, более 2000 терминов);

– толковые с элементами этимологии («Мінералогічний словник. Українсько-російсько-англійський» Е. Лазаренко, О. Винара, 1975);

– по отраслям знаний — отраслевые, узкоспециальные (Ермоленко С.Я., Бибик С.П., Тодор О.Г. «Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів», 2001; «Словник української біологічної термінології, 2012), многоотраслевые («Російсько-український гідротехнічний словник», 1960; «Російсько-український політехнічний словник», под ред. А.С. Благовещенского, 2002), общенаучные;

– по полноте представленной терминологии — полные и краткие.

Наиболее распространенным типом является переводной двуязычный терминологический словарь. Большинство двуязычных словарей, изданных в Украине, — русско-украинские и украинско-русские (см. приводимый ниже «Краткий библиографический указатель»).

Терминографической работой сегодня занимаются центры в Киеве (отдел терминологии Института украинского языка НАН Украины — Л. Симоненко, В. Иващенко, Л. Туровская), во Львове (Комитет научно-технической терминологии — Б. Рыцарь).

За 20 лет государственной независимости Украины подготовлено и издано несколько сот терминологических словарей, как общенаучных, политехнических, так и узкоспециальных: по химии, физике, математике, материаловедению, машиностроению, киноискусству, театру, сельскохозяйственной технике и мн. др. (см. приводимый ниже «Краткий библиографический указатель»).

Ежегодно проводятся международные научно-практические конференции по украинской терминологии и терминографии: по четным годам в Киеве, по нечетным — во Львове, где глубоко анализируются вопросы теории и практики терминографической работы в Украине.

С 2011 г. под эгидой отдела научной терминологии Института украинского языка НАН Украины начал регулярно выходить научный журнал «Термінологічний вісник» (Киев), каждые два года издается сборник научных трудов по терминологии и терминографии «Українська термінологія і сучасність» — «Украинская терминология и современность» (Киев). Ежегодно выходит Вестник Национального университета «Львовская политехника» «Проблеми української термінології» (Львов).

В Харькове сегодня активно работает **Терминологический центр НИИАСУ-трансгаз** под руководством академика М. Гинзбурга. За последние годы Терминологический центр, составляя трехязычные толковые словари для своей отрасли, создал Единую терминологическую базу данных (ЕТБД), которая включает ок. 26 000 украинских терминов, их русские и английские эквиваленты, толкования на украинском и русском языках. Для этого было обработано около 2000 литературных источников, прежде всего, законодательные и нормативные акты, стандарты и словари (Vocabularies) Международной организации по стандартизации (ISO) и Международной электротехнической комиссии (IEC), государственные стандарты Украины (ДСТУ), межгосударственные стандарты (ГОСТ), энциклопедические издания, толковые и переводные словари, труды по терминоведению и лексикографии, справочники и учебники соответствующих отраслей знаний, статьи в научных изданиях, материалы научно-технических конференций и т. п.

ЕТБД представляет собой основу лингвистического обеспечения Интегрированной автоматизированной системы управления газотранспортной отрасли и объединяет специализированные словари по разным отраслям народного хозяйства, например:

1. Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з екології. Основні терміни: близько 3500 термінів. Уклад.: М.Д. Гінзбург, Н.І. Азімова, І.О. Требульова та ін. / За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 2000. 736 с.

2. Тлумачний російсько-українсько-англійський словник із протикорозійного захисту газопроводів. Основні терміни: близько 2800 термінів. Уклад.: М.Д. Гінзбург, М.В. Чернець, І.М. Корніловська та ін. / За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 2000. 616 с.

3. Новий російсько-українсько-англійський тлумачний словник з інформатики. Основні терміни: Близько 3300 термінів. Уклад.: М.Д. Гінзбург, Л.І. Білоусова, І.М. Корніловська та ін. / За ред. М.Д. Гінзбурга. Харків: Корвін, 2002. 656 с.

4. Тлумачний російсько-англійсько-український словник з електро- та радіозв'язку: Навчальний посібник для ВНЗ. Уклад.: О.О. Артемов, О.В. Гайдук, М.Д. Гінзбург та ін. / За ред. М.Д. Гінзбурга, Г.І. Загарія. Харків: Регіон-інформ; ХФВ «Транспорт України», 2002. 552 с. и др.

Общее количество терминов в уже составленных словарях достигает 43 000, а количество терминов в ЕТБД составляет 25 875, поскольку термины, являющиеся общими для нескольких словарей, присутствуют в базе данных только один раз.

Наличие в разных словарях общих понятий (а это, как правило, ключевые общенаучные и общетехнические понятия) и их единых толкований обеспечивает системность в определении понятий, входящих в состав разных словарей, и в отборе для них терминов украинского, русского и английского языков. Эти термины большей частью многозначны, поэтому для них во всех словарях приведены обобщающие толкования, а также, по необходимости, более конкретные толкования с указанием отрасли применения.

Опыт эксплуатации электронных версий словарей показал, что пользователям удобнее применять не совокупность электронных тематических словарей с единой программной оболочкой, а работать с единым интегрированным многотематическим словарем, информационным обеспечением которого является ЕТБД.

Терминологическим центром НИИАСУтрансгаз в творческом сотрудничестве с Институтом украинского языка НАН Украины и Техническим комитетом стандартизации научно-технической терминологии создана основа единой достаточно полной и согласованной отраслевой терминосистемы, которая базируется на терминосистемах соответствующих отраслей науки и техники, стандартизированных на государственном уровне, и дополнена терминами и определениями, отражающими специфику отрасли.

По назначению терминологические словари подразделяются на несколько групп:

1. Словари узуса, регистрирующие. К словарям этого типа относится большинство существующих терминологических словарей, которые демонстрируют состояние терминологии в определенной отрасли знания на настоящий момент.

2. Регламентирующие терминологические словари. Бывают двух видов: словари стандартизированных терминов (или стандарты на термины) и словари рекомендованных терминов.

Стандарты на термины включают: 1) вступительную часть (сфера распространения стандарта, сведения о недопустимых синонимах и эквивалентах), 2) основную часть (материал располагается в двух графах «Термин» — его номер, собственно стандартизированный термин, его сокращенная форма, если термин является

словосочетанием, и его эквиваленты на европейских языках, и «Дефиниция», к которым могут прилагаться рисунки, схемы, графики); 3) алфавитные указатели.

3. Информационные словари. Примером этой группы терминологических словарей может быть информационно-поисковый тезаурус, используемый во время автоматизированной обработки информации. Каждая словарная статья начинается термином-дескриптором, к нему приводятся синонимы, а также термины, связанные с ним родо-видовыми или ассоциативными отношениями.

4. Систематизирующие словари (классификаторы, рубрикаторы, частотные словари и словари терминосистем).

Классификаторы — это системно и алфавитно упорядоченные названия объектов науки и техники, а также их характеристики, например, классификаторы промышленной продукции.

Рубрикатор — это классификация понятий и объектов определенной области человеческой деятельности, который состоит из перечня определенных рубрик.

В частотных словарях термины расположены в порядке частоты появления в определенных текстах.

В последнее время большей частью в Украине издаются именно терминологические словари, причиной чего является быстрое развитие производства и новых информационных технологий. Очевидна комплексная направленность терминографии, что предполагает описание разнообразной (энциклопедической, переводной, тезаурусной, словообразовательной и др.) информации в едином лексикографическом произведении.

13. Диалектные словари

Как отмечает энциклопедия «Українська мова», по способу пояснения значений большинство диалектных словарей принадлежит к словарям толкового типа. По объему отражения лексики и семантики диалектные словари подразделяются на тематические и общие.

Тематические диалектные словари репрезентируют лексику одной тематической группы, например: *Берлізов А.А.* Лексика рибальства українських говорів Нижнього Подністров'я. Чернигов, 1959; *Аркушин Г.Л.* Мисливська лексика західноподільського говору. Матеріали до «Лексичного атласу української мови» // Дослідження з української діалектології. К., 1991.

Общие диалектные словари объединяют лексику безотносительно к тематическому аспекту (*Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 1–2. К., 1984; *Чабаненко В.А.* Словник говірок Нижньої Наддніпряниці. Т. 1–4. Запоріжжя, 1992; *Никончук М.В.* Матеріали до Лексичного атласу української мови. Правобережне Полісся. К., 1979; *Лисенко П.С.* Словник поліських говорів. К., 1974).

Как правило, диалектные словари строятся по дифференциальному принципу, т. е. они охватывают лексику, отсутствующую в словарях литературного языка или имеющую в соответствующем диалекте отличия, касающиеся морфемной структуры слова, его значения и др.

Создание диалектных словарей полного типа, который приводил бы всю лексику диалекта безотносительно к литературному языку, допускается лишь теоретически, но на практике это еще не реализовано. Базу диалектных словарей составляют записи диалектной речи в виде текстов или ответов на вопросы программы, а также фольклорные тексты и, изредка, произведения художественной литературы. Характером источников обуславливается полнота отображения лексикографическим трудом словарного состава и семантики.

Разновидностью диалектной лексикографии является идеографические региональные словари — атласы, построенные по гнездовому способу; словарная статья объединяет все лексемы, которые реализуют определенное понятие в исследуемых говорах: *Никончук М.В.* Матеріали до лексичного атласу української мови. Правобережне Полісся. К., 1979; *Никончук М.В.* Сільськогосподарська лексика правобережного Полісся. К., 1985; *Куриленко В.М.* Лексика тваринництва поліських говорів. Сумы, 1991).

В большинстве диалектных словарей подается не только лексика, а и фразеология диалектов; отдельные словари ограничиваются лишь фразеологией (*Франко І.* Галицько-руські народні приповідки. Т. 1–3. Львов, 1901–1910; *Доленко М.Т.* Матеріали для словаря диалектичних фразеологізмів Подолля // Вопросы фразеологии. В. 8. Самарканд, 1975; *Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Пряшев, 1990; *Ужченко В.Д.* Матеріали до фразеологічного словника східнословобожанських і степових говірок Донбасу. Луганск, 1993).

Следует добавить, что в Институте украинского языка НАН Украины находится **диалектная картотека** — картотека, созданная на основе записей говорков по разным вопросам в населенных пунктах Украины и в этнично украинских селах, которые проживают на территории других государств. Ее формирование началось со сбора материала к «Атласу української мови» (АУМ) в 1948 г. Картотека сохраняется в отделе диалектологии института.

Диалектная картотека составляет более 1,5 млн. карточек. На стадии формирования находятся картотеки «Загальнослов'янського лінгвістичного атласу», «Лексичного атласу української мови», «Лінгвістичного атласу Європи», «Словника українських народних говорів», сохраняются картотеки М. Онишкевича и М. Грицака. На базе картотеки создан АУМ в трех томах (изданы т. 1–2, 1984–1988), создаются многотомные «Загальнослов'янський лінгвістичний атлас» и «Лінгвістичний атлас Європи» (в фонетико-грамматической серии вышли вып. 1–3, 1988–1994, в лексико-словообразовательной серии: вып. 1, 1988).

Картотека пополняется также за счет этнографических описаний, региональных лексикологических и лексикографических трудов (опубликованных и рукописных), произведений художественной литературы, в которых используются диалектизмы, поступления от отдельных исследователей. К 2000 г. общий объем диалектной картотеки достиг около 4,5 млн. карточек (см. приводимый ниже «Краткий библиографический указатель»).

14. Жаргонные словари

На протяжении последнего десятилетия особый интерес ученых-лингвистов вызывает жаргонная лексика. Первые попытки научно описать и систематизировать такие лексические пласты можно найти в следующих лексикографических произведениях:

Ставицька Л. Короткий словник жаргонної лексики української мови. К.: Критика, 2003. 336 с.

Ставицька Л. Український жаргон. Словник: містить 4070 слів і понад 700 стійких словосполучень. К.: Критика, 2005. 496 с.

Словник сучасного українського сленгу / Упорядник Т.М. Кондратюк. Харків: Фоліо, 2006. 350 с.

К жаргонным словарям условно можно отнести и «Словник-антисуржик» на 1539 заголовків (Версія 2.01, 2006 Источник: <http://www.arkas-proswita.iatp.org.ua/antysurjyk.html> <http://ukrlife.org/main/prosvita/gn0.html>).

15. Фразеологические словари

По назначению фразеологические словари бывают регистрационными, переводными и толковыми. По способу подачи — алфавитными и гнездовыми с комбинированными разновидностями.

В зависимости от понимания **фразеологии** — от достаточно широкого толкования, когда в ее состав включают паремиологические единицы, до узкого (лишь идиомы) — фразеологические словари по-разному охватывают описываемый материал.

Первые попытки регистрационных словарей, которые систематизировали фразеологию украинского языка в алфавитном порядке, осуществлены в XVII – середине XIX в. Это, в частности, рукописный сборник Климентия Зиновиева, составленный в 1700–1709 (впервые напечатан в 1912 г., в 1971 г. издан в Киеве под названием «Вірші Приповісті посполиті»), где приводится лишь реестр разного типа фразеологических единиц, и подборка М. Закревского «Малоросійськія пословицы, поговорки и загадки и галицькія приповедки» в кн. «Старосветский бандуриста» (1860), в которой, кроме реестра, есть одиночные пояснения значения фразеологизмов, иногда вместе с соответствиями из русского, польского, латинского, немецкого и других языков, а также с историческими справками.

Одним из первых переводных словарей фразеологизмов является украинско-русский словарь «Фразы, пословицы и поговорки малороссийские», приданный в качестве раздела к «Грамматике малоросійскаго нарiччя» А.П. Павловского (1818). Наиболее ценным среди фразеологических словарей XIX в. считается сборник «Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О. Марковича и других. Спорудив М. Номис», вышедший в 1864 г. и охватывающий более 14 000 единиц, размещенных по тематическому принципу, с историческими комментариями.

В середине XX в. создан «Російсько-український фразеологічний словник» И. Виргана и М. Пилинской (журнал «Прапор», 1958–1971), в котором заголовочным является общий компонент многих фразеологизмов, а возле него подаются все

возможные фразеологические единицы с украинскими соответствиями, часто с синонимами и стилистической характеристикой. Тогда же появился «Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник» И. Олійныка и М. Сидоренко (1971), в котором по алфавиту приводятся 7000 украинских и 6500 русских фразеологических единиц в их наиболее употребительных лексико-грамматических вариантах с указанием на стилистически-функциональные и эмоционально-оценочные значения.

В украинской лексикографии представлены переводные фразеологические словари с неродственными языками, например, «Фразеологічний словник німецької мови» Л. Осовецкой и К. Сильвестровой (1964), в котором к заголовочным единицам немецкого языка, сгруппированным по ключевым словам, расположенным по алфавиту, приводятся украинские соответствия. «Англо-український фразеологічний словник» К. Баранцева (1969) охватывает около 30 000 фразеологических единиц (в широком понимании) с их украинскими соответствиями — эквивалентами или описательными переводами, изредка с указанием на происхождение. Двухтомный «Німецько-український фразеологічний словник» (1981), составленный В. Гавриш и О. Пророченко, включает более 30 000 фразеологических единиц, расположенных по гнездовому принципу, с украинскими эквивалентами, аналогами или описательным переводом. В 1985 г. в Загребе вышел фразеологический словарь «Hrvatskosrpsko-rusko-ukrajinski frazeoloski rjecnic» А. Мена и Р. Тростинской (кн. 1. 1985), который зафиксировал фразеологические единицы во всех соответствующих языках по гнездовому принципу.

Следует отметить толковые фразеологические словари. Первым таким словарем является сборник народной фразеологии «Галицько-руські народні приповідки» И. Франко (т. 1–3, 1901–1910). Тут каждая фразеологическая единица сопровождается толкованием, фразеологизмы подаются в сравнительном плане (приводятся параллели из других языков: славянских, латинского, немецкого, французского, итальянского и др.) или же есть отсылки к фразеологическим источникам, которые фиксируют аналогичные выражения.

Словарями такого типа являются: краткий «Фразеологічний словник» Н. Батюк (1966), где по алфавиту фиксируются наиболее употребительные фразеологические единицы с толкованиями и примерами, «Словник українських ідіом» Г. Удовиченко (1968), в котором по алфавиту первого компонента размещается и толкуется более 2200 фразеологических выражений (поговорки, пословицы, устоявшиеся сравнения, идиоматические выражения), иллюстрированных текстами из произведений украинских писателей.

Фундаментальным изданием является «Фразеологічний словник української мови» Г. Удовиченко (т. 1–2, 1984), где по тому же принципу размещаются фразеологизмы (в широком понимании) — от идиом до синтаксически устоявшихся словосочетаний. Наиболее полно украинская фразеология подается в «Фразеологічному словнику української мови» (кн. 1–2, 1993), который охватывает около 10 000 единиц. В нем выдержан дифференциальный подход к объекту фразеологии: по-

даются только те единицы, которые имеют целостное переосмысленное фразеологическое значение с утратой компонентами своих значений, выражают определенные грамматические категории, выполняют функции определенного члена предложения и сохраняют постоянный, воссоздаваемый по традиции компонентный состав фразеологических единиц, приводятся с толкованием, иллюстративным материалом, вариантными формами, деривационными образованиями, наиболее употребительными синонимами.

Обращает на себя внимание «Словник фразеологізмів української мови» (Составители: В.М. Білоноженко и др.) / Отв. ред. В.О. Винник. К.: Наукова думка, 2003. 787 с. В словаре представлены наиболее употребительные фразеологические единицы современного украинского языка, протолкованы их значения, дана широкая деривационная база фразеологизмов, которые проиллюстрированы цитатным материалом.

На основе электронного издания «Словники України» –1.4 в 2005 г. опубликован «Фразеологічний словник української мови».

Известны также комбинированные типы фразеологических словарей, например, «Словник фразеологічних синонімів» М. Коломийца и Е. Регушевского (1988). К словарям комбинированного типа (идеографические, переводные и толковые) принадлежат «Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь. Эмоции человека» Ю. Прадеда (Симферополь, 1994), в котором подаются 414 украинских и 339 русских фразеологизмов, объединенных в 13 тематических разрядов. Словарь включает характеристику как тематического разрядов в целом, так и его каждой фразеологической единицы с толкованием и богатым иллюстративным материалом, который отображает ее функционирование в украинском и русском языках.

Известным фразеографическим произведением стал «Словник фразеологічних антонімів української мови» В.С. Калашника и Ж.В. Колоиз (К.: Довіра, 2004. 284 с.; серия «Словники України»).

В украинской фразеографии существуют также словари крылатых слов, сборники популярной фразеологии с пояснением значений, происхождения, словари сравнений, перифраз, например, «1000 крылатых выражений украинского литературного языка» (1964) и «Крилаті вислови в українській літературній мові» (1975) А. Коваль и В. Коптилова, «Образне слово» И. Гурина (1974), «У світі крилатих слів» В. Коптилова (1976), «Українська фразеологія. Чому ми так говоримо?» Ф. Медведа (1977).

Кроме фразеологических словарей общенародного языка, существуют региональные: «Матеріали до фразеологічного словника східнословобожанських і степових говірок Донбасу» В. Ужченко (Луганск, 1993) и др.

Фразеология как составная часть словарной статьи фиксируется также в некоторых больших переводных и толковых словарях.

16. Словари сокращений

Словари сокращений (или аббревиатур) охватывают производные слова, которые были образованы путем аббревиации, т. е. соединением сокращенных компонентов нескольких слов. Такие словари содержат как инициальные сокращения, так и сложносокращенные слова всех структурных разновидностей.

К лексикографическим произведениям этого типа относится «Словник скорочень в українській мові» под редакцией Л. Паламарчука (К., 1988), в котором раскрываются значения более 21 тысячи сокращений, употребляемых в украинском языке.

17. Словообразовательные словари

Заголовочной единицей в словообразовательных словарях является или слова, упорядоченные в гнезде в зависимости от степени производности и отношений между производящими и производными словами, или словообразовательные компоненты слова с их семантическими словообразовательно-функциональными характеристиками, которые определены по взаимоотношениям словообразовательной основы и форманта.

Основным принципом расположения заголовочных единиц гнездового словообразовательного словаря, то есть входных слов гнезд, является алфавитный принцип. В середине гнезда слова упорядочиваются по степени производности.

Сегодня украинская словообразовательная лексикография представлена:

1) переводным «Українсько-російським словотворчим словником», составленным З. Сикорской в 1985 г. (ок. 31 000 слов); в нем учтены правила сопоставительного словообразования, производные слова в словаре даются в словообразовательных парах и располагаются по алфавиту; фиксируются морфонологические изменения при образовании производного слова и др.;

2) терминологическим словарем-справочником *Вакарюк Л.О., Панцьо С.Є. Український словотвір у термінах. Словник-довідник. Тернопіль: Джура, 2007. 260 с.*;

3) гнездовым омонимическим словарем *Карпиловской Е.А. Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами — омографічними коренями. К.: Українська енциклопедія, 2002.*

К словообразовательным словарям принадлежат также **морфемные словари** — словари, которые описывают морфемы языка в основном путем выделения их в составе слова.

Существует несколько разновидностей морфемных словарей в зависимости от единиц реестра и способов их упорядочения. В морфемных словарях по алфавиту приводятся: 1) слова, поделенные на морфемы, — это характерно для словаря морфемного состава слова; 2) морфемы в алфавитном порядке с частотными характеристиками использования — это частотный (прямой или обратный) словарь морфем; 3) морфемы с их валентностными и частотными характеристиками — это частотно-сочетаемостный словарь морфем; 4) корни с общекоренными словами, разделенными на морфемы, — гнездовой морфемный словарь.

Украинская лексикография представлена тремя морфемными словарями:

1. «Морфемний аналіз. Словник-довідник» И. Яценко (т. 1–2, К., 1980–1981) — самый полный на сегодня справочник по морфемному строению слов украинского языка (114 000 слов), составленный на основе словарей современного литературного языка и дополнений терминами из учебников. Анализируются только производные слова; за рамками словаря остались слова морфемно поделенные, но непроизводные;

2. «Морфемний словник» Л. Полюги (К., 1983) составлялся как пособие для средних школ. Он объединяет в себе словарь морфемного строения слова (36 000 слов) и словарь морфем (сводные реестры 90 префиксальных, 280 суффиксальных и 1900 выборочных корневых морфем);

3. Частотно-валентностный «Словник афіксальних морфем української мови» Н. Клименко, Е. Карпиловской, В. Карпиловского, Т. Недозим (К., 1998) составлен при помощи компьютера. Он приводит 817 аффиксальных морфем, которые функционируют в составе более 130 000 простых слов современного украинского языка.

18. Орфографические словари

Издание украинских орфографических словарей как отдельного типа лексикографической литературы началось с 1918 г., когда были опубликованы «Український правописний словничок з короткими правилами правопису» Г. Голоскевича, выдержавший семь изданий (последнее вышло в 1930 г. на основе «Українського правопису» 1928 г.). Орфографические словари «Правописний словник та правила правопису й розділових знаків» Г. Сабалдирия (К., 1930) и «Правописний словник» О. Изюмова (Харьков, 1931) также составлены в соответствии с орфографическим кодексом 1928 г.

Следует также заметить, что в США украинская диаспора несколько раз переиздавала орфографический словарь Г. Голоскевича 1930 г. (Нью-Йорк 1952, 1962). В 1994 г. он переиздан и в Украине.

Вместе с введением в 1933 г. нового «Українського правопису» сначала издан «Словник-показчик до українського правопису» (1935), а в 1936 г. вышел из печати рассчитанный на начальную и среднюю школу «Орфографічний словник» Д. Леви, Г. Левченко и Л. Рак.

Этот словарь стал основным орфографическим справочником до публикации в 1946 г. нового «Українського правопису». На его материалах сначала появился «Словник-показчик до “Українського правопису”» П. Горецкого и И. Кириченко (К., 1947), а затем И. Кириченко подготовил два варианта нового «Орфографічного словника»: краткий (К., 1948), предназначенный для школьного использования, выдержавший более десяти изданий, и более полный, рассчитанный на широкий круг пользователей (К., 1955–1961).

В 1975 г. вышел самый полный к тому времени «Орфографічний словник української мови» со словариком около 114 000 слов, составленный учеными Института языкознания под ред. С. Головащука и В. Русановского на основе «Українського пра-

вопису» 1960 г. На его базе созданы новые школьные орфографические словари С. Головащука для 4–10 классов (К., 1975, 8-е изд. — 1990) и А. Бурячка — для начальной школы (К., 1983).

Для удовлетворения профессиональных потребностей в последние десятилетия появляются издания специализированных орфографических справочников, например, «Довідник з українського правопису» А. Бурячка, Л. Паламарчука, В. Русанивского, Н. Тоцкой (К., 1964, 3-е изд. — 1984), «Словник-довідник з правопису» (К., 1979) и «Словник-довідник з правопису та слововживання» (К., 1989) С. Головащука, рассчитанный, прежде всего, на работников прессы.

Выход в свет 4-го издания «Українського правопису» (К., 1993) снова потребовал обновления орфографических словарей. В 1994 г. появился созданный на его основе «Орфографічний словник української мови» С. Головащука, М. Пешак, В. Русанивского, А. Тараненко (ок. 120 000 слов). Следует указать также «Український орфографічний словник» под ред. А.О. Свашенко: ок. 100 000 слов (Харьков: Прапор, 1997).

Необходимо отметить следующие орфографические словари последних лет:

«Український орфографічний словник: Близько 143 000 слів» М.М. Пешак та ін. (К., 2002). Новый академический орфографический словарь отражает лексику украинского литературного языка по состоянию на начало XXI века. Возрос объем словника — сравнительно с предыдущим он увеличился на 18 тыс. слов. Словарь включает около 143 000 единиц в нормативном написании согласно действующей орфографии, с ударениями и необходимой грамматической информацией. Словарь имеет стереотипические переиздания.

«Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики» за ред. В.Т. Бусела (К., 2003). Большой сводный орфографический словарь современной украинской лексики, составленный на основе четвертого издания «Українського правопису» 1993 года, учитывает лексический материал, приведенный почти во всех орфографических, толковых, энциклопедических, терминологических, специальных и отраслевых словарях, изданных в Украине во второй половине XX — в первые годы XXI в. В словаре описывается 253 000 слов.

Український орфографічний словник (К., 2004) — новое академическое издание, которое отражает лексику украинского литературного языка начала XXI в. Словарь содержит около 150 000 слов и является нормативным изданием, в котором правила написания слов, их ударение и грамматическая характеристика согласованы с принципами современной украинской орфографии.

В США украинская диаспора несколько раз переиздавала орфографический словарь Г. Голоскевича 1930 года (Нью-Йорк 1952, 1962). В 1994 г. его переиздали и в Украине.

В 2007 г. харьковское издательство «Школа» выпустило **«Сучасний орфографічний словник української мови», СОСУМ** (составители: В.В. Дубичинский, Н.Я. Косенко), который содержит 180 000 слов (в 2008 г. вышел сокращенный вариант на 140 000 слов). Отличительными чертами этого словаря являются привлечение

новейшей лексики, подача окончаний звательного падежа в именах собственных и отдельных именах существительных, краткое толкование омонимов, паронимов и редко употребляемых слов. В 2009 г. СОСУМ на 180 000 слов переиздан вместе с CD-версией, которая бесплатно распространяется в комплекте с бумажным вариантом.

19. Орфоэпические словари

Впервые акцентуационные нормы украинского литературного языка зафиксированы в «Словнику наголосів» М. Погребного (1959, 1964), а орфоэпические нормы — в словаре-справочнике «Українська літературна вимова і наголос» (1973, составители: И. Вихованец, С. Ермоленко, Н. Сологуб, Г. Щербатюк). В 1984 г. вышел «Орфоепічний словник» М. Погребного. В 1995 г. издан словарь-справочник С.И. Головащук «Складні випадки наголошення».

В 2001 г. в серии «Словники України» вышел двухтомный «Орфоепічний словник української мови» М. М. Пещак и др., который стал принципиально новым лексикографическим произведением и принадлежит к категории фундаментальных академических словарей.

Названные словари включают разделы об основных нормах украинского литературного произношения. Орфоэпические словари способствуют установлению норм устного литературного языка, формированию образцов литературного произношения, на которые ориентируются носители языка.

Орфографические и орфоэпические словари, как правило, принадлежат к **ортологическим словарям** (так называемым «словарям правильностей»). Приведем несколько примеров ортологических словарей:

Волощак М. Неправильно — правильно. Довідник з українського слововживання: За матеріалами засобів масової інформації (Друге доповнене видання). К.: Вид. центр «Просвіта», 2003. 160 с.

Головащук С.І. Словник-довідник з українського літературного слововживання. К.: Наукова думка, 2004. 448 с.

Гринчишин Д. та інші. Словник-довідник з культури української мови. 3-є вид., випр. К.: Знання, 2006. 367 с.

Сербенська О., Білоус М. Екологія українського слова. Практичний словничок-довідник. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003.

20. Частотные словари

Частотными словарями называются словари, в которых каждая единица словника характеризуется числом, указывающим на количество ее использования (частоту) в исследованных текстах (выборке текстов). Частотные словари составляются для стилистических и других лингвистических потребностей, для отбора лексического минимума по иностранному языку, автоматической обработки текстовой информации и т. д.

Теорию и методы составления частотных словарей и их классификацию разрабатывает статистическая лексикография. Частотные словари классифицируются по:

1) единицам подсчета — это частотные словари слов, словоформ, словосочетаний, морфем, буквосочетаний и др.; 2) по объему единиц — большие, составленные на основе 1 млн. и больше словоупотреблений, средние — 999–400 тыс., небольшие — 399–100 тыс., микрочастотные словари — менее 100 тыс. словоупотреблений; 3) по объему словника — полные словари, которые содержат списки всех единиц, употребленных в исследованных текстах, и неполные, которые содержат только единицы с частотой, выше заданного порога; 4) характеру единиц — частотные словари функционального стиля, жанра, авторского стиля; 5) характеру подачи материала — алфавитно-частотный или ранговый (по уменьшению частот) список; 6) статистическим характеристикам единиц — абсолютная, средняя или относительная частота, наличие/отсутствие статистических оценок частоты.

По последним данным, сегодня существует более 600 опубликованных и компьютерных (на магнитных носителях) частотных словарей для 40 языков мира. В Украине вышел двухтомный «Частотний словник сучасної української художньої прози» (К., 1981), в котором единицы подсчета — словоформы, объединенные в парадигму, а их суммарная частота является частотой слова. Приведены абсолютная и относительная (в процентах) частоты в авторской и прямой речи, средние частоты (на 1000 словоупотреблений) для всего массива, количество источников, где встречаются единицы подсчета.

По таким же принципам составлен компьютерный частотный словарь современной украинской публицистики. Опубликовано 5 микрочастотных словарей текстов художественной прозы, драмы, научной, устной речи и частотно-валентностный словарь аффиксальных морфем.

К разряду частотных словарей можно отнести «Словник мови Шевченка» (т. 1–2, 1964), указатели словоупотреблений в произведениях И. Котляревского, «Обернений частотний словник сучасної української художньої прози» (К., 1998) и «Частотний словник роману Івана Франка “Перехресні стежки”» (Львов, 2006) (подробнее см. в приводимом ниже «Кратком библиографическом указателе»).

21. Ассоциативные словари

Ассоциативная лексикография ставит перед собой задачу изучение особенностей отображения окружающего мира в сознании человека и процесса концептуализации знаний.

Первым в украинской ассоциативной лексикографии можно считать «Словник асоціативних норм української мови» Н.П. Бутенко, вышедший во Львове в 1979 г. Словарь содержит результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 1974–1975 гг. с 1000 респондентами львовских вузов. В 1989 г. во Львове Н.П. Бутенко был издан «Словник асоціативних означень іменників в українській мові».

Украинский материал был накоплен также в словаре «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, украинский» Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова, изданном в Москве в 2004 г.

Современным представителем украинской ассоциативной лексикографии справедливо считается «Український асоціативний словник» С.В. Мартинек, опубликованный во Львове в 2007 г. в двух томах: Т. 1: От стимула к реакции; Т. 2: От реакции к стимулу. Этот словарь существенно расширяет исследования ментального лексикона и отображает важнейшие фрагменты вербальной памяти носителей украинского языка.

В современной украинской лексикографии, без сомнения, преобладают комплексные (смешанные) типы словарей. Тип словаря — условная категория, которая описывается благодаря определенному набору лексикографических аспектов-параметров. Следует иметь в виду условность «чистоты» словарного типа. Сейчас уже, пожалуй, трудно найти абсолютно «чистое» по типологии лексикографическое произведение, в котором полностью бы отсутствовала дополнительная (иноаспектная) информация.

Каждый из проанализированных словарей одновременно может иметь характерные черты нескольких лексикографических типов, однако, исходя из методологической целесообразности, автор сосредоточился исключительно на доминантных особенностях описываемого типа словаря.

Лексикография украинского языка в настоящее время переживает плодотворный этап своего развития. Создаются новые типы словарей, совершенствуются и перерабатываются старые авторитетные лексикографические труды, издаются словари новых слов и выражений, отображающие живую языковую стихию современной Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Видання Інституту української мови НАН України (1991–2007). К., 2008.
- Виноградов В.В.* Русская наука о русском литературном языке // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. Вып. 106. Т. III. Кн. I. М., 1946.
- Волошин В.Г.* Комп'ютерна лінгвістика. Суми, 2004.
- Вомперский В.П.* Словари XVIII века. М., 1986.
- Горецкий П.Й.* Історія української лексикографії. К., 1963.
- Демська О.* Вступ до лексикографії. К., 2010.
- Дубичинский В.В.* Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии. Харьков, 1994.
- Дубічинський В.В.* Сучасні обрії української лексикографії // Wiener Slawistischer Almanach. 1996. № 37. S. 225–235.
- Дубичинский В.В.* Теоретическая и практическая лексикография // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 45. Вена; Харьков, 1998.
- Дубичинский В.В., Самойлов А.Н.* Словари русского языка. Харьков, 2000.
- Дубічинський В.В.* Українська лексикографія: історія, сучасність та комп'ютерні технології. Харків, 2004.
- Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка. М., 2009.
- Дубічинський В.В.* Лексикографія: Навчально-методичний посібник. Харків: НТУ: «ХП», 2012. 68 с.
- Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М., 1963.
- Ковтун Л.С.* Древние словари как источник русской исторической лексикографии. Л., 1977.
- Кривчицька О.* Українська лексикографія: теорія і практика. Львів, 2005.
- Кульчицька Т.* Українська лексикографія: бібліографічний покажчик. Львів, 1999.
- Москаленко А.А.* Нарис історії української лексикографії. К., 1961.
- Німчук В.В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. К., 1980.

- Прикладная лингвистика. Проблемы построения лингвистического обеспечения образовательных систем высшей школы. Харьков: МСУ, 2005. 106 с.
- Теория и практика славянской лексикографии / Отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2008.
- Українська мова. Енциклопедія. К., 2000; 2-ге вид. 2004; 3-є вид. 2007.
- Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія / Відп. ед. І.С. Гнатюк. К., 2011.
- Широков В.А. Інформаційна теорія лексикографічних систем. К., 1998.
- Широков В.А., Рабулець О.Г., Шевченко І.В., Костишин О.М., Якименко К.М. Технологічні основи сучасної тлумачної лексикографії // Мовознавство. 2002. № 6. С. 49–86.
- Широков В.А. Феноменологія лексикографічних систем. К., 2004.
- Широков В.А. Елементи лексикографії. К., 2005.
- Jachnow H. Russische Lexikographie // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. 1990. V. 2. S. 2309–2328.
- Rudnyckij J. Ukrainian Lexicography // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. 1990. V. 2. P. 2329–2331.

Приложение

**КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
СЛОВАРЕЙ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА (1990–2010)**

- Андерш І.Ф. та ін. Російсько-український словник наукової термінології: Суспільні науки. К.: Наук. думка, 1994. 594 с.
- Андреев С.М. и др. Англо-русско-украинский словарь научно-технической терминологии: А–Z: Для студентов и школьников: Около 22 000 терминов. Харьков: Факт, 1999. 703 с.
- Андрійченко С.В. та ін. Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Анатомія, біологія, радіобіологія, генетика, алергологія, імунологія / За ред. В.Г. Коляденка, Ю.В. Шанина. К.: Здоров'я, 1993. 110 с.
- Анісімова Ю.М. та ін. Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Патологічна анатомія, патологічна фізіологія, фармакологія. К.: Здоров'я, 1993. 104 с.
- Анініна І.О., Горюшина Г.Н., Гнатюк І.С. та ін. Російсько-український словник. К.: Абрис, 2003. 1424 с.
- Антонович С.А., Василюшин Я.В., Фольта О.В. Російсько-український словник з нарисної геометрії та креслення. Івано-Франківськ: ПрУ, 1993. 79 с.
- Аркадьев В.Ю., Дымов В.С., Зозуля Б.И. и др. Русско-англо-украинский толковый словарь по системам управления и автоматки: Более 11 000 терминов / Под общ. ред. В.Ю. Аркадьева. Херсон. гос. техн. ун-т, 2000. 179 с.
- Аркушин Г.Л. Словник західнополіських говірок: Понад 13 000 діалектизмів: У 2 т. Луцьк: Вежа, 2000. Т. 1: А–Н. 2000. XXIV, 353 с. Бібліогр. в тексті. Т. 2: О–Я. 2000. 456 с.
- Арсенюк Т.М. та ін. Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Офтальмологія, дерматологія, венерологія, неврологія, психіатрія, ендокринологія. К.: Здоров'я, 1993. 112 с.
- Артемов А.А., Гайдук О.В., Гинзбург М.Д., Гончаров А.В., Горелов Г.В. Толковый русско-английско-украинский словарь по электро- и радиосвязи. Харків, 1996.
- Астахова В.І. та ін. Словник соціологічних і політологічних термінів. К.: Вища школа, 1993. 140 с.
- Балабан Т. Англійсько-український словник-довідник інженерії довідкілля: Близько 15 000 дібраних інж., мед., біол., правн. термінів, назв і документів уряд. установ англомов. країн зі скороч. формами та поясн. Львів: «Львів. політехніка», 2000. 398 с.
- Балла М.І. Англо-український словник: Близько 120 000 слів: У двох томах. К.: Освіта, 1996. Т. 1 — 752 с.; Т. 2 — 712 с.
- Балла М.І. Англо-українсько-російський словник: Близько 8000 слів. К.: Освіта, 1993. 238 с.
- Балла М.Ш. Англо-українсько-російський словник: Близько 8000 слів. К.: Освіта, 1991. 239 с.
- Бартків А.Б., Гриччишин О.Я., Гриччишин Я.Т. Англо-українсько-російський словник з інформатики, програмування, обчислювальної техніки. К.: Вища школа, 1995. 445 с.
- Басанець З.О. Німецько-український словник: Близько 20 000 слів / За ред. Є.І. Лисенка. Вид. 3. К.: Освіта, 1994. 414 с.
- Басанець З.О. та ін. Словник німецько-український, українсько-німецький. Ірпінь: Перун, 1994. 640 с.
- Башиякова Н.П. та ін. Російсько-український словник синонімів / За ред. М.М. Пилинського. К.: Освіта, 1995. 265 с.

- Белей Л.* Ім'я для дитини в українській родині: Словник-довідник. Ужгород: Закарп. Крайове т-во «Прогрес», 1993. 117 с.
- Белей Л., Белей О.* Старослов'янсько-український словник. Львів: Свічачо, 2001. 332 с.
- Бербенець Л.І.* Англо-український тлумачний словник фінансових та економічних термінів. К.: КТЕІ, 1992. 36 с.
- Бибик С.П. та ін.* Словник епітетів української мови / Бибик С.П., Єрмоленко С.А., Пустовіт Л.О.; За ред. Л.О. Пустовіт. К.: Довіра, 1998. 431 с.
- Бибик С.П., Сютя Г.М.* Словник іншомовних слів: тлумачення, словотворення та слововживання / За ред. С.Я. Єрмоленко. Харків: Фоліо, 2006. 623 с.
- Бибик С.П., Сютя Г.М.* Словник іншомовних слів: тлумачення, словотворення та слововживання. Харків: Фоліо, 2006. 623 с.
- Биховець Н.М. та ін.* Англо-український словник: Близько 20 000 слів / За ред. Ю.О. Жлуктенка. Вид. 4. К.: Освіта, 1994. 432 с.
- Биховець Н.М., Борисенко І.І., Герасименко Г.О. та ін.* Англо-український словник: Близько 20 000 слів / За ред. Ю.О. Жлуктенка. Вид. 3. К.: Рад. шк., 1991. 432 с.
- Білецький А.Я. та ін.* Російсько-українсько-англійський словник термінів математичної систематики та надійності: Понад 4500 термінів / За ред. А.Я. Білецького; Київ. міжнар. ун-т цивіл. авіації. К.: КМУ-ЦА, 1999. 348 с.
- Білінський С.В., Дідковський В.А., Запорожанов О.В.* Російсько-український словник спеціальних термінів / За ред. В. Гречка. К., 2000. 68 с.
- Білоноженко В.М. та ін.* Фразеологічний словник української мови. К.: Наукова думка, 1993. Т. 1. 528 с.; Т. 2. С. 529–980; К.: Наукова думка, 2003. 1104 с.
- Білятинський О.А.* Російсько-український словник автодорожника: Близько 9000 термінів. К.: Вища школа, 1993. 224 с.
- Богатирьова С.О. та ін.* Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Мікробіологія, інфекційні хвороби, загальна гігієна. К.: Здоров'я, 1993. 88 с.
- Боднарчук І.Ю. та ін.* Ілюстрований словник для дітей. К.: Гол. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1993. 412 с.
- Бойків І., Ізюмов О., Калишевський Г., Трохименко М.* Словник чужомовних слів. Репринт з 2-го переробл. видання 1955. К.: Родовід, 1996. 532 с.
- Бойко В.І. та ін.* Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Нефрологія, урологія, сексологія. К.: Здоров'я, 1993. 104 с.
- Бойко В.С. та ін.* Російсько-український нафтогазопромисловий словник: 13 000 термінів. К.: Т-во «Знання» України, 1992. 175 с.
- Бондарчук Л.Й.* Українсько-англійський базовий словник для студентів економічних спеціальностей. Львів: Держ. аграр. ун-т, 2000. 104 с.
- Боровець З.І.* Російсько-український словник синонімічних термінів: Близько 10 000 термінів / Ред. Й.М. Ящишин; 2-ге вид. випр. та допов. Львів: Львів. політехніка, 2000. 167 с.
- Боровець З.І. та ін.* Короткий російсько-український словник силікатних термінів: 5000 термінів / За ред. Й.М. Ящишина. К.: ІСДО, 1993. 159 с.
- Боярова Л.Г., Корж А.П.* Короткий російсько-український словник сучасних математичних та економіко-математичних термінів. Харків: Основа, 1993. 96 с.
- Боярова Л.Г., Корж О.П.* Російсько-український та українсько-російський словник сучасних банківських фінансово-кредитних та комерційних термінів: Близько 10 000 термінів. Харків: Основа, 1997. 254 с.
- Брилінський Д.* Словник подільських говірок. Хмельницький: Ред.-вид. відділ, 1991. 116 с.
- Бублик В.Н., Дабаман І.М., Крапивкіна А.П.* Німецько-український політехнічний словник-мінімум. Металургія, зварювання, гірнична справа. К.: Вища школа, 1995. 207 с.
- Бугаєнко Б.В.* Русско-украинский словарь сварочного производства: Свыше 1100 терминов / Укр. гос. мор. техн. ун-т им. адм. Макарова. Николаев: УГМТУ, 2000. 191 с.
- Бугай Ю.М. та ін.* Англо-український словник з нафтогазової справи: Близько 12 000 термінів / За ред. Ю.М. Бугая; Міжнар.наук.техн.ун-т, Київ.від-ня нафти та газу, Акад.гірн. наук України. К.: КМУ-ЦА, 2000. 565 с.

- Бурбело В.Б., Андрюшко К.М. та ін. Словник Французько-український, Українсько-французький. Посібник для загальноосвітніх шкіл та вищих навчальних закладів. Ірпінь: ВТФ «Перун», 1996. 528 с.
- Бурбело В.Т. та ін. Словник французько-український, українсько-французький. Ірпінь: Перун, 1994. 528 с.
- Бурлак Г.І., Бурлак Д.Г., Мазуренко Л.В. Англо-російський словник будівельних термінів: Близько 15 000 термінів і термін. словосполучень. К.: Рад. шк., 1992. 228 с.
- Бурячок А., Демський М., Якимович Б. Російсько-український словник для військовиків. Львів, 1995.
- Бурячок А.А., Гнатюк Г.М., Головащук С.І. Словник синонімів української мови: У 2 т.; Нац. акад. наук України, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Ін-т укр. мови. К.: Наук. думка, 1999–2000. Т. 1: А–Н. 1999. 1026 с.; Т. 2: О–Я. 2000. 953 с.
- Бурячок А.А., Гнатюк Г.М., Головащук С.І. та ін. Словник синонімів української мови: У 2 т.; Нац. акад. наук України, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Ін-т укр. мови. К.: Наук. думка, 2001. Т. 1: А–Н. 1026 с.; Т. 2: О–Я. 953 с.
- Бурячок А.А., Пасько В.В., Радиш Я.Ф., Шанин Ю.В. Російсько-український військово-медичний словник. К., 1994.
- Бурячок А.А. Орфографічний словник української мови: Близько 35 000 слів. 3-тє вид. К.: Наук. думка, 2000. 400 с.; 4-тє вид. 2002. 464 с.
- Бурячок А.А. Универсальный русско-украинский словарь: Близько 75 000 слів. К.: Фенікс, 2000. 624 с.
- Бусел В.Т. Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. 896 с.
- Бусел В.Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2001. 1440 с.
- Бутковський Ю.В. Англо-український словник з комп'ютерної та відео-аудіотехніки (з тлумаченнями) Чернівці: Буковина, 1991. 230 с.
- Буценко О., Жердинівська М. Іспансько-український словник: Близько 20 000 слів. К.: Основа, 1996. 226 с.
- Бучко Д. Інверсійний словник ойконімів України. Люблин: Ред. вид-в Католич. ун-та Любельського, 2001. 325 с.
- Вакаряк Л.О., Панцьо С.Є. Український словотвір у термінах. Словник-довідник. Тернопіль: Джура, 2007. 260 с.
- Вакуленко М. Російсько-український словник фізичної термінології / За ред. О. Вакуленка. К.: КДУ, 1996. 235 с.
- Ванін В.В., Герасимчук В.А. Російсько-український словник. Нарисна та прикладна геометрія. Загальне машинобудування. Комп'ютерна графіка. К.: Либідь, 1994. 216 с.
- Вассер С.П., Дудка І.О., Сроменко В.І., Зерова М.Д., Ульченко А.Я., Усатенко О.К. Російсько-український словник наукової термінології. Біологія. Хімія. Медицина. К.: Наукова думка, 1996. 660 с.
- Ватуля Л., Фоменко В. Російсько-український словник залізничних термінів / За ред. Ю. Соболева. К.: Транспорт України, 1997. 501 с.
- Ващенко Л.О., Єфімов О.М. Тлумачний словник-мінімум української мови: Близько 7500 слів. 3-є вид., доп. і перероб. К.: Довіра, 2001. 534 с.
- Венгренівська М.А. та ін. Українсько-французький і французько-український фразеологічний словник: Близько 12 000 фразеол. одиниць. К.: Генеза, 2000. 274 с.
- Вербич С.О. Гідронімія басейну Верхнього Дністра. Етимологічний словник-довідник. К.: Пульсари, 2007. 120 с.
- Ветошук В.І. Російсько-український словник медичної номенклатури // Медик Прикарпаття. Івано-Франківськ, 1990.
- Вирган І.А., Пилинська М.М. Російсько-український словник сталих виразів. Харків: Прапор, 2000. 864 с.
- Вирган І.О., Пилинська М.М. Російсько-український словник сталих виразів / М.Ф. Наконечний (ред.). Харків: Прапор, 2002. 864 с.
- Власенко М.С. та ін. Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Біохімія, фізіологія, хімія / За ред. В.Г. Коляденка, Ю.В. Шанина. К.: Здоров'я, 1992. 114 с.
- Войналович О., Моргунок В. Російсько-український словник наукової та технічної мови (термінологія процесових понять). К.: Вирій; Сталкер, 1997. 256 с.
- Волинець А.Р., Гринь Ю.О., Корон Ю.О., Харчук О.В. Російсько-український фізкультурно-спортивний словник / За ред. Л.І. Мацько. К., 1995. 138 с.

- Волков Є.С. та ін.* Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Педіатрія, пульмонологія, кардіологія, курортологія, фізіотерапія / За ред. В.Г. Коляденка, Ю.В. Шанина. К.: Здоров'я, 1993. 88 с.
- Воробйова С.А. та ін.* Російсько-українсько-англійський словник правничої термінології: Труднощі терміновживання / Заг. ред. Ю.Є. Зайцева. К.: Укр. правнича фундація, 1994. 554 с.
- Воронка Р.О. та ін.* Англо-український математичний словник: Біля 10 000 термінів / Ред. І.А. Черненко. К.: НВП «Дидактика», 1993. 223 с.
- Вороніна Л.І.* Короткий економічний словник акціонера. К.: Т-во «Знання» України, 1992. 19 с.
- Вусик О.С.* Словник українських синонімічних гнізд / За ред. А.М. Поповського. Дніпропетровськ: Січ, 2000. 424 с.
- Гаврилишин Я., Каркоць О.* Англо-український, українсько-англійський словник ділових термінів. К.: Смолоскип, 1993. 96 с.
- Галаган В.Я., Коваленко Л.В., Міга Л.А., Строкань Н.О.* Німецько-український термінологічний словник-мінімум для торговельно-економічних спеціальностей: 5240 термінів. К.: Держ. торг.-екон. ун-т, 2000. 166 с.
- Ганич Д., Олійник І.* Російсько-український і українсько-російський словник — Вид. випр. і доповн. згідно з новими правилами укр. правопису. Харків: Прапор, 1996. 558 с.
- Ганич Д.І., Олійник І.С.* Русско-украинский и украинско-русский словарь: Свыше 30 000 слов. 8-е изд. К.: А.С.К., 2000. 560 с.
- Ганіткевич М., Зелізняк А.* Російсько-український словник з хемії та хемічної технології. Львів: Льв. політехніка, 1993. 315 с.
- Гаркавенко С.С. та ін.* Російсько-український словник з технології виробів із шкіри / С.С. Гаркавенко, В.П. Нестеров, М.І. Шаповал. К.: Укр-фінс. ін-т менеджменту і бізнесу, 1999. 65с.
- Гармаш М.З. та ін.* Російсько-український словник: 20 000 термінів. Вид. 2, репр. К.: Техніка, 1991. 271 с.
- Гармаш М.З., Зільбан М.С., Ковишуля О.А.* Російсько-український гірничий словник. Вид. 2, репр. К.: Техніка, 1991. 280 с.
- Гейченко В.В., Жмудський О.З., Кузьменко П.П., Майборода Є.Д.* Російсько-український фізичний словник. Вид. 2. Харків: Основа, 1990. 211 с.
- Гінзбург М.Д., Требульова І.О., Корніловська І.М. та ін.* Практичний посібник для працівників газової промисловості зі складних випадків слововживання в українській мові. Харків, 1999. 128 с.
- Гінзбург М.Д., Азімова Н.І., Болокан О.О. та ін.* Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з охорони праці, технічного нагляду, безпеки дорожнього руху та пожежної безпеки. Основні терміни: близько 2700 термінів / За заг. ред. В.В. Розгонюка. Харків, 1998. 536 с.
- Гінзбург М.Д., Азімова Н.І., Требульова І.О. та ін.* Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з екології. Основні терміни: понад 3500 термінів / За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 1999. 752 с.
- Гінзбург М.Д., Азімова Н.І., Чернець М.В. та ін.* Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з енергетики. Основні терміни: понад 3500 термінів / За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 1999. 752 с.
- Гінзбург М.Д., Гордієнко І.А., Корніловська І.М. та ін.* Російсько-українсько-англійський словник з газовимірювань, якості газу та метрології. Основні терміни: близько 3000 термінів / За заг. ред. В.В. Розгонюка. Харків, 1998. 312 с.
- Гінзбург М.Д., Дунаєвський Л.М., Требульова І.О. та ін.* Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з інтелектуальної власності. Основні терміни: понад 2000 термінів / За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 1999. 560 с.
- Гінзбург М.Д., Требульова І.О.* Короткий російсько-українсько-англійський словник з ергономіки // Ащеров А.Т., Капленко С.А., Чубук В.В. Эргономика информационных технологий. Харьков: Изд-во ХГЭУ, 2000. 224 с.
- Гінзбург М.Д., Чернець М.В., Азімова Н.І. та ін.* Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з надійності газотранспортного обладнання та систем. Основні терміни: понад 2500 термінів / За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 1999. 552 с.
- Гнаткевич Ю.В.* Унікаймо русизмів в українській мові!: Короткий словник-антисуржик для депутатів Верховної Ради та всіх, хто хоче, щоб його українська мова не була схожою на мову Верки Сердючки. К.: Вид. центр «Просвіта», 2000. 52 с.
- Головащук С.І.* Правописний словник: Понад 40 000 сл. К.: А.С.К., 1999. 607 с.
- Головащук С.І.* Російсько-український словник сталих словосполучень. К.: Наук. думка, 2001. 640 с.

- Головащук С.І. Складні випадки наголошення: Словник-довідник. К.: Либідь, 1995. 192 с.
- Головащук С.І. Словник-довідник з українського літературного слововживання. К.: УНВЦ «Рідна мова», 2000. 351 с.
- Головащук С.І. Словник наголосів. К.: Наук. думка, 2003. 320 с.
- Головащук С.І. Словник-довідник з українського літературного слововживання. К.: Наук. думка, 2004. 448 с.
- Головащук С.І. та ін. Орфографічний словник української мови: Близько 125 000 слів / НАН України, Ін-т укр. мови; Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Укр. мовно-інформ. фонд. 2-ге вид., випр. і доп. К.: Довіра, 1999. 989 с.
- Головко В.О. и др. Русско-украинско-английский словарь по шелководству. Харьков: РВП «Оригинал», 1992. 78 с.
- Головникова В.М., Зубова Л.В. Російсько-англо-французький ілюстрований словник з машинобудування: 983 терміни. К.: ІСДО, 1993. 269 с.
- Голоскевич Г. Правописний словник (за нормами Українського правопису Всеукраїнської Академії Наук, Харків, 1929 р.). Вид. 20. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто; Львів: НТШ, 1994. 460 с.
- Гончаренко Л.В. та ін. Російсько-український термінологічний словник із спеціальності «Промислова теплоенергетика». Харків: ХПП, 1993. 24 с.
- Гончарук С.Г. та ін. Російсько-українсько-латинський тлумачний словник гігієнічних термінів / За ред. Є.Г. Гончарука. К., 1992. 80 с.
- Горбатенко І.Ю., Лавриненко Ю.А. Англо-російсько-український біологічний словник (генетика, молекулярна біологія, біотехнологія, медицина). Т. 2: F–O / Ред. В.А. Труханов. Херсон: Айлант, 2000. 233 с.
- Горбачук В.М. та ін. Російсько-український і українсько-російський математичний словник / За ред. О.П. Бойчука. К.: НМК ВО, 1993. 101 с.
- Гордєєв В.М. та ін. Російсько-український будівельний словник / Ред.-лексикограф Л.О. Симоненко. К.: Укразбудінформ, 1994. 512 с.
- Городенська К.Г. Граматичний словник української мови: Сполучники — Херсон; К.: Вид-во ХДУ, 2007. 340 с.
- Горпинич В.О. Прізвиська степової України: Словник: Близько 75 тис. / Дніпропетр. ун-т, лаб. фольклору, говірок і літ. Ниж. Подніпров'я. Дніпропетровськ: ДДУ, 2000. 404 с.
- Горпинич В.О. Російсько-український орфографічний словник: Близько 40 000 слів / За ред. В.М. Русанівського. К.: Освіта, 1992. 253 с.
- Горпинич В.О. Словник відтопонімних прикметників і назв жителів України. Т. 1. Кіровоград: КДПП, 1994. 160 с.
- Горпинич В.О. Словник географічних назв України: (Топоніми та відтопонімні прикметники): Близько 25 000 слів. К.: Довіра, 2001. 526 с.
- Григоренко Я.М., Биховець О.М. Російсько-український словник з механіки. К.: Либідь, 1995. 216 с.
- Гринчишин Д., Капелюшний А., Сербенська О., Терлак З. Словник-довідник з культури української мови. К.: Знання, 2004. 367 с.; 3-є вид., випр. Київ: Знання, 2006. 367 с.
- Гринчишин Д., Чікало М. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Список використаних джерел. Львів, 1994. 329 с.
- Грінченко Б. Словарь української мови: У 4-х т. Репринт. вид. К.: Лексикон, 1996. Т. 1: А–Ж. 495 с.; Т. 2: З–Н. 578 с.; Т. 3: О–П. 507 с.; Т. 4: Р–Я. 566 с.
- Грушевський О.В., Коляда Г.М. Російсько-український, українсько-російський сучасний словник + граматики: Близько 40 000 слів. Донецьк: ВКФ «БАО», 2001. 479 с.
- Грязнухіна Т.О. та ін. Обернений частотний словник сучасної української художньої прози. К.: Спалах, 1998. 960 с.
- Гудименко Ф.С. та ін. Російсько-український математичний словник: 12 000 термінів. Вид. 2. Харків: Основа, 1990. 155 с.
- Гузар Г., Закревська Я., Єдлінська У., Зеленчук В., Хобзей Н. Гуцульські говірки. Короткий словник / Відп. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.
- Гумецький Р.А., Гурська І.І., Заблоцький Я.В. та ін. Українсько-англійсько-російсько-німецький словник для стоматологів. Львів: Гал-Дент; Люблін: Гжегож Челей, 1996. 216 с.

- Данилків І.С., Третяк П.Р., Петрова Л.М., Кульчицький І.М. Зведений список мохів України. Львів: Укр. ботанічне тов-во, 1995. 35 с.
- Даніленко І.В. Навчальний російсько-українсько-англо-французький словник з хімії. Харків: УкрФА, 1995. 72 с.
- Дашкевич В.Є. та ін. Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Хірургія, гнійна хірургія, онкологія, акушерство, гінекологія, рентгенологія / За ред. В.Г. Коляденка, Ю.В. Шанина. К.: Здоров'я, 1993. 80 с.
- Демська О., Кульчицький І. Словник омонімів. Львів: Фенікс, 1996. 224 с.
- Денисюк В.В. Словник скорочень у пам'ятках давньоруської мови / Уман. держ. пед. ун-т ім. Павла Тичини. К.: Т-во «Знання» України, 2000. 17 с.
- Деркач П.М. Короткий словник синонімів української мови. Вид. 2, фототипічне. Львів; Краків; Париж: Просвіта, 1993. 208 с.
- Диньовський Д.М. та ін. Короткий російсько-український словник з фізичної культури та спорту. К.: Просвіта, 1993. 20 с.
- Дмитрієв О.В., Степенко Г.В. Словник італійсько-український, українсько-італійський = Dizionario italiano-ucraino, ucraino-italiano: Близько 50 000 слів. К.: Б.в., Ірпінь: ВТФ «Перун», 1998. VI, 569 с.
- Драюк В.М., Журавльов С.Ю. Російсько-український словник юридичних термінів. К.: Юрінформ, 1993. 241 с.
- Дрозд О., Дубичинський В., Д'яков А. та ін. Словник-довідник економічних термінів: Російсько-українсько-англійський / За ред. Т.Р. Кияка. К.: Видавн. дім «КМ Academia», 1997. 262 с.
- Дубичинський В.В., Кривець О.М., Чернявська С.М. Словник-довідник термінів ділової мови. Харків: НТУ «ХП», 2002. 60 с.
- Дюбенко К.А. Міжнародна анатомічна номенклатура. Nomina anatomica. К.: ВТФ «Перун», 1997. 304 с.
- Дятчук В.В., Барабан Л.І. Український тлумачний словник театральної лексики. К.: Просвіта, 2002. 150 с.
- Економічний тлумачний словник: власність, приватизація, ринок цінних паперів (українсько-англійсько-російський) / Л.М. Алексеєнко, В.М. Олексієнко. Тернопіль: Астон, 2003. 672 с.
- Єрмоленко С.Я. та ін. Новий російсько-український словник-довідник: Близько 100 тисяч слів / За ред. С.Я. Єрмоленко; Ін-т укр. мови НАН України. 2-ге вид., допов. і випр. К.: Довіра: УНВЦ «Рідна мова», 1999. 878 с.
- Єрмоленко С.Я., Бибик С.П., Тодор О.Г. Українська мова. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / За ред. С.Я. Єрмоленко. К.: Либідь, 2001. 224 с.
- Єрмоленко С.Я., Єрмоленко В.Т., Бибик С.П. Новий словник епітетів української мови. К.: Грамота, 2012. 488 с.
- Єрмоленко С.Я., Єрмоленко В.І., Ленець К.В., Пустовіт Л.О. Новий російсько-український словник-довідник: Близько 65 000 слів. К.: Довіра, 1996. 797 с.
- Єрмоленко С. Я. та ін. Українсько-англійський словник: Економіка. Фінанси. Банки. Інвестиції. Кредити: Понад 12 500 термінів. К.: Школа, 2003. 568 с.
- Єрмошенко М.М. та ін. Словник підприємця. К.: Укр. ІНТЕІ, 1992. 141 с.
- Єршов В.В., Кузнєцов В.Г. Російсько-українська термінологія з теплотехнічних дисциплін: [Словник: Близько 1000 термінів і термінол. понять] / Укр. держ. морс. техн. ун-т ім. Макарова. Миколаїв: УДМТУ, 2000. 83 с.
- Етимологічний словник української мови (ЕСУМ). Т. 1–6. К., 1982–2012.
- Жердинівська М. Українсько-іспанський словник: Близько 20 000 слів. К.: Основа. 239 с.
- Забіяка І.М. Русско-украинский и украинско-русский словарь для школьника: Фразеологизмы: [А–Я: Более 20 000 слов]. К.: А.С.К., 2001. 768 с.
- Забіяка І.М., Парфьонов М.Г. Російсько-український словник: Посібник для учнів початкових класів. К., 1995. 158 с.
- Задорожний І.М. Російсько-український словник працівника торгівлі. К.: Вища шк., 1992. 172 с.
- Зайченко Е.Т. Русско-украинский толково-сочетаемостный терминологический словарь-минимум по лопастным насосам. Харьков: ХГПУ, 1995. 120 с.
- Заремба Є.Х., Гурська І.І., Перепелиця Б.М. Українсько-російсько-англійський словник з кардіології / За ред. В.О. Боброва, М.П. Павловського. Львів: Світ, 1992. 104 с.
- Зеленський П.Г., Зеленська О.П. Українсько-російсько-англійський тлумачний словник ділової людини: [1500 слів], Укр.-фін. ін-т менеджменту і бізнесу, 1998. XV, 543 с.

- Зембінська Т.М., Морозов І.В., Дубічинський В.В.* Українсько-російський, російсько-український словник термінів сільськогосподарської техніки. Харків, 2004. 221 с.
- Зінов'єва Л.О., Лаптінова Ю.І.* Англійсько-український українсько-англійський словник. 2 вид., випр. та допов. Донецьк: СПД ФО Сердюк В.І., 2004. 560 с.
- Зубалій М.Д., Сіркізюк В.В.* Короткий спортивний словник-довідник. Камінець-Подільський, 2003. 216 с.
- Зубков М.Г.* Новітній російсько-український українсько-російський словник. 3-тє вид., випр. Донецьк: СПД ФО Сердюк В.І., 2005. 480 с.
- Зубков М.Г.* Російсько-український словник. Харків, 2000. 576 с.
- Зубков М.Г.* Російсько-український, українсько-російський словник: 65 000 слів. Харків: Фоліо, 2001. 621 с.
- Зубков М.Г., Калашиник В.С.* Новий російсько-український словник із граматичними таблицями (навчальний): 30 000 слів. Харків: Торсінг, 1999. 672 с.
- Іваницький Т.Р., Кияк Т.Р.* П'ятимовний тлумачний словник з інформатики. К.: ВІПОЛ, 1995. 372 с.
- Івченко А.О.* Орфографічний словник української мови: Понад 40 000 слів. Харків: Фоліо, 2003. 527.
- Івченко А.О.* Тлумачний словник української мови. Харків: Фоліо, 2001. 540 с.
- Іжакевич Г.П. та ін.* Українсько-російський словник: Близько 65 тис. слів; НАН України, Ін-т мовознав. ім. О.О. Потебні, Ін-т укр. мови. К.: Наук. думка, 1999. 964 с.
- Ізюмов О.* Практичний російсько-український словник: Правила правопису та фразеологія. Перевид. 1926 р. К.: Т-во «Знання» України, 1992. 176 с.
- Ільїн та ін.* Українсько-російський словник / Під ред. Л.С. Паламарчука, Л.Г. Скрипник. Вид. 7. К.: Укр. рад. енцикл., 1990. 937 с.
- Ісакова А.В. та ін.* Термінологічний російсько-українсько-англійський словник з інженерної електрофізики; М-во освіти України. Харків: ХДПУ, 1998. 69 с.
- Ісатенко О.К.* Російсько-український словник медичної термінології. К.: Наукова думка, 1996. 463 с.
- Калашиник В.С., Колоїз Ж.В.* Словник фразеологічних антонімів української мови. К.: Довіра, 2004. 284 с. (Словники України).
- Калашиник В.С., Колоїз Ж.В.* Українсько-російські синтаксичні паралелі: Труднощі перекладу. Харків: Прапор, 2003. 112с.
- Калашиник В.С., Савченко Л.Г.* Українсько-російський словник наголосів. Харків: Каравела, 1997. 112 с.
- Караван Ю.В. та ін.* Російсько-український словник фізичних термінів / За ред. О.Б. Лисковича. К.: Вища школа, 1994. 311 с.
- Караванський С.* Практичний словник синонімів української мови: Близько 15 000 синонімічних рядів. К.: Кобза, 1995. 472 с.
- Караванський С.* Російсько-український словник складної лексики. К.: Видавничий центр «Академія», 1998. 712 с.
- Карачун В.Я.* Англо-український словник-довідник скорочень у галузі комп'ютерної техніки. К.: КОО т-ва «Знання» України, 2000. 158 с.
- Карачун В.Я.* Орфографічний словник наукових і технічних термінів: Понад 30 000 слів: Правопис, граматики. К.: Криниця, 1999. 524 с.
- Карачун В.Я. та ін.* Російсько-український словник з інформатики та обчислювальної техніки / Ред. І.А. Черненко. К.: Рось, 1994. 362 с.
- Карачун В.Я., Карачун О.О., Гульчук Г.Г.* Російсько-український математичний словник. К.: Вища школа, 1995. 258 с.
- Клименко Є.А., Корпіловський В.С., Недозим Т.І.* Словник афіксальних морфем української мови / Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України. К.: Б.в., 1998. 434 с.
- Кобжев О.М., Борисова В.А.* Німецько-російсько-український словник з економіки сільського господарства: Понад 10 000 термінів / Сум. держ. аграр. ун-т. Суми: Козац. вал, 1998. 312 с.
- Кобченко Ю.Ф. и др.* Русско-украинский метеорологический словарь / Ю.Ф. Кобченко, Е.А. Дудка, Н.И. Филон; Харьк. гос. ун-т. Харьков: ЧФ ЦЭПП «Райдер», 1998. 275 с.
- Коваленко С.С.* Російсько-український словник з машинобудування. К.: НМК ВО, 1993. 108 с.
- Коваль С.А. та ін.* Словник англійсько-український, українсько-англійський. Ірпінь: Перун, 1994. 464 с.
- Ковальчук А.Т.* Фінансовий словник. 2-ге видання, стереотипне. К.: Знання, 2006. 287 с.

- Козирський В., Шендеревський В.* Українсько-англійсько-німецько-російський словник фізичної лексики. К.: Рада, 1996. 993 с.
- Коломієць М.П., Молодова Л.В.* Словник іншомовних слів: Близько 3000 слів. К.: Освіта, 1998. 190 с.
- Колосова Н.Ф., Удалова В.К.* Українсько-російський і російсько-український словник бібліотечних та бібліографічних термінів. Харків: ХДІК, 1992. 30 с.
- Коновал В.П., Рослік Г.І., Пінчук О.Ф., Калита А.М.* Російсько-український тлумачний словник термінів конструювання взуття. К.: ІСДО, 1994. 137 с.
- Коновалюк Д.* Російсько-український технічний словник. Луцьк: ВІЗОР, 1993. 1047 с.
- Копорулина В.Н., Копорулина Л.В.* Русско-украинский финансово-банковский словарь: Банковское дело, Бухгалтерия, Финансирование, Экономика, Страхование. Харьков: Фортуна-Пресс; Консул, 1997. 208 с.
- Корбозерова Н.М. та ін.* Базовий тематичний словник з іспанської мови: Близько 10 000 слів та словосполучень / За ред. Н.М. Корбозерової; Київ держ. лінгв. ун-т. К.: Ленвіт, 1999. 127 с.
- Корбозерова Н.М. та ін.* Іспансько-український базовий тематичний словник для студентів, які вивчають іспанську мову як другу іноземну: Близько 7000 слів та словосполучень / За ред. Н.М. Корбозерової. К.: Ленвіт, 1999. 127 с.
- Корінний М.М. та ін.* Короткий термінологічний словник з української та зарубіжної культури / М.М. Корінний, Г.Г. Потапов, В.Ф. Шевченко. К.: Вища освіта, 2000. 234 с.
- Корнілов М.Ю. та ін.* Англо-українсько-російський словник з хімії: У 2 т. / За ред. М.Ю. Корнілова. К.: Либідь, 1994. Т. 1. 324 с.; Т. 2. 288 с.
- Корнілов М.Ю., Білодід О.І., Голуб О.А.* Термінологічний посібник з хімії. К.: ІЗМН, 1996. 256 с.
- Короткий тлумачний словник української мови. К.: Просвіта, 2004. 608 с.
- Коссак О., Кравець Р.* Англо-український словник з телекомунікації. Львів, 1996.
- Коссак О.М., Маньковський С.Л.* Англо-українсько-російський словник з інформатики та обчислювальної техніки: Понад 9000 термінів. Львів: Світ, 1991. 499 с.
- Костів К.* Словник-довідник біблійних осіб, племен і народів. К.: Україна, 1995. 429 с.
- Котов В.М., Котова Г.М., Король А.М.* Російсько-українсько-англійський математичний словник словосполучень. К.: Львен, 1992. 152 с.
- Кочерга О., Мейнарович Є.* Українсько-англійський словник природничих термінів із префіксом не- / НАН України, Ін-т теорет. фізики ім. М.М. Боголюбова. К.: Б.в., 2000. 95 с.
- Кочерган М.П.* Словник російсько-українських міжмовних омонімів («фальшиві друзі перекладача»). К.: Академія, 1997. 400 с.
- Кравченко В.Г. та ін.* Російсько-український словник дорожнобудівних і мостбудівних термінів. К.: Наук. думка, 1992. 245 с.
- Кравчишин Р.І., Филипчук В.С.* Російсько-український словник термінів: мірництво, стандартизація, засоби вимірів: 7000 термінів. Чернівці: Журн. «Земна Буковина», 2000. 159 с.
- Красічінська О.Р. та ін.* Українсько-англійський словник-мінімум хімічних термінів; Чернів. держ. ун-т ім. Юрія Федьковича. Чернівці: Рута, 2000. 23 с.
- Кресюн В.Й., Запорожан В.М., Бажора Ю.І. та ін.* Англо-український словник медичних термінів / За ред. В.М. Запорожана, П.І. Джуля. Одеса, 1996. Т. 1. 360 с.; Т. 2. 96 с.
- Кривуша В., Синьов В., Удалова Л.* Російсько-український словник психолого-педагогічних та юридичних термінів, фразеології професійної лексики, жаргонних слів і виразів засуджених, а також зразків процесуальних документів. К.: МП «Леся», 1996. 79 с.
- Криницький Г.Т. та ін.* Російсько-український словник термінів з курсу «Фізіологія рослин з основами біохімії». Львів: Львів. лісотехн. ін-т, 1991. 63 с.
- Криштальський О.П.* Російсько-український словник спортивних термінів. Львів, 1991. 85 с.
- Кунч Л. та ін.* Німецько-український та українсько-німецький словник актуальної лексики. К.: Укр. світ, 1994. 256 с.
- Куримський А., Шишкова Р., Савицький Н.* Українсько-чеський словник: У 2 т. Прага: Академія, 1994. Т. 1: А–О. 703 с.; 1996. Т. 2: П–Я. С. 705–1378.
- Кучерявенко П.Х., Конакова О.І., Носова О.В. та ін.* Тлумачно-термінологічний словник з ринкової економіки для студентів усіх спеціальностей, викладачів. Харків: ХПІ, 1993. 119 с.

- Латигіна А.Г., Бессараб Н.Б. Тлумачний англо-український словник ідіом для бізнесменів = English-Ukrainian dictionary of idioms for bussinessmen / Київ. нац. торг.-екон.ун-т. К.: Київ. нац. торг.-екон.-ун-т, 2000. 179 с.
- Левінська С.І., Старак Т.В. Польсько-російсько-український словник. К.: МП «Фенікс»; РВЦ «Проза», 1992. 478 с.
- Левінська С.Й., Старак Т.В. Польсько-російсько-український словник: Понад 13 000 слів. К.; Львів: Рад. шк., 1991. 478 с.
- Ленець К.В., Ставицька Л.О. Короткий російсько-український словник контрастивної лексики. К.: Довіра, 2002. 284 с.
- Леонова О.А. Український орфографічний словник + граматики: Понад 174 000 слів. Харків: Світ-Прес, 1999. 320 с.
- Летніков М.С. Словник-довідник сучасної ділової людини. К.: НМК ВО, 1992. 80 с.
- Лецій Н., Шнехер С., Дацько О. Російсько-український гідравлічний словник. К.: Есе, 1995. 155 с.
- Лисенко Е.І. та ін. Німецько-українсько-російський словник: Близько 10 000 слів. К.: Освіта, 1991. 238 с.
- Лисиченко Л.А., Гетьманець М.Ф. Орфографічний словник: Близько 15 000 слів: Для учнів серед. шк. 2-ге вид., дороб. Харків: Каравела, 1998. 224 с.
- Литвинов В.Д. Латинсько-український словник: 10 тис. найуживаніших латин. слів з максимальним відтворенням їхніх значень укр. мовою. К.: Укр. пропілеї: Фонд сприяння розвитку мистецтв України, 1998. 709 с.
- Литвинов В.Д., Скорина Л.П. 500 крилатих висловів. Тексти. Латино-український словник + англійські, німецькі, французькі, іспанські відповідники. К.: Індоевропа, 1993. 320 с.
- Лучик А.А. Російсько-український та українсько-російський словник еквівалентів слова. К.: Довіра, 2004. 495 с. Бібліогр.: с. 485–494.
- Лучик В.В. Іншомовні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя / Кіровоград. держ. пед. ун-т ім. Володимира Винниченка. Кіровоград: КДПУ, 2000. 102 с.
- Лучкіна Л.В. Короткий навчальний словник термінологічної лексики: За спец. 7.010103 — педагогіка і методика серед. освіти, трудове навчання (із спеціалізаціями). Глухів (Сум. обл.): ГДПУ, 2000. 31 с.
- Малишев В.Ф. Новий англо-український, українсько-англійський словник = New English-Ukrainian, Ukrainian-English dictionary: [Близько 40 000 слів]. Харків: Друк. центр «Єдинорог», 1999. 511 с.
- Малишев В.Ф., Петраковський О.Ю. Новий англо-український та українсько-англійський словник. Харків.: Друкарський центр «Єдинорог», 2000. 576 с.
- Мартиняк Т.П. Російсько-український словник іншомовних слів / За ред. проф. А.П. Яреценка. Харків: Прапор, 1999. 392 с.
- Масенко А., Балабан Т., Хоп'як Н. Англійсько-український словник з профілактичної та екологічної токсикології. Львів: Ліга-Прес, 2002. 112 с.
- Мацько Л.І., Сидоренко О.М., Шевчук С.В. Русско-украинский и украинско-русский словарь: Отличающаяся лексика. 2-е изд., доп. К.: Вища школа, 1995. 284 с.
- Мацько Л.І. та ін. Російсько-український і українсько-російський словник: Відмінна лексика. К.: Вища шк., 1992. 255 с.
- Мацько Л.І., Трегуб І.Г., Христенюк В.Ф., Христенюк І.В. Російсько-український загальнотехнічний словник: Близько 113 000 слів. К.: Вища школа, 1994. 173 с.
- Медведєва Л.М., Дайнеко В.В. Англо-український словник парних словосполучень / Під ред. О.Є. Семенця. К.: Укр. енци., 1994. 253 с.
- Медведєва Л.М., Медведєва Н.Ю. Англо-українсько-російський словник усталених виразів: Близько 3000 англ. прагм. ідіом. К.: Укр. енцикл.; Тернопіль: АТ «Ной», 1992. 493 с.
- Мерзликіна О., Гузій О. Тлумачний словник термінів і словосполучень з фізичної реабілітації. Львів, 2002. 48 с.
- Мисак Й., Крук М. та ін. Російсько-український тлумачний словник з теплоенергетики. Львів: Вид-во Нац. ун-ту «Львівська політехніка», 2001. 412 с.
- Мисик Л.В. Українсько-англійський словник правничої термінології: Близько 40 000 термінів. К.: СП «Юрінком Інтер», 1999. 523 с.
- Миславський В.Н. Кінословник. Терміни, визначення, жаргонізми. Харків, 2006.
- Морозов С.М., Шкарата Л.М. Словник іншомовних слів. К.: Наук. думка, 2000. 680 с.

- Мусій О. та ін.* Російсько-український медичний словник: 7000 слів. Вид. 4, тотожне — Умань: Відродження, 1992. 124 с.
- Набока Ю.М.* Сучасний англо-український, українсько-англійський словник з граматикуою: 50 000 слів. К.: ТОВ «Книголюб», 2000. 543 с.
- Некряч Є.Ф., Назаренко Ю.П., Чернецький В.П.* Російсько-український хімічний словник: 6000 термінів. Вид. 2. Харків: Основа, 1990. 187 с.
- Непийвода Н.Ф.* Практичний російсько-український словник: Найуживаніші слова і вислови / Ред. Ф.А. Непийвода. К.: Основа, 2000. 255 с.
- Нетлюх М.А.* Українсько-латинський анатомічний словник. Львів, 1995. 216 с.
- Нечай С.В.* Латино-український медичний словник: 7000 слів / Укр. лікар. т-во у Києві, Благод. фонд «Третє тисячоліття». К.: УЛТК: Фонд ТТ, 2000. 296 с.
- Нечай С.В.* Російсько-український медичний словник з іншомовними назвами: 15 000 слів / Укр. лікар. т-во у Києві, Благод. фонд «Третє тисячоліття». К.: УЛТК: Фонд ТТ, 2000. 432 с.
- Ніколенко А.М.* Російсько-українсько-англійський тлумачний словник з хімії. Харків: Прапор, 1999. 176 с.
- Нінювський В.* Українсько-англійський і англо-український словник. К.: Пам'ятки України, 1993. 679 с.
- Новейший русско-украинский словарь: Около 50 000 слов / Л.Г. Савченко (ред.). 2-е изд. Х.: Прапор, 2002. 1135 с.
- Новий англо-український та українсько-англійський словник. Харків: Друкарський центр «Єдинорог», 1997.
- Новий німецько-український та українсько-німецький словник. Х.: Див, 2004. 448 с.
- Новий німецько-український, українсько-німецький словник = Das neue Deutsch-Ukrainische, Ukrainisch-Deutsch Wörterbuch: Близько 45 000 слів. Харків: Друк. центр «Єдинорог», 1999. 446 с.
- Новий російсько-український політехнічний словник: 10 000 термінів і термінів-словосполучень / Укладач М. Зубков. Х.: Гриф, 2005. 952 с.
- Новий російсько-український словник-довідник. Бібліотека державного службовця. К.: Довіра, 1999. 877 с.
- Новий російсько-українсько-англійський тлумачний словник з інформатики. Основні терміни: Близько 3300 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, Л.І. Білоусова, І.М. Корніловська та ін.; За ред. М.Д. Гінзбурга. Харків: Корвін, 2002. 656 с.
- Новий українсько-російський і російсько-український словник: 50 000 слів / За ред. О.П. Івакіна. К.: Аконт, 1997. 766 с.
- Новий українсько-російський, російсько-український словник: 60 000 слів / А.Ю. Петраківський (упоряд.). Х.: Світovid, 2002. 864 с.
- Новицький В.В.* Російсько-український тлумачний словник основних термінів та понять з геодезії. Харків: ХПМГ, 1993. 44 с.
- Нові слова та значення / Л.В. Туровська та Л.О. Симоненко. Київ, 2008.
- Нові й актуалізовані слова та значення: словникові матеріали (2002–2010) / За ред. О.М. Тищенко. К., 2010.
- Ножин В.И.* Русско-украинско-англо-немецкий металлургический словарь: Свыше 6000 терминов / В.И. Ножин. Днепрпетровск: Пороги, 2000. 451 с.
- Ножин В.И., Безкоровайный С.Г., Ножин В.В., Пирлик В.А.* Немецко-англо-русско-украинский словарь по автосервису: Свыше 6000 терминов / В.И. Ножин (науч.ред.). Донецьк: Пороги, 2002. 433 с.
- Овецкая Н.М. и др.* Русско-украинский словарь практического врача / Гл. ред. В.Н. Казаков, Донец. мед. ун-т. Вып. 1. Донецк: Юго-Восток; Донец. мед. ун-т, 2000. 160 с.
- Огар Е.І.* Українсько-російський та російсько-український словник-довідник з видавничої справи. Львів: Палітра друку, 2002. 224 с.
- Олейник В.З.* Русско-украинский словарь оперативно-розыскной и сопутствующей лексики (Російсько-український словник оперативно-розшукової та супутньої лексики). К.: Довіра, 1994. 159 с.
- Олейник И.С., Ганич Д.И.* Русско-украинский словарь: Более 37 000 слов. 5-е изд., доп. и перераб. К.: А.С.К., 1999. 756 с.
- Олійник І., Сидоренко М.* Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. Вид. перероб. Харків: Прапор, 1997. 462 с.
- Олійник І.С., Сидоренко М.М.* Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. К.: Рад. шк., 1991. 400 с.

- Олійник Т. Англо-український словник власних назв та імен: Близько 3000 слів і словосполучень. Тернопіль: Газ. «Підруч. і посібники», 2000. 206 с.
- Опейда Й., Швайка О. Тлумачний термінологічний словник з органічної та фізико-органічної хімії (Українсько-російсько-англійський). К.: Наук. думка, 1997. 532 с.
- Опейда Й.О., Швайка О.П. Тлумачний термінологічний словник з хімічної кінетики. Донецьк: ДДУ, 1995. 537 с.
- Осінчук В.Г. та ін. Російсько-український словник з фізичної культури та спорту / За ред. В.Г. Осінчук, І.К.Попеску. Львів: Світ, 1993. 307 с.
- Осінчук В.Г., Левків Л.В. Українсько-російська, російсько-українська термінолексика спортивних ігор. Львів, 2002. 761 с.
- Охолуш К.А., Сивько А.Т. Словник прикметників, що вживаються у мові історичних повістей XVI–XVII ст. Дніпропетровськ: ДДУ, 1992. 72 с.
- Панишко Ю.М. Українсько-російсько-англійський словник з фізичної культури і спорту (медико-біологічні аспекти). Львів, 1996. 94 с.
- Панов Н.І. та ін. Російсько-український словник термінів в теорії держави і права. Харків: Укр. юрид. акад., 1993. 164 с.
- Паночко М. Словник-довідник слів із літерою г. 2-ге вид., перероб. й доп. Львів: Кальварія, 1999. 45 с.
- Пастошук С.Ф. Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Гематологія / За ред. В.Г. Коляденка, Ю.В. Шаніна. К.: Здоров'я, 1993. 120 с.
- Патыка В.Ф. и др. Краткий англо-русско-украинский, русско-украинско-английский терминологический словарь по биологическому азоту / Ред. В.Ф. Патыка; Ин-т с.-х. Микробиология УААН. К.: Тов «Задруга», 1999. 173 с.
- Пеленійченко Л.Н., Быкова Н.А., Стаканкова Т.П. и др. Русско-украинский и украинско-русский словарь лингвистических терминов (Ин-т системних досліджень освіти, КПП). К., 1995. 88 с.
- Перебийніс В.І., Рукіна Е.П., Худекель С.С. Англо-український навчальний словник-мінімум. К.: Наук. думка, 1995. 270 с.
- Петраковський А.Ю. Украинско-русский, русско-украинский словарь = Українсько-російський, російсько-український словник: 40 000 слів. Донецьк: ИКФ «Сталкер», 1998. 511 с.
- Петраковський О.Ю. Новый украинско-русский, российский-украинский словарь = Новый украинско-русский, русско-украинский словарь: 60 000 слів. Харків.: Вид. центр «Єдинорог»; «Євроекспрес»; Промінь, 2000. 1146 с.
- Петрух Л.І., Головка І.М., Томашевська О.Л. Орфографічний словник українських медичних термінів. Львів: Видавнича спілка «Словник», 1993. 473 с.
- Петрух Л.І., Головка І.М., Томашевська О.Я. та ін. Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник / За ред. М. Павловського, Л. Петрух, І. Головка. Львів, 1995. Т. 1. 656 с.; Т. 2. 787 с.
- Пецак М.М. та ін. Український орфографічний словник: Орфогр. словн. укр. мови: Близько 143 000 слів 3-є вид., переробл. і доповн. К.: Довіра, 2002. 1006 с. (Словники України).
- Пецак М.М., Клименко Н.Ф., Карпиловская Е.А. и др. Украинский семантический словарь. К.: Наук. думка, 1990. 263 с.
- Пецак М.М., Русанівський В.М., Сологуб Н.М. Орфоепічний словник української мови: В 2 т.; НАН України, Ін-т укр. мови, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні, Укр. мов.-інформ. фонд. К.: Довіра, 2001. Т. 1. 2001. 955с.; Т. 2. 2003. 918 с.
- Пилипенко М.І., Розенфельд Л.Г. Радіологічна термінологія: українська, англійська, російська: Близько 12 000 термінів / Акад. мед. наук України, М-во охорони здоров'я України. 2-ге вид., випр. і допов. Харків: ХНД ІМР ім. С.П. Григор'єва, 1999. 434 с.
- Підліпенський В.С., Петренко В.М. Словник: Російсько-український політехнічний. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2000. 512 с.
- Підмогильний В., Плужник С. Російсько-український словник ділової мови / За ред. О. Мокровольсько-го, О. Шокала. Вид. 3, виправл. й доповн. К.: Укр. світ, 1992. 295 с.
- Поліщук Н.П., Лісовий В.С. Англо-український філософський словник. К.: Либідь, 1996. 272 с.
- Положа Л.М. Словник антонімів української мови / За ред. Л.С. Паламарчука; НАН України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, Укр. мовно-інформ. фонд. 2-ге вид., доп. й випр. К.: Довіра, 2001. 275 с.

- Полюга Л.М.* Словник синонімів української мови. К.: Двіра, 2004. 477с. (Словники України).
- Полякова Л.О.* Український орфографічний словник з граматичними таблицями + короткий правописний коментар. Харків: Торсінг, 2004. 496 с.
- Пономарьов О., Паламар Л.* Російсько-український тлумачний словник з технічної діагностики. К.: Либідь, 1996. 104 с.
- Постнікова О.М.* Німецько-український та українсько-німецький словник для школяра: А–Я: Фонетика. Граматика. Лексика до розмов. тем: Понад 22 тис. слів. К.: А.С.К., 2000. 799 с.
- Потапенко К.К.* Українсько-болгарський словник: Близько 20 000 слів. К.: Либідь, 2001. 284 с.
- Потапенко О.І., Кузьменко В.І.* Шкільний словник з українознавства. К.: Укр. письменник, 1995. 291с.
- Правописний словник української мови: Близько 40 000 слів / За заг. ред. Д.Х. Баранника.* Харків: Око, 1997. 416 с.
- Прайдід Ю.Ф.* Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь. Эмоции человека. Симферополь: Редотдел Крым. Комитета по печати, 1994. 243 с.
- Практичний словник синонімів української мови / М. Зубков.* Харків: ФОП Співак, 2008.
- Присажнюк М.С.* Російсько-український медичний словник професійної мови фахівців з внутрішніх хвороб (із тлумаченням термінів): 20 000 слів. К.: Вид. дім «КМ Academia», 1995. 504 с.
- Прищепя К.С., Лук'яненко В.Г.* Тематичний словник школяра: Навч. посіб. для учнів почат. кл. серед. загальноосвіт. шк. К.: Форум, 2001. 335 с.
- Прокопенко А.І., Гінзбург М.Д., Вайнер В.Г.* Комп'ютерознавство: українсько-російсько-англійський навчальний тлумачний словник. Основні терміни: близько 2500 термінів / За ред. В.Г. Вайнера, М.Д. Гінзбурга. Харків: АТ «Бізнес Інформ», 1997. 344 с.
- Пураява Н.* Словник церковно-обрядової термінології. Львів: Свічадо, 2001. 160 с.
- Пуустоваров В.С. та ін.* Російсько-український словник з радіоелектроніки. Харків: Військ. Ун-т, 1993. 272 с.
- Пустовіт Л.О. та ін.* Словник іншомовних слів: 23 000 слів та термінологічних словосполучень. К.: Довіра, 2000. 1018 с.
- Рикова З., Щегольковська Н.* Російсько-український словник: Прізвища, імена, імена по батькові, області, райони, міста, селища міського типу, села. Харків: РВП «Оригінал», 1997. 302 с.
- Рицар Б.Е. та ін.* Російсько-український та українсько-російський словник з радіоелектроніки. Львів: Логос, 1995. 608 с.
- Рогачова Г.Г.* Російсько-український словник економічних термінів. К.: НМК ВО, 1992. 75 с.
- Рожковський Ц.Я.* Німецько-російсько-український словник спортивних термінів. Вінниця, 1998. 192 с.
- Російсько-український будівельний словник / За ред. Л.О. Симоненко. К., 1994.*
- Російсько-український словник: У 4-х т. Т. 1–2. К.: Знання, 2011–2012.*
- Російсько-український словник бібліотечно-бібліографічних термінів. Львів: ЛПУ, 1990. 120 с.*
- Російсько-український словник з математики, фізики та інформатики = Русско-украинский словарь по математике, физике и информатике: 10 000 термінів: [Для учнів та вчителів шк., ліцеїв, коледжів, студентів вищ. закладів освіти] / Ред. В.І. Перехрест. Дніпропетровськ: ВАТ «Дніпрокнига», 2000. 147 с.*
- Російсько-український словник іншомовних слів / За ред. А.П. Ярещенка. Харків, 1999. 392 с.*
- Російсько-український словник наукової термінології: Математика, фізика, техніка, науки про Землю та космос / Нац. акад. наук України. К.: Наук.думка, 1998. 888 с.*
- Російсько-український словник та граматика в таблицях / За ред. О.П. Івакіна. К.: Аконтит, 1997. 536 с.*
- Російсько-український словник фінансової термінології: Біля 15 000 термінів / За заг. ред. М. Афанасьєва, Н. Вітренко, А. Ярещенка. Харків: Прапор, 1997. 399 с.*
- Російсько-українсько-англійський словник з газовимірювань, якості газу та метрології. Основні терміни: близько 3000 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, І.А. Гордієнко, І.М. Корніловська та ін.; За заг. ред. В.В. Розгонюка. Харків, 1998. 312 с.*
- Російсько-український словник / І.О. Анніна, Г.Н. Горюшина, І.С. Гнатюк, В.В. Жайворонок, О.В. Качура, Н.Г. Озерова, Т.О. Федоренко. К.: Абрис, 2003. 1424 с.*
- Рудь О.М.* Поетичне слововживання складних прикметників та дієприкметників: Словник / Сум. держ. пед. ун-т ім. А.С. Макаренка. Суми: СДПУ ім. А.С. Макаренка, 2001. 258 с.
- Русско-украинский и украинско-русский словарь для школьника. А–Я. Фразеологизмы / И.М. Забияка (сост.). К.: А.С.К., 2003. 768 с.*

- Русско-украинский словарь для занятий по курсу «Речная гидравлика». Одесса, 1994.
- Русско-украинский словарь научной терминологии: Математика. Физика. Техника. Науки о Земле и Космосе. К.: Наук. думка, 1998. 888 с.
- Русско-украинско-английский медицинский словарь: Ок. 300 00 слов / Ред. В.В. Никонов. Харків: Консум, 1998. 639 с.
- Савченко Л.Г. и др. Русско-украинский и украинско-русский толковый словарь: Ок. 7000 слов / Под ред. Л.Г. Савченко. Харьков: Прапор, 1999. 542 с.
- Сахно В.Ф., Коваль С.А. Словник: Іспансько-український. Українсько-іспанський: Посібник для загальноосвітніх шкіл та вищ. навч. закладів. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 1997. 544 с.
- Свищов М.В. та ін. Російсько-український тлумачний термінологічний словник з техніко-економічного планування, організації виробництва та праці підприємств легкої промисловості. К.: ІСДО, 1994. 102 с.
- Седач В.В. Російсько-український термінологічний словник з гідропневмоавтоматики для студентів та фахівців машинобудівного профілю. Харків: ХДПУ, 1999. 71 с.
- Сершенко Н.Г. и др. Русско-украинский словарь-справочник биохимических терминов. Харьков: ХМИ, 1993. 45 с.
- Скрипник Л.Г., Дзятківська Н.П. Власні імена людей: Словник-довідник. К.: Наук. думка, 1996. 335 с.
- Скупник А.М. Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Гастроентерологія. К.: Здоров'я, 1993. 112 с.
- Сліпучко О.М. Тлумачний словник чужомовних слів в українській мові. Правопис. Граматика: 10 000 сл.: [Для студ. вищ. та серед. навч. закл.]. К.: Криниця, 2000. 504 с.
- Словник англо-український, українсько-англійський / За ред. Ю.О. Жлуктенко. К.: Феміна, 1995. 696 с.
- Словник власних імен людей: українсько-російський і російсько-український. Запоріжжя: РВП «Видавель», 1996. 143 с.
- Словник геотехнічних термінів трьома мовами (українською, російською, англійською): Понад 4000 термінів. К.: РОВО «Укрвзуполіграф», 1992. 271 с.
- Словник журналіста. Терміни, мас-медіа, статті / За заг. ред. Ю.М. Бідзілі. Ужгород: ВАТ «Видавництво «Закарпаття», 2007. 224 с.
- Словник мікрогідронімів України. Волинь, Житомирщина, Запоріжжя, Київщина, Кіровоградщина, Полтавщина, Черкащина / Уклад.: І.М. Желзняк, О.П. Карпенко, В.В. Лучик, Т.І. Поляруш, О.С. Стрижак, В.П. Шульгач. К.: Обереги, 2004. 448 с.
- Словник німецько-український, українсько-німецький / За ред. Е.І. Лисенка. К.: Феміна, 1994. 736 с.
- Словник російсько-український політехнічний = Словарь русско-украинский политехнический: Більше 40 000 термінів / Ред. В.Т. Бусел. К.: Б.в.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2000. 486 с.
- Словник синонімів української мови: У 2 т. / А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк, С.І. Головашук, Г.Н. Горюшина, Н.С. Лозова, Н.Ю. Мельник, О.І. Нечитайло, Л.О. Родніна, О.О. Тараненко, В.Б. Фридрак. К.: Наук. думка, 1999–2000. Т. 1. 1040 с.; Т. 2. 960 с. (2-е вид. 2001; 3-е вид. 2006).
- Словник синонімів української мови / Полюга Л. М. Київ: Довіра, 2006.
- Словник сучасного українського сленгу / Упорядник Т. М. Кондратюк. — Харків: Фоліо, 2006. 350 с.
- Словник термінів і понять, що вживаються у чинних нормативно-правових актах України: За станом на 1 травня 1999 р. / Відпр. ред. Сіренко В.Ф., Станік С.Р. К.: Оріяни, 1999. — 500с.
- Словник термінів, уживаних у чинному Законодавстві України 482 заголовків. К., 2005.
- Словник української біологічної термінології: 80 000 термінів. К.: КММ, 2012. 744 с.
- Словник української мови / Кер. В.В. Німчук та ін. / Відп. ред. В.В. Жайворонок. К.: Просвіта, 2012. 1320 с.
- Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук, Н. М. Неровня, Т. О. Федоренко. К.: Наук. думка, 2003. — 1104 с. — (Словники України).
- Словник-довідник з культури української мови / Д.Гринчишин, А.Капелюжний, О.Сербенська, З.Терлак. К.: знання, 2004. — 367с.
- Сова Г.В. Російсько-український математичний словник: Навч. посіб.; Ін-т змісту та методів навчання; Харк. держ. ун-т радіоелектрон. Харків: ХТУРЕ, 2000. 126 с.
- Ставицька Л. Короткий словник жаргонної лексики української мови: Містить понад 3200 слів і 650 стійких словосполучень. К.: Критика, 2003. 336 с.

- Ставицька Л.* Український жаргон. Словник: містить 4070 слів і понад 700 стійких словосполучень. К.: Критика, 2005. 496 с.
- Сташко М.В.* Російсько-український словник бібліотечно-бібліографічних термінів. Львів: ЛПІ, 1991. 103 с.
- Стенул О.Л., Хохлова М.Е.* Сучасний англо-український, українсько-англійський словник: 35 000 слів: Для школярів, абітурієнтів, студентів, викладачів. Харків: Промінь; Євроекспрес, 2001. 733 с.
- Стоянов Є.Г.* Російсько-український словник основних термінів у галузі будівництва. Харків: ХІМГ, 1993. 20 с.
- Сучасний орфографічний словник: 50 000 слів: Для школярів, абітурієнтів, студентів, викладачів. Харків: Промінь; 2001. 672 с.
- Сучасний орфографічний словник української мови (СОСУМ) / Укладачі: В.В. Дубичинський, Н.Я. Косенко): 180 000 слів. Харків: Школа, 2007; 140 000 слів: 2008; 180 000 слів з CD версією: 2009.
- Сучасний російсько-український українсько-російський словник: 50 000 слів + граматика / Упор. М.А. Тищенко. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2005. 688 с.
- Сучасний словник-мінімум іншомовних слів: Близько 6 тис. сл. К.: Довіра, 1999. 367 с.
- Сучасний тлумачний словник української мови / Укладачі: Н.Д. Кусайкіна, Ю.С. Цибульник / За ред. В.В. Дубичинського. 65 000 слів. Харків: Школа, 2006; 50 000 слів — 2007; 60 000 слів — 2007; 100 000 слів з CD-версією — 2009.
- Сучасний французько-український та українсько-французький словник. Х.: Промінь, 2004. 800 с.
- Тараненко О.О., Брицин В.М.* Російсько-український словник (сфера ділового спілкування) = Русско-украинский словарь (сфера делового общения) / Ред. О.О. Тараненко; Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України. К.: Т-во «Поінформатика», 2000. 448 с.
- Тараненко О.О., Брицин В.М.* Російсько-український словник: Сфера ділового спілкування / Заг. ред. О.О. Тараненка. К.: Укр. наук.-вироб. центр «Рідна мова», 1996. 287 с.
- Термінологічна лексика з мікро- та макроекономіки (російсько-український словник) / Під ред. Т.В. Рябової, В.В. Дубичинського. Харків: ХДПУ, 1994. 52 с.
- Тимченко Є.* Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.: У 2-х кн. / Упорядники: В.В. Німчук, Г.І. Лиса. К.; Нью-Йорк, 2003. Кн. 1. 512 с.; Кн. 2. 512 с.
- Тищенко М.А.* Російсько-український, українсько-російський сучасний словник + граматика: Близько 50 000 слів. Донецьк: ПКФ «БАО», 2000. 687 с.
- Тімен Г.Е. та ін.* Російсько-українсько-латинський словник медичних термінів: Оториноларингологія, стоматологія. К.: Здоров'я, 1993. 112 с.
- Ткач Г.А., Івін Л.М., Братута Е.Г. та ін.* Тлумачний словник екологічних термінів. К.: ІСДОУ Міносвіти України, 1993. 255 с.
- Ткаченко Н.М.* Російсько-український словник-довідник з бухгалтерського обліку. К.: КТІХП, 1993. 23 с.
- Тлумачний російсько-англійсько-український словник з електро- та радіозв'язку: Навчальний посібник для ВНЗ / О.О. Артемов, О.В. Гайдук, М.Д. Гінзбург та ін., За ред. М.Д. Гінзбурга, Г.І. Загарія. Харків: «Реґіон-інформ»; ХФВ «Транспорт України», 2002. 552 с.
- Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з екології. Основні терміни: близько 3500 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, Н.І. Азімова, І.О. Требульова та ін.; За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 2000. 736 с.
- Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з енергетики. Основні терміни: близько 3400 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, Н.І. Азімова, М.В. Чернець та ін.; За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 1999. 708 с.
- Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з інтелектуальної власності. Основні терміни: близько 2000 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, Л.М. Дунаєвський, І.О. Требульова та ін.; За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 1999. 560 с.
- Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з надійності газотранспортного обладнання та систем. Основні терміни: близько 2500 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, М.В. Чернець, Н.І. Азімова та ін.; За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 1999. 552 с.
- Тлумачний російсько-українсько-англійський словник з охорони праці, технічного нагляду, безпеки дорожнього руху та пожежної безпеки. Основні терміни: близько 2700 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, Н.І. Азімова, О.О. Болочан та ін.; За заг. ред. В.В. Розгонюка. Харків, 1998. 536 с.

- Тлумачний російсько-українсько-англійський словник із протикорозійного захисту газопроводів. Основні терміни: близько 2800 термінів / Уклад.: М.Д. Гінзбург, М.В. Чернець, І.М. Корніловська та ін.; За заг. ред. А.А. Рудніка. Харків, 2000. 616 с.
- Тлумачний словник з автоматизації, телемеханізації та використання обчислювальної техніки для працівників газової промисловості. Основні терміни: Близько 4000 термінів / За заг. ред. М.Д. Гінзбурга, З.П. Осінчука, Б.І. Педька. Харків: АТ «Газпром», 1997. 536 с.
- Тлумачний словник української мови: Близько 7000 слів / За ред. Д.Г. Гринчишина. 3-тє вид., перероб. і доповн. К.: Освіта, 1999. 302 с.
- Тлумачний словник-мінімум української мови: Близько 9 тисяч слів. 3-є вид., випр. і доповнене / Уклали Л.О. Ващенко, О.М. Єфімов. К.: Довіра, 2004. 607 с. (Словники України).
- Тростогон М.А.* Словник іншомовної лексики наукових та публіцистичних праць І.Я. Франка: 5320 слів. Вінниця: Континент-ПРИМ, 2001. 95 с.
- Трофимович К.К.* Українсько-верхньолужицький словник (А-Й). Львів: ЛДУ, 1993. 89 с.
- Трофимук М., Трофимук Л.* Латинсько-український словник. Львів: ЛБА, 2001. 740 с.
- Ужченко В.Д., Ужченко Д.В.* Фразеологічний словник східнослов'янських і степових говірок Донбасу / [Авт. передм. В.М. Мокієнко]. 3-тє вид., допов. й перероб. Луганськ: Альма матер, 2000. 198 с.
- Україна в словах: Мовокраїнознавчий словник-довідник / Упоряд. Н. Данилюк. К.: ВЦ «Просвіта», 2004. 704 с.
- Українська мова. Енциклопедія / Редкол.: В.М. Русанівський, О.О. Тараненко та ін. К.: Укр. енцикл., 2000; 2-є вид. 2004; 3-є вид. 2007.
- Український асоціативний словник / С. В. Мартинек: У 2-х т. Т. 1. Від стимула до реакції; Т. 2: Від реакції до стимулу. Львів, 2007.
- Український орфографічний словник. К.: Довіра, 2004. 1008 с.
- Український орфографічний словник / За ред. проф. А.О. Свашенко. Харків: Прапор, 1997. 845 с.
- Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник: У 2-х т. / За ред. М. Павловського, Л. Петрух, І. Головка. Львів, 1995. Т. 1. 656 с.; Т. 2. 788 с.
- Українсько-російський словник: Близько 40 тис. слів. К.: Довіра, 2000. 703 с.
- Українсько-російський, російсько-український словник / А.Ю. Петраковський (упоряд.). Донецьк: Сталкер, 2003. 512 с.
- Українсько-російсько-англійсько-німецький тлумачний та перекладний словник термінів ринкової економіки / Під ред. Т.Р. Кияка. К.: Обереги, 2003. 2-є вид., перероб і доп. 621 с. (Серія «Abecedarium»).
- Українсько-російський словник наукової термінології / М.П. Годована, В.С. Марченко, О.І. Нечитайло, Л.О. Симоненко, Є.Д. Турчин, Л.К. Часник, Н.І. Шило. К.: Ірпінь, 2004. 416 с.
- Усатенко С.Т. та ін.* Короткий російсько-український словник фізичних і математичних термінів. К.: Київ. міжнар. ун-т цивіл. авіації, 1999. 86 с.
- Усенко Л.В. та ін.* Українсько-російсько-латинський та російсько-українсько-латинський словник (з анестезіології, реанімації, інтенсивної терапії та гіпербаричної оксигенації). К.: Здоров'я, 1992. 94 с.
- Ушаков Л.А.* Короткий словник: терміни та визначення у пожежній справі. Харків: Укр. ін-т пожежн. охорони УВС, 1993. 24 с.
- Федоришин М.* Англо-український словник з українською транскрипцією. БаК, 1998. 200 с.
- Фецович І.* Російсько-український автошляховий словник: 2500 термінів. Львів: «Львів. політехніка», 1999. 394 с.
- Фразеологічний словник української мови: У 2 кн. / НАН України, Ін-т укр. мови. 2-ге вид. К.: Наук. думка, 1999. Кн. 1. 258 с.; Кн. 2. С. 529–980.
- Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник / Уклали О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк. К.: Довіра, 2002. 735 с.
- Хільчевський В.В., Шашлов В.І.* Російсько-український словник з машинознавства та загального машинобудування: 16 000 термінів. Вид. 2, репр. К.: Техніка, 1991. 240 с.
- Ходаков В.Є., Костін В.О.* Навчальний термінологічний російсько-українсько-англійський словник: Комп'ютерні науки. Херсон: ХДПУ, 2000. 490 с.
- Циганенко А.Я., Лутир В.М., Бурих М.П., Дуденко Г.І.* Тлумачний словник анатомічних термінів: Живіт: Близько 1000 термінів. Харків: Основа, 1993. 131 с.
- Циганюк Б.А.* Англо-українсько-німецький словник скорочень з електроніки / За ред. Ю.І. Якименко; Нац. техн. ун-т України «Київ. політехн. ін-т». К.: Аверс, 1999. 189 с.

- Цимбалюк-Скопненко Т.В., Скопненко О.І. Сучасний словник іншомовних слів. К.: Довіра, 2006. 789 с.
- Чабаненко В.А. Словник говірок Нижньої Наддніпряни. Запоріжжя: Комунар, 1992. 324 с.
- Чабаненко В.А. Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпряни. Запоріжжя: Фірма «Стат і К», 2001. 200 с.
- Частотний словник роману Івана Франка «Перехресні стежки». Львів, 2006.
- Черв'як П., Захараши М. Російсько-український медичний словник. К.: Генеза, 1997. 617 с.
- Черв'як П.І., Захараши М.П., Радзіховський А.П. Російсько-український словник медичної термінології. К.: Генеза, 1996. 564 с.
- Четвериков Г.Г. Малий тлумачний словник з інтелектуальних систем (доповнення) / Ін-т змісту та методів навчання, Харк. держ. техн. ун-т радіоелектрон. Харків: ХТУРЕ, 1999. 55 с.
- Чичиленко Л.І., Довгаль Г.І., Непийвода Ф.А. Російсько-український словник з фізичної культури і спорту. К., 1997. 160 с.
- Чубук В.Г. та ін. Короткий російсько-український словник бібліотек вищих навчальних закладів. К.: НМК ВО, 1991. 25 с.
- Шапкин Е.И., Никонов В.В. Русско-украинско-английский медицинский словарь: Ок. 30 000 слов / Ред. В.В. Никонов. Харьков, 1998. 640 с.
- Шведков Е.Л., Куценко Т.Г. Англо-російсько-український словник з матеріалознавства: У 3-х кн. Кн. 1. К.: Либідь, 1995. 168 с.
- Шевчук С.В. Російсько-український словник ділового мовлення. К.: Вища шк., 2001. 351 с.
- Шекета М. Португальсько-український словник: Близько 14 000 слів. К.: АТ «Віпол», 1999. 317 с.
- Шелудько І.М. та ін. Російсько-український словник з теплотехніки та газотехніки: 32 000 термінів. Вид. 2, репр. К.: Техніка, 1991. 314 с.
- Шерман И.М., Пилипенко Ю.В. Ихтиологический русско-украинский толковый словарь. К.: Видав. дім «Альтернатива», 1999. 270 с.
- Шило Н.І. Російсько-український словник. Термінологічна лексика. К.: ВЦ «Просвіта», 2004. 212 с.
- Шимків А. Англо-український тлумачний словник економічної лексики. К.: ВД КМА, 2004. 429 с.
- Шкаруба П.М., Спалатій Л.С. Російсько-український словник художніх термінів: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. К.: Каравела, 2004. 320 с.
- Шкільний тлумачний словник української мови / Відп. ред. Л.О. Пустовіт. Тернопіль: Збруч, 1995. 172 с.
- Шкільний словник української мови: синоніми, антоніми, омоніми, пароніми, фразеологізми / Укладач: Т.К. Спивак. Харків, 2008.
- Шнерх С., Лелій Н. Російсько-українсько-польський словник з гідравліки та сантехніки. Львів: Екоінформ, 2002. 326 с.
- Шрамко Г. та ін. Малий російсько-український словник залізничних термінів. К.: Транспорт України, 1992. 48 с.
- Шульгач В. П. Матеріали до Словника прізвищ Волинської області // Студії з ономастики та етимології. 2006: 36. наук. праць. К., 2006.
- Юридичний словник-довідник / За ред. Ю.С. Шемшученка. К.: Феміна, 1996. 695 с.
- Юрченко О.С., Івченко А.О. Словник стійких народних порівнянь. Харків: Основа, 1993. 176 с.
- Юцук О.М. Короткий українсько-російський словник. К.: Т-во «Знання» України, 1991. 49 с.
- Янків І.Т. Словник-довідник труднощів перекладу спортивних термінів. Львів, 2000. 26 с.
- Янко М.Т. Топонімічний словник України: Словник-довідник / Міжнар. Фонд «Відродження»; Прогр. «Трансформація гуманіст. освіти в Україні». К.: Знання, 1998. 432 с.
- Ярема Я. Німецько-український словник. К.: МП «Пам'ятки України», 1994. 730 с.
- Яременко В., Сліпушко О. Новий тлумачний словник української мови: 42 000 слів: У 4 т.: [Для студ. вищ. та серед. навч. закладів]. К.: Аконіт, 2000. Т. 1: А–Є. 2000. 910 с.; Т. 2: Ж–Обд. 2000. 911 с.; Т. 3: Обє–Роб. 2000. 927 с.; Т. 4: Роб–Я. 2000. 941 с.
- Ярмоленко М.Г. та ін. Російсько-український словник: Будівництво. К.: Будівельник, 1994. 256 с.
- Яцик А.В., Антонов О.Д., Корбутяк М.В. Російсько-український гідролого-екологічний словник. К.: Урожай, 1992. 111 с.
- Яцїй В.О. Прізвища жителів Зубильненської сільської ради Локачинського р-ну Волинської обл. // Студії з ономастик и та етимології. 2005: 36. наук. праць. К., 2005. С. 288–291.

Бранка ТАФРА, Желька ФИНК-АРСОВСКИ
(Загреб, Хорватия)

ХОРВАТСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Введение

История хорватской лексикографии — это одновременно история развития хорватской лексики, всех способов ее пополнения и семантического расширения, а также история хорватской культуры в целом. Словари представляют собой гораздо большее, нежели только языковые памятники. Двужычные и многоязычные словари раскрывают связи хорватской культуры с иными культурами, а также показывают степень развития собственной культуры по отношению к другим культурам в тот или иной период времени. Словари старшей эпохи, помимо данных по исторической диалектологии, показывают картину развития и состояния хорватского литературного языка и прежде всего его номинативной системы и словообразовательных моделей в определенные временные периоды. По ним можно изучать орфографию, акцентологию, морфологию, синтаксис, фразеологию, этимологию, лексико-семантические словосочетания и их отношения. Можно наблюдать способы калькирования, создания неологизмов, заимствования, архаизацию лексики, развитие синонимических рядов, процессы полисемизации, омонимизации, терминологизации, паронимизации и т.д. Словари содержат большое число данных о терминологических системах, посредством которых можно воссоздать картину о степени развития отдельных наук, о материальном и духовном состоянии хорватского народа, о культурных связях с миром, а также о внутренних связях между политически разьединенными хорватскими областями. История хорватской лексикографии, таким образом, тесно связана с историей хорватского общества.

В самом начале необходимо поставить два методологических вопроса:

1. С какого времени начинается история хорватской лексикографии.
2. По какому критерию лексикографические работы включают в хорватскую лексикографию.

С первым вопросом связан и теоретический вопрос: что можно считать словарем? Ведь словарь является предметом изучения лексикографии — будь то теория его составления или сам процесс его составления. Словарем в узком смысле слова можно считать самостоятельную работу, в печатном или рукописном виде, в которой лексические единицы располагаются в соответствии с определенным критерием, чаще всего по алфавиту или тематически, и в которой определяется их значение в том же языке или даются эквиваленты на одном или нескольких других языках. В широком смысле слова словарем можно считать и различные перечни слов в рамках других текстов. Речь, таким образом, идет о лексикографических работах, являющихся или самостоятельными целыми или частями каких-либо других работ. По этой причине история хорватской лексикографии охватывает предсловарный

период, начиная с появления первых глосс в различных текстах, а также словарный период. Однако, и в течение второго периода также выходили различные лексикографические работы, являвшиеся частями других текстов (в книге их могло быть несколько) или же приложениями текстов. На основании сочетания нескольких критериев в историю хорватской лексикографии включаются следующие словари:

1. Несамостоятельные
2. Самостоятельные:
  - а) одноязычные и двуязычные/многоязычные;
  - б) общие, специальные и диалектологические;
  - в) рукописные, печатные и электронные;
  - г) современные и исторические;
  - д) стандартные и субстандартные.

Подобное деление имеет упрощенный вид, поскольку типология словарей¹ намного сложнее, ибо существуют различные критерии по их классификации.

Вторая проблема состоит в том, *какие* лексикографические труды отнести к хорватской лексикографии. Здесь сложно провести границу, как в отношении работ, написанных в прошлом, так и современных трудов. Дело в том, что в прошлом многие авторы были иностранцами, причем одни из них никогда не были в хорватских краях, а другие либо были проездом, либо провели здесь большую часть своей жизни. Много словарей вышло в других странах, впрочем, некоторые книги хорватских писателей тоже печатались в иностранных типографиях, в силу чего ни авторский, ни национальный, ни территориальный критерий не может считаться основным. В настоящей работе мы исходили из двух критериев, причем один из них применялся по отношению к периоду до 1918 г., то есть до образования Югославии, а второй использован для периода после 1918 г. Первым критерием является языковой, единственно возможный. Если в работе представлена хорватская лексика, то труд относится к истории хорватской лексикографии. Согласно этому критерию некоторые старые хорватские многоязычные словари принадлежат не только хорватской, но, к примеру, и венгерской лексикографии (Вранчич — Vrančić, Ямбрешич — Jambrešić). Этот критерий не применяется по отношению к современным словарям, которые составляют зарубежные лексикографы, публикуя их в своих государствах. Что же касается словарей, выходивших в XX веке под различными названиями языка, то в этом случае основным критерием является территориальный. То есть, словари, вышедшие в Хорватии, принадлежат хорватской лексикографии, а словари, опубликованные в Сербии — сербской лексикографии. Название языка, к сожалению, вообще не может служить критерием, поскольку, начиная с самого раннего периода, вплоть до последнего десятилетия XX века, оно неоднократно менялось, причем даже когда речь шла об одном и том же словаре. Причиной тому — политические обстоятельства, в которых на протяжении всей своей истории приходилось существовать хорватскому народу, так что хорватский язык на обложках словарей

---

¹ Ср.: Hartmann R.R.K. Teaching and Researching Lexicography. Harlow: Longman, 2001.

был представлен различными названиями, таким образом изменение названия не всегда означало изменение содержания².

Начало письменности у хорватов связывается с двумя языками, не являющимися народными, — с церковнославянским и латинским. На церковнославянском языке нет ни глоссария, ни словаря, — по крайней мере они неизвестны или же не сохранились. На появление словаря скажется влияние другого иностранного языка — латинского. Дело в том, что в процессе контактов с латинской письменностью возникала потребность объяснения неизвестных иностранных слов посредством лексики родного языка. На почве этой практической потребности стала развиваться хорватская лексикография, в тесной связи с историей культуры хорватского народа. Раннее развитие хорватской лексикографии объясняется тем фактом, что уже в XIV в. наряду с церковнославянской литературой появилась и литература на народном языке. В эпоху Гуманизма и Ренессанса она уже была настолько развитой, что могла встать на одну ступень с другими европейскими литературами эпохи Ренессанса. Ее художественные достижения останутся почти на том же уровне и в период Барокко, так что хорватскую литературу, а также хорватскую лексикографию, выросшую на языке этой литературы, необходимо рассматривать в рамках европейской культурно-исторической системы. Литературные произведения являются условиями для развития лексики, а поскольку весьма богатая литература на народном языке появилась рано, для развития лексикографии были созданы отличные предпосылки.

Хорватская литература развивалась на трех наречиях, так что в XVI в. существовало по сути три литературных языка — чакавский, кайкавский и штокавский. Чакавская литература первой пережила расцвет, хотя и первой пришла в упадок в XVII в., в то время как кайкавский и штокавский литературные языки вплоть до XIX в. имели и свои словари, и грамматики, и орфографию, отличаясь высокой степенью стандартизованности. Эта специфика хорватской литературно-языковой истории наложила свою печать и на лексикографию. Хотя историки хорватской лингвистики относят старые хорватские словари к кайкавским или штокавским, лексика их с точки зрения диалекта настолько пестра, что классифицировать их подобным образом можно лишь условно.

Многовековое многоязычие

Началом лексикографии можно считать все переводные тексты, в которых для иностранного слова — вначале латинского — требовалось найти церковнославянское, а затем и хорватское слово. Мы можем лишь только представлять, каким образом те первые переводчики составляли для себя глоссарии; таким же образом поступают и современные переводчики документов европейского законодательства в государствах-членах Евросоюза или странах-кандидатах в членство ЕС. Вследствие большого числа правовой терминологии они должны составлять собственные глоссарии в целях согласования перевода и достижения возможности сравнения соб-

---

² Ср. далее данные о названиях словаря Рудольфа Филиповича.

ственных переводов с переводами других переводчиков. Конечная цель состоит в согласовании и нормировании терминологии.

Традиция хорватской лексикографии, если учесть словари в нынешнем значении этого слова, насчитывает более 400 лет (Фауст Вранчич — Faust Vrančić. «*Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae & Ungaricae*». Venezia, 1595), или же свыше 550 лет с учетом небольших рукописных лексикографических работ (Никколо Рокабонелла — Niccolò Roccabonella. «*Liber de simplicibus*». Zadar, 1449). Уже с самого начала она шла в одном русле с европейскими тенденциями развития лексикографии, от многоязычных словарей, составлявшихся в европейских странах на основе латинского словаря Амброзиуса Калепинуса (Ambrosius Calepinus. «*Dictionarium Latinum*» 1502), концептуальных словарей XVIII века, вплоть до большого 23-томного «Словаря Академии наук», составленного по образцу словаря «*Deutsches Wörterbuch*» братьев Гримм и подобных ему академических словарей того времени. Поскольку в Хорватии почти три столетия развивалась лишь двуязычная и многоязычная лексикография, лексикографы вынуждены были заниматься поисками хорватских лексических эквивалентов и таким образом пополнять и создавать хорватскую лексику. Именно в этих старых словарях скрываются истоки хорватской терминологии многих научных дисциплин и именно терминологией хорватский язык во многом отличается от других родственных славянских языков.

Первый известный до настоящего времени словарь с хорватской лексикой, составленный в Задаре, датируется приблизительно 1450 годом. Его автор Никколо Рокабонелла, итальянский врач и фармаколог, жил в Задаре, где, по-видимому, и записал хорватские названия растений, внесенные в рукописный иллюстрированный кодекс лекарственных растений «*Liber de simplicibus*»³. Кодекс содержит фитонимы на греческом, арабском, латинском, хорватском («*sclauonice*») языках и в меньшей степени на немецком. Всего обработано 459 растений, из них 369 снабжены хорватскими названиями⁴. Зафиксированы некоторые названия растений, имеющиеся в народных говорах, часть их позднее более не отмечалась, часть же фитонимов попала в хорватский язык из других словарей и в настоящее время эти слова являются нормативными, например, *bob* (*Vicia faba*), *proso* (*Panicum miliaceum*), *blitva* (*Beta vulgaris*), *kaloper* (*Tanacetum balsamita*), *ljubica* (*Viola odorata*), *šparoga* (*Asparagus officinalis*) и т. д. Богослав Шулек (Bogoslav Šulek) включил в свой словарь «*Jugoslavenski imenik bilja*» (1879) названия из этой рукописи с обозначением *Ml.*, а поскольку хорватские ботаники пользовались словарем Шулека при нормировании ботанической терминологии, то часть названий, отмеченных в словаре Роккабонеллы, употребляется и поныне. Хотя высказывалось мнение о том, что славянские названия словенского происхождения, тем не менее анализ их⁵, показал, что слова

³ Хранится в Библиотеке св. Марко (*Marciana*) в Венеции.

⁴ *Ivan Šugar, Igor Gostl, Kroata Hazler-Pilepić*. Hrvatsko biljno nazivlje. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2002.

⁵ Там же.

эти бесспорно хорватские, так как большая часть их записана чакавским икавским диалектом (например, *orih*, *drivo*), а кроме того, словарь содержит названия растений, не произрастающих на словенской территории. «*Liber de simplicibus*» можно считать началом терминологических и иллюстрированных словарей. Небольшие перечни лекарственных растений с хорватскими названиями встречаются и в XV в., составлялись они и в более поздние периоды, особенно это касается рукописных фармацевтических словарей, хранящихся в монастырской библиотеке Малых братьев в Дубровнике, местная аптека была известна «и в старом свете благодаря более чем семивековой деятельности»⁶.

Предтечей современного туризма было паломничество, поощрявшееся еще в конце VIII – начале IX в. Карлом Великим. Европа была испещрена дорогами, по которым двигались паломники, рыцари, торговцы, так что многие словари возникали как раз для их потребностей. Так, в XV в. появились небольшие тематические словари для путешественников, в первую очередь торговцев, а также для других категорий путешественников. Арнольд фон Харфф (Arnold von Harff), в 1497 г. на пути в Палестину проезжал по хорватским землям. В дороге он вел дневник и, между прочим, внес в него слова, услышанные им в Дубровнике. Хотя его нельзя считать словарем в современном смысле этого слова, поскольку дневник содержит всего 56 слов, работа Харффа тем не менее является предметом изучения хорватской лексикографии. По структуре она представляет собой словарь, содержит исходный (хорватский) и целевой (немецкий) язык, типологически же его можно отнести к тематическим словарям, так как слова связаны с пребыванием в харчевне. Путешествуя по славянским землям, Харфф полагал, что в них говорят на одном языке, «*slaueneske spraiče*», однако же он отметил, что Дубровник находится в королевстве Хорватии⁷.

Первый печатный словарь с хорватским как целевым языком вышел в Анконе, в Италии, в 1527 г. Это итальянско-хорватский словарь Петра Луписа Валентиано (Petar Lupis Valentiano) с небольшим количеством разговорных примеров — «*Opera nuova che insegna a parlare la lingua asciavonesca alli grandi, alli piccoli et alle donne*». Книжка содержит 328 хорватских слов. Автор ее — итальянский торговец. Такой тип словаря имел хождение в Европе в XV в., в Хорватии же он употреблялся и позднее (например, словарь «*Zvanik talijansko-hrvatski*» имел несколько изданий с XVII до начала XIX в., Путанец – Putanec, 1988); по сути, такие словари были предтечей современных туристических справочников. Интересно, что первый печатный хорватский словарь охватывает два живых языка, тогда как первые словари народных языков в Европе обычно составлялись с ориентацией на латинский язык.

Хорватские слова встречаются и в многоязычном разговорном справочнике, словаре «*Lugat*»⁸, хранящемся в Стамбуле в Айя-София. Этот словарь возник в конце

---

⁶ *Brlek Mijo*. Leksikograf Joakim Stulli. Zagreb: JAZU, 1987. С. 37 [JAZU — Югославская Академия наук и искусств].

⁷ *Vončina Josip*. Harffovo svjedočanstvo o hrvatskom jeziku // *Jezik*. 1991. № 39 (2). С. 48–51.

⁸ Такое название он имеет в рукописи.

XV в., наряду со славянскими он содержит арабские, персидские и греческие слова, необходимые для нужд многоязычного государства. Он представляет собой интерес, поскольку имеет два варианта, один из которых экавский⁹, а второй — екавский: условно говоря, речь идет о сербском и хорватском вариантах, возникших при переписывании первоначальной рукописи¹⁰ (Путанец – Putanec 1990). Речь идет не просто о переписи в екавском варианте: в словаре представлено и несколько лексических замен, например, *dućan* переделан в *staćon* (= *staćun*), *svetnik* в *lućerna*, что указывает на дубровницкое наречие.

Помимо Харффа свои словарные записи оставил еще один паломник в Палестину, на этот раз хорват по происхождению. Бартол Юрьевич — Джурджевич (Bartol Jurjević, Đurđević)¹¹, европейский гуманист, родом из окрестностей Загреба, провел долгие годы в турецком плену, а позднее объехал всю Европу. Он много писал на латинском языке об Османской империи, публиковал свои сочинения в Европе, некоторые из его трудов выходили на итальянском, французском, английском, немецком, голландском, польском и чешском языках. В сочинение «De afflictione tam captivorum quam etiam sub Turcae tributo viventium christianorum» (Антверпен, 1544) он включил латинско-хорватский словарь, содержащий 52 хорватских слова и выражения, примеры из разговорной речи, молитвы «Отче Наш», «Аве Мария» и «Символ веры», перечень цифр, а в конце привел текст о распространенности славянского языка¹². Поскольку эта работа переведена на другие языки, в них рядом с хорватскими словами вместо латинского приводятся слова на соответствующих языках, например, на французском, голландском и немецком¹³, так что у нас имеется несколько двуязычных словарей, в которых хорватский появляется в качестве одного из языков. Словари составлены тематически, первым концептом выступает небо, вторым — земля, затем плоды, одежда. Они сопровождают двуязычные диалоги на бытовые темы, на основании чего можно заключить, что предназначались для путешественников, в первую очередь паломников. Этот словарь не единственный, поскольку Юрьевич проявляет заботу и о других паломниках, так что из практических соображений в одной из своих работ добавляет итальянско-арабско-еврейско-халдейский словарь. Поскольку сочинения Юрьевича в свое время были хорошо из-

⁹ Эту рукопись опубликовал Вернер Лефельдт: *Lehfeldt Werner. Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte...*, Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1989.

¹⁰ *Putanec Valentin. Poliglottni ar.-perz.-grč.-srp. i ar.-perz.-grč.-hrv. rukopisni konverzacijski priručnici s konca 15. st. na Porti u Carigradu* (Knjižnica u Aja-Sofiji, mss. 4749 i 4750 // *Rasprave Zavoda za jezik. 1990. № 16. С. 237–244.*

¹¹ Фамилия его записана 25 способами. О нем писали многие слависты, к примеру, Ватрослав Ягич и Жан Бодуэн де Куртенэ (*Jembrih Alojz. Hrvatski filološki zapisi. Zagreb: Matica hrvatska, 1997. С. 19*). Рядом с фамилией он указывал и свое происхождение: *Panonius, Hungaro, di Croatia*. Поэтому в польской литературе указывают, что он поляк, а в венгерской — венгр. Тем не менее, доказано, что он уроженец окрестностей Загреба (*Jembrih Alojz. Hrvatski...*).

¹² *Jembrih Alojz. Hrvatski...*

¹³ Английский перевод, к примеру, не имеет словаря, хотя и содержит разговорную хорватско-английскую часть.

вестны в Европе, то и хорватский язык занял равноправное место в ряду других европейских и восточных языков.

В XVI в. выходят сочинения и на кайкавском литературном языке, хотя истоки кайкавской литературы датируются более ранним периодом. Первые опубликованные кайкавские сочинения одновременно являются и первыми лексикографическими работами. В сочинении «Dekretum» (1574) Ивана Пергошича (Ivan Pergošić) имеется латинско-хорватский глоссарий юридических терминов, представляющий большой интерес для истории хорватской юридической терминологии и истории хорватской терминологии. Дифференциальные словенско-хорватские словари дал и Юрай Далматин в приложении к своему переводу «Pentateuha» (1578) и Библии (1584). К этому же времени относятся и два небольших перечня-приложения малоупотребительных слов в произведении «Pochorni i mnozii inii Psalmi Davidovi» (1582) Шимуна Будинича (Šimun Budinić) и «Pisciole i evangelya» (1-е изд. 1613, 16-е изд. 1857) Ивана Бандулавича (Ivan Bandulavić).

Второй период, период самостоятельных словарей, начинается словарем Фауста Вранчича «Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum» (1595). Хотя первым печатным словарем по сути является словарь Валентиано, хорватская лексикография берет за точку отсчета словарь Вранчича, поскольку по структуре и объему он соответствует нашему представлению о словаре. Вранчич был всесторонне образованным человеком, он интересовался трудами Роджера Бэкона и Галилео Галилея, занимал ответственные должности, между прочим, был придворным секретарем короля Рудольфа II в Праге, где в то время жили многие деятели искусств и ученые. Будучи знатоком техники, он оставил многочисленные чертежи машин, самым известным среди которых является *Homo volans*, чертеж парашюта и его техническое описание, а как лексикограф он поставил хорватский язык в один ряд с наиболее известными европейскими языками. Большая часть лексики — чакавская, хотя есть и штокавская. В приложении дается перечень славянизмов в венгерском языке, что является зародышем этимологического словаря. Многоязычный словарь Вранчича вписался в рамки европейской многоязычной лексикографии, развившейся из многочисленных изданий, переработок и доработок латинского словаря Амброзиуса Калепинуса. Он вырос на почве европейской лексикографической традиции, однако, едва появившись, словарь со своей стороны пустил в нее свои корни. Новейшие исследования¹⁴ хорватских слов в первом словаре Иеронима Мегисера (Jeronym Megiser) «Dictionarium quatuor linguarum» (1592) позволяют сделать вывод о том, что Вранчич мог воспользоваться этим словарем. Хорватская историческая лексикография считает, что в 1603 г. Иероним Мегисер включил в свой «Thesarus polyglotus» слова из словаря Вранчича¹⁵. Поскольку одной из основных задач исторической лексикографии является установление возможных источников, крайне необходимо сравнить хорватские слова первого и второго словаря Мегисера со сло-

---

¹⁴ *Viš István*. Kroatizmi u četverojezičnom rječniku Hieronyma Megisera iz 1592. g. // Na brzu ruku skupljeni skup. Zbornik radova. Budimpešta: Hrvatska samouprava Budimpešte, 2005. С. 265–276.

¹⁵ *Dukat Vladoje*. Rječnik Fausta Vrančića // Rad JAZU. 1925. № 231. С. 102–136.

вами из словаря Вранчича, а также изучить источники, из которых Мегисер черпал хорватские слова для своего первого словаря. Впрочем, словарь Вранчича вскоре после выхода стал частью европейской лексикографии, поскольку уже в 1605 г. чех Петр Лодерекер (Petr Loderecker) опубликовал полный словарь, дополнив его польскими и чешскими эквивалентами. Это было в порядке вещей, так как в Европе еще в XVI в. на основе Калепинуса появлялись многочисленные словари, причем число других языков постоянно росло. С другой стороны, он составил шесть двуязычных словарей, представив каждый язык в его отношении к латинскому, так что написал и хорватско-латинский словарь. На основе словаря Вранчича итальянец Бернардино Бальди (Bernardino Baldi, умер в 1617 г., как и Вранчич) составил венгерско-итальянский словарь¹⁶, а в 1834 г. Йозеф Тёрёк (József Török) опубликовал в Пожони новое издание под названием «*Dictionarium pentaglottum*». До настоящего времени словарь Вранчича самостоятельно или в более обширном варианте словаря Лодерекера выдержал восемь изданий.

Особое место в истории хорватского литературного языка принадлежит Бартолу Кашичу (Bartol Kašić), как автору первой хорватской грамматики («*Institutionum linguae illyricae libri duo*», 1604) и хорватско-итальянского словаря, а также как переводчику сводной Библии. Словарь и Библия, к сожалению, остались в рукописном виде (они были опубликованы только в наше время). Рукописных словарей конца XVI в., XVII и XVIII вв. сохранилось несколько¹⁷, одни из них хранятся в иностранных библиотеках¹⁸, а другие в Хорватии.

Эпоха многоязычных словарей заканчивается в основном в XVII в. В этом столетии выходят и первые словари с хорватским языком в качестве исходного. Первый такой словарь имеется в составе семязычного словаря Лодерекера, однако выходят и «настоящие» словари. Один из них штокавский, а другой — кайкавский. Штокавский — «*Blago jezika slovinskoga*» (1651) хорватско-латинско-итальянский Якова Микали (Jakov Mikalja), содержащий около 25 000 слов, а кайкавский, хорватско-латинский — «*Dictionar*» (1670) Юрия Хабделича (Juraj Habelić), насчитывающий около 12 000 слов. Первый наряду со штокавскими словами содержит и чакавскую лексику, а второй помимо кайкавских слов включает и штокавские. Словари наилучшим образом демонстрируют междиалектную конвергенцию в формировании сверхдиалектного культурного идиома, что хорошо видно на примере каждого из них.

Из числа более объемных рукописных словарей того времени следует упомянуть итальянско-хорватско-латинский словарь Ивана Танцлигера Занотти (Ivan

¹⁶ Рукопись хранится в национальном музее г. Неаполя; *Katičić Radoslav*. *Lodereckerov rječnik — leksikografsko djelo i kulturni spomenik // Petr Loderecker. Sedmerojezični rječnik — Sedmijazyčny slovník, Prag 1605, pretisak. Zagreb: Novi Liber, 2005. С. 21, 23.*

¹⁷ *Putanec Valentin*. *Priručnik za proučavanje povijesti leksikografije*. Дополненная и переработанная статья «*Leksikografija iz Enciklopedije Jugoslavije*» (sv. V, 1962). На правах рукописи. Zagreb, 1992.

¹⁸ Один итальянско-хорватский словарь XVI века, содержащий около 1800 хорватских слов, хранится в университетской библиотеке Оксфорда; его издал Хайнц Дитер Пол (*Heinz Dieter Pohl*. *Das italienisch-kroatische Glossar MS Selden Supra 95. Edition des Textes und linguistischer Kommentar*. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, 1976).

Tanzliger Zanotti), дошедший до нас в трех редакциях (1679, 1704, 1732). Словарь возник в северной Далмации. В нем представлена чакавская и штокавская лексика, хотя заметно, что автор пользовался и кайкавским словарем Хабделича. Весьма четкую концепцию трех наречий общехорватского литературного языка с лучшей по тому времени латинской графикой имел чакавец Павао Витезович (Pavao Vitezović). Эта концепция отражена в его труде «Lexicon latino-illyricum» (1132 страницы)¹⁹, содержащем все три местоимения, по которым хорватские диалекты получили свое название: *što*, *kaj*, *ča*, хотя имеется и много слов, типичных лишь для отдельных диалектов. Его графические решения и представления о литературном языке во многом повлияют на Людевита Гая (Ljudevit Gaj) и хорватских деятелей национального возрождения 30-х годов XIX века по вопросу об окончательной выработке стандартного языка и его орфографии.

Словарь Витезовича был создан в самом начале XVIII в., для которого было характерно скорее развитие науки и просвещения, нежели появление крупных литературных произведений, тем более таких, какие создавались в эпоху Возрождения и Барокко. По этой причине словари отличаются энциклопедизмом, что находит свое отражение в обработке большого числа терминов, топонимов и антропонимов. В XVIII в. помимо переводных словарей, составленных в алфавитном порядке и имевших наиболее длительную историю, создаются и другие типы словарей, как, например, этимологические, энциклопедические²⁰, исторические, концептуальные. Хорватские словари чаще всего составляли иезуиты, а также францисканцы. В XVIII в. круг авторов и пользователей словарей расширяется, так что среди авторов появится офицер (Релькович – Reljković), а пользователями станут говорящие на немецком языке (Ланосович – Lanosović). XVIII век со своими просветительскими идеями способствовал развитию языкознания. Неслыханная потребность в учебниках языка подтверждается их повторными изданиями. Публикуется масса грамматик и словарей, многое сохраняется также в рукописном виде. Хорватские языковеды старшего поколения зачастую были авторами грамматик и словарей, составляя их иногда как единый учебник по языку, снабженный различными дополнениями, например, примерами разговорного языка, образцами написания, правописания и т. д. Эти учебники обычно писались для школьных нужд. К сожалению, многие словари остались в рукописном виде, причем по двум причинам: авторы или не сумели найти издателя, или же не смогли их завершить, с учетом длительности работы и кропотливого характера лексикографического труда. Хотя рукописные словари за небольшими исключениями не оказывают влияния на других лексикографов, они тем не менее имеют большое значение, будучи показателями позиций автора касательно языка, степени развития языка и культуры, выступая в целом и свидетелями своей эпохи. В них заключено значительное лексическое богатство, большей частью еще не изученное.

---

¹⁹ Согласно некоторым сведениям он написал и хорватско-латинский словарь, который, однако, утерян.

²⁰ Термин *энциклопедия* впервые употребляет хорват Павао Скалич (Pavao Skalić) в своем сочинении «Encyclopaedia seu orbis disciplinarum tam sacrarum quam profanarum epistemon» (1559).

Наиболее интенсивная культурная деятельность протекает в приморских городах, особенно в Дубровнике. На научную и культурную деятельность плодотворное влияние оказало основание в конце XVII в. Академии (*Akademija ispraznijeh* — *Academia degli Oziosi Eruditi*) по образцу итальянской Аркадии. Ее задачей было составление словарей и грамматик, в которых бы описывались прежде всего латинский, хорватский и итальянский языки. Впервые появляется идея о том, что словарем должна заниматься группа лексикографов, а не отдельные лица, которые составлению словарей нередко посвящали большую часть своей жизни. Лексическое богатство собиралось из опубликованных и рукописных сочинений, из народной речи, для сбора народной лексики нередко проводились экспедиции. Уже давно было известно, что штокавский диалект является наиболее распространенным, и *общий язык* (*lingua communis*) должен опираться именно на него. Результатом этой деятельности стало появление нескольких рукописных лексикографически ценных работ, среди которых необходимо отметить «*Dictionarium latino-illyricum*» (1715–1716) Джуро Матияшевича (*Đuro Matijašević*), содержащий более 13 000 заглавных статей²¹, а также хорватско-итальянский словарь, приписываемый Бартолу Кашичу (*Bartol Kašić*).

Хорошо изучив хорватский язык, итальянец Арделио Делла Белла (*Ardelio Della Bella*) написал на итальянском языке хорватскую грамматику («*Istruzioni grammaticali della lingua illirica*») и трехязычный словарь («*Dizionario italiano, latino, ilirico...*», 1728, 1785). Словарь базировался на дубровницком говоре и примерах из приблизительно сорока произведений штокавских и чакавских писателей XVI и XVII вв. Таким образом, его можно считать первым хорватским историческим словарем, с обилием текстовых ссылок употребления заглавных статей, множеством фразеологизмов и пословиц. Словарь содержит около 30 000 заглавных статей. Поскольку Делла Белла оказал большое влияние на более поздних языковедов вплоть до периода национального возрождения, его екавская штокавщина стала основой языкового нормирования.

Связи с Италией во всяком случае оказались плодотворными. Многие хорваты обучались в итальянских университетах, а многие образованные итальянцы жили в наших краях. Интересно, что словарь мог возникнуть и на пути от Анконы к Дубровнику. Так, уроженец Дубровника Иван Мария Матияшевич (*Ivan Marija Matijašević*) в 1751 г. с помощью попутчика — уроженца Белграда Йована Младеновича (*Jovan Mladenović*), знавшего русский язык²², во время плавания на корабле составил «*Dizionario italiano-slavo-moscovitico*», содержащий немногим более 1000 заглавных статей.

Словари в XVIII в. даются в приложениях к латинским грамматикам²³ Томо Бабича (*Tomo Babić*. «*Prima grammaticae institutio pro tyronibus illyricis accomodata*»,

²¹ *Franić Ivana*. *Rukopisni Dictionarium latino-illyricum (1715–1716) Đure Matijaševića* // *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 2005. N 31. С. 51–85.

²² *Deanović Mirko*. *Talijansko-hrvatsko-ruski rječnik iz godine 1751. Un Dizionario italiano-slavo-moscovitico del 1751* // *Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu*. 1951. I. С. 567–612.

²³ Ср.: *Knezović Pavle*. *Aneksni rječnici latinskih gramatika 18. Stoljeća* // *Leksikografija i leksikologija. Zbornik radova. Akademija nauka i umjetnosti BiH. Posebna izdanja. Knj. LXXXV. Odjeljenje društvenih nauka. Knj. 21. Sarajevo*. 1988. С. 143–154.

1712, 1745) и Ловро Шитовича Любушака (Lovro Šitović Ljubušak. «Grammatica latino–illyrica», 1713, 1742, 1781), а также в учебниках по языку Блажа Тадиановича (Blaž Tadijanović. «Svaschta po mallo illiti kratko sloxenye immenah i ricsih u illyriski i nyemacski jezik», 1761, 1766), Матии Антуна Рельковича (Matija Antun Reljković. «Nova slavonska i nimmacska gramatika», 1767, 1774, 1789) и Мариана Ланосовича (Marijan Lanosović. «Neue Einleitung zur slavonischen Sprache», 1778, 1789, 1795), а в конце века и Йосипа Юрина (Josip Jurin. «Slovkigna slavnoj slovinskoj mladosti diačkim, illiričkim i talianskim izgovorom napravljena», 1793).

Мариан Ланосович оставил после себя несколько незавершенных многоязычных словарей в различных сочетаниях хорватского, немецкого, латинского, итальянского и венгерского языков. При составлении он брал за образец словари немецкого лексикографа Й.К. Аделунга (J.K. Adelung), а также отечественные словари, прежде всего Делла Беллы и Стулли (Stulli), однако при этом он следовал не екавщине, отраженной в словарях, а писал на своем икавском диалекте. Его словари являются наилучшим доказательством того, насколько это сокровенное богатство изобилует полезными данными, не только языковыми, но и внеязыковыми, в то время как лексика, если ее сравнивать с лексикой других литературных произведений конца XVIII в., свидетельствует о том, что «Критика чистого разума» (1781) Канта объективно могла быть в оригинале написанной и на хорватском языке. У Ланосовича можно найти и ростки бинарной ботанической номенклатуры, то есть задолго до ее применения в хорватской ботанической литературе²⁴. Параллельно и Йосип Юрин оставляет большие незавершенные трехязычные словари — «Calepinus trium linguarum» (tomus I, II). Речь идет о 2872 страницах большого формата (32 × 22 см). Первый словарь латинско-хорватско-итальянский (1682 с.), второй итальянско-латинско-хорватский (1050 с.); третий том (140 с.) по сути представляет собой дополнение к первым двум словарям. Словари Юрина являются поздним отголоском европейской тенденции развития многоязычной лексикографии, возникшей на основе латинского словаря Калепинуса. В свою грамматику, подобно большинству грамматистов XVIII века, он включил малые латинско-итальянско-хорватские словари (с алфавитной и гипонимической структурой). Хотя словари, содержащиеся в учебниках языка, возникли в различное время и в различных областях — от Далмации до Славонии — между ними много общего, вследствие чего следовало бы изучить возможные общие источники. Если тезаурусы понимать в самом широком смысле как словари, составленные по тематическому принципу (семантически, концептуально), тогда можно сделать вывод, что такие лексикографические труды были предтечей нынешних тезаурусов. Они строятся по семантическим разрядам, с семантически опорным словом (*мир, рыбы, деревья, цвета...*). Зачастую критерии обработки лексики смешанные, так что тематическая обработка сочетается с алфавитной, а также грамматической, отдельно указываются имена, глаголы и т. д. В латинских грамматиках подобные приложения писались под влиянием многочисленных пере-

---

²⁴ Zbornik radova o Marijanu Lanosoviću (ur. Josip Vončina). Osijek: JAZU, 1985.

работок латинской грамматики («De institutione grammatica» — libri tres, 1572) иезуита Эмануэла Алвареса (Emanuel Alvares). Латинский язык в католических школах, начиная еще с времен Средневековья, изучали на основе вокабуларов (lat. *vocabularia*), по которым учили вначале слова, связанные с Богом и небесами, а затем — с земным миром²⁵. Подобная структура обработки лексики довольно регулярно встречается в словарях-приложениях к хорватским грамматикам XVIII века, а также в нескольких грамматиках XIX века.

Несмотря на небольшой объем, эти словари, выходявшие в качестве приложений, представляют собой настоящую сокровищницу отечественной терминологии и попыток создания калек и неологизмов. Они показывают и внеязыковые данные, такие, как, например, отношение к словам-табу. Шитович склонен к описанию в тех случаях, когда лексические пробелы рядом с латинскими словами отсутствуют. Бабич и Юрин в подобных случаях поступают как настоящие лексикографы: любое слово само по себе приемлемо. Шитович избегает отечественных названий и пользуется парафразами: *stvar sramotna kud se izbina probavlja* (anus), *udo čovičje sramotno kojim čini porod* (membrum gentale), *narav žene sramotna* (vulva). Бабич приводит правильные параллели с одинаковым значением: *stražnjica*, *guzica* (anus), *narav ženska* (vulva), *udo plodno* (membrana, vel genitale). Поскольку для Юрина слова не являются постыдными, он не избегает отечественных названий, хотя склонен к отечественным «ученым» словам: *udoplodnik* (penis), *utroba*, *udoplodka* (vulva), *zadnjica*, *guza* (anus).

Адам Патачић (Adam Patačić), также живший в XVIII в., оставил рукописный словарь «*Dictionarium latino-illyricum et germanicum*» с макроструктурой из четырех больших частей, каждая из которых разветвляется на несколько подтем, содержащих значительное количество энциклопедических толкований на латинском языке. Его хорватский, по сути, — кайкавский литературный язык с некоторым количеством штокавских слов, так что сочинение является драгоценным собранием кайкавской лексики и кайкавского литературного языка на вершине его развития в XVIII в.

В XVIII в. вышло два крупнейших кайкавских словаря: «*Gazophylacium illyrico-latinum*» (1740) Ивана Белостенца (Ivan Belostenec) и «*Lexicon latinum interpretatione illyrica, germanica et hungarica locuples*» (1742) Андрии Ямбрешича (Andrija Jambrešić). Латинско-хорватский и хорватско-латинский словарь Белостенца является лучшим показателем сверхдиалектной конвергенции в создании хорватского литературного языка. Основная лексика — кайкавская, а наряду с ней имеются штокавские и чакавские слова, снабженные пометами о происхождении. Оба словаря богаты фразеологизмами, терминами и новыми лексическими единицами самой разнообразной тематики. Используются богатые словообразовательные возможности хорватского языка, так что от одного корня образованы многие производные.

Значительный лексикографический труд Ямбрешича в 1160 страниц помимо слов на четырех языках содержит еще предисловие, перечень хорватских слов со ссылкой на латинские заглавные статьи, малый словарь латинских терминов, построен-

²⁵ *McArthur Tom*. *Worlds of Reference*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.

ный по понятийным гнездам, названия растений, римский календарь, таблицу арабских и римских цифр. Существуют различные мнения касательно авторства и лексикографических источников всех четырех языков. Хотя на обложке указано только имя Ямбрешича, соавтором, вне всякого сомнения, является и Франьо Сушник (Franjo Sušnik). «Лексикографический труд Ямбрешича, рассматриваемый как часть европейской, в данном случае латинско-немецкой лексикографии, ни в малейшей степени не отстает от остальных словарей того времени»²⁶. Наряду с основной лексикой кайкавского литературного языка того времени в словаре имеются штокавские слова (например, *što, štogod, misa, tamo, Uskrs...*) и в несколько меньшем числе чакавские слова (напр., *Vazam, zač, zajac, crikva, takojer...*). Словарь отличается наличием многочисленных калек и неологизмов, особенно когда речь идет о научной терминологии того времени. Этот словарь отражает многоязычную ситуацию в Габсбургской монархии. Немецкий и венгерский языки были вторыми языками хорватского дворянства, а также языками, на которых говорили многочисленные иммигранты, особенно носители немецкого языка.

Рассмотренные словари показывают, что границы фиксированности определенного слова зачастую отодвигаются в более далекое прошлое, а также то, что в пополнении лексических пустот чрезвычайно плодотворно калькирование; в них присутствует множество неологизмов, встречаются церковнославянизмы, а слова различных хорватских областей и диалектов, которые в словарях приводятся как синонимические ряды, зачастую различаются лишь рефлексом буквы «ять» (например, *brig, brieg, breg*). Все это показывает, что лексикографы формировали литературный язык на основе совокупного хорватского языка, а также на основе богатой хорватской литературы, внося свой собственный вклад в создание новых слов либо посредством калькирования, либо словообразования или заимствования. Хорватские словари наилучшим образом демонстрируют всю сложность исторического пути, пройденного хорватским литературным языком. Представленные в них многочисленные синонимические ряды (например, *kruh, hleb, hlieb; ocat, kvasina, sirće; ča, kaj, što; Vuzem, Vazem, Uskrs; zastava, bandera, stjeg, barjak...*) являются доказательством того, что преобладавшее в хорватской лингвистической литературе мнение, согласно которому хорватский литературный язык развился на основе новоштокавского фольклорного койнэ²⁷, не выдерживает критики. Новоштокавское фольклорное койнэ является лишь одной из составных частей хорватского литературного языка, но не его основой. Народная песня не знает ни синонимов типа *tovar* и *magarac* (осел), *vitar* и *vjetar* (ветер), ни неологизмов, и тем более калек, которые во множестве имеются в словарях старшего периода, например, у Йосипа Юрина *dvogovorje* (диалог), *skupnovlad* (республика), *svitopisje* (космография), *zemljomirje* (геометрия), *tvrdovirje* (догматика) и т. д. Народной песне вообще неизвестны «ученые» слова, приведенные выше. Хотя Юрин, как, впрочем, и другие францисканцы,

---

²⁶ Žepić Stanko. Njemački dio Sušnik-Jambrešičeva rječnika «Lexicon Latinum» // *Andrija Jambrešič. Lexicon Latinum...* Pretisak. Zavod za hrvatski jezik. Zagreb, 1992. С. XXIX–L.

²⁷ Brozović Dalibor. Standardni jezik. Zagreb: Matica hrvatska, 1970.

пишет не для «великих мудрецов» («*velike mudroznance*»), а для обычных людей, его язык далек от языка простолюдинов. Такая сверхдиалектность и сверхрегиональность как раз и является существенной исторической характеристикой хорватских словарей.

Золотой век хорватской лексикографии

В XIX в. начинают развиваться новые отрасли наук, появляются новые понятия, возникает потребность в терминах, все это оказывает благотворное влияние на лексикографию. Важнейшим поворотом в лексикографии стало начало выхода первого одноязычного толкового словаря, выпуск которого в качестве первостепенной задачи поставила перед собой Югославская Академия Наук и Искусств (JAZU) после своего основания в 1866 г. Хорватская лексика, ее грамматические и семантические особенности, ее происхождение, употребление, а также диахроническая и синхроническая степень распространения впервые получает более детальное описание. Словари и до XIX в. имели большое значение для развития хорватского литературного языка, а в XIX в. они сыграют значительную роль в подготовке хорватского языка для принятия всех функций, которые до того времени в отдельных сферах общественной жизни имели латинский, немецкий и итальянский языки. Хотя развитие хорватской лексики и далее отмечено пуризмом, тем не менее именно в XIX в. посредством словарей в хорватский язык войдет большое число интернационализмов, без которых интеллектуальная надстройка была бы невозможна. Чтобы понять языковой пуризм XIX в., необходимо познакомиться с тем, каким образом великий лексикограф Богослав Шулек (Bogoslav Šulek) заполнял лексические пустоты хорватского языка. Многие слова Шулек взял из народного языка, причем отбор он производил не только в среде носителей штокавского диалекта (например, кайкавские *piknja*, *črknja*, *vlas*, *klobuk*...). Часть слов заимствована им из других славянских языков, больше всего из чешского и словацкого, а также из словенского, польского и русского (например, *dojam*, *geslo*, *naklada*, *okolnost*, *ploha*, *prirodopis*, *stanovište*, *stroj*, *sustav*, *zemljovid*...). Никто не мог сравниться с Шулеком в мастерстве использования словообразовательных возможностей. Он с легкостью применял многочисленные словообразовательные модели хорватского языка. «Если немцы не без причины стали отказываться от чужих слов и требовать их замены самобытными немецкими словами, это еще в большей степени относится и к нам... Правда, ни один язык не свободен совершенно от чужих слов, и наш тоже, и никогда не будет; но если и употребить какое-нибудь чужое, но духу языка отвечающее слово, это должно иметь причину» («*Ako su Niemci s razlogom počeli zazirati od tuđjih riečih, te zahtievati, da se zamiene korjenitimi njemačkimi besjedami, to valja još više za nas... Nije doduše nijedan jezik sasviem čist od tuđjih riečih, a nije ni naš, nit' će ikad biti; nu ako i jest prosto upotrebljavati po gdjekoju tuđu duhu jezika primjerenu besjedu, to mora bivati s načinom*»)²⁸. Хотя наука

---

²⁸ *Šulek Bogoslav*. Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja. I–II. Zagreb, 1874–1875. С. XIII–XIV.

интернациональна, Шулек попросту считает, что посредством заимствования европейской химической терминологии невозможно приблизиться к общей европейской образованности. По этой причине он упорно создает неологизмы и кальки или заимствует славянизмы. Лексика его выступает отражением многофункциональности стандартного языка того времени, отражением культурной, научной и экономической степени развития хорватского общества той эпохи. Влияние Шулека на развитие лексики XIX века и в наше время огромно, поэтому его лексикографический труд занимает центральное место в нормировании хорватской лексики.

Несмотря на пуризм, благодаря Шулеку (а нашлось бы немало подобных лексикографов) в хорватский язык в то время проникло множество интернационализмов (например, *adresa, aerodinamika, aforizam, akord, akril, akustika, akvarij, alegorija, analitika, apstrakcija, atom, fizika, flegmatičan, formalan, fosfor, hiperbola* и т. д.). Таким образом, подобный пуризм не может иметь отрицательного значения, которое приписывают ему некоторые лингвисты²⁹, а в сравнении с новоштокавским пуризмом Караджича он действительно мягче. Это было время крупного пополнения хорватской лексики новыми словами. Именно эта новая лексика определяет разницу между хорватским и сербским языками. В то время как сербский язык опирался на язык сельской местности, иллирийцы, по наблюдению Томаса³⁰, вслед за своими предшественниками строили его на основе городского языка (достаточно сравнить «*Lexicon latinum*» 1842 г. Андрии Ямбрешича – *Andrija Jambrešić*).

Когда мы говорим о языковом заимствовании, то имеем в виду заимствования из иностранных языков, а также из диалектов, не являющихся основой литературного языка. В словарях и раньше были нормативные определяющие, например, Иван Белостенец (*Ivan Belostenec*): *čmela* см. *pčela*, *kreč* см. *varno*, *jeđup* см. *cigan*, *gvožđe* см. *železo*; Адам Патачич (*Adam Patačić*): *cerussa belilo*, *belnica* (vulgo: *plajbas*), *lima pila* (turpija vox est turcica); Иоаким Стулли (*Joakim Stulli*): *lupaoc* см. *lupalac*, *kopitec* см. *korito*, но с начала периода национального возрождения заимствования адаптируются согласно правилам словообразования, являющихся надстройкой новоштокавского словообразования, например, *Danica*³¹: *vura* см. *uga*, *sojuz* лучше *svez*, *aldov* см. *žrtva*; Богослав Шулек: *akov* см. *vjedro*, *šker* простореч. см. *brodarnica*, *štenge* простореч. см. *shodići*, *špilja* см. *spilja*.

В XIX в. специальная лексикография становится самостоятельной дисциплиной и отдельные отрасли знания получают свои терминологические словари. Лексикография способствует развитию других лингвистических дисциплин, например, терминологии, этимологии, ономастики, словообразования, лексикологии, диалектологии, вместе с тем появляются и ростки теории лексикографии. Появляются профессиональные лексикографы. Впервые предлагается концепция для составления

---

²⁹ *Crystal David*. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford: Basil Blackwell Ltd., 1985.

³⁰ *Thomas George*. The Impact of the Illyrian Movement on the Croatian Lexicon. München: Otto Sagner, 1988.

³¹ *Danica*. Sbirka nekotjih rečih, koje su ili u gornjoj ili u dolnjoj Ilirii pomanje poznane // *Danicza horvatzka, slavonzka y dalmatinzka*. Zagreb, 1835.

словаря. Джуро Даничич (Đuro Daničić) является первым редактором словаря «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika JAZU», в «Обзоре» («Ogled») обосновываются источники словаря, выбор слов, вносимых в словарь, способ их обработки, выбор новых слов, которые войдут в употребление³². Лексикографические идеи набирают силу в среде славянских языков и иных европейских. В XIX в. доминирующими становятся три типа словарей: 1) двуязычный и многоязычный, 2) одноязычный и 3) терминологический.

С начала XIX в. в рукописном виде остались два незаконченных словаря Матии Петра Катанчича (Matija Petar Katančić), человека с энциклопедическим образованием, переводчика первой полной печатной Библии, напечатанной после его смерти, в 1831 г. «Etymologicon Illyricum (Pravoslavnik)» — первый хорватский этимологический словарь, содержащий порядка 53 000 заглавных статей; «Lexicon latino-scroaticum» по числу заглавных статей вдвое меньше. Он содержит также и первый критический очерк, посвященный хорватским лексикографам того времени.

Деятельность уроженца Дубровника Иоакима Стулли является лучшим примером того, сколь кропотлива и трудоемка работа над словарем. Над тремя своими большими трехязычными словарями он работал полвека, практически всю жизнь. К счастью, жизнь его была долгой (1730–1817), так что свой труд ему удалось довести до конца. Исходный язык менялся: хорватский, итальянский и латинский. Достаточно сказать, что словарь «Rjecsosloxje slovinsko-italijansko-latinsko» (1806) содержал порядка 80 000 заглавных статей, размещенных на 1401 странице формата энциклопедии, так что объем этого труда говорит сам за себя. Для сбора материала было использовано 160 источников, главным образом штокавских, хотя он привлекал и диалекты³³. Лексикографический труд Стулли важен для хорватской лексикографии не только из-за обилия лексикографического материала, но и благодаря метаязыку. Заглавные статьи снабжены ударениями, грамматическими сведениями, нормативными словами, а примеры употребления опираются на подтверждения письменных источников. Поскольку имеется много слов из других славянских языков, интересно проследить их адаптацию в новоштокавском диалекте; таким образом, несмотря на то, что многие слова никогда не вошли в хорватский язык, можно сделать вывод, что словари Стулли своим екавским новоштокавским диалектом и славонской графикой, которая была проще дубровницкой, способствовали стабилизации языковой нормы. Открытость славянизмам полностью соответствует широким понятиям о близости славянских языков и даже о едином славянском языке, представление о котором бытовало на протяжении всей истории. Подобно Стулли в тот же период действует Самуэль Богумил Линде, щедро предоставляя страницы своего словаря («Slovník jazyka polskiego», 1807–1814) для славянских слов.

Новому времени принадлежит работа Ивана Мажуранича (Ivan Mažuranić) и Якова Ужаревича (Jakov Užarević) «Němačko-ilirski slovar» (1842), содержащая назва-

³² Этим словарем была введена так называемая графика Академии. Все графемы состояли из одной буквы, так что вместо *lj, nj, dž* писали *l, n, ğ*.

³³ Ср.: *Brlek Mijo*. Leksikograf Joakim Stulli. Zagreb: JAZU, 1987.

ния для многочисленных новых понятий. Это эпоха хорватского национального возрождения, когда язык, согласно учению Гумбольдта, будучи главной характеристикой национальной идентичности, сыграл значительную роль в национальной гомогенизации. За короткий период появилось очень большое количество словарей³⁴ и грамматик³⁵. Словарь Мажуранича и Ужаревича стал лексической основой для словарей более позднего времени³⁶. Таким образом в употребление вошло множество новых слов. Этот словарь, а позднее и словари Шулека, показал, что если лексическая норма литературного языка стремится соответствовать культурным и научным требованиям времени, она не может опираться исключительно на народный лексический фонд. Эта точка зрения противоречила позиции хорватских сторонников литературно-языковой концепции Вука Караджича.

Богослав Шулек внес настолько большой вклад в развитие хорватской лексики, что по значению сделанного с ним никто не может сравниться. Хотя значительная часть его слов никогда не вошла в употребление, начало существованию сотням слов положил именно Шулек. Его работа «*Jugoslavenski imenik bilja*» (1879), основанная на народных названиях растительных видов, и поныне служит основным средством в нормировании ботанической терминологии, а военная терминология, значительный вклад в формирование которой внес Шулек³⁷, возобновила свое существование после обретения Хорватией государственной самостоятельности. Большой «*Немацко-hrvatski rječnik*» (1860) и в настоящее время является живительным источником для переводчиков. Лексикографический труд Шулека может считаться формой лексической кодификации. Дело в том, что его словарь «*Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenoga nazivlja*» был предписан к использованию в средних и высших учебных заведениях; известно, что школьные учебники всегда пишутся стандартным языком. Речь более не идет об индивидуальной норме, поскольку его словарь появился как результат общественного заказа.

После Драгутина Парчица (*Dragutin Parčić*) осталось несколько изданий хорватско-итальянского и итальянско-хорватского словаря, написанных во второй половине XIX в., а его крупнейший «*Rječnik hrvatsko-talijanski*» появился в 1901 г. Словарь придерживался морфонологического правописания, хотя официальным правописанием уже было фонологическое. Он следует хорватской лексикографической традиции, противостоя хорватским сторонникам Вука Караджича. Этот труд демонстрирует исключительную заботу о хорватской лексике, он изобилует неологизмами и кальками, в нем много слов из народного языка.

В тот период, когда только что основанная Югославская Академия Наук и Искусств развернула работу над одноязычным общим толковым словарем, никто не мог предположить, что до его завершения пройдет сто лет. Материал для словаря Академии начали собирать в 1867 г., первый том вышел в 1880 г., а последний —

---

³⁴ *Vince Zlatko*. *Putovima hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1978.

³⁵ *Tafra Branka*. *Gramatika u Hrvata i Vjekoslav Babukić*. Zagreb: Matica hrvatska, 1993.

³⁶ *Dukat Vladoje*. *Rječnik Mažuranića i Užarevića* // *Rad JAZU*. Zagreb. 1937. № 257. С. 83–132.

³⁷ *Vince Zlatko*. *Putovima hrvatskoga književnog jezika*. С. 563–568.

в 1976. Словарь был задуман как тезаурус, собрание всех слов. В конечном итоге он оказался и историческим, и диалектологическим, и этимологическим, и ономастическим словарем. На этом словаре выросли многие хорватские лексикографы. Поскольку материалом для него послужили все предшествующие словари, он одновременно является памятником истории хорватской лексикографии и словарем словарей, ибо по нему возможно проследить историю хорватской лексики, отраженную в других словарях. Лексикографические ссылки в начале словарной статьи, перед литературными и диалектными материалами, отличаются большой наглядностью. Академический словарь фиксирует примеры исторического возникновения слов, в нем также отражена совокупная динамика развития слова как в плане выражения, так и в плане содержания. Он отличается от других словарей по числу лексических параметров, поскольку их число намного больше, чем в словарях иного типа. Обилие информации, касающейся языковой структуры и внеязыкового контекста, важного для возникновения слов, является существенной характеристикой этого большого диахронического словаря. Здесь предлагаются сведения о фонологическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом развитии слова и его этимологии, а также приводятся внеязыковые сведения, чаще всего относительно времени и места возникновения слова, описание реалий, сведения об исторических лицах и местах, а также письменные подтверждения этой информации. Богатство цитат делает этот словарь филологическим путеводителем по истории письменных источников. Поскольку работа над академическим словарем продолжалась сто лет, понятно, что его метаязык неоднороден и страдает непоследовательностью, тем более, что инструкции для обработки не существовало, а с течением времени список источников расширялся, так что подтверждения из них брались, начиная с того слова, до которого дошла предыдущая обработка. Если провести параллель с европейской лексикографией того времени и началом составления больших словарей («Deutsches Wörterbuch» Jacob'a и Wilhelm'a Grimm'a 1837 и «Oxford English Dictionary» 1858), то можно сказать, что словарь Академии — это свидетельство того, что хорватская лексикография идет в ногу с европейской, как это было и в предшествующие периоды.

Хотя первый до настоящего времени известный хорватский словарь «Liber de simplicibus», по содержащемуся в нем материалу был терминологическим, терминологические словари в современном смысле этого слова появились лишь в XIX в. Если сегодня говорить о научной терминологии тех или иных научных отраслей, неизбежно следует обратиться к терминологическим словарям XIX в., поскольку в них заложены основы терминологии этих отраслей. Основы правовой терминологии находятся в словаре «Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs (Deutsch-kroatische, serbische und slovenische Separat-Ausgabe)», естественнонаучной — в словаре Богослава Шулека «Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenoga nazivlja», а ботанической терминологии в его же словаре «Jugoslavenski imenik bilja»; основы терминологии лесного дела имеются в словаре Йосипа Эттингера (Josip Ettinger) «Šumarsko-lovački leksikon» (1898), а медицины — в словаре Ивана Дежмана (Ivan Dežman) «Rečnik lječničkoga nazivlja» (1868) и т. д.

Век XX и XXI — конвергентные и дивергентные лексикографические пути

В исторических лексикографических обзорах существует полная ясность касательно того, какой из словарей старшего периода принадлежит хорватской, а какой сербской лексикографии³⁸. Когда же речь идет о словарях, вышедших в Югославии, ясность здесь меньшая. Часть их имеет смешанную лексику чаще всего по коммерческим причинам. Словари, особенно двуязычные и терминологические, распространялись на совокупном рынке, а их авторы стремились удовлетворить потребности своих пользователей. После распада Югославии не все лексикографические связи разрушились, так что лексические источники используются и далее без учета государственных границ. В некоторых случаях это имеет свое оправдание, поскольку словообразовательные модели большей частью совпадают в обоих языках³⁹, а в некоторых оправдано в меньшей степени, как например, в случае словарей разговорного языка, слова которого территориально маркированы даже в пределах одного языка. Название языка на обложке никоим образом не может служить критерием при определении их принадлежности. Различные издания одного и того же словаря имели различные названия языка, например «Englesko-hrvatski rječnik», редактором которого был Рудольф Филипович (Rudolf Filipović), при повторных 24 изданиях выходил под следующими названиями: «Englesko-hrvatski rječnik» (Zagreb, 1955 и последующие издания), «Englesko-hrvatskosrpski rječnik» (1963, 1966, 1970), «Englesko-hrvatski rječnik» (1971), «Englesko-hrvatski ili srpski rječnik» (1974 ... 1990), «Englesko-hrvatski rječnik» (1991 и последующие издания).

Большинство словарей, имевших составное название языка (сербохорватский, хорваткосербский, сербско-хорватский, хорватско-сербский, хорватский или сербский), описывали главным образом или хорватскую или сербскую лексику, а другую снабжали пометами. Например, словарь «Rečnik SANU», составившийся на сербском и хорватском материале, рядом с хорватскими словами *bojovnik*, *bojovni*, *bojovnica*, *brzobjav* указывает, что они используются в западных областях, но в то же время рядом с типичными сербскими словами, как например, *boranija* и *bre*, не указывает, что их употребляют в восточных областях. Некоторые обычные хорватские слова он отмечает как устаревшие (*veleposlanstvo*, *vjerodajnica*) или варваризмы (*vizualan*) или же отсылает к сербским словам (*vizualnost* см. *vizuelnost*, *vjetar* см. *vetar*, *nejednadžba* см. *nejednačina*). И в двуязычных словарях равноправие (нередко обозначенное как вариант) не могло быть последовательно проведено. Бенсон (Benson) в 1985 г. отмечал различия, но на основании непоследовательности в представлении и метаязыке словаря (*nitrogen ... azot*, *chemistry laboratory hemijska*

³⁸ Ср.: Katičić Radoslav. Serbokroatische Lexicographie // Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Teilbd. II. Hrsg. von Franz Josef Hausmann. Berlin; New York: De Gruyter, 1990.

³⁹ Ср.: Darinka Gortan-Premk. Semantičko-derivacioni rečnik, sveska 1: Čovek — delovi tela. Novi Sad, 2003. Т. 1: Человек — части тела, Нови Сад, 2003; sveska 2: Čovek — unutrašnji organi i tkiva, psihofiziološka stanja i radnje, psihofizičke osobine, srodstvo. Novi Sad, 2006. Т. 2: Человек — внутренние органы и ткани, психофизиологические состояния и процессы, психофизические особенности, родство. Нови Сад, 2006.

laboratorija, child prodigy *čudo od deteta*, personality *ličnost*, personify *oličiti*, *personifikovati*) видно, что описывал он сербскую лексику, а хорватскую давал во фрагментах, поскольку экавско-иекавские параллели, в наибольшей степени представленные среди указанных различий, не могут считаться существенными в случае хорватско-сербских различий, поскольку сербский язык имеет и иекавский компонент. После распада Югославии на обложках словарей и в Сербии и в Хорватии появляются одночленные названия языка.

Несмотря на политические перемены и изменения названия языков, несмотря на стандартно-языковые конвергентные процессы, хорватская лексикография на протяжении XX века прошла свой самостоятельный путь. О сербско-хорватской лексикографии можно говорить лишь в случаях, когда имелись совместные лексикографические проекты. Это прежде всего составление орфографического словаря в рамках совместного правописания «*Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika / Pravopis srpskohrvatskoga književnog jezika*» (1960), а также «*Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika / Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika*», который в 1967 г. начали публиковать Matica hrvatska и Matica srpska. Matica srpska закончила этот словарь в 1976 г., а Matica hrvatska после выхода двух томов прервала работу на букве К. На языке, который описывался в том общем словаре, никто не говорил, его нельзя было найти в каком-либо тексте, что хорошо иллюстрирует, к примеру, следующая словарная статья из этого словаря: *azot* m. = *dušik*, *gas*, *plin bez boje i mirisa*, *jedan od glavnih sastojaka vazduha, zraka*. Кто употребляет слова *azot*, *gas* и *vazduh*, не употребляет слов *dušik*, *plin* и *zrak*, и наоборот; тот тем более не смешивает слов *azot* и *plin*. В этом словаре вообще не обозначались лексические различия, они представлены в качестве синонимов. Такие же слова, как *azot* и *dušik* не являются синонимами, поскольку в одном и том же тексте не подлежат замене.

Время возникновения словаря, название языка на его обложке и даже вступительное слово лексикографа не являются достаточным показателем того, какая лексика содержится в словаре. В качестве примера можно привести два словаря: технический словарь Влатко Дабаца (Vlatko Dabac, 1969) и одноязычный общий словарь Владимира Анича (Vladimir Anić, 1998). Дабац под названием *hrvatskosrpski* («*Technisches Wörterbuch, deutsch-kroatoserbisch*», 1969) предлагает хорватскую терминологию, например, *četinjače* см. *Nadel*, *Nadelholz*, *obujam* см. *Volumen*, *tlak* см. *Druck*, Анич же под названием *hrvatski jezik* («*Rječnik hrvatskoga jezika*», 1991) предлагает сербские термины *četinari*, *zapremina*, *pritisak*.

С учетом всех этих фактов мы включили в хорватскую лексикографию словари, которые в период существования Югославии печатались на территории Хорватии.

В XX в. вышло большое число самых разных словарей⁴⁰. В целях углубления существующих связей и установления экономических и культурных взаимоотно-

⁴⁰ Наиболее обширная лексикографическая библиография по бывшей Югославии, а также по Хорватии была опубликована Путанцем: *Putanec Valentin*. *Priručnik za proučavanje povijesti leksikografije*. Дополненная и переработанная статья «*Leksikografija iz Enciklopedije Jugoslavije*» (sv. V, 1962). На правах рукописи. Zagreb, 1992.

шений с другими народами составлялось большое число двуязычных и многоязычных словарей. Среди них есть и общие, и терминологические словари причем самые разные по объему — от карманных до больших (например, Милица Гачич – Milica Gačić. «Rječnik prava / Dictionary of Law», 1-е изд. 2004, 2-е изд. 2010, содержащий 161 300 заглавных статей и 1 055 500 слов в обоих столбцах).

Поскольку Хорватия является морским государством, то в словарях старшего периода можно найти немало морской терминологии, а в XIX и XX вв. было составлено несколько морских словарей (Яков Микоч – Jakov Mikoč. «Pomorski rječnik», рукопись датируется 1852 годом, а сам словарь опубликован в 1998 г., Божо Бабич – Božo Babić. «Nazivlje korita i jedrilja broda», 1877, «Pomorski rječnik ili nazivlje za brodarenje po moru», 1901, Рудольф Црнич – Rudolf Crnić. «Pomorski rječnik», 1922, Радован Видович – Radovan Vidović. «Pomorski rječnik», 1984). Есть словари, тематически связанные с мореходством (Петар Скок – Petar Skok. «Naša pomorska i ribarska terminologija na Jadranu», 1933, Воймир Винья – Vojmir Vinja. «Jadranska fauna: etimologija i struktura naziva», 1986).

Сегодня, когда существует коммуникационная сеть, связывающая весь мир, в качестве второго языка появляются и «малые» языки, а также языки «дальние» (например, «Japansko-hrvatski / hrvatsko-japanski rječnik», 2006). Однако, как и ранее, продолжают составлять словари классических языков (например, Йозо Маревич – Jozo Marević. «Hrvatsko-latinski rječnik», 1994, «Latinsko-hrvatski enciklopedijski rječnik», 2000). Составлено также несколько диахронических словарей, например, Владимир Мажуранич – Vladimir Mažuranić. «Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik» (1908–1922), исторический терминологический словарь, являющийся частично и этимологическим, а также его своеобразное дополнение Златко Херкова (Zlatko Herkov) «Građa za financijsko-pravni rječnik feudalno epohe Hrvatske» (1956).

Развитие науки способствовало составлению самых разных терминологических словарей. Все чаще составляются переводные толковые терминологические словари вследствие растущих потребностей пользователя в толковании новых и узкоспециальных понятий. Многочисленные диалектологические исследования привели к составлению многих диалектологических словарей. С ростом туризма составляются многочисленные словари для туристов, нередко в сочетании с разговорниками.

После Второй мировой войны Югославская Академия Наук и Искусств основывает институт, главной задачей которого становится завершение составления словаря Академии; кроме того основывается и Лексикографический институт, в котором начинают систематическую работу по составлению энциклопедии⁴¹. Столетиями словарями занимались исключительно отдельные специалисты, такие люди есть и ныне, однако все чаще словари составляют группы, которые помимо лингвистов включают также специалистов других областей знания, в первую очередь информатиков и термиологов. Если же словари составляют специалисты тех или иных от-

---

⁴¹ Об истории хорватской энциклопедии см.: *Gostl Igor. Od glagoljskih lucidarija do Hrvatske enciklopedije: Pet stoljeća hrvatske enciklopedije i leksikografije // Radovi Leksikografskoga zavoda «Miroslav Krleža».* 1995. № 4. С. 81–124.

раслей науки, тогда они привлекают лингвистов в качестве советников. Начиная с 80-х годов появляется все больше работ об общей теории лексикографии, проводятся исследования по лексикологическим и грамматическим вопросам, тесно связанным с теорией лексикографии⁴², а начиная с 1989 г. раз в четыре года в Загребе проводятся международные конференции по лексикологии и лексикографии. Знания и опыт информационных наук способствовали развитию новой дисциплины — компьютерной лексикографии. Метаязык словарей переживает перемены, поскольку авторы все больше учитывают потребности пользователей словарей и включают фразеологизмы, жаргонизмы, слова-табу, регионализмы и т. п., затем приводят все большее число примеров лексической и синтаксической совместимости заглавных статей и снабжают статьи функциональными, прагматическими и цивилизационными комментариями. Появляются также новые типы словарей, например тезаурусы, синонимические словари, обратные и т. д., а к концу века появляются электронные корпуса, без которых в настоящее время при составлении словаря по сути уже почти невозможно обойтись. Благодаря интересу к исторической лексикографии, выходят репринтные издания старых словарей с сопроводительным материалом, посвященным им и их авторам (например, Белостенец, Ямбрешич, Хабделич, Витезович, Стулли, Шулек, Парчич, Броз–Ивекович). На Философском факультете Загребского университета существует проект цифровой обработки старых словарей «Portal hrvatske rječničke baštine», так что большое число словарей доступно в сети по адресу: <http://croDip.ffzg.hr>.

В богатой лексикографической продукции XX века слишком мало лишь общих одноязычных словарей. В начале столетия вышел «Rječnik hrvatskoga jezika» (1901) Ивана Броза (Ivan Broz) и Франьо Ивековича (Franjo Iveković), который составлялся на основе «Srpskoga rječnika» Вука Караджича. Этот словарь был задуман как словарь современного хорватского литературного языка, но все же не смог охватить материала современной ему хорватской литературы. В 1976 г. появился 23 том словаря Академии и столетний труд над словарем тем самым был завершен. Девяносто лет спустя вышел первый одноязычный словарь современного хорватского языка Владимира Анича «Rječnik hrvatskoga jezika» (1-е изд. 1991, 4-е изд. 2003). Четвертое издание появилось и в электронном варианте. Дело сдвинулось с мертвой точки, так что Лексикографический институт и издательство «Школьная книга» («Školska knjiga») в 2000 г. опубликовали «Rječnik hrvatskoga jezika» (ред. Юре Шоне – Jure Šonje) более нормативный, чем словарь Анича. В 2002 г. опубликован большой «Hrvatski enciklopedijski rječnik». Тем самым открыт путь и для новых общих словарей, предназначенных различным группам пользователей, а также для новых типов одноязычных словарей.

«Восьмязычный энциклопедический словарь» Лексикографического института (последний, 8-й том вышел в 2010 г.) напоминает многоязычные словари, составлявшиеся в Европе несколько веков тому назад. С развитием всех отраслей науки, на-

---

⁴² *Tafra Branka*. Jezikoslovna razdvojba. Zagreb: Matica hrvatska, 1995; *eadem*. Od riječi do rječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.

чаяя еще с XIX в. возникает потребность в терминологических двуязычных и многоязычных словарях. Невозможно перечислить научные области, имеющие свои словари и тем более особо выделить какой-либо из них. Тем не менее, упомянем два словаря, как ввиду их объема, так и качества лексикографической обработки: Иван Шугар (Ivan Šugar), «Hrvatski biljni imenoslov» (2008), фундаментальный труд по хорватской фитонимии, наиболее исчерпывающий список названий растений в Хорватии, первый после словаря «Jugoslavenski imenik bilja» (1879) Богослава Шулека (Bogoslav Šulek), и Джурджа Матас (Đurđa Matas), «Zoološki rječnik» (2009), хорватско-немецко-англо-латинский словарь не только названий животных, но и общих понятий, возникший как плод богатой переводческой практики.

Хорватские микроязыки в Австрии и Италии получили свои словари, значение которых выходит за рамки языкового вспомогательного средства, поскольку они способствуют сохранению идентичности этих этнических групп. Кайкавскую лексику хорватов, проживающих в селах на венгерском берегу реки Муры, описал Джуро Блажека (Đuro Blažeka) и соавт. в словаре «Rječnik pomurskih Hrvata» (2009). Для нормирования бургенландско-хорватского языка большое значение имеет издание словарей. В 1982 г. был опубликован «Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik», а в 1991 г. и «Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik». Небольшое хорватское меньшинство, населяющее итальянскую область Молисе, обрело лексическое описание своего диалекта в словаре Агостины Пикколи (Agostina Piccoli) и Антонио Саммартина (Antonio Sammartin) «Rječnik moliškohrvatskoga govora Mundimitra» (2000). «Rječnik govora bačkih Hrvata» (2005) Анте Секулича (Ante Sekulić) является не только объемным словарем хорватского меньшинства в Сербии, но и вкладом в хорватскую диалектологию, поскольку содержит описание диалекта. Точно так же и «Frazеологija novoštokavskih govora ikavskih govora u Hrvatskoj» (2005) автора Миры Менац-Михалич (Mira Menac-Mihalić) имеет двоякую ценность: как вклад в хорватскую фразеологию и хорватскую диалектологию. Дело в том, что этот обширный диалектный фразеологический словарь содержит объемную статью, посвященную фразеологии и новоштокавским икавским диалектам. Диалектных словарей по всем трем диалектам, действительно, значительное число. Существуют разные их типы — малые и большие, некоторые из них непрофессиональные, поскольку их авторы-любители, ценящие свой диалект, но есть и образцовые с лингвистической точки зрения словари, с полной грамматической и семантической обработкой слов, поскольку они составлялись первоклассными лингвистами — такими, как, например, Блаж Юришич (Blaž Jurišić. «Rječnik govora otoka Vrgade», 1971), Мате Храсте (Mate Hraste) и Петар Шимунович (Petar Šimunović) («Čakavisch-deutsches Lexikon», 1979–1983, Petar Šimunović «Rječnik bračkih čakavskih govora», 2009). Миграции и средства массовой коммуникации способствуют отмиранию говоров, поэтому каждый словарь представляет собой ценный языковой памятник. Интерес к сбору лексического богатства весьма велик, о чем свидетельствуют новейшие словари, как, например, словари Дамира Калоджеры (Damir Kalogjera) и соавт. «Rječnik govora grada Korčule» (2008), Мийо Лончарича и Ивана Веченая (Mijo Lončarić, Ivan Večenaj)

«Rječnik Gole» (1997), Славко Малнара (Slavko Malnar) «Pamejnek» (2002), Милана Краньчевича (Milan Kranjčević) «Ričnik gacke čakavščine: konpoljski divan»⁴³ (2003), Динко Матковича (Dinko Matković) «Rječnik frazema i poslovice govora Vrboske na otoku Hvaru» (2004). Опубликовано несколько словарей диалектов языков меньшинств Хорватии, например, «Istrorununjsko-hrvatski rječnik» (1998) Августа Ковачеца (August Kovačec).

Что касается больших словарей, идет работа по составлению исторического словаря «Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika» (в 2011 г. вышел 12-й том до заглавной статьи *pristojno*²) и словаря «Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije» (в 2011 г. вышел 17-й том до заглавной статьи *edinosr'dno*).

Основываясь на традициях словаря «Rječnik stranih riječi» (многочисленные издания, начиная с 1951 г.) Братолюб Клаича (Bratoljub Klaić), был создан новый «Rječnik stranih riječi» (1999, 2000, 2007 с компакт-диском) Владимира Анича и Иво Голдштайна (Vladimir Anić, Ivo Goldstein). Благодаря Загребской фразеологической школе вышло несколько фразеологических словарей, а в 1979–1980 гг. — большой двухтомный «Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik» под редакцией Антицы Менац (Antica Menac), затем в 1982 г. — «Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika» Йосипа Матешича (Josip Matešić), содержащий порядка 12 000 фразеологизмов и 30 000 заглавных статей, а также в редакции того же автора — «Hrvatsko-njemački frazeološki rječnik», изданный в 1988 г. С 1985 г., главным образом под руководством Антицы Менац, выходила серия двуязычных и трехязычных малых фразеологических словарей с хорватским как исходным языком, а в 2003 г. вышел «Hrvatski frazeološki rječnik» Антицы Менац, Жельки Финк-Арсовски (Željka Fink-Arsovski) и Радомира Вентурина (Radomir Venturin). В 2006 г. опубликован «Хорватско-славянский словарь сравнительных фразеологизмов» («Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema». Zagreb, 2006) под ред. Жельки Финк-Арсовски и соавт. Исходным языком в нем является хорватский, а целевыми: словенский, македонский, болгарский, украинский, русский, польский, чешский, словацкий. Плодом труда той же фразеологической школы является новейший «Hrvatsko-ruski frazeološki rječnik» (2011) Антицы Менац (Antica Menac), Жельки Финк-Арсовски, Ирины М. Блажины (Irina M. Blažina) и Радомира Вентурина (Radomir Venturin).

Этимологические словари не имеют большого круга пользователей, но для лингвистов они всегда были особым вызовом. После объемного «Etimologijskoga rječnika hrvatskoga ili srpskoga jezika» (1971–1974) Петра Скока (Petar Skok) Алемко Глухак (Alemko Gluhak) издал учебный «Hrvatski etimološki rječnik» (1993), а Воймир Винья — «Jadranske etimologije: jadranske dopune Skokovu etimologijskom rječniku», I–III (2003–2004).

Некоторые словари имеют научное значение собственно для лингвистики, поскольку по представленной в них лексике и по способу ее обработки они являются лингвистическими. Таков, к примеру, «Peterojezični rječnik europaizama» (1990,

⁴³ Этот словарь, насчитывающий 1190 страниц, показывает, сколь велико лексическое богатство народных говоров.

2010 — 2-е дополн. изд.) Крсто Спалатина (Krstó Spalatin), представляющий собой ценный вклад в теорию языкового заимствования и «ложных друзей». «Еронимски leksikon» (2000) Дубравко Мршича (Dubravko Mršić), в определениях которого, правда, имеется больше энциклопедических, нежели лингвистических данных, также является ценным лексикологическим вкладом в понимание возникновения группы лексических единиц в процессе эпонимизации или же деэтимологизации. Словарь этот — помощь и другим лексикографам в толковании некоторых общепринятых эпонимов, например, *flora, fauna, graham, kulon, fijaker, pasterizacija* и т. д. К лингвистическим словарям относятся и работы «Rječnik sinonima hrvatskoga jezika» (1-е изд. 2003, 2-е изд. 2008) Лиляны Шарич (Ljiljana Šarić) и Вибке Виттшен (Wiebke Wittschen), а также «Mali staroslavensko-hrvatski rječnik» (2004) Степана Дамьяновича (Stjepan Damjanović) и соавт.

«Rimarij: srokovni rječnik hrvatskoga jezika» (1995) Мате Мараса (Mate Maras) возник как результат богатой переводческой деятельности автора и предназначен узкому кругу пользователей. С другой стороны, большим спросом пользуются орфографические словари, которые помещаются в приложениях ко всем хорватским пособиям по орфографии и многочисленным языковым справочникам, крупнейший из них — «Hrvatski jezični savjetnik» (1999) Евгении Барич (Eugenija Barić) и соавт., что отражает больший интерес хорватов к кодификации и меньший к норме употребления. Орфографические словари уже более 100 лет (начиная с Ивана Броза — Ivan Broz и его «Hrvatskoga pravopisa», 1892), имеют одинаковую структуру. Заглавные статьи располагаются в алфавитном порядке, как в любом другом словаре, так что *sudac* является заглавным словом, хотя слово это с точки зрения орфографии не представляет собой трудности, а под этим словом располагаются формы *suca, siće, suci, sudaca*, проблематичные в плане правописания. Такие словари предполагают наличие у пользователей грамматических знаний и представлений о каноне слова. В настоящее время благодаря компьютерным программам можно было бы составить орфографические словари с заглавными словами, орфография которых действительно представляет собой проблему.

Большинство словарей все же охватывает более или менее лексику стандартного языка, хотя выходят и словари субстандартных идиомов, например, «Rječnik hrvatskoga žargona» (2001) Томислава Сабляка (Tomislav Sabljak), содержащий 26 тыс. заглавных статей. Тот же автор в 1981 г. издал «Rječnik šatrovačkoga govora». Городские виды жаргона также подверглись лексикографической обработке. Последним вышел словарь «Rječnik splitskog govora / A Dictionary of Split Dialect» (2006) Дуни Ютронич (Dunja Jutronić) и Томаса Магнера (Thomas Magner).

Начиная с 1991 г. было опубликовано значительное число словарей справочного типа, поскольку повысилось внимание к нормативности. Такие словари выходили и в начале XX в., а также в 1940 г., когда вышел словарь «Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika» Петра Губерины (Petar Guberina) и Круно Крстича (Kruno Krstić). Появление такого типа словаря было обусловлено внеязыковыми причинами, возникавшими в периоды общественных трений, когда возрастала символическая роль языка.

Несмотря на то, что в последнее время выходят и тезаурусы, причем только терминологические: «Europski prosvjetni pojmovnik» (1996), «Pojmovnik ženske terminologije / Thesaurus of Women's Terminology» (2000), «Pojmovnik Eurovoc» (2000), — все еще отсутствуют общие словари, задуманные в соответствии с определенным концептуальным ключом, или словари определенных концептов, хотя импульсов для их создания имеется достаточно как в мировой, так и в хорватской лексикографии старшего периода. Мы видели, что такие словари составлялись в XVIII в., да и в XX в. появился словарь, который мог бы послужить образцом. Мы имеем в виду работу «Narodno blago» (1934) Марцела Кушара (Marcel Kušar), где содержится этнографический материал, обработанный в соответствии с отдельными концептами, в рамках которых по ассоциативному критерию располагаются народные названия, фразеологизмы, пословицы, приветствия, загадки и т. п.

Словари являются хранителями нашего прошлого. «Rječnik rodbinskih naziva» (1983) Франьо Таноцкого (Franjo Tanocki) — в любом случае хранитель богатой терминологии родства, названий, которые городскому населению, особенно младшего поколения, в основном неизвестны. Подобно тому, как термины родства не подлежат изменениям, есть и другие области, в которых терминология длительное время сохраняется без изменений. Такие названия намного легче нормировать, чем терминологию, которая стремительно проникает в язык вместе с новыми понятиями. «Hrvatska kršćanska terminologija», I–III (1940–1964, 2-е изд. 1976) Еронима Шетки (Jeronim Šetka) — надежный путеводитель по славянской, а также адаптированной латинской и греческой христианской терминологии.

Современная информационная технология облегчила сбор и обработку лексического материала, так что некоторые типы словарей немислимы без компьютерной поддержки, таков, например, «Hrvatski čestotni rječnik» (1999) Майи Братанич (Maja Bratanić), Милана Могуша (Milan Moguš) и Марко Тадича (Marko Tadić). Однако информационная грамотность повлекла за собой потребность разработки компьютерных лексикографических вспомогательных средств. Лингвист Йосип Силич (Josip Silić, 1996) и его сотрудники помимо *spelling-checkera* разработали грамматический тезаурус хорватского языка. В сети имеется несколько двуязычных словарей с хорватской колонкой (перечень электронных словарей⁴⁴ см. также по адресу www.hdjt.hr). В условиях агрессивного стремления английской терминологии к доминированию в сфере информационных наук предпринимаются попытки создания собственной терминологии или хотя бы адаптации английской. Выходят многочисленные словари по информатике, возникла также потребность в новом типе словаря — толково-переводном, каковым является большой «Englesko-hrvatski i hrvatsko engleski informatički rječnik» (2000) Мирослава Киша (Miroslav Kiš). Какой бы ни была лексикография XXI века, ясно одно: она будет полностью определяться информатикой.

---

⁴⁴ Šipka Danko. A Bibliography of Serbo-Croatian Dictionaries: Serbian, Croatian, and Bosnian Muslim. Springfield (Virginia, SAD): Dunwoody Press, 2000.

Современное общение отмечено повышенным употреблением сокращений почти во всех языках. Подобно тому, как языки наводняет большое число английских слов, в хорватский язык из английского проникло немалое число сокращений. Поэтому чрезвычайно ценным представляется издание словаря «Rječnik kratica» (2007), который составили Степан Бабич и Милена Жиц Фухс (Stjepan Babić, Milena Žic Fuchs) с дополнением актуальными СМС и сокращениями интернета и эмотикона, взятых из интернет-общения и общения посредством СМС, хотя словари такого типа отличаются от других словарей тем, что устаревают быстрее, поскольку ежедневно язык пополняется новыми сокращениями.

Взгляд в будущее

История хорватской лексикографии, насчитывающая более пятисот лет, тесно связана с историей европейской лексикографии, выросшей на основе латинских словарей. С другой стороны, эта история иная, нежели история лексикографии других южнославянских языков, а это доказывает, что существование хорватского литературного языка не связано с существованием самостоятельного хорватского государства, то есть он жил столетиями, задолго до провозглашения Хорватии государством.

Существуют две главные константы исторического пути хорватской лексикографии: ярко выраженный языковой пуризм, т. е. лексическое творчество в рамках собственного языка, и богатая синонимия как результат междиалектной конвергенции при создании общего культурного идиома. Лексикография более старшего периода создавала хорватский язык, ища соответствующие отечественные эквиваленты для иноязычных слов, а современная в условиях мировой глобализации должна оберегать язык от потери своих слов и все большего проникновения английской лексики.

В то время как словари старшего периода возникали на основе языка литературных произведений, тяготея к безупречному языку, в нынешнее время хорватские лексикографы должны менять свои методы отбора лексических единиц и методы их обработки, и посредством словаря описывать язык не в том виде, каким он должен быть, а каков он есть на самом деле. Перед хорватской лексикографией стоит задача исследования малоизвестных словарей собственного прошлого, развития компьютерной лексикографии, развития отечественной и применения зарубежной теории лексикографии, составления таких типов словарей, которых еще пока не существует, стремясь к более полному описанию лексических единиц во всех новых словарях, и, наконец — что самое важное — задача обеспечения посредством собственной вузовской системы профессионального образования лексикографов. Подобно тому, как когда-то лексикография шла в ногу с европейской лексикографией, она должна и сейчас стараться не отставать, а для начала словарь Академии наук следовало бы представить в электронном виде, причем, как и ранее — по образцу словаря Гримма.

Парадоксально, что история хорватского литературного языка отмечена ярко выраженным языковым пуризмом, а тем не менее хорваты до сих пор не имеют нормативного одноязычного словаря и даже нормативных терминологических словарей: они все еще скорее дескриптивные, чем нормативные. В новейшее время идет составление словарей, необходимых для перевода законодательных актов (*acquis communautaire*) Евросоюза (составлены правовой и финансовый словари). Поскольку они предназначаются для выполнения дальнейших переводов, крайне необходимо, чтобы они были нормативными. С учетом того, что для нормирования терминологии в любой профессии требуется много времени, а переводы должны выполняться в кратчайшие сроки, такие словари тяготеют к нормативности, все еще не являясь нормативными. Помимо нормативных словарей крайне необходимы большой дескриптивный словарь, исторические словари отдельных периодов, затем потребуются словари аналогий, ассоциативные, лингвистические (словари омонимов, синонимов, антонимов, паронимов, словообразовательные, грамматические), обратные, словари разговорного языка, словари сокращений, исторические и современные топонимические и антропонимические, а также писательские словари. Дело в том, что один из крупнейших хорватских писателей, Мирослав Крлежа, имеет свою энциклопедию («Krležijana», I–II, 1993, 1999), но не имеет словаря собственных произведений. Разумеется, лексикографическое будущее обращено к большим электронным корпусам и разнообразнейшим типам электронных словарей, хотя и настольные словари никогда не потеряют своих пользователей. Образованию лексикографических кадров способствовало включение лексикологии и лексикографии в программы вузов и аспирантуры, а участие хорватских лингвистов в работе международных лексикографических обществ, таких, как EURALEX, и лексикографических рабочих групп в стране и за рубежом, позволяет хорватской лексикографии идти в ногу с мировой лексикографией.

Для современной эпохи характерно устаревание любой информации особенно, когда речь идет о словарях. С каждым днем число электронных корпусов растет, включая и параллельные⁴⁵, как основу для составления двуязычных словарей, и словарей *on-line* в Интернете, а также их е-библиографий. Потому доступность их велика. Из-за их числа трудно дать оценку совокупной лексикографической деятельности. Чтобы получить более полную картину, металексикография должна обратиться к отдельным типам словарей, к примеру, отдельно исследовать словари диалектов, особенно терминологические и т. д. Однако, наряду с этим, перед хорватской исторической лексикографией стоит еще много задач. Некоторые из этих задач имеют культурно-историческое значение, например, составление хорватско-далматских⁴⁶ словарей, в первую очередь хорватско-вельотского⁴⁷ словаря, не столько с целью

---

⁴⁵ В Хорватии на основе параллельных корпусов в 2002 г. был составлен первый глоссарий (Братанич и Тафра).

⁴⁶ *Dalmatski* охватывает самобытные романские идиомы на восточном побережье Адриатического моря.

⁴⁷ Последний носитель вельотского диалекта на о. Крк умер в 1898 г.

заполнения «пустот в общероманском языковом атласе»⁴⁸, сколько с целью более глубокого познания собственного многоязычного прошлого. Хотя имеется множество работ о словарях старшего периода, все еще остаются не до конца исследованными многочисленные рукописные словари и словари, дающиеся в приложениях, отечественные и иностранные источники; все еще отсутствует исторический лексикологический синтез. Историческая лексикография считает одной из своих первоочередных задач как раз исследование источников. При этом часто забывают, что авторы словарей были полиглотами и многие эквиваленты на других языках они могли приводить самостоятельно. Существование одних и тех же эквивалентов в двух словарях не обязательно является доказательством того, что словарь более старшего периода служил образцом более позднему словарю, а наличие одних и тех же ошибок может служить таким доказательством. Пользуясь ныне в своих рабочих кабинетах словарями, составлявшимися в разных уголках мира, сидя у экрана компьютера, мы обязаны открыть те лексикографические пути, посредством которых словари помогали образованным людям устанавливать связи, преодолевая большие расстояния. Мы восхищаемся тем, что словарь Вранчица всего лишь спустя десять лет после выхода пережил второе, дополненное европейское издание, а Линде в своем словаре пользовался почти всеми хорватскими словарями. Мы не можем смотреть в будущее, не оглянувшись на прошлое. Без трудолюбивых собирателей слов и тех, кто их записывал в течение прошлых столетий, были бы невозможны ни современные электронные словари, ни словари будущего, облик которых пока еще от нас скрыт.

ЛИТЕРАТУРА

- Benson Morton*. An English-Serbocroatian Dictionary. Beograd: Prosveta, 1985.
- Bratanić Maja, Tafra Branka*. Englesko-hrvatski i hrvatsko-engleski glosar Sporazuma o stabilizaciji i pridruživanju. Zagreb: Ministarstvo za europske integracije, 2002.
- Breznik Anton*. Vpliv slovenskih slovarjev na srbskohrvatske // Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino. 1931. VIII. C. 16–67. Ljubljana.
- Brlek Mijo*. Leksikograf Joakim Stulli. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1987.
- Brozović Dalibor*. Standardni jezik. Zagreb: Matica hrvatska, 1970.
- Crystal David*. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1985.
- Danica*. Sbirka nekotjih rečih, koje su ili u gornjoj ili u donjoj Ilirii pomanje poznane // Danicza horvatzka, slavonzka y dalmatinzka. Zagreb, 1835.
- Deanović Mirko*. Talijansko-hrvatsko-ruski rječnik iz godine 1751. / Un Dizionario italiano-slavo-moscovitico del 1751 // Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu. 1951. I. C. 567–612.
- Dukat Vladoje*. Rječnik Fausta Vrančića // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. 1925. № 231. C. 102–136.
- Dukat Vladoje*. Rječnik Mažuranića i Užarevića // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. 1937. № 257. C. 83–132. Zagreb.
- Franić Ivana*. Rukopisni Dictionarium latino-illyricum (1715.–1716.) Đure Matijaševića // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2005. № 31. C. 51–85.
- Franić Branko*. A Bibliography of Croatian Dictionaries. Paris: Nouvelles Editions Latines, 1985.

---

⁴⁸ *Muljačić Žarko*. O potrebi izrade hrvatsko-veljotskog rječnika (i analognih hrvatsko-dalmato-romanskih glosara) // Filologija. 2002. № 38–39. C. 91.

- Gostl Igor*. Od glagoljskih lucidarija do *Hrvatske enciklopedije*: Pet stoljeća hrvatske enciklopedike i leksikografije // Radovi Leksikografskoga zavoda «Miroslav Krleža». 1995. № 4. C. 81–124.
- Hadrovics Laszlo*. Razvoj hrvatskog rječničkog blaga u 19. i 20. stoljeću // *Filologija*, 1992–1993. № 20–21. C. 153–164. Zagreb.
- Hartmann R.R.K.* Teaching and Researching Lexicography. Harlow: Longman, 2001.
- Hercigonja Eduard*. Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja, Zagreb: Matica hrvatska, 1994.
- Jembrih Alojz*. Hrvatski filološki zapisi. Zagreb: Matica hrvatska, 1997.
- Jonke Ljudevit*. Šulekova briga o hrvatskoj naučnoj terminologiji // Zbornik radova. Knjiga II. C. 67–81. Zagreb: Filozofski fakultet, 1954.
- Jonke Ljudevit*. Češki jezični elementi u hrvatskosrpskom književnom jeziku // Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb: Znanje, 1965.
- Jonke Ljudevit*. Slavenske pozajmljenice u Šulekovu «Rječniku znanstvenoga nazivlja». Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća. Zagreb: Matica hrvatska, 1971.
- Jurančić Janko*. Konfrontacija slovenačkog i srpskohrvatskog rečničkog fonda u leksikografiji. Leksikografija i leksikologija. Zbornik referata. Beograd; Novi Sad: Srpska akademija nauka i umjetnosti, Filološki fakultet u Beogradu, Matica srpska, Filozofski fakultet u Novom Sadu, 1982. C. 83–89.
- Katičić Radoslav*. Serbokroatische Lexicographie // Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Teilbd. II / Hrsg. von Franz Josef Hausmann. Berlin; New York: De Gruyter, 1990.
- Katičić Radoslav*. Lodereckerov rječnik — leksikografsko djelo i kulturni spomenik // Petr Loderecker. Sedmero-jezični rječnik — Sedmijazyčný slovník. Prag 1605, pretisak. Zagreb: Novi Liber, 2005.
- Knezović Pavle*. Aneksni rječnici latinskih gramatika 18. stoljeća. Leksikografija i leksikologija. Zbornik radova. Akademija nauka i umjetnosti BiH. Posebna izdanja. Knjiga LXXXV. Odjeljenje društvenih nauka. Knjiga 21. Sarajevo, 1988. C. 143–154.
- Maretić Tomo*. Ruske i češke riječi u književnom hrvatskom jeziku // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. № 108. C. 68–98. Zagreb, 1892.
- McArthur Tom*. Worlds of Reference. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Muljačić Žarko*. O potrebi izrade hrvatsko-veljotskog rječnika (i analognih hrvatsko-dalmato-romanskih glosara) // *Filologija*. 2002. № 38–39. C. 91–99.
- Putanec Valentin*. Sadašnje stanje proučavanja rječnika «Zvanik talijansko-hrvatski» (1655, 1704, 1737, 1804). Leksikografija i leksikologija. Zbornik radova, Akademija nauka i umjetnosti BiH. Posebna izdanja. Knjiga LXXXV. Odjeljenje društvenih nauka. Knjiga 21. Sarajevo, 1988. C. 89–98.
- Putanec Valentin*. Poliglotti ar.-perz.-grč.-srp. i ar.-perz.-grč.-hrv. rukopisni konverzijski priručnici s konca 15. st. na Porti u Carigradu (Knjižnica u Aja-Sofiji, mss. 4749 i 4750) // Rasprave Zavoda za jezik. 1990. № 16. C. 237–244.
- Putanec Valentin*. Etimološki zahvati u djelu Matije Antuna Reljkovića (1732–1798). Vrijeme i djelo Matije Antuna Reljkovića (Znanstveni skup; Nova Gradiška, 25, 26. i 27. listopada 1984), Osijek: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Zavod za znanstveni rad Osijek, 1991. C. 171–182.
- Putanec Valentin*. Priručnik za proučavanje povijesti leksikografije. Дополненная и переработанная статья «Лексикография из Энциклопедии Югославии» (sv. V, 1962). Zagreb, 1992. На правах рукописи.
- Rammelmeyer Matthias*. Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen. Beiträge zur Lexikologie und Wortbildung. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1975.
- Rečnik SANU: Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika. A–ocariti. Beograd: Srpska akademija nauka i umjetnosti, 1959–2010.
- Sesar Dubravka*. Putovima slavenskih književnih jezika. Pregled standardizacije češkoga i drugih slavenskih jezika. Zagreb: Zavod za lingvistiku. Filozofski fakultet, 1996.
- Silić: Slaven Batnožić, Branko Ranilović, Josip Silić*. Gramatički tezaurus hrvatskog jezika v 1.2. Zagreb: Matica hrvatska i Sys d. o. o., 1996.
- Šipka Danko*. A Bibliography of Serbo-Croatian Dictionaries: Serbian, Croatian, and Bosnian Muslim. Springfield (Virginia, SAD): Dunwoody Press, 2000.
- Šugar Ivan Šugar, Igor Gostl, Kroata Hazler-Pilepić*. Hrvatsko biljno nazivlje. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2002.
- Šulek Bogoslav*. Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja. I–II. Zagreb, 1874–1875.
- Tafra Branka*. Povijesna načela normiranja leksika // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Zagreb, 1997–1998. № 23–24. C. 325–343.

- Tafra Branka*. Gramatika u Hrvata i Vjekoslav Babukić. Zagreb: Matica hrvatska, 1993.
- Tafra Branka*. Jezikoslovna razdvojba. Zagreb: Matica hrvatska, 1995.
- Tafra Branka*. Od riječi do rječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- Thomas George*. The Impact of the Illyrian Movement on the Croatian Lexicon. München: Otto Sagner, 1988.
- Turk Marija*. Prevedeno nazivlje u Šulekovu rječniku // Zbornik o Bogoslavu Šuleku. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 1998. С. 177–190.
- Vič István*. Kroatizmi u četverojezičnom rječniku Hieronyma Megisera iz 1592. g. Na brzu ruku skupljeni skup. Zbornik radova. Budimpešta: Hrvatska samouprava Budimpešte, 2005. С. 265–276.
- Vince Zlatko*. Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1978.
- Vončina Josip*. Harffovo svjedočanstvo o hrvatskom jeziku // Jezik. 1991. № 39 (2). С. 48–51.
- Zbornik 1985: Zbornik radova o Marijanu Lanosoviću (ur. Josip Vončina). Osijek: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1985.
- Žepić Stanko*. Njemački dio Sušnik-Jambrešićeva rječnika «Lexicon Latinum» // Andrija Jambrešić, Lexicon Latinum... Pretisak. Zagreb: Zavod za hrvatski jezik, 1992.
- Русский язык (ур. Е. Ширяев). Opole: Uniwersytet Opolski, 1997.
- Финк Желька*. Восточнославянские языки в хорватской лексикографии // Вестник Международного славянского университета. Серия «Филология». Т. III, 1. С. 31–34. Харьков, 2000.

Zdeňka HLADKÁ
(Brno, Česká republika)
Olga MARTINCOVÁ
(Praha, Česká republika)

K ČESKÉ LEXIKOGRAFII: TRADICE A SOUČASNOST

Slovníkářství má v českém prostředí dlouhou a bohatou tradici. Tvorba slovníků sehrála významnou úlohu při vzniku teoretického zájmu o češtinu a zároveň se podílela na jazykovém, národně emancipačním, kulturním i politickém vývoji české společnosti. V rámci nástinu¹ historických proměn českého slovníkářství (oddíly 1–5) se zaměříme především na sledování linie vedoucí k **formování jednojazyčného výkladového slovníku**². Při popisu české lexikografie 20. století budeme věnovat pozornost nejen slovníkům výkladovým (oddíl 6–1), ale i **slovníkům speciálním** (6.2–6.3). V závěru se soustředíme na některé nově utvářené typy lexikografických děl, které rozšířily dimenze české lexikografie na konci 20. a počátku 21. století (6.3).

---

¹ V oddílech věnovaných vývoji českého slovníkářství (1–6.2), zpracovaných Z. Hladkou, vycházíme z textů (Hladká 2005; 2007). Opíráme se též o řadu dílčích i přehledových studií jiných autorů, viz závěrečnou bibliografii. Úprava příspěvku pro tuto publikaci vznikla s podporou projektu GA ČR P406/11/0294 Nový encyklopedický slovník češtiny online. Upozornění: Názvy některých starších slovníků uvádíme v konvenčně krácené a graficky upravené podobě.

² Jednojazyčným výkladovým slovníkem rozumíme ve shodě s J. Filipcem «vědecké dílo obsahující makrostrukturu hesel lexémů jazyka a podávající v jejich mikrostrukturách všestrannou sémiotickou, systémově i komunikačně orientovanou informaci potřebnou uživatelům» (Filipec 1995b: 16).

1. Počátky vývoje českého slovníkářství (do konce 15. století)

Zrod českého slovníkářství byl motivován snahou umožnit porozumění cizojazyčnému psanému textu. Za přípravné stadium slovníkových prací je možno považovat už vpisování překladových a interpretačních **glos** do cizojazyčných, zejména latinských textů. Česky glosovaných rukopisů a později raných tisků se dochovaly stovky; důležité pro vývoj slovníkářství byly mj. glosy v latinských slovnících, např. v slovníku *Mater verborum*³ ze 13. stol. V některých případech se glosátoři zaměřili na jednu vybranou tematickou oblast a začali vytvářet specializované soupisy slov, které se staly zárodkem pozdějších terminologických slovníčků. Takovou povahu měly především věcně nebo abecedně sestavené soubory glos z latinských herbářů, tzv. **rostlináře** (ze 14. až 16. stol. je jich známo kolem 40, k nejstarším patří rostlinář *Olomoucký* z počátku 14. stol.).

Zvláštní určení měly také tzv. **mamotreky**⁴, vykládající podle vzoru italského minority Giovanniho Marchesiniho ze 14. stol. neobvyklá slova Písma (v českém prostředí jsou doloženy z 15. a 16. stol.; údaje o počtu zachovaných exemplářů se rozcházejí, zpravidla se hovoří o 20 až 30 kusech). Mamotreky mívaly dvojí formu: buď byly řazeny lokálně, tzn. věnovaly se biblickému textu v jeho přirozené posloupnosti (např. mamotreky *Kapitulní* z 15. století), nebo abecedně podle vzoru latinského slovníku zvaného *Lucianus* od Jana Janovského z poč. 14. stol. (např. mamotrekt *Klementinský*, kolem r. 1400). Přínosem mamotrektů bylo především to, že přispěly ke konstituování slovníků abecedních a že se nezaměřovaly pouze na substantiva, jak tomu bylo u většiny ostatních zárodečných typů slovníkových děl.

Rostlináře, mamotreky, různé jednoduché sbírky latinsko-českých překladových dvojic zvané **vokabula** nebo **vokabuláře**, stejně jako speciální příručky určené pro výuku latiny, k nimž patřily **sekvenciáře** (vykládající česky latinský text sekvencí), **hymnáře** (vykládající slova hymnů), **poenitenciáře** (vykládající slova veršů *Poeniteas cito peccator*), **roháče** (hexametricky upravené mnemotechnické pomůcky pro žáky), **synonymáře** aj., nelze ještě považovat za skutečné slovníky. Chybí jim vlastní sběratelská nebo překladatelská práce směřující k určité materiálové celistvosti a specifická slovníková makrostruktura a mikrostruktura, tj. řazení a výstavba hesel. Středověk se k této metě propracovával postupně. Co se týče makrostruktury, vybudoval dvojí základní formu: abecední soubory slov (tzv. **alfabetáře**) a věcně řazené soubory slov (tzv. **nomenklátory**)⁵.

Nomenklátory, opírající se o encyklopedické práce zahraniční provenience, byly v prvních fázích českého slovníkářství běžnější nežli alfabetáře. Ze slovních druhů obsahovaly téměř výlučně jména, zpočátku jen substantiva, později ojedinele i adjektiva. Plnily nejen úlohu pomocníků při překladech, ale v podstatě nabízely i logicky uspořádaný přehled dobového poznání. V českém prostředí se tyto tendence zřetelně prezentují především v slovníkářském díle **Bartoloměje z Chlumce** (zvaného **Claretus de Solencia** neboli **Kla-ret**), které je navíc charakterizováno programovým úsilím o konstituování českého

³ Vedle původních glos však slovník přináší i množství pozdějších glos zfalšovaných Václavem Hankou.

⁴ Viz např.: (Ryba 1940).

⁵ Srov. (Páta 1911: 9–10; Flajšhans 1926: XX).

odborného názvosloví všech tehdejších vědních odvětví. Terminologické snahy pak provázejí české slovníkářství po několik staletí.

Klaretovy latinsko-české slovníky⁶ vznikly zejména pro potřeby studentů právě založené Karlovy univerzity. Pocházejí z první poloviny 60. let 14. století a v bohemistické literatuře bývají konvenčně nazývány *Vokabulář (gramatický)*, *Bohemář* a *Glosář*⁷. Originály slovníků se nedochovaly, známé jsou pouze pozdější opisy a výtahy. Po celé řadě fatálních omylů a někdy až detektivním pátrání⁸ se však podařilo rekonstruovat předpokládanou původní podobu děl téměř v úplnosti.

Pro strukturu slovníků využil Klaret především zahraniční vzory zpracovávající slovní zásobu latiny. České ekvivalenty latinských termínů čerpal z existujících sbírek a soupisů slov, latinsko-českých školních příruček apod. Opíral se také o pomoc řady přispěvatelů.

Typově jsou Klaretovy slovníky nomenklátory a v souladu s dobovým územ jsou psány ve verších, protože byly určeny k pamětnímu učení.

Nejstarší a nejméně rozsáhlý *Vokabulář (gramatický)*, vypracovaný pro potřeby studentů artistické fakulty Karlovy univerzity, tlumočil ve více než 700 verších⁹ latinskou terminologii. Prázdná místa v české slovní zásobě Klaret doplňoval řadou novotvarů. Pro lingvisty je zajímavá zejména část zaměřená na termíny z oblasti gramatiky, již autor věnoval největší pozornost. Obsahuje sice také výrazy, které se v češtině většinou neujaly (např. gramatika = *slovočtena*, vokativ = *volánek*, superlativ = *nadzdvizenie*, synonymum = *mnohohlas*, slabika = *sřěk*), je však cenná jako první pokus o vytvoření ucelené soustavy jazykovědného názvosloví v češtině.

V pořadí druhý z Klaretových slovníků *Bohemář*, obsahující v téměř 1000 verších zhruba 2500 českých slov, se zaměřuje na poněkud méně specializovanou slovní zásobu nežli *Vokabulář* a jen v malé míře zahrnuje slova nově utvářená. Hodnotný je zejména tím, že představuje první větší souhrnné zachycení relativně běžné české slovní zásoby, navíc podané v poměrně smysluplné systematizaci.

⁶ Viz např. (v abecedním pořadí): (Flajšhans 1926; Michálek 1989; Ryba 1943; Vidmanová 1980).

⁷ Označení *Vokabulář gramatický*, *Bohemář*, *Glosář* se ustálilo od prvního souborného vydání všech tří slovníků připraveného Václavem Flajšhansem (Flajšhans 1926). Atribut «gramatický», který Flajšhans přisoudil *Vokabuláři*, odborná literatura spíše vynechává, protože navozuje mylnou představu, že slovník zachycuje pouze gramatickou terminologii.

⁸ Např. dva opisy *Glosáře* označované podle místa uložení jako slovník *Prešpurský* a slovník *Rajhradský* byly dlouho považovány za samostatné slovníky. Za autora tzv. slovníku *Rajhradského* byl na základě mylné interpretace úvodních slov «Clenius rozkochany sclavus slowyenyen» pokládán už Dobrovským a pak celou řadou dalších badatelů neexistující Klen Rozkochaný. (Tento mýtus vyvrátil až na konci 19. století Ferdinand Menčík, který také zjistil, že slovník *Prešpurský* a slovník *Rajhradský* se vztahují k jednomu původnímu lexikografickému dílu.) Chybných kroků na cestě za pravdou o Klaretových slovnících však bylo více. Např. Václav Flajšhans, který sám mnohé omyly vyvrátil, se ještě při vydávání slovníků v r. 1926 chybně domníval, že *Vokabulář* a *Bohemář* nemohl napsat Klaret. Klaretovo autorství všech tří slovníků a jeho ztotožnění s Bartolomějem z Chlumce doložil až (Ryba 1943). Rybovi se mj. podařilo objevit akrostich tvořený prvními písmeny jednotlivých oddílů *Glosáře*, v němž Bartoloměj z Chlumce sám potvrzuje autorství slovníku: «A Bohemario Bartholomeo dicto Clareto de Solencia compilatus». V novější době přinesly zjištění opravující některé Flajšhansovy názory na Klaretovy slovníky zejména práce Vidmanové.

⁹ (Vidmanová 1980: 214) však přesvědčivě tvrdí, že část B a C, tj. od verše 479 podle Flajšhansovy edice, do *Vokabuláře* zřejmě vůbec nepatří.

Poslední a nejrozsáhlejší *Glosář* přináší v přibližně 2700 verších zhruba 7000 latinsko-českých terminologických dvojic uspořádaných podobně jako v *Bohemárii*, avšak s propracovanější vnitřní strukturou. Slovník byl určen studentům vyšších ročníků a patrně také písařům královské kanceláře, proto zahrnuje i specializovanější slovní zásobu. Klaretovým cílem při práci na tomto slovníku bylo shrnout (a dotvořit) českou terminologii v relativní úplnosti a oborové komplexnosti.

Klaretovo dílo představuje vyvrcholení českých slovníkářských snah přípravného období i kompletaci jejich výsledků a nadlouho se stalo základem téměř všech dalších vznikajících slovníků. Až do období humanistického rozmachu slovníkářství bylo víceméně pouze opisováno, přepisováno a doplňováno, aniž by bylo lexikograficky překonáno. Jako jeden z materiálových zdrojů sloužilo tvůrcům slovníků až do obrození.

Vedle věcně řazených nomenklátorů, jejichž předními zástupci byly Klaretovy slovníky, se od sklonku 14. stol. a především v 15. stol. začínají po vzoru abecedních mamotreků, případně některých rostlinářů, prosazovat také výše zmíněné abecedně řazené **alfabetáře**. Na rozdíl od nomenklátorů nezahrnovaly jen jména, ale většinou též slovesa a adverbia (někdy každý slovní druh zvlášť v samostatném abecedním pořádku). K největším alfabetářům patří latinsko-český abecední slovník *Velešínův* (rukopis z r. 1458, který je opisem díla staršího, obsahuje přes 3500 slovních dvojic). Časem vznikl vzhledem k systematičnosti nomenklátorů a praktičnosti alfabetářů i typ smíšený, který kombinoval abecední část (zahrnující zpravidla slovesa) s jedním nebo i více věcně uspořádanými nomenklátory. Smíšený charakter měl např. tzv. slovník *Wiesenberský* z 1. pol. 15. stol.

Z hlediska zastoupení jazyků byly slovníky až do konce 15. stol. téměř výhradně dvojjazyčné, v naprosté většině latinsko-české. V 15. stol. se sporadicky začínají objevovat trojjazyčné slovníky latinsko-německo-české, např. slovník v učebnici Jana Holubáře pro Ladislava Pohrobka (v rukopise z r. 1454) nebo tzv. *Trialog vídeňský* z r. 1489. Dochoval se i čtyřjazyčný slovník hebrejsko-německo-latinsko-český (v rukopise UK v Praze z 15. stol.).

Na konci 15. století končí období rukopisných, převážně latinsko-českých, věcně, ale i abecedně řazených slovníků¹⁰, zpracovaných veršem i prózou, jejichž ambice byly většinou ryze praktické, tj. směřovaly k vysvětlení latinských slov různých tematických oblastí a pouze ve vrcholných dílech též k pokusu o konstituování českého názvosloví jednotlivých oborů. Snahy o zachycení slovní zásoby češtiny ve větší komplexnosti, případně o sledování speciálnějších metajazykových cílů, se objevují až v období následujícím.

2. Slovníkářství v období humanismu – 16. století

Velký pokrok v slovníkářství přinesla doba humanistická, a to nejen díky rozvoji a zesvětštění vzdělanosti a vynálezu knihtisku. Důležitým impulzem bylo působení reformáčních idejí a konstituování novodobých národnostních společenství, která se začala více zajímat o své jazyky. Latina přestala být jediným jazykem hodným vyššího zájmu a

---

¹⁰ Viz např.: (Ryba 1951; 1963).

odborného studia, jak tomu bylo po celý středověk, i když si výsadní postavení ještě zachovala.

I v českém prostředí se začala projevat snaha předvést domácí jazyk jako nástroj schopný latině konkurovat. S tím souviselo vzrůstající úsilí zachytit slovní bohatství češtiny v co největší komplexnosti (nejen odbornou slovní zásobu) a objevily se též náznaky metodologického přístupu reflektujícího živý úzus. Významným podnětem pro vznik lexikografických děl se stává už i teoretický zájem o jazyk. Slovníky postupně přestávají být pouhými překladatelskými příručkami nebo v lepším případě sbírkami dokládajícími lexikální bohatství češtiny a získávají i dimenzi teoretického popisu shromážděného materiálu (vznikají tak první specializované lexikografické práce, zejména slovníky etymologické, i když zpracované většinou ještě na předvědecké úrovni).

Řadu českých **tíštěných humanistických slovníků** zahájil latinsko-český *Lactifer*¹¹ (vydaný r. 1511 v Plzni) od Jana Vodňanského, zpracovaný podle vzoru slovníku italského humanisty Guarina z Verony. Cílem slovníku, uspořádaného do oddílů podle věcných oborů, v jejichž rámci jsou však slova řazena abecedně, bylo usnadnit čtení latinských klasiků. Je to slovník nejen překladový, ale zčásti i etymologický a místy encyklopedický. Názory na jeho kvalitu se v sekundární literatuře liší, je však zřejmé, že už nejde o práci, která by jen mechanicky opisovala či rozšiřovala slovníky klaretovské provenience. Další slovníky ze 40. až 70. let 16. století (od Petra Kodycylla z Tulechova, Pavla Vorličného ad.) se věnují slovní zásobě každodenního života, zejména městského, čímž získávají skutečně humanistický charakter.

Pravděpodobně prvním slovníkem, který klade v heslovém řazení **na první místo češtinu**, je *Dictionarium bohemicolatinum*, který vyšel v r. 1562 v Olomouci jako druhá část k latinsko-českému dílu *Dictionarium latinobohemicum* z r. 1560 od Tomáše Rešela (Reschellius) Hradeckého. Byl vypracován jako školská pomůcka na základě německého vzoru (podle latinsko-německého a německo-latinského slovníku Petra Dasypodia), avšak se značnými autorskými inovacemi.

Vrchol humanistického slovníkářství představuje dílo **Daniela Adama z Veleslavína** (1546–1599)¹², knihtiskaře a velké osobnosti rudolfínské doby. Významným rysem vývoje jeho lexikografických prací je postupný nárůst významu češtiny, která se v heslech jeho posledních slovníků stává jazykem východiskovým. Přínos znamenají Veleslavínovy slovníky též pro metodologický rozvoj českého slovníkářství. Daniel Adam z Veleslavína se opíral téměř výhradně o cizí předlohy, neboť domácí slovníkářskou tradici hodnotil značně kriticky. Pro vývoj české lexikografie je důležité, že rozpoznal kvalitu zahraničních slovníkářských postupů, uvedl je do domácího prostředí a aplikoval na češtinu.

Daniel Adam z Veleslavína napsal a vydal čtyři významné slovníky, a to (názvy uvádíme v konvenční zkrácené podobě, v originále jsou několikrátřádkové): *Dictionarium linguae latinae* (1579), *Nomenclator tribus linguis* (1586), *Nomenclator quadrilinguis* (1598) a *Sylva quadrilinguis* (1598).

---

¹¹ Název lze přeložit jako «mlékonosný, živý»; metaforické označování slovníků patřilo k humanistickému úzu.

¹² Viz např.: (Novák 1885).

Dictionarium linguae latinae je abecedně řazený latinsko-český slovník sepsaný podle německého vzoru Basilea Fabera Sorana, z něhož Veleslavín převzal uspořádání, cizojazyčný materiál i citáty. Jeho vlastním vkladem bylo převedení práce do češtiny. Ocenění si zaslouží především překlady přísloví, v nichž se Veleslavín nesažil o doslovnost, nýbrž vyhledával vhodné české ekvivalenty. Slovník měl sloužit při studiu latinské slovní zásoby, proto heslový odstavec začíná latinou a je celý zaměřen k jejímu poměrně obsáhlému popisu. Čeština je zde ještě jazykem spíše pomocným.

Nomenclator tribus linguis je trojjazyčný věcně řazený slovník, který k latině (ještě stále stojící v popředí) přidává češtinu a němčinu. Podkladem byl nomenklátor holandského přírodovědce a lékaře Hadriana Junia. Veleslavín k německé předloze připojil opět pouze český překlad, který v heslovém odstavci upřednostnil před německým. Tento slovník bývá hodnocen jako nejslabší Veleslavínova slovníkářská práce, zachoval si však dobrou úroveň českých překladů.

Nomenclator quadrilinguis je čtyřjazyčný česko-latinsko-řecko-německý věcně řazený slovník, který vydal Veleslavín současně se svým největším abecedním slovníkem *Sylva quadrilinguis* jako jeho doplnění. Vzorem se tentokrát stal jeden z nomenklátorů hesenského lexikografa Helfrica Emmelia. K věcně řazenému slovníku byl připojen rozsáhlý abecední latinský i český seznam slov a podle vzoru jiného Emmeliova nomenklátoru ještě 7 abecedně řazených kapitol obsahujících vlastní jména. Celý slovník má přes 329 stran a 138 stran slovních indexů. Jeho důležité novum je, že poprvé ve Veleslavínových pracích **otevívají heslo české výrazy**. Po nich následuje ekvivalent latinský, řecký a nakonec německý.

V roce 1598, rok před Veleslavínovou smrtí, vychází také jeho vrcholné slovníkářské dílo, česko-latinsko-řecko-německý abecedně řazený slovník *Sylva quadrilinguis*¹³. Autor chtěl zpočátku pouze doplnit svůj *Dikcionář*, později však vypracoval mnohem kvalitnější slovník podle vzoru pěťjazyčného lexikonu Helfrica Emmelia vydaného r. 1592 ve Štrasburku. Francouzštinu a hebrejštinu předlohy nahradil češtinou, kterou postavil do čela heslového odstavce, a celý slovník nově uspořádal podle české abecedy. Dílo (sestavené údajně za jeden rok) má rozsah 958 stran o dvou sloupcích. Podle Emmeliova vzoru v něm byl mj. uveden do českého slovníkářství zárodek hnízdování. V *Sylvě* se Veleslavínovi podařilo nejen zavést v českém prostředí model relativně kvalitního slovníku, ale též sestavit v určité úplnosti seznam českých slov (nejen substantiv, jak tomu bylo v nomenklátorech) a v dosud nebyvalé míře ukázat širší české synonymiky i pestrost frazeologie.

Teprve Veleslavínovo dílo lze v slovníkářské vývojové linii počínající Klaretovými pracemi považovat za skutečný začátek české lexikografie. Zejména *Sylva quadrilinguis* si zachovala hodnotu až do obrození. Pořizovaly se z ní různé výtahy a ještě Josef Jungmann ji pokládal za významný pramen svého slovníku (jejímu přepisu a excerpci věnoval dva roky).

---

¹³ Latinské slovo *silva* — neklasická latina připouští i pravopis *sylva* — znamená 'les, hojnost'. Jeho metaforické užití pro označení bohatosti slovní zásoby nebylo v lexikografii 16. století neobvyklé. Objevuje se i v názvu Emmeliovy předlohy Veleslavínova slovníku.

3. Slovníkářství v 17. století

Za pokračování humanistického lexikografického úsilí lze považovat dílo osobnosti stojící na hranici mezi renesancí a barokem — **Jana Amose Komenského**. Jeho největší slovníkářský projekt, latinsko-český a česko-latinský slovník *Thesaurus linguae Bohemicae*, který měl obsahovat úplné zpracování české slovní zásoby v synchronním a diachronním pohledu, propojit lexikální a gramatické informace, zahrnovat soubor frazeologie aj., se však nerealizoval. Většina materiálu, který Komenský shromažďoval přes 20 let, shořela v r. 1656 při požáru polského Lešna. Zachovala se sbírka přísloví a rčení *Moudrost starých Čechů za zrcadlo vystavená potomkům*, později (v r. 1849) vydaná společně s *Didaktikou českou*.

Pobělohorský zájem o slovní zásobu češtiny odpovídal obecnému baroknímu patriotismu, pro nějž byla příznačná pozornost vůči jazyku. Později ho ovlivnila i silná vlna **purismu**, snahy očistit český jazyk od cizích, zejména německých vlivů. Ta s sebou přinesla mj. velmi problematický nárůst neživotných, chybně tvořených a většinou nepotřebných neologismů. Tištěné slovníky 17. století se sice ještě nějakou dobu přidržovaly předloh Veleslavínových, takže se v nich purizující a zejména neologizující tendence projevovaly omezeně, slovníky rukopisné a práce mluvnické jimi však byly zasaženy naplno.

Materiálově i metodicky hodnotný je z druhé poloviny 17. století pouze slovník **Václava Jana Rosy** (†1689) *Thesaurus linguae Bohemicae*¹⁴. Nevyhnul se sice dobovým neologizujícím tendencím¹⁵, vývoji českého slovníkářství však poskytl cenné impulzy. Ve srovnání s humanistickými slovníky především pokročil v akcentaci češtiny. Rosa si však neklade za cíl jen předvedení či případné neologické doplnění lexikálního bohatství češtiny, míří ve své práci dále: snaží se přispět k hlubšímu pochopení českého jazykového systému.

Čtyřdílný abecedně řazený *Thesaurus* (obsahující 30–40 tisíc hesel uspořádaných na principu etymologických hnízd, což bylo v českém slovníkářství metodologické novum) je sice formálně trojjazyčným česko-latinsko-německým slovníkem, ve skutečnosti však už **zakládá linii směřující k jednojazyčnému výkladovému slovníku češtiny**. Zatímco Veleslavín se ve svých slovnících (včetně těch, v nichž stavěl český ekvivalent na první místo) ještě neoprostil od dominance latiny a snažil se v podstatě pouze dokázat paralelní možnosti domácího jazyka ve vztahu k latinskému lexiku, Rosa se v důvěře v český jazyk dostává dále. I on usiluje o sebrání co nejbohatšího slovníkového materiálu (mj. zčásti zachycuje i lexikum nářeční, např. slova z moravského mluveného úzu¹⁶), nemá však už potřebu poměřovat «výkonost» češtiny porovnáváním s jazyky druhými. Latina a němčina se v jeho slovníku posouvají do funkce pomocníka při výkladu slov českých. V centru pozornosti stojí čeština, její sémantika (precizně jsou vypracovány výklady významů slov,

¹⁴ Viz např. (v abecedním pořadí): (Novák 1902; Petráčková 1985; Petráčková – Roudný 1980; Tyl 1986; Volf 1929).

¹⁵ Ideovou oporu našel Rosa v Komenského obraně latinských neologismů, která odůvodňovala právo na tvoření nových výrazů rozvojem společnosti a reálnými potřebami života (srov. Novák 1902: 158).

¹⁶ Tato slova sám Rosa klasifikuje jako moravismy.

pozornost je věnována také polysémii: místy je vyděleno až 10 významů), etymologické a slovtvorné souvislosti a také (poprvé!) gramatika.

Přestože Rosovo lexikografické dílo nebylo nikdy vydáno tiskem¹⁷, mělo velký vliv na další období. Pozitivně ho hodnotil už Dobrovský (který se marně pokoušel o jeho vydání), bohatě jeho materiálu využil Jungmann ve svém slovníku. (Recepce Rosova slovníku však byla zčásti negativně poznamenána jednak až nadměrnou kritičností k jeho neologismům¹⁸, jednak nepřilíš plodným hledáním dokladů předpokládané souvislosti se zničeným stejnojmenným dílem J. A. Komenského¹⁹.)

4. Slovníky 18. a počátku 19. století; nástup obrozeneckého slovníkářství

Největší rozvoj slovníkářství přineslo období obrozenecké. Touha každého vzdělance i mnohého polovzdělance podílet se na očistě a obnově lexikálního bohatství češtiny s sebou přinesla kromě pozitivních výsledků i další vlnu nevhodného neologizování, nadbytečného historizování a slavizování češtiny.

Ze slovníkářských prací počátku 18. století si zaslouží pozornost např. opakovaně vydávaný německo-latinsko-český slovník pražského tiskaře **Kašpara Zachariáše Vusína** *Dictionarium von dreien Sprachen, Teutsch, Lateinisch und Böhmisch...* (1700–1706, 1722–1729, 3. vydání pod názvem *Lexicon Tripartitum...*, 1742), neoprávněně kritizovaný za puristické neologizování (několik málo novotvarů je jen v německo-české části, kde slouží jako ekvivalenty německých hesel). Naopak silně poznamenán neologizujícími tendencemi byl např. *Slovář český* (1705) Jana Františka Josefa Ryvoły a z pozdějších prací např. slovníky Karla Ignáce Tháma. Ke kvalitnějším dílům patřily slovníky nadaného jazykovědce **Františka Jana Tomsy**, který opíral svou slovníkářskou činnost mj. o živý jazyk z rodného Turnovska. Po malém německo-českém slovníku z r. 1789 to byl především *Vollständiges Wörterbuch der böhmischen deutschen und lateinischen Sprache* (1791),

---

¹⁷ V současné době existují tři rukopisné exempláře, z nichž jeden, tzv. Neuberkův, byl v nedávné době použit jako předloha pro elektronický přepis Rosova slovníku, který je přístupný v rámci webového hnízda Vokabulář webový na stránkách Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky (<http://www.ujc.cas.cz>).

¹⁸ Kvůli rozsáhlému neologizování byl Rosův slovník zčásti kritizován už v době národního obrození; v pozdější době ke kritikům patřili např. Flajšhans, Lisický, Novák, Páta, ještě i Havránek aj. Autoři některých novějších prací se však domnívají, že je tvořením novotvarů poznamenán méně, nežli se tvrdilo, alespoň pokud jde o vztah k zákonitostem české slovtvorby (např. Petráčková 1985).

¹⁹ Už např. Neuberk a také Dobrovský se domnívali, že měl Rosa při své práci k dispozici ztracené materiály J. A. Komenského. Oporou pro podobné dohady byla kromě shodného názvu slovníků a různých jazykových indicií např. zmínka J. A. Komenského, že se z jeho nerealizované práce zachoval blíže neurčený prvotní zárodek, dále Rosova poznámka v *Čechořečnosti*, že znal jakýsi (v literatuře jinak neznámý) slovník J. A. Komenského, obsahující mj. etymologie slov, dále např. poznámky v Rosově slovníku odkazující na Komenského apod. Názor, že Rosa čerpal z Komenského, podpořil svými analýzami jazykového materiálu např. (Novák 1902). Touto problematikou se zabýval i (Ryba 1949), když objevil zprávu o dosud neznámém spisu J. A. Komenského. V otázce vztahu Rosova slovníku k údajně předloze J. A. Komenského však nedošel k jednoznačnému závěru. Kriticky se k možnosti přejímání Komenského materiálu do Rosova slovníku stavěl např. (Tyl 1986). Definitivní soud však nebyl dosud vyřčen.

který mj. využíval podkladů Josefa Dobrovského a byl také uveden jeho známou předmlouvou o tvoření slov.

Kritický postoj k neologizujícím snahám přinesly práce **Josefa Dobrovského**, jehož zásadní přínos pro vývoj českého zájmu o slovo spočívá především ve vytvoření vynikajícího popisu pravidel české slovo tvorby (*Die Bildsamkeit der slawischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt*, 1799). Ve své vlastní slovníkářské práci *Deutsch-böhmisches Wörterbuch* (I. 1802, II. 1821)²⁰ navíc poprvé a nadlouho jako jediný akcentoval zásadu zaznamenávat pouze slova skutečně doložená v mluveném úzu nebo v literatuře.

Obrozenecké lexikografické ambice však v plné míře naplnilo až dílo Josefa Jungmanna.

5. Lexikografické dílo Josefa Jungmanna

Představitelé druhé generace národního obrození, jejíž vůdčí osobností byl **Josef Jungmann**, formulovali ucelený národní kulturně vzdělávací a především jazykový program. K jeho naplnění patřilo i vytvoření velkého shrnujícího lexikografického díla, které by reprezentovalo český národ, sloužilo jako opora pro praktické potřeby mluvčích a mj. obstálo i ve srovnání s tehdy vznikajícími velkými slovníky jinonárodních jazyků. Stal se jím pětidílný *Slovník česko-německý Josefa Jungmanna*²¹ (uvedený v autorově *Předmluvě* dodnes platným tvrzením: «Slovník národního jazyka náleží mezi první potřeby vzdělaného člověka».).

Pro přípravu slovníku se Jungmann rozhodl v r. 1815, s největší intenzitou na něm pracoval od roku 1828 a už na konci roku 1833 bylo dílo připraveno do tisku. Konceptně se Jungmann přiklonil k slovníku abecednímu, který by vyhovoval praktickým potřebám uživatelů češtiny. Odmítl tak ideu prosazovanou např. Dobrovským a Puchmajerem, aby slova byla řazena podle kořenů na základě etymologického principu, což by lépe posloužilo vědeckým účelům, např. jako materiál pro zamýšlený komparativní slovník slovanských jazyků. Z praktických důvodů silně omezil i slovo tvorné hnízdování.

Slovník česko-německý Josefa Jungmanna vycházel v letech 1834–1839 (titulní list uvádí v roce 1835) za podpory Matice české (v novodobém vydání vyšel v r. 1989). Za vzor Jungmannovi sloužil *Slovník jazyka polskiego* (1807–1814) Samuela Bogumiła Linda²². Materiál pro toto rozsáhlé dílo (4694 stran) neshromáždil Jungmann sám, získal je od řady přispěvatelů, z nichž nejaktivnější byl Antonín Marek. Využil i excerpta ze

---

²⁰ V elektronické podobě (vytvořené zejména zásluhou M. Čejky a B. Lehečky, kteří připravili i obrácenou, tj. česko-německou verzi) je slovník přístupný v rámci webového hnízda Vokabulář webový na stránkách Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky (<http://www.ujc.cas.cz>).

²¹ Viz např. (v abecedním pořadí): (Červená a kol. 1982; Helcl 1959; Kamiš 1974; Petr 1981; 1989–1990; Šmilauer 1974; Tyl 1983; 1991).

²² Lindův vliv se projevuje v uspořádání celého slovníku, ve stavbě hesel a v neposlední řadě i v množství přejímek z polštiny. (Orlošová 1967) jich napočítala více než 1000; do současné české slovní zásoby se jich zachovalo 23 %.

všech relevantních slovníků od Klareta až po současnost, čerpal z velmi rozsáhlé excerpce starých i soudobých literárních památek a v neposlední řadě z úzu.

Jungmannovým cílem bylo shromáždit veškerou známou slovní zásobu, tj. slova jazyka starého i nového, mluveného i psaného, slova neutrální i rozličně příznaková, apelativa i vlastní jména. V určitém rozsahu zařazoval výrazy lokálně nářeční a slangismy, nevyhýbal se ani germanismům, pokud přispívaly k expresivnímu rozrůznění jazyka nebo patřily k řemeslnické lidové terminologii apod. V případě potřeby uváděl i obrozenecké neologismy, zejména z oblasti básnického jazyka a nově vznikající české terminologie, dbal však na to, aby odpovídaly pravidlům české slovo tvorby; v tomto směru důsledně vycházel z teoretických poznatků Josefa Dobrovského. Pro obohacení slovní zásoby zařazoval do slovníku také kalky z cizích jazyků (včetně němčiny) a zejména četné výpůjčky ze slovanských jazyků, v první řadě z polštiny a ruštiny. Uváděl také slova ze slovenštiny, ta však v souladu s dobovým pojetím chápal jako slova nářeční.

Při výběru slovní zásoby se Jungmann v podstatě opíral o zdroje lexikálního rozvoje, které vytýčil ve své *Slovesnosti*: a) památky staré, b) mluva národní, c) spisovatelé novější, d) nářečí jinოსlovanská, e) vnitřní přirozená tvořivá schopnost češtiny, f) doslovné překlady. V oblasti tvorby terminologie zpočátku puristicky upřednostňoval české překlady termínů, později však docenil i význam mezinárodně srozumitelného názvosloví, zejména v přírodních vědách. Zdůrazňoval také nutnost tvoření terminologie v systému a prosazoval názor, že v době ustalování termínů je účelné předložit několik variant.

Jungmannův slovník poskytl konstituujícímu se novodobému spisovnému jazyku vícevrstevnou nabídku lexika umožňující užívat češtinu v široké stylové škále (zejména v odborných a uměleckých textech). Položil základy novodobé spisovné češtiny a více než 100 let plnil úlohu uznávaného jazykového arbitra.

Slovník Josefa Jungmanna představuje **začátek novodobé české výkladové lexikografie**. Podle názvu je sice ještě stále slovníkem překladovým, ve skutečnosti už však má charakter popisného výkladového slovníku češtiny (němčina je v něm výrazem dvojjazyčnosti tehdejšího českého prostředí a slouží k vysvětlení významu českých slov). Uvádí rozsáhlé údaje o významech a kontextovém užití českých slov, o české frazeologii, synonymice apod. (Jungmann chtěl původně zavádět i podrobnou stylistickou klasifikaci slov, ale vzhledem k náročnosti takového úkolu v situaci dobové rozkolísanosti češtiny a také na radu Dobrovského od tohoto úmyslu ustoupil.) Novodobé výkladové slovníky češtiny Jungmannova práce předznamenává charakterem své makrostruktury a mikrostruktury, snahou o materiálovou komplexnost a zaměřením na stabilizaci utvářejícího se spisovného jazyka.

K Jungmannovu slovníku měl být vytvořen doplněk, který by shromážděnou slovní zásobu uspořádal podle kořenů, tj. podle původní představy Josefa Dobrovského. K realizaci tohoto plánu však došlo jen zčásti v šedesátistránkové práci **Františka Ladislava Čelakovského** z r. 1851 nazvané *Dodávky ke Slovníku Josefa Jungmanna*²³. V jejím úvodu Čelakovský mj. vyzval veřejnost k pokračování ve sběru slovní zásoby. Získaný materiál

---

²³ Viz (Černá 2003).

pak zužitkoval František Štěpán Kott ve svém *Česko-německém slovníku zvláště grammaticko-fraseologickém*, který vycházel v několika dílech a *Dodacích* v letech 1878–1893. Kottův slovník, který měl nejen praktické, ale i vědecké ambice a na jehož tvorbě se podílelo více než 160 přispěvatelů a spolupracovníků, Jungmannovo dílo sice předčil rozsahem (má cca 8500 stran), nedostihl ho však obsahem a zejména lexikografickým zpracováním. Jeho jádrem zůstal ne příliš šťastně přerovnaný materiál Jungmannova slovníku. Cenné z dnešního pohledu je poměrně rozsáhlé zachycení frazeologie a zejména nářeční slovní zásoby.

Pokračováním Jungmannova lexikografického úsilí měl být i slovník s opačným řazením jazyků, tedy německo-český. Jeho přípravu si vzal na starost nejprve Jungmannův bratr Antonín, později však svou práci předal J.F. Šumavskému. **Josef Franta Šumavský** vydal dvojdílný *Vollständiges Deutsch-böhmisches Wörterbuch I* (1844), *II* (1846) o rozsahu více než 2 000 stran, který však nedosahoval kvality Jungmannova slovníku. Šumavský mj. připravoval i několik srovnávacích slovníků slovanských jazyků, které zůstaly v podobě ukázkových sešitů.

6. Lexikografická tvorba 20. století

Ve 20. století se česká slovníková tvorba značně rozrůstá, zkvalitňuje a také vnitřně diferencuje. Reaguje tak na dosažený stupeň lingvistického poznání i na rozvoj vlastní disciplíny a zároveň se snaží vyhovět náročnějším a pestřejším potřebám odborných i laických uživatelů slovníků. Z doposud v podstatě jednotného proudu se na jedné straně vyčleňuje jako výsledek několikasetletého lexikografického vývoje **jednojazyčný výkladový slovník češtiny** a na druhé straně se profilují **specializovaná lexikografická odvětví**, která v předchozích etapách vývoje českého slovníkářství nebyla zastoupena vůbec nebo jen pracemi na daleko nižší teoretické i metodologické úrovni.

Ve 20. stol. se osamostatnila tvorba slovníků diachronních (historických a též etymologických), slovníků zpracovávajících slovní zásobu teritoriálně nebo sociálně příznakovou (nářečních a slangových), slovníků vymezených materiálově i lingvistickou subdisciplínou (terminologických, frazeologických, onomastických), slovníků charakterizovaných nealfabetickým způsobem řazení materiálu a speciálními funkcemi (retrogradních, frekvenčních, věcných/tezaurových, případně synonymických) aj.

6.1. Jednojazyčný výkladový slovník češtiny

Prvním jednojazyčným výkladovým slovníkem češtiny a vlastně prvním dokončeným slovníkem tohoto typu v slovanském světě byl rozsáhlý **Příruční slovník jazyka českého** (PSJČ; 1935–1957)²⁴. Vznikl v době, kdy čeština — na rozdíl od jungmannovského období — měla už rozvinutou spisovnou varietu. PSJČ se snažil podat co nejkomplexnější popis synchronního stavu lexikonu a přispět ke stabilizaci jeho funkčního stylového

---

²⁴ Viz např. (v abecedním pořadí): (Filipec 1958; Hodura 1959; Weingart 1916; 1917; Ziskal 1938 (a), (b), (c).

rozvrstvení. Přestože nebyl deklarativně kodifikační (šlo o vědecký deskriptivní slovník), zaměřil se především na upevnění slovní zásoby spisovné.

Materiálově byl PSJČ založen na vlastní excerpci (do té doby metodicky i rozsahově nevídané!), citátovým charakterem uváděných dokladů prohloubil směřování českého výkladového slovníkářství k objektivitě (požadované už Dobrovským). V PSJČ byl také všestranně zdokonalen lexikografický popis, zejména ta součást mikrostruktury, která tvoří základ výkladového slovníku, tj. vyložení významu lexikálních jednotek a zachycení polysemie. V souvislosti se snahou o ujasnění hranic spisovnosti/nepisovnosti PSJČ přinesl i první rozsáhlejší pokus o stylistickou klasifikaci lexikálních jednotek.

Asi jako první se o potřebě takového slovníku vyslovil už v polovině devadesátých letech 19. století Václav Flajšhans v *Literárních listech*, kde mj. zveřejnil nárys ukázkového hesla «louka». Příмым podnětem k vytvoření nového slovníku češtiny pak bylo vystoupení Františka Pastrnka, který 19. března 1905 přednesl před III. třídou České akademie věd a umění konkrétní návrh na jeho vydání. Vlastní realizace přípravy slovníku začala v r. 1911 ustavením specializovaného akademického pracoviště — Kanceláře Slovníku jazyka českého. Práce na slovníku, který se stal prestižním a společensky sledovaným dílem, se zúčastnili přední čeští jazykovědci i velké množství externích spolupracovníků (na tvorbě hesel se podílelo celkem 26 autorů a stálý počet 125 excerptorů). Slovník začal vycházet v roce 1935, symbolicky sto let po vydání slovníku Josefa Jungmanna, k jehož odkazu se autoři v *Předmluvě* přihlásili.

PSJČ byl vytvářen bez přímého vzoru (nicméně s reflexí zkušeností současně vznikajících zahraničních slovníků, především velkého tezauru latiny připravovaného za spolupráce pěti univerzit v Mnichově a slovníku vytvářeného švédskou akademií věd; známy byly také např. lexikografické projekty z Krakova a ze Záhřebu) a v české lexikografické tradici znamenal po mnoha stránkách novum. Je proto pochopitelné, že během příprav došlo k několika změnám plánované koncepce. Původní Pastrnkův návrh například počítal s dílem, které by shrnulo slovní zásobu všech dob. V roce 1911 vznikla modifikovaná představa, že by slovník měl obsahovat alespoň slovní zásobu od r. 1770; i v této úpravě se ještě počítalo se slovníkem, který by zobrazoval proměny lexémů v chronologickém vývoji a informoval o vzniku či zániku slov. Nakonec se však tvůrci přiklonili k pojetí víceméně synchronnímu, založenému na excerpci materiálu posledních zhruba 50–60 let (tj. od r. 1880, se začleněním staršího materiálu, pokud pocházel z děl klasiků české literatury). Slovník také nerealizoval původní Pastrnkův požadavek uvádět etymologické výklady slov a paralely z ostatních slovanských jazyků. V průběhu práce se měnil i názor na jeho rozsah. V r. 1931 bylo rozhodnuto vydat dvousvazkové dílo, během vydávání prvního svazku se však plán změnil ve prospěch značného rozšíření slovníku. První díly jsou proto stručnější a zhuštěnější. Jsou také poznamenány nedostatky a nejednotnostmi lexikografické metody, která se vyvíjela průběžně. Měnil se i přístup k materiálu, první svazky jsou např. purističtější, omezují rozsah odborného názvosloví apod. Pravou podobu slovníku je tedy možno hledat až v posledních šesti svazcích.

Příruční slovník jazyka českého (původně plánovaný jako dvousvazkový) vycházel v letech 1935–1957 v osmi dílech a devíti svazcích (4. díl je dvousvazkový; v přípravě

byl ještě devátý díl *Dodatků*, který však nikdy nevyšel²⁵). Redakčně se na jeho přípravě podíleli Oldřich Hujer, Emil Smetánka, Miloš Weingart, později též Bohuslav Havránek, Vladimír Šmilauer a Alois Získal. Podle Doslovu má rozsah 10 824 dvousloupcových stran a obsahuje 250 000 hesel.

Materiálově se PSJČ opírá téměř výhradně o excerpci psaného jazyka, především o excerpci beletrie, ale i publicistické a odborné literatury. Pojetí spisovnosti vycházelo z koncepce tzv. dobrého autora. Vedle slov spisovných byla do slovníku zařazena v relativně hojném množství i slova nářeční, slangová a argotická, avšak pouze taková, která v excerpované literatuře figurovala jako ozvláštňující prostředek jazyka spisovného. Odborné názvosloví zaznamenává PSJČ ve výběru, tzn. nezařazuje to, co je známé pouze úzké skupině odborníků. Přesto však zachycuje českou terminologii v dosud nebývalé úplnosti.

PSJČ se opíral o rozsáhlou a promyšlenou excerpci (vybraní excerptoři postupovali podle sepsaných detailních návodů a výsledky jejich úsilí ještě kontrolovali odborní pracovníci; práce na heslech začala v okamžiku shromáždění 5 milionů excerpt, během tvorby slovníku byla excerpta téměř zdvojnásobena) a přinejmenším od 2. dílu také o promyšlenou teorii (především o koncepci A. Získala).

Makrostruktura PSJČ je založena na abecedním řazení hesel. Samostatnými hesly jsou i odvozeniny a složeniny, hláskové a rodové varianty. Slovník se tak úmyslně vyhýbá hnízdování (v rámci heslového odstavce jsou zařazena pouze přivlastňovací adjektiva a zvrtná slovesa), což jeho tvůrci považovali za jednu z předností deskriptivně pojatého díla (a moderní lexikografie se k tomu opět vrací).

Heslový odstavec je uveden heslovým slovem v základním tvaru (u jmen nominativem, u sloves infinitivem), které může být provázeno značkou signalizující řídký výskyt, zastaralost či nesprávnost (poslední znak se objevuje častěji v prvních dílech slovníku).

Gramatický popis uvádí pouze základní informace (v duchu Získalových představ, že hlavní náplní slovníku má být informace lexikální, zatímco informace gramatická je doménou mluvnic). PSJČ uvádí nejprve poučení o výslovnosti (je-li potřebné), u jmen tvar genitivu, rod, u sloves vid, dále údaj o slovním druhu, není-li zřejmý z předchozího, popř. některé nepravidelné nebo problematické gramatické tvary.

Důležitým přínosem PSJČ v rámci vývoje českého slovníkářství je zavedení poměrně rozsáhlých stylistických charakteristik zařazujících slovo např. do teritoriálně či emocionálně příznakových vrstev slovníku («ob.», «lid.», «hovor.», «dial.», «fam.», «vulg.»).

Jádrum heslového odstavce je výklad významu. Stavba hesel vychází ze základního významu, nikoli z významu historicky etymologického, jednotlivé významy slov a slovních spojení jsou rozvíjeny postupně v jedné nebo v několika řadách. Výklad významů je založen na kombinaci popisu a synonym. Příklady užití slov mají v PSJČ charakter autorsky zakotveného citátu, proto bývá tento slovník nazýván citátovým. Pouze u slov zcela běžných (v pozdějších fázích práce na slovníku též u termínů) bylo od citací upouštěno.

---

²⁵ Po «znovuobjevení» byl materiál *Dodatků* v r. 2012 Ústavem pro jazyk český AV ČR zpřístupněn (v digitalizované podobě) badatelské obci.

Paralelně s přípravou PSJČ, ale autorsky a koncepčně nezávisle, vznikl menší výkladový slovník, který plnil po dlouhou dobu (v několika vydáních a úpravách) funkci příručky pro širší veřejnost. Byl jím původně dvojsvazkový a od druhého vydání v r. 1941 jedno-svazkový *Slovník jazyka českého pravopisný, kulturní a fraseologický* (1935–1937) od Pavla Váši a Františka Trávníčka, později vycházející pod názvem *Slovník jazyka českého* (v dalších vydáních vymizelo jméno Váša). Obsahoval mj. samostatný mluvnický oddíl, což není v tradici českých výkladových slovníků běžné. Slovník je řazen abecedně, využívá však poměrně rozsáhlého hnízdování. Opírá se především o materiál literární, pozornost však věnuje i nejdůležitější terminologii. Přestože je — asi jako poslední slovníkové dílo — dosti poznamenán puristickým poučováním (a v pozdějších letech i nemístnou ideologizací), patřil ve své době ke kvalitním jazykovým příručkám a získal si velkou oblibu.

Cesta české lexikografie k modernímu jednojazyčnému výkladovému slovníku prozatím vyvrcholila v *Slovníku spisovného jazyka českého* (SSJČ; 1960–1971)²⁶. Tím, že SSJČ kontinuálně navázal na PSJČ, mohli autoři využít všech teoretických poznatků i praktických zkušeností, které přinesla příprava prvního velkého slovníku, vyvarovat se opakování chyb a rozvinout pozitivní tendence. Účelové zaměření SSJČ, který na rozdíl od «akademického» deskriptivního PSJČ měl plnit funkci prakticky využitelného slovníku s kodifikačním statutem, vedlo k větší zpracovatelské hutnosti, neomezilo však teoretickou hodnotu popisu lexikálních jednotek, a tudíž ani použitelnost slovníku pro odborné studium slovní zásoby. SSJČ vynikl nad PSJČ promyšlenějším a účelnějším výběrem lexika, vnitřní koordinací zpracování hesel a důrazem na systémové pojetí slovní zásoby.

O vzniku *Slovníku spisovného jazyka českého* bylo rozhodnuto už během přípravy PSJČ. První sešit vyšel v roce 1958, tj. půl roku po dokončení PSJČ, čtyřdílné knižní vydání vycházelo v l. 1960–1971 (novodobý přetisk vyšel v r. 1989 v 8 svazcích). Členy redakce vedené Bohuslavem Havránkem byli Jaromír Bělič, Miloš Helcl, Alois Jedlička, Václav Křístek a František Trávníček.

Původně měl být SSJČ slovníkem spíše menším, v konečném výsledku však jeho tvůrci plánovaný rozsah téměř zdvojnásobili (na 4500 stran a 192 908 heslových slov), takže vznikl slovník středního typu. SSJČ byl **prvním slovníkem češtiny s platností kodifikátora spisovné lexikální normy** a zároveň měl kodifikační charakter po stránce ortografické, ortoepické i gramatické. Podobně jako PSJČ však vedle popisu spisovné slovní zásoby zachycoval také slova nespisovná, zejména pokud se vyskytla v beletrii, ale též v žurnalistice (excerpované pro lexikografické účely od 40. let). Opíral se o lexikální archiv založený už při práci na PSJČ (po válce obsahoval cca 12 milionů excerpt), ve srovnání s PSJČ se však orientoval synchronněji. Zaznamenával především slova z posledních 35 let, ve výběru pak slova od 80. let 19. století. Oproti PSJČ zachycoval SSJČ ve větším rozsahu a koncepčněji terminologii. (Její základní výběr se řídil učebnicemi všeobecně vzdělávacích škol středního stupně, pro potřeby slovníku však byly vytvořeny rozsáhlé speciální kartotéky termínů všech oborů a jako konzultanti byli přizváni odborníci

²⁶ Viz např. (v abecedním pořadí): (Helcl 1953; 1954; 1958; Jelínek 1961; Křístek 1971; Poldauf 1959; 1971).

z vysokých škol, výzkumných ústavů i výrobních podniků.) To, že byl SSJČ koncipován jako slovník středního typu, vedlo k částečnému omezení teritoriálně příznakových slov a slov řídkých, a naopak posílilo rozsah běžné slovní zásoby (stále však excerpované především z literatury, ne z běžné mluvy). Přinejmenším deklarativně se SSJČ snažil svým celkovým zaměřením přispět k vymezení hovorové češtiny jako běžné mluvené řeči uživatelů spisovného jazyka.

SSJČ je stejně jako PSJČ slovníkem abecedním, na rozdíl od něho se však nevyhýbá hnízdomání (do heslového odstavce zařazuje např. deminutiva, předponová slovesa, k adjektivům příslovce apod.). Samostatnými hesly jsou v SSJČ běžné předpony, první složky kompozit či samostatné slovesné základy (paralelně jsou však uváděna i utvořená slova). Důkladně zachycuje vidové opozice.

Heslový odstavec obsahuje heslové slovo (s případnou dubletou) s udáním spisovné výslovnosti, pokud je to potřebné. V záhlaví je uveden slovní druh, základní a problematické tvary, u přejatých slov původ (novum slovníku ve srovnání s PSJČ), stylová charakteristika (promyšlenější nežli v PSJČ; detailní škála stylistických kvalifikátorů v zásadě vychází z pěti hledisek: spisovnost, příslušnost ke stylové vrstvě, frekvence, dobový výskyt, emocionalita) a naznačeny jsou také vazebné údaje (další novum slovníku; rozhodně však nejde o zachycení valence v pravém slova smyslu). Následuje výklad významů slova, příklady jejich užívání, ustálená a frazeologická spojení. V závěru jsou přihnízdomány odvozeniny.

Při výkladu významu, který je explicitnější nežli v PSJČ, se autoři snažili o přesné vystižení podstatných významových znaků a zároveň o co nejhutnější formulaci. Pomocníkem jim byly i pečlivě zpracované synonymní řady (u nespisovných slov spisovné synonymum zcela nahradilo výklad). Výklady významu jsou v SSJČ jednodušší nežli v PSJČ. Systematičtější je také členění a řetězení polysémních struktur, jejichž výchozím významem se podobně jako v PSJČ většinou stává význam nejběžnější. Další (očíslované) významy se připojují podle toho, jak jim přibývá nebo ubývá významových znaků. Po přímých významech následují ustálená metonymická a metaforická přenesení.

Značný rozdíl proti PSJČ je v dokladovém aparátu. SSJČ upřednostňuje před autorsky verifikovanou citátovou autentičností funkčnost dokladu. Užívá tedy typické minimální kontexty (vybrané z materiálu a ověřené územ zpracovatelů), které co nejlépe a v co nejstručnějším kontextu ilustrují významové, emocionální i stylistické odstíny slov. Součástí dokladové části hesla jsou i četné příklady frazeologických spojení. Začleněním tohoto materiálu SSJČ plnil až do vzniku moderního frazeologického slovníku ve druhé polovině 20. století i funkci relativně obsáhlého pramene synchronní frazeologie.

Celkově lze shrnout, že SSJČ rozvinul, prohloubil a zdokonalil lexikografické postupy PSJČ (ve stylistickém hodnocení, ve výkladu významu, v členění polysémie, v zpracování frazeologie, v uvádění doplňujících pravopisných, výslovnostních a tvaroslovných informací) a zavedl řadu inovací (např. zachycení slovesných vazeb, vidových opozic, usouvztažnění lexikálních jednotek v rámci synonymie a zčásti i antonymie, zapojení informace o původu přejatých slov). Vzhledem k šíři uváděných informací mohl zčásti

plnit i funkce řady speciálních slovníků či gramatických příruček. Od vydání SSJČ uběhla už značná doba, takže jeho použitelnost v důsledku zastarávání údajů (zejména některých kvalifikátorů) klesá, především už nemůže plnit funkci normativní. Zatím ho však žádný rozsahem a obsahem srovnatelný výkladový slovník českého jazyka nenahradil²⁷.

Řadu výkladových slovníků češtiny 20. století završil *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* (SSČ; 1978)²⁸, který je prototypem výkladového slovníku menšího rozsahu určeného pro praktickou potřebu uživatelů²⁹. Svému účelu odpovídá výběrem materiálu (na rozdíl od PSJČ a SSJČ reflektuje přesun těžiště spisovného jazyka od beletrie k publicistice a snaží se ve větší míře zachytit i kolokviální vrstvu slovní zásoby), zpracováním (přehledností, detailnějším uváděním ortografických, ortoepických a gramatických informací, zařazením praktických příloh apod.) i kodifikačním statutem (platným přinejmenším od 2. vydání z r. 1994, neboť v 1. vydání slovník poněkud předběhl dobovou kodifikací posunem některých hovorových jevů na ose nespisovnost – spisovnost³⁰).

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost (1978; druhé upravené a doplněné vydání 1994; třetí vydání s drobnými úpravami 2003, 2005) zpracoval autorský kolektiv pod hlavní redakcí Josefa Filipce, Františka Daneše, Jaroslava Machače (1. vyd.) a Vladimíra Mejstříka (2. vyd.) a dílčí redakcí Libuše Kroupové, Běly Poštolkové a Zdeňky Sochové. Jde o slovník jednosvazkový, který se snaží obsáhnout zhruba pasivní slovní zásobu středoškolsky vzdělaného člověka (odhadovanou na 50 000 jednotek), druhé vydání SSČ zahrnuje přesně 45 366 heslových slov a 62 872 vyčleněných významů.

Časovým záběrem se SSČ zaměřuje na slovní zásobu od roku 1945, přihlíží však i k období první republiky. Oproti předcházejícím slovníkům se oprošťuje od slov starší klasické literatury i od různých okazionalismů literárních tvůrců, silně omezuje také slova teritoriálně nebo sociálně specifická. Zvláštní péči věnuje dubletám a variantám, které jsou součástí živého úzu.

Ve srovnání s oběma velkými výkladovými slovníky češtiny je SSČ zpracován úsporněji (užívá např. ve značné míře hnízdování — opírající se o Dokulilovu teorii, vypouští okrajové významy z významového spektra, neuvádí explicitně vazebné možnosti sloves apod.), nepodléhá však zjednodušení v rovině teoretické. Oproti SSJČ např. poprvé uplatňuje poznání, že základní systémovou i komunikační jednotkou slovníku je jednovýznamový lexém; programově využívá metodu vnitrojazykového porovnávání zpracovávaných jevů a konfrontace souvztažných slov v dílčích systémech (např. sloves pohybu); jednotněji a teoreticky adekvátněji zpracovává některé méně početné slovní druhy (zájmena, číslovky, předložky, spojky, citoslovce a především — vlastně poprvé — částice) apod.

²⁷ SSJČ měl i širší lexikografický význam. Z jeho zkušeností vycházely zahraniční slovníky slovanských jazyků (např. *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, Lublaň 1970–1991), přihlíželo se k němu při zpracování domácích dvojjazyčných slovníků apod.

²⁸ Viz např. (v abecedním pořadí): (Filipce 1992; 1995(a); Machač – Sochová 1968; Novotný 1980).

²⁹ V tomto smyslu SSČ navázal na tradici slovníku Váši a Trávníčka, viz výše v textu.

³⁰ Obecně lze říci, že SSČ ve srovnání se SSJČ posunul hodnocení řady lexémů z oblasti obecně češtiny do oblasti hovorové vrstvy češtiny spisovné a také např. z oblasti slangové do oblasti neutrálního lexika.

V systémovosti a v celkové koncepčnosti slovníku se odrazil mj. fakt, že SSČ byl v řadě výkladových slovníků 20. století prvním dílem pojímaným, zpracovaným a vydaným jako celek (tedy ne postupně). Na tom měl zásluhu především Josef Filipec, ale i celý zkušený lexikografický kolektiv.

V souladu s kodifikačním posláním a ve snaze vyhovět potřebám běžného uživatele, kterému slovník často slouží jako jediné poučení o jazyce a nahrazuje i jiné specializované příručky, přináší SSČ (podobně jako už SSJČ) také údaje pravopisné, výslovnostní a gramatické. Praktickým účelům slouží i dvě ze tří příloh slovníku: přehled zkratk a značek a přehled křestních jmen, příjmení a zeměpisných jmen (včetně složitějších tvarů i základních odvozenin). Třetí příloha — slovtvorný přehled — slouží spíše odbornému poznání jazyka a doplňuje celkové systematické zaměření SSČ.

V přepracovaném vydání v r. 1994 SSČ reflektoval především výrazné změny v slovní zásobě související s vývojem společnosti na konci 20. století (zejména po r. 1989). Musel se vyrovnat s jazykovou situací, v níž stále větší prestiž a funkční šíři získávají substandards (především obecná čeština), v níž probíhá značná stylistická diferenciacie a objevují se «jazyky» pro nové účely («jazyk» reklamy, «jazyk» elektronické komunikace) a v nebyvalém měřítku se projevuje vliv cizích jazyků (zejména angličtiny). Bylo nutno reagovat na vznik řady nových lexikálních jednotek, na ústup mnoha jednotek spjatých s minulou dobou či ideologií a naopak na návrat jednotek dlouho neužívaných. U některých hesel (např. *národ, pán, policajt*) musely být přehodnoceny výklady významů nebo bylo upraveno pořadí významů apod. Provedeny byly také kodifikační změny pravopisné (podle PČP z r. 1993) a morfologické (např. u 3. pl. sloves vzoru sází). Proměnou prošly i některé zásady zpracování slovníku (např. bylo posíleno hnízdování, pozměněno zpracování frazeologie). Celkově se druhé vydání odlišuje zhruba pěti tisíci úprav různého typu.

Vydáním SSČ a jeho přepracováními vyvrcholila a v podstatě se i uzavřela jedna vývojová etapa české výkladové lexikografie. Potřeba dalšího výkladového slovníku, který by v co největší komplexnosti reflektoval současnou slovní zásobu češtiny i úroveň jejího teoretického poznání, je pocíťována jak lingvisty, tak běžnými mluvčími³¹. K tvorbě nového reprezentativního výkladového slovníku češtiny aktuálně směřuje lexikografické pracoviště Ústavu pro jazyk český AV ČR. Koncepce slovníku se musí vypořádat s řadou otázek, které nastoluje dnešní kulturní i lexikografický kontext. K častěji diskutovaným patří např. relevance kodifikační funkce výkladového slovníku, poměr zachycení spisovné a nespisovné slovní zásoby a s tím související poměr excerpce psaného a mluveného jazyka, relace mezi lexikální a gramatickou složkou, využitelnost korpusových zdrojů, elektronických lexikálních databází³² a počítačových nástrojů při přípravě slovníku apod.

---

³¹ Potřeba trhu iniciuje v současné době i produkci slovníků vytvářených komerčními firmami (srov. malý výkladový *Slovník současné češtiny*, Brno 2011, vydaný firmou Lingea, jež se specializuje především na slovníky překladové).

³² Rozsáhlá databáze lexikální zásoby českého jazyka počátku 21. století byla budována od r. 2005 v Ústavu pro jazyk český AV ČR jako východisko pro plánovaný výkladový slovník češtiny. Podrobnější informace, ukázku databáze *Pralex* (Pražský lexikon) ad. lze nalézt v rámci webového hnízda *Lexiko* na webových stránkách Ústavu pro jazyk český AV ČR (<http://www.ujc.cas.cz>); viz též (Rangelova – Světlá – Jarošová 2008).

6.2. Speciální slovníky

Už na přelomu 19. a 20. století se jako samostatné lexikografické odvětví profiluje **diachronní / historická lexikografie**, jejíž kvalitní počátek představuje nedokončené dílo J. Gebauera *Slovník staročeský* (1903–1916, v novém vydání 1970; v abecedním řazení zachycuje pouze hesla *A* až *netbánlivost*). Novodobějším pokračováním je *Staročeský slovník*, vydávaný v letech 1968–2008 Ústavem pro jazyk český ČSAV (AV ČR) a zahrnující hesla *na — při*, a posléze *Elektronický slovník staré češtiny*, zpracovávaný v ÚJČ AV ČR od r. 2005 a přístupný na webových stránkách této instituce. Pro vysokoškolské potřeby bylo sestaveno několik dalších lexikografických pomůcek reflektujících staročeskou slovní zásobu, např. *Malý staročeský slovník* (1979) od J. Běliče, A. Kamiše a K. Kučery.

S diachronním pohledem na češtinu je spjata také **etymologická lexikografie**, rozvíjející se zejména ve druhé polovině 20. století. Reprezentuje ji např. *Etymologický slovník jazyka českého* (1952) od J. Holuba a F. Kopečného, zpracovávající samostatně i etymologii gramatických afixů, dále *Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím* (1967, 2. vyd. 1978) od J. Holuba a S. Lyera, uvádějící i výklad slov přejatých, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* (1957; další vydání 1968, 1997 se orientují pouze na češtinu) od V. Machka, zaměřený naopak pouze na slova slovanského původu a ve značné míře reflektující nářečí. Z novějších prací jmenujme např. odborné i širší veřejnosti určený *Český etymologický slovník* (2000) od J. Rejzka, vykládající jak slova od původu slovanská, tak přejatá.

Dále se ve 20. století osamostatňují slovníky specializované na teritoriálně, sociálně nebo jinak vymezenou část slovní zásoby, tedy na ty vrstvy lexikonu, které třídící se česká výkladová lexikografie, zaměřená především na spisovný jazyk a neutrálnější slovní zásobu, odsunula spíše stranou. **Nářeční lexikografie** se konstituovala podobně jako lexikografie diachronní už v gebauerovském období, a to především rozsáhlým *Dialektickým slovníkem moravským* (1906) od F. Bartoše (1910 k němu F.Š. Kott vydává *Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému*), ale i lokálními nářečními slovníky J.F. Hrušky, Q. Hodury ad. Od 40. let 20. století se pak rozvíjela pod vlivem tzv. brněnské dialektologické školy (slovníky I. Maliny, A. Gregora, A. Lamprechta, S. Utěšeného ad.). Na konci 20. a začátku 21. století reprezentují moderní nářeční lexikografii slovníky J. Bachmannové, Z. Sochové, J. Vojtové ad. Celonárodní popis nářeční slovní zásoby s reflexí vývojové dynamiky lexika mluvené češtiny podávají první tři svazky neslovníkového díla *Český jazykový atlas 1–3* (Balhar – Jančák a kol., 1992, 1997, 1999). Celonárodní nářeční slovník se v dialektologickém oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně v současnosti připravuje.

Soustavnější **lexikografické zachycení slangů** se objevuje až ve 2. pol. 20. století. Teoretickému i slovníkářskému popisu této oblasti se věnuje (po iniciačním zájmu F. Oberpfalcera-Jílka) svým celoživotním dílem zejména J. Hubáček (např. *Malý slovník českých slangů*, 1988), značné (zejména organizační) zásluhy na studiu lexikálního bohatství českých slangů patří L. Klimešovi. Novějších slovníků zaměřených na jednotlivé

slangy je celá řada, např. *Několik slangových slovníků* (1993) od J. Suka, zaznamenávající mj. slang chartistů (signatářů Charty 77).

Vedle lexikografických prací věnovaných slovní zásobě jednotlivých slangů se na přelomu tisíciletí a v prvním desetiletí 21. století objevují také pokusy o zmapování širě vymezené nespisovné slovní zásoby češtiny (včetně vulgarismů), kterou dosavadní výkladové slovníky, zaměřené především na reflexi spisovného lexika, uváděly jen v omezeném rozsahu. K materiálově nejkompexnějším v této oblasti patří opakovaně vydávaný a stále rozšiřovaný *Slovník nespisovné češtiny* (Hugo, J. a kol., 3. vyd. 2009).

Speciální oblast slovní zásoby zachycují také slovníky terminologické. Terminografie, mající v českém prostředí poměrně dávné kořeny (počátky lze klást už do období Klaretových slovníků, výrazné úsilí o tvorbu a slovníkové zachycení termínů provází zejména národní obrození), se během 20. století rozvíjí s velkou intenzitou ve všech vědních i technických oborech. Výčet konkrétních slovníků by v tomto přehledu nebyl účelný.

V rámci slovníkových prací specializovaných na určitou část slovní zásoby se v lexikografii 20. století vyčlenily jako zvláštní typ také **slovníky cizích slov**, mající výběrem materiálu i funkcí blízko k lexikografii terminologické a provenienčním aspektem k lexikografii etymologické. Objevily se zhruba v polovině 20. století a od té doby jich vyšla celá řada (např. J. Haller: *Kapesní slovník cizích slov*, 1954, 1956; J. Kubišta – L. Rejman: *Slovník cizích slov*, 1956; L. Rejman: *Slovník cizích slov*, 1966, 1971; K. Kučera: *Cizí slova*, 1978; L. Klimeš: *Slovník cizích slov*, 1981, nejnověji 2005; a mnoho dalších vydávaných komerčními firmami). Nejrozsáhlejší a dosud metodologicky nejkvalitnější z nich je *Akademický slovník cizích slov* (1995, 2. vyd. 1997), který vydali za autorské účasti řady spolupracovníků V. Petráčková a J. Kraus. Jde o jednojazyčný výkladový slovník uvádějící na 100 000 významů přejatých slov užívaných v současné češtině. Kodifikuje i pravopis a výslovnost přejímek, podává informaci o jejich původu, určuje jejich morfologickou i syntaktickou (vazebnou) charakteristiku a stylové zařazení. V přepracovaném a rozšířeném vydání (zahrnujícím navíc cca 2000 slov a významů) tento slovník vyšel v r. 2005 pod názvem *Nový akademický slovník cizích slov*.

Z hlediska zaměření na speciální část slovní zásoby a v souvislosti se vznikem samostatných lingvistických subdisciplín se v novodobé české lexikografii osamostatnily také **slovníky onomastické** a **slovníky frazeologické**. Zachycují tu část lexikonu, kterou výkladové slovníky češtiny reflektovaly jen okrajově, protože nebyla předmětem jejich popisu.

Lexikografie onomastická se ustavuje zhruba v polovině 20. století, i když ojedinělé práce pocházejí i z doby starší. Její vývoj charakterizuje vzrůstající akcentace lingvistického přístupu k materiálu odrážející výrazný rozvoj onomastické teorie. Nástup lexikografického zachycení toponym reprezentuje především slovník A. Profouse *Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny* (1947–1957; IV. díl dokončil J. Svoboda, v doplňkovém V. dílu z r. 1960 připojil V. Šmilauer úplnou systematiku místních jmen). K němu paralelní práci, zahrnující materiál z Moravy a Slezska, vydali pod názvem *Místní jména na Moravě a ve Slezsku I* (1970), *II* (1980) L. Hosák a R. Šrámek. Souhrnně zachycuje

zeměpisná jména slovník I. Lutterera a R. Šrámka *Zeměpisná jména v Čechách, na Moravě a ve Slezsku. Slovník vybraných zeměpisných jmen s výkladem jejich původu a historického vývoje* (1997; 2. vyd. 2004). Od konce 20. století se onomastický výzkum a lexikografické aktivity v oblasti mapování české toponymie věnují zejména anoikoným (pomístním jménům). Např. práce L. Olivové-Nezbedové, M. Knappové, J. Malenínské, J. Matušové *Pomístní jména v Čechách* (1995) či od r. 2005 postupně vycházející práce J. Matušové a kol. *Slovník pomístních jmen v Čechách*. V brněnské pobočce Ústavu pro jazyk český AV ČR se v současné době připravuje tradiční tištěný a paralelně i elektronický *Slovník pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku*. Také lexikografie antroponomastická se ve větší míře rozvíjela až ve druhé polovině 20. století. Příjmení zachycují mj. slovníkové uspořádané indexy doprovázející některá teoretická díla, např. práci J. Svobody *Staročeská osobní jména a naše příjmení* (1964) nebo M. Knappové *Příjmení v současné češtině* (1992; přepracované vydání *Naše a cizí příjmení v současné češtině*, 2002). Čistě slovníkový charakter má soubor D. Moldanové *Naše příjmení* (1983; upravené vydání 2004). Rodná jména zachycují např. slovníčky *Průvodce našimi jmény* (1974, 2. vyd. 1991) od F. Kopečného nebo *Jak se bude jmenovat?* (1978 a v řadě dalších vydání; nejnověji v r. 2010 pod názvem *Jak se bude Vaše dítě jmenovat?*) od M. Knappové.

Důležitým doplňkem výkladové lexikografie jsou **slovníky frazeologické**.

Slovníkové zachycení české frazeologie a idiomatiky má poměrně dlouhou tradici (od období humanismu), většinou však šlo o deskriptivní práce, které si z dnešního pohledu uchovaly pouze historickou hodnotu. Z těch kvalitnějších stojí za uvedení soubor přísloví M. Červenky v *Gramatice české Jana Blahoslava* (1571), Komenského *Moudrost starých Čechů* (1631) a Čelakovského *Mudrosloví národu slovanského v příslovích* (1852). Stěžejní dílo V. Flajshanse z počátku 20. století (*Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a ve Slezsku. Část první: Prísloví staročeská A–N, O–Ž*, 1911, 1913; 2. vyd. 2013) bohužel zahrnovalo pouze materiál staročeský (zhruba 15 tisíc staročeských frazémů různého typu; z toho jen menšinu vlastních přísloví). Aktuálnější obraz české frazeologie poskytly ve 20. století slovníky *Lidová rčení* (1947) od J. Zaorálka a *Slovník synonym a frazeologismů* (1977) od J. V. Bečky. Zčásti zaznamenávaly českou frazeologii i všechny výkladové slovníky češtiny 20. století.

V lexikografii 20. století byla česká frazeologie a idiomatika nejkomplexněji zpracována v *Slovníku české frazeologie a idiomatiky* (SČFI): *Přirovnání* (1983); *Výrazy neslovesné* (1988); *Výrazy slovesné A–P* (1994), *R–Ž* (1994); druhé souborné čtyřdílné upravené vydání SČFI z r. 2009 navíc zahrnuje obtížně teoreticky i prakticky uchopitelnou oblast větné frazeologie a idiomatiky: *Výrazy větné*. Hlavní redakci prvních tří dílů tvořili F. Čermák, J. Hronek, J. Machač, hlavním redaktorem 4. dílu byl F. Čermák. Práce celkově obsahuje cca 27 000 hesel.

SČFI popisuje oblast české frazeologie a idiomatiky v relativní úplnosti, výběr frazémů však programově omezuje pouze na současný jazyk (tj. opírá se o materiál ze 2. poloviny 20. století). Akcentuje výrazy kolokviální, snaží se zachytit jejich reálnou podobu i způsob užití. Teoretickým východiskem koncepci SČFI se stalo Čermákovy pojetí frazeologie a

idiomatiky, pro něž je rozhodujícím kritériem řadícím výraz mezi frazémy/idiomy anomální sémantická nebo/a formální povaha jeho «stavebních prvků». Tím se oproti tradičnímu přístupu podstatně rozšířila oblast frazeologických jednotek, takže SČFI přináší mnoho výrazů registrovaných jako frazémy/idiomy — alespoň z hlediska české tradice — poprvé (např. ustálená spojení synsémantik). SČFI je zpracován podle jednotné koncepce a metodiky, každý díl je však v podstatě autonomním slovníkem zaměřeným na určitý strukturně a funkčně vymezený typ frazémů/idiomů. Abecední slovníková část je vždy doplněna i onomaziologicky řazeným rejstříkem. Díky propojení teoretického pohledu na oblast frazeologie a idiomatiky (jednotlivé díly obsahují mj. teoretické studie vztahující se k zpracovávanému typu frazémů/idiomů) a slovníkového popisu jejich konkrétních jednotek se SČFI stal prací mapující tuto významnou oblast lexikonu skutečně komplexně.

Česká lexikografie 20. století rozvinula také škálu **slovníků diferencovaných metodikou řazení materiálu (a zároveň funkcí)**. Zcela většinový zůstal sice abecední pořádek hesel, speciální slovníkářské cíle však vedly i ke vzniku slovníků řazených např. na principu onomaziologickém. K nim patří **slovníky pojmové a synonymické**, v českém prostředí zastoupené prací J. Hallera a kol.: *Český slovník věcný a synonymický 1–3* (1969–1977; *Rejstřík k svazkům 1–3*, 1987), která na českou slovní zásobu aplikovala pojmovou strukturaci lexikonu vypracovanou R. Halligem a R. Wartburgem, a novějším — podle britského vzoru vytvořeným — tematicky uspořádaným slovníkem A. Klégra: *Tezaurus jazyka českého* (2007). Synonymní relace v slovní zásobě sledovaly také praktičtěji zaměřené slovníky menšího rozsahu, např. J.V. Bečka: *Slovník synonym a frazeologismů* (1977) a z novějších opakovaně vydávaná práce K. Pala – J. Všianský: *Slovník českých synonym* (3. vyd. z r. 2008, dotisk bez úprav 2012).

Výrazné novum v lexikografii 2. poloviny 20. století představují **slovníky řazené na principu frekvenčním**. Za první vlašťovku tohoto typu v českém prostředí lze považovat práci J. Jelínek – J.V. Bečka – M. Těšitelová: *Frekvence slov, slovních druhů a tvarů v českém jazyce*, vydanou v r. 1961. Slovníky vytvářené pomocí počítačů vznikaly až v 70. a 80. letech (např. *Frekvenční slovník současné české publicistiky* připravený v r. 1980 M. Těšitelovou). Významný pokrok ve frekvenčním lexikografickém popisu češtiny přinesla na konci 20. stol. korpusová lingvistika. Průkopnickým dílem byl *Frekvenční slovník češtiny* (2004) zpracovaný autorským kolektivem pod vedením F. Čermáka a M. Křena. Shromážděné frekvenční údaje (opírající se o materiál Českého národního korpusu) se týkají 50 000 nejběžnějších apelativ, 2000 nejčastějších vlastních jmen a 1000 zkratk. Slovník má řadu praktických dodatků a je opatřen CD. Pracovníci Ústavu Českého národního korpusu dále připravili např. *Frekvenční slovník mluvené češtiny* (2007) a frekvenční slovníky slovní zásoby významných českých spisovatelů Karla Čapka a Bohumila Hrabala (2007 a 2009).

Speciální metoda řazení materiálu charakterizuje i **slovníky retrográdní**, např. práci E. Slavičkové: *Retrográdní morfemtický slovník češtiny s připojenými inventárnými slovníky českých morfémů kořenových, prefixálních a sufixálních* (1975). Další slovník tohoto typu *Retrográdní slovník současné češtiny* (1986) zpracovali M. Těšitelová – J. Petr – J. Králík; kombinuje postupy slovníku retrográdního a frekvenčního a zároveň

slovníku lexikálního a morfematického (vedle jednotek lexikálních zpracovává též tvary substantiv a sloves).

6.3. Nové dimenze české lexikografie

Od počátku 90. let 20. stol. se v české lexikografii objevují také slovníky, které dosud v domácí lexikografické tradici nebyly zastoupeny. Tyto nové speciální slovníky jsou jednak zaměřeny na gramatické jevy, jmenovitě na valenční schopnost slov a na jejich gramatickou spojitelnost (vazebnost), jednak se soustřeďují na novou slovní zásobu, na neologismy v současné spisovné (standardní) češtině. Je příznačné, že slovníky obou — v české lexikografii nových — typů mají přes rozdílný obsah a pracovní metody společného jmenovatele: orientují se na dynamiku současné češtiny.

Gramatické slovníky syntaktické³³

Slovníky založené na syntaktickém pohledu představují dvě moderně koncipovaná díla: *Slovesa pro praxi* s upřesňujícím podtitulem *Valenční slovník nejčastějších českých sloves* (1997) zpracovaná autorským týmem ve složení N. Svozilová, H. Prouzová a A. Jirsová a *Slovník slovesných, substantivních a adjektivních vazeb* (2005) od téže autorské trojice.

Slovník *Slovesa pro praxi* (dále jen valenční slovník) spojuje — v souladu s valenční teorií propracovanou pro češtinu³⁴ — rovinu lexikálních jednotek (sloves) a jejich významů s rovinou větněsyntaktickou. Podává se v něm 767 sloves, při jejichž výběru se vychází z frekvenčního hlediska. Slovník je uspořádán abecedně.

Zpracování sloves, jejich vícerovinnou analýzu lze ilustrovat např. ukázkou hesla *jmenovat se*:

JMENO VAT SE dok. i ned.
'mít jméno, nazývat se'
Val 1 – VF – Val 2
někdo/něco – se jmenuje – nějak
Val 1: S nom [omn (minus mental)]
Val 2: S/A nom / praep S [nomin] // ADV [mod]
*Jejich chlapeček se jmenuje Jakub. – Vždyť ani já nevím, jak se ta dívka jmenuje a kde bydlí. – ...*³⁵

³³ Při přípravě SSČ (1978) byly některé slovní druhy zpracovány jako celky. Poprvé tak byly popsány české sekundární předložky a částice. Následně bylo jejich zpracování využito do dvou příloh *Slovníku české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné*, 1988 (viz výše): do přílohy *Předložky* zahrnující tzv. předložkové frazémy (čili složené předložkové výrazy) a do přílohy *Spojky a částice* zahrnující tzv. spojkové frazémy (čili složené spojkové výrazy, viceslovné spojky) a částicové výrazy. Podmíněně můžeme o těchto zpracováních mluvit rovněž jako o "gramatických" slovnících.

³⁴ Valenční teorii pro češtinu propracovává monografie *Větné vzorce v češtině* (Daneš – Hlavsa a kol., 1981, 1987) a *Mluvnice češtiny, 3. Skladba* (1987).

³⁵ Příkladovou část zde zkracujeme.

Z příkladu je patrné, které položky heslová stať zahrnuje. Struktura hesla obsahuje: (1) heslové slovo, (2) výklad slovesného významu, (3) větný vzorec (u uvedeného příkladu: Val 1 – VF – Val 2), (4) explicitní podobu větného vzorce (u příkladu: *někdo/něco – se jmenuje – nějak*). Výsledky jemné morfológicko-syntaktické a sémantické analýzy podává položka (5). (Srov. u uvedeného příkladu např. Val 2: S/A nom / praep S [nomin] // ADV [mod] – tzn. pravovalenční pozice se obsazuje substantivem nebo adjektivem v nom. (*chlapeček se jmenuje Jakub*) nebo předložkovým pádem v nominační platnosti (*Hospoda se jmenovala U hastrmana*) nebo způsobovým adverbiem (*To místo je jmenovalo hrozně strašidelně*.) Následující položku (6) tvoří příkladová část, v níž se ilustrují všechny údaje, které poskytla valenční analýza. V příkladové části jsou obsaženy i poznámky týkající se způsobů a okolností užívání daného slovesa aj.

Je známo, že zpracování valenčních slovníků provází řada koncepčních problémů. K otázkám, které se v českém valenčním slovníku pokládají za ústřední, náleží problematika výběru sloves a celkové uspořádání heslových slov. Český valenční slovník ukazuje, že přijatá řešení, tj. užití frekvenčního kritéria pro výběr sloves a volba abecedního řazení, neznamenají záležitost ryze technickou. Uplatnění frekvenčního kritéria umožňuje u nejstabilnějších sloves ukázat pohyb v jejich spojitelnosti, v stylové příznakovosti aj. Volba abecedního řazení sice znamená rezignaci jak na sémantické třídění sloves, tak na třídění podle typu vzorců, ale zato umožňuje podat podrobnou valenční analýzu a rozsáhlou exemplifikaci u každého slovesa.

Slovník slovesných, substantivních a adjektivních vazeb je prvním pokusem o souhrnné lexikografické zpracování vazebných možností slov v češtině. Na rozdíl od dosavadních všeobecných výkladových slovníků češtiny (SSJČ, SSČ), v nichž jsou údaje o vazbách uváděny jako jedna z řady informací, věnuje se vazebnosti slov samostatně. Z koncepčního hlediska je závažné, že se soustřeďuje na jev, u něhož jsou vývojový pohyb a aktuální změny dnes velmi výrazné. Významným rysem slovníku je fakt, že vychází při pojetí vazeb z valenční teorie. A konečně neméně důležitým rysem je jeho určení – vymezuje se jako slovník určený k praktickému užívání.

Pro větší přiblížení slovníku pokládáme za důležité upozornit na pojetí vazebnosti, na materiálovou bázi a na některé lexikografické zásady zpracování.

Vazebnost se chápe široce, tzn. podávají se nejen vazby dané rekcí (formálně řízené), ale i vazby dané přimykáním (formálně neřízené). Oporu tvoří valenční hledisko, neboť pojetí vazebnosti vychází z toho, že vazby jsou realizací valenčních schopností slov. Za relevantní vazby se proto nepokládají např. u substantiv ty, jimž odpovídá větná transformace, tzn. genitiv vlastnosti, přivlastňovací genitiv a genitiv partitivní, podmětové, přináležitostní. Proto substantiva pouze s takovými genitivními vazbami slovník neuvádí. (O dalších restrikcích se podávají podrobné informace v úvodních výkladech slovníku.)

Základním východiskem pro vytvoření hesláře byl SSČ (2. vyd. 1994). Přihlíželo se ovšem i k SSJČ. Vzhledem k záměru zachytit vazebné poměry ve standardní, spisovné češtině se však vynechávají heslová slova, která se v SSČ a SSJČ hodnotí jako řídká, zastaralá, slangová, zhrubělá apod. — Materiál byl čerpán z lexikálního archivu Ústavu

pro jazyk český AV ČR, doplňován vlastní excerpcí. Hojně se též využíval materiál Českého národního korpusu.

Slovník je uspořádán abecedně, všechny zahrnuté lexikální jednotky jsou zpracovány v samostatných heslech (neužívá se hnízování), každé heslové slovo podává příslušnou vazbu nebo výčet vazeb spolu s ilustračním materiálem. (Srov. např. zpracování vazeb u slovesa *vyjádřit*: 1 něco; něco někomu (‘sdělit slovy, vyslovit’) 2a (někdo) něco {něčím; v něčem; nějak} (‘tvárnit, projevit, zachytit’) 2b (něco) něco; něco nějak.) V rámci jednotlivých hesel se uvádějí i variantní podoby vazeb (*manipulovat něčím / s něčím*). K heslovým slovům se nepodávají výklady významu; k stručnému výkladu významu se sahá jen v případě potřeby diferencovat jednotlivé významy u vícevýznamových heslových slov. (Viz uvedený příklad slovesa *vyjádřit*.) Vazby a spojení jsou vyjadřovány pomocí celé škály výrazových prostředků: neurčitými zájmeny *někdo* a *něco* (*přibouchnout něco, choulostivý na něco*), neurčitými příslovci (*vývoz odněkud*), opisem (*upravit něco za nějakým účelem*), některými spojkami (*že, aby* apod.) a zkratkami (*Vzt.* – tj. vedlejší věta vztahná, *V* – tj. věta v přímé a nepřímé řeči).

Slovníky neologizmů

Pronikavé změny ve slovní zásobě češtiny od konce 80. let 20. století a rovněž příznivý stav zkoumání neologizmů v české lingvistice a stimuly přicházející od zahraniční neologie a neografie vytvořily předpoklady k tomu, aby se do popředí lexikografické pozornosti dostalo zachycení a zpracování neologizmů.

V r. 1994 vychází přepracované vydání *Slovníku spisovné češtiny*, do kterého se nově zařazuje na 600 nových slov a slov s novými významy; podobně se zařazují některá nová slova do připraveného rukopisu *Akademického slovníku cizích slov*, vydaného v r. 1995, i do jeho dalších vydání. V roce 1994 vychází také slovník Z. Sochové – B. Poštolkové *Co v slovnících nenajdete* s podtitulem *Novinky v současné slovní zásobě*, pojatý v zásadě jako suplement k SSJČ (1960–1971) a k 1. vydání SSČ (1978). V r. 1998 následuje slovník zpracovaný kolektivem autorů pod vedením O. Martincové *Nová slova v češtině 1. Slovník neologizmů* (NSČ 1), který zachycuje lexikální jednotky s příznakem neologičnosti zjišťované v současné spisovné komunikaci v období let 1985–1995. Další slovník neologizmů *Nová slova v češtině 2. Slovník neologizmů* (NSČ 2) vychází v r. 2004. Navazuje na NSČ 1 jak po stránce koncepční, tak pokud jde o časové úseky: NSČ 1 vychází z materiálu do r. 1995, NSČ 2 z materiálu z let 1996–2002. V r. 1999 je vydán dvoujazyčný *Rusko-český a Česko-ruský slovník neologizmů* (1999), který se poměrně záhy dočkává nového, rozšířeného vydání (2004). *Rusko-český a Česko-ruský slovník neologizmů* zpracoval autorský kolektiv N.P. Savický, R. Šišková, E. Šlaufová.

Česká lexikografie v tomto období tedy nejenže uplatňuje téměř všechny dosavadní lexikografické přístupy k novému lexiku: a) **zařazování** neologizmů do stávajících všeobecných výkladových slovníků, b) zpracování **suplementů**, c) zpracování **speciálních slovníků** nových slov. Také opakovaně nastoluje otázku, s níž se od počátku vyrovnává neografie, a to, zda standardní slovníky neologizmů mají mít ráz **suplementu**, tzn.

navazovat na všeobecné výkladové slovníky jak v obecných záměrech a cílech, tak v užití lexikografických technik, či mají-li mít **osobitý charakter**.

Z tohoto pohledu znamenají významné **novum NSČ 1 a NSČ 2**, které se hlásí obecně teoretickými východisky a užitými lexikografickými postupy k neologickým slovníkům speciálním³⁶. Nepodávají přírůstek slovní zásoby v delším časovém úseku, tj. nové, jazykovým společenstvím sankcionované prvky v lexikální normě, ale zaznamenávají v rámci dvou po sobě následujících časových úseků neologizmy s různým stupněm lexikalizace a uzualizace včetně neuzualizovaných okazionalizmů, dále revitalizované lexémy a výrazy, jejichž užití — původně vázané na pracovní, zájmové, sociální prostředí, na úzce odbornou komunikaci — se mění a spolu s tím se přehodnocuje i jejich původní (profesní, slangová, odborná atp.) platnost (viz dále).

NSČ 1 podává 4600 hesel zachycujících novou slovní zásobu v běžném vyjadřování, v publicistice, politice, ve sféře ekonomické, v oblasti počítačů atd. V NSČ 2 je zpracováno 7000 hesel. Podat tak vysoký počet neologizmů umožnila promyšleně koncipovaná báze zdrojů³⁷. Vzhledem k dnešnímu postavení publicistiky v současné komunikaci se čerpal nový lexikální materiál zejména z novin a časopisů (pro NSČ především z období 1991–1996, pro NSČ z let 1996–2002), částečně též z mluvených projevů zaznamenávaných z televizního a rozhlasového vysílání. Do excerptce byly zařazeny také informační materiály: letáky, prospekty, inzertní noviny apod. Prováděla se excerptce vybraných titulů beletrie včetně překladové. Pro vybrané obory (výpočetní technika, ekologie aj.) se excerptovala také populárně-odborná literatura a učební texty. Hojně se těžilo, zejména při přípravě NSČ 2, z Internetu a z elektronického archivu NEWTON ON-LINE. Neologický materiál se zaznamenával pomocí počítačové techniky. Neologický elektronický archiv je v mnohém ohledu unikátní. V době vydání NSČ 2 čítal na 192 tis. záznamů. — Poznamenejme ještě, že při výběru hesel se užívalo kromě jiných technických postupů také porovnání s počítačově uloženými texty Českého národního korpusu.

Nová slova v češtině pojímají neologizmy široce. Při vymezení neologizmů se klade důraz — ve shodě s dosavadním zkoumáním — na příznak novosti (neologičnosti) lexikálního prostředí, a to jak z hlediska vznikového, tak z hlediska funkčního (funkčně systémového, komunikačního, stylistického). Při určování konkrétních jednotek jako neologizmů se v koncepci NSČ uplatňuje kritérium současné spisovné komunikace, kritérium časové, kritérium strukturního typu a rozšíření v úzu. Z těchto kritérií se také vychází při výběru hesel.

Pojetí neologizmů můžeme přiblížit na základě repertoáru heslových slov. Jako hesla vystupují: 1) jednoslovné výrazy (slovotvorné odvozeniny a přejímky) typu *daňář, anketář, jogurtovač, florbalistka, plážovné, sprejařský, starostovat, zafaxovat, fondově, populisticky, dealer, pub, snowboarding*, 2) složeniny typu *autochladnička, minipočítač, rychlojídlna, ekonafťa, europoslanec* a dále výrazy jako *e-bankovníctví, i-noviny, m-platba*³⁸, 3) spojeniny

³⁶ Srov. např. typologii slovníků nových slov podanou Je.A. Levašovem 1978.

³⁷ K vytyčování okruhů textů jako pramenů pro zjišťování neologizmů viz (Martincová 1996).

³⁸ Pro tyto pojmenovací útvary zatím chybí ustálené označení. Zůstává také otevřená jejich nominační příslušnost (stojí na pomezí kompozit a víceslovných pojmenování).

jako *city bike, joint venture, sales manager*, 4) výrazy s novým významem – např. *špinavý* ‘nezákonný, nelegální’, *šok* ‘prudká změna v určité oblasti’, *artikulovat* (*myšlenku, argumenty*) (neosemántizmy se označují grafickým symbolem «□»), 5) zkratky jako *CD, PR* (a od nich utvořená slova *cédéčko, piárka, piárový*), 6) pod heslovými slovy s řadící funkcí se uvádějí víceslovná pojmenování a frazémy, např. pod *modrý* se podávají spojení *modré barety*, pod *být* frazémy *být in, být stejné krevní skupiny*, 7) v podobě hesel se registrují i další neologické prvky – produktivní prefixy, radixy, radixoidy a afixoidy (např. *de-, re-; celo-; velko-, polo-; znovu-, spolu-; eko-, bio-, mini-, mikro-, -manie*) i nově vznikající afixoidy a radixoidy (např. *e-, euro-, sex-, sexy-, -holik, -gate*) a také produktivní určované členy multiverbizovaných pojmenování (např. *veřejnost* jako určovaný člen multiverbátů *podnikatelská v., uživatelská v., internetová v., počítačová v.*).

Přitom se má na zřeteli, že nová lexikální vrstva není jedolitá. Vedle výrazů, které se rychle vžily (např. *bezolovnatý benzin, mikrovlnná trouba, bankomat, video, sponzor, fax, faxovat*), anebo jsou utvořeny způsobem běžným, takže se jejich novost nepocítuje (např. *kioskář, kinař, stánkař*), se do ní řadí výrazy, které jsou tvořeny a užívány příležitostně (*jablkoholik, klenotka* ‘přítelkyně, milenka’, *krasosmutný, kyselostný*). Vzhledem k pronikání některých lexikálních prvků z pracovního, zájmového, slangového prostředí nebo z úzce odborného prostředí do spisovné komunikace, je opodstatněné, aby se pod pojem neologismus řadily i ty výrazy, u nichž probíhá stylové přehodnocování. (Srov. např. *smažič* ‘konzument zpravidla tvrdých drog’ — původně v prostředí narkomanů.) Rovněž tak se k neologizmům řadí ta slova, která byla z oficiální veřejné komunikace dlouhodobě odsunuta a od 90. let 20. století se znovu vracejí, jako např. *radní, radnice, hejtman* aj.

Slovník neologizmů je podle některých autorů «nesystémový soubor slovníkových jednotek»³⁹. Jedním z předpokladů ke zkoumání systémových, dynamických vztahů a souvislostí nových lexikálních jednotek na různé úrovni je dosažení větší systematičnosti a detailnosti slovníkového popisu. V těchto intencích se pro NSČ 1 a NSČ 2 přijaly některé postupy, resp. zásady. Patří k nim: a) zásada uvádět po definici synonyma, tj. uplatnit je v jejich systemizační funkci, b) zásada nehnízdovat, c) zásada zpracovat nová víceslovná (sdružená) pojmenování a frazémy jako samostatné heslové jednotky, d) zásada použít pro komunikační charakteristiku nových jednotek poznámku. Pro NSČ 2 byla navíc přijata e) zásada upozornit v poznámce, umístěné na konci heslového odstavce, že slovo uvedené v NSČ 2 souvisí s příslušným slovem v NSČ 1. (Ukázalo se, že k mnohým neologizmům z předchozího období se dotvořila další nová odvozená slova, nebo že se u neologizmu jeho významová stránka obohatila o nové významy apod.)

Přijaté zásady umožnily nejen zpřesnit lexikografický popis, ale také ukázaly některé relevantní lexikální procesy i dynamiku samotné nové vrstvy.

Užití synonym v NSČ 1 a v NSČ 2 v systemizační funkci ozřejmilo, že jednak některé neologizmy jsou v synonymním vztahu s lexikálními jednotkami existujícími ve slovní zásobě již dříve (*azylant* k *uprchlík*), jednak že mezi samotnými neologizmy existují bohaté

³⁹ (Sochová – Poštolková 1994: 8).

synonymní vazby a vztahy, v nichž lze odhalit důležité tendence (srov. dvojice tvořené novou přejímkou a domácím protějškem jako *hacker* – *průnikář*, ukazující tendenci dotvářet k novým přejímkám domácí výrazy).

Odstoupení od hnízdování umožnilo sledovat, jak reálně nastává «obsazování prázdných míst» v slovtvorném hnízdě/paradigmatu, neboli že vedle hromadného vzniku motivačně spjatých slov probíhá toto obsazování s různou časovou prodlevou (srov. např. slovtvorné neologizmy *vizážistický*, *vizážistika* v NSČ 2 k heslovému slovu *vizážista* v NSČ 1).

Zásada zpracovat nová víceslovná (sdružená) pojmenování a frazémy jako samostatné heslové jednotky umožnila sledovat motivační vztahy u jednotek typu *plážový volejbal* – *plážový volejbalista*, ukázala také na nominační variabilitu výrazů v první fázi jejich existence i na pestrost synonymních vztahů (*patologické hráčství* – *chorobné hráčství* – *gamblerství*).

Funkčně komunikační charakteristika neologizmů představuje integrální součást jejich lexikografického popisu, a jak jsme již naznačili, pro tuto charakteristiku se využilo poznámky umístěné na konci heslového odstavce. (Srov. např. poznámku u hesla *evropocentrismus* — ‘ve vyjadřování politiků a v politické publicistice’; u hesla *profipráce* — ‘v reklamě’). Přijatým řešením se NSČ odklánějí od dosavadní lexikografické praxe podávat stylové kvalifikátory. Nebylo ale možné užít tradiční postup, tj. opatřovat nové a v jistém smyslu nehotové jednotky neadekvátními kvalifikátory, užívanými v dosavadních výkladových slovnících češtiny.

Podrobným popisem neologických slovníků jsme chtěli nejen ukázat, s jakými problémy se musí lexikografie (neografie) vyrovnávat a k jakým výsledkům česká lexikografie dospěla. Chtěli jsme také upozornit na některé užité lexikografické postupy, které mohou mít širší platnost. Konkrétně máme na mysli zásadu nehnízdovat, zásadu zpracovat nová víceslovná (sdružená) pojmenování a frazémy jako samostatné heslové jednotky a zásadu podávat komunikační charakteristiku lexikálních jednotek jinou formou než prostřednictvím strohých kvalifikátorů.

Závěr

Naše výklady usilovaly o to podat vývoj české lexikografie především v oblasti výkladových slovníků. Jestliže můžeme konstatovat, že se v současné době ukazuje výrazná orientace na speciální slovníky, neznamena to, že by ustupoval do pozadí záměr vytvořit nový moderní komplexní popis české slovní zásoby (viz výše). Není sporu o tom, že takový záměr vyžaduje jak všestrannou analýzu dosavadních výsledků české (a nejen české) lexikografie a hlubokou koncepční přípravu, tak plné respektování toho, co umožňují moderní metody počítačové a korpusové lingvistiky.

LITERATURA

- Čermák F., Blatná R. (eds.). Manuál lexikografie. Nakladatelství H & H, Jinočany, 1995.
- Černá A.M. Daniel Adam z Veleslavína a jeho nomenklatory // Čmejrková S., Hoffmannová J., Klímová J. (eds.). Čeština v pohledu synchronním a diachronním. Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český. Praha: Karolinum, 2012. S. 201–206.
- Černá A.M. František Ladislav Čelakovský – lexikograf («Dodavky ke slovníku Josefa Jungmanna» z roku 1851) // Tarajlo-Lipowska Z., Malicki M. (eds.): Wrocław w Czechach – Czesi we Wrocławiu. Literatura – język – kultura. Wrocław, 2003. S. 133–141.
- Červená V. a kol. K dějinám vzniku a vydávání Jungmannova Slovníku // NŘ 65. 1982. S. 233–247.
- Daneš F., Hlavsa Z. a kol. Větné vzorce v češtině. Praha: Academia, 1981; 2. vyd. 1987.
- Filipec J. Akademický Příruční slovník jazyka českého dokončen // SaS 19. 1958. S. 211–224.
- Filipec J. Kodifikace a slovník. Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha: Academia, 1979. S. 190–197.
- Filipec J. Naše současná společnost, slovní zásoba a slovníky // NŘ 75. 1992. S. 1–11.
- Filipec J. K dialogu o české lexikografii a lexikologii, předpočítačové i počítačové // SaS 55. 1994. S. 132–141.
- Filipec J. K druhému vydání SSČ // NŘ 78. 1995(a). S. 9–17.
- Filipec J. Teorie a praxe jednojazyčného slovníku výkladového // Čermák F., Blatná R.(eds.). Manuál lexikografie. Nakladatelství H & H, Jinočany 1995(b). S. 14–49.
- Flajšhans V. Český slovník. Literární listy XVI. 1895. S. 97–99, 113–115, 131–132.
- Flajšhans V. Klaret a jeho družina. Sv. I. Slovníky veršované. Praha, 1926.
- Golánová H. Novočeský lexikální archiv a excerpe v průběhu let 1911–2011 // SaS 72. 2011. S. 287–301.
- Hejnic J. K našim prvním humanistickým slovníkům // LF 87. 1964. S. 167–171.
- Helcl M. Příprava nového slovníku současného spisovného jazyka // NŘ 36. 1953. S. 309–311.
- Helcl M. O novém slovníku spisovné češtiny // SaS 15. 1954. S. 161–165.
- Helcl M. Nový slovník spisovné češtiny // NŘ 41. 1958. S. 45–48.
- Helcl M. Kdy opravdu vycházel Jungmannův Slovník česko-německý? // NŘ 42. 1959. S. 238–240.
- Hladká Z. České slovníkářství na cestě k jednojazyčnému výkladovému slovníku // NŘ 88. 2005. S. 140–159.
- Hladká Z. Lexikografie // Pleskalová J., Krčmová M., Večerka R., Karlík P. (eds.). Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky. Praha: Academia, 2007. S. 164–198.
- Hodura K. Z dějin akademického slovníku jazyka českého // NŘ 42. 1959. S. 6–14.
- Jelínek M. První díl Slovníku spisovného jazyka českého // NŘ 44. 1961. S. 32–42.
- Jílek F. Klaretovo české názvosloví mluvnické // Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-filologická č. IV, 1950. Královská česká společnost nauk, Praha, 1951.
- Kamiš A. Slovní zásoba v Jungmannově slovníku. AUC – Philologica 3–4. 1974. S. 67–76.
- Kolektiv Oddělení pro dějiny českého jazyka ÚJČ ČSAV: K lexikálnímu vývoji spisovného jazyka českého v době Karlově // SaS 34. 1973. S. 129–133.
- Křístek V. Slovník spisovného jazyka českého // NŘ 54. 1971. S. 233–239.
- Lastovec ka H.K. Narys českoji leksykohrafiji // Voprosy slavjanskogo jazykoznanija 4. L'viv, 1955. S. 187–202.
- Lexikografický kolektiv ÚJČ: K výkladovým postupům v jednojazyčné lexikografii // SaS 61. 1975. S. 84–92.
- Levašov Je.A. Slovari novych slov (kratkiy obzor) // Novyje slova i slovari novych slov. Moskva: Nauka. 1978. S. 27–36.
- Lisický A. Z dějin zápasu o české slovo // Osvěta 49, 1919. S. 473–483, 537–548, 613–619; 50, 1920. S. 39–46, 160–169, 214–222, 285–293, 345–352, 415–423, 459–467.
- Machač J. Vznik a vývoj prvního československého jazykovědného pracoviště (K 60. výročí založení Kanceláře Slovníku jazyka českého) // NŘ 54. 1971. S. 190–200.
- Machač J., Sochová Z. K problematice lexikálního standardu a jeho adekvátního popisu // SaS 29. 1968. S. 167–173.
- Martincová O. Dopisy čtenářů jako zdroj nového lexika // Spisovnost a nespisovnost dnes. Sb. příspěvků z mezinárodní konference Spisovnost a nespisovnost v současné jazykové a literární komunikaci (Šlapanice u Brna 17.–19. ledna 1995). Brno, 1996. S. 117–119.
- Martincová O. Slovník nová slova v češtině jako slovník speciální // Ondrejovič M., Považaj S.(eds.). Lexicographica'99. Sb. na počest K. Buzássyovové. Bratislava: Veda, 2001. S. 62–68.

- Martincová O.* Preskripce a/nebo deskripce v neografii // Ondrejovič S. (ed.). Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy. Bratislava: Veda, 1997. S. 65–68.
- Mathesius V.* Slovník jazyka českého // SaS 7. 1941. S. 168.
- Návod pro sběratele materiálu k «Slovníku jazyka českého». Komise lexikografická a dialektologická III. třídy České akademie. Praha, 1911.
- Michálek E.* Česká slovní zásoba v Klaretových slovnících. Praha: Academia, 1989.
- Mluvnice češtiny, 3. Skladba. Praha: Academia, 1987.
- Nechutová J., Šlosar D., Večerka R.* Čítanka ze slovanské jazykovědy v českých zemích 1. UJEP, Brno, 1982.
- Němec I.* K problému slovníkové definice // NŘ 65. 1982. S. 113–118.
- Němec I.* Vědecké a technické možnosti rozvoje české lexikografie // SaS 53. 1992. S. 48–55.
- Novák J.V.* O slovníkářských pracích Daniele Adama z Veleslavína // Časopis Muzea Království českého LIX, 1885. S. 333–346, 556–563.
- Novák J.V.* Slovník česko-latinsko-německý Václava Jana Rosy // Věstník ČA XI, 1902. S. 155–169.
- Novotný J.* Nový slovník spisovné češtiny // SaS 41. 1980. S. 221–227.
- Orłoś T.Z.* Zapózyczenia polskie w słowniku Jungmanna. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1967.
- Pastrnek F.* O slovanské lexikografii // Věstník ČA XV. 1906(a). S. 201–216.
- Pastrnek F.* Zpráva // Věstník ČA XV. 1906(b). S. 306–308.
- Páta J.* Česká lexikografie. Stručný nástin dějin českého slovníkářství // ČMF 1. 1911. S. 6–10, 103–106, 198–202, 296–301.
- Paul K. P.J.* Šafařík a Jungmannův slovník // NŘ 21. 1937. S. 46–54.
- Petr J.* K neuskutečněnému druhému vydání Jungmannova slovníku // NŘ 64. 1981. S. 80–89.
- Petr J.* Úvod // Petr J. (ed.). Josef Jungmann. Slovník česko-německý I–V. Praha: Academia, 1989–1990. S. 5–31.
- Petráček V.* Pojetí a význam Rosova slovníku // Práce z dějin slavistiky X. Praha: UK, 1985. S. 155–166.
- Petráček V., Roudný M.* Návrat k Rosovu dílu // NŘ 63. 1980. S. 214.
- Poldauf I.* Slovník spisovného jazyka českého // SaS 20. 1959. S. 210–216.
- Poldauf I.* K dokončení Slovníku spisovného jazyka českého (1960–1971) // SaS 32. 1971. S. 258–267.
- Procházka A.* Vlastenecký «Slovník český» z r. 1716 // ČMM 52. 1928. S. 361–364.
- Rangelova A., Světlá J., Jarošová A.* (eds.). Lexikografie v kontextu informační společnosti. Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., Praha, 2008.
- Redakce Příručního slovníku jazyka českého, Kancelář Slovníku jazyka českého: Akademický slovník // NŘ 23. 1939. S. 178–185.
- Redakce /SSJČ/: Vyšel první díl Slovníku spisovného jazyka českého // NŘ 43. 1960. S. 292–294.
- Ryba B.* K latinsko-českým mamotrektům // LF 67. 1940. S. 1–68.
- Ryba B.* Nové jméno mistra Klareta // Věstník Královské české společnosti nauk V, 1943. S. 1–13.
- Ryba B.* O Komenského neznámém spisku «Kořenové jazyka českého» // LF 73. 1949. S. 171–178.
- Ryba B.* K rukopisným latinsko-českým slovníkům ostříhomským // LF 75. 1951. S. 89–123.
- Ryba B.* K dalším pracím o středověkém latinsko-českém slovníkářství // LF 86. 1963(a). S. 352–363.
- Ryba B.* K novějším pracím o středověkém latinsko-českém slovníkářství // LF 86. 1963(b). S. 177–182.
- Skála E.* Lexikographie in Böhmen im XIII.–XIX. Jahrhundert // Matzel K., Roloff H. (eds.). Festschrift für Herbert Kolb zu seinem 65. Geburtstag. Lang, Bern, 1989. S. 692–701.
- Sochová Z., Poštolková B.* Co v slovnících nenajdete. Novinky v současné slovní zásobě. Praha: Portál, 1994.
- Šlosar D.* (Ing. dr.) Václav Jan Rosa // Čeština doma a ve světě 2, 1995. S. 93–96.
- Šlosar D., Večerka R.* Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Praha: SPN, 1979.
- Šmilauer V.* Jungmannův slovník česko-německý. AUC – Philologica 3–4, 1974. S. 43–56.
- Tyl Z.* K historii vzniku Jungmannova Slovníku česko-německého // NŘ 66. 1983. S. 113–119.
- Tyl Z.* Význam Václava Jana Rosy ve vývoji české lexikografie. Teze přednášky v lexikologické sekci JS v Praze dne 29.10.1986. Jazykovědné aktuality 23. 1986. S. 100–102.
- Tyl Z.* Na okraj nového vydání Jungmannova Slovníku česko-německého // NŘ 74. 1991. S. 30–34.
- Večerka R. a kol.* Vývoj odborných zájmů o češtinu. Brno: UJEP, 1988.
- Večerka R.* Slovníky češtiny // Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.). Encyklopedický slovník češtiny. Nakladatelství Lidové noviny. Praha, 2002. S. 420–423.
- Vidmanová A.* Prolegomena k latinským spisům Mistra Klareta // LF 101. 1978. S. 193–207.

Vidmanová A. Mistr Klaret a jeho spisy // LF 103. 1980. S. 213–223.

Volf J. Osudy Rosova slovníku. Z dějin české knihy // Český bibliofil, 1929. S. 13–16, 57–62, 90–102, 150–157, 188–192.

Weingart M. Slovník jazyka českého. Zvláštní otisk České Revue. Praha, 1916.

Weingart M. Slovník jazyka českého // NŘ 1. 1917. S. 8–11, 44–46.

Zíbrt Č. Josef Dobrovský a knihovna Neuberkova // Osvěta 45. 1915. S. 723–731, 808–817.

Ziskal A. Příspěvky k lexikografické teorii a praksi // SaS 4. 1938(a). S. 19–27.

Ziskal A. Další příspěvek k lexikografické teorii a praksi. (Vícevýznamnost slov.) // SaS 4. 1938(b). S. 149–160.

Ziskal A. Závěrečný příspěvek k lexikografické teorii a praksi. (Podrobný slovník současného spisovného jazyka a uspořádání hesel v něm.) // SaS 4. 1938(c). S. 212–222.

ZKRATKY

ČMF = Časopis pro moderní filologii

ČMM = Časopis matice moravské

LF = Listy filologické

NŘ = Naše řeč

SaS = Slovo a slovesnost

Часть 2

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Желька ФИНК-АРСОВСКИ
(Хорватия)

О ХОРВАТСКО-СЛАВЯНСКОМ СЛОВАРЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

1. Фразеология — относительно молодая лингвистическая дисциплина, которая интенсивно начала развиваться лишь во второй половине прошлого века.

1.1. Основной единицей фразеологии является фразеологизм. Он состоит, по меньшей мере, из двух компонентов, причем это может быть сочетание двух знаменательных слов (например, *lavovski dio*, львиная доля) или одного знаменательного и одного (иногда двух) служебного слова (например, *s nogi, za pod zub, po dušam, ne po pleču*). Для фразеологизма характерно то, что он не создается в процессе речи, а уже в качестве закрепленного в языке выражения включается в текст. Он в таком случае может быть не только любым членом предложения, но и вводной конструкцией или обращением, а также может функционировать в качестве самостоятельного предложения.

Из сказанного следует, что основными особенностями фразеологизмов считаются воспроизводимость, целостность и структурная устойчивость. Когда речь идет о фразеологизмах в узком смысле, надо добавить еще десемантизацию, т. е. семантическое преобразование компонентов, входящих в их состав, и образность, характерную для многих фразеологических единиц. Большинство фразеологизмов отличает выразительность, экспрессивность и коннотативное значение (чаще всего негативное).

Что же касается фразеологии в широком смысле, то здесь почти и нет деактуализации, экспрессивности и коннотативности, а образность отмечается значительно реже. Этот фразеологический сегмент в большинстве случаев относится к терминам, понятиям из сферы науки и некоторых других областей или человеческой деятельности.

Фразеологизмы имеют различные структурные формы, поэтому их можно разделить на следующие типы:

– минимальные фразеологизмы (*ni govora, bez pardona, ni йоты, с (на) мизинец*);

– словосочетания различных типов

сочинительные словосочетания (*milom ili silom, tu i tamo, ни рыба ни мясо, так или иначе*);

подчинительные словосочетания, которые, в зависимости от синтаксически главного слова, дальше делятся на четыре основные группы: субстантивные (*Damoklov mač, буря в стакане воды*), глагольные (*imati kruh u rukama, неть с чужого голоса*), адъективные (*mrtav hladen, пьяный в доску*), наречные (*jedva jedvice, дешевле пареной репы*);

– фразеологизмы со структурой предложения (*nisu sve koze na broju komu, ne vrijedi (ne valja) ni pišljiva boba što, душа уходит в пятки у кого, выведенного яйца не стоит* что);

– сложные слова (*pik-zibner, zbrda-zdola, видимо-невидимо* чего, *тяп-ляп*).

1.2. Помимо четырех типов единиц можно упомянуть еще сравнительные (компаративные) фразеологизмы, которые отличаются от первых как по своей структуре, так и по способу формирования фразеологического значения. Данная группа фразеологизмов является одним из наиболее употребительных структурных типов, который встречается во всех славянских языках. Однако, необходимо отличать компаративные фразеологизмы от сравнения в качестве стилистической фигуры. Если сравнение рождается в процессе речевого акта, обогащая при этом стиль, делая его более выразительным, живым, более эффектным, то компаративные фразеологизмы воспроизводятся в речи и являются частью фразеологического фонда определенного языка.

Выделяются два основных структурных типа сравнительных фразеологизмов: трехчленные и двучленные.

Трехчленная структура (A+B+C) означает, что во фразеологизме имеется сравнивающийся компонент (A-часть), сравнительный союз (B-часть) и сравниваемый компонент (или компоненты) (C-часть). В сравнительных фразеологизмах трехчленной структуры A-часть наиболее часто выражается прилагательным (*dobar kao anđeo, rižan kao smrtni grijeh, mlad kao rosa u rodne, добрый как ангел, дурной как смертный грех, злой (сердитый) как собака на цепи*), глаголом (*živjeti kao paša, živjeti kao mali bog, živjeti kao bubreg u loju, slagati se kao pas i mačka, жить как паша, жить как у бога за пазухой, как сыр в масле кататься, жить как кошка с собакой*), существительным (*tišina kao u crkvi, mrak kao u rogu, тишина как в храме, темнота как в колоде*), в то время как C-часть может иметь весьма разнообразные формы. Трехчленные компаративные фразеологизмы иногда выступают в форме предложения: *to je kao kap <vode> u moru, ide kao po loju što, это как капля в море, идет как по маслу* что. В некоторых славянских языках, в том числе и в русском, сравнительные фразеологизмы могут иметь и другие структурные формы; сравнение может быть выражено, например, творительным падежом — *лететь стрелой : лететь как стрела*.

Двучленная структура предполагает форму B+C; это значит, что отсутствует сравнивающийся компонент. В рамках данного структурного типа значительно меньшее количество фразеологических единиц: *kao dva i dva četiri, kao za okladu, kao pokisao, как дважды два <четыре>, как назло, как мокрая курица*.

2. В 2006 г. в Хорватии, в Загребе, в издательстве Книгра (Knjigra) опубликован «Хорватско-славянский словарь сравнительных фразеологизмов» (“Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema”). Исходным языком в Словаре является хорватский, а целевыми: словенский, македонский, болгарский, украинский, русский,

польский, чешский и словацкий¹. Словарь содержит 540 хорватских сравнительных фразеологизмов с союзом *kao* (как) и соответствующие сравнительные фразеологизмы на восьми славянских языках².

Главным автором словаря и руководителем проекта является Желька Финк-Арсовски (Željka Fink-Arsovski), а составителями по другим языкам являются:

словенский: Эрика Кржишник (Erika Kržišnik)

македонский: Славомира Рибарова (Slavomira Ribarova)

болгарский: Татьяна Дункова и Наталья Кабанова

украинский: Раїса Тростинська

русский: Желька Финк-Арсовски и Ирина Миронова-Блажина

польский: Агнешка Спагиньска-Прушак и Ивана Видович-Болт (Agnieszka Spagińska-Pruszek, Ivana Vidović Bolt)

чешский: Дубравка Сесар и Славомира Рибарова (Dubravka Sesar)

словацкий: Мария Добрикова и Мария Курсар (Maria Dobriková i Maria Kursar).

Словарь состоит из нескольких частей. В первой части находятся *Предисловие* и *Основные данные о словаре* на хорватском языке и в переводе на восемь славянских языков (с. 5–141). Следует словарная часть (с. 143–346), затем алфавитные указатели фразеологизмов всех девяти славянских языков (с. 347–430), список источников хорватских контекстуальных иллюстраций к избранным хорватским сравнительным фразеологизмам (с. 431–432) и список использованной лексикографической и фразеографической литературы (с. 433–436).

3. Как структурирована словарная статья в «Хорватско-славянском словаре сравнительных фразеологизмов»?

3.1. На первом месте выделяется ВОКАБУЛА, определенная по морфологическому принципу, причем приводится опорный компонент из С-части, т. е. той части, которая находится после сравнительного союза.

3.2. Затем следует ЗАГОЛОВОЧНАЯ ЕДИНИЦА, т.е. хорватский фразеологизм, форма которого в основном соответствует традиции написания таких единиц во фразеологических словарях. Варианты указываются только тогда, когда они не относятся к опорным компонентам, и в этом случае они заключаются в круглые скобки, например **skočiti (odskočiti) kao oparen, lagan (lak) kao pero**. В случае, когда

---

¹ При выборе славянских языков мы руководствовались тем, чтобы было представлено, по меньшей мере, по два языка из трех славянских групп.

² Фразеологизмы представлены только одним союзом по двум причинам. Во-первых, ради лучшей наглядности и понятности, для более легкого запоминания фразеологизма. Во-вторых, использование хорватского вариантного предлога с компаративным значением *poput* в большинстве случаев связано с изменением падежной формы компонента в С-части (что за собой повлекло бы включение морфологических вариантов некоторых составных частей, и в ряде случаев это усложнило бы понимание фразеологизма). Итак, во фразеологизмах можно выделить следующие союзы: хорватский *kao*, словенский *kot*, македонский *како*, болгарский *както*, украинский *як* (в одном фразеологизме *наче*), русский *как*, польский *jak*, чешский *jako*, словацкий *ako*), а невключенные варианты следующие: хорватский *poput* и разговорные формы *ko*, *k'o*, словенский *kakor*, *ko*, македонский *ко*, болгарский *сякаш*, украинский *мов*, *наче*, *немов*, *неначе*, *ніби*, русский *словно*, *точно*, *будто*, польский *niczym*, чешский *jak*, словацкий *s'a*.

опорный компонент имеет вариант, он приводится не в той же словарной статье, а занимает свое отдельное место в словаре. Так, например, фразеологизм **skočiti (odskočiti) kao ofuren** помещается под вокабулой **OFUREN**, в то время как синонимичная единица **skočiti (odskočiti) kao oparen** помещена под вокабулой **OPAREN**.

В А-части адъективных и глагольных фразеологизмов чаще всего употребляются стилистически нейтральные или наиболее употребительные компоненты, например, во фразеологизме **pijan kao svinja** адъективный компонент является представителем потенциальных компонентов типа *naroljan, ciguš* и т. п., а глагольный компонент *napiti se* во фразеологизме **napiti se kao svinja** предполагает использование глаголов типа *naroljati se, nacugati se, nalokati se* и т. п.

В ломаных скобках представлены факультативные компоненты, например, **potreban kao kruh <nasušni>, osjećati se kao kod <svoje> kuće**. В рамках заголовочной единицы появляется еще один вид скобок — квадратные скобки. В них заключаются глаголы, не являющиеся частью фразеологизма; они представляют собой сопровождающие слова, благодаря чему пользователю облегчается постановка фразеологизма в контекст, т. е. дается рекомендация относительно его употребления. Таким образом узнаем, что фразеологизм **kao furija** употребляется с глаголами движения: [*ući, izaći i sl.*], в то время как в квадратных скобках получаем информацию о том, что единица **kao Švabo tra-la-la** используется с глаголами говорения: [*ponavljati, govoriti i sl.*].

Курсивом указывается на управление, т. е. на наиболее типичные или единственно возможные синтаксические связи фразеологизма с окружающими его словами: **čekati kao ozebao sunce koga, što, bježati od koga, od čega kao vrug od tamjana**.

3.3. ТОЛКОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ. Значение толкуется на хорватском языке. В случае, если само определение не дает достаточной информации о значении фразеологизма, то об этом говорится в косых скобках. После общего значения фразеологизма **raditi kao crnac** дается более детальное уточнение: ‘*naravno i mnogo raditi /o teškim fizičkim poslovima/*’. Значение ‘*vrlo jak*’, относящееся к фразеологизму **<jak> kao grom** сужается определением */o pićul*, потому что данная единица употребляется лишь по отношению к алкогольным напиткам.

Полисемия обозначается цифрами с точкой:

čist kao suza

1. čist, bez nepoželjnih primjesa /o vinu, rakiji itd./;
2. potpuno čist, bez zrnca prašine;
3. visokih moralnih kvaliteta, besprijekoran, častan, neporočan

Цифрами со скобкой обозначаются два разных категориальных значения:

kao bog

- 1) odlično, izvrsno
- 2) odličan, izvrstan

3.4. Все хорватские компаративные фразеологизмы сопровождаются ИЛЛЮСТРАТИВНЫМ МАТЕРИАЛОМ (КОНТЕКСТОМ). Обычно приводится один пример употребления, но, если фразеологизм многозначен или у него есть два катего-

риальных значения, то к каждому значению приводится контекст. Иллюстративный материал взят из произведений современной хорватской художественной литературы (в скобках приводится фамилия писателя³), из газет и журналов, издаваемых с начала XXI века, из Хорватского национального корпуса, Хорватского фразеологического корпуса, а также из поисковой сети Google и Yahoo. В случае, когда контекст с данным фразеологизмом не подтвержден в каком-либо из указанных источников, он составляется автором Словаря (в таком случае отсутствует указание на источник).

3.5. После полной фразеографической обработки хорватских компаративных фразеологизмов приводятся их КОМПАРАТИВНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ВОСЬМИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ. Фразеологическое и категориальное значение фразеологизмов в хорватском языке и в целевых языках идентично. Экспрессивное и коннотативное значение в основном совпадает.

Структура фразеологизмов в большинстве случаев одинакова во всех славянских языках. Только в нескольких местах в качестве исключения приводятся фразеологизмы различной структуры при том условии, что у них одинаковое экспрессивное, коннотативное и, конечно, одинаковое фразеологическое значение. Так, например, в качестве эквивалентов к хорватским фразеологизмам **biti (razlikovati se) kao bog i šeširdžija i biti (razlikovati se) kao nebo i zemlja** предлагаются словацкие **to je ako sto (tisíc) a jeden** и **to je ako nebo a zem**. Или же ко второму значению хорватского фразеологизма **vidjeti <jasno> kao na dlanu što** дается эквивалент из словенского языка **to je kot na dlani**.

Если фразеологизмы в целевых языках имеют более узкое значение и/или более узкое употребление, чем фразеологизмы в исходном языке, то это уточняется сопровождающими словами, например,

ČEŠKI	jako hora [chlap]
SLOVAČKI	ako hora [chlap]

При выборе эквивалентных фразеологизмов целевых языков внимание уделялось совпадению образа (внутренней структуры) в С-части. Прежде всего выбирались фразеологизмы с идентичным образом. В случае же, если они отсутствовали в целевом языке, выбирались фразеологизмы с похожим образом. Если и их не удавалось найти, выбирались компаративные фразеологизмы, которые отличаются образом, но которые имеют то же фразеологическое значение. Когда отсутствовал сравнительный фразеологизм с соответствующим значением в целевом языке, оставлялось пустое место, а точнее вписывалась черта (–)⁴. В некоторых целевых языках присутствует несколько фразеологизмов, которые соответствуют одному хорватскому.

---

³ Остальные данные можно найти в Списке источников.

⁴ Поэтому количество сравнительных фразеологизмов восьми славянских языков различается. Как уже сказано, в словарь вошло 540 хорватских фразеологизмов, а количество фразеологизмов в целевых языках следующее: 347 словенских, 486 македонских, 476 болгарских, 517 украинских, 428 русских, 380 польских, 461 чешских и 503 словацких. Часть фразеологизмов в целевых языках повторяется в различных словарных статьях.

Надо подчеркнуть, что словарь, во-первых, не представляет собой полный перечень ни хорватских сравнительных фразеологизмов, ни сравнительных фразеологизмов остальных включенных в него восьми славянских языков. Во-вторых, выбор единиц в целевых языках определялся исходным языком, а авторы старались находить наиболее подходящий эквивалент, учитывая при этом структурные и семантические критерии. Если в целевом языке нет эквивалента в словарной статье, это не значит, что в каком-либо конкретном славянском языке вообще не существует фразеологического эквивалента, а значит то, что нет эквивалента со структурой сравнительного фразеологизма.

3.6. Приведем примеры трех словарных статей:

MAČAK

vr̄tjeti se (motati se, obilaziti) *oko koga, oko čega kao mačak oko vruće kaše*

neodlučno se vr̄tjeti *oko koga, oko čega*, bojati se približiti (pristupiti) *komu, čemu*, biti neodlučan (pretjerano oprezan)

...izuzetno je vješt manipulator koji može manevrirati i u najtješnjem prostoru dok se istovremeno delikatno vr̄ti oko istine kao mačak oko vruće kaše. (N)

Tako je Latin uporno obilazio kao mačak oko vruće kaše od jednoga do drugog uzvanika i pitao ih tko je to organizirao, tko su njihove vođe... (N)

...redovito se iznerviram kad razgovaram sa sugovornikom koji obilazi kao mačak oko vruće kaše i nepotrebno mi troši vrijeme... (G)

SLOVENSKI hoditi (smukati se) <okoli koga, okoli česa (okrog koga, okrog česa)> kot mačka okoli (okrog) vrele kaše

MAKEDONSKI се вртка (се мота, оди) околу некого, околу нешто како куче околу касапница

BUGARSKI въртя се (обикалям) около някого, около нещо като куче <на сватба> за комад

UKRAJINSKI вертітися (крутитися, мотатися) біля кого, біля чого як кіт коло (біля) гарячої каші

RUSKI –

POLJSKI chodzić wokół kogoś, wokół czegoś jak kot koło (wokół) gorącej kaszy (mleka)

ČEŠKI chodit kolem někoho, kolem něčeho jako kocour (kočka, pes) kolem horké kaše

SLOVAČKI chodiť okolo koho, okolo čoho ako mačka (pes) okolo horúcej kaše

PELIN

gorak kao pelin

1. jako gorak; 2. turoban, otužan

Ova je kava gorka kao pelin. Zaboravili ste staviti šećer.

Od ovoga dana moj život postade gorak kao pelin, čemeran kao povrijeđena rana. (N)

SLOVENSKI grenek kot pelin (1)

MAKEDONSKI <горчлив> како пелин

BUGARSKI горчив като пелин

UKRAJINSKI гіркий як полин

RUSKI горький как полынь

POLJSKI gorzki jak piołun

ČEŠKI	1. hořký jako zeměžluč (žluč); 2. <hořký> jako pelyněk
SLOVAČKI	horký (trpký) ako blen (palina)

GROM

kao gromom ošinut (pogođen)

1) preneražen, zaprepašten, iznenađen

...ništa manje ogorčenje nije bilo ni unutar poljudskog stadiona, uprava je bila **kao gromom ošinuta**. (N)

Taj prekrasan dečko je želio mene! Iako sam o tome maštala, na trenutak sam bila **kao gromom pogođena**. (G)

2) preneraženo, zaprepašteno, iznenađeno

Pomalo snužđen, ušao sam u Mikijevu sobu i zastao **kao gromom ošinut**. (Tribuson 1)

Nakon što mu je sve ispričala, osjećao se **kao gromom ošinut**. (G)

SLOVENSKI kot od strele zadet

MAKEDONSKI како од гром удрен

BUGARSKI като от гръм ударен (поразен)

UKRAJINSKI як громом прибитий (ударений)

RUSKI как громом поражённый (оглушённый)

POLJSKI jak gromem rażony (tknięty)

ČEŠKI jako bleskem zasažený

SLOVAČKI ako bleskom zasiahnutý (zrazený)

4. Какие данные можно получить, сопоставляя сравнительные фразеологизмы девяти славянских языков, включенных в словарь? Прежде всего, можно увидеть, на основе каких образов создавалось идентичное фразеологическое значение в различных славянских языках, у каких фразеологизмов были одни и те же источники, и все ли анализируемые славянские языки находились в одинаковой мере под влиянием, например, мифологии или Библии.

4.1. МИФОЛОГИЯ. В данных славянских языках находим в том числе и образ Аполлона, представляющего собой символ мужской красоты (*lijep kao Apolon, красивый как Аполлон*), и образ Фурии, богини мести и проклятия, причем ее имя в переносном значении употребляется, когда речь идет о злой, сварливой, раздражительной женщине⁵. Этот фразеологизм весьма часто употребляется с глаголами движения, указывающими на большую скорость движения, и поэтому они приводятся в качестве окружения:

kao furija [ući, izaći i sl.]

velikom brzinom (naglo) i vrlo ljutito [ući, izaći i sl.]

Ušla je u sobu **kao furija** psujući i mašući rukama. (G)

Tatjana je **kao furija** uletjela u kuću i iz regala u dnevnoj sobi počela izbacivati... (Tomić 2)

SLOVENSKI kot furija [planiti, odhiteti i sl.]

MAKEDONSKI како фурија [влезе, излезе i sl.]

BUGARSKI като фурия [вляза, изляза i sl.]

UKRAJINSKI як фурія [влетіти, вилетіти i sl.]

⁵ Интересно, что *Аполлон* в приведенных в словаре фразеологизмах пишется с прописной буквы, в то время как *Фурия* в сравнительных фразеологизмах пишется со строчной буквы в большинстве фразеологических источников.

RUSKI	как фурия [ворваться, броситься i sl.]
POLJSKI	jak furia [wpaść, wybiec i sl.]
ČEŠKI	jako fúrie [přihnat se, řádit i sl.]
SLOVAČKI	ako fúria [vojst', vyjst' i sl.]

4.2. Когда речь идет о БИБЛЕИЗМАХ, можно привести примеры сравнительных фразеологизмов, которым присущ один и тот же образ (ср. *čuvati kao zjenicu oka koga, što*), но и такие, в которых не во всех языках, включенных в словарь, появляется одинаковый образ, причем, надо подчеркнуть, все приведенные единицы имеют библейский образ в глубинной структуре (ср. *čekati kao Mesiju koga*).

čuvati kao zjenicu oka koga, što

brizno čuvati koga, što, s velikom se pažnjom odnositi prema komu, prema čemu
Svoga su sina čuvali kao zjenicu oka. Zato im je i bilo tako teško kad ih je napustio... (N)
...ostala sam bez daha i postalo mi je jasno zašto Francuzi ovu crkvicu čuvaju kao zjenicu oka... (N)

SLOVENSKI	čuvati kot punčico svojega očesa koga, kaj
MAKEDONSKI	чува некого, нешто како зеница во око
BUGARSKI	гледам като зеницата на окото си някого, нещо, грижа се като зеницата на окото си за някого, за нещо
UKRAJINSKI	берегти (стерегти) як зиницю ока кого, що
RUSKI	беречь (хранить) как зеницу ока кого, что
POLJSKI	strzec jak źrenicy oka kogoś, czegoś
ČEŠKI	střežit někoho, něco jako zřítelnicí <svěho> oka
SLOVAČKI	chrániť (strážiť) ako zrenicu <svojho> oka koho, čo

čekati kao Mesiju koga

dugo čekati koga s nadom da bi taj mogao donijeti izbavljenje ili spas od čega
Čekali smo te kao Mesiju, bili smo uvjereni da nam donosiš spas, da ćeš naći rješenje, ali sad vidim da smo iščekivali pogrešnog čovjeka. (N)

SLOVENSKI	čakati kot odrešenika koga
MAKEDONSKI	очекува (чека) некого како Бога
BUGARSKI	очаквам (чакам) като Месия някого
UKRAJINSKI	ждати (чекати) як Месію (Месії, Ісуса Христа) кого
RUSKI	ждать как второго пришествия кого
POLJSKI	czekać jak na Mesjasza na kogoś
ČEŠKI	čekat na někoho jako na boží smilování (slitování, spasení)
SLOVAČKI	čakať ako Mesiáša (na Mesiáša) koho

Но есть и случаи, когда в целевых языках не появляется образ, источником которого является Библия или религия вообще:

star kao Metuzalem

jako star lo osobil

Frajer je star ko Metuzalem i ima unaprijed stvoreno mišljenje o svemu. (G)

SLOVENSKI	star kot Metuzalem (metuzalem)
MAKEDONSKI	стар како Метузалим
BUGARSKI	стар като Ерусалим

UKRAJINSKI	старий як Мафусаїл
RUSKI	старый как Мафусаил
POLJSKI	<stary> jak świat
ČEŠKI	starý jako Metuzalém
SLOVAČKI	starý ako Matuzalem (Abrahám)

4.3. В качестве компонента во фразеологизмах со сравнительной структурой часто употребляются зоонимы, орнитонимы, ихтионимы и энтомонимы. Почему такие компоненты вообще включались во фразеологические единицы? Дело в том, что люди издавна наблюдали за животными, птицами, рыбами, насекомыми, наблюдали за их поведением в разных ситуациях, а потом сравнивали свое собственное поведение и реакции с поведением и реакциями других существ в природе, обнаруживая иногда общие черты при сопоставлении себя с животным миром. На основе такого опыта выделялись и разные характеристики данных представителей животного мира, которые впоследствии вошли либо в качестве образа во фразеологические единицы, либо сам представитель животного мира стал символом какого-либо образа жизни, состояния или поведения. Так, например, некоторые млекопитающие, впадающие либо в зимнюю, либо в летнюю спячку, начали сравниваться с крепким, глубоким и здоровым сном у людей: *zaspati (spavati) kao hrčak, zaspati (spavati) kao puh, заснуть (спать) как сурок (суслик)*. Или, скажем, тяжелая работа связывалась с животными, помогающими людям в разных ситуациях (в поле, например): *raditi kao konj, raditi kao sivojnja, raditi (tegliti) kao vol, работать как лошадь, работать как ишак, работать как вол*. Дружная жизнь, жизнь во взаимной любви и полном согласии напоминала такое же отношение у некоторых птиц: *živjeti kao dva goluba, živjeti kao golub i golubica, živjeti kao golubovi, жить как два голубка, жить как голубь с голубкой, жить как голубок и горлица, жить как голубки*. Во многих сравнительных фразеологических единицах с названными компонентами чувствуется гиперболический элемент, элемент высмеивания, насмешки, причем часть сравнений основана на мнимых характеристиках мира животных, например, *glup kao konj, glup kao tele, glup kao vol, глупый как баран, глупый как осел (сивый мерин)*.

Перечислим несколько таких фразеологизмов и посмотрим, насколько они разделяют общий образ и символику в девяти представленных славянских языках.

4.3.1. ЗООНИМЫ. Компонент *svinja (свинья)* в словаре включен в шесть хорватских фразеологизмов, значение которых относится к пьяному (*napiti se kao svinja, pijan kao svinja*), к грязному, испачкавшемуся (*prljav kao svinja*), к раскормленному человеку (*debeo kao svinja, udebljati se (utoviti se) kao svinja*) и к человеку, алчно, торопливо и неопратно поглощающему пищу (*jesti (žderati) kao svinja*). Во всех восьми целевых славянских языках фиксируются полные эквиваленты, что указывает на весьма негативное восприятие данного домашнего животного во всех здесь упомянутых культурах⁶. Приведем две словарные статьи в качестве примера:

⁶ Данное восприятие свиньи фиксируется как в других (здесь неупомянутых) славянских языках, так и во многих неславянских языках. Надо напомнить, что данный компонент регистрируется и во фразеологизмах с другими значениями (например, *vizžati kao svinja, жить как свинья*).

debeo kao svinja

jako debeo *lo osobil*

Direktor, debeo kao svinja i beskrajno antipatičan, promatrao me svojim sićušnim očima.

SLOVENSKI debel kot svinja

MAKEDONSKI дебел како свиња

BUGARSKI дебел като свиня

UKRAJINSKI товстий (гладкий) як свиня <поросна>, товстий (гладкий) як льоха

RUSKI толстый (жирный) как свињья

POLJSKI gruby jak świnia

ČEŠKI tlustý jako svině

SLOVAČKI tučný ako sviňa (brav)

napiti se kao svinja

jako se napiti

U subotu sam se napio kao svinja, ne sjećam se tko me je doveo kući. (G)

SLOVENSKI napiti se kot svinja

MAKEDONSKI се напие како свиња

BUGARSKI напия се като свиня

UKRAJINSKI напитися як свиня

RUSKI напитокся как свињья

POLJSKI upić się jak świnia

ČEŠKI opít se (ožrat se) jako <stará> svině

SLOVAČKI opit' sa ako sviňa (prasa)

Интересно, что глагольный фразеологизм, в глубинной структуре которого включено мнимое поведение слона в нетипичной для него среде, тоже характерен для всех девяти в словаре представленных славянских языков. Хотя слон не является европейским животным, он, тем не менее, в качестве компонента данного фразеологизма употребляется в большинстве европейских языков.

ponašati se kao slon u staklani (trgovini porculana)

1. biti jako nespretnan, nanositi štetu svojom nespretnošću; 2. neadekvatno se ponašati

Daj malo pazi! Sve ćeš razbiti. Ponašaj se kao slon u staklani!

Javnost se ponovo zgraža tvrdeći da se N. ponaša kao slon u staklani. Politički suparnici likuju jer misle da će N. na kraju srušiti Vladu... (N)

Umjesto da razmišljaju kako pronaći bolja rješenja, političari se ponašaju kao slon u trgovini porculana. (N)

SLOVENSKI obnašati se kot slon v trgovini s porcelanom

MAKEDONSKI се однесува како слон во стакларница

BUGARSKI държа се като слон в стъкларски магазин

UKRAJINSKI повертатися як слон у посудній лавці

RUSKI вести себя как слон в посудной лавке, вести себя как пьяный слон

POLJSKI zachowywać się jak słoń w składzie porcelany

ČEŠKI počínat si (být, motat se) jako slon v porcelánu

SLOVAČKI chodiť (správať sa) ako slon medzi porcelánom (v porceláne) (1)

В отличие от приведенных фразеологизмов с одним и тем же зоонимом, фиксируются и единицы с одинаковым значением и одинаковой или похожей глубинной

структурой, причем не во всех в словаре приведенных языках представлено одно и то же животное в качестве компонента. Помимо зоонимов в С-части упоминается и объект, на который данное животное смотрит, не узнавая его (оттуда и фразеологическое значение). В большинстве случаев речь идет о двери, новой или только что покрашенной.

gledati (buljiti) kao tele <u šarena vrata>

gledati zapanjeno (začudoeno, tupo, bez razumijevanja)

To me podsjetilo na vrijeme kad su dobili nove LCD-monitore s popratnim informacijskim sustavima, pa su neki (zapravo većina) gledali u njih kao tele u šarena vrata. (G)

Pričam joj o tome i vidim da ona bulji u mene kao tele u šarena vrata i da baš ništa ne razumije. (G)

SLOVENSKI gledati (zijati) kot tele (bik) v nova vrata

MAKEDONSKI гледа (буљи, зине) како теле во шарена врата

BUGARSKI гледам като теле в (пред) шарена врата, гледам като теле в железница

UKRAJINSKI дивитися як теля (баран) на нові ворота

RUSKI смотреть (уставиться) как баран на новые ворота

POLJSKI patrzeć (gapić się) jak cielę na malowane wrota

ČEŠKI koukat (čumět) jako tele na nová vrata

SLOVAČKI hľadieť (pozerať <sa>) ako teľa na nové (maľované) vráta

Данный фразеологизм с тем же или немного измененным образом фиксируется почти во всех славянских и неславянских языках. В нижеприведенной таблице приводится еще несколько европейских языков.

СЕРБСКИЙ gledati (buljiti, zijati) kao tele u šarena (nova) vrata

ВЕРХНЕЛУЖИЦКИЙ hladac (wudžerać) kaž woł na nowe wrota

АНГЛИЙСКИЙ stare like a cow at a new gate (fence), stare like a cow at a passing train

НЕМЕЦКИЙ dastehen wie die Kuh am (vor, dem) neuen Tor

НИДЕРЛАНДСКИЙ staren als een koe op een <nieuwe> staldeur (naar een trein)

ШВЕДСКИЙ glo som en ko <på en nymålad grindvägg>

ФРАНЦУЗСКИЙ être comme une vache qui regarde passer un train

ИСПАНСКИЙ mirar como la vaca al tren

ПОРТУГАЛЬСКИЙ olhar como boi para palácio

Приведенный фразеологический материал показывает разницу в глубинной структуре сравнительных единиц. Во-первых, не во всех языках появляется один и тот же зооним, а во-вторых, объекты, на которые смотрят животные, тоже различаются, особенно в неславянских языках. Если учесть материал во всех в работе приведенных языков, можно сказать, что речь идет о модели, схему которой можно представить следующим образом: **СМОТРЕТЬ КАК X (ЗООНИМ, ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ) НА Y (НОВЫЙ И/ИЛИ НЕЗНАКОМЫЙ ПРЕДМЕТ)**.

4.3.2. ОРНИТОНИМЫ. Глагольные фразеологизмы с компонентом *slavuj* (соловей) относятся к чьему-либо красивому, звонкому пению, причем данный орнитоним фиксируется во всех языках, имея одинаковую символику, в то время как ком-

поненты со значением разных птиц, включенные в единицы славянских языков, относятся к болтливости⁷.

pjevati kao slavuj

prekrasno pjevati /ob. o djetetu, o ženi/

Još su mi kao klinki govorili da pjevam kao slavuj... (Y)

SLOVENSKI	peti kot slavček (škrjanček) ⁸
MAKEDONSKI	пее како славеј (славејче)
BUGARSKI	пея като славей (славейче)
UKRAJINSKI	співати як соловейко (соловей)
RUSKI	петь как соловей
POLJSKI	śpiewać jak słowik
ČEŠKI	zpívat jako slavík
SLOVAČKI	spievať ako slávik

brbljati kao čavka

pričati (govoriti, brbljati) glasno i mnogo /ob. o ženama/

Ovo je strašno, brbljate kao čavke, sve govorite istovremeno, ništa vas ne razumijem.

MAKEDONSKI	брбори (грачи) како чавка
BUGARSKI	грачат като чавки (свраки)
UKRAJINSKI	скрекотати як сорока
RUSKI	болтать (трещать, стрекотать) как сорока
ČEŠKI	štěbetat jako husy
SLOVAČKI	rapotať ako straka, krákať (kvákať, tárať) ako <stará> vrana

4.3.3. ИХТИОНИМЫ. Когда речь идет о компонентах со значением рыбы, надо напомнить, что в словаре фиксируются единицы, в качестве компонента в которых выступает родовое понятие *riba* (рыба) во всех представленных славянских языках. В двух единицах образ основан на поведении рыб в двух противоположных ситуациях (поэтому фразеологизмы считаются антонимами):

osjećati se kao riba na suhom

loše se osjećati, biti u teškoj (neugodnoj) situaciji

Bojim se da bih se u New Yorku osjećala kao riba na suhom. Prevelik je to grad. London je baš po mojoj mjeri. (N)

SLOVENSKI	počutiti se kot riba na suhem
MAKEDONSKI	се осеќа како риба на суво
BUGARSKI	чувствувам се като риба на сухо (пясък)
UKRAJINSKI	почуватися (почувати себе) як риба на безвідді (без води, в саку, на піску)
RUSKI	чувствовать себя как рыба без воды (на берегу, на песке)
POLJSKI	czuć się jak ryba bez wody
ČEŠKI	cítit se jako ryba na suchu
SLOVAČKI	byť (cítiť sa) ako ryba na suchu (bez vody)

⁷ Словенский и польский фразеологизмы не имеют субстантивный компонент со значением птицы (*govoriti kot dež, mówić (gadać) jak katarynka*).

⁸ В словенском языке фиксируются два разных орнитонима.

osjećati se kao riba u vodi

vrlo dobro se snalaziti u određenoj situaciji, izvrsno se osjećati

Da se markantni, 190 centimetara visok Zagrepčanin, pravilnih crta lica, pred kamerom

osjeća kao riba u vodi, televizijski su gledatelji zapazili već prve večeri. (N)

SLOVENSKI počutiti se kot riba v vodi

MAKEDONSKI се осеќа како риба во вода

BUGARSKI чувствувам се като риба във вода

UKRAJINSKI почуватися (почувати себе) як риба у воді

RUSKI чувствовать себя как рыба в воде

POLJSKI czuć się jak ryba w wodzie

ČEŠKI cítit se jako ryba ve vodě

SLOVAČKI byť (cítiť sa) ako ryba vo vode

Хорватский фразеологизм *suh (mršav) kao bakalar*, употребляющийся по отношению к худому, тощему человеку, основан на образе сушеной трески. В остальных здесь представленных языках появляются и другие рыбы в качестве компонента.

suh (mršav) kao bakalar

jako mršav

Prisjetit ću se ovdje svog dragog znanca, starog Dalmatinca, samca, umirovljenog kapetana, čovjeka štedljivog i u starosti suhog poput bakalara... (HFK — Šoljan)

SLOVENSKI suh kot trska

MAKEDONSKI сув како пастрма

BUGARSKI слаб (мършав, сух) като чироз

UKRAJINSKI сухой (худий) як тараня (триска)

RUSKI худой (сухой) как вобла

POLJSKI chudy jak śledź

ČEŠKI vysušený (vyschlý) jako treska

SLOVAČKI suchý ako haring, chudý (vyschnutý, vysušený) ako trieska

4.3.4. ЭНТОМОНИМЫ. Компоненты со значением насекомых также фиксируются в словаре. Энтонимы *mrav (муравей)*, *pčela (пчела)* и уменьшительная форма *pčelica (пчелка)* во всех девяти языках символизируют усердие, старательность.

marljiv kao mrav

jako marljiv

D. A. je takav kakav je, nepokolebljiv, marljiv kao mrav, ambiciozan, a naposljetku i stručan. (N)

SLOVENSKI priden (deloven, marljiv) kot mravlja (mravljica)

MAKEDONSKI вreden како мравка

BUGARSKI работлив (работен, трудолюбив) като мравка

UKRAJINSKI працьовитий як мурашка (комашина)

RUSKI трудолюбивый (прилежный) как муравей

POLJSKI pracowity jak mrówka

ČEŠKI pracovitý (pilný) jako mravenec (mravenček)

SLOVAČKI usilovný (pilný) ako mravček

Компоненты *muha* (муха) во всех девяти языках входят во фразеологизмы, значение которых относится к назойливому человеку. В хорватском языке такую же символику имеют и энтомонимы *stjenica*, *uš*.

dosadan kao muha

jako dosadan, nametljiv

*Ostavi me na miru! Ne mogu te više slušati! **Dosadan si ko muha!***

SLOVENSKI siten kot <podrepna> muha

MAKEDONSKI досаден како мува

BUGARSKI нахален (досаден) като <конска> муха

UKRAJINSKI настирливий (в'їдливий) як муха в спасївку

RUSKI надоедливый (назойливый) как осенняя муха

POLJSKI natrętny jak mucha

ČEŠKI dotěrný jako moucha

SLOVAČKI dotieravý (otravný) ako mucha

4.4. В словаре фиксируются и фразеологизмы с одинаковой или весьма похожей глубинной структурой и с образом, встречающимся и в других европейских языках. По всей видимости, кажется, такие единицы можно до определенной степени считать УНИВЕРСАЛИЯМИ. Они часто относятся к явлениям природы, общепринятым фактам действительности и общеизвестным реалиям. Приведем примеры четырех словарных статей:

nicati (rasti) kao gljive <poslije kiše>

iznenada se pojavljivati u velikom broju

*Na Ginzi, u najpoznatijem poslovnom središtu Tokija, **kao gljive poslije kiše niču ogromne prodavaonice odjeće i obuće europskih dizajnera.** (N)*

*Kuće koje **su nicale poput gljiva** gusto zbijene jedna uz drugu zamrznule su se kako u kojoj fazi gradnje ... (Pavičić 1)*

SLOVENSKI rasti kot gobe po dežju

MAKEDONSKI никнуваат (растат) како печурки <после дожд>

BUGARSKI никна (раста) като гъби <след дъжд>

UKRAJINSKI рости як гриби після дощу

RUSKI расти (вырастать) как грибы <после дождя>

POLJSKI wyrastać (rosnąć) jak grzyby po deszczu

ČEŠKI růst jako houby po dešti

SLOVAČKI rásť ako huby po daždi

kao grom iz vedra neba

1) neočekivano, nenadano, naglo

*Vijest o prekidu izlaženja se **kao grom iz vedra neba** preksinoć i jučer pronijela među tridesetak stalno zaposlenih novinara ... (N)*

2) neočekivan, nenadan, nagao

*...izdao je nalog financijskoj policiji da utvrdi tko je zapravo vlasnik firme. Ta je vijest za nas bila baš **kao grom iz vedra neba.** (N)*

SLOVENSKI kot strela z jasnega

MAKEDONSKI како гром од ведро небо

BUGARSKI	като гръм от ясно небе
UKRAJINSKI	як грім з (серед) ясного неба, як грім з неба
RUSKI	как гром среди (с) ясного неба, как гром среди ясного дня
POLJSKI	jak grom z jasnego nieba
ČEŠKI	jako hrom z čistého nebe
SLOVAČKI	ako hrom z jasného (čistého) neba

<to je> kao kap <vode> u moru

<to je> premalo (nedovoljno), <to je> sasvim malo

Velik dio ljudi prisiljen je prositi uz cestu zarađujući barem za jedan obrok. Velika pomoć stiže od UN-a, ali to je kao kap vode u moru. (N)

Ovi godišnji troškovi su kao kap u moru usporedimo li ih s veličinom britanske privrede... (N)

SLOVENSKI	to je <kot> kaplja v morje
MAKEDONSKI	<тоа е> како капка во море
BUGARSKI	<това е> като капка вода в морето
UKRAJINSKI	<це> як крапля в морі
RUSKI	<это> как капля в море
POLJSKI	<to jest> jak kropla wody w morzu
ČEŠKI	<je to> jako kapka v moři (do moře)
SLOVAČKI	<to je> ako kvapka <vody> v mori

srušilo se (srušit će se) kao kula od karata

srušilo se (srušit će se, uništilo se, uništiti će se) brzo i lako, nestalo je (nestat će) u trenu
No, ne može se razumjeti da na psihičko nasilje tako gledaju socijalne službe, vrtiči i škole, koji dobro znaju da se život zlostavljane djece, kada ih okrzne slabiji potres, može srušiti kao kula od karata. (N)

SLOVENSKI	zruši se (zrušilo se je, zrušilo se bo, sesuje se, sesulo se je, sesulo se bo) kot hišica iz kart
MAKEDONSKI	се срушило (ке се сруши) како кула од карти
BUGARSKI	разпаднало се (ще се разпадне) като кула от карти
UKRAJINSKI	розсипалося (розсиплеться) як картковий (іграшковий) будинок (будиночок, хатка)
RUSKI	разрушилось (разрушится, рухнуло, рухнет) как карточный домик
POLJSKI	rozpadło się (rozpadnie się) jak domek z kart
ČEŠKI	sesypalo se (sesype se) jako domek (domeček) z karet
SLOVAČKI	spadlo (zrútilo sa, spadne, zrúti sa) ako domček z karát

4.5. В некоторых случаях в словаре выступает южнославянский ареал, относящийся иногда только к части южнославянских языков. Это особенно отмечается во фразеологизмах, глубинная структура которых основана на исторических событиях, южнославянском фольклоре, на фактах, связанных с существующими законами, правилами. Приведем три таких случая.

4.5.1. Хорватский фразеологизм **proći / prolaziti** <*pokraj koga, pokraj čega (pored koga, pored čega, kraj koga, kraj čega)*> **kao pokraj (pored, kraj) turskog groblja**⁹

⁹ Сербский фразеологизм имеет одинаковую форму и значение.

(‘пройти/проходить *мимо кого, мимо чего*, не замечая *кого, чего*’) имеет семантические и образные соответствия в македонском и болгарском языках:

- MAKEDONSKI помине / поминува <покрај некого, покрај нешто (до некого, до нешто)> како покрај (крај) турски гробишта
 BUGARSKI мина / минавам (вървя) покрай някого, покрай нещо (край някого, край нещо) като през (покрай, край) турски гробища (гробище).

Фразеологические единицы мотивированы историческими событиями. Балканы находились под турецким игом около 500 лет (Македония — с 1371 г., Болгария — с 1386 г., Сербия — с 1389 г.). В 1463 г. турки завоевали Боснию, а со второй половины XVI в. Османская империя присоединила и часть Хорватии. Большинство населения под турецким игом не принимает мусульманство, и христианство остается господствующей религией западной части Балкан. Приведенные фразеологизмы мотивированы как раз данным фактом: христиане проходят мимо турецкого кладбища, не обращая на него никакого внимания. Ясно, что данная единица не фиксируется в словенском языке, потому что словенцы никогда не жили под турецким игом.

4.5.2. Хорватская единица **kao guske u magli**¹⁰ (‘наивно, простодушно и доверчиво’) имеет полные эквиваленты в македонском и болгарском языках:

- MAKEDONSKI како гуски во магла
 BUGARSKI като гъска в мъгла.

Для большинства хорватов она связывается с хорватским политиком Степаном Радичем (1871–1928), который, употребляя ее, критически выражался о хорватских проюгославски ориентированных политиках. Но, несмотря на данный факт, считается, что образ, использованный в основе фразеологизма, является частью южнославянского фольклора.

4.5.3. Упомяну еще хорватский фразеологизм **zaštićen kao medvjed**, относящийся к лицу, занимающему значительное место в обществе, высокую служебную должность, имеющему влиятельные знакомства, связи (чаще всего политику). Такие лица считаются «защищенными», их не наказывают за сделанные ошибки, за промахи.

- SLOVENSKI zaščitén kot medved
 MAKEDONSKI заштитен (чужан) како бел медвед

Данная единица весьма активно употреблялась на всей территории бывшей Югославии, следовательно, она все еще подтверждается во всех языках.

Почему в С-части фразеологизма выступает в качестве компонента именно медведь? Речь идет о буром медведе, который считался редким, находящимся под угрозой исчезновения, поэтому он был под своеобразной защитой. Охота на него была запрещена, и тот факт связывался с «невозможностью охоты» на лиц, занимающих

¹⁰ В той же форме и с таким же значением употребляется и в сербском языке.

высокую должность. Интересно заметить, что в македонском языке упоминается не бурый, а белый медведь, статус которого идентичен.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Как уже отмечалось, *Хорватско-славянский словарь сравнительных фразеологизмов* не включает все сравнительные фразеологизмы девяти в него включенных славянских языков. Основной целью было показать сходство и различие сравнительных фразеологизмов в девяти славянских языках. Помимо этого авторы хотели показать систему функционирования сравнительных фразеологизмов. Будучи исходным языком, хорватский язык, несомненно, повлиял на выбор сравнительной фразеологии остальных славянских языков, которые, с одной стороны, вступают в отношения с хорватским языком, а с другой, до определенной степени вступают и в отношения друг с другом.

Возможности исследования на основе данных девяти славянских языков велики. Полученные нами сведения могут обогатить представление о славянских языках, народах, их обычаях, мышлении и отношении к языку. Нужно всего лишь как можно глубже проникнуть в сокровищницу языкового, а значит и культурного богатства.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель – АСТ – Люкс, 2005.
- Мокиенко В.М.* Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema // *Slavia, časopis pro slovansku filologiju*. Ročník 76. Praha, 2007. С. 361–366.
- Финк Желька.* Опыт составления словаря славянской сравнительной фразеологии // *Слово в словаре и дискурс: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера*. М.: Эллис, 2006. С. 685–690.
- Финк Желька.* О некоторых образных и культурно-исторических элементах в сравнительных фразеологизмах // *Фразеология и когнитивистика (Материалы 1-й Международной научной конференции, Белгород, 4–6 мая 2008 г.)*. Т. 1. Идиоматика и познание. Белгород: Комиссия славянской фразеологии Международного комитета славистов. Белгородский государственный университет, 2008. С. 130–133.
- Финк Желька.* Старый как мир или как Библия? // *Жарчысы. Вестник Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. «Культура в языке — язык и литература в культуре»*. Материалы международной научной конференции посвященной 1145-летию Славянской письменности. Сер. 1 (6). Вып. 2. Бишкек: Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, 2008. С. 193–199.
- Fink-Arsovski Željka.* Poredbena frazeologija: pogled izvana i iznutra. Zagreb: FF press, 2002.
- Kollárová Zuzana.* Fink Arsovski, Ž. a kol.: Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema // *Slavica Slovaca*. Ročník 42. Bratislava, 2007. С. 179–180.
- Kovačević Barbara.* Višejezični rječnik poredbenih frazema // *Филолошки студии*. 5. Vol. 2. Скопје; Перм; Лубљана; Загреб: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», Пермски државен универзитет, Универзитет во Лубљана; Универзитет во Загреб, 2007. С. 283–286.

Райна ДРАГИЧЕВИЧ
(Белград, Сербия)

Мария СТЕФАНОВИЧ
(Нови-Сад, Сербия)

О СЛАВЯНСКОЙ АССОЦИАТИВНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ассоциации долгое время привлекают внимание исследователей различных наук. В результате интенсивной работы над ассоциациями, которая проводится в славянских странах уже почти полвека, появились ассоциативные словари национальных языков. Одни из них построены на традиционных принципах создания словарей ассоциативных норм, а другие на принципах, поставленных авторами «Русского ассоциативного словаря»¹.

1. О структуре ассоциативного словаря. В ассоциативных словарях слева, в качестве заголовка, находятся *слова-стимулы*, на которые участники анкеты реагируют. Справа находятся ассоциации, которые дают информанты. Они называются *реакции*². Ассоциативные словари обычно состоят из двух частей: в первой части (или в *прямом ассоциативном словаре*) материал распределяется от стимула к реакции, а во второй части (в *обратном ассоциативном словаре*) — от реакции к стимулу. В первой части, например, находим все ассоциации на стимул *хороший*, а во второй под заголовком *хороший* находим список всех стимулов, которые вызвали такую реакцию. О статусе слова в ассоциативной системе информантов говорят данные, которые представлены в обеих частях словаря.

Интересными кажутся статистические данные, полученные русскими исследователями: для успешного анализа вербальных ассоциаций надо собрать 500 ассоциаций на каждый стимул. Результаты в порядке ассоциаций будут одинаковы, несмотря на количество испытуемых, если их больше пятисот³. Если же опрошенных меньше 500, то распределение может быть другим. Поэтому надежными считаются только такие ассоциативные словари, у которых на каждый стимул дается 500 или больше реакций.

2. Об ассоциативных экспериментах. Любое исследование вербальных ассоциаций, а также создание ассоциативных словарей, начинается с ассоциативного эксперимента. В ассоциативных словарях вербальные ассоциации проанкетированных получают путем опроса. Автор эксперимента создает список слов-стимулов, которые предъявляются испытуемым устно или письменно, и они, обычно пись-

---

¹ Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т. I: От стимула к реакции; Т. II: От реакции к стимулу. М.: РАН, 2002.

² Реакцией обычно является одна лексическая единица, состоящая из одного или двух членов. Значит, это чаще всего или слово, или словосочетание, или фразеологизм.

³ Это значит что если первые три места на стимул *богатство* среди 800 опрошенных информантов занимают реакции *деньги, бедность, могущество*, такое же распределение реакций будет и в ассоциативном поле, полученном опросом большей группы информантов, несмотря на то что само поле будет в несколько раз больше.

менно, отвечают первым словом, которое приходит на ум или, если у них нет никаких ассоциаций, делают прочерк. На записывание реакций испытуемым дается 5–7 секунд, а после каждых 20 слов делается перерыв на несколько минут, чтобы испытуемые отдохнули⁴. Реакции потом собираются, сводятся и, если цель исследования — создать ассоциативный словарь, включаются в словарную статью. Все ассоциации распределяются по мере убывания частоты, и таким образом формируются *ассоциативные поля*. Считается, что чем больше информантов участвует в эксперименте, и чем более условия, в которых он проводится, уравниваются, тем достовернее результаты исследования.

В наше время ассоциативный тест, который используется в ассоциативном эксперименте, обычно состоит из ста стимулов. Эта форма сохраняется с 1910 г., когда был создан широко известный тест Кента и Розанова в Америке, которые использовали его для диагностирования психических болезней, считая, что большое количество ассоциаций, которые не совпадают с обычными, т. е. с находящимися в ответах тысячи информантов и представленными в таблицах, может указывать на существование болезни. Тест используется в качестве основного в исследованиях ассоциаций, и стимулы, которые представлены в нем, легли в основу многих экспериментов и словарей. Приводим список стимулов, в переводе на русский язык⁵: *стол, темный, музыка, болезнь, мужчина, глубокий, мягкий, пища, гора, дом, черный, баранина, комфорт, рука, короткий, фрукты, бабочка, гладкий, приказывать, стул, сладкий, свисток, женщина, холодный, медленный, желать, река, белый, красивый, окно, грубый, гражданин, ступня, паук, игла, красный, спать, ярость, ковер, девочка, высокий, труд, кислый, Земля, незгода, солдат, капуста, твердый, орел, живот, стебель, лампочка, видеть во сне, желтый, хлеб, правда, мальчик, свет, здоровье, Библия, память, овца, купание, шалаш, быстрый, синий, голодный, священник, океан, голова, печь, длинный, вера, ребенок, горький, молот, жаждущий, город, квадрат, масло, доктор, громкий, вор, лев, радость, кровать, тяжелый, табак, грудной ребенок, месяц, ножницы, спокойный, зеленый, соль, улица, король, сыр, цветок, испуганный.*

Исследователи указывают на то, что в тесте Кента и Розанова находятся в основном имена существительные и имена прилагательные, глаголов мало, а другие части речи не представлены. Из-за этого многие исследователи брали только некоторые стимулы, представленные в тесте, а другие слова выбирали сами. В таких случаях список Кента и Розанова оставался исходной точкой, которую более или менее модифицировали.

3. Развитие ассоциативной лексикографии. Работа над ассоциативными словарями началась в 1910 г., когда Кент и Розанов создали уже упомянутый ассоциативный тест. Он был переведен на разные языки, и с этого списка стимулов и в наше

---

⁴ Опыт создания «Ассоциативного словаря сербского языка» показал что тест, который содержит сто стимулов, является неподходящим, так как испытуемые под конец эксперимента переутомляются. Оптимальное количество стимулов, по нашему мнению, не должно превышать пятидесяти.

⁵ Гашић-Павишић С. Слободне асоцијације речи код деце, карактеристике и педагошке импликације. Београд: Институт за педагошка истраживања; Просвета, 1981. С. 150–151.

время начинаются исследования ассоциаций. Подробный анализ развития ассоциативной лексикографии дает П. Пипер⁶, который утверждает, что на основании методологии Кента и Розанова, созданной в 1910 г., в 1967 г. создан ассоциативный словарь польского языка⁷, а потом развитие славянской ассоциативной лексикографии в основном связывается с восточнославянскими языками и научно-исследовательскими центрами в Советском Союзе. Результатом работы над ассоциативным словарем обычно является не только сам словарь, но и сопровождающие его работы с теоретическо-методологическим или экспланаторным содержанием.

В славистике долгое время самым известным был «Словарь ассоциативных норм русского языка», который создал исследовательский коллектив под руководством А.А. Леонтьева⁸. В составе этого словаря 196 ассоциативных полей. Стимулами являются слова со списка Кента и Розанова, а также слова, отобранные по частотному принципу путем пересечения данных частотных словарей русского языка Х. Джосельсона⁹, Э. А. Штейнфельдт¹⁰ и «Словаря Университета дружбы народов»¹¹. После заглавного слова в скобках даются статистические данные о частотности слова в использованных словарях, а после скобок приводятся реакции — ассоциации в порядке убывания частоты, которая указывается после слова-реакции. Примерно для 100 слов списка Кента и Розанова авторы приводят и самые частотные реакции — параллели из английских (американских), немецких, французских, голландских и польских ассоциативных норм. В конце статьи указывается число испытуемых, которых в среднем было около 700. Испытуемые выбирались среди носителей русского языка, в возрасте от 16 до 50 лет, с высшим или незаконченным высшим образованием. Способ анкетирования, который использован в процессе получения данных для этого словаря, является стандартным и таким образом полученные данные входят в основу всех ассоциативных словарей. В первой части «Словаря ассоциативных норм русского языка» находятся теоретические работы о значении ассоциативных экспериментов для изучения семантики, грамматики, культурологии, но в «Введении» (с. 4) авторы говорят о «четко определенной практической направленности на преподавание русского языка нерусским учащимся (в первую очередь иностранцам)». Хотя первый словарь ассоциативных норм по охвату и структуре имел характер пробного словаря, его научное достижение реально было значительно большим.

⁶ *Piper P.* Асоцијативни речници словенских језика и етнокултурни стереотипи // Славистика. 2003. VII. С. 22–32.

⁷ *Kurcz I.* Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy Kent-Rosanoffa // Studia psychologiczne. III. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967.

⁸ Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Издательство Московского университета, 1977.

⁹ *Josselson H.H.* The Russian Word Count and Frequency Analysis of Grammatical Categories of Standard Literary Russian. Detroit: Wayne State University Press, 1953.

¹⁰ *Штейнфельдт Э.А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин: Прогресс, 1963.

¹¹ Словарь Университета дружбы народов имени П. Лумумбы (2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи). М.: Университет дружбы народов, 1968.

«Ассоциативный тезаурус русского языка» Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Н.В. Уфимцевой и Г.А. Черкасовой¹² был опубликован поэтапно в трех частях. Каждая из них содержит по две книги: с нечетным номером — «Прямой словарь» и с четным номером — «Обратный словарь». Вышедший в 2002 г. «Русский ассоциативный словарь» (РАС) содержит материалы всего ассоциативного эксперимента в сводном виде в двух томах: *От стимула к реакции — Прямой словарь*, и *От реакции к стимулу — Обратный словарь*. По охвату и структуре РАС является до сих пор самым большим ассоциативным словарем в славянском мире. В нем представлено 6624 стимула (словоформ и словосочетаний), принадлежащих к различным частям речи. Они формировались авторами словаря из высокочастотных слов русского языка, но необходимо подчеркнуть, что в число стимулов вошли 200 слов из «Словаря ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева. Исходный список обработанных стимулов подразделен на две части: основную и дополнительную (экспериментальную). В основной части представлено более 700 слов, входящих в первую тысячу наиболее частотных слов русского языка (по данным словаря Л.Н. Засориной)¹³, и все они представлены в словарной форме. В экспериментальной части, кроме 700 исходных слов, представлены существительные и глаголы из основного списка, но в косвенных формах, а также несколько рядов идеографических и стилистических синонимов. Ассоциативный опрос проводился в три этапа, с 1986 по 1997 г. В 1994, 1996 и 1998 гг. Стимулы первого этапа включают 1277 слов. Реакции на эти слова использовались в качестве стимулов при повторении эксперимента с иным контингентом носителей языка (всего 2690 единиц), а новые слова, полученные в качестве реакций второго этапа, образовали список стимулов для третьего этапа (всего 2930 единиц). В ходе массового ассоциативного эксперимента было опрошено около 11 тыс. респондентов, в основном студентов разнопрофильных вузов, из всех регионов России, для которых родной язык — русский. Состав анкеты формировался на основе работы генератора случайных чисел, чтобы избежать появления двух одинаковых анкет, и каждый из 1277 стимулов встречается равное число раз. Создание-генерация анкет, ввод результатов опроса, организация базы данных в виде «Лингвистической базы данных», а также формирование оригинал-макета книги реализованы на ЭВМ, специально разработанными программами, которые создала Г.А. Черкасова.

В этом словаре, кроме обычных для ассоциативных словарей обозначений числа одинаковых реакций, которые находятся внутри статьи, представлены и другие количественные показатели: в конце статьи указывается на общее число реакций

---

¹² Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. М.: Российская академия наук. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994–1998; Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1994; Кн. 3: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1996; Кн. 4: Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1996; Кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1998; Кн. 6: Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1998.

¹³ Среди них 298 имен существительных, 212 глаголов, 114 имен прилагательных, 31 местоимение, 16 числительных, 24 наречия, 7 частиц, 6 союзов и 10 предлогов.

(первая цифра), на число разных реакций (вторая цифра), на число отказов испытуемых (третья цифра), и на число единичных реакций, т. е. на число ответов с частотой 1 (четвертая цифра). В «Предисловии» (с. 5) авторы «Русского ассоциативного словаря» указывают на то, что он является не только «базой для анализа путей и закономерностей формирования языкового сознания в онто- и филогенезе, формирований методологических и теоретических схем анализа языкового сознания», но и «базой для обучения русскому языку как родному или иностранному, а также средством оптимизации процессов речевого общения с человеком и ЭВМ».

Работа над этим словарем оказала влияние на появление других исследований, связанных с изучением вербальных ассоциаций в русском языке. Среди них выделяется «Ассоциативная грамматика русского языка» Ю.Н. Караулова¹⁴ и другие его книги и статьи¹⁵, а также многочисленные исследования в области психолингвистики¹⁶, лингвокультурологии¹⁷ и других наук.

Среди славистических центров, в которых заметное место предоставляется ассоциативной лексикографии, кроме Москвы выделяется Минск, особенно благодаря работам А.И. Титовой¹⁸ и А.М. Калюты¹⁹ (1985) и других лингвистов. Ассоциативной лексикографией в Украине занимался Н.П. Бутенко²⁰. Еще с 1970-х гг. появились и двуязычные ассоциативные словари — киргизско-русский²¹, латышско-русский²² и

¹⁴ Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993.

¹⁵ Например: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; *он же*. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Филология. Журналистика. 1. М., 1994. С. 15–26; *он же*. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999; *он же*. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191–206.

¹⁶ См., например: Горошко Е. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.: Ин-т языкознания РАН, 2001; Лебедева С. Специфика ассоциативных связей в условиях патологии речи // Материалы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». М., 2–4 июня 1997. С. 94; Леонтьев А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999; Фрумкина Р. Психолингвистика. 3-е изд. М.: Академия, 2007.

¹⁷ См., например: Мягкова Е. Русский ассоциативный словарь и проблемы исследования эмоциональности лексики // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1996. С. 176–180; Уфимцева Н. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1998. С. 135–170; Батурина Л.И. Российский ассоциативный портрет современной рекламы // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. Вып. 7. М.: Диалог – МГУ, 1999. С. 85–100; Липовска А. Материалы «Русского ассоциативного словаря» с точки зрения болгарских студентов-русистов (в аспекте проблемы формирования вторичной языковой личности) // Языковое сознание: содержание и функционирование. XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 2–4 июня 1997 г. М., 1997. С. 96–97.

¹⁸ Цитова А.И. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы / Нав. рэд. А.Я. Супрун. Мн., 1982.

¹⁹ Калюта А.М. Ассоциативные связи в лексике современного болгарского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1985.

²⁰ Бутенко Н.П. Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979; *он же*. Словник асоціативних означень іменників в українській мові. Львів, 1989.

²¹ Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975.

²² Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига, 1988.

казахско-русский²³. В начале нового тысячелетия вышел в свет и сербский ассоциативный словарь²⁴, а также опубликовано значительное количество работ, в которых в качестве источника использованы ассоциативные поля, представленные в этом словаре²⁵.

Авторы более новых среди упомянутых словарей учитывали позитивные и негативные стороны предыдущих словарей такого же типа. Когда был опубликован «Ассоциативный тезаурус русского языка», он стал моделью для составления других ассоциативных словарей в славянском мире. Например, большинство новых ассоциативных словарей в качестве информантов использует студентов и учеников

²³ Дмитриук Н. Казахско-русский ассоциативный словарь. М.: РАН, Ин-т языкознания, ун-т Мирас, 1998.

²⁴ Пипер Предраг, Драгићевић Рајна, Стефановић Марија. Асоцијативни речник српскога језика. Београд: Београдска књига – Службени лист СЦГ, Филолошки факултет у Београду, 2005; Драгићевић Рајна, Пипер Предраг, Стефановић Марија. Обратни асоцијативни речник српскога језика (од реакције ка стимулусу). Београд: Службени гласник. Београдска књига, 2011. Стимулы для сербского ассоциативного словаря выбирались по двум перекрещивающимся критериям: первым критерием было их существование в «Русском ассоциативном словаре», а вторым — их репрезентативность в сербском языке, т. е. стимулы выбирались из самых частотных слов сербского языка, на основании данных частотных словарей. Около ста стимулов представлены и в основной, и в грамматикализованной форме, и они особенно полезны для исследования ассоциативной грамматики. Среди стимулов находим слова, которые входят в основной лексический фонд и которые называют предметы и явления современного мира: части тела человека, цвета, звуки, формы, термины родства, эмоции, свойства, пространство, время, названия народов, языков, термины и понятия, связанные с современной политикой, историей, национальной культурой, наукой, техникой, пищей и напитками. Естественно, лексемы-стимулы, связанные с национальной культурой и историей, не совпадают с теми, которые представлены в «Русском ассоциативном словаре».

²⁵ Пипер П. Асоцијативни речници словенских језика и етнокултурни стереотипи // Славистика. 2003. VII. С. 22–32; *он же*. О некоторых особенностях сербского коммуникативного поведения // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж, 2003. С. 107–111; *он же*. О проучавањима вербалних асоцијација // Језик и говор. Београд: Институт за експерименталну фонетику и патологију говора, 2003. С. 55–65; *он же*. Прилагателно рускиј в вербалних асоцијацијах сербов // Коммуникативное поведение славянских народов (русские, сербы, чехи, словаки, поляки). Воронеж: Истоки, 2004. С. 183–188 (= Коммуникативное поведение, вып. 19); *он же*. Називи језика у мрежи вербалних асоцијација // Пипер П. Српски између великих и малих језика. Друго, допуњено издање. Београд: Београдска књига, 2004. С. 142–151; *он же*. Кириллица и латиница в вербалних асоцијацијах сербов // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В.П. Гудкова / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. М.: МГУ, Кафедра славянской филологии, 2004. С. 269–279; Пипер Предраг, Драгићевић Рајна, Стефановић Марија. Теоријски и дескриптивни аспекти проучавања вербалних асоцијација у српском језику // Говор и језик. Интердисциплинарна истраживања српског језика I. Београд: Институт за експерименталну фонетику и патологију говора, 2004. С. 19–35; Драгићевић Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2010; Стефановић М. Прелазни и непрелазни глаголи у асоцијативним речницима српског и руског језика // Славистика. 2006. 10. С. 136–143; *она же*. О синтаксемама са глаголима-стимулусима у асоцијативним речницима српског и руског језика // Зборник Матице српске за славистику. 2007. 71–72. С. 519–536; *она же*. Јазик о семье: анализ асоцијативних пољев в сербском и руском јазиках // Первая международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы». М.: РУДН, 2008. С. 678–683; *она же*. Језик о породици: муж и жена у асоцијативним речницима руског и српског језика // Славистика. 2008. 12. С. 235–242; *она же*. «Чужие» среди «своих» и «свои»: О структуре концептов *зять*, *невестка* и *мама* на материале асоцијативних словарей сербского и русского языков // Коммуникативные исследования 2010: Сб. научн. трудов / Научн. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2010. С. 147–156; Поповић Љ. Језичка слика старности. Когнитивни аспект контрастивне анализе. Београд: Филолошки факултет, 2008.

средних школ (в возрасте от 18 до 25 лет), так как авторы разделяют мнение Ю.Н. Караулова о том, что студенты являются представителями будущей культурной, политической и общественной жизни народа, и что результаты, полученные исследованием вербальных ассоциаций этой группы, более релевантны, чем те, которые могли бы быть получены исследованием других групп. Собранные ассоциации часто обрабатываются так же, как в «Русском ассоциативном тезаурусе», и в конце статьи даются те же статистические данные. Например, «Славянский ассоциативный словарь»²⁶ и «Ассоциативный словарь сербского языка» (2005; 2011) сделаны по образцу «Русского ассоциативного тезауруса». «Славянский ассоциативный словарь» составлен членами авторского коллектива, который создал и «Русский ассоциативный тезаурус». В этом словаре приводятся реакции на 100 стимулов, полученные в России, Белоруссии, в Украине и в Болгарии²⁷.

Выбор стимулов в современных ассоциативных словарях в последнее время в определенной степени мотивирован их существованием в «Русском ассоциативном тезаурусе». Это часто является и одним из критериев выбора стимулов, так как таким образом обеспечивается возможность сравнения собранных ассоциаций с ассоциациями русских информантов. Но довольно часто появляется и естественное совпадение между стимулами в разных ассоциативных словарях, потому что в качестве стимула авторы используют самые частотные слова, или многозначные слова, или слова — представители разных тематических групп лексем и т. д.

Примером ассоциативного словаря, который создан на традиции русской ассоциативной лексикографии является «Русский сопоставительный ассоциативный словарь»²⁸. Он включает 253 статьи Прямого словаря (от стимула к реакции) по материалам трех ассоциативных опросов, проведенных с интервалами 10–20 лет с носителями русского языка начиная с 1967 г., ранее опубликованных в «Словаре ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева, «Русском ассоциативном словаре» и «Славянском ассоциативном словаре». В нем представлены все слова, которые повторялись в массовых ассоциативных опросах, и он может быть использован для проведения научных исследований динамики языкового сознания русских определенного поколения (конец XX в. – начало XXI в.), так как отражает ассоциативно-вербальную модель русских в данный период.

4. Типы ассоциативных словарей. Существуют **одноязычные, двуязычные** и **многоязычные** ассоциативные словари. Большинство опубликованных на данный момент ассоциативных словарей — одноязычные. Это словари русского, белорусского, украинского, польского, словацкого, болгарского и сербского языков. Двуязычные ассоциативные словари — русско-киргизский, казахско-русский, русско-латышский, испанско-русский и польско-сербский, а многоязычный ассоциативный

²⁶ Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь, русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Министерство образования и науки РФ; Московский гос. лингв. университет; Российская академия наук, 2004.

²⁷ О нем скажем больше в части настоящей работы, посвященной структуре многоязычных ассоциативных словарей.

²⁸ Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯЗ, РАН, 2008.

словарь — это «Славянский ассоциативный словарь»²⁹. В качестве примера для двуязычного ассоциативного словаря приведем польско-сербский ассоциативный словарь Ренарды Лебды, который появился в 2006-ом году. В первой части автор представляет сто ассоциативных полей, полученных опросом около 120 польских информантов, а во второй — те же ассоциативные поля, для которых польские стимулы были переведены на сербский язык. Информантами были студенты и ученики средней школы, для которых польский и сербский — родные языки. Этот словарь создан с целью проверки гипотезы о влиянии разных общественно-политических и культурных факторов, которые отличались для поляков и сербов, на коллективную экспрессию и языковую картину мира³⁰.

Самый известный многоязычный ассоциативный словарь — «Славянский ассоциативный словарь» (Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов). Он является результатом сотрудничества лингвистов из разных славистических центров. «Славянский ассоциативный словарь» напечатан в Москве в 2004 г.³¹ В нем находятся 112 взаимно эквивалентных слов-стимулов в четырех славянских языках: русском, белорусском, болгарском и украинском. Опрос и сбор материала для белорусского языка провела И.И. Савицкая, для болгарского — П. Илиева-Балтова, А. Ефимова, А. Липовская, К. Петрова и Н. Деренжи, для украинского — Т.И. Крыга и авторы «Словаря» для русского. Ассоциации собраны в течение 1998 и 1999 гг. опросом носителей языка — студентов в возрасте 18–25 лет, которые письменно отвечали на предоставленные стимулы. На каждый из стимулов ответило 500 и больше информантов. Словарь состоит из двух частей, прямого и обратного словаря, и материал представлен в таком же виде, как в «Ассоциативном тезаурусе русского языка», включая количественные данные в конце статьи. Совпадающие ассоциативные поля всех четырех языков в словаре даются рядом, и таким образом представленный материал легко сравнивать. Так как во всех странах, в которых собирались данные, информантами были студенты, в ассоциациях отражен их жизненный опыт. «Славянский ассоциативный словарь» представляет собой богатый источник информации не только для лингвистов, но и психологов, социологов, антропологов, специалистов по СМИ — для всех, кто хочет исследовать мнения молодых людей из различных славянских стран.

Вторая классификация ассоциативных словарей подразделяет их на **общие** и **специальные**. Большинство до сих пор упомянутых словарей принадлежит к об-

---

²⁹ Работа над этим словарем оказала влияние на появление других исследований, например: *Дмитрюк Н.* Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций на некоторые казахские и русские слова // Психологические и лингвистические проблемы языковых контактов. КГУ, 1984. С. 40–49; *Караулов Ю.Н., Санчес Пуиг М.* Сопоставительный анализ образов сознания испанцев и русских // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1–3 июня 2000 г. / Под ред. Е.Ф. Тарасова. М., 2000.

³⁰ *Lebda Renarda.* Słownik polskich jako kulturowy obraz świata — Rečnik poljskih i srpskih asocijacija kao kulturna slika sveta. Kraków: Instytut Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk; Wydawnictwo LEXIS, 2006. S. 30.

³¹ См. сноску 26.

щим. Те словари, в которых авторы обращают внимание на определенную проблему или на определенную группу информантов, называются специальными. Среди таких словарей можно выделить «Ассоциативный фразеологический словарь» Д.О. Добровольского и Ю.Н. Караулова³². Цель авторов этого словаря была представить и описать фразеологию русского языка³³ на основании результатов ассоциативного эксперимента. Словарь состоит из трех зон: *входа* (фразеологической единицы), *помет*, которыми характеризуется тип фразеологической единицы (прецедентный текст, поговорка, пословица и т. п.) и *стимулов и реакций*. Стимулами являются лексемы, которые вызывают фразеологические ответы. После реакций в скобках дается количество соответствующих реакций, что позволяет судить о частотности той или иной фразеологической ассоциации. В «Ассоциативном фразеологическом словаре» обработано 108 фразеологических единиц.

Иногда изучение вербальных ассоциаций имеет более специфические цели, например, в психолингвистике, так что создаются ассоциативные словари, в которых информантами являются дети разного возраста³⁴. В первом томе ассоциативного словаря словацкого языка³⁵ информанты — дети школьного возраста.

Насколько нам известно, в славянских странах опубликованы следующие ассоциативные словари³⁶ (в хронологическом порядке, начиная с первого опубликованного словаря):

Россия: «Словарь ассоциативных норм русского языка» (1977)³⁷; «Латышско-русский ассоциативный словарь» (1988)³⁸; «Ассоциативный словарь русской этно-

³² Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1994.

³³ Авторы исходили из широкого понимания фразеологии, включая в ее состав не только идиоматику, грамматическую фразеологию и устойчивые словосочетания, но также крылатые выражения, при сказки, речевые штампы, поговорки и пословицы.

³⁴ Гашић-Павишић С. Слободне асоцијације речи код деце, карактеристике и педагошке импликације, Београд: Институт за педагошка истраживања – Просвета, 1981; Гашић-Павишић С.: Асоцијативне норме за предшколски узраст. Београд: Институт за педагошка истраживања – Просвета, 1984; Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка. Ч. I–II. Архангельск: Изд-во Поморского междунар. пед. ун-та, 1996; Попова В. Экспериментално изследване на свободните словесни асоциации на сто български деца // Съпоставително езикознание 1999. 24. 4. С. 105–116.

³⁵ Maršalova I. Slovno-asociačne normy. Bratislava, 1974.

³⁶ Хотя самое большое количество ассоциативных словарей появилось в славянском мире, они существуют и в других странах: в Америке существуют ассоциативные словари английского языка: Kent G.H., Rosanoff A.J. A Study of Association in Insanity // American Journal of Insanity, 1910. Vol. 67. No. 1–2. P. 37–96; Russell W.A., Jenkins J.J. The Complete Minnesota Norms for Responses to 100 Words from the Kent-Rosanoff Word Association Test // Technical Report. No. 11. Minneapolis: University of Minnesota, 1954; Rosenzweig R. Comparisons among Word Association Responses in English, French, German and Italian // American Journal of Psychology. 1961. 74. P. 347–360; Palermo D., Jenkins J. Word Association Norms. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1963. В Венгрии опубликованы два тома словаря вербальных ассоциаций (Magyar verbális asszociációk, 1. I–II kötet, Szeged, 1983; Magyar verbális asszociációk, 2. I–II kötet, Szeged, 1985). Л. Лённгрен (1994) сообщает о работе над ассоциативным словарем шведского языка, но у нас нет сведений о том, закончена ли она (Лённгрен Л. Опыт построения ассоциативного словаря шведского языка // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 52–60).

³⁷ Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева.

³⁸ Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига, 1988.

культуроведческой лексики» (1989)³⁹; «Русский ассоциативный словарь» (1994–1998)⁴⁰; 2002); «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» (1994); «Словарь детских ассоциаций» (1995); «Ассоциативный словарь ребенка» (1996); «Казахско-русский ассоциативный словарь» (1998)⁴¹; «Ассоциативный словарь терминов» (1998)⁴²; «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» (2001)⁴³; «Индивидуальный ассоциативный словарь школьника» (2004)⁴⁴; «Ассоциативный словарь подростка» (2004)⁴⁵; «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» (2008)⁴⁶; «Электронный русский ассоциативный словарь школьников» (2009)⁴⁷; «Ассоциативный словарь внешнего человека» (2010)⁴⁸;

Болгария: «Български норми на словесни асоциации» (1984)⁴⁹; «Български асоциативен речник, прав и обратен» (2003)⁵⁰;

Украина: «Словник асоціативних норм української мови» (1979)⁵¹; «Словник асоціативних означень іменників в українській мові» (1989)⁵²;

Белоруссия: «Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы» (1981)⁵³;

Сербия: «Асоцијативне норме за предшколски узраст» (1984)⁵⁴; «Асоцијативни речник српскога језика» (2005; 2011)⁵⁵;

Польша: «Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z listy

³⁹ Манликова М. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики. Фрунзе: Мектеп, 1989.

⁴⁰ Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Т. I. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994.

⁴¹ Дмитриук Н. Казахско-русский ассоциативный словарь.

⁴² Иванова О. Ассоциативный словарь терминов. Н. Новгород: Нижегородский лингвистический университет, 1998.

⁴³ Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков, Normas Asociativas Del Espanol y Del Ruso. М.: Азбуковник, 2001.

⁴⁴ Сдобнова А.П. Индивидуальный ассоциативный словарь школьника // Русский язык сегодня. Вып. 3. М., 2004.

⁴⁵ Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004.

⁴⁶ Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь.

⁴⁷ Гольдин В.Е., Мартыанов А.О., Сдобнова А.П. Электронный русский ассоциативный словарь школьников // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009.

⁴⁸ Коротун О.В. Ассоциативный словарь внешнего человека / Под науч. ред. М.П. Одиной. Омск: Вариант-Омск, 2010.

⁴⁹ Герганов Г. и други. Български норми на словесни асоциации. София: Наука и изкуство, 1984.

⁵⁰ Балтова П., Ефтимова А., Липовска А., Петрова К. Български асоциативен речник, прав и обратен. Софийски университет «Св. Климент Охридски», 2003.

⁵¹ Бутенко Н.П. Словник асоціативних норм української мови.

⁵² Бутенко Н.П. Словник асоціативних означень іменників в українській мові.

⁵³ Цітова А.І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы.

⁵⁴ Гашић-Павишић С. Асоцијативне норме за предшколски узраст.

⁵⁵ Пипер Предраг, Драгићевић Рајна, Стефановић Марија. Асоцијативни речник српскога језика; Драгићевић Рајна, Пипер Предраг, Стефановић Марија. Обратни асоцијативни речник српскога језика (од реакције ка стимулусу).

Kent-Rosanoffa» (1967)⁵⁶; «Słownik polskich jako kulturowy obraz swiata — Rečnik poljskih i srpskih asocijacija kao kulturna slika sveta» (2006)⁵⁷;

Словакия: «Slovno-asociačne normy» (1972, 1974)⁵⁸.

5. О исследовании вербальных ассоциаций. Обзор исследований вербальных ассоциаций указывает на возможности их использования в разных науках, а также на причину создания ассоциативных словарей. Подробный исторический и компаративный анализ изучения ассоциаций в психологии, философии и лингвистике с Аристотеля до наших дней дает П. Пипер⁵⁹, а в педагогике, психологии развития и в других науках, которые исследуют онтогенетическое развитие — С. Гашич-Павишич⁶⁰. Судя по количеству цитат, для развития исследований вербальных ассоциаций на Западе большое значение имели работы: *Palermo D., Jenkins J.* «Word Association Norms»⁶¹; *Johnson P.E.* «The Associative Structure of Schemata in Science and Their Relationship to Problem Solving Behavior»⁶²; *Deese J.* «The Structure of Associations in Language and Thought»⁶³; *Entwisle D.* «The Word Associations of Young Children»⁶⁴; *Cramer Ph.* «Word Association»⁶⁵; *Postman L.* «Norms of Word Association»⁶⁶; *Szalay L., Deese J.* «Subjective Meaning and Culture: An Assessment through Word Associations»⁶⁷. Время издания этих трудов, а также данные, которые можно найти в библиографиях работ, посвященных ассоциациям, ассоциативным словарям и ассоциативному методу, указывают на то, что авторы на Западе (прежде всего в США) интересовались ассоциациями и их интенсивно исследовали в 60–70-е гг. прошлого века. Интерес к вербальным ассоциациям в последнее время в западных странах прежде всего связан с экспериментальной психологией, а интенсивное исследование ассоциаций перенесено и в восточноевропейские страны.

В 1977 г. в России А.А. Леонтьев публикует первый ассоциативный словарь русского языка и начинает теоретические лингвистические исследования вербальных ассоциаций. Он заметил, что свободные ассоциации указывают на три типа языко-

⁵⁶ *Kurcz I.* Polskie normy powszechności skojarzen swobodnych na 100 słów z listy Kent-Rosanoffa.

⁵⁷ *Lebda Renarda.* Słownik polskich jako kulturowy obraz swiata – Rečnik poljskih i srpskih asocijacija kao kulturna slika sveta.

⁵⁸ *Maršalova L.* Slovno-asociačne normy. I. Bratislava, 1972; II. Bratislava, 1974.

⁵⁹ *Пипер П.* О проучавањима вербалних асоцијација // Језик и говор. Београд: Институт за експерименталну фонетику и патологију говора, 2003. С. 55–65.

⁶⁰ *Гашић-Павишић С.* Слободне асоцијације речи код деце, карактеристике и педагошке импликације; *Гашић-Павишић С.* Асоцијативне норме за предшколски узраст.

⁶¹ *Palermo D., Jenkins J.* Word Association Norms, Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1963.

⁶² *Johnson P.E.* The Associative Structure of Schemata in Science and Their Relationship to Problem Solving Behavior. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press, 1964.

⁶³ *Deese J.* The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1965.

⁶⁴ *Entwisle D.* The Word Associations of Young Children. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1966.

⁶⁵ *Cramer Ph.* Word Association. New York: Academic Press, 1968.

⁶⁶ *Postman L.* (ed.). Norms of Word Association. New York; London: Academic Press, 1970.

⁶⁷ *Szalay L., Deese J.* Subjective Meaning and Culture: An Assessment through Word Associations. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 1978.

вых отношений: (1) на семантическую связь между словами; (2) на совместное появление слов в языке (например во фразеологизмах); (3) на совместное появление слов в речи (на синтагматическую связь между словами)⁶⁸.

В 1960–1970-е гг. появились первые социолингвистические труды, в которых вербальные ассоциации рассматривались в качестве метода в исследовании влияния культуры и традиции народа на значение лексем. Первые результаты в этой области принадлежат Салаю и Бренту⁶⁹. Они говорят о возможности использования свободных ассоциаций в следующих областях: а) в изучении коммуникации — чтобы установить существование критической разницы в значении слов среди членов разных культурных и субкультурных групп; б) в аналитическом изучении культуры — чтобы установить сходство и разницу между культурой, к которой принадлежит исследователь, и культурой, которую он исследует; в) в исследованиях в рамках одной культуры — чтобы получить информацию о значении слов в разных группах: иммигрантов, шизофреников, преступников и т. д.; г) в анализе отношений отдельного человека к группе, т. е. в анализе степени согласия между одиночкой и группой.

6. Типы вербальных ассоциаций. Вербальные ассоциации можно подразделить на *синтагматические* и *парадигматические* на основании отношений между стимулом и реакцией. Синтагматические ассоциации со словом-стимулом образуют словосочетания, и эти реакции обычно не принадлежат той части речи, к которой принадлежит стимул: например, на стимул *друг* синтагматические реакции могут быть *мой, лучший, надо уважать*. Парадигматические ассоциации находятся в парадигматическом отношении к слову-стимулу. Например, на тот же стимул *друг* парадигматические ассоциации будут *враг, товарищ, подруга, брат* — они принадлежат той же части речи, что и стимул. Диз⁷⁰ заметил, что количество синтагматических и парадигматических ассоциаций в значительной мере зависит от части речи стимула. У имен существительных появляются в основном парадигматические ассоциации, у наречий — синтагматические, а глаголы и имена прилагательные находятся между именами существительными и наречиями, так как у них приблизительно 50 % синтагматических и 50 % парадигматических реакций.

В зависимости от способа презентации задачи испытуемым и инструкций, которые им даются, ассоциации могут быть подразделены, с одной стороны, на *цепочечные* и *дискретные*, а с другой — на *свободные* и *направленные*.

Если от информантов требуется ответить на стимул одним словом, такая реакция называется дискретной, а если они должны ответить несколькими словами, которые приходят в голову, то такие реакции называются *цепочечными*. Информанты дают как можно больше реакций за определенный период: если отвечают письмен-

---

⁶⁸ Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: МГУ, 1977. С. 8.

⁶⁹ Szalay L. and Brent J. The Analysis of Cultural Meaning through Free Verbal Associations // The Journal of Social Psychology. 1967. Vol. 72.

⁷⁰ Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought.

но — за одну минуту, если устно — за 45 секунд. Но довольно часто случается, что только первое слово является реакцией на стимул, а другие слова представляют собой реакции на предыдущие реакции, и этот тип эксперимента не всегда дает удовлетворительные результаты. Однако Л. Генц, например, пришел к выводу, что «техника цепочечных ассоциаций может быть полезным инструментом для утверждения степени билингвизма и обеспечивает возможность квантификации и статистического анализа этого важного аспекта двуязычия на групповом и индивидуальном уровнях»⁷¹. И.А. Стернин и З.Д. Попова считают, что «в применении ассоциативных экспериментов к анализу когнитивных структур могут привлекаться и последующие за первой ассоциацией, поскольку в когнитивном анализе выявляются и выводные знания, и косвенные когнитивные признаки, обнаруживаемые как раз в последующих ассоциатах»⁷².

Направленные ассоциации получаются, когда исследователь требует от испытуемых, например, в ответе использовать определенную часть речи, или построить какое-то семантическое отношение между стимулом и реакцией, или выбрать какое-то слово (или слова) из предложенного списка, или найти такую ассоциацию, которая объединяет несколько стимулов⁷³. Если нет ограничений в выборе лексики, которая может быть реакцией на стимул, такое слово-реакция будет *свободной ассоциацией*⁷⁴.

7. Ассоциативные эксперименты, ассоциативные поля, ассоциативные словари. Факторы которые влияют на качество результатов ассоциативных экспериментов могут быть: *порядок стимулов* (так как предыдущий стимул и реакция на него могут влиять на реакцию к следующему стимулу), *способ сообщения стимулов* (реакции информантов могут быть разными, в зависимости от того, слушают ли они или читают стимулы), *время, предназначенное для заполнения теста* (если у информанта мало времени, он, вероятно, заполнит тест иначе, чем если его время не ограничено), *отношение испытуемого к эксперименту* и его мотивированность и т. д.⁷⁵

В ассоциативном поле любого стимула находим общие и специфические особенности, которые являются объектом оценки (эвальвации) исследователя. Одна из

⁷¹ Генц Л. Континуиране асоциације као техника за мерење језичке равнотеже односно језичке доминације код двойезичних особа // Психологија. 1977. 3–4. С. 114. В експерименте учествовали 93 ученика средње школе венгерске националности в Нови-Саде (Србија). Они давали цепочечне реакције на 4 слова на венгерском и на те же слова на српском језику: *anya, iskola, tanc, tenger; майка, школа, плес, море* (мать, школа, танец, море). Автор измерял количество реакций на српском и на венгерском језику.

⁷² Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивна лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007. С. 186.

⁷³ О приведенных типах ассоциаций см.: *Cramer Ph. Word Association*. Р. 11–25.

⁷⁴ Тест свободных ассоциаций первым использовал Гольтон в 1879 г., и он проводил эксперимент на самом себе. Он составил список общеизвестных слов и визуально показывал их себе одно за другим несколько раз в день, записывая первое слово, которое приходило в голову и время реакции (см.: *Гашић-Павишић С. Слободне асоцијације речи код деце, карактеристике и педагошке импликације*. С. 22).

⁷⁵ *Гашић-Павишић С. Слободне асоцијације речи код деце, карактеристике и педагошке импликације*. С. 24–26.

самых важных общих характеристик ассоциативного поля — *частотность ассоциаций*. Она прямо указывает на связь между стимулом и ассоциацией, и исследователи особое внимание обращают на самые частотные реакции. Вторая важная характеристика ассоциативного поля — *разнообразность ассоциаций*. Если ассоциации разнообразны, т. е. если многие информанты дали разные ответы, это значит, что слово-стимул не является стабильным элементом ассоциативной системы испытуемых в одном языке. Третьей важной особенностью является *единичность ответов*, т. е. количество ассоциаций с частотностью 1 в ассоциативном поле. Это обозначает, что названный стимул не является стереотипным в языковом обществе. Важным считается и *количество отказов*, когда у испытуемых не было никаких ассоциаций. Обычно не случайно то, что у информантов нет ассоциаций, а когда ассоциации на определенный стимул не появляются у многих испытуемых, это значит, что для этого существует причина, которую надо найти.

Эти важные характеристики ассоциативного поля в некоторых ассоциативных словарях квантифицируются: в «Русском ассоциативном тезаурусе», в «Славянском ассоциативном словаре», в «Ассоциативном словаре сербского языка» и т. д. В последнем словаре приводится также количество информантов мужского и женского пола, а также количество испытуемых из гуманитарных и технических вузов Сербии.

Анализ ассоциативного поля не является простым. Его надо изучать, так как надо научиться «читать» данные, представленные в нем. Анализ ассоциативного поля, который провел психолингвист, будет отличаться от анализов того же поля, которые проведут социолог, педагог или культуролог.

8. Использование ассоциативных словарей в современной лингвистике.

Создание базы данных вербальных ассоциаций в качестве новой методологической базы для этнопсихолингвистических исследований началось в начале 1990-х гг. в рамках московской психолингвистической школы. Ассоциативный словарь, в котором представлена ассоциативно-вербальная сеть, служит, по словам Ю.Н. Караулова, «новым способом репрезентации языка, в котором ... даются все значения полисематического слова, его синонимические и антонимические ряды, синтаксическая сочетаемость, словоизменительная и словообразовательная варьированность и т. д.»⁷⁶. Он является новым источником изучения языка и феномена владения языком и представляет собой «базу для анализа путей и закономерностей формирования языкового сознания в онто- и филогенезе, формирования методологических и теоретических схем анализа языкового сознания»⁷⁷.

Кроме языковых данных, ассоциативный словарь содержит многие внеязыковые знания информантов, на основании которых можно анализировать фрагменты языковой картины мира в определенном времени. Благодаря обилию языковых и внеязыковых данных, представленных в ассоциативных словарях, их используют в

---

⁷⁶ Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Филология. Журналистика. 1994. 1. С. 6.

⁷⁷ Там же. С. 5.

лингвистических, социологических, культурологических, педагогических исследованиях. Центральной темой для исследований, которые проводятся на материале ассоциативных словарей, стал анализ национально-культурной специфики языкового сознания индивидуума и этноса, так как одной из причин недоразумений в межкультурной коммуникации считается разница в национальном сознании участников коммуникации, а оно наглядно представлено в ассоциативных полях. Материалы ассоциативных словарей стали частью обязательного корпуса в анализе концептов в рамках когнитивной лингвистики. Кроме того, «Ассоциативный тезаурус» начали использовать в практике обучения русскому языку, в учебных пособиях по лингвокультурологии, исходя из предположения, что в нем представлен объем лингвокультурологической информации, которым владеет большинство современных жителей России⁷⁸. Появился даже «Ассоциативный словарик русского языка»⁷⁹ — комбинация толкового и ассоциативного словаря, который предназначен прежде всего для русских детей, живущих за границей. Словарь не только объясняет значение слова, но и учит его употреблению, а также помогает формировать такие же ассоциативные поля и образы русского языкового сознания, которые существуют у детей, живущих в России.

Ю.Н. Караулов пишет, что «ассоциативное поле — это не только фрагмент вербальной памяти (знаний человека), фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок»⁸⁰ информантов. Так как под конец XX и в начале XXI века закончена работа над русским, белорусским, украинским, болгарским и сербским ассоциативными словарями, которые созданы на основании одинаковой методологии и на основании ассоциаций, полученных от одинаковых социальных групп (прежде всего студентов), появилась возможность компаративных исследований на базе этого материала на самых разных уровнях, в разных лингвистических дисциплинах, а также в других гуманитарных науках. В заключение можно только пожелать, чтобы в ближайшее время появились ассоциативные словари для всех славянских языков, основанные на тех же общих принципах, на которых создан «Ассоциативный словарь русского языка», так как это дало бы возможность провести объемные сравнительные исследования в лингвистике и в других науках и таким образом узнать больше о нас самих.

---

⁷⁸ Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Синячкин В.П., Тарасов Е.Ф. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. М.: Российский университет дружбы народов, 2008.

⁷⁹ Тарасов Е.Ф., Дронов В.В., Ощепкова Е.С. Ассоциативный словарик русского языка. М.: Дрофа, 2010.

⁸⁰ Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности. С. 6.

Эмилия БЛАГОВА
(Прага, Чехия)

СТАРΟΣЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ЧЕХИИ

Начало старославянской лексикографии в чешской славистике можно датировать первым десятилетием XX в. Вацлав Вондрак (1859–1925), тогда профессор славянской филологии в Венском университете, сообщает в письме Константину Иречку, что его издатель (имени не приводит) настаивает, чтобы он заключил с ним договор об издании старославянского словаря. В апреле того же года Вондрак пишет, опять Иречку, что он, по всей вероятности, на днях подпишет договор¹. Заключил ли Вондрак такой договор или нет, неизвестно. Во всяком случае, он начал работать над словарем, но, хотя он занимался его подготовкой до конца жизни (он умер в Брно в 1925 г.), Вондрак успел обработать только около четверти предполагаемого объема материала, причем не систематически и не одинаковым способом. В его наследстве осталось шесть картонных коробок (они теперь хранятся в Славянском институте АН ЧР в Праге), в которых на отдельных листах обработаны отдельные словарные статьи (составленные еще в Вене, они имеют, скорее, характер статей этимологического словаря). Выбор памятников очень широк: встречаются и цитаты из русских летописей, и из других, включенных в «Материалы» Срезневского, памятников. С течением времени Вондрак ограничил материал прежде всего рукописями библейских книг, причем в состав Евангелий он включил и более поздние рукописи, кроме Остромирова и Никольского еще Добромирово, Добрейшово евангелие и др.; к Синайской псалтыри прибавил материал Болонской, Погодинской и Чудовской псалтырей; выбирал материал из нескольких древнейших рукописей Апостола (Охридского, Слепченского, Христинопольского, Струмицкого, Шишатовачкого и Карпинского), а также из паримийника Григоровича и (несистематически) из книг пророков. Кроме библейских книг в материале Вондрака находится, хотя далеко не полностью, лексика болгарских сочинений X в., как Охридской, так и Преславской школ: трудов Климента Охридского, Иоанна Экзарха, Изборника 1073 года. Труды Климента Охридского и Иоанна Экзарха давно были предметом всесторонних исследований Вондрака. После Первой мировой войны Вондрак стал профессором Философского факультета новооткрытого университета в Брно. В эти последние годы своей жизни (1920–1925) он непрерывно работал над старославянским словарем, причем его подход к подготавливаемому словарю отличался от прежнего тем, что к определенным значениям он давал переводы на чешский язык вместо немецкого и всё больше сосредотачивался на более узком круге памятников. Однако он не нашел окончательного решения по оформлению отдельных статей и не определил круг памятников, словарный состав которых должен войти в словарь.

---

¹ Čermák V. Vytváření české paleoslovenistiky jako samostatné vědní disciplíny // Dějiny české paleoslovenistiky a byzantologie (в печати).

Проделанную В. Вондраком работу детально просмотрел и обсудил, в связи со своей собственной программой составления старославянского словаря, Милош Вайнгарт (1890–1939), с 1921 г. — профессор университета в Братиславе, с 1926 г. — в Праге. На основе подробного анализа материалов Вондрака (кроме которых не сохранилось никаких письменных документов автора, объясняющих его общее представление об облике словаря), Вайнгарт пришел к выводу, что проверка и продолжение работы Вондрака потребовали бы, по меньшей мере, десять лет. В конце статьи на эту тему 1928 года² Вайнгарт определил точные хронологические границы материала, который, по его мнению, должен стать предметом лексикографической обработки в старославянском словаре, и составил предварительные формальные правила обработки отдельных словарных статей. Остановимся более подробно на соображениях Вайнгарта, чтобы показать, до какой степени последующая старославянская лексикография в Чехии исходила из принципов, сформулированных предшествующими поколениями исследователей.

«Старославянскими» Вайнгарт считал: а) памятники, сохранившиеся в рукописях X–XI вв., т. е. «канонические» ст.-сл. памятники и Пражские отрывки; б) тексты, которые, по словам Вайнгарта, «не сохранились в старославянской грамматической форме» (указ. соч., с. 244), но по времени своего возникновения восходят к старославянской эпохе, т. е. остальные (кроме Евангелий) книги Нового завета, избранные части Ветхого завета (Вайнгарт, по-видимому, имел в виду паримийник) и письменность учеников Мефодия, т. е. сочинения Охридской школы; в) староболгарскую (так по Вайнгарту!) письменность эпохи царя Симеона, т. е. Преславскую школу; г) более поздние списки библейских и литургических книг только в случае, если они имеют значение для текстологии старославянских текстов. Что касается формальной стороны словарной статьи, Вайнгарт выдвигал следующие принципы: 1) заглавие статьи будет в нормализованной орфографической форме, иллюстративные примеры, наоборот, будут соблюдать орфографию памятника, из которого они приводятся; 2) переводы значений будут даваться на чешском и немецком языках; 3) примеры будут сопровождаться указанием места в рукописи; особое внимание надо уделять лексическим вариантам в текстах одинакового содержания (напр., в Евангелиях); 4) в каждой статье будут отмечены все оттенки значений; будут также приведены все формы и места их нахождения, так что словарь сможет одновременно служить слово- и формоуказателем — однако, указание форм сам Вайнгарт ограничил материалом так называемых «канонических» памятников, из остального материала, по его предложению, будут приводиться только выборочные цитаты; 5) исключаются, в отличие от Вондрака, любые этимологические объяснения. С 1926 г., когда Вайнгарт стал профессором Карлова университета в Праге, он начал осуществлять свою идею составления старославянского словаря на практике. Студенты, участники его семинара по старославянскому языку, выписывали на карточки полный материал отдельных памятников. Сохранилось несколько десятков спе-

---

² Weingart M. O slovníku jazyka staroslověnského // Symbolae Grammaticae in Honorem Ioannis Rozwadowski. Vol. II. Cracoviae, 1928. P. 228–245.

циально изготовленных картонных коробок, в которых Вайнгарт хранил эти выписки. К сожалению, не нашелся «ключ» к этому материалу, так что нельзя было определить, какие памятники и в какой степени были обработаны. Кроме того, выписки были разного уровня: одни содержали греческую параллель, у других ее не было, в одних содержалась цитата, в других — только указание места в памятнике и т.д. Расписывались, прежде всего, Ассеманиево и Зографское евангелия, а также сочинения Экзарха. Если Вайнгарт сообщил еще в 1936 г., что у него готова рукопись словоуказателей к Ассеманиеву и Зографскому евангелиям³, то на самом деле он мог иметь в виду только несверенный материал, ничего другого в его наследстве не сохранилось.

Проф. Вайнгарт умер в 1939 г., накануне Второй мировой войны. Однако идея составления старославянского словаря продолжала интересовать ученых-палеославистов. Во время так называемого «Протектората Чехии и Моравии», когда чешские высшие учебные заведения были закрыты и чешская культура переживала один из самых трудных этапов своей истории, группа специалистов во главе с Богуславом Гавранек решил обеспечить работу по старославянскому словарю организационно. По инициативе Общества славянского языкознания в октябре 1942 г. была создана «Комиссия по старославянскому словарю»; ее поддерживала Чешская академия наук и искусств и Королевское чешское общество наук⁴. Членами Комиссии были с самого ее начала: Б. Гавранек (1893–1978), председатель до 1948 г., когда его сменил Йосеф Вайс (1865–1959), далее: Йосеф Вашица (1884–1968), Владимир Шмилауер (1895–1983 — богемист; с конца 40-х годов перестал работать в редакции) и Йосеф Курц (1901–1972 — первый главный редактор словаря). В работе круга ученых, занимающихся в начале 40-х годов старославянской лексикологией и лексикографией, участвовал также Ян Фрчек (1896–1942)⁵, научный сотрудник Университетской (теперь Национальной) библиотеки в Праге, автор научного издания Синайского евхология, ставший жертвой немецких оккупантов. Еще во время войны члены Комиссии решили два основных вопроса: был определен круг памятников, словарный состав которых должен войти в словарь, и способ выписывания, эксцерпции лексического материала⁶.

При выборе текстов для лексикографической обработки в словаре члены Комиссии (которые впоследствии стали ядром редакции словаря) исходили из концепции Вайнгарта. Однако они сразу поняли, что предложенная Вайнгартом текстовая база слишком широка, несмотря на то что некоторые тексты Охридской и Преслав-

³ Weingart M. Le vocabulaire de vieux-slave dans ses relations avec le vocabulaire grec // Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini (Roma 20–26 Settembre 1936). I. Storia-filologia-diritto. Roma, 1936. P. 564–577 (о словоуказателях — с. 566).

⁴ Slovník jazyka staroslověnského. Ukázkový sešit — Lexicon linguae palaeoslovenicae. Specimen. Praha, 1956. P. 2.

⁵ Ян Фрчек // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. IV. София, 2003. С. 327–330 (автор статьи В. Василев).

⁶ Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae paleoslovenicae / Hlav. red. J. Kurz. I. Praha, 1966. P. IX–X (русский текст), LXII sq. III. Praha, 1982. P. 670–671 (дополнение изданий и сокращений памятников, включенных в СЯС с II или III тома).

ской школы в то время были изданы недостаточно или вообще не были изданы. Следовательно, они ограничили материал «каноническими» старославянскими памятниками, т. е. рукописями X–XI вв., и текстами, относящимися, хотя в некоторых случаях предположительно, к великоморавской эпохе старославянского языка. Это были, прежде всего, Евангелия; к четырем «каноническим» прибавились Остромирово — единственная вошедшая в словарь восточнославянская рукопись XI в. (кроме отрывков), и Никольское, в котором некоторые исследователи находят архаичные черты. Из пяти рукописей Апостола (Енинский апостол в то время еще не был открыт, его лексика вошла в словарь со второго тома): две болгарские (апостолы Охридский и Слепченский), одна сербская (апостол Шишатовачкий), одна русская (апостол Христинопольский — утраченные части дополнены в издании по одной сербской и двум русским рукописям); пятая рукопись — Македонский, или Струмицкий апостол (рукопись, во многих местах испорченная, датировалась П.И. Шафариком концом XII в., но на самом деле она написана, по всей вероятности, в конце XIII в.)⁷. Из ветхозаветных книг в словарь вошел, кроме Псалтыри, паримийник Григоровича, Захаринский (русский XIII в.) и Лобковский (македонский конца XIII — нач. XIV в.). Кроме неполного, подготовленного Р. Брандтом, издания Григоровичева паримийника (1894–1901), никакого издания этого типа ветхозаветных чтений не существовало, выписки делались по фотокопиям. Расписывались также тексты «малых пророков» и книги Руфь по хорватским бревиариам, изданным Й. Вайсом и содержащим (хотя не во всех рукописях и не в одинаковой степени) архаичную редакцию данных ветхозаветных книг; к материалу Синайской псалтыри, рукописи XI в., прибавились еще варианты двух (изданных) болгарских псалтырей, Погодинской и Болонской, и двух хорватских, изданных Й. Вайсом, Лобковицкой (хранящейся в пражской Национальной библиотеке) и Парижской рукописей. Оказалось целесообразным и выписывание из последних четырех рукописей песнопений, содержащих не имеющиеся в паримийнике ветхозаветные отрывки, так как открытые в 1975 г. не известные ранее части Синайской псалтыри подтвердили их архаичность. Проблему представляли богослужебные тексты. Синайский евхологий, рукопись XI в., содержит, как известно, тексты разного времени происхождения. В наше время мы можем (по акростихам, отчасти по содержанию) определить авторов отдельных богослужебных текстов Охридской и Преславской школ, но вряд ли когда-нибудь удастся выделить кирилло-мефодиевскую основу славянского богослужения восточного обряда. Редакторы решили включить в словарь словарный материал Литургии св. Василия Великого (с добавлением литургии св. Иоанна Златоуста) по изданию Н.И. Орлова (СПб., 1909) — по предложению, по всей вероятности, Й. Вашицы. За рамки великоморавской продукции выходят также агиографические и гомилетические памятники. Сборник Клоца можно еще, хотя с определенной оговоркой или с сомнением, считать сочинением, возникшим в Великой Моравии. Супрасль-

⁷ Рукопись, хранящаяся в Национальном музее в Праге, расписывалась по фотокопиям, она была издана только в 1990 г.: Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век / Подг. Е. Блахова и З. Хауптова. Скопје, 1990.

ский сборник, за исключением Епифаниевой гомилии, представляет собой, по всей вероятности, продукт Преславской школы, или, точнее говоря, того времени болгарского литературного творчества, когда переводческие (и стилистические) принципы Преславской школы еще не сформировались окончательно, т. е. эпохи самого конца IX и самого начала X века. Некоторые греческие тексты, славянский перевод которых находится в Супрасльской рукописи, были переведены в конце IX–X в. два раза, причем более древний перевод сохранился в более поздних списках. Такой случай представляет приписываемая Иоанну Златоусту гомилия на Благовещение, славянский перевод которой издан Н. ван Вейком в журнале *Byzantinoslavica* VII, 1937–1938 по рукописи XIII в., № 137 Австрийской национальной библиотеки в Вене. Этот текст вошел в материал Словаря языка старославянского (далее: СЯС)⁸ под сокращением *Hom, v. Wijk*. Однако современные исследования открыли существование двух разных переводов еще некоторых житий святых (ср. напр., статьи А. Минчевой о Житии Григория Великого и Х. Фосса о Житии Иоанна Безмолвника в *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. Freiburg i. Br., 2000*); в более поздних списках был обнаружен и полный текст старославянского перевода гомилии на Вербное воскресенье, дошедшей до нас только в отрывке в сборнике Клоца⁹, и др. По предложению, по-видимому, проф. Вашицы расписывались два юридических памятника: Закон судный людем и Номоканон (оба по фотокопиям Устюжской кормчей книги с вариантами из более поздних списков) — и канон св. Димитрию Солунскому. Был обработан также лексический материал Житий Константина Философа и Мефодия, похвал обоим святым, трактата Черноризца Храбра и Написания о правой вере, хотя два последних произведения принадлежат уже послекирилло-мефодиевскому времени. В СЯС вошел также словарный материал двух одиноких по своему происхождению, языковому и графико-орфографическому облику памятников, именно Фрейсингенских отрывков и Киевских листков. Фрейсингенские отрывки можно отнести к великоморавской и кирилло-мефодиевской традиции только отчасти¹⁰. Киевские листки, напротив, содержат текст, возникший, по мнению большинства исследователей¹¹, в Великой Моравии, и даже рукопись, по мнению некоторых, была написана там же еще в IX веке¹². Во всяком случае, ее фонетическая и графико-орфографическая системы представляют лите-

⁸ *Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae* / Hlav. red. J. Kurz. I а–ѣ. Praha: Academia, 1966. LXXIX + 853 P.; II к–о. Praha: Academia, 1973. 638 P.; III п–р. Praha: Academia, 1982. 671 P.; IV с–v / Hlav. red. Z. Hauptová. Praha: Academia; Euroslavica, 1997. 1042 P. Репринт. переизд. Т. 1–4. СПб., 2006.

⁹ *Bláhová E.* Die erste altkirchenslavische Übersetzung der Chrysostomus Homilie Ἐκ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα // *Anzeiger für slavische Philologie.* 1969. III. S. 74–101.

¹⁰ *Brižinski spomeniki. Znanstvenokritična izdaja.* Ljubljana, 1993; *Zbornik Brižinski spomeniki.* Ljubljana, 1996. В СЯС, к сожалению, употреблена не очень удачная кириллическая транскрипция М. Вайнгарта.

¹¹ Исключение представляет в последнее время, прежде всего, работа: *Schaeken J.* Die Kiever Blätter. Amsterdam, 1987.

¹² *Večerka R.* Anmerkungen zu den Kiever glagolitischen Blättern // *Byzantinoslavica.* 1988. XLIX. S. 49–58; *Mareš F.V.* Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000. P. 270–271 (глава «Cirkevňeslovanské písemnictví v Čechách», часть 13).

ратурный язык Великой Моравии (в отличие от Пражских фрагментов, которые отражают уже более поздние чешские языковые черты). Спустя 20 лет возникла дискуссия о включении Киевских листков в Старославянский словарь (далее: СС), разрабатывавшийся Ралей М. Цейтлин и группой чешских специалистов, в которой отразились разногласия в понимании термина «старославянский» в разных славяноведческих центрах; наконец, Киевские листки были включены в СС по желанию чешских сотрудников.

В СЯС вошли также церковнославянские памятники, возникшие в Чехии в X–XI вв., так называемые чешско-церковнославянские памятники. Среди них только одна-единственная рукопись, Пражские отрывки, памятник богослужебного содержания, оригинал которого восходит к великоморавской или раннеболгарской эпохе, был написан в Чехии и содержит черты чешского языка своего времени¹³. Все остальные памятники чешского происхождения сохранились в рукописях других цсл. изводов, прежде всего, в русских (Жития св. Вячеслава и канон св. Вячеславу, Некоторая заповедь¹⁴, Никодимово евангелие и, прежде всего, Беседы Григория Великого-Двоеслова¹⁵), но и в хорватских (Первое житие св. Вячеслава, службы Кириллу и Мефодию) и сербских (Житие Бенедикта Нурсийского, Никодимово ев.). Об объеме церковнославянской литературной и переводческой деятельности в Чехии пржемысловичей идет дискуссия еще с времени А.И. Соболевского, который первым обратил внимание на этот феномен, и дискуссия до сих пор не закончена. Однако необходимо прежде всего объяснить, почему первые редакторы СЯС решили обработать чешско-церковнославянские памятники вместе с «каноническими» старославянскими рукописями и текстами великоморавского происхождения. По словам Й. Курца, они были «включены по языковым и культурно-историческим соображениям» (СЯС I, с. XI). Реальные причины были следующие: с одной стороны, лексический материал этих памятников никогда не был собран в целом и, с другой стороны, в середине 1950-х гг. невозможно было (по разным причинам) издать словарь чешско-цсл. памятников отдельно. Проф. Курц предполагал, что этот материал войдет также в запланированный им церковнославянский словарь, которой должен был включать материал избранных памятников всех церковнославянских редакций. Эта идея оказалась нереальной с самого начала, и была создана Комиссия по составлению Словаря церковнославянского языка при Международном Комитете славистов (в 1958 г.). Болгарские коллеги сразу отказались от сотрудничества, и русским славистам не удалось найти подходящий для этой цели по количеству, содержанию и происхождению корпус рукописей. Вследствие этого в наше время обрабатывается только лексика редакций, представляемых сравнительно ограниченным

¹³ Рукопись XI века, поэтому Л. Садник и Р. Айтцетмюллер включили ее в свой ст.-сл. словарь, см.: *Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.*

¹⁴ *Смирнов С.И.* Материалы для древнерусской покаянной дисциплины // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1912. Кн. III. С. 28–31, 282–298; *Vašica J.* *Čirkevněslovanský penitenciál českého původu* // *Slavia*. 1960. 29. S. 31–48.

¹⁵ *Konzal V.* *Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na evangelia v českoslovanském překladu*. I. Hom. I–XXIV. Praha, 2005; II. Hom. XXV–XL. Praha, 2006.

числом памятников, т.е. хорватско-глаголической и македонской¹⁶. Включение лексики памятников чешского происхождения в СЯС в отдельных случаях обогащает наши сведения о существовании отдельных лексем в разных славянских областях (ср., например, находящиеся в Христинопольском апостоле и Беседах Григория Двоеслова слова: **стырице** ‘желудок’, **лалока** ‘мягкое нёбо, рот’ и **гроўда** в сочинениях Иоанна Экзарха, Беседах и во Втором Житии Вячеслава, **гостиньць** *πλατεία* *platea* ‘широкая дорога’ в Беседах и Супрасльской рукописи); они свидетельствуют также о расширении употребления некоторых типичных для литературного языка лексем (напр. **добровольнъ**, **извращеник**, **количество**, **неиспытънъ**, **неразумѣник**, **тврѣдостоганик** и производные слова)¹⁷, но в некоторых случаях, в частности, при обработке грамматических слов, включение чеш.-цсл. памятников, поскольку они переведены с латинского, нарушает картину употребления данного средства в, так сказать, собственных старославянских памятниках (ср., напр., союзы **иво**, **иже**², **кже**²).

Из сказанного следует, что выбор памятников для обработки СЯС соответствует исследованию и знанию рукописей конца 40-х годов XX века. Материал расписывался (экскерпировался) полностью, так что на основе картотеки, которая до сих пор хранится в Славянском институте АН ЧР в Праге, можно было бы составлять словоуказатели к отдельным памятникам или группам памятников и заниматься не только лексикологическими, но и фонетико-орфографическими и, в частности, синтаксическими исследованиями. На основе этой картотеки был большей частью составлен и однотомный Старославянский словарь (далее: СС)¹⁸. Каждая карточка содержит: заглавное слово в нормализованной форме, указание места в рукописи, греческое (в переведенных с греческого языка памятниках) и латинское соответствие (не только в памятниках, переведенных с латинского языка, но и в библейских книгах), перевод на чешский язык, форму, сохранившуюся в рукописи, с грамматическим определением и довольно обширную цитату (как правило, целое предложение) из рукописи с соответствующей цитатой из греческого (или латинского) оригинала. Из некоторых памятников (рукописей Евангелия, Псалтыри, Апостола, Апокалипсиса) выписывались на отдельные карточки только лексические варианты. В таком случае на карточке, где выписан полный текст, добавлена заметка, что в параллельной рукописи находится такое же слово (напр., на карточке с текстом из Зографского евангелия внизу поставлена заметка: = Mar). Одновременно с карточками со ст.-сл. заглавием готовились и карточки греческо-старославянские (или латинско-старославянские). Они содержат меньше справок: заглавное греческое (латинское) слово в нормализованной форме, указание места в рукописи, ст.-сл. слово в нормализованной форме и в форме, находящейся в рукописи, и (только у глаголов

¹⁶ Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije / Znanstveni urednik A. Nazor / Glavni urednici B. Grabar, Z. Hauptová, F.V. Mareš. I svezak **а – врѣдь**. Zagreb, 2000; 11 **врѣдьнь – всоує**. 2001; 12 **всоує – вѣцце**. 2004; 13 **вѣцце – гороушнь**. 2005.

¹⁷ Благова Е., Икономова Ж. Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха // Старобългаристика. 1993. 17. 3. С. 13–26.

¹⁸ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.; 2-е изд. 1999.

и местоимений) соответствующую форму греческого (латинского) слова. На основе этой картотеки в данное время в Славянском институте в Праге составляется большой греческо-старославянский словарь-индекс. Хочется еще добавить, что картотека, насчитывающая 1,5 миллиона карточек, доступна всем исследователям, занимающимся исторической славянской лексикологией.

Картотека, основанная на полном расписывании материала всех выбранных рукописей, в том числе и более поздних, содержит, конечно, и ряд лексем, образованных по принципам славянского словообразования, но реально не существовавших на древнейшем, т. е. великоморавском, этапе старославянского языка. Редакторы решили включить в словарь и эти лексем, так что словарь СЯС выходит, в некоторых случаях, за рамки великоморавской лексики, но является полным словарем к выбранным памятникам (рукописям). Сказанное относится прежде всего к младшим спискам библейских текстов, например, хорватским. Так, в СЯС мы находим прил. **гладьнъ** из Лобковицкой и Парижской псалтырей (Пс 36:19 — в древнейших рукописях имеется род. сущ. **гладя**), или **грызеник** из тех же рукописей (в песнопении из Второзак. 32:24 — перевод лат. *morsus* по Вульгате); переводы из Вульгаты находятся и во II Новлянском бревиарии. Большинство новообразований имеется, однако, в рукописях Апостола, прежде всего в Христинопольском (хотя он не самый молодой среди рукописей Апостола, включенных в СЯС). В Слепченском апостоле, например, мы находим новообразование **досаговати** (в Шишатовском **досащи**, в Христ. **достоати**), в Шишатовском — кальку с греческого **жестокошни** *σκληροτράχηλος* (Деян. 7:51 — в Слепч. **стаживъ вьж**). Подобное новообразование встречается в Христинопольском ап., Деян. 17:18 **сѣменословць** *σπερμιολόγος* (в других рукописях **владивъ**). Переписчик (или редактор) Христ. ап. почти регулярно употребляет существительные сред. рода с суф. **-ствик** (напр. **законопрѣстжпствик**, **бесквасствик**) и сложный суффикс глаголов (например: **искореньствовати** *ἐκρίζων*, **слоужествовати** *διακονεῖν*, **пользествовати** — то же в Шиш. ап., в Слепч. — **пользовати**). Некоторые варианты могут свидетельствовать и о диалектной принадлежности писца (или редактора), например, на мой взгляд, в Христ. ап. Деян 27:42 **въбрести** на месте **плавати** и **хльбьнъ** *περίεργος* в 1 Послании Тимофею 5:13 на месте **сѣничавъ**; необъясненным осталось до сих пор сущ. **мѣнихъ** в Македонском апостоле на месте греч. *γαγγραινα* (2 Тим 2:17 — другие апостолы имеют заимствование **гангрена**). В некоторых случаях в особой статье обработано и очевидное искажение, ср., например, статьи **класьнъ** (Супр 397, 8 *τῶν τριῶν* — вм. **власьнъ**)¹⁹, **въвѣстити** (Пс 101:24 — Синайская псалтырь — в СС уже в статье **възвъвѣстити**), **галия** — *πλοῦον* (по изданию Зографского ев. в Иоанн 6:17; по наблюдению Л. Мошинского в рукописи имеется **ладия**), **главьнъ** (в фрагменте Гильфердинга — А. Минчева в издании читает **славьнъ**), **въстажаник** (Бытие 50:13 — плохо прочитана рукопись Григоровичева парим., надо читать **въ с(ъ)тажаник** *ἐν κτήσει*; в издании исправлено)²⁰, или **запечатати** из Никодимова евангелия; еще

¹⁹ В СС имеется ссылка: **класьнъ**.

²⁰ *Рибарова З., Хауптова З.* Григоровичев паримейник. Скопје, 1998. С. 259.

А. Вайан²¹, который регулярно обсуждал очередные выпуски СЯС, прежде всего в Bulletin de la Société de Linguistique (далее: BSL), обратил внимание на то, что имеющаяся в рукописи форма **запечатлѣше** — ошибка писца вм. **запечатлѣше**²². Такая обработка ошибок характерна прежде всего для первого тома СЯС; по мере продолжения работы над словарем авторы и редакторы всё больше старались оговорить ошибки такого типа в рамках надлежащих статей в абзацах Errata или Locus corruptus.

С начала 50-х годов, хотя картотека не была еще завершена (расписывались еще службы, канон св. Димитрию, некоторые юридические памятники и др.), началась обработка словарных статей СЯС. Акад. Гавранек старался, чтобы первый выпуск словаря вышел к IV (Московскому) Международному съезду славистов. На два года раньше (1956) был опубликован макет²³, на основе которого еще было возможно уточнить некоторые принципы построения статьи, прежде всего технического характера. В предисловии к макету Й. Курц предполагал, что словарь выйдет в двух томах по 1000 страниц; на самом деле он содержит четыре тома, в полном объеме 3204 страницы, печатался словарь 40 лет: с 1958 по 1997 г. Редакцию составляли тогда Й. Курц (главный редактор), Б. Гавранек, Й. Вашица, Антонин Достал (1906–1998), Карел Хоралек (1908–1992), Франтишек Вацлав Мареш (1922–1994), Антонин Матл (1909–1978) и Маркета Штербова (1913–2002) — ученый секретарь редакции. Два последних сотрудника работали в Брно, где с начала 50-х годов был создан филиал «Комиссии по ст.-сл. словарю», который, вместе с пражской Комиссией, перешел в 1952 г., в связи с возникновением Чехословацкой Академии наук, в Славянский институт ЧСАН. Со временем в редакцию словаря вошли еще Зоэ Гауптова (1929), Франтишек Копечны (1909–1990), Владимир Киас (1918–1990), Радослав Вечерка (1928) и Ян Петр (1931–1989). В течение 35 лет (рукопись словаря была готова в 1987 г.) коллектив авторов словарных статей насчитывал 18 сотрудников института. После смерти Й. Курца в 1972 г. главным редактором словаря стала З. Гауптова и ученым секретарем редакции, на место ушедшей на пенсию М. Штербовой, стал Вацлав Конзал (1931). В то время детали обработки материала и построения словарной статьи были окончательно решены, так что в третьем и четвертом томе можно найти гораздо меньше колебаний и неточностей, чем в первых двух томах. Тем не менее, остаются еще вопросы более общего характера, которые в ряде случаев можно было бы решить только на основе большего количества материала или с помощью сравнительной славянской лексикологии.

Первые проблемы касаются определения словарной статьи. Дискуссионный вопрос представляют, прежде всего, наречия, образованные падежной формой существительного, прилагательного или местоимения с предложом (типа: **до връхуѣ**,

²¹ Bulletin de la Société de Linguistique. 1968. P. 15.

²² Ошибки и фонетические варианты в рукописях Бесед Григория Двоеслова, вошедшие в СЯС в особых статьях, собрал Й. Райнхарт в статье: *Reinhart J. Die Textologie der kirchenslavischen Übersetzung der Evangelienhomilien Gregors des Grossen // Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. Bd. I / Hsg. Ch. Voss, H. Warkentin, E. Weiher. Freiburg i. Br., 2000 (MLS XLIV). S. 254–295 (см. S. 284, примеч. 56).*

²³ См. сноску 4.

искони, по чьто, съ вьше, съ зади и т. п.). В особой статье обработаны сочетания с существительными, которые как самостоятельные слова встречаются редко или совсем не встречаются, т. е. **искони**, **докони**, **отъкони** и **отъкона** (сущ. **конь** ‘ко-нец’, ‘край’ встречается только один раз в Житии Бенедикта) или **вькоупъ**, **вькоупѣ**, **беспръстани**, **съзадоу**, **съзажда**, **възнакъ**; самостоятельной лексемой считаются и сочетания с местоимением такие, как **почьто**, **вьскжж**. Сочетания с общеупотребляемыми существительными в СЯС обработаны в одной статье с данным сущ., например: **до врѣха**, **съ врѣхоу** в статье **врѣхъ**; **без года**, **въ годъ** в статье **годъ**. Сочетания с прилагательными решены по-разному: **вьсоук** — особая статья, а **вь тѣце** — в статье **тѣць**²⁴. Подобным способом обработаны сочетания с наречием: **съ зади** — в статье **зади**, **съ вьше** — в статье **вьше**. В новом староболгарском словаре²⁵ последние два наречия с предлогом даются особыми статьями.

Следующую проблему представляют страдательные (редко действительные) причастия, чаще всего с отрицанием, в значении прилагательного (часто со значением типа латинских прилагательных с суф. *-bilis*). В СЯС этот тип лексикографически обработан несистематически; например, **незаходни** *ἄδυτος* обработано отчасти в особой статье, отчасти при глаголе **незаходити**, **немръчани** под заглавием **мръцати** (хотя другие формы этого глаг. незасвидетельствованны), а **немръчемъ** — в особой статье. Последний пример свидетельствует о том, что образования с суф. **-омъ** не всегда входят в систему причастий (ср., например, **незоумѣкмъ**, **неоскждѣкмъ**, **неподвижимъ** и **движимъ**²⁶). Авторы московского Старославянского словаря (1994) подходили к проблеме формально: если соответствующий глагол был документирован в другой форме, причастие обрабатывалось вместе с глаголом, в обратном случае — отдельной статьёй (напр., **невѣлкнуъ** под заглавием **вѣлнити**, **невидимъ** в статье **видѣти** — однако **невидомъ** в отдельной статье, **невъкоушенъ** под заглавием **въкоушити**, а, наоборот, **негаша**, **негасимъ**, **негаша**, **немръчемъ**, **немръча** — как отдельные статьи).

Проблему представляют также прилагательные, образованные от родительного падежа существительного с предлогом **без** может быть, и с другими предлогами) прибавлением простого суффикса — морфемы **-jo-** (**-o-**). Некоторым исследователям данное словообразование кажется нереальным, и отдельные примеры считают либо словосочетанием, либо ошибкой писца. В СЯС находятся статьи **вещьстини** *ἄτιμος* (Мт 13:58, Мар 30гр), **везъратни** *ἀπολέμητος*, **веспосаган** *ἀπειρόγαμος*, в СС еще **везоумани** *ἀγνώμων*, *φρενὸληπτος* **вещинани** *ἄτακτος*; к этим образованиям принадлежит еще не обработанное отдельно в обоих словарях **вещислани**, и, может быть, **испръвани** *ὁ ἐξ ἀρχῆς* (в СС под заглавием **испръвъ**) и **вещадъ** *ἄτεχνος* (Л 20:28 Мар)²⁷.

²⁴ Bláhová E. Jubileum Slovníku jazyka staroslověnského // Slavia. 1989. 58. S. 337–352 (о наречиях данного типа см. с. 347).

²⁵ Староболгарски речник / Отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. I. а – н. София, 1999; Т. II. о – в. София, 2009 (далее: СтБР).

²⁶ Bláhová E. Jubileum... S. 345.

²⁷ Там же. S. 347.

Определенный недостаток статьи представляет, по-моему, также смешение в ней разных частей речи (за исключением типов: наречие-предлог, союз-частица). Например, в статье **колико** находятся вместе склоняемые формы с несклоняемыми (т. е. с наречием — в СС они обе отделены), в статье **извѣсть** смешано наречие с несклоняемыми прилагательными.

Некоторые проблемы связаны с нормализацией заглавного слова статьи. Это, в первую очередь, нормализация инфинитива некоторых типов глаголов. Проблему представляют инфинитивы I-го спряжения с корневым -eg-, -g- (тип **жрѣти**, **жрѣти**). Они в разных словарях нормализуются по-разному, ср., напр., в Материалах Срезневского: **сѣтрѣти** – **сотрѣти** – **сѣтрѣти**, но **отрѣти** – **отерети** – **отърети**. Садник и Айтцетмюллер в *Handwörterbuch* (ср. сноску 13) нормализуют **sǣtrēti**, **otrēti**, но различают **žgti**, **rožgti** ‘пожертвовать’ и **rožgēti** ‘съесть, сожрать’, что предлагает и Вайан (BSL 1968). На эту проблему обращает внимание и В.Б. Крысько в обширной рецензии на Старославянский словарь²⁸. В СЯС в I томе имеется **затрѣти** (против чего возражает Вайан, BSL 1968, и требует **затрѣти**) и **истрѣти** seu **истрѣти**, но во II томе: **отрѣти**, в III томе: **потрѣти** seu **потрѣти** и в IV томе: **сѣтрѣти** seu **сѣтрѣти**. В СС заглавия реконструированы по образцу СЯС: **отрѣти**, но **сѣтрѣти** или **сѣтрѣти**. Образования от инф. формы в памятниках исключительно редки: инф. **истрѣти** в Беседах Григория Вел., супин **сѣтрѣтъ** в Супрасльской рук., там же и аор. **сѣтрѣша сѣ** (в других местах аор. образуется от основы наст. времени, например: **истърѣ**, **сѣтрѣша** и **истърѣше** в Лобковском паримийнике).

Возражения рецензентов вызывают также инфинитивы восстанавливаемые (теоретически) в заглавии статьи на основе дошедших в памятниках других форм. А. Вайан, и вслед за ним Й. Райнхарт, предполагают расширение инфинитивов в суф. -но- к глаголам с наст. временем на -e-, -je-. В СЯС, например, находится заглавие глагола-гапакса: **изништи**, **нѣзж**, **нѣзѣши** (другие глаголы того же типа: **вѣништи**, **проништи/проньзжѣти**, **вѣзништи/вѣзньзжѣти**, **оуништи/оуньзжѣти**; в СС еще: **вѣништи/вѣньзжѣти**, причем к инф. на -но- предполагается форма наст. времени -не-; единственный инф. **вѣньзжѣти** документирован в Супр 2:23). Вайан (BSL 1968. С. 151) рекомендует инф. **изньзжѣти**, к **засъшетъ** — инф. **засъхнѣти**, к **ничетъ** — инф. **никнѣти**, а не **засъхати**, **ницати**²⁹. Нет, однако, сомнения, что вместо инф. **исѣщи** в заглавии должна быть форма **исѣкнѣти** (в Македонском ап., Деян. 28:3, сохранился аор. **исѣкна** = **нж**; глагол **оуѣкнѣти** имеет в заглавии обе формы, **оуѣкнѣти** и **оуѣщи**, с учетом отглагольных сущ. **оуѣкновеник** и **оуѣченик**). Райнхарт³⁰ предлагает к формам наст. времени **вѣзвѣжетъ** и **вѣзвѣждетъ** инф. **вѣзвѣнѣти**, а не **вѣзвѣдати**, **вѣзвѣдѣти**, как воспроизводится в СЯС, к **гъывлѣж** инф. **гъывнѣти**, а не **гъывати**, к **помръчж** и (даже) **помръцаж** – **помръкнѣти**, а не **помръцати**, к форме **оустъжетъ** – **оустънѣти**, а не **оустъдати**.

²⁸ Крысько В.Б. Маргиналии к «Старославянскому словарю» // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 20–38.

²⁹ Bláhová E. Jubileum... С. 344; наоборот, Крысько В.Б. Маргиналии... недоволен двойным инфинитивом типа **вѣзништи** и **вѣзньзжѣти** в СС.

³⁰ Reinhart J. Textologie... S. 246.

Третья проблема касается реконструкции глаголов несовершенного вида, образованных от совершенных глаголов с суффиксом *-i-* и с приставкой (тип **вѣдрѣжити** – **вѣдрѣжати**) в случае, когда несовершенный вид документирован в памятниках только формой имперфекта. В «канонических» памятниках однозначные случаи редки. Хороший пример имеется в Супрасльской рукописи: имперфект **заоушахъ** Супр 138:8 может восходить к **заоушити** и **заоушати**, но в данном случае реальное существование инф. **заоушати** подтверждается формой отглагольного существительного **заоушаник** Супр 437:23 наряду с **заоушеник** Супр 481:4. Имперфект **недомышлахъ** (в Зографском, Мариинском ев. и в сборнике Клоца) может, конечно, относиться к инф. **недомыслити**, но в Послании к Галатам встречается наст. время **недомышлаю сѧ**, следовательно, инф. на **-шлати** реально существовал³¹. В последних томах СЯС неоднозначная принадлежность формы имперфекта к определенному инфинитиву отмечается в заглавии статьи; ср., например (при гл. **сѣлоучати сѧ**): *formas impf. etiam ut formas verbi сѣлоучити сѧ interpretari licet* — или (при гл. **поношати**): *formas imperfecti, quae etiam a verbo поносити ductae esse possunt* (следует перечень мест), *vide sub illa voce*.

Определенную проблему представляют также глаголы с основой инфинитива **-дѣ-**, **-дѣа-**. Инф. **здѣти** в СЯС приводится только в этой форме, хотя сохранился аорист (соверш. вида?) **здѣа** (Бытие 26:6 парим. Григоровича, в Захаринском: **здѣ**), но у **надѣ-** имеется двойное заглавие: **надѣати сѧ** и **надѣти сѧ** (должно быть только **-дѣа-**); наоборот, у инф. **вѣдѣти**, **вѣздѣти** в заглавии приведены обе формы настоящего времени, причем должно быть только **-деждж**. Статьи **издѣати**, **одѣати**, **прѣдѣати**, **прѣдѣати**, **-дѣж**, **-дѣкши** и **одѣти**, **одеждж**, **одеждеши** обработаны уже регулярно³². Развитие этой группы глаголов документируется формами младших рукописей (например, хорв.-глагол. Лобковицкая псалтырь имеет повел. накл. **вздѣжданте** — Пс 133:2) и свободным варьированием отглагольных сущ. **одѣник**/**одѣаник**.

Настоящее время глагола **жвѣти** воспроизводят разные авторы исторических словарей по-разному: Срезневский **жоуѣж**, **жоуѣж** (подобно тому СЯС), Миклошич **жвж** и **жоуѣж**. Однако древнейшая засвидетельствованная памятниками форма — **жиѣж**, **жиѣши** (в СЯС толкование Евгеньевской псалтыри, кроме того Шестоднев Иоанна Экзарха), как правильно заметил А. Вайан (BSL 1968. С. 151).

Еще на одну «ошибку» — по его мнению — в заглавии СЯС обратил внимание А. Вайан. Ему не нравилось заглавие сложного прилагательного **громъгласъ** (ср. BSL 1965. С. 28). Сложные имена прилагательные, по его мнению, должны иметь в качестве соединительного гласного только **-о-**, не **-ъ-**. **громъгласъ** — гапакс Супрасльской рук. (465:2) на месте греч. βροντόφωνος. Однако существуют, хотя в единичных случаях, и другие образования того же типа: **подовьнѣвѣрь** — ἀξιόπιστος (Супр 511:2), **дързъсѣ>рдъ** — θρασυχάρδιος (Захаринский паримийник, Притчи 21:4;

³¹ В.Б. Крысько, по-моему, неправ, когда он отменяет все образования на **-ати** (Крысько В. Б. Маргиналии... С. 25).

³² О формах этих глаголов в СС см.: Крысько В.Б. Маргиналии... С. 24–25.

в СЯС в заглавии **дрѣзо-**). Интересно, что во всех трех случаях второй компонент имеет простой суффикс — морфему -о-. Иного типа сложное слово **матерѣдосадитель** — μητρολόγος (но: **отъцедосадитель**), **дѣлѣприставьникъ** — ἐργολόγος (Исход 3:7; в СЯС ошибочно в статье **приставьникъ**) и **грѣхъпаданик** — παράπτωμα (в Синайской псалтири). В связи со сложными словами надо обратить внимание на одно совсем необыкновенное словообразование. В Ветхом завете и Апокалипсисе мы находим **плачевъпльство** и **плачевъпльствик** на месте греч. *χολετός* и **плачевъпльствити** — *χολεσθαί*, которые редакторам СЯС казались неприемлемыми в рамках древнейшего славянского словообразования, и поэтому в СЯС их надо искать под заглавиями **въпльство**, **въпльствик**, **въпльствити**³³. Не найдем в СЯС и находящееся в паримийнике **вьсегъвьблъство** (обработано под заглавием **гыбѣлъство**).

В некоторых случаях вызывает вопрос и реконструкция именительного пад. основ на согласный или -ŭ- основ: надо ли нормализовать **тѣкты** или **тѣктывъ**? К род. субст. **корене** А. Вайан (BSL 1968. С. 154) предлагает им. **корѣ**, что, может быть, подтверждено формой в недавно открытом Ватиканском палимпсесте³⁴. В. Крысько (Указ. соч., с. 26) правильно указал, что в статье **жрѣны** (в СЯС и СС) ошибочно объединены два образования: -ŭ- основа и -о- основа (**жрѣновъ**).

Некоторые существительные, по-видимому, встречаются только во множественном числе, хотя в СЯС реконструируется единственное число, например, **зорѣ** (так предлагает А. Вайан: BSL 1968. С. 152) или **ладвиѣ**; сущ. **чрѣсло** засвидетельствовано и в ед. числе, проблемой для решения остается **исто** (так в СЯС) — *ιστοί* (мн. ч.), которое имеется в памятниках только в двойственном и множественном числе.

Вопрос о реконструкции единственного числа касается и другого круга ст.-сл. лексики, который, с точки зрения лексикографической обработки, ставит ряд вопросов, решение которых вряд ли может быть однозначным. Это собственные имена: личные имена, названия городов и областей и их жителей, другие географические названия и, в некоторых случаях, также заимствованные с греческого нарицательные имена. Примером последних может служить **дидрагѣма** и **дидапсал(ъ)ма**, окончания которых очевидно заимствованы из греческих форм, и только второстепенно, добавочно включаются оба существительных в систему славянского склонения, так что указание в словаре родительного падежа **-ы** — только теоретическое. Реконструкция именительного падежа и типа склонения в некоторых случаях почти нерешаема. Например, в Остромировом ев. 283bα7 имеется: **сѣѣи насѣ** — *τῆς ἀγίας Ἰακ*, причем славянская форма образована на основе греч. родительного, именительный — *Ἰακ*; в СЯС реконструкция: **наса**, **-ы**. Проблематичной является реконструкция именительного пад. женских имен, заимствованных из греч. форм на -η. Им. пад. сохранился редко: **ноуѣгани**, **троѣгани** (в Супр), **епистоли** (2 Кор 2:2 и 3 в

³³ Bláhová E. Lexikální specifika staroslověnského parimejníku // Slavia. 1999. 68. S. 235–249 (о данных сложных словах см. с. 244).

³⁴ Тотоманова А.-М. Проблеми на имената на *nt*-основи в старобългарски език // Старобългаристика. 1997. 21. № 3. С. 70–76.

Слепченском апостоле), но **єпистолюна** (в Христинопольском), **платикостиѣ** (= **на**) (в Пражских отрывках), **параскевьѣна** (Саввина книга 128б16), **скинии** — σκηνή (Евр 9:2 Христ Охр Ен Шиш), но **скини** (Слепч), **скинина** (Мак; Евр 9:3 Христ Слепч Мак Шиш). В СЯС нормализуется **-на**, например, (город) **күрина** — Κυρήνη, или **-и**, например, **єрмиони** — Ἐρμιόνη, или **-ни**, напр. **єрєсєвини** ('ржавчина хлебная') — ἐρυσίβη, **єфросинии** — Εὐφροσύνη. Авторы и редакторы СС старались устранить это разнообразие, но сделать им это полностью не удалось³⁵.

Затруднения представляет также реконструкция им. падежа ед. ч. названий жителей городов и стран и представителей этнических групп или религий. В памятниках иногда встречаются формы единственного числа: **жидовинѣ**, **єгүптѣнинѣ**, **израилитѣнинѣ**, но имена такого типа по большей части употребляются только в множественном числе: **критѣне**, **коринѣлане** (наряду с **корєнтии**) или, с другим окончанием, **герѣгєсини** — Γεργεςτινοί. В таких случаях лучше давать заглавие словарной статьи во множественном числе, чем реконструировать. Однако ни в СЯС, ни в СС эта проблема не решена последовательно.

Что касается орфографического облика заглавий иностранных имен, оба словаря, СЯС и СС, подходили к нему формально: в СЯС в большинстве случаев выбиралась древнейшая сохранившаяся в рукописях орфографическая форма (т. е. с неэтимологическими **ѣ** или **ь**), в СС — форма, чаще всего встречающаяся в рукописях; ср., например, **анѣтони** (по написанию в Синайском евхологии) в СЯС, но **антони** (по большей частотности) в СС, **аньна** ἄννας (по форме в Саввиной книге) в СЯС, но **анна** в СС, **марѣкъ** (евангелист) (по написанию в Зогр 95а2, Мар 44а7 и в Охридском апостоле) в СЯС, но **маркъ** в СС. Однако в обоих словарях принципы не соблюдались последовательно. Вопрос, насколько неэтимологические еры являются только орфографическими знаками или отражают фонетический облик имени, надо решать отдельно³⁶.

После заглавной формы слова и пометы, указывающей часть речи, к которой слово относится, следует перечень памятников, в которых слово встречается. В первом томе порядок памятников давался по частотности примеров в отдельных памятниках, со второго тома — по определенной схеме: в начале «канонические» памятники, потом «неканонические», причем на первом месте — тексты библейские, потом литургические, поучительные (жития, похвалы, гомилии и т. д.), в конце — памятники чешского происхождения.

Переводы в СЯС приводятся на чешском, русском и немецком языках. Проф. Курц постоянно обращал внимание составителей словарных статей на то, чтобы при определении значений они, по его словам, «не увлекались греческим подлинником». С другой стороны, он требовал также быть осторожным по отношению к значению одинаково звучащих слов в современных славянских языках. Лучше всего он выразил данные принципы во введении к макету словаря (1956 г. С. 4–5, ориги-

³⁵ См.: Крысько В.Б. Маргиналии... С. 23.

³⁶ Там же. С. 21–22; проблема **алкати** – **алѣкати** – **лакати** не относится к проблеме заимствованных имен.

нал на русском языке): «Параллели нельзя отождествлять со значениями. При установлении значений необходимо принципиально различать определения значений от приведения подлинных параллелей. Без сомнения, параллели будут часто — можно даже сказать в большинстве случаев — совпадать с приведенными значениями заглавных слов; однако, не будет так всегда. У некоторых старославянских переводных текстов (напр., у Супрасльской рукописи, Синайского требника, у некоторых текстов гомилетических, у Киевских листков и т. п.) мы не знаем подлинников так относительно точно, как у текстов библейских (хотя и здесь наши познания о состоянии подлинных текстов далеко не полные)... Требования осторожности, далее, должны вести к тому, чтобы не вносить нашу сегодняшнюю точку зрения, наше нынешнее понимание смысла слов в старый язык, чтобы нас не ввел в заблуждение случайно одинаковый звуковой состав слова в старославянском и переводном языке...». Тем не менее, на некоторые переводы в СЯС, несомненно, повлияли одинаково звучащие слова современных славянских языков. Так например, **врѣгъ** значит не только ‘берег’ ‘břeh’, но прежде всего ‘крутой склон’, ‘откос’ (на это значение обратила внимание Р. Цейтлин, и в СС оно уже выделено); **грѣжденик** — ἐπιληψία не ‘гордость’ ‘hrdost’, но, по правильной интерпретации А. Вайана (BSL 1965. С. 128) ‘crise’, ‘attaque’, т. е. ‘кризис’, ‘нападение’; **дивъ** не совпадает по значению с чешским ‘div’, т. е. ‘чудо’, но ‘údiv’, т. е. ‘удивление’ (в СС исправлено); **незаконьнъ** — ἀπαίδευτος не ‘незаконный’, ‘nezákonný’, а скорее ‘недисциплинированный’ ‘neukázněný’; **изоумѣти сѧ** не ‘обезуметь’, а, скорее, наоборот — ‘уразуметь’, ‘понять’ (ср. **неизоумѣемъ** ‘непонятный’). Также гапакс **исхаджати** — προξενεῖν не значит ‘выходить’, но представляет синоним к **исходатати**, т. е. ‘приобретать, добывать для кого-н.’ (так в СС). Наконец, **заходъ** в Супр 170:13 не обозначает ‘отхожее место’, по-чеш. ‘záchod’, но ‘испражнение’, о чем свидетельствует греч. параллель χρεῖα (в СС осталось в том же значении, как и в СЯС). Влияние греческой параллели на перевод проявляется иногда в случае гапаксов, этимология которых не совсем ясна. Например, **завадити** (Исход 14:25) переводится ‘связать’ ‘svázat’, по значению греч. συνδέειν, но оно, скорее, значит ‘затормозить’; подобно тому **въповадити** переведено ‘запрячь’ ‘zarřáhnout’ по значению греч. (ἀνα)ξευγύναι, но оно, скорее, значит ‘привести в движение’ (антоним к **завадити**). Прилагательное **отъдательливъ** в 1 Послании Петра 3:8 переводится в СЯС на основе греч. параллели συμπληθής ‘сострадательный’ ‘soucitný’, но это, скорее, ‘тот, кто прощает ближнему долги’.

Некоторые ошибочные определения значений были исправлены в течение следующих годов или самими авторами, или другими исследователями. Например, в статье **конь** отсутствует значение ‘кавалерия’ — ἡ ἵπλος (ж. род); в статье **лѣсъ** — значение ‘виселица’ (из Фрейсингенских отрывков, напоминающее русск. ‘леса’, чеш. ‘lešení’); **крѣжилник** не значит ‘небосвод’, а славянское название созвездия Орион, **трьпоутица** (в СЯС -**пжтица**) не ‘треножник’, а название растения τριπέδικλον, лат. marubium, из которого готовился лечебный напиток³⁷. Болгарские коллеги в СтБР

³⁷ Ср.: *Du Cange*. Glossarium mediae et infimae latinitatis, 1883–1887. Т. VIII. Р. 185; переизд.: Graz, 1954.

правильно определили значение ‘известь’ в статье **варь** (его нет и в СС). Х. Кайперт указал на основе новонайденной греческой параллели к Супрасльской рук., что **лнсна** в Супр 74:30 — собственное имя Λυσίας, а не прилагательное **лнсни**³⁸. Р. Марти высказал мнение, что первый компонент в прил. **трьклатъ** не значит ‘трижды’, но что это усилительная приставка³⁹. Е. Велковска предлагает новое чтение сокращения **трьстаѣ** в Синайском требнике 63a14, которое в СЯС читается **трьсватоѣ** (по ее мнению, это заимствованное греч. τρίστιχος)⁴⁰, и др. Трудно было бы обнаружить в богатом материале сущ. **дрѹгъ** два искажения, которые встречаются во всех расписанных для СЯС паримийниках, если бы А. Пичхадзе не привела в своем издании текста книги Исход еще другие варианты, которые показывают, что в стихах Исход 14:5 и 8 первоначально находилось сущ. **дръгъ** — θεράπων (данные цитаты в СЯС не приводятся)⁴¹.

В вводных статьях СЯС не указано точно, какие греческие (и латинские) параллели будут находиться в заглавии словарной статьи. Практически в первых двух томах приводились только более общие, чаще встречающиеся параллели, между тем единичные, нестандартные и во многих случаях свободные параллели давались только при отдельных примерах. Только с третьего тома, когда ученый секретарь редакции В. Конзал начал в рамках редактирования проверять весь материал составляемых статей, греч. параллели стали приводиться в заглавии полностью. Пополнились также греч. параллели, благодаря публикации греческих текстов в новом издании Супрасльской рукописи (Й. Заимов, М. Капальдо, 1982–1983) и греч. оригинала к «Написанию о правой вере» (выявленного А. Юрченко в 1985 г.).

Однако в совсем единичных случаях подходящая параллель не была обнаружена. Случай такого типа — статья **пръкъно** ‘доска’, чеш. ‘rkno’, гапакс из паримийника, Бытие 6:14: **створи себѣ ковчегъ ѿ дравъ пръконъ четвриаранъ ѣх ξύλων τετραγόνων**. Авторы статьи считали **пръкъно** вошедшей в текст старой маргиналией, так как в греч. оригинале нет соответствующего слова. Однако Й. Русек⁴² нашел в некоторых греч. триодях варианты **ѣх ξύλων ἀσήπτων τετραγόνων** и пришел к выводу, что **пръкъно** здесь употреблено на месте греч. ἄσηπτος. Это заключение не вполне убедительно, так как в другом месте, Исаия 40:12, ἄσηπτος переводится **неизгънилъ**, вар. **негънилъ**.

Определение отдельных значений, оттенков значений и устойчивых (более или менее) сочетаний, их формальное ограничение и подбор иллюстраций зависит в

³⁸ Keipert H. **лнсни** — ein abzuänderndes Lemma im altkirchenslavischen Wörterbuch // Старобългаристика. 1978. 7. № 2. С. 66–69.

³⁹ Марти Р. Проблеми на значението на славянската лексика от кирило-методииевско време // Старобългаристика. 1994. 18. № 4. С. 23–29, о **трь** — см.: с. 30–31.

⁴⁰ Велковска Е. Значение на термина **трьстаѣ** в Синайския евхологий // Старобългаристика. 1999. 33. № 4. С. 59–63.

⁴¹ Пичхадзе А.А. Книга «Исход» в древнеславянском паримейнике // Ученые записки Российского православного университета св. Иоанна Богослова. 1998. 4. С. 5–60; ср. также: Bláhová E. Lexikální specifika... С. 248.

⁴² Русек Й. Из лексиката на старобългарските триоди // Известия на Института за българския език. 1969. 17. С. 141–180 (о данном стихе см.: с. 169–170).

каждом словаре, с одной стороны, от подхода редакции к понятию «значение» и, с другой, от заранее обговоренной технической стороны словарной статьи. В СЯС широко использованы абзацы и «двойные абзацы»; в СС, где статьи напечатаны в одном абзаце, большее количество лексикографических знаков: кроме ромба и жирной точки еще квадратик и прямоугольник⁴³. Разницу в понимании значения хорошо иллюстрирует, например, статья **изити** в СЯС и СтБР. В СЯС — одно значение, в СтБР — 11 значений (только на основе «канонических» памятников): 1. Изляза, придвижа се отвьтре навън (= ‘выйти’). 2. Напусна мястото, където се намиран, отдалеча се от някъде (= ‘выйти’, ‘уйти’). 3. Отида някъде, на определено място или с определена цел (= ‘выйти’, ‘уйти’). 4. Тръгна заедно с някого, присъедина се. 5. Дойда, пристигна някъде (примеры этих двух значений показывают, что указанные значения зависят только от контекста, не от значения самого глагола). 6. Произляза, родя се (= ‘произойти’). 7. Изтека, изблика (о крови, об источнике, т. е. ‘вытечь’). 8. Появя се, показа се (= ‘явиться’). 9. Окажа се някакъв (= ‘показаться’: Пс 108:7 **да издѣтъ осъжденъ**). 10. За слух, мълва и под. — распространя се, пръсна се (= ‘разойтись’, ‘распространиться’). 11. За заповедь, нареждане — издаден съм, разпрашен съм (пример: Лк 2:1 **изиде повелѣние отъ кесарѣ авъгоста**). В СЯС дается только одно значение (‘выйти’) и один оттенок с переводом (‘выбрызнуть’), остальные оттенки выражаются латинским описанием: de fume, de voce etc.; de tempore; origi; nasci; de exitu; de spiritibus immundis (не совсем понятное описание, имеются в виду цитаты типа [из Евхология]: **заклинаѣтъ тѣ доуше зълы... изиди отиди**) — и следуют словосочетания. Обработка в СС, хотя исходит из членения в СЯС, представляет определенную середину: одно значение (‘выйти’) с оттенками: ‘вытечь’, ‘вылиться’; ‘выступить’, ‘проявиться’; ‘родиться’; ‘разойтись’, ‘распространиться’.

Последняя часть словарной статьи в СЯС — перечень синонимов с пометой Sf. (= confere). При его составлении авторы пользовались также греческо-ст.-сл. картошкой, с помощью которой выявились также синонимы, не выступающие как дублиеты в рукописях-вариантах памятников одинакового содержания. Перечень синонимов находится и в конце отдельных статей СС, где ссылками связаны только дублиеты и синонимы, встречающиеся в разработанных в словаре памятниках.

* * *

Следующим трудом из области старославянской лексикографии, в котором участвовали чешские специалисты, был Старославянский словарь (СС). Четыре автора СЯС (М. Бауерова, Э. Благова, С. Геродес, Л. Пацнерова) составляли статьи, редактором и автором части предисловия был Р. Вечерка, со временем в редакцию вошла и Э. Благова. Статьи с буквы Р до конца алфавита составила, словарь редактировала и часть вводных статей написала Раля Михайловна Цейтлин (1920–2001). Предва-

⁴³ О их употреблении см.: Старославянский словарь. М., 1994. С. 52 (= Построение словарной статьи. Автор Р. Цейтлин).

рительные работы по словарю начались, по инициативе Й. Курца и С.Б. Бернштейна, в конце 50-х годов, работа над статьями началась в 1973 г. Словарь не надо представлять подробно: он гораздо больше известен, чем СЯС, и гораздо больше используется специалистами. Принципы его составления описаны подробно Ралей Цейлин в вводных статьях. Вышло семь рецензий⁴⁴, из которых, прежде всего, рецензии В. Крысько и Й. Схакена содержат замечания, которые помогут улучшить словарь в подготавливаемом новом издании. Ряд ошибок, восходящих к ошибкам в СЯС, я коснулась уже в предыдущем изложении. Приведу еще несколько примеров исправления значений. Глагол **въмѣстити** в СЯС имеет два значения: 1. ‘вместить, заключить’; 2. ‘понять’; в СС глагол распределен более подробно: 3. ‘вместить, вложить’ + **в. сѧ** ‘поселиться, поместиться’. Гл. **въображати сѧ**, гапакс из Зографских листков, не значит, на наш взгляд, ‘образовывать(ся)’, как приведено в СЯС, но, по СС: ‘уподобляться, следовать образцу’ (по мнению издателя памятника А. Минчевой после формы глагола утрачено несколько слов)⁴⁵. **въпрѣчати сѧ** в Рильских листках не значит ‘ошибиться’ (так в СЯС), но ‘впутаться’ (так в СС).

В настоящее время в Славянском институте АН ЧР готовится новое издание СС, в котором редакторы надеются исправить все ошибки первого издания, кроме того, будут добавлены переводы значений на английский язык и, прежде всего, дополнен материал новонайденных в монастыре св. Екатерины на Синае частей Синайской псалтыри⁴⁶, Синайского евхология⁴⁷, Ватиканского палимпсеста⁴⁸ и не вошедших в первое издание СС Македонских и Новгородских (Куприяновских) листков. Прибавлен также незначительный по объему и содержанию материал Синайского палимпсеста⁴⁹. К сожалению, некоторые рукописи из последних синайских находок, исключительно ценные по содержанию и с точки зрения словарного состава, до сих пор недоступны широкому кругу исследователей; это, в первую очередь, Синайский миссал (5/N) и отрывок минеи (4/N). На основе дополненного материала З. Рибарова составила Указатели к старославянскому словарю⁵⁰, содержащие словник, обратный индекс, указание частотности слов, список новых слов, дополненных в

⁴⁴ *Дограмаджиева Е.* (Старобългаристика. 1995. 19. № 3. С. 109–113); *Иванова-Мирчева Д.* (Македонски преглед XVIII. 1995. Кн. 4. С. 35–54); *Schaeken J.* (Byzantinoslavica. 1996. 47. P. 182–187); *Крысько В.Б.* (Маргиналии...); *Христова И.* (Slavia. 1996. 65. P. 373–375); *Kuna H.* (Slovo. 1996. 44–46. P. 240–246); *Молдован А.М.* (Этимология. 1997. С. 209–213); *Косек Н.* (Славяноведение. 1996. № 2. С. 100–102).

⁴⁵ *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслечи. София, 1978. С. 45.

⁴⁶ *Psalterii Sinaitici pars nova (Monasterii S. Catharinae codex slav. 2/N).* Ad editionem praeparaverunt P. Fetková, Z. Hauptová, V. Konzal, L. Pacnerová, J. Švábová / Sub red. F.V. Mareš. Wien, 1997.

⁴⁷ Рукопись выписывалась по фотокопиям, помещенным в каталоге: *Tarnanidis I.C.* The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catharine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 219–247.

⁴⁸ *Кръстанов Т., Тотоманова А.-М., Добрев И.* Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502. София, 1996.

⁴⁹ *Altbauer M., Mareš F.V.* Fragmentum glagoliticum evangeliarii palaeoslovenici in codice Sinaitico 39 (palimpsestum) // Anzeiger der Phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1980. 117. P. 139–152.

⁵⁰ *Ribarova Z.* Indexy k staroslověnskému slovníku — Указатели к Старославянскому словарю — Indexes to the Old Slavonic Dictionary. Práce Slovanského ústavu AV ČR, Nová řada, sv. 16. Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 2003. 241 P.

новом издании СС, особый список собственных имен, список омонимов и список возвратных глаголов.

После завершения старославянского словаря коллектив приступил к реализации нового проекта — к созданию греческо-старославянского словаря, потребность в котором ощущалась в мировой палеославистике примерно с начала XX в. в связи с интересом к технике перевода старославянских и церковнославянских памятников. Й. Курц еще на этапе создания проекта Словаря старославянского языка (1942) предусмотрел необходимость и учел возможности осуществления такой работы. Созданная в том же году Комиссия по старославянскому словарю при Чешской академии наук и искусств под руководством Богуслава Гавранека определила концепцию Словаря старославянского языка, состав источников и т. д. Работы по эксцерпированию, начавшиеся в 1943 г., предполагали определенный способ оформления картотечных карточек, когда одновременно со старославянскими выписками создавали «обратные выписки», где на первом месте стояло слово языка оригинала старославянского перевода (греческое, латинское или древневерхненемецкое). Таким образом возникла значительная по объему греческо-старославянская картотека, а также сформировались две небольшие картотеки — латинско- и древневерхненемецко-старославянская. Постоянно пополнявшаяся во второй половине XX в. греческо-старославянская картотека в настоящий момент насчитывает примерно 800 000 карточек. Картотека содержит также материал недавно обнаруженных памятников, который не был включен в СЯС: новые части Синайской псалтири⁵¹, Синайского евхология⁵² и Ватиканского палимпсеста⁵³.

История концепции греческо-старославянского словаря, который создается под руководством Эмилии Благовой, и литература вопроса изложена во «Введении», написанном Вацлавом Чермаком: *Řecko-staroslověnský index. Index verborum graeco-palaeoslovenicus. 1. Prolegomena. Praga, 2008*⁵⁴. Экспериментальный этап нашел отражение в работе: *Řecko-staroslověnský index. Index graeco-palaeoslovenicus. Ukázkový sešit. Praga, 2006*. В результате многолетних дискуссий по определению оптимальной формы описания материала сформировался труд, представляющий собой вторую, самостоятельную часть Словаря старославянского языка. По отношению к нему название «словарь» было заменено словом «индекс», что авторы объясняют следующим образом: «Термин “указатель” используется, несмотря на целый ряд данных словарного характера, в названии нашего лексикографического пособия намеренно, хотя бы потому, что греческие и старославянские эквиваленты приводятся без определения их семантики, которые для греческого языка можно найти в доступных греческих словарях, а для старославянской лексики — в Словаре старославян-

---

⁵¹ *Psalterii Sinaitici pars nova...*

⁵² Составители пользуются кириллической транскрипцией; выписки из издания И. Тарнанидиса (*Tarnanidis I.C. The Slavonic Manuscripts...*) сделаны сотрудницей Славянского института Людмилой Пацнеровой.

⁵³ *Кръстанов Т., Тотоманова А.-М., Добрев И. Ватиканско евангелие...*

⁵⁴ См. также сб. *Čirkevněslovenská lexikografie 2006. Sestavil Václav Čermák / Ed. E. Bláhová, E. Šlaurová, V. Čermák. Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 2007. 109 p.*

ского языка» (с. 18). В этой же работе представлены источники, и Зденкой Рибаровой подробно описаны особенности построения словарной статьи «Греческо-старославянского индекса».

Словарные статьи «Греческо-старославянского индекса» стали выходить в свет с 2010 г. (этому предшествовало появление нескольких тетрадей с синоптических таблицами «*Tabellae synopticae monumentorum slavico-rum*»). В 2011 г. появилась 5-я тетрадь первого тома (продолжение греческой «альфы»: ἄθανασία – ἀνακτᾶσθαι).

Л.В. КУРКИНА
(Россия)

РУССКАЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

Этимология (ἔτυμος ‘истинный’ + λόγος ‘слово’)¹, зародившаяся в античную эпоху как наука об «истинном» значении слова, в процессе развития обогащалась достижениями сравнительно-исторического языкознания и смежных наук, соответственно видоизменялось понимание истинного значения слова, этимологических истоков слова, оно наполнялось новым содержанием, усложнялось и углублялось понимание задач, решаемых этимологией. Этимологическая лексикография опирается на теорию и практику этимологических исследований. На каждом этапе развития науки в этимологических словарях находят отражение накопленный опыт конкретных этимологических исследований, новые подходы этимологического анализа, достижения гуманитарных наук. Русская этимологическая лексикография развивалась и развивается в русле идей, разрабатываемых мировой славистикой.

В славянском мире начало научной этимологической лексикографии положили словари Ф. Миклошича и Э. Бернекера. «Этимологический словарь славянских языков» Ф. Миклошича (*Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886*) стал первым опытом изучения родственных связей славянской лексики. Словарь вышел в конце XIX в., когда еще неясны были представления о составе славянских языков, когда только складывались исходные понятия этимологии, формировалась концепция происхождения и развития славянских языков. Созданию словаря предшествовали исследования Ф. Миклошича по сравнительной грамматике славянских языков, ономастике, заимствованиям и т. п. Словарь Ф. Миклошича поставил перед этимологией целый ряд вопросов, важных как в плане теории, так и в плане решения конкретных задач. Отдавая особое предпочтение показаниям

---

¹ Трубачев О.Н. Этимология // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово · История · Культура. Т. 1–2. М., 2004. Т. 1. С. 61–63.

старославянского языка, Ф. Миклошич тем самым привлек внимание к положению самого древнего письменного языка в кругу славянских языков и его роли в реконструкции исходных отношений и т. п. В словаре Ф. Миклошича, построенном по корневому принципу с гнездовым способом распределения материала, лишь намечены родственные связи славянских слов, лишь кратко обозначены ближайшие соответствия в индоевропейских языках. На начальном этапе сравнительно-исторического языкознания, характеризовавшемся открытием фонетических законов, этимология ограничивалась установлением родства слов на корневом уровне. Важно отметить, что Ф. Миклошич был первооткрывателем этимологических связей слов. Мощная творческая интуиция, этимологический гений ученого в полной мере проявились в восстановлении генетических связей слов на славянском и индоевропейском уровне².

Следующий по времени «Славянский этимологический словарь» Э. Бернекера (*Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913*) отражает более продвинутое ступень в развитии этимологии, подготовленную развитием сравнительно-исторического языкознания, исследованиями фонетических процессов на материале отдельных индоевропейских языков, опытом работы над этимологическими словарями других языков (ср. *Falk H., Torp A. Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heidelberg, 1910–1911*). Словарь Э. Бернекера опирается на широкий круг лексикографических источников, опубликованных к тому времени (ср. словари Линде, Карловича, Ивекович-Броза, Герова, Срезневского и т. д.), и, по сравнению со словарем Ф. Миклошича, богаче и полнее представляет славянскую лексику и, что особенно важно, вводит понятие фонетико-морфологической реконструкции исходной основы. Словарь, построенный по гнездовому принципу, отмечен стремлением как можно полнее выявить родственные связи славянских слов, представить разные этимологические версии со ссылками на литературу³. К сожалению, словарь не был доведен до конца, он охватывает отрезок словаря в объеме *A–*morъ*.

Словари Ф. Миклошича и Э. Бернекера заложили фундамент славянской этимологической лексикографии, определили направление, по которому развивалась этимология в последующие десятилетия, обозначили круг задач, решаемых этимологией. Построенные на материале всех славянских языков, эти словари стали основой для этимологического изучения лексики отдельных славянских языков. В словарях Ф. Миклошича, Э. Бернекера, а также в многочисленных этимологических исследованиях русская лексика входит в корпус славянских соответствий и рассматривается на широком славянском и индоевропейском фоне, поэтому этимологические словари славянских языков и этимологические исследования по лексике отдельных языков входят в число важнейших источников по этимологии русских слов.

---

² Куркина Л.В. Ф. Миклошич как этимолог // Miklošičev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991. Ljubljana, 1992. С. 317 и след.

³ Трубачев О.Н. Принципы построения этимологических словарей славянских языков // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 195 и след.

Истоки самостоятельного этимологического изучения русской лексики восходят к первой половине XIX в. Некоторые наблюдения о родственных связях русских слов и соответствиях для них в индоевропейских языках можно найти в «Русско-французском словаре» Ф. Рейфа, увидевшем свет в 1835 г.⁴, ссылки на эту работу находим у М. Фасмера. В 1842 г. при поддержке Императорской Академии наук был опубликован «Корнеслов русского языка» Ф.С. Шимкевича⁵. На основании отзыва А.Х. Востокова эта работа была отмечена Демидовской премией. Словарь, составленный этимологом-любителем, выпускником Киевской духовной семинарии, отражает состояние начального этапа этимологической науки, когда только формировалось понятие языкового родства, когда еще не был определен статус восточнославянских языков. Русская лексика представляла собой огромное неводеланное поле. Ф.С. Шимкевич, используя свои выдающиеся способности полиглота, знание многих языков, по существу разрабатывал целину, вслед за Ф. Рейфом делал первые шаги на пути выявления этимологических связей русских слов. В словник вошли только сохранившиеся слова, слова, употребляемые в современном языке. И в этом отличие от словаря Ф. Рейфа, который включает устаревшие слова, вышедшие из употребления, церковнославянизмы и т. п. Словарная статья состоит из двух частей: 1) заглавное слово со всеми известными автору значениями без разграничения основного значения и переносных (ср. *пята* ‘задняя часть ступни’, ‘луночка, гнездо, в котором ходит веревка или веретено’, ‘у рыбаков: веревка, которой тянут крыло невода’ и т. д.) и 2) соответствия в славянских и индоевропейских языках. При подборе и интерпретации материала автором использованы словари и исследования Добровского, Вука, Линде, Копитара, Юнгманна, Бернолака и др. По замечанию П.Я. Черных, словарь Ф.С. Шимкевича «больше сравнительный, чем этимологический, хотя некоторые этимологии Шимкевича получили широкое признание (*князь, окунь, сени* и др.)»⁶. Б.М. Ляпунов отмечал, что Ф.С. Шимкевич «добросовестно воспользовался существовавшими в его время грамматиками и словарями и, несмотря на зачаточное состояние науки в то время, иногда дает верные этимологии»⁷.

Во второй половине XIX в. растет интерес к этимологии, появляются этимологические этюды Ф.И. Буслаева, а в 70–80 гг. — исследования А.А. Потебни («К истории звуков русского языка. Этимологические заметки». Варшава, 1880–1883), работы Я. Грота («Филологические разыскания». 2-е изд. I–II. СПб., 1876), Р.Ф. Брандта, И.М. Желтова и др. Остался мало известным и не получил научного признания опубликованный в 1880 г. словарь М. Изюмова «Опыт словаря русского языка срав-

⁴ Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка, сост. Филиппом Рейфом. Т. I–II. СПб., 1835–1836.

⁵ Шимкевич Ф. С. Корнеслов русского языка, сравнительно со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками. Ч. I–II. СПб., 1842.

⁶ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1993. С. 9.

⁷ Ляпунов Б. М. Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского // Известия отделения русского языка и словесности АН СССР. 1925. Т. 30. С. 8.

нительно с языками индоевропейскими»⁸. Словарь, построенный по гнездовому принципу, состоит из четырех частей: 1) русско-славянские корни в сопоставлении с индоевропейскими языками, 2) слова, заимствованные из западных и восточных языков, 3) служебные слова, местоимения, числительные, наречия, междометия, 4) сложные слова с греческими и латинскими соответствиями. И.А. Бодуэн де Куртенэ следующим образом охарактеризовал метод работы этого автора: «Автор, очевидно, не признает строгих звуковых законов и определенных соответствий звуков отдельных языков арио-европейских»⁹. Уже более высокий уровень отличает опубликованный в 1892 г. в Тифлисе «Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка» Н.В. Горяева. Дополнения и поправки к словарю вышли в Тифлисе в 1901 и 1905 гг.¹⁰ «Словарь Горяева, — пишет О.Н. Трубачев, — как бы образует водораздел между старыми школьными методами и новыми научными методами нашей этимологической лексикографии»¹¹. Словарь охватывает более 6400 слов-статей. Слово, вынесенное в заглавие, дается в окружении соответствий только из четырех славянских языков и некоторых индоевропейских, а в случае заимствования приводятся слова тех языков, которые послужили источником заимствования. В этимологической части можно найти ссылки на Ф. Миклошича, К. Бругманна, П.А. Лавровского, А.А. Потебню и др. Приложение к словарю является словоуказателем, который одновременно отражает наблюдения автора о территориальном распределении исследуемых слов. Специально выделены: 1) слова, найденные лишь в языках славянских, литовских и германских; 2) слова, общие лишь языкам славянским и германским; 3) слова, встречающиеся в нескольких славянских наречиях; 4) слова, известные лишь русскому языку и т. д. К словарю, составленному тифлисским учителем, любителем-этимологом в самом начале XX в., обращается современная этимология (ср. ссылки на Горяева в словаре М. Фасмера) как к одному из первых источников по русской этимологии. Во многом словарь устарел, но нельзя не признать, что некоторые из этимологий заслуживают внимания. О.Н. Трубачев из этимологий, предложенных Н.В. Горяевым, особо выделил две этимологии — *бедро*, *гайка*¹².

В 1910–1914 гг. в Москве начинает выходить отдельными выпусками «Этимологический словарь русского языка» А.Г. Преображенского. Основная часть словаря вышла при жизни автора, окончание словаря (*тело* – *ящур*) было опубликовано в

⁸ *Изымов М.* Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими. Для учащихся в гимназиях ведомств министерства народного просвещения. СПб., 1880.

⁹ Цит. по: С.К. Булич // Вестник Европы. 1893. № 4. С. 867 и след.

¹⁰ *Горяев Н.В.* Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис, 1892; *он же.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896; *он же.* К сравнительному этимологическому словарю русского языка (издания 1896 г.). Дополнения и поправки. Тифлис, 1901; *он же.* Этимологическое объяснение наиболее трудных и загадочных слов в русском языке. К сравнительному этимологическому словарю русского языка. Новые дополнения и поправки. Тифлис, 1905.

¹¹ *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования восточнославянских языков: словари // *Трубачев О.Н.* Труды... Т. 1. С. 366.

¹² Там же. С. 367.

1949 г. в «Трудах Института русского языка АН СССР» (Т. 1). Труд А.Г. Преображенского, кроме окончания, был опубликован в 1950-е гг. в США и даже в Китае¹³. Для удобства пользования словарем и понимания принципов, на которых базируется соотнесение слов на славянском и индоевропейском уровне, в предисловии к словарю приведены таблицы фонетических соответствий. В словаре пословная подача материала сочетается с рассмотрением русского слова и его славянских соответствий в окружении родственных образований в составе этимологического гнезда. Словарная статья имеет четкую структуру. Она включает в себя три зоны: заглавное слово и родственные ему русские слова, славянские соответствия и родственные им образования, ближайшие родственные образования в индоевропейских языках. При объяснении истоков слова автор пользуется понятием реконструкции и в своих выводах опирается на широкий круг источников. Ф.Ф. Фортунатов, характеризуя достоинства словаря, писал о том, что словарь «удовлетворительно знакомит с тем, что сделано до сих пор для объяснения происхождения русских слов и соответствующих им в других славянских языках, и содержит в себе много библиографических указаний по литературе данных вопросов»¹⁴. При работе над словарем были использованы сравнительные грамматики индоевропейских и славянских языков К. Бругманна, В. Вондрака, Б. Дельбрюка, грамматики и исследования по отдельным языкам, этимологические словари индоевропейских языков. В тексте находим ссылки на словари Ф. Миклошича, Э. Бернекера, на словари латинского (*Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1906*), греческого (*Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grécque. Heidelberg; Paris, 1907–1914*), норвежского (*Falk H., Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910–1911*) языков и т. д. Автор обнаруживает знакомство не только с капитальными трудами, опубликованными к тому времени, но и с небольшими этимологическими заметками, рассеянными по разным изданиям. По подсчетам Б.М. Ляпунова, в словаре использовано более сотни словарей и диссертаций. По мере подготовки новых выпусков расширялся круг источников, в словарь были включены «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, словарь В.И. Даля и др. Как видно из материалов словаря, А.Г. Преображенский самостоятельно изучал древние памятники письменности (Ас., Остр., Сав., Супр.). Словарь, выполненный на уровне требований своего времени, не утратил научного значения и по сей день остается ценным справочным пособием по русской этимологии. В своем отзыве на первые четыре выпуска Ф.Ф. Фортунатов, указав на ряд недостатков (некритическое отношение к разным приводимым в словаре мнениям, невысокий научный уровень самостоятельных разысканий и т.п.), признал, что словарь дает «удовлетворительный в общем обзор литературы по исследованию происхождения русских слов и соответствующих им слов в других славянских языках» и потому может служить «полезным пособием и

¹³ Трубачев О.Н. Этимологические исследования восточнославянских языков... С. 368.

¹⁴ Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академиею наук. VI. Отчеты за 1911 г. Пг., 1916. С. 221–228.

¹⁵ Там же.

для лингвистов»¹⁵. Первые четыре выпуска были удостоены малой премии Ахматова. Следующие выпуски подготовлены на более высоком уровне, они охватывают значительно большее количество слов, при анализе материала автор использовал более строгие приемы и более точную научную терминологию. Б.М. Ляпунов, отмечая осторожность и добросовестность автора в работе с материалом, все же полагал, что автором не исчерпано лексическое богатство «Толкового словаря» В.И. Даля. Тем не менее он относил словарь А.Г. Преображенского к капитальным изданиям, восполняющим пробел в русской лингвистической литературе¹⁶. Как отмечалось в отзывах, словарь содержит немало удачных этимологических решений (ср. *дождь, жена, жить, зелье, земля, люди, межа, поле* и т. д.). Характеризуя словарь, О.Н. Трубачев писал о том, что «трудно припомнить какую-нибудь действительно оригинальную этимологическую идею из словаря. Но его хорошая начитанность в специальной литературе, добросовестность, богатая библиография, осторожная манера критики различных точек зрения делали его этимологический словарь в течение необычайно долгого времени (приблизительно около 40 лет) настоящим справочным пособием»¹⁷. Поправки, дополнения к словарю А.Г. Преображенского содержатся в статьях и рецензиях Б.М. Ляпунова¹⁸, А.И. Соболевского, С.П. Обнорского, Гр. Ильинского, М.О. Когена и др.

В 20–30-х гг. XIX в. идет медленный, постепенный процесс накопления этимологического опыта в изучении русской и славянской лексики. На этот период приходятся работы Б.М. Ляпунова, А.И. Соболевского и др.¹⁹

Немало работ по этимологии русских и славянских слов принадлежит Г.А. Ильинскому. По словам О.Н. Трубачева, они «играют несомненно положительную роль, так как их изучение существенно облегчает выбор правильного решения»²⁰. Этимологии Г.А. Ильинского, оспариваемые и часто отвергаемые, стали неотъемлемой частью науки, его версии обсуждаются на страницах словаря М. Фасмера и других авторитетных изданий. В 1916 г. вышла «Праславянская грамматика» Г.А. Ильинского, в которой исследуются важные вопросы фонетики и морфологии славянских языков. Итогом его славистических исследований стал «Этимологический словарь славянских языков», работа над которым предположительно приходится на начало 1830-х гг. К сожалению, автору не удалось завершить словарь. Долгое время рукопись словаря хранилась в фондах Института русского языка, но потом была утеряна, в настоящее время сохранились лишь две папки со словарными статьями на *А* и *Б*. О.Н. Трубачев был единственным, кто ознакомился с рукописью в полном объеме и

¹⁶ Ляпунов Б.М. Этимологический словарь русского языка А.Г. Преображенского // Известия отделения русского языка и словесности АН СССР. 1925. Т. 30. Л., 1926. С. 3, 9.

¹⁷ Трубачев О.Н. Этимологические исследования // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 40 и след.

¹⁸ Ляпунов Б.М. Поправки и дополнения к этимологическому словарю Преображенского // Известия отделения русского языка и словесности АН СССР. Л., 1926. Т. 31. С. 31–42.

¹⁹ Характеристику этого периода см.: Трубачев О.Н. Этимологические исследования // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 39 и след.

²⁰ Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков Г.А. Ильинского // Трубачев О.Н. Труды... Т. 2. С. 628.

откликнулся рецензией на этот труд²¹. Характеризуя словарь, О.Н. Трубачев особо отмечает богатство словника. Если в словаре Э. Бернекера (*A–morь*) немногим более 2500 слов, то словарь Г.А. Ильинского приблизительно в тех же пределах (*A–L*) содержит около 5000 слов. Этимологические разработки Г.А. Ильинского отличаются недостаточным вниманием к анализу словообразовательной структуры слова, внимание автора преимущественно направлено на поиски индоевропейских соответствий.

Новый этап в развитии русской этимологической лексикографии связан с выходом в свет «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (1950–1958). К систематической работе над этимологическим словарем М. Фасмер приступил в 1938 г. в Нью-Йорке. Во время войны в Германии погибла его библиотека, рукописи, картотека. В послевоенные годы с целью восстановления утраченных материалов М. Фасмер работал в библиотеках Стокгольма и других городов. Уже в 1949 г. работа над словарем была завершена. С 1950 г. словарь М. Фасмера начинает выходить отдельными выпусками в Гейдельберге, а затем издается в виде трехтомника. По охвату материала и уровню научного анализа словарь М. Фасмера превосходит своих предшественников. В наше время бурного роста информации, расширения знаний по истории и этимологии русских слов по прошествии более чем полувека с момента выхода в свет словарь продолжает отвечать высоким научным требованиям. И по сей день это самый полный и авторитетный этимологический словарь русского языка. Перевод словаря на русский язык был осуществлен акад. О.Н. Трубачевым²². Из печати «русский» Фасмер выходил отдельными томами с 1963 г. по 1974 г. Русское издание словаря М. Фасмера имеет самостоятельное значение, поскольку текст перевода содержит внесенные О.Н. Трубачевым²³ 1) уточнения, дополнения, почерпнутые из публикаций, появившихся уже после выхода в свет словаря, и редких изданий, оказавшихся недоступными автору; 2) собственные новые этимологии; 3) новые словарные статьи (ср. *дикобраз*, *ветрянкa* ‘заразная болезнь’); 4) исправления ошибок (ср. *запорток*). Русское дополненное издание содержит 18 246 статей и состоит из четырех томов. Изданный большим тиражом словарь стал достоянием широкого читателя и по существу обрел вторую жизнь. К настоящему времени словарь выдержал четыре издания (последнее издание вышло в 2003 г.).

Значение словаря определяется широким охватом русской лексики. В словник включена лексика литературного языка, диалектная лексика (ср. *хустка* ‘платок’, *хуткий* ‘быстрый, проворный’, *ишбеница* ‘виселица’, *тну*, *тять* ‘бить’ и т. д.), редкие и устаревшие слова, отмеченные в творчестве отдельных писателей (ср. *глазенаны* у Тургенева, *брика* у Гоголя и т. д.), личные имена собственные (ср. *Борис*, *Владимир*, *Вячеслав*, *Георгий*, *Щелкан* и т. д.), местные названия (ср. *Вологда*, *Дербент* и т. д.), названия рек, морей (ср. *Дон*, *Днепр* и т. д.), названия племен, этносов (ср. *бурят*, *воть* ‘удмурты’, *вогул* ‘манси’, *голядь* ‘балтийское племя’ и т. д.). В сло-

²¹ Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков Г.А. Ильинского. С. 628–638.

²² Трубачев О.Н. Из работы над русским Фасмером. К вопросам теории и практики перевода // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 379 и след.

²³ Трубачев О.Н. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря» М. Фасмера // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 453–463.

варе находим слова из украинского и белорусского языков, для которых во времена М. Фасмера еще отсутствовали собственные этимологические словари. Значение словаря, его непреходящая ценность в том, что он подводит итог русской этимологии на середину XX в. Словарь М. Фасмера — это своеобразный компендиум знаний по истории этимологического изучения русских слов на середину XX в. Словарь базируется на прочном фундаменте знаний, накопленных отечественной и мировой наукой к середине XX в. о родственных связях слов в славянских и индоевропейских языках. В каждой словарной статье в очень краткой форме с исчерпывающей полнотой представлена литература по этимологии слова. И это обстоятельство делает словарь ценным библиографическим источником.

К достоинствам словаря следует отнести умение М. Фасмера объективно оценить известные науке этимологические версии. Полемизируя с разными авторами, М. Фасмер дает обстоятельную, взвешенную оценку достоинств и недостатков существующих этимологических толкований. На всем протяжении своей научной деятельности он оставался верным историческому подходу. В своих выводах М. Фасмер основывался на фактах, установленных и доказанных наукой. Выводы автора о возможном или вероятном происхождении слова вытекают из всей совокупности данных, и, если отсутствуют достоверные факты, слово определяется как сомнительное или идет с пометой «темное», «неясное».

С новых позиций освещается в словаре М. Фасмера древнее наследие в словарном составе русского и славянских языков, обязанное культурно-языковым контактам. Во многом этому способствовали проведенные М. Фасмером исследования разных аспектов взаимоотношений славянских и неславянских языков. М. Фасмер получил хорошее классическое образование в Петербургском университете. В 1906 г., когда М. Фасмеру было немногим более двадцати лет, выходит из печати первая часть подготовленного им исследования «Греко-славянские этюды», в 1907 и 1909 гг. была продолжена публикация этой работы, высоко оцененной в науке. Предметом исследований М. Фасмера стали вопросы древних лингвоэтнических отношений на территории Европы, контакты славян с иранскими, кельтскими, скандинавскими, тюркскими племенами, связи с финно-угорскими языками, восточноевропейская ономастика, лексика албанского языка и т. п. Результаты этих исследований нашли отражение в этимологическом словаре М. Фасмера. Обстоятельно освещаются в словаре заимствования, пришедшие в русский язык из германских, финно-угорских, тюркских языков, а в более позднее время — из немецкого, французского, польского языков.

Словарь вобрал в себя достижения науки своего времени, именно с позиций науки первой половины XX в. следует подходить к оценке словаря. В словаре преобладает полексемная подача материала. Русское слово выступает в контексте славянских и индоевропейских соответствий. Следует заметить, что во многих случаях морфонологическая и словообразовательная характеристика слова присутствует имплицитно в структуре словарной статьи. Морфонологические связи вытекают из подбора родственных образований, из указаний на соотношенность с образования-

ми, которые характеризуются корневым вокализмом в иной степени чередования. К сожалению, указание на родство далеко не всегда сопровождается реконструкцией отношений на праславянском уровне. Так, для диал. *волóга* ‘жидкость’ автор ограничивается приведением слов с другой ступенью корневого вокализма *волг-лый, волгнуть, Волга*, при этом расхождение в корневом вокализме, вполне понятное специалистам, не показано в форме праславянской реконструкции. Отмечая для русск. *долбить* родственные образования с другой ступенью чередования — др.-русск. *надолобъ*, русск. *долото*, М. Фасмер оставляет без определения сам тип чередования. В словаре не получает четкого определения словообразовательная структура слова. Так, из соотнесения русск. *волость* с гл. *володеть* еще не следует, что в образовании имени участвует суф. *-ть*. В силу недостаточной разработанности вопросов морфологии и словообразования к середине XX в. эти характеристики структуры слова еще не стали обязательной составной частью этимологического истолкования. Словарь М. Фасмера находится в русле младограмматических исканий. Новая теория именного словообразования Э. Бенвениста, теория чередований Е. Куриловича не нашли отражение в словаре, возможно потому, что М. Фасмер с большой осторожностью относился к новым теориям. В словаре не найдем ссылок на входившую в моду ларингальную теорию²⁴.

По прошествии более полувека словарь М. Фасмера не утратил своего значения, и по сей день он остается ценным источником сведений по русской и славянской этимологии. В откликах на словарь предметом обсуждения стали конкретные этимологические решения²⁵, методика этимологического анализа, принципы построения этимологического словаря²⁶. Словарь стимулировал развитие этимологических исследований славянской лексики.

В конце 1955 г., когда были получены первые выпуски словаря М. Фасмера, к работе над этимологическим словарем русского языка приступил П.Я. Черных. Словарь был завершён к 1970 г., рукопись сдана в издательство. Смерть автора в 1970 г. надолго отодвинула издание словаря. Только в 1994 г. увидел свет «Историко-этимологический словарь современного русского языка». Словарь написан историком русского языка, и, как следует из названия, большое место в словаре отводится историческим свидетельствам. Заметим, что этимология не тождественна истории слова, она выходит за рамки письменной истории. Но свидетельства древних памятников письменности, факты истории языка, данные диалектов являются необходимой и обязательной составной частью материала, на котором базируется разработка эти-

²⁴ Трубачев О.Н. Из работы над русским Фасмером... С. 382.

²⁵ См.: Jakobson R. Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics VIII. Gravenhage, 1959; Machek V. [рец. на кн.:] M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch // Slavia. 1959. XXVIII. 2.

²⁶ См.: Абаев В.И. О принципах этимологического словаря // Вопросы языкознания. 1952. № 5; Петерсон М.Н. О составлении этимологического словаря русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 5; Шанский Н.М. Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера // Вопросы языкознания. 1961. № 5; Трубачев О.Н. Принципы построения этимологических словарей славянских языков // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 192–210.

мологического решения. В словаре для подавляющего большинства слов указывается время появления слова в языке, приводится иллюстративный материал из памятников письменности соответствующего периода, прослеживается изменение фонетического облика слова, развитие значений. Словарная статья включает в себя заглавное слово, его значение, далее производные образования, сохранившие словообразовательные связи с производящим словом, точные соответствия и родственные образования восточнославянских и других славянских языков. Нередко при отсутствии точного лексико-семантического соответствия приводятся синонимичные лексемы с другой корневой морфемой (ср. русск. *дуло* 'полый ствол огнестрельного оружия' и с.-хорв. *цѣв*, чеш. *hlaveň*, польск. *lufa*). Инославянские соответствия даются и при анализе заимствованных слов, а при отсутствии соответствий — синонимы (ср. русск. *жилет* и блр. *камізэлка*, словен. *telovnik*, чеш. *vesta* < нем. *Weste* и т. д.). В словарь не вошли многие общеупотребительные слова (*коса*, *кови*, *кормыль* и т. д.). Особый интерес представляют включенные в словник новообразования и заимствования недавнего времени (*лавсан*, *лазер*, *робот*, *стиляга* и т. д.). Словарь, адресованный широкому читателю и специалистам, входит в круг широко востребованных справочных пособий по этимологии русских слов²⁷.

С середины 50-х гг. XX в. наблюдается оживление этимологических исследований и обогащение этимологии новыми подходами. Важным этапом в развитии этимологической лексикографии стал опубликованный в 50-е гг. словарь Й. Покорного (*Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949–1959), представляющий в систематизированном виде сведения о родственных связях индоевропейских слов, в том числе и славянских. Исходная форма, реконструируемая Й. Покорным для индоевропейского уровня, объединяет в одно гнездо лексику разных индоевропейских языков. В эти же годы развернулась работа над этимологическими словарями славянских языков: в 1957 г. переиздается словарь Брюкнера, впервые увидевший свет в 1927 г. (*Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego*. Wyd. 2. Kraków), в 1952 г. выходит первый том «Этимологического словаря польского языка» Ф. Славского (*Ślawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków), заметным событием в славистике стал вышедший из печати в 1957 г. «Этимологический словарь чешского и словацкого языков» В. Махека (*Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957). На эти годы приходится работа П. Скока над «Этимологическим словарем хорватского или сербского языка» (*Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974), который был опубликован уже после смерти автора. Эти словари, наследуя традиционные принципы, различаются подходом к этимологии и самое главное — они широко представляют диалектную лексику, показывают значение диалектного материала как очень важного резерва этимологии при восстановлении исходной семантики, словообразовательной структуры слова и т. п. Как справедливо заметил В.Н. Топоров, «каждый новый словарь скорее отражает уже пройденный этап, чем настоя-

²⁷ Варбот Ж.Ж. Предисловие // Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. С. 4–7.

щий, и сразу же по его появлении возникает необходимость или, по крайней мере, желание создать новый этимологический словарь»²⁸.

В нашей стране интерес к этимологии совпал с возрождением сравнительно-исторического языкознания в пятидесятые годы. В пределах небольшой статьи мы можем лишь кратко обозначить те направления, которые способствовали формированию новых взглядов на этимологию. Новый уровень современной этимологической науки связан с именами таких выдающихся ученых, как Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев. С привлечением материалов древнейших индоевропейских языков (клинописного хеттского, тохарского) пришло понимание диалектной множественности исходной системы, до этого восстанавливаемой только через призму греческого и древнеиндийского языков. В университетские программы включаются курсы сравнительной грамматики славянских и индоевропейских языков. Диалектологические обследования всей славянской и русской территории по программе «Общеславянского лингвистического атласа» и атласов национальных языков способствовали расширению материальной базы этимологии. В научных центрах страны выходит большое количество областных диалектных словарей, которые внесли в практику научных исследований большой по объему новый фактический материал. С 1965 г. начинает издаваться сводный «Словарь русских народных говоров» (СРНГ, вып. 1–45–. М.; Л. – СПб., 1965–2013–). С конца 50-х гг. разворачивается работа по созданию исторических словарей русского языка — «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (СДРЯ XI–XIV вв., т. I–IX–. М., 1988–2012–) и «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1–29–. М., 1975–2011–). Активизируются исследования в области исторической лексикологии, результаты которых обсуждаются на конференциях, публикуются на страницах журналов, в сборниках (например: Лексикографический сб. Вып. 1–6. М., 1957–1963; Вопросы славянского языкознания. Вып. 1–. М., 1954–; Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию С.Г. Бархударова. М., 1974; Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978 и многие другие издания)²⁹.

С начала 60-х годов начинают появляться сборники, специально посвященные вопросам этимологии. С 1960 г. в МГУ выходят сборники под названием «Этимологические исследования по русскому языку» (вып. 1–10. М., 1960–1993).

С 1961 г. в Отделе этимологии и ономастики Института русского языка РАН под руководством О.Н. Трубачева развернулась работа над «Этимологическим словарем славянских языков», а с 1963 г. под редакцией О.Н. Трубачева начинает издаваться сб. «Этимология», на страницах которого ведущими этимологами освещаются актуальные вопросы русской, славянской и индоевропейской этимологии. Монографические исследования, посвященные анализу отдельных, культурно значимых тематических групп лексики (названия домашних животных, ремесленная терминология, социальная терминология и т. п.), показали важность этимологии для

²⁸ Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1–2. М., 2005–2006. Т. 1. С. 20.

²⁹ Более подробные сведения можно найти на сайте: www.etymolog.ru.

культурно-исторической реконструкции фрагментов древней культуры. Этимология является тем инструментом, с помощью которого извлекаются исторические данные, отраженные в языке³⁰. Вместе с тем эти работы продемонстрировали лингвистическую обусловленность слова, функционирующего в рамках определенных парадигматических отношений. Благодаря исследованиям ономастического материала пришло понимание того, что топонимы, гидронимы, этнонимы, нередко отражающие древние нарицательные слова, в ряде случаев уже исчезнувшие из словаря, являются источником наших знаний о древней лексике и о культурной истории³¹. Основываясь на сравнении, сопоставлении близкородственных слов в рамках одного и нескольких родственных языков, современная этимология не ограничивается восстановлением исходной формы и по возможности исходного значения, в ее задачи входит также восстановление семантической мотивации слова и последовательной его истории и т. п. Семантика приобретает ключевое значение при восстановлении первоисточника слова. Вхождению семантики в этимологическое пространство способствовали классические труды Э. Бенвениста³². Осмысление приемов семантической реконструкции находим в теоретических работах и в конкретных этимологических исследованиях В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева³³. В трудах В.Н. Топорова предметом обсуждения стали методы этимологического анализа, теоретические аспекты этимологии, осмысливается место этимологии в науке о языке и т. п.³⁴.

В начале 1960-х гг. формируется новая концепция происхождения и развития праславянского языка, в которой взгляд на праславянский язык как единое монолитное образование сменяется более сложным пониманием, в основе которого лежит идея изначальной диалектной дробности праславянской системы и соответственно автономности диалектных состояний лексики³⁵. Важная роль в раскрытии этимологии отводится показаниям лингвистической географии³⁶.

В современном понимании этимология — это наука, опирающаяся в своей методике на синтез разнообразных критериев и широкие культурно-исторические знания³⁷. Современная этимология требует изучения слова, его фонетической, слово-

³⁰ См. труды О.Н. Трубачева: Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960; Из истории названий каш в славянских языках. М., 1960; Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

³¹ См.: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубачев О.Н. Гидронимия Правобережной Украины. М., 1968.

³² Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц. / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1974; Benveniste É. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1–2. Paris, 1969.

³³ Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 123–153.

³⁴ Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004. С. 19–40; Еще раз о некоторых теоретических аспектах этимологии // Там же. С. 41–47.

³⁵ Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963. С. 3 и след.; он же. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 479 и след.

³⁶ Трубачев О.Н. Лингвистическая география и этимологические исследования. С. 211–239.

³⁷ Трубачев О.Н. Этимология // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 61.

образовательной и семантической структуры на основе комплексной методики в широком культурно-историческом контексте. Как пишет В.Н. Топоров, этимология по существу «сводится к комбинации ряда средств анализа, заимствованных из фонетики, словообразования, морфологии, лексикологии, семантики и других дисциплин, с целью решить проблему, относящуюся к сфере исторического языкознания, — проблему происхождения слова»³⁸. Этимология может быть признана вероятной при условии согласования показаний всех языковых аспектов.

Новые теоретические подходы к этимологическому изучению языка, исследования всех языковых уровней — морфонологии, словообразования, семантики, лексики — способствовали расширению общего лингвистического пространства этимологических поисков, переходу от корневой этимологии к поискам соответствий с исторически тождественными характеристиками в плане морфонологии и словообразования. Принцип расчлененной лексико-словообразовательной организации материала в словаре последовательно проводится в «Этимологическом словаре польского языка» Ф. Славского. Этимологическая методика нового времени наиболее полное воплощение получила в словарях, издаваемых в Москве и Кракове, это — «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (вып. 1–38. М., 1974–2012–) и «Słownik prasłowiański (t. 1–8. Kraków, 1974–2001–)»³⁹. Эти словари ориентированы на реконструкцию и этимологизацию праславянского лексического фонда.

С начала 70-х годов активизировалась работа над этимологическими словарями славянских языков: отдельными томами выходят «Болгарский этимологический словарь» (Български етимологичен речник. Т. 1–7. София, 1971–2011–), «Этимологический словарь словенского языка» (Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–4. Ljubljana, 1976–2005), «Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языка» (*Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1978–1989*), «Этимологический словарь старославянского языка» (Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1–16. Praha, 1989–2012–). Начинается работа над «Этимологическим словарем сербского языка» (Етимолошки речник српског језика. Св.1–2. Београд, 2003–2006–). Расширяет индоевропейскую и особенно балтийскую перспективу «Прусский словарь» В.Н. Топорова (А–L, 1975–1990). Обогащают и углубляют понимание многих этимологических проблем исследования лингвистических контактов восточнославянских языков с германскими (см. *Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963*), тюркскими (см. работы Н.К. Дмитриева и др.), иранскими (*Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.; Л., 1958–1989*), финно-угорскими языками (см. труды А.К. Матвеева, С.А. Мызникова и др.) и т. д. Благодаря этим исследованиям на фоне широкого

³⁸ Об этих словарях см.: *Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (Опыт параллельного чтения) // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 350–364.*

³⁹ Подробнее об этих словарях см.: *Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 350–364.*

охвата этимологической лексикографией славянских и индоевропейских языков, русское и шире — восточнославянское — слово предстает в более глубокой временной и пространственной перспективе.

Возникает идея создания самостоятельного этимологического словаря для каждого восточнославянского языка. Начинается подготовительная работа по созданию этимологических словарей украинского и белорусского языков. Первый том «Этимологического словаря белорусского языка» («Этымалагічны слоўнік беларускай мовы». Мінск) вышел из печати в 1978 г. (к 2008 г. вышло 12 томов), а с 1982 г. публикуется «Этимологический словарь украинского языка» (Етимологічний словник української мови. Т. 1–6–. Київ, 1982–2012–).

Проблемы славянской этимологии стали предметом обсуждения на Международных этимологических симпозиумах, которые, начиная с 1967 г., регулярно проходили в Москве, Лейпциге, Брно, Белграде. В этих условиях на новом уровне развития этимологии ощущается потребность в новом этимологическом словаре русского языка, который вобрал бы в себя опыт современной науки и смог бы охватить в полном объеме лексику с учетом диалектных материалов, как уже имеющихся, так и новых, а также учесть выходящие в свет исторические словари и многочисленные публикации по этимологии русских и славянских слов. Если словари, построенные на материале всех славянских языков, нацелены на восстановление общей исходной основы и исходной семантики соотносимых слов, а также на выявление общих процессов, объединяющих разные части славянского языкового ареала, то словари отдельных славянских языков призваны выявить то общее, что объединяет данный язык с другими языками, и то, что составляет специфику национальной лексики на общеславянском фоне. В историко-культурном плане каждый язык имеет свои особенности, которые определяются положением языка на славянской карте, историей его развития, местом, которое ему отводится в лингвоэтнических процессах. В этимологических словарях национальных языков иной подход к отбору лексики: в состав словника национального языка включается лексика литературного языка, диалектизмы, заимствования разного времени, новообразования эпохи самостоятельного развития языка.

Возникают проекты новых этимологических словарей русского языка. К сожалению, по ряду причин все попытки «создать нового Фасмера» пока остались unrealized.

В конце 50-х годов в МГУ по инициативе акад. В.В. Виноградова был создан «Кабинет Этимологического словаря (= Лаборатория этимологических исследований)», перед коллективом которого ставилась задача создания нового «Этимологического словаря русского языка». О.Н. Трубачев, кратко останавливаясь на первых шести выпусках (А–З), отмечал отсутствие многих достаточно распространенных и устаревших слов исконного происхождения с глубокими славянскими и индоевропейскими связями, среди них *глива*, *глог*, *глузд*, *глуда*, *глыза* и т.д.⁴⁰ Первоначаль-

---

⁴⁰ Трубачев О.Н. Этимологические исследования восточнославянских языков... С. 370.

но планировалось, что словарь будет состоять из восьми томов, в двух дополнительных томах предполагалось дать этимологии диалектизмов и устаревших слов. Время внесло свои коррективы в первоначальные планы. За более чем 60 лет, прошедших с момента начала работы над словарем, вышло из печати 10 выпусков: 8 выпусков (А–К) опубликовано под редакцией Н.М. Шанского, последние выпуски (9-й на Л — 1999 г. и 10-й на М — 2007 г.) вышли уже под редакцией А.Ф. Журавлева и Н.М. Шанского. Словарь, преследующий учебно-просветительские цели, содержит полезную информацию о распространении слова, наличии соответствий в славянских языках (ср. пометы: собственно русское, общеславянское, общеславянское с балтийскими соответствиями и т. п.), о способах образования слова на русской почве. В словаре со ссылками на картотеки исторических словарей и другие источники указывается время первой фиксации слова. Наиболее детально разработаны заимствования нового времени, разного рода кальки. В словаре находим ссылки на известные этимологические словари и некоторые этимологические исследования. Последние 9-й и 10-й выпуски отличает большая строгость и четкость в организации материала. Во многих отношениях в последних выпусках использован опыт этимологизации соответствующих слов в «Этимологическом словаре славянских языков» (вып. 13–21), подготовленном под руководством акад. О.Н. Трубачева. К сожалению, в словаре практически отсутствуют самостоятельные этимологические разработки, в нем, особенно в первых выпусках, немало неточностей, опечаток, о чем писалось в прессе.

В последние годы интенсивно работал над подготовкой нового «Этимологического словаря русского языка» Вл. Орел. В 2007 г. в Канаде вышли два тома из задуманных им четырех томов⁴¹, они охватывают лексику в объеме А–О. При составлении словника автор исходил из лексикона, представленного в словарях В.И. Даля и Д.Н. Ушакова. В словник вошло много заимствований нового времени (ср. *афедрон*, *дефис*, *джаз*, *джинсы* и т. д.). Автором предложено немало новых этимологических решений (ср. *дождь*, *боров*, *глыба* и др.), внесены уточнения в хронологию заимствований. К достоинствам словаря следует отнести использование новейшей литературы при этимологизации русской лексики. После ухода из жизни автора следующие два тома, третий и четвертый (Т–Я), были подготовлены его коллегами (В. Шеворошкин и Синди Дроуер-Дэвидсон) уже по рукописным материалам и опубликованы в 2011 г.

Ответом на потребность общества в этимологической литературе стала серия кратких этимологических словарей в помощь учителю. Одним из первых в этой серии является небольшой «Школьный этимологический словарь» (Калинин, 1955). В 1961 г. вышел морфемно-корневой словарик под названием «Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя» трех авторов — Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская (М., 1961)⁴². Из других популярных словарей назовем

---

⁴¹ *Orel Vladimir*. Russian Etymological Dictionary. Book 1: А–Й; Book 2: К–О. Canada, 2007.

⁴² См.: *Трубачев О.Н.* [Рец.] Об одном опыте популяризации этимологии // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 129–135.

«Этимологический словарь русского языка» Г.П. Цыганенко (Киев, 1970), «Этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой (М., 1994) и т.д.⁴³

О.Н. Трубачев объективно оценивал появление целого ряда этимологических словарей русского языка, выпущенных за последние десятилетия специально для школы, поскольку, по его мнению, они «вряд ли продвигают дальше этимологическую науку, да и для учащихся и для учителей не столь полезны, как это имелось в виду, потому что популяризация — дело не только трудное, но и нуждающееся в прочной научной основе и особенно точном знании фактов»⁴⁴.

В последние годы возникают новые проекты этимологического словаря русского языка. В 1986 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН была организована группа этимологического словаря современного русского литературного языка (руководитель доктор филологических наук И.С. Улуханов). Небольшим коллективом энтузиастов была создана Картотека экскерпций из этимологической литературы, опубликованной после выхода в свет словаря М. Фасмера, т. е. начиная с конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. Эта картотека остается ценным источником сведений по истории этимологического изучения русских и славянских слов. Предполагалось, что из словарной статьи, в своем объеме не скованной жесткими рамками, читатель почерпнет всю имеющуюся на тот момент информацию о происхождении слова, а именно: 1) время первой фиксации слова в памятниках письменности, для заимствований время первой фиксации в истории языка, 2) перечень основных славянских соответствий, 3) обзор этимологических версий, 4) анализ словообразовательной структуры слова и его семантики. К сожалению, работа, так активно начавшаяся, по разным причинам была прервана. К 1993 г. группа распалась, и тема была закрыта. На основе подготовленных материалов были составлены этимологические сборники «Из истории русских слов» (М., 1993), «Новое в русской этимологии. I.» (М., 2003).

В недавнее время в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН вернулись к идее создания «Этимологического словаря русского языка» на базе существующей в Институте этимологической картотеки. К реализации этой идеи приступил чл.-корр. РАН А.Е. Аникин. Им подготовлены и опубликованы шесть выпусков словаря, каждый объемом 20 а.л., в каждом около 1000 словарных статей (1: *А-аяюшка*. М., 2007; 2: *б-бдынь*. М., 2008; 3: *бе-болдыхать*. М., 2009; 4: *боле-бтарь*. М., 2011; 5: *буба I –вакштаф*. М., 2011; 6: *вал I-вверять*. М., 2012; 7: *вершь I-внятьсь II*. М., 2013). В задачи словаря входит максимально полный охват лексики русского языка. Помимо лексики литературного языка, словарь содержит диалектную лексику, почерпнутую из СРНГ и региональных диалектных словарей, лексику древне-(старо)-русского языка из СДРЯ XI–XIV вв., СлРЯ XI–XVII вв., Словаря русского языка XVIII в. В составе словника находим собственные имена, топонимы.

В словаре значителен по объему пласт заимствованной лексики, источником которой послужили европейские языки и языки финно-угорской группы. В основу

⁴³ Подробнее см. на сайте: www.etymolog.ru (литература к курсу «Этимология»).

⁴⁴ Трубачев О.Н. Этимологические исследования восточнославянских языков... С. 368.

этимологической интерпретации этой лексики положены исследования А.Е. Аникина, посвященные заимствованиям в русском языке из языков Сибири. В 90-е годы А.Е. Аникиным подготовлен и опубликован «Этимологический словарь русских диалектов Сибири»⁴⁵. Хотя исконный фонд русской сибирской лексики находит отражение в этимологических словарях, все же остается немало слов, не учтенных и не проанализированных словарями. В словаре М. Фасмера многие сибирские слова идут с пометой «темное». В предисловии А.Е. Аникин следующим образом определяет цель словаря: «Дать возможно полное описание заимствованного фонда апеллятивной лексики старожильческих диалектов/говоров Сибири, т. е. диалектов, носители которых являются потомками русских первопроходцев или первопоселенцев. В пространственном отношении речь идет о территориях от Зауралья до берегов Тихого океана»⁴⁶. В своем исследовании автор опирается на накопленный опыт изучения диалектного материала, собранного научными центрами и вузами разных городов Сибири (Красноярска, Томска, Улан-Удэ, Иркутска, Новосибирска, Омска и др.).

Опубликованные выпуски словаря дают богатый материал для размышлений над проблемой языковых контактов, языкового взаимодействия в разные эпохи. Без учета опыта этого словаря нельзя изучать проблематику русских диалектных связей с финно-угорскими языками и диалектами. Словарь вносит много нового в изучение языковых контактов с европейскими языками: уточняется источник заимствования, значение, пути проникновения слова в русский язык и т. п.

В словаре детальную разработку получает проблема балто-славянских языковых отношений. «Русский этимологический словарь» с установкой на выделение балто-славянских соответствий имеет прямое отношение к проблеме лингвогенеза славян. Большой опыт в изучении балто-славянских лексических схождений призван дополнить данные других языковых уровней при решении вопроса, является ли древнейшая праславянская модель продолжением прабалтийской, возводима ли она к прабалтийской, или праславянский языковой тип сложился как самостоятельное целое независимо до эпохи балто-славянских связей. Занимаясь исследованием проблемы балто-славянских отношений, О.Н. Трубачев особо подчеркивал, что давно назрела необходимость в конкретизации аспектов балто-славянских лексических схождений, что необходимо провести проверку и уточнение накопленного материала, пересмотреть балто-славянские изолексы с точки зрения каждого конкретного языка⁴⁷. На решение этой задачи нацелен словарь А.Е. Аникина. Балто-славянские схождения, занимающие значительное место в словаре, остаются весьма трудоемким материалом, требующим подробного, детального рассмотрения с учетом всех имеющихся данных. В словаре пересматриваются многие традиционные решения, ставится под сомнение достоверность многих принятых в литературе сопоставлений как генети-

---

⁴⁵ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

⁴⁶ Там же. Предисловие. С. 6.

⁴⁷ Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Трубачев О.Н. Труды... Т. 1. С. 290–291.

ческих параллелей: ср. рус. *вар* 'кипяток; жар, зной и др.' и лит. вост. *võras* 'кипяток' или *vāris* 'медь'. Во многих случаях речь идет о древнем слое лексики, глубоко включенном в систему словообразовательно-этимологических связей в балтийских языках, что затрудняет решение вопроса в ту или иную сторону. Когда разрешающие возможности материала ограничены, в словаре обзревается и оцениваются с разных сторон существующие подходы к пониманию характера конкретных лексических сходжений, и таким образом проблема предстает во всей полноте и сложности. Большой конкретный материал словаря в дальнейшем послужит основой для выделения корпуса достоверных балто-славянских лексических соответствий.

В Санкт-Петербурге проф. А.С. Гердом разрабатывается проект «Регионального этимологического словаря», ориентированного на определенный диалект (наречие, диалектную зону), который уже выделен, обоснован и в целом описан ранее. Целью такого словаря должна стать «не абсолютная дальняя этимология слова, формы, а выяснение прежде всего того, как, какими путями, откуда и когда проникло то или иное слов в этот ареал, в данный диалект»⁴⁸. Автор полагает, что в идеале такой словарь должен быть историко-семантическим, поскольку «подлинная история слова вряд ли возможна вне полной семантической истории всего гнезда слов, анализа целостных лексико-семантических групп и семантических полей»⁴⁹. Материалы к словарю, опубликованные на страницах сб. «Севернорусские говоры» (вып. 6 и 8), рассматриваются автором как пробные, подлежащие дальнейшей коррекции. Как полагает автор, к сводному этимологическому словарю не приложимо понятие «дифференциальное», объектом исследования должны стать не отдельные экзотические диалектизмы, а все слова, любое слово диалекта. Как полагает А.С. Герд, диалектный этимологический словарь должен определить происхождение отдельных контекстов (ср. *лук пал* 'завял'), устойчивых, лексически связанных сочетаний слов на славянском фоне, установить распространение слова, выявить направления миграции слова⁵⁰.

Составной частью словаря является ономастический материал. В отдельные словари и исследования вынесены антропонимы, топонимы. При исследовании русских антропонимов основополагающими стали труды В.К. Чичагова⁵¹, Б.О. Унбегауна⁵², исследования О.Н. Трубочева⁵³. В сб. «Этимология» за разные годы опубликован «Опыт словаря русских фамилий» В.А. Никонова⁵⁴. Широкому читателю адре-

⁴⁸ Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. Вып. 6. СПб., 1995. С. 85.

⁴⁹ Герд А.С. Региональный этимологический словарь // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбот. М., 2006. С. 103 и след.

⁵⁰ Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (*И, К, Л, М*) // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. Вып. 8. СПб., 2004. С. 173.

⁵¹ Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. Вопросы русской исторической ономастики 15–17 вв. М., 1959.

⁵² Унбегауна Б.О. Русские фамилии. Пер. с англ. М., 1989.

⁵³ Трубочев О.Н. Труды... Т. 2. С. 103–153.

⁵⁴ Никонов В.А. Опыт словаря русских фамилий // Этимология 1970. М., 1972; Этимология 1971. М., 1973; Этимология 1973. М., 1975; Этимология 1974. М., 1976.

сованы публикации В.А. Никонова под названием «Из словаря русских фамилий» на страницах журнала «Русская речь» в 1976–1986 гг.⁵⁵ и многих других авторов⁵⁶.

Подготовительная работа по изучению топонимов еще далека до завершения. Можно назвать лишь немногие работы, посвященные этимологизации топонимов. Полезным пособием, в котором читатель может найти справку по этимологии основных топонимических названий, является «Краткий топонимический словарь» В.А. Никонова. Двумя изданиями (М., 1984 и 1999 гг.) вышел двухтомный словарь Э.М. Мурзаева «Словарь народных географических терминов». В последние годы появилось немало региональных топонимических словарей, в которых также можно найти историко-этимологическую информацию⁵⁷.

Подготовка нового словаря — задача трудоемкая и трудновыполнимая не только по причине большого объема фактического материала и необходимости длительной подготовительной работы. Создание нового словаря требует широкого диапазона знаний, владения современной методологией, понимания автором праславянской проблематики, лингвоэтнических процессов, процессов формирования славянских языковых групп, характера диалектных связей и т. п. Существует еще личностный фактор. Этимологический словарь несет на себе печать личности автора, отражает круг его научных интересов, понимание задач этимологической науки, славянского лингвогенеза.

---

⁵⁵ Никонов В.А. Из словаря русских фамилий // Русская речь. 1976. № 1–6; 1977. № 2–6; 1978. № 1–3, 5, 6; 1979. № 1–5; 1980. № 1–5; 1981. № 1–3, 5, 6; 1982. № 1, 2, 4, 5; 1983. № 2, 5; 1984. № 1, 6; 1985. № 2, 6; 1986. № 3, 4, 6. См. еще: Из рязанских фамилий // Русская речь. 1985. № 5.

⁵⁶ Подробнее см. сайт www.etymolog.ru (литература к курсу «Этимология»: «Антропонимия»).

⁵⁷ Полный перечень региональных топонимических словарей со справками историко-этимологического характера можно найти в словаре Э.М. Мурзаева (Т. I. С. 5). Из последних работ см.: Воробьев В.М. Тверской топонимический словарь. М., 2005; Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли. Великий Новгород, 2005 и др. См. также сайт www.etymolog.ru (литература к курсу «Этимология»: «Ономастика»).

Часть 3

ЛЕКСИКОГРАФИЯ В РОССИИ

Ю.Д. АПРЕСЯН
(Москва, Россия)

**«НОВЫЙ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ
СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ***

Предлагая вниманию читателей второе издание Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (НОССа), естественно напомнить его родословную и главные теоретические принципы, на которых он строится.

Непосредственным прототипом для НОССа послужил АРСС¹, вышедший в 1979 году и реализующий теоретическую концепцию, разработанную в моих предшествующих исследованиях². АРСС определил главное в НОССе — общую схему и многоаспектный тип описания сходств и различий между синонимами. Узловыми элементами этой схемы являются:

1) Аналитическое толкование общей части значений всех членов данного синонимического ряда на специальном метаязыке.

2) Использование семантических признаков, по которым сравниваются элементы ряда. Уже в АРССе признаки выделялись в отдельную зону (которая теперь называется синопсисом), если их число превышало два. Большинство этих признаков являются «сквозными», т. е. общими для нескольких или многих синонимических рядов. Именно в таких признаках с наибольшей отчетливостью обнаруживают себя системные принципы организации лексики.

3) Сопоставление синонимов по этим признакам, с выделением семантически более тесно спаянных групп и подгрупп внутри ряда и указанием всех сходств и различий между группами и отдельными синонимами в области значений, прагматики, семантического акцента, коннотаций и референциальных особенностей.

4) Анализ контекстуальных (семантических, синтаксических, сочетаемостных, морфологических), прагматических и иных условий нейтрализации различий между синонимами.

5) Указание лексем, семантически близких к тем, которые являются предметом рассмотрения в данном ряду (зона примечаний).

---

* Печатается с незначительными сокращениями и мелкими редакционными поправками.

¹ Англо-русский синонимический словарь. Коллектив авторов: Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева, М.А. Мосягина, И.В. Полик, В.И. Ракитина, А.И. Розенман, Е.Е. Сретенская. Под руководством А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. М., 1979. К настоящему времени этот словарь выдержал восемь переизданий.

² См. Апресян Ю.Д. Проблема синонима // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 84–88; он же. О словаре синонимов Вебстера // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. № 3. С. 159–164; он же. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; он же. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. Коллектив авторов: Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева, М.А. Мосягина, И.В. Полик, В.И. Ракитина, А.И. Розенман, Е.Е. Сретенская. Под руководством А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. М., 1979. С. 502–543.

6) Описание конструктивных и сочетаемостных сходств и различий между синонимами.

7) Демонстрация всех выявленных свойств синонимов на достаточно представительном литературном материале, который выделяется в особую зону иллюстраций и служит одновременно основанием для установления этих свойств.

В НОССе реализована эта базовая схема описания синонимов. Однако в других отношениях он пошел дальше своего прототипа.

Прежде всего, он отражает существенно более высокий уровень лингвистической семантики конца 90-х годов. Этим объясняется его повышенный интерес к языковой картине мира и системным явлениям в лексике; к мотивированным связям между разными свойствами одной и той же лексемы, например, между ее значением и просодией; к семантическим взаимодействиям данной лексемы с другими единицами языка в тексте.

Кроме того, НОСС опирается на гораздо более обширную и адекватную современному языку базу фактов, чем АРСС. Последний составлялся на основе ограниченной картотеки примеров, в основном из литературы XIX и самого начала XX веков, поскольку при советской власти почти вся современная англоязычная литература и пресса находились под идеологическим запретом и не подлежали цитированию. В результате картина той части английской лексики, которая вошла в АРСС, оказалась в какой-то мере анахроничной относительно оригинала.

Наконец, в АРССе предметом описания был английский язык, который ни для кого из составителей не был родным. Нет нужды говорить о том, насколько большей глубины понимания слова, его системных связей с другими словами в словаре и его регулярных взаимодействий с другими языковыми единицами в тексте можно достичь на материале родного языка. Можно надеяться, что и в этом отношении в НОССе удалось получить лучшие результаты.

Перейдем теперь к его главным теоретическим принципам. Именно принципы словаря определяют объем помещаемой в нем лексикографической информации и его специфику по сравнению с другими аналогичными словарями.

НОСС основан на следующих семи принципах: активность, системность, интегральность, ориентация на отражение языковой, или «наивной», картины мира, использование специальных метаязыков для описания всех существенных свойств лексем, комбинирование методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики, идеографичность.

1. **А к т и в н о с т ь.** Словарь должен содержать по возможности исчерпывающую информацию о каждой лексеме, необходимую не только для ее понимания в произвольном тексте, но и для ее правильного использования в своей собственной речи. Очевидно, что установка на активность требует принципиального расширения языковой информации, подлежащей включению в Словарь: в сущности, речь идет о том, чтобы описать языковую компетенцию говорящих (владение языком) в полном объеме. В связи с этим традиционно включаемые в толковые словари типы информации (о значениях, сочетаемости и стилистических свойствах слов) серьез-

но расширяются. Еще более существенно то, что кроме них в Словарь включаются совершенно новые типы лексикографической информации: о синтаксических сходствах и различиях между синонимами; о различиях и сходствах в составе их словоизменительных парадигм; о правилах взаимодействия лексических значений с грамматическими (например, с разными значениями граммем вида, залога, наклонения и т. п.); о коммуникативно-просодических свойствах и прагматике лексем в случае, если такие свойства для них специфичны; об условиях нейтрализации различий между синонимами.

2. **Системность.** Предполагается, что вся семантическая система языка покоится на едином каркасе повторяющихся, «сквозных» семантических оппозиций. В лексике они проявляют себя в том, что весь словарь сложным образом разбивается на многократно пересекающиеся классы лексем (лексикографические типы), обладающие какими-то общими свойствами. В силу общности этих свойств они одинаково или очень похожим образом реагируют на различные лингвистические правила. Элементарным лексикографическим типом является синонимический ряд. Системное описание каждого ряда имеет два аспекта. Во-первых, поскольку данный ряд синонимов обычно соприкасается с другими близкими ему по смыслу синонимическими рядами, он сравнивается с ними и, если это возможно, вместе с ними вписывается в более крупный фрагмент лексико-семантической системы языка (зона Прембулы). Во-вторых, сравниваются между собой отдельные элементы данного синонимического ряда. В обоих случаях описываются наиболее существенные сходства и различия между сравниваемыми объектами; в обоих случаях сравнение осуществляется на основе общего арсенала семантических признаков. При переходе от первой задачи ко второй принципиально меняются только сами объекты описания. Впрочем в соответствии с основной задачей синонимического словаря сравнение отдельных элементов ряда между собой выполняется гораздо более подробно. В частности, для каждой лексемы указываются все ее специфические семантические свойства, независимо от того, можно ли их выразить через общие семантические признаки или нельзя. Наш Словарь является одновременно и словарем лексикографических типов, и словарем лексикографических портретов.

3. **Интегральность.** Описание лексики данного языка должно быть максимально согласовано с описанием его «грамматики» в широком смысле слова, т. е. со сводом всех достаточно общих правил данного языка. В их число мы включаем, помимо морфологических и синтаксических правил, еще и сочетаемостные, семантические, прагматические, коммуникативно-просодические и иные правила построения высказываний. Тем самым делается попытка преодолеть традиционно существовавший в лингвистике разрыв между грамматическим и лексикографическим описанием языка.

4. **Ориентация на отражение «наивной», или языковой, картины мира.** При описании очередного синонимического ряда мы пытаемся увидеть в нем определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку. Это особое мировидение может отличаться как от научной кар-

тины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присущих другим языкам. При реконструкции таких фрагментов (наивной этики, наивной анатомии, наивной психологии, наивной телеологии, наивной физики пространства и времени, наивной риторики и т. п.) используются только языковые данные. В свою очередь, реконструированные фрагменты служат теоретической основой для дальнейших лексикографических описаний.

5. Использование специальных метаязыков для описания всех существенных свойств лексем, начиная с семантических и кончая морфологическими и синтаксическими. Самый важный из этих метаязыков — семантический. На нем выполняются аналитические толкования общей части значений всех лексем, входящих в данный синонимический ряд. Это подязык русского языка, использующий относительно простые лексемы, основные грамматические формы слов в их главных значениях и простейшие синтаксические конструкции. При этом словарь семантического метаязыка сводим к небольшому числу семантических примитивов — таких лексем, которые не могут быть истолкованы через какие-либо комбинации более простых лексем без тавтологических кругов.

6. Комбинирование методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики. Словарь составлялся на основании машинного корпуса текстов, который содержит 1650 источников общим объемом в 34 000 000 словоупотреблений. В него вошли все основные жанры словесного творчества — художественная проза, драматургия, поэзия, литературная критика, мемуары, публицистика, история, философия, поэзия; произведения русской классической литературы, литературы «серебряного века» и современных авторов; журнальные и газетные материалы. Широко использовались также записи разговорной речи и тексты, обращающиеся в Интернете, в особенности на его новостных лентах. Этот корпус служил и эмпирической базой исследования, и источником иллюстраций. Кроме того, широко использовался лингвистический эксперимент, в частности специально маркируемый «отрицательный языковой материал», т. е. примеры того, как по-русски говорить нельзя или не рекомендуется.

7. Идеографичность. При установке на системное описание лексики естественно руководствоваться не алфавитным, а идеографическим принципом исследования материала, т. е. обрабатывать сразу большие семантические поля слов. Таковы, например, синонимические ряды со значением речевых актов, эмоций и ментальных состояний человека; лексика, описывающая «наивную анатомию», или «наивную этику», или причинно-следственные отношения, или целеполагание, или идею уступки и т. п. Именно таким образом реально обрабатывался материал Словаря.

Перечисленные принципы и составляют, в сущности, общую теоретическую концепцию Словаря и определяют весь диапазон типов помещаемой в нем лексикографической информации. Более подробно оба эти вопроса рассматриваются во вводных материалах, посвященных структуре словарной статьи Словаря и используемой в нем лингвистической терминологии.

Первая из названных статей воспроизводит, с рядом принципиальных уточнений, фрагмент моей работы «Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации», опубликованной в 1995 г. в Проспекте НОССа³. В ней подробно излагается структура словарной статьи. Именно зонная структура и состав словарной статьи являются реальным воплощением лежащей в основе любого словаря теории и позволяют продемонстрировать ее максимально предметным образом.

Во второй статье, основная часть которой представляет собой небольшой толковый словарик используемой нами лингвистической терминологии, сжато излагается, в сущности, и концепция интегрального описания языка, и та московская версия современной теоретической семантики, которые легли в основу работы над Словарем.

Второе издание Словаря содержит 355 словарных статей. В 354 из них описываются различные синонимические ряды русского языка. В одной статье — [ЗНАНИЕ] и [МНЕНИЕ] — представлен новый жанр. Речь идет об описании важнейших языковых и культурных концептов, тесно связанных в языковой картине мира, хотя и не являющихся синонимами. Этот новый жанр возник в результате осознания того факта, что описание синонимических рядов не дает достаточно полного охвата фундаментальных семантических оппозиций, образующих каркас семантической системы языка. Были задуманы и другие словарные статьи концептов, например [ПРИЧИНА] и [ЦЕЛЬ], однако из-за нехватки времени этот замысел не был реализован в полном объеме.

Большинство синонимических рядов, публикуемых в Словаре, объединены общей идеей человека, т. е. отобраны по принципу антропоцентричности. Это лексика, описывающая тело и душу человека, его физиологические и эмоциональные реакции на мир, различные физические, речевые, ментальные и волевые действия, состояния и свойства, продукты его деятельности, жилище, социум, отношения с другими людьми, цели и профессиональную деятельность, этические, эстетические и иные ценности и многое другое.

Конечно, человеческие языки не только антропоцентричны. Весьма интересными общими свойствами отраженной в них наивной картины мира являются, например, ее гелиоцентричность и геоцентричность, до последнего времени не замечавшиеся и не оцененные по достоинству. Однако антропоцентрическая лексика уникальна как по разнообразию и полноте представленных в ней лексикографических типов, так и по своей фундаментальности. Нет никаких других концептов, которые могли бы конкурировать с антропоцентрическими в этом отношении. При достаточной глубине семантического анализа (декомпозиции сложных значений в комбинации все более простых, вплоть до семантических примитивов) представление о человеке обнаруживается в самых неожиданных слоях словаря. Замечательно, что это представление служит опорой не только для лексики языка, но и для его грамматики.

---

³ См. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995. С. 7–118.

Антропоцентрическая лексика создает идеальную основу для постановки и решения любых общих лексикографических проблем. Аппарат теоретических понятий и технических средств, выработанный на этом материале, имеет наилучшие шансы оказаться применимым далеко за его пределами. Это относится, в частности, к тому арсеналу общих семантических оппозиций, который обсуждался выше в связи с принципом системности. Поясним, что мы имеем в виду.

Значительная часть семантических признаков, по которым различаются, например, элементы глагольных синонимических рядов, извлекается из их актантной структуры: различия обычно касаются действий, целей, состояний и свойств субъектов и отношений между ними; свойств и состояний объектов; свойств адресатов, инструментов, средств, мест, времен и т. п. В синонимических рядах существительных, описывающих природные объекты, важнейшую роль играют различия по признакам формы, цвета, размера, материала, внутренней структуры, способов использования и т. п. В синонимических рядах существительных, обозначающих артефакты, к этим различиям добавляются различия в функциях и назначениях предметов. В синонимических рядах глаголов и существительных, обозначающих эмоции, абсолютно регулярны различия по признакам фактора, вызывающего эмоцию, интеллектуальной оценки этого фактора субъектом, характера, интенсивности и глубины эмоции, желаний, которые она порождает, внешних способов ее проявления и т. п. В синонимических рядах лексем, описывающих акты речи, вполне регулярны оппозиции 'знание' – 'мнение', 'человек' – 'высшая сила', 'эмоциональное состояние' – 'его проявление', 'многократность' – 'однократность' и т. п.

Хотелось бы надеяться, что результаты такой систематизации лексики окажутся полезными и за пределами собственно синонимической лексикографии.

* * *

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ СЛОВАРЯ

0. Общие замечания

Словарная статья делится на зоны и подзоны, в каждой из которых сообщается определенный тип информации о синонимах. Восемь зон посвящены детальному описанию различных свойств самих синонимов: 1. вход (шапка) словарной статьи, с подзонами толкования и примеров употребления (лексикографических речений); 2. преамбула; 3. значение, с подзонами синопсиса и подробного описания содержательных сходств и различий между синонимами; 4. примечания; 5. формы; 6. конструкции; 7. сочетаемость; 8. иллюстрации. Сверх этого в словарной статье может содержаться до девяти справочных зон: 9.1. фразеологические синонимы, 9.2. аналоги, 9.3. точные конверсивы, 9.4. неточные конверсивы, 9.5. конверсивы к аналогам, 9.6. точные антонимы, 9.7. неточные антонимы, 9.8. дериваты, 9.9. библиография.

Для рельефной демонстрации сходств и различий между синонимами (семантических, синтаксических, сочетаемостных и иных) используется большой набор лек-

сикографических приемов. Главный из них — воспроизведение, на материале лексикографических речений или цитат из текстов, типичных языковых условий употребления синонимов. Кроме того, широко используется лингвистический эксперимент, особенно конструирование так называемых минимальных пар (коротких фраз, в которых замена одного синонима на другой либо изменяет смысл высказывания, либо нарушает его грамматическую правильность). К другим приемам такого рода относятся ссылки на типичные контексты или прагматические ситуации, в которых данный синоним может или не может быть использован, на связанные с ним культурные реалии, на внутреннюю форму слова и т. п., а также сравнение данной лексемы с ее аналогами, производными, с другими значениями данного слова.

Язык описания во всех зонах словаря относительно свободный. Ограничения накладываются только на язык толкований, формулировку признаков, являющихся для данного ряда различительными, и описание грамматических форм, синтаксических конструкций и сочетаемости синонимов. Все такие формулировки максимально унифицируются, чтобы непосредственно из их текста были ясны системные, т. е. повторяющиеся в нескольких или многих рядах сходства и различия между синонимами.

Перейдем к кратким комментариям по поводу состава каждой из перечисленных выше зон.

1. Вход словарной статьи

Входом словарной статьи является сам синонимический ряд, т. е. группа лексем, в значениях (толкованиях) которых есть достаточно большая общая часть. Все синонимы ряда набираются заглавными полужирными буквами. Если лексема принадлежит многозначному слову, в ее имя может входить числовой индекс; ср. **ДОМ 1, ЗДАНИЕ, СТРОЕНИЕ 2, ПОСТРОЙКА 2, КОРПУС 4**. В описании такие индексы, если в них нет безусловной необходимости, опускаются.

1.1. Доминанта

Ряд открывается доминантой — лексемой, которая имеет наиболее широкое в данном ряду значение, является наиболее употребительным синонимом, обладает наиболее полной парадигмой, наиболее широким набором синтаксических конструкций, наиболее широкой сочетаемостью и наиболее нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно, просодически и т. п. В приведенном выше ряду это лексема **дом 1**.

1.2. Стилистические пометы и грамматические пояснения

Перед каждой лексемой, входящей в синонимический ряд (кроме доминанты), в случае необходимости ставится стилистическая помета, например, **высок. предназначение**. При доминанте помета (в тех редких случаях, когда она необходима) ставится справа от нее и заключается в квадратные скобки, например, **пристанище**

[необиходн.], **виться 2** [наррат.] (ср. *По склону холма вьется тропка*). Если данная помета характеризует лексему не во всех, а лишь в некоторых употреблениях, она заключается в круглые скобки, например, (книжн.) **роптать**. Этот глагол имеет книжную или нарративную окраску при множественном или собирательном субъекте и стилистически нейтрален при единичном субъекте; ср. *Солдаты ропщут, Народ ропщет, Толпа глухо роптала VS. Посмотри на него — хуже тебя человек живет, а ведь не ропщет*.

Возможны разного рода сдвоенные пометы, например, офиц.-фам. **задумка**, советск. бюрокр. **сигнализировать**, поэт. или устар. **взор**.

В словаре используется, в основном, традиционная система стилистических помет (см. справку «Условные сокращения»), которая предполагается известной и поэтому не поясняется. Сверх традиционных были введены пометы «наррат.», «необиходн.», «обиходн.», «потенц.», «разг.-сниж.», «сленг», «советск.», «стил.» и «уходящ.».

Помета «наррат.» (нарративное) приписывается лексемам, которые в большей или меньшей степени закреплены за повествовательным стилем речи и в нейтральной разговорной речи избегаются. Ср. нарративное *Кровь бежала <струилась> из раны* при нейтральном *Из раны все еще идет кровь*, нарративное **поначалу** при нейтральном **сначала**, нарративное **зачастую** при нейтральном **часто**. В нейтральном диалоге такие лексемы могут придавать речи манерный или казенный оттенок.

Помета «необиходн.» (необиходное) маркирует следующий за книжным, но не доходящий до нейтрального уровень литературности речи. Ср. **необиходное сетовать** на фоне нейтрального **жаловаться** и книжного **роптать**, **необиходное трепетать** на фоне нейтрального **бояться** и разговорно-сниженного **дрейфить**, **необиходное небосвод** на фоне нейтрального **небо** и поэтического **небосклон**.

Помета «обиходн.» (обиходное) приписывается лексике, занимающей промежуточное положение между нейтральной лексикой и просторечием — словами, которые культурный носитель языка ни при каких обстоятельствах не может использовать без риска для своей языковой репутации. В речи образованных носителей языка обиходные слова маркируют бытовой, предельно неофициальный регистр общения. Ср. обиходное **дожидаться** на фоне нейтрального **ждать** и просторечного **дождать**, обиходное **ладить** на фоне нейтрального **уживаться** или обиходное **видать** на фоне нейтрального **видеть**.

Помета «потенц.» (потенциальное) приписывается грамматическим формам лексем, которые предсказываются системой языка, хотя реально в узусе не встречаются; ср. потенциальные формы несовершенного вида *пристрациваться, просчитываться* и *остолбеневать* от реально существующих форм совершенного вида **пристраститься, просчитаться** и **остолбенеть**.

Помета «разг.-сниж.» (разговорно-сниженное) маркирует следующий за собственно разговорным уровнем небрежности речи, который может позволить себе образованный носитель языка без риска для своей языковой репутации. Ср. разговорно-сниженные **скулить** и **хныкать** на фоне разговорного **плакаться** и нейтрального

жаловаться, разговорно-сниженное **капать** на фоне нейтрального **жаловаться**, разговорно-сниженное **дрейфить** на фоне нейтрального **бояться** и необходимого **страшиться**.

Помета «сленг» помещает лексему на шкале разговорности на одно деление дальше от нейтрального стиля, чем помета «разг.-сниж»; от разговорно-сниженной лексики сленг отличается и живо ощущаемой образностью. Ср. **оттягиваться** = ‘получать удовольствие’, **намылиться** = ‘направиться, собраться что-то сделать’, **врубиться** = ‘понять’, **травка** = ‘наркотики’, **отмороженный** = ‘находящийся по ту сторону добра и зла, не останавливающийся ни перед чем’ и т. п. Сленг в русском языке — относительно недавнее явление, возникшее в точке пересечения молодежной речи с профессиональными жаргонами, блатной феней и другими периферийными лексическими областями русского языка. Однако за последние 10 лет он настолько вырос в объеме и распространился на такое число говорящих, включая и вполне образованных, что завоевал право на лексикографическое признание.

Помета «советск.» (советское) приписывается лексемам, описывающим советские реалии, способы поведения и т. п.; ср. советск. офиц.-дел. **жилплощадь**, советск. прост. **заявлять** (*куда следует*), советск. бюрокр. **сигнализировать**.

Помета «стил.» (стилизованное) приписывается устаревшим лексемам, которые могут употребляться в современном языке в целях стилизации. Таков, например, глагол **зреть** в значении ‘видеть’, свободно используемый в поэзии; ср. *Ты видел все моря, весь дальний край. / И ад ты зрел — в себе, а после в яви* (И. Бродский).

Помета «уходящ.» (уходящее) приписывается устаревающим лексемам, сфера употребления которых в современном языке существенно сужена по сравнению с предшествующим историческим срезом. Это — первый шаг на пути выпадения лексемы из языка. Ср. уходящее **кичиться** на фоне нейтрального **гордиться**, уходящее **снеть** на фоне нейтрального **еда**, уходящее **порожний** на фоне нейтрального **пустой**.

Помимо стилистических помет при синонимах возможны грамматические пояснения. В частности, при глагольных лексемах указываются их видовые корреляты. Ср. **рисовать I** [СОВ *нарисовать*].

1.3. Семантические группы внутри ряда

Синонимы внутри ряда упорядочиваются таким образом, чтобы их пространственная близость отражала меру их семантического сходства. Ср. в ряду **надеяться** группу **надеяться, уповать**, с одной стороны (главное — указание на чувство, испытываемое субъектом), и группу **рассчитывать, полагаться**, с другой (главное — указание на рациональную оценку ситуации).

1.4. Толкование ряда

Вслед за перечислением синонимов в «марровских кавычках» (лапках) дается аналитическое толкование пересекающейся части их значений (см. термин **толкование** в статье «Лингвистическая терминология словаря»).

Толкование пересекающейся части значений лексем, включенных в данный ряд, является единственным реальным мерилем их синонимичности.

Обычно толкуются сами лексемы в их словарном виде; ср. **ждать 1.1, дожидаться, ожидать 2, поджидать, подождать 1** и т. п. ‘зная или считая, что должно или может произойти некое событие, нужное субъекту или касающееся его, быть в состоянии готовности к нему, обычно находясь в том месте, где оно произойдет’. В тех случаях, когда это почему-либо невозможно, входом толкования является сентенциальная форма, например: *X с трудом <насилу, еле, ...> P* = ‘желательная для X-а ситуация P имеет место; приложенных X-ом усилий или благоприятных обстоятельств достаточно для того, чтобы P имело место; если бы усилий X-а было немного меньше или неблагоприятных обстоятельств немного больше, P не имело бы места’ (толкование В.Ю. Апресян). Сентенциальная форма отделяется от толкования знаком равенства.

Если ряд семантически неоднороден, толкование ориентируется на доминанту. Ср. синонимы **привыкнуть 1, приучиться, втянуться 3.2, приохотиться, пристраститься и повадиться** ‘много раз на протяжении нескольких периодов наблюдения повторив какое-л. действие или побывав в каком-л. состоянии, измениться в результате так, что делать это или быть в таком состоянии стало нормой поведения или существования субъекта’. В этом толковании, ориентированном на **привыкнуть 1**, никак не отражено, например, то обстоятельство, что **повадиться** указывает на перемещение в определенное место, где субъект делает нечто, нежелательное для говорящего или какого-то третьего лица.

Если доминанта ряда не может быть истолкована, вместо толкования дается следующее стандартное пояснение: «доминанта ряда является семантическим примитивом».

1.5. Лексикографические речения

Первая зона словарной статьи завершается подборкой примеров — экспериментальных фраз (лексикографических речений). Они иллюстрируют употребление каждого синонима ряда в типичных для него условиях и, предпочтительно, в таких контекстах, из которых следует возможность хотя бы частичных взаимозамен синонимов. Так, в ряду **воображать 1, представлять 3, видеть 2.1** ‘иметь в сознании образ определенного объекта или ситуации, когда этот объект или ситуация органами чувств не воспринимается’ даются следующие примеры: *Вообразите, что вы командир пиратского брига; Он попытался представить, как будет протекать их встреча; Вижу, словно это было вчера, его аккуратную фигуру.*

В исключительных случаях, например, когда все синонимы принадлежат к поэтической лексике или имеют иную ярко выраженную стилистическую специфику, вместо лексикографических речений используются короткие цитаты из текстов соответствующих жанров.

Примеры в зоне лексикографических речений разделяются точкой с запятой или — реже — запятой.

2. Преамбула (метка — ПРЕАМБУЛА)

Назначение преамбулы — ввести данный синонимический ряд в круг близких ему лексем или других синонимических рядов и показать: а) чем он отличается от них и в чем сходствует; б) к какому более высокому классу лексико-семантической системы языка относятся все эти ряды и каково место каждого из них в данном классе; в) какому фрагменту наивной, или языковой картины мира соответствует данный ряд.

Так, ряд **ждать 1.1, дожидаться, ожидать2, поджидать** и т. п. содержит преамбулу, в которой он сопоставляется с двумя другими близкими ему рядами: *надеяться, уповать, рассчитывать, полагаться*, с одной стороны, и *бояться, страшиться, опасаться, трусить* и т. п., с другой. Общим для всех трех рядов является указание на некое внутреннее состояние субъекта и на его проспективную ориентацию, т. е. на то, что, по мнению говорящего, в какой-то момент времени в будущем вероятно некое событие, которое касается субъекта. При этом ряд **ждать** оценочно нейтрален, между тем как ряд *надеяться* указывает на положительную оценку грядущего события, а ряд *бояться* — на его отрицательную оценку.

По признаку проспективной ориентации все три ряда входят в еще более обширную группу слов, к которой принадлежат, например, ряды *обещать, давать слово, клясться; предупреждать, предостерегать; предвидеть, предугадать; предсказывать, предрекать, пророчить*.

Связи между родственными рядами устанавливаются с помощью отсылок вида «см. Преамбулу в статье **ЖДАТЬ 1.1**» или «см. также статьи **ОБЕЩАТЬ** и **ПРЕДОСТЕРЕГАТЬ**».

Последней важной функцией преамбул является реконструкция того фрагмента языковой картины мира, который отражается данным рядом и другими близкими к нему рядами. Например, в словарной статье **замереть 1.1, застыть 2.1, остолбенеть, оцепенеть, окаменеть** дана преамбула, в которой реконструируется фрагмент наивной картины человека, связанный с его внутренним миром. Предметом особого внимания является наивная картина человеческих эмоций и их симптоматики, т. е. телесных проявлений эмоциональных состояний, поскольку именно к симптоматике относится ряд **замереть**.

Преамбула — необязательная зона словарной статьи. Ее материал непременно повторяется в других зонах — либо в примечаниях, либо в служебных зонах аналогов, антонимов и конверсивов. Однако она дает возможность рассмотреть этот материал более детально.

3. Зона значения (метка — ■ 3 ■)

В этой зоне описываются все содержательные (семантические, референциальные, прагматические, коммуникативные) сходства и различия между синонимами. Здесь же обычно описываются и просодические особенности синонимов (т. е. спе-

цифика акцентных выделений и интонаций), поскольку они теснейшим образом связаны с их коммуникативными (особенно темо-рематическими) свойствами. Там, где это возможно, формулируются условия, в которых содержательные различия между синонимами в той или иной мере нейтрализуются, так что становятся возможны полные или частичные взаимозамены.

3.1. Синописис

Зона начинается с подзоны синописиса, или краткого путеводителя по словарной статье. В нем перечисляются те семантические, прагматические и иные содержательные признаки, которые задают основные оппозиции внутри данного синонимического ряда. Высший приоритет имеют «сквозные», систематические признаки, повторяющиеся в нескольких или многих рядах. Они, как уже было сказано в разделе 0, формулируются по возможности одинаково в разных рядах, чтобы системность в организации лексики была непосредственно очевидной. Каждый признак раскрывается на материале нескольких синонимов, противопоставленных по нему наиболее рельефно.

Например, в ряду **пытаться**, **пробовать 1**, **стараться 1**, **силиться** синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) масштаб и характер действия, которое субъект хочет произвести (**силиться** приложимо к конкретному, актуальному, обычно не слишком сложному действию, **пытаться** — к любому; **стараться** приложимо к контролируемым и неконтролируемым действиям, **пробовать** — только к контролируемым); 2) количество усилий и их объективная необходимость (**пробовать** предполагает наименьшее количество усилий, **силиться** — наибольшее, причем в последнем случае усилия необходимы, потому что выполнить действие объективно трудно); 3) выделимость / невыделимость одного акта приложения усилий (в случае **пробовать** такие акты, т. е. отдельные попытки, выделимы, в случае **стараться** — нет); 4) возможность произвести действие и вероятность достижения результата (в случае **силиться** часто оказывается невозможным произвести само действие и поэтому почти никогда не достигается нужный результат, а в случае **стараться** действие чаще выполняется и приводит к нужному результату); 5) причина возможной неудачи (в случае **пытаться** может быть неправильно выбран путь, в случае **силиться** у субъекта не хватает ресурсов); 6) готовность субъекта предпринимать альтернативные действия в случае неудачи первой попытки (ср. альтернативные **пытаться** и **пробовать** в отличие от безальтернативных **стараться** и **силиться**); 7) мотивация действия и отношение субъекта к нему (в случае **пытаться** субъект всегда хочет выполнить запланированное действие, в случае **пробовать** он может хотеть обнаружить, выполнимо ли оно, понравится ли ему результат и т. п.); 8) возможность наблюдать усилия субъекта со стороны (она есть в случае **силиться** и отсутствует в случае **пробовать**).

3.2. Семантические сходства и различия между синонимами

Сразу за синопсисом располагается главная часть словарной статьи, в которой гораздо более детально, с большим количеством экспериментальных фраз и примеров из литературы, описываются различные группы, подгруппы и отдельные члены ряда, выделяемые в нем на основании тех или иных признаков или комбинаций признаков.

Например, в ряду **рисовать 1**, **зарисовывать 1**, **писать 4**, **малевать** выделяются группы **рисовать** и **зарисовывать**, с одной стороны, **писать** и **малевать** — с другой. Первые два синонима акцентируют такие элементы изображения, как контуры, линии и формы, а вторые два — цвет, свет, колорит. **Рисуют** и **зарисовывают** обычно карандашом, мелками, углем, а **пишут** и **малюют** обычно красками, которые в норме наносятся на холст кистью. **Писать** и даже **малевать** предполагают, далее, установку на создание художественного произведения, что необязательно для **рисовать** и невозможно для **зарисовывать**. Наконец, для **писать** и **малевать** необходима хотя бы минимальная профессиональная подготовка, а для **рисовать** и **зарисовывать** она необязательна.

После того, как описаны группы и подгруппы синонимов внутри ряда, дается детальная характеристика каждого его элемента. Приведем в качестве примера конспект материала, помещенного в той же словарной статье.

Рисовать — наиболее общий синоним ряда. Это действие не предполагает ни специальных умений (рисовать может ребенок), ни специальных инструментов, средств или поверхностей (рисовать можно палочкой на песке, пальцем на морозном стекле и т. п.). Не накладываются какие-либо ограничения и на тип изображаемого объекта — это могут быть не только картины, но и схемы, графики, знаки, линии.

Зарисовывать требует обязательного наличия натуры, модели, т. е. реальной вещи, являющейся предметом изображения, причем между этой вещью и ее зарисовкой предполагается значительная мера подобия. Между тем **рисовать**, **писать** и **малевать** можно и фантастические образы, не имеющие никаких прототипов в реальном мире, а если реальный прототип есть, вполне может отсутствовать подобие между ним и его изображением. Кроме того, **зарисовывать** подчеркивает подготовительный, технический характер изображения и его одноцветность, «черно-белость».

Из всех синонимов ряда **писать** наиболее тесно ассоциируется с живописью — именно этим словом в нейтральной речи обозначается деятельность художника. Как правило, действие **писать** в наибольшей мере предполагает и весь обычный инструментарий художника — холст, кисти, краски, палитру, мольберт и т. п., а также манеру и технику письма.

В отличие от нейтрального **писать**, синоним **малевать** используется в тех случаях, когда нужно подчеркнуть неумелость, небрежность или халтурность работы и когда результат работы получает отрицательную эстетическую, а может быть, и этическую оценку.

3.3. Референциальные и прагматические свойства

Синонимы **ждать 1.1**, **дождаться**, **подждать** и т. п. различаются, в частности, референциальным статусом своих прямых дополнений. Дополнение **ждать** может иметь либо конкретно-референтный, либо родовой статус; ср. *Она ждала жениха* — либо своего жениха, с которым у нее была назначена встреча, либо еще неизвестного мужчину, который бы к ней посватался. Между тем дополнение **подждать** в современном литературно-разговорном языке имеет только конкретно-референтный статус.

В ряде случаев различия между синонимами не могут быть сведены ни к различиям в их толкованиях в собственном смысле слова, ни к референциальным статусам, ни даже к коммуникативным свойствам и просодии, а касаются прагматических и других экстралингвистических условий их употребления.

Например, синонимы ряда **просить 1.1**, **упрашивать**, **умолять**, **молить** и **заклинять** стандартно используются в ситуации, когда некий человек X, считая, что другой человек Y может сделать желательное для X-а P, хотя и не должен этого делать, говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P. Из того, как он это говорит, Y понимает, что X не считает его обязанным делать P; ср. *Он попросил меня купить ему газету, Она умоляла мужа простить ее*.

Из всех этих синонимов лишь **просить** может употребляться не вполне канонически, когда и субъект и адресат знают, что адресат как раз обязан выполнить то, к чему его побуждает субъект. Это характерно для тех прагматических ситуаций (таможенного досмотра, разговора милиционера с проштрафившимся водителем, беседы министра со своим секретарем и т. п.), когда субъект из соображений вежливости маскирует подчиненное положение адресата, демократически представляя распоряжение, предписание или требование как просьбу. **Просить** в таких случаях, особенно в форме СОВ, используется, как правило, перформативно: *Прошу вас следовать за мной, Я попросил бы <попрошу> вас действовать строго по инструкции* [материал из ряда М. Я. Гловинской].

3.4. Коммуникативные свойства и просодия синонимов

Вообще говоря, просодия и коммуникативные свойства (членение на тему и ремю, новое и данное) — принадлежность целых высказываний, а не отдельных слов. Однако нередко эти свойства лексикализуются, т. е. закрепляются за отдельными лексемами, и тогда становятся объектом описания в словаре.

Лексикализация коммуникативных свойств и просодии может быть вызвана самыми разнообразными причинами. Например, синонимы **отвыкнуть** и **отучиться** внутренне отрицательны: они значат ‘перестать иметь какую-то привычку или умение’, т. е. ‘начать не иметь их’. Вследствие этого они тяготеют к положению в реме высказывания, что в свою очередь предопределяет их способность нести главное фразовое ударение: *Он ↓отвык <↓отучился> вставать рано*. Аналогичное свойство синонимов **знать** и **ведать**, **понимать** и **видеть** (в значении ‘понимать’) объ-

ясняется их фактивностью, т. е. тем, что они всегда вводят информацию о факте; ср. Я ↓ **знаю** <↓ **понимаю**>, *зачем вам это нужно*; ↓ **Вижу**, *куда вы клоните*; *И нечего притворяться*, / Мы ↓ **ведем**, *что творим* (А. Галич).

Синонимичные частицы **тоже** и **также и** задают прямо противоположные членения высказываний на данное и новое. **Тоже** маркирует предшествующую ему часть высказывания как новое, а последующую — как данное: *Гость молчал. Хозяин* [новое] **тоже** *молчал* [данное]. **Также и**, наоборот, маркирует предшествующую ему часть высказывания как данное, а последующую — как новое: *Гость молчал. Молчал* [данное] **также и** *хозяин* [новое] (уточненный пример Н.Н. Ковачевой и Е.В. Падучевой).

В тех случаях, когда удастся проследить семантическую мотивацию коммуникативных и просодических свойств лексем, она тоже указывается в словаре.

3.5. Нейтрализация

Хотя нейтрализация различий между синонимами, с последующей возможностью взаимозамен, не считается их обязательным свойством, принципиальная возможность взаимозамен всегда отмечается в словаре. Особое внимание уделяется формулировке контекстуальных и конситуативных условий нейтрализации.

Советовать и **рекомендовать** противопоставлены друг другу, в частности, по следующим смысловым признакам: 1) основание для сообщения (чтобы **советовать**, достаточно иметь мнение по данному поводу; чтобы **рекомендовать**, обычно требуется знание; совет ожидается от умного человека, рекомендация — от знающего); 2) степень категоричности высказывания (в случае **рекомендовать** речевой акт может быть более категоричным, а содержащееся в нем указание — более обязательным к исполнению, чем в случае **советовать**); 3) тема сообщения (**советовать** можно по любому поводу, предметом рекомендации обычно являются более или менее специальные ситуации); 4) отношения между субъектом и адресатом (**советуют** обычно конкретному человеку, часто близкому, в благополучии которого субъект лично заинтересован; **рекомендовать** можно человеку вообще, т. е. любому человеку, попавшему в определенную ситуацию; ср. *Если к вам бросается незнакомая собака, **рекомендуется** стоять неподвижно*).

Эти противопоставления в значительной степени стираются в характерном для разговорной речи смазанном употреблении, особенно когда субъектом действия является профессионал или сам говорящий. Ср. *Врач **посоветовал** <порекорендовал> ему принимать хвойные ванны*; ***Советую** <рекомендую> зайти через час, билеты наверняка будут*; ***Советую** <рекомендую> выпить молока на ночь*.

4. Примечания

Зона примечаний факультативна и может включать до трех примечаний.

В первом из них рассматриваются синонимы, по тем или иным причинам не включенные в данный ряд. Чаще всего синоним не включается в ряд вследствие

своей периферийности — устарелости, ненормативности и т. п. Например, в ряду **считать**², **думать 2.1**, **полагать**, **находить** и т. п. к числу таких периферийных (устаревших) синонимов относятся лексемы **почитать 2** (*Они почитают себя аристократами*), **мыслить 1.3** (*А ты как мыслишь?*) и **мнить** (*Сам же Бунин чудовищем себя не мнил* (З. Шаховская)).

Во втором примечании (оно становится первым при отсутствии у данного ряда периферийных синонимов) рассматриваются такие другие значения входящих в ряд слов, которые близки к рассмотренному в нем значению (или, что то же самое, такие другие лексемы тех же слов, которые близки к рассмотренным в нем лексемам). Например, в ряду **выбрать 1.1**, **избрать 1**, **подобрать 2** и **отобрать 4** у глаголов **выбрать** и **избрать** есть близкие к рассмотренным лексемы *избрать 2*, *выбрать 1.3* = ‘голосованием выбрать 1.1 кого-л. для исполнения каких-л. обязанностей’. Кроме того, у глагола **выбрать** есть еще следующие близкие к рассмотренной лексеме: а) *выбрать 1.2* = ‘сделать выбор в пользу одной из альтернатив’, ср. *Он выбрал эмиграцию <смерть на костре>*, *Приходилось выбирать между аспирантурой и работой*; б) *выбрать 1.4* = ‘в условиях нехватки времени выбрать 1.1 какое-то время, чтобы использовать его для определенной цели’, ср. *Выбери время, загляни ко мне*; и ряд других.

В третьем примечании (оно становится вторым при отсутствии у слов данного ряда других близких значений) рассматриваются аналоги синонимов, входящих в данный ряд. Так, значения, близкие к ‘считать’, есть у таких глаголов интеллектуальной деятельности, как *понимать*, *решать*, *принимать* и т. п. Ср. *Он понимает задачи литературы иначе*; *С чего это вы решили, что я на ней женюсь?*; *Они принимают меня не за того человека*.

5. Формы (метка — ■ Ф ■)

Синонимы могут обнаруживать сходства и различия в наборах форм, наборах грамматических значений в одной и той же форме, в семантической, прагматической, стилистической, конструктивной, сочетаемостной или иной специализации определенной формы и, наконец, в том, является ли данная форма собственной или несобственной формой данной лексемы. Все такие особенности синонимов описываются в зоне **Ф**.

5.1. Сходства и различия в наборе грамматических форм

В ряду **ждать 1.1**, **ожидать 2**, **дождаться**, **подждать**, **подождать 1**, **обождать**, **прождать**, **выждать**, **переждать** и т. п. есть три синонима, имеющих обе видовые формы (ср. *дождаться*, *выждать*, *переждать*), три синонима, имеющих только форму НЕСОВ (**ждать**, **ожидать**, **подждать**), и три синонима, имеющих только форму СОВ (**подождать**, **обождать**, **прождать**).

Для глагола **советовать**, в отличие от его синонима **рекомендовать**, невозможна форма СТРАД; ср. *Не рекомендуется включать систему сигнализации без на-*

добности при невозможности *Не советуется включать систему сигнализации без надобности.

У **видать 1**, в отличие от его синонима **видеть 1.1**, практически отсутствует форма НАСТ.

5.2. Сходства и различия в наборах значений одной формы

В ряду **жаловаться 2**, **наушничать**, **ябедничать**, **фискалить**, **капать 3**, **стучать 3** и т. п. лишь первый синоним имеет в форме НЕСОВ актуально-длительное значение; ср. — *Что он делает у директора? Небось, **жалуется** на тебя?*; *Я случайно вошел в комнату как раз тогда, когда он **жаловался** на меня.* Для остальных синонимов ряда это видовое значение формы НЕСОВ либо нехарактерно, либо невозможно (пример М.Я. Гловинской).

В ряду **воображать 1**, **представлять 3** и **видеть 2.1** для **воображать** характерна форма ПОВЕЛ 2-Л. При этом в форме СОВ она тяготеет к утвердительным предложениям и имеет значение призыва сформировать некий реалистический образ в сознании; ср. ***Вообразите** озеро посреди леса и маленькую избушку на берегу.* В форме НЕСОВ она тяготеет к отрицательным предложениям и имеет значение призыва отказаться от заведомой фантазии, не имеющей под собой никакой почвы; ср. ***Не воображайте** себя спасителем отечества.* Для **представлять** из этих двух форм возможна только первая, с тем же значением, что у **вообрази(те)**; ср. ***Представьте** себе озеро посреди леса и маленькую избушку на берегу.* Отрицательный императив типа ***Не представляйте** потенциально допустим, но не может употребляться в значении призыва отказаться от заведомой фантазии.*

5.3. Семантическая, синтаксическая и иная специализация форм

Некоторые синонимы могут приобретать в ряде грамматических форм семантические, прагматические, стилистические, конструктивные, сочетаемостные и иные особенности, не свойственные им в тех представляющих формах, в которых они перечисляются в названии ряда.

В ряду **считать²**, **думать 2**, **полагать**, **рассматривать 4**, **смотреть 2** и т. п. только **рассматривать** и **смотреть** вполне свободно используются в форме ПОВЕЛ, полностью сохраняя при этом свое значение. Ср. ***Рассматривай** это как свое первое серьезное поручение, **Смотри** на это как на свое первое серьезное поручение.* Синонимы **думать** и **считать** формально допускают употребление в форме ПОВЕЛ (**думать** — преимущественно в составе фраземы ***думай** что хочешь*), но при этом слегка изменяют свое значение. ***Думай** что хочешь* = ‘можешь думать что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь’; ***Считай**, что тебе повезло <что мы договорились>* ‘Несмотря на некоторые оговорки, которые есть у меня [говорящего], можешь считать, что тебе повезло <что мы договорились>’.

Считать в форме ПОВЕЛ употребляется еще в функции вводного слова, имеет в этом случае значение ‘можно считать’ и стилистически является просторечием: *Он, **считай**, всю жизнь прожил тут.*

У глагола **смотреть** форма СОВ имеет морфологические, синтаксические и сочетаемостные ограничения. Она обычно встречается в форме БУД в вопросительных или «сомнительных» высказываниях, преимущественно в сочетании с наречием *как*, когда предметом мнения является целая ситуация; ср. *Как он **посмотрит** на отсрочку защиты диссертации?* Гораздо менее естественны высказывания типа *??Он **посмотрит** <посмотрел> на отсрочку защиты диссертации как на грубое процедурное нарушение.*

5.4. Собственные и несобственные формы

Помимо собственных форм лексем, которые входят в их грамматическую парадигму в системе языка, иногда учитываются и так называемые несобственные формы, заимствуемые в узусе у их ближайших синонимов.

У глагола **ждать**, в отличие от большинства его синонимов, нет формы ДЕЕПР. При необходимости употребить ее **ждать** заменяется на **ожидать** или **дождаться**: *Ожидая <дожидаясь> его звонка, Варя бесцельно бродила по комнате.*

У **хотеть** в литературном языке нет форм ПРИЧ НАСТ и ДЕЕПР НАСТ. Поэтому при необходимости выразить соответствующий смысл используются несобственные формы — *желающий* и *желаю*.

6. Конструкции (метка — ■ К ■)

В этой зоне описываются сходства и различия в наборах синтаксических конструкций, свойственных элементам синонимического ряда. К ним относятся различия в управлении синонимов, в характерных для них синтаксических функциях и типах предложений и в порядке слов. Кроме того, как и в случае с формами, отмечается семантическая, прагматическая, стилистическая, сочетаемостная и иная специализация синонимов в тех или иных конструкциях.

6.1. Сходства и различия в управлении

В словаре систематически фиксируются следующие сходства и различия в управляющих свойствах синонимов:

а) Число валентностей. Например, у **роптать**, в отличие от таких его синонимов, как **жаловаться** и **плакаться**, нет валентности адресата: можно сказать *жаловаться кому-л. (на невыносимые поборы)*, *плакаться кому-л. (на свои неурядицы)*, но не **роптать кому-л. (на невыносимые поборы)*.

б) Способы выражения, или оформления валентности. Ср. ВИН как способ оформления валентности адресата у синонимов **информировать**, **извещать**, **оповещать**, **уведомлять** и **осведомлять** и ДАТ как способ оформления той же валентности у синонимов **сообщать**, **докладывать**, **доносить** и **объявлять**: *информировать <извещать, уведомлять, осведомлять, оповещать> кого-л. [ВИН] о чем-л.*, но *сообщать <докладывать, доносить, объявлять> кому-л. [ДАТ] о чем-л.*

в) Степень синтаксической обязательности валентностей. Ср. большую обязательность валентности продукта деятельности у слова **создатель** по сравнению с его синонимом **автор**: *создатель эпических поэм, создатель теории относительности*, но не **беседовать с создателем*, **Создатель отказывается от своих прав* и т. п. Между тем существительное **автор** свободно употребляется во всех этих типах словосочетаний. Ср. *автор эпических поэм, автор теории относительности, беседовать с автором, Автор отказывается от своих прав*. Синоним **творец** занимает промежуточное положение между **автором** и **создателем**: валентность продукта деятельности у него более обязательна, чем у первого слова, но менее обязательна, чем у второго, особенно когда он употребляется в родовом статусе или в предикативной функции; ср. *Я сценическое искусство почтиаю творчеством, а актера самобытным творцом, а не рабом автора* (В.Г. Белинский).

г) Выразимость/невыразимость валентностей. У глагола **сетовать** есть семантическая валентность адресата, но синтаксически (зависимым словом в форме ДАТ) она выражается гораздо реже, чем у синонимов **жаловаться** и **плакаться**.

Помимо собственно управления, в зоне конструкций описываются еще два типа синтаксических свойств — способность слова употребляться в так называемой абсолютивной конструкции и способность слова подчинять себе некоторые характерные для него типы обстоятельств.

Употребляясь в абсолютивной конструкции, лексема, как правило, слегка видоизменяет свое словарное значение. Так, глагол **ждать** — единственный из всех синонимов одноименного ряда, способный вполне свободно употребляться в абсолютивной конструкции, — может дополнительно выражать значения долгого времени ожидания, нетерпения, недовольства (особенно в форме НАСТ 1-Л) и т. п.; ср. *Я жду* [в ситуации, когда мой собеседник долго не отвечает на мой вопрос].

Глагол **видеть** более свободно, чем другие синонимы этого ряда, употребляется с некоторыми типичными для ситуации зрительного восприятия обстоятельствами. Они могут обозначать: 1) местоположение наблюдателя (*видеть что-л. с балкона <из машины>*); 2) проемы и оптические приборы, через которые осуществляется восприятие (*видеть собравшихся гостей в полуоткрытую дверь <через окно, сквозь замочную скважину>*, *видеть в электронный микроскоп мельчайшие микроорганизмы*); 3) плоскость, на которую нанесен объект восприятия (*видеть что-л. на снимке <на портрете, на чертеже>*); 4) орган восприятия (*видеть все собственными глазами*).

6.2. Сходства и различия в синтаксических типах предложений

Наиболее чувствительны к различным особенностям лексической семантики отрицательные, вопросительные, условные, «сомнительные» и модальные предложения, а также разные виды вводных конструкций.

В синонимическом ряду **привыкнуть**, **приучиться**, **втянуться**, **приохотиться**, **пристраститься**, **повадиться** ни один из синонимов в форме НЕСОВ нормаль-

но не употребляется в нейтральных отрицательных предложениях. Фразы типа ??*Я не привыкал <не приучался> работать со словарями, ??Я не втягивался в занятия музыкой* и т. п., по крайней мере, странны по смыслу.

В форме СОВ из всех синонимов ряда в указанной конструкции вполне свободно употребляется лишь глагол **привыкнуть**: *Он не привык работать со словарями*. При этом в ряде случаев возможно изменение области действия отрицания; ср. *Я не привык разговаривать в таком тоне* = 'Я привык разговаривать не в таком тоне' = 'Я привык разговаривать в другом тоне'.

Для глагола **видеть** в значении (считать) типичны отрицательные предложения с союзом *чтобы*: *Не вижу, чтобы вам что-нибудь угрожало*. Синоним **полагать**, наоборот, почти не допускает употребления в отрицательных предложениях; ср. не-правильность **Президент не полагал, что эти сведения нужно проверять*.

Думать, считать и **полагать** из того же ряда синонимов используются в различного рода вводных конструкциях: *Вы, я думаю, забыли меня; Афганистан, считают наблюдатели, находится на пороге новой вспышки гражданской войны; Об этом, я полагаю, нужно спросить директора; Его семья, надо думать <полагать>, приехала надолго; Думаю, это решение еще не окончательное*.

Для синонима **находить** из того же ряда затруднены или невозможны все вообще вводные конструкции; ср. **Об этом, я нахожу, надо спросить директора; *Его семья, надо находить, приехала надолго; *Нахожу, это решение еще не окончательное*.

6.3. Порядок слов

Для **повадиться** из ряда **привыкнуть, приучиться, приохотиться** и т. п. нормальным является употребление в препозиции к подлежащему: *Повадились солдаты на рынок ходить, Повадились козы на огород, Повадился медведь на пасеку*. Для всех остальных синонимов такой порядок слов является стилистически маркированным.

Для глаголов типа **виться, гореть, дуть, идти, стоять, течь** в сочетании с существительными типа *тропка, свет, ветер, дождь* и т. д., в которых они являются экзистенциальными, тоже характерна препозиция по отношению к подлежащему. Ср. *В темноте вьется тропка, Горит свет, Дует ветер, Идет дождь, Стоят морозы, Текут ручьи*. Значение таких глаголов полностью дублируется существительным, в котором оказывается сосредоточенной вся сообщаемая в высказывании информация. Действительно, если известно, что имеет место *свет, дождь, ветер* или *ручей*, то из этого заведомо следует, что он *горит, идет, дует* или *течет* соответственно. Между тем обратная импликация неверна: *гореть* может *огонь, дуть* — *из-под двери, идти* — *снег, течь* — *река* и т. д. Как коммуникативно наиболее важная часть высказывания такие существительные перемещаются в положение ремы, т. е. ближе к концу предложения, вытесняя глаголы-сказуемые в его начало.

6.4. Семантическая, синтаксическая и иная специализация конструкций

Во многих случаях конструктивные различия сопровождаются различиями в наборе форм или в сочетаемости, а также семантической специализацией синонимов.

В ряду **ждать** все синонимы, за исключением **переждать** и **выждать**, могут управлять существительным со значением объекта ожидания — человека, транспортного средства, события, момента времени. При этом синонимы **ждать**, **дождаться**, **ожидать** управляют существительным в форме ВИН, если объект ожидания — живое существо: *ждать жену*, *ожидать делегацию*, *дождаться жену* (ср. — *Что ты здесь делаешь? — Дожидаюсь жену*). Если же объект ожидания — предмет, действие, событие и т. п., то обычна форма РОД: *ждать поезда*, *ожидать восхода солнца (чтобы начать работу)*, *дождаться приезда гостей*.

Глагол **ждать** в сочетании с именами событий, действий и т. п. допускает обе эти формы со следующим смысловым противопоставлением: **ждать** + ВИН значит, что речь идет об ожидании известного, т. е. уже упоминавшегося, обещанного или как-то иначе определенного объекта (*ждать письмо*), а **ждать** + РОД значит, что речь идет о неизвестном, неопределенном объекте соответствующего класса (*ждать письма*).

У **ждать** и **ожидать** есть семантическая специфика в отрицательных предложениях. В большинстве случаев эти два синонима приобретают значение предположения: *Он вас не ждал* [(Вы появились неожиданно)], *Он не ожидал ареста* [(Арест произошел неожиданно для него)]. Значение чистого ожидания в отрицательном контексте предполагает либо неопределенность субъекта (*Вас там посетители не ждут?*, *Никто меня не ожидает там*, / *Моей жене давно другое снится* (А. Горюничский)), либо отрицание не самого факта ожидания, а какого-то сопутствующего ему обстоятельства, названного в подчиненной глаголу группе (*Он никогда не ждал <не ожидал> меня на условленном месте*), либо значение опровержения, а не чистого отрицания (— *Простите, что заставил вас ждать. — Я совсем не ждал вас, я сам только что вошел*).

7. Сочетаемость (метка — ■ С ■)

В этой зоне описываются сходства и различия синонимов в семантической, лексической, морфологической, коммуникативно-просодической и иных видах сочетаемости. Кроме того, по аналогии с зонами форм и конструкций, указываются возможные пути специализации значений синонимов в разных типах словосочетаний.

7.1. Семантическая сочетаемость

Субъектом **радоваться** может быть как человек, так и высшее животное; ср. *Собака радуется, увидев хозяина*. Субъектом чувств, обозначаемых синонимами **ликовать** и **торжествовать**, может быть только человек.

В ряду **посещать, навещать, проведать, наведаться** только доминанта сочетается с именами культурных учреждений, обозначая использование этих объектов по их прямому назначению; ср. **посещать** музей <выставки, театры>, но не ***проведать** музей <выставку, театр>, ??**навещать** музей <выставку, театр>. Можно сказать **наведаться в музей** <на выставку>, но в этом случае цель посещения не обязательно связана с культурным предназначением музея <выставки>.

Для синонимов **навещать** и **проведать** затруднены сочетания с названиями небольших помещений типа *дом, квартира, кабинет* и т. п.; ср. **посещать** дом <квартиру, кабинет>, **наведаться в дом** <в квартиру, в кабинет> при сомнительности ?**навещать** <**проведать**> дом, квартиру, кабинет.

Для **проведать** и, в меньшей мере, **навещать** возможны сочетания с глаголами перемещения; ср. *Он пошел проведать* <**навестить**> *своего соседа*; неестественно, однако, ?*Он пошел посетить соседа* <**наведаться к соседке**>.

7.2. Лексическая сочетаемость

Ограничения на сочетаемость глагола **уменьшить** задаются семантическим правилом: **уменьшить** можно любой параметр физического тела или процесса, ср. **уменьшить** длину <ширину, толщину> чего-л., **уменьшить** цены, **уменьшить** скорость <давление>. Между тем его синоним **сбросить** в сопоставимом значении характеризуется лексическими ограничениями на сочетаемость: **сбросить** можно преимущественно *вес, газ, давление, скорость, температуру*.

В случаях, когда такие четкие границы между семантической и лексической сочетаемостью провести по тем или иным причинам невозможно, мы говорим о пра-вилах лексико-семантической сочетаемости.

7.3. Морфологическая сочетаемость

Синонимом союза **как только** является глагол **стоять** в одном из своих значений; ср. *Как только он входил, все вставали* — *Стоило ему войти, как все вставали*. Помимо небольших различий в значении, они обнаруживают следующее различие в морфологической сочетаемости: **как только** сочетается с любой аспектуальной формой глагола зависимого предложения; ср., в дополнение к приведенному примеру, *Как только он вошел, все встали*. Между тем **стоять** требует постановки управляемого инфинитива в форму СОВ (см. пример выше). Предложения типа **Стоило ему входить, как все вставали*, неправильны.

7.4. Просодическая и коммуникативная сочетаемость

У слова **вообще** есть, среди прочих, следующие два значения: 1) ‘каковы бы ни были условия’ (**вообще 3**; синонимы — **при любых обстоятельствах, ни при каких обстоятельствах**); ср. *Генерал боялся, что вообще не уснет ночью*; 2) ‘говорящий оставляет за собой право на оговорки и уточнение своего чересчур общего утверждения’ (**вообще 4**; синонимы — **вообще-то, вообще говоря**); ср. *Этот факт мне вообще известен*.

В обоих значениях **вообще** маркирует рему высказывания; точнее, ремой является то слово, которому оно синтаксически подчинено. Другие свойства лексем **вообще 3** и **вообще 4** различны.

Вообще 3 выполняет функцию приглагольного обстоятельства, используется в контексте эксплицитного или имплицитного отрицания и всегда произносится с главным фразовым ударением. Ср. *Этой версии я [↓]вообще не слышал*; *Разжигать костры ночью он [↓]вообще запрещал* [имплицитное отрицание: *запрещал* ≈ (не разрешал)].

Вообще 4 может зависеть не только от глагола, но и от имени (*Он вообще бродяга <умный, добрый>*), безразлично к отрицанию и никогда не несет главного фразового ударения. Ср. *Этой версии я вообще не [↓]слышал*, *Эту версию я вообще [↓]слышал*.

У глагола **поторопиться** тоже есть два значения: 1) ‘сделать что-л. чересчур поспешно и поэтому преждевременно’ и 2) ‘спешно или быстро сделать что-л.’. В первом значении **поторопиться** всегда несет главное фразовое ударение и маркирует данное, т. е. уже известную информацию: *Он [↓]поторопился уйти* [то, что он ушел, является данным, мы только интерпретируем эту уже введенную ранее информацию]. Во втором значении он фразово безударен и маркирует рему, в частном случае — новое знание: *Он поторопился [↓]уйти* (уточненный пример А.В. Павловой).

7.5. Семантическая специализация типов сочетаний

В области сочетаемости существует явление, параллельное феномену семантической специализации форм и конструкций (см. разделы 5.3 и 6.4).

Путативные глаголы **думать** и **считать**, в отличие от других синонимов этого ряда (**усматривать**, **полагать**, **находить** и т. п.), сочетаются с фазовым глаголом **начинать**, образуя относительно устойчивые выражения: *Я начинаю думать <считать>, что он не так прост, как кажется*. Такие выражения обозначают не простое начало ментального состояния, т. е. не возникновение мнения, а уже состоявшийся волевой акт по пересмотру прежних мнений, к которому вынуждают говорящего некие новые обстоятельства.

Аналогичная модификация значения целого словосочетания происходит и в случае комбинации синонимов этого ряда с предикатным словом **склонен**. Вообще говоря, **склонен** обозначает готовность субъекта к выбору какого-то одного действия из множества имеющихся альтернатив, которое, однако, еще не предпринято. Ср. *Я склонен немного поработать <пойти в кино>*. Между тем сочетание **склонен** с путативными глаголами обозначает не предстоящий, а уже состоявшийся выбор определенной интеллектуальной позиции из нескольких возможных: *Я склонен считать <думать, полагать>, что это — обычная халатность*; *Я склонен рассматривать это как проявление халатности, а не как акт саботажа <смотреть на это как на обычное проявление халатности>*; *Я не склонен видеть <усматривать> в этом что-л. предосудительное*. Из всех путативов, составляющих этот синонимический ряд, лишь **находить** не обладает указанным свойством.

Для глагола *думать* в форме СОВ характерно словосочетание *Можно подумать*, которое, вопреки ожиданиям, значит не ‘есть основания подумать’, а ‘на самом деле не следует думать’: *Можно подумать, что вы не устали*. Ср. то же словосочетание с глаголом в форме НЕСОВ и нормальным значением ‘есть основания думать’: *Можно думать, что эксперименты закончатся успешно*.

8. Иллюстрации (метка — ■ И ■)

Зона иллюстраций выполняет в словаре две основные функции. С одной стороны, здесь собран материал, который служит базой исследования и основанием для выводов о различных свойствах синонимов. С другой стороны, эта зона выполняет и собственно иллюстративную функцию, демонстрируя реальный семантический (и иной) потенциал лексемы в современном русском языке.

Зона иллюстраций опирается на машинный корпус текстов и авторские картотеки. Главный принцип формирования этой базы лексикографических данных — опора на тексты современного русского языка, т. е. языка второй половины XX в. Из классики XIX и первой половины XX в., в частности из литературы «Серебряного века», извлекаются преимущественно такие примеры, которые соответствуют современным нормам словоупотребления.

9. Справочные зоны

Задачей справочных зон является указание возможно большего числа парадигматических семантических связей между элементами рассмотренного синонимического ряда и другими разрядами лексем — аналогами, конверсивами, антонимами, дериватами. Этот лексический материал интересен не только сам по себе, но и как средство точного и неточного перифразирования высказываний.

Ниже мы коротко опишем содержание каждой справочной зоны.

9.1. Фразеологические синонимы (метка — ■ ФРАЗСИН ■)

В зону фразеологических синонимов заносятся наиболее употребительные фразеологические единицы, синонимичные какому-то элементу ряда. Примеры: **воображать** — *рисовать в воображении*; **жаловаться** — *плакаться в жилетку (кому-л.)*; **использовать** — *пускать в ход, пускать в дело*; **обещать** — *давать обещание, связать себя словом, брать <принимать> (на себя) обязательство, давать зарок, кормить обещаниями, обещать <сулить> золотые <златые> горы, наобещать с три короба*.

9.2. Аналоги (метка — ■ АНАЛ ■)

Аналогами называются такие слова, значение которых существенно пересекается с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигает той степени близости к нему, которая конституирует собственно синонимию.

По разным компонентам значения могут возникать различные ряды аналогов. Поэтому зона аналогов открывает наиболее широкие возможности выхода из ограниченного пространства данного ряда в лексико-семантическое пространство всего языка. Примеры: **воображать 1** — *грезить, мечтать 1; фантазировать; придумывать, вымышлять; рисовать 2.2; вспоминать; мыслить 1; думать 2.1; ругать 1* — *ругаться, браниться; одергивать 1; выговаривать, отчитывать, распекать, читать нотацию; упрекать, корить 1, укорять, журить, пенять 2; совестить, стыдить; срамить; ворчать, брюзжать; шпынять; разругать, разнести, распушить 2, пропесочить, расчихвостить; критиковать, громить, бичевать, прорабатывать; обвинять, уличать; осуждать 1, порицать; возмущаться; разоблачать, обличать, развенчивать; обзывать, обкладывать; лягать; оскорблять; бесчестить, ославлять, порочить, шельмовать; клясть, проклинать; кричать 2 (на кого-л.), рычать; наказывать 1; преследовать 1.3, травить 2.*

9.3. Точные конверсивы (метка — **■ КОНВ ■**)

Конверсивы являются одним из основных средств ситуативно равнозначного перифразирования высказываний. Ср. **вмещать** — *входить (Бутыль **вмещает** 10 литров — В бутыль **входит** 10 литров); знать* — *быть известным (Мы **знаем** немало случаев такого рода — Нам известно немало случаев такого рода); считать* — *представляться (Я **считаю** ваши выводы вполне обоснованными — Ваши выводы представляются мне вполне обоснованными).*

9.4. Неточные конверсивы (метка — **■ ≈КОНВ ■**)

В случае неточной конверсивности описанное в 9.3 стандартное синтаксическое противопоставление осложняется небольшими смысловыми различиями. Ср. **заручиться** — *заверить (У **заручился** поддержкой X-а ≈ X заверил Y-а в своей поддержке); использовать* — *служить (Он **использовал** диван в качестве постели ≈ Постелью ему служил диван); отругать* — *достаться, влететь, попасть, нагореть (Отец меня **отругал** ≈ Мне досталось <влетело, попало, нагорело> от отца).*

9.5. Конверсивы к аналогам (метка — **■ КОНВАНАЛ ■**)

Содержание этого понятия легко извлекается из структуры самого термина: конверсив к аналогу. Примеры: **воображать** — *чудиться, мерещиться; всплывать; стоять перед глазами; стоять перед умственным <мысленным> взором; использовать* — *функционировать [Мы **используем** грузовой лифт в качестве пассажирского — Грузовой лифт функционирует (у нас) в качестве пассажирского]; предназначаться.*

9.6. Точные антонимы (метка — **■ АНТ ■**)

Ср. **начать (делать P)** — *перестать; присутствовать* — *отсутствовать; возрастать* = ‘становиться больше’ — *сокращаться* = ‘становиться меньше’; **гордиться** — *стыдиться; белый* — *черный; правый* — *левый; сладкий* — *горький.*

9.7. Неточные антонимы (метка — ■ ≈АНТ ■)

В случае неточной антонимии семантические отношения, характерные для точных антонимов, осложнены небольшими дополнительными различиями. Ср. **надеяться** = ‘испытывать чувство, какое бывает, когда человек ожидает, что произойдет нечто хорошее для него’ — **бояться** = ‘испытывать чувство, какое бывает, когда человек ожидает, что произойдет нечто плохое для него, что он не может предотвратить’; **хвастаться** ≈ ‘субъект говорит, что сделал или имеет нечто хорошее, считая, что из-за этого другие будут лучше о нем думать’ — **скромничать** ≈ ‘сделав или имея что-то хорошее, субъект говорит, что ничего особенно хорошего не сделал или не имеет, считая, что из-за этого другие будут лучше о нем думать’.

9.8. Дериваты (метка — ■ ДЕР ■)

В этой зоне перечисляются формальные и семантические дериваты лексем, входящих в данный ряд. Ср. **ошибаться** — *ошибка, ошибочный, ошибочно*; **чудиться**, **мерещиться** — *мнимый*; **стрелять** — *оружие*; **писать 4** — *кисть*; **рубить** — *топор*; **стрелять** — *боеприпасы*; **писать 4** — *краски*; **лечить** — *медикаменты*.

Одни и те же лексемы могут рассматриваться в словаре как семантические производные разных исходных слов, особенно в тех случаях, когда исходные слова находятся в отношениях точной или неточной конверсности. Ср. **воображать** — *образ, фантом, мираж, мнимый* и **чудиться** — *обман зрения, мираж, галлюцинация, фантом, мнимый*.

9.9. Библиография (метка — ■ БИБЛ ■)

Словарная статья может завершаться библиографической справкой, в которой указываются теоретические работы об одном или нескольких синонимах данной группы, учтенные при разработке данного синонимического ряда. В нынешнем издании она еще весьма далека от полноты.

Ю.Д. АПРЕСЯН
(Москва, Россия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АКТИВНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ*

1. Введение

Отличительная черта всей современной лексикографии — синтез филологии и культуры. Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре.

Осознание особой роли словаря как проводника культуры и одновременно ключа к ней привело к невиданному всплеску лексикографической активности еще в послевоенной Европе и Америке. Первой на этот путь встала Франция. Она поставила перед собой цель возродить свой былой статус мировой культурной державы через распространение в мире словарей французского языка. Вскоре за ней последовали США и Англия, а затем подобные движения стали возникать и в других развитых странах. В результате лексикографическая продукция вошла в быт миллионов людей. По данным Р. Илсона, в 90% английских семей есть по крайней мере один толковый словарь. Словари стали популярнее поваренных книг (70% семей) и даже Библии (80% семей). При этом упор был сделан на создание активных словарей, предназначенных для того, чтобы научить пользователей не только понимать тексты на данном языке, но и правильно говорить на нем.

Приведу огрубленные формулы пассивного и активного словаря.

Основная формула пассивного словаря — много слов, минимальная информация о каждом слове, достаточная для его понимания в произвольном контексте. О слове *мнение*, например, достаточно сообщить, что это — суждение о чем-л., часто оценочное, основанное на опыте, вкусах или умозаключениях субъекта. Этого достаточно, чтобы понять его в произвольном контексте.

Основная формула активного словаря — существенно меньше слов, но по возможности полная информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящих. При таком подходе в фокусе внимания лексикографа чаще всего оказывается не вполне свободная сочетаемость слова. Она представляет наибольшие трудности и при усвоении родного языка, и при изучении иностранного языка. Для того же слова *мнение* в активном словаре необходимо привести: 1) сочетания с прилагательными, например, *твердое <сложившееся> мнение, высокое <лестное, положительное> мнение, невысокое <низкое, нелест-*

---

* Эта работа была поддержана грантом РГНФ № 06-04-00289а, грантом РФФИ № 05-06-80361, грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» и грантом Президента РФ для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, № НШ-5611.2006.6. Опубликовано: Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция. Москва, 22–23.10.2007. К Общему собранию РАН. М.: Наука, 2007. С. 375–385.

ное, отрицательное> мнение, субъективное <предвзятое> мнение, объективное <непредвзятое> мнение, общественное <личное> мнение, общее <единое> мнение; 2) сочетания с существительными, например, столкновение <борьба> мнений, разноречивость <пестрота> мнений; 3) сочетания с глаголами, при которых мнение играет роль дополнения, например, иметь мнение, быть какого-то мнения, держаться мнения, приходиться к мнению, выражать свое мнение, оставаться при своем мнении, отказываться от мнения, отвергать <разделять> чье-л. мнение, менять мнения; 4) сочетания с глаголами, при которых мнение играет роль подлежащего; ср. Мнение складывается <создается, укореняется>, Мнения сталкиваются <расходятся, сходятся, совпадают>.

Современная европейская, особенно английская лексикография располагает большим семейством активных словарей; из последних по времени назову Oxford 2003, Longman 2003, Macmillan 2002, содержащих до 40–50 тыс. слов. В нашей лексикографии такие словари представлены только экспериментальными изданиями типа Мельчук, Жолковский 1984 (около 300 словарных статей) и Денисов, Морковкин 1978 (около 2500 слов). Пришло время заполнить эту лакуну. Активные словари позволят не только повысить уровень языковой культуры в нашей стране, но и существенно продвинуть знание русского языка в мире.

Ниже я расскажу о проекте Активного словаря (АС) русского языка, работа над которым началась в ИРЯ РАН в 2006 г. Он является частью более крупного проекта, конечной целью которого является создание целой серии активных словарей. Первый словарь этой серии уже вышел — это НОСС 2004, удостоенный Золотой медалью им. В.И. Даля Российской академии наук.

Подчеркну, что, приступая к этому проекту, мы планируем не просто воспроизвести на русском материале тип активного словаря, сложившийся в европейской традиции, а радикально его модернизировать с опорой на современные лингвистические технологии и теории.

Ввиду ограниченности места я вынужден буду в своем рассказе свести общие рассуждения к минимуму и иллюстрировать свои тезисы выборочно — на единичных, но представительных примерах, с целью создать пусть слегка импрессионистический, но понятный образ задуманного нами АС. Лейтмотивом всех примеров будет идея системного описания лексики, или идея предсказаний, пусть не стопроцентных, которые можно делать на основании отдельных свойств лексем или их принадлежности к тем или иным семантическим классам и подклассам. Приводимый материал обладает еще одним общим свойством — все это факты, которые в существующих словарях либо вовсе не отражаются, либо представлены неполно.

2. Современные технологии

Под современными технологиями я имею в виду опору на корпусные данные и лингвистический эксперимент.

2.1. Корпусы текстов

При составлении АС будут широко использоваться два больших корпуса — Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и глубоко эшелонированный корпус текстов всех жанров литературы XIX–XXI вв. объемом в 34 000 000 слововхождений, созданный в Секторе теоретической семантики русского языка им. В.В. Виноградова РАН; в него целиком включен и хорошо известный Упсальский корпус. Будут приниматься во внимание также тексты, обращающиеся в Интернете (например, в справочной системе GOOGLE). Поясню на простом примере, какие новые знания, полезные и теоретически, и практически, можно получить из перечисленных источников.

В русской лексикографии, начиная с Академического словаря 1847, слова *ноль* и *нуль* трактуются как совершенно равноправные варианты, причем до СУш 1934–1940 основным вариантом считался *нуль*, а в этом словаре и после него — *ноль*.

Более тонко они описаны в Орфоэпическом словаре 1989, где предлагается следующее распределение по формам: в именительном падеже *ноль* нейтрален, а *нуль* считается его допустимым, но устаревшим вариантом (обычно говорят *один — ноль в вашу пользу*, а не *один — нуль в вашу пользу*, *У нас — ноль градусов*, а не *нуль градусов* и т. п.). Напротив, во всех косвенных падежах нейтрален *нуль*, а *ноль* считается его допустимым вариантом (обычно говорят *равный нулю*, а не *равный нолю*, *начинать с нуля*, а не *начинать с ноля*)¹.

В Зализняк 2003 (и ранее, в издании 1977 г.) замечены еще три важные детали распределения: а) в математическом значении обычен вариант *нуль*; б) в прочих значениях в формах именительного единственного и винительного единственного употребляется преимущественно вариант *ноль*; в) все остальные формы образуются преимущественно от варианта *нуль*.

Эти наблюдения тем более поразительны, что сделаны в до-корпусную эпоху, исключительно на основании выдающейся языковой и лингвистической интуиции автора словаря². Однако обращение к текстам позволяет внести и в эту картину еще два уточнения. С одной стороны, даже в математических текстах в названиях дробей в формах ИМ и ВИН предпочитается вариант *ноль*: *ноль целых две десятых*, а не *нуль целых две десятых*, *на ноль целых две десятых* лучше, чем *нуль целых две десятых*, *на нуль целых две де-*

---

¹ Здесь есть одна неточность: *ноль* предпочитается не только в именительном, но и в винительном падеже; ср. следующие примеры из текстов: *ставит ноль с минусом за поведение, превращается в ноль целых одну десятую, делить <умножать> на ноль, позвоните по ноль один, стричь под ноль*.

² Приведем весьма яркие данные поисковой системы GOOGLE по формам множественного числа, подтверждающие наблюдения А.А. Зализняка: именительный и винительный падежи (далее — ИМ и ВИН соответственно): *ноли* — 56 000 употреблений, *нули* — 943 000 употреблений; родительный падеж: *нолей* — 27 700 употреблений, *нулей* — 357 000 употреблений; дательный падеж (далее — ДАТ): *нолям* — 643 употребления, *нулям* — 122 000 употреблений; творительный падеж (далее — ТВОР): *нолями* — 23 500 употреблений, *нулями* — 270 000 употреблений; предложный падеж: *нолях* — 1880 употреблений, *нулях* — 48 000 употреблений. Полезно обратить внимание на то, что, несмотря на огромное числовое превосходство *нуля* над *нолем*, основным вариантом в современном русском языке остается *ноль*: представляющая форма существительного, т. е. ИМ ЕД, оказывается более сильным фактором, чем употребительность.

сятых. Здесь форма (винительный падеж) оказывается сильнее, чем значение. С другой стороны, вариант *нуль* является показателем не только математического, но и любого другого специального дискурса, т. е. тяготеет к закреплению в роли термина. Соответственно он предпочитается также в тех случаях, в которых имеет место метафорическое переосмысление первоначально терминологических сочетаний или образов; ср. *абсолютный нуль*, *В итоге полный <абсолютный> нуль*; *Вместо плюса нуль — у нас минус нуль* (Е. Замятин, Мы); *Типичная нуль-транспортировка* (А. и Б. Стругацкие, Попытка к бегству); *При некоторой температуре T_c , называемой точкой Кюри, <...> намагниченность точно обращается в нуль* (Упсальский корпус).

Таким образом, в современном русском языке сложились новые правила употребления вариантов *ноль* и *нуль*, пока еще не описанные ни в каких нормативных источниках. Совершенно ясно, что они имеют прямое отношение к формированию навыков правильной русской речи и поэтому в каком-то виде должны быть включены в АС русского языка.

2.2. Лингвистический эксперимент

Хочу сказать два слова и в защиту лингвистического эксперимента. Он был в большой чести у теоретиков в эпоху господства структурализма, часто в ущерб опоре на хорошие тексты, но сейчас, когда нам стали доступны громадные языковые материалы корпусов, он стал вызывать скепсис у поклонников корпусной лингвистики. Между тем в текстах встречаются употребления, явным образом противоречащие сложившейся языковой норме. Чтобы отличить такие употребления от реально скрытых в языке возможностей, часто бывает необходимо прибегнуть к лингвистическому эксперименту и сопровождающему его объяснительному инструментарию.

В качестве примера я сначала рассмотрю лексическую единицу *в бытность*, которая стала предметом специального исследования в работе В.С. Храковского, посвященной таксису³. Среди сделанных автором наблюдений было следующее: в корпусе, которым он пользовался, эта единица встретилась 107 раз в контексте местоимений первого лица (*в мою <нашу> бытность*), 83 раза в контексте местоимений третьего лица (*в его <ее, их> бытность*), и только 6 раз в контексте местоимений второго лица (*в твою <вашу> бытность*). В.С. Храковский эти предпочтения в способах заполнения первой валентности единицы *в бытность* зафиксировал, но не дал им никакого объяснения. Между тем объяснение возможно. Дело в том, что эта единица стилистически маркирована как нарративная и книжная. Она звучит вполне естественно в рассказе о событиях своей собственной жизни или жизни третьих лиц. Однако в контекстах типа *В твою <вашу> бытность председателем правления порядка было больше* возникает небольшой, но заметный конфликт между

---

³ Мои соображения основаны на материалах доклада «Нестандартный таксис: анализ конструкций с грамматической единицей *в бытность*», прочитанного В.С. Храковским 19 октября 2007 г. на Семинаре по теоретической семантике в ИППИ РАН.

нарративностью, повествовательностью самой единицы и диалогичностью высказывания. Хотя, таким образом, в текстах есть употребления типа *В твою <вашу> бытность*⁴, их следует квалифицировать, на основании изложенных соображений, как слегка отклоняющиеся от нормы.

Указанное распределение носит системный характер, поскольку и в других случаях имеет ту же подоплеку. Похожим образом употребляется, например, нарративная частица *было* в значении не предпринятого или не доведенного до конца действия. Она свободно сочетается с местоимениями первого и третьего лица (*Я <он> было встал, Мы <они> было встали*), но по меньшей мере необычна в сочетании с местоимениями второго лица; ср. странность *?Ты было встал, ?Вы было встали*. Точнее, такие реплики могут быть признаны вполне корректными, если они являются не элементами синхронного диалога, а более поздним рассказом говорящего о действиях адресата, свидетелем которых он был (последним соображением я обязан М.Я. Гловинской).

Итак, наличие каких-то фактов в текстах еще не является свидетельством того, что они являются и фактами языка и, тем самым, подлежат включению в нормативные грамматики и словари (а активный словарь не может не быть нормативным). Необходим эксперимент, использующий непосредственную языковую интуицию говорящих по поводу того, что правильно, а что неправильно в языке, результаты которого должны быть объяснены с точки зрения современной лингвистической теории. Только после этого принимается окончательное решение о статусе данного явления в языке и о том, надо ли его включать в словарь.

Рассмотрим еще одну ситуацию, характерную для работы лексикографа и тоже требующую обращения к эксперименту и технике лингвистических объяснений. Возьмем группу глаголов а) *бахвалиться, хвалиться, хвастаться* и б) *рисоваться, форсить, щеголять* в близких значениях ‘сообщать кому-л. о своих достоинствах, сильно их преувеличивая’, ‘вести себя так, чтобы произвести на кого-то впечатление своими достоинствами’ (уточненный пример из работы Апресян 1992). У всех этих глаголов, по данным современных словарей русского языка, имеется свойство управлять существительным в форме ТВОР: *бахвалиться <хвалиться, хвастаться> своими успехами, рисоваться <форсить, щеголять> своей силой*. В ряде словарей (например, в МАС’е) отмечается, кроме того, способность глаголов *хвалиться* и *хвастаться* управлять предложно-именной группой *перед кем-л.*: *хвалиться <хвастаться> перед кем-л. своими успехами*. Однако ни МАС, ни БАС, но другие авторитетные толковые словари русского языка не содержат аналогичных указаний относительно глаголов *бахвалиться, рисоваться, форсить* и *щеголять*. Возникает вопрос, является ли это принципиальным фактом, отражающим закономерность языка, или случайным обстоятельством, возникшим вследствие отсутствия таких примеров в словарных картотеках.

---

⁴ В GOOGLE’е их обнаружилось около 600 000 — против 6 569 000 с местоимениями первого и третьего лица (учитывались пре- и постпозиция местоимения относительно существительного).

Обращение к современным корпусам дает приблизительно одинаковую картину для всех этих глаголов. По данным текстов, все они способны к двойному управлению типа *бахвалиться* <*хвалиться, хвастаться*> *чем-л. перед кем-л., рисоваться* <*форсить, щеголять*> *чем-л. перед кем-л.*

Чтобы понять, в какой мере можно доверять конфликтующим данным авторитетных словарей и корпусов, следует обратиться к языковой интуиции говорящих (т. е. в конечном счете к эксперименту) и попытаться найти в языке обоснование для нее.

Как будто нет оснований сомневаться в том, что в данном случае, в отличие от рассмотренного выше, правы тексты: обе группы словосочетаний с точки зрения носителя языка вполне правильны. Можно предложить и семантическое объяснение этой интуиции.

Из приведенных выше толкований следует, что глаголы первой группы обозначают разновидности сообщения о своих достоинствах, а глаголы второй группы — разновидности демонстрации своих достоинств. Но сообщение или демонстрация с необходимостью предполагают аудиторию (слушателей, зрителей), для которой они предназначены. Очевидно, что форма *перед кем-л.* как раз и является способом реализации этой роли.

Толкования дают основание для постулирования еще некоторых управляющих свойств глаголов первой группы. *Бахвалиться, хвалиться* и *хвастаться* суть речевые акты, а речевые акты предполагают адресата, который обычно выражается именной группой в форме ДАТ. Такая группа легко подставляется в словосочетания со всеми тремя глаголами. Ср. *Он бахвалился* <*хвалился, хвастался*> *мне, что может одним ударом свалить быка.* Этим, кстати, они отличаются от глаголов поведения *рисоваться, форсить* и *щеголять*. Надо сказать, что последнее свойство, легко устанавливаемое в эксперименте, не отмечено ни для одного из трех глаголов ни в одном толковом словаре современного русского языка.

3. Теоретические результаты

Что касается теоретических результатов, то для АС особенно важны следующие четыре области лингвистической теории: а) семантика — теория толкований и правила взаимодействия значений; б) синтаксис — современная теория управления; в) сочетаемость — обновленная теория лексических функций; г) просодия, где лексикографический интерес представляют факты лексикализации фразовых акцентов и их связь с коммуникативной организацией высказывания.

3.1. Семантика в АС — толкования и семантические правила

К толкованиям, помимо общенаучных требований системности, полноты, неизбежности и нетавтологичности, в АС предъявляются еще два требования. Во-первых, толкования должны быть доступны для непрофессионала. Во-вторых, они должны обладать объяснительной силой, например, объяснять допустимость одних

словосочетаний и недопустимость других. Поясню эти требования на примере основных значений глаголов *войти* (*в комнату*) и *выйти* (*из комнаты*).

Толкования этих лексем в традиционных словарях выглядят следующим образом: *войти* = ‘идя, двигаясь, проникнуть куда-л., в пределы чего-л.’, *выйти* = ‘уйти откуда-л., оставить пределы чего-л.’, причем *уйти* в свою очередь толкуется как ‘покинуть какое-л. место, чье-л. общество; удалиться, отправиться куда-л.’.

Эти толкования, бесспорно, доступны для непрофессионала, но никакому другому из перечисленных выше естественных требований они не удовлетворяют. В частности, они не объясняют, почему по-русски можно сказать *войти в дом с улицы*, *войти в комнату из холла*, а **войти из дома на улицу*, **войти из комнаты в холл* — нельзя; почему можно сказать *выйти из дома на улицу*, *выйти из комнаты в холл*, а **выйти в дом с улицы*, **выйти в комнату из холла* нельзя.

Дело в том, что глаголы *войти* и *выйти*, как и другие глаголы перемещения с приставками *в-* и *вы-* (а это — большой системный класс), накладывают определенные ограничения на пространства, где кто-то находился до начала перемещения и после него. Глаголы с приставкой *в-* обозначают перемещение в более замкнутое, а глаголы с приставкой *вы-* — перемещение в более открытое пространство. Уточненные таким образом толкования вполне объясняют, почему фразы *войти в дом с улицы* и *выйти из дома на улицу* воспринимаются носителями языка как правильные, а фразы **войти из дома на улицу* или **выйти в дом с улицы* — как неправильные.

Перейду к правилам. Посмотрим на лексему *войти* 3, представленную во фразах типа *Наши книги вошли в один шкаф*. В обычных словарях она толкуется через синонимы ‘вместиться, поместиться’, но толкование через синоним некорректно. Более корректное аналитическое толкование этого значения, даваемое в АС, выглядит следующим образом: ‘Для физического объекта А1 [*наши книги*] внутри объекта или пространства А2 [*один шкаф*] было достаточно места, чтобы весь А1 начал находиться в А2’.

Это толкование описывает прототипические употребления глагола *войти* 3, но не охватывает некоторых других вполне обычных его употреблений. Посмотрим на фразу *В эту бутылку входит три литра*. В отличие от фразы *Наши книги вошли в один шкаф*, которая описывает реальный и уже состоявшийся факт, эта фраза описывает некое свойство бутылки, а именно, ее вместимость. Как видим, словарное значение глагола *войти* в форме НЕСОВ существенно модифицируется, и эта семантическая модификация тоже должна быть описана в словаре.

На основе этого и других подобных фактов было введено очень важное для семантики и лексикографии понятие употребления, которое стало основным инструментом описания модификаций прототипического значения лексемы в АС. Особым употреблением данного лексического значения называется такой сдвиг в его словарном толковании, который в строго верифицируемых контекстуальных условиях происходит всегда и поэтому может быть получен с помощью стопроцентно справедливого семантического правила.

3.2. Синтаксис в АС — теория управления

Теория управления на нынешнем этапе ее развития исходит из того, что основой для установления управляющих свойств любого предикатного слова должна быть его семантика. Покажу на примере глагола *отвечать*, к каким новым следствиям приводит эта установка.

Глагол *отвечать* обозначает речевой акт и, как всякий речевой акт, имеет по крайней мере три актанта: деятеля (кто отвечает), содержания речевого акта (что именно отвечает) и адресата (кому отвечает). Поскольку, однако, *отвечать* является реакцией на другой речевой акт, а именно вопрос, у него появляется четвертый актант — стимул (на какой вопрос отвечает).

Первый и третий актанты, обычно подлежащее и косвенное дополнение в форме ДАТ, лексикографически неинтересны и не комментируются.

Второй актант — содержание ответа — выражается при глаголе *отвечать*, во-первых, четырьмя типичными для всех речевых актов способами: а) придаточным дополнительным предложением, вводимым союзом *что*: *Он ответил, что ничего не помнит*; б) косвенным вопросом: *Вы не ответили, где вы были <почему не пришли>*; в) прямой речью: — *Приду*, — *ответил он*; г) местоименным существительным типа *что*, *что-то*, *что-нибудь*, *ничего* и т. п.: *Что он ответил?*, *Он ничего не ответил*.

Три других способа выражения этого актанта более экзотичны или даже специфичны именно для глагола *отвечать*. Это: а) существительное *слово* в отрицательном или вопросительном контексте: *Он не ответил ни слова*; б) оценочные наречия *положительно* (= ‘ответить «да»’) и *отрицательно* (= ‘ответить «нет»’); в) существительное со значением речевого акта в форме ТВОР: *ответить согласием <отказом>*.

В роли четвертого актанта — стимула — может выступать лексически ограниченная группа слов типа *вопрос*, *запрос*, *предложение*, *приглашение*, *просьба*: *Он не ответил на вопрос*.

Очевидно, что в словаре активного типа эти свойства актантной (валентной) структуры глагола *отвечать* и особенности его сочетаемости по каждой валентности должны быть отражены как можно полнее.

Как видим, ожидания, которые формируются у лексикографа при описании очередного акта речи на основе знания родовых, «идеальных» свойств глаголов этого семантического класса, являются мощнейшим инструментом системного описания лексики.

3.3. Сочетаемость в АС

Для активного словаря первостепенный интерес представляет не вполне свободная сочетаемость слов. Ее изучение было поставлено на твердую основу в теории лексических функций (ЛФ) И.А. Мельчука; см. (Мельчук 1974). Главный тезис этой теории состоит в том, что в языках мира можно выделить несколько десятков

значений высокого уровня абстракции, каждое из которых выражается большим классом слов. При этом выбор конкретного слова L для выражения данного значения целиком зависит от того слова X, с которым оно сочетается. Он, следовательно, семантически не мотивирован, лексически связан, идиоматичен. Яркий пример — ЛФ MAGN = ‘большая степень того, что названо ключевым словом’. Мы говорим *крошечная тьма* и *мертвая тишина*, но не *мертвая тьма, *крошечная тишина; можно сказать *крепко спать* и *твердо знать*, но не *крепко знать и *твердо спать.

На самом деле в первых работах по ЛФ степень их идиоматичности была сильно переоценена. Главным результатом позднейших работ явился вывод, что выбор конкретного слова L на роль значения данной ЛФ от данного ключевого слова X мотивирован, хотя и не на сто процентов, каким-то общим смысловым компонентом в лексических значениях L и X (см. Апресян 2004, с дальнейшей библиографией). Наличие такого компонента объясняется общими законами семантического согласования, которое, как и всякое другое согласование в естественном языке, состоит в повторении какого-то простого элемента в составе сочетающихся слов. Это и позволяет в какой-то мере предсказывать как набор ЛФ-коллокатов для достаточно больших классов слов-аргументов, так и конкретные способы их выражения.

Посмотрим для начала на глагольную сочетаемость слова *контроль*. Вот его основные ЛФ из самого большого глагольного семейства, а именно OPER-LABOR-FUNC, включая сложные ЛФ с добавлением системных смыслов ‘начало’, ‘прекращение’, ‘каузация’ и ‘ликвидация’: *быть <находиться> под контролем, подвергаться контролю, держать кого-л. под контролем, подвергать что-л. контролю, попадать под контроль, выходить из-под контроля, ставить что-л. под контроль, выводить что-л. из-под контроля*. Теперь уясним, что в значение слова *контроль* входит представление об иерархии отношений между двумя людьми или группами людей и о том, что субъект, занимающий более высокое положение в этой иерархии, может диктовать свою волю другому. В этом отношении слову *контроль* близки слова а) *власть, влияние* и б) *надзор, наблюдение*. Тогда, если верна гипотеза о семантическом согласовании ЛФ-глагола X с его аргументом L, естественно ожидать, что по крайней мере некоторые из этих лексически связанных глаголов будут сочетаться, помимо слова *контроль*, и с другими упомянутыми существительными. Эта гипотеза вполне оправдывается. Ср. *быть <находиться> под властью <под влиянием>*, *держат кого-л. под своей властью <под своим влиянием>*, *попадать под власть <под влияние>*, *выходить из-под власти <из-под влияния>*, *выводить кого-л. из-под власти <из-под влияния>*; *быть <находиться> под надзором <под наблюдением>*, *держат кого-л. под надзором <под наблюдением>*, *попадать под надзор <под наблюдение>*.

Иными словами, зная семантические классы ключевых слов и универсальный набор ЛФ, мы можем формировать правильные лексикографические ожидания даже по поводу не вполне свободной сочетаемости слов. Подчеркну, что сам формальный аппарат ЛФ при этом остается за кадром; он используется только для направленного сбора материала и системного представления сочетаемости слов в АС.

3.4. Лексикализованная просодия в АС

Факты такого рода попали в поле зрения лингвистов в конце 80-х годов прошлого века и с тех пор изучались весьма интенсивно. В этом материале тоже были обнаружены некоторые закономерности, которые я проиллюстрирую на примере глаголов *выглядеть* и *послышаться*.

Для глагола *выглядеть* прототипическим является значение впечатления, т. е. такого образа мира, в истинности которого субъект восприятия не уверен. Ср. *Он выглядел уставшим*. Та же лексема может в определенных условиях обозначать либо факт (сдвиг в сторону *быть*), либо элемент мнимого мира (сдвиг в сторону обманного *мерещиться*).

Сдвиг в сторону объективности обычно происходит во фразово безударной тематической позиции, особенно в контексте «объективных» указательных наречий *иначе, так, следующим образом* и т. п., которые берут на себя функцию ремы. Ср. *В Новой газете сообщение об этом событии выглядело иначе* [т. е. было иным]. Сдвиг в сторону мнимости возникает у *выглядеть* в рематической позиции, в частности, под логическим (контрастным) фразовым ударением. Ср. *Она только ↓↓выглядит здоровой, на самом деле она очень больной человек*.

Аналогичные сдвиги представлены на материале глагола *послышаться*⁵, с той разницей, что различия между значениями факта (*Послышалось цоканье копыт*), впечатления (*Ей послышалось, как будто в мастерской что-то тихо пробежало*) и мнимости (*— Мне послышалось, — сказал кот*) выражены гораздо более четко, так что в этом случае можно говорить о трех обособившихся лексемах. Подчеркну, что лексема *послышаться* 3, обозначающая кусочек мнимого мира, как и глагол *выглядеть* в том же значении, всегда несет главное фразовое ударение и, следовательно, рематична.

Иными словами, зная семантические классы ключевых слов и общие закономерности фразовой просодии, мы можем формировать правильные лексикографические ожидания по поводу акцентных выделений слов во фразе.

Заключение

Итак, задуман АС русского языка, учитывающий последние результаты лингвистической теории и одновременно обращенный к широкому кругу носителей языка, не имеющих специального лингвистического образования. Такой словарь должен, по замыслу, выполнять сразу две функции: а) быть компонентом полного научного описания русского языка; б) служить лексикографическим справочником активного типа. В первой ипостаси он может стать объектом разнообразных теоретических исследований. Во второй ипостаси он будет способствовать полноценному практическому овладению русским языком.

---

⁵ Глагол *послышаться* был описан в Апресян 2001: 9–10 и Падучева 2004: 200 и сл., 407.

ЛИТЕРАТУРА

- Академический словарь 1847: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук. СПб, 1847.
- Апресян Ю.Д. Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика: обратные связи // Festschrift für Viktor Jul'evič Rozenzvejg. Zum 80. Geburtstag. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 33. Wien, 1992. S. 5–27.
- Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–22.
- Апресян Ю.Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 3–18.
- Денисов П.Н., Морковкин В.В. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 2003.
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мельчук И.А. и Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- НОСС 2004: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. Авторы словарных статей: В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. М., 2004.
- Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1989.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- СУш: Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1934–1940.
- Longman Dictionary of Contemporary English. 15-th ed. 2003.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. Oxford, 2002.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 6-th edition. Oxford, 2003.

А.С. БЕЛОУСОВА
(Москва, Россия)

**О НОВЫХ ЖАНРАХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА РАН Н.Ю. ШВЕДОВОЙ***

Статья посвящена трем словарям, созданным в последние годы под руководством академика РАН Н.Ю. Шведовой (1916–2009) в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Каждый из этих словарей представляет собой новый лексикографический жанр и реализует новую концепцию описания русской лексики.

I. Во второй половине XX века в русской лексикографии появилось новое направление, связанное с созданием словарей, которые ставили своей задачей описание структурно-семантической организации лексического уровня языка (всей лек-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-04-00529а «Принципы организации русской лексики как системы (значение слова, лексико-семантический класс, концепт)».

сики в целом или ее отдельного участка). Такие лексиконы получили название семантических словарей. Этот тип словарей близок к идеографическим словарям, но в основу последних кладутся понятийные классификации как отражение представления автора о внутреннем устройстве мира либо как отражение познания человеком окружающего его мира. Семантические же словари строятся на основе углубленного анализа значения слова, выявления отношений этого значения с другими соответствующими единицами и последующего абстрагирования таких отношений и их иерархизации. Первым опытом составления подобного словаря на русском материале можно считать «Русский семантический словарь» под ред. С.Г. Бархударова (1982)¹, созданный авторами с помощью ЭВМ. Были также созданы учебные семантические словари, описывающие отдельные участки лексико-семантической системы русского языка².

Задачу полного словарного представления семантической организации русской лексики как сложной естественной системы поставил перед собой авторский коллектив фундаментального лексикографического труда «Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по лексико-семантическим классам слов»³. Единицей описания здесь является значение слова (для многозначного слова — каждое его отдельное значение), по терминологии авторов, — «словозначение»; корпус всех томов словаря включает более 200 000 таких единиц. Основой научной концепции словаря является положение о том, что словесный состав современного русского литературного языка (собственно литературного языка и принимаемого им при определенных условиях просторечия) представляет собой «сложную, исторически сложившуюся, саморазвивающуюся и самодостаточную естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: это достаточно четко очерченная целостность, состоящая из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию, разную степень открытости для пополнений, по определенным законам взаимодействующих друг с другом и в то же время

---

¹ Караулов Ю.Н., Молчанов В.И. и др. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса от понятия к слову / Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Наука, 1982.

² Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 1. Уфа, 2000; Вып. 2. Уфа, 2000; Кузнецова Э.В., Бабенко Л.Г., Боровикова Н.А. и др. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник / Под общей ред. Т.В. Матвеевой. Свердловск, 1988; Лексико-семантические группы русских глаголов / Под ред. Э.В. Кузнецовой. Иркутск, 1989.

³ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. Т. I: «Слова указующие (местоимения). Слова именуемые: Имена существительные: Всё живое. Земля. Космос». М., 1998; Т. II: «Имена существительные с конкретным значением: Всё создаваемое руками и умом человека». М., 2000; Т. III: «Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир, состояние природы, человека. Общество». М., 2003; Т. IV: «Глагол: Глаголы неполнозначенательные, дейктические, бытийные, со значением активных действий, деятельности». М., 2007; Т. V: «Глагол: Глаголы со значением физических действий, движения, неактивных процессуальных состояний. Имена прилагательные с процессуальным значением. Счетные слова». М., 2012; Т. VI: «Имена прилагательные. Наречия. Предикативы» (том находится в работе).

подчиняющихся системе в целом»⁴. Именно под таким углом зрения и представлен материал в данном словаре.

Целостность лексической системы определяется прежде всего тем, что все ее единицы — слова — объединены общей семантической функцией: они служат «для обозначения реалий физического и ментального мира (отвлеченных представлений предметов, признаков, процессов), обозначения отношений между такими реалиями, а также для именованя самих таких реалий или указания на них»⁵. Следовательно, во главе всей семантической классификации лексики лежит «слово». Сама семантическая классификация строилась на основе фронтального семантического анализа значений слов, извлеченных прежде всего из однотомного словаря, а также и из других источников, путем пошагового разбиения материала: от выделения самых общих классов («макроклассов»), внутри которых единицы связаны наиболее абстрактными отношениями, — ко все более и более конкретным лексико-семантическим объединениям.

По мнению авторов словаря, самое общее членение лексики на макроклассы («участки») должно опираться на заключенное в самом языке деление всего словесного состава на части речи, поскольку именно «абстрактное значение части речи, выраженное в грамматических категориях и формах, представляет собой высшую ступень отвлечения от лексических значений всех тех слов, которые входят в данную часть речи и ее образуют»⁶. Такой подход к классификации лексики, исходящий из совокупного и нераздельного существования в слове его лексического значения и грамматических свойств, позволил не только полностью охватить весь анализируемый материал, но и познать путь к его естественным внутренним членениям. В результате осуществленного тщательного анализа семантических свойств слов (словозначений), входящих в ту или иную часть речи, каждый такой макрокласс предстает в словаре как разветвленное лексическое древо, расходящееся (на основе последовательного семантического сужения) на многочисленные ветви, которые направлены от вершины к основанию и завершаются конечными лексико-семантическими рядами. Вместе с тем исходное «подвершинное» членение, предшествующее выделению лексического древа применительно к каждой части речи, определяется тем, представлена ли данная часть речи как класс слов именующих (все знаменательные части речи) или же как класс указующих слов (местоимения и местоименные значения слова), что и отражено в словаре в исходной схеме классификации⁷.

Как уже было сказано, строение каждого лексико-грамматического класса (макрокласса) прослеживается в словаре через ступени множеств и подмножеств (количество таких ступеней доходит на некоторых участках до 11–16 шагов разбиения) вплоть до конечных лексико-семантических рядов. В тексте словаря эти ступени

---

⁴ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. М., 1998. Т. I. Предисловие. С. VII.

⁵ Там же. С. IX.

⁶ Там же. С. VII.

⁷ Там же. Схема 1. С. VIII.

представлены заголовками соответствующих рубрик и подрубрик, а также схематическим изображением класса и кратким объяснительным комментарием. Единицы, составляющие конечные ряды, связаны ближайшими семантическими отношениями (синонимии, антонимии, семантического дополнения, семантической дистрибуции и т. д.) и описаны в словаре в форме словарных статей толкового словаря (со своей дефиницией, показом — через словообразовательное гнездо — словообразующего потенциала данного значения, а также его фразеологического «шлейфа»).

Все тома словаря имеют общую композицию: том открывается предисловием (первый том — «Предисловием» ко всему изданию); далее следует собственно корпус словарных статей, распределенных по разделам в соответствии с семантической классификацией; словарное описание каждого крупного лексико-семантического класса предваряется кратким вводным текстом; завершается том справочным аппаратом (исчерпывающим алфавитным словоуказателем, а также сводом всех представленных в тексте словаря схем), который делает пользование словарем в высшей степени информативно доступным и удобным. Кроме того, внутри каждого тома все конечные лексико-семантические ряды (принадлежащие к одной части речи) последовательно пронумерованы, что отражено и в прилагаемых схемах. Каждый том словаря включает описание достаточно целостного участка лексической системы (или нескольких ее участков) и может использоваться как самостоятельное лексикографическое произведение.

Ниже будет кратко охарактеризован каждый из томов словаря.

Первый том⁸ включает описание лексико-семантической системы класса местоимений и местоименных слов («Указующие слова»), а также тех классов именуемых слов (в макроклассе имен существительных), которые называют всё живое (людей, животных, растительные организмы) и естественные природные реалии. Всего в первом томе описано около 39000 значений слов и фразеологических выражений. То, что описание семантической организации русской лексики начинается с макрокласса «Указующих слов», определяется природой семантики составляющих его единиц, высокой степенью абстракции их значений. В конце 90-х годов в ряде работ Н.Ю. Шведовой было выдвинуто теоретическое положение о дейктической системе русского языка, представленной категорией местоименных слов (собственно местоимений и глагольных дейктических слов и фразеологизмов), а также разработана теория языкового смысла, означаемого дейктическим словом⁹. Языковой смысл здесь понимается как языковая категория, стоящая на высшей ступени языковой абстракции, всегда являющаяся инвариантом по отношению к языковому значению. В этих работах представлен новый взгляд на местоимения как на систему, концентрирующую в себе те глобальные языковые смыслы, которые сочленяют во-

---

⁸ Редактор тома В.А. Плотникова; авторы-составители первого тома: А.С. Белоусова, В.К. Юношева и Ю.А. Каминская.

⁹ Шведова Н.Ю., Белоусова А.С.. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995; Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998; *то же*, переработанное и дополненное в: Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М., 2005. С. 445–543.

едино разные уровни языка: его лексический и грамматический строй, словообразование и идиоматику. Соответственно каждый такой языковой смысл манифестируется тем или иным местоименным словом или местоименным (дейктическим) глаголом или глагольным фразеологизмом.

В силу такой специфики значений и языкового статуса местоименных слов проблема их семантической классификации оказывается значительно более сложной, чем соответствующая задача описания слов именующих. Авторы словаря отошли от традиционного описания местоимений по их лексико-семантическим разрядам и построили своё описание на том понимании местоименного слова, о котором сказано выше, а также на общем для всего словаря принципе частеречного членения лексики¹⁰. В результате макрокласс «Указующих слов» предстает как сложная иерархически организованная система, имеющая в глубину до шести шагов членения и включающая 27 конечных лексико-семантических рядов.

Как уже было сказано, в первом томе словаря описаны также лексические классы, возглавляемые следующими семантическими доминантами: «человек / олицетворяемое существо», «животное», «предмет, реалья, относящиеся к живой природе» и «предмет, реалья неживой природы». Семантическая организация этих классов, в отдельных участках доходящая до 16 шагов членения, отражена в словаре в 66 прилагаемых схемах, сопровождаемых теоретическим комментарием, конечные ступени семантического разбиения классов представлены 513-ю элементарными лексическими рядами.

В качестве иллюстрации ниже приводится фрагмент одной из ветвей классификации — от высших, исходных ступеней — до минимального лексического ряда, объединяющего словозначения (здесь — общие обозначения лица, человека), а также образец словарной статьи.

СЛОВО

СЛОВА ИМЕНУЮЩИЕ

СЛОВА, ИМЕНУЮЩИЕ ПРЕДМЕТ: ВСЁ ЖИВОЕ, ВЕЩЬ, ЯВЛЕНИЕ

СЛОВА, ИМЕНУЮЩИЕ КОНКРЕТНЫЙ ПРЕДМЕТ: ВСЁ ЖИВОЕ, ВЕЩЬ

СЛОВА, ИМЕНУЮЩИЕ ВСЁ ЖИВОЕ: ЧЕЛОВЕК (ЛИЦО), ЖИВОТ-

НОЕ, РАСТЕНИЯ И ДРУГИЕ РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗМЫ

НАЗВАНИЯ ЛИЦ И ЖИВОТНЫХ

НАЗВАНИЯ ЛИЦ

РЕАЛЬНЫЕ ЛИЦА, ЛЮДИ

ЛИЦО, ЧЕЛОВЕК

ОБЩИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Вслед за последним заголовком рубрики расположены словарные статьи, посвященные описанию каждого из слов (словозначений), формирующих конечный ряд общих обозначений лица (собственно обозначений: *гражданин, душа, индивид, ин-*

---

¹⁰ Еще А.В. Исаченко отмечал, что местоимения фактически образуют частеречную систему, параллельную системе именующих слов (см.: *Исаченко А.В.*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I. М., 1965. С. 22).

дивидуал, индивидуальность, индивидуум, лицо, личность, микрокосм и микрокосмос, особа, персона, смертный, субъект, тип, фигура, человек, элемент, я, а также таких обозначений, содержащих субъективно-эмоциональную оценку: *башка, голова, птица, штучка, экземпляр*).

ЧЕЛОВЕК, -а, в знач. *мн.* люди, -ей (человеки — устар. и шутол.; *косв. п.* человек, человеками и т. д. только в сочетании с количественными словами; *зват. п.* человеке в обращении — стар. и шутол.), *м.* **1.** Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. *Ч. разумный* (в зоологической систематике: вид в отряде приматов; *Ното сариенс*; спец.). *Первобытный ч.* (исторический предок современного человека). *Биологическая природа человека. Духовный мир человека. Природа и ч. Познавательная деятельность человека. Я ч. и ничто человеческое мне не чуждо* (афоризм). *Ч. — это звучит гордо* (афоризм). *Пришли все как один ч.* (все сразу, все вместе). **2.** обычно с определением. Такое существо как носитель каких-н. свойств, качеств, признаков. *Учёный ч. Честный, умный, хороший ч. Ч. слова* (умеющий держать слово, обязательный). *Милый ч.* (также в обращении; прост.). *Молодой ч.* (о юноше, молодом мужчине, также в обращении). *Свой ч.* (близкий или родной). *Чужой ч. Злой ч. Будь человеком!* (веди себя по-человечески; разг.). *Настоящий ч.* (честный и цельный, достойный, волевой). *Маленький ч.* (также перен.: человек, занимающий невысокое служебное или общественное положение). *Ну и ч.!* (выражение удивления и оценки; разг.). **3.** О том, кто характеризуется положительно (разг.). *Наш командир — это ч.!* *Вот ч. так ч.!* (высокая оценка). **4.** со словами «сколько», «несколько» или с количественными числительными. Употр. при указании количества лиц (разг.). *В семье шесть ч. Пять ч. офицеров. В вагоне — ч. двадцать пассажиров. Пришло несколько ч. гостей. Сколько ч. ждёт приёма?* ♦ **Божий человек** (устар.) — странник-богомолец, нищий, юродивый. **Все мы люди, все человеки** (разг., часто шутол.) — никто не лишён человеческих слабостей. **Полтора человека** (разг. шутол.) — очень мало людей. *В зале всего полтора человека. Человек в футляре* — человек, к-рый замкнулся в кругу своих узких интересов, боится всего нового [по названию рассказа А. Чехова]. **Человек с большой буквы** — человек, заслуживающий высокой оценки. **Снежный человек** — по нек-рым данным: реликтовое человекоподобное существо, живущее в Гималаях, в горах Средней Азии, а также в горных и лесных районах нек-рых других стран. || *уменьш. человекек, -чка, м.* (к 1 и 2 знач.). *Низенький, толстый ч. Маленький ч.* (также о ребёнке). *Ч. лет шести* (о ребёнке). || *унич. человецишка, -и, род. мн. -шек, м.* (ко 2 знач.). *Жалкий, ничтожный ч.* || *увел. человецище, -а, м.* (к 1, 2 и 3 знач.). || *прил. человеческий, -ая, -ое* (к 1 и 2 знач.) и (устар. и разг.) **человечий, -ья, -ье** (к 1 и 2 знач.). *Человеческий организм. Человеческое общество. Человеческий род* (всё человечество). *Сохранить человеческое (сущ.) в человеке. Человечьё жильё. Человечьим духом пахнет* (в сказках). || *нареч. по-человечески* (к 1 знач.) и (устар. и разг.) **по-человечьи** (к 1 знач.).

Второй том «Русского семантического словаря...»¹¹, опирающийся, как и все последующие тома, на изложенные выше принципы описания лексики, содержит описание классов имен, называющих материальные продукты деятельности чело-

¹¹ Редактор тома Ю.А. Сафонова; авторы-составители второго тома: М.С. Михайлова, В.А. Плотникова, Л.Л. Агафонова, С.Н. Дмитренко, А.С. Белоусова.

века. Означаемое (денотат) здесь — это вещь, физическая реалья, физический предмет. Понятие о таком предмете формирует лексическое значение конкретного имени существительного. Соответственно и семантическая классификация этих имен не может не отражать классов понятий о таких вещах, реалиях, предметах. Но это именно языковая семантическая классификация (а не научная или тематическая), отражающая собственно языковые отношения в лексике, внутреннее устройство описываемых лексических классов. Представленные в данном томе лексико-семантические единицы именуют населенные места, обрабатываемые участки, дороги, а также организации, учреждения и невещественные продукты труда. Кроме того, в этот том вошли также названия предметов собственно по их форме, состоянию, составу, местонахождению, назначению и под. Том включает около 40 000 значений слов и фразеологических выражений, представленных в 646 конечных лексико-семантических рядах. Многоступенчатая иерархическая классификация, доходящая в глубину до 14 шагов членения, отражена в 97 прилагаемых схемах, которые получают теоретические комментарии, предваряющие их исходные шаги.

Третий том¹² завершает системное описание лексико-семантических классов имен существительных. Здесь содержится описание так называемых абстрактных имен существительных, которые традиционно противопоставляются именам существительным конкретным. В предисловии к тому отмечается, что специфика абстрактных существительных такова, что в их исходном значении полностью отсутствует представление о реальном предмете. «Абстрактные существительные заключают в своих значениях результат духовного и интеллектуального опыта носителя языка, мыслительной деятельности, направленной на обобщение явлений окружающего мира и человеческого духа (состояний, свойств, качеств), на постижение сущности бытия, осмысление его закономерностей»¹³. Такие характеристики значений слов, составляющих данный лексический класс, делают весьма сложной задачу описания его внутренней организации: здесь часто обнаруживается нежесткость границ между отдельными участками системы. Исходное, подвершинное членение всех описываемых здесь единиц определяется характером номинативной функции и степенью обобщенности лексического значения имени. Словам, именуемым понятие, которое относится к той или иной определенной сфере (например, к сфере каких-нибудь явлений или состояний — природных, социальных, ментальных, психических — либо к сфере тех или иных связей, отношений), противостоят относительно небольшие группы слов с ослабленной номинативной функцией и с очень широким значением собственно указания или оценки (условно эти группы объединены под названием класса дейктических и оценочных слов): в тексте слово с таким значением может быть обращено к любому понятию или к очень многим понятиям, а в ряде случаев также к реальному единичному предмету или к живому

---

¹² Редактор тома А.С. Белоусова; авторы-составители: М.В. Ляпон, М.В. Рогова, А.С. Белоусова, Ю.А. Сафонова, Е.П. Ходакова, В.А. Плотнокова (Робинсон), Ю.А. Каминская, М.С. Михайлова.

¹³ Русский семантический словарь... Т. III. С. XX.

существо. Естественно, что первый класс слов имеет более сложное и разветвленное строение по сравнению со вторым. В третьем томе описано свыше 30 000 слов и фразеологических выражений, которые на последних ступенях семантической классификации (в отдельных своих участках имеющей до 12 шагов членения) организованы в 569 конечных лексико-семантических рядов; сама классификация отражена в 62 прилагаемых схемах; так же, как и в других томах, схемы сопровождаются теоретическим комментарием.

Четвертый том «Русского семантического словаря...»¹⁴ содержит описание системной организации значений глагола. Вся классификация в целом представлена в двух томах: четвертом и пятом; здесь впервые наглядно показано, что лексико-семантическая организация русского глагола как макрокласса определяется не традиционной оппозицией «действие — состояние», а семантическим противопоставлением, отвечающим природе самого глагольного значения: словам, в которых семантика действия и состояния строго не разграничивается или вообще не поддается разграничению, противостоят словесные единицы, в значениях которых такое разграничение присутствует и предопределяет их распределенность по тем или иным множественным иерархически организованным лексико-семантическим объединениям. Такой принцип описания организации глагольных значений приводит к выделению подвершинно четырех классов. В первой части словаря описаны классы глаголов, относящиеся к первому члену противопоставления. Эти классы здесь квалифицированы как глаголы с ослабленной знаменательностью (т. е. глаголы-связки и полужнаменательные, глаголы фазовые, модальные, глаголы со значением связей, отношений и собственно именующие), дейктические глаголы (т. е. такие, которые означают наиболее абстрактные понятия и служат для обозначения ситуации в целом, ими охватываются все смыслы, относящиеся к области действий, процессов, состояний). Сюда же относится и класс бытийных глаголов. Принципиально важно, что в этом словаре впервые бытийные глаголы получают словарное описание как целостный сложно организованный лексико-семантический класс¹⁵. Во второй части словаря представлены обширные классы глаголов (объединяемые вторым из указанных выше членов семантического противопоставления), которые включают основной массив глагольной лексики. Это глаголы со значением активного действия, деятельности, деятельностного состояния и глаголы, называющие различные неактивные процессуальные состояния. В данном томе из указанного третьего класса описаны глаголы, которые именуют процессы, относящиеся к сферам созидания, интеллектуальных и эмоциональных действий, поведения, межличностных контак-

---

¹⁴ Редактор тома Е.С. Копорская; авторы-составители четвертого тома: Е.С. Копорская, К.В. Габучан, М.С. Михайлова, В.А. Плотникова, В.К. Юношева.

¹⁵ Первым опытом исследования бытийных глаголов как целостного класса, вычленимого из общего состава русской лексики и обладающего характерной семантической организацией (по фазам бытия) и собственными семантико-синтаксическими свойствами, можно считать работу: Шведова Н.Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М.: Наука, 1989.

тов, информации, глаголы со значением исконных трудовых процессов, промыслов, глаголы, прикрепленные специально к сфере социальной деятельности. Четвертый том описывает около 35 000 слов и фразеологических выражений, формирующих на последних ступенях семантической классификации 624 конечных лексико-семантических ряда. Строение описанных в 4-м томе глагольных лексико-семантических классов в целом отражено в 80 прилагаемых схемах, так же, как и в других случаях, комментируемых.

Пятый том словаря¹⁶, с одной стороны, является продолжением четвертого и включает описание семантической организации классов глаголов со значением физических действий и процессов, в том числе глаголов движения (эти глаголы, относящиеся содержательно к четвертому тому, не вошли в него по условиям объема книги), а также — это основной состав тома — глаголов, называющих неактивные процессуальные состояния. С другой стороны, он открывает описание макрокласса имен прилагательных: естественным и необходимым дополнением к описанию семантической организации всех глагольных значений в целом является раздел «Имена прилагательные с процессуальным значением», посвященный описанию собственно отглагольных имен прилагательных.

Как уже сказано, основное содержание пятого тома составляют глаголы со значением неактивных процессуальных состояний. Этот участок глагольной лексики в своем строении существует в четырех классах: 1) «Глаголы со значением состояния созидания, изменения, уничтожения»; 2) «Глаголы со значением физических состояний и свойств предмета»; 3) «Глаголы со значением физических и физиологических состояний живого существа», а также «Глаголы со значением состояний и действий организма»; 4) «Глаголы со значением состояния окружающей среды, погоды». Каждый из названных четырех классов имеет собственное внутреннее членение, основанное на семантической дифференциации входящих сюда множеств, причем эта дифференциация имеет иерархический характер и доходит, как и в других томах словаря, до конечного лексико-семантического ряда (рядов). В этом томе словаря состояние определяется как особый вид глагольной процессуальности, относящейся к субъекту, лишенному активного деятельностного начала.

Включение в пятый том словаря раздела, описывающего строение класса отглагольных имен прилагательных, объясняется тем, что они наглядно показывают словообразовательный потенциал глагола, при этом естественно наращивая свое частеречное значение. Здесь показана безусловная и последовательно реализуемая способность глагола накладывать идею процесса на смысловую идею имени. Это те лексико-семантические единицы, которые называют: 1) признак по собственно действию, поступку, непосредственно исходящему от субъекта; 2) признак по связанности с процессом, предназначенности для него, способности к активному процессу; 3) признак по качеству, придаваемому действием или приобретаемому в результате

---

¹⁶ Редактор тома М.В. Ляпон; авторы-составители: М.В. Ляпон, В.К. Юношева, Е.С. Копорская, М.С. Михайлова, А.С. Белоусова, М.В. Рогова, С.Н. Дмитренко.

активного действия. Такое расположение материала и принцип описания значений всех слов этого названного класса показывает общую тенденцию семантического развития отглагольного прилагательного — от очевидного сохранения непосредственной связи с семантикой глагола до ослабления такой связи и развития в соответствующих словах собственно качественного значения.

В данном томе также представлено описание макрокласса слов, объединяемых семантикой счета (слова, означающие счет, число, считаемое количество), который впервые описывается как целостный иерархически организованный участок лексики. Счетные слова, указующие по своей природе, имеют право заключать том. Пятый том по своему составу и объему является как бы завершением четвертого тома. Здесь описано около 30 000 значений слов и фразеологических выражений; все разделы тома предваряются теоретическими комментариями к сопровождающим текст схемам, пронумерованным внутри соответствующих макроклассов.

Шестой том «Русского семантического словаря», работа над которым завершается в настоящее время, открывает читателю системную организацию таких макроклассов именуемых признаков слов, как имена прилагательные (не с процессуальной семантикой), а также наречия и предикативы.

Описание имен прилагательных занимает основной объем данного тома. В целом лексико-семантическая организация класса имен прилагательных отражает специфичность лексического значения составляющих его единиц: как известно, центральной семантической категорией имени прилагательного выступает категория качества (В.В. Виноградов); эта категория может присутствовать в значении имени в разных своих вариантах. Она может быть представлена в самом абстрактном виде как лексико-грамматическое значение признака (неградулируемого), отвечающего смысловым идеям «какой» и «чей». Такие прилагательные всегда производны, и конкретизация семантики имени прилагательного осуществляется через соотношение с мотивирующим прилагательное существительным (представляющим соответственно смысловую идею предмета в широком смысле — одушевленного или неодушевленного; все эти имена прилагательные описаны в 1–3-м томах словаря в словообразовательных зонах соответствующих статей) либо глаголом (сообщающим имени смысл процесса или процессуального состояния см. об этом выше). Также семантика имени прилагательного может конкретизироваться далее как обозначение градулируемого признака, отыскиваемого в самом предмете или ему приписываемого (в значениях производных прилагательных семантика мотивирующего имени — и представляемых им смыслов — приглушена или полностью нивелирована).

Традиционное деление имен прилагательных на относительные и качественные не могло быть принято в данном словаре в силу того, что значительная часть единиц занимает промежуточное положение и не может быть безусловно отнесена к тому или иному разряду. Проведенное исследование всего массива имен прилагательных позволило выявить систему таких абстрактных семантических компонен-

тов в семантической структуре отдельного значения, которые определяют исходное членение всего данного класса. Соответственно, на первом шаге членения выделяются следующие подвершинные ветви, далее также члениющиеся. (1) Прилагательные, называющие признак по отношению, связанности с неодушевленным предметом, свойством состоянием; (2) Прилагательные, называющие признак по отношению, связанности с лицом или живым существом, принадлежности ему; (3) Прилагательные, называющие признак по действию, процессуальному состоянию; (4) Прилагательные, называющие признак по отношению к бытию: существованию или несуществованию; (5) Прилагательные, называющие признак по отношению к пространству; (6) Прилагательные, называющие признак по отношению ко времени; (7) Прилагательные, называющие признак связанности, зависимости, отношения; (8) Прилагательные, называющие признак интенсивности, меры проявления; (9) Прилагательные, называющие модальный признак; (10) Прилагательные, называющие собственно качественный признак (физический, интеллектуально-эмоциональный, социальный); (11) Прилагательные, называющие признак как оценку. Тот известный факт, что в целом развитие семантики имени прилагательного движется в направлении усиления качественности, определяет как строение данного класса в целом, так и строение каждой из названных выше лексических ветвей. Избранный подход к анализу и описанию класса имен прилагательных позволяет показать специфику семантики составляющих его единиц и специфику внутренней организации этого класса. Естественным завершением тома являются разделы, посвященные макроклассам наречий и предикативов, внутреннее строение которых также имеет вид лексического древа.

* * *

«Русский семантический словарь...», совмещая в себе жанр лексикографического произведения и семантического исследования, имеет как большое научное, так и практическое значение. Прежде всего, здесь утверждено и наглядно реализовано положение о системной организации русской лексики в целом, а не только в отдельных ее фрагментах. Показаны те сложные связи и отношения, которые существуют между разными уровнями и участками этой организации как целостного единства. С другой стороны, словарь содержит материалы для разнообразных лексикологических изучений и сопоставлений, которые уже сейчас выполняются в ряде лингвистических центров. Практическое значение этого труда состоит в том, что он является важным пособием для лексикологов и лексикографов, работающих над одно- и многоязычными словарями. Важно также, что на основе словаря могут создаваться и создаются разные учебные пособия, необходимые как для учащихся, так и для преподавателей. Несомненна большая роль словаря в повышении языковой и речевой культуры самых широких слоев населения. Кроме того, как отмечается в одной из рецензий на «Русский семантический словарь...», подобное издание не только ликвидирует существенное словарное отставание отечественной лексикографической практики от западной лексико- и идеографии, но в некоторых отношениях и

опережает ее, раскрывая через слова и их семантические группировки особенности русского языкового менталитета»¹⁷.

II. Новым по своим научным основаниям, по содержанию и методам описания является и другой лексикографический проект, начатый еще в 2001 г. под руководством академика РАН Н.Ю. Шведовой (и при ее участии как автора концепции, словарных статей и научного редактора), — «Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире)»¹⁸ (словарь вышел в свет в начале 2012 года).

Данный труд восполняет существенный пробел в отечественной лексикографии: это первый опыт создания русского идеографического словаря, в основу которого положены идеи (обобщения), порождаемые самим языком, его словесным составом и смысловым строем (а не исходящие от лексикографа). Это, во-первых, положение о том, что в лексической системе языка заключены и внутренне сопоставлены вполне определенные жизненно важные сферы, непосредственно связанные со ступенями человеческого познания и с результатами этого познания. Во-вторых, положение о дейктической системе как об основе смыслового строя языка в целом, т. е. о закрытой системе местоименных слов и устойчивых сочетаний (собственно местоимений и местоименных глаголов), заключающих в себе глобальные языковые смыслы¹⁹. В-третьих, положение о концепте как о сложной понятийно-языковой сущности, которая обладает собственной смысловой парадигмой (диктуемой смысловым строем языка, в лоне которого концепт и существует), и об особом качестве тех языковых единиц, которые материализуют смысловую парадигму концепта (и соответственно заполняют зоны словарной статьи). Три названные идеи позволили авторам подойти к пониманию идеографического словаря как такого труда, который (в отличие от существующих идеографических словарей славянских и западноевропейских языков, оперирующих лексическими единицами и систематизирующих их на основе логических либо тематических схем) должен представлять понятийное ядро русского языка посредством описания основных концептов, их смысловых парадигм и тех единиц, которые образуют ближайшую смысловую среду концепта. Предпринятый опыт создания такого словаря систематизирует и описывает 80 относящихся сюда основных концептов и около 1000 сопутствующих словесных единиц.

Поставленная задача потребовала от авторов строгого определения концепта как предмета идеографии. В современной науке концепт — чрезвычайно сложный объект

---

¹⁷ Шелов С.Д., Шайкевич А.Я. О первом томе «Русского семантического словаря» // Еженедельник «Русский язык». 2001. № 5.

¹⁸ Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире). Отв. редактор акад. Н.Ю. Шведова; заместитель отв. редактора А.С. Белоусова; авторы-составители: Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова, Н.Н. Занегина, Е.А. Смирнова, В.К. Юношева). М.: ИЦ «Азбуковник», 2011. Подробнее об этом словаре см.: Проспект. Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире) / Под редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой. М., 2004.

¹⁹ См. об этом выше.

лингвистического анализа — активно изучается разными лингвистическими школами и направлениями. Тем не менее можно утверждать, что в лингвистике до настоящего времени не существует единого, общепринятого понимания того, что стоит за этим термином. Не вдаваясь в историю вопроса, отметим, что авторы словаря в своем понимании концепта опирались не только на собственный многолетний опыт изучения лексико-семантической системы языка, на существующие исследования по данной проблематике, в том числе на известные работы Д.Н. Лихачева, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой и их последователей, но также на традиции, идущие от классических работ Г.Г. Шпета и С.А. Аскольдова-Алексеева. Так, мысль Шпета о том, что «простое слово есть полный распустившийся цветок языка»²⁰, и идея Аскольдова, что «концепты — это почки мысленных конкретностей»²¹, побуждают взглянуть на описываемую в словаре единицу не в одной плоскости, а как на такую, которая, во-первых, является живой, развивающейся и, во-вторых, имеет очень сложное строение. В ходе работы над новым словарем впервые были выявлены и исчислены основные и необходимые характеристики концепта как объекта лингвистического изучения в аспекте его последующего идеографического описания. Авторами словаря концепт понимается как исторически сложившаяся словесно выраженная п о н я т и й н о - я з ы к о в а я ц е л о с т н о с т ь, определенно относящаяся к одной из сфер существования: ментальной, духовной или жизнеобеспечивающей, — средствами языка всесторонне осмысленная, социально и субъективно оцениваемая, активно и в разных направлениях продуцирующая и во многих случаях готовая вступить в непосредственное противопоставление с равновеликой единицей той же жизненной сферы.

Из приведенного определения ясно, что концепт не может быть описан и осмыслен без обращения к его внутреннему языковому устройству. Исследование большого материала под этим углом зрения показало, что концепт обладает собственной специфической системой форм. И эту систему можно считать смысловой парадигмой концепта, которая может быть определена как образец (тип), которому подчиняется каждый концепт как понятийно-языковая целостность. Смысловая парадигма концепта — это регулярная обращенность концепта к каждому из глобальных языковых смыслов (и его частным категориям), заключенных в дейктической системе языка, например, обращенность к смыслам бытия, сущности, сущностного признака, признака по действию, состоянию или отнесенности к такому действию. Данное понятие впервые вводится в научный оборот в связи с работой над характеризуемым словарем.

Именно смысловая парадигма концепта положена в основу структуры принципиально нового типа словарной статьи: это сжатое, построенное по единому плану описание (объемом от 1 до 2,3 а.л.), средствами самих языковых единиц (и только ими, а не метаязыком) раскрывающее смысловую парадигму концепта в 19 словарных зонах, каждая из которых обобщенно представляет один из глобальных языко-

---

²⁰ Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1927. С. 19.

²¹ Аскольдов С.А. Концепт и слово. М., 1928. С. 37.

вых смыслов (или сочетание близких смыслов). Словарная статья, строящаяся на специально созданной базе данных, по своей организации является достаточно ясной, доступной для восприятия и отличной от статей других идеографических словарей.

Все словарные статьи организуются в шесть крупных разделов, в соответствии с основными ступенями человеческого познания; в названии словаря эти ступени обобщенно представлены как «Мир человека и миры, его окружающие». Эти разделы таковы.

I — «Мир, воспринимаемый человеком как всё высшее, непостижимое или непонятное, таинственное, либо, напротив, как то, что дано человеку искони, как извечно предопределённое»; данный раздел словаря, раскрывает перед читателем языковые средства выражения того, что, во-первых, в сознании человека присутствует как существующее рядом с самим человеком, но от него никак не зависящее и осуществляющее свою волю над ним; человек оказывается или подчинённым этой воле, или знающим о её существовании и боящимся её (это божественные, высшие или потусторонние силы, явления с ними связанные). Во-вторых, здесь в словаре представлено всё то, что в сознании человека присутствует как неизменно сопровождающее его жизнь, как основы существования, «корни жизни» человека или как основные категории морали (например, *добро, зло, правда, грех*). В-третьих, то, что дано человеку вместе с его рождением как предопределённое свыше (*судьба, рок*), а также как то, что дано с момента его рождения и неотделимо от его существования (*родина, чужбина*).

II — «Мир как то, в условиях чего все существует, развивается и взаимодействует и воспринимается человеком не только как от него не зависящее, но как определяющее само его существование на Земле»; здесь описаны те концепты, которые представляют все то, что понимается человеком как вечный и непрерывный круг, в котором он существует, как те вечные границы, в которых протекает его жизнь и за пределы которых он, познавая их, умея измерять и сопоставлять, выйти не может (*пространство, время, стихия*).

III — «Мир, окружающий человека, им непрерывно познаваемый и активно осваиваемый»; этот раздел включает единицы, отражающие ту естественную среду, в которой человек существует, познаёт её, осваивает и к себе приспособливает (*небо, земля, живая и неживая природа*).

IV — «Собственно мир человека: он сам», т. е. *его жизнь и смерть, его душа, совесть, состояния душевные, эмоциональные, психические, его умственные способности, его «Я»*.

V — «Мир, создаваемый человеком в обязательном взаимодействии с другими людьми и составляющий его собственное — узкое или широкое — и необходимое окружение»; данный раздел словаря описывает ту сферу существования человека, которая создаётся им самим добровольно или вынужденно, по необходимости, из жизненной потребности либо как исторически необходимо обусловленная и от него не зависящая, или как поле постоянной борьбы; но в любом случае человек вписан в эту сферу и как его создатель, и как тот, кто подчиняется сложившимся законам,

как тот, кто вне этой сферы существовать не может (это *личное и социальное окружение человека, его общение, контакты; жизненно важные продукты труда; имущественное и социальное состояние; народ; власть*).

VI — «Мир, создаваемый человеком как высшее обобщение деятельности его ума и духа»; сюда включены языковые материалы, отражающие мир духа, веры, мысли, сформировавшихся обобщений, мир слова (*молитва, мысль, речь, молва, слава, обычай* и под.).

Сам замысел словаря, его построение, принципы организации словарной статьи — все это придает книге такое существенное качество, согласно которому читатель может выходить с его помощью в индивидуальные «концептосферы» отдельной личности, мыслителя, художника слова. Словарь предназначен не только специалистам, но и такому читателю, для которого родной язык является его интеллектуальным богатством.

* * *

III. Важным событием в отечественной лексикографии явился выход в свет в конце 2007 г. книги под редакцией Н.Ю. Шведовой «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов»²². Кроме того, что здесь в рамках однотомного словаря достаточно полно (в объеме 82 000 слов и фразеологических выражений) представлена современная общеупотребительная лексика литературного языка, в словарную статью во всех необходимых случаях включены в качестве самостоятельной зоны сведения о происхождении слова и об его соответствиях в других языках. Такими зонами (всего их в словаре более 15 000) сопровождается описание почти всех непроизводных слов; эти этимологические «справки» информативно дополняют и углубляют традиционные для толкового словаря сведения о слове. Вслед за корпусом словарных статей в качестве приложения к словарю приводятся «Сведения о том, как пользоваться этимологическими справками словаря», что облегчает читателю пользование этими справками. По своему жанру новый однотомник является толково-этимологическим: он описывает общелитературную русскую лексику в ее современном состоянии и в исторической перспективе.

Как сказано в предваряющем словарь обращении «К читателю», корпус словаря и структура его словарных статей отражают наряду с основным, исторически сложившимся и устойчивым ядром лексического состава русского языка целые пласты слов и значений, или вообще не отмеченных в других толковых словарях, или появившихся в языке в последнее время. Это прежде всего активно входящая в общее употребление лексика, относящаяся к сферам деловой и общественной жизни, политики, к сферам высоких технологий, электроники, информатики, производства, финансов, торговли. Кроме того, в словарь включено много новых разговорных и просторечных слов и выражений, вошедших в литературный язык и ставших широ-

---

²² Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. редактор академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 2007 (авторы словаря: Н.Ю. Шведова — основной корпус словаря; Л.В. Куркина и Л.П. Крысин — авторы сведений о происхождении слов).

коупотребительными. С достаточной полнотой отражен фразеологический состав русского языка: сюда в качестве зоны словарной статьи или в качестве иллюстрации значения включено более 6000 идиом, образных выражений, живых пословиц и поговорок; представлены в словаре также те старые пословицы и поговорки (с соответствующими пометами), которые служат ценным иллюстративным материалом для соответствующих значений слов, и отраженный в них народный опыт и сейчас сохраняет свою актуальность.

В ходе подготовки данного словаря, целиком сохраняющего концепцию компактного, строго научного и в то же время вполне доступного для широкого читателя лексикографического произведения, была осуществлена большая исследовательская, составительская и редакторская работа как над всем корпусом словаря, так и над каждой словарной статьей в отдельности. Причем эта работа велась в большинстве случаев не «от слова к слову», а по лексико-семантическим группам слов — так, как они представлены в «Русском семантическом словаре...» (см. о нем выше).

Естественно, что при работе над «Толковым словарем русского языка с включением сведений о происхождении слов» его основной автор не мог не опираться на свой более чем сорокалетний опыт работы над однотомными словарями и в том числе над четвертым изданием книги: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка (М., 1997). Но это именно новый словарь и по своему жанру, и по содержанию. Кроме тех новшеств, о которых уже сказано, отметим еще лишь некоторые его отличительные характеристики:

– У многих многозначных слов углублено описание их семантической структуры, что дает читателю возможность уточнить общее представление о строении многозначного слова и о живых тенденциях его развития.

– Все глаголы с собственно возвратным значением помещены не в словообразовательное гнездо мотивирующего глагола, а с полным основанием разработаны как самостоятельные лексемы, очень часто неоднозначные.

– В отличие от предыдущей практики в качестве отдельных словарных статей в словарь введены с собственной семантической структурой и собственным словообразовательным потенциалом отпричастные имена прилагательные и, следовательно, образуемые ими наречия и предикативы.

– По-иному разработана структура словообразовательного гнезда. В глаголах такое гнездо описывается также с точки зрения представленности в нем производных абстрактных имен существительных, образуемых с регулярностью формы и безусловно иллюстрирующих словообразовательный потенциал глагольного слова. Более широко показаны словообразовательные возможности имён существительных и прилагательных; там, где это целесообразно, даны примеры употребления производных слов.

– Новую разработку по сравнению со всеми существующими словарными описаниями получили личные и возвратные местоимения: здесь читатель найдёт принципиально новые толкования, отвечающие природе самого такого местоимения как слова, существующего в собственной микросистеме и занимающего в ней своё ме-

сто как лексическая единица, а не как единица речи (к сожалению, описание их как единиц речи до сих пор традиционно переходит из одного словаря в другой).

– Везде, где это было возможно, автор стремился избегать толкований типа «То же, что...», раскрывая соответствующее значение через описательное определение.

– Весь словарный материал проработан с точки зрения точности и лаконичности дефиниций, а также с точки зрения информативности, наглядности и современности иллюстративных речений.

Реализация проекта позволила сделать шаг вперед в развитии академической лексикографии: создан тип словаря, совмещающего в себе жанр толкового словаря со сжатым этимологическим словарем русского языка. Тем самым показана возможность совместного описания в словаре русской лексики как с точки зрения ее современного состояния, так и с точки зрения её происхождения, истоков. Словарь имеет не только научное, но и большое практическое значение. Применительно к этимологическим зонам словарных статей вполне реальной оказывается возможность вынесения их всех вместе в отдельное произведение, что восполнит отсутствие в нашей современной русской лексикографии краткого научного этимологического словаря.

* * *

Охарактеризованные в статье словари — это безусловный вклад в развитие отечественной лексикографии, который был сделан благодаря таланту и усилиям академика Наталии Юльены Шведовой, отдавшей лексикографическому труду большую часть своей творческой жизни.

Е.Э. БИРЖАКОВА, И.А. МАЛЫШЕВА, И.Е. КУЗНЕЦОВА
(Санкт-Петербург, Россия)

РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ — XVIII ВЕК

XVIII век в истории лексикографии¹ стал периодом быстрого и решительного развертывания словарных работ. С начала века происходит переход от предшествующей традиции рукописного воспроизведения словарей к книгопечатанию. Тем самым словари становятся гораздо более доступной, массовой продукцией. Многие из них выдерживают несколько изданий, подвергаясь исправлениям и дополнениям при каждом переиздании. Увеличиваются и их тиражи. Тем не менее постоянно наблюдался «словарный голод», поскольку росла потребность в получении новых видов словарей и была недостаточной обеспеченность выпущенными лексиконами.

---

¹ Раздел написан на основе исследований Е.Э. Биржаковой по истории русской лексикографии XVIII века — см.: *Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века.* СПб., 2010.

Расширяется круг людей, занимающихся составлением словарей. Если в предшествующую пору словарное искусство было по преимуществу делом монахов-книжников и деятелей культуры, таких как Максим Грек, Лаврентий Зизаний, Памва Берында, Епифаний Славинецкий, то в XVIII в. среди авторов словарей оказались и профессиональные переводчики (И.С. Горлицкий, В.Е. Адодуров, С.С. Волчков, И.П. Сатаров, К.А. Кондратович, Г.Н. Теплов), и профессора, преподаватели и учителя учебных заведений (И.А. Гейм, Ф. Гёлтергоф, П.И. Жданов, Н.Г. Курганов, Д. Синьковский), и академики (П.Б. Иноходцев, И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский, А.П. Протасов, С.Я. Румовский), и лица духовного звания (Петр Алексеев, Аполлос Байбаков, Евгений Романов), и государственные и общественные деятели (Я.В. Брюс, В.Н. Татищев, Е.Р. Дашкова).

XVIII век определяется как начальный период нового времени в истории русской лексикографии. И это действительно так, поскольку именно в это время происходит процесс радикальных перемен в плане размежевания и специализации лексикографических направлений. В каждом из этих направлений идет работа по уточнению своего объекта и способов его описания.

Словари, изданные на протяжении XVIII в., могут быть отнесены к четырем основным направлениям: 1) переводные иноязычно-русские и русско-иноязычные словари, 2) словари иностранных и непонятных слов, 3) специальные словари (терминологические и энциклопедические), 4) толковые словари. Эта классификация в известной мере условна, поскольку многие словари не представляют собою «чистого типа» как по составу отбираемого материала, так и по способам его описания.

О лексикографическом наследии XVIII века дает представление аннотированный указатель В.П. Вомперского, содержащий 277 номеров, но не исчерпывающий всего количества печатной словарной продукции этого столетия².

Богаче всего в силу сложившихся историко-культурных обстоятельств в России XVIII века была представлена **переводная лексикография**.

В первые десятилетия создается два больших словаря, авторы которых Ф. Поликарпов³ и И. Максимович — представители старой книжной учености, воспитанные в Славяно-греко-латинской академии. В Лексиконе Поликарпова «словенская часть» сопровождается греческими и латинскими эквивалентами, в Лексиконе Максимовича к латинским словам дается перевод на «словенский» язык.

Главными источниками при создании отечественных переводных иноязычно-русских словарей были западноевропейские лексиконы. Многие из них считались образцовыми и переходили из страны в страну, дополняясь переводами. При этом нередко лексикограф лишь добавлял перевод на своем языке, оставляя в неприкосновенности текст словаря-оригинала. В результате, к примеру, двуязычный словарь становился трехязычным, а по мере работы с ним и многоязычным. Образцом такого многонационального труда может служить двенадцатязычный лексикон Ка-

² *Вомперский В.П.* Словари XVIII века. М., 1986.

³ *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище... М., 1704.

лепина⁴, к входной латинской части которого были добавлены переводы еще на одиннадцати языках. Позже, к концу века, наши лексикографы стали привлекать иноязычные толковые словари. Так, источником для Лексикона 1786 г.⁵ и Словаря Соца⁶ послужил «Словарь Французской Академии», для немецко-русского лексикона — Грамматикально-критический словарь Аделунга⁷. При этом степень полноты и представленности лексики, структура словаря были заданы словарем-оригиналом и, как правило, не подвергались изменениям. Что же касается русской части, то использование конкретных русских соответствий, мера точности в передаче значения иноязычного слова и технико-лексикографические приемы перевода и оформления зависели как от того, какое назначение имел данный словарь, так и от тех задач, которые ставил перед собою составитель русской части иноязычного лексикона. Так, в лексиконах со словниками, содержащими основную (обычно и самую частотную), стабильную часть словарного состава какого-либо языка, давался, как правило, единичный русский словесный эквивалент. Особенностью многих отечественных иноязычно-русских лексиконов XVIII в., прежде всего академических, поскольку именно они отошли от прежней традиции, стал перевод иноязычного слова через целый ряд эквивалентов и всевозможных соответствий. Таковы Вейсманнов Лексикон⁸, Лексикон Волчкова⁹, а также рукописный лексикон Татищева¹⁰ и Словарь Аделунга¹¹. Причем, при переизданиях первых двух словарей редакторская правка, как правило, увеличивала ряд соответствий введением еще новых, дополнительных. Русская часть этих словарей отличалась, кроме того, разнообразием и свободой в самом отборе лексических средств. Там могли соседствовать на равных редкие диалектизмы, просторечные слова, церковнославянизмы. Причина лексической и стилистической пестроты перевода коренилась и в недостаточной отчетливости нормативных границ языка того времени, и в специфике самого словарного текста, так как поиски русских соответствий захватывали все пласты языка. При отсутствии необходимого эквивалента привлекались иноязычные заимствования или транслитерированные слова.

Обращение к предшествующим словарям, в том числе и непосредственное использование их реестровой, входной части, было обычным в лексикографической

---

⁴ *Dictionarium undecim linguarum... Respondet autem latinis vocabulis hebraica, graeca, gallica, italica, germanica, belgica, hispanica, polonica, ungarica, anglica.* Basel, 1605.

⁵ *Полной французской и российской лексикон...* Т. 1–2. СПб., 1786.

⁶ *Соц И.В.* Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках. Ч. 1–2. М., 1784–1787.

⁷ *Adelung J.K.* Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart... Th. 1–5. Leipzig, 1774–1786.

⁸ *Вейсманн Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. Академии наук печатию издан. СПб., 1731.

⁹ *Волчков С.С.* Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу асессора Сергея Волчкова. Ч. 1–2. СПб., 1755–1764.

¹⁰ *Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подгот. текста и вступит. ст. А.П. Аверьяновой. Л., 1964.*

¹¹ *Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленный... Ч. 1–2. СПб., 1798.*

практике как отечественных, так и западных авторов. Качество будущего словаря при этом в значительной степени определялось степенью обоснованности выбора словаря-источника, потому что именно он предопределял такие составляющие входной части, как словник, грамматика и стилистика, семантическая полнота, отражение сочетаемости, фразеологии и пр. Но и от лексикографа-переводчика зависело многое. Точность в отборе эквивалентов переводящего языка, адекватность объема значений, сам отбор лексических соответствий — все это важно для оценки «выходной» части словаря. Общая же ценность словаря представляет собой сумму достоинств того и другого.

Расширение связей России с Западной Европой рождает массовую потребность в изучении европейских языков. Знание языка было важно при выездах за границу, оно требовалось для овладения профессией, для служебных надобностей и вообще становилось обязательным признаком образованного человека. В такой ситуации ведущей становилась роль словарей живых западноевропейских языков, прежде всего немецкого и французского. Именно с этими языками связаны первые словари Академии наук, позже несколько раз переизданные; в общей массе переводных словарей немецко- и французскоязычные словари занимают первое место — немецких словарей вышло более 20, французских — более 15 (не считая прикнижных словарей, в том числе и в грамматиках). Словарей английского языка было создано немного¹². Знание английского языка в России требовалось главным образом на флоте и в торговых делах, в конце же века английский стал проникать в сферу быта и культуры, в связи с начинающейся модой на «аглицкое». Были единичны и словари голландского языка, несмотря на то что в петровское время Россия имела тесные связи с Голландией как с торговым партнером и как со страной, поставлявшей мастеров-судостроителей, типографчиков, где сам Петр обучался кораблестроению. В 1717 г. выходят два небольших словаря Я. Брюса¹³, а несколько ранее голландский язык был включен в «Номенклатор» Копиевского¹⁴. Илья Копиевский (Копиевич)¹⁵, живя в Нидерландах¹⁶, по заданию Петра I в 1699–1700 гг. составлял и редактировал книги на русском языке, выходившие в типографии Яна Тессинга. В 1700 г. Копиевский опубликовал в Амстердаме два тематических трехязычных лексикона: латинско-русско-немецкий и латинско-русско-голландский¹⁷. Оба сло-

¹² Жданов П.И. Новой словарь английской и российской. СПб., 1784.

¹³ Брюс Я.В. Книга лексикон или Собрание речей по Алфавиту с Российского на Голландский язык... СПб., 1717; Брюс Я.В. Лексикон голландско-русский. СПб., 1717.

¹⁴ Копиевский И.Ф. Номенклатор на русском, латинском и голландском языках. Амстердам, 1700.

¹⁵ Zbigniew Nowak. Eliaz Kopiewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego Oświecenia // Libri gedanensis II–III. Gdańsk, 1968–1969. № 2–3. С. 35–86.

¹⁶ В конце XVII в. книгопечатание в России все еще находилось под властью церкви. В этой ситуации Петр I, чтобы избежать споров с духовенством, но в то же время ускорить процесс передачи в Россию новейших идей в области науки и техники, решил временно использовать возможности иностранного образования и книгопечатания. Его выбор пал на Нидерланды, которые в конце XVII в. стали центром интеллектуальной жизни Европы.

¹⁷ Кузнецова И.Е. Об источнике «Номенклатора на русском, латинском и немецком языке» Ильи Копиевского // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII // Материалы чтений, по-

варя сходны по структуре, количеству разделов, составу словника и расположению материала. Словари Брюса и Копиевского остались единственными печатными изданиями, связанными с голландским языком. Ограниченность сфер воздействия голландского языка (армия, флот, частично администрация и быт), а также ведущее влияние близкого к нему немецкого языка, привели к постепенному падению его роли в языковых контактах и в потребности изучать его.

В переводной лексикографии XVIII в. двуязычные и многоязычные словари количественно были равны друг другу. Двуязычные (иноязычно-русские и русско-иноязычные) словари создавались как в виде отдельных книг, так и в составе грамматик и учебных пособий. Это был универсальный тип словаря. Словари, в которых реестр, то есть объясняемая часть, имел переводы на двух и более языках, как правило, относятся к числу больших словарей с хорошо разработанным словником. При этом обычно третьим языком в трехязычных словарях является латынь¹⁸ (в Лексиконе Поликарпова — русский, греческий, латынь, в Вейсманновом Лексиконе — немецкий, латинский, русский, в Лексиконе Гёлтергофа¹⁹ — русский, немецкий, латинский). Латинский язык включен во все многоязычные словари — в четырехязычные (Лексиконы С. Волчкова, Ж. Виньерона²⁰, И. Яковкина²¹), пятиязычные (Лексиконы М. Гаврилова, И. Соца²²) и в шестизязычный Словарь Полетики²³.

По способу организации словника переводные словари были по преимуществу алфавитными. По алфавиту располагались слова в словарях, имеющих словники, насчитывающие до 40 (и выше) тысяч слов, такие как Лексикон С. Волчкова, Словари И. Нордстета²⁴, И. Гейма²⁵, И. Соца, в словарях среднего объема, со словником

священных памяти И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 319–325; она же. «Номеклатор на русском, немецком и голландском языках» Ильи Копиевского // Русский язык конца XVII – начала XIX века. Вопросы изучения и описания. Сб. 3. (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Ч. 3). СПб., 2009. С. 86–91.

¹⁸ Показателем тот факт, что переводы с латыни во второй половине века составляют всего 10 % от общего числа переведенных на русский язык книг по сравнению с первым местом, занимаемым ими в первые два десятилетия. Появившиеся почти одновременно в конце века фундаментальный Геснеров Лексикон и более краткий Латинский лексикон Розанова, ориентированные на классическую латынь, свидетельствуют об уже намечающейся тенденции рассматривать древние языки как элемент античной культуры.

¹⁹ Гёлтергоф Ф. Российской Лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом... Ч. 1–2. М., 1778.

²⁰ Виньерон Ж. Краткой лексикон на четырех языках то есть на французском, италианском, немецком и российском. М., 1771.

²¹ Яковкин И.Ф. Словарь французских речений перьвообразных... с немецким, латинским и российским переводами... СПб., 1796.

²² Гаврилов М.Г. Новый лексикон, на немецком, французском, латинском, италианском и российском языках... М., 1781; Соц И.В. Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках... Ч. 1–2. М., 1784–1787.

²³ Полетика Г.А. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском. СПб., 1763.

²⁴ Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами словарь... Ч. 1–2. СПб., 1780–1782.

²⁵ Гейм И.А. Новый российский-французско-немецкий словарь. Т. 1–3. М., 1799–1802.

до 10–15 тыс. слов (Словари Я. Брюса, Ж. Виньерона, И. Литхена²⁶) и малых учебных словарях, включаемых в грамматики и учебные пособия (например, в грамматиках М. Агентова, Ж.Ф. Вегелина, М. Шванвица, Ф. Шарова, В. Третьякова²⁷ и др.). Расположение по алфавиту было удобно для быстрого отыскания нужного слова²⁸.

Расположение слов по темам («по главизнам»), присущее прежде всего учебным словарям, было унаследовано от лексикографической практики прошлого, когда заучивание слов иностранного языка стало вестись не в азбучном порядке, как было ранее, а по смысловым группам. Традиционны были и тематическая рубрикация, и ее внутреннее наполнение, отличающиеся в отдельных словарях лишь некоторыми перераспределениями или большей или меньшей детализацией внутри рубрик. Представление о тематических группах подобных словарей дает «Собрание имен» Ф. Поликарпова²⁹. Лексика в нем распределена по 35 главам, наименованным: о бозе и духах; о мире, небесах и стихиях; о времени и праздниках; о водах; о местах и землях; о человеке и его частях; о болезнях; о брашнах; о питии; о животных четвероногих; о птицах; о червях и насекомых; о рыбах; о древесях; о разных овощах; ... о граде, и яже суть в нем; ... о училище и о книгах; ... о судебных делах и пр. В дальнейшем такой вид расположения используется главным образом в небольших словариках, прилагаемых к грамматикам.

Первым словарем, отразившим новизну языка петровской поры, был «Голландско-русский лексикон» Я. Брюса. В лексическом отборе русских эквивалентов для русских слов в «Русско-голландском лексиконе» Я. Брюса нашла яркое отражение речевая практика той передовой, европеизированной, знакомой с западноевропейскими языками части русского общества, к которой принадлежал и сам Брюс. Приметой нового является прежде всего широкое использование иноязычных заимствований, как уже освоенных и осваиваемых, так и редких, экзотических. В качестве эквивалентов к голландским словам в нем нередко давались голландизмы и германизмы, принадлежащие по времени своего появления в русском языке и степени освоения к отчетливым неологизмам (таковы — *авантаж*, *ариергарде*, *банкерот*, *буер*, *бастион*, *гавань*, *кабинет*, *триумф*, *фантана* и пр.)³⁰.

²⁶ Литхен И.Ф. Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все слова по порядку российского алфавита. Ч. 1–2. СПб., 1762.

²⁷ Шванвиц М. Немецкая грамматика... СПб., 1730; Агентов М. Краткая немецкая грамматика... М., 1762; Вегелин Ж.Ф. Новый методический способ учиться хорошо читать... М., 1791; Шаров Ф. Новая немецкая грамматика в пользу благородного юношества... СПб., 1792; Третьяков В. Новые легчайшие немецкие разговоры... М., 1795.

²⁸ Алфавитный способ расположения материала использовался и при показе определенных групп лексики. Так, грамматика М. Шванвица включает словарь сходных по звучанию немецких слов, расположенных в соответствии с немецким алфавитом. Этот же словарь с небольшими изменениями был повторен в грамматике М. Агентова.

²⁹ Поликарпов Ф. Краткое собрание имен по главизнам расположенное тремя диалектами в ползу хотящим ведети свойство еллиногреческого и латинского диалекта (входит в «Букварь»). М., 1701.

³⁰ О Лексиконе Я. Брюса см.: Биржакова Е.Э. Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII в. («Русско-голландский лексикон» Якова Брюса) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 23–37.

В истории отечественного словарного дела особое место занимает «Немецко-латинский и русский лексикон» 1731 г. (далее: ВЛ). В русской лексикографии начала XVIII в., равно как и предшествующего времени, не было фундаментальных иноязычно-русских словарей живых западноевропейских языков, в том числе и германоязычных. Поэтому для создания немецко-русского словаря был использован один из немецко-латинских словарей немецкого лексикографа Эриха Вейсмана — «Lexicon bipartium Latino-Germanicum et Germano-Latinum» (вышел в свет в 1674 г.), затем было еще 11 изданий, ближайшее издание ко времени работы над ним в Академии наук относится к 1725 г.

ВЛ был первым филологическим трудом недавно образованного высшего научного учреждения России — Санкт-Петербургской Академии наук. В работе над ним принимали участие академические переводчики, ставшие первыми академическими лексикографами, — И. Горлицкий, И. Ильинский, М. Сатаров и, возможно, С. Корвин. Лексикон стал первым достаточно полным словарем представленной в нем и переведенной лексики не классического, латинского или греческого, а живого немецкого языка. Созданный в период процесса устранения славяно-русского «двуязычия», он отразил сложную картину соединения и размежевания лексических средств книжного и «простого» русского языка — в своей выходной, «переводящей» части. В результате ВЛ стал хранилищем богатого лексико-фразеологического собрания, к которому постоянно обращаются исследователи русского языка XVIII в.

В русской части ВЛ была проведена идея собирания всех возможных способов адекватного выражения содержания немецкого слова средствами родного языка. Поэтому многие словарные строки содержат не только эквивалент, но и разнообразные описательные способы раскрытия значения переводимого слова (например, *Lügen* .. ложь, неправду говорит, лгати, солгати, от истинны отступити, удалитися; *Lichtschen* .. бѣгающий свѣта; обхождения с людьми: в заперти, или запершиися живущии: которыи ни с кѣм неводится). Ориентация на книжно-славянский тип перевода ВЛ нашла отражение в использовании славянизмов. В то же время в ВЛ отражена и новизна лексического состава языка той поры, прежде всего иноязычная неология. Основная масса иноязычных заимствованных слов корреспондировала с переводимой вокабулой (*Clistier* .. клистирь; *Liverey* .. либерея; *Lotterey* .. лотерия; *Major* .. маеор; *Masquerade* .. машкарад; *Noten* .. ноты). Они могли выступать в качестве единственного эквивалента, но чаще употреблялись в составе эквивалентного ряда (*Magazin* .. магазин анбар; *Melancholisch* .. меланхолическии, печалнии; *Pallisaden* .. полисады, колие, ограда). При передаче немецкой фразеологии авторы ВЛ использовали не только русские соответствия, но и латинские переводы, что также усложнило русскоязычную часть словаря (например, *den Bock zum Gärtner machen, ovem lupo committere*, козла огородником учинить, овцу волку приказать. Первый перевод соответствует немецкому, а второй — латинскому фразеологизму).

Направление, выбранное в ВЛ, нашло дальнейшее развитие в иноязычно-русской лексикографии XVIII в. В следующем академическом словаре, Лексиконе Волкова, также заметно стремление не ограничиваться однословными эквивалентами,

но дать возможный синонимический или эквивалентный ряд. Причем, в этом Лексиконе ассортимент русских соответствий расширяется за счет привлечения просторечия и областных слов, в переводную часть включаются более активно иноязычные заимствования и прямые транслитерации французского слова.

Среди заметных тематических лексиконов второй половины века следует назвать шестязычный Лексикон Полетики, источником которого стал англо-латино-греческий словарь Рея³¹. Тематические рубрики в основном такие же, как и главы «Собрания имен» Поликарпова, позволяли собрать основную лексику, охватывающую главные аспекты жизни человека и окружающего мира³². В то же время при таком построении словаря главенствовало понятие, и поэтому почти весь словарь, за небольшими исключениями, составляли имена существительные (числительные были выделены в отдельную рубрику). Добавив к трем языкам источника еще три языка, Полетика хотя и вынес русскую часть в левый столбец, но фактически исходными, объясняемыми, оставил слова английского языка, как и в словаре Рея, находящиеся в крайнем правом столбце страницы. Поэтому, например, названия трав, деревьев, животных, птиц соответствующих тематических разделов идут по алфавиту английских, а не русских слов. Ценность словаря этого словаря — в богатстве представленной в нем ботанической и зоологической номенклатуры, в том числе и фразеологического характера (например, название растений — *змиев язык, чертова борода, медвежье ушко, свиной хлеб, веселые глазки* и пр.).

В целом традиционен по тематической группировке лексики и четырехязычный Словарь Ф. Гёлтергофа³³. Правда, в нем лишь 15 тематических разделов, ориентированных прежде всего на человека, его быт, жизнь, здоровье, что меньше, чем в «Собрании имен» Поликарпова. Но при этом словарь дополнен списками употребительных прилагательных, местоимений, регулярных и нерегулярных глаголов, предлогов и союзов, благодаря чему несколько нивелируется предпочтительность существительных в словнике, свойственная многим тематическим словарям.

Переводные словари могли иметь форму и «этимологического» лексикона. При этимологическом расположении под корневым («первообразным») словом располагались все его производные (префиксальные, суффиксальные, сложные). Образцовым европейским этимологическим словарем был Целлариев Лексикон, построенный по алфавиту латинских корневых слов. Подобные словари были широко распространены в европейских странах. Они преобразовывались, к ним добавлялись переводы на национальных языках. Несколько «Целлариев» было составлено в 40–90-е гг. отечественными лексикографами.

³¹ Ray Y. Nomenclator classicus, sive Dictionarium trilingue, secundum locos communes, nominibus usitatoribus anglicis, latinis, graecis... 3 ed. London, 1696.

³² Словарь Рея отступал от традиционного расположения глав: из 31 тематической группы первые 14 связаны с естественными науками, а тематическая группа *о Боге*, традиционно располагаемая в подобных словарях в числе первых, здесь является девятнадцатой. Словарь Полетики повторяет это расположение материала.

³³ Гёлтергоф Ф. Сокращенной четырёхязычной словарь, а имянно на немецком, латинском, французском и российском языках, в пользу юношества этимологического класса. М., 1776.

В 1746 г. Академией Наук издан первый «Целларий» — для употребления в Санкт-Петербургской гимназии»³⁴. К нему был приложен «Реэстр российских слов из Краткого Целлариева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный», составленный А.И. Богдановым. В XVIII в. он издавался четыре раза, четвертое издание вышло в 1795 г. В Целлариусе 1746 г. слова были объединены своим первообразным корневым словом, которое начинало словарное гнездо. Внутри гнезда слова располагались в алфавитном порядке, образуя внутренние подгнезда. К каждому латинскому слову было дано соответствующее по значению русское слово. Аналогичным образом был организован словник в «Немецком Целлариусе» и во «Французском Целлариусе»³⁵, автором которых был Ф. Гёлтергоф, преподаватель Московского университета. По образцу таких словарей, предназначенных для лиц, обучающихся иностранным языкам, Ф. Гёлтергофом был сделан и «Российский Целлариус» — первый в XVIII в. русский словопроизводный словарь с немецким переводом русских слов³⁶. Словарь был предназначен прежде всего немецкоязычному читателю, изучающему русский язык.

В «Российском Целлариусе» было представлено 18 тыс. слов. Пожалуй, впервые под корневое слово было собрано такое большое количество производных разных степеней производности: к корневым глаголам — отглагольные существительные, префиксальные глаголы и их дериваты, субстантивированные причастия и т. п., под существительным — уменьшительно-ласкательные, увеличительные сущ., относительные прилагательные. Словарь давал грамматическую информацию о слове. Соответствующим знаком обозначены ударения слов и форм. К основному корпусу словаря приложено «Прибавление чужестранных в Российской языке принятых слов», включающее в себя около 400 заимствованных слов, с некоторым числом производных от них. Все это позволяет считать «Российский Целлариус» одним из лучших двуязычных словарей XVIII в. Он вошел в число лексикографических источников «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг., его словарные материалы нередко используются и в современных исследованиях.

Благодаря этим словарным работам иноязычно-русские лексиконы оказались хранилищами тематически и стилистически различных лексических единиц русского языка. Правда, эта сокровищница русского языка существовала как бы в скрытом виде, так как, для того чтобы она стала обозримой и доступной, ее нужно было бы извлечь из переводной части словарей.

Что касается русско-иноязычной лексикографии, то она развивалась медленнее и была беднее количественно, поскольку потребность в русско-иноязычных словарях была не столь настоятельна. Изданный в начале века «Лексикон трехязычный»

---

³⁴ *Целларий* К. Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом... СПб., 1746.

³⁵ *Гёлтергоф* Ф. Немецкий Целлариус, или Полезной лексикон, из котораго без великаго труда, и наискорье нужнейших немецкого языка слов научиться можно. М., 1765; *Гёлтергоф* Ф. Французской Целлариус, или Полезной лексикон, из котораго без великаго труда и наискорье нужнейшим французскаго языка словам научиться можно. М., 1769.

³⁶ *Гёлтергоф* Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон... М., 1771.

Ф. Поликарпова с целью помочь «немощи детстей славено-российских отроков», отражая языковое состояние рубежа XVII и XVIII веков, был ориентирован преимущественно на книжную и церковно-славянскую лексику (содержит 17328 слов)³⁷. В середине века вышел в свет «Лексикон российской и французской» И.Ф. Литхена³⁸. Он содержал, как было указано в предисловии «К читателю», более 200 тыс. слов и предназначался учителю и учащемуся. Он был составлен по материалам переводных словарей («всякое слово в Российском, Немецком и Латинском лексиконах приискивано и точно разсматривано»). Словарь был расположен по алфавиту с элементами гнездования (например, под словом *адмирал* были даны *контр-адмирал*, *виц-адмирал*, *адмиральский*, *адмиралтейство*, *адмиралтейский*). Словарь был несомненно полезен, так как в нем была собрана и переведена самая употребительная, живая лексика русского языка. Лишь словари последней трети века отличаются большими словниками. В Словаре Нордстета (1780 г.) около 40 тыс. слов, в Словаре Гейма (1799 г.) около 45 тыс. слов, следовательно, по количеству описываемого лексического материала они близки «Словарю Академии Российской». Русско-иноязычные словари были традиционно лаконичнее по способам семантического описания, нежели иноязычно-русские. Как правило, русское слово переводилось одним-двумя иноязычными эквивалентами. Новшеством, введенным в Словаре Нордстета, является грамматическая и стилистическая характеристики. В Словаре Гейма грамматическая часть соответствует грамматическим разработкам «Словаря Академии Российской».

Особое место среди русско-иноязычных словарей занимает рукописный лексикон В.Н. Татищева³⁹, составленный в 30–40-е гг. XVIII в. По мысли автора, он должен был стать типовым, образцовым словником при создании русско-инонациональных словарей («иноязычных слов обретающихся в России народов»). Он содержит около 5 тыс. слов. Словарь предваряется инструкцией о том, как надо собирать лексические материалы путем опрашивания информантов, поскольку имелось в виду создание словарей бесписьменных языков. Словарь был составлен в виде словника с некоторыми указаниями значений слов (*берестень* — туез; *березовик* — гриб; *карась* — рыба), смысловозначительными сопроводителями (*баба* — птица; *баба* — старуха), стилистическими пометами и иными краткими ремарками (*караул* — тат.: стража).

³⁷ Якубович Т.Д. «Лексикон треязычный» Ф.П. Поликарпова. Источники и состав словаря. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958. С. 47. О Лексиконе Ф. Поликарпова см. также: Петрунин В.О. «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф.П. Поликарпова-Орлова // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 80–87.

³⁸ В последние годы стал известен благодаря исследованию и публикации рукописный русско-французский словарь Антиоха Кантемира, созданный предположительно в 30-е гг. См.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступит. статья и публикация Е. Бабаевой. Т. 1–2. М., 2004. См. также: Бабаева Е.Э. Славяно-французский лексикон А. Кантемира (Филологическая характеристика: концепция, структура) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 136–153.

³⁹ Татищев В.Н. Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которых выбраны токмо такие слова, которые в простом народе употребляемы... // Аверьянова А.П. Рукописный лексикон Татищева. Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1957. № 197. Сер. Филол. науки. Вып. 23. С. 25–83.

Возникшая с начала XVIII в. потребность в технической, научной, политической, философской литературе удовлетворялась главным образом через переводную книгу. Переводчики, сталкиваясь с трудностями перевода слов, связанных с чуждыми или новыми понятиями, для которых не было готовых средств выражения в русском языке, прибегали к различным способам их передачи. Чаще всего использовалось иноязычное слово из текста оригинала, калька или употребление русского слова в непривычном, новом значении. Поэтому зачастую в переводной книге помещался словарь с объяснением тех слов, которые могли затруднить читателю понимание содержания книги, — **словарь непонятных слов**.

Пример такого словаря — «Толкование неких речений трудных, в книге сей обретающихся», присоединенное Гавриилом Бужинским к переводу латинского исторического сочинения⁴⁰. Подобные словарики обычно имели терминологический характер, что было связано с содержанием переводимых книг. Таков, например, словарь «Термины, употребляемые в фортификации» при книге Вобана⁴¹, в котором объяснено около 130 слов.

К середине века роль притекстовых словарей уменьшается, кроме того, такие словари начинают приобретать новую направленность. Они составляются не столько для пояснения читателю непонятных слов, сколько для демонстрации авторского отношения к иноязычным словам. Показателен в этом отношении небольшой словарь М.И. Попова⁴², переводчика, собирателя русского фольклора, предпосланный сделанному им переводу поэмы Клода Дора «На феатральное возглашение». Попов вводит в текст вновь переведенные им речения и помещает их в виде французско-русского словарика (Acteur. Действитель; Actrice. Действительница; Parterre. Помост; Souffleur. Поправлятель, напоминатель).

Единственным словарем начала века, не связанным с конкретным текстом, был рукописный «Лексикон вокабулам новым»⁴³, содержащий 503 слова. Поскольку лексическими неологизмами петровской поры были прежде всего заимствования из западноевропейских языков, то естественно, что именно они и составляют содержание Лексикона. По-видимому, Лексикон был составлен по поручению Петра I и представлен ему в рукописи, так как при словах на буквы А, Б, В, Г сделаны собственноручные поправки Петра. Дальнейшие буквы были разработаны с разной степенью готовности. Некоторые слова остались без пояснений (таких слов насчитывается 85, то есть около 15 % от общего числа). Словарь составлен по алфавиту, частично полному, но преимущественно по алфавиту первых двух или трех букв. Нередкие нарушения алфавита внутри одной буквы заставляют предположить, что

---

⁴⁰ Пуфендорф С. Введение, в историю европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное, таже чрез Иоанна Фридерика Крамера, на латинский преложенное. Ныне же... на российский с латинского преведенное. СПб., 1718.

⁴¹ Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана... СПб., 1724.

⁴² Попов М.И. Досуги, или Собрание сочинений и переводов... Ч. I. СПб., 1772. С. 212.

⁴³ Лексикон вокабулам новым по алфавиту. Рукопись. БАН 32.6.14. См.: Смирнов Н.А. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1910. Т. 88. IV. 2. Приложение I. С. 363–382.

Лексикон был сложен из разных кусков. В словник было включено много глоссированных слов из книги А. Шхонбека «История об орденах кавалерских» и из книги «О войнах Цезариевых»⁴⁴, не встречающихся в других книгах петровского времени. На этом основании возможно предположить, что в составлении Лексикона мог участвовать переводчик этих книг Б. Волков, а также определить время составления Словаря — не ранее 1711 г. (появление последнего перевода) и не позже 1725 г. (правка Петра I). Так как Лексикон не был завершен и не был напечатан, то он не мог получить дальнейшего распространения.

Лишь в середине 60-х гг. появляется словарь, ставящий своей задачей собрать ту лексику, которая по каким-либо причинам трудна для понимания и нуждается в толковании. Это пользовавшийся успехом у современников и высоко оцененный историками языка «Словарь разноязычный» Н. Курганова⁴⁵, включавший устаревшие, ставшие малопонятными слова, церковнославянские и заимствованные иноязычные слова. Словарь имел задачей научить правильно понимать и употреблять заимствованные слова таких не знающих иностранных языков людей, которые, «не смысля их силы и значения, говорят ни мало не к стате». Этот словарь, как и вся книга Курганова, был обращен к демократическому читателю и, вероятно, сыграл некоторую роль в исправлении ошибочных словоупотреблений и в освоении иноязычных слов, особенно если учесть популярность книги (в XVIII в. она издавалась 5 раз).

Особым словарем, объясняющим непонятные слова, стал «Церковный словарь» П. Алексеева⁴⁶ (ЦСА). В Предисловии к ЦСА обращено внимание на то, что книги Священного Писания не всем понятны, поэтому «необходимость требовала сочинить особый всем незнакомым или в незнакомой силе взятым речениям с кратким оных изъяснением церковный Словарь». В состав словника были включены библейские гебраизмы, грецизмы, латинизмы, обычно с указанием на язык-источник, но больше слов, требующих истолкования в силу разных причин. Это слова, неизвестные русскому языку XVIII в., например, *безб́чство*, нахальство, безотступное прошение; *бирчий*, истязатель; *бохма*, вовсе, всеконечно, всячески, весьма; *вляяться*, волнами обуреваться или колебаться; *возатай*, кучер, которой лошаадьми правит и др.

«Церковный словарь» стал одним из источников при формировании словника и разработке церковно-славянской лексики для «Словаря Академии Российской».

В XVIII в. все более возрастала потребность в словарях и справочниках, в которых отражались бы новые знания, практика развивающихся отраслей хозяйства, коммерческая деятельность, сведения по культуре и т. п. И эта нужда удовлетворя-

⁴⁴ История о ординах или чинах воинских паче же кавалерских... Автора Адриана Шхонбека... М., 1710; Краткое описание о войнах, из книг Цезариевых... М., 1711.

⁴⁵ Словарь разноязычной, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке и некоторых славянских слов // Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие. СПб., 1769.

⁴⁶ Алексеев П.А. Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном писании и других церковных книгах. М., 1773.

лась быстрее всего за счет введения в отечественный обиход переводов зарубежных словарей.

Специальные слова и термины широко включались в состав переводных словарей и словарей иностранных слов XVIII века. Вычленение специальных слов как особой части лексики, требующей своего подхода, намечается и ранее XVIII в. (как, например, в Травниках).

Один из первых значительных **специальных словарей** появился в 40-е годы. Это «Экстракт Савариева лексикона о коммерции» (перевод с французского)⁴⁷, огромный том в 937 страниц, содержащий свод самых разных сведений, которые могли бы понадобиться в торговых делах. Этот труд был предпринят по требованию Государственной Коммерц-коллегии переводчиком С. Волчковым. О его содержании дает представление название приложенного к словарю алфавитного реестра: «Краткое собрание находящихся в сей книге нужнейших вещей... содержащее описание городов, царств, княжеств, провинций, мест, урочищ, берегов и островов, и в них фабрики, мануфактуры и заводы, также славные коммерциею и богатые компании, содержание знатных банков, а на конец описание всяким товарам, мерам, весам, и качеству денег разных государств».

В 60-е гг. были переведены многие части Французской Энциклопедии⁴⁸. Переводятся словари живописного дела, по мифологии, медицине, поваренному делу и др.⁴⁹

Одновременно шла работа по созданию компилятивных словарей, в которых использованные иностранные источники, соединяясь и перерабатываясь, дополнялись сведениями, относящимися к русской действительности. Примером такого труда может служить «Поваренный словарь» В. Левшина⁵⁰ или пособие по садоводству Н. Осипова⁵¹.

Собственно лексикографических проблем в таких словарях было немного, поскольку они представляли собою связные тексты, перевод которых практически требовал тех же навыков и правил, как и перевод какого-либо учебного пособия или популярного трактата аналогичного содержания.

С 70-х гг. намечается новое обращение к форме прикнижных словарей. Вновь даются словари терминов в книгах по фортификации, военному делу, морепла-

---

⁴⁷ *Савари де Брюлон*. Экстракт Савариева лексикона о коммерции... СПб., 1747.

⁴⁸ Переводы из Энциклопедии. Ч. 1–3. М., 1767.

⁴⁹ *Леклерк де Молино*. Словарь ручной натуральной истории... Ч. 1–2. СПб., 1762; *Максимович-Амбодик Н.М.* Анатомико-физиологический словарь... СПб., 1783; *Ланганс Ф.* Словарь юридической, или свод российских узаконений, по азбучному порядку... М., 1788; Тобольск, 1791; Полоцк, 1791; *Компан Ш.* Танцовальной словарь... М., 1790; *Людоговский Л.Ф.* Географический словарь Нового завета... СПб., 1790; Словарь минералогический, старанием Вольнаго экономического общества изданный. СПб., 1790; *Каржавин Ф.В.* Словарь, в котором ... изъяснены иноязычныя обретающиеся в архитектурических сочинениях речи... М., 1791; *Ладвока Ж.Б.* Словарь географический, или Описания царств, областей, городов, епархий, герцогств, графств... Ч. 1–5. СПб., 1791; *Максимович-Амбодик Н.М.* Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей. СПб., 1795 и др.

⁵⁰ *Левшин В.А.* Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистилляторский... Ч. 1–6. М., 1795–1797.

⁵¹ *Осипов Н.П.* Подробной словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства. Ч. 1–2. СПб., 1791–1792.

ванию⁵². Такие словари уже не были извлечениями непонятных терминов из текста, а хотя и ориентированными на текст, но самостоятельными терминологическими словарями. Поэтому их можно считать прикнижными, но не притекстовыми словарями.

Первым оригинальным русским энциклопедическим справочником следует считать «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В.Н. Татищева⁵³. Рукопись лексикона была представлена автором в Академию наук в 1745 г., однако не была в свое время напечатана, возможно, в связи с тем, что не была доведена до конца из-за смерти В.Н. Татищева в 1750 г. (последнее слово в третьей части — *Ключник*). Отбор слов соответствовал намерениям автора сосредоточить свое внимание на описании реалий, связанных прежде всего с Российским государством. Так, среди включенных в Лексикон имен народов преобладают такие, которые называют обитателей территории России. Значительное место среди географических имен занимает топонимия России, причем выбор описываемого географического объекта не зависел от его места в общей системе. Лексикон отражал новизну петровского времени. Это заметно и в выборе реестровых слов, и в описании понятий, и в исторических ремарках.

Лексикон отличается продуманной филологической информацией: в нем показана вариантность слов, к иноязычным словам даны указания на источник заимствования, обращено внимание на лексическую вариантность — возможные эквиваленты одного и того же понятия, указывается функционально-стилистический статус слова. В итоге словарная статья заимствованного слова имела четко выраженный порядок изложения сведений: заголовочное слово, этимологическое указание, русское соответствие, определение значения (или понятия) с дальнейшим описанием в свободной форме. По структуре словарной статьи и по лексикографическим приемам Лексикон Татищева во многом предвосхитил «Новый словотолкователь» Н. Яновского⁵⁴.

Развитие и вычленение разных типов словарей не шло параллельно и равномерно. Наибольшее продвижение получила переводная лексикография и, соответственно, в ней заметны прежде всего происходящие изменения. Расширяется информация о слове. В русско-иноязычной лексикографии вырабатывается тип словаря с грамматической характеристикой реестровых слов. Все большее внимание уделяется акцентологии, и недостатком словаря считается отсутствие в нем ударений.

⁵² Инженерный толковый словарь // *Курганов Н.* Книга о науке военной. СПб., 1777; Словарь терминов, в фортификации употребляемых // *Аничков Д.* Начальные основания фортификации. М., 1787; Собрание морских слов // *Озани Н.П.* Военный мореплаватель... СПб., 1788; Сокращенный словарь терминов до науки военного укрепления касающихся // *Войтяховский Е.Д.* Полная наука военного укрепления... М., 1796; Изъяснение технических слов в сей книге употребленных А. Шишкова // *Ромм Ш.* Морское искусство... Ч. 1–2. СПб., 1793–1795.

⁵³ *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 1–3. СПб., 1793.

⁵⁴ См.: *Войнова Л.А.* «Новый словотолкователь» Н. Яновского и его источники // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 45–69.

В словопроизводных словарях практически осуществляется собирание под одно корневое слово всей совокупности его производных, и тем самым в обозримом виде предстают словопроизводные возможности языка. Так создается соединение и взаимодействие словаря и грамматики, способствующее тому, что лексикографы могут обращаться к работам грамматистов, а грамматисты — использовать словарные материалы лексикографов. Именно в переводных словарях второй половины века были сделаны попытки стилистической характеристики слова применительно к системе трех стилей Ломоносова. В польско-русском словаре К. Кондратовича⁵⁵ было первое, пробное вычленение стилистического пласта русской лексики, связанного с высоким стилем⁵⁶, в Словаре И. Нордстета выделено основное ядро русского просторечия. Стилистический аспект привлекал внимание составителей переводных словарей и после выхода в свет «Словаря Академии Российской», где впервые была разработана детальная шкала стилистических помет. В Словаре И. Гейма, «сочиненном по большому словарю Российской Академии», объявленное автором намерение отнестись критически к стилистическим рекомендациям академического Словаря в основном свелось к тому, что многие слова, стилистически маркированные в академическом Словаре, Гейм признает нейтральными и дает их без помет. При описании иноязычных заимствований, особенно в словарях специальных и в словарях непонятных слов, становится обыкновением включать этимологические справки о языке-источнике заимствования.

Все больше внимания обращается на оформление словаря как книги особого жанра. Словари предваряются предисловиями, обращениями к читателю, с изложением задач словаря, его назначением, правилами пользования или более общими рассуждениями о пользе изучения языков, знании наук. Вводятся списки условных сокращений. Можно сказать, что многие словари последних десятилетий века уже приобрели ту форму, тот вид, который дает право назвать их словарями современного уровня.

Широкое привлечение разнообразных зарубежных лексиконов (особенно фундаментальных, авторитетных) для создания переводных словарей не только способствовало быстрому созданию отечественной переводной лексикографии, но и вхождению ее в типологию общеевропейского лексикографического фонда.

Вся эта словарная деятельность, важная и значительная сама по себе, служила, кроме того, необходимой базой, обязательным фоном для появления первого **толкового словаря** русского языка — «Словаря Академии Российской».

---

⁵⁵ Кондратович К. Польский общий словарь и библейный. СПб., 1775. Словарь Кондратовича был фактически единственным опубликованным в России XVIII в. словарем польского языка. Судьба Кондратовича-лексикографа оказалась несчастливой. Из всех его многочисленных словарных трудов увидели свет лишь «Польский общий словарь и библейный» 1775 г. и «Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произрашениях, то есть древах, травах, цветах, семенах, огородных и полевых кореньях» (СПб., 1780). Остальные работы остались в архивах Академии наук, причем многие из них, в том числе и русско-латинский этимологический лексикон, до сих пор не обнаружены.

⁵⁶ Подробное см.: Биржакова Е.Э. Отражение функционально-стилистической дифференциации русской лексики в двуязычных словарях XVIII в. (польско-русский словарь К. Кондратовича) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984. С. 133–146.

С начала XVIII в. неоднократно возникала мысль о создании толкового словаря русского языка. На первом заседании Российского собрания, учрежденного в 1735 г. в Петербургской Академии наук, В.К. Тредиаковский произносит речь о необходимости создания грамматики «доброй и исправной», риторики и словаря. По заданию Российского собрания печатник (позже — библиотекарь) А.И. Богданов занимается собиранием слов, как выписывая их из книг, так и опрашивая «мастеровых людей». Им было собрано, по свидетельству М. Ломоносова, более 60 тыс. «русских чистых речений», он же и обрабатывал словарные материалы, занимался «толкованием» их. В работе над словарем принимали участие К. Кондратович и академические переводчики. Рукопись словаря была передана позже в Российскую Академию как материалы для создаваемого там словаря и поделена между его участниками. О ее дальнейшей судьбе не было сведений, поэтому найденный корректурный оттиск начала словаря *А–Армяк* позволяет определить некоторые параметры этого утраченного лексикографического труда, правда, лишь на очень ограниченном и малорепрезентативном материале слов на букву *А*, в основном заимствованных⁵⁷.

После открытия в 1755 г. Московского университета разворачивается словарная работа в Москве, преимущественно в Вольном Российском собрании, состоящем из профессоров и преподавателей университета, литераторов и общественных деятелей. Часть их была впоследствии привлечена к участию в работах Российской Академии. На своих заседаниях члены Собрания неоднократно обсуждали словарные проблемы, а вскоре А. А. Барсов возглавил работу по составлению «Словаря русского языка» (с привлечением членов общества и студентов университета). Но через некоторое время словарные труды прекратились.

На протяжении века разрабатываются грамматические аспекты языка (М. Ломоносов, А. Барсов)⁵⁸. Ведутся исследования, связанные с историей языка, его развитием. Важной и злободневной была проблема отношения русского языка к другим языкам, в связи с этим ведутся разыскания о происхождении русских слов, об их связях с иноязычными, идет выяснение вопроса об исконных, первичных словах и об основах самого русского языка (В. Тредиаковский, М. Ломоносов, А. Сумароков). Усиливается вообще интерес к истории, к письменным историческим памятникам. Издаются летописи, старинные грамоты, документы. Проявляется внимание к народному словесному творчеству и к народной речи, записываются и издаются сборники народных песен, собрания пословиц. В это же время, особенно во второй половине века, усиливаются пуристические тенденции, связанные с идеей отталкивания от чужезычного. Становится ведущей мыслью о том, что в русский язык не следует «вводить чужого ничего, но собственной своей добротой украшаться» (Ломоносов).

В подобной ситуации все сильнее ощущается потребность в создании научного филологического центра, способного объединить разрозненные усилия. В 1783 г.

⁵⁷ Публикация и краткий очерк о словаре см.: *Макеева В.Н.* Неизвестный отрывок первого академического словаря русского языка // Лексикографический сборник. Вып. VI. М., 1963. С. 88–97.

⁵⁸ *Барсов А.А.* Российская грамматика // Под ред. Б.А. Успенского. М., 1981.

по правительственному указу возникает новое научное учреждение — Российская Академия, долженствовавшая стать средоточием гуманитарных наук.

В речи Е.Р. Дашковой, президента Российской Академии, были обозначены главные задачи — составление словаря и разработка грамматики.

Активное участие в создании первого толкового словаря русского языка принимали академики И.И. Лепехин, С.Я. Румовский, Н.Я. Озерецковский, С.К. Котельников, А.П. Протасов, П.Б. Иноходцев, профессора Московского университета А.А. Барсов, С.Е. Десницкий, ректор Московского университета И.И. Мелиссино, лица духовного звания П.А. Алексеев, Д. Семенов-Руднев, митрополит Гавриил и др. Подбором материалов для словаря занимались также члены Российской Академии Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, И.Ф. Богданович, Я.Б. Княжнин и др. Активным сотрудником Академии в начальный период, когда создавался и обсуждался проект Словаря, был знаток русской истории И.Н. Болтин⁵⁹.

При формировании словника «Словаря Академии Российской» (далее — САР) принималось в расчет несколько критериев. Первый (и основной) — употребительность слова. По этому критерию были выведены за пределы Словаря специальные слова узкопрофессионального употребления, все старинные уже не употребляемые слова и областная лексика. Второй критерий связан с идеей самодостаточности славенороссийского языка и соображениями пуризма. На этом основании исключались «все иностранные слова, введенные без нужды и которым равносильные Славенская или Российская находятся». По этому же критерию были оставлены в словаре «естественные в России произведения, имеющие особливые названия, которыя большею частию народные», а также те областные слова, «которые своею ясностию, силою и краткостию могут служить к обогащению языка». Критерий, который можно назвать «культурно-историческим», позволял вводить в словник историзмы, старые заимствования церковных книг, а также иноязычные слова, связанные с реалиями иноземных государств. Не помещались в Словарь имена собственные⁶⁰.

Одним из самых сложных и спорных был вопрос об орфографических принципах. На протяжении XVIII в. велись споры не только о правописании отдельных слов, но и о принципах русского правописания вообще. В Предисловии к первому тому было помещено изъяснение позиции авторов Словаря относительно орфографических правил: «Академия почла за нужное следовать в Словаре своем правописанию книг церковных, пока сей же самый труд откроет ей довольные способы к утверждению единожды навсегда правил правописания» (Т. I. С. XIII). Тем самым авторы Словаря провозгласили традицию и авторитет церковных книг как основу своего отношения к орфографическим проблемам.

---

⁵⁹ Биржакова Е.Э. Словарь Академии Российской (1789–1794 гг.) // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 98–126.

⁶⁰ См.: Замкова В.В. Специальная лексика в Словаре Академии Российской (Лексика ремесел) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 90–101; Малышева И.М. Локализмы в Словаре Академии Российской // Там же. С. 102–117; Чернышева М.И. Состав и структура Словаря Академии Российской // Словарь Академии Российской. Т. II. М., 2002. С. 12–46.

Для расположения слов был принят гнездовой способ — по «чину словопроизводному». Принятый способ расположения слов, в результате чего под одним корневым словом объединялись все дериваты (например, под глаголом *иду* помещено 273 словарных строки), повлек за собою потребность выявления словопроизводных возможностей слова⁶¹.

Как отмечают исследователи, самым большим достижением авторов САР стало решение вопросов, касающихся разработки семантической характеристики слова. «Достижениями САР в этой области является: решение вопроса о слове как совокупности значений (проблема полисемии), о связи и зависимости значений слова как результата процесса семантической производности, о границах слова и омонимии, о фразеологической и синтаксической обусловленности значений, о регулярной полисемии, об отношении слова и контекста»⁶², «САР впервые представляет слово как некий семантический конгломерат, ориентированный на разные системы и подсистемы функционирующего языка»⁶³.

Авторы САР исходили из того положения, что язык российский произошел «от языка славенского», поэтому обозначили объект своего внимания как славено-русский язык, т. е. язык, имеющий основу свою в славенском, хотя «великое множество содержит слов собственно Русских, по свойству коих некоторые из Славенского языка почерпнуты иное окончание, иное образование, а другия и новой смысл получили» (Т. I. С. VI). Однако чисто генетический принцип противопоставления был осложнен и дополнен другим — функционально-стилистическим, поскольку слова славянские играли определенную роль в создании высокого слога. Авторы Словаря исходили при этом из ломоносовской теории трех стилей и в соответствии с нею разработали свою систему стилистических характеристик.

Пометой «слав.» («славенское») обозначались слова церковно-славянского языка, уже не функционировавшие в языке XVIII в., и слова, употребительные в памятниках всех стилей и жанров, но обладающие особой окраской книжности и более свойственные научной и публицистической литературе, наконец, слова, выполнявшие действительно стилеобразующую функцию в памятниках высокого слога. Об этой сложности размежевания лексики свидетельствуют и попытки дополнительных ремарок: «в высоком слоге», «в высоком и славенском слоге», «в церковных книгах». Всего в Словаре 12 % лексики отмечено пометой *слав.* «Славенское» было противопоставлено в Словаре словам живого, собственно русского разговорного языка, присущим простому, а отчасти и среднему слогу. Для них были введены по-

⁶¹ *Мальшева А.М.* Отражение способов глагольного действия и категории вида в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 118–142; *Петрова З.М.* Прилагательные на *-ический* в Словаре Академии Российской и в Словаре русского языка XVIII в. // Там же. С. 143–156.

⁶² *Кутина Л.Л.* Из истории русской филологической науки (Словарь Академии Российской) // Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985. С. 261. См. также: *Кутина Л.Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 70–89.

⁶³ *Кутина Л.Л.* Из истории русской филологической науки... С. 263.

меты «просто», «в просторечии», «в простонародном наречии» и ремарки — «в обыкновенном» или «в общем употреблении»⁶⁴. Но основной корпус Словаря составляла лексика, не имеющая ограничительных помет.

По сведениям, приведенным в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном»⁶⁵, САР содержит 43 257 слов. Но эта цифра условна, так как неизвестны правила, по которым велся подсчет. Контрольный подсчет по приложенным к каждому тому САР алфавитным спискам (с учетом слов, обозначенных сокращенно при основном слове, например, глаголов на *-ся*, сущ. женского рода на *-ца* и некоторых других, разработанных в тексте САР) дал цифру 44 952 слова. Кроме того, в списки не входили слова, помещаемые за заголовочным словом — коррелятивные глаголы, существительные и прилагательные с экспрессивно-оценочными суффиксами и др. По-видимому, общее число учтенных в САР слов не менее 55 000.

Работа над Словарем продолжалась не менее 11 лет, срок предельно краткий для столь большого издания: за это время был выполнен весь объем работы, начиная от выявления источников Словаря и сбора лексических материалов до издания Словаря в свет⁶⁶. Этот результат был достигнут благодаря четкой организации всех этапов словарных дел, точному распределению обязанностей между «отрядами» и подвижнической работе основных исполнителей.

Словарь создавался в тот период, когда происходил процесс слияния различных языковых стихий в единый литературный язык с его еще недостаточно определившимися, зыбкими нормами. В отборе слов, в стилистических оценках, в орфографических и грамматических рекомендациях Словаря проявилась его нормативная направленность, осознаваемая как необходимость совершенствования языка, который в своем изобилии и красоте «ни единому европейскому языку не уступает». Идея самодостаточности славено-русского языка, выразившаяся в минимальном допуске в словарь слов иноязычного происхождения, и его ориентация на образцовое употребление (строгий отбор источников) сближали САР с толковыми западными словарями, прежде всего со «Словарем Французской Академии»⁶⁷, который считался образцовым словарем национального литературного языка в странах романского языкового ареала, он совершенствовался и дорабатывался от издания к изданию; к началу работы над САР в 1762 г. вышло 4-е издание. Авторы САР обращались к нему при разработке проекта, особенно в той части, где речь шла о семантическом описании слова.

Авторы САР, учитывая опыт предшествующих отечественных и зарубежных словарей, создали особый тип толкового словаря, отражающий своеобразие становления русского литературного языка XVIII в.

---

⁶⁴ Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 95–160.

⁶⁵ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.

⁶⁶ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Т. VIII. СПб., 1887. С. 64–66.

⁶⁷ Dictionnaire de l'Académie Française. Т. I–II. Paris, 1694.

В свою очередь, сам «Словарь Академии Российской» стал таким лексикографическим трудом, который определил во многом дальнейшие пути развития русской лексикографии вплоть до середины XIX в.⁶⁸

* * *

Традицию изучения и описания лексики русского языка XVIII века продолжает «Словарь русского языка XVIII века»⁶⁹. Идея создания Словаря принадлежит академику В.В. Виноградову. Начало работы над составлением Картотеки Словаря русского языка XVIII века, на основе которой впоследствии стал формироваться материал Словаря, относится к 1960 г. Общая концепция Словаря создана Ю.С. Сорокиным и Л.Л. Кутиной. В разработке основных принципов Словаря, изложенных в Проекте, принимали участие Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, И.М. Мальцева, З.М. Петрова, А.И. Молотков⁷⁰.

В Словаре представлен русский язык в наиболее сложный период его развития — период формирования русского литературного языка на национальной основе: становление общих норм литературного языка, пополнение лексического состава (как заимствованиями, так и новообразованиями), складывание и трансформация синонимических рядов, фразеологических связей и функционально-стилистических характеристик. Хронологически Словарь охватывает период с 1695 г. по 1805 г. Словарь построен по алфавитному принципу с частичным гнездованием. Иллюстрации приводятся в хронологической последовательности из трех периодов: I — до 1740 г., II — до 1780 г., III — до 1805 г. в соответствии с расположением материала в Картотеке.

Словарь был задуман как лексикографическое собрание, максимально полно отражающее все многообразие и сложность русского языка XVIII века.

«Словарь русского языка XVIII века» создается на базе Картотеки, которая в настоящее время насчитывает около 2300000 карточек-цитат, выписанных из почти 2000 источников. Язык русского языка XVIII века представлен во всем его жанровом и стилистическом разнообразии. Источниками Словаря являются литературные, публицистические, мемуарные, исторические, юридические, естественнонаучные, военные, филологические и др. произведения разных жанров как оригинальные, так и переводные: письма и бумаги Петра I и Екатерины II; произведения Ф. Прокоповича, А. Кантемира, А. Сумарокова, М. Ломоносова, С. Крашенинникова, И. Лепехина, Н. Новикова, Г. Державина, А. Радищева, Н. Карамзина и многих других авторов; научно-популярная и художественная периодика и др. Одновременно с выходом 1-го выпуска Словаря был опубликован «Указатель источников», включивший свыше 1500 названий⁷¹. В каждом нечетном выпуске Словаря публикуется список

---

⁶⁸ «Словарь Академии Российской» переиздан в 2001–2006 гг. Московским гуманитарным институтом им. Е.Р. Дашковой.

⁶⁹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л., СПб., 1984–2011.

⁷⁰ Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л., 1977.

⁷¹ Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984.

дополнительных источников, насчитывающий в настоящее время около 300 новых текстов. В последние годы Картотека активно пополняется материалами из опубликованных и рукописных региональных памятников делового языка⁷². Продолжается работа и по изучению печатных текстов XVIII в., не вошедших ранее в источники Словаря. Новые материалы входят в подготавливаемые выпуски Словаря. Картотека Словаря является богатейшим собранием лексико-фразеологических материалов по русскому языку XVIII века, имеющим самостоятельное научное значение.

Созданию Словаря предшествовала большая исследовательская работа по изучению языка XVIII века: был написан ряд монографий по разным аспектам изучения языка⁷³, опубликованы тематические сборники статей.

«Словарь русского языка XVIII века» — уникальный лексикографический труд. Уникальность его заключается в новаторских приемах описания слов: «Впервые в исторической лексикографии была поставлена задача показать во всей полноте динамические языковые процессы, протекавшие в течение одного столетия, найдены были и приемы показа историзма в этом смысле»⁷⁴. Были разработаны специальные графические средства показа движения лексики: белый треугольник для новаций XVIII в., черный треугольник для показа выхода слова из языка XVIII в., комбинированные треугольники и ромбы для показа процессов нарастания или сокращения употребления слова, пометы *Редко*, *Един.*, *Часто* и др.

Как уже сказано, в Словаре используется прием частичного гнездования: например, в словарную статью слова **Мазать** включены слова **Мазнуть**, **Мазывал**, **Мазатель**, **Мазальщик**, **Мазальщица**; в словарную статью слова **Офицер** — слова **Офицерчик**, **Офицерский**, **По офицерски**, **Офицерша**. В гнездо собираются слова, не осложненные семантически по сравнению с заголовочным словом (в противном случае они разрабатываются самостоятельно). По мнению авторов Словаря, этот прием принципиально важен: «Синхронное описание фактов языка предполагает выявление системных отношений в нем, характерных для данного состояния. ... Это предопределяет широкое использование указаний на парадигматические связи с другими словами и — в силу этого — применение принципа частичного гнездования в расположении слов»⁷⁵.

---

⁷² Малышева И.А. Новые источники «Словаря русского языка XVIII века» // «Единым письмом употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. ст. памяти З.М. Петровой. СПб., 2007. С. 261–275; она же. Региональные памятники деловой письменности XVIII в. как новые источники «Словаря русского языка XVIII века» // Историческая лексикография и лексикология. Вып. 8. СПб., 2010. С. 86–98.

⁷³ Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). Л., 1964; она же. Формирование терминологии физики в России. Период предомоносовский: первая треть XVIII века. Л., 1966; Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972; Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974; Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975; Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975.

⁷⁴ Алексеев А.А. Словарь русского языка XVIII века // История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 525.

⁷⁵ Словарь русского языка XVIII века. Проект. С. 8, 27.

В Словаре максимально полно раскрывается семантическая структура слова (значение, оттенки значения, особенности употребления); дается многосторонняя характеристика грамматических и словообразовательных особенностей слова, показываются типы лексической и грамматической сочетаемости, смена характера употребительности слова (например, *Прост.* → *Нейтр.*, *Научн.* → *Обих.* и др.), орфографические и орфоэпические колебания, для новых заимствований приводятся этимологические справки.

Одной из отличительных черт Словаря является показ вариативности — яркой характерной черты русского языка XVIII в. Варьирующиеся части показаны фрагментарно (иногда вариант слова полностью) в скобках после заголовочного слова: например, **Вязкий** (вязс-, вяс-, -ой), **Магистр** (-стер, маистр, маистер), **Оснадцать** (ось-, осмь-, -атц-, атса-); у новых иноязычных слов каждый вариант сопровождается указанием на дату ранней фиксации в текстах: **Госпиталь** 1715 (гошп- 1714, гашп- 1715, ашп- 1697, ошп- 1706, гофшп- 1748, гофсп- 1789, гоп- 1790), **Меланхолия** (-лян- 1703, -нко- 1762, -ленко- 1705, -лтя 1703).

Несомненным достоинством Словаря является разработка и использование системы помет, характеризующих речевую употребительность слова: собственно стилистическая характеристика, устойчивая связь с определенными типами языка и жанрами письменности и литературы, локальные и социальные характеристики, отнесенность к терминологическим системам (*Слав.*, *Кн.-слав.*, *Церк.-слав.*⁷⁶, *Прост.*, *Простореч.*, *Простонар.*, *Бран.*, *Ирон.*, *Приказн.* и др.).

Таким образом, каждая словарная статья является полноценным и многосторонним исследованием слова, представленным в параметрах лексикографического описания.

«Словарь русского языка XVIII века» получил высокую оценку как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Лексикографическое описание русского языка XVIII века находит свое выражение и в региональных словарях, создаваемых на материале рукописных региональных памятников⁷⁷.

Авторская лексикография русского языка XVIII века представлена «Словарем языка М.В. Ломоносова», подготавливаемым в Институте лингвистических исследований РАН. «Словарь будет представлять собой *полный* полипараметрический историко-культурный словарь тезаурусного типа. Задача Словаря — систематизи-

⁷⁶ Петрова З.М., Захарова Е.А. Церковно-славянская лексика в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) и в «Словаре русского языка XVIII века» // Словарь Академии Российской. 1789–1794. Т. III. М., 2002. С. 20–28.

⁷⁷ Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991; Христосенко Г.А., Любимова Л.М. Региональный исторический словарь нерченских деловых документов XVII–XVIII вв. Чита, 1998; Христосенко Г.А., Любимова Л.М. Материалы для регионального исторического словаря нерченских деловых документов XVII–XVIII вв. Чита, 1999; Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края). Смоленск, 2000; Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной. Томск, 2002; Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.

рованное представление всего лексико-фразеологического богатства произведений М.В. Ломоносова, отражающего сложившееся мировоззрение и личность ученого и, одновременно, характеризующего эпоху 40–60-х гг. XVIII в.»⁷⁸. Словарь создается на материале «Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова» 1950–1959, 1983 гг. В настоящее время опубликованы пять выпусков. Первые четыре выпуска Словаря посвящены поэтическому наследию М.В. Ломоносова: исследования и материалы по стихосложению⁷⁹, метрико-строфический справочник к произведениям М.В. Ломоносова⁸⁰, словарь рифм М.В. Ломоносова: лексикон стихотворных окончаний⁸¹ и обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний⁸².

Пятый выпуск посвящен описанию геологической и минералогической лексики в сочинениях М.В. Ломоносова⁸³. Выпуск включает ряд статей, посвященных трудам Ломоносова по минералогии, и Словарь-справочник «Названия минералов в трудах М.В. Ломоносова». В словарных статьях показаны наиболее частотные или наиболее значимые в культурно-историческом отношении названия драгоценных камней, металлов, минералов и горных пород. Словарная статья включает заголовочное слово, этимологическую справку, толкование и цитатный материал из текстов. Каждая словарная статья проиллюстрирована фотографией.

Создание словаря языка такой выдающейся личности XVIII столетия, как М.В. Ломоносов, имеет большое научное значение для изучения соотношения общего и индивидуального в языке, для исследования процессов становления языка науки на материале текстов одного автора и, в целом, для более полного научного представления о лексике середины XVIII века. «Словарь языка М.В. Ломоносова» должен стать важным этапом не только авторской, но и в целом русской исторической лексикографии.

В 60-е гг. XX века Ю.С. Сорокин писал о том, что создание Словаря языка XVIII века является важной, настоятельно необходимой научной задачей, поскольку XVIII столетие — один из самых неизученных периодов в истории русской лексики («многое остается еще недостаточно затронутым научным исследованием»⁸⁴). В настоящее время благодаря совокупности лексикографических трудов XVIII века

---

⁷⁸ Волков С.С., Карпеев Э.П. «М.В. Ломоносов: Словарь языковой личности». Проспект словаря // Лексикография: информационный бюллетень. СПб., 2004. С. 8–12.

⁷⁹ Словарь языка М.В. Ломоносова. Вып. 1. Исследования и материалы по стихосложению М.В. Ломоносова / Сост. Е.В. Хворостьяновой. СПб., 2010.

⁸⁰ Словарь языка М.В. Ломоносова. Вып. 2. Лалетина О.С., Хворостьянова Е.В. Метрико-строфический справочник к произведениям М.В. Ломоносова. СПб., 2010.

⁸¹ Словарь языка М.В. Ломоносова. Вып. 3. Словарь рифм М.В. Ломоносова. Лексикон стихотворных окончаний / Сост. Е.А. Захарова, О.С. Лалетина, Е.М. Матвеев / Отв. ред. С.С. Волков, Е.В. Хворостьянова. СПб., 2011.

⁸² Словарь языка М.В. Ломоносова. Вып. 4. Словарь рифм М.В. Ломоносова. Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний / Сост. Е.А. Захарова, О.С. Лалетина, Е.М. Матвеев / Отв. ред. С.С. Волков, Е.В. Хворостьянова. СПб., 2011.

⁸³ Словарь языка М.В. Ломоносова. Вып. 5. Минералогия М.В. Ломоносова / Отв. ред. С.С. Волков. СПб., 2010.

⁸⁴ Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 4 (предисловие Ю.С. Сорокина).

и современной исторической лексикографии, в первую очередь «Словарю русского языка XVIII века», научное знание о лексике и фразеологии данного периода значительно расширилось и обогатилось.

М.Л. КАЛЕНЧУК, Р.Ф. КАСАТКИНА, Л.Л. КАСАТКИН
(Москва, Россия)

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ

В наше время на книжных прилавках можно найти множество словарей, комментирующих произносительную сторону русского языка, но, отметим сразу, большинство из этих лексикографических источников научной ценности не имеют, написаны непрофессионально, и в лучшем случае являются компиляцией известных лексикографических источников. В связи с этим в настоящей работе будут рассмотрены только те орфоэпические словари, компетенции авторов которых можно доверять.

Первой отечественной лексикографической работой орфоэпического типа можно считать «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (1955). Авторы трактовали орфоэпию как «совокупность норм русской речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления», при этом отмечается, что подобные нормы «обычно не отражаются в должной мере на письме». В словаре фиксируется место ударения в слове (основное и побочное) и приводятся с помощью простейшей кириллической транскрипции нормативные рекомендации о произношении звуков. В 1959 г. те же авторы издали словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение», расширив зону грамматических помет и незначительно изменив отдельные произносительные рекомендации. В большинстве случаев авторы признавали в качестве нормативного один способ звукового оформления слова.

В 1983 г. вышло из печати первое издание «Орфоэпического словаря русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы» С.Н. Боруновой, В.Л. Воронцовой, Н.А. Еськовой под редакцией Р.И. Аванесова (далее ОС), многократно переиздававшееся как в стереотипном, так и в переработанном виде. Этот словарь является классикой академического словарного дела, в нем заложена новая традиция отечественной орфоэпической лексикографии. В «Орфоэпическом словаре» изменён подход к кодификации произносительной нормы: словарь «ставит целью представить литературную норму во всем многообразии её проявлений». Авторами разработана шкала нормативности, позволяющая сопоставлять варианты произношения как равноправные и неравноправные, оценивать варианты, принадлежащие особым сферам речи (поэтической, профессиональной), а также введены запрети-

тельные пометы разной степени строгости. В словаре отражены не только нормы произношения и ударения, реализуемые в устной речи, но и сведения об устройстве парадигмы каждого включённого изменяемого слова.

Тем не менее, потребность в создании новых орфоэпических словарей фундаментального, академического типа продолжает остро ощущаться. Рассмотрим основные причины, диктующие необходимость создания новых лексикографических источников орфоэпического направления.

– Звуковой строй русского языка изменяется, одни закономерности произношения устаревают и уходят из языковой системы, на смену им появляются новые. Во всех имеющихся словарях кодифицирована звучащая речь середины XX века, а между тем с тех пор выросло не одно поколение носителей русского литературного языка, в чьей речи воплощены иные нормы произношения, чем описываются в ОС и других словарях.

– За последние десятилетия появилось огромное количество новых слов, произношение которых не описывается в имеющихся словарях, а именно эта группа слов чаще других вызывает затруднения у говорящих (напр., *веб-дизайн*, *модем*, *сканер* и мн. др.).

– Традиционно сложился круг произносительных явлений, описываемых в орфоэпических словарях, при этом причины, по которым одни факты комментируются в словарях, а другие игнорируются, неявны. Почему описывается, например, произношение согласных в группе *стн* (*челюстной*), но не описывается в группе *нкт* (*санкт-петербургский*), хотя в обоих случаях фиксируются варианты произношения? Почему показывается возможное отсутствие редукации в первых основах композитов, но не делается того же по отношению к приставкам (*д[о]воённый* и *д[э]воённый*)? Почему обсуждается долгота-краткость согласного на месте двух одинаковых букв в корнях заимствованных слов (*до[лл]ар* и *до[л]ар*), но за пределами внимания остается длительность звуков на месте букв *нн* в суффиксах (*вы́да[н]ый*, но *да́[нн]ый*)? Таких вопросов можно поставить десятки.

– Развитие фонетической науки за последнее время заставило пересмотреть некоторые ранее сложившиеся представления о произносительных закономерностях, а также позволило выявить многие ранее не известные факты, например, стало доступно много новых данных о реализации фонемы /j/ в разных позициях.

Вышеперечисленные причины привели к необходимости создания совершенно нового лексикографического источника. Завершена работа над «Большим орфоэпическим словарём русского языка» (далее БОС) М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткина и Р.Ф. Касаткиной, которая была начата более 15 лет назад. «Большой орфоэпический словарь русского языка» представляет собой словарь нового типа — это фундаментальный свод русского литературного произношения. Как представляется, в БОСе реализованы новые принципы и подходы к созданию словарей подобного типа.

В новом словаре описаны особенности литературного произношения конца XX — начала XXI вв. — звучащая речь этого периода не зафиксирована ни в одном из имеющихся словарей. Он включает много слов, ранее не попадавших в орфоэпи-

ческие издания, в частности, большое число неологизмов, недавно появившихся в русском языке и нуждающихся в орфоэпическом комментарии. В БОСе принципиально расширен круг произносительных явлений, нуждающихся в орфоэпическом описании. Всем этим «Большой орфоэпический словарь русского языка» отличается от других изданий подобного рода.

1. Некоторые вопросы теории орфоэпии

Понятие орфоэпии менялось и уточнялось в отечественной науке. Д.Н. Ушаков определял орфоэпию как правильное произношение. «Основа русской орфоэпии — московский говор. Что произнесено не по-московски, то «неправильно»». Другое возможное отклонение от правильного — «буквенное произношение», «противоречащее законам живого языка». Таким образом, «правильное общерусское произношение — это произношение образованных москвичей, но свободное от искажений в угоду букв русских и обрусевших слов». К правильному произношению Д.Н. Ушаков относил «законы и правила произношения», включая «физиологию звуков речи и русскую фонетику». «В пределах правильного произношения есть целый ряд отдельных случаев допустимых вариантов». Конкретизируя эти положения, Д.Н. Ушаков приводит ряд правил произношения — «главнейших черт московской речи, которую общепринято считать образцовой», в том числе произношение безударных гласных, звонких согласных в конце слов и перед глухими согласными и др. (Ушаков 1995).

Уточняя эти положения, ученик Д.Н. Ушакова Р.И. Аванесов определял орфоэпию следующим образом: «Орфоэпия (от греч. *orthos* ‘прямой, правильный’ и *eros* ‘речь’) — совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления в соответствии с нормами национального языка, исторически выработавшимися и закрепившимися в литературном языке» (Аванесов 1984: 13). Р.И. Аванесов относил к орфоэпии произношение и ударение. «Произношение охватывает прежде всего фонетическую систему языка, т. е. состав различаемых в данном языке фонем, их качество, их изменения в определенных фонетических условиях. <...> В понятие произношения входит, кроме того, звуковое оформление отдельных слов или отдельных групп слов в той мере, в какой оно не определяется фонетической системой языка. Так, например, имеется группа слов, в которых на месте орфографического сочетания *чн* произносится [шн]: *конé[шн]о*, *ску́[шн]о*, *яй[шн]ица*, *пустя́[шн]ый*, *пра́че[шн]ая* и др. В ряде случаев существует двойное произношение, с [шн] и [ч’н]: *сли́во[шн]ый* и *сли́во[ч’н]ый*, *мо́ло[шн]ый* и *мо́ло[ч’н]ный* и др. Фонетическая система русского языка в равной мере допускает оба сочетания — как [шн], так и [ч’н] <...>. В понятие произношения входит звуковое оформление отдельных грамматических форм, опять-таки в той мере, в какой оно не определяется фонетической системой языка. Например, вопрос о звуковом оформлении глаголов с возвратной частицей *-сь* (*бою́[с]* или *бою́[с’]*, *мою́[с]* или *мою́[с’]*) <...>. Таким образом, произношение представляет собой понятие более

широкое, чем фонетическая система, хотя последняя занимает в нем главное место» (Аванесов 1984: 13–15).

Иначе понимал орфоэпию А.А. Реформатский, он выводил орфоэпию за пределы фонетики: «Опираясь на знание фонетики данного языка, т. е. на знание состава фонем и законов распределения их по позициям с получающимися в слабых позициях вариациями и вариантами, орфоэпия даёт индивидуальные нормы для разных случаев и выбирает из существующих вариантов произношения то, что более соответствует принятым традициям, тенденциям развития языка и последовательности в системе» (Реформатский 1947: 81).

Так же писал об орфоэпии М.В. Панов: «Орфоэпия — наука, которая изучает варьирование произносительных норм литературного языка и вырабатывает произносительные рекомендации (орфоэпические правила)» (Панов 1979: 195). Рассматриваемые М.В. Пановым примеры относятся именно к «произносительным вариантам в литературном языке» (Панов 1967: 294–333). Однако разграничение собственно фонетики и орфоэпии у М.В. Панова недостаточно четкое; ср.: «Есть фонетические законы и есть орфоэпические правила. В литературном языке на конце слова шумные звонкие заменяются парными глухими — это закон фонетики, он похож на законы природы тем, что непреложен, безысключителен (однако не для всех языков, а для современного русского литературного). Закон утверждает, что всякий, кто произносит *моро*[з] (например, под влиянием украинского языка), не вполне овладел фонетической системой русского литературного языка. В конце русских слов на месте букв “б–в–д–з–ж–г” нужно произносить звуки [п–ф–т–с–ш–к] — вот правило орфоэпии. Оно говорит о должном» (Панов 1979: 196). Здесь к орфоэпии отнесено безвариантное произношение в литературном языке.

В БОСе дано следующее разграничение собственно фонетики и орфоэпии: «К орфоэпии относятся лишь такие произносительные нормы, которые допускают в а р и а н т н о с т ь в л и т е р а т у р н о м я з ы к е. Фонетические законы, не знающие исключений, относятся к области фонетики (а не к орфоэпии), например произношение глухих согласных на месте звонких шумных на конце слова: зу[б]ы – зу[п], во[з]ы́ – во[с] <...>. Основная задача описательной фонетики — изучение характера звуков и синхронических законов чередования звуков, реализующих фонемы в разных позициях, орфоэпия же рассматривает и оценивает произносительные варианты слов и словоформ, выступающих в одних и тех же фонетических позициях».

Варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующиеся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения образуют о р ф о э п е м у¹.

Такая вариативность может быть в одной и той же словоформе, например: *ржа-ной* – *рж[а]ной* и *рж[ы]ной*, *расседла́ть* – *ра[с']седла́ть* и *ра[с]седла́ть*, *ба́ржа* и *баржа́*. В слове может быть и несколько орфоэпем, например: *группа* — в формах

---

¹ Этот термин был предложен Л.Л. Касаткиным и использован в работе А.А. Бондаренко (1988).

с сочетанием *пн* перед *а, о, у, ы*: *группа...* – *гру[пп]а* и *гру[п]а*, в форме *группе* – *гру[п']е* и допустимо *гру[п'п']е*; *отрасль* – *отра[с']ль* и *отра[с]ль*, мн. ч. *отрасли*, *отраслям* и допустимо младшее *отрасля́м*; *внимательный* – [в]н^ним^нательный и допустимо старшее [в']н^ним^нательный; *внимá[т'ил']ный*, *внимá[т'л']ный* и *вни-мá[т']ный*; *внимáтельн[ы]й* и *внимáтельн[э]й*.

Орфоэпему могут образовывать варианты, представленные в одной и той же позиции в разных словах или словоформах. Так, в словах *аллергия́*, *торги́* произносится только [р], но этот звук представляет орфоэпему [р]/[р'] в позиции перед [г'], так как в других словах возможно произношение [р'] наряду с [р]: *киргíз*, *Серге́й*. В сочетании *стл* в слове *счастлívый* на месте *т* нуль звука, а в слове *растлívть* смычный согласный всегда произносится; это варианты орфоэпемы, которая в некоторых словах может быть представлена ими обоими: *костлívый*, *постлávть*, *хвастлívый*. В слове *вóдонепроницáемый* дополнительное ударение обязательно, в слове *водонáд* оно всегда отсутствует, оба эти варианта произношения первой основы сложных слов составляют соответствующую орфоэпему, которая в некоторых словах может реализовываться обоими вариантами: *водозащítный* и допустимо *водозащítный*, *вóдоизмерítельный* и допустимо *водоизмерítельный* и т. п.

Орфоэпему представляют и варианты, наблюдающиеся в позиции, понимаемой в широком смысле слова, например любой мягкий/твёрдый согласный перед любым мягким, наличие/отсутствие смычного согласного между согласными, наличие/отсутствие дополнительного ударения в любом сложном слове.

Орфоэпемы есть не во всех словах; например, в словах (и в их формах) *нарóд*, *обсыпнóй*, *выгрузить*, *иногда́* нет орфоэпем. Не образуют орфоэпем фонемы, чередующиеся в разных формах одного и того же слова с нулём фонемы («беглые *е, ё, о*»), не связанные с какими-либо фонетическими позициями и создающие варианты фонемного состава основы слова, а также варианты места ударения, образующие акцентную парадигму слова с подвижным ударением; например: *день* – *дня*, *тельц* – *тельца́*, *пеньк* – *пенька́*, *кошка* – *кошек*, *сон* – *сна*, *рожок* – *рожка*; *свеча́*, *свечи́*, мн. *свечи́*, *свечáм*; *целый*, *целá*, *цело*, *целы́*, *целее́*; *поднять*, *подниму́*, *подни-мет*; *смело*, *смелее́*. Подобные варианты не относятся к орфоэпии, а составляют область, пограничную с орфоэпией, поэтому мы сочли возможным включить их в БОС.

В БОСе принято традиционное понимание орфоэпии как области фонетики в широком смысле слова, включающей проблемы произношения, а также ударения, в отличие от неоправданно более широкого, когда к орфоэпии относят и образование вариантных грамматических форм, как в (ОС); подробнее см.: (Касаткин 2007: 346–350).

2. Проблемы произношения

В процессе работы над БОСом были выявлены и отражены в нём многие закономерности произношения, неизвестные ранее.

Так, например, давно известно, что на месте *и* могут произноситься [и] и [ы], на месте *ы* — [ы], эти звуки находятся в дополнительном распределении: [и] выступает в начале слова после паузы, после гласного и мягкого согласного, [ы] — после твёрдого согласного: [и]гры, на[и]грывать, пять [и]гр — от[ы]грывать; она [и] он, мать [и] он — он [ы] она. Однако впервые в БОСе указано, что на стыке слов при отсутствии паузы после твёрдого согласного предшествующего слова в начале следующего слова может произноситься также [и] — гласный передне-среднего ряда: пятьдесят [ы]гр и пятьдесят [и]гр; он [ы] она́ и он [и] она́; сокол [ы] орёл и сокол [и] орёл.

Эта же закономерность действует при наличии дополнительного ударения на предлоге, приставке и первой основе сложного слова или при их акцентном выделении² при основном ударении на знаменательном слове или на второй части слова:

и[з-ы]сто́чника, *и́*[з-ы]сто́чника и *и́*[з-и]сто́чника; *по*[д-ы]гроко́м, *по́*[д-ы]гроко́м и *по́*[д-и2]гроко́м; *пере*[д-ы]вой, *пе́ре*[д-ы]вой и *пе́ре*[д-и]вой;

бе[зы]грово́й, *бе́*[зы]грово́й и *бе́*[зи]грово́й; *на*[ды]нди́видуа́льный, *на́*[ды]нди́видуа́льный, *на́*[ды]нди́видуа́льный и *на́*[ди]нди́видуа́льный, *на́*[ди]нди́видуа́льный; *о*[ты]ме́нный, *о!*[ты]ме́нный и *о́*[ти]ме́нный; *по*[ды]нтегра́льный, *по́*[ды]нтегра́льный и *по́*[ди]нтегра́льный; *ра*[зы]ме́нованный, *ра́*[зы]ме́нованный и *ра́*[зи]ме́нованный; *де*[зы]нформа́ция, *де́*[зы]нформа́ция и *де́*[зи]нформа́ция; *по́с*[ты]мпрессио́низм, *по́с*[ти]мпрессио́низм и *по́с*[ти]мпрессио́низм;

пре[ды]сполко́ма, *пре!*[ды]сполко́ма и *пре́*[ди]сполко́ма; *Ро*[сы]нкомба́нк, *Ро́*[сы]нкомба́нк и *Ро́*[си]нкомба́нк³.

Впервые в орфоэпическом словаре рассматривается возможность произношения перед ударным гласным гортанной смычки. Она может возникать на стыке полнозначных слов и после предлога и приставки. Если предшествующее слово оканчивается твёрдым согласным и между словами нет паузы, то после гортанной смычки произносится [и]: *пятьдесят* [[и]гр⁴, *вот* [[и]менно, *работал* [[и]сполу, *от* [[и]грека и т. п.

Перед гортанной смычкой звонкие шумные согласные предлогов и приставок могут заменяться глухими, а после неё гласный [и] не заменяется на [ы]: *бе*[з-ы]мени, *бе*[з-и]мени и *бе*[с-и]мени; *и*[з-ы]скры, *и*[з-и]скры и *и*[с-и]скры; *на*[д-ы]волгой, *на*[д-и]волгой и *на*[т-и]волгой; *пере*[д-ы]вой, *пере*[д-и]вой и *пере*[т-и]вой; *контри́ск* — *конт*[р-и]ск; *нады́ндекс* — *на*[ды]ндекс, *на*[ди]ндекс и *на*[ти]ндекс; *подбласти́* — *по*[д-ы]бласти́, *по*[д-и]бласти́ и *по*[т-и]бласти́; *предпухолево́й* — *пре*[д-ы]пухолево́й, *пре*[д-и]пухолево́й и *пре*[т-и]пухолево́й; *сверхо́стрый* — *свер*[х-ы]о́стрый и *свер*[х-и]о́стрый; *сверху́мный* — *свер*[х-у]мный и *свер*[х-и]мный; *сверхэ́кстренный* — *свер*[х-ы]э́кстренный и *свер*[х-и]э́кстренный; *субато́мный* —

² В транскрипции обозначается знаком [ˈ].

³ Вариантность [ы]/[и] рассматривается в теоретическом разделе БОСа и не обсуждается в словарных статьях.

⁴ В БОСе вместо обычного обозначения гортанной смычки в транскрипции знаком [ʔ] для простоты восприятия введен знак [[]].

су[бá]томный, су[б|á]томный и су[п|á]томный; *субэтнос* – су[б|э]тнос, су[б|э]тнос и су[п|э]тнос; *суперэтнос* – супе[р|э]тнос и супе[р|э]тнос; *трансакция* – тран[с|á]кция и тран[с|á]кция.

Было обнаружено, что на месте /j/ при некоторых условиях возможно произношение того же согласного, который произносится перед или после /j/: *братьями* – *бра́[т'и]ями* и допустимо *бра́[т'т']ями* и так же *судьями*, *бру́сьями*, *сви́ньями*, *ко́льями*, *крю́чьями*, *вьльете*; *морко́вью* – *морко́в[иу]* и допустимо *морко́в[в'у]* и так же *полёсье*, *взаимосвя́зью*, *весёлье*, *колду́нья*, *запе́чье*; *ротв[éи]лер* и *ротв[éл']лер*, *тр[éи]лер* и *тр[éл']лер* и др.

Орфоэпические исследования последних лет показали, что орфоэпический материал, также как и фонетический, подчиняется позиционному описанию. Реализация фонемы при действии орфоэпической закономерности вероятностно предсказывается целым рядом факторов разного характера: фонетических (сегментных и просодических), лексических, словообразовательных, грамматических. Описание русской орфоэпии, на основе которого принимаются решения о кодификации норм произношения в БОСе, связано с методикой позиционного многофакторного анализа.

Покажем суть предлагаемого подхода на примере реализации первой фонемы в сочетании *рт'* твердым или мягким звуком. Авторы «Орфоэпического словаря русского языка» под редакцией Р.И. Аванесова указывают: «По старым нормам русского литературного произношения согласный [р] перед мягкими зубными и губными смягчался. Такое произношение встречается и сейчас, но как устарелое в словаре не отмечается» (ОС: 655).

Действие этого правила было проверено М.Л. Каленчук в эксперименте. Группа дикторов разного пола и возраста, носители русского литературного произношения, начитали на магнитофон фразы, включающие слова с сочетанием *рт'*. Аудирование полученных записей показало, что наряду с произношением твердого [р] возможно и произношение [р']. При этом количество мягкого варианта значительно отличалось по отдельным словам: *а[р']тист* — 21%, *а[р']тистический* — 25%, *вэ[р']тится* — 21%, *конвэ[р']те* — 3,5%, *насме[р']ть* — 17,8%, *па[р']тикула* — 0%, *па[р']титюра* — 0%, *на[р']тия* — 0%, *се[р']тифика́т* — 0%, *сме[р']тёльный* — 28,6%, *сме[р']ть* — 7%, *на че[р']тё* — 3,5%, *че[р']тёй* — 32%, *че[р']тёнята* — 35,7%, *чэ[р']ти* — 14%, *чэ[р']тик* — 14%.

На первый взгляд, распределение вариантов по конкретным словам кажется случайным, хаотичным, и вспоминается выражение А.А. Реформатского, называвшего орфоэпию «беззаконием». Но выполненное Л.Л.Касаткиным (2008) исследование, в котором выявляются факторы, способные вероятностно определять появление мягкого/твердого звука в позиции перед следующим мягким, позволяет увидеть закономерности, действующие на данном участке системы, и на их основе принять решение о кодификации.

На реализацию первой фонемы в сочетании *рт'* мягким [р'] могут влиять: положение после гласного переднего/непереднего ряда: *на́ртия* (0%) – *чёрти* (14%); место по отношению к ударению (после ударного / перед ударным / между безудар-

ными гласными): *чёрти* (14%) – *чертёй* (32%) – *чертенята* (35,7%); позиция перед мягким звуком во всех формах слова / в отдельных формах слова: *вёртится* (21%) – *конвёрте* (3,5%); в случае, если позиция перед мягким [т'] представлена не во всех формах слова: в большинстве форм / в отдельных формах: *чертёй* (32%) – *чертё* (3,5%); нахождение сочетания в более/менее употребительных словах: *артистический* (25%) – *партитура* (0%); на конце слова: после ударного / после безударного гласного: *смерть* (7%) – *насмёрть* (17,8%) и др. (Каленчук 2007).

Поэтому в БОСе у словоформы *чертё* приводится один вариант произношения — *че[р]тё*; у слова *чертенята* даётся помета: *че[р']тенята* и *че[р]тенята*; у слова *чертёнок* – *че[р]тёнок* и допустимо старшее *че[р']тёнок*; у слова *четверть* – *чётве[р]ть* и допустимо устарелое *чётве[р']ть*. Описание становится более детальным и адекватным речевой действительности, а распределение орфоэпических вариантов по отдельным словам обусловлено совокупным действием различных языковых факторов.

Влияние различных факторов, обуславливающих произношение того или иного варианта орфоэпемы, выявлено во многих известных ранее орфоэпических явлениях.

Так, произношение [ы] или [э] на его месте в безударных слогах, кроме первого предударного, зависит от положения во втором, или в третьем и далее от ударного предударных слогах, или в заударных слогах; в конечном открытом или закрытом слоге или в неконечном слоге; в корне, приставке *вы-*, суффиксе или окончании; в однокорневых словах или в первой основе сложных слов; после и перед слогом с гласным верхнего или неверхнего подъема; от количества заударных слогов; от некоторых других факторов.

На месте /j/ могут произноситься согласный звук [j], неслоговой гласный [и], слоговой [и], нуль звука и в позиции после согласного перед гласным иногда возможен тот же согласный, что и предшествующий. Кроме того, на месте /j/ могут произноситься и некоторые другие звуки, не рассматривающиеся в БОСе, о них см.: (Панов 1979: 108–110; Касаткин 2006: 170; Касаткина 2008а). В качестве факторов, влияющих на произношение звуков на месте /j/, рассматриваются разнообразные фонетические позиции: положение в начале, середине или в конце слова, перед гласным или после него, в ударном или безударном слоге, начальном и неначальном, конечном открытом, закрытом и неконечном, расстояние от ударного гласного, количество предшествующих безударных слогов, длина слова, качество предшествующего и следующего ударного и безударного гласного, один или группа согласных перед /j/ и в следующем слоге, их качество, фразовая позиция, темп речи, положение /j/ в словах элементарной и сложной структуры, в одноосновных словах и в первой основе сложного слова, внутри корня и на стыке приставки и корня, корня и суффикса или окончания, двух основ сложного слова. Учитываются также степень употребительности слова, принадлежность к той или иной части речи, буквы, обозначающие /j/ на письме. Рассматриваются и варианты реализации /j/, связанные с конкретными словами.

При анализе произношения мягкого или твёрдого согласного перед мягким указано влияние 14-ти различных факторов.

3. Проблемы ударения

В акцентологической системе русского языка за последнее время произошли некоторые изменения, касающиеся как отдельных слов и словоформ, так и некоторых грамматических категорий. Определенные участки грамматической системы русского языка характеризуются лабильностью в отношении ударения. В наибольшей степени это относится к формам прошедшего времени глаголов и к кратким формам прилагательных.

В традиционной системе ударения формы невозвратных глаголов прошедшего времени жен. рода противопоставлены всем другим формам: *брала́, взяла́, гнала́, дала́, звала́, ждала́, жила́, пила́, спала́* – *бра́ло, бра́ли, взя́ло, взя́ли, гна́ло, гна́ли* и т. п. На основании множественных опросов носителей нормы (москвичей с гуманитарным образованием), а также на основании анализа произношения дикторов радио и телевидения мы пришли к выводу об укреплении тенденции к смещению ударения в формах ср. рода с основы на окончание. Схематически это можно представить следующим образом:

Старшее		Младшее	
звала́, ждала́	☐ ●	звала́, ждала́	☐ ●
зва́ло, жда́ло	■ ○	звало́, ждало́	☐ ●
зва́ли, жда́ли	■ ○	зва́ли, жда́ли	■ ○

В БОСе нафлексивное ударение в формах *бра́ло, взя́ло, зва́ло* и т. п. приводится с пометой *допустимо младшее*.

В формах прошедшего времени возвратных глаголов перенос ударения с основы на флексию происходит не только в формах ср. рода, как это наблюдается у невозвратных глаголов, но и в формах мн. числа. Если в традиционной схеме форма жен. рода была противопоставлена по месту ударения двум другим (*гнала́сь, но гна́лось и гна́лись; звала́сь, но зва́лось и зва́лись; рвала́сь, но рва́лось и рва́лись*), то в соответствии с младшей нормой все три формы имеют нафлексивное ударение: *гнала́сь, гнало́сь, гнали́сь; звала́сь, звало́сь, звали́сь; рвала́сь, рвало́сь, рвали́сь*. Победила младшая норма.

Старшее		Младшее	
гнала́сь, звала́сь	☐ ●	гнала́сь, звала́сь	☐ ●
гна́лось, зва́лось	■ ○	гнало́сь, звало́сь	☐ ●
гна́лись, зва́лись	■ ○	гнали́сь, звали́сь	☐ ●

В БОСе: формы *гнало́сь, гнали́сь; звало́сь, звали́сь* приводятся как рекомендуемые, а формы *гналось, гнались; звалось, звались* — как допустимые.

В кратких формах параметрических прилагательных *длинн, короток, мал, низок, тесен, тонок, толст, узок, широк* и др. в современной речи наблюдаются колебания в месте ударения на основе и на окончании у форм ср. рода и мн. числа при стабильности ударения на окончании в формах жен. рода. Если эти прилагательные включают в свое значение сему 'слишком', 'больше или меньше, чем нужно', то в формах ср. рода и мн. числа ударение на окончании, если не включают эту сему, то на основе; например: *Улицы старого города узки и тесны*, но: *Улицы старого города слишком узки и тесны для проезда*. При этом сема 'слишком', 'больше или меньше, чем нужно' может не иметь вербального выражения: *Описание было длинно и запутанно*, но: *Это платье ей длинно*. Вариативность места ударения в этой форме отличает её от однокоренных наречий, в которых ударение обычно падает на основу: *узко, длинно*; подробнее см.: (Касаткина 2008б).

В БОС'е формы ср. рода и мн. числа параметрических прилагательных с ударением на окончании приведены с указанием на значение 'слишком' или 'недостаточно'.

Традиционно считалось, что характерным признаком побочного (дополнительного) ударения, отмечаемого в сложных словах и в словах с некоторыми приставками, является особый тембр гласного — отсутствие качественной редукации. Исследования Р.Ф. Касаткиной и М.Л. Каленчук показали, что дополнительное ударение может быть и на качественно редуцированных гласных, а на нередуцированных гласных дополнительного ударения может не быть. Основными его показателями являются увеличение силы и длительности ударного слога (Каленчук, Касаткина 1993; Просодический строй русской речи 1996, гл. 2; Касаткина 2002).

Р.Ф. Касаткина и Л.Л. Касаткин выявили условия, от которых зависит наличие дополнительного ударения:

1) расстояние (количество слогов) между слогом с основным ударением и слогом, на котором возможно дополнительное ударение: если в слове перед ударным слогом три и более безударных слога, у говорящих возникает стремление к постановке дополнительного ударения, при этом вероятность дополнительного ударения в слове возрастает с увеличением количества предупредных слогов;

2) чем дальше от начала слова место возможного дополнительного ударения, тем меньше необходимое расстояние между основным ударением и дополнительным;

3) чем больше слогов после основного ударения, тем вероятнее наличие дополнительного ударения;

4) возможно плотное и неплотное соединение основ; чем меньше плотность соединения морфем, тем более вероятно при прочих равных условиях наличие в слове дополнительного ударения. Меньшая плотность соединения морфем характерна для слов редко употребляющихся, специальных, книжных, с четко выделяющимися частями. Имеет значение и словообразовательный тип (Касаткина 2002; Касаткин 2007).

4. Состав словника

В соответствии с этими теоретическими установками формировался и состав словника БОСа. Словарь отличается от имеющихся орфоэпических словарей значительным объемом: в нем отражено произношение почти 100 000 слов. Формирование словника осуществлялось методом сплошной выборки слов, нуждающихся в орфоэпическом комментарии, из различных лингвистических и энциклопедических словарей, а также добавлением неологизмов, зафиксированных в средствах массовой информации. Как правило, в словарь не включались диалектизмы, жаргонизмы, просторечная лексика и узкоспециальные термины.

В словарь включены слова, имеющие следующие особенности.

1. Варианты звуков в одних и тех же словоформах, например:

жакёт — ж[а]кёт и ж[ыʲ]кёт;
поёт — п[а]ёт и п[о]ёт;
милиционер — милиц[ы]нёр и милиц[а]нёр;
декан — [д'и^е]кан и [дыʲ]кан;
дрожжи — дрó[ж'ж']и и дрó[жж]и;
булочная — буюло[ч']ная и буюло[ш]ная;
лейтенант — [л'и^е]тенант и [л'и^е]тенант.

2. Разные слова и разные значения одного слова, отличающиеся произношением исходной формы, например:

бэдна¹ — *Пропасть* — бэ[зdn]а и *допустимо* бэ[зн]а;
бэдна² — *Много* — бэ[зн]а;
иезуйт¹ — *Принадлежащий к католическому ордену иезуитов* \ [ий]зуйт, в *беглой речи* возможно [йи]зуйт и [и]зуйт;
иезуйт² — *Лицемер, коварный человек* \ [йи]зуйт, в *беглой речи* возможно [и]зуйт.

3. Разные слова и разные значения одного слова, различающиеся произношением некоторых форм, кроме исходной, например:

истечь¹ — *Вытечь* и др. \ в формах с сочетанием кш: истёкший... — ис[т'ó]кший;
истечь² — *Окончиться (о времени)* \ в формах с сочетанием кш: истёкший... — ис[т'э́]кший;
осадить¹ □ *Остановить на всём скаку* \ в формах с сочетанием нн: осаженный... — осáже[н]ый;
осадить²⁻³ — *Выделить часть раствора в виде осадка; подвергнуть осаде* \ в формах с сочетанием жд: осаждённый... — оса[жд'ён]ный (не рек. оса[ж'д']ённый; *неправ.* оса[ж'ж']ённый); в формах с сочетанием нн: осаждённый... — осаждэ[нн]ый, в *беглой речи* возможно осаждэ[н]ый.

4. Сочетания букв, которые могут произноситься по-разному в разных словах при одних и тех же фонетических условиях, например:

нечто — не[ч'т]о, **ничто** — ни[шт]ó;
отличник — отли[ч'н']ик, **двбечник** — двбе[шн']ик;
отягчать — отя[кч']ать, **умягчать** — умя[хч']ать;
риэлтор — р[иэ́]лтор, **клиэнт** — кл[иэ́]нт;
квартёт — квар[т'э́]т, **кортэж** — кор[тэ́]ж.

5. Все сочетания согласных с последним мягким, независимо от того, есть ли в таком сочетании варианты произношения, например:

вы́мпел — вы́[м']пел и вы́[м]пел;
повсю́ду — по[ф']сю́ду и по[ф]сю́ду;
медве́дь — ме[д']ве́дь и ме[д]ве́дь;
сли́ва — [с']ли́ва и [с]ли́ва;
институ́т — и[н'с']титу́т, и[нс']титу́т и и[нс]титу́т;
по́лдни́к — по́[лд']ни́к и по́[лд]ни́к;
кадри́ль — ка[др']и́ль;
анке́та — а[нк']е́та;
шалфе́й — ша[лф']е́й;
вторни́к — вто́[рн']ни́к;
ко́рмчи́й — ко́[рмч']и́й.

6. Буквы, обычное значение которых в данной позиции не соответствует произношению в слове, например:

помо́щник — помо́[ш]ник;
семьсо́т — се[м]со́т;
близ — бли[з'] города.

7. По-разному произносящиеся, но одинаково пишущиеся слова в письме, не использующем букву ё (омографы), например:

не́бо — Видимое над землёй воздушное пространство;
нёбо — Верхняя стенка полости рта;
фен — Прибор для сушки волос;
фён — Сухой, тёплый ветер, дующий с гор.

8. Варианты места ударения, например:

ба́ржа и **баржа́**;
джи́нсовый и **джинсо́вый**;
заржа́веть и **заржаве́ть**.

9. Разные слова, различающиеся местом ударения во всех формах, например:

за́мок — Дворец или крепость; **замо́к** — Приспособление для запираания;
па́рить — Подвергать действию пара; **пари́ть** — Держаться в воздухе на неподвижно распростертых крыльях;
здо́рово, наречие; **здо́рово**, междометие.

10. Разные слова и разные значения одного слова, отличающиеся местом ударения в отдельных формах, например:

бой¹, бо́я, *мн.* бои́, боя́м — Битва, поединок, борьба и др.;
бой², бо́я, *мн.* бои́, боя́м — Мальчик-слуга;
орден¹, ордена, *мн.* орденá, орденáм — Знак отличия за заслуги;
орден², ордена, *мн.* брдены, брденáм — Монашеская община, тайное объединение;
орден³, ордена, *мн.* брдены, брденáм и орденá, орденáм — Архитектурный термин.

11. Предлоги и частицы, которые могут нести на себе словесное ударение, например, **на́ дом**, **за́ голову**, **по́ столу**, **не́ был**.

12. Обязательное или факультативное дополнительное ударение разной степени употребительности на первой основе сложных и сложносокращенных слов и приставок, например:

вдо́непроница́емый;

води́змери́тельный, *обычно произносится с дополнительным ударением: вдо́-измери́тельный*;

води́заци́тный, *может произноситься с дополнительным ударением: вдо́заци́т-ный*.

Для сравнения приводятся сложные слова, на первых основах которых дополнительное ударение отсутствует, например: **води́пад**.

13. Первые основы сложных слов и приставки, которые могут выделяться сильным ударением во фразе, например:

мало... — *первая часть сложных слов, которая может быть выделена сильным ударением при определённых условиях во фразе, напр.: Городской неопытный человек, конечно, удивлялся, не мог понять, как это в таком ма!лопроёзжем месте собирается столько новостей. Паустовский. Воитель*;

а... — *приставка, которая может быть выделена сильным ударением при определённых условиях во фразе, напр.: В его картинах симметрия геометрических узоров постепенно сменяется а!симме́трией абстрактных рисунков*.

14. Подвижное формообразовательное ударение, например:

свеча́, свечи́, *мн.* свечи́, свеча́м;

це́лый; це́ла, це́ло, це́лы; це́лее;

подня́ть, подниму́, подни́мет;

сме́ло; смеле́е.

15. Ударение сдвинуто на предшествующий слог в исходной форме с отсутствием гласного в окончании при постоянном ударении на окончании в других формах, например:

куша́к, кушакá, *мн.* кушаки́, кушакáм;

пиро́г, пирога́, *мн.* пироги́, пирога́м.

16. Беглые гласные *e, ё, o* в каких-либо формах, например: **теле́ц** – тельца́, **ко́шка** – ко́шек, **пенёк** – пенька́, **рожо́к** – рожка́;

17. Слова, у которых один вариант произношения или ударения является нормативным в литературном языке, а другой (или другие) находится за пределами литературной нормы (диалектные варианты не учитываются), например:

пре́жде — пре́[жд']е (*не рекомендуется пре́[ж'д']е, неправильно пре́[ж'ж']е*);

райо́н — ра[jó]н (*неправильно ра[ио́]н*);

жалюзи́ (*неправильно жа́люзи*);

магази́н (*грубо неправильно мага́зин*).

Авторы сочли возможным в отдельных случаях ради более компактной подачи орфоэпической информации отказаться от включения в словарь некоторых слов.

Так, обычно не включаются производные слова, легко выводимые из производящих и не отличающиеся от них орфоэпической информацией: например, не приводится слово *некачественный*, так как есть слово *качественный*; не приводится слово *близко*, так как есть *близкий* и т. д. В словаре также нет отдельных словарных статей, посвященных прилагательным и существительным, омонимичным причастиям при совпадении орфоэпической информации (*обозлённый* — причастие и прилагательное, *заклѳчѳнный* — причастие и существительное), а также не даются отдельно существительные женского рода, отличающиеся от соответствующих существительных мужского рода только суффиксом при отсутствии орфоэпических различий (*мошѳнный* — *мошѳница*; *у́зник* — *у́зница*).

5. Нормативная характеристика произношения и ударения

Авторы стремились зафиксировать в словаре реальное многообразие орфоэпических вариантов, функционирующих в пределах нормы, а также указать наиболее типичные случаи отступлений от нормы. Такой подход потребовал совмещения в одном лексикографическом труде *д е с к р и п т и в н о г о* (описывающего) и *п р е с к р и п т и в н о г о* (предписывающего) типов описания языкового материала. Нормативный характер словаря требует отражения в нём особенностей произношения и ударения, свойственных речи образованных людей нашего времени, не противоречащих внутренним языковым закономерностям и освящённым культурной традицией. Дескриптивный характер требует, кроме того, фиксации целого ряда узуальных явлений, характеризующих современное состояние русского звукового строя и содержащих потенциальные «ростки» новых закономерностей. Из новых произносительных явлений отобраны только те, которые не только достаточно широко распространены, но и отвечают внутренним тенденциям языкового развития.

По сути дела авторы ставили перед собой задачу создать полный свод произносительных явлений начала XXI века. В конкретных словах и словоформах приводятся все возможные в литературном языке варианты произношения, при этом указывается, какое место каждый из вариантов занимает в литературном произношении, как варианты соотносятся между собой хронологически, по степени употребительности и частотности, а также как они связаны с определёнными условиями произношения, например с теми или иными фразовыми позициями. Для этой цели используется разветвленная система помет:

Равноправные варианты, например, **абба́т** — а[бб]а́т и а[б]а́т; **вы́мпел** — вы́[м']пел и вы́[м]пел; **европе́йский** — [йи^е]вропе́йский и [и^е]вропе́йский; **ба́ржа** и **баржа́**;

Неравноправные варианты:

и допустимо — указывает, что следующий вариант менее употребителен, например: **поэ́т**—п[а]э́т и *допуст.* п[о]э́т; **выво́рачива́ть** — в[ы]во́рачива́ть и *допуст.*

в[э]ворáчивать; **бессловéсный** — бе[сс]ловéсный и *допуст.* бе[с]ловéсный; **твóрог** и *допуст.* твóрог;

и допустимо старшее — указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к старшей норме, например: **втерéть** — [ф]терéть и *допуст.* *стари.* [ф']терéть; **и́наче** и *допуст.* *стари.* **и́наче**;

и допустимо устарелое — более редкое, чем «допустимо старшее»; старомосковское произношение, встречающееся в современной речи, например: **протíвник** — протí[в]ник и *допуст.* *устарелое* протí[в']ник; гна́лся и *допуст.* *устарелое* гна́лся;

и допустимо младшее — указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к младшей норме, например: **отдeлíть** — о[д']делíть и *допуст.* *млади.* о[д]делíть; **звáло** и *допуст.* *млади.* звáло́.

Кроме информации о хронологической соотнесённости орфоэпических вариантов и степени их употребительности в речи, словарь впервые в отечественной практике даёт сведения о вариантах произношения, связанных с нахождением словоформы в разных фразовых позициях. Традиционно информация о произношении конкретного слова в словарях даётся так, как будто слово находится в изолированной позиции, т. е. произносится в замедленном темпе, акцентированно и особо чётко, но в живой речи слово попадает в разные условия произношения, подвергается различным деформациям. В БОСе введена специальная помета — *в беглой речи возможно*, которой оцениваются более редкие варианты, встречающиеся при быстром темпе речи, в том числе в слабой фразовой позиции, т. е. не под основным ударением фонетической синтагмы или фразы; например: **абстракционíзм** — абстракц[ья]нiзм, *в беглой речи возможно* абстракц[а]нiзм; **длiнный** — длi[нн]ый, *в беглой речи возможно* длi[н]ый.

В русском языке есть небольшой круг лексем, которые часто употребляются в компрессированном виде – [п'и'е]с'ят (*пятьдесят*), [т'ыш':э] (*тысяча*), [скóкэ] (*сколько*), [ч'эк] (*человек*) и др. Отличие этих фактов от описанных выше орфоэпических вариантов, снабжаемых пометой «в беглой речи возможно», в том, что компрессивы (термин, предложенный Р.Ф. Касаткиной [2007]) характерны для разных типов речи и разных фразовых позиций. В БОСе они сопровождаются пометой «в беглой речи обычно». Несомненно, такая помета является условностью, так как мы осознаём, что появление компрессивов возможно и не при убыстренном темпе речи, хотя и более характерно для него.

Необходимо отметить, что в нашей работе нет привычной для орфоэпических словарей информации о произношении слова в разговорной речи (языке). Как известно, появление фактов разговорной фонетики обусловлено ситуацией речи, в первую очередь, установкой на неофициальный, непубличный и непринужденный характер общения. В словаре обычного типа при изолированном предъявлении слова невозможно соотнести те или иные варианты произношения с ситуацией речи, что делает бессмысленным простое перечисление возможных разговорных вариантов.

Итак, создан новый орфоэпический словарь русского языка, сочетающий в себе описательный и кодификационный подходы, являющийся фундаментальным сводом русского литературного произношения конца XX – начала XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.
- Бондаренко А.А.* Изучение орфоэпии в начальной школе. М., 1988.
- БОС: Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
- Каленчук М.Л.* О позиционном подходе к описанию произносительных явлений // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции. М., 2007. С. 59–61.
- Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* Побочное ударение и ритмическая структура слова на словесном и фразовом уровнях // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 99–106.
- Касаткин Л.Л.* Современный русский язык: Фонетика. М., 2006.
- Касаткин Л.Л.* Заметки по русской орфоэпии // Проблемы фонетики. V / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2007. С. 344–365.
- Касаткин Л.Л.* Активные процессы в фонетике. Процесс отвердения согласных перед мягкими согласными в современном русском языке // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2008. С. 271–374.
- Касаткина Р.Ф.* Метрика слова в русском языке // Проблемы фонетики. IV / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2002. С. 91–107.
- Касаткина Р.Ф.* Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции. М., 2007. С. 64–65.
- Касаткина Р.Ф.* Многоликий йот // Фонетика и нефонетика: Сборник в честь 70-летия С.В. Кодзасова. М., 2008а. С. 201–212.
- Касаткина Р.Ф.* Изменения в просодической системе русского литературного языка // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2008б. С. 375–398.
- ОС: Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С.М. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова / Под ред. Р.И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989 и др. издания.
- Панов М.В.* Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1996.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1947.
- Ушаков Д.Н.* Русская орфоэпия и ее задачи // *Ушаков Д.Н.* Русский язык. М., 1995. С. 155–177.

Е. С. КОПОРСКАЯ
(Москва, Россия)

**ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ
В «НОВОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА С РАСШИРЕННЫМИ
СВЕДЕНИЯМИ О СЛОВЕ (В КНИЖНОЙ И УГЛУБЛЕННОЙ
ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИЯХ)»***

В настоящее время в отделе грамматики и лексикологии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН начата работа над «Новым толковым словарем современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)». Коллектив авторов, состоящий из представителей научной школы, возглавляемой в течение десятилетий академиком Н.Ю.Шведовой, последователей и продолжателей традиций и идей этой школы, пришел к выводу о возможности создания словаря нового поколения с учетом современных технологий. Составители словаря имеют большой опыт работы над разными типами словарей («Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений», «Русский идеографический словарь», «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» и др.)¹. «Новый толковый словарь» представляет собой жанр традиционного, но с расширенными сведениями о слове, однотомного толкового словаря современного русского языка и его углубленной электронной версии. Словарь должен содержать комплексную, по возможности максимально полную информацию, позволяющую представить слово как принадлежащее, с одной стороны, многогранному миру языка, с другой стороны, как существующему в широком культурно-историческом контексте. Эта задача предполагает изучение и описание слова в его системных языковых связях: частеречных, парадигматических, синтаксических, деривационных, фразеологических, функциональных, а также отображение обусловленности его семантики экстралингвистическими факторами. Такое описание словарного состава языка в словаре позволит отразить национальный образ мышления, национальную специфику мировосприятия, национальную языковую картину мира.

В последние десятилетия в отечественной лексикологии и лексикографии все чаще ставится вопрос о возможности лексикографического отражения национальной языковой картины мира. Эту проблему чаще всего гипотетически предлагается решать на отдельных частных вопросах, касающихся в основном только двуязыч-

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-10466 «Новый толковый словарь современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)».

¹ См. подробно об этих словарях в статье А.С. Белоусовой «О новых жанрах словарей русского языка под редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой», напечатанной в данной книге.

ных учебных словарей — как учебных пособий для преподавания русского языка как иностранного. В мировой практике также существуют разработки учебных словарей с приложением электронных версий (см., например, «The Oxford Advanced Learner's Dictionary», 7-th edition, Longman Dictionary of Contemporary English).

Многие из лингвистов склоняются к мнению, что такое лексикографическое описание языковой картины мира возможно лишь при обязательной идеографической классификации лексики, являющейся проявлением системности: «Группировка слов по частям речи или (что наиболее часто встречается в лексикографической практике) расположение их по алфавиту... является проявлением ориентации на формальные признаки организации лексики и не отражает ее смысловой организации по соответствующим полям, зонам, группам и т. п., без чего о “картинообразующей”, “миропостроенческой” функции лексики говорить бессмысленно»².

Другие лингвисты не столь категоричны в своей оценке возможностей алфавитных толковых словарей. Так Н.Ю. Шведова, отмечая, что в алфавитном словаре лексика получает принципиально асистемное изображение, считает одновременно с этим, что задачу отображения организации словесного состава языка берет на себя отдельная словарная статья и все словарные статьи в своей совокупности. Словарная статья своим строением, характером заключенных в ней сведений показывает, что слово существует в составе разнообразных множеств как член этих множеств, тем самым сообщается о наличии в языке целостностей и об отношении этих целостностей к отдельным входящим к ним единицам.

Асистемность представления лексического состава в толковом словаре несколько не мешает воссозданию языковой картины мира. Н.Ю. Шведова пишет (приводим здесь развернутую цитату в силу ее важности для характеристики той информации, которую может предоставить алфавитный словарь):

«Словарь развертывает перед своими читателями картину мира — так, как она существует в сознании носителей данного языка, причем эта картина относительно полным толковым словарем представляется в исторической перспективе. В этом смысле роль словаря не может быть переоценена. Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификаций. В исторической перспективе предстают изменения в общественном устройстве, в состоянии научных знаний, в становлении и развитии профессий, в возможностях проникновения в мир природы. Но это только одна сторона дела. Картина мира в ее отражении языком сложнее и глубже, чем та, которая воссоздается собственно именованьями реалий. Это также картина связей и отношений, существующих, во-первых, между предметами, явлениями, ситуациями; во-вторых, между такими реалиями и теми, кто их воспринимает и оценивает; в-третьих, между самими такими квалификациями и оценками. Одна из основных функций языка — выражать связанность, сочлененность всего существующего — в

---

² Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 3-е изд., испр. М., 2011. С. 307.

словаре проецируется на мир человека и его окружений и служит воспроизведению существующих в этом мире отношений и зависимостей. Словарь служит источником, из которого черпаются сведения об этих связях. На основе анализа значений соответствующих слов, их семантических схождений и расхождений, анализа служебных средств языка и распределенности их функций выстраивается “каркас отношений” в отвлечении от самих относящихся друг к другу единиц. Картина мира предстает, таким образом, не просто как “всё именуемое”, а и как “всё относящееся друг к другу, связанное друг с другом и друг от друга зависящее”»³.

Однако в то же время Н.Ю. Шведова отмечает, что самый жанр алфавитного словаря исключает возможности последовательного развертывания перед читателем как воспроизводимой картины в целом, так и отдельных ее участков. Лексикограф предлагает самому читателю возможность воссоздания всех соответствующих целостностей, познания через словарь лексической системы в целом.

Таким образом, между разными типами словарей возникают определенные коллизии. Если в словаре, построенном на лексико-семантических классификациях, читатель должен сам воспроизводить внутреннюю семантическую структуру многозначного слова, то в алфавитном словаре тот же пользователь должен извлекать информацию о системной организации лексики из всех словарных статей в своей совокупности.

Авторы «Нового толкового словаря» в принципах описания словарного состава русского языка стремились максимально минимизировать данную коллизию.

Основными задачами словаря являются:

1. Представление словарного состава русского литературного языка как отражающего национальный образ мышления, национальное видение мира и национальную языковую картину мира. Эта задача предполагает отбор лексики, необходимой для классического однотомного словаря среднего типа (около 80 000 тысяч слов и фразеологических выражений). Словарь будет содержать наиболее активные слова, показывающие национальную специфику языка и, с этой точки зрения, являющиеся, с одной стороны, собственно информирующими, составляющими понятийную основу языка (ключевые слова, концепты), с другой — слова «живописующие», содержащие квалифицирующие и коннотационные характеристики обозначаемых реалий, широко представленные в русском языке.

2. Представление «микромира» отдельного слова как включенного в большой многогранный «макромир» языка, в его систему. Эта задача предполагает показ слова в его системных связях: частеречных, парадигматических, синтагматических, дери-вационных, фразеологических, функциональных.

3. Последовательное и полное отражение нормативного характера словаря, проведение кодифицирующих характеристик слова через все зоны словарной статьи с помощью соответствующих помет, указание на возможную вариативность его форм, а также на трудности и «неправильности», возникающие при употреблении многих

---

³ Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре (Класс личных местоимений) // Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М., 2005. С. 418.

слов в речевой практике. Нормативная нацеленность словаря делает его ценным справочным изданием, отвечающим нуждам образования, способствующим повышению языковой культуры носителей языка.

4. Широкое введение в словаре новых зон словарных статей (этимология, история слов, лексико-семантические ряды, энциклопедические сведения и др.), что позволит преодолеть основное противоречие лексикографического описания, когда свойственное слову состояние постоянного движения, развития представлено как статическое, стабильное состояние. «Новый словарь» покажет слово как живую сущность, имеющую свои корни и свою историю. Словарь также может рассматриваться как такое лексикографическое описание современного русского языка, которое старается выявить живые процессы, происходящие в языке в последние десятилетия XX и в начале XXI столетия.

Поставленные задачи определяют собой содержательное пространство и строение словарной статьи. Она должна отразить через соответствующие зоны те общие языковые классы, в системе которых существует слово, и принадлежность его к каждому из них. Это следующие классы: 1) частеречный, 2) акцентологический, 3) орфоэпический и орфографический, 4) формы словоизменения, 5) собственно грамматический (внутри части речи, например, у имен существительных — одушевленность, собирательность, *Pruralia tantum*, у глаголов — вид, грамматически выраженный способ действия, возвратность), 6) семантическая структура слова (толкование значений слов будет строиться по классическим образцам толковых словарей, т. е. при толковании слов не будут использоваться ни специальный метаязык, ни особые символы), 7) синтаксические связи слова, их сила и слабость, 8) семантические связи, отнесенность к лексико-семантическим разрядам слов, 9) деривационный, 10) стилистический, 11) функциональный (по сферам употребления), 12) квалификационный и оценочный, 13) фразеологический, 14) хронологический (и локально-хронологический или только локальный), 15) этимологический и лексико-исторический (история слов), 16) энциклопедический.

Данные классы не совпадают полностью со строением словарной статьи и соответствующими зонами статьи. В лексикографической практике выработаны многие устоявшиеся способы показа принадлежности слова к разным из этих классов. Например, принадлежность к части речи показывается специальной классной пометой, флексиями, толкующей формулой, грамматическим видом, иллюстративными предложениями, косвенно — гнездом и ромбовой частью статьи. Для указания на квалификационную и/или оценочную сторону слова или его отдельного значения используются в разной степени дифференцированные так называемые стилистические пометы, квалификационно-оценочные части толкования, способ иллюстрации.

Максимальная насыщенность информации, заключенная в названной целостности разнообразных классовых показателей, требует «дешифровки». Эта «дешифровка» возможна только на основе таких знаний языковой системы, которые далеко выходят за рамки условных сигналов, практически пронизывающих всю ткань сло-

варной статьи. Введение новых классных характеристик в словаре также требует и новых средств их интерпретации.

Сложность решения поставленных задач в значительной степени заключается в том, что однотомный толковый словарь, являющийся наиболее удобным в пользовании и наиболее востребованным читателем, ставящий перед собой цели просветительного характера и в то же время стремящийся дать возможно полную внутрилингвистическую и экстралингвистическую информацию о слове, не может выполнить это в полном объеме. Существуют противоречия между приемлемым в словаре данного типа объемом словарной статьи и объемом необходимой информации.

Н.Ю. Шведова в статье «Парадоксы словарной статьи»⁴ рассматривает парадоксальные ситуации, которые возникают перед составителями однотомного алфавитного словаря вследствие перегруженности задачами словарных статей и их миниатюрным жанром.

П а р а д о к с п е р в ы й: всеохватность задачи и ограниченные возможности жанра.

П а р а д о к с в т о р о й: «классоцентризм языка — «лексикоцентризм» (эгоцентризм) слова в словарной статье. Слово в словарной статье предстает как единица, предопределяющая связи и отношения, «влекущая к себе» другие слова, формы, в то время как в языке она подчиняется общезыковым законам и правилам.

П а р а д о к с т р е т и й: концентрированность информации, заложенной в самом жанре словарной статьи, — присущая ей потенция восстановления общей картины классов.

П а р а д о к с ч е т в е р т ы й: всеобщая связанность всех константных свойств слова в самом языке — их искусственное разъятие в словарной статье как обязательное условие ее существования. В природе языка — органическая нерасчлененность классных свойств отдельной лексемы, разделить лексические и грамматические значения, морфологические, словообразовательные характеристики слова и его валентные свойства практически невозможно. Этот парадокс применительно к семантической структуре слова в самой этой словарной статье снимается показом взаимосвязанности значений, их взаимными переходами; применительно к грамматическим свойствам отдельного значения многозначного слова эта коллизия не разрешается: для этого нужны широкие языковые контексты и несловарные знания об их строении.

П а р а д о к с п я т ы й: слово как единица, не знающая состояния покоя, — представление слова в словарной статье как единицы, находящейся в состоянии покоя. В слове заключен залог постоянного движения, развития. Парадокс словарной статьи заключается в том, что она показывает развивающееся, движущееся явление как стабильное, т. е. описывает движение в условно оставленный момент развития. Эта коллизия самой словарной статьей не может быть разрешена: на помощь приходит диахроническая лексикология.

---

⁴ Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М., 2005. С. 420–424.

Учитывая сложности, стоящие перед составителями, авторы словаря пришли к выводу о необходимости одновременного издания двух его версий — книжной и углубленной электронной. Создание одновременно двух версий словаря позволит снять вопрос об ограничении информационного пространства словаря. Возникает возможность увеличить максимальную насыщенность информации, заключенную в разных зонах словарной статьи, за счет электронного словаря, который, помимо основного текста, может содержать и различного рода развернутую, не ограниченную объемом «дешифровку» сведений о слове, закодированных в книжной версии. Это позволит расширить и сам круг пользователей словаря, удовлетворяя их разные запросы и нужды. Сам словарь в двух его версиях может одновременно выступать и как справочное издание по различным вопросам, содержать развернутые нормативные рекомендации и, в разной степени, выполнять функции этимологического и этнографического, культурологического, исторического, а также учебного словаря для изучающих русский язык как иностранный и т. д. Это делает «Новый толковый словарь» адресованным как специалистам-филологам, так и широкому кругу читателей, людям, которые интересуются судьбами родного языка.

Названные задачи предполагают также решение технологической проблемы: разработку архитектуры электронного словаря, которая должна будет включать в себя основной корпус и связанные с ним подкорпусы. Основной корпус должен содержать весь объем словарных статей печатного издания, а каждый из подкорпусов — предлагать сведения, углубляющие соответствующие характеристики слова, представленные в отдельных зонах словарной статьи печатного издания (напр., давать полную морфологическую парадигму слова, расширенные сведения по синтаксатимике, иллюстративные цитаты, вхождение в лексико-семантический ряд, лингвокультурологические и энциклопедические справки, сведения о происхождении слова и т. д.).

В теоретическую основу словаря заложены принципы, выработанные ранее в ходе работы членов авторского коллектива — представителей научной школы академика Н.Ю. Шведовой — над словарями: «Толковым словарем русского языка с включением сведений о происхождении слов», «Русским семантическим словарем (Толковым словарем, систематизированным по классам слов и значений)», «Русским идеографическим словарем», «Словарем грамматической сочетаемости слов русского языка». Это касается таких принципов, как отбор материала, строение словарной статьи, ее отдельных зон, описание организации семантической структуры слов, отражение в словарной статье системных отношений в языке и других.

Поставленные задачи могут быть реализованы только на основе междисциплинарного подхода к описанию слова с использованием данных как других лингвистических дисциплин (грамматики, лексикологии, лексической семантики, стилистики, этимологии, исторической лексикологии, когнитивной лингвистики и др.), так и смежных отраслей знания (информатики, культурологии, этнографии, истории, филологии и других специальностей).

В ходе работы над проектом будут также учтены итоги многолетнего сотрудничества с ведущими учеными-лексикографами Славянского института Чешской академии наук, которые имеют длительный опыт работы над электронным чешско-русским словарем и которые могут выступить консультантами в части работы над электронной версией словаря.

Л.П. КРЫСИН
(Москва, Россия)

СЛОВАРИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Типы словарей

Современная русская лексикография располагает разными типами лингвистических словарей. Большинству людей хорошо известны словари двуязычные. Среди двуязычных много словарей отраслевых — по той или иной отрасли знания, техники, например: англо-русский словарь по космонавтике, французско-русский биологический словарь и т. п. Особой разновидностью двуязычных словарей являются разговорники, в которых даются переводы с одного языка на другой не столько отдельных слов (как в обычном двуязычном словаре), сколько наиболее расхожих, употребительных оборотов и конструкций.

Одн о я з ы ч н ы е словари еще более разнообразны. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от следующих признаков: 1) какая лексика описывается в словаре; 2) какого рода информация о слове в нем содержится; 3) кому словарь предназначен; 4) каковы информационные носители, на которых находятся сведения о слове.

1) По первому признаку словари делятся на словари литературного языка (иначе они называются нормативными); словари некодифицированных сфер национального языка — диалектные, жаргонные, словари просторечной лексики; специальные (в них содержится лексика и терминология какой-либо отрасли науки или техники); словари новых слов и значений; словари языка писателей; частотные; обратные; грамматические; словари сочетаемости слов и нек. др.

2) По второму признаку словари делятся на к о м п л е к с н ы е, или универсальные, и а с п е к т н ы е.

В к о м п л е к с н ы х дается максимальный объем информации о слове: не только содержатся толкование его значения, сведения о его грамматических и стилистических характеристиках, правила произношения и написания, но и описываются смысловые связи его с другими словами (синонимами, антонимами, аналогами — словами близких тематических групп), модели его синтаксического управления, его

словообразовательные производные, особенности его употребления в разных стилях речи и т. п. Иногда в такие комплексные словари включают и энциклопедические сведения о вещи, которую называет слово.

В а с п е к т н ы х словарях содержится информация только одного вида: например, только о написании слова, или только о его происхождении, или только о сочетаемости слова с другими словами, о его словообразовательных производных и т. д. Так, сведения о правильном написании слова содержатся в о р ф о г р а ф и ч е с к и х словарях, о правильном произношении и ударении — в словарях о р ф о э п и ч е с к и х. Происхождение слова, его путь в языке, все изменения, которые с ним происходят на этом пути, описываются в э т и м о л о г и ч е с к и х и и с т о р и ч е с к и х словарях; словообразовательные возможности слов, с указанием всех возможных производных, фиксируются в словообразовательных словарях. Специально описанию иноязычной лексики посвящены словари и н о с т р а н н ы х с л о в. Употребительность языковых единиц, их частоту в тексте регистрируют ч а с т о т н ы е словари, устойчивые фразеологические обороты — словари ф р а з е о л о г и ч е с к и е. Есть словари г р а м м а т и ч е с к и е, содержащие информацию о морфологических и синтаксических свойствах слов; о б р а т н ы е, в которых слова расположены по алфавиту их конечных букв (а это необходимо для различных специальных целей, в частности для лингвистических исследований); т е р м и н о л о г и ч е с к и е словари, словари речевых н е п р а в и л ь н о с т е й и т р у д н о с т е й. Есть словари, в которых описываются отдельные группы лексики: таковы, например, словари с и н о н и м о в, а н т о н и м о в, о м о н и м о в, п а р о н и м о в.

Этот перечень был бы неполным без двух типов словарей, имеющих наиболее давнюю лексикографическую традицию. Это словари т о л к о в ы е и и д е о г р а ф и ч е с к и е. Главное назначение и тех и других — описать значения слов, истолковать их. В толковом словаре слова располагаются по алфавиту, в идеографическом — по группам, которые выделяются на основании некоторых общих смыслов (например, таких: Человек, Животное, Действие, Физические свойства, Чувство и т. п.).

3) По третьему признаку — кому словарь предназначен — словари делятся на словари для ш и р о к о г о п о л ь з о в а н и я, а к а д е м и ч е с к и е, у ч е б н ы е и с п е ц и а л и з и р о в а н н ы е.

Словари для широкого пользования, как правило, однотомные: таковы, например, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (подробнее о них см. ниже). Словники этих словарей отражают наиболее употребительную лексику русского языка и не содержат (за некоторыми исключениями) слов устаревших, редких, а также узкоспециальных терминов. Составители академических словарей стремятся максимально полно отразить словарный состав языка (и поэтому словники академических словарей насчитывают многие десятки тысяч слов, включая устаревшие, малоупотребительные слова, специаль-

ные термины) и дать полную информацию о слове. Учебные словари преследуют цель научить человека, овладевающего языком, правильно употреблять слово; словники их, как правило, невелики, а информация о слове избирательна: составители учитывают наиболее частые ошибки в употреблении того или иного слова, трудности, связанные с его грамматическими или семантическими характеристиками.

Особый тип словарей представляют собой с л о в а р и - с п р а в о ч н и к и, адресованные представителям определенных профессий: они содержат лексику и терминологию, относящуюся к данной отрасли науки, техники, производства, каких-либо промыслов. Например, существуют словари экономические, финансовые, словари терминов вычислительной техники, спортивной терминологии, терминов рыболовства и рыбообрабатывающей промышленности, словари охотничьих терминов и т. п.

4) Наконец, четвертый признак, по которому различаются лингвистические словари, — каковы информационные носители, на которых находятся сведения о слове, — подразделяет словари на «б у м а ж н ы е», имеющие вид полиграфически оформленных книг, и э л е к т р о н н ы е. О «бумажных», то есть обычных словарях-книгах, шла речь до сих пор и будет идти ниже. А электронные словари представляют собой новый вид лексикографической продукции; они заслуживают особого разговора.

Электронные словари иначе называются компьютерными, поскольку их создание стало возможным только с появлением компьютеров. В электронном виде можно представить любой словарь из тех, которые ранее существовали в бумажном виде. Однако гораздо большую ценность имеют такие электронные словари, которые не повторяют свойств словарей бумажных, а имеют свои собственные. Наиболее существенны из них такие: (а) практически неограниченный объем словников этих словарей и возможность постоянного и оперативного их изменения (пополнения, сокращения, перестройки и т. п.); (б) быстрый доступ пользователя к любому элементу словаря (поиск по ключевому слову, по тем или иным характеристикам, извлечение какого-либо одного вида информации о слове — например, типа склонения существительного или модели управления глагола и т. д.); (в) возможность получать сведения об определенных группировках слов — например, о словах того или иного грамматического класса, о словах, содержащих в своих толкованиях общий семантический компонент, о словах, имеющих одну и ту же стилистическую помету; (г) возможность оперативно создавать на базе одного словаря какие-либо его разновидности, удовлетворяющие определенным целям (например, на основе комплексного словаря, в котором содержится максимум информации о слове, можно создавать аспектные словари, каждый из которых описывал бы только один тип его лингвистических свойств). Поскольку все эти операции осуществляются с помощью компьютера и соответствующего программного обеспечения (которое, как правило, сопровождает любой электронный словарь), они занимают время, несопоставимое с теми годами и даже десятилетиями, которые потратил бы на эту работу человек без применения современной вычислительной техники.

Есть и такие электронные словари, которые имеют только такую, электронную форму. Это, например, словари, используемые для разного рода прикладных целей, осуществляемых с помощью компьютеров, — например, для автоматической обработки текстов, для машинного перевода и др. В эпоху компьютеров электронные словари имеют большое и всё возрастающее значение.

Таким образом, современная русская лексикография — это своеобразная словарная индустрия, которая призвана удовлетворять потребность в самых разнообразных видах информации о слове.

Ниже дается краткая характеристика наиболее известных словарей второй половины XX – начала XXI века.

1. Толковые словари

1.1. Толковые словари — основной тип лингвистических словарей. Как следует из самого их названия¹, они предназначены для того, чтобы истолковать, объяснить значения слов. Однако параллельно с этим составители толковых словарей решают и ряд других задач.

Толковый словарь является не только справочным пособием, но и средством обучения людей, расширения круга их представлений о словарном запасе языка. Не случайно, что исторически раньше всего начали составляться именно толковые словари.

Большая часть современных толковых словарей — словари нормативные. Они отражают лексику русского литературного языка XX – начала XXI в. В этих словарях есть и некоторое количество архаизмов, историзмов, диалектизмов — в основном это те слова, которые встречаются в произведениях русской литературы от Пушкина до наших дней, а также могут быть употреблены и в других разновидностях речи (например, в газетной статье, деловом документе, телевизионной передаче и т. п.).

1.2. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова вплоть до конца XX века был наиболее распространенным толковым словарем современного русского языка. «Первоначально, в самый канун Великой Отечественной войны, настоящий словарь был задуман как сокращенный словарь Ушакова, — писал С.И. Ожегов в предисловии к IV изданию словаря, — но уже первое издание 1949 года не было простым сокращением словаря Ушакова: наблюдения над развитием современного языка позволили мне уточнить определения значений слов, стилистические их характеристики, нормативные рекомендации, вопросы отбора слов» (*Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1960. С. 3*).

Так же, как и словарь под ред. Д.Н. Ушакова, словарь С.И. Ожегова — нормативный. Нормативность его проявилась, во-первых, в отборе лексики. Автор писал:

---

¹ Термин «толковый» применительно к словарям объяснительного типа первым ввел В.И. Даль; издававшиеся до выхода его собственного словаря («Толкового словаря живого великорусского языка») — то есть до середины XIX века — словари русского языка, содержавшие описание значений слов, толковыми не назывались; см. об этом: *Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 210.*

«Средний, а тем более краткий словарь включает в свой состав только актуальную для современности лексику, практически возможную в тех или иных стилях современного употребления, необходимую для языкового обслуживания многообразных нужд современной общественности» (Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 170). Тем самым, в словарь не включались слова редкие, устаревшие, а также жаргонные, диалектные. Во-вторых, соответствие литературной норме проявилось и в толкованиях значений многозначных слов: составитель словаря не описывает такие значения слова, которые характерны лишь для диалектов или жаргонов, но в литературном языке не известны (например, *ладонь* в некоторых местных диалектах употребляется в значении ‘площадка для молотьбы зерна’, а глагол *свалить* в уголовном жаргоне значит ‘совершить побег из лагеря’; эти значения слов *ладонь* и *свалить* в словаре С.И. Ожегова отсутствуют). Кроме того, нормативный подход к описанию лексики отражен в стилистических пометках: *книжн.* (книжное), *разг.* (разговорное), *прост.* (просторечное), *офиц.* (официальное), *высок.* (высокое), *ирон.* (ироническое), *неодобр.* (неодобрительно), *пренебр.* (пренебрежительно) и т. п., — которые указывают место слова в стилистической системе русского языка и его эмоциональную окраску.

В последующих изданиях состав словника обновлялся, а в толкования слов и в иллюстративный материал вносились уточнения. После смерти автора в 1964 г. этот словарь, начиная с 1972 г., выходил под редакцией профессора Н.Ю. Шведовой и выдержал более двадцати изданий.

Иллюстративный материал в словаре С.И. Ожегова представляет собой преимущественно короткие предложения или словосочетания, составленные автором. Они дополняют краткое толкование, показывают типичные связи данного слова с другими словами; в словарных статьях фиксируются наиболее употребительные фразеологизмы с данным словом.

«Словарь русского языка» С.И.Ожегова явился первым, весьма успешным опытом отечественной лексикографии в создании общедоступного, массового однотомного словаря.

1.3. Продолжая и развивая этот опыт, академик Н.Ю. Шведова на базе словаря С.И. Ожегова создала новый лексикографический труд — «Толковый словарь русского языка» (авторы С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова), первое издание которого, содержащее 80 тыс. слов и фразеологических выражений, вышло в 1992 г. Сохраняя основные принципы однотомного толкового словаря — актуальность описываемой лексики, краткость толкований, компактность словарной статьи, — Н.Ю. Шведова значительно обновила состав словника (внесено более 3000 новых слов и выражений), пересмотрела и переработала многие прежние толкования слов, уточнила грамматические и орфоэпические характеристики, приведя их в соответствие с нормами конца XX столетия. «Существенным моментом является то, — пишет в предисловии к словарю Н.Ю. Шведова, — что этот словарь полностью освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оце-

нок именуемых понятий», которые присутствовали в издававшемся в советское время словаре С.И. Ожегова.

Все эти изменения в значительной степени обновили словарь С.И. Ожегова и привели к тому, что «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой явился самостоятельным лексикографическим изданием, в полной мере отражающим состояние лексики русского языка конца XX в.

1.4. К достижениям современной отечественной лексикографии относится издание академических толковых словарей — «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах и «Словаря русского языка» в 4 томах.

«Словарь современного русского литературного языка» (сокращенное название: Большой академический словарь — БАС) составлялся более 20 лет, издавался с 1949 по 1965 г. Словник этого словаря охватывает более 120 000 слов.

Расположение слов в «Большом академическом словаре» — в первых трех томах гнездовое, в остальных четырнадцати томах алфавитное.

Словарные статьи содержат большой иллюстративный материал с указанием авторов, названий произведений (томов, глав и т. п.). Каждое толкуемое слово или его отдельное значение сопровождается грамматическими и стилистическими пометами; при иноязычных словах указывается этимологическая справка об их происхождении; указано, когда слово было зафиксировано впервые русскими словарями.

К настоящему времени Большой академический словарь в значительной степени устарел, особенно в своей иллюстративной части, где основную массу примеров составляют цитаты из произведений писателей и публицистов XIX века. Однако потребность в наиболее полном толковом словаре весьма настоятельна, и в настоящее время группа лексикографов из петербургского Института лингвистических исследований Российской академии наук под руководством профессора А.С. Герда занята составлением большого академического толкового словаря, основанного на *современном* языковом материале (предполагается издать несколько десятков томов).

1.5. Академический четырехтомный «Словарь русского языка» под ред. А.П. - Евгеньевой (сокращённо: Малый академический словарь — МАС), вышел из печати в 1957–1961 гг., позднее (1981–1984) осуществлено второе, исправленное и дополненное его издание.

В предисловии ко второму изданию авторы отмечают: «Словарь охватывает лексику русского литературного языка от Пушкина до наших дней. Его задача остается той же, что и в первом издании: представить с необходимой полнотой словарный состав современного литературного языка, а также ту часть широкоупотребительной лексики русского языка XIX века, знание которой необходимо при чтении произведений классической художественной литературы, передовой публицистики и передовой науки XIX века, вошедших составным элементом в современную социалистическую культуру. В первом издании было представлено состояние словарного состава литературного русского языка 40–50-х годов, второе издание должно показать состояние словарного состава 60–70-х годов XX века».

В Малом академическом словаре краткие четкие толкования сопровождаются разнообразными пометами, а также иллюстративными примерами (словосочетания и цитаты с указанием автора и названия произведения).

Объем словника в четырехтомном академическом «Словаре русского языка» — более 82 тыс. слов.

Хотя второе издание МАСа содержит ряд уточнений и дополнений по сравнению с первым изданием, здесь так же, как и в первом, обращают на себя внимание особенности описания значений слов, объясняемые политическими и идеологическими причинами. Например, в толкованиях ряда слов и фразеологизмов присутствуют определенные идеологические компоненты, обусловленные тем, что МАС создавался в советское время. Например, очевидные оценочные компоненты со знаком «плюс» имеются в толкованиях слов *коммунизм*, *коммунистический*, *партия*, *пролетариат*, *пролетарий*, *социализм*, *социалистический* и др.; столь же очевидные, но со знаком «минус» — в словарных статьях *империализм*, *капитализм*, *капиталист*, *капиталистический*, *класс*², *прибавочная стоимость*, *эксплуатация* и др. Менее очевидны подобные идеологически окрашенные компоненты толкований в словарных статьях таких слов, как *акция*¹ (фрагмент толкования в МАСе: «.. капиталистического предприятия..»), *бизнес* (ср. часть толкования в МАСе: «.. ловкая афера ... как источник обогащения, наживы»), *конкуренция*, *плюрализм*, *предприниматель* (ср. в МАСе: «2. *неодобр.* Делец, ловкий организатор выгодных предприятий»). В некоторых словарных статьях слово толкуется с отнесением обозначаемого предмета или явления только к зарубежной жизни — см., например, статьи *муниципалитет* («..в буржуазных странах..»), *мэр*, *мэрия*, *парламент* («..в капиталистических странах..»), *префект*, *префектура*, *сенатор*, *спикер* и др. Обращают на себя внимание компоненты толкований, отражающие критику «идейно чуждого» западного мира и его реалий; ср., например, присутствующие в словарных статьях МАСа стандартные формулы толкований: «в буржуазном обществе», «в эксплуататорском обществе», «в капиталистическом производстве», «в идеалистической философии», «псевдонаучный», «крайне формалистический» и т. п. — см. с этой точки зрения словарные статьи слов *абсентеизм*, *абстракционизм*, *автаркия*, *агностицизм*, *богема*, *босс*, *дивиденд*, *кризис*, *патрон*¹ («глава, хозяин предприятия, какого-л. дела и т. п. в буржуазном обществе»), *позитивизм*, *проституция*, *реакция*², *рента*, *реформизм*, *телеология*, *эксплуатация*, *ясновидение* и др.

1.6. В 1998 г. вышел из печати однотомный «Большой толковый словарь русского языка» (в последующие годы словарь переиздавался), составленный под руководством С.А. Кузнецова коллективом петербургских лексикографов с существенным использованием материала Малого академического словаря. Несмотря на то, что это словарь однотомный, словник его весьма значителен по объему — 130 тыс. слов. Составители стремились отразить в словаре новую терминологию науки и техники, наиболее употребительные (и при этом также новые или приобретшие новые значения) слова, относящиеся к сферам политики, культуры, общественной жизни. Структура словарной статьи принципиально не отличается от ее структуры

в предшествующих толковых словарях; разумеется, в отличие от составителей многотомных словарей, авторы данного однотомного издания дают более сжатые толкования и приводят менее богатый иллюстративный материал. Главное достоинство этого словаря — в том, что он в целом отражает состояние лексики русского литературного языка конца XX века.

1.7. Особый жанр лексикографической продукции представляет собой «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (отв. ред. Н.Ю. Шведова; М., 2007). Он создан на основе «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и является продолжением и развитием этого словаря. Словарные статьи здесь дополнены сведениями об этимологии как исконных, так и заимствованных слов (авторы этимологических справок — Л.В. Куркина и Л.П. Крысин); тем самым словарь является не только толковым, но и этимологическим, поскольку содержит краткие сведения о происхождении слов русского литературного языка. Объем словника в этом словаре — 82 тыс. слов и фразеологических выражений.

2. Словари иностранных слов

2.1. Лексикографические традиции ряда стран издавна имеют установку на особое, отдельное описание иноязычной лексики — в виде словарей иностранных слов, которые по характеру содержащейся в них информации о слове принадлежат к толковым словарям. В русской лексикографической практике словари иностранных слов как жанр справочной литературы появились из необходимости объяснить русскому читателю те или иные иноязычные слова, сохранявшиеся в переводах научных и художественных текстов. Сначала (XVIII в.) это были прикнижные списки слов и небольшие словарики, а затем стали появляться (в конце XIX – начале XX в. в изобилии) отдельные словарные издания, объяснявшие непонятные иностранные слова. Ориентация составителей этих словарей была на энциклопедическое описание предмета или понятия, информация же лингвистического характера сводилась к нормативному написанию слова и к сведениям о его происхождении.

Хотя за последние десятилетия теоретическая лексикография шагнула далеко вперед (в частности, были разработаны и в значительной мере осуществлены на практике принципы лингвистического толкования слова), словари иностранных слов до самого последнего времени сохраняли как своеобразное «наследие прошлого» толкования, представляющие собой по существу фрагменты энциклопедических описаний соответствующих понятий; сведения о произношении, грамматических формах, словообразовательных возможностях и стилистических характеристиках иноязычного слова в этих словарях отсутствуют.

2.2. Наиболее известным лексикографическим трудом данного типа является «Словарь иностранных слов», составленный коллективов авторов; он выдержал более двух десятков изданий.

2.3. На базе этого словаря был составлен «Современный словарь иностранных слов» (М., 1992), содержащий 20 тыс. заимствованных лексических единиц.

2.4. В 1998 г. вышел «Толковый словарь иноязычных слов» (автор Л.П. Крысин), который явился первым л и н г в и с т и ч е с к и м словарем иностранных слов (в 2005 г. он опубликован дополненным и исправленным изданием, а к 2012 году вышло около десятка стереотипных его изданий). Помимо объяснения значения заимствованных слов и их происхождения здесь содержатся сведения об особенностях их произношения, о грамматических характеристиках (например, о роде существительных, их склоняемости или несклоняемости, о возможности образовать форму множественного числа), о словах-аналогах (т. е. близких к данному по смыслу, но не синонимичных), о словообразовательных возможностях слова и т. п.

2.5. В 1995 г. был издан «Краткий словарь иностранных слов», составленный Т.Г. Музруковой и И.В. Нечаевой. Новейшие заимствования нашли отражение в небольшом по объему «Словаре иностранных слов», составленном коллективом авторов из Московского государственного университета Л.М. Баш, А.В. Бобровой и др. (М., 2000), а более полно новые иноязычные слова зафиксированы в «Новом словаре иностранных слов», составленном Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой и И.В. Нечаевой (М., 2003; 3-е изд. — 2008).

2.6. Кроме того, небольшие словари иноязычной лексики издаются в качестве пособий для школьников. Таковы, например, «Школьный словарь иностранных слов», составленный В.В. Одинцовым, Г.П. Смолицкой, Е.И. Голановой и И.А. Василевской, под ред. В.В. Иванова (выдержал несколько изданий), «Школьный словарь иностранных слов» Л.П. Крысина (М., 1997, 2000, 2002) и «Новый словарь иностранных слов» (М., 2005) того же автора, вышедший в серии «Школьные словари».

3. Идеографические словари

3.1. Идеографический словарь, или тезаурус, — это своего рода толковый словарь «наоборот». Если в толковом словаре «входом» в словарную статью является слово, а содержанием словарной статьи — толкование смысла этого слова, то в идеографическом словаре «входом» служит смысл, «идея» (отсюда название этого вида словарей — идеографические), а содержанием словарной статьи — перечень слов, выражающих данный смысл. Например, смысл ‘группа людей’ может быть выражен множеством слов русского языка, относящихся к разным стилистическим пластам лексики: самим словом *группа*, а также словами *класс* (ср. учебный класс в школе), *бригада*, *команда*, *компания*, *банда*, *шайка*, *кодла* и др. Разумеется, эти слова не являются синонимами — они лишь образуют один тематический класс, обозначая разновидности объединения людей на основе общности их интересов, целей и т. п.

Идеографические словари полезны тем, что они дают возможность их пользователю находить разное лексическое обозначение того или иного смысла. Если толковый словарь — незаменимый инструмент при п о н и м а н и и текста, то идеографический может быть использован при п о р о ж д е н и и текста: очень часто

человек хочет выразить определенную мысль, но не может найти подходящих слов для этого; идеографический словарь облегчает эти поиски.

Хотя мысль о необходимости создания идеографических словарей возникла у лексикографов достаточно давно (один из лучших идеографических словарей — «Тезаурус английских слов и выражений» П. Роже — был издан в середине XIX в.), разработка этого вида лексикографической продукции дала менее значительные результаты, чем разработка словарей толковых. Во многом это объясняется большой трудностью составления идеографических словарей — главным образом, из-за того, что само деление окружающего нас мира и внутреннего мира человека на те или иные классы не подчиняется строгой логике. Как правило, в результате такого деления получаются нестрогие, взаимно пересекающиеся группы смыслов или тематические классы, и одни и те же слова могут попадать не в один, а в несколько классов. Например, слово *рыба* — несомненный элемент класса ‘животные’, но оно же входит в группу ‘продукты питания’; слово *школьник* должно попасть в несколько групп: ‘возраст человека’ (ср. другие слова, входящие в этот класс: *дети, ребенок, ровесник, сверстник, юноша, старик* и т. п.), ‘пол человека’ (ср.: *школьница*), ‘образование’ (ср. *ученик, студент, курсант, аспирант* и др.), ‘род занятий’ (ср. названия других форм деятельности: *рабочий, крестьянин, служащий* и др.); прилагательное *застенчивый* принадлежит и к классу ‘человек’, и к классу ‘свойства’, и к классу ‘характер’ и т. п. Кроме того, многозначные слова разными своими значениями попадают, естественно, в разные тематические классы. Например, *бумага* одним своим значением принадлежит классу ‘вещество’ (наряду с такими словами, как *картон, пластмасса* и под.), а другим — к классу ‘документы’ (ср.: *Прислали очередную бумагу из центра*).

3.2. В современной русской лексикографии имеется несколько словарей, которые должны быть отнесены к разряду словарей идеографических. Это, например, созданный под руководством Ю.Н. Караулова «Русский семантический словарь» (М., 1982), в котором 10 тысяч русских слов разнесены по 1600 понятийным группам. А в основе выделения этих групп — повторяющиеся элементы толкований слов в толковых словарях: например, ‘действие’, ‘свойство’, ‘инструмент’ и т. п.

3.3. Словарь с тем же названием («Русский семантический словарь») основан на несколько иных принципах, характерных для составления как идеографических, так и толковых словарей. Во-первых, все слова языка разделены здесь на четыре класса: единицы указующие (местоимения), 2) именующие (знаменательные слова), 3) собственно связующие (союзы, предлоги, глаголы-связки), 4) классифицирующие (модальные слова, частицы, междометия); во-вторых, внутри каждого класса все слова распределены по частям речи; в-третьих, внутри каждой части речи выделены множества и подмножества на основании тематической близости или, напротив, противопоставленности значений слов. Всего таким образом предполагается описать 300 тыс. лексических значений. Словарь задуман как шеститомник, в 2012 г. вышел пятый том.

3.4. Создание лексикографического труда под названием «Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире)»⁷ началось под руководством академика Н.Ю. Шведовой в 2001 г. Словарь вышел из печати в 2011 г.

3.5. «Тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой и В.В. Морковкина (М., 2000) содержит 25 тыс. лексических единиц, сгруппированных по трем крупным классам: «Человек», «Общество», «Природа», которые ступенчато ветвятся на более мелкие подклассы. Например, в классе «Человек» выделяются подклассы «Тело и организм человека», «Жизнь человека», «Внешний вид, наружность человека», «Эмоциональный мир человека» и др., а каждый из этих подклассов разбивается на еще более частные: «Эмоциональный мир человека» → «Психические свойства человека» → «Темперамент», «Характер» → «Общие черты характера» и т. д. Значение и употребление слов, относящихся к каждому классу, иллюстрируются наиболее употребительными словосочетаниями.

3.6. Существует еще несколько идеографических словарей русского языка, различных как по объему, так и по принципам составления: «Словарь лексико-семантических групп русских глаголов» под ред. Э.В. Кузнецовой (Свердловск, 1989), «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова (М., 1995), «Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке» В.И. Убийко (Уфа, 1998). Созданный под руководством В.В. Морковкина комплексный учебный словарь «Лексическая основа русского языка» (М., 1984) предназначен для целей обучения русскому языку и выработки активных навыков в его использовании.

4. Словари синонимов

4.1. С л о в а р и с и н о н и м о в предназначены для того, чтобы дать систематическое описание синонимических групп и рядов, характерных для словарного состава данного языка. В этих словарях указываются смысловые и стилистические различия между синонимами, условия их взаимозамены в различных контекстах. Одна словарная статья синонимического словаря содержит характеристику ряда близких по значению слов. Обычно сначала дается их общее толкование, а затем каждое слово синонимического ряда описывается с точки зрения тех смысловых и стилистических особенностей, которые ему присущи.

4.2. Современная русская лексикография располагает несколькими синонимическими словарями. Наиболее полный из них — «Словарь синонимов русского языка» в 2 томах (гл. ред. А.П. Евгеньева. М.; Л., 1970–1971; в 2005 г. словарь переиздан). Словарь объясняет смысловые и стилистические различия 4148 синонимических рядов. На его базе создан однотомный «Словарь синонимов» (Л., 1975).

---

² Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире). Отв. редактор акад. Н.Ю. Шведова; заместитель отв. редактора А.С. Белоусова; авторы-составители: Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова, Н.Н. Занегина, Е.А. Смирнова, В.К. Юношева). М.: Азбуковник, 2011. Подробнее об этом словаре см.: Проспект. Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире) / Под редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой. М., 2004.

4.3. Для учителей был издан «Краткий словарь синонимов русского языка» В.Н. Клюевой (М., 1956; 2-е изд. — 1961). Объем его — около 3000 слов.

4.4. «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой (М., 1969; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998) является словарем-указателем: в нем даются лишь перечни лексических единиц, входящих в тот или иной синонимический ряд (всего в словаре 9 тыс. синонимических рядов), без детальной характеристики их различий по значению, стилистической окраске и употреблению.

4.5. Качественно иной этап в разработке синонимических словарей знаменует собой «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», созданный группой сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН под руководством академика Ю.Д. Апресяна (Вып. 1. М., 1997; Вып. 2. М., 2000; Вып. 3. М., 2003; в 2004 г. все три выпуска вышли в одном объединенном томе). Это издание представляет собой скорее словарь-исследование, чем практический словарь-справочник. Здесь не только даны синонимические ряды слов и толкование каждого слова — члена ряда, но и подробнейшим образом анализируются семантические и сочетаемостные различия между синонимами, приводятся их антонимы, конверсивы, аналоги. Каждая словарная статья разделена на зоны — в соответствии с типом лексикографической информации, помещаемой в данной зоне, например: зона значения, в которой описываются все смысловые различия между синонимами, зона грамматических форм, зона синтаксических конструкций, свойственных словам синонимического ряда, зона дериватов, зона аналогов, в которой приводятся слова, близкие по смыслу (но не синонимичные) данному слову, в частности, гипонимы и гиперонимы, и др. Словарные статьи содержат богатый иллюстративный материал, почерпнутый из современной художественной и публицистической литературы. Ввиду того, что синонимический ряд в этом словаре описывается столь всесторонне, детально и глубоко, с учетом всех лингвистически существенных свойств слова, некоторые словарные статьи здесь занимают по несколько страниц.

4.6. Имеются в современной русской лексикографии учебные словари синонимов, которые адресованы школьникам и студентам; отбор синонимических рядов в них произведен с учетом особенностей процесса обучения. Это, например, «Учебный словарь синонимов русского языка» коллектива авторов (Л.П. Алекторова, В.И. Зимин и др.; М., 1994), «Учебный словарь синонимов русского языка», также составленный коллективом авторов и изданный в Ростове-на-Дону (1997), небольшой по объему «Словарь синонимов и антонимов» О.А. Михайловой (Екатеринбург, 2002) и др.

5. Словари антонимов

Современная лексикография имеет несколько словарей антонимов: *Введенская Л.А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д, 1971; *Колесников Н.П.* Словарь антонимов русского языка. Тбилиси, 1972; *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка. М., 1978 (обновленное издание — в 2004 г.); *Львов М.Р.* Школьный словарь антонимов русского языка. М., 1980.

Предназначение словарей антонимов заключается в том, чтобы показать связи противопоставления, существующие между значениями слов. Эти связи могут указывать на различия нескольких типов: признак/отсутствие признака (*влажный – сухой*), бóльшая/меньшая интенсивность признака (*горячий – холодный*), противоположная направленность действия (*выйти – войти*) и др.

В словарной статье антонимического словаря значения противопоставляемых по какому-либо признаку слов получают толкования, наглядно показывающие, в чем состоит смысловое различие данных антонимов.

6. Словари омонимов

Словари омонимов содержат в себе слова, у которых есть лексические или грамматические омонимы. Назначение такого словаря — указать и охарактеризовать с семантической и грамматической точек зрения слова, совпадающие по форме, но не имеющие ничего общего в значении.

Наиболее известен «Словарь омонимов русского языка», составленный О.С. Ахмановой (М., 1974; 3-е изд. — 1986). Словарь содержит свыше 2000 словарных статей.

В словарной статье указываются соответствия данному омониму в других языках, словообразовательные производные омонима и его сочетаемость с другими словами; совокупность этих сведений дает наглядное представление о различии омонимов. Недостатком словаря О.С. Ахмановой является отсутствие толкований у описываемых омонимичных слов.

Известен также составленный Н.П. Колесниковым «Словарь омонимов русского языка» (Тбилиси, 1976; 2-е изд. — Тбилиси, 1978) и «Словарь омонимов современного русского языка», составленный А.П. Окуновой (М., 2002).

7. Словари паронимов

7.1. В словарях этого типа помещаются и описываются слова, которые имеют сходство в своей морфологической структуре и в звучании. Чтобы различить слова типа *советник – советчик; экономный – экономичный – экономический* и под., в словаре паронимов даются толкования каждого из членов паронимической пары (или паронимического ряда) и приводятся примеры употребления каждого из паронимов в составе словосочетания или предложения.

7.2. Существует несколько словарей паронимов русского языка: «Словарь паронимов русского языка» О.В. Вишняковой (М., 1984), словарь с тем же названием, составленный Н.П. Колесниковым (Тбилиси, 1971), «Словарь паронимов современного русского языка» Ю.А. Бельчикова и М.С. Панюшевой (М., 1994; 2-е изд. — 2002 г.), «Различай слова: трудные случаи современного русского словоупотребления» — словарь, составленный Э.Д. Головиной (Киров, 1997). Наиболее полно описаны русские паронимы в «Толковом словаре паронимов русского языка» В.И. Красных (М., 2003; 3-е изд. — 2009).

8. Фразеологические словари

8.1. Фразеологический словарь — это толковый словарь, в котором раскрывается значение несвободных словосочетаний — фразеологизмов, отмечена их стилистическая окрашенность, условия употребления в текстах, в некоторых словарях, кроме того, объясняется происхождение фразеологизмов.

8.2. Словарем, в котором собраны и объяснены все основные устойчивые выражения, составляющие фразеологический фонд русского языка, является неоднократно переиздававшийся «Фразеологический словарь русского языка» А.И. Молотова (4-е изд. — 1986 г.).

8.3. Двухтомный «Фразеологический словарь русского литературного языка», составленный А.И. Фёдоровым и вышедший в 1997 г., основан на литературных текстах конца XVIII–XX вв.; в нем представлено и описано, с иллюстрациями из художественных и публицистических произведений, 7 тыс. фразеологических оборотов.

8.4. «Большой фразеологический словарь русского языка», составленный коллективом авторов под ред. В.Н. Телия (М., 2006), содержит описание русских устойчивых выражений в широком культурологическом контексте. Авторы не только определяют значения фразеологизмов, но и выявляют разного рода культурно обусловленные коннотации, сопровождающие употребление той или иной единицы, национальную специфику многих устойчивых выражений, ситуативные и прагматические условия их употребления в речи.

8.5. В 1980 г. был издан «Школьный фразеологический словарь» В.П. Жукова (2-е изд. — 1989), а в 1995 — «Школьный фразеологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, В.И. Зимина и А.Ф. Филиппова. В них отобраны и описаны фразеологические выражения, наиболее часто встречающиеся в речевой практике учащихся.

8.6. В конце XX в. был опубликован ряд других фразеологических словарей: Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987; Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Зимин В.И. Фразеологические обороты русского языка. М., 1988; Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1990; Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н. Образные выражения русского языка: Словарь-справочник. М., 1995; Яранцев Р.И. Русская фразеология: Словарь-справочник. М., 1997, и нек. др.

9. Орфоэпические и орфографические словари

9.1. Орфоэпические словари содержат слова, которые имеют определенные особенности в своем произношении и ударении, а также в образовании грамматических форм. Задача подобного словаря — дать правильные, рекомендуемые способы произношения и формообразования, указать допускаемые нормой варианты (в том числе и стилистически отмеченные) и запретить наиболее распространенные ошибки.

9.2. Эта задача реализована, например, в выдержавшем несколько изданий «Орфоэпическом словаре русского языка» (1986 и последующие годы издания), подготовленном в Институте русского языка РАН (авторы С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова, под ред. проф. Р.И. Аванесова).

9.3. Наиболее частотные случаи затруднений и вариантов в образовании грамматических форм, в ударении собраны и описаны в «Кратком словаре трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение» Н.А. Есковой (М., 1994; позднее словарь неоднократно переиздавался).

9.4. «Словарь трудностей русского произношения» М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной (М., 1997) содержит 15 000 слов с указанием нормативного произношения и наиболее типичных ошибок.

9.5. В Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН составлен «Большой орфоэпический словарь русского языка» (авторы М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина; под ред. Л.Л. Касаткина). Словарь содержит около 100 тыс. слов и является наиболее полным орфоэпическим словарем русского языка. При этом он представляет собой и новый тип такого словаря: в нем дается информация только о произносительных свойствах слова и его словоизменительных форм — без обращения к характеристике особенностей образования тех или иных грамматических — падежных, числовых, видовых и т. п. — форм (что имеет место, например, в указанном выше академическом «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р.И. Аванесова). Русское литературное произношение, зафиксированное в «Большом орфоэпическом словаре», представлено комплексно — во временной, контекстной и социальной динамике, что отражает реальное состояние современной орфоэпической нормы.

Словарь вышел в 2012 г.

9.6. Из орфографических словарей широко известен «Орфографический словарь русского языка», созданный учеными Института русского языка РАН и постоянно переиздающийся. В словаре свыше 100 тыс. слов; это не только общепотребительная лексика, но и многие специальные термины, написание которых может вызывать затруднения. Включение таких терминов в орфографический словарь вполне оправданно: ведь этим словарем пользуются миллионы людей самых различных профессий и специальностей.

9.7. В 1999 г. вышел академический «Русский орфографический словарь» под ред. В.В. Лопатина, содержащий 160 тыс. слов; в 2005 г. опубликовано новое, значительно дополненное его издание, в котором свыше 180 тыс. слов. В этом словаре, помимо рекомендаций по написанию слов литературного языка, даются и рекомендации, касающиеся некоторых просторечных и жаргонных слов, которые часто встречаются в современной письменной практике (в средствах массовой информации, в художественных произведениях): *бывалоча*, *делов* (в устойчивом выражении *все-го и делов-то*), *беспредел* и т. п. Кроме того, в словарь включены собственные имена разных типов, написание которых может вызвать трудности — писать ли то или иное слово или словосочетание со строчной или с прописной буквы, слитно, раз-

дельно или через дефис и т.д. (например: *Администрация Президента РФ, Всемирная паутина, День Всех Святых, Волго-Окское междуречье, Евро-Атлантический регион* и т. п.), словосочетания, по большей части фразеологизованные, которые нуждаются в орфографических рекомендациях, — типа: *вот ещё!, вот так клюква!, если бы да кабы, как ни верти, мало ли кто*, а также аббревиатуры (в необходимых случаях — с их расшифровкой и с указанием произношения) — типа *ВИП, ИНН, ОПГ, ОС, ПМЖ, РУБОП*, и некоторые другие разряды слов.

9.8. Кроме общих орфографических словарей, в которых даются рекомендации по правописанию слов согласно разным правилам русской орфографии, издаются так называемые профильные словари, каждый из которых содержит тот или иной класс орфографически трудных слов. Таковы, например, словари «Слитно или раздельно?» (авторы Б.З. Букчина и Л.П. Калакуцкая; вышло несколько изданий), «Орфографический словарь: прописная или строчная?» (авторы В.В. Лопатин, Л.К. Чельцова, И.В. Нечаева. М., 1999), «Орфографический словарь русского языка: Одно или два *н*?» (автор И.К. Сазонова; 2-е изд., М., 1999) и нек. др.

10. Словари правильности русской речи и трудностей русского языка

Назначение этого рода словарей — помочь говорящему и пишущему в выборе правильного слова или оборота, предостеречь от наиболее распространенных речевых ошибок.

10.1. В современной русской лексикографии есть несколько словарей рассматриваемого типа. Это, например, словарь-справочник «Правильность русской речи», составленный Л.П. Крысиным и Л.И. Скворцовым, под ред. С.И. Ожегова (М., 1965); словарь «Трудности русского языка» под ред. Л.И. Рахмановой (М., 1974); «Словарь трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (М., 1976; 3-е изд. — 1984); «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К.С. Горбачевича (Л., 1973) и нек. др.

10.2. Отражению грамматических норм современного русского языка, ответам на разнообразные вопросы из области грамматической стилистики посвящен словарь «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (авторы Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. М., 1976; в 2001 г. опубликовано новое, дополненное издание этого словаря). В нем рассматриваются варианты в согласовании сказуемого с подлежащим (*большинство стремились – большинство стремились*), беспредложного управления (*ждать поезда – ждать поезд*), варианты падежных и родовых форм существительного (*рельс – рельса, гроздь – грозди, в Перове – в Перово*) и др.

В словаре приводятся статистические данные об употреблении вариантов в письменной речи, дается развернутый комментарий о каждом типе вариантов; в конце словарных статей приведена библиография специальных работ и справочников.

11. Словари языка писателей

11.1. По форме представления материала и характеру сведений о слове эти словари подразделяются на конкордансы, индексы, глоссарии и толковые словари. В конкордансах каждому слову ставятся в соответствие все случаи употребления этого слова в текстах данного автора; индексы представляют собой списки слов с указанием частоты, с которой то или иное слово употреблено в его произведениях; в глоссариях помещаются не все слова, которые встречаются в текстах писателя, а лишь те, что, с точки зрения составителей словаря, непонятны читателю и поэтому требуют толкований. Наконец, толковые словари содержат всестороннее филологическое описание лексики, встречающейся у того или иного автора.

11.2. Первым фундаментальным толковым словарем языка писателя в отечественной лексикографии явился четырехтомный «Словарь языка Пушкина», созданный в середине XX в. по замыслу Г.О. Винокура и опубликованный под редакцией академика В.В. Виноградова в 1956–1961 гг. В работе над ним принимали участие выдающиеся филологи: Г.О. Винокур, И.С. Ильинская, В.Д. Левин, В.Н. Сидоров, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский и др. В словаре содержится 21 290 слов, употребленных А.С. Пушкиным в художественных произведениях, очерках, письмах. «Словарь языка Пушкина» отражает по существу лексику русского литературного языка первой трети XIX столетия. Слова расположены в алфавитном порядке, отмечены те значения, с которыми они использованы в творческой деятельности поэта, каждое слово имеет помету — цифру в скобках сразу после заглавного слова, отражающую частоту употребления данного слова, и др.

11.3. В настоящее время ведется работа над созданием словаря русской поэзии. Это словарь конкордансного типа: в его словарных статьях приводятся цитаты из всех поэтических текстов, исследованных составителями словаря, содержащие то или иное слово. Вышло четыре больших тома этого лексикографического труда: «Словарь языка русской поэзии XX века». Гл. ред. В.П. Григорьев. Т. 1: А–В. М., 2001; Т. 2: Г–Ж. М., 2003; Т. 3: З–К. М., 2008; Т. 4: К–М. М., 2010.

Ведется также работа над словарями языка Ф.М. Достоевского, М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина и других писателей и поэтов. В 2005 г. опубликован «Словарь языка Михаила Шолохова», составленный коллективом авторов под руководством профессора Е.И. Дибровой³.

12. Диалектные словари

12.1. В русской лексикографии имеется несколько диалектных словарей. В значительной степени диалектным по составу является «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный В.И. Далем. В дореволюционное время издавались словари архангельских, ярославских и других говоров; в 20-е гг. XX в. был

---

³ Обстоятельное описание разнообразных словарей языка писателей и типов этих словарей содержится в книге Л.Л. Шестаковой «Русская авторская лексикография» (М., 2011).

издан «Донской словарь» А.В. Миртова. Сейчас выходят выпуски многотомного «Словаря русских народных говоров», составляемого учеными Института лингвистических исследований РАН в Петербурге.

12.2. В 1967 г. по инициативе и под руководством Б.А. Ларина было начато издание «Псковского областного словаря с историческими данными» (вып. 1–12. Л., 1967–1996; издание продолжается). Словарь замечателен тем, что он содержит не только материал живых псковских говоров, но и данные, извлеченные из псковских памятников письменности XIII–XVIII вв. Это позволяет соотносить современные диалектные явления с явлениями, которые были характерны для русского языка на предшествующих этапах его развития. Словарь наглядно показывает, что в диалектах многие черты русского языка живут дольше, чем в языке литературном.

12.3. Интересен по замыслу и воплощению составленный коллективом диалектологов «Словарь современного русского народного говора» (М., 1969) под ред. И.А. Оссовета, авторы которого в течение многих лет изучали лексику говора только одной деревни Деулино Рязанской области.

12.4. Богатейший диалектный материал собран в многотомном «Архангельском областном словаре» под ред. О.Г. Гецово́й (М., вып. 1 — 1980 г., вып. 12 — 2004 г.; издание продолжается), который по замыслу его составителей должен содержать около 180 тыс. слов.

12.5. Различные (по территории своего распространения) группы диалектной лексики отражены в «Ярославском областном словаре» под ред. Г.Г. Мельниченко (вып. 1–10, 1981–1992), «Словаре смоленских говоров» (вып. 1–5, 1974–1988), «Словаре орловских говоров» (вып. 1–5, 1989–1992), в нескольких словарях, описывающих диалектную лексику Урала, Сибири и Севера, например: в «Словаре русских говоров Среднего Урала» (вып. 1–5, 1964–1984), «Словаре русских говоров Сибири» под ред. А.И. Фёдорова (т. 1, 1999; т. 2, 2001), «Словаре говоров русского Севера» под ред. А.К. Матвеева (т. 1, 2001; т. 2, 2002) и ряде других.

13. Словари жаргонной лексики

13.1. В конце XX – начале XXI в. необычайно обострился интерес русистов к изучению социальных жаргонов — главным образом, уголовного и молодежного, а также сленга — в достаточно широком и не вполне определенном значении этого термина. Следствием этого интереса явились несколько словарей жаргонной лексики: «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» (сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992), «Сленг хиппи» Ф.И. Рожанского (СПб.; Париж, 1992), «Словарь молодежного жаргона» под ред. И.А. Стернина (Воронеж, 1992), «Русская феня» В. Быкова (Смоленск, 1994), «Язык из мрака. Блатная музыка и феня» М.А. Грачёва (Н. Новгород, 1992) и «Словарь тысячелетнего русского арга» того же автора, содержащий 27 тыс. слов и выражений (М., 2003), «Словарь русского сленга» И. и Ф. Югановых (М., 1997), «Большой словарь русского жаргона», составленный В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 2001), «Толковый словарь русского сленга» В.С. Елистратова (М., 2005) и нек. др.

В этих словарях дается толкование как слов, употребляющихся в узких рамках того или иного жаргона, так и слов, перешагнувших порог корпоративно-группового употребления и имеющих хождение в речи носителей литературного языка. Ср., например, слова *накатчик* ‘доносчик’ и *стукач* в том же значении, *поддипала* ‘милиционер’ и ‘подхалим’, *офонареть* ‘напиться пьяным’, ‘быть оглушенным ударом по голове’ и ‘прийти в какое-либо крайнее эмоциональное состояние (отупеть, устать), повести себя непредсказуемо’ и т. п., слова *доходяга*, *отмывать* (деньги), *тусовка*, *туфта* и т. п., которые встречаются не только в устно-разговорной разновидности литературного языка, но и на страницах газет, художественной литературы, публицистики, в радио- и телеэфире.

13.2. Жаргонные слова такого рода, вышедшие за пределы той или иной социальной или профессиональной среды, стали объектом описания в словаре, который составили О.П. Ермакова, Е.А. Земская и Р.И. Розина и который имеет характерное название: «Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона» (М., 1999). В словарных статьях этого словаря авторы приводят многочисленные примеры из прессы, из теле- и радиопередач и из устной речи носителей литературного языка, свидетельствующие о том, что многие слова жаргонного происхождения (*беспредел*, *до лампочки*, *жлоб*, *кайф*, *крутой* и др.) проникли в литературную речь и известны широкому кругу говорящих по-русски.

13.3. Составляются и издаются также словари жаргонов, не относящихся к криминальной сфере. Это, например, «Словарь московского арго» В.С. Елистратова (М., 1994), «Словарь русского военного жаргона», составленный В.Н. Коровушкиным (Екатеринбург, 2000), «Словарь морского жаргона» Н.А. Каланова (М., 2002), словари, содержащие характерные слова и выражения компьютерного жаргона: «Словарик компьютерного сленга», составленный Д. Садошенко (Днепропетровск, 1995), «Словарь компьютерного жаргона» В.Д. Мещерякова (Воронеж, 1999) и нек. др.

14. Другие типы словарей

14.1. Сравнительно новыми типами словарей в современной русской лексикографии являются словари частотные, обратные, словообразовательные и некоторые другие.

14.2. Ч а с т о т н ы й словарь помогает определить, какие слова русского языка входят в активный словарный состав, какие из них наиболее часто употребляются в письменной речи.

Так, по «Частотному словарю русского языка» под ред. Н.Н. Засориной (М., 1977, около 40 тыс. слов) можно установить, что наиболее часто употребляется в письменной речи всех жанров предлог *в* — он 42 854 раза встретился в текстах общим объемом 1 млн. словоупотреблений, из знаменательных слов на первом месте слово *сказать* — 2909 раз. Напротив, редко употребляются в тех же текстах слова:

<i>абсцисса</i>	– 10 раз
<i>авансцена</i>	– 10 раз
<i>агат</i>	– 10 раз
<i>азот</i>	– 1 раз
<i>кутюра</i>	– 1 раз и т. д.

Частотный словарь помогает также определить, какие слова русского языка должен усвоить в первую очередь человек, изучающий русский язык как иностранный.

14.3. Частотные словари могут создаваться на корпусе текстов, ограниченном в том или ином отношении. Это могут быть частотные словари текстов какого-либо стиля или жанра, частотный словарь языка какого-либо писателя. Так, в 2003 г. был опубликован «Статистический словарь языка Достоевского» (авторы: А.Я. Шайкевич, В.М. Андрищенко, Н.А. Ребецкая), в котором указаны частоты слов, характерные для художественных текстов Ф.М. Достоевского, его критических и публицистических статей и для писем. Показательно, что частоты одних и тех же слов иногда существенно различаются в зависимости от того, в каком жанре они употреблены: например, слово *будто* встречается 112 раз на каждые сто тысяч словоупотреблений в художественных текстах Достоевского, 58 раз — в его критике и публицистике и только 22 раза — в письмах; напротив, слово *деньги* в художественных текстах имеет частоту 95, в критических статьях — 36, а в письмах — 282! Столь же разителен контраст в употребительности слова *народ*: в художественных текстах и в переписке частота этого слова соответственно 27 и 26, а критических статьях — 343, то есть различие частот более чем двенадцатикратное!

14.4. Еще один тип словарей — о б р а т н ы е. В обратном словаре слова расположены в алфавитном порядке не по первым буквам, а по последним. «Обратный словарь русского языка» вышел из печати в 1974 г., в нем около 125 000 слов. К обратному словарю близок по строению «Грамматический словарь русского языка», составленный А.А. Зализняком (М., 1977; 4-е изд., испр. и доп. — 2003): в нем слова располагаются также по алфавиту конечных букв. Задача этого словаря — представить лексику русского языка с грамматическими характеристиками каждого слова: указанием на род, тип склонения, особенности изменения по падежам — для существительных; на вид, особенности спряжения и т. п. — для глаголов и т. д. В словаре А.А. Зализняка свыше 100 тыс. слов.

14.5. Есть словари, которые содержат сведения о словообразовательных связях слов: об их продуктивности, о способности присоединять к своим основам разнообразные суффиксы и приставки, образуя новые слова. Это с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е словари. Наиболее полным из них является двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка», составленный А.Н. Тихоновым (М., 1985). В нем 145 000 слов. В словарных статьях этого словаря раскрывается словообразовательная структура производных слов: показано, на базе какого производящего слова и при помощи каких словообразовательных средств они образованы. Эти сведения даются в форме словообразовательного гнезда, которое и является основной единицей словаря. Специально для целей школьного обучения А.Н. Тихо-

новым составлен «Школьный словообразовательный словарь русского языка» (М., 1978), значительно меньший по объему.

14.6. Новыми по типу лексикографическими изданиями являются и словари сочетаемости слов русского языка. В них описываются наиболее типичные, частотные сочетания каждого слова с другими, в особенности такие, которые своеобразны, идиоматичны для данного слова. Например, для слова *помощь* в таком словаре указываются словосочетания *оказать помощь, получить помощь, прийти на помощь, позвать кого-н. на помощь* и др., для слова *скорость* — словосочетания *развивать скорость, увеличивать скорость, на предельной скорости, скорость нарастает, падает, достигает такой-то величины* и т. д.

Сведения о сочетаемостных свойствах слова можно найти в «Учебном словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина (М., 1978) и в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» И.А. Мельчука и А.К. Жолковского (Вена, 1984). Название последнего из указанных словарей требует некоторых пояснений. Толково-комбинаторным он назван потому, что в нем описываются (толкуются) значения слов и все виды их сочетаемости (комбинаторики) — лексической, семантической, синтаксической, стилистической. Кроме того, в словарных статьях этого словаря содержится и энциклопедическая информация о предметах и явлениях, называемых тем или иным словом: например, в словарной статье *ветер* описаны виды ветров, в словарной статье слова *пароход* названы наиболее известные суда, вошедшие в историю человечества: «Варяг», «Титаник» и др.

14.7. Со второй половины XX в. в России начали издаваться словари новых слов. В них фиксируются все вновь появляющиеся слова (лексические неологизмы), а также новые значения, развивающиеся у некоторых слов (семантические неологизмы). Наиболее известны словари, созданные петербургскими лексикографами под руководством Н.З. Котеловой: «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» (М., 1971), такие же словари-справочники по материалам прессы и литературы 70-х гг. (М., 1984), по материалам прессы и литературы 80-х гг. (под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1997), по материалам прессы и литературы 90-х годов (в двух томах; в 2009 г. в Санкт-Петербурге вышел 1-й том, буквы А–К), «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (СПб., 1998).

В последнем из упомянутых словарей не только собрана лексика, актуальная для словоупотребления в русском языке конца XX столетия, но и показано движение этой лексики — из пассивного запаса в активное употребление (ср. активизацию употребления в последние десятилетия слов *безработица, благотворительный, богослужение, брокер, предприниматель* и под.), и наоборот (так, потеряли актуальность слова *дефицит, пятилетка, распределитель, соцобязательства, соцсоревнование* и под.), из жаргонов и просторечия — в литературный язык (*беспредел, кинуть, разборка, тусовка, штука* — о тысяче денежных единиц и т. п.); отмечены особенности употребления того или иного слова, появившиеся в последнее время, приведены устойчивые обороты, в том числе просторечного и жаргонного

происхождения. В 2006 г. под ред. Г.Н. Скляревской издан «Толковый словарь русского языка начала XXI века», отражающий новейшие изменения в лексическом составе русского языка.

Во всей этой серии словарей неологизмов каждое слово, имеющее самостоятельную словарную статью, иллюстрируется многочисленными примерами из прессы, из художественной и публицистической литературы.

Новые, недавно заимствованные русским языком иноязычные слова зарегистрированы в словаре Л.П. Крысина «1000 новых иностранных слов» (М.: АСТ-ПРЕСС, 2009).

15. Современная русская лексикография представляет собой плодотворно развивающуюся отрасль языкознания. Появляются новые типы словарей и справочников (например, под руководством академика Ю.Д. Апресяна разрабатывается «Активный словарь русского языка»; в 2010 г. вышел объемистый «Перспект» этого словаря, в котором изложена его концепция), обновляются и совершенствуются традиционные жанры лексикографических пособий, наряду с фундаментальными академическими словарными изданиями публикуются словари, предназначенные для определенного круга потребителей — специалистов в какой-либо области деятельности (например, есть толковые словари по информатике, экономике, бизнесу, маркетингу и т. п.), для переводчиков, дикторов радио и телевидения и др.

ЛИТЕРАТУРА

История русской лексикографии. СПб., 1998.

Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. М., 2009.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. СПб., 2004.

Цейтлин Р.М. Лексикография // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.

Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М., 2003.

С.А. МЫЗНИКОВ
(Санкт-Петербург, Россия)

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ СВОДНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ (XIX–XXI вв.)

В первой половине XIX в. закладываются научные основы истории русского языка, успешно разрабатывается проблема взаимодействия русского литературного и старославянского языков. В 1847 г. Вторым отделением Академии наук¹ был издан «Словарь церковно-славянского и русского языка». С этим связано создание

---

¹ В конце 1841 г. Российская Академия наук была преобразована во Второе отделение Академии наук — Отделение русского языка и словесности.

А.Х. Востоковым первого научного «Словаря церковнославянского языка» (1858–1861), труда, сохраняющего свое значение и в наши дни. Тогда же ставится проблема связи истории русского литературного языка с диалектологией, начинается интенсивное собирание диалектных материалов. Создание сводного областного словаря становится одной из насущных задач русской академической лексикографии.

Итогом коллективной работы членов Второго отделения (Востокова, Коркунова, Бередникова, Буткова, Давыдова) явился «Опыт областного великорусского словаря» (1852 г.), в котором было собрано и объяснено 18 011 слов. Редактором словаря был акад. А.Х. Востоков. В 1858 г. Академия наук издала «Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”», в котором собрано и объяснено 22 895 слов. «Опыт» и «Дополнение» были первыми серьезными трудами в области диалектной лексикологии и лексикографии. Они сыграли важнейшую роль в дальнейшем собирании диалектных материалов, открыли целый ряд научных проблем, связанных с изучением истории русского языка. Создание такого рода труда было подготовлено многолетними работами по литературному языку, всей лексикографической практикой Академии наук и всем ходом общественной и литературной жизни России первой половины XIX в.

Начиная составление «Опыта», Второе отделение Академии наук рассматривало его лишь как дополнение к «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г. Инициатором и организатором сбора диалектной лексики в Отделении явился М.Е. Лобанов, он был также автором первой программы собирания областных слов, в которой были сформулированы требования к материалам общего характера. После смерти М.Е. Лобанова в 1846 г., с мая 1847 г. до выпуска в 1858 г. «Дополнения» к «Опыту», вся работа над словарем протекала под руководством А.Х. Востокова, хотя диалектология не входила в круг его научных интересов и представляла для него лишь косвенный интерес. Несмотря на это, многими своими достоинствами, особенно в грамматической части, «Опыт» обязан А.Х. Востокову². Определяясь с источниками будущего словаря, А.Х. Востоков решил использовать списки лексики, присланные в Академию (к началу 1847 г. была представлена лексика 21 губернии), и материалы, напечатанные в «Трудах Общества любителей российской словесности». Следует отметить, что русский язык рассматривался в то время как совокупность великорусского, малорусского и белорусского наречий, материалы которых и предполагалось включить в словарь: в первом томе — «отделении» — «слова, употребляемые в Северной и Средней России и Сибири», во втором — «язык малорусский и белорусский», причем лексика таких губерний, как Калужская, Муромская, Тамбовская, Курская и Рязанская, включалась во второй отдел. Поскольку словарь должен был содержать лексику трех главных русских наречий, он был первоначально назван «Опыт словаря областных наречий». Однако в дальнейшем решено было отказаться от этой мысли³. В 1844 г. А.Х. Востоковым был написан

---

² Балахонова Л.И. История составления «Опыта областного великорусского Словаря» и «Дополнения» к нему // История русской диалектологии. М., 1961. С. 102.

³ Там же. С. 102–103.

первоначальный план построения словаря. Исходя из него, «Опыт» должен был отличаться от публикаций областной лексики Общества любителей российской словесности лишь следующим: 1) все слова располагаются в общем алфавитном своде; 2) одно и то же слово, употребляемое в разных губерниях, помещается «однажды, с указанием, где и в каких значениях употребляется»; 3) «простонародные» слова, уже напечатанные в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., не повторяются в «Опыте», если не имеют ни в каком из говоров особого значения или оттенка его; 4) все слова сопровождаются грамматическими пометами по образцу «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. Начиная работу над «Опытом», А.Х. Востоков предполагал ограничиться соблюдением только этих четырех правил, перепечатав все материалы в том виде, в каком они были присланы, исправляя лишь «явные ошибки и несообразности в значении и правописании»⁴.

Были получены материалы по многим губерниям, в том числе по таким, как Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская, Вятская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Московская, Ярославская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Костромская, Нижегородская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Тобольская, Томская, Иркутская, «из Земли Войска Донского», а также с территорий Американских колоний, которые в то время еще находились под юрисдикцией Российской империи.

В словник были включены собственно диалектизмы. Авторы в Предисловии поясняют, что эти «слова родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа»; фонетические и словообразовательные диалектизмы трактуются как «слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности». Словник «Опыта» и «Дополнения» отражает не только территориальную специфику лексики русского происхождения, но и показывает всю полноту русско-иноязычного взаимодействия, отразившегося на словарном составе говоров. Основную часть «Дополнения» составили 13 269 слов Псковской и Тверской губерний, присланные учителем Карповым. Его определения вошли в словарь без каких-либо изменений. Сравнение с рукописными источниками показывает, что отдельные (разного характера) этимологические указания, встречающиеся от случая к случаю в определениях слов, также принадлежат собирателям⁵. В «Опыте» получили распространение типовые определения для производных слов. Согласно Правилам Словаря 1847 г. и Программе И.И. Срезневского⁶, производные слова, сохраняющие тесную смысловую и грамматическую связь с исходными основами и не имеющие дополнительных значений, должны определяться при помощи отсылочных толкований. Это касалось опреде-

---

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Рукопись И.И. Срезневского «Мнение о правилах, которых должно держаться при создании Областного словаря» впервые опубликована в статье: *Балахонova Л.И.* Из истории диалектной лексикографии // Диалектная лексика. 1969. Л., 1971. С. 239–242.

лений уменьшительных, увеличительных, ласкательных, уничижительных и т. п. существительных и прилагательных, относительных, притяжательных прилагательных, глаголов совершенного и многократного вида, отглагольных существительных и некоторых других разрядов слов, при которых давалась отсылка к истолкованному исходному слову с указанием их грамматического отношения.

С 1905 г. Ф.И. Покровский и Е.Н. Яценко начали готовить к изданию Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» (Второе доп.), однако замысел не был осуществлен⁷.

Первые словари, основанные на лексических данных русских народных говоров, имели сводный характер и представляли всю территорию распространения русского (великорусского) языка в народном бытовании. После выхода в свет «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1-е изд. 1863–1866), который включил в словник всю совокупность лексических данных как общенародно-го, так и регионального характера, обнаружилось, что, несмотря на его тезаурусный характер, многих диалектных слов в нем не оказалось. Был напечатан ряд дополнений к словарю В.И. Даля.

На фоне сбора дополнительных сведений А.О. Подвысоцкий начал работу по сбору диалектных данных в Архангельской губернии и составлению словаря, который вышел в 1885 г.⁸ — через два года после смерти автора. В том же году Г.И. Куликовский начал собирать слова и выражения Олонецкой губернии. В 1898 г. вышел в свет Словарь олонекского наречия⁹.

Словарь П.А. Дилакторского, описывающий лексику территории соседней Вологодской губернии, уже более объемный, он насчитывает около 20 тыс. слов¹⁰. Автор сам в течение нескольких лет записывал в Вологодской губернии лексику местных диалектов, он использовал практически все печатные и рукописные источники по вологодским говорам. Список источников Словаря насчитывает примерно 60 единиц; среди них рукописные записи А.А. Шахматова и П.А. Обнорского.

Вне всякого сомнения, триада этих региональных словарей имеет высокое научное значение и в настоящее время. Хотя в связи с выходом в свет «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК)¹¹ в распоряжении исследователей появился лексикографический труд, значительно превосходящий по объему эти три авторских словаря, однако он уже построен на диалектных материалах конца XX века.

---

⁷ Работа над изданием рукописи начата в ИЛИ РАН.

⁸ *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. На титуле стоит 1885 год, на обороте титула — 1884 с текстом: Напечатано по определению Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Санктпетербург. Ноябрь 1884.

⁹ *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

¹⁰ *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902.

¹¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.

Весьма интересно сопоставить, как описываются те или иные диалектные реалии, часто сходные по своей хозяйственной, функциональной и т. п. характеристике в олонекских, архангельских и вологодских говорах. Например, такая весьма распространенная на Севере реалия, как гриб чага, в трактовке этих трех авторов выглядит следующим образом.

Словарь Куликовского: **па'ккула** 'кап, нарост на стволе дерева'¹².

Словарь Дилакторского: **паку'ла** 'сухая березовая губка'¹³.

Словарь Подвысоцкого: **пакку'ла** 'губчатый нарост на березе; по его медленному, с обильным дымом горению, лесовщики жгут его на кострах для охранения от комаров. Из золы паккулы делают щелок, которым самоедки после родов, а также помогающие им при родах самоучки — повивальные бабки, обмывают себе тело, — без чего не могут выходить из отводимого собственно для родов чума, так как считаются нечистыми, оскверненными'¹⁴.

Из приводимых примеров видно, насколько ценна информация, приводимая в Словаре Подвысоцкого, в которой автор пытается показать жизнь слова в реальной действительности. Нередко тождественные жизненные реалии проявляются в сходных словарных текстах:

Словарь Куликовского: **па'дара, паде'ра, падёра, па'дора** 'вихрь, буря, вьюга, а также вообще непогода'¹⁵.

Словарь Дилакторского: **падера'** 'вьюга, пурга, когда летом сильным ветром от земли поднимается и песок, и щепа'¹⁶.

В Словаре Подвысоцкого лексема **па'дера** для лексикографической разработки включена в гнездо **пур** 'туман': **па'дера** — 'бурная с дождем или снегом погода, метель'; **пурга-па'дера** — 'сильная снежная метель'¹⁷.

Авторы данных словарей не связаны лексикографическими условностями, они сами определяют количество сопроводительного текста этнографического характера, структуру словарной статьи, гнездовой или алфавитный порядок подачи материала, этимологические заметки. Так, например, А.О. Подвысоцкий отмечает в соответствии со своим мнением слова финского, карельского, коми-зырянского, ненецкого, саамского происхождения. Объем иллюстративных текстов данных словарей (за исключением Словаря Дилакторского) не очень велик, однако авторам удалось зафиксировать и оформить лексикографически своеобразие народного слова в данных диалектах.

Примыкает к ним по времени создания труд, который с 1892 г. начал издаваться в «Памятной книжке Вятской губернии», — «Материалы для объяснительного об-

---

¹² Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия... С. 77.

¹³ Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия... С. 345.

¹⁴ Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия... С. 116.

¹⁵ Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия... С. 77.

¹⁶ Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия... С. 343.

¹⁷ Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия... С. 143.

ластного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова. В 1907 г. Губернский статистический комитет в Вятке издал этот словарь отдельной книгой¹⁸.

Еще одна рукопись «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И.М. Дурова пополняла этот ряд диалектных севернорусских словарей. И.М. Дуров начал сбор материала несколько позже, в 1912 г., и работал над словарем в течение 20 лет. Рукопись словаря стала делом всей его жизни. Она поступила в Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (тогдашний Карельский научно-исследовательский институт) в 1934 г., и в течение многих десятилетий восемь записанных от руки томов хранились в архиве Карельского научного центра. Словарь должен был, по мысли автора, заполнить ту нишу, которая образовалась в лексикографическом описании севернорусских говоров после выхода в свет словарей Г.И. Куликовского и А.О. Подвысоцкого. Словарь последнего явно служил определенным образцом, что прослеживается в построении словарных статей, в толковании значений. Обращение к опыту Подвысоцкого понятно и логично: в словаре И.М. Дурова представлены говоры Поморского берега Белого моря, которые территориально примыкают с запада к ареалу архангельских говоров. Автор словаря — коренной житель Поморья, знаток говоров и культуры Поморья. В словарных статьях с тщательностью и знанием дела прописаны особенности рыболовного промысла, традиционного быта, семейной и праздничной обрядности, а также проявившиеся к 30-м годам черты нового быта в поморской деревне. Статьи снабжены примерами из фольклора, фразеологизмами, пословицами и поговорками. Со страниц словаря предстают язык и жизнь поморов рубежа XIX–XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись местные говоры и традиции поморской культуры. Словарь включает более 12 тысяч слов. При этом в нем наряду с сугубо диалектными присутствуют и нормативные лексемы, которые, однако, снабжены примерами, демонстрирующими их функционирование в диалектном контексте. Кроме того, будучи носителем говора, И.М. Дуров не всегда проводил четкую границу между диалектным и нормативным словом, так что диалектная лексика нередко используется автором при раскрытии значения слова литературного русского языка. В ходе редактирования толкований замена диалектного слова общелитературным или добавление к диалектной лексеме литературного синонима проводилось только в том случае, если это требовалось для ясности толкования. В словаре есть также некоторое количество слов, бытовавших к началу XX в. только в языке фольклора. Они снабжены необходимыми пояснениями и примерами из фольклорных текстов. К рукописи словаря приложен написанный И.М. Дуровым краткий «Очерк живого поморского языка», основные идеи которого были воспроизведены во вступительной статье¹⁹.

---

¹⁸ *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.

¹⁹ *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011.

На наш взгляд, все четыре случая такого типа диалектного словаря — словаря одного автора, с ярко выраженным вниманием к бытованию слова в реальной жизни, — несмотря на минимальные возможные неточности в текстах, представляют собой цельные труды; основанные на достоверных материалах, с серьезной лексикографической обработкой, они долго будут интересны для исследователя русского народного слова. Вне всякого сомнения, эти четыре региональных словаря имеют высокое научное значение и в настоящее время. Хотя в связи с выходом в свет «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК)²⁰ в распоряжении исследователей появился лексикографический труд, значительно превосходящий по объему эти четыре авторских словаря, но он уже построен на диалектных материалах второй половины XX в.

Новый этап в развитии русской диалектной лексикографии наметился с конца 50-х годов XX в., когда была поставлена задача создания «частных областных словарей отдельных диалектных зон (территорий) русского языка»²¹. Вышедший в свет в 1961 г. «Краткий ярославский областной словарь» (КЯОС)²² стал основой современной диалектной региональной лексикографии.

Современная диалектная лексикография как традиционный жанр переживает пору своего расцвета. Практически в каждом регионе европейской части России имеется законченный или находящийся в стадии разработки словарь местных говоров. В настоящее время почти все диалектные группировки, в той или иной мере, имеют репрезентацию своей лексической системы в каких-либо лексикографических трудах. В первую очередь широко представлены дифференциальные алфавитные словари как основной тип данных работ.

Севернорусские говоры

Мурманская область — «Живая речь Кольских поморов»²³.

Архангельская область — «Архангельский областной словарь»²⁴.

Вологодская область — «Словарь вологодских говоров» (СВГ)²⁵.

Костромская область — «Краткий костромской областной словарь» (ККОС)²⁶.

Ярославская область — «Ярославский областной словарь»²⁷.

Пермский край — «Словарь пермских памятников XVI – н. XVIII в.»²⁸

²⁰ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.

²¹ Мельниченко Г.Г. О принципах составления областных словарей // Уч. зап. Ярославского гос. пед. института им. К.Д. Ушинского. Вып. XXVI. Ярославль, 1957. С. 4.

²² Краткий ярославский областной словарь. М., 1961.

²³ Меркурьев И. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979; 2-е перераб. изд. Мурманск, 1997.

²⁴ Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. Т. 1–13: А–Жибучей. М., 1980–2010.

²⁵ Словарь вологодских говоров. Т. 1–10: А–Я / Ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вологда, 1983–2006.

²⁶ Краткий костромской областной словарь / Отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома, 2006.

²⁷ Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–9. Ярославль, 1981–1991.

²⁸ Полякова Е.Н. Словарь пермских памятников XVI – н. XVIII в. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.

Кировская область — «Областной словарь вятских говоров»²⁹.

Новгородская область — «Новгородский областной словарь» (НОС)³⁰.

Свердловская область — «Словарь русских говоров Среднего Урала» (СРГСУ)³¹. В 1996 г. вышел том дополнений³².

Кроме того, вышел в свет общерегиональный «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей»³³. В Екатеринбурге идет работа над «Словарем говоров Русского Севера»³⁴. В ряде университетов идет подготовка словарей говоров своего региона, в Череповце развернута работа над «Словарем говоров Белозерья», в Нижнем Новгороде — над «Словарем говоров Нижегородской области».

Среднерусские говоры

Тверская область — «Опыт словаря говоров Калининской области»³⁵.

Псковская область — «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС)³⁶.

Сюда же примыкает словарь, описывающий лексику в районе озера Селигер на территории Новгородской и Тверской областей — «Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь»³⁷.

Южнорусские говоры

До недавнего времени территория южнорусских говоров в лексикографических трудах была представлена небольшим числом словарей. Завершены были только несколько словарей: Словарь современного русского народного говора (ССРНГ)³⁸, «Словарь говоров Подмосковья»³⁹, «Словарь народных говоров Западной Брянщины»⁴⁰. Однако в настоящее время ситуация изменилась, началось издание «Словаря орловских говоров» (СОГ)⁴¹. Закончен выпуск в свет «Словаря донских говоров

²⁹ Областной словарь вятских говоров. Т. 1–7: А–П. Киров, 1996–2012.

³⁰ Новгородский областной словарь. Т. 1–12. Новгород, 1992–1995.

³¹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7 / Ред. А.К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988.

³² Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

³³ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.

³⁴ Словарь говоров Русского Севера / Ред. А.К. Матвеев. Т. 1–5. Екатеринбург, 2001–2011.

³⁵ Кириллова Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

³⁶ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. Л.; СПб., 1967–2008–.

³⁷ Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–4: А–П / Ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003–2010.

³⁸ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Ред. И.А. Осовецкий. М., 1969.

³⁹ Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

⁴⁰ Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

⁴¹ Словарь орловских говоров / Ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1–15. Орел, 1992–2008.

Волгоградской области» (СДГВО)⁴², и уже вышло 2-е издание словаря. Был напечатан составленный еще в 1969 г. «Словарь говора казаков-некрасовцев» О.К. Сердюковой⁴³. Началась работа над «Словарем воронежских говоров» (СВРНГ)⁴⁴. Под руководством О.Г. Борисовой осуществляется проект словаря говоров Кубани⁴⁵. Проблема создания такого рода труда, где будет отражена лексика русских говоров позднего заселения, весьма актуальна, и представляется весьма отрадным тот факт, что сложная в языковом отношении территория Краснодарского края обследована в диалектологическом отношении с целью описания в лексикографическом труде. Серьезны и основательны языковые источники Словаря кубанских говоров с опорой на картотеку «Говоры Кубани», которая составлена на кафедре современного русского языка Кубанского государственного университета.

Начата работа над словарем тульских говоров (МСТГ), к настоящему времени вышло четыре выпуска, в которых представлены материалы экспедиций с 2008 по 2011 г.⁴⁶

Русские диалекты в иноязычном окружении

Наряду с большой работой по изучению диалектов на территории распространения русского языка ведется также обследование русских говоров, находящихся на иноязычных территориях. Итогом 35-летнего интенсивного труда по изучению русских говоров Белоруссии явился выход в свет в конце 1989 г. «Словаря русских говоров Белоруссии» А.Ф. Манаенковой⁴⁷. Словарь составлен на базе лексического материала, собранного автором в русских старообрядческих говорах Ветковского и Добрушского районов Гомельской области Белоруссии.

«Словарь русских говоров Одесщины» (СРГО)⁴⁸ представляет собой диалектный словарь русских говоров, существующих в Одесской области Украины в 36 старинных селах, основанных еще в конце XVIII – начале XIX в., либо в поселениях, отделившихся от этих сел. 200-летнее островное существование русских говоров в иноязычном окружении обусловило: а) консервацию многих старых лексем, б) особое развитие, своеобразие новизны в диалектной лексике, в) усвоение ряда лексем из соседних говоров украинского, румынского, болгарского, гагаузского языков.

В настоящее время, когда нарастают процессы интеграции, взаимовлияния языков и культур, описание особенностей словарного состава русского населения автономных республик Российской Федерации имеет большое значение для контрастив-

---

⁴² Словарь донских говоров Волгоградской области. Т. 1–6: А–Я / Ред. Р.И. Кудряшова. Волгоград, 2006–2009; Словарь донских говоров Волгоградской области. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Ред. Р.И. Кудряшова. Волгоград, 2011.

⁴³ Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.

⁴⁴ Словарь воронежских говоров. Вып. 1: А–В / Ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж, 2004.

⁴⁵ Борисова О.Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.

⁴⁶ Романов Д.А., Красовская Н.А. Материалы к словарю тульских говоров (по материалам диалектологических экспедиций 2008–2011 гг.). Вып. 1–4. Тула, 2008–2012.

⁴⁷ Манаенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989.

⁴⁸ Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1–2. Одесса, 2000–2001.

ной лингвистики. Опубликовано: «Словарь русских говоров Башкирии» (СРГБ)⁴⁹, «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии»⁵⁰, «Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья»⁵¹. Богатейшие материалы представлены в «Словаре русских говоров Низовой Печоры», отражающем диалектную лексику на территории Усть-Цилемского района Республики Коми и Ненецкого национального округа Архангельской области (СРГНП)⁵². Впервые описана лексика в Коми-Пермяцком округе («Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» — СРГКПО⁵³). Завершён грандиозный труд описания русских говоров Мордовии («Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» — СРГРМ⁵⁴).

Говоры Сибири и Дальнего Востока

Весьма богато представлена диалектная лексикография в Сибири, где, например, только на территории Красноярского края имеются три словаря⁵⁵.

Следует отметить, что в настоящее время, после окончания работы над алфавитными дифференциальными словарями, наметилась тенденция к созданию разнообразных словарей других типов. Типология диалектных словарей уже имела немало удачных попыток ее репрезентации⁵⁶.

По охвату территории диалектные словари подразделяются на:

- 1) общетерриториальные — охватывающие все говоры русского языка, в том числе и вне основной территории проживания;
- 2) общерегиональные: «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (охватывает территории Карелии, Мурманской, Вологодской, Архангельской, Ленинградской, Новгородской областей), «Словарь говоров русского Севера»;
- 3) региональные — описывающие лексику отдельных областей;
- 4) словари, описывающие говор одного населенного пункта (СГДА⁵⁷);
- 5) словари одной семьи⁵⁸;

⁴⁹ Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008.

⁵⁰ Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Т. 1–2. Якутск, 1997–2002.

⁵¹ Моисеенко М.Ф. Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья. Казань, 2002.

⁵² Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003.

⁵³ Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А. Подюков. Пермь, 2006.

⁵⁴ Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия (Мордовской АССР) / Ред. Р.В. Сименкова. Т. 1–9. Саранск, 1978–2006.

⁵⁵ Словарь русских говоров северных районов Красноярского края (ССРКК) / Ред. Г.Г. Белоусова. Красноярск, 1990; Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края (СЦРКК) / Ред. О.В.Фельде. Т. 1–2: А–М. Красноярск, 2003–2005; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края (СЮРКК) / Ред. В.Н. Рогова. Красноярск, 1988. Эти словари должны стать предметом отдельного исследования.

⁵⁶ Блинова О.И. Типы диалектных словарей // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 7–11; Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. 231 с.

⁵⁷ Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Т. 1–6: А–Я / Ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1984–2011.

⁵⁸ Королева Е.Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Ч. 1–2. Даугавпилс, 2000.

б) словари одного диалектоносителя (ПСДЯЛ⁵⁹; ДСЛ⁶⁰; СБН⁶¹).

В современных лексикографических трудах по включению в словарь лексиче-ских данных преобладает дифференциальный отбор словника.

По способу подачи данных, расположения и структуры словарных статей современные словари весьма разнообразны, среди них выделяются:

- 1) алфавитные;
- 2) гнездовые;
- 3) тематические;
- 4) идеографические;
- 5) обратные.

Кроме того, диалектные лексикографические источники в настоящее время активно используются как материал для различного рода штудий.

Словарь русских народных говоров

Вторая половина XX в. характеризуется значительным оживлением работы по собиранию и изучению диалектной лексики, по созданию словарей, отражающих лексику русских народных говоров. Создается целый ряд региональных словарей, а с начала 60-х гг. начинается подготовка и издание сводного «Словаря русских народных говоров» — СРНГ (ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов), который включает в себя диалектные слова, зафиксированные в XIX–XX вв. на всей территории распространения русского языка. В Словаре будет собрано и объяснено около 300 000 слов, распространенных только в народных говорах и не известных в литературном языке. Это в 4–5 раз превышает количество диалектных слов в словаре В.И. Даля. «Словарь русских народных говоров» может считаться лучшим памятником русской крестьянской культуры. В конце 50-х годов всё отчетливее проявляется необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия «собирательской» деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. Русскими диалектологами и любителями народного слова были собраны богатейшие материалы по диалектной лексике и фразеологии. Эти материалы были частично опубликованы, но в основной своей части остались в рукописном виде. Разбросанные по многочисленным источникам, они по существу не были доступны для исследователей. Так возникает идея создания «Словаря русских народных говоров» — второго (после «Опыта областного великорусского словаря») сводного словаря русской диалектной лексики. Создание таких словарей сопряжено с обсуждением ряда сложных теоретических проблем. Первой из них является сама возможность объединения в одном лексикографическом издании матери-

---

⁵⁹ Полный словарь диалектной языковой личности. Т. 1: А–З / Авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др. / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2006.

⁶⁰ Тимофеев В.П., Тимофеева О.В. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971; изд. 2-е, доп. Шадринск, 2010.

⁶¹ Смирнов Г.С. Словарь бабы Нюры / Под ред. З.В. Сметаниной. Киров: ОАО «Дом печати – ВЯТ-КА», 2011.

лов, характеризующих разные говоры, входящих в разные языковые (диалектные) системы.

Замысел Словаря и начало работы над ним сопровождались полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность вопроса о взаимоотношениях между общенародным языком и диалектами осложняла и обостряла полемику. Споры сводились в основном к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т. е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного языка, или он должен быть строго дифференциальным — включать лексику только диалектную, слова чисто местного распространения; 2) какие цели должен преследовать областной словарь — историко-диалектологические, т. е. быть пособием для изучения современного состояния и истории местных диалектов, или историко-лексикологические, т. е. быть пособием для изучения истории диалектных слов, с географической и, по возможности, хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным русским говорам, накопленным в XIX – начале XX в. (можно их использовать при составлении областных словарей или следует отказаться от них).

Принципы описания слов в СРНГ изложены в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф.П. Филина (1961 г.). Позже по мере освоения диалектного материала, разработки технологии его исследования и описания в словаре Инструкция для составителей была углублена и расширена. «Словарь русских народных говоров» является словарем дифференциального типа. В его состав включаются только диалектные слова и значения. В нем приводится также диалектная фразеология, разнообразная терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арго, если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не известны в литературном языке. Дифференциальный принцип распространяется и на структуру слова. Материалы, которые легли в основу областной словарной картотеки СРНГ, можно разделить на четыре основные группы: 1) материалы, которым придана та или иная словарная (лексикографическая) форма (словари и словарики, толкования слов в текстах статей, толкования слов в примечаниях и т. п.); 2) записи живой диалектной речи, лексикографически не обработанные (часто не содержащие толкования значений слов); 3) статьи, монографии и т. п., в которых диалектная лексика содержится в тексте, никак не выделяясь особо (иногда с толкованиями, иногда без толкований); 4) фольклорные источники.

Одним их наиболее сложных вопросов, которые приходится решать в Словаре, является вопрос об отборе слов. Как сказано выше, в Словарь включается исключительно диалектная лексика и фразеология, т. е. Словарь придерживается строго дифференциального принципа отбора материала. Однако это положение само по себе не раскрывает содержания терминов «диалектное слово», «диалектное значение».

Проведение принципа дифференциального отбора материала оказывается довольно сложным делом, так как не всегда имеются достаточные основания для «разведения» фактов общенародных и территориально ограниченных, диалектных. Состав словника включает слова, обозначающие: а) характерные и специфические для конкретной местности названия предметов, действий и явлений, которые не имеют обозначения в общенародном языке; б) архаичные (в том числе реликтовые) слова и выражения, сохранившиеся преимущественно в фольклоре и в речи старшего поколения носителей диалектов. Эта лексика отражает своеобразие природных условий той или иной местности, особенности жизни, быта и хозяйственной деятельности носителей диалекта. «Словарь русских народных говоров» играет чрезвычайно важную роль в развитии отечественной диалектной лексикологии. Обобщив разбросанные по многочисленным источникам сведения по диалектной лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 200-летний период (с начала XIX в. до наших дней), Словарь уже стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка. Несмотря на то, что СРНГ является словарем дифференциального типа и по замыслу его авторов «системные связи и противопоставления не будут в нем представлены в полном объеме»⁶², он хотя и не полностью, но все-таки выявил границы распространения диалектных слов, наглядно показав существование диалектных различий русских говоров на уровне лексики и словообразования. Кроме того, материалы Словаря реально доказали, что так называемая «общенародная лексика» по сути своей не является общенародной, так как часто используется лишь в некоторых областях России⁶³.

В настоящее время в Словарном отделе ИЛИ РАН продолжается работа над сводным «Словарем русских народных говоров» (в 2013 г. вышел в свет 45-й том).

Заключение

На наш взгляд, анализ сущностных параметров словаря⁶⁴ (заголовочное слово, смысл, толкование), а не интерпретационных (омонимия, иерархия значений, вариантность и т. д.) возможен только в сопоставлении друг с другом при опоре на источники: полевые, историко-архивные. Однако совершенно очевидно, что диалектные словари, материалы которых были собраны в полевых условиях, а затем обработаны лексикографически одними и теми же специалистами, имеют гораздо меньше случаев искажения как сущностных, так и интерпретационных парамет-

---

⁶² Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии... С. 13.

⁶³ Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 3.

⁶⁴ Следует отметить, что намеченная нами трактовка параметров словаря не может быть постоянной в силу того, что в ряде случаев, в зависимости от организации материала, возможен переход интерпретационных параметров в сущностные. Так, например, показ вариантов слова в СРГК (Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005) сделан таким образом, что установка географической локализации слова не представляется возможной, что переводит этот параметр в разряд сущностных.

ров. Хотя, конечно, словари, основанные на недавних полевых материалах, и словари, создаваемые на базе архивных источников, предлагают описания различной степени сложности. Кроме того, комплексный анализ гнезда с его вариантами: фонетическими, деривационными, этимологическими (восходящими к одному этимону, но имеющими различную форму) — может весьма условно продемонстрировать основательность анализа и критического осмысления (если в этом будет необходимость) диалектных лексикографических источников. Однако следует подчеркнуть, что задача толковой лексикографии состоит в репрезентации и во ведении в научный оборот собранных словарных материалов, а их этимологическое прочтение — это уже другая задача. Причем следует отметить, что лексическая эмпирическая база таких данных — словарные картотеки — чаще всего гораздо шире их публикуемой части в словарях.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. Т. 1–13. М., 1980–2010.
- Блинова 1981: *Блинова О.И.* Типы диалектных словарей // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 7–11.
- Борисова 2005: *Борисова О.Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005. 252 с.
- БОС: *Брянский областной словарь* / Отв. ред. Н.И. Курганская. Брянск, 2007.
- Васнецов 1907: *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.
- Второе доп.: *Покровский Ф.И., Яценко Е.Н.* Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905–1921. Рукопись СРНГ.
- Даль1: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1863–1866 (1-е изд.).
- Даль2: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882 (2-е изд.).
- Даль3: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1–4. СПб., 1903–1909 (3-е изд.).
- Дилакторский 1902: *Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Рукопись СРНГ. Словарь был издан в 2006 г. в издательстве «Наука» (СПб.).
- Добровольский 1914: *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Доп. Опыт: Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Дружинина 1997–2002: *Дружинина М.Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Т. 1–2. Якутск, 1997–2002.
- ДСЛ: *Тимофеев В.П., Тимофеева О.В.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971; изд. 2-е, доп. Шадринск, 2010. 595 с.
- Дуров 1929: *Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929.
- Дуров 2011: *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.
- Зотов 2010: *Зотов Г.В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России. Магадан, 2010. 539 с.
- Иванова 1969: *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. 597 с.
- ИИ: Инверсионный индекс к «Словарю русских народных говоров». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000.
- ККОС: Краткий костромской областной словарь / Отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома, 2006.
- Клыков 1968: *Клыков А.А.* Краткий словарь рыбацких промысловых слов. М., 1968.
- Королева 2000: *Королева Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Ч. 1–2. Даугавпилс, 2000.

- КСРГН — Картотека Словаря русских народных говоров.
- Куликовский 1898: *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЯОС: Краткий ярославский областной словарь. М., 1961.
- Манаенкова 1989: *Манаенкова А.Ф.* Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989. 232 с.
- Маштаков 1931: *Маштаков П.Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.
- Мельниченко 1957: *Мельниченко Г.Г.* О принципах составления областных словарей // Уч. зап. Ярославского гос. пед. института им. К.Д. Ушинского. Вып. XXVI. Ярославль, 1957.
- Меркурьев 1979: *Меркурьев И.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 183 с.
- Меркурьев 1997: *Меркурьев И.* Живая речь кольских поморов. 2-е изд., перераб. Мурманск, 1997. 168 с.
- Миртов 1929: *Миртов А.В.* Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
- Моисеенко 2002: *Моисеенко М.Ф.* Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья. Казань, 2002. 158 с.
- МС: Мотивационный диалектный словарь. Говоры Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. Т. 1–2. Томск, 2009.
- МСРСГП: Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / Под. ред. М.Ф. Семенович. Рига, 1963. 362 с.
- МСТГ: *Романов Д.А., Красовская Н.А.* Материалы к словарю тульских говоров (по материалам диалектологических экспедиций 2008–2011 гг.). Вып. 1–4. Тула, 2008–2012.
- Мурзаев 1984: *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Наумов 1874: *Наумов И.Ф.* Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1874. Т. 11. № 6. С. 1–46.
- НОС: Новгородский областной словарь. Т. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Носарь 1914: *Носарь Н.* Слова живой народной речи. Прибавления и дополнения к словарю Даля // Вестник литературы. 1914. № 1–3.
- Опыт: Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ОСВГ: Областной словарь вятских говоров. Т. 1–7: А–П / Под ред. З.В. Сметаниной. Киров, 1996–2012–.
- ОСГКО: *Кириллова Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 312 с.
- Подвысоцкий 1885: *Подвысоцкий А.О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полякова 1993–2001: *Полякова Е.Н.* Словарь пермских памятников XVI – н. XVIII в. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.
- ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20–. Л.; СПб., 1967–2008–.
- ПСДЯЛ: Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др. Под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1: А–З. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2006. 358 с.
- Расторгуев 1973: *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973. 294 с.
- РГЮП: *Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1: Абалтус – Кычига. Пермь, 2010. 456 с.
- СБГ: Словарь брянских говоров. Т. 1–4. Л., 1976–1984.
- СБН: *Смирнов Г.С.* Словарь бабы Нюры / Под ред. З.В. Сметаниной. Киров: ОАО «Дом печати – ВЯТКА», 2011. 384 с.
- СВГ: Словарь вологодских говоров. Т. 1–10: А–Я / Ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вологда, 1983–2006.
- СВРНГ: Словарь воронежских говоров. Вып. 1: А–В / Ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж, 2004. 304 с.
- СГДА: Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Т. 1–6: А–Я / Ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1984–2011.
- СГРС: Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–5 / Ред. А.К. Матвеев. Екатеринбург, 2001–2011.

- СДГВО: Словарь донских говоров Волгоградской области. Т. 1–6: А–Я / Ред. Р.И. Кудряшова. Волгоград, 2006–2009; изд. 2-е, перераб. и доп. / Ред. Р.И. Кудряшова. Волгоград, 2011.
- Селигер: Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–4: А–П / Ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003–2010.
- Сердюкова 2005: *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. 320 с.
- СОГ: Словарь орловских говоров / Ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1–15. Орел, 1992–2008.
- Сороколетов, Кузнецова 1987: *Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. 230 с.
- СРГАЛТ: Словарь русских говоров Алтая. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
- СРГБ: Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.
- СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГКПО: Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А. Подюков. Пермь, 2006. 272 с.
- СРГНО: Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- СРГНП: Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003.
- СРГО: Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1–2. Одесса, 2000–2001.
- СРГП: Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1983. 340 с.
- СРГРМ: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия (Мордовской АССР) / Под ред. Р.В. Сименковой. Т. 1–9. Саранск, 1978–2006.
- СРГС: Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1–3. Томск, 1964–1967.
- СРГСПК: Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1: А–В / Гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. 364 с.
- СРГСУ 1996: Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996. 580 с.
- СРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7 / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1–45–. М.; Л., СПб., 1965–2013–.
- СРНДР: Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991. 179 с.
- ССГ: Словарь смоленских говоров. Т. 1–11 / Под ред. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974–2005.
- ССО: Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Ч. 1–2. Томск, 1975.
- ССПР: Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Т. 1–3. Томск, 1964–1967.
- ССРКК: Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / Под ред. Г.Г. Белоусовой. Красноярск, 1990.
- ССРНГ: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Осовецкого. М., 1969.
- СЦРКК: Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 1–2: А–М / Под ред. О.В. Фельде. Красноярск, 2003–2005.
- СЮРКК: Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Под ред. В.Н. Роговой. Красноярск, 1988.
- Элиасов: *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- Эрдман: *Эрдман Ф.И.* Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря» по Новгородской губернии // Уч. зап. Казанск. ун-та, 1857. Кн. 2. С. 106–167.
- Ярославский областной словарь: Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–9. Ярославль, 1981–1991.

Г.Н. СКЛЯРЕВСКАЯ
(Санкт-Петербург, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ЛАКУНЫ

«Правильно составленный словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка»¹. Этот постулат акад. Л.В. Щербы, определяющий и утверждающий роль, значение и назначение толкового словаря, стал основным принципом русской лексикографии XX века (заметим, что это положение отнюдь не бесспорно в мировой науке; в те же годы Л. Блумфилд обосновал принципиально другую позицию: «Словарь (lexicon) является на самом деле лишь придатком грамматики, списком основных нерегулярных явлений»²).

Л.В. Щерба заложил основы отечественной лексикографии XX века, разработал ее фундаментальные категории: типологию словарей, принципы семантического анализа при построении словарной статьи с выявлением глубинных семантических элементов, обосновал понятие языковой нормы и нормативности языковых явлений, определил критерии стилистических квалификаций. Л.В. Щербе также принадлежат опередившие свое время идеи: понимание лексической системы как словарного состава, соответствующего единому (реальному) языковому сознанию определенного человеческого коллектива в определенный момент времени, а также обоснование двух типов системных лексических отношений — в аспекте связей слова с другими словами и в аспекте связей между значениями одного слова³.

В русской лексикографии в соответствии с воззрениями Л.В. Щербы обосновывается роль и значение словаря как лексикологического и комплексного лексикографического труда, который, с одной стороны, обобщает данные разнообразных теоретических исследований (в области семантики, стилистики, социолингвистики, словообразования, грамматики, истории языка и т. д.), а с другой стороны, сам является источником и базой дальнейших теоретических изысканий, так как в нем собраны, систематизированы, обобщены и комплексно представлены все сведения о слове как основной структурно-семантической единице языка.

Вклад В.В. Виноградова в теорию и практику отечественной лексикографии исчисляется несколькими десятками фундаментальных научных статей, и, вероятно, сотнями этюдов — семантических, стилистических, этимологических — представляющих собой анализ конкретных слов и выражений, щедро разбросанных по всему громадному научному наследию (ныне собранных в его «Истории слов» —

---

¹ Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 25.

² Bloomfield L. Language. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1933. P. 274 (цит. по: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 1995. С. 31).

³ Щерба Л.В. О тройном аспекте... С. 24–38; *он же*. Опыт общей теории лексикографии (1940) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–303.

М., 1994), а в целом — серией важнейших теоретических положений, легших в основу нескольких направлений научных исследований и множества научных теорий.

Лексикографические идеи В.В. Виноградова касаются вопросов словообразования как системы во всех ее внутренних связях, соотношениях и взаимодействиях, соотношения всех грамматических форм в пределах лексической системы, структуры лексического значения, развития словарного фонда, омонимии, фразеологии, типологии лексических значений, нормативности, соотношения системы и нормы, категорий литературного языка. Эти, по определению самого В.В. Виноградова, первоочередные и важнейшие проблемы теории лексикографии и теоретической лексикологии были выявлены и сформулированы им при критическом анализе наших словарей, в первую очередь Семнадцатитомного академического⁴, отмеченном высокой требовательностью и строгостью оценок⁵. Помимо этого в многочисленных трудах В.В. Виноградова лексикографы нашли и продолжают открывать для себя снова и снова бесчисленные россыпи драгоценных замечаний, указаний, рекомендаций, выводов, высказываний, касающихся установок словарей и практики описания конкретных слов.

Подводя итоги создания Семнадцатитомного академического словаря, В.В. Виноградов представил перспективу развития отечественной лексикографии, сформулировал ее насущные задачи и дал конкретные рекомендации к их выполнению. Многие из этих рекомендаций будут реализованы в Новом академическом словаре. Не имея возможности остановиться подробно на всех положениях, развивающих идеи В.В. Виноградова, обратимся к тому, которое представляется главным и которому сам Виноградов придавал большое значение, возвращаясь к нему многократно в своих работах.

Прежде всего это разработка теории фразеологии. Основное положение В.В. Виноградова о типах фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания⁶, — вобравшее в себя в свернутом виде всю информацию о фразеологии и всю ее проблематику, не только не утратило авторитетности и актуальности до наших дней, но стало отправной точкой для стремительного и успешного развития фразеологии как особой области науки о языке, ставшей самостоятельной научной дисциплиной, развивающей свои научные направления, имеющей свою терминологическую систему и свой объект.

Из специальных разработок, а также из многочисленных частных высказываний и замечаний сложилась целостная семантическая концепция В.В. Виноградова, предопределившая отечественную семасиологию последующих лет.

Первый и важнейший аспект семантической концепции В.В. Виноградова — определение структуры лексического значения. Впервые в мировой науке В.В. Ви-

⁴ Словарь современного русского литературного языка АН СССР в 17-ти т. М.; Л., 1948–1965 (БАС).

⁵ Виноградов В.В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии (1956) // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 264.

⁶ Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ (1819–1944). Л., 1946. С. 45–69.

ноградов интерпретировал структуру лексического значения как комплекс — единство семантического и грамматического, индивидуального — уникального и общего — универсального. Под лексическим значением не одно поколение русских лингвистов вслед за Виноградовым понимает «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка»⁷. В своей интерпретации В.В. Виноградов усматривает глубинные связи между словом и действительностью, реализуемые в полисемии: «Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных “кусков действительности”, между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь»⁸. Такое обобщенное, всеохватывающее определение значения слова выводилось непосредственно из лексикографической практики, которое проявляется в «непрестанных смешениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений, в постоянных разногласиях и разноречиях по вопросу о количестве значений слова и о правильности их определения»⁹.

Исследуя способы объединения разных значений в слове и закономерности словоупотребления, В.В. Виноградов обнаруживает, что разные лексические значения по-разному относятся к действительности (которую они отражают) и к лексической системе в целом (элементом которой они являются). Это наблюдение приводит его к важнейшему для лексикологии и семасиологии выводу о том, что не все значения однородны и однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Это второй аспект семантической концепции В.В. Виноградова — знаменитая типология лексических значений слов.

В этой типологии выделены три основных типа лексических значений: свободные, фразеологически связанные и функционально-синтаксически ограниченные (или закрепленные) и еще один дополнительный — конструктивно обусловленные значения (конструктивная обусловленность вносит своеобразные оттенки в основные типы значений, способствует дифференциации значений и оттенков и разграничению омонимов)¹⁰. Виноградовская типология лексических значений по прошествии четырех десятилетий интенсивных семантических исследований не только не устарела, но предопределила развитие целых направлений семасиологии: теории синонимии, омонимии, языковой метафоры, теории номинации, а также способствовала утверждению и развитию фразеологии.

Третий аспект семантической концепции В.В. Виноградова — вопрос о семантических границах слова, который практически решается как проблема омонимии. Виноградову принадлежит научное обоснование семантических границ слова и

---

⁷ Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова (1953) // Виноградов В.В. Избранные труды... С. 169.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 187–189.

выявление принципов разграничения омонимов в языке и в словаре: историко-лексикологический (включая историко-этимологический); морфолого-словообразовательный; структурно-семантический (включая грамматический)¹¹.

Следующий круг проблем, разработанных и введенных в научный оборот В.В. Виноградовым, касается определения границ и норм современного русского языка. Этот вопрос возник прежде всего в плане обоснования объекта толкового словаря современного русского языка и возможности совмещения в одном словаре нормативно-стилистических и исторических принципов — как известно, попытка такого совмещения была сделана в Семнадцатитомном академическом словаре. Вопрос о понимании современного русского языка дискутировался тогда наиболее остро. Объектом описания русской современной лексикографии, начиная с Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, и до последних словарей служил один и тот же временной отрезок — от Пушкина до наших дней (напомним, что границы «от Пушкина до Горького» были определены Лениным в 1918 г.). В.В. Виноградов, опираясь на идеи Л.В. Щербы, утверждает, что понимание «структуры, объема, содержания, границ и норм современного русского литературного языка» может быть соотнесено с узкими хронологическими границами, которые применительно к современному русскому языку он определяет рамками: с 90-х годов XIX в. — начала XX в. до современности, то есть до 60-х гг. XX в.¹²

Лексикографические принципы акад. Щербы, поддержанные и развитые при участии С.П. Обнорского, В.И. Чернышева, С.Г. Бархударова, Д.Н. Ушакова, Б.А. Ларина, Ф.П. Филина, В.В. Виноградова, А.М. Бабкина, легли в основу фундаментальной отечественной лексикографии и были реализованы непосредственно в разных типах словарей. Можно сказать, что именно тогда началось глобальное осмысление русского языка, представленного лексикографически.

В толковых словарях современного русского литературного языка¹³ предпринята попытка отразить литературный язык, понимаемый как общий для всех, подвергнутый кодификации и репрезентированный преимущественно текстами художественной литературы.

В исторических словарях разворачиваются все этапы и пути становления русского языка¹⁴.

¹¹ Виноградов В.В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии... С. 255.

¹² Виноградов В.В. Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 20.

¹³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. 1938–1941; Словарь русского языка С.И. Ожегова. М., 1949 (выдержал 23 издания); Словарь русского языка АН СССР. Т. 1–4. М., 1957–1961 (МАС); изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М., 1981–1984; изд. 3-е, стереотипное. 1985; изд. 4-е, репринтное (по 2-му изд.). СПб., 1996; Словарь современного русского литературного языка АН СССР: В 17 т. (БАС). М.; Л., 1948–1965; Словарь современного русского литературного языка АН СССР: В 20 т. (БАС-2). Т. 1–6. 1991–1994 (издание не закончено); Большой академический словарь русского языка. РАН. (БАС-3). Т. 1–17–. 2004–2011–.

¹⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 1–9–. М., 1988–2012–; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29–. М., 1975–2011–; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19–. СПб., 1984–2011–.

Диалектная лексикография отражает стихию народной необработанной речи¹⁵.

В 50–60-х годах XX в. практика составления словарей обратила интерес лексикографов к анализу непосредственных задач словаря, к которым относятся: объект толковой лексикографии (А.М. Бабкин, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин), структура и принципы построения словарной статьи (Л.С. Ковтун, Н.Ю. Шведова), проблемы омонимии и тождества слова (Л.Л. Кутина), роль и удельный вес терминологии в языке (Ф.П. Сороколетов), обоснование объема семантической информации в зависимости от типа словаря (С.И. Ожегов), критерии синонимии (А.П. Евгеньева, Ю.Д. Апресян), стилистическое расслоение лексики: отражение в словаре и выход на общие стилистические категории (В.В. Виноградов, Ю.С. Сорокин), возможность и принципы лексической сочетаемости (Н.З. Котелова), нормативность языка и ее реализация в словаре (К.С. Горбачевич). Многие из перечисленных проблем вызвали продолжительные дискуссии (проблемы омонимии, стилистики), в процессе которых вырабатывались взгляды и суждения, составившие в дальнейшем известные и плодотворные концепции и теории.

Непосредственные и практические задачи словаря, таким образом, выдвигают к обсуждению фундаментальные проблемы теоретической лингвистики.

На базе идей В.В. Виноградова развивается разноаспектная и разноуровневая теория типологии лексических значений (Н.Д. Арутюнова, Б.Ю. Городецкий, В.Г. Гак, В.Н. Телия, Д.Н. Шмелев, Е.С. Кубрякова).

Поиски системных и унификационных принципов словаря привели к формированию целостной концепции системности лексики и стимулировали семантические исследования.

Системное описание лексики в словаре предполагает: 1) выявление и описание внешних связей и отношений слова с другими словами (к ним относятся синонимические, антонимические словообразовательные связи, тематические и семантические группировки); 2) описание семантической структуры слова, иерархии его лексико-семантических вариантов — ЛСВ (полисемия); 3) анализ семной структуры (набор сем) каждого ЛСВ, необходимый для построения дефиниции.

В современной отечественной лингвистике утвердилось понимание лексико-семантической системы как организации словарного состава, все звенья которой закономерно связаны друг с другом, взаимодействуют и обуславливают друг друга в парадигматическом плане (характер и типы группировок лексических единиц), в синтагматическом (семантическое варьирование словесных знаков), а также в деривационном (В.В. Виноградов, А.А. Уфимцева, Н.Ю. Шведова, Ю.Н. Караулов, П.Н. Денисов). При этом имеется в виду динамический характер системы, ее непрерывное движение и изменение (Ю.С. Сорокин), а сама система трактуется как модель языковой картины мира (Н.Ю. Шведова, Ю.Н. Караулов).

Актуален вопрос о степени упорядоченности лексики в системе (и соответственно в памяти носителя языка). Ответ на этот вопрос может быть двояким: 1) система обладает абсолютной упорядоченностью, все ее элементы связаны друг с другом в

---

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 1–45–. СПб., 1965–2013–.

некое монолитное единство, ни один из них не может быть представлен изолированным; 2) система обладает относительной упорядоченностью, в ней могут быть обнаружены зоны большей и меньшей слитности элементов, а также изолированные элементы. Первая точка зрения была обоснована и развита Ю.Н. Карауловым в его концепции семантической непрерывности: в соответствии с этой концепцией непрерывность понимается как неотъемлемое свойство лексики (незамкнутой, динамической системы) и словаря (системы замкнутой, конечной, статичной). Семантическая непрерывность непосредственно осуществляется через логические объединения и группировки, предполагает абсолютную упорядоченность лексической системы в памяти носителя языка¹⁶.

Другая точка зрения была обоснована П.Н. Денисовым, который, признавая общую упорядоченность хранения лексики в памяти, тем не менее считает теоретически допустимым наличие внесистемных, изолированных понятий, не вошедших в классификации, вследствие чего возможно изолированное расположение слов. В целом П.Н. Денисов склоняется к мысли, что лексическая система не представляет собой монолитного образования, а организована как система систем: «в виде "гроздьев" частных лексических систем и подсистем, лексического ядра и обширных периферийных зон»¹⁷.

По-видимому, разногласия в этом вопросе могут быть объяснены разным уровнем анализа (иначе, разной степенью приближения к объекту): с позиции социолингвистического и психологического анализа лексическая система предстает в виде «системы систем», допускающей и внесистемные элементы. При более абстрактном уровне анализа лексико-семантическая система может приобретать вид монолита.

Словарь, ориентированный на носителя, отражает более конкретный, поверхностный взгляд на систему, при котором она предстает не как идеально скорректированное единство элементов, но как конгломерат, на отдельных участках которого могут не обнаруживаться связи с другими участками. На практике это означает, что логически непротиворечивое и унифицированное во всех отношениях описание в толковом словаре едва ли возможно. Во всяком случае, известные попытки выстроить лексическую систему в словаре как организацию, все элементы которой безупречно увязаны между собой, неизбежно вступают в противоречие с реальным языковым существованием.

В рамках концепции системной лексикографии Ю.Д. Апресяна вопрос о системных связях лексических единиц переносится в область их типологий: под системной лексикографией понимается теория и практика составления словарей, «трактующих лексику языка как достаточно хорошо организованную систему, т. е. как множество классов единиц с определенными для каждого класса операциями, или правилами»¹⁸.

---

¹⁶ Караулов Ю.С. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 76 и сл.

¹⁷ Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 52 и сл., 120–121.

¹⁸ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 435.

Вычленение внешнего и внутреннего аспектов лексико-семантической системы предполагает двойное описание лексики в словаре. Исследование во внешнем аспекте направлено на выявление синонимических, гипонимических и других отношений и связей между словами, а также на изучение разного рода лексических объединений и группировок. Внутренний аспект системы интерпретируется по-разному. Традиционное понимание внутреннего аспекта связано с изучением соотношения лексико-семантических вариантов в пределах лексемы (т. е. полисемии) (Л.В. Щерба, А.А. Уфимцева, Ю.Н. Караулов). При этом лексико-семантические варианты интерпретируются как «самые мелкие двусторонние единицы» (А.А. Уфимцева). Известно, однако, и другое понимание внутреннего аспекта системы: «Внутренняя системность языковых знаков заключается в том, что лексические единицы... на семантическом уровне трактуются как сочетание определенного числа единиц низшего уровня (сем), между которыми устанавливаются парадигматические и синтагматические отношения. Выявление лексической системности в этом случае видят в определении набора этих элементарных смыслов и закономерностей их сочетания»¹⁹. Между приведенными взглядами на внутренний аспект системы нет противоречий — они отражают разные уровни анализа. Метод компонентного анализа позволил заглянуть вглубь каждого отдельного ЛСВ, и семантическая единица, представлявшаяся ранее неделимой, оказалась членимой. На дальнейшем пути продвижения в глубину семантического устройства (в рамках коммуникативной семантики) была открыта и чрезвычайная сложность состава каждой минимальной лексической единицы. Эти открытия, как нам представляется, дают основания для вычленения не двух, а трех аспектов лексико-семантической системы: внешнего, внутреннего и глубинного (что соответствует трем уровням системного семантического анализа).

В 80-е годы XX в. стремительно развивается семасиология, охватывая разнообразные аспекты содержательной структуры слова: от элементарного соотношения слова и понятия (А.И. Смирницкий), теории референции (Н.Д. Арутюнова) к описанию иерархически организованной структуры лексического значения (Д.Н. Шмелев, А.А. Уфимцева, М.Г. Комлев, Э.М. Медникова, С.Д. Кацнельсон, В.Г. Гак). Критический анализ словарей выявил неполноту представленной в них информации о слове, что дало толчок для поиска новых парадигм лингвистики и для выхода семантических исследований на более высокий — интегральный — уровень, характеризующийся описанием слова как чрезвычайно сложной, многоуровневой, избыточной структуры, содержащей, помимо понятийного ядра, множество коннотативных элементов: оценочных, культурологических, экспрессивных, ассоциативных и т. п. (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, В.Г. Гак, И.А. Стернин, Л.М. Васильев, В.И. Шаховский, Г.Н. Складьяевская).

Новый уровень понимания структуры и содержания лексического значения приводит, в частности, к формированию самостоятельного направления семасиологии —

---

¹⁹ Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 87.

экспрессиологии, объектом которого служит совокупность экспрессивных компонентов слова, понимаемых как составная часть его семантики (М.И. Черемисина, О.И. Блинова, Н.А. Лукьянова, В.Н. Телия).

Лингвистически плодотворной стала идея выводимости значения слова из группировки и анализа контекстов. Выдвинутая Л.В. Щербой и развитая в дальнейшем В.В. Виноградовым, Н.Н. Амосовой, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелевым, В.Г. Гаком, эта, казалось бы, сугубо лексикографическая идея вышла далеко за пределы словарных задач и способствовала важным теоретическим выводам.

Н.Ю. Шведовой принадлежит классификация контекстов в зависимости от условий существования каждого слова.

Условия существования слова имеют тройственный характер. Слово существует: 1) в рамках лексического класса; 2) в синтагматических связях, в разнообразных линейных окружениях; 3) в широких (а нередко и неопределимых) пределах характерных для слова речевых ситуаций. В соответствии с этим Н.Ю. Шведова выделяет три типа контекстов, на основе взаимодействия которых строится описание слова:

1. Контекст слова устанавливается путем определения места слова в границах того или иного лексико-семантического класса (разряда, группы и т. п.) и служит для определения значения слова: а) на основе межклассовых связей; б) на основе семантических связей слова внутри класса; в) на основе возможностей синонимических замен.

2. Синтагматический контекст (иллюстрирует грамматическую, позиционную, категориальную, лексико-семантическую, стилистическую сочетаемость; синтагматические контексты подразделяются на минимальные, расширенные и максимальные или широкие).

3. «Обстановочный» (содержательный) контекст (является основой детализации элементов толкования, которые приписываются слову на основании его употреблений в содержательных отрезках и не входят в круг показателей классной принадлежности слова и его синтагматических связей; используется при описании многокомпонентных значений, чувствительных к экстралингвистическим ситуациям и оценкам)²⁰.

Анализ типологии контекстов подводит к важнейшему для лексикографии выводу: основная единица словаря — словарная статья — представляет собой сгусток лингвистических знаний и концентрацию всех сведений о слове²¹. Этот вывод дает основание использовать структуру и содержание словарной статьи для дальнейших научных изысканий.

На базе словарных разработок и анализа словарей складываются целостные концепции лексической сочетаемости (Н.З. Котелова, В.Н. Телия), языковой нормы

²⁰ Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 143 и сл.

²¹ Шведова Н.Ю. Предисловие к двадцать первому изданию // Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 21-е, перераб. и доп. / Под ред. чл.-корр АН СССР Н.Ю. Шведовой. М., 1989. С. 11.

(К.С. Горбачевич, Л.И. Скворцов), на глубинном уровне разрабатывается теория синонимии (Ю.Д. Апресян), дополняется важными выводами теория референции (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия); впервые в мировой науке зарождается лингвистическая прагматика как лексикологическая дисциплина, исследующая прагматическую информацию не на уровне высказывания, а на уровне слова (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Г.Н. Складьяревская).

Одновременно с семасиологией бурно развивается стилистика. Стилистические исследования либо ориентированы непосредственно на нужды и задачи лексикографии (Ю.С. Сорокин, Ф.П. Филин, Р.Г. Гельгардт, Е.Ф. Петрищева, Г.Н. Складьяревская), либо, напротив, словарная проблематика дает материалы и идеи для теоретической стилистики (Т.Г. Винокур, Э.С. Азнаурова).

В последние десятилетия выдвинуты проблемы лингвистического конструирования и автоматизации в лексикографии (В.М. Андриященко, Ю.Н. Караулов, А.А. Поликарпов).

Русская фундаментальная лексикография вызвала к жизни новые направления научных исследований, которые за короткое время стали самостоятельными научными дисциплинами. Сейчас никем не оспаривается тот факт, что фразеология впервые сложилась в России в 40–50 гг. XX века как раздел языкознания и имеет самостоятельное значение, формируя собственные школы и направления. Источником и толчком для развития фразеологии как самостоятельной научной и прикладной дисциплины послужил выход Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах, где впервые в мировой лексикографии был представлен и лексикографически тщательно разработан громадный массив фразеологизмов.

В процессе лексикографической деятельности сформировалось еще одно самостоятельное направление научных исследований (с его практической словарной реализацией) — неология. В рамках современной лексикологии и лексикографии Н.З. Котеловой была разработана концепция неологии: уточнено понятие неологизма, обоснованы причины возникновения неологизмов, описан процесс их образования и их источники, а также разработаны принципы отбора неологизмов. На основе этой концепции были разработаны принципы и методы лексикографической неологии (неографии), в соответствии с которыми процесс лексикографирования проходит три последовательных стадии: ежегодной фиксации, десятилетней и тридцатилетней. Эти принципы были успешно применены на практике — вышедшая серия словарей новых слов заслуженно считается событием в русской лексикографии.

За последние 20–30 лет накоплена громадная литература, содержащая анализ по сути дела всех параметров словаря, разрабатывается теория лексикографии и практической лексикографии на макроуровне (системная организация лексики, активный и пассивный словарный запас, принципы формирования словника, теория тождества слова) и на микроуровне (структура лексического значения, стилистическая и грамматическая квалификация слова, информация о происхождении слова, экстралингвистическая информация, представляющая слова в реальном контексте). Фундаментальные разноаспектные исследования по теории лексикографии

(Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Б.Ю. Городецкий, П.Н. Денисов, В.В. Дубичинский, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, С.И. Ожегов, А.А. Поликарпов, Ф.П. Сороколетов, Н.Ю. Шведова, Д.Н. Шмелев), пока еще не сведенные воедино сквозной идеей, тем не менее дают целостное представление о современной лексикографии как о науке синтетической, моделирующей лексическую систему и интегрирующей другие науки. В.В. Дубичинский отмечает диалектическое двуединство лексикографии как науки: «Являясь, с одной стороны, отдельной научной дисциплиной в ряду других лингвистических дисциплин, лексикография, с другой стороны, представляет собой универсальную методологическую науку, необходимую самым разным областям человеческой практики»²².

Концепция лексикографии как интегральной науки представлена в фундаментальных трудах Ю.Д. Апресяна. В рамках уже упомянутой системной лексикографии, целью которой, по Апресяну, является лексикографическое описание отраженной в языке «наивной» картины мира, им были выделены понятия лексикографического типа и лексикографического портрета, давшие в руки практического лексикографа тонкий и верный инструмент интегрального описания лексики²³.

Лексикография все более осознается как комплексная научная дисциплина, охватывающая разные аспекты знания: собственно филологический, исторический, культурологический, социологический, гносеологический. Последний аспект наиболее полно реализуется в фундаментальных толковых словарях — ведь именно фундаментальный толковый словарь ставит своей задачей отразить концептуальную картину мира, реализованную в описываемой лексико-семантической системе языка.

К началу XXI века стало очевидным, что практически любая лингвистическая идея может быть оформлена и представлена лексикографически, и это обстоятельство породило феноменальное научное явление — кажется, не знающее пределов количество и разнообразие словарей, отражающих практически все аспекты существования, развития и функционирования языка²⁴. Этот лексикографический бум,

²² Дубичинский В.В. Значимость лексикографии // Прикладная лингвистика. Проблемы построения лингвистического обеспечения образовательных систем высшей школы: Сб. научных статей. Харьков, 2005. С. 20.

²³ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка... С. 434 и сл.

²⁴ Выборочный минимальный список словарей начала XXI века, в какой-то мере свидетельствующий о диапазоне лингвистических проблем, решаемых лексикографически: Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. Около 1200 единиц / Под ред. докт. филол. наук проф. В.В. Морковкина М., 2002; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2004; Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый: Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М., 2004; Большой грамматический словарь: В 2-х т. / Под ред. А.Н. Тихонова. М., 2006; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2006; Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов: идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты: [Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького] / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2007; Складневская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. Более 2000 слов и словосочетаний. 2-е изд.,

в свою очередь, будит научную мысль, заставляет идти по пути исследования, классификации и оценки самих лексикографических произведений, а развитие лексикографических идей в свою очередь дает новые импульсы для практической лексикографии.

В связи с этим в отечественной лексикографии появляются продолжающие идеи Л.В. Щербы исследования, посвященные разработкам типологии словарей. Классические типологии словарей акад. Л.В. Щербы (типология, построенная на шести противоположениях) и С.И. Ожегова (широко известная трехчастная типология словарей) развиваются, дополняются и трансформируются в исследованиях современных лексикографов и теоретиков лексикографии²⁵. В этом отношении чрезвычайно информативны работы В.Д. Черняк и В.А. Козырева, содержащие хорошо продуманную исчерпывающую систематизацию всех значимых словарей современного русского языка с краткой характеристикой каждого из них и примерами словарных разработок и освещающие наиболее существенные лексикографические проблемы современности, в том числе и проблему типологии словарей.

Словарное дело, традиционно ориентированное на лексическую систему, было безжалостно названо Ю.Н. Карауловым «бесстрастной, коллекционно-гербарийной отраслью»²⁶. Возможна ли иная лексикографическая интерпретация лексической системы? До какой степени можно говорить об однозначно воспринимаемой картине мира? Правомерно ли ставить вопрос о существовании некоей общей для всех членов общества базовой, инвариантной картины мира, которая могла бы быть описана в толковом словаре как функционирующий современный язык? Можно ли ставить вопрос о существовании общенационального языкового типа, который стал бы ориентиром при описании живого — функционирующего — языка? Иными

испр. М., 2007; Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. 2-е изд. М., 2008; Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы: 2000 синонимических рядов, 10 500 синонимов / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2008; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. 2-е изд., стереотип. М., 2008; *Ефремова Т.Ф.* Современный словарь русского языка. Три в одном. Орфографический. Словообразовательный. Морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. М., 2010; *Красных В.И.* Современный словарь русского языка: паронимы: около 1500 паронимических рядов, более 3500 паронимов. М., 2010; *Складарская Г.Н.* Современное русское православие. Толково-энциклопедический словарь (подготовлен к печати).

²⁵ *Цывин А.М.* К вопросу о классификации русских словарей // Вопросы языкознания. 1978. № 1; *Анажеев М.Л.* О жанрово-типологической классификации словарей и типологии читательских запросов к ним // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития. Симферополь, 1992; *Дубичинский В.В.* Принципы лексикографирования и типология словарей // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992; *Морковкин В.В.* Типология филологических словарей // *Vocabulum et vocabularium*. Вып. 1. Харьков, 1994; *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Вселенная в алфавитном порядке. СПб., 2000; *Лукьянова Н.А.* Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебно-методическое пособие для студентов и аспирантов филологических и других гуманитарных специальностей университетов. Новосибирск, 2003; *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Русская лексикография. М., 2004.

²⁶ *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 26.

словами, правомерно ли вообще ставить вопрос о возможности лексикографического описания лексической системы, опосредованной говорящим человеком?

Идея антропоцентрического лексикографирования была почти одновременно выдвинута В.В. Морковкиным и Ю.Н. Карауловым в середине 80-х годов минувшего века. В докладе, прочитанном на Всесоюзной конференции «Современные проблемы изучения лексики и развития национальной лексикографии (современные толковые и нормативные словари)» в 1984 г. В.В. Морковкин призвал лексикографов обратиться к «живой пульсирующей сущности языка», к языку, принадлежащему индивидуальному языковому сознанию²⁷. В это же время Ю.Н. Караулов формулирует принципиально новую для русской лексикографии проблему — «человек и словарь, словарь в личности и личность в словаре»²⁸.

Введенная Ю.Н. Карауловым в научный оборот идея языковой личности, представленной трехуровневой моделью (мотивационный, тезаурусный и вербально-семантический уровни²⁹), чрезвычайно заманчива для создания толкового словаря живого — функционирующего, реализуемого, не покоящегося в ячейках лексической системы, а непосредственно используемого человеком языка. Однако теоретически и методически этот вопрос слишком сложен. Как объединить и представить в единстве такие разнородные вещи, как лексическая система современного языка (статистический объект), такое ее неустранимое свойство, как непрерывное развитие (динамический объект), с одной стороны, и эволюционирующая лексическая система (общий объект) и языковая личность (индивидуальный объект)?

Ю.Н. Караулов со свойственной ему научной смелостью воспринимает и дает нам увидеть в единстве такие разнородные и даже несовместимые вещи, как общее и индивидуальное, статичное и динамическое, и в качестве репрезентации этого единства предлагает идею общерусского языкового типа. В это понятие входят «такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через историческое время и эволюционируя в нем, т. е. меняясь в сторону усложнения, некоторым инвариантным образом преломляются в сознании носителя языка и позволяют ему как-то (пока неясно, как) опознать “русскость” какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова. Таким образом, понятие общерусского языкового типа мертво без включения в него языковой личности, но оно теряет смысл также вне системы и эволюции»³⁰.

Содержание общерусского языкового типа, по Караулову, определяет набор психоглосс. Психоглоссой автор называет «единицу языкового сознания, отражающую определенную черту языкового строя, или системы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени, т. е. интегрирует свойства изоглоссы и хроноглоссы на уровне языковой личности»³¹.

²⁷ Морковкин В.В. Основы стимулирующей типологии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. М., 1988. С. 132.

²⁸ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. С. 26–27.

²⁹ Там же. С. 51 и сл.

³⁰ Там же. С. 138.

³¹ Там же. С. 157–158.

Теоретически, по-видимому, именно ориентация на такие понятия, как языковая личность и общерусский языковой тип, дает возможность описать живой — функционирующий и реализуемый в употреблении язык.

Итак, нами предпринята попытка создать словарь, описывающий не абстрактную систему, а живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание современников.

Объект Словаря — живой русский язык. Рабочее название Словаря сознательно соотнесено с названием словаря В.И. Даля. Очень важно описать *новый* живой язык, который принципиально отличается от живого языка XIX в. Если в XIX в. к живому языку могли быть отнесены языковые формы, ориентированные на разговорную, преимущественно народную, речь, то современный живой язык совершенно иной. Его формируют два мощных противоречивых процесса: стихия низкой речи и одновременно, как это ни парадоксально, — стихия языковых заимствований и терминологии. Как представляется, задача описать *новый живой* язык особенно актуальна для русской лексикографии.

Понятие *живой язык* соотносится с понятием *современный язык*, однако совершенно очевидно, что смысл последнего, привычного для всех понятия, далеко не так ясен и самоочевиден. Принятое до недавнего времени в отечественной лексикографической традиции соотнесение современного русского языка с эпохой «от Пушкина до наших дней» было подвергнуто критике и пересмотру еще акад. В.В. Виноградовым (известно, что В.В. Виноградов считал, что русский язык в диапазоне «от Пушкина до наших дней» отражает не одну лексическую систему, а, по крайней мере, три различные системы)³². Традиционная идея «хронологического» представления современного языка (в хронологических рамках «от — до») уязвима, так как предполагает его дискретное состояние, в то время как лексическую систему нельзя представить дискретной — она, будучи непрерывной³³, неизбежно включает в себя разнородные элементы, в том числе и элементы прошлых, хронологически отдаленных состояний языка. Поэтому корректнее не соотносить понятие «современный язык» с ограниченным хронологическим отрезком, а ориентировать его на социально-психологический аспект — на то, в какой степени владеют этим языком современники, средние носители языка.

Такая позиция выдвигает понятие синхронности. Синхронность в лексикографическом плане понимается как один из моментов динамического равновесия языковой системы, опорой которого служит норма того времени, когда словарь создается. Именно такое понимание синхронности выявляет системные связи и отношения, с одной стороны, и дает возможность наблюдать и описывать их в употреблении, с другой, — и в итоге создает условия для целостного восприятия объекта.

---

³² Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 7.

³³ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 251–252; Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С. 214.

В словаре синхронного типа описываются только такие элементы языковой системы прошлого, которые либо нейтральны в современном языке, то есть входят в устойчивое ядро лексической системы (*глаз, голова, терять, хотеть*), либо имеют стилистические задачи (*глас, очи, вожделенный, узреть*), либо представляют собой актуальные для современного языкового сознания историзмы, либо сохраняются в составе фразеологии. С той точки зрения из словаря А.С. Пушкина в современный (синхронный) словарь не войдут такие единицы, как *календарь* 'альманах', *камча, канифас, карла, картель, кастелан, квит, киннамон, китайчатый, клефт, кметь, комераж* и подобные как не соответствующие языковому сознанию современного носителя языка.

По отношению к словнику БАС-3 Словарь исключит такие архаизмы, как *абшид, аванпостный, авантаж, автомедон* (о вознице, ямщике), *агитпроп* (отдел агитации и пропаганды до 1934 г.), *агница, аграмант* (старинная тесьма), *аграф* (пряжка, застежка), *адмиральство, аквариий, аксамит, аксамитный, аксамитовый, аларм, аларма* (смятение, переполох), *алармист, алармистский, алкоран, алчба, альманашный, англоманство* (англомания), *антикварий* (антиквар), *апофегма, апош, арестование, арифметик* (специалист по арифметике).

Определение «синхронный» или «синхронический» словарь заставляет обратиться к обоснованию соотношения синхронии и диахронии в лексикографии. Наиболее убедительной представляется точка зрения, впервые выдвинутая Ю.С. Сорокиным: в лексической системе синхрония и диахрония нераздельны и нерасчленимы: в каждый момент существования языка лексика сохраняет свою стабильность, только претерпевая непрерывные изменения³⁴. Однако, как мне представляется, именно лексикографический подход к лексической системе и лексикографическое описание дает чисто методическую возможность разграничения синхронии и диахронии: описывая, оценивая и квалифицируя языковые факты с позиции языкового сознания того времени, когда создается словарь, мы тем самым фиксируем одномоментный («синхронный») взгляд на подвижную лексическую систему. Синхронический словарь, следовательно, не отказывается от языковых фактов прошлого, а отбирает только те факты, для которых в языковом сознании современности находится определенное место.

С.С. Аверинцев под понятие «современная лексика» подводит «все слова, все обороты, хотя бы и не привычные современному человеку, но сразу ему понятные и не вызывающие недоразумений»³⁵. Это определение при обращении к проблемам лексикографии нуждается в некотором уточнении: под понятие «современная лексика» подходят те слова и обороты, которые могут быть *не всегда* понятны *каждому* современному человеку и нередко вызывают недоразумения либо в силу их новизны, либо терминологического характера, либо жаргонной замкнутости, но они

³⁴ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава современного русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

³⁵ Аверинцев С.С. Стилистические проблемы библейского перевода // Аверинцев С.С. София-Логос. Киев, 1999. С. 363.

постоянно «видимы» и «слышимы» в повседневной бытовой и профессиональной жизни (как, например, не всегда понятна и нередко вызывает недоразумения заповедная наша повседневность лексика газетных полос, уличных вывесок, уличной и газетной рекламы, вкладышей к лекарствам, к бытовым приборам и т. п.).

Сложнее обстоит дело с пониманием категориальных признаков литературного языка, которые не получили в современной лингвистике признаваемого всеми и единого определения: не выявлено соотношение литературного языка со смежными категориями на временной и пространственной оси (то есть с языком прошлого и с диалектами и социальными подъязыками), а потому не ясны его границы и структура.

Сформулированные учеными Пражской школы и ставшие хрестоматийными определяющие признаки литературного языка: общенациональный характер (без региональных и социальных ограничений); кодифицированность нормы; связь с ограниченным кругом носителей (образованных людей); полифункциональность; стилистическая дифференциация³⁶ — в большей или меньшей степени дополняются другими, среди которых называются: тенденция к регламентации³⁷, поливалентность³⁸, двойственность существования: взаимодействие книжной и разговорной разновидностей, письменной и устной форм³⁹. В теоретическом плане это создает некоторую размытость и противоречивость самой категории «литературный язык», а в плане лексикографической практики вызывает значительные трудности при обосновании объекта лексикографического описания и при отборе слов.

Противоречия касаются прежде всего соотношения кодифицированности нормы и стилистической дифференциации: первое свойство требует строгости отбора, чистоты и нейтральности, в то время как второе предполагает широкий диапазон функциональных и выразительных языковых средств, включая, с одной стороны, самые «низкие» (явно внелитературные) и, с другой, также находящуюся за пределами литературного языка терминологию. Противоречивы и такие признаки литературного языка, как общенациональный характер и «образовательный ценз»⁴⁰. В частности, исследования разговорной речи интеллигенции в городах с диалектным окружением (Перми, Саратова, Екатеринбурга) поколебали казавшийся незыблемым применительно к русскому языку тезис о единстве литературного языка на всей территории его распространения и о невозможности его региональных вариантов. В связи с этим поколеблен также тезис об «образовательном цензе» носителей литературного языка (ср., в частности, речь пермской интеллигенции, в том числе

---

³⁶ *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988. С. 54.

³⁷ *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика... С. 197–198.

³⁸ *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. С. 323–331.

³⁹ *Шмелев Д.Н.* Литературный язык // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; *Гухман М.М.* Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 198.

⁴⁰ *Крысин Л.П.* Введение. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003. С. 12 и сл.

и лингвистов, которая пронизана диалектными и полудиалектными свойствами сквозь толщу всех языковых уровней)⁴¹.

Не следует также забывать, что само понятие литературного языка возникло как антипод языка обиходного (обычно диалектного) — противопоставление, которое в современных условиях утрачивает значение.

Терминологически более точным и адекватным языковой действительности представляется понятие «стандартный язык», которое в отечественной лингвистике было в свое время обосновано Е.Д. Поливановым⁴², а сейчас широко употребительно в отечественных⁴³ и особенно в зарубежных исследованиях. Под стандартным языком в идеале понимается кодифицированная форма национального языка, употребляемая достаточно широким кругом его носителей в качестве образца.

Однако стандартный язык является не объектом описания в Словаре, а лишь ориентиром при обосновании этого объекта. Словарь живого языка ставит перед собой задачу показать лексическую систему в ее функционировании — то есть стремится отразить действие системы в различных сферах, в разных речевых ситуациях. По сути дела речь идет здесь о двух разных реальностях: о лексической системе (лингвистический объект) и лексике, представленной в живом функционировании (объект социальный, исторический и культурный). Объект любого словаря представляется, таким образом, в двух аспектах: лингвистическом и социальном. Каждый словарь неизбежно охватывает оба эти объекта, но преимущественное внимание уделяется одному из них⁴⁴. Обсуждаемый Словарь, ориентированный на языковое сознание начала XXI в., описывает традиционный объект толковой лексикографии — лексическую систему (как лингвистическую реальность) и функциональное проявление лексической системы (как реальность социальную и культурную) — но при этом основное внимание, в отличие от предшествующих лексикографических работ, направлено на функциональный аспект. Словарь ориентирован на функционирование лексики современного русского языка.

В своем определении лексики современного русского языка мы исходим из постулата акад. Л.В. Щербы, который понимал лексическую систему как словарный состав, соответствующий единому (реальному) языковому сознанию определенного человеческого коллектива в определенный момент времени, что, как он полагал, по существу и определяет важнейшие для лексикографа два типа системных лексических отношений — в аспекте связей слова с другими словами и в аспекте связей между значениями одного слова⁴⁵.

---

⁴¹ *Ерофеева Т.И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1979.

⁴² *Поливанов Е.Д.* Круг очередных проблем современной лингвистики // *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

⁴³ *Крысин Л.П.* Введение. Проблема социальной и функциональной дифференциации... С. 13 и сл.

⁴⁴ *Рей А., Делесаль С.* Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983. С. 264–265.

⁴⁵ *Щерба Л.В.* О трояком аспекте... С. 24–38; *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии. С. 265–303.

«Живой язык», таким образом, в системном аспекте понимается как непрерывно изменяющийся, понятный современникам и используемый ими набор языковых средств — язык «видимый» (письменные тексты) и «слышимый» (официальная и обиходная устная речь), включающий и адаптирующий самые разнородные лексические элементы: от заимствований и терминологии до жаргона (на социальной оси) и от некоторой части архаизмов до неологизмов (на хронологической оси). В функциональном аспекте понятие «живой язык» предполагает его действенный характер, его речевую реализацию.

Ориентация на живое реальное словоупотребление дает основания для включения разрядов и классов слов, прежде выводимых за пределы словарей. Обширный и разнообразный текстовый фонд, а также возможность работать с текстами на сайтах Интернета расширяют эмпирическую базу Словаря, дают основания для расширения словника. Можно сказать, что словник тяготеет к тезаурусу.

Словарь имеет нормативный характер. Кодифицирующая функция Словаря и функция нормативности реализуются таким образом: нормативность поддерживается не фактом включения/невключения той или иной лексической единицы в словник, а собственно лексикографическими приемами: квалификацией слов с помощью широкого набора функциональных и стилистических помет; специальной пометой запретительного характера при словах, отражающих частотные ошибки произношения или употребления; демонстрацией лексических, морфологических или акцентологических вариантов.

Новый лексикографический труд задуман как словарь активного типа, то есть такой, который дает возможность пользователю получить более обширную, чем в обычном («пассивном») словаре, информацию — не только о значениях слов, но и о нормах и правилах использования слов в речи, о типовой, отражающей культурные традиции сочетаемости и о ситуативной обусловленности слова.

Границы словника на горизонтальной (социальной) оси определяются активностью, актуальностью, употребительностью лексических единиц («видимый и слышимый» язык).

Центр словника (его преобладающее численное ядро) составляет, как в любом толковом словаре, лексика основного словарного фонда (*вода, дом, лес, река, рука, голова, идти, дать, спать, хотеть, держать, белый, хороший, горький, светло, тихо, который, три, пятый* и т. д.). Тематически в центр словника в соответствии с лексикографической традицией войдут лексические группы, составляющие базу языковой картины мира (основные категории жизни человека и общества, понятия культуры, экономики, политики, быта, элементы живой природы и т. д.).

В обширную периферию словника входит лексика разных лингвистических и экстралингвистических типов.

Основной лексический массив составляет словообразование. Словарь, ориентированный на современные живые словообразовательные связи, описывает в соответствии с лексикографической традицией все словообразовательные дериваты, образованные по активным моделям (наименования лиц, действий, свойств, отно-

шений и т. д.). В Словаре не принято обычное для лексикографии частичное гнездование, каждое производное слово признается индивидуальным и разрабатывается в самостоятельной словарной статье (*аномальность, культурность, драматургический, доченька, пакетик, ванночка, дождичек, дошкольница, диатезник, мусоросборник, неформальность*). Иными словами, каждый член словообразовательного гнезда (при том что стремительный характер современного словообразования порождает обширные словообразовательные гнезда) разрабатывается как индивидуальная вокабула на своем алфавитном месте. Ср. сформировавшееся за последнее десятилетие словообразовательное гнездо при слове **секс**: *антисексуальный, бисексуал, бисексуальность, бисексуальный, сексапильность, сексапильный, секс-бизнес, секс-бомба, секс-звезда, секс-идол, секс-контроль, секс-меньшинства, сексолог, сексологический, сексология, сексопатолог, сексопатология, сексотерапевт, сексотерапия, секс-символ, секс-символический, секстренинг, секс-тур, секс-туризм, секс-турист, сексуализация, сексуально, сексуальность, сексуальный, секс-шоп, транссексуал, транссексуализм, транссексуальный*.

Подобные обширные гнезда сформировались при словах, отражающих особо актуальные понятия нашего времени, таких, как *бизнес, видео, демократия, наркотики, реклама, рынок, экология* и т. п.

В соответствии с тенденцией, апробированной в БАС-2, более широко, чем это было принято прежде, в состав словника войдут составные и сложносоставные слова (*атташе-кейс, бизнес-партнер, ведомственно-бюрократический, госкомстат, госсекретарь, интернет-кафе, интернет-сервис, секретарь-референт, секс-меньшинства, фирма-риэлтер, хит-парад, холдинг-компания, шоу-бизнес*).

Наиболее активные (частотные) форманты, такие как *влаго, водо, мелко, крупно, микро, макро, мало, много* и т. д., в том числе и новые, отражающие самые актуальные понятия современности (*видео, нарко, онко, фито, медиа*), представлены в Словаре обширными рядами соответствующих производных.

Как самостоятельные словарные единицы описаны разные виды диминутивов: слова реального уменьшения (*баночка, столик*), «квазивежливые слова» (*банька, билетик, вопросик, вечерок*), эмотивно окрашенные (*глазки, волосики*), а также диминутивы с измененной семантикой, в том числе термины (*корзиночка соцветия, ванночка для глаза, чайный пакетик*).

Часть словника составят аббревиатуры, отражающие актуальные реалии времени (*АО, ИНН, ГНС, МЧС, НЛО, ОМОН, РУБОП, СКВ, СМИ, УПК*) и их производные (*омоновец, рубоповец*).

Эквиваленты слов признаются самостоятельными лексическими единицами и разрабатываются каждый на своем алфавитном месте (*без запинки, без конца, более того, в адрес, по адресу, в интересах, где попало, до завтра, до предела, на слух, про себя* и т. п.).

В словник включены некоторые имена собственные, имеющие культурологическое значение (*Аполлон, Дон-Кихот, Москва, Кремль, Христос*).

Обширный массив словника составит терминология.

Придерживаясь представления о терминологической лексике как об активной части словарного состава языка⁴⁶, Словарь широко отражает современную терминологию, прежде всего основываясь на фактических данных об ее употреблении — информации эмпирической базы Словаря (см. далее).

Словарь включает в свой состав традиционно отражаемую в толковых словарях основополагающую терминологию научных дисциплин, входящих в курс среднего образования (математика: *бином, тангенс, факториал*; физика: *дифракция, теплоемкость*; химия: *реагент, валентность, оксид*; биология: *вегетативный, мутагены*), а также терминологию ряда областей знания, которая через разные каналы (пресса, реклама, производственные условия) вышла за пределы первоначальных замкнутых профессиональных сфер и проникла в общий язык. Речь идет о таких профессиональных сферах, как информатика и функционирование Интернета (*байт, баннер, браузер, интерфейс, провайдер*); экономика и финансовое дело (*авизо, акциз, деноминация, дефолт, консигнация, лизинг, монетаризм, реинвестиция*); юриспруденция (*вердикт, квота, легитимность, форс-мажор*); медицина (*акупунктура, ВИЧ, иммунодефицит, мануальный, метеозависимость, метеопатия*); искусство (*абсурдизм, инсталляция, концептуалист, объект, перформанс, постмодернизм*); косметология (*лифтинг, пилинг, скраб*); уфология (*гуманоид, инопланетянин, контактёр, полтергейст*) и т. д.

Терминологические единицы в составе лексической системы в целом, в отличие от терминосистем, не остаются неподвижными, их семантическая структура может развиваться. В результате детерминологизации (деспециализации) круг значений специальных слов расширяется, в первую очередь за счет метафоры (*агония экономической системы, девальвация научной мысли, бактерии равнодушия, социальный коллапс* и т. п.), что находит отражение в Словаре.

К терминологии примыкает лексика религий, в первую очередь основной и наиболее массовой конфессии России — православия (*акафист, акафистник, алтарь, амвон, аналой, Богородица, евхаристия, игумен, игуменья, иерей, канон, канонизировать, канонический, литургия, митрополит, молебен, мощи, настоятель, окормлять, панихида, патриарх, причастие, Святые Дары, священство, спасение, Спаситель, Троица*). Массив лексики православной церковной культуры, оказавшей и оказывающей громадное влияние на русский язык, уже был описан в специальных аспектных словарях⁴⁷, однако в русской толковой лексикографии XX – начала XXI в.

⁴⁶ Ментрун В. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. М., 1983; Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и Материалы почтовой дискуссии. М., 1991; Марчук Ю.Н. Основы терминологии. М., 1992; Лейчик В.М. Исходные понятия, основные положения, определения современного терминоведения и терминологии // Vocabulum et vocabularum. Вып. 1. Харьков, 1994; Поликарпов А.А. Структура словарного сознания общества и место в нем специальной лексики (по данным толкового словаря) // Терминоведение. 1. М., 1994; Шелов С.Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб., 1998.

⁴⁷ Складарская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000; М., 2008; она же. Современное русское православие. Толково-энциклопедический словарь (подготовлен к печати).

разрабатывается впервые. Помимо самих терминов, Словарь описывает и их производные (*алтарник, алтарный, алтарница, евхаристический, литургически, литургический*).

Многоконфессиональная страна, какой является Россия, использует как средство коммуникации «многоконфессиональный» язык, поэтому наряду с лексикой православия в словнике широко представлена и лексика других религий, ставшая достаточно широко известной благодаря информации в популярной литературе, Интернете, СМИ о проведении религиозных праздников и т. п. Это католическая лексика⁴⁸ (*биретта, диоцез, интердикт, коллекта, литания, монстрация, реликварий, Розарий*), а также лексика: ислама (*джихад, имам, Мекка, муджахед, муфтий, намаз, рамадан, Талибан*), иудаизма (*Галаха, дрейдл, ешива, Йом-Кипур, кадши, клезмер, Песах, Пурим, сидур, Тора*), буддизма (*гуру, дхарма, мантра, Мара, махаяна, нирвана*), индуизма (*Веды, Вишну, карма, кришнаизм*).

Лексическим пластам, связанным с «онаучиванием» языка, противопоставлены лексические массивы, демонстрирующие процесс демократизации языка, пополняющие словник сниженной лексикой и жаргонизмами, многие из которых описаны в существующих специальных словарях⁴⁹. С соответствующей стилистической квалификацией в Словаре представлены разряды разговорной лексики. Разговорная лексика характеризует речь лиц, владеющих литературным языком в непринужденной обстановке. В ней находит отражение ряд специфических признаков: речевая небрежность, опрошенность, широкая вариативность, проявление языковой экономии (различные семантические стяжения и усечения), наличие субъективной оценки, эмоциональных наслоений, повышенной экспрессивности и т. д. При этом учитывается, что массив разговорной лексики неоднороден по своему составу и содержит широкий диапазон экспрессивных и оценочных характеристик. Помимо собственно разговорных языковых средств (*бомж, бомжиха, бомжевать, бюллетенить, киношник, повременка, подзаработать, приболеть, тусовка*), выделяются фамильярные (*зануда, отсебятина, передряга, показуха, тягомотина*) и сниженные (*бардак, выпендрож, жлоб, зачуханный, чокнутый*), а также жаргон.

Под жаргоном традиционно понимается речь социально обособленной группы людей. Словарь описывает все разновидности жаргона: общий жаргон (*бабки, баксы, видак, качок, на халяву, наркота, прибамбасы, тащиться, халявщик*); профессиональные жаргоны (*клава* ‘клавиатура’, *мама* ‘материнская плата’, *мыло* ‘E-mail’, *чайник* ‘начинающий пользователь’); молодежный жаргон (*косить* ‘уклоняться от чего-л.’, *предки* ‘родители’, *прикол* ‘шутка’, *прикольный*); жаргон наркоманов (*глюки* ‘галлюцинации, возникающие под воздействием наркотиков’, *дурман, дурь* ‘нар-

⁴⁸ Некоторые из перечисленных слов употребительны также в протестантизме.

⁴⁹ *Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / Под общим руководством Р.И. Розиной. М., 1999; *Быков В.* Русская фея. Смоленск, 1994; Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общей ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. М., 1991; *Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1998; *Мокиенко В.М.* Большой словарь жаргона. СПб., 2000.

котик', *колеса* 'таблетки, содержащие наркотик'); уголовный (*замочить* 'убить', *кинуть* 'обмануть, предать', *шмон* 'обыск').

Функционально активным и социально значимым в современном русском языке является жаргон молодежи: им пользуются многочисленные социальные группы (студенты, рабочие, военные и т. д.), отдельные его элементы достаточно широко представлены в художественной литературе и используются в речи интеллигенции в качестве экспрессивных языковых средств. Лексический слой жаргонизмов достаточно узок как тематически (обозначение понятий, связанных с семантическими группами «человек», «формы общения», «одежда», «обувь», «деньги», «реалии жизни той или иной социальной среды», например, военных, студентов, уголовных элементов, средства языковой оценки и т. п.), так и по функциональному назначению (выполняет экспрессивную функцию).

Молодежный жаргон — весьма сложный объект описания в толковом словаре, поскольку обладает крайней хронологической неустойчивостью: каждое следующее поколение молодежи стремится отмежеваться от предыдущего своим собственным жаргоном. Так, жаргоны нескольких поколений 50–90-х гг. ушли из активного употребления, оставшись в текстах художественной литературы своего времени, а на смену им пришел другой набор жаргонной лексики: *баксы*, *балдеж*, *дембель*, *дембельнуться*, *капуста* 'доллары США', *ментура*, *отпасть*, *торчат*, *тащить*, *тачка*, *прикол*, *прикольный*, *прибамбасы*, *до лампочки*, *по барабану*. Словарь не проследивает хронологическое движение молодежного жаргона. В словник включены жаргонизмы, употребительность которых удостоверяется современными текстами.

Жаргон представляет собой нижнюю границу сниженной лексики. Самые нижние слои (вульгаризмы, то есть непристойные слова, и мат) в Словаре не описываются.

С разрядом сниженной и жаргонной лексики связаны особые дифференциальные трудности, поскольку границы размыты не только между отдельными жаргонами, но и жаргонной и сниженной лексикой, а многие жаргонизмы, в том числе элементы уголовного жаргона, стали вполне нейтральными в обыденной речи и в публицистике (*крыша*, *разборка*, *ствол*).

Границы словника на вертикальной — хронологической — оси определяются теми же критериями употребительности («видимый и слышимый» язык).

Лексика прошедших эпох, в целом не отражающая массового языкового сознания современников, тем не менее не вся мертва, и та ее часть, которая так или иначе принимает участие в современной языковой жизни, будет отражена в словнике.

Прежде всего это архаизмы, которые по своим семантическим или стилистическим потенциалам могут быть уместны и употребительны в современной стилизованной речи (*агнец*, *адюльтер*, *аки*, *алкать*, *амбрэ*, *анафемский*, *анахорет*, *ангажемент*, *ладья*), и устаревавшая лексика, находящаяся на пути к архаизации, вышедшая из активного употребления, но еще используемая в речи лиц старшего поколения (*барышня*, *бранить*, *благовоспитанный*, *гневаться*, *жалованье*, *чинный*).

Историзмы — слова, обозначающие реалии прошедших эпох, — входят в состав современного языка в той мере, в какой они известны современникам из культурного контекста. К традиционным историзмам, обозначающим реалии отдаленных времен (*боярин, камзол, кольчуга, карета, кирасир, салон*), примыкают лексические пласты, отражающие реалии и категории близкой по времени, но ушедшей советской эпохи — так называемые советизмы⁵⁰. Этот разряд составляют, во-первых, слова, связанные с коммунистической идеологией (*агитпункт, доска почета, загнивание капитализма, идейно-воспитательный, маяки производства, партвзыскание, пятилетка, соцлагерь, соцреализм*), и, во-вторых, слова, возникшие как реакция на эту идеологию (*невъездной, самиздат, спецсхушка, подписант, отсидент, тамиздат*). Эта лексика будет сопровождаться комментарием «В советск. время».

Большие лексические массивы, еще несколько десятилетий назад относимые к историзмам и помечаемые в словарях комментариями «В старину», «В доревол. России», «В буржуазном обществе» и т. п., теперь вернувшиеся с периферии общественного языкового сознания в активное употребление вместе с возвратом обозначаемых ими реалий и явлений, будут описаны в одном ряду с современной лексикой (*акциз, атаман, аудитор, гильдия, гимназия, градоначальник, лицей, губернатор, гувернёр, думец, казна, казнокрад, казнокрадство, костоправ, казачество, кадетский корпус, меценат, приют, прислуга, чиновник*). Подобным образом снимаются комментарии («В буржуазном обществе», «В капиталистических странах») при словах, в недавнем прошлом стойко ассоциировавшихся с категориями чуждого мира и обозначающих теперь реалии, соотносимые с российской действительностью (*инфляция, мафия, коррупция, многопартийность, стачка, забастовка, стачком, немущий, безработица, бизнес, бизнесмен, капитал, банкир*). Сюда же относятся широко распространенные в современной России наименования реалий и явлений, заимствованных из социального устройства зарубежных стран (*мэр, мэрия, парламент, муниципалитет, офис, фермер*).

На другом полюсе хронологической оси находятся неологизмы. Под неологизмами в лексикографии принято понимать слова, еще не зафиксированные в толковой лексикографии, либо представленные в специальных словарях новых слов⁵¹. Словарь смелее, чем предшествующие лексикографические издания, включает в свой состав неологизмы, в том числе абсолютно новые слова.

⁵⁰ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка свдении. СПб., 1998.

⁵¹ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Ю.С. Сорокина и Н.З. Котеловой. М., 1971; Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984; Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. М., 1997; Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.

Значительную часть неологизмов составляют обозначения новых реалий в сферах общественной, политической, культурной жизни и быта (*астромедицина, агро-гриль, бизнес-ланч, биоопасный, биотуалет, бифидобактерии, бифидок, бифидокефир, бодибилдинг, бутик, геронтология, лифтинг, ноосфера, остеопатия, пиллинг, полтергейст, ракетир, рокер, спецназ, спонсор, телекинез, телекс, уфология, футурология, шахид, шахидка, ювенология*). Многие неологизмы быстро осваиваются языком и дают целые пучки новых слов уже на русской основе (*пиар-акция, пиар-история, пиар-кампания, пиаровский, пиарщик, спонсировать, спонсорский, спонсорство*). Другая часть массива неологизмов создается за счет словообразования, включая словосложение, аббревиацию и семантическое стяжение (*аппаратчик, биополе, биостимулятор, биоэнергетический, варенка, джинсовка, зашлакованный, казарменно-лозунговый, командно-бюрократический, противоастматический, разукрупнение, рекордизм, робототехника, спецназовский, спецназовец, спид, фитосборы, флорист, экологизация, экологизировать*)⁵².

В числе неологизмов описан большой массив заимствований: исходных (*ноутбук, холдинг, мейнстрим, папарацци, прайс, промоутер, сайт, секьюрити, сиквел, сингл, слоган, спичрайтер, тамагочи, транш, киллер, имидж, эксклюзив, электорат*), сложно-составных (*веб-дизайн, поп-корн пресс-релиз, ток-шоу*) и производных, образованных по русским словообразовательным моделям и расцениваемых как принадлежность лексической системы русского языка (*он-лайнный, пиарщик, пиарить, спонсорство, холдинговый*). Вполне понятно, что наряду с новыми и новейшими Словарь описывает и старые, освоенные русским языком («обрусевшие») заимствования (*бордо, декольте, компромисс, профан*). Заимствования — важнейший, если не основной, то, во всяком случае, наиболее очевидный источник новой лексики вообще⁵³. Массовый характер новейших заимствований стал общепризнанным фактом, как бы его ни оценивали лингвисты и носители языка — известно, что часто эти оценки носят крайне негативный характер. Молодое (в меньшей степени старшее) поколение освоило обширный массив компьютерной и сетевой терминологии, почти полностью состоящей из английских слов, часто в русских текстах сохраняющих написание латиницей (*BBS, off-line, E-mail, HI-FI, PR, Web*). Подобные слова, вошедшие в язык и освоенные средним носителем, нельзя не считать фактом современного русского языка еще и потому, что они, формируя обширные ряды производных, уже включены в словообразовательную систему русского языка (*веб-адрес, веб-дизайн, веб-конференция, веб-обозреватель, веб-приложение,*

⁵² Условия стилистической симметрии как будто предполагают помету *Нов.* для неологизмов, как это было сделано в словаре под ред. Д.Н. Ушакова. Однако тогда была другая ситуация: неологизмы обозначали реалии нового общественного устройства, они легко вычленились и сохраняли свой статус нового в языке слова. Современная ситуация предполагает стремительное вхождение большого массива неологизмов и их столь же стремительную адаптацию в языке. Даже в процессе создания Словаря многие неологизмы настолько были освоены, что перестали восприниматься общественным языковым сознанием как таковые. По этой причине помета *Нов.* в Словаре не применяется.

⁵³ Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994; Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; Крысин Л.П. 1000 новых иноязычных слов. М., 2009.

веб-сервер; пиарить, пиаровец, пиаровский, пиарщик и т. д.). Особое место занимают слова, функционирующие в комплексном написании — «слова-кентавры», по удачному определению Л.П. Крысина (*PR-бизнес, VIP-клиент, web-адрес*). Этот лингвистический материал, как нам представляется, чрезвычайно важен для описания современного языкового сознания и современной языковой практики, так как дает возможность «схватить» момент соприкосновения двух языковых систем и зафиксировать самый первый шаг на пути заимствования слова. Функционирующие в современном русском языке чужеродные лексические единицы (в написании латиницей и в комплексном написании) уже были лексикографически разработаны⁵⁴, и этот опыт получил одобрение и поддержку пользователей и рецензентов.

В приложении к Словарю будут помещены заимствования, функционирующие в русском языке в написании латиницей (*CD, CD-ROM, Hi-Fi, IBM, Web, off-line, PR, VIP*).

Отдаленную периферию словника составляет ограниченно представленная диалектная лексика. Традиционная для русских словарей «территориальная характеристика лексики» имеет совершенно условный характер, поскольку помета *Обл.* на современной стадии развития русского языка приобретает не территориальное, а социальное и нормативное значение, маркируя лексику, которая в норме не употребляется в речи носителей стандартного языка, имеет другую, чем у носителей нормированного языка, социальную базу и находится за пределами нормы. Тем не менее, характер отношения литературного языка и диалектов сложен и противоречив, и нельзя не признать, что не только современные диалекты испытывают активное воздействие литературного языка, но в какой-то мере и сами влияют на литературный язык через художественную литературу и (в меньшей степени) через речь лиц, владеющих стандартным языком и живущих в диалектном окружении.

Диалектизмы в чистом виде — это дубликаты к словам стандартного языка. Такая лексика широко представлена в так называемой «деревенской» прозе и не может остаться за пределами Словаря (*баз* ‘двор’, *баско* ‘хорошо’, *баять* ‘говорить’, *‘векша*’ ‘белка’, *вечерять* ‘ужинать’, *водиться* ‘нянчить ребенка’, *вышка* ‘чердак’, *клюдка* ‘кочерга’, *ограда* ‘двор’, *угор* ‘пригорок’, *тал* ‘верба’, *увал* ‘крутой склон’).

К областной лексике примыкает (и генетически непосредственно исходит из нее) так называемый полудиалект или традиционное внелитературное просторечие — наддиалектные формы нелитературной речи, относящиеся к особому диалектному субстрату современной городской речи (Л.И. Баранникова). Полудиалект имеет особую социальную базу (малообразованные горожане, не до конца оторвавшиеся от диалекта) и выраженные лингвистические отличия от литературного языка: лексические (*выпростать, гоношить, гугнивый, зариться, трафить*), структурные (*вдарить, обвыкнуться, оглупеть, опачкать, помереть, припоздать, упредить; игратьсь, постираться, стареться; вскорости, всплошную, вчерась, напрямки, окромя,*

---

⁵⁴ См.: Толковый словарь русского языка конца XX века (1998); Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия (2001).

попервоначалу, теперича); номинативно-структурные (*женыхаться, недоросток, оголодать, первинка, припоздниться, уполовинить*).

Все полудиалектные слова воспринимаются носителями стандартного языка как неправильные, нарушающие нормированную речь и свидетельствующие о невладении нормой, они и в рамках прежней стилистической стратификации квалифицировались как внелитературное просторечие.

Социальные и лингвистические различия между диалектом и полудиалектом дают основания для их стилистической дифференциации. Однако в аспекте нормативной лексикографии и с позиции нормативной оценки эти различия утрачивают категориальное значение. По этой причине (а также учитывая малый процент диалектной и полудиалектной лексики в словнике Словаря) весь массив диалектной и полудиалектной лексики может быть обобщенно представлен в единстве — как совокупность лексических средств, сохраняющих как локальные диалектные черты, так и размытые, отражающие опосредованную связь с диалектом.

Формирование словника фундаментального толкового словаря в наше время осложняется тем обстоятельством, что еще не вполне установился бурный языковой динамизм, связанный с потоками новой, не успевающей адаптироваться лексики, с перемещением целых лексических пластов и массивов, с ломкой аксиологических представлений. Были учтены языковые инновации последних десятилетий, детально описанные в лингвистической литературе⁵⁵.

---

⁵⁵ *Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и Материалы почтовой дискуссии. М., 1991; *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. М., 1991; *Складарская Г.Н.* Состояние современного русского языка: взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Т. 1. М., 1991; *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994; *Ферм Л.* Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994; *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995; *Складарская Г.Н.* Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996; *Земская Е.А.* Лингвистическая мозаика: Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX века // Оценка в современном русском языке. Helsinki, 1997; Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Коллективная монография / Отв. редактор Е.А. Земская. М., 1996. Разделы: Введение; гл. 3. Активные процессы современного словопроизводства; *Купина Н.А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999; *Шапошников В.* Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998; *Шаховский В.И.* Голос эмоции в русском политическом дискурсе // Политический дискурс в России—2: Материалы рабочего совещания 29 марта 1998 г. Институт языкознания РАН. М., 1998; *Дуличенко А.Д.* Этносоциolingвистика «перестройки» в СССР: Антология запечатленного времени. München: Sagner, 1999; *Сиротинина О.Б.* Современный публицистический стиль русского языка // Русистика. 1999. № 1/2; Активные языковые процессы конца XX века: Тезисы докл. международной конф. IV Шмелевские чтения. 23–25 февраля 2000 г. М., 2000; Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Сб. статей. Екатеринбург, 2000; *Складарская Г.Н.* Введение. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складарской. М., 2001; *она же.* Слово в меняющемся мире. Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. 2001. Вып. 6. Сеул, 2001; Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003.

Языковые инновации, лексикографически «схваченные» в словарях, специально посвященных проблемам лексикографической интерпретации динамических языковых процессов конца XX столетия⁵⁶, представляют собой одну из самых характерных особенностей и в то же время трудностей этого словаря, поскольку отражающая их лексика должна быть описана в одном ряду с другими лексическими единицами неизбежно как статический объект.

На формирование словника, как в любом словаре, определенным образом влияет решение проблемы омонимии.

В Словаре без исторической перспективы, каким является обсуждаемый словарь, ориентированном на языковое сознание современников и показывающем лексику прошедших эпох только как семантическую или стилистическую принадлежность эпохи современной, более широко, чем в других фундаментальных словарях, таких, как БАС (также БАС-2 и БАС-3) и МАС, представлена омонимия.

Расширение сочетаемостных потенциалов слова (что по существу означает его обращение к новым объектам действительности) приводит к омонимии, то есть к возникновению новых лексических единиц, новых единиц словника.

Как омонимы традиционно рассматриваются слова, имеющие различный источник происхождения в русском языке:

н'ота¹, *ы, ж.* [*<* лат. *nota* знак] 1. Условный знак, изображающий музыкальный звук; сам звук.

2. только *мн.* Графически изображенный текст музыкального произведения..

3. Перен. Отенок, тон речи.

н'ота², *ы, ж.* [*<* лат. *nota* замечание] Дипломатический документ, письменное обращение одного государства к другому по вопросам международной политики.

н'ота³, *ы, ж.* Составная часть искусственных запахов.

Помимо этого, в Словаре описываются как омонимы слова, имеющие общее происхождение, однако вследствие семантического развития распавшиеся на не связанные между собой семантические общности. В этом случае критерием наличия омонимов в лексической системе на современном этапе развития являются разные означаемые, т. е. «омонимией признаются все случаи, когда формально тождественные слова соотносятся между собой в плане содержания таким образом, что ни одно из значений слова не связано отношениями деривации ни с одним из значений другого»⁵⁷. Основным критерием выделения омонимов становится отнесенность их к разным функциональным, стилистическим и семантическим разрядам, реализуемая в их словообразовательных связях и синтаксической сочетаемости: «При изучении омонимии в системе живого языка центральными вопросами являются: вопрос об основных законах и правилах объединения и сцепления значений в смысловой структуре слов разных типов, слов разных грамматико-семантических категорий и вопрос о закономерности взаимодействий и соотношений активных семан-

⁵⁶ Толковый словарь русского языка конца XX века (1998); Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия (2001).

⁵⁷ Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, 1990. С. 49.

тических групп («рядов», «полей») словарного состава общенационального языка с разными системами профессиональной и научно-технической терминологии, а также областной и жаргонной лексики»⁵⁸.

Примеры омонимии в Словаре:

библиот'ека¹, и (мн. род. т'ек, дат. т'екам), ж. 1. Учреждение, в котором хранятся и выдаются для чтения печатные издания и рукописи; здание, помещение такого учреждения. <..>

2. Собрание книг, рукописей. <..>

3. Серия книг одной тематики, жанра, назначения. <..>

библиот'ека², и (мн. род. т'ек, дат. т'екам), ж. В информатике. 1. Специальным образом организованный набор данных, содержащий информацию, каждый элемент которой может быть извлечен по имени.

б'изнес-класс¹, а, м. Специальный класс финансово-экономической ориентации, в программу обучения которого входят маркетинг, бухгалтерский учет, делопроизводство и т. п.

б'изнес-класс², а, только ед., м. Места высшего разряда в самолете, поезде и т. п., обычно используемые бизнесменами.

б'изнес-класс³, а, только ед., м. Разряд в классификации технических устройств, свидетельствующий об их высоком качестве, гарантирующем возможность профессионального применения.

Как омонимы разрабатываются слова, представляющие разные части речи, в том числе и служебные:

онл'айн¹ и **он-л'айн**¹, нареч. 1. В информатике. В режиме реального времени. <..>

2. Посредством электронной сети. <..>

онл'айн² и **он-л'айн**², нескл. и а, м. 1. Часть Интернета, действующая в режиме реального времени. <..>

2. Информационное пространство Интернета как автономное от реального мира. <..>

онл'айн³ и **он-л'айн**³, неизм. = Он-лайнный. <..>

втор'ое¹, 'ого, ср. Горячее блюдо, обычно подаваемое в обед за первым — супом.

втор'ое², вводн. = Во-вторых.

Единицей описания Словаря является не только слово, но и устойчивое сочетание слов, поэтому омонимы выделяются также на уровне устойчивых сочетаний:

б'изнес .. Δ Сетевой бизнес¹ (= Электронный бизнес). <..> Δ Сетевой бизнес² (основанный на сетевом маркетинге).

корреспонд'ентский .. Δ Корреспондентская сеть¹ (объединение корреспондентов средств массовой информации региона). .. Δ Корреспондентская сеть² Фин. (совокупность банков-корреспондентов, осуществляющих платежи и расчеты по поручению друг друга).

⁵⁸ Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 290.

Таковы идеи и соображения, касающиеся качественного состава словника. По количеству описываемых слов по предварительным подсчетам он должен превысить 150 000 единиц.

Словарь задуман не как справочное пособие с более или менее жестким отбором описываемых единиц, а как полное, близкое к тезаурусному, описание самых широких слоев живого (функционирующего) русского языка, поэтому формирование эмпирической базы Словаря потребовало пересмотра типов источников.

В качестве основной эмпирической базы Словаря был сформирован и постоянно пополняется «Фонд современного русского языка», рассчитанный на максимально широкий охват лексического материала и на настоящий момент имеющий общий объем более 20 млн. словоупотреблений. Корпус текстов формируется за счет как традиционных для русской лексикографии (художественная литература, публицистика, популярная научная литература), так и нетрадиционных источников (переводная литература, газеты, специальные терминологические словари, информационные тексты «малых жанров» и рекламы, живая речь радио и телевидения). Помимо этого, к формированию словника и корпуса примеров привлекаются материалы, представленные в средствах массовой информации и на сайтах Интернета, а также данные современных толковых и отраслевых словарей русского языка.

В идеале совокупность текстов, составляющих картотеку, должна репрезентировать «речь в целом» и служить базой лингвистической модели⁵⁹. Однако, как это признают сами авторы данной концепции, такая совокупность текстов «настолько сложна, что в настоящее время ее невозможно задать никакой статистической выборкой» (там же); поэтому лексикограф, полагая, что описывает лексическую систему, в действительности описывает тексты отобранных им источников.

В связи с этим вопрос о хронологических границах и типах источников приобретает особую значимость.

Совершенно очевидно, что материалом словаря стандартного языка может быть только обработанная речь, т. е. такая, которая ставит своей целью семантизировать высказывание независимо от ее устной или письменной формы (известно, что в спонтанной речи семантизация в значительной мере происходит за счет знания ситуации и владения темой разговора, а также дополняется жестами и мимикой).

Избранный принцип отражения языкового сознания современников заставляет перенести обсуждение источников из области хронологии в область их типологии. Иными словами, круг источников словаря должны составить тексты, формирующие языковое сознание современников, независимо от того, являются ли они остро-современными (В. Пелевин, Т. Толстая, Викт. Ерофеев, В. Кунин, А. Покровский, Л. Улицкая, Л. Успенская, Б. Акунин, А. Маринина, В. Коровин и др.) или написаны в прошедшие десятилетия, но по идеологическим соображениям прежде недоступные, а в настоящее время активно читаемые: эмигрантская проза (Е. Замятин, В. Набоков, А. Ремизов), долгие годы не издававшаяся диссидентская литература

---

⁵⁹ Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии. С. 281.

(Б. Пильняк, М. Булгаков, А. Платонов, А. Солженицын, В. Аксенов, В. Войнович, Г. Светов, В. Буковский, Вен. Ерофеев, С. Довлатов), а также тексты классической литературы, не противоречащие современному языковому сознанию. В связи с этим отмечу один, на первый взгляд, поразительный, но, как оказалось, закономерный факт: самым цитируемым автором (в особых случаях Словарь наряду с предложениями допускает короткую, семантически емкую и широко известную цитату) является А.С. Пушкин: *Вот бегают дворовый мальчик; По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит; Раздайтесь, вакхальны припевы!*; *Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой*; *В его душе желанье дремлет*; *Обряд известный угощенья*; *Двуногих тварей миллионы*; *Псаря в охотничьих уборах* и множество других.

В эмпирическую базу Словаря входят также материалы киносценариев и пьес как источник разговорной лексики и жаргонов. Обширные лексические материалы, в том числе записи разговорной речи, заимствуются также из научной лингвистической литературы⁶⁰ и текстов диссертаций соответствующей тематики. Широко представлена публицистика, популярная научная литература, популярная религиозная литература, мемуары.

Что касается нетрадиционных для русской лексикографии источников, то к ним отнесены переводная литература разных жанров, газеты, популярные книги религиозной тематики, разного рода специальные терминологические словари, преимущественно тех областей знаний, которые вышли за пределы узких специальностей, расширили свою социальную базу и стали достоянием широких слоев носителей языка⁶¹. В качестве нетрадиционных источников широко используются также своего рода «малые жанры» информационных текстов: торговые справочники, содержащие образцы описания различных товаров и услуг, ценники, аннотации, паспорта, вкладыши, инструкции различных приборов, устройств, предметов быта, тексты рекламы и объявлений и т. п. — эти необычные для лексикографии тексты «поставляют» лексику, известную всем и широко используемую, однако не описанную в толковой лексикографии в силу замкнутости и закрытости соответствующих письменных источников. Перечисленные виды текстов оказываются уникальным и незаменимым источником пополнения словаря в самом широком лексическом диапазоне: от бытовизмов (*сырница, сбивалка для крема, толкушка, шампиньонница*) до новейшей терминологии (*бодибилдинг, валеология, дискаунт, он-лайн, опцион, синергизм, хостинг*).

Следующим важным нетрадиционным источником Словаря можно назвать речь радио- и телевизионных передач. Ценность этого источника в том, что он играет чрезвычайно важную роль в формировании языкового сознания общества, ежедневно

---

⁶⁰ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994; Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Коллективная монография / Под ред. Е.А. Земской. М., 1996; Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003.

⁶¹ Рыночная экономика. Словарь / Под общей ред. Г.А. Гипермана. Изд. 2-е, доп. М., 1995; Краткий словарь современных понятий и терминов. Изд. 3-е, доработ. и доп. М., 2000; Ваулина Е.Ю. Мой компьютер. Толковый словарь. М., 2003.

погружая его в единую для всех языковую среду, вбирающую в себя в разных типах передач все разнообразие речевых жанров и лексических сфер. Не менее актуально для лексикографии использование радио и телевидения в качестве источника разговорной лексики, причем этот источник предпочтительнее записей живой речи. Живой диалог, как известно, полон недомолвок, умолчаний, эллипсисов, местоименных, междометных и тестовых подмен и часто предполагает косвенное понимание. В отличие от живого диалога, речь радио- и телевизионных интервью и бесед, даже будучи неподготовленной, всегда ориентирована (если не самим говорящим, то журналистом) на семантизацию высказывания и потому пригодна для контекстного анализа и информативна в лексикографическом отношении.

Переориентировав таким образом принципы выборки, можно надежно обеспечить расширение словаря.

Одна из особенностей данного Словаря связана с интерпретацией семантики.

Поскольку семантическое развитие слова связано с расширением его сочетаемости, в Словаре чрезвычайно широко представлена новая, часто неожиданная для традиционного восприятия лексическая и синтаксическая сочетаемость, которая убедительно демонстрирует формирование новых для русского языка значений, а в некоторых случаях и слов (имеются в виду случаи омонимии). Чем дальше отход от типовой узуальной сочетаемости, тем больше возможности семантического развития. Слово, обращенное к другому объекту мира, меняет свою семантику, одновременно меняя для говорящих сам фрагмент языковой картины мира. Таким образом, Словарь представляет сочетаемость как основу семантической деривации.

Например, слово **информационный** до недавнего времени занимало весьма скромное и незаметное место в лексической системе русского языка, выполняя функции относительного прилагательного от существительного **информация**, и в БАС истолковывалось как 'относящийся к информации; осведомительный'⁶².

В языке наших дней сочетаемостные, а следовательно, и семантические потенции этого слова расширяются, выходя за пределы традиционных, привычных. Актуализация обоих значений существительного **информация** повлекла за собой стремительное расширение сочетаемости соответствующего прилагательного **информационный** и образования серии устойчивых терминологических сочетаний. К первому значению этого прилагательного, соотносимого со значением существительного **информация** ('сведения, факты о ком-, чем-л.; сообщение о фактах, событиях'), относятся такие свободные словосочетания, как *информационная деятельность телевидения, информационное сообщение, информационная программа, информационное агентство, радио, информационное обеспечение, информационная связь, информационный поток* и устойчивые терминологические сочетания: Δ Информационная блокада. Δ Информационный взрыв. Δ Информационная война. Δ Информационное поле. Δ Информационное пространство.

Второй лексико-семантический вариант рассматриваемого прилагательного, соотносимый со значением существительного **информация** ('В информатике. Со-

⁶² Словарь современного русского литературного языка АН СССР: В 17-ти т. Т. 5. С. 418.

вокупность сведений как объект хранения, переработки и передачи'), реализуется и функционирует в свободных словосочетаниях *информационный банк данных, информационная база, информационный центр* и в терминологических сочетаниях: Δ Информационная зависимость. Δ Информационное общество. Δ Информационная сеть. Δ Информационная система. Δ Информационная технология.

Подобные процессы коснулись таких слов, как *адрес, валютный, внешний, внутренний, партия, собственность, экологический, великий, гуманитарный, диссидент, икона, информационный, рублевый, рынок, демократ, террор, правовой, правозащитник, посмертный, гуманитарный, экология, западник, ликвидатор, компания* и многих других.

Расширение сочетаемостных потенций слова, что по существу означает его обращение к новым объектам действительности, приводит к омонимии. Таким образом в русский язык вошло значительное количество новых слов, в их числе слово *библиотека*²:

библиот'ека², и, ж. В информатике. Специальным образом организованный набор данных, содержащий информацию, каждый элемент которой может быть извлечен по имени. Δ Электронная библиотека (собрание на сайте файлов с материалами, как правило, определенной тематики, доступных пользователям Интернета).

Другой аспект семантического развития связан с процессами современного языкового возрождения. В Словаре будет представлено исправление семантических трансформаций, подмен и искажений советского времени, изменение аксиологической ориентации таких слов, как *социальная защита, интеллигент, космополит, собственник, правозащитник, оппозиция, милостыня, благотворительность, праведник*.

Слово **правозащитник** (ср.⁶³: Тот, кто защищает чьи-л. гражданские права) в обсуждаемом Словаре истолковывается с большей определенностью: 'участник правозащитного движения; тот, кто защищает права человека, оказывает помощь тем людям, чьи права были нарушены'.

Слово **диссидент** (ср. в⁶⁴: *устар.* Тот, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания; вероотступник) на основании современных материалов разрабатывается следующим образом: 1. *Рел.* Верующий, отступающий от официального религиозного учения или не подчиняющийся церковной дисциплине. 2. В советск. время: тот, кто не разделял коммунистической идеологии, противостоял существующему режиму и подвергался за это преследованиям и репрессиям.

В современном процессе языкового возрождения важнейшую роль играет судьба лексики православной церковной культуры, восстановление ее истинного статуса в лексической системе, возвращение ее в реальное языковое употребление. Характерно, что в 70-е годы в Словаре синонимов русского языка под ред. А.П. Евгенева

---

⁶³ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.

⁶⁴ Словарь русского языка АН СССР: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1981.

ньевой весь синонимический ряд *Бог, Господь, Создатель, Творец* (показательно, что все слова ряда были написаны со строчных букв) получает в толковании выразительный семантический конкретизатор: «Все эти слова, обозначающие бога в христианской религии, в соврем[енной] разговорно-литературной речи утратили свое первоначальное значение и употр[ебляются] в устойчивых оборотах, выражающих различные эмоции (удивление, возмущение, страх и т. д.)»⁶⁵.

Это наследие советской лексикографии оказалось очень долговременным. В новых и новейших словарях уже постсоветского времени находим искажения значений многих слов, связанных с религией, таких как *бессмертный, посмертный, апостол*, названий православных праздников и т. п.

Например, в слове **посмертный** в Словаре разрабатывается актуализовавшееся старое значение: ‘Относящийся к проявлениям человека после его физической смерти’. *Посмертное состояние. Посмертное существование. Прижизненные и посмертные чудотворения святого* (ср.: ‘Осуществляемый или возникший после смерти (о чем-н., относящемся к деятельности умершего)’. *Посмертное издание сочинений. Награжден посмертно. Посмертная слава*⁶⁶).

В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что ни в одном словаре русского языка XX века нет слова **окормлять** (‘осуществлять духовное попечение, духовное руководство’) – есть только соотносительная видовая пара **окормить/окармливать** в значениях 1) ‘накормить в большом количестве, обкормить’; 2) ‘отравить вредным кормом’.

Таковы основные особенности Словаря в области семантики.

Вторая его лексикографическая особенность — показ функционирования языка (собственно говоря, его «живой» характер). Это достигается прежде всего тем, что при каждом лексико-семантическом варианте слова используется обилие разнообразных типовых речений, которые понимаются как минимальный контекст, отражающий соответствующую жизненную ситуацию, и служат не только традиционной лексикографической цели иллюстрирования значения слова, но и новым целям — демонстрируют жизнь слова в языковой реальности и дают фактологические, культурные, страноведческие и другие сведения о самом денотате.

В качестве примера рассмотрим прилагательное **экологический**:

Экологический, ая, ое.⁶⁷

1. Относящийся к экологии (1 зн.), связанный с ней.

Э. термин. Экологические данные. Экологические исследования. Экологические знания. < Экологическая статья. Э. журнал. < Э. университет. Экологическое отделение географического факультета. Экологическое общество. Швейцарская Международная экологическая академия. Экологические организации ООН. Экологическая лаборатория. < Экологическая конференция. Экологическое совещание. Экологическая экспедиция. < Э. аспект космонавтики. < Экологическая оценка излучений. Эко-

⁶⁵ Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970. Т. 1. С. 75.

⁶⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

⁶⁷ Заголовочное слово, данное в примерах в исходной форме, приводится в сокращении первой буквой; знак < (угол) обозначает семантический сдвиг.

логическое обоснование строительства дамбы. Экологическое прогнозирование. Экологическая экспертиза. < Экологическое сознание. Экологическое мировоззрение. Экологическое образование. Экологическое просвещение.

2. Относящийся к экологии (2 зн.), связанный с ней; отражающий состояние окружающей среды. *Экологическая обстановка в городе. Экологические условия. Экологическая ситуация. Экологические связи, отношения, факторы. < Э. кризис. Э. сдвиг. Э. ущерб. Экологическая опасность. Экологическая гибель района. Зона экологического бедствия. < Экологическая защита населения. Экологическая безопасность < Э. справочник. Экологическая карта района. < Экологическое богатство. < Экологические нормы. < Экологические новости.*

3. Направленный на поддержание устойчивости экологии (2 зн.); связанный с борьбой за чистоту окружающей среды.

Э. контроль. Экологические нормативы. < Экологическая комиссия. Научно-производственная экологическая лаборатория обеззараживания. Экологическая ассоциация женщин. Экологическое движение. Экологические организации. < Экологические лозунги. Экологические требования. Э. субботник. Экологическая забастовка. < Экологическое воспитание молодежи. Экологическая дисциплина. < Экологический фонд города.

Третья особенность Словаря — использование разветвленной и разноаспектной системы стилистических характеристик, которые так же, как и многочисленные примеры употребления слова, способствуют показу его функционирования.

Принципы и методы лексикографической стилистики могут быть подразделены на общие, универсальные, не зависящие от типа словаря, касающиеся способов отражения в словаре стилистической стратификации лексики, и уникальные, конкретные, или частные, приложимые к тому или иному словарю и определяемые его основными параметрами.

Универсальные принципы лексикографической стилистики могут быть сведены к следующим:

1) стилистика является сугубо синхронической наукой (Ш. Балли), и система недвусмысленных и точных стилистических квалификаций может быть осуществлена только в словаре, ориентированном на синхронное состояние лексической системы и описывающем актуальное словоупотребление; что касается словарей, описывающих определенный отрезок языковой эволюции (то есть исторических или содержащих элементы историчности), то их стилистические характеристики неизбежно носят обобщенный, приблизительный и во многом изменчивый характер;

2) общеизвестное положение о неразработанности, противоречивости и непоследовательности словарных стилистических оценок имеет объективные причины, к которым относится прежде всего сложность и многомерность самого стилистического материала, его связь с психическими сферами, и потому неизбежен субъективизм и сопротивление унификации и стандартизации;

3) стилистическое описание лексики, как и все другие сферы лексикографирования, должно опираться на принципы унификации и стандартизации; вместе с тем необходимо, учитывая специфику материала, признать, что абсолютная унификация в области стилистических характеристик невозможна;

4) необходимо стремиться к преодолению принятого и признанного сейчас интуитивного принципа стилистических квалификаций, что может осуществляться двумя путями: эмпирическим (поиски формальных признаков разных стилистических разрядов) и теоретическим (обращение к материалам стилистических исследований и к их достижениям);

5) в стилистических дифференциациях следует признать несостоятельность «количественного» принципа (по степени экспрессии, по степени освоения литературным языком и т. п.) и искать «качественные» критерии, основу которых составит противопоставление комплексов признаков, принадлежащих разным стилистическим рядам и воспринимаемых по контрасту друг с другом, при этом стилистические признаки могут быть выделены только путем идентификации разных лексических разрядов, обладающих разными, часто контрастными, свойствами;

6) сложность стилистической обработки материала в Словаре обусловлена тем, что стилистические разряды и группировки слов не образуют линейного ряда, но перекрещиваются и взаимодействуют друг с другом. Это значит, что невозможно выстроить парадигму стилистических помет — каждая из них одновременно отражает и функциональную приуроченность, и место на стилистической шкале: так, «книжное» — более «высокое», чем «разговорное», не соотносимо с «диалектным», противопоставлено «жаргонному» и т. д.;

7) в каждом конкретном случае функционально-стилистическая характеристика отражает влияние на слово разнохарактерных и разнонаправленных факторов: его социального статуса и сферы функционирования, степени новизны и традиционности, территориального членения, собственно стилистической окраски (расположение на шкале «высокое/низкое», с одной стороны, и место в ряду стилистических языковых средств, с другой); имеют значение также устойчивые эмоционально-оценочные наслоения и экспрессивные качества; на стилистическое «поведение» слова влияют, кроме того, и более частные факторы, такие как своеобразие семантики, предметная отнесенность, словообразовательная структура и т. д.

Таковы представленные суммарно положения, общие для любого словаря, который так или иначе ставит перед собой задачу стилистического описания лексики.

В Словаре используется разноуровневый и разноаспектный набор функциональных и стилистических помет, которые имеют тройную лексикографическую нагрузку: 1) служат цели отражения функциональной и стилистической стратификации лексики; 2) выполняют кодифицирующую и нормализаторскую функцию Словаря; 3) являются другим (наряду с массивом иллюстраций-речений) средством показа функционирования языка⁶⁸. Функциональные и стилистические пометы сгруппированы по разным параметрам характеристик (с учетом условного характера таких группировок). В этом наборе помет отсутствует традиционная для русской лекси-

---

⁶⁸ Принципы и способы стилистической характеристики подробно изложены в работах: *Скляревская Г.Н.* Новый академический словарь. Проспект. СПб., 1994. С. 30–47; *она же.* Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб., 2004. С. 27–37.

кографии помета *Прост.*, которая теоретически объединяет разные, часто противоположные по своим стилистическим свойствам лексические разряды, а на практике приводит к крайней неупорядоченности стилистической квалификации (подробная аргументация этого положения изложена в специальных исследованиях автора⁶⁹).

В Словаре стилистические и функциональные пометы распределены по следующим группам характеристик:

I. В аспекте социально-функциональной характеристики (пометы *Книжн.*, *Офиц.*, *Публ.*, *Разг.*, *Проф.*, *Жарг.*, *Детск.*, также специальные пометы, показывающие сферу профессиональной приуроченности термина: *Астрон.*, *Биол.*, *Бот.*, *Зоол.*, *Мед.*, *Парапсихол.*, *Психол.*, *Полит.*, *Рел.*, *Уфол.*, *Фин.*, *Экон.* — подобным образом маркируется лексика всех описываемых в Словаре сфер деятельности, имеющих свои терминосистемы: анатомии, археологии, архитектуры, бухгалтерского дела, ветеринарии, военного дела, географии, геодезии, геологии, гидрологии, горного дела, дипломатии, кинематографии, криминалистики, кулинарии, лингвистики, метеорологии, морского дела, педагогики и т. д.).

II. В аспекте хронологической характеристики (пометы *Устар.*, *Устаревающее*).

III. В аспекте территориальной характеристики (которая в словаре современно-го языка по существу выполняет функцию социальной характеристики применяется помета *Обл.*).

IV. В аспекте собственно нормативной характеристики (помета *Неправ.*).

V. В аспекте жанрово-стилистической характеристики (собственно стилистические пометы *Высок.*, *Сниж.*, *Вульг.* и жанровые *Нар.-поэт.* — народно-поэтическое, *Трад.-лит.* — традиционно-литературное, *Трад.-нар.* — традиционно-народное).

VI. В аспекте коннотативной характеристики (пометы *Бран.*, *Ласк.*, *Насмешл.*, *Неодобр.*, *Одобрит.*, *Пренебр.*, *Презрит.*, *Шутл.* и др.).

Несколько слов следует сказать о помете *Неправ.* Вся лексикографическая информация словаря (факт включения/невключения того или иного слова в словник, грамматическая характеристика, описание семантики, акцентологические сведения и т. д.) выполняет нормализующую функцию, утверждает литературную норму, показывая, где это необходимо, ее варианты. Поэтому дополнительные нормализаторские сведения в виде помет и указаний как будто бы представляются избыточными.

Тем не менее, поскольку связь между системой и нормой носит противоречивый характер, в речевой практике постоянно наблюдаются несоответствия между знанием системы (возможности функционирования) и нормы (традиционной реализации). Подтверждением этого являются частые «системные» образования, противоречащие норме, так как системой подсказывается не только правильное, но и неправильное. Языковые ошибки закономерны, так как они объясняются аналогиями имеющихся в системе форм. Отсюда огромная важность описания «отрицательного языкового материала», который служит источником не только нарушения, но и

---

⁶⁹ Скляревская Г.Н. Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // Вопросы языкознания. 1988, № 3; она же. Новый академический словарь. Проспект. СПб., 1994.

изменения нормы и таким образом участвует в формировании языковой системы (Л.В. Щерба). Поскольку Словарь по своим теоретическим установкам является нормативным, он описывает с соответствующей квалификацией типовые речевые ошибки и неточности как «отрицательный языковой материал» — для этой цели используется специальная помета запретительного характера *Неправ.* (неправильно), апробированная авторами Словаря в специальных нормативных кратких словарях-справочниках серии «Давайте говорить правильно!»⁷⁰.

Помета *Неправ.* ставится при словах и словоупотреблениях, не поддержанных современной нормой. К ним относятся распространенные диалектизмы (*сродственник*; *влезать, вылезать, слазить* вместо *влезать, вылезать, слезать*); смешения супплетивных форм (*ложить* вместо *класть*); акцентологические ошибки ('*агент, 'алкоголь, дисп'ансер, док'умент, изобр'етение, кат'алог, медик'аменты, намер'ение, н'ачать, некр'олог, пр'инять, приобр'етение, средств'а, угл'убить, ш'офер*); паронимические смешения (*жилой – жилищный, экономический – экономичный*), контаминации (*играть значение* вместо *играть роль*) и т. д.

Некоторая часть стилистических квалификаций имеет спорный характер. Это обусловлено общеизвестными и неоднократно описанными в литературе обстоятельствами: сложностью стилистических и функциональных характеристик, их многоаспектностью и перекрещиваниями, взаимопроникновением стилистических разрядов слов, что связано, в частности, с существованием между ними не границ, а зон, а также неизбежным субъективизмом в восприятии того или иного слова разными людьми (автором и редактором, с одной стороны, читателем и рецензентом, с другой).

В Словаре широко представлена фразеология⁷¹.

Все уровни и все виды работ (от картотеки до редактирования) компьютеризированы, все материалы представлены в электронной форме.

В целях унификации словарных статей разработка «отрезков» Словаря осуществляется не по алфавитному, а по содержательному принципу, необходимость которого давно назрела в русской лексикографии, о чем два десятилетия назад настойчиво говорила Н.Ю. Шведова: «Для того, чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определенными их лексическими группировками»⁷².

⁷⁰ *Склярская Г.Н., Ваулина Е.Ю.* Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004; *Склярская Г.Н., Ткачева И.О.* Давайте говорить правильно! Политический язык современной России. Краткий словарь-справочник. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003; *Вербицкая Л.А., Богданова Н.В., Склярская Г.Н.* Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002; *Склярская Г.Н., Ваулина Е.Ю.* Давайте говорить правильно! Трудности грамматического управления в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002.

⁷¹ Принципы описания фразеологии изложены в Проекте Словаря.

⁷² *Шведова Н.Ю.* Однотомный толковый словарь: специфика жанра и некоторые проблемы дальнейшей работы // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX–X. М., 1981. С. 171.

В соответствии с этим принципом каждый автор-составитель Словаря разрабатывает ту или иную тематическую группу (например, политическая лексика, лексика религий, термины той или иной области знаний, предметы одежды и т. п.), включая словообразовательные дериваты. Если словарная статья включает отсылки (например, при устойчивых словосочетаниях), то автор разрабатывает одновременно и ту часть отсылочного слова, которая соотнесена с основным словом, прилагая эту словарную информацию к своей словарной статье. Такой принцип составления Словаря, помимо необходимой унификации словарных разработок, дает возможность наиболее адекватно представить каждую словарную статью в ее лексикографической всеохватности и парадоксальности — имеются в виду описанные Н.Ю. Шведовой пять парадоксов словарной статьи⁷³.

Отредактированные словарные фрагменты размещаются в файлах на своем алфавитном месте, и таким образом постепенно заполняется все лексикографическое пространство Словаря.

Словарь ставит своей целью лексикографическое исследование и интерпретацию современного русского языка в том виде, в каком он сложился к началу XXI века, в его функциональном разнообразии, с демонстрацией всех форм его функционирования, и должен заполнить одну из лакун современной отечественной лексикографии.

М.И. ЧЕРНЫШЕВА
(Москва, Россия)

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ*

Русская историческая лексикография как самостоятельное филологическое направление в науке складывается во второй половине XIX века¹.

---

⁷³ Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. статей. М., 1988. С. 6–11.

* Работа написана при поддержке гранта РФФИ № 13-04-00093 «Лексикологическое исследование и словарное описание лексики русского языка XI–XVII вв. («у» – «умытник»»)» (руководитель М.И. Чернышева) и гранта по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» — проект «Русская историческая лексикография как способ описания культурно-языковой эволюции восточных славян в эпоху Средневековья» (руководитель Р.Н. Кривко).

¹ Здесь не разбираются попытки нефилологического описания лексики прошлых эпох, представленные в историко-терминологических справочниках, появившихся уже в XIX в.: *Вельтман А.Ф.* Пояснительный словарь предметов древней царской казны и Оружейной палаты. М., 1844; *Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1865 (в издании 1866 г. появилось добавление: <Описание> «в азбучном порядке расположенное»), книга несколько раз переиздавалась; *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря Древней Руси. Л., 1937; *Poppe A.* Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962; *Pushkarev S.* Dictionary of Russian Historical Terms from Eleventh Century to 1917. Yale University Press, 1970.

Ее основы заложил А.Х. Востоков, подготовив и издав в России первый исторический «Словарь церковнославянского языка»² (включенный затем в состав источников «Древнеславяно-греко-латинского» лексикона Ф. Миклошича³, а позже — «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского). Хотя «Словарь» А.Х. Востокова небезупречен с точки зрения современной науки (это относится и к концепции самого словаря, и к описанию лексической семантики, и к отбору источников, весьма неоднородных по своему происхождению, использованию так называемых «глухих цитат» и т. д.), тем не менее, именно А.Х. Востокову принадлежит честь первопроходца в области отечественной исторической лексикографии. Созданию словаря предшествовало тщательное изучение и расписывание большого числа рукописей XI–XVIII вв.; результатом проделанной работы стало появление огромного тома «Описания русских и словенских рукописей Румянцевского музеума»⁴. Таким образом, именно А.Х. Востоков продемонстрировал, что изучение источниковой базы в идеале должно предшествовать языковому описанию, чтобы стать отправной точкой при решении такой сложной и многоаспектной задачи, как создание исторического словаря. Кроме того, в процессе своей деятельности ученый выработал принципы филологического издания рукописных памятников письменности. Подготовленная им публикация древнейшего «Остромирова евангелия» 1056–1057 г. (1843)⁵ стала не только образцом в формировании отечественной эдиционной традиции, но и примером добросовестного филологического анализа: в издании почти идеально воспроизведен текст рукописи, на каждом листе находится соответствующая часть греческого оригинала, создан словоуказатель (с определением грамматических форм).

Деятельность А.Х. Востокова совпала с формированием новой дисциплины — славистики⁶, возникновение которой в России в середине XIX в. обусловлено развитием в славянских странах движения по национальному возрождению. И когда Министерство народного просвещения приняло решение отправить для учебы за границу по одному кандидату от четырех университетов — Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского, — тогда столичный университет в качестве посланника выбрал ученика А.Х. Востокова П.И. Прейса (1810–1846), который еще до поездки под его руководством занимался изучением древних рукописей⁷.

² Словарь церковнославянского языка, составленный А.Х. Востоковым. Т. I. Изд. II Отделения имп. Академии наук. СПб., 1858; Т. II. СПб., 1861.

³ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

⁴ Востоков А. [X.] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

⁵ Остромирово евангелие 1056–1057 гг. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843; переизд.: М.: Языки славянских культур, 2007 (список опечаток первой публикации подгот. Е.Э. Шевченко).

⁶ Об истории становления славянской филологии в славянских странах и в России см.: Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии. Вып. I. История славянской филологии. СПб., 1910 (переизд.: М., 2003).

⁷ П.И. Прейс находился в славянских странах с 1839 по 1842 гг. От Московского университета был послан О.М. Бодянский (1808–1877), ставший первым магистром славяноведения (за границей он находился с 1837 по 1842 гг.), Казанский университет выбрал В.И. Григоровича (1815–1876; его путешествие продолжалось с 1844 по 1847 гг.).

В то же самое время Харьковский университет своим посланником в славянские страны определяет И.И. Срезневского⁸. Следуя полученной инструкции, во время путешествия И.И. Срезневский изучал живые славянские языки, быт, культуру и народную литературу славянских народов, встречался с писателями и с крупнейшими учеными того времени Ф. Боппом, П.Й. Шафариком, В. Копитаром, В. Караджичем, поэтом Ф. Прешерном и др. И.И. Срезневский с самого начала ставил перед собой задачи лексикографического характера: он мечтал создать «общий этимологический словарь всех наречий» и «этнографический словарь славянских наречий»; с этой целью во время путешествия по славянским странам молодой ученый записывал слова и составлял для себя небольшие словарики.

Славистическая деятельность И.И. Срезневского, развернувшаяся после его возвращения (1842 г.) в Харьковском университете (по мнению И.В. Ягича, в основном нефилологического характера⁹), обрела другое направление, когда после смерти П.И. Прейса, основателя кафедры славяноведения Санкт-Петербургского университета, И.И. Срезневскому было предложено стать его преемником. Это повлекло за собой смещение научных интересов: от широких этнографических и культурно-исторических изысканий — к филологическим славистическим и конкретнее — к истории русского языка, изучению памятников древнерусской письменности и, в конечном итоге, к описанию языка этих произведений. Произшедшую перемену («замечательную метаморфозу») И.В. Ягич приписывал «авторитетному влиянию Востокова», поскольку в Петербурге «Востоков и Прейс уже проложили путь другому, т.е. филологическому, направлению», что, по мнению И.В. Ягича, «подействовало на Срезневского с такой силой, что он из бывшего до тех пор слависта-этнографа сделался... преимущественно собирателем, описателем и издателем русско-славянских древних памятников письменности»¹⁰. Еще одной причиной, политического свойства, заставившей И.И. Срезневского переработать программу по славяноведению в сторону изучения истории русского языка¹¹, — была угроза уничтожения новой науки¹².

8 февраля 1849 г. И.И. Срезневский выступил на годичном собрании Петербургского университета со знаменитой речью «Мысли об истории русского языка»¹³. В ней, помимо указания на общее значение исследования развития языка для понимания истории народа (вместе с описанием фонетических, морфологических и синтаксических особенностей русского языка, указанием на его отношение к церковно-

⁸ В славянских странах был с 1839 г. по 1842 г.

⁹ Ягич И.В. История славянской филологии... С. 467.

¹⁰ Там же. С. 468.

¹¹ Ср.: Бернштейн С.Б. Еще раз о Срезневском // Советское славяноведение. 1984. № 2.

¹² Срезневский В.И. И.И. Срезневский // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением А.А. Половцева. СПб., 1909. С. 283; Срезневский В.И. Краткий очерк жизни и деятельности И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. 1. Пг., 1916. С. 24.

¹³ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1849. Речь несколько раз переиздавалась — объем доклада — 126 страниц, в конце располагается Приложение, занимающее еще примерно 80 страниц (цитируется отдельный оттиск — СПб., 1850).

славянскому), красной нитью проводится мысль о необходимости серьезного собственно филологического воссоздания истории русского языка. В своей речи Срезневский сформулировал целую программу изучения книжного и народного русского языка, его диалектных особенностей, обследования языковых черт памятников письменности и описания их лексики в отдельных словариках, а также наметил перспективу исследования современного русского языка в сопоставлении его со «всеми славянскими наречиями». Такая предварительная работа, по его мнению, создавала предпосылки для составления исторического словаря и исторической грамматики, и только в таком случае, как он полагал, «возможно приступить к полной и подробной истории языка»¹⁴. Время показало, что программа эта оказалась весьма долгосрочной¹⁵.

И.И. Срезневский взялся за активное осуществление первой задачи, сформулированной в «Мыслях». Он обратился к рукописному наследию: описывал, изучал и издавал письменные произведения. Ему принадлежит открытие таких ценнейших памятников старославянской письменности, как «Саввина книга» XI в. (которую он впервые опубликовал в 1868 г.), «Листки Ундольского» XI в. (текст и филологический анализ находится в кн. «Древние славянские памятники юсового письма», 1868), И.И. Срезневский обнаружил «Киевские (глаголические) листки» (к. IX–X в.)¹⁶ (в 1874 г. на 3-м Археологическом съезде в Киеве ученый сообщил об этом в своем докладе). В 60-е годы он подготовил и издал (помимо других работ) несколько крупных обзоров: «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы», «Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX–XII вв.)», «Древние памятники русского письма и языка XI–XIV стол.». С 1867 г. до самой смерти в 1880 г. в «Сборнике Отделения русского языка и словесности» И.И. Срезневский издавал «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», где вместе с описанием конкретной рукописи автор приводил перечни наиболее интересных слов¹⁷.

Вместе с тем И.И. Срезневский никогда не прекращал так или иначе заниматься словарной деятельностью: печатал «разборы словарей», принимал участие в издании «Областного словаря» (1852) под редакцией А.Х. Востокова. У него существовали, как было сказано выше, небольшие рукописные словарики славянских языков, но главным делом жизни И.И. Срезневского стало накопление древнерусского лексический массива как основы будущего словаря, который собирал он и его уче-

¹⁴ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 125.

¹⁵ Ср.: Владимиров П.В. Пятидесятилетие «Мыслей об истории русского языка» (очерк трудов за 50 лет и новые материалы). Киев, 1899; в свое время В.В. Виноградов признавал: «Задачи, выдвинутые Срезневским, целиком не выполнены до сих пор» (Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978. С. 308).

¹⁶ В 1869 г. рукопись была подарена Киевской духовной академии Антонином Капустиным, представителем русской православной миссии в Иерусалиме.

¹⁷ См. юбилейный — «ко дню пятидесятилетия ученой деятельности» — «Библиографический список сочинений и изданий ординарного академика Императорской академии наук И.И. Срезневского». СПб., 1879.

ники, многие из которых стали известными людьми: А.Н. Пыпин, П.А. Лавровский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, В.В. Макушев, М.И. Сухомлинов, И.В. Цветаев, Д.И. Писарев.

«Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского

Предварительная работа по собиранию материалов для будущего словаря древнерусского языка была долгой и кропотливой¹⁸. В 1866 г. на заседаниях Отделения русского языка и словесности были представлены две тетради на букву «А»¹⁹. В своем докладе 18 марта 1869 г. на I Археологическом съезде И.И. Срезневский поднял вопросы, наиболее важные для дальнейшей работы над словарем древнерусского языка, в первую очередь — выбор языка и формирование словника: «Древнерусский язык, без сомнения, отличается от так называемого церковнославянского, но трудно отделить эти языки один от другого... говоря: это слово — славянское, а это — русское, рискуешь принять за славянское то, что есть общеславянское, а не церковнославянское, которое сделалось нашею собственностью вместе с христианством... Нельзя составлять словарь русского языка только народного, а нужно, вместе с тем, составлять и словарь книжного языка — следовательно, всех слов, которые можно проследить в памятниках... Нужно брать все, что находится между памятниками русского письма»²⁰. При жизни автор успел подготовить только первые две буквы словаря. После смерти ученого в 1880 г. Отделение русского языка и словесности поставило вопрос об издании словаря семьей покойного. Такое решение потребовало значительных усилий по упорядочению картотечного материала, осуществлению разнообразных проверок и уточнений; необходимо было ввести накопленные за долгие годы выписки слов из отдельных памятников, продолжить подбор лексического материала и т. д. Все это значительно увеличивало первоначальный объем труда и усложняло задачи. Только в 1887 г. типография начала набор словаря, с названием которого долго не могли определиться. Первый выпуск под заглавием «Материалы для словаря древнерусского языка» появился только в 1893 г. Публикация проводилась под наблюдением академиков А.Ф. Бычкова и А.А. Шахматова. К столетию со дня рождения И.И. Срезневского, в 1912 г., благодаря усилиям его семьи²¹ и особенно дочери ученого — О.И. Срезневской, издание «Материалов» было завершено²².

---

¹⁸ Подробнее: *Богатова Г.А.* И.И. Срезневский. М., 1985; *она же.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 47–60.

¹⁹ В архиве И.И. Срезневского сохранились листы с замечаниями академиков А.Ф. Бычкова, Я.К. Грота и др. (*Богатова Г.А.* И.И. Срезневский. С. 76).

²⁰ Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869. Т. I. М., 1871. С. СXXXIV–СXXXV.

²¹ Подробнее о семье Срезневских: *Колгушкина Н.В.* Академик И.И. Срезневский в культурном пространстве России. Рязань, 2011.

²² *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912 (переизд.: М., 1958; 1989).

В «Материалы» И.И. Срезневского в качестве источников включены письменные памятники, как церковнославянские (куда вошла богослужебная и богословская литература), так все известные к тому времени собственно древнерусские произведения²³, в основном, XI–XIV вв., отчасти XV в. В «Материалах» можно обнаружить также цитаты из памятников более позднего времени (например, последнее значение *слово* ‘название буквы С’ взято из Азбуковника XVII в.), что свидетельствует о том, что по мере составления словаря хронологические рамки несколько расширялись. Труд И.И. Срезневского основан на 2700 письменных источников²⁴.

Название «Материалы» отражает отсутствие ряда обычных показателей словарной статьи (начиная с грамматической части). Совершенно очевидно, что задача показать развитие семантики в диахронии специально не ставилась. Способ семантического описания менялся и окончательно оформился только к третьему тому: в первом томе толкование редко дается по-русски, чаще — на греческом и латинском языках (иногда это равнозначно одной из наиболее распространенных греческих параллелей в переводном памятнике), что соответствовало филологической традиции того времени (так же оформлялось толкование в «Словаре церковнославянского языка» А.Х. Востокова)²⁵. Во втором томе можно встретить и тот и другой способ дефинирования. В третьем томе возобладало описание семантики на русском языке, греческий язык (реже — латинский) занял свое место в параллельном тексте, приводимом в конце цитаты. В первом томе довольно много словарных статей, вообще не имеющих толкования, позже в спорных или неясных случаях появляется знак вопроса. По мнению В.В. Колесова, «эмпирически представленная и тезисно описанная “история” слова в “Материалах” Срезневского отражает не исторический, а еще предварительно сравнительный метод исследования»²⁶. Иллюстрации иногда представляют собой отрывочное сочетание слов, есть так называемые «глухие цитаты» (особенно при появлении выписок из Словаря А.Х. Востокова). На еще один недостаток указал в свое время (при рассмотрении начального варианта «Материалов») И.В. Ягич (в письме Я.К. Гроту из Вены): «Многие выписки из памятников оказываются в Словаре недостаточно исправными и точными, так как, после того как они были сделаны, очень большое число памятников или впервые вышло в печать, или же стало доступно для науки в более удовлетворительных изданиях»²⁷. Критика в

²³ Сейчас специалисты говорят о безупречности выбора источников: нерусские списки переводных произведений (к примеру, сербский список «Шестоднева» 1263 г.), некоторое число староукраинских текстов и др.

²⁴ *Филин Ф.П.* Историческая лексикология и лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 17.

²⁵ Сходный способ описания семантики в усовершенствованном виде представлен в современном пражском «Словаре старославянского языка» (*Slovník jazyka staroslověnského*. I–IV. Praha, 1966–1997; переизд.: СПб., 2006).

²⁶ *Колесов В.В.* И.И. Срезневский и его «Материалы для словаря древнерусского языка» // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. 2-е изд. СПб., 2001. С. 193; в этой работе В.В. Колесов предложил оригинальную трактовку разработки семантики в «Материалах».

²⁷ *Срезневский В.И.* Об истории составления Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. № 9. Л., 1933. С. 721.

адрес «Материалов» не прекращается до сих пор, она касается определения заголовочного слова (неверная реконструкция инфинитивов) и мн.др.; ошибки, безусловно, отражают уровень развития исторической грамматики и фонетики того времени²⁸.

Несмотря на указанные недостатки, главным достоинством труда было и остается значительное богатство собранного лексического и цитатного материал, а также его лексикографическая интерпретация. Показательный пример. Словарная статья *слово* в «Материалах» Срезневского содержит 28 (непронумерованных) значений²⁹, которые проиллюстрированы 67 цитатами с почти полным набором греческих параллелей — то же число значений представлено в соответствующей словарной статье «Словаря русского языка XI–XVII вв.»³⁰.

И хотя стало общепринятым утверждение, что «Материалы», где описано в общей сложности, около 40 000 слов³¹, с самого начала не были историческим словарем в современном понимании этого жанра научной деятельности, а серьезным подготовительным этапом к его формированию, однако глубина осуществленной «предварительной систематизации» и объем сведений, содержащихся в этом труде, не позволяют считать «Материалы» только собранием ценных контекстов.

Говоря о богатстве содержания «Материалов», следует отметить также, что здесь обнаруживаются, пусть и непоследовательно, новые лексикографические «импульсы», побуждающие к дальнейшему движению в указанном направлении. К ним можно отнести появляющиеся время от времени сравнения с родственными славянскими словами и этимологические указания (например, в конце словарной статьи *благыи*: — Ср. рус. благой — *stultus*, блажить; лит. *blogas* — слабый, дурной).

Одновременно с изданием «Материалов» появился еще один (незавершенный) труд, который можно считать дополнением к словарю И.И. Срезневского, — «Материалы для словаря древнерусского языка» А.Л. Дювернуа (1894), где описано 6000 слов из памятников Московской Руси.

Однако именно «Материалы» И.И. Срезневского считают точкой отсчета при установлении факта возникновения русской исторической лексикографии как самостоятельной области языкознания, имеющей свои общефилологические и специфические задачи.

* * *

Уже вскоре после завершения издания «Материалов» пришло осознание необходимости продолжения работ, начатых И.И. Срезневским. Эту мысль сформулировал академик А.И. Соболевский в своей знаменитой Докладной записке, направленной в мае 1925 г. в Отделение русского языка и словесности Академии наук с

---

²⁸ Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 105.

²⁹ Оттенки значений не выделяются; отмечено семь лексических сочетаний; есть еще одна позиция: «название буквы С», если ее принять в расчет, то насчитывается 29 значений.

³⁰ Иллюстративный материал в этом словаре насчитывает 173 цитаты; кроме того, выделено 16 оттенков значений, 22 лексических сочетания, 10 фразеологизмов.

³¹ История русской лексикографии... С. 510.

предложением о создании специальной «Комиссии по собиранию словарных материалов» с центром в Петербурге и отделениями в Москве и других городах, целью работы которой было бы накопление лексических материалов, что понималось как подготовительная фаза, предшествующая созданию ряда исторических словарей. А.И. Соболевский побуждал к собиранию материала, предполагая создание четырех словарей: 1) словаря древнего церковнославянского языка, 2) словаря, представляющего собой продолжение «Материалов» Срезневского (с расширением круга источников), т. е. включающего как церковнославянские, так и древнерусские лексемы произведений, составленных или переведенных не позднее XIV в. по спискам XI–XVII вв., 3) словаря старого языка Московской Руси «по памятникам литературы, законодательства и делопроизводства, оригинальным и переводным XV–XVII вв.», 4) словаря старого языка Польско-Литовской Руси «по памятникам литературы, законодательства и делопроизводства, оригинальным и переводным XIV–XVII вв.». В задачи Комиссии входило не только собирание материалов (хотя это представлялось А.И. Соболевскому главной задачей), но и их «обработка... с точки зрения происхождения, звуковой формы, грамматических особенностей и — главным образом — значения»³².

Драматическая история рождения двухмиллионной выборочной Картотеки Древнерусского словаря (КДРС), хранящейся теперь в Москве, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН³³, и тех бесконечных типов русского исторического словаря, который многократно пытались создать на ее базе, — отражает, с одной стороны, сложную историю нашей страны, а с другой, соответственно, изменение уровня развития отечественной филологической науки в противопоставлении ее состояния начала XX в. при продвижении к 70-м годам. Результатом последней смены концепции стало рождение «Словаря русского языка XI–XVII вв.»³⁴, который в результате всех перипетий своего развития стал выполнять задачи словарей, обозначенных Соболевским под вторым и третьим номером.

Время, предшествовавшее началу издания исторических словарей русского языка и совпавшее с первым периодом их издания, характеризуется серьезным обсуждением теоретических проблем лексикологии, лексикографии и истории русского литературного языка³⁵; развитию и совершенствованию лексикографической дея-

³² Соболевский А.И. Докладная записка А.И. Соболевского о составлении словарей древнерусского и старорусского языка // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 110 (переизд.: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 413–414).

³³ Картотека была перевезена в Москву в 1950 г. из Ленинграда, где она находилась в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра.

³⁴ История создания КДРС и формирования концепции СлРЯ XI–XVII вв. подробно и документировано описана в работе: Астахина Л.Ю. История Картотеки // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001 (далее: Справочный выпуск). С. 7–55 (воспроизведение этого раздела существует в отдельной книге: История Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Авторский состав и источники. М., 2001).

³⁵ Тогда же были переизданы важные труды В.В. Виноградова: Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977; он же. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

тельности способствовали конференции, посвященные этим вопросам, и подготовка профессиональных сборников³⁶.

Словарь русского языка XI–XVII вв.³⁷

Первый выпуск «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.) вышел в свет в 1975 г. Поскольку первоначально существовала установка на быстрое издание³⁸ словаря научно-популярного характера (на обороте титула первого выпуска (1975) это было сформулировано следующим образом: «Словарь представляет собой *общедоступное справочное пособие* [выделено нами. — М. Ч.] при чтении древнерусских текстов разных жанров»), то в основу издания был положен (из обсуждавшихся вариантов) один из самых простых, что предполагало упрощенную графику³⁹ (в том числе приравнивание «ять» и «е», мысленное отсечение конечного ь при алфавитном расположении материала), ориентацию заголовочной формы на конец описываемого периода, лаконизм словарной статьи, излишне компактное цитирование (первоначально: не более двух цитат на значение), отсутствие задачи установления первой фиксации и датировки последнего употребления слова, а также этимологических указаний для иноязычной лексики; были недостаточно представлены цитаты из ранних памятников письменности и др. Все это не могло не сказаться на уровне изданных первых выпусков Словаря.

Как только вышел из печати первый выпуск Словаря, последовала мгновенная научная реакция: в том же 1975 году новое издание проанализировал немецкий профессор Р. Эккерт в ряде публикаций⁴⁰, вслед за ним несколько американских профессоров опубликовали рецензии на первые выпуски, где находилась существенная критика концепции словаря, его содержания и качества. Более сдержанной и оптимистичной оказалась европейская критика (рецензии Р. Эккерта, Э. Вайера, реплики Х. Кайперта) и нацеленная на улучшение качества Словаря (хотя, нужно признать, менее многосторонняя) — отечественная.

В одной из первых рецензий на Словарь немецкий исследователь Э. Вайер, сравнив данные «Материалов» Срезневского с иллюстративными примерами СлРЯ XI–

³⁶ Среди них выделяется сборник: Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. СПб., 2010 (первый выпуск под названием «Русская историческая лексикология и лексикография» появился в 1972 г.); в тогдашнем отделе исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН соответствующая проблематика разрабатывалась в серии сборников.

³⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011. Главные редакторы: 1–7 вып. — С.Г. Бархударов; 7–10 вып. — Ф.П. Филин; 11–14 вып. — Д.Н. Шмелев; 15–26 вып. — Г.А. Богатова; 27–29 вып. — В.Б. Крысько.

³⁸ В год планировалось издавать один-два выпуска (в Предисловии первого выпуска говорится о ежегодных выпусках объемом 35–40 а. л.). Первоначально этот темп удавалось держать.

³⁹ Таблица графического упрощения: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 15.

⁴⁰ Первые сообщения о выходе в свет нового словаря были помещены в журналах: Zeitschrift für Slawistik 1975. Bd. XX. N 5/6. S. 824–833 и Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1975. Bd. 28. Heft 1. S. 127.

XVII вв., обратил внимание на неблагоприятное положение дел с ранними фиксациями в СлРЯ XI–XVII вв., указал на допущенные ошибки и упущения (особенно по отношению к древнейшему материалу), тем не менее он выразил надежду, что в следующих томах недостатки будут устранены⁴¹.

В самом деле, специалистам хорошо известно, что СлРЯ XI–XVII вв. является продолжателем и преемником труда И.И. Срезневского, поскольку все источники «Материалов» входят в состав СлРЯ XI–XVII вв. и, соответственно, лексика «Материалов» полностью включена в словарь, а кроме того, долгое время «Материалы» служили кладезем (для первых выпусков — чуть ли не единственным) ранних фиксаций, т. е. сами «Материалы» были (и остаются до сих пор) крупным и важнейшим источником СлРЯ XI–XVII вв. Второй причиной, по которой авторы СлРЯ XI–XVII вв. активно использовали (и до сих пор используют) «Материалы» Срезневского — выборочный характер Картотеки ДРС, в составе которой преобладают памятники XV–XVII вв., что составляет ее главную и неоспоримую ценность⁴².

Хотя, как было сказано, «Материалы» Срезневского до сих пор актуальны, не потеряли своего значения и по-прежнему остаются сокровищницей древнерусской лексики, однако длительная работа по использованию «Материалов» для СлРЯ XI–XVII вв. имела свои результаты.

Был составлен и в 1984 г. опубликован для внутренних нужд составителей СлРЯ XI–XVII вв. «Указатель источников»⁴³, который, во-первых, содержал все сокращения названий источников, встречающиеся на карточках Картотеки ДРС (как правило, эти сокращения отличаются от принятых в Словаре), а во-вторых, в нем содержались указания о возможностях соотнесения сокращенных названий источников «Материалов» Срезневского с источниками СлРЯ XI–XVII вв. и публикациями, появившимися после издания «Материалов».

Второй момент связан с активным использованием словарных статей и цитатного материала из этого труда, что привело, в конце концов, к изменению характера работы с ним, и этот факт представляет собой один из показателей концептуальной перестройки СлРЯ XI–XVII вв. как основного пользователя «Материалов».

На первом этапе издания СлРЯ XI–XVII вв. отношение к «Материалам» Срезневского характеризует, с одной стороны, необязательность и произвольность, т. е. словарные статьи и цитаты вводились достаточно непоследовательно (указанием на цитацию «Материалов» служила «звездочка», т. е. знак *⁴⁴), с другой стороны,

⁴¹ *Weiher E.* [Рец. на:] *Slovarь russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–4. 1975–1977 // Anzeiger für slavische Philologie. 1978–1979. Bd. 10–11. S. 239.*

⁴² Э. Вайер в своей рецензии 1978–1979 гг. отметил, что достоинство СлРЯ XI–XVII вв. «состоит прежде всего во включении лексики, находящейся в многочисленных источниках XVI–XVII вв.» (*Weiher E.* [Рец. на:] *Slovarь russkogo jazyka XI–XVII vv. ... S. 239*); о богатстве словаря СлРЯ XI–XVII вв. по сравнению с «Материалами» Срезневского и другими словарями писала Г.А. Богатова в нескольких работах, в том числе: *Богатова Г. А.* История слова... С. 55–57 — сравнительная таблица словарей.

⁴³ Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. Сост. С.Ф. Геккер, С.П. Мордовина, Г.Я. Романова. М., 1984.

⁴⁴ См. раздел «О построении “Словаря русского языка XI–XVII вв.”»: «Слово, взятое из “Материала»

в начальный период издания Словаря ссылка на «Материалы» Срезневского считалась авторитетной, цитатный материал и дефиниции не вызывали сомнений; в результате — информация, представленная в «Материалах», не подлежала пересмотру. Об этом свидетельствует то, что в Предисловиях к СлРЯ XI–XVII вв. с 1-го выпуска (1975) по 6-й выпуск (1979) никак не оценивалась работа, связанная с использованием в Словаре «Материалов» Срезневского.

Произшедшим изменениям способствовало обсуждение на страницах научной печати стремительно издающихся выпусков СлРЯ XI–XVII вв. Полный список рецензий, вышедших до 1987 г., опубликован в приложении к 13-му выпуску Словаря⁴⁵. Тогда насчитывалось 24 отклика (рецензии и статьи). Затем число их стало уменьшаться по мере изменения концепции Словаря. Среди существенных откликов последнего времени наиболее интересны те, в которых рецензент включается в исследовательский процесс (см. в связи со сказанным работы И.Г. Добродомова⁴⁶, А.Ю. Козловой⁴⁷, В.Б. Крысько⁴⁸, А.Б. Страхова⁴⁹, О. Жолобова⁵⁰ и др.).

Авторы СлРЯ XI–XVII вв. серьезно изучали появлявшиеся отклики в научной печати, на обсуждение выносилось каждое сделанное рецензентом замечание и высказанное пожелание. Но критика Словаря велась не только извне, со стороны мировой филологической науки («внешняя критика»), не менее значимой была и «внутренняя» критика — в самом словарном коллективе, творческий потенциал которого позволил не только пересмотреть доставшуюся от прошлого устаревшую концепцию Словаря, но системно ее переработать и — не прерываясь, в процессе подготовки новых выпусков — сформировать новую. Определенный этап на этом долгом и сложном пути представлен в опубликованной для внутреннего пользования «Инструкции для составителей Словаря русского языка XI–XVII вв.» 1988 года.

Теперь, при воссоздании истории изменения концепции видно, как этот процесс находил отражение в складывании нового типа Предисловия СлРЯ XI–XVII вв. Просмотр Предисловий позволяет судить о том, сколь многое изменилось с той поры, когда в первых выпусках Словаря цитаты из источников, недоступных или труднодоступных, черпали только из «Материалов» Срезневского.

лов» Срезневского, оформляется в соответствии с правилами оформления заголовочного слова в СлРЯ XI–XVII вв., цитата отмечается звездочкой» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 1. С. 14. § 26).

⁴⁵ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 318.

⁴⁶ Добродомов И.Г. Грамматическая и лексическая семантика в старинном тексте (призрачное слово *ирп* и хронология слова *сырп*) // Грамматическая семантика русского языка: Сб. научных трудов. Вологда, 1983. С. 53–54; его соображения приводятся также в работе: Козлова А.Ю. «Трудные» слова в текстах и словарях // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 6. Ч. II. М., 1993. С. 342–357.

⁴⁷ См. ссылку в предыдущей сноске.

⁴⁸ Крысько В.Б. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18 // Russian Linguistics. 1994. 18. P. 242–247; *он же*. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.)... С. 103–118.

⁴⁹ Страхов А.Б. По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв. // Palaeoslavica. 1998. VI. P. 253–272; *он же*. Об «испанской» нашивке и «сопящем» дьяке // Palaeoslavica. 2007. XV (1). P. 345–346.

⁵⁰ Жолобов О.Ф. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001 // Russian Linguistics. 2003. № 27. P. 199–205.

Целевое чтение «Материалов», проводившееся при подготовке к изданию очередного выпуска СлРЯ XI–XVII вв., привело к тому, что со временем стали появляться и накапливаться наблюдения, так что в 1980 г., т. е. через 5 лет после начала издания Словаря, в Предисловии к 7-му выпуску был обозначен новый подход к «Материалам», который фактически ознаменовал собой поворот от, условно говоря, «потребительского» использования «Материалов» к строго научному анализу содержания этого произведения. Именно с этого времени (1980) постепенно формируется ответственное отношение к цитированию «Материалов». Стало понятно, что рабочая установка на максимально полное употребление всего лексического и семантического богатства «Материалов» должна подразумевать: 1) предварительную проверку надежности данных, т. е. выверку цитатных (рукописных и печатных) иллюстраций «Материалов», 2) сравнение использованных в «Материалах» цитат с новыми и новейшими публикациями памятников письменности, 3) анализ цитатного материала и семантической интерпретации с учетом новых данных, что означает, как правило, значительную переработку словарных статей, коррекцию фактов, представленных в «Материалах», и даже — при обнаружении серьезных ошибок или неточностей — отказ от включения соответствующих данных в Словарь. Теперь авторы Словаря уже не ограничивались простой констатацией факта введения информации «Материалов» при помощи «звездочки», как это было в первых выпусках Словаря, поскольку пришло осознание того, что использование такой информации требует проведения дополнительных разысканий. Помимо этого уже тогда складывалась тенденция не пропускать без анализа ни одной словарной статьи из «Материалов».

С 7-го выпуска (1980; редактор выпуска — Г.А. Богатова) в Предисловии стали оговаривать или объяснять принятые решения⁵¹. Опыт, накопленный к 10-му выпуску, был обобщен О.И. Смирновой в статье, посвященной результатам работы с «Материалами» Срезневского⁵². Здесь, кроме указанных моментов, было сформулировано решение об исключении документов, признанных источниками Староукраинского словаря⁵³. Акцентирование внимания на этой проблеме является отчасти реакцией на острую критику, содержащуюся в рецензии профессора Э. Кинана⁵⁴, где автор говорит, что в названии и содержании Словаря происходит узурпация украинской и белорусской лексики и «подавление элементов, являющихся украинскими». Заметим, что проблема теперь снята после издания староукраинских словарей⁵⁵

⁵¹ В Предисловии 7-го выпуска отказ от использования ряда цитат из «Материалов» был мотивирован отсутствием точных данных (в том числе — при заимствовании словарных статей из «Словаря церковнославянского языка» А.Х. Востокова через посредство «Материалов»).

⁵² Смирнова О.И. Использование Материалов для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского в Словаре русского языка XI–XVII вв. (из опыта работы над выпусками 7 и 10) // Теория и практика русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. С. 188–200.

⁵³ Там же. С. 199–200.

⁵⁴ Kinan E.L. [Рец. на:] Словарь русского языка XI–XVII вв. // Kritika. 1978. № 14. Р. 1–20.

⁵⁵ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978; Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–15–. Львів, 1994–2010–.

и публикации старобелорусского словаря⁵⁶. Кроме указания на проверку точности цитат из «Материалов» в этой работе, О.И. Смирнова впервые особо отметила также переработку и изменение семантического описания, представленного в «Материалах» Срезневского. В каждом выпуске аналитическая часть Предисловия увеличивалась: так, если в 7-м выпуске (1980) указано три примера из «Материалов», то в Предисловии к 11 выпуску (1986; автор и редактор — А.Н. Шаламова) уже достаточно серьезно обоснованы исследовательские решения, касающиеся исключения слов из «Материалов» (в результате проверки по рукописям и/или проведенного анализа), — указано 13 слов (помета «например» показывает, что их больше); в 17 выпуске (1991; основные редакторы выпуска — И.И. Макеева, М.И. Чернышева) в общей сложности описано 28 случаев. В Предисловии начинают обсуждаться результаты анализа примеров из других памятников письменности. Особый характер носят Предисловия к 11 выпуску (1986); и 21 выпуска (1995; автор и редактор этих выпусков — А.Н. Шаламова), их отличает включение теоретической части. В Предисловии к 11 вып. представлены разработанные А.Н. Шаламовой критерии «разграничения случаев, в которых *не* является отрицательной частицей, и случаев с приставкой *не-*», сформулированы и другие сложные проблемы, требующие лексикографического решения в историческом словаре; в Предисловии к 21 вып. А.Н. Шаламова обращается к теоретическим вопросам, связанным с представлением в Словаре приставочных образований на букву «Р»⁵⁷. И, наконец, последнее, значительное по объему, Предисловие — 29-го выпуска СлРЯ XI–XVII вв. (2011, коллектив редакторов) содержит самое большое число наблюдений, что отражает стремление гл. ред. В.Б. Крысько отмечать в Предисловии любые изменения исходных данных, зафиксированных в изданиях, картотечных собраниях и рукописях (39 примеров), и все решения при отказе от включения в Словарь заголовочных слов из «Материалов» Срезневского — описано 15 такого рода случаев. Еще одной особенностью этого Предисловия является наличие серьезной аргументированной части, которая не всегда сопровождала прежде анализ примеров из «Материалов». Таким образом, в Предисловиях СлРЯ XI–XVII вв. (с 7 по 29 вып.) зафиксировано 224 примера правки лексикографических материалов Срезневского⁵⁸. Эта цифра весьма приблизительная, так как авторы неоднократно повторяют, что разбираются (или указываются) только некоторые случаи⁵⁹.

⁵⁶ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–33–. Мінск, 1982–2013–.

⁵⁷ На основе этой работы была защищена докторская диссертация: Шаламова А.Н. Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов). Дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М., 1996. 50 с.

⁵⁸ Точные подсчеты по выпускам приводятся в работе: Чернышева М.И. «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словарь русского языка XI–XVII вв.»: формирование нового типа Предисловия // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: Сб. научн. статей межд. научн. конф. 26–28 сентября 2012 г. / Отв. ред. И.М. Шейна, О.В. Никитин. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2012. С. 93–104.

⁵⁹ Большую работу по проверке рукописных свидетельств проводит Л.Ю. Астахина, результаты ее деятельности представлены в кн.: Астахина Л.Ю. Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М., 2006.

Таким образом, постепенно Предисловие СлРЯ XI–XVII вв. стало средоточием итоговой работы по проверке и исследованию соответствующих словарных отрезков Картотеки ДРС, источников Словаря и «Материалов» И.И. Срезневского.

Одним из переломных моментов в истории СлРЯ XI–XVII вв. оказалось возрождение интереса к переводным памятникам, среди которых видное место занимают переводы с греческого языка византийской эпохи. Эта почти забытая в советское время область филологической науки потребовала огромных усилий по восстановлению утраченных знаний: если в «Материалах» Срезневского практически каждая цитата из переводного произведения сопровождалась иноязычной параллелью, то разрыв традиции, сложившийся в послереволюционное время, привел к тому, что в первых выпусках Словаря параллели почти отсутствовали. Работа по восстановлению корпуса греческих и (в меньшей степени) латинских оригиналов стала осуществляться автором этих строк с 1978 г. Сейчас уже почти полностью сформирована библиотека иноязычных оригиналов источников СлРЯ XI–XVII вв.⁶⁰, в то время как первоначально по объективным причинам заниматься ею было очень трудно. По мере возрастания интереса к этому направлению появилась целая плеяда исследователей в области переводной литературы: А.А. Пичхадзе, К.А. Максимович, В.Б. Крысько, Л.И. Щеголева, Л.В. Прокопенко, Р.Н. Кривко и др.⁶¹, их имена определяют сейчас основные достижения в этой области лингвистики. Если прежде строились предположения об объеме переводов с греческого языка в Древней Руси, восходящие к знаменитой работе А.И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода»⁶², то теперь А.М. Молдован⁶³ и А.А. Пичхадзе⁶⁴ в своих работах аргументировано и лингвистически обоснованно разрабатывают эту тематику. В отделе лингвистического источниковедения Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН сложилась современная практика критических изданий памятников русской письменности, отвечающая всем самым высоким научным требованиям: воспроизводимый текст сопровождается рукописными разночтениями, приводится иноязычный оригинал переводного памятника, обязательно есть словоуказатель, что значительно упрощает работу лексикографа с таким изданием⁶⁵. Стало хорошим

⁶⁰ Результаты этой деятельности, накопленные к 2000 г., опубликованы в: *Романова Г.Я., Державина Е.И., Чернышева М.И.* Указатель источников // Справочный выпуск. С. 265–389. Работа по подбору иноязычных оригиналов не прекращается.

⁶¹ Порядок расположения имен соответствует хронологии работы в Словаре. Подведением греческих параллелей в СлРЯ XI–XVII вв. занимались также С.В. Дегтев, К.В. Гадзацев, Т.И. Межиковская.

⁶² *Соболевский А.И.* История русского литературного языка / Изд. подг. А.А. Алексеев. Л., 1980. С. 134–147 (работа несколько раз переиздавалась).

⁶³ *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

⁶⁴ *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.

⁶⁵ Словники к изданиям памятников письменности находятся также в изданиях Санкт-Петербургского университета в серии «Памятники русской агиографической литературы» (под редакцией А.С. Герда); см. также публикацию полных словоуказателей к древнерусским рукописям XVI в.: *Аверина С.А., Герд А.С., Кузнецова Е.Л. и др.* Язык русской агиографии XVI века: Опыт автоматического анализа / Под ред. А.С. Герда. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

тоном создание Обратных словарей⁶⁶. Изучение разнообразных в жанровом отношении переводных текстов продолжается. Если прежде преобладал исследовательский интерес к переводам с греческого языка, то теперь проводятся сложнейшие работы по подбору оригиналов на самых разных языках — особенно показательны в этом смысле достижения шведской исследовательницы И. Майер, скрупулезно подбирающей оригиналы к «Вестям-Курантам»⁶⁷. При работе с переводными памятниками иноязычный оригинал становится новым инструментарием, позволяющим существенно и обоснованно углубить описание лексической семантики, что, соответственно, приводит к созданию более сложной структуры словарной статьи. Вообще вся приводимая в современных изданиях информация приносит большую помощь создателям исторического словаря.

Качественная перестройка Словаря продолжалась. На смену краткому варианту с двумя цитатами в качестве иллюстрации значения слова: наиболее ранней и наиболее поздней (в соответствии с требованиями старой инструкции) — пришло решение о необходимости углубленной разработки семантики без ограничения объема цитатного материала.

Кроме того удревнение цитатного материала авторы СлРЯ XI–XVII вв. стали понимать как одну из главных своих задач. Если прежде, как было сказано, ранние цитаты в значительной мере черпали в «Материалах» Срезневского, то чем дальше, тем больше с этой целью стали привлекать словоуказатели, содержащиеся в новых изданиях памятников письменности (при их отсутствии лексикографы вынуждены сами создавать рабочие варианты). В последние годы появились электронные словоуказатели. Среди них: «Электронный сводный словарь древнерусских памятников для дополнения базы данных Словаря русского языка XI–XVII вв.» <http://www.eslovník.ru> (руководитель проекта — Е.А. Осокина), словоуказатели к некоторым древнерусским рукописям — сайт «Манускрипт» <http://manuscripts.ru>, Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов <http://www.project.phil.pu.ru/scat/search.php>, указатели к казанским памятникам XVI–XVII вв. <http://www.klf.kpfu.ru/kazan>, инципитарий Д. Штерна к памятникам славянской гимнографии⁶⁸.

Совершенствование источниковой базы Словаря происходит вместе с его развитием. Этот процесс — постоянный в силу начальной установки на принципиаль-

⁶⁶ К примеру: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. II. М., 2004. С. 767–837; Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131 / Лингв. изд., подг. греч. текста, коммент., словоук. В.Б. Крысько. М., 2005. С. 877–903; *Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer Übersetzung*. Византийская синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе / Сост. К.А. Максимович, науч. ред. Л. Бургман. Ч. II. Frankfurt am Main, 2010. С. 499–584.

⁶⁷ Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. I. Русские тексты / Под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009. Ч. II. Иностранные оригиналы к русским текстам. Исследование и подготовка текстов Ингрид Майер. М., 2008; сведения о существовании иноязычных оригиналов к предыдущим томам «Вестей-Курантов» см.: *Maier Ingrid. Verbalrektion in den «Vesti-Kuranty» (1600–1660)*. Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala, 2006. S. 455–459.

⁶⁸ *Stern D. Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*. T. 1–3. Paderborn, 2008.

ную открытость Словаря⁶⁹. Все новые публикации памятников письменности описываемого периода немедленно вводятся в научный оборот путем их лексикографического описания (новые словарные статьи, цитация). В новом Указателе источников, опубликованном в «Справочном томе» (2001), приводится около 4000 названий источников, некоторые из которых имеют в своем составе сотни памятников письменности, например, «Акты исторические» Т. I–V (СПб., 1841–1842), «Дополнения к Актам историческим» Т. I–XII (СПб., 1846–1872), «Великие Минеи-Четии», собранные митрополитом Макарием (М.; СПб., 1868–1917; до революции успели опубликовать 23 тома⁷⁰; несколько томов — март и май — опубликованы в Германии в серии *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*⁷¹) и др.

Активная работа по совершенствованию Словаря привела к осознанию необходимости нового прочтения ранних выпусков СлРЯ XI–XVII вв. В 2006 г. были опубликованы «Дополнения и исправления» к первому выпуску (буквы «А»–«Б»; 770 новых словарных статей и несколько десятков исправлений)⁷², в 28 вып. Словаря (2008) в Приложении были помещены Исправления к 2-му выпуску⁷³, в Приложении к 29 вып. (2011) находится дополнительный материал по букве «С»⁷⁴. Интенсификация работы с русско-церковнославянскими источниками⁷⁵ выявила новые пла-

⁶⁹ Начиная с 5-го выпуска публикуются подборки новых изданных и рукописных источников, используемых в СлРЯ XI–XVII вв.

⁷⁰ Объем этого огромного свода составляет 27 000 страниц убористого текста в два столбца: *Макарий (Веретенников), игумен. Великие Макарьевские Четвы-Минеи — сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. Т. 29. С. 108* (цит. по версии, представленной в Интернете: http://www.btrudy.ru/resources/BT29/106_Makary.pdf).

⁷¹ Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. Великие Минеи Четвы митрополита Макария. Успенский список. 1–11 марта. Т. 1 / Hrsg. E. Weiher. Freiburg i. Br., 1997; 12–25 марта. Т. 2 / Hrsg. E. Weiher. Freiburg i. Br., 1998; 26–31 марта. Т. 3 / Hrsg. E. Weiher. Freiburg i. Br., 2001; Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. 1–8 Mai. Uspenskij spisok. Великие Минеи Четвы митрополита Макария. Успенский список. 1–8 мая / Изд. Экхард Вайер, А.И. Шкурко, С.О. Шмидт. Freiburg i. Br., 2007; 9–23 мая. Т. 2. Freiburg i. Br., 2009.

⁷² Дополнения подготовлены М.И. Чернышевой: Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А – Б. М.: Наука, 2006; более краткий вариант был издан в Приложении к 27 вып. (2006). Рецензия на эту работу О.Н. Жолобова опубликована в: *Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2008. Bd. 54. S. 304–306*. Р. Эккерт приветствовал появление «Дополнений и исправлений» и отметил конструктивный характер Предисловия к «Дополнениям» (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 219–222): *Eckert R. Zum Stand der in Moskau erscheinenden beiden altrussischen Wörterbücher // Zeitschrift für Slawistik. 2008. Bd. 53. S. 136*. Продолжение работ по подготовке «Дополнений» было приостановлено.

⁷³ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008. С. 290–302. Исправления составлены В.Б. Крысько с учетом поправок, представленных К.А. Максимовичем.

⁷⁴ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 29. М., 2011. С. 423–469. Дополнения составлены В.Б. Крысько и М.А. Малягиной.

⁷⁵ *Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.)... С. 114; специально о роли церковнославянского наследия в древнерусской письменной культуре: Крысько В.Б. Русские церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источники по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 339–355; он же. Русские исторические словари в кругу церковнославянских словарей // *Čirkevněslovanská lexikografie 2006. Sestavil Václav Čermák / Ed. E. Bláhová, E. Šlaufová, V. Čermák. Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 2007. С. 45–52.**

сты лексики, не отмеченной в словарях⁷⁶.

В настоящий момент в опубликованных выпусках Словаря (вместе в дополнениях) насчитывается более 80 тыс. словарных статей.

Среди новых явлений последнего времени можно отметить стремление дать читателю больше дополнительных сведений через «внутрицитатную информацию» и тем самым показать глубину проработки путем авторского (или редакторского) «вмешательства в цитату». Оно оформляется как комментарий в квадратных скобках, которые используются: 1) для уточнения контекста — введение указания на действующее лицо, место действия, автора прямой речи (в редких случаях даже кратко описывается ситуация); 2) с целью демонстрации вариантного чтения из другого списка произведения (если оно значимо); 3) при сравнении с соответствующим (или сходным и т. п.) местом в другом произведении; 4) для конъектуры внутри цитаты (в случае обнаружения ошибки или порчи в тексте); 5) при указании на библейскую цитату; 6) в момент введения в цитату слова (редко: краткого фрагмента) иноязычного оригинала для правильного понимания иллюстративного материала и др.

Краткий обзор способен выявить только некоторые моменты трансформации Словаря русского языка XI–XVII вв. Сам процесс работы подвел проект к необходимому и неизбежному этапу сложной концептуальной перестройки, включающей множественные изменения показателей, касающихся всех сторон этого лексикографического произведения, начиная со словника, выбора заголовочной формы, разработки семантики, состава источников, подбора цитатного материала и т. д., заканчивая параметрами формально-структурного характера. Это привело к тому, что Словарь из «общедоступного справочного пособия при чтении древнерусских текстов разных жанров» постепенно превратился в словарь академического типа. От прежнего, популярного облика осталась упрощенная графика (что находит объяснение в непоследовательной практике издания разновременных памятников письменности) и ориентация заголовочной формы на конец описываемого периода.

СлРЯ XI–XVII вв. — активно развивающийся проект. Изыскания, связанные с подготовкой к печати Словаря, — это не просто выполнение обычных лексикографических операций. Работа в таком масштабном проекте означает интенсивнейшую деятельность творческой лаборатории, где готовят сборники научных трудов, издания текстов, исследования, указатели, справочные материалы.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)⁷⁷

Принципиально иной характер носит другой исторический словарь — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (СДРЯ). История его возникновения начинается в 1957 г., когда под руководством Р.И. Аванесова началась работа над Словарем,

---

⁷⁶ Р.Н. Кривко при работе со служебными минеями за август обнаружил 130 не отмеченных в словарях лексем: *Кривко Р.Н.* Новые данные по древней церковнославянской лексикографии (на материале служебных миней за август) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2005. Bd. 51. S. 131–164.

⁷⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IX. М., 1988–2012–.

которой предшествовало создание картотеки, имеющей существенные отличия от выборочной Картотеки ДРС (на базе которой создается СлРЯ XI–XVII вв.), это так называемая полная картотека⁷⁸, на ее основе строится СДРЯ и проводятся разнообразные исследования⁷⁹. Основу картотеки составляют собственно древнерусские памятники: грамоты, летописи, надписи, записи в рукописях, жития русских святых, памятники древнерусского права и переводы, которые были признаны во время формирования картотеки восточнославянскими по происхождению.

В 1963 г. было закончено составление двухмиллионной Картотеки (из них 1,5 млн. карточек содержат апеллятивную лексику и служебные слова и около 400 тыс. — не входящие в Словарь онимы и производные от них⁸⁰).

В 1964 г. началась работа по созданию Словаря. В 1966 г. был издан пробный выпуск. Первоначально предполагалось включать всю лексику: «Словарь строится на базе специально созданной картотеки, в которой зафиксировано каждое слово — самостоятельное, служебное, частица, и притом не только нарицательное, но и собственное имя (географическое и личное) — каждом его употреблении. Таким образом, картотека словаря исчерпывает весь языковой материал в пределах принятых для него источников»⁸¹. Однако к началу издания СДРЯ (первый том вышел из печати в 1988 г.) было принято решение отказаться от включения в состав словника географических и личных имен⁸².

Объем и характер привлекаемых источников СДРЯ (оригинальных и переводных) определяется как «значительно более строгий» и отличается «тщательностью их подбора»: «расписывались только такие источники, которые с достаточным основанием могут быть приурочены к Древней Руси указанного периода» (исключение составляет несколько памятников, сохранившихся в списках первых десятилетий XV в.)⁸³. Таким образом, в составе источников отсутствуют древнерусские

⁷⁸ О разнице ценных картотек двух самых крупных исторических словарей русского языка писал Р. Эккерт еще до начала их издания: *Eckert R. Zwei einzigartige Sammlungen altrussischen Wortgutes. Die Kartotheken des Wörterbuches des russischen Sprache des XI–XVII Jahrhunderts und des Altrussischen Wörterbuches des XI–XIV Jahrhunderts in Moskau // Anzeiger für slavische Philologie. 1966. Bd. XI. N. 5. S. 715–722.*

⁷⁹ Позже материалы этой же картотеки благодаря их научной строгости, выверенности и достоверности были использованы для создания новой «Исторической грамматики русского языка»: *Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. I. Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000. 310 с.; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. II. Жолобов О.Ф., Крысько В.Б. Двойственное число. М.: Азбуковник, 2001. 236 с.; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. III. Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Прилагательные. М.: Азбуковник, 2006. 496 с.; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. IV. Жолобов О.Ф. Числительные. М.: Азбуковник, 2006. 360 с.*

⁸⁰ *Сумникова Т.А. Картотека Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка АН СССР. М., 1967. С. 124.*

⁸¹ *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М.: Наука, 1966. С. 5 (далее: СДРЯ. Пробный выпуск).*

⁸² СДРЯ. Т. I. Предисловие. С. 5.

⁸³ СДРЯ. Пробный выпуск. С. 4.

произведения, сохранившиеся в списках более позднего времени (например, «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия» и др.), а также «памятники старославянские, церковнославянские болгарского и сербского изводов, широко представленные среди источников словаря И.И. Срезневского». Таким образом, из Словаря исключены Книги Священного Писания⁸⁴, вся богословская и богослужебная литература и многие произведения, распространенные на Руси, переводы которых были осуществлены в других славянских землях.

Создатели Словаря признавали, что словарь не сможет полностью отразить лексический состав древнерусского языка. «В силу жанровой ограниченности древнерусской письменности и литературы, неполноты материала дошедших до нас памятников» его «следует расценивать как словарь языка избранного круга письменных источников, относящихся к древней Руси определенного периода». Тип словаря определен как «смешанный — толково-переводной» с элементами энциклопедического словаря⁸⁵.

Концепция, разработанная Р.И. Аванесовым и представленная в Пробном выпуске, после многократных научных обсуждений легла в основу создания СДРЯ⁸⁶.

Эта концепция — для своего времени наиболее выверенная и точная, в ней, безусловно, учтен опыт, накопленный на предшествующем этапе развития русской исторической лексикографии.

В начале первого тома подробно сказано о составе и структуре Словаря⁸⁷. Заглавное (заголовочное) слово приводится в форме и орфографии, отражающих морфемный и фонемный состав слова в древнейший из охватываемых словарем период. В одной словарной статье объединяются разновременные морфологические и орфографические варианты, представляющие собой результат фонетических изменений в языке восточных славян, варианты, отражающие черты отдельных диалектов и др.⁸⁸ После исходной формы помещается указание на количество употреблений слова по данным картотеки. В качестве опорных форм существительных принимаются: для существительных — родительный падеж, для глаголов — 1 и 3 л. единственного числа настоящего времени. После опорной формы следует указание на часть речи. Дается подробная семантическая характеристика слова; значительный цитатный материал, иллюстрирующий значения, оттенки и употребления слова располагаются в хронологической последовательности с учетом первой фиксации слова; количество цитат не ограничено; в них сохраняется орфография источника.

---

⁸⁴ Высказывалось предположение, что такого рода лексика «могла бы быть представлена в особом словаре церковнославянского языка восточнославянской редакции» (СДРЯ. Т. I. Предисловие. С. 9).

⁸⁵ СДРЯ. Пробный выпуск. С. 3.

⁸⁶ Свои соображения по поводу этого проекта, в том числе критические, высказал в 1968 г. В.В. Виноградов (*Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 3–22; работа переиздана в кн.: *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. С. 265–287).

⁸⁷ СДРЯ. Т. I. Состав и структура Словаря. С. 7–16.

⁸⁸ СДРЯ. Т. I. Предисловие. С. 11.

В списке источников⁸⁹, насчитывавшем в общей сложности в начале издания Словаря 784 источника⁹⁰, в некоторых случаях приводятся сведения о греческих оригиналах переводных произведений⁹¹.

Р.И. Аванесов указан в качестве главного редактора СДРЯ на титуле пяти томов: с первого (1988) по пятый (2002); главным редактором Словаря с 1986 г. был И.С. Улуханов, его имя значится на титуле пятого и шестого томов (2000; ответственный редактор VI т. — В.Б. Крысько); начиная с седьмого тома (2004) главным редактором становится В.Б. Крысько.

Особо следует сказать о дополнительных, нелекسیкографических разделах СДРЯ, т. е. о его Предисловиях и дополнительных частях.

В т. II (1989) и т. III (1990) начинают публиковаться «Исправления» к предыдущим томам, включающие кроме списка замеченных опечаток и уточнений, иное прочтение заглавного (заголовочного) слова и установление части речи, другое словоделение и др., что свидетельствует о готовности авторов ради совершенствования Словаря возвращаться к опубликованному материалу. Большой объем исправлений, подготовленных В.Б. Крысько с учетом материалов, предоставленных ему специалистами⁹², находится в V (2002)⁹³, VII (2004)⁹⁴, VIII (2008)⁹⁵, IX (2012) томах СДРЯ⁹⁶.

Первоначально Предисловия были очень краткими и содержали только сведения об авторах и редакторах соответствующего тома, однако его характер изменился в VI томе (2000), где — по причине «значительного расширения и уточнения источниковой базы палеославистики»⁹⁷, произошедших в последние десятилетия (речь идет о появлении каталогов крупнейших рукописных собраний) — было объявлено: 1) о необходимости уточнения датировок некоторых источников СДРЯ (с этим связано более четкое расположение цитатного материала), 2) о расширении круга источников — это: 77 славяно-русских книг XI–XIV вв., содержащих записи, новые публикации берестяных грамот (с учетом поправок к чтению, уточненных датировок, сообщенных акад. А.А. Зализняком), сотни новых древнерусских надписей, привлечение большего числа греческих оригиналов к переводным источникам Словаря и др. В Предисловии этого же тома сообщается о нескольких принципиальных решениях, касающихся лексикографического описания.

Начиная с VI тома (2000)⁹⁸ начинается публикация «Дополнений и уточнений к списку источников Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», она продолжается

⁸⁹ Список источников составлен Т.А. Сумниковой и А.И. Толкачевым (СДРЯ. Т. I. С. 24–68).

⁹⁰ СДРЯ. Т. I. Состав и структура Словаря. С. 7.

⁹¹ Они были подобраны Л.А. Павловой.

⁹² Их имена упомянуты в начале публикации.

⁹³ СДРЯ. Т. V. С. 585–645.

⁹⁴ СДРЯ. Т. VII. С. 482–503.

⁹⁵ СДРЯ. Т. VIII. С. 678–700.

⁹⁶ СДРЯ. Т. IX. С. 470–478.

⁹⁷ СДРЯ. Т. VI. С. 5 и далее.

⁹⁸ СДРЯ. Т. VI. С. 9–65.

в т. VII (2004)⁹⁹, т. VIII (2008)¹⁰⁰, т. IX (2012)¹⁰¹.

Сводный «Список используемых греческих источников древнерусских текстов» был помещен в V томе СДРЯ (2002)¹⁰², продолжением этой работы стал дополненный и уточненный список греческих источников древнерусских текстов, помещенный в VIII томе¹⁰³, здесь же — свод источников Пролога за сентябрьскую половину года (с указанием возможных греческих оригиналов), подготовленный Л.В. Прокопенко¹⁰⁴ (позже учтенный при подготовке к печати издания Пролога¹⁰⁵).

Как отметил Р. Эккерт в своей итоговой статье, посвященной выходящим в Москве двум историческим словарям, активно проводимое в последние годы совершенствование СДРЯ «позволило ему подняться на более высокий научный уровень»¹⁰⁶.

Продолжением исследовательских работ, осуществляемых вместе с изданием СДРЯ, служат подготовленные волгоградскими филологами прямой и обратный словники к СДРЯ (2002)¹⁰⁷. Авторы сообщают, что «Словник-индекс и обратный словник составлен на основе рукописного словника и вышедших в свет томов Словаря, а также подготовленных к печати последующих томов... 32 263 единицы проиндексированы путем их сопоставления с данными других исторических словарей», т. е. в Словнике приводятся указания на фиксацию соответствующих слов в «Материалах» И.И. Срезневского и в СлРЯ XI–XVII вв.

Со временем пришло осознание того, что заложенный в первоначальной концепции Р.И. Аванесова отказ от богослужебных и др. памятников в составе источников СДРЯ, сильно его обедняет. Кроме того, обнаружилось, что в состав источников попали также памятники древнеславянской письменности нерусского происхождения¹⁰⁸.

⁹⁹ СДРЯ. Т. VII. С. 7–28. «Дополнения», помещенные в этом томе и в последующих составлены В.Б. Крысько.

¹⁰⁰ СДРЯ. Т. VIII. С. 8–13.

¹⁰¹ СДРЯ. Т. IX. С. 9–14.

¹⁰² СДРЯ. Т. V. С. 7–13. Список подготовлен С.В. Дегтевым и В.Б. Крысько с учетом данных, указанных в I томе СДРЯ.

¹⁰³ СДРЯ. Т. VIII. С. 14–17. Дополнения составлены С.В. Дегтевым, В.Б. Крысько и Л.В. Прокопенко.

¹⁰⁴ СДРЯ. Т. VIII. С. 701–762.

¹⁰⁵ Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. I: Текст и комментарии / Изд. подгот. Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский; под ред. В.Б. Крысько. М., 2010. Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. М., 2012.

¹⁰⁶ Eckert R. Zum Stand... S. 134.

¹⁰⁷ Словник-индекс и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. 448 с.; Т. II. Лопушанская С.П., Шентухина Е.М. Обратный словник. 3-е изд., дополн. М.; Волгоград, 2002. 290 с.

¹⁰⁸ На это указал В.Б. Крысько, среди них: «Древнеболгарские переводы 16 слов Григория Богослова (по списку конца XIV в.), Пандекты Антиоха (по списку рубежа XII–XIII вв.), Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и других Отцов Церкви (в различных сборниках XII–XIV вв.), ранние южнославянские переводы и сочинения, вошедшие в Изборник 1076 г. и Мерило Праведное, моравский по происхождению Закон судный людям, кормчие книги и т. д.» (Крысько В.Б. Русские исторические словари в кругу церковнославянских словарей... С. 50).

Главный редактор СДРЯ В.Б. Крысько так оценил ситуацию по завершению издания Словаря: «Перед СДРЯ стоит задача дальнейшей интенсификации словарных изысканий, т. е. как можно более исчерпывающей подачи материала памятников, образующих корпус словаря (при ежегодном расширении этого корпуса за счет новых находок берестяных грамот), углубления семантической разработки слов, при необходимости — подробного комментирования сложных случаев (ошибок перевода, смешения лексем и т. п.). Выправление главного недостатка словаря — отказ от учета богослужебных памятников, составлявших основу книжно-письменного языка Древней Руси, — на нынешнем этапе... очевидно, нереально» (это упущение предлагается восполнить путем идентификации цитат из Св. Писания)¹⁰⁹.

Другие проекты исторических словарей

В 2004 г. стал выходить новый словарь «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ)¹¹⁰, опирающийся, в основном, на тот же круг источников, что и СлРЯ XI–XVII в., поскольку концепции обоих словарей восходят к идеям Б.А. Ларина. Проект будущего СОРЯ был предложен Б.А. Лариным в 1961 г. По мнению ученого, «при удовлетворительном описании лексики церковнославянского языка в ряде существующих исторических словарей¹¹¹, в них совершенно недостаточно отражена лексика живого языка средних веков». Он предложил создать новый словарь, опираясь на памятники XVI–XVII вв., в которых нашла отражение разговорная обиходная речь. Под «обиходной речью» он понимал «наддиалектную систему разговорной речи, которая постепенно складывалась с XV по XVII в. и именовалась в ту эпоху “просторечием”», что «должно изучаться как предпосылка и глубокая основа национального языка»¹¹². При неизбежных повторях материала в СОРЯ и СлРЯ XI–XVII вв.¹¹³ нужно отметить в качестве достоинств словаря достаточную полноту словника и основательность проработки семантики¹¹⁴, введение названий народов, племен и прилагательных, образованных от этнонимов и топонимов, и др.

Помимо словарей, определяемых специалистами как «исторические словари русского языка общелингвистического типа», в последние годы все больше появляется областных (региональных исторических словарей), базирующихся на местных памятниках письменности и архивных материалах. Обнаружение богатого лексического материала привело к осознанию двух фактов. Первый заключается в том, что, по признанию специалистов, настоящего исторического словаря русского языка, в котором давалась бы полная история слова, т. е. был бы представлен словар-

¹⁰⁹ Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.)... С. 114.

¹¹⁰ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–5 / Под ред. О.С. Мжельской. СПб.: Наука, 2004–2012–.

¹¹¹ По-видимому, Б.А. Ларин имел в виду словарь А.Х. Востокова и «Материалы» И.И. Срезневского.

¹¹² СОРЯ. Вып. 1. Введение. Из истории создания словаря: концепция Б.А. Ларина. С. 4.
¹¹³ См. профессиональное обсуждение первого выпуска СОРЯ в рецензии, опубликованной в журнале: Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 271–288.

¹¹⁴ Расписывание памятников, по замыслу разработчиков проекта, должно было быть более последовательным, чем это было сделано при создании выборочной Картотеки ДРС.

ный состав русского языка с древнейших времен до XIX столетия, до сих пор нет — этот вопрос с другой точки зрения обсуждается ниже. Второй факт. В ходе работы над тремя историческими словарями СДРЯ, СлРЯ XI–XVII вв., Словарем русского языка XVIII в. выяснилось, что нельзя решить все задачи, стоящие перед составителями полного русского исторического словаря, в рамках одного словаря: они могут быть решены лишь путем создания разных типов словарей исторического жанра¹¹⁵, т. е. речь идет о том, что «в исторических словарях русского языка общелингвистического типа (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам; “Словарь русского языка XI–XVII вв.”) специальная лексика старорусского языка находит слабое отражение»¹¹⁶.

Особенностью областных (региональных) исторических словарей последнего времени является их жанровое разнообразие, объясняемое целями их создания. Появились словари смешанного (комбинаторного) типа, т. е. имеющие черты нескольких лексикографических жанров. Этот новый способ представления (и объединения) информации представлен в диахронических словарях географических названий, тематических, терминологических и др.

Ниже предлагается выборочный перечень исторических словарей русского языка новых типов; для характеристики словаря используется авторская аннотация или фрагмент предисловия.

Региональные и диалектные исторические словари (в том числе тематические и терминологические словари)

Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край. Словарь языка памятников второй четверти XVII века. Конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань: Казан. ун-т, 2010.

Галиуллин К.Р., Шакирова Р.Р. Казанский край. Словарь языка памятников третьей четверти XVII века. Конкорданс. Обратный словоформоуказатель. Частотный словоформоуказатель. Казань: Казан. ун-т, 2009.

Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2009. Словарь полного типа. Он включает всю географическую терминологию, активно употребляемую жителями южнорусских сел Воронежской области. Исторический фон подразумевает комментарий к некоторым современным апелляциям, словам из воронежских памятников письменности XVII–XIX вв.

Исламова Э.А., Галиуллин К.Р. Казанский край. Словарь памятников XVI в. Казань: Изд. Казан. ун-та, 2000. Словарь включает лексику ста памятников русской письменности XVI века, связанных с Казанским краем.

---

¹¹⁵ Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000. Предисловие. С. 3.

¹¹⁶ Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1. СПб., 2003. Предисловие. С. 1; в самом деле, в этом словаре приводятся 11 словосочетаний (составных наименований) на слово *бечева*, «характеризующих производственные понятия» (Вып. 1. С. 41–42), ср. в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» — отмечено только два словосочетания *бечева варовая*, *бечева колокольничная* (Вып. 1. С. 158).

Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.). Т. 1 — (продолжающееся издание). Чита, 2003. Хронология документов указывает на время создания русской администрации на территории Забайкалья. В словаре представлены слова литературного языка того времени и живой народно-разговорной речи, отражена лексика различных тематических групп.

Палагина В.В. Материалы для исторического словаря томского говора / первая половина XVII–XVIII в. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск: Изд. ТГУ, 1975. Вып. 3.

Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. Рассматривается более 1500 зафиксированных в речи жителей Пермского края диалектных и общерусских географических терминов — слов нарицательных, называющих различные уголья, участки земной и водной поверхности. Разрабатывается семантика слов и их происхождение (с опорой на специальные исследования и этимологические, исторические и диалектные словари). Словарь составлен по материалам диалектологических экспедиций, проводившихся со второй половины XX в., и включает географические термины, зафиксированные в пермских памятниках письменности XVI–XVIII вв.

Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI– начала XVIII века. Т. 1–2. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. В словарь включена лексика деловых памятников XVI–начала XVIII в. Верхнего и Среднего Прикамья, т.е. на территории современного Пермского края, и лексика живой народной речи (диалектная и просторечная), зафиксированная в показаниях жителей Прикамья: названия предметов одежды, домашней утвари, тканей, орудий труда, географических объектов, растений, животных и т.д., включены прозвища, восходящие к словам нарицательным.

Полякова Е.Н. Словарь пермских памятников XVI– начала XVIII века. Вып. 1–6. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.

Попова Н.Е. Материалы для словаря сибирских памятников XVII–XVIII вв. // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. Красноярск, 1978.

Попова Н.Е. Материалы для словаря сибирских памятников XVII–XVIII вв. // Русское народное слово в историческом аспекте. Красноярск, 1984.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20–. СПб., 1967–2008–.

Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000. Источники Словаря — рукописные и частично опубликованные памятники многожанровой смоленской деловой и частно-деловой письменности.

Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Словарь включает как локально ограниченную, так и общерусскую лексику и является существенным дополнением к имеющимся в настоящее время историческим словарям русского языка, он может стать единственной основой для реконструкции разговорного языка первого русского населения Томска и Западной Сибири.

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1. СПб., 2003. Вып. 2. СПб., 2005 (продолжающееся издание). В словаре представлена лексика основных промыслов и ремесел Северной Руси: железоделательного, соляного, стро-

ительного, лесного, рыболовецкого, судостроения, судовождения, а также художественных — иконописи, ювелирного дела, шитья и др. Согласно определению авторов, это двуязычный толково-переводной словарь (Вып. 1. Предисловие. С. 1, 3).

Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII века. Красноярск, 1971.

Тематические исторические словари

Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. М.: Русский путь, 1998. Словарь содержит толкования более 1500 специальных наименований русского золотого промысла XVIII–XIX вв. Он создан на основе архивных материалов и с учетом специальных публикаций по теме (материалы «Горного журнала» с 1843 г. по 1892 г.).

Гладилина Г.Л. Словарь лексики лесного сплава XVIII – первой половины XX в. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Словарь содержит около тысячи специальных наименований. Сведения о времени функционирования, территориальном распространении слов помогут проследить основные этапы формирования терминологии этой области.

Замятина Н.А. Терминология русской иконописи. М., 1997; переизд. М., 2000. Словарь включает более 700 терминов. «Основной задачей работы было сформировать... Словарь, в котором бы максимально полно была отражена терминология русской иконописи XI–XX вв.»... «Самые ранние технические статьи относятся к сер. XV в.»... «для реконструкции терминологической системы... ранних веков были использованы материалы картотеки ДРС» и исторические словари русского языка (Введение. С. 11–12).

Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М., 2001.

Шабалин Д.С. Древнерусская музыкальная энциклопедия. Краснодар, 2007. В работе впервые публикуются два музыкально-терминологических словаря. Автор опирается на значительный объем источников, в том числе рукописных, учитывает данные исторических словарей русского языка.

В ряде публикаций обсуждалась идея создания серии исторических тематических словарей на основе «Словаря русского языка XI–XVII вв.»¹¹⁷.

Словари языка отдельных памятников письменности

Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В.Л. Виноградова. Вып. 1–6. Л., 1965–1984.

Паремиологические исторические словари

Галиуллин К.Р., Мартыанов Д.А. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века. Сборник пословиц Петровской галереи. Казань, 2006.

---

¹¹⁷ *Чернышева М.И.* Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Гродно, 2009. С. 80–87; *она же.* Тематический исторический словарь русского языка: одежда // Коды повседневности славянской культуры: еда и одежда. СПб.: Алетейя, 2011. С. 7–15.

Частотные

Грузберг А.А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века. Пермь, 1974.

Словари трудностей

Условно можно указать словарь, используемый как справочник:

Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. 2-е изд. М., 2008. «Словарь содержит около 2000 словарных статей. При отсутствии каких-либо индексов (указателей, симфоний) к церковнославянским богослужебным текстам весь материал собирается... вручную» (Предисловие. С. 8). «Словарь составлен по текстам богослужебного круга Русской Православной Церкви, преимущественно в позднейших изданиях» (Предисловие. С. 20).

Обратные словники исторических словарей

Dulewicz I., Grek-Pabisowa I. Maryniak I. Indeks a tergo do Materiałów do Słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego / Pod kier. A. Obreńskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1968.

Лопушанская С.П., Шептухина Е.М. Обратный словник. 3-е изд., дополн. М.; Волгоград, 2002. Т. II. (Словник-индекс и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. I. М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002).

Филиппович Ю.Н., Чернышева М.И. Филиппович А.Ю. Словник (обратный) Словаря русского языка XI–XVII вв. (вып. 1–25) // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001. С. 393–813¹¹⁸.

Русская историческая и этимологическая лексикография

По мере подготовки и начала издания ряда крупных исторических и этимологических словарей в нашей стране и в других славянских странах¹¹⁹ (в Москве в это время почти одновременно с СлРЯ XI–XVII вв. начал издаваться «Этимологический словарь славянских языков»¹²⁰), возникла дискуссия, важная для определения границ исторической и этимологической лексикографии, о том, что следует понимать под историей слова. С позиции этимолога, для которого именно «этимология наиболее полно выражает идею историзма», по спорным вопросам высказал свое мнение О.Н. Трубачев¹²¹. Подчеркивая исключительные возможности этимологии

¹¹⁸ В Обратном словнике исправлены опечатки издания и устранены слова, признанные ошибочными, их список приводится в Предисловии к обратному словнику (с. 394).

¹¹⁹ Итоговый обзор достижений в этой области представлен в кн.: Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): итоги и перспективы. Сборник обзоров. Редакторы-составители М.Ф. Мурьянов, Л.В. Сорокоумская. М., 1986.

¹²⁰ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–38-. М.: Наука, 1974–2012– (в настоящее время ЭССЯ выходит под редакцией А.Ф. Журавлева).

¹²¹ *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // Теория и история русской исторической лексикографии / Ред. Г.А. Богатова, Г.Я. Романова. М.: Наука, 1984. С. 23–36; в этой работе приводятся также мнения по обсуждаемому вопросу известных славистов (Ф. Славского, И. Немца), романистов, русистов (В.В. Виноградова, Ю.С. Сорокина) и специалистов по другим языкам.

по сравнению исторической лексикографией для реконструкции слова (его фонетического облика, словообразовательных связей и первоначальной семантики), О.Н. Трубачев предостерегает, с одной стороны, от перенесения в этимологии акцента исследования на период письменной истории (в результате чего возникает главное противоречие — противопоставление истории слова ее этимологии, т. е. доистории), а с другой, «насыщение исторического словаря сравнениями с диалектными и иноязычными данными, а также сведениями по этимологии», по мнению ученого, «способно лишь взорвать изнутри исторический словарь как таковой». При этом «история слова невозможна без исторического словаря так же, как невозможна без него этимология»¹²².

Сейчас в науке окончательно утвердилось положение о том, что этимология не тождественна истории слова, и этот тезис стал основным при решении вопроса о создании словаря определенного типа.

Тем не менее, в отечественной лексикографии был опробован способ объединения информации об истории слова и его этимологии в одном словаре. Речь идет о посмертном издании «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черныха¹²³ (13 560 слов), которое, по признанию этимологов, стало событием в истории русской этимологической лексикографии. Особенность этого труда состоит в реализации идеи объединения двух типов словаря: исторического и этимологического. В словаре приводится следующая информация: семантика слова, диалектные и сравнительные данные по другим славянским языкам, производные слова, вводятся сведения исторического характера: с какого времени слово появилось в русском языке (иногда — для древнерусского и старославянского языков указываются падежные формы); завершает словарную статью этимологический раздел, где представлена реконструкция общеславянской формы, сравнительный материал индоевропейских языков, анализ морфемного состава и т. д. Автор выделяет четыре группы слов, которые формируют словник: 1) все слова основного общеславянского фонда, употребляющиеся во всех или некоторых современных славянских языках (включая русский); 2) те старославянские слова, которые вошли в словарный состав древнерусского языка и сохранились в современном русском языке; 3) заимствованные слова, возникшие в среднерусскую эпоху, отличающие русский (великорусский) язык от украинского и белорусского; 4) слова, заимствованные из западноевропейских и восточных языков, прочно укоренившиеся в общерусском языке¹²⁴.

Жанр историко-этимологического словаря оказался востребованным. Не так давно появился историко-этимологический словарь «Русская фразеология»¹²⁵.

---

¹²² Там же. С. 35.

¹²³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993–1994 (словарь несколько раз переиздавался, 4-е изд. М.: Русский язык, 2001).

¹²⁴ Выписка приводится по 4-му изданию (с. 12).

¹²⁵ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; Аст; Люкс, 2005.

Историческая лексикография XVIII в.

Описанию истории и современного состояния в этой области отечественной лексикографии посвящена работа Е.Э. Биржаковой, И.А. Малышевой и И.Е. Кузнецовой «Русская лексикография — XVIII в.», помещенная в третьей части коллективного труда.

«Словарь русского языка XIX в.» (особый тип исторического словаря) и исторический словарь современного русского языка

До сих пор понимание того, что такое исторический словарь, соответствовало, в основном, классической формулировке В.И. Абаева: «Под историческим словарем понимают обычно филологический словарь, основанный на документации по письменным памятникам»¹²⁶. Более известное и постоянно воспроизводимое определение исторического словаря Л.В. Щербы на самом деле допускает расширительное понимание задач исторической лексикографии: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение»¹²⁷.

Ю.С. Сорокин, давая определение «существеннейшего признака» исторического словаря, подчеркивал, что «дело не в обращении к языковым фактам и письменным памятникам прошлого» и не в «отнесенности такого словаря к прошлому». Специфику исторического словаря ученый видел в рассмотрении «явлений языка» во временных изменениях, в движении, т.е. исторический словарь, по мнению Ю.С. Сорокина, демонстрирует «процесс языкового развития в том или ином его временном отрезке или периоде»¹²⁸.

Таким образом, само понятие «исторический словарь русского языка» и задачи его создания могут пониматься по-разному.

Не так давно оформилась концепция дифференциального исторического словаря русского языка XIX в., ориентированного на эволюцию нормы в пределах описываемого периода. Заявлены главные принципы словаря: его дифференциальный тип (выражающийся в дифференциальном подходе к формированию словника и структуре словарной статьи, ориентированной на употребление как основную единицу лексико-семантического описания) и историко-культурный характер¹²⁹. Соображения, касающиеся создания такого словаря, были высказаны Ю.С. Сорокиным

¹²⁶ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973. С. 4 (примеч. 1).

¹²⁷ Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958. С. 90.

¹²⁸ Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 6. В статье обсуждаются проблемы создания «Словаря русского языка XVIII в.».

¹²⁹ Калиновская В.Н. «Словарь русского языка XIX века» как особый тип исторического словаря // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб.: Наука, 2005. С. 27.

еще в 1966 г. после завершения работ над «Словарем современного русского литературного языка». Осуществление этого проекта показало, по мнению ученого, «невозможность соединения и последовательного проведения двух разных лексикографических принципов: нормативно-стилистического и историко-описательного, взятых за основу при разработке лексического состава современного русского литературного языка, формирование и развитие которого охватывало довольно значительный промежуток времени («от Пушкина до наших дней»)»¹³⁰. В качестве одной из причин неудачи Ю.С. Сорокин называл отсутствие исторических словарей предшествующих эпох, т. е. словарей русского языка XVIII и XIX вв., «исторических словарей русского языка нового времени»¹³¹. Так возникла идея двух проектов. Руководителем первой из названных стал сам Ю.С. Сорокин. Над вторым проектом, концепция которого была сформулирована им вместе с Л.Л. Кутиной, в настоящее время ведется работа в Институте лингвистических исследований РАН. Создатели новой концепции «Словаря русского языка XIX в.» опирались на методологические принципы исторического изучения лексики, разработанные еще Б.А. Лариным¹³², и на достижения в изучении теоретических и практических вопросов по проблемам истории русского литературного языка и исторической лексикологии и лексикографии В.В. Виноградова¹³³. Обоснование концепции изложено в Проекте «Словаря русского языка XIX в.» (СПб., 2002)¹³⁴.

* * *

Специалисты неоднократно возвращались к мысли о необходимости создания исторического словаря современного русского языка, подразумевая его комплексный характер. Д.Н. Шмелев, обосновавший несколько десятилетий назад необходимость создания такого словаря, исходил из того, что, в отличие от словарей русского языка отдельного периода, где приводится только «лексикографическая фиксация», в подлинном историческом словаре будет восстановлена история слова

---

¹³⁰ Там же. С. 25.

¹³¹ Сорокин Ю.С. Задачи создания исторических словарей русского языка нового времени. Цит. по: Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы. СПб., 2003. С. 6; ср. соображения В.В. Виноградова в статье 1941 г.: Виноградов В.В. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII и XIX вв. // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. С. 192–205.

¹³² Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару). Очерки по истории слов в русском языке // История русского языка и общее языкознание. Л., 1977.

¹³³ Виноградов В.В. История слов. М., 1994; см. также приведенные выше указания на переиздание его трудов.

¹³⁴ Обсуждение проекта представлено в сборнике: Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005; а также в ряде работ В.Н. Калиновской, в том числе: Калиновская В.Н. Типы лексических новаций в русском языке XIX века: универсальные словообразовательные модели «в действии» // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, СПб., 2009. С. 16–24 (в Приложении опубликовано несколько пробных словарных статей с предварительными комментариями); она же. Дифференциальный словник «Словаря русского языка XIX века» как материал для истории слов и понятий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 184–195.

на протяжении всего тысячелетнего существования русского языка, начиная с древнерусского, т.е. восточнославянского периода, до современного русского языка. В соответствии с первоначальным замыслом объем словника словаря задумывался небольшим: 1000–1200 единиц. Было представлено обоснование концепции предполагаемого словаря и продемонстрированы варианты некоторых словарных статей¹³⁵.

Не так давно появился еще один пример исторического словаря, созданный под влиянием английской лексикографической традиции, — «Словарь истории русских слов», первый том которого подготовлен коллективом ученых МГУ им. М.В. Ломоносова и московского Института иностранных языков (главные редакторы Э.Ф. Володарская, М.Л. Ремнева)¹³⁶. Новый словарь можно понимать как опыт создания комплексного (или универсального) исторического словаря русского языка. В нем собраны сведения о слове с опорой на все существующие в отечественной лексикографии словари, начиная с многообразных лексиконов русского языка XVIII в.; словарь содержит лингвистическую информацию разного рода; в него включен свежий цитатный материал из произведений древнерусской, старорусской, классической и современной русской литературы. Такой подход, в соответствии с концепцией, позволяет решить основную задачу Словаря: «собрать в одной словарной статье, “под крышей” одного заглавного слова все имеющиеся на данный момент сведения о нем». Другая задача, сформулированная во «Введении»: «стремление... к максимальному охвату слов в русском языке», — как признают сами авторы, не может быть решена на сегодняшний день, т. к. в данный момент объем словника ограничивается 10 тыс. словарных статей (авторы сознают, что это приводит к «неполноте и эклектичности словника»). Таким образом, по замыслу авторов, по мере публикации «словаря-основы, словаря-базы», а также накопления томов дополнений возникнет возможность «для создания в будущем “биографии” каждого слова русского языка». Задачи, поставленные создателями Словаря, как частные, так и общие: установление этимологии слова, его первой фиксации в памятниках русской письменности, показ изменения фонетического облика и морфологических особенностей, зафиксированное в строгой хронологии развитие семантики слова, воссоздание словообразовательного гнезда в исторической перспективе и мн.др. — можно определить как задачи чрезвычайной сложности.

Идея создания подобного рода «универсального» исторического словаря русского языка давно созревала. Накопление соответствующих ресурсов может привести к возникновению, скорее всего, электронного, постоянно обновляемого, варианта подобного рода труда.

---

¹³⁵ Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 34–46.

¹³⁶ Словарь истории русских слов / Гл. ред. Э.Ф. Володарская, М.Л. Ремнева. Т. 1. М., 2009.

* * *

Фактически осмысление теоретических проблем исторической лексикографии русского языка и решение разнообразных научных задач сопутствует подготовке издания исторических словарей, т. е. происходит в ходе практической реализации конкретного проекта.

В целом можно сказать, что русская историческая лексикография представляет собой комплексную дисциплину, включающую (помимо собственно лексикографических) множество дополнительных научных операций, как исследовательского, так и вспомогательного характера, выполнение которых для осуществления выбранного проекта требует (при наличии хорошо подготовленных специалистов) длительного времени, поскольку, как показала практика создания исторических словарей, заранее предугадать все возникающие трудности не представляется возможным.

Л.Л. ШЕСТАКОВА
(Россия, Москва)

РУССКАЯ АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ *

В современном понимании авторская лексикография — это теория и практика составления словарей языка отдельных авторов и групп авторов (писателей, ученых, политиков и т. п.). Русская авторская лексикография представлена в настоящее время как собственно словарными сочинениями, созданными на материале творчества разных авторов, так и значительным сводом теоретических работ, отражающих содержание и специфику этого направления в словарной науке. Образцы словарей, обширный библиографический материал, собранные в антологии «Русская авторская лексикография XIX–XX веков» (М., 2003), а также более поздние словарные издания дают картину общего состояния отечественной авторской лексикографии. Они позволяют воссоздать этапы ее становления и развития, прояснить параметрический, типологический аспекты писательского словаростроения, проследить историю формирования семейств словарей отдельных авторов, выявить характер, степень отраженности в словарях авторских дискурсов.

Авторская лексикография, непосредственно связавшая словарное дело и язык автора как творческой индивидуальности, мастера слова, возникла в отечественной

---

* Данная статья представляет собой переработанный и дополненный раздел книги: Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М., 2003. С. 17–21. Основой для дополнений послужили материалы монографии: Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

филологии во второй половине XIX в. Первый авторский справочник конкордансного типа — «Словарь к стихотворениям Державина» — был составлен академиком Я. Гротом и опубликован в 1883 г. в собрании сочинений поэта. Сейчас список авторов, наследие которых в том или ином объеме описано лексикографически, содержит не один десяток имен. Среди них писатели и поэты: Баратынский, Батюшков, А. Белый, Блок, Бродский, Гоголь, Горький, Грибоедов, Есенин, Достоевский, Кольцов, Лермонтов, Лесков, Мамин-Сибиряк, Манделъштам, Маяковский, Мельников-Печерский, Некрасов, Островский, Паустовский, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, Тютчев, Фонвизин, В. Хлебников, Цветаева и др.; ученые, политики, публицисты и т. п.: Выготский, Лебедь, Пуцин и др.

Всякая национальная авторская лексикография строится вокруг имен классиков, признанных мастеров той или иной национальной литературы (ср.: Шекспир, Мильтон и др. — в Англии, Гёте, Шиллер — в Германии, Мольер, Лафонтен — во Франции, Данте — в Италии, Сервантес — в Испании, Мицкевич — в Польше...). Не случайно поэтому, что наибольшую разработку в русской авторской лексикографии получили пушкинские словари. Семейство пушкинских словарей образуют справочники многих и разных типов: лингвистические и энциклопедические, фиксирующие (регистрационные) и объяснительные, поэтического языка и прозаического языка, языка отдельного произведения и всего творчества автора. За первыми по времени появления «Материалами для словаря пушкинского прозаического языка» В.А. Водарского (1901–1905) последовали: выпуск «Пушкин» «Словаря литературных типов» (1912), «Путеводитель по Пушкину» (1931; в числе составителей этого справочника М.П. Алексеев, С.М. Бонди, Д.Д. Благой, Г.А. Гуковский, С.И. Ожегов и др.), подготовленный В.В. Виноградовым пушкинский «Глоссарий» (1936), «Античный словарь к произведениям А.С. Пушкина» (сост. А.Н. Белоруссов, С.Г. Романов, 1937) и другие справочники. Центральное место в системе пушкинских словарей занял «Словарь языка Пушкина» (1956–1961), во многом определивший направление развития русской авторской лексикографии; его дополняли «Материалы к частотному словарю языка Пушкина» (1963), «Новые материалы к словарю А.С. Пушкина» (1982) и иные издания.

Пушкинские словари создавались и зарубежными лексикографами. Это «Обратный конкорданс к роману в стихах А.С. Пушкина “Евгений Онегин”» (сост. М. Ладдик, 1980), «Pushkin’s rhymes: A dictionary» (1975) и «Pushkin: A Concordance to the Poetry» (1985) (сост. обоих словарей J.Th. Shaw; в 2000 г. конкорданс издан на русском языке), «A Lemmatized Concordance to The Captain’s Daughter of A.S. Pushkin» (ed. Y. Urai, 1997), «A Lemmatized Concordance to the prose works of A.S. Pushkin: Peter the Great’s blackamoor, The Tales of Belkin and The Queen of Spades» (ed. Y. Urai, Sh. Horikoshi, 2002). Заметим, что названные и подобные им словари относятся к русской авторской лексикографии в том смысле, что в них представлено в лексикографической форме описание языка русских художественных текстов.

Список пушкинских словарей завершают на данный момент оригинальные лексикографические издания: «Морфемно-морфонологический словарь языка

А.С. Пушкина» (сост. А.А. Кретов, Л.Н. Матющина, 1999), «Словарь крылатых выражений Пушкина» (сост. В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, 1999), «Опыт конкорданса к роману в стихах А.С. Пушкина "Евгений Онегин" с приложением текста романа» (сост. Д.А. Гайдуков, 2003), «Ономастика лицейской лирики А.С. Пушкина: Словарь» (сост. Е.С. Обухова, 2005) и некоторые другие, а также переизданный к юбилею поэта четырехтомный «Словарь языка Пушкина» (2000).

Даже простой перечень словарей показывает, что пушкинская лексикография вырастает, со своим предметом исследования, в отдельную отрасль авторской лексикографии. Возможности словарной фиксации и интерпретации наследия великого поэта далеко не исчерпаны. Компьютерная основа современной лексикографии благоприятствует детализированному изучению пушкинского словоупотребления во всем его многообразии.

Более чем полуторавековой период развития русской авторской лексикографии — это, по крайней мере, три значительных этапа. I этап (1860-е – 1910-е гг.) связан с созданием преимущественно писательских словарей фиксирующего типа (конкорданс, индекс), II (1920-е – 1950-е гг.) — с реализацией идеи толкового словаря языка Пушкина, III (1960-е – 1980-е гг.) — с подготовкой «неограниченно полного» семантико-стилистического словаря М. Горького и сводного словаря поэтического языка эпохи; с третьим этапом связано также расширение писательской лексикографии до собственно авторской (на материале произведений В.И. Ленина)¹. Составление авторских словарей сопровождалось, как правило, обращением к вопросам истории и теории авторской лексикографии, в частности, основных измерений авторских справочников, формирования словника и структуры словарной статьи. Отражением этого стали работы Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, М.Б. Борисовой, Р.Р. Гельгардта, В.П. Григорьева, П.Н. Денисова, М.А. Карпенко, Л.С. Ковтун, Д.М. Поцепни, Ю.С. Сорокина, О.И. Трофимкиной, А.В. Федорова, О.И. Фояковой, О.В. Творогова и др.²

В эволюции авторской лексикографии период с начала 90-х гг. XX в. по настоящий момент может быть рассмотрен как безусловно новый и самостоятельный. В это время она развивается особенно интенсивно, что представляется одним из проявлений общей — в мировой и отечественной словарной науке — тенденции к лексикографической параметризации языка (по Ю.Н. Караулову). Утверждение

---

¹ См. также периодизацию, предложенную в работе: *Фоякова О.И.* Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: Межвуз. сб. памяти проф. Ю.С. Маслова. СПб., 1993. С. 113–134. Эта статья вошла в раздел I названной антологии в полном объеме.

² См., например, такие работы, составившие классику авторской лексикографии: *Винокур Г.О.* Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949. С. 5–27; *Ларин Б.А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 3–11; *Ковтун Л.С.* О специфике словаря писателя // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 12–31; *Григорьев В.П.* Введение (Новые словарные предприятия и идеи в области лингвистической поэтики. Отклики на проспект) // Поэт и слово. Опыт словаря. М., 1973. С. 15–50; *Гельгардт Р.Р.* Словарь языка писателя. К истории становления жанра // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 18–35 (эта статья также представлена в разделе I антологии).

авторской лексикографии как объективного метода изучения языковой личности, индивидуальных авторских стилей, языка литературных произведений (одной эпохи, направления, течения и т. п.) находит выражение в публикации новых словарей, организации оригинальных словарных проектов, оформлении новых методик лексикографирования языка творческой индивидуальности и т. д. При этом авторская лексикография, как и вся словарная наука, немыслима теперь без компьютерных технологий, позволяющих особенно быстро создавать словари регистрирующего типа (конкордансы, индексы, частотные справочники).

В последние десятилетия в теории и практике создания авторских словарей обозначились тенденции, которые наглядно прослеживаются при обращении к словарным материалам и исследовательской литературе. Теоретические проблемы авторской лексикографии изучаются с учетом современных подходов к анализу языковых явлений (антропоцентрического, когнитивного и др.). Внимание ученых, большинство из которых принадлежит к инициаторам или участникам разных словарных проектов, сосредоточивается на целом ряде вопросов. Рассматриваются: предмет авторской лексикографии, общая типология авторских словарей и специфика словарей отдельных типов, в особенности прежде не разрабатывавшихся; организация словника и структура словарной статьи (в частности набор параметров, определяющих глубину разработки описываемой единицы) во множественности их форм, обусловленных задачами словарей; соотношение и приемы подачи общего и индивидуального в авторских словарях; принципы лексикографической обработки языковых единиц определенных категорий и классов (имен собственных, служебных слов, устойчивых сочетаний, сравнительных оборотов, цитат и др.). Обсуждаются проблемы выбора источника авторского словаря, плодотворность жанрового подхода к описанию языка отдельного автора; изучаются роль авторских словарей в языковой культуре народов, интернациональные и национальные традиции в авторской лексикографии; разбираются и предлагаются способы использования материалов авторских словарей в исследовательских целях; разрабатываются основы вузовского преподавания курсов авторской лексикографии и т. д. Названная проблематика отражена в работах некоторых из уже названных выше авторов, а также в исследованиях Е.Л. Гинзбурга, А.Л. Голованевского, Ю.Н. Караулова, О.М. Карповой, И.М. Курносковой, В.В. Леденёвой, Н.Н. Перцовой, О.Г. Ревзиной, И.А. Тарасовой, Н.А. Тураниной, А.Я. Шайкевича, Л.Л. Шестаковой, Л.Г. Яцкевич и др.

Следует подчеркнуть, что авторская лексикография теперь более полно представлена в общих пособиях по теории и практике лексикографии. См., к примеру, разделы «Словари языка писателей (писателя)» в изданиях: «Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка» (авторы: В.А. Козырев, В.Д. Черняк. СПб., 2000), «Словари русского языка» (авторы: В.В. Дубичинский, А.Н. Самойлов. Харьков, 2000), «Русская лексикография» (автор: Э.Г. Шимчук. М., 2003). Публикуются и специальные пособия, например: «Художественный мир и словарь языка писателя: Учебно-методическое пособие» (авторы: Э.М. Вольфсон, Ю.С. Серенков. Новокузнецк, 2002), «Русская писательская лексикография: Учебное посо-

бие» (автор: Л.Л. Шестакова. М., 2007), «Словари языка русских писателей и поэтов: Учебное пособие» (автор: Е.Л. Лилеева. М., 2011), а также программы учебных вузовских курсов по писательской лексикографии.

Практическая авторская лексикография рубежа XX–XXI веков дает различные образцы словарей, как завершенных, так и продолжающихся, издаваемых в виде отдельных выпусков или томов. Их анализ выявляет целый ряд черт, определяющих в своей совокупности специфику авторских словарей рассматриваемого этапа. Обозначим некоторые из них.

Заметно расширился состав авторов, в том числе современных, творчество или отдельные произведения которых привлекаются к словарному описанию; среди них: Ломоносов, Крылов, Дельвиг, Полежаев, Бунин, Гумилев, Клюев, Кузмин, В. Хлебников, Цветаева, Замятин, Шолохов, Астафьев, Окуджава, Шукшин, Высоцкий, Есин, Токарева и др.

Отмечается обращение к писателям, художественное наследие которых ранее уже интерпретировалось лексикографически, однако вновь избирается (по значимости в историко-литературном процессе, стилистико-языковому богатству и т. д.) в качестве объекта словарного описания. О старых и новых пушкинских словарях было сказано выше, приведем примеры новых словарей языка Грибоедова: «Алфавитно-частотный и частотный словари комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”» (сост. А.В. Королькова, 1996), полный толковый «Словарь языка комедии “Горе от ума”» (сост. Л.М. Баш, Н.С. Зацепина, Л.А. Илюшина, Р.С. Кимягарова, 2007), базирующийся на материалах всего творчества писателя «Словарь языка А.С. Грибоедова» (т. 1, сост. А.Е. Поляков, 2008), «Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова (“Горе от ума”» (сост. В.М. Мокиенко, О.П. Семенец, К.П. Сидоренко, 2009). Названные издания продолжили линию грибоедовской лексикографии, начатую словарными трудами В.Н. Куницкого (1894), В.Ф. Чистякова (1939) и Л.Д. Суражевского (1941).

Оформляются авторские словари новых разновидностей, в том числе изоморфные отдельным типам и жанрам словарей общего языка. Примерами могут служить «Словарь фразеологизмов в поэтической речи В.В. Маяковского» (сост. Н.Н. Ничик, В.М. Ронгинский, 1991), «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» (сост. Н. Перцова, 1995), «Обратный частотный словарь поэтических произведений А.В. Кольцова» (сост. Р.К. Кавецкая, А.А. Кретов, 1996), «Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина» (вып. 1, сост. В.А. Гречко, С.Н. Переволочанская, Е.Н. Широкова, И.В. Воденисова, 2000).

Усиливается идиостилевая направленность авторской лексикографии, прослеживаемая, прежде всего, в дифференциальных справочниках. К их числу можно отнести авторские словари ключевых слов, диалектной лексики, фразеологизмов, эпитетов и т. д., например: «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова» (сост. И.А. Тарасова, 2008), «Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» (сост. И.М. Курносова, 2006), «Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого: Опыт словаря» (сост. Н.С. Уваров, 2007), «Словарь эпитетов Ивана Бунина» (в 2 т., сост.

В.В. Краснянский, 2006). Ср. и полный «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» (в 4 т., сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловяникова, О.Г. Ревзина, 1996–2004).

Одну из отличительных черт современной авторской лексикографии можно определить через понятие «серийности». Проявляется серийность по-разному — прежде всего, как задуманная, лежащая в основе общей концепции словаря. Например, дифференциально-распределительный «Словарь языка Достоевского» (руководитель проекта и главный редактор чл.-корр. Ю.Н. Караулов) создается в виде совокупности дополняющих друг друга словарей, центральным из которых является идиоглоссарий — словарь толкового типа, включающий *идиоглоссы* — лексемы, важные для понимания творчества автора, его мировосприятия. К настоящему времени опубликованы три тома «Идиоглоссария» (буквы А–В, Г–З, И–М, 2008, 2010, 2012). См. также масштабный проект «Словарь языка М.В. Ломоносова» (главный редактор акад. Н.Н. Казанский), в рамках которого подготовлено несколько выпусков материалов к словарю, в том числе «Словарь-справочник “Минералогия М.В. Ломоносова”» (ответственный редактор С.С. Волков, 2010).

Серийность просматривается и в том, что лексикографы создают по единым принципам словари языка разных авторов. См., например, составленные Н.А. Турапиной словари метафор Маяковского (1997), Блока (1997), Есенина (1998). Наконец, своего рода серийность обнаруживается в том, что по отдельным авторам создается сразу несколько словарей. Так, творчество Тютчева в разных объемах описано в таких лексикографических трудах, как: «Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф.И. Тютчева» (сост. Б.В. Орехов, 2004), «Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря» (сост. М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко, 2005), «Поэтический словарь Ф.И. Тютчева» (сост. А.Л. Голованевский, 2009).

Принцип серийности реализует возможность и плодотворность применения, с одной стороны, разных форм в словарном описании языка отдельного автора, с другой стороны — единой формы в приложении к разным авторам. В целом же он отражает один из общих лексикографических принципов множественности словарных описаний языка.

В современной авторской лексикографии проявляет себя и тенденция к интегрированию в рамках одного издания словарей разных типов и жанров. Это может быть объединение регистрирующих справочников (словоуказателя, частотного словаря, конкорданса) или объяснительных и регистрирующих. Пример первого рода демонстрирует «Частотный словарь лирики О. Мандельштама» (сост. Д.И. Черашняя, 2003), второго — «Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова» (сост. М.И. Сидоренко, 2005) и двухтомное издание «Индивидуальное и общее в идиолекте Н.С. Лескова: Лексический состав эпистолярных текстов 90-х годов XIX века: Словарь» (сост. В.В. Леденёва, 2007). В словарь поэзии Рубцова входят толковый идиостилевой словарь, словари имен собственных, фразеологизмов, тысячи самых частых слов и, как видно из названия книги, словарь рифм. Лексикографическое описание языка Лескова представляют словари толковый, частотный и конкорданс (в виде сочетаемости имен). Ср. и состоящий из двух частей «Словарь языка Михаила

Шолохова» (под ред. Е.И. Дибровой, 2005). Первая его часть представляет тематический по расположению единиц толковый (с элементами энциклопедизма) словарь текстом (*текстема* передает концептуальное понятие, связанное с выражением авторских идей и представлений), вторая — собственно толковый словарь, который описывает лексику и фразеологию, характеризующую индивидуальный стиль писателя (авторскую, диалектную и иную). Справочники, образующие в каждом из подобных случаев единый словарь, дополняют друг друга, создают в совокупности объемную, детализированную картину авторского словоупотребления.

Наметилось оживление в сфере двуязычной авторской лексикографии. Опубликовано 1 и 2 выпуски «Словаря поэзии Николая Вапцарова», представляющего собой опыт лексикографического описания болгарского художественного текста (сост. Е.А. Захаревич, Е.Ю. Иванова, М.Ю. Котова, Г.В. Крылова и др., 1998, 2004). См. также сопоставительный немецко-русский словарь «Афоризмы Э.-М. Ремарка» (сост. О.М. Фадеева, 2000).

Наблюдается более явное разграничение словарей монографических и сводных, связанное с пополнением справочников второй разновидности новыми изданиями. К ним относится, например, «Словарь языка русской поэзии XX века», создаваемый на материале творчества 10 поэтов столетия (сост. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова, Л.И. Колодяжная, В.В. Бакеркина, А.В. Гик, А.С. Кулева, Т.Е. Реутг, Н.А. Фатеева). Проект этого многотомного словаря, нацеленного на воспроизведение поэтико-языкового процесса и предоставляющего возможность соотнесения, сопоставления особенностей словоупотребления разных авторов, уже реализован в виде Пробного выпуска (1998) и четырех томов (2001, 2003, 2008, 2010). К числу сводных словарей относятся также издания: «Словарь поэтических образов» (в 2 т., сост. Н.В. Павлович, 1999), «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» (вып. 1, 2, сост. Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова, 2000, 2010), «Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века» (сост. Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова, 2004).

Словари, о которых шла речь, представлены преимущественно в печатном формате. Однако современная авторская лексикография — это и часть интернет-лексикографии, хотя число словарей, представленных в электронном виде, пока уступает книжным. Обращение к интернет-ресурсам позволяет обнаружить не только ссылки на некоторые книжные издания, например, на «Словарь языка Пушкина», конкордансы к поэзии Баратынского, Батюшкова и др. авторов, но и собственно словари, создаваемые и существующие в интернет-формате. Это электронные регистрирующие словари к прозаическим текстам, например: «Конкорданс произведений В. Даля» (<http://philolog.ru/vdahl/index.html>), «Конкорданс к собранию сочинений Б.К. Зайцева» (<http://www.philolog.ru/zaitsev/index.html>), «Конкордансы всех произведений Ф.М. Достоевского» (<http://karelia.ru/~Dostoevsky>) и к поэтическим: «Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. Тютчева» (<http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html>), «Частотный словарь творчества В.С. Высоцкого» (http://kromer.newmail.ru/kvv_c_05.htm).

Отечественная авторская лексикография развивается в рамках национальной лексикографии и с очевидностью выделяется в ней наряду с другими словарными направлениями (историческим, учебным, терминологическим и др.), сохраняя свою специфику даже при явном пересечении с ними. Тенденции, обнаруживаемые в авторской лексикографии сегодня, проявляются в значительном увеличении ее текстовой базы, привлечении к описанию разноуровневых концептуально значимых единиц авторского языка, выводящих на основные координаты художественного мира писателя, распространении жанрового, тематического, категориального подходов к интерпретации языковых единиц, усилении идиостилевой составляющей авторских словарей и т. д. Названные тенденции получают, возможно, продолжение и в следующие годы. Вместе с тем уже сейчас можно говорить о некоторых актуальных задачах авторской лексикографии, соотнося их с перспективами ее развития. К числу таких задач относятся: дальнейшая разработка принципов составления авторских словарей, опирающихся на когнитивные способности творческой личности «как структурный корень» (О.Г. Ревзина) лексикографического описания; подготовка монографических и сопоставительных словарей писателей отдельных эпох (например, пушкинской), материал которых позволит уточнять особенности становления и развития языка художественной литературы (языка прозы, поэзии, драмы), выявлять общехудожественное и индивидуальное в словоупотреблении авторов; применение действенных методик авторской лексикографии к текстам философского, научного, публицистического содержания; конвертация книжных словарей писателей в электронные, формирование специализированных баз данных по авторской лексикографии. Решение задач такого рода интенсифицирует развитие этого словарного направления в интересах широкого круга гуманитариев.

Часть 4

**СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ
В НЕСЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ**

Ренате БЕЛЕНЧИКОВА
(Магдебург, Германия)

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ГЕРМАНИИ

Соседство Германии с славянскими странами, насчитывающее сотни лет, уже издавна вызывало необходимость в речевой коммуникации. И неудивительно, что создание славянских словарей в Германии имеет давнюю историю, характерным для которой является обоюдное обогащение немецкой и славянской лексикографии.

Многие ученые славянского происхождения работали в немецких университетах и участвовали в создании немецко-славянских и славянско-немецких словарей. В России, в свою очередь, в качестве создателей словарей выступали как русские немцы, так и приглашаемые в Россию немецкие ученые. Без преувеличения можно сказать, что Германия была и остается западноевропейской страной с наиболее богатой славянской лексикографией. Целесообразно поэтому ограничиться материалом для нижеследующего раздела, в котором рассматривается лексикография славянских языков в Германии. При этом внимание будет уделяться только общезыковым словарям; терминологические словари останутся вне поля зрения.

Истоки славянской лексикографии, научно еще не артикулированной, восходят к немецко-русским разговорникам XVII века¹. Эти разговорники должны были облегчить немецким ганзейским купцам коммуникацию в России. Они создавались немецкими торговыми людьми с помощью русских носителей языка. В качестве образцов служили гуманистические латинские книги такие, как «Orbis sensualium pictus» (1658) Яна Коменского; также и между собой разговорники выявляли тесное родство. Названные разговорники содержат в качестве обязательного компонента русский словник с немецкими соответствиями, упорядоченный по тематическим группам, причем в первую очередь учитывался словарь торговли. По своей разговорной части данные разговорники являются ценным свидетельством живой русской повседневной речи того времени². Характерными для позднесредневековой эпохи были многоязычные словари, содержащие в качестве обязательного компонента латинский словник. Так, в первом словаре словенского языка, «Dictionarium quattuor linguarum» (1572) словенский словник был сопоставлен с немецким, латин-

---

¹ См. Hammerich L.L., Jacobson R. (Hrsg.) Tönnies Fennes Low German Manual of Spüoken Russian, Pskow 1607. Vol. I–IV. Copenhagen, 1961–1986; Günther E. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt a. M. et al., 2002 (= Berliner Slavistische Arbeiten; 17); Günther E. Das deutsch-russische Sprachbuch des Heinrich Newenburgk von 1629. Frankfurt a. M. et al., 1999 (= Berliner Slavistische Arbeiten; 7).

² См. обзор в кн.: Böhler C. Das russisch-deutsche Wörterbuch von Iwan Pawlowsky — eine metalexikographische Analyse. München, 2003. S. 14–19 (= Slavistische Beiträge; Bd. 423); Untersuchungen zum russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tönnis Fenne, Pskow 1607. Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte. V. e. Autorenkoll. unter Ltg. von Hand Joachim Gernenz. Berlin, 1988 (= Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen; 64).

ским и итальянским. Его автором был Hieronymus Megister (1550–1616), профессор Лейпцигского университета и историограф саксонского курфюрста. В своем «Thesaurus polyglottus, vel Dictionarium Multilingue, ex quadragenis circiter tam veteris quam novi... orbis nationum linguis, dialectis, idiomatibus et idiotismis, constans...» (1603) он учитывал лексику восточно- и южнославянских языков³. Michael Abraham Trotz (1689–1769), уроженец Варшавы, после изучения юриспруденции в Лейпциге остался в тамошнем университете в качестве лектора и издал трехязычные словари — Немецко-польско-французский и Польско-немецко-французский⁴. Наиболее ранний двуязычный словарь создал Adam Emanuel Sellius (1640–1713) во время своего пребывания в России. Этот словарь, а также разговорник к нему отражают русский разговорный язык начала XVIII века⁵.

В XVIII веке в России бурно развивается двуязычная лексикография, ориентированная в возрастающей степени на немецкий и французский языки. В качестве одного из свидетельств славянской лексикографии в Германии должен быть назван рукописный словарь правоведа и историка Christoph Schmidt (по названию — Phiseldek, 1740–1801)⁶. Труд создавался в 1774–1779 гг. после трехлетнего пребывания автора в качестве учителя в России и остался незаконченным. Он содержит немецко-русскую и русско-немецкую части, а также ценные свидетельства о различных аспектах русской лексики XVIII века⁷.

Становление языкознания как науки в Германии в XIX веке было, как известно, ориентировано на историю и этимологию языков. Наиболее известные лингвисты включали в свои сравнительно-исторические исследования славянские языки и литературы. В 1870 г. в Лейпцигском университете была открыта профессура по славянским языкам, и первым ее занял August Leskien (1840–1916). В 1874 г. последовало открытие кафедры славянской филологии в Берлинском университете; первым ее занимал Ватрослав Ягич. Одновременно в Германии развивалась ориентированная на потребности перевода и коммуникации *практическая лексикография*.

Johann Adolph Erdmann Schmidt (1770–1851) работал в 1819–1851 гг. лектором русского, польского и новогреческого языков в университете Лейпцига. Его лексикографические труды, опубликованные там, переиздавались вплоть до 1880-х гг. и, очевидно, охотно использовались в качестве учебных пособий в преподавании иностранных языков того времени⁸. Одним из посредников между польским и немец-

³ См.: Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon. Bautzen, 1993. S. 260–261.

⁴ См.: Slawistik in Deutschland... S. 407.

⁵ Panzer B. A.E. Sellius. Vocabularum russo-germanicum (1707) und Russorum formulae loquendi. Kritische Textausgabe. Frankfurt a. M., 1989. См.: Slawistik in Deutschland... S. 369–370.

⁶ Dietze J. (Hrsg.) Christoph Schmidt, gen. Phiseldek. Kurzes russisch-teutsches und teutsch-russisches Wörterbuch. Halle, 1978. См. также: Slawistik in Deutschland... S. 347.

⁷ О фразеологии см.: Eckert R. Die Phraseologie in Christoph Schmidts kurzem russisch-teutschen und teutsch-russischen Wörterbuch // Zeitschrift für Slawistik. 1990. 35. S. 805–810.

⁸ «Russisch-deutsches Wörterbuch zum Gebrauch für Russen» (1813), «Neuestes russisch-deutsches und deutsch-russisches Taschenbuch» (1815), «Handbuch russischer Wörter und Redensarten» (1818). См.: Slawistik in Deutschland... S. 349.

ким языками был поляк Samuel Bogumił Linde (1771–1847). В Лейпциге, в годы учебы и работы лектором польского языка, он собирал материалы для своего шеститомного «Słownik języka polskiego»⁹, который был издан в Варшаве в 1807–1814 гг. Его труд принадлежал к первым задуманным в сопоставительном плане словарям славянских языков и получил высокую оценку у славистов своего времени. Линде участвовал в 1816 г. в основании Варшавского университета и занимал позднее высокие посты в культурных учреждениях; он стал членом многих академий и ученых обществ в Германии, Австрии, Польше и России¹⁰. Автором первого русско-немецкого карманного словаря был Карл Блаттнер (1862–?)¹¹. Блаттнер руководил также с 1891 по 1944 гг. основанным в 1896 г. книгоиздательством Лангеншайдт, предшественником известного сегодня издательства словарей Лангеншайдт. Практическим целям служили также издаваемые в серии «Словари-лилипуты» немецко-русский, польско-немецкий, русско-французский, французско-русский, русско-немецкий, немецко-чешский словари¹².

Большой популярностью в Германии пользовались и все еще учитываются двуязычные словари И.Я. Павловского (1800–1869), последующие издания которых были расширены его преемниками. Третье издание его Русско-немецкого словаря появилось в 1960 г. в Лейпциге¹³. Этот словарь содержит много лексем, которые присутствуют в Словаре Даля, но не вошли в одноязычные словари, изданные в России после 1917 г. Он по-прежнему является важным пособием для немецкого читателя русской классической литературы и для составления больших русско-немецких словарей¹⁴.

Особого упоминания заслуживает лексикографическое представление *лужицкого языка*, являющегося языком единственного автохтонного славянского мень-

⁹ Linde S.B. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807–1814, Lwów², 1854–1860, Warszawa³, 1951.

¹⁰ Slawistik in Deutschland... S. 236–237. Там же библиографические данные работ о нем.

¹¹ Blattner K. Taschenwörterbuch der russischen und deutschen Sprache 1. Russisch–Deutsch. 2. Deutsch–Russisch. Berlin, 1906, 1910. Новое издание данного словаря по правилам нового русского правописания («Neubearbeitung in neuer russischer Rechtschreibung») было опубликовано автором в 1928/1929 гг. и переиздавалось до 1957 г. 17 раз. Данный словарь лежал в основе новых изданий карманного Русско-немецкого словаря в переработке: Orschel H. Berlin, 1960). См.: Slawistik in Deutschland... S. 54.

¹² Slawistik in Deutschland... S. 56.

¹³ Pawlowsky I. Russisch-deutsches Wörterbuch. Dritte, vollständig neubearbeitete, berichtigte und vermehrte Auflage. Riga; Leipzig³, 1900. Unveränderter Nachdruck. Leipzig 1960. См. об этом словаре: Böhler C. Das russisch-deutsche Wörterbuch von Iwan Pawlowsky. Eine metalexikographische Analyse. München, 2003 (= Slavistische Beiträge; 432); Keipert H. Rez. zu: Böhler, Claudia: Das russisch-deutsche Wörterbuch von Iwan Pawlowsky. Eine metalexikographische Analyse. München: Verlag Otto Sagner 2003. (X), 208 S. (Slavistische Beiträge; 423) // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2003. 62. S. 454–460; Lehfeldt W. Zur Stellung des «Russisch-Deutschen Wörterbuchs» von I. Ja. Pavlovskij in der russischen Lexikographie des 19. Jahrhunderts, in: Festschrift L'ubomir Ďurovič zum 65. Geburtstag. Wien, 1990. S. 275–289 (= Wiener Slavistischer Almanach; 25/26).

¹⁴ О роли словаря Павловского в отборе архаизмов для «Русско-немецкого словаря» (PHC) см.: Belentschikow R. Veraltend, veraltet, alt — Archaismen im Wörterbuch der russischen Gegenwartssprache // Wortbildung, Wörterbuch und Grammatik in Geschichte und Gegenwart der Slavia. Festschrift für Erika Günther / Hrsg. von Wolfgang Gladrow. Frankfurt a. M. et al., 2005. S. 91–107 (= Berliner Slavistische Arbeiten. Bd. 27).

шинства в Германии. Верхнелужицкий и нижнелужицкий языки имели каждый свой письменный язык, прослеживаемый до XVI–XVII вв., их возникновение связано с двумя самостоятельными церковными языками. С распространением Реформации в верхне- и нижнелужицком письменных языках появились многочисленные литературные произведения, прежде всего, переводы литургических текстов.

Наиболее объемный (в пяти томах) словарь лужицкого языка XVIII века был создан священником и историографом Г. Кернером (Georg Körner, 1717–1772)¹⁵. Первый нижнелужицко-немецкий словарь был составлен священником И.Г. Цваром (Johann Georg Zwahr / Hanzo Juro Zwora, 1785–1844) и издан посмертно его сыном. Он содержит помимо словника также краткое изложение применяемого правописания и описание нижнелужицких флексий¹⁶.

В XIX веке Верхняя Лужица была охвачена славянским движением «национального возрождения». Во второй половине XIX века на основе евангелического письменного варианта и баутценского диалекта сформировался единый верхнелужицкий письменный язык (его сфера распространения была, правда, ограничена лишь публикацией *Maćica/Mašica Serbska*, которая была осуществлена основанным в 1847 г. в Баутцене лужицким ферейном народного образования). В этот исторический контекст входит Лужицко-вендский словарь языковеда Х.Т. Пфуля (Christian Traugott Pfuhl / Křesćan Bohuwěr Pful, 1825–1889) 1866 года. Этот словарь содержит весь известный тогда лужицкий лексический запас («из памятников языка, литературы и народной поэзии, разговорного языка и языка лужицкой интеллигенции», «также неологизмы и заимствованные слова, особенно из чешского»¹⁷). За период с 1875 по 1910 г. выдающийся лужицкий ученый Э. Муке (Karl Ernst Mucke / Arnošt Muka, 1854–1932) создал трехтомный «Словарь нижелужицкого языка и его диалектов» («Słownik dolnoserbskeje řečy a jeje narěcow», изданный в 1911–1928 гг.), который охватывает нижелужицкую лексику с первых письменных памятников до начала XX века и одновременно является первым сравнительным словарем западнославянских языков.

Изданный в 1920 г. в Баутцене немецко-лужицкий словарь священника и писателя Ф. Режака (Filip Řezak, 1859–1921) воспринимался как нормативный словарь, он имел сильное влияние на лужицкий письменный язык в период между двумя мировыми войнами¹⁸. Уже Режак заменил германизмы новообразованиями и заимствованиями из славянских языков, однако в меньшей степени, чем его преемник Ю. Краля (Jurij Krai, 1854–1945). «Лужицко-немецкий словарь верхнелужицкого языка» Ю. Краля 1927–1931 гг. отражал лексический состав лужицкого языка пос-

---

¹⁵ Körner G. Wendisches oder Slavonisch-deutsches ausführliches und vollständiges Wörterbuch. Eine Handschrift des 18. Jahrhunderts / Hrsg. von R. Olesch. Köln; Wien, 1979–1980. См. также: Slawistik in Deutschland... S. 212–213. Там же библиографические данные работ о нем.

¹⁶ Zwahr J.G. Niederlausitzisch-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg, 1847. Reprint: Bautzen, 1989. См.: Slawistik in Deutschland... S. 457.

¹⁷ Slawistik in Deutschland... S. 304.

¹⁸ Němsko-serbski wšowědny słownik hornjołužiskeje řeče. См. Slawistik in Deutschland... S. 321.

ле Первой мировой войны, включая и неологизмы, не закрепившиеся позднее в лужицком словарном запасе¹⁹.

С 1945 г. лужичане получили правовую защиту и институционную поддержку. Сюда относятся защита, помощь и исследование языка лужицкого меньшинства. В Восточной Германии были разработаны одно- и двуязычные словари различных типов, включая и школьные словари верхне- и нижнелужицкого языков²⁰. Среди научных лексикографических трудов следует выделить «Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языка» Х. Шустер-Шевца²¹.

На истории славистики и славянской лексикографии в Германии после Второй мировой войны неизбежно отразилось противостояние двух мировых политических систем. В ситуации «фронтового» положения Западной и Восточной Германии политики обеих сторон стремились использовать славистику в своих целях: как оружие антикоммунистической борьбы — со стороны Запада — и как средство приобщения к господствующей идеологии — со стороны официальной советской политики. Тем не менее, за сорок лет, до начала политических преобразований в странах Восточной и Юго-Восточной Европы ученые в обеих частях Германии достигли немалых ценных научных результатов, которые останутся вехами в истории немецкой славистики. При этом слависты в обеих частях Германии опирались на лучшие достижения своих предшественников.

Берлинский университет (бывший «Friedrich-Wilhelms-Universität»), расположенный в восточной части города, после войны возобновил свою работу в 1946 г.; в 1949 г. он был переименован в университет им. Гумбольдта.

В этом университете Макс Фасмер (1886–1962), уроженец Петербурга, имевший до того профессуры в Петербурге, Дерпте и Лейпциге, в 1925 г. основал Институт славистики (Slavisches Seminar) и проработал там 22 года²². После двухлетнего

¹⁹ Krai J. Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje serbskeje řeče. Sorbisch-deutsches Wörterbuch der Oberlausitzer sorbischen Sprache. Budyšin, 1927–1931. Fotomech. Neudruck. Mit einem Vorwort von H. Jentsch. Bautzen, 1986. См. также: Slawistik in Deutschland... S. 217. Там же библиографические данные работ о нем.

²⁰ Например: Starosta M. Dolnoserbsko-němski słownik. Šulsko słownik dolnoserbskeje řečy. Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin, 1985; Starosta M. Dolnoserbsko-němski słownik. Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. Bautzen, 1999; Wörterbuch Deutsch-Obersorbisch. Słownik Němsko-hornjoserbski. Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von H. Jenč. Bautzen, 1986. В 1992 г. в Бауцене на основе бывшего института лужицкого народоведения при Академии наук ГДР (Institut za serbski ludospyt) был основан самостоятельный Лужицкий институт (Serbski institut), который, в частности, издает одно- и двуязычные словари верхне- и нижнелужицкого языков, например: Jentsch H., Pohontsch A., Schulz J. Deutsch-obersorbisches Wörterbuch neuer Lexik. Bautzen, 2006; Ivčenko A., Wölke S. Obersorbisches phraseologisches Wörterbuch. Bautzen, 2004.

²¹ Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1980–1996.

²² До того времени, после учреждения первой профессуры по славистике в Берлине в 1841 г., славистика была отделением Института индогерманистики (Indogermanisches Seminar). См.: Bräuer H. Dem Gedenken an Max Vasmer anlässlich der Wiederkehr seines hundertsten Geburtstages am 28. Februar 1986 // Max Vasmer zum 100. Geburtstag / Herausgegeben von Norbert Reiter. Berlin, 1987 (= Veröffentlichungen der Abteilung für slawische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts / Slavisches Seminar/ an der Freien Universität Berlin. Band 66). S. 58.

пребывания в Швеции Фасмер в 1949 г. по личным причинам²³ перешел в Берлинский Свободный университет, основанный в 1948 г. в Западном Берлине, где в скором времени был учрежден Центральный институт Восточной Европы.

Как ученик Бодуэна де Куртенэ Фасмер относился толерантно к другим лингвистическим направлениям и методам, в частности, к структурализму. Сам он продолжал традицию историзма и сравнительно-исторических исследований. Его четырехтомный Этимологический словарь русского языка²⁴ был первым словарем такого рода в истории русистики вообще. Материалы к этому словарю Фасмер систематически собирал с 1938 г. В Советском Союзе Словарь Фасмера первоначально был принят настороженно, так как в его изображении части Северно-Западной и Центральной России оказывались вне территорий первичного восточнославянского заселения. Однако, его предположения позже подтвердились выводами русских ученых: В.Н. Топоровым и О.Н. Трубачевым, а также Ф.П. Филиным о прародине славян²⁵. В 1959 г. О.Н. Трубачев получил официальное задание перевести Словарь Фасмера в Советском Союзе; в 1964–1973 гг. он издавал его в своем переводе и с собственными дополнениями²⁶.

Исследовательская работа Фасмера в области этимологии и ономастики привела его к идее составления двух словарей русских собственных имен: Словаря русских гидронимов²⁷, последний том которого вышел посмертно, и Словаря русских географических названий²⁸, который был издан под руководством его ученика Херберта Бройера (1921–1989) при Майнцской Академии наук и литературы. Оба словаря до сих пор являются ценными источниками для славянских историко-лингвистических исследований. Помимо названных словарей Фасмер издал и Обратный словарь²⁹. Интерес к этому типу словаря был вызван первыми обратными словарями французского (1908) и древнегреческого (1944) языков³⁰.

²³ Данное мнение подтверждает его ученик Норберт Райтер. См.: *Reiter N. Persönliches zu Max Vasmer // Max Vasmer zum 100. Geburtstag. Herausgegeben von Norbert Reiter. Berlin, 1987 (= Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts / Slavisches Seminar/ an der Freien Universität Berlin. Band 66). S. 46.*

²⁴ *Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–4. Heidelberg, 1953–1958.*

²⁵ *Bräuer H. Dem Gedenken an Max Vasmer... S. 60.*

²⁶ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I / Под ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина. М., 1964; Т. II. М., 1969; Т. III. М., 1971; Т. IV. М., 1973.*

²⁷ *Wörterbuch der russischen Gewässernamen, zusammengestellt von A. Kernd'l, R. Richardt und W. Eisold unter Leitung von Max Vasmer. Bd. I–V. Berlin, Wiesbaden, 1961–1969 + Lieferung 15 (Nachtrag). (= Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts / Slavisches Seminar/ an der Freien Universität Berlin, herausgegeben von Valentin Kiparsky und Max Vasmer. Band 22).*

²⁸ *Russisches Geographisches Namenbuch / Begründet von Max Vasmer / Hrsg. von Herbert Bräuer. Bd. 1–10. Wiesbaden, 1964–1982.*

²⁹ *Russisches Rückläufiges Wörterbuch, zusammengestellt von R. Greve und B. Kroesche unter der Leitung von Max Vasmer. 1. u. 2. Halbband. Berlin; Wiesbaden, 1958, 1959 (= Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts / Slavisches Seminar an der Freien Universität Berlin, herausgegeben von Valentin Kiparsky und Max Vasmer. Band 13).*

³⁰ Первый обратный словарь русского языка был составлен в 1908 г. анонимно как «секретное служебное дело» («geheime Dienstsache») для Высшего командования Германской Армии на восточном фронте

В университете имени Гумбольдта развитие русской лексикографии связано с именем Ганса Билфельдта (Hans Holm Bielfeldt, 1907–1987). Билфельдт³¹ в 1947 г. стал профессором славянской филологии на Кафедре славистики в университете города Потсдам и основал там Институт славистики. В 1950 г. он получил звание профессора славистики в Берлинском университете им. Гумбольдта. С 1953 г. он был действительным членом Берлинской академии наук.

Параллельно вышеназванному словарю Фасмера в университете имени Гумбольдта разрабатывался под руководством Ганса Билфельдта Обратный словарь русского языка. Он содержит около 80 000 наиболее употребительных слов современного русского литературного языка и опирается на словари Ушакова, Ожегова (М., 1953), академическую «Грамматику русского языка» 1953 г. и Орфографический словарь (М., 1957). В качестве цели словаря в Предисловии указывается: «облегчить изучение русского словообразования»³².

Переориентировка на *современный* язык во второй половине XX в. оказалась явлением не только восточногерманской славянской лексикографии. Она была созвучна с так называемым «прагматическим переворотом» в международной лингвистике в 1960-е годы. Кроме того лексикография самого немецкого языка и в Восточной, и в Западной Германии — не без влияния советской лексикографии на Востоке и англоязычных словарных проектов на Западе — переориентировалась на современный язык.

Первым одноязычным словарем современного немецкого языка, опирающимся на первичные тексты-источники, стал шеститомный «Словарь современного немецкого языка», который издавался в Академии наук ГДР в 1961–1977 гг.³³ Как отмечают германисты-лексикографы, микроструктура данного словаря была разработана под влиянием Пражской лингвистической школы, русского структурализма, а также лексикографического опыта в славянских странах. Это касается, в частности, системы стилистических помет и маркировки неологизмов, гнездования сложных слов по опорному компоненту. Словарь был разработан по научно обоснованному лингвистическому концепту и направлен от значения к форме; тем самым он отличается от одноязычных словарей немецкого языка, появившихся до Второй мировой войны³⁴. Ситуация конкурирования с данным проектом способствовала развитию и совершенствованию других одноязычных словарей в Западной Германии, первым из которых оказался Большой словарь немецкого языка в редакции Дуден³⁵.

с целью облегчения расшифровки русских радиосообщений. Его составителем был классический филолог Людвиг Дойбнер (Ludwig Deubner), который служил в годы Первой мировой войны офицером связи в данном командовании. См.: *Bräuer H. Dem Gedenken an Max Vasmer... S. 68.*

³¹ Zur Geschichte der Slawistik in Berlin. Dem Werken Hans Holm Bielfeldts gewidmet. Berlin, 1988.

³² Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart unter Leitung und Redaktion von H.N. Bielfeldt. Berlin, 1958.

³³ Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. v. R. Klappenbach u. W. Steinitz, bearb. von R. Klappenbach u. H. Malige-Klappenbach. 6 Bde. Berlin, 1961–1977, ¹⁰1980–1982.

³⁴ См. подробно: *Hass-Zumkehr U. Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte.* Berlin [u.a.], 2001. S. 225–238.

³⁵ Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 6 Bde. Mannheim, 1976–1981.

В обоих немецких государствах повышался интерес к родному языку и к иностранным языкам, и в связи с этим возрастал спрос на учебники и словари.

В Восточной Германии русский язык стал первым иностранным языком и обязательным школьным предметом. В связи с этим возросла потребность в подготовке квалифицированных учителей русского языка. Они обучались в институтах славистики университетов в Берлине, Лейпциге, Ростоке, Грайфсвальде, Дрездене, Йене, а также в педагогических вузах. Кроме того, в университетах в Восточном Берлине и в Лейпциге было введено вузовское обучение переводчиков русского языка, южнославянских (болгарского и сербскохорватского) и западнославянских (польского, чешского, в Берлине — также и словацкого, в Лейпциге — лужицкого) языков.

В связи с данными задачами славистика в Восточной Германии была ориентирована большей частью на изучение современных славянских языков и на прикладные дисциплины, в частности, на развитие двуязычной лексикографии.

Были осуществлены проекты *двуязычных словарей современных славянских языков с немецким языком как выходным, так и входным*. Доминирующую роль играла при этом лексикография *русского языка* — не только в связи с обоснованным высоким спросом на учебники и словари, но и при вышеупомянутом влиянии лексикографии современного русского языка.

Первый русско-немецкий словарь современного языка для немецкого пользователя был разработан под руководством Ганса Билфельдта и опубликован в 1958 г. в издательстве Akademie-Verlag. Он содержит около 60 000 заголовочных слов и издавался много раз, в том числе и в Западной Германии³⁶. Большое распространение для менее продвинутых учащихся имеют школьные словари Даума и Шенка³⁷. Их Русско-немецкий словарь включает около 40 000 заголовочных слов. Концепция наиболее объемного Немецко-русского словаря для немецкого пользователя была сформулирована Гансом Билфельдтом и разработана авторским коллективом при Академии наук ГДР³⁸. По окончании проекта трехтомного Немецко-русского словаря в Академии наук окончательно сложилась концепция подобного русско-немецкого словаря³⁹. В связи с событиями 1989–1990 гг. и роспуском Академии наук ГДР этот проект не был осуществлен.

Все названные двуязычные словари с (вторым) русским языком после объединения Германии были переизданы (частично в обработанном и дополненном варианте) в издательстве Langenscheidt⁴⁰.

³⁶ Russisch-Deutsches Wörterbuch / Unter der Leitung und Redaktion von H.H. Bielfeldt. Berlin, 1958; Zürich, Stuttgart ¹⁴1982; Berlin, ¹⁵1988.

³⁷ Daum E., Schenk W. Wörterbuch Deutsch-Russisch. Leipzig, ²⁵1986.

³⁸ Deutsch-russisches Wörterbuch / Begründet von H.H. Bielfeldt. In d. Endfassung zugearbeitet von e. Autorenkoll. unter d. Leitung v. R. Löttsch. Berlin. Bd. 1. 1983; Bd. 2. 1984; Bd. 3. 1984.

³⁹ Duda W., Frenzel M., Wöller E., Zimmermann T. Zu einer Theorie der zweisprachigen Lexikographie. Überlegungen zu einem neuen russisch-deutschen Wörterbuch. Berlin, 1986 (= Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 142).

⁴⁰ Ср., например, переработанное издание: Langenscheidt Handwörterbuch Russisch. Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Völlige Neubearbeitung. Begründet von Edmund Daum und Werner Schenk. Berlin; München, 2008 (свыше 140 тыс. слов и словосочетаний).

В Восточной Германии в издательстве «Enzyklopädie» (Leipzig) были изданы карманные словари для болгарского, польского, русского, сербскохорватского, словацкого, чешского языков⁴¹, а также словари большего объема⁴².

Обширную программу издания славянских двуязычных словарей различного объема и разных целей (от «карманных» до «универсальных» словарей объемом до 40 тыс. слов) осуществляло и осуществляет издательство Langenscheidt, основанное еще в 1856 г.; некоторые другие издательства также публикуют двуязычные общезыковые словари славянских языков⁴³.

Особый подъем наблюдался и все еще отмечается в области славянской *фразеологии и фразеологии* в Германии. Авторскими коллективами в немецких университетах были созданы фразеологические словари русского, польского и хорватского языков⁴⁴. Наряду с этими лексически ориентированными словарями появились

⁴¹ Rankoff P. Taschenwörterbuch Deutsch-Bulgarisch. Leipzig, 1983; Rankoff P. Taschenwörterbuch Bulgarisch-Deutsch. Leipzig, ¹⁰1985; Jakowczyk L., Reinholz W. Taschenwörterbuch Deutsch-Polnisch. Leipzig, ¹⁶1986; Jakowczyk L., Reinholz W. Taschenwörterbuch Polnisch-Deutsch. Leipzig, ¹²1985; Ružička R. Taschenwörterbuch Deutsch-Russisch. Leipzig, ¹⁰1983; Ružička R., Walther G. Taschenwörterbuch Russisch-Deutsch. Leipzig, 1986; Hahn F. Taschenwörterbuch Serbokroatisch-Deutsch. Leipzig, ³1981; Issatschenko A., König K. Taschenwörterbuch Slowakisch-Deutsch. Leipzig, ¹⁷1985; Blanár V. Taschenwörterbuch Deutsch-Slowakisch. Leipzig, ⁶1981; Fischer R. Taschenwörterbuch Tschechisch-Deutsch. Leipzig, ¹⁴1985; Widimský F., Mencák B. Taschenwörterbuch Deutsch-Tschechisch. Leipzig, ¹⁷1986.

⁴² Среди них назovem: Endler D., Walter H. Wörterbuch Bulgarisch-Deutsch. Leipzig, 1980, ⁵1989 (примерно 36 000 заголовочных слов). Ср. новый словарь тех же авторов: Walter H., Endler D. Neues deutsch-bulgarisches Wörterbuch. София, 2007 (100 тыс. слов и выражений).

⁴³ Так, в издательстве Langenscheidt были изданы двуязычные «универсальные» словари (Universalwörterbücher) объемом ок. 30 тыс. заголовочных слов и словосочетаний для славянских языков с немецким (для болгарского, польского, русского, сербского, словацкого, словенского, хорватского, чешского языков) и «европейские» («евро-») словари объемом 45 тыс. слов и словосочетаний для польского и русского языков. Ср. данные для словарей с русским языком: Wedel E., Walewski S. Langenscheidts Taschenwörterbuch Russisch. Russisch-Deutsch. Deutsch-Russisch. Völlige Neubearbeitung: Leipzig et al., 1994, 2003; Langenscheidt Universal-Wörterbuch Russisch: russisch-deutsch, deutsch-russisch. Neubearb. von A. Levin-Steinmann. Berlin, 2010; Schenk W. Langenscheidt Euro-Wörterbuch Russisch: Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Neubearb. Berlin et al., 2011. Двуязычные словари различного объема в учебных и других прикладных целях издаются также в издательстве Klett (для болгарского, польского, русского, словенского, хорватского, чешского языков), например: PONS Basiswörterbuch Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Neubearb. Stuttgart, 2011 (ок. 42 тыс. слов и словосочетаний); PONS Kompaktwörterbuch Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Neubearb. Stuttgart, 2007 (ок. 130 тыс. слов и словосочетаний); PONS Praxiswörterbuch mit Sprachführer: Russisch-Deutsch, Deutsch-Russisch. Neubearb. Stuttgart, 2011 (ок. 25 тыс. слов и словосочетаний).

⁴⁴ Braun M. Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch. Göttingen, 1985; Dubrowin M., Schenk W. Russische idiomatische Wendungen. Moskau, 1979, ²1982; Dubrowin M., Schenk W. Russische idiomatische Redewendungen illustriert. M., ²1982; Graf A.E. Russische und deutsche idiomatische Redewendungen. Leipzig, ¹⁰1978; Petermann J., Hansen-Kokoruš R., Bill T. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch. Leipzig; Berlin; München, 1995; Walter H. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Greifswald, 2009; Walter H. Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Hamburg, 2008; Walter H. (et al.) 500 gebräuchliche russische Sprichwörter mit ihren deutschen und polnischen Parallelen. Greifswald 2006; Шкляр В.Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. М., 1977; Matešić J. (Hrsg.) Hrvatsko-njemački frazeološki rječnik. Zagreb; München, 1988; Petermann J., Rittgasser S. Kleines Wörterbuch der kroatisch-serbischen idiomatischen Redewendungen mit deutschen Entsprechungen. München, 1980; Ehegötz E., Duda W., Frenzel M. Phraseologisches Wörterbuch: Polnisch-Deutsch. Leipzig, 1990.

многочисленные *двуязычные специальные словари* других типов, ставящие преимущественно цель облегчить рецептивную и продуктивную речевую деятельность немецкого пользователя на его различных ступенях владения языком. Сюда относятся справочники «Русские глаголы — основные формы, виды, управление, ударение, немецкое значение»⁴⁵, словарь сокращений⁴⁶, а также словари сочетаемости⁴⁷. Некоторые словари предназначены для более узкого круга пользователей, например, словарь немецких заимствованных слов в одном из диалектов польского языка⁴⁸. Вопросу глагольного вида посвящены «Немецко-польский и польско-немецкий словарь глаголов»⁴⁹ и произведение «Вид и акциональность русского глагола. Опыт словаря», являющееся результатом многолетних исследований Ф. Лемана и его сотрудников по вопросам аспектуальности в русском языке⁵⁰.

Специальным проблемам русского языка посвящены и некоторые *одноязычные словари*, так, например, «Словарь русских частиц»⁵¹ и «Обратный словарь морфологии хорватского глагола»⁵².

Помимо названных типов словарей, славянские языки отражаются и в специальных многоязычных сопоставительных словарях. Так, в Словаре англицизмов⁵³ прослеживается заимствование англоязычных лексем в разных европейских языках.

В рамках данной главы нет возможности остановиться на специфике двуязычных терминологических словарей славянских языков. Следует, однако, отметить, что в Германии было издано немало специальных словарей, относящихся к таким областям науки и техники, которые в двуязычной лексикографии соответствующих славянских стран не представлены.

Общественные преобразования в Восточной и Юго-Восточной Европе с середины 1980-х годов привели к глубоким изменениям в языковой ситуации в странах со славянским титульным языком. В Германии эти изменения вызывают большой научный интерес со стороны представителей гуманитарных дисциплин и, в частности, филологов. Этот интерес отражается не только во множестве научных статей и

---

⁴⁵ Daum E., Schenk W. Die russischen Verben – Grundformen, Aspekte, Rektion, Betonung, deutsche Bedeutung. Mit e. Aufsatz zur Syntax u. Semantik der Verben des modernen Russischen von R. Ružička. Leipzig, 13 1984.

⁴⁶ Scheitz E. Russische Abkürzungen und Kurzwörter. Mit etwa 400 Abkürzungen. Berlin, 1985.

⁴⁷ Trobes O., Christmann K. Fügungswörterbuch. Deutsch-Russisch. Leipzig, 1985; Günther E., Förster W. Wörterbuch verbaler Wendungen Deutsch-Russisch: Eine Sammlung verbal-nominaler Fügungen. Leipzig, 1987.

⁴⁸ Menzel Th., Hentschel G. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Teschener Dialekt des Polnischen. Oldenburg, 2003.

⁴⁹ Schwenk H. Bilinguale Lexiko-Aspektografie: polnisch-deutsches und deutsch-polnisches Wörterbuch ausgewählter Verben. Oldenburg, 2010.

⁵⁰ Менде Ю. (и др.) Вид и акциональность русского глагола: Опыт словаря. München; Berlin, 2011.

⁵¹ Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Red. Wolfgang Gladrow. Frankfurt a. M. et al., 1999 (= Berliner slawistische Arbeiten. Bd. 9).

⁵² Holl A., Suljić I. Rückläufiges Wörterbuch zur kroatischen Verbalmorphologie: Aufbereitung mit Datenanalyseverfahren der Informatik (Data Mining). Regensburg, 2010.

⁵³ Görlach M. A Dictionary of European Anglicisms. A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages. Oxford, 2001.

монографий по данной проблематике, но и в лексикографических проектах. Были изданы двуязычные *словари неологизмов* русского и польского языков⁵⁴.

Словари неологизмов являются новым типом переводного словаря в международной лексикографии. Их появление объясняется прежде всего практическими потребностями: с одной стороны, двуязычные универсальные словари оказываются неудобными для актуализации, с другой — по большей части ограниченный объем таких словарей требует отбора тех неологизмов, которые узуализированы в высокой степени и сохраняют за пределами актуального отрезка времени прагматическую релевантность. Главную специфику словарей неологизмов представляет, несомненно, поиск эквивалента языка-реципиента. Именно многие неологизмы не имеют еще кодифицированного эквивалента в соответствующем языке-реципиенте. При этом двуязычный словарь неологизмов (в отличие от терминологических стандартов) может содержать лишь предложения еще не узуализированных соответствий в языке-реципиенте; решающим для узуализации того или иного соответствия является переводческая практика.

Начиная с 1980-х годов — под непосредственным влиянием социолингвистических и лингвистических исследований Е.А. Земской и других ученых в России — некоторые русисты в Германии стали обращать внимание на русскую разговорную речь и субстандарт и издавать специальные двуязычные и — чаще — одноязычные словари⁵⁵. Тем самым они реагировали в том числе на пуристскую ориентацию одноязычных словарей советского времени. Эта ориентация на табуизацию определенных пластов лексики в русской культуре не отвечает потребностям иностранного пользователя. Так, в англоязычной филологии и лексикографии подобное исключение субстандарта не является приемлемым; тем большим оказался интерес английских и американских филологов к русской лексике (Словарь Флегона и др.). Изменения в языковой ситуации славянских стран и, в особенности, в России со второй половины 1980-х гг. повысили спрос на лексикографическое отражение субстандарта и открыли для этого объективные возможности. Центром подобных лексикографических поисков в Германии стал Институт славистики в Грайфсвальде (где в последние годы до своей ранней смерти работала и З. Кёстер-Тома, автор первого в Германии русско-немецкого словаря разговорной речи⁵⁶). В. Мокиенко, который был профессором данного института с 1995 по 2005 г., и Х. Вальтер создали и апробировали на учебной практике уже целый ряд одноязычных⁵⁷ и двуязычных слова-

⁵⁴ *Friederich W., Geis S.* Russisch-deutsches Neuwörterbuch. München, 1976; *Langer T.* Wörterbuch Russisch-Deutsch: Neue Wörter in der russischen Sprache. Frankfurt a. M. et al., 2002; *Uluchanov I., Hebecker H., Belentschikow V., Belentschikow R.* Russisch-deutsches Wörterbuch der neuen Wörter. M., 2007; *Worbs E., Markowski A., Meger A.* Polnisch-Deutsches Wörterbuch der Neologismen. Wiesbaden, 2007.

⁵⁵ *Bykov V.B.* Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München, 1992 (= *Specimina philologiae slavicae.* 94); ср.: *Быков В.Б.* Русская феня. Смоленск, 1994; *Мокиенко В.М.* Словарь русской бранной лексики: Матизмы. Обсценизмы. Эвфемизмы. Berlin, 1995; *Devkin V.D.* Der russische Tabuwortschatz = Русская сниженная лексика. Berlin; München; Leipzig, 1996.

⁵⁶ *Koester S., Rom E.* Wörterbuch der modernen russischen Umgangssprache. München, 1985.

⁵⁷ Из целого ряда публикаций назовем: *Вальтер Х., Мокиенко В.* Анти-пословицы русского народа. СПб., 2005; *Вальтер Х., Мокиенко В., Никитина Т.Г.* Толковый словарь русского школьного и студенче-

рей жаргонизмов (однословных и фразеологических)⁵⁸. Их словари и словарные выпуски отличаются высоким уровнем филологической обработки.

В конце 1980-х годов под руководством Х. Бройера (1921–1989) при Майнцской Академии наук и литературы начался сбор материала для проекта большого Русско-немецкого словаря (РНС) современного русского языка. До сих пор вышло девять выпусков словаря (*A–по-сибирски*)⁵⁹. В качестве одного из источников при составлении словника РНС служит электронная картотека, разрабатываемая с начала 1990-х гг. на основе текстов современных русских авторов. При составлении словника РНС и разработке словарных статей учитываются также «Сводный словарь современной русской лексики» (1991) и многочисленные *однойзычные* словари, появляющиеся в России с середины 1990-х гг., которые отражают динамику русского языка последнего времени и учитывают имеющиеся в настоящее время электронные корпуса русского языка. РНС должен включать около 250 000 заголовочных слов. В таком объеме он является уникальным в русско-немецкой лексикографии и превышает количество слов в самых больших однойзычных толковых словарях современного русского языка. РНС должен заложить в немецком языковом пространстве солидную основу для лексикографических трудов в различных сферах и различного назначения, в частности, для учебных словарей. РНС издается серией выпусков в печатной версии. Кроме того, при технологической поддержке фирмы АВВУУ готовится онлайн-версия словаря, начинающаяся с переработанных первых выпусков.

На настоящем этапе славянская лексикография в Германии оказывается перед новыми, повышенными требованиями, которые, с одной стороны, связаны с динамикой развития и языковой ситуацией в славянских странах и в самих славянских языках. (Выше в связи со словарями неологизмов и субстандарта уже упоминались тенденции к неологизации и коллоквиализации славянских языков.) С другой стороны, обращение славянских народов к культурным и историческим традициям как выражению их национальной идентичности вызывает реактивизацию ранее устаревших слов, историзмов и названий народных реалий, которые до сих пор не нашли отражения в двуязычных словарях. Новые проблемы для составления словника словарей различных типов возникают также в связи с переходом общенаучной лексики, многих научных и технических терминов и других пластов специальных названий в общее употребление.

ского жаргона. Около 5000 слов и выражений. М., 2005; *Вальтер Х. (et al.)* Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М., 2004.

⁵⁸ *Walter H., Mokienko V.M.* Großes russisch-deutsches Wörterbuch des Jargons und der Umgangssprache. Moskva, 2007; *Walter H., Mokienko V., Niemeyer M.* Sprache der Jugend. Kleines russisch-deutsches Wörterbuch. Greifswald, 1999; *Walter H., Mokienko V.* Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии. 1250 жаргонизмов молодежного сленга с немецкими параллелями = Russische Phraseologismen des Jugend-Slangs mit deutschen Äquivalenten. Greifswald, 2000; *Walter H., Mokienko V.* Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt a. M. et al., 2001; *Walter H.* Russisch-deutsches Wörterbuch des Drogenslangs / Redaktion: V. Mokienko. Frankfurt a. M. et al., 2003.

⁵⁹ *Belentschikow R.* (Hrsg.) Russisch-Deutsches Wörterbuch. Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Wiesbaden. Bde. 1, 2. 2003; Bd. 3. 2004; Bd. 4. 2005; Bd. 5. 2006; Bd. 6. 2008; Bd. 7. 2009; Bd. 8. 2011; Bd. 9. 2013.

Эти языковые и речевые изменения проходят в ситуации общей глобализации и расширения межкультурных контактов. Двухязычная лексикография — вслед за одноязычной — призвана быстрее, чем прежде, реагировать на данные явления. Практически усложняются задачи составления словника и поисков языковых эквивалентов. Кроме того, новые достижения лингвистики и теоретической лексикографии (металексикографии) заставляют авторов словарей пересматривать прежние решения относительно макро- и микроструктуры словарей.

Перед лексикографами открываются большие возможности и для получения информации благодаря достижениям корпусной лингвистики (электронные корпуса языков) и появлению поисковых машин в Интернете, и для публикации словарей (в электронной версии на компакт-диске с поисковыми функциями или же в Интернете). Эта ситуация приводит к постановке новых вопросов для теоретической лексикографии и лексикографии как *филологической* науки.

Наконец, одной из основных проблем остается отражение лингвистических знаний о языке и речи в общеупотребительных, общедоступных двухязычных словарях для широкого круга пользователей.

Улла БИРГЕГОРД
(Упсала, Швеция)

РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ШВЕЦИИ

Если изучать историю русской лексикографии в Швеции, нужно начать со второй половины XVII в., с деятельности «первого шведского слависта» Ю.Г. Спарвенфельда. Юган Габриель Спарвенфельд (Johan Gabriel Sparwenfeld, 1655–1727), ученый книголюб, полиглот и путешественник, впоследствии церемониймейстер шведского королевского двора, провел три года (1684–1687) в Москве. Попал он туда в составе шведской дипломатической миссии, но во время пребывания делегации в Москве ему удалось получить королевскую стипендию, позволившую ему остаться в России для изучения русского языка. Его учителем был белорус Стахей Иванович Годзаловский, работавший переводчиком при Посольском приказе. Спарвенфельд вернулся на родину весной 1687 г. с хорошими знаниями русского языка и с большим количеством русских книг и рукописей, приобретенных им в Москве. Самым очевидным результатом занятий Спарвенфельда в России явился его обширный славяно-латинский словарь в четырех томах — «Lexicon Slavonicum», который был составлен впоследствии в Швеции. Источниками большого славяно-латинского словаря служили рукописные и печатные словари, привезенные Спарвенфельдом из Москвы. Весь материал, связанный с составлением словаря, источники, чер-

новик и конечная версия хранятся в Университетской библиотеке Упсалы. В той же библиотеке хранится еще одна лексикографическая работа, написанная рукой Спарвенфельда, а именно – его личный глоссарий, куда он записывал слова и словосочетания, встреченные им прежде всего в живой речи московитов.

Познакомимся поближе с лексикографическими работами Спарвенфельда.

Судя по всему, Спарвенфельд уже в Москве задумал составить славянский, в первую очередь, русский словарь и издать его в Западной Европе. Такой словарь нашел бы применение и в Швеции. Хорошо известно, что у шведов и русских были давние и иногда даже тесные контакты. Контакты порождало как соседство двух стран, так и взаимные интересы, приводившие порой к конфликтным ситуациям. Особенно важными они стали после Столбовского мира 1617 года, когда к Швеции были присоединены Ингерманландия и Карелия. В связи с этим Швеция получила много новых русскоговорящих граждан православной веры. Но и в других странах Западной Европы была потребность в знании русского языка. Для нового словаря нужен был исходный материал. Спарвенфельду с большим трудом удалось достать список латино-славянского словаря Епифания Славинецкого у своего учителя Стахей Годзаловского (*Slav 11* в Упсальской библиотеке). Этот словарь большого объема очень подходил к потребностям Спарвенфельда (Нимчук 1973; Birgegård 1985: 20–26). Уже в Москве он поручил составить своего рода обратную версию *Slav 11*, поскольку ему нужен был словарь с заглавными словами на русском языке. Этот словарь (*Slav 18* в Упсальской библиотеке) построен так, что слова в левом столбце расположены по начальным буквам, в то время как слова латинского перевода в правом столбце расположены в алфавитном порядке (Birgegård 1985: 37–40). Мы не знаем, собирался ли Спарвенфельд полностью «перевернуть» латино-славянский словарь Славинецкого. Если такая версия и существовала, она, во всяком случае, до нас не дошла. В собрании Спарвенфельда в Упсале имеется также список славяно-латинского словаря Арсения Корецкого-Сатановского и Епифания Славинецкого (*Slav 41* в Упсальской библиотеке; Горбач 1968; Нимчук 1973; Birgegård 1985: 42–51). Согласно записи на первой странице рукопись была переплетена 16 декабря 1684 г. Словарь написан разными почерками, в том числе и рукой Спарвенфельда. Рукопись носит характер черновика со множеством добавлений на полях, большая часть которых сделана рукой Спарвенфельда. Некоторые дописанные слова взяты из *Slav 11*, другие представляют собой выписки из богослужебных книг и т. д. Кроме вышеупомянутых списков словарей Спарвенфельд привез в Швецию церковно-славянско-украинский словарь Памвы Берынды, изданный в 1653 г., который тоже служил источником (Birgegård 1985: 54–55), как и «иллирийско»-латинско-итальянский словарь Якоба Микалия (Jacobus Micalia), напечатанный в 1649 г. в Лоретто (Birgegård 1985: 18–19). Таков объем лексикографических материалов, которые Спарвенфельд имел в своем распоряжении. Но ему нужен был редактор.

По рекомендации Лейбница Спарвенфельд принял на работу человека, сыгравшего впоследствии большую роль в работе над словарем. По мнению Лейбница, упомянутый молодой человек, словак Матиас Забани (Matthias Zabani), благодаря

своему четкому почерку и знанию славянских языков, должен был быть подходящим помощником в составлении словаря. В апреле 1699 г. Забани прибыл в Швецию, и в сентябре того же года Спарвенфельд в письме, не без иронии, сообщает Лейбницу, что молодой человек, правда, хороший малый, но так как Спарвенфельду пришлось учить его чтению и письму на его собственном родном языке (т. е. церковнославянском), то Лейбниц может себе представить, какую пользу он мог иметь от Забани на этой стадии работы (Birgegård 1985: 90). Из письма к Лейбницу от января 1700 г. явствует, однако, что Забани приступил к составлению словаря. Спарвенфельд в этой связи просит у Лейбница совета в вопросе о том, какие по его мнению еще языки (кроме необходимых — латыни и немецкого) следует включить в словарь. Речь идет, вероятно, о черновике словаря (*Slav 42* в Упсальской библиотеке), где слова из разных источников были собраны в алфавитном порядке (немецкий язык, впрочем, никогда не входил ни в черновик, ни в конечную версию). *Slav 42* — толстый фолиант в серо-голубых папках — был целиком написан Забани. По почерку Забани в славянском столбце можно видеть, что он не привык писать кириллицей; вначале его почерк довольно напряжен, и все буквы очень отчетливо выписаны. Его орфография также указывает на слабые знания церковнославянского и русского языков. Забани редко допускает ошибки при списывании из разных источников, зато попадает в затруднительное положение, когда расшифровывает сокращения и выбирает слова из словаря Микалия, где «иллирийские» (хорватские) слова написаны латинскими буквами. Однако видно, что в процессе работы над *Slav 42* Забани становится все уверенней, т. к. количество «нерусских» написаний явно уменьшается (Birgegård 1985: 12–20).

Кроме почерка Забани в *Slav 42* встречается еще три почерка, принадлежащие русским военнопленным. В 1700 г. вспыхнула Северная война, и Спарвенфельду как церемониймейстеру шведского королевского двора пришлось объявить русскому послу Андрею Яковлевичу Хилкову, что он находится под стражей. После победы шведов под Нарвой в ноябре месяце в Швеции оказалось большое количество военнопленных. Один из трех почерков в *Slav 42* принадлежит Хилкову, с которым Спарвенфельд был знаком еще в Москве. В письме к Лейбницу от 19 апреля 1702 г. Спарвенфельд пишет: «Среди московитских пленных имеются писцы, которые могут переписывать начисто, так как их руки более способны, чем рука Забани, который в этом деле не знает больше того, чему надо было научить его у меня, раз он не знал заранее ни одного слова; так как эта работа очень скучна, как вы знаете и можете себе представить, я его не гоняю, и, поскольку он сам распоряжается своим временем, нельзя удивляться, что время летит, а дело не очень продвигается...».

У Спарвенфельда были очень хорошие отношения с русскими военнопленными, даже, по мнению некоторых, слишком хорошие. От шведских властей он получил разрешение забрать к себе домой одного пленного, писца по фамилии Шепелин, чтобы использовать его в работе над словарем. Эксперимент был прекращен через несколько месяцев, так как оказалось, что Шепелин постоянно бегал к другим военнопленным. Вероятно, один из почерков в *Slav 42* принадлежит Шепелину. Вклад

русских военнопленных в *Slav 42* (их дополнения доходят до буквы Д) очень интересен потому, что им, кажется, поручили просмотреть текст, написанный Забани, русифицировать и модернизировать его. Рукой русских часто перечеркнуты слова, кажущиеся им чужими или устаревшими (поразительно часто зачеркнуты слова, взятые из словаря Берынды), и вместо них написаны слова, которые лучше соответствуют их живому языку. Эти дополнения снабжаются пометкой *vulgo*. Кое-где в черновике имеются изменения и дополнения, сделанные рукой Спарвенфельда; они почерпнуты, по-видимому, иногда из письменных источников, иногда из его собственного запаса слов.

Трудно переоценить тот факт, что черновик сохранился. Он, впрочем, попал в Упсальскую библиотеку не с собранием Спарвенфельда, а позже и другими путями. По черновику можно в деталях восстановить весь ход работы по составлению словаря. В нашем распоряжении оказались и источники, которые использовались в процессе работы, и, благодаря сохранившемуся черновику, мы можем также представить тот этап работы, когда материал из этих источников был впервые объединен.

Итак, перейдем к заключительному этапу, большому славяно-латинскому словарю. Он явился плодом более чем 20-летнего труда, но не был напечатан тогда, несмотря на усилия Спарвенфельда найти для этого средства, как в Швеции, так и за границей. Главный словарь, состоящий из четырех томов фолио в серо-голубом переплете (*Slav 37, 38, 39, 40* в Упсальской библиотеке), содержит 25 636 словарных статей. Это, вне сомнения, самый большой славянский словарь того времени. В его состав вошел почти весь словарь Берынды, латино-славянский словарь Славинецкого и славяно-латинский словарь Корецкого-Сатановского и Славинецкого. Кроме того, в словарь вошли слова из «иллирийско»-латинско-итальянского словаря Микалия, материал из некоторых богослужебных книг, слова, дописанные русскими пленными и самим Спарвенфельдом. В начале *Slav 37* даются также шведские эквиваленты славянских заглавных слов. Переписать начисто славянский столбец было поручено одному из русских пленным, — Александру Манкиеву. Поляк по происхождению, он долгое время работал в России. Он был секретарем русского посла Хилкова. Манкиев сделал для Спарвенфельда много списков (Birgegård 1985: 7), но самым большим среди них был список большого славяно-латинского словаря. Почерк Манкиева четок и красив. И почерк, и орфография указывают на то, что он был опытным писцом. Манкиев «процеживает» слова, написанные Забани и русскими военнопленными в черновике. Он исправляет ошибки в русском письме и правописании (грубейшие ошибки Забани в отношении русского языка до буквы «Д» исправлялись чаще всего русскими), делает некоторые изменения в орфографии и в ударениях. Его ударения часто заметно отличаются от ударений, поставленных в черновике Забани. (Важно подчеркнуть, однако, что Забани в своих ударениях чаще всего следует источникам, среди которых особенно ударения Берынды являются «нерусскими»). Интересно, что Манкиев почти не добавил новых слов.

Латинский столбец почти полностью написан Забани (за исключением последней части *Slav 40*, где с листа 12 об. появляется другая рука). Объяснения и описания, содержащиеся в латинском столбце, часто взяты из латинского словаря Калепина (латинский столбец Калепина служил источником для Славинецкого в его латино-славянском словаре). Однако Забани не оставляет без возражений славянский столбец в версии Манкиева. Иногда он зачеркивает статьи, расположенные в неправильном алфавитном порядке, и дописывает их там, где следует. Он часто изменяет манкиевское *у* в начале слова на *оу* и т. д. Забани изменяет и ударения слов: он стирает ударения, поставленные Манкиевым, и ставит их в другом месте, чаще всего там, где они находились в черновике. «Русское» ударение Манкиева меняется вследствие этого на ударение, находящееся в источнике, или на собственное, часто «нерусское» ударение Забани. Забани внес также много добавлений в славянский столбец. Иногда для увеличения материала он добавляет синонимы из *Slav II*, иногда делает переводы пояснений, стоящих в латинском столбце. Забани ответствен, кажется, и за некоторые словарные статьи, которые имеют языковые особенности, указывающие на то, что они взяты из собственного словарного запаса Забани (они появляются, как правило, уже в черновике).

Таким образом, лексикографические материалы Спарвенфельда дают нам уникальную возможность изучать в деталях, как проходила работа по составлению словаря. Возможность доступа к источникам, черновику и конечной версии словаря, как в данном случае, является исключительной в истории лексикографии. Сохранились также письма, в которых обсуждается методика и цель этой работы. Другими словами, мы имеем исключительную возможность проследить путь каждого слова, взятого из источников и пропущенного через «фильтры», которыми являлись писцы, к окончательной словарной версии. С текстологической точки зрения лексикографический материал Спарвенфельда является очень ценным. К этому следует добавить, что словарь отличается огромным богатством слов, а также вариативностью словарного материала. Сами источники очень пестры, в них находятся слова из разных славянских языков: церковнославянского, русского, украинского, белорусского, польского, «иллирийского» (т. е. хорватского) и т. д. Спарвенфельд, кажется, стремился к этому многообразию. Из переписки с Лейбницем видно, что он рассматривал славянские языки как диалекты одного и того же языка. Спарвенфельд считает церковнославянский язык «матерью», а другие славянские языки — «дочерьми» этого языка. Следствием такого взгляда на славянские языки явилось мнение, что, зная церковнославянский язык, можно понять и другие славянские языки. Сначала он заявил Лейбницу, что в его планы не входит составление «гармонического» словаря, т. е. словаря с эквивалентами из разных славянских языков. Он считал, что для такой работы необходима целая группа ученых, в которой каждый был бы специалистом по одному славянскому языку. Но из его более поздней корреспонденции видно, что он все-таки планировал обогатить свой словарь словами из лужицко-сербского словаря и др. Очевидно, цель определилась постепенно так: словарь должен был заключать в себе богатство слов и черт из разных славянских

языков и, таким образом, стать определенным этапом на пути создания общеславянского словаря. Как таковой он должен был способствовать связям между Западной Европой и странами, где говорили на славянских языках.

Позволим себе обратить внимание читателя на любопытный факт: в 1689–1694 гг. Спарвенфельд по поручению короля предпринял исследовательскую экспедицию по Европе с целью обнаружения готических и древнешведских памятников, доказывающих древность и славу Швеции, новой великой державы Европы. В этой связи Спарвенфельд посетил Рим. В июне 1692 г. Папа Римский Иннокентий XII удостоил его аудиенции. Тогда Спарвенфельд подарил Папе большой латино-славянский словарь в серебряной обложке, который, кажется, в основном представлял собой список латино-славянского словаря Епифания Славинецкого. Вместе со словарем было преподнесено дарственное письмо на русском и латинском языках, где Спарвенфельд описал язык в славянском столбце словаря. Он подчеркнул при этом, что словарь будет очень полезным для католической миссионерской деятельности Ватикана. Это письмо дошло до нас в двух версиях: одна находится в Стокгольме, вторая — в Риме, обе написаны рукой Спарвенфельда. В стокгольмской версии Спарвенфельд подчеркивает важность подаренного словаря для миссионерской деятельности Ватикана в Далмации и среди хорватских священников. В этом, как и в другом списке письма говорится, что славянский столбец словаря содержит не только язык церкви, но и язык, употребляемый в приказах Москвы. Но здесь сказано, что слова из приказного языка добавлены Спарвенфельдом позднее, в то время как римская версия письма намекает на то, что церковнославянский употребляется и в роли приказного языка (опубликованные тексты писем, см.: Birgegård 1985: 78–79). В обеих версиях письма упоминается вторая, славяно-латинская часть словаря, которую, по римскому списку, уже послали заранее. Этот дар вызвал большой отклик в тогдашнем ученом мире, поскольку словарь, подаренный протестантом, был предназначен для употребления в католической миссии. Латино-славянский словарь был передан далматинцу Ивану Паштричу (Giovanni Pastriccio), который должен был дополнить его еще одним столбцом, содержащим «далматские» слова (Birgegård 1985: 81). Было намерение напечатать словарь в Риме, но из этого ничего не вышло. Подаренный Папе экземпляр, кажется, исчез.

Обсуждался также вопрос о том, почему Спарвенфельд подарил Папе латино-славянский словарь. Разве он симпатизировал католицизму? Вряд ли. Скорее, у него были прагматические соображения. Ему, наверное, было хорошо известно, что римский миссионерский центр, *Congregatio de propaganda fide*, распоряжался самыми разными шрифтами для миссии в далеких странах. Он, по всей вероятности, надеялся на то, что в Риме напечатают его словарь. Во время своей работы над «*Lexicon Slavonicum*» Спарвенфельд долго искал возможность напечатать словарь. Главную трудность в связи с этим представляла кириллица. Некоторые ученые, в том числе и Лейбниц, пытались убедить Спарвенфельда в том, что лучше было бы печатать словарь латинской азбукой. Спарвенфельд в письме Лейбницу от 31 января 1700 г. жалуется на это и говорит, что, по его мнению, русские тексты должны печататься

кириллицей, так как только тогда передается правильное произношение русских слов. Он говорит, что видел много неудачных попыток печатать русские/церковнославянские тексты латинской азбукой. Они неудачны потому, что некоторые свою транслитерацию основывают на немецкой орфографии, другие — на итальянской, так что в результате один и тот же язык становится совсем не похожим на себя. Поэтому он отказывается от такой возможности.

Несмотря на все попытки Спарвенфельда напечатать словарь: помимо Рима он вел переговоры об этом и в Амстердаме, и в Оксфорде, и в Москве, — ему это сделать не удалось. Правда, после начала Северной войны шведский король Карл XII приказал министру финансов предоставить средства, чтобы купить кирилловскую печать и напечатать словарь, но денег не было, и ничего из этого не вышло. «*Lexicon Slavonicum*» был напечатан в наши дни при участии автора данной статьи (Sparwenfeld 1987; 1988; 1989; 1990; 1992). Издание сделано следующим образом: кроме точного воспроизведения текста конечной версии словаря в комментариях можно следить за ходом движения каждого отдельного слова: от источника — через черновик и руки разных писцов. В самом издании дается, в принципе, информация об источнике каждого слова. Кроме четырех томов самого словаря был опубликован еще один том, содержащий индекс всех слов, встречающихся в словаре. Это сделано по той причине, что далеко не все слова, использованные как эквиваленты или употребленные в объяснениях, выступают как заглавные слова.

Представим еще одну лексикографическую работу Спарвенфельда. В конце рукописи *Slav 41*, главная часть которой содержит славяно-латинский словарь Корецкого-Сатановского и Славинецкого, имеется очень интересный «частный» список слов, написанный Спарвенфельдом в Москве для собственного употребления. Этот глоссарий представляет собой нечто среднее между алфавитным и тематическим словарем. Объем глоссария — 18 страниц, заглавие таково: «*Supplementum vocum Russicarum vulgat:*» (Дополнение слов из русской разговорной речи). Глоссарий содержит много интересных слов и словосочетаний, переведенных на шведский, французский, латынь или немецкий языки (Биргегорд 1975). По орфографии видно, что Спарвенфельд в первую очередь записывал слова, которые он слышал в Москве. Если исследовать фонетическую запись слов, можно получить интересные сведения о тогдашнем произношении в Москве.

После создания словаря Спарвенфельда, который пролежал полузабытым в Упсальской библиотеке более двухсот лет, в Швеции в области русской лексикографии было сделано не так много. Зато в Финляндии, в Хельсинки, составляли русско-шведские и шведско-русские словари в интересах шведскоговорящей части населения. В 1896 г. вышел русско-шведский словарь Фр. Лерхе (Fr. Lerche) и в 1916 г. русско-шведский словарь В. Зиллиакуса (V. Zilliacus). В том же городе вышли и три шведско-русских словаря, авторы: О. Меурман (O. Meurman) в 1846 г., И. Мандельштам, А. Игелстрём (I. Mandelstam, A. Igelström) в 1905 г. и Й. Лундквист (J. Lundqvist) в 1917 г. Но так как эти словари принадлежат истории финской лексикографии, не будем останавливаться на них в этой статье.

В шведских университетах начали преподавать русский язык в 1883 г., сначала в Упсальском университете, потом в других местах. Только в 1948 г. в Упсале вышел первый русско-шведский словарь, составленный в Швеции, а именно словарь Г. Гуннарссона, Александра Рубеца (G. Gunnarsson, A. Roubetz), активно сотрудничали также Стаффан Даль и Александра Эйхе (Staffan Dahl, Alexandra Eiche). Среди источников в предисловии упоминаются словари Ушакова и Даля. Этот словарь употреблялся в шведских университетах до выхода в Москве в 1976 г. русско-шведского словаря С.С. Масловой-Лашанской и др., под редакцией Карин Давидссон. Словарь создан по инициативе кафедры скандинавской филологии Ленинградского университета и содержит около 50 000 слов русского литературного языка. Основой для составления словаря послужили толковые словари русского языка. Шведско-русский словарь, который употреблялся в шведских университетах после вышеупомянутых финских изданий, — шведско-русский словарь Д.Э. Милановой, опубликованный в Москве в 1949 г. В третьем издании словаря находится около 62 000 слов. Так как два последних словаря издавались в СССР, они принадлежат, скорее, русской лексикографической традиции.

Сравнительно недавно, в 2006 г., в Стокгольме вышел новый большой словарь, включающий как русско-шведскую, так и шведско-русскую часть в одном издании. Шведское правительство в июне 1999 г. приняло решение о выделении средств для такого словаря. Руководителем проекта стала автор данной статьи. Участники проекта работали и в Швеции, и в России. Словарь включает в себя в первую очередь общеупотребительную лексику. Помимо слов из языка классической и современной художественной литературы, словарь также содержит общественно-политическую и экономическую терминологию, язык современного информационного общества и его технологий, разговорный язык, жаргон, географические названия и культурно-специфические слова. Нашей целью было сделать этот словарь таким образом, чтобы им в равной мере мог пользоваться как русский, так и шведский читатель. Отправной точкой для русско-шведской части послужила база русских слов, составленная Валерием Берковым в связи с его работой над большим Русско-норвежским словарем (изд. 2-е, 1994 г.), права на использование которой в этом проекте были приобретены издательством (Академическое издательство Норстедтс). База слов очень большая, она содержит разнообразную лексику. В ходе работы она претерпела сокращения и некоторые изменения. В основу шведско-русской части была положена база слов шведско-английского словаря Норстедтс. Она также использовалась в сокращенном и переработанном виде. Обе части были пополнены большим количеством новых слов. Общее количество слов и словосочетаний обеих частей превышает 141 000. Новый словарь в 2007 г. вышел и в России. Русское издательство «Живой язык» решило издать русско-шведскую и шведско-русскую часть отдельно, в двух книгах, но содержание словаря идентично.

Выше шла речь только о двуязычных словарях, но в заключение целесообразно сказать несколько слов и о других работах лексикографического характера, а именно о так называемом Упсальском корпусе и о частотном словаре, составленном на

его основе. Работа над корпусом осуществлялась с 1987 по 1991 гг., работали над ним Леннарт Лённгрен и Людмила Ферм при участии Ирины Огрен, Тамары Лённгрен и др. В корпусе, объемом в 1 миллион словоупотреблений, представлена только проза. Целью работы было — представить широкий спектр современного русского литературного языка. Текстовая масса была равномерно распределена между специальной и художественной литературой. Специальная литература представлена небольшими по объему журнальными и газетными текстами общей тематики. Что касается художественной литературы, то главной целью было включение наиболее известных и читаемых писателей и более или менее пропорциональное распределение между различными ситуативно-бытовыми сферами, описываемыми в их произведениях. Художественные тексты — не ранее 1960 года, а специальные тексты — не ранее 1985 года (для журналов) и не ранее 1987 года (для газет).

Весной 1990 г. был собран построчный конкорданс на уровне словоформ. Работа по лемматизации словоформ была начата осенью 1990 г. и продолжалась примерно полгода. Использовались также подкорпусы величиной в четверть миллиона. После этого был выписан конкорданс на уровне леммы. В 1993 г. вышел *Частотный словарь современного русского языка* под редакцией Леннарта Лённгрена.

Частотный словарь содержит шесть следующих словников:

- 1) словник омографических словоформ;
- 2) словник наиболее частотных лексем;
- 3) словник наиболее частотных словоформ;
- 4) словник лексем, наиболее характерных для специальной литературы;
- 5) словник лексем, наиболее характерных для художественной литературы;
- 6) словник лексем с абсолютной частотой.

Первый словник является исчерпывающим, остальные представляют ограниченный выбор.

Упсальский корпус имел и имеет до сих пор много пользователей, так как он определяет состав слов в специальной и художественной литературе и дает возможность получить статистические данные. Упсальский корпус доступен на сайте Университета г. Тюбинген (Германия): www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/korpus.html

ЛИТЕРАТУРА

- Биргегорд У.* Глоссарий русского разговорного языка конца 17-го века // *Russian Linguistics*. 1975. 2. P. 193–218.
- Birgégård U.* Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography. Uppsala, 1985.
- Биргегорд У.* Соображения о русском языке в письменном наследии И.Г. Спарвенфельда. Доломоносовский период русского литературного языка. Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г. (= *Slavica Suecana, Series B, Studies, Vol. 1*). Stockholm, 1992. С. 41–59.
- Горбач О.* Перший рукописний українсько-латинський словник Арсенія Корецького-Сатановського та Епіфанія Славинецького. Рим, 1968.
- Німчук В.В.* Лексикон латинський Е. Славинецького. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Изд. В.В. Німчук. Київ, 1973.

Часть 4. Славянская лексикография в неславянских странах

- Norstedts ryska ordbok, Rysk-svensk/svensk-rysk, 2006, projektledare och huvudredaktör: Ulla Birgegård, huvudredaktör: Elisabeth Marklund Шарпова. Stockholm, 2006.
- Русский словарь издательства «Норстедтс». 2007. Ч. 1: Русско-шведский. Ч. 2: Шведско-русский / Руководитель проекта и гл. ред. Улла Биргегорд. Гл. ред. Елизабет Марклунд Шарпова. М., 2007.
- Русско-шведский словарь / Сост. Гуннар Гуннарссон и Александр Рубец. Упсала, 1948.
- Русско-шведский словарь / Сост. С.С. Маслова-Лашанская и др. / Ред. Карин Давидссон. М., 1976.
- Частотный словарь современного русского языка (A Frequency Dictionary of Modern Russian). *Studia Slavica Upsaliensia*. 32 / Ред. Леннарт Лённгрен, 1993.
- Шведско-русский словарь / Сост. Д.Э. Миланова. 3-е изд. М., 1962.
- Sparwenfeld J.G. Lexicon Slavonicum. Voll. I, II, III, IV, Index. Ed. U. Birgegård. Uppsala, 1987–1992.*

Часть 5

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

А.А. ПОЛИКАРПОВ
(Москва, Россия; Барселона, Испания)

МОДЕЛЬ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ЗНАКА: К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ДЕРИВАТОЛОГИИ

(0) Введение. Эволюция в ходе коммуникации.

В настоящей работе в суммарном виде излагаются основные теоретические положения системного подхода¹ к анализу механизмов лексико-семантического и словообразовательного процессов как важнейших составных частей эволюционного процесса в языке.

Под «механизмами» исторической динамики подразумевается взаимосогласованное действие факторов языковой коммуникации, наиболее существенных для выявления наиболее эффективных способов ее осуществления. Типовые эффективные способы общения закрепляются, формируют структуру и состав единиц языка. Так как в различных условиях осуществления коммуникации значимость различных факторов меняется, то меняются и предпочтения к реализации тех или способов общения между людьми. Относительное постоянство внешних условий в течение некоторого продолжительного времени ведет к закреплению определенных оптимальных способов устойчивого языкового поведения и, далее, к приспособлению всех сторон языкового целого к этим предпочтительным способам, т. е. к перестройке — развитию языковой системы в целом.

Из этих определений следует, что мы исходим из коммуникативной онтологии языка как единственной реальности его существования и формирования его структур, исходим из необходимости объяснения сущностных принципов устройства языка и его эволюционных преобразований его коммуникативной природой, включенностью в цепи коммуникативных взаимодействий в обществе.

Синхронная и историческая лексикология сейчас существуют по отдельности, слабо пересекаясь. Имея же в виду, что они объемлют одну и ту же реальность, правда, берущуюся в разных аспектах, необходимо признать, что они должны строиться на общем теоретическом основании.

---

¹ Мельников Г.П. Системный подход к лингвистике // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1971. С. 184–196; *он же*. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. радио, 1978. 368 с. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_r/titl.htm; *Его же*. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. Курс лекций. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2000. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/content.htm; *Его же*. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003. 395 с.; *Поликарпов А.А.* Элементы теоретической социоллингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1979. 163 с.; *он же*. Системно-количественный подход в лингвистике // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований (Вестник Смоленского государственного университета. Сер. 1: Филология. Т. 1). Смоленск: Маджента, 2007. С. 35–59.

Так как в основе исторической *макродинамики* языка лежат *циклические микропроцессы*, т. е. процессы, происходящие, в тенденции, в истории каждой из его знаковых единиц — от ее зарождения, направленного развития и до вымирания, то эти циклические микроуровневые процессы и стали предметом начального этапа нашего теоретического исследования. Циклические процессы, происходящие с каждой знаковой единицей в ходе ее использования в общении, получили в наших работах название «жизненного цикла знака». Под «жизненным циклом» подразумеваются закономерные, направленные изменения, свойственные в виде тенденции каждому языковому знаку в ходе его функционирования в языке — от его рождения до смерти. Направленные изменения связаны с тем, что рождаясь, знак обладает некоторым потенциалом развития, который постепенно исчерпывается в ходе его жизни, в ходе его коммуникативного обращения.

Только построение такого системного микро-теоретического фундамента позволяет осуществить, на наш взгляд, далее, научный синтез картины организации-функционирования и развития системы языка и на *макроуровне* ее организации, т. е. достичь ее понимания как *целого*. Рассмотрение языка на макроуровне его организации подразумевает учет *механизмов взаимного согласования* действия всех тех циклических процессов, которые осуществляются на микроуровне жизни языка. В частности, это подразумевает рассмотрение закономерностей *ансамблевого поведения во времени знаков* того или иного языка, рассмотрения исторической динамики лексического, а также морфемного и фразеологического инвентарей языка как целостных, совместно-обусловленно развивающихся подсистем языка.

В настоящей работе представлен обновленный вариант модели жизненного цикла знака (далее — МЖЦЗ)² на микроуровне происходящих в коммуникации эволюционных сдвигов. Закономерности ансамблевого поведения языковых знаков, а также различные макроследствия, вытекающие из МЖЦЗ в настоящей работе не рассматриваются³.

При изложении модели мы последовательно ссылаемся на те наши эмпирические исследования, в которых то или иное прогнозируемое явление уже экспериментально исследовалось и проверялось. Одновременно указывается на нерешенные еще теоретические проблемы и возможные перспективы дальнейшей экспериментальной проверки предлагаемой теории.

(1) Принцип намека-догадки как основа коммуникативного акта и исходная причина необратимой эволюционной динамики языка.

Принципиально важные для теоретической реконструкции механизма лингвистической эволюции категории вырабатываются на основе вскрытия универсаль-

---

² Предшествующий вариант МЖЦЗ был представлен в работе: *Поликарпов А.А.* Системно-количественный подход в лингвистике.

³ Отсылаем к работе, в которой рассматриваются некоторые из этих проблем вскрытия закономерностей ансамблевого поведения знаков естественного языка, а также выводится ряд макроследствий: *Поддубный В.В., Поликарпов А.А.* Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков на основе диссипативной стохастической динамической модели эволюции знаковых ансамблей // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании. М.: Добросвет, 2011.

ных сущностных характеристик любого коммуникативного акта. Самым фундаментальным для понимания сущности любого коммуникативного акта и присутствующих в нем потенциалов развития употребленных в нем языковых средств является то, что процесс коммуникации между индивидуумами базируется на *принципе намека-ния-догадки*⁴. Дело в том, что каждый знак может быть *многозначным*, вырабатывая в своей истории или получая в наследство от производящего слова определенный набор *значений* — *типовых образов*, через *возбуждение* одного из которых отправитель *намекает получателю* на тот или иной *смысл* (т. е. тот или иной *более конкретный образ*), который имелся в виду в данном случае. В каждом акте употребления знака отправитель использует, как правило, только какое-нибудь одно из присущих знаку значений, о котором получателю надо *догадаться*, произвести *правильный выбор среди всех значений данного знака*. Кроме того, каждое значение каждого знака является в определенной степени *многозначным*, покрывает некоторую область смыслов, каждый из которых, как правило, является более конкретным, чем покрывающее эту область значение, но имеет какую-то *часть общих с ним (повторяющихся) признаков*.

На основе повторяемости части признаков в значении и в каждом из покрываемых им смыслов и возможен выбор отправителем через эвристическое ассоциативное возбуждение *наиболее похожего* значения знака среди всех возможных значений всех его знаков для *намёка получателю* на него и на соответствующий этому значению смысл через посылку *знакового «представителя»* всех его значений. И, наоборот, на получающем конце коммуникации возможна *догадка* на основе тех же ассоциативно-эвристических операций, базирующихся на *правильном контекстуальном выборе соответствующего значения* среди всех, как правило, априори известных получателю значений опознанного им знака, и на *правильном выборе соответствующего данной ситуации* смысла (среди всех ему известных смыслов данного значения), видимо, имевшегося в виду отправителем знака.

Успешность этих намекательно-угадывательных операций базируется на общности общежизненной и текущей (ситуативной) апперцепционной базы общающихся, что и создает определенный уровень актуальной (ситуативной) избыточности их общей смысловой системы, ведет к возможности успешного использования ими экономного намекательно-угадывательного способа общения.

(2) Набор значений языковых знаков — редуцированное отображение набора смыслов, присутствующих во внутренних мирах членов одного национально-языкового коллектива.

Это редуцированное отображение заключается одновременно и в том, что значений существенно меньше, чем смыслов, и в том, что каждое значение — более схематичное, более абстрактное отображение содержания каждого из смыслов, подпадающих под него.

---

⁴ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_r/glava_3_3-3.htm#3.3

Поскольку редукция признаков в значениях в сравнении со смыслами может происходить по разным направлениям, постольку и формируемые в каждом языке системы значений их знаков являются специфичными, существенно отличными от других языков, при возможном практическом тождестве их смысловых систем (вследствие сходства в условиях жизни и постоянном культурно-смысловом обмене между носителями разных языков).

(3) Тенденция к разрастанию со временем смысловой области каждого значения.

В каждом акте общения при использовании принципа намека-догадки существует определенная вероятность выхода очередного употребленного значения-намёка за прежде сформированные границы его смысловой области и на этой основе — возможность закрепления расширившегося объема этой области в практике общения членов данного коллектива. Это определяет вероятностную тенденцию к постоянному со временем разрастанию смысловой области каждого значения, увеличению общего числа разных смыслов в ней и повышению суммарного разнообразия признаков этих смыслов.

(4) Тенденция к появлению новых значений у знака как частный случай скачкообразного расширения смысловой области материнского значения и автономизации ее частей.

Скачкообразность смыслового расширения в таких случаях заключается в том, что часть новых добавляемых смыслов (в результате указанного выше процесса неизбежного расширения смысловой области каждого значения) может походить на другие смыслы столь непрочно, поверхностно, что рядом с прежней смысловой областью может выделяться как особая новая смысловая область, которая, хотя и слабо-ассоциативно связана с прежней, но обозначает особый денотативный участок, для обозначения-намёкания на который в роли нового значения выдвигается один из наиболее обобщенных (абстрактных) смыслов этой новой подобласти, т. е. формируется *новое значение данного знака*.

Как видно из сказанного, процессы расширения смысловой сферы каждого значения и образования новых значений, с определенной вероятностью совершающиеся в каждом очередном акте коммуникации, позволяют говорить о том, что *каждый акт общения одновременно является и тактом микроэволюции языка*, в ходе которой возникают и накапливаются *направленные изменения в наборе значений каждого знака, объеме смысловой области каждого из значений*.

Процесс преимущественного расширения смысловой области каждого из значений и выделения из нее новых подобластей (со своими отдельными значениями для их покрытия) является базовым *диссипативным процессом* в языке, основным источником неостановимого движения, последующих *направленных изменений в каждом значении каждого знака*, ведущих в конечном итоге к «снашиванию» знаков, истощению их способности к изменению (истощению их «ассоциативно-семантического потенциала»), и, в конечном счете, *к завершению прохождения ими своего жизненного цикла и их сменяемости другими знаками*.

Ниже рассматривается принципиальная логика появления последующих звеньев в цепи процессов развития (запускаемых исходными процессами расширения смысловой области каждого из значений знака и порождения новых значений). Эта логика определяет, в конечном счете, принципиальные закономерности как лексико-семантического, так и фразеологического, а также словообразовательного и морфемного процессов.

(5) Тенденция к абстрактивизации значений знаков в их истории как следствие расширения их смыслового объема.

Исторически неизбежное повышение разнообразия смыслов и суммарного разнообразия признаков в смыслах, подпадающих под данное значение знака, *сужает* область пересечения наборов признаков этих смыслов, что через механизм ассоциативно-намекательной переключки компонентов значения и его смыслов ведет со временем к *усилению* в каждом значении определенного *более узкого круга наименее специфических его признаков* (компонентов). Дело в том, что *менее специфические* признаки значения встречаются в *более широком* круге подпадающих под него смыслов, а потому и чаще задействуются в намекательном процессе, чаще возбуждаются, чем более специфические признаки, пропорционально этому *усиливаясь*. Остальные, более специфические, менее распространенные, менее представленные в разных смыслах данного значения признаки, меньше задействованные и поэтому и менее возбуждаемые, *постепенно гаснут*. В конечном счете, со временем, это приводит к выпадению из значения части совсем ослабевших, наиболее специфических признаков, формируя тенденцию к *абстрактивизации* и *деспецификации* во времени любого значения любого знака в языке. И чем *дольше* те или иные значения любого знака существуют-употребляются, тем они, в среднем, должны становиться *более абстрактными и менее специфическими*, т. е. наполненными все меньшим числом все менее специфических признаков.

Глобальная абстрактивизационная тенденция в развитии значений знаков языка (преимущественно на материале лексики) неоднократно формулировалась лингвистами и ранее (Г. Пауль, И.А. Бодуэн де Куртене, П. Фасмер, Г. Стерн, Л. Блумфилд, С. Ульман, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова и др.). Однако начальные данные для экспериментально-статистического доказательства этой тенденции удалось получить только недавно. Данную тенденцию подтверждает тот факт, что более юные слова чаще, их производящие и остальные слова, обозначают предметы и конкретные свойства и признаки явлений окружающей нас действительности. В частности, это подтверждается данными по «Хронологическому морфемно-словообразовательному словарю русского языка»⁵.

И, может быть, самое главное, в работах по моделированию «жизненного цикла знака» удалось объяснить *причины, механизм* появления этой тенденции, а также

---

⁵ См. табл. 1 в работе: Поликарпов А.А. Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка. // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. TEL – 2001. (Казань, 25–28.10.2001). Казань, 2001. С. 57–99. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/kogn/kogn_cont.htm

теоретически предсказать ряд *системных следствий* из нее, в том числе и ряд *закономерностей развития семасиологических характеристик лексических, фразеологических и морфемных единиц*, а также *закономерностей словообразовательного процесса*. Как исходная причина тенденции к абстрактивизации каждого значения знаков в их истории, так и выводимые из этой тенденции следствия подтверждаются наличными эмпирическими данными.

(6) Тенденции к грамматикализации и субъективизации значений знаков в истории знака.

Эти тенденции, широко изучаемые в настоящее время, оказываются, на самом деле, двумя частными проявлениями более общих процессов *абстрактивизации и деспецификации* значений знаков в их истории. Дело в том, в ходе процесса абстрактивизации значений могут *не только теряться какие-то из их исходных признаков*, но (хотя и в существенно меньшей степени) и *приобретаться новые признаки*. Однако качество приобретаемых значений признаков совершенно иное, чем им теряемых. Дело в том, что абстрактивизация значений приводит к расширению круга коммуникативных контекстов их употребления и, следовательно, к *усилению* ассоциативного воздействия на набор признаков каждого значения наиболее повторяющихся смысловых признаков из расширившегося круга их контекстов употребления. Наиболее же повторяющимися (и поэтому усиливающимися) элементами смысловых контекстов общения между людьми являются их *субъективные оценки* по отношению друг к другу, другим людям, предметам и явлениям, а также те или иные типовые, или, иначе, *служебно-грамматические смыслы* (связанные с теми или иными повторяющимися — служебно-грамматическими — конструкциями). *Это и приводит со временем к заметному усилению в значениях слов оценочных, модальных и иных их субъективных, а также служебно-грамматических признаков*. То есть, *со временем значения должны претерпевать не только (1) абстрактивизацию и (2) деспецификацию, но и заметную (3) субъективизацию и (4) грамматикализацию*. При этом (3) и (4) являются следствием (1) и (2).

В экспериментальном плане эти выводы подтверждаются на основе анализа оценочных, сниженно-жаргонных, возвышенных, книжно-специальных и т.п. лексических, морфемных и фразеологических знаковых средств различного возраста и различных грамматических и полисемических категорий русского, английского и некоторых других языков⁶.

(7) Тенденция к относительной абстрактивизации новых значений знака в сравнении с материнскими значениями.

Принципиально важным для объяснения этой тенденции является, во-первых, то, что в качестве нового значения для «покрытия» выделяемой в качестве отдель-

---

⁶ См., например: *Поликарпов А.А., Курлов В.Я.* Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 62–75; *Поликарпов А.А.* Когнитивное моделирование циклических процессов...; *Polikarpov A.A., Filimonova T.V.* O zakonitem sorazmerju med starostnimi in drugimi sistemskimi lastnosmi frazeoloskih enot (nagradaivu slovenskega jezika) // Slavistična revija. 2005. № 3. P. 445–460.

ной новой смысловой области (см. п. 4 выше) чаще всего стихийно отбирается один из *наиболее обобщенных смыслов* среди добавившихся при расширении прежней смысловой области. Этот выбор объясняется минимальным, в среднем, отличием набора признаков этого наиболее обобщенного смысла от остальных смыслов, намекаемым на которые (т. е. новым значением) он становится. Во-вторых, тенденция к относительной абстрактивизации новых значений объясняется тем, что при образовании каждой новой смысловой подобласти разнообразие смыслов, ее составляющих, выше, чем в смысловой области материнского значения. Это связано с тем, что ассоциативный скачок (при расширении смысловой области материнского значения) происходит на основе использования в ассоциативно-намекательном акте более узкого круга признаков исходного значения, чем то, что имеется в материнском значении. Если же круг признаков, общих для всех смыслов и объективно лежащих в основе новой смысловой группировки, оказывается существенно *уже*, чем было при прежнем значении, то *новое значение* (в роли которого стихийно отбирается один из прежних смыслов) и *должно быть относительно более бедным на признаки*, т. е. *должно быть более абстрактным, чем материнское значение*.

Экспериментальный анализ наличия тенденции в изменении качества последовательно появляющихся значений лексических знаков к настоящему времени никак не производился (данные подобного рода имеются только для английского языка в «Большом Оксфордском словаре», но и они не используются для исследования этих процессов). Однако можно использовать данные указанных словарей новых слов и значений, в частности, для русского и английского языков, в которых, как это указывалось выше, представлен достаточно объективный материал по одномоментному сдвигу в словообразовательной и полисемической структуре языка. Этим материалом мы и воспользовались. В ходе анализа сопоставлялось качество (степень абстрактности/конкретности) новых и материнских значений, а также выяснялось, значения слов каких возрастов, каких полисемических областей, каких грамматических категорий (частей речи) в какой степени активны в порождении новых значений. Полученные данные соответствуют теоретическим прогнозам. Выясняется, в частности, что, в среднем, каждое новое значение оказывается относительно более абстрактным, чем его материнское значение. А также то, что признаковые лексические единицы (прилагательные, глаголы, наречия) менее склонны к рождению новых значений, чем предметные слова, а служебные лексические единицы — менее склонны к этому, чем знаменательные. Наконец, обнаруживается, что относительно более полисемичные слова в пределах групп слов одной части речи менее способны к порождению новых значений⁷.

⁷ Экспериментальные данные для русского и английского языков по словарям новых слов и значений, а также по толковым словарям см. в работах: *Поликарпов А.А.* Циклические процессы в становлении лексической системы языка: Моделирование и эксперимент: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 55 с.; *он же.* Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка. С. 57–99. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/kogn/kogn_cont.htm; *Polikarpov A.A.* Cognitive Model of Lexical System Evolution and its Verification (2001). URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/cogn_ev.htm. Более развитая методика анализа семантико-неологических процессов в применении к более обширному материалу реализована в готовящейся нами к публикации статье.

Эти результаты представляются принципиально важными, поскольку процесс относительной абстрактивизации последовательно появляющихся у знака значений относится к одному из наиболее базовых процессов в общем необратимом процессе эволюции знаков человеческих языков.

(8) Тенденция к повышению относительной частоты употребления каждого последующего значения в истории знака.

Эта тенденция является прямым следствием из тенденции к относительной абстрактивизации каждого последующего значения в сравнении с предыдущим в истории языкового знака. *Более абстрактные значения способны к покрытию более широкой смысловой области и, соответственно, должны относительно чаще употребляться.*

Прямые экспериментальные данные (с учетом *последовательности появления значений* в истории каждого из знаков) на этот счет пока только собираются. Однако более косвенные данные, связанные с *зависимостью средней частоты значений слов от числа их значений* (по данным, извлеченным нами из «Словаря Шевченко»⁸, а также по данным пока не опубликованного соответствующего исследования «Словаря языка Пушкина») не находятся в противоречии с данной гипотезой.

(9) Чем каждое последующее значение знака оказывается относительно более абстрактно, тем оно должно быть, в среднем, менее активно в порождении от него последующих значений.

Это происходит из-за того, что у относительно более абстрактного значения меньше специфических признаков, на основе которых можно было бы ему совершить ассоциативный «скачок», намекаятельно «зацепиться» одним из признаков за какой-то новый смысл, который может образовать новую отдельную смысловую сферу со своим новым значением. Вследствие этого процесс образования новых значений от каждого из значений каждого из последующих их поколений в истории знака постепенно становится относительно более *слабым* и одно из самых поздних поколений значений знака, становится последним поколением, так как образование новых знаков на нем вообще *затухает*.

Прямых данных, демонстрирующих эту зависимость на настоящий момент не собрано. Но имеются на этот счет косвенные экспериментальные данные, демонстрирующие, в частности, в среднем, меньшую порождающую активность значений все более старых (и, значит, наполненных все более абстрактными значениями) и все более полисемичных слов русского и английского языков, полученные на основе анализа словарей новых слов и значений этих языков⁹.

(10) Чем каждое последующее в истории знака значение оказывается, в среднем, относительно абстрактнее, тем относительно большая ста-

---

⁸ Polikarpov A.A. Cognitive Model of Lexical System Evolution...

⁹ Ibid.

бильность, длительность жизни для этого значения должна быть свойственна.

Это определяется тем, что для каждого последующего в истории знака более абстрактного значения характерна более широкая смысловая область приложения, локальные изменения в которой менее значимы для нее и, соответственно, для покрывающего ее значения, чем для значений менее абстрактных. Вследствие этого в истории знака последовательность *выпадения* значений существенно коррелирует с последовательностью их *появления*, так как исходные, самые конкретные значения являются наиболее неустойчивыми, наиболее зависящими от изменений в мире смыслов и наиболее подверженными конкурентным притязаниям со стороны значений других знаков на обозначение их относительно узкой смысловой области.

Связь степени исторической устойчивости значений знаков со степенью их абстрактности, в общем, подтверждается тем фактом, что наиболее долго живущие в языке слова являются служебными и содержат чаще относительно более абстрактные значения, чем сопоставляемые с ними более молодые слова¹⁰.

(11) Вывод об общем характере кривой развития полисемии знака.

Наложение друг на друга двух процессов — (1) постепенно замедляющегося и останавливающегося в определенный момент процесса появления новых значений и (2) начинающегося позже и тоже постепенно замедляющегося процесса выпадения ранее появившихся значений (вплоть до выпадения последнего, часто самого абстрактного и потому самого устойчивого значения) — приводит к формированию *асимметричной кривой развития полисемии знака, с пиком развития полисемии, сдвинутым к началу жизненного цикла знака.*

Данные, в целом подтверждающие это утверждение, представлены в указанной ранее работе¹¹. Они получены при анализе связи полисемических и возрастных характеристик русских и эстонских корневых слов.

Попытки математического моделирования развития полисемии и частоты употребления слова в ходе его жизненного цикла, а также вывода на этой основе синхронного распределения слов по каждой из этих двух характеристик были предприняты в наших совместных исследованиях с В.В. Поддубным¹².

(12) Вывод об общем характере кривой развития употребительности знака.

Наложение друг на друга двух процессов — (1) постепенно замедляющегося и останавливающегося в определенный момент жизненного цикла знака процесса увеличения совокупной частоты появляющихся у знака все более абстрактных и, соответственно, более частых в употреблении значений и (2) начинающегося позже

---

¹⁰ Поликарпов А.А. Когнитивное моделирование циклических процессов.

¹¹ Polikarpov A.A. Cognitive Model of Lexical System Evolution...

¹² Поддубный В.В., Поликарпов А.А. Вывод закона синхронного полисемического распределения языковых знаков... С. 182–190; Поддубный В.В., Поликарпов А.А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // Компьютерные исследования и моделирование. 2011. Т. 3. № 2. С. 103–124.

и тоже постепенно замедляющегося процесса уменьшения ранее накопленной общей частоты знака (за счет выпадения ранее появившихся, относительно более конкретных и потому относительно редко употребляемых в речи значений) — приводит к формированию *асимметричной кривой развития употребительности знака, с замедляющимся ростом этой характеристики, достижением максимума (в период, более поздний, чем достижение максимума полисемии) и постепенным падением величины этой характеристики после достижения максимума до момента выхода из строя последнего, чаще всего самого абстрактного, самого устойчивого и самого частого значения.*

Несмотря на то, что частотные данные относятся к числу наиболее доступных, вполне доказательных экспериментальных исследований о связи возраста и средней частоты употребления слов в настоящее время не существует. Этому, видимо, препятствует нехватка хронологических данных для лексики многих языков¹³. Наш «Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка пополняется в настоящее время данными о частотах и полисемии слов, чтобы подобное исследование провести на материале русского языка.

(13) Сообразно росту частоты употребления знака (до определенного момента в ходе его жизненного цикла) должна падать его относительная длина.

Обратно пропорциональная зависимость между частотой употребления знака и его длиной была замечена уже давно и сформулирована в виде т. наз. «закона аббревиации» Д.К. Ципфом¹⁴. Эта зависимость позволяет носителям языка общаться относительно экономно, затрачивая на производство каждого из самых употребительных знаков относительно меньше усилий, чем на производство редко употребляемых, что и ведет к экономии (точнее, оптимизации) совокупной суммы усилий участников языкового общения. Однако в теоретических моделях, как правило, не учитывается и не анализируется ситуация с падением частоты употребления знака после достижения им максимума употребительности в ходе его жизненного цикла. Именно *учет наряду с участком роста частоты употребления знака (и, соответственно, его укорочения) еще и того «мертвого» участка, когда «на склоне лет» частота употребления знака падает, а длина знака не меняется, и позволяет прогнозировать более реалистическую зависимость развития длины знака от изменения его частоты.* В настоящее время нами совместно с В.В. Подубным ведется работа по разработке такой более реалистической модели и ее проверке на экспериментальных данных.

---

¹³ Единственным исключением в этом отношении является работа: *Petersen Alexander M., Tenenbaum J., Havlin S., H. Eugene Stanley. Statistical Laws Governing Fluctuations in Word Use from Word Birth to Word Death // Scientific Reports. 2012. 2. P. 313. Published online 2012 March 15. doi: 10.1038/srep00313.* Однако уникальный по объему и характеру материал 200-летней истории развития частотных характеристик слов (в особенности, английского языка) пока не осмыслены в пределах некоторой теории.

¹⁴ *Zipf G.K. The Psycho-biology of Language: An Introduction to Dynamic Philology. Boston: Houghton Mifflin, 1935.*

(14) Характер развития омонимии знаков как следствие их совпадения по звучанию и/или написанию в ходе реализации жизненного цикла знака.

В связи с ростом частоты употребления знаков в ходе их жизненного цикла и падением их длины должна нарастать вероятность их омонимизации — совпадения по звучанию и/или написанию. Однако вследствие фиксации длины знаков с определенного момента их жизни (когда частота употребления перестает расти, а потом и падает) степень их омонимичности этого рода также далее определенного момента жизненного цикла знака не растет¹⁵.

(15) Характер развития омонимии знаков как следствие разрыва полисемических связей между значениями знака.

Разрыв полисемических связей между значениями слов — второй источник развития омонимии в языке. *В связи с тем, что начальные значения знака относительно более конкретны и поэтому более неустойчивы, чем последующие, вероятность разрыва полисемической цепи (из-за выпадения значения) в начальный период жизни знака существенно выше, чем в каждый последующий. Это и определяет то, что пик образования лексических омонимов на основе разрыва полисемических связей сдвинут к началу жизни знака¹⁶.*

(16) Тенденция к росту степени синонимичности и антонимичности значений слов с увеличением их возраста.

В связи с абстрактивизацией значений вследствие их старения (и старения знаков в целом) может быть выдвинут и прогноз *о повышении, в среднем, вероятности синонимизации значений слов с увеличением их возраста. Эта гипотеза опирается на явление понижения, в среднем, компонентной специфичности значений знаков в ходе их абстрактивизации и, значит, повышении средней степени совпадения их компонентного состава. В том числе, достигая и такой степени, когда некоторые значения в результате такого процесса совпадают почти всеми своими компонентами, а те компоненты, которыми они все же продолжают различаться, могут быть нейтрализованы в тех или иных контекстуальных условиях. Так что те знаки, которые их содержат, могут быть взаимозаменяемы — в чем и заключается явление синонимичности.*

Синонимизации так сближающихся значений разных слов в результате их абстрактивизации способствует и то, что на основе этого процесса значения развиваются и в сторону их субъективизации (о чем говорилось выше). Одним из проявлений субъективизации значений может быть *повышенное маркирование тех или иных значений качественно-оценочными и количественно-оценочными компонентами. При этом такие значения и могут вступать в парные (и множественные) синонимические отношения с другими, нейтральными по этим признакам значениями или значениями, противоположными им по направлению оценки.*

---

¹⁵ Эта гипотеза изменения с возрастом слов их предрасположенности к омонимии этого типа на русском лексическом материале была проверена в работе: *Polikarpov A.A. Cognitive Model of Lexical System Evolution...*

¹⁶ Эта гипотеза была проверена там же.

Аналогичная логика позволяет нам прогнозировать и *более активное вхождение в антонимические отношения значений слов с увеличением их возраста.*

Экспериментальные данные по русским корневым словам разного возраста показывают рост средней степени синонимичности значений с ростом их возраста¹⁷. Для анализа более обширного лексико-синонимического материала в настоящее время нами ведется подготовительная работа.

(17) Эвфемизация как процесс избегания излишне эмфатических номинаций и как фактор повышения разнообразия номинаций одного и того же смысла (в том числе и синонимического разнообразия).

Эвфемизация — это сознательная или подсознательная замена *прямых страшных, неприятных или неприличных для общающихся наименований более нейтральными наименованиями.* Эвфемистические замены понижают степень эмфатичности обозначений. При этом через определенное время та или иная эвфемистическая замена сама превращается в эмфатическую, так как употребляясь в соответствующих неприятных, неприличных и т. п. контекстах, слово в данном значении проникается компонентами контекста, что, далее, ведет к необходимости следующей эвфемистической замены вместо «испортившейся». Тем самым, *завершается один эвфемистический цикл и начинается следующий.*

Явление эвфемизации сплошному системно-статистическому анализу еще не подвергалось, хотя *совместно с явлением дисфемизации является мощным, до сих пор недооцененным фактором изменения номинаций в языке.*

(18) Универсальный процесс потери эффективности стареющими значениями знаков и тенденция к дисфемизации обозначений.

Конкурентоспособность многих старых, достаточно абстрагивизировавшихся значений, в сравнении с более конкретными значениями других, более молодых знаков, явно ниже, так как *абстрагирующиеся значения становятся все менее определенными (и поэтому менее эффективными) наметателями на тот или иной смысл.* Это, в частности (например, для лексических знаков) должно приводить либо к тому, что обозначением данного смысла со временем все чаще начинают заниматься какие-либо *другие из уже существующих лексических знаков с похожими, но более специфичными значениями,* либо к тому, что для обозначения этого смысла *начинает привлекаться новая комбинация слов (аналитическое выражение) или комбинация основ слов в составе сложного слова, которые способны более специфически, более определенно, чем значение прежде употреблявшегося знака, наметать на этот смысл.*

Как кажется, частным подтверждением данной тенденции являются *дисфемистические замены.* Дисфемистические замены (голова – котелок – башка – глава) *повышают степень эмфатичности обозначений за счет добавления компонентов оценочных соотношений к набору собственно денотативных компонентов значения.* При этом через определенное время та или иная дисфемистическая замена сама

---

¹⁷ Polikarpov A.A. Cognitive Model of Lexical System Evolution...

«стирается», перестает быть эмфатической, что может вести к появлению следующей, относительно более эмфатической замены вместо стершейся. Тем самым, завершается один дисфемистический цикл и начинается следующий.

Явление дисфемизации (как и явление эвфемизации) сплошному системно-квантитативному анализу еще не подвергалось, хотя совместно с ним является мощным фактором изменения системы номинаций в языке. Для глубокого анализа явлений эвфемизации и дисфемизации, в том числе, для выявления связи активности каждого из них с возрастом слов и другими их характеристиками, необходим активный сбор материала и создание исследовательских баз данных. Подобная работа эффективна при кооперации усилий разных исследователей, поскольку достаточно полных словарей эвфемизмов до сих пор нет ни для одного из языков. Дисфемизмы в большей степени лексикографически отображены (в синонимических словарях), но явно неполно.

(19) Зависимость степени стабильности знака от его категориальной принадлежности и числа значений.

Слова более признаковых частей речи (например прилагательных и глаголов в сравнении с существительными) в силу более широких, в среднем, значений должны быть более устойчивыми во времени.

То же касается и *относительно более полисемичных слов*. Они успешнее сохраняются во времени.

Экспериментальные данные, подтверждающие эти прогнозы, мы получили при анализе созданной нами БД «Лексика древнерусского языка» на основе «Словаря древнерусского языка» (1–4 томов) с фиксацией грамматических, полисемических, фразеологических, частотных характеристик лексем, а также с добавлением в словарь хронологических характеристик и характеристик степени сохранности лексемы в современном русском языке.

(20) Тенденция к росту, а потом падению активности свободных значений слов к порождению от них фразеологически связанных значений.

Этот прогноз базируется на представлении о том, что *с ростом степени абстрактности значений слов все более значительного возраста, увеличивается широта контекстов употребления каждого из таких значений*. В результате, в каких-то из этих контекстов слово в одном из таких значений начинает употребляться в особенности часто, что и ведет в итоге к *формированию новой устойчиво употребляемой и далее — идиоматизирующейся — комбинации слов, фразеологической единицы*. Одно из свободных значений стержневого слова в подобной устойчивой комбинации слов и дает жизнь фразеологически связанному значению. Однако *рост степени фразеологизации значений слов ограничивается не только предельным возрастом слов, но и тем, что расширение контекстов употребления значений слов ограничивается еще одним фактором — ограниченным объемом словаря, на основе единиц которого формируются словосочетательные комбинации*. Тем более, что стихийный подбор комбинаций, если он производится для слов все увеличивающе-

гося возраста, производится среди постоянно сокращающихся по объему групп все более старых слов. В результате, рост подобной комбинаторики быстро истощается, и с дальнейшим увеличением возраста слов активность свободных значений в порождении новых фразеологически связанных значений начинает заметно падать¹⁸.

(21) Зависимость степени устойчивости знаковых обозначений той или иной смысловой области от широты этой области.

Чем более широкой является та или иная отдельная смысловая область (в сравнении со смысловыми областями других значений других знаков), тем больше вероятность, что в том или ином виде она будет сохранена через некоторое время, а значение некоторого знака, покрывающее эту область, будет продолжать исполнять эту функцию, не уступая ее обозначение-намеkanie значениям других знаков или комбинаций знаков. Это было отмечено еще в М.В. Араповым и М.М. Херц в их работе 1974 г.¹⁹ В нашей совместной работе с Л.А. Селезневой-Елецкой²⁰ на материале существительных глоттохронологического списка для индоевропейских языков²¹ было показано, что относительно более сохраняемыми во времени оказываются лексические обозначения понятий (смыслов), расположенных в семантической классификации (по данным «Русского семантического словаря»²²) относительно выше, т. е. семантически более широкие.

В настоящее время нами проводится более широкое исследование зависимости степени сохранности общеславянской лексики в современных славянских языках по материалам 1–5 тт. «Этимологического словаря славянских языков»²³, а также лексики 1–4 тт. «Словаря древнерусского языка»²⁴ от степени широты смысловой области значений представленных там лексических единиц.

(22) Тенденция к растрате, постепенному истощению ассоциативно-семантического потенциала любого значения знака в ходе его истории, перераспределению этого потенциала между производными значениями знака.

Во-первых, истощение потенциала любого значения является следствием процесса постоянной его абстрактивизации, потери части признаков им в его исто-

---

¹⁸ Проверка части этих прогнозов производится в: Polikarpov A.A. Cognitive Model of Lexical System Evolution...

¹⁹ Арапов М.В., Херц М.М. Математические методы в исторической лингвистике. М., 1974. 168 с.

²⁰ Поликарпов А.А., Селезнева-Елецкая Л.А. Степень абстрактности и субъективности смыслов — факторы варьирования степени сохранности во времени их лексических обозначений в индоевропейских языках // Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы. Сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (Москва, 22–24.01.2003 г.) / Сост. В.А. Кочергина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 327–376.

²¹ Dyen I., Kruskal J.B., Black P. (1997). FILE IE-DATA1. <http://www.ntu.edu.au/education/langs/ielex/IE-DATA11>.

²² Русский семантический словарь. Т. 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.

²³ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (вып. 1–38).— М.: Наука, 1974–2012.

²⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IX. М., 1988–2012.

рии в ходе неизбежного процесса расширения им своей смысловой области (см. п. 5 выше).

Во-вторых, это является следствием постепенного занятия свободных ассоциативных валентностей значения (определяемых наличным составом его признаков), вовлечения определенной части его исходно свободных признаков в ассоциативную связь с признаками новой смысловой области при образовании от него новых значений. Занятие прежде свободных ассоциативных валентностей значения понижает его способность к ассоциативным связям с новыми смыслами, к порождению новых значений. В этом и заключается «истощение» ассоциативного потенциала значения.

Однако *часть* теряемого материнским значением потенциала при этом наследуется и используется в собственной истории значениями-потомками данного. Следовательно, теряемый значением *потенциал не только рассеивается* (например, в ходе собственной абстрактивизации значения), но и *передается-перераспределяется между дочерними значениями*. Поскольку при каждой передаче от одного поколения значений к последующим *часть ассоциативно-семантического потенциала теряется*, то это и приводит, в конечном счете, к *полному исчерпанию ассоциативно-семантического потенциала знака*, когда последнее, наиболее абстрактное значение оказывается уже *не способно к порождению новых значений*, а потом *умирает* и оно.

(23) Тенденция к переходу от обозначения частотного смысла словосочетанием к его обозначению словом (сложным, аффиксальным производным, заимствованным, аббревиатурой).

Необходимо осознать, что *любое действительно новое слово в большинстве случаев является результатом назревшей необходимости получения в языке новой, однословной номинации взамен, как правило, уже существующего некоторое время описательного не однословного выражения*. Потребность в более короткой номинации возникает в связи с *высокой употребительностью* данного описательного выражения для обозначения некоторого популярного (и, чаще всего, относительно нового) в коммуникации данного общества смысла. Любой нужный для общества смысл сначала, не имея возможности сразу мгновенно оформиться, должен провести некоторый начальный, «пренатальный» период своего существования не «под шапкой» однословной номинации, а «под шапкой» целой комбинации слов (при этом, возможно, не одной, а целого ряда конкурирующих для его обозначения комбинаций слов). Только доказанность популярности, социальной важности данного смысла, высокая частота употребления его обозначения, ведет к высокой вероятности рождения нового слова, *обретения смыслом нового, однословного обозначения*. При этом наряду с аффиксальным способом образования нового слова носители языка должны активно пользоваться и такими способами, как словосложение (образование нового сложного слова на основе простых), а также заимствование слова из другого языка, аббревиация и т. п. При этом, *чем привычнее становится обозначаемый смысл, тем вероятнее, что он будет переобозначен суффиксальным произ-*

водным от одного из слов, присутствующих в исходном описательном обозначении данного смысла²⁵.

(24) Системные тенденции процесса образования новых суффиксально-производных слов как продолжение системных тенденций лексико-семантических процессов.

В целом, процесс образования новых суффиксально-производных слов, в основном, логическое продолжение уже указанных тенденций к абстрактивизации каждого значения знака (слова) и к появлению у него в его истории новых, относительно более абстрактных значений. Дело в том, что процесс неостановимой абстрактивизации значений знаков ведет к общей тенденции их перехода от исходного обозначения предметов, веществ и материалов ко все более активному обозначению признаков, тех свойств и качеств, которые присущи этим и, возможно, другим предметам, веществам и материалам, а также к обозначению процессов, в которые эти объекты и их свойства могут быть вовлечены. Растущая с возрастом активность признакового употребления значений слова, видимо, заставляет говорящих подсознательно подыскивать для него и более подходящую категориальную признаковую форму, а именно — стремиться произвести от данного слова более категориально-признаковое слово за счет добавления к основе производящего слова некоторого суффиксального классифицирующего средства, переводящего слово в иную категорию. Самые явные примеры этого рода — образование относительных прилагательных от существительных, наречий — от прилагательных и т. п.

Случаи образования новых слов на основе словосложения не менее частотны, чем образование новых слов на основе аффиксации. При этом обозначению сложными словами должны подвергаться чаще относительно новые, относительно более конкретные смыслы. Основным здесь является то, что если смысл, ищущий номинацию, появился недавно, является сложным, многокомпонентным, то и состав и структура лексического намека также должна быть многокомпонентными, воплощаясь в словосочетании или сложном слове. По данным новых слов 1990-х гг.,

---

²⁵ Основные эмпирические данные по связям словообразовательных типов новых русских слов с разнообразными их характеристиками — качественным типом их семантики, способом образования, частотными характеристиками и т. п. см. в работе: Поликарпов А.А., Кукушкина О.В., Токтонов А.Г. Проверка теоретически предсказанных неодериватологических закономерностей данными русской корпусной неодериватографии // Теория и история славянской лексикографии. Отв. ред. М.И. Чернышёва. М., 2008. С. 392–427. Этот материал по новым словам русского языка, представленных на страницах российских газет 1990-х гг., был получен в ходе анализа «Ядерного компьютерного корпуса текстов русских газет конца XX века». Корпус был создан в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в 1999–2002 гг. См. также: Polikarpov A.A. Using Corpus for the Benefit of Neoderivatology: Theoretical and Experimental Study of New Words from «Polystylistic Corpus of Modern Russian Texts» // Grammatika a Korpus 2007 = Grammar & Corpora 2007: sbornik prispevku ze konference, 25–27.09.2007, Liblice / Frantisek Sticha, Mirjam Fried (eds.). Vyd. 1. Praha: Academia, 2008. P. 65–75. Другой основной источник данных по новым словам русского языка — БД НСЗ-84, созданная на основе 1029 аффиксальных производных и корневых слов, составляющих половину всех слов этого класса словаря «Новые слова и значения» (1984), с добавлением в нее специально собранных нами данных о возрасте, части речи производящих, ступени деривации, на которой было произведено новое слово, и т. п.

представленных на страницах российских газет («Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века»; корпус был создан в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в 1999–2002 гг.) *большинство новых аффиксальных производных слов обозначают неновые, уже обозначающиеся в языке смыслы. Новые сложные слова чаще обозначают новые реалии*²⁶.

(25) Тенденция к нарастанию категориальной признаковости и служебности слов на каждом последующем шаге аффиксальной деривации в словообразовательном гнезде.

Если сутью словообразовательного процесса во многих случаях является не только и не столько получение новых знаковых оболочек с совершенно *новыми значениями для обозначения совсем новых смыслов*, сколько *переобозначение (переименование) уже обозначаемых в языке неновых относительно широких смыслов с помощью дооформления уже имеющихся знаковых оболочек за счет их аффиксации (чаще — суффиксации)*, то это и определяет *нарастание степени категориальной признаковости и служебности слов гнезда с увеличением его возраста и глубины*²⁷.

Переоформление признаковыми номинациями (например, прилагательными, наречиями, глаголами и т. п.) плана выражения слов, исходно обладавших «оболочками» предметных номинаций (существительных), а также словообразовательная замена некоторых знаменательных признаковых номинаций служебно-признаковыми номинациями (служебными словами) становится для каждого из слов, в среднем, все более вероятным в связи с их общим старением, общей абстрактивизацией, депредметизацией и деспецификацией их значений в их истории. Поэтому формируемое при этом словообразовательное гнездо и обнаруживает *тенденцию к нарастанию со временем в нем в целом категориальной признаковости и служебности слов и к усилению этих признаков на каждом последующем шаге деривации.*

(26) Тенденция в последовательности суффиксов в производных словах: усиление степени их грамматичности, увеличение частоты употребления, сокращение их длины.

Так как последовательность грамматических категорий слов в деривационной цепи словообразовательного гнезда ориентирована в направлении от наиболее предметных слов (существительных) ко все более признаковым (прилагательным, наречиям и т. п.), а потом и служебным (частицам, союзам, предлогам), таковой же, в принципе, оказывается и последовательность разных категорий суффиксов в производных словах. *Чем на более отдаленной от корня позиции находится тот или иной суффикс, тем он более грамматичен, более широк по своей смысловой отне-*

²⁶ См. Поликарпов А. А., Кукушкина О. В., Токтонов А. Г. Проверка теоретически предсказанных...

²⁷ На основе рассмотрения выборочных данных, полученных из словаря НСЗ-84 (около половины от общего количества слов этого словаря), можно сделать вывод, что в действительности наблюдается основное прогнозирувавшееся в нашей модели направление категориального сдвига в словообразовательном процессе новых аффиксальных — от предметности к признаковости их значений.

сенности, и поэтому тем чаще он употребляется, тем короче, в итоге, оказывается. На этой основе нами и был выведен «позиционный закон Менцерата» как более фундаментальный, чем традиционный «закон Менцерата»²⁸. «Закон Менцерата», знаменующий обратную зависимость средней длины морфем от числа морфем в слове, на самом деле, является производным от указанной позиционной зависимости для длин суффиксов. Дело в том, что только на суффиксальной части производного слова добавление суффикса, как правило, сопровождается фактом его относительно более короткой длины в сравнении с предшествующими суффиксами в суффиксальной цепи. Нарастание же префиксальной длины производного слова сопровождается, наоборот, фактом относительного удлинения каждого последующего префикса. Но, поскольку префиксы в общую сумму изменения длин вносят менее существенный вклад, чем суффиксы, то и их «отрицательный» вклад в формирование тенденции под названием «закон Менцерата» при неразличении суффиксов и префиксов исследователями этого закона не замечается.

Эти и некоторые другие закономерности были нами теоретически предсказаны и экспериментально подтверждены в ходе многоаспектного анализа базы данных (БД) «Хронологического морфемно-словообразовательного словаря русского языка». Эта база данных была создана в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ на основе представительного списка 50 787 аффиксальных производных и корневых слов русского языка с приписыванием каждому слову частеречной характеристики, возраста, морфемного членения с маркировкой качества морфем (префиксы, корни, суффиксы, постфиксы), номеров их позиций в морфемной структуре слова, длин каждой из морфем, длин слов и т. п.²⁹

(27) Тенденции в изменении структурно-семантического типа деривации на каждом последующем деривационном шаге в гнезде.

Большая часть случаев словообразования ведет не к образованию нового знака для обозначения нового смысла, а к переобозначению того, что уже обозначалось каким-либо прежним словом данного языка, но с «техническим» добавлением в сравнении с прежним словом в форме и значениях нового производного слова либо тех или иных дополнительных *категориально-грамматических компонентов* (*дерево* → *деревянный*: *синтаксическая деривации*; добавление в основное лексическое значение слова *категориального компонента признаковости* — за счет суффикса *-яни-*

²⁸ Polikarpov A.A. Towards the Foundations of Menzerath's Law (On the Functional Dependence of Affixes' Length on their Positional Number within Words) // P. Grzybek (ed.). Contributions to the Science of Text and Language. Word Length Studies and Related Issues. Dordrecht: Springer, 2006. P. 215–240.

²⁹ См. Поликарпов А.А., Богданов В.В., Крюкова О.С. Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка: создание базы данных и ее системно-квантитативный анализ // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания. Вып. 2. М.: Московский лицей, 1998. С. 172–184; Polikarpov A.A. Chronological Morphemic and Word-Formational Dictionary of Russian: Some System Regularities for Morphemic Structures and Units // Linguistische Arbeitsberichte. Institut für Linguistik. Universität Leipzig. 3. Europäische Konferenz «Formale Beschreibung slavischer Sprachen. Leipzig 1999». Hrsg. von G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlorn, L. Szucsich. № 75. Leipzig, 2000.

и окончания прилагательных *-ый*), либо дополнительных *категориально-лексических компонентов* (*дерево* → *деревоц*: модификация; добавление в основное лексическое значение слова *лексико-категориального компонента уменьшительности*).

Этим случаям противопоставляются случаи *мутации* (*забегать* → *забегаловка* 'низкопробная закусовая'), когда наряду с грамматическими компонентами в наследуемое значение производного слова в сравнении с мотивирующим значением добавляются и *чисто лексические семантические компоненты*. Случаи синтаксической деривации и близкой ей модификации составляют среди всех актов словообразования, как по данным исследований Е.А. Земской³⁰, так и по нашим данным³¹, большую часть (около 70 %) всех случаев.

Мы прогнозируем, что случаи мутации *будут чаще свойственны начальным этапам деривационного процесса. Чем более отдаленным от начала словообразовательной цепи находится в гнезде данное производящее, тем вероятнее, что новое слово от него будет произведено на основе синтаксического типа деривации или модификации, а не мутации. Это объясняется тем, что начальные этапы словообразовательной цепи чаще заняты словами предметной семантики (существительными), которые оказываются менее регулярны в точной передаче своих значений производным от них словам*³².

(28) Соотношение структурно-семантического типа деривации и частеречной принадлежности производящего.

На основе нашего подхода мы прогнозируем, что *производящие существительные в большей степени должны быть склонны к реализации мутационного варианта деривации в отличие от прилагательных и глаголов, так как существительным, в среднем, свойственны более конкретные значения. На основе анализа данных БД по указанному выше словарю «НСЗ-84» мы получили подтверждение этого прогноза. Оказывается, у производящих существительных мутационный вариант деривации был реализован в 20 % случаев, в то время как у глаголов — в ок. 15 %, а у прилагательных — в ок. 14 %.*

(29) Соотношение структурно-семантического типа деривации и возраста производящего.

Материал словаря НСЗ-84 демонстрируют *тяготение наиболее молодых производящих слов в наибольшей степени к синтаксической деривации, т.к. этот тип производящих находится на достаточно удаленных ступенях деривации от начала деривационной цепи и использует в актах словообразования наиболее грамматичные аффиксальные средства. Что характерно, случаев синтаксической деривации для самых старых производящих (общеиндоевропейские и более древние слова) на нашем материале не обнаружено. Причем, синтаксическая деривация для последовательно более молодых производящих последовательно усиливается как*

³⁰ Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

³¹ Поликарпов А.А., Кукушкина О.В., Токтонов А.Г. Проверка теоретически предсказанных...

³² Проверка этого прогноза производится там же.

за счет ослабления модификации, так и (а это наиболее важно) за счет ослабления мутации.

(30) Тенденция к замедлению темпа словообразовательного процесса на каждой последующей ступени словообразовательного процесса.

Это явление объясняется тем же механизмом, что и явление замедления темпа образования новых значений у знака в его истории. *Каждое последующее в словообразовательной цепи слово, будучи и семантически, и категориально-грамматически более абстрактным, чем, в среднем, слова предшествующих ступеней деривации, оказывается все менее способным к дальнейшему образованию от него новых слов.* В частности, выявляется, что средняя активность производящих слов по данным анализа материала новых слов из газетного корпуса оказывается тем последовательно меньше, чем на более отдаленной ступени деривации находится производящее слово³³.

(31) О связи возраста слова и его стабильности.

Чем слово древнее, в сравнении с другим словом, тем, в среднем, более абстрактная семантика должна быть свойственна его значениям, и тем большая стабильность должна быть свойственна этому слову. Этот, казалось бы, парадоксальный вывод («чем древнее слово сейчас, тем у него больше шансов сохраниться в языке в какой-то момент в будущем в сравнении с более молодыми словами») базируется на факте асимметричного соотношения знаков в человеческих языках по их способности к длительности жизни той или иной степени. Больше всего в каждый данный период в языке рождается слов-однодневок, несколько меньше тех, что способны к несколько более длительному существованию и т.д. до очень узкой группы слов-долгожителей. *Существуя в веках, переходя из одного исторического периода в другой, долгожители и должны с меньшими удельными потерями, чем более юные слова, переходить в каждый новый период.*

На основе анализа материала сохранности слов «Словаря древнерусского языка» разных возрастов (т.е. появившихся до этого периода — общеиндоевропейские и общеславянские — и появившиеся в нем самом — древнерусские слова) мы получили явное подтверждение этому прогнозу. Общеславянские слова сохранились в современном русском лучше, чем древнерусские, а общеиндоевропейские — лучше и тех, и других³⁴.

Аналогичная тенденция проявляется и на материале проверки степени сохранности праславянских слов двух разных периодов рождения (общеиндоевропейских и древнее и общеславянских) в современных славянских языках³⁵.

---

³³ Поликарпов А.А., Кукушкина О.В., Токтонов А.Г. Проверка теоретически предсказанных...

³⁴ См.: Поликарпов А.А. Системная зависимость степени сохранности древнерусских слов в современном русском языке от их возраста, категориальной принадлежности, частоты и полисемии // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте / Под общ. Ред. В. А. Кочергиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 232–260.

³⁵ См.: Поликарпов А.А. Зависимость сохранности общеславянской лексики во времени от категориальной принадлежности и возраста слов // Проблемы славянского языкознания в контексте индоевро-

(32) Тенденция к меньшей сохранности слов все более отдаленных ступеней деривации.

Слова относительно более отдаленных ступеней деривации, как правило являются малополисемичными, покрывающими своими значениями относительно узкие смысловые области. Это и предопределяет их меньшую устойчивость (сохранность) во времени, это свойственно словам начальных ступеней деривации. Эта тенденция с очевидностью подтверждается предварительными (пока неопубликованными) нашими данными о сохранности в современном русском языке древнерусских слов различных ступеней деривации, полученными на основе анализа БД лексики древнерусского языка³⁶.

(33) Тенденция к уменьшению полисемии производных слов в сравнении с их производящими, к отрицательной зависимости величины полисемии от ступени деривации слова.

Как правило, суффиксально-производное слово должно наследовать от производящего не все, а только часть его значений, в наибольшей степени те, которые относительно более абстрактны, более признаковы среди всех. То есть производное слово, как правило, должно начинать свою семантическую эволюцию с меньшей величины полисемии и с более абстрактного состояния своих значений, чем его материнское (производящее) слово. Поэтому производное слово с самого начала должно иметь более высокий потенциал к образованию от него в будущем еще менее предметных по категориальному и семантическому качеству слов, чем его деривационный предшественник.

Анализ зависимости полисемии от ступени деривации слова, а также анализ качественных различий между значениями производящего слова, заимствуемыми и отвергаемыми производным словом, еще ждет своих исследователей.

(34) Тенденция к относительному уменьшению частоты употребления производных слов в сравнении с их производящими.

Чем на более отдаленной ступени деривации от начала словообразовательной цепи находится данное слово, тем, соответственно, в среднем, оно имеет относительно меньшую исходную полисемию, что и определяет его, в среднем, меньшую общую смысловую площадь, которая покрывается его значениями и, соответственно, относительно меньшую общую частоту употребления³⁷.

пейского сравнительно-исторического языкознания. Тез. докл. научн. конф. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 30–31.10.2001 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/slav_tez.htm

³⁶ БД создана на основе «Словаря древнерусского языка» (1–4 т.) и содержит грамматические, полисемические, фразеологические, частотные характеристики лексем, а также хронологические и характеристики степени сохранности лексемы в современном русском языке. См.: Поликарпов А.А. Системная зависимость степени сохранности древнерусских слов...

³⁷ Это будет показано в работе, которая нами готовится к публикации.

(35) Чем более полисемичным является данное слово, тем более регулярным будет тип структурно-семантических отношений этого слова с его производными, т. е. синтаксическая деривация или модификация будут реализовываться чаще, чем мутация.

Этот эффект объясняется тем, что *более высокая полисемия слов коррелирует с относительно более высокой степенью абстрактности их значений и пониженной способностью значений к резким ассоциативным скачкам, в том числе и в плане преемственности значений производными словами от их производящих.*

Этот прогнозируемый эффект был проверен и подтвержден нами в ходе исследования³⁸.

(36) Тенденции в формировании кривой развития объема словообразовательного гнезда в его истории.

На основе тенденций к замедлению со временем темпа словообразовательного процесса и последовательного понижения степени стабильности производных каждой последующей ступени деривации формируется *тенденция к замедляющемуся росту объема гнезда, достижению некоторого максимума, а затем — к довольно быстрому понижению его объема.* Прогноз о данном характере развития деривационных гнезд первоначально был проверен в работе³⁹.

(37) Тенденция превращения со временем части корней в аффиксы.

Бывшее слово, вошедшее в виде корня (или основы) в состав сложного слова, содержит исходно, как правило, только часть из своих прежних лексических значений. Дальнейшая практика его использования может развить его корневую полисемию, видимо, в основном, согласно тем же семантическим закономерностям развития полисемии и абстрактивизации значений, что характерны и для самостоятельного лексического знака. На более позднем этапе *один из корней сложного слова в результате далеко зашедшего процесса абстрактивизации-опустошения и грамматикализации его значений может стать аффиксом, точнее, аффиксоидом* (в особенности, если этот корень был продуктивен в образовании новых сложных слов и если эти сложные слова достаточно часто употреблялись в речи).

Для доказательства этого положения необходимо проанализировать частотные и сочетаемостные характеристики чистых корней, аффиксоидов и тех аффиксов, корневая предыстория которых вскрывается только этимологическим анализом.

(38) Тенденция к деэтимологизации, семантическому и морфемному опрощению структуры слова.

В ходе возможного дальнейшего роста употребительности производного слова носители языка могут *утратить, забыть мотивацию морфемного состава слова*

---

³⁸ Поликарпов А.А. Закономерности образования новых слов: моделирование процесса и его экспериментальное исследование (Regularities of New Words Formation: Modelling of the Process and its Experimental Study) // Язык. Глагол. Предложение. К 70-летию Георгия Георгиевича Сильницкого. Смоленск, 2000. С. 211–227.

³⁹ Polikarpov A.A. Cognitive Model of Lexical System Evolution...

(после десемантизации некоторых морфем и утраты независимого употребления служебными или предметными словами, генетически соответствующими некоторым морфемам). Иначе говоря, может произойти деэтимологизация, семантическое опрощение, переосмысление некоторой группы морфем в пределах слова как одной морфемы, и, как следствие, опрощение его морфемной структуры. Этот процесс может также вызывать дальнейшее переосмысление фонетической оболочки словоформы, ее *стяжение-укорочение* и, в конце концов, исчезновение каких-либо следов некоторой морфемы, которая послужила когда-то строительным материалом для этого слова. В течение некоторого времени реликтовые элементы, останки слова (морфемы) в виде остаточных фонем служат в качестве материала для различения той словесной оболочки, в пределах которой морфема умерла, но, в конце концов, и они могут полностью раствориться в циклах «лингвистического обмена веществ» (если только их существование не поддерживается универсальными звуко-символическими отношениями). В случае полного растворения аффиксальных остатков бывшего слова в словах всех языков, произошедших из одного языка-основы и отсутствия письменной фиксации этапов их развития, этимологический анализ многих старых «первичных» слов оказывается уже невозможным.

Материалом для проверки этих представлений должны, в частности, послужить эксперименты по анализу возрастных, структурных и частотных характеристик слов. Более древние слова должны чаще содержать в своей структуре «растворенные» и «нерастворенные» швы прежних морфемных перегоронок. А те морфемы, которые были когда-то образованы на основе синтеза нескольких исходных морфем, будучи семантически более специфичными, чем морфемы, вошедшие в их состав, должны быть относительно менее частыми, чем эти исходные морфемы.

(39) Заключение.

В настоящей работе предлагается такая теоретическая модель языка, в пределах которой находят свое законное место и лексико-семантические, и лексико-фразеологические, и морфемные, и словообразовательные процессы как органическая составная часть общего процесса эволюционных изменений в языке. В частности, нами показывается, что основной источник словообразовательного процесса является производным от более фундаментального процесса направленных базовых семантических изменений любой лексемы, морфемы и фраземы, вероятно сопровождающих каждый акт их употребления. Построение такой модели позволяет объяснить наблюдаемые системные особенности исторического процесса на разных уровнях организации языка, а также формируемые им и представленные в том или ином синхронном срезе системные конфигурации его единиц и отношений.

Хотя содержащаяся в неологических словарях информация является *максимально объективной*, степень *полноты* этой информации в них все-таки вызывает вопросы, т.к. *жанровый диапазон* обследованных лексикографами текстов данного языка оказывается часто *неполным, несбалансированным*, что иногда и ведет к определенному дисбалансу в картине отображенных в словаре словообразовательных типов слов и их отношений. Особенно, в таких словарях не везет *специальным областям*

коммуникации. В частности, некоторые классы лексем, реально присутствующих в речи (например, термины, заимствования, сокращения и т.п.), оказываются в словнике такого словаря *представлены недостаточно полно*. Совершенно очевидно, что для ликвидации такого положения необходимо вести систематическую работу по сбору неологического материала на основе анализа специально спланированных, особым образом структурированных и управляемых на основе специализированных баз данных *компьютерных корпусов текстов*. Именно корпусная организация материала позволяет осознанно планировать и держать под контролем отбираемый материал (как тексты, так и их единицы), а также объективно анализировать, в каком системном соотношении характеристики неологического материала находятся с остальными лексическими данными корпуса (например, по частеречным, частотным, возрастным, жанровым и иным их характеристикам)⁴⁰. Вот почему в качестве источника экспериментальных данных мы используем не только те «словари новых слов», которые были изданы к настоящему времени, но и проводим самостоятельное исследование неолексических и неодериватологических процессов на основе корпуса газетных текстов, созданного и проанализированного в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ.

На рассмотренном материале видно, что ряд существенных прогнозирувавшихся в нашей модели зависимостей имеет место в реальной действительности. Однако достаточно много других прогнозов, представленных в модели жизненного цикла слова, которые еще ждут своей экспериментальной проверки.

Стана РИСТИЋ
(Београд, Србија)

НЕКИ АСПЕКТИ «УНУТРАШЊЕ» ЛЕКСИКОГРАФСКЕ КРИТИКЕ (критички осврт на методологију рада и лексикографске поступке у изради тезаурусног *Речника САНУ*)

1. Увод

1.0. У раду је, у критичком приступу, размотрена методологија израде тезаурусног дескриптивног *Речника савременог српскохрватског књижевног и народног језика САНУ* (Речник САНУ), са посебним освртом на концепцију формирања речничке грађе и дефинисање лексикографских поступака¹.

---

⁴⁰ Polikarpov A.A. Using Corpus for the Benefit of Neoderivatology...

¹ Речник САНУ (1–18), најзначајније дело српске лингвистике и српске културе, израђује се у Институту за српски језик САНУ у Београду, а до сада је публиковано 18 обимних томова у којима је обрађена лексика до слова П. Први том публикован је 1959, а 18. том 2010. године.

1.1. Основна концепција за израду Речника САНУ заснована је крајем 19. века на корпусу заједничког српскохрватског језика, а дорађивана је и модификована у дужем временском периоду у оквирима Београдске лексикографске школе, која се развијала паралелно са променама које су пратиле израду овог значајног дела. У изради ове методологије учествовали су еминентни српски лингвисти различитих генерација (Стојан Новаковић, Александар Белић, Ирена Грицкат, Митар Пешикан, Даринка Гортан-Премк и др.), који су мењали и дорађивали методолошке поступке у духу свога времена и различитих лингвистичких школа и правца, којима су припадали.

1.2. У раду ће се са становишта «унутрашње» лексикографске критике, у историјском прегледу, представити концепцијски и методолошки ставови прве, средње и најмлађе генерације представника Београдске лексикографске школе и сарадника на Речнику, и то С. Новаковића, А. Белића, М. Пешикана, И. Грицкат и аутора овог рада С. Ристић, као и приступи аутора огледних свески које су претходиле изради самог речника.

1.3. У прегледу ће бити разматрани начини решавања најважнијих питања од којих зависи научна и употребна вредност тезаурусног речника савременог језика, а у случају Речника САНУ, то су следећа питања: репрезентативност речничког корпуса за савремени српски (српскохрватски) језик, методолошки приступи и примереност лексикографских поступака у обради појединих врста речи и класа лексичких јединица, исцрпност представљања лексичке раслојености, нормативних, функционалностилских и прагматичких карактеристика лексике, обухватност неологизама, позајмљеница и терминолошке лексике.

1.4. Питање репрезентативности речничког корпуса решавано је не само са лингвистичког становишта него и са становишта државне и језичке политике актуелне у времену припреме и израде Речника², тако да ће се значај критичког лексикографског приступа представити и на ширем друштвено-политичком плану.

1.5. Наведена питања, како је показала досадашња лексикографска критика, најкомпетентније могу решавати сами лексикографи, чиме се потврђује значај тзв. унутрашње лексикографске критике, којој се до сада није посвећивала посебна пажња. Циљ овог рада је, да се уз разматрање наведених питања, укаже и на значај унутрашње лексикографске критике за развој и унапређење како лексикографске праксе тако и лексикографске теорије, лексикологије и других блиских лингвистичких дисциплина³.

---

² Питање репрезентативности језичког корпуса Речника САНУ за савремени српски језик у најновијој фази његовог развоја после језичке дезинтеграције постало је нарочито значајно са становишта најновије државне и језичке и политике у Србији, а у широј јавности најоштрије се поставља питање промене назива језика у наслову Речника и сврха његове даље израде на истом корпусу, пре свега зато што велики део његовог језичког корпуса није више само корпус једног језика него и корпус новопрокламованих издвојених језика: хрватског, бошњачког и црногорског.

³ Лексикографска критика је у раду схваћена као један од жанрова филолошке, лингвистичке критике, са одређеним методолошко-теоријским приступом и тематском облашћу у којој се износе и критички разматрају актуелна лексикографска питања, било «изнутра», са позиције самих лексикографа односно

1.6. Домети унутрашње лексикографске критике и њен значај за унапређење лексикографске праксе и лингвистичке теорије најбоље се могу показати у представљању критичких приступа важним лексикографским питањима у осмишљавању концепције за израду речника, тако да ће се у даљем излагању представити такви приступи, и то у полувековном историјату континуираног осмишљавања концепције за израду Речника САНУ, све до првог публикованог тома овог речника 1959. године.

2. Концепција Стојана Новаковића

2.0. У уобличавању и разради концепције формирања речничког корпуса и израде Речника, у првој припремној фази, највећа заслуга припада Стојану Новаковићу, истакнутом филологу, културном и политичком посленику и члану Српске краљевске академије. Зато се његов Предлог упућен Академији 1893. узима као почетак у историјату заснивања овог тезаурусног речника српског језика.

2.1. У свом Предлогу Новаковић је изложио основне принципе за формирање репрезентативног корпуса и то како на плану књижевног и народног језика, тако и на плану њихових дијалеката, функционално-стилске и социјалне раслојености лексике, и што је веома важно, и на плану њене тематске — семантичке организованости и заступљености. У његовој концепцији јасно је формулисана идеја о тезаурусном Академијином речнику српског језика као лексикографском делу у коме се обрађује сва разноликост лексике књижевног и народног језика.

2.2. Под утицајем великих лексикографских остварења свог времена код суседних народа, С. Новаковић је увео критеријум тематске репрезентативности речничког корпуса, па је предложио да се израде упитници за прикупљање грађе из народног језика којим ће се добити речи из свих аспеката, «кругова», народног живота «од лова и риболова па до куће сеоске и градске, до сточарства и ратарства, до млинарства и до свих заната ... шуме и шумарства, виноградарства и винарства, ракицинице и казана, баштованства, воћарства и пчеларства» (Новаковић 1893: 6). На сличан начин, по његовом предлогу, требало би да се поцрпи и сва разуђеност лексике «писаног језика» према различитим аспектима њене употребе, тим пре што се «иста многостручност кругова или слојева у писаноме језику још већма множи и грана». Он одређује хронолошке границе корпуса књижевног језика, и то су дела нових писаца од Доситеја до писаца ондашњег, Новаковићевог времена. Новина је у његовом Предлогу то што уводи критеријум лингвистичке лексикографске и естетске репрезентативности у формирању речничког корпуса, јер за избор писаца за корпус предлаже оне који се одликују оригиналношћу, самосталним владањем језиком и творном моћи у језику.

оних који израђују речник или концепцију за израду речника, било «споља», са позиције других стручњака — нелексикографа, лингвиста и свих других корисника речника. Условно речено, у првом случају реч је о тзв. унутрашњој лексикографској критици, а у другом случају реч је о тзв. спољашњој лексикографској критици.

2.3. Уводећи принцип динамике језичког развоја у концепцију формирања речничког корпуса, Новаковић је на плану српског језика решио питање репрезентативности тог корпуса и његове актуелности у различитим периодима језичког развоја, а на плану лексикографије, као научне дисциплине, поставио је солидан темељ за увођење српске дескриптивне лексикографије у савремене токове развоја⁴. Тако се у дугој лексикографској пракси израде Речника САНУ, захваљујући одржаном континуитету и у домену представљања спољашње и унутрашње лексичке динамике, развијао и формирао веома разуђен лексикографски метајезик у виду великог броја квалификатора који указују на раслојеност лексике српског књижевног и народног језика.

3. Концепција у Позиву и Упутству

3.0. Разрађени концепт формирања репрезентативног лексикографског корпуса дат је у виду практичних упутстава у тексту Позива и Упутства који су потписали заменик председника Лексикографског одсека П.П. Ђорђевић и секретар Момчило Иванић. Њиме се из Лексикографског одсека 1899. год. позивају заинтересовани за купљење речи по народу за речник српског књижевног језика (речник Српске краљевске академије), из свих крајева где се српски говори. Из позива се сазнаје да би тај део корпуса био допуна речима скупљених из дела признатих писаца 19. века (Позив и Упутство 1899: 4).

3.1. Задачи за скупљаче били су веома захтевни и подразумевали су да они морају бити и добри познаваоци српског језика (граматике: врсте речи, облици, акценти, род, број и др.; и значења речи: стварног, преносног и мисленог значења; затим да препознају стајаће речи — речи у изразима), и да се знају користити речницима као контролним изворима: Вуковим Рјечником, и то његовим трећим издањем из 1899. и загребачким Рјечником (Рјечником ЈАЗУ).

3.2. Држећи се предлога С. Новаковића о тематској, семантичкој организованој лексике по «круговима», у Упутству је издвојено 99 тематских група са веома детаљном назнаком подгрупа, на основу којих ће се прикупљати речи из народа. Њима је обухваћена целокупна реалност народног живота, рада, занимања, веровања, обичаја и др., као и свих других општинских и апстрактних појмова. Осим тематских група из конкретног материјалног света и најближег окружења и непосредног знања, као што су: клима, географски појмови, вода, земљиште, дани, месеци, празници, називи звезда и звезданих група, црква и црквене ствари, кућа, окућница, производи, алати, делови тела, игре, болести, домаћи лекови, свадба, задружни и породични живот, права и службени односи, организација управних и судских власти и др.; ту су и групе са апстрактним и општинским појмовима, као што су: чулна опажања, осећања, нагони, афекти, воља, мисаони појмове (памет, разум, ум, дух,

---

⁴ О захтеву савремене лексикографије за представљање спољашње и унутрашње лексичке динамике и изради модела њеног представљања у речницима в. Шипка 2002: 39–47, а о представљању лексичке динамике и раслојености у Речнику САНУ в. Ристић 2006.

свест, жеља), допадање и недопадање; а затим и поздрави, клетве, врачање и остале празноверице, грдње и др. Овим бројем се не ограничава списак тематских група, него се предлаже да се забележе и све друге речи које скупљач зна а које нису обухваћене назначеним групама, као и да се уз сваку групу посебно бележе и постојеће метафоре, фигуре или изреке (исто: 6–13). Како би се скупљачима олакшао посао, наведени су и примери са листићима у којима су сви наведени захтеви испуњени.

3.3. Оваква обухватност лексике на тематском, семантичком плану, којом се карактерише цео корпус Речника, потврђује недвосмислено и његову репрезентативност у најзначајнијем, садржајном, семантичком домену српског језика.

4. Концепција у огледним свескама речника

4.0. Континуитет у стварању концепције репрезентативног корпуса показале се и на примеру две огледне свеске овог речника, у којима су, осим прихваћених критеријума установљених од претходних утемељивача, реализоване и идеје аутора ових свезака.

4.1.1. Прва огледна свеска, коју потписује М. Иванић, први и дугогодишњи секретар Лексикографског одсека Краљевске академије, штампана је 1913. М. Иванић је, полазећи од идеје о динамици језичког развоја, истакао бујање «књижевног, народног језика», након периода његовог развоја установљеног у речницима Даничића и Вука. Овај савремени језик је, по Иванићу, обухваћен речничком грађом, која осим збирки речи садржи и речи из «књижевних и научних дела, као и из пословних списа, у којима се обелодањује садашњи српски књижевни и пословни језик» (Иванић 1913: IV). И он прихвата идеју о социјално-културној и функционалној поливалентности српског језика и раслојености његове лексике, истичући да речи тога језика обухватају све гране моралне, духовне и умне културе, сабране из многих извора (исто: IV).

4.1.2. За метајезик речника Одсек се, по Иванићевом сведочанству, одлучио за источни, екавски изговор. Ова одлука Одсека, која се одржала до данас, утврдила је примат екавске, источне варијанте заједничког српскохрватског језика, чиме се са данашњег аспекта, поред осталог, не би смела доводити у питање репрезентативност корпуса Речника САНУ ни његова значајна улога за најновији развој осамостаљеног српског језика.

4.1.3. Однос према страним речима код Иванића је либералнији него код његових претходника, па он наглашава потребу уношења у грађу туђих речи, и то не само из словенских језика, него «из народа, с којима је српски — долазио, и сад долази, у разноврсне везе» (исто: V).

4.2.1. У Огледној свесци из 1944. год., коју потписују више аутора, задржана је идеја о полифункционалности језика, о екавској варијанти као основној за метајезик Речника, али је, из разумљивих разлога, померена горња граница корпуса. У њеном *Предговору*, кога потписује Милош Тривунац, наводи се да корпус Речника обухвата целокупну нашу књижевност од Доситеја до овог времена и да обухвата

све гране науке и технике, и уопште све гране народног и државног живота (Огледна свеска 1944: III).

4.2.2. Међутим у *Уводу* свеске изнети су још неки ставови о корпусу, занимљиви са становишта његове репрезентативности. По њима, корпус је ограничен трима факторима: фактичким, историјским и лингвистичким. Фактички фактор ограничава лексиком српског језика само на ону што је обухваћена корпусом Лексикографског одсека, са могућим допунама редакцијских речи. Историјски фактор одређује границе корпуса на језик новије књижевности и на све идиоме књижевног језика: научни, стручни и административни стил. Лингвистички фактор је одређен у складу са тековинама Женевске лингвистичке школе, па се за Речник препоручује лексика која представља језик (*langue*), а не околишна лексика која припада језику појединца (*parole*), као што су хапакси, песничке актуелизације и кованице (исто: IX, X).

4.2.3. Увођењем лингвистичког критеријума као главног у формирање речничког корпуса по први пут се истиче значај језичке односно лексикографске репрезентативности. На основу овог критеријума као лингвистички најрепрезентативнији препоручује се цео језик Вука и Даничића а затим и све народне, покрајинске и дијалекатске речи — све речи из Академијиних збирки, без изузетка, чиме се централни део корпуса са књижевног помера на народни језик. Међутим, овај лингвистички критеријум није се доследно одржао чак ни у дотичној огледној свесци, а поготову не у даљем допуњавању његовог корпуса и изради Речника.

4.2.4. У Огледној свесци је прихваћена идеја о динамици језичког развоја и разрађена нарочито у домену развоја његових стилова.

4.2.5. Примена лингвистичког фактора у фази прикупљања и допуњавања речничког корпуса дала је позитивне резултате нарочито у његовом допуњавању типолошком лексиком. Значај оваквог допуњавања лексичког фонда савременог српског језика уочен је у првим предлозима за заснивање овог пројекта, почев од Ј. Стејића 50-тих год. 19. века па до најновијих допуњавања корпуса (Стејић 1853).

4.2.6. Увођење нове типолошке лексике у књижевни језик у различитим периодима језичког развоја, према М. Пешикану (1987: 33–42), започиње се допуњавањем лексиком из старијег, предвуковског књижевног периода, нпр. именицама на *-ост*, затим глаголским именицама, лексикализованим глаголским прилозима, придевима и др. (исто: 34–38), као и увођењем нових творбених и других типова лексике, чиме се постиже репрезентативност речничког корпуса у домену лексичког система у свим периодима језичког развоја.

5. Концепција А. Белића

5.0. Израда концепције за прикупљање грађе а и саме израде Речника повезана је тесно са именом Александра Белића, академика и председника Српске академије наука и уметности. Његов ангажман започет је у другом периоду рада на Речнику, после Првог светског рата, 1920. год. када је изабран за председника обновљеног Одсека.

5.1. Из његовог *Увода* (1959) у првом тому Речника, сазнајемо да је уз помоћ сарадника Одсека организовао свестрано испитивање прикупљеног корпуса и по садржају и по форми, и одредио приоритетне задатке у даљем раду, унапређујући лексикографске поступке у сређивању и комплетирању грађе. Нарочита пажња морала се посветити попуњавању речничког корпуса грађом из хрватске књижевности и из дела илегалне литературе предратног времена, затим из листова и часописа од почетка XIX века до најновијег времена.

5.2. Уведен је поступак провере и узбуђивања листића, затим допуњавање грађе из нових писаних извора и народних говора. За прикупљање народне лексике дорађена је методологија рада на терену. Тако је М. Павловић 1949. год. израдио карту збирки речи и саставио нова *Упутства за рад на терену*.

5.3. Наводећи основне карактеристике речничког корпуса, Белић износи и своје схватање књижевног и народног језика, као и њиховог међусобног односа у динамици језичког развоја. По њему, вредност корпуса овог Речника је, поред осталог, и у томе што се заснива на грађи најважнијих ондашњих лексикографских дела, јер је обухватио у целини Вуков класични речник народног језика (1818, 1852), део великог Рјечника ЈАЗУ, и то његове изворе од почетка 19. века до најновијег времена; затим језичку грађу речника Броза и Ивековића (1901), нарочито његову богату фразеологију из дела Вукових и Даничићевих; речник Ристића и Кангрге (1928), у којем је знатно заступљен разговорни језик почетка XX в., и унеколико и Бакотићев речник (1936) (Белић 1959: VII).

5.4. Белић у *Уводу*, истиче значај функционално-стилског критеријума у конципирању речничког корпуса и остваривања његове репрезентативности, надовезујући се на ауторе друге Огледне свеске речника. Он оцењује да су у писаним изворима «у знатном броју заступљене све важније гране културног живота: поред дела лепе књижевности, то су и дела из других области: етнографије (етнологија и фолклор), народне умотворине, речници, биографије, историја, естетика и уметност, етика и морал, педагогија, религија, филозофске науке, географија, путопис, политички и социјални списи, право, привреда, медицина (и санитет), природне науке, математика, финансије, војска, саобраћај, календари» (исто: XIII). Са тог становишта репрезентативност корпуса је задовољавајућа, и по Белићу, требало би је допунити грађом из часописа и дневних листова⁵.

5.5. После првог тома предвиђало се да ће цео Речник имати између 300.000 и 400.000 речи, а данас се тај број повећао на око 500 000 хиљада.

6. О српској (српскохрватској) лексикографској критици

6.0. О статусу лексикографске критике у србистици /сербокроатистици често су исказиване неповољне оцене, при чему је истицано да такве критике или уопште нема или да није висини свога задатка. Тако је лексикографска критика остала на

---

⁵ О репрезентативности корпуса Речника САНУ по критеријуму функционално-стилске раслојености лексике в. Ристић 2006: 79–98.

маргини лингвистичких интересовања, па и ефекти њеног позитивног или негативног утицаја на стање у лексикографији и блиским дисциплинама нису били предмет посебних елаборација.

6.1. Поводом израде и публиковања значајнијих речника, сами лексикографи су истицали да код нас нема праве и добре лексикографске критике, на што указује Тома Маретић, познати хрватски филолог, дугогодишњег лексикограф и уредник историјског тезаурусног *Рјечника хрватског или српског језика* (Рјечник ЈАЗУ). Он се позива на пример некритичких рецензија на «Оглед» Ђуре Даничића, оснивача, првог лексикографа и уредника овог речника⁶. И после прве објављене свеске овог Рјечника 1880. год., како истиче Т. Маретић, није било праве стручне рецензије, и то «не само о првом свеску, него ни уопће о рјечнику, ни онда ни последице» (Маретић 1976: 51).

6.2. Рецензија Ф. Пилепића, правника у листу «Обзор», на коју се осврће Маретић, занимљива је са аспекта могућег утицаја тзв. спољашње лексикографске критике, тим пре што износи став корисника речника, за кога академијски речник није употребљив и практичан, јер не прописује норму које би се писци морали држати, него такав речник уноси метеж, а због своје величине и скупоће представља луксуз за сиромашни народ (исто: 51–52).

6.3. Позитивна оцена корисника речника, нарочито је делотворна и подстицајна за лексикографе ако се донесе у виду јавног признања или награде, а у случају израде великих пројеката, као што је Речник САНУ, она може да одигра значајну улогу у додатном или стабилном финансирању његове израде од стране надлежних државних институција, као и у консолидацији лексикографског тима, који је таквим признањем додатно стимулисан да истраје у свом свакодневном тешком и одговорном послу. То показује пример додељивања Годишње награде радио-телевизије Београд «Институту за српскохрватски језик у Београду као ауторском колективу за *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, као делу које «доприноси унапређењу културе говора». Награда је додељена поводом штампања осме књиге Речника 1974. године. У образложењу жирија је изнето веома високо вредновање овог Речника, који представља дело «изузетног обима и богатства, а по броју речи и обрађених значења вишеструко надмашује наше постојеће речнике» и «може служити лингвистичким стручњацима као основа за најразличитија проучавања речи ... За људе од пера ... он пружа изванредне могућности богаћења и усавршавања израза, а за шире кругове служи као тумач великог броја недовољно познатих речи домаћег и туђег порекла» (према Николић 1975: 195–196).

---

⁶ Овај Оглед је уствари огледна свеска објављена 1878. године, са обрађених 35 речи слова А и Б, у којој је Ђ. Даничић представио своју концепцију за израду Рјечника ЈАЗУ. Та огледна свеска није имала озбиљну критику, а критичке замјерке појединих рецензента (на територијалну нерепрезентативност грађе, на погрешно идентификовање корена код основних речи, на предуге дефиницијама и сл.) нису уважене, јер је Даничић прихватио само похвалну рецензију Ф. Миклошића, ондашњег највећег ауторитета у области филологије (Маретић 1976: 49–51).

6.4. Недостатке спољашње критике М. Пешикан (1967)⁷ види у «критичарима без компромиса», који запажају оно што у речнику нема, што изостаје, што је и разумљиво зато што у речничком тексту нису видљиви сви лексикографски поступци, сви резултати рада нити све нове информације које се дају уз поједине речи или уз читаво творбено гнездо. Основно мерило успелости / неуспелости описног речника морало би, по овом аутору, бити колико је урађени речник за језичког стручњака, практичара или уметника као радно средство и извор информација употребљивији од претходно урађених описних речника, колико је пројекција лексичке грађе богатија, потпунија, систематичнија, репрезентативнија (Пешикан 1967: 200). Критичари, по М. Пешикану, суд доносе углавном на основу квалитета обраде специјалне или периферне лексике, а мање их занима обрада кључних речи из основног лексикона: заменица, предлога, везника, модалних речи, помоћних и сл. глагола. Најгора варијанта критике је приписивање одређених политичких тенденција у начину обраде речи у речнику и политичких ставова његовим ауторима (исто: 201)⁸.

7. Унутрашња лексикографска критика

7.0. У даљем излагању биће представљене најважније оцене лексикографског рада самих лексикографа, Митра Пешикана и Ирене Грицкат, као и вредновање њиховог критичког приступа у решавању појединих лексикографских питања.

7.1.1. Када је у питању крупан и скуп речнички подухват, какав је Речник САНУ, Митар Пешикан, истакнути филолог, лексикограф и уредник овог речника, у свом раду (1963) релативизује важност разграничавања унутрашње и спољашње лексикографске критике, односно он истиче да је споредно питање да ли се такав речник критикује «са стране или самокритички», а да је важно «изнети» какво је то дело у ствари. Важно је имати у виду обим и опсежност овог тезаурусног речника, нарочито при сучељавању ставова унутар лексикографског тима, нпр. у вези са питањем проширења речничког корпуса, јер се увођењем нових речи повећава сложеност посла, такорећи у геометријској прогресији, нарочито када је у питању терминолошка лексика којом се непрекидно попуњава грађа Речника САНУ (Пешикан 1963: 170).

7.1.2. Из списка предлога за начин решавања одређених лексикографских питања, изнетих у овом раду, осим начелних решења, аутор скреће пажњу на најваж-

⁷ У раду М. Пешикан одговара на критичарску кампању која се из политичких разлога водила поводом публикавања прва два тома *Речника српскохрватског књижевног језика* (1–6) Матице српске и Матице хрватске (Речник МС), у чијој изради је и сам учествовао. Овај нормативни речник заједничког српскохрватског књижевног језика, није одговарао противницима језичког јединства, које је потврђено Новосадским договором 1954. године. Политичку позадину живе лексикографске критике око овог речника, Пешикан показује и тиме што истиче да ондашња домаћа стручна и научна јавност није реаговала на неколико публикованих томова Речника САНУ, за разлику од стручне јавности у појединим страним земљама која је, по аутору, реаговала ажурно и коректно (Пешикан 1967: 193).

⁸ И поред свих тешкоћа и лошег вредновања лексикографског рада, Пешикан истиче да је појава «сваког речника богатијег од његових претходника велики културни догађај» и да сваки покушај дискредитовања оваквог лексикографског дела и довођење у питање његове даље израде од стране недобронамерних и необавештених критичара, представља «културно недело» (Пешикан 1967: 204).

нија питања за лексикографа, као што је питање представљања акцента у овом типу речника и питање избора речи (поред стандардних речи општег фонда, тезаурусни речник обухвата и мање позната и мање успелија образовања која се јављају у књижевном језику и у народним говорима; обухвата све лексичке категорије, сву масу речи једног језика и њихова значења, и то како за потребе лингвиста, тако и за потребе писача и свих оних који теже да негују и усавршавају свој језички израз); затим питање лексикографских поступака у обради граматичких изведеница (глаголских именица, деминутива и аугментатива, односних и присвојних придева). На Белићево образложење предлога да се у Речник уносе речи из бројаница и загонетки које немају значења, због тога што могу бити занимљиве за историју језика, Пешикан се критички осврће истичући да њихову историјску вредност није потврдила лексикографска пракса, него да је показала да такве речи могу бити занимљиве као илустрације народног хумора (исто: 177–179).

7.1.3. Предмет унутрашње лексикографске критике, како се види из наведеног Пешикановог рада, може бити и питање уношења властитих имена (исто: 179–180); питање обима и мере уношења и начин обраде терминолошке лексике (180–182). Аутор истиче важност навођења примера у обради значења речи (182–185), употребе квалификатора (186–188), показивања порекла речи (188–190) и указује на деликатност обраде речи и дефинисања значења, због индивидуалних карактеристика сваке појединачне лексеме. Имајући у виду наведене и друге проблеме који се решавају у тезаурусној лексикографији, М. Пешикан, и као лексикограф и као уредник, оцењује да је општи ниво квалитета објављених томова Речника САНУ сасвим солидан и да се може равнати са сличним тезаурусним речницима у свету (исто: 171).

7.1.4. У критичком приступу самих лексикографа на сопствени рад указује се на дилеме и замке лексикографског посла на великим пројектима, које нису видљиве не само за кориснике речника, него и за његове спољашње критичаре. Попис таквих дилема и замки значајан је како за успостављање успешног тимског рада тако и за очување сопственог лексикографског умећа којим се подиже ниво квалитета лексикографског дела.

7.1.5. Тако, према М. Пешикану (1967), за успешан тимски рад нужни су компромиси са сарадницима у вези са многим дилемама са којима се свакодневно суочавају и које морају да разрешавају. То је нпр. дилема између исцрпности и опширности описа грађе и рационалности обима речника, с обзиром на чињеницу да је сваки лексикограф оптерећен сазнањем да постојећа грађа ни на који други начин, него преко објављених томова речника, није доступна широј стручној и другој јавности, па се сажимање грађе радије решава у фази коауторског него ауторског рада.

7.1.6. Уствари, по М. Пешикану, највећи део резултата свога рада и проблема на које наилази у раду, лексикограф нема могућности да представи у речнику који израђује. Он истиче и проблем употребе метајезичког описа лингвистичких чињеница и енциклопедијских појмова (нпр. немогућност лингвистичког представљања дистрибутивности префиксала са префиксом *на-*, типа *набрати*), због практичне стране употребе речника и од корисника који нису лингвисти; затим се јавља и

проблем између планираног темпа и квалитета израде речника (Пешикан 1967: 193–196).

7.2.1. Са становишта унутрашње лексикографске критике, када је у питању дескриптивна лексикографија, а посебно Речник САНУ, веома су значајна запажања Ирене Грицкат, која је радила на изради овог речника од обрађивача до уредника, и која је, поред А. Белића, највише заслужна за методологију и лексикографске поступке примењене у изради овог речника. Наиме, она је стечена практична лексикографска знања успешно објединила са теоријским лингвистичким достигнућима свога времена и уградила их у «Упутства за израду речника САНУ», интерни приручник са правилима за обраду појединих граматичких и лексичких класа.

7.2.2. У свом раду (1957/58) она истиче значај лексикографске праксе, која у српској «лексикографији, можда не много брзој и богатој али солидној... корача далеко испред теорије», тако да лексикографи, «чак и кад су аматери, утиру пут најинтересантнијим филолошким и лингвистичким решењима» (Грицкат 1957/58: 296).

7.2.3. Она, као лексикограф, истиче значај критике и то како у смислу указивања на лексикографске грешке тако и у смислу указивања на добра решења, тим пре што сами лексикографи имају «замерке» на сопствени лексикографски рад, често и веома престроге, свесни могућности погрешне субјективне процене језичких чињеница у случајевима када не постоје утврђени критеријуми, а таквих случајева је у пракси израде тезаурусног речника веома много (исто: 303).

7.2.4. У случају дугогодишње израде Речника САНУ, која са прикупљањем грађе и израдом концепције траје више од једног века, веома је значајно у оквиру првог издања, како истиче И. Грицкат, у свом другом раду (1960), сачувати концепцију прве редакције, како би корисници речника имали у рукама хомогено дело (Грицкат 1960: 94). То би, такође, лексикографски критичари морали имати у виду, било у спољашњој било у унутрашњој критици речника овог типа.

7.2.5. Критички осврт на концепцију израде речника, по овој ауторки, има смисла ако се временски поклапа са израдом концепције, што је уобичајено у реакцијама или рецензијама када су у питању огледне свеске речника, које се заједно са изложеном концепцијом и методологијом објављују пре почетка израде самог речника. У таквим случајевима могуће је давати примедбе у вези са обухватношћу корпуса на просторној и временској равни, типовима извора, начинима лексикографске обраде и др. (исто: 98).

8. Критички приступ лексикографским поступцима у Речнику САНУ

8.0. У даљем излагању предмет критичког приступа самог аутора овог рада, С. Ристић, биће лексикографски поступци у обради граматичких врста речи у Речнику САНУ. У приступу је, позивајући се на радове других аутора (И. Грицкат, Д. Гортан Премк и М. Пешикана), као и на неке своје радове и монографију, указано на потребу установљења системских лексикографских поступака, како би се предста-

виле најбитније лексичко-граматичке карактеристике: прилога, предлога, везника, партикула и узвика⁹, карактеристике које иначе нису представљене у досадашњим речницима и граматицама српског језика. Питање обраде граматичких врста речи разматрано је са аспекта реализованих лексикографских поступака¹⁰ и нивоа изграђености лексикографског метајезика српске традиционалне дескриптивне лексикографије, коју најрепрезентативније представља управо тезаурусни Речник САНУ¹¹.

8.1.1. Примереност лексикографских поступака у представљању граматичких врста речи вредноваће се по критеријуму системности и прецизности, тачности која се остварује доследном применом прописаних правила лексикографске обраде и доследном употребом лексикографског метајезика и у лематском делу и у делу семантичког представљања лексема. Формирање лематског дела речничког чланка, његове леве стране, у Речнику САНУ засновано је на правилима традиционалне граматике, док су у семантичкој обради и дефинисању лексичких јединица основна правила установљавана на резултатима лингвистичких сазнања, која су у току дугогодишње израде речника усавршавана и допуњавана у складу са развојем Београдске лексикографске школе¹².

8.1.2. Међутим, и у лематској и у семантичкој обради граматичких речи, с обзиром на природу њиховог граматичког, неденотативног значења, тезаурусна дескриптивна лексикографија није имала узоре ни у дотадашњој лексикографској пракси, а ни у њиховој граматичкој обради. Тако да је дескриптивна лексикографија, описујући функцију и семантичке реализације појединих лексема, пружала информације о граматичким и семантичким карактеристикама не само појединачних речи — њихових лексикографских портрета, него је у својој дугогодишњој пракси тражила начине да уједначеним описом представи њихове микросистеме односно њихове лексикографске типове.

8.1.3. У вези са критеријумом прецизности, тачности у дефинисању речи, биће критички размотрена општа правила из «Упутстава за израду Речника САНУ», која су релевантна и за дефинисање граматичких врста речи. Заправо, по Упутствима, тачна и прецизна је она дефиниција која не садржи ни мање ни више елемената него што је потребно (Упутства: 41), што се у лексикографији одређује као dostatност

⁹ Када су у питању прилози и начин њихове обраде у Речнику САНУ, позивали смо се на монографију С. Ристић (1990) и наведене радове И. Грицкат (1983,1989), за партикуле на делове монографије Ристић, Радић Дугоњић (1999), а за предлоге на рад Д. Гортан Премк.

¹⁰ Представљање лексикографских поступака подразумева издвајање релевантних елемената лексикографског описа, у које осим метајезика и техничких поступака у формирању леве и десне стране речничког чланка, спада и опис структуре речничког чланка (исп. Тафра 2005: 158).

¹¹ Критички преглед лексикографског метајезика српске дескриптивне лексикографије на примеру Речника САНУ и предлоге за његово изграђивање и осавремењивање у складу са најновијим теоријским приступима системске лексикографије и интегралног описа језика, установљеним и развијаним у оквиру Московске семантичке школе, дат је у више наших радова и монографија, и то на примеру обраде експресивне лексике (Ристић 2004), затим у представљању раслојености лексичког система и употреби квалификатора (Ристић 2006), а самом лексикографском метајезику посвећено је читаво једно поглавље у овој монографији (стр. 113–134).

¹² О формирању и развоју Београдске лексикографске школе в. Ристић 2007.

дефиниције. На основу захтева тачности и прецизности, обавеза лексикографа је да одреди инваријантно значење које ће да дефинише, а не да дефинише контексте употребе појединих лексема, док се достатност дефиниције постиже навођењем довољног броја граматичких и семантичких информација на основу којих се једно реализовано значење лексеме разликује од других њених семантичких реализација.

8.1.4. Зато се дефиниција, према препорукама из Упутстава, може допунити напоменама у заградама, глосама. Глосе, у којима се наводе ограничења граматичке/морфолошке спојивости, дају се на почетку дефиниције и обичним слогом, а глосе, у којима се наводе ограничења лексичке/семантичке спојивости, дају се на крају дефиниције и курзивним слогом, као и сама дефиниција. По Упутствима, напомене у заградама не односе се на «лексички садржај речи», већ представљају обавештење «о њеној примени» (исто: 43).

8.1.5. За лексикографске поступке у обради граматичких речи важно је и правило о хијерархијској уређености полисемне структуре, наведено у Упутствима: «При груписању значења водити рачуна о томе да се иде од обичнијег ка ређим значењима и од конкретнијих ка апстрактнијим. Затим давати необична и покрајинска значења. Значења треба, по могућству, да иду једно за другим по сродности, да се тако рећи преливају једно у друго» (исто: 44).

8.1.6. У наведеном правилу могу се препознати различити лингвистички домени и приступи. Правилно структурирање полисемне структуре, као што се види, засновано је на језичком осећању носилаца српског језика о «обичности» употребе и о фреквенцији, што припада домену језичке личности. У њему се позива и на критеријуме концептуалне организације лексичког система по којима се апстрактна значења концептуализују на основу конкретних, чиме се скреће пажња на чињеницу да процеси семантичке деривације у лексичком систему примарно иду у смеру конкретна значења → апстрактна значења. Наведено правило о месту необичних и покрајинских значења истиче важност препознавања центра и периферије у организовању полисемне структуре лексеме и њиховог адекватног хијерархијског представљања, а редослед навођења значења по сродности, по «преливању значења једно у друго», указује на појаву ланчаног повезивања значења у оквиру једне полисемне структуре.

8.1.7. У правилу о хијерархијској уређености полисемне структуре¹³ заступљен је и прототипски приступ организацији лексичког значења, јер се основно «обично значење», које се препознаје и издваја у практичној лексикографији, заснива на «директном, доминантном смислу»¹⁴, као и прототипично значење, које се теоријски издваја и разматра у оквиру когнитивне лингвистике.

8.2.1. Уважавајући све оно што је у досадашњој литератури писано о граматичким врстама речи, питање њиховог статуса у лексичком систему српског језика по-

---

¹³ У лексикографији, како потврђује и наведено правило из Упутстава, неопходно је утврђивати значења и најопштије повезивање међу њима, што се постиже на два начина: редоследом наведених значења и симболима којим се указује на њихову хијерархијску уређеност (означену бројевима и словима).

¹⁴ Доминантни смисао Ладислав Згуста дефинише као оно значење на које већина говорника неког језика мисли ако јој се одређена реч покаже изоловано, без икаквог контекста (Згуста 1991: 66).

ставимо у наведене оквири назначене у «Упутствима за израду Речника САНУ». У њима се, осим наведених, дају општа и појединачна правила за обраду тзв. непроменљивих врста речи, у које се традиционално убрајају: прилози, предлози, везници, узвици и речце (партикуле).

8.2.2. У општим правилима препоручено је да се основне информације о припадности врсти речи дају у делу леме у виду скраћенице граматичке ознаке: прил.(ог), предл.(ог), св.(еза), узв.(ик), с тим што у обради узвика и речца (партикула), ознаке «узвик» и «речца» у многим случајевима улазе у саму дефиницију, на њеном почетку, па их у тим случајевима не треба давати и као граматичку ознаку (Упутства: 31–32).

8.2.3. У препорукама за обраду појединачних врста непроменљивих, граматичких речи уочене су неке њихове опште лексичко-граматичке карактеристике, од којих је, како показују примери из Речника, за њихово лематизовање и системску лексикографску обраду најкомплекснија појава конверзије. Зато ће се у даљем излагању разматрати проблеми који се јављају у вези са конверзијом, творбеним процесом преласка једне врсте речи у другу услед промене функције¹⁵.

8.2.4. У Упутствима је проблем конверзије у многим случајевима уочен и представљан на нивоу полисемије, а не на нивоу деривације, творбеног процеса који је нарочито карактеристичан за граматичке врсте речи (исп. Ристић 1990 и 1999: 98–99 у Ристић, Радић Дугоњић). Тако неки прилог може бити у служби везника, или у служби предлога, а везник у служби узвика, али се у Упутствима истиче да од таквих случајева треба разликовати случајеве кад реч одиста припада двама категоријама, те је треба показати у двама одредницама, нпр. прилог *близу* и предлог *близу*. Иначе, граматичке врсте речи углавном имају ограничен број примарних јединица, лексема, али њихове парадигме представљају отворене низове који се допуњавају другом врстом речи, њиховим облицима и конструкцијама¹⁶.

8.2.5. У Речнику се јављају и случајеви конверзије код којих различите функције нису представљене ни као издвојена значења у оквиру једне одреднице ни као

¹⁵ За системско представљање овог процеса у лексикографији, чини нам се, да је најприхватљивији приступ Бранке Тафра (2005: 99–160), по коме се конверзија одређује као творбени процес настајања нове речи. Нова реч у односу на основну има друго лексичко и граматичко значење и промењена граматичка својства, и то мање морфолошка а више синтаксичка (Тафра: 100). Творбени процес конверзије означава се у литератури и другим терминима: преобразба, мутација, транспозиција, трансфигурација, хипостаза (исто: 99, нап. 142).

¹⁶ Тако је Б. Тафра графиконом показала мрежу конверзије (Тафра 2005: 106), па се на основу ње и њеног описа види да именице и глаголи дају највећи број конверзива у виду граматичких речи; именице дају: прилоге, предлоге, везнике, узвике и партикуле, а глаголи: партикуле, везнике, узвике и прилоге. Придеви, заменице и бројеви дају само прилоге, док су саме граматичке речи веома продуктивне као основне речи у процесу конверзије, добијања нових граматичких речи. Из прегледа се види да су у конверзији најпродуктивнији прилози од којих настају све друге врсте граматичких речи, па чак и именице; од предлога и везника само прилози, а од партикула само везници (*тек, нека, још*) (исто: 106–108), иако наши резултати истраживања показују гушћу мрежу конверзије код партикула, везника и узвика (исп. Ристић 1999: 98–99 у Ристић, Радић Дугоњић). О степену лексикализације партикулске функције одређених глаголских облика и начину представљања овог вида конверзије у Речнику САНУ в. Ристић 2006а и 2007а.

посебне одреднице, него је у њиховој обради примењен лексикографски поступак двоструке односно троструке граматичке маркираности одредничке речи, чиме се показује да одређена лексема реализују различите функције. Тако је лексема *e*, представљена у једној одредници, маркирана као «узвик и речца», што се могло применити и у случају лексема: *благо, де, ама, море* и сл. Двоструку маркираност имају лексема *где* «прилог за место (ређе за правац и време) и везник» и *како* «прилог за начин и везник», а маркери су дати у склопу дефиниције а не у делу леме. Троструку маркираност има лексема *кад(а)*, па у лематском делу стоји «прилог за време, везник и речца». У случају лексема *a* различите функције и други релевантни фактори били су довољни разлози да се установе и посебне одреднице: за везник (лексема без акцента), за узвик (лексема са различитим фонетским и интонацијским реализацијама и самосталном позицијом у исказу) и за речцу, партикулу (лексема са акцентом и независном позицијом у исказу).

8.2.6. Иначе се у лексикографији у препознавању конверзије и начину њеног представљања јавља читав низ проблема. Најчешће се јавља проблем да ли ће се две лексичке јединице или више њих, једнаке по облику, представити у једном речничком чланку или у више њих. С тим у вези поставља се питање препознавања и раздвајања конверзије и хомонимије¹⁷, затим разликовање конверзије од промене функције одређене врсте речи, као и од других видова контекстуално употребљене речи у другој функцији (исп. Тафра 2005: 100)¹⁸.

8.2.7. Из наведених разлога и тешкоћа у вези са конверзијом, у Речнику САНУ, осим прописаних и установљених начина за њено представљање, јавља се већи број примера неуједначене обраде и њиховог различитог граматичког и лексемског представљања. Додатни разлози су и у томе што није увек лако утврдити не само некритеријално одабране параметре «чешће употребе» и «порекла» лексичких конверзива него и примарну функцију лексема које припадају граматичким врстама речима.

8.3.1. Тако је у вези с прилозима у Упутствима уочена продуктивност творбеног процеса настајања прилога од придева, што представља типичан случај конверзије (исп. Ристић 1990). Због тога се за овакве прилоге, ако су «обичнији», препоручује уношење у Речник и ако их у грађи «случајно нема», и то према одговарајућим придевима потврђеним у грађи. Међутим, полисемну структуру оваквих прилога, по Упутству, треба представљати поједностављено, општом дефиницијом, типа «на ... начин», допуњеном синонимним прилозима или прилошким изразима који одговарају значењима одређеног придева, не издвајајући појединачна значења као код придева. За прилоге изведене од деноминалних придева на *-ски* и *-чки* даје се други тип опште дефиниције: «као X» (при чему се X замењује именицом од које је придев изведен).

¹⁷ О разликама између конверзије и хомонимије и о критеријумима њиховог раздвајања, што је веома корисно за лексикографију, в. Тафра 2005: 113–114 и 101–104, док се у теоријским приступима те разлике занемарују, па тако Б. Тошовић не прави разлику између конверзије и хомонимије, представљајући их као исту појаву «лексичко-граматичког камелеонства» (Тошовић 2006: 62).

¹⁸ О неким критеријумима за раздвајање речничких одредница у случају конверзије начинских прилога и партикула в. Ристић 1990: 53.

8.3.2. Касније, у обради начинских прилога показало се да поједностављени начин дефиниције није могуће применити на све прилошке лексеме, него да је неопходно проширивати лексикографске поступке у њиховој обради због развијања нових семантичких и стилских значења којих нема код придева (исп. Грицкат 1989: 24).

8.3.3. Лексикографски поступци у представљању конверзије и у обради прилога у Речнику САНУ детаљније су разматрани на различитим типовима прилога: временским, месним и начинским, међу којима су и заменички прилози. Запажено је да су заменички прилози типа: *онда, онде, онако*, по свом лексичко-граматичком значењу много ближи другим граматичким врстама речи од начинских прилога, који су конверзијом настали од придева (исп. Ристић 1990: 43–44). Па ипак, и за начинске и за заменичке прилоге је карактеристично да као основне речи у процесу конверзије реализују углавном исте врсте речи: партикуле, везнике и предлоге¹⁹.

8.4.1. Начин обраде предлога и њихов лексичко-граматички статус, одређен у Упутствима, налаже само опште лексикографске поступке. По њима лема садржи одредничку реч, при чему се једносложни предлози редовно уносе без акцента. Међутим, пошто на њих понекад прелази акценат, акценатски лик треба навести у заградни, одмах иза одреднице. Делу леме припада и граматичка ознака за врсту речи у виду скраћенице «предл.», која долази иза заграде са наведеним и/или другим променама одреднице. Десна страна речничког чланка код предлога у делу дефинисања почиње обавезно навођењем падежа с којима они стоје, док се јављају и примери у којима се информација о падежу даје у лематском делу (нпр. код предлога *због*).

8.4.2. У речнички чланку предлога *на*, који је урадила Даринка Гортан Премк, дугогодишњи лексикограф и уредник Речника САНУ, поред леме у којој се на прописани начин наводи предлог, даје се ознака његове граматичке припадности и падежи уз које се употребљава. Овај предлог се одликује веома сложенем полисемном структуром која је хијерархијски представљена у 3 веће целине одвојене римским бројевима, у оквиру којих су представљена главна значења под арапским бројевима и подзначења под словима азбуке. У првом делу чланка под римским I представљена су значења овог предлога са акузативом и локативом, под римским бројем II значења само са акузативом и под римским бројем III значења само са локативом.

8.4.3. На основу овако уређене полисемне структуре уочљиво је да је предлог *на* по својој релационој функцији примарно предлог акузатива, јер у заједничком делу чланка у свим значењима и подзначењима најпре се одређују специфичности акузативних синтагми, па тек онда локативних, а полисемна структура тог дела је најбројнија по основним значењима, има их 12, и бројним подзначењима у већини значења у централном делу. На периферији је представљена ограничена семантичка спојивост предлога *на* с неким именицама. Значења предлога *на* само са акузативом реализује су у седам значења, од којих многа имају и подзначења, док је на периферији представљена ограничена спојивост овог предлога са неким глаголима,

¹⁹ О заменичким прилозима као основама за конверзију партикула, везника и предлога в. Ристић 1990: 44.

бројевима и другим речима са значењем мере. Предлог *на* само са локативом, представљен у трећем делу, реализује се у два значења од којих је друго, такође, лексички ограничено само на глаголе захваљивања.

8.4.5. У обради релационе функције овог предлога, такође је постигнута завидна систематичност, прегледност, и доследност у начину дефинисања појединих реализација на свим нивоима полисемне структуре. Уочава се уједначеност употребе метајезика у дефиницијама, па информација о падежу долази прва у заградама тако да чини и лематски и семантички део речничког чланка, а граматичко-лексичка архисема се идентификује, у све три целине, речју са релационим значењем, истина овог пута речју «одређује» (уместо речју «указује», која се иначе препоручује у дефиницији предлога и којом је идентификована архисема предлога *око*). Следеће по рангу семе, које указују на релације именичких синтагми у попуњавању глаголске валентности и одредбене функције, исказују се описним деловима дефиниције доследном употребом метајезичког описа.

8.4.6. У прегледу начине обраде предлога у Речнику САНУ и у Речнику МС Д. Гортан Премк издваја начине дефинисања њиховог значења: 1) «предлог заједно са самосталном речју означава предмет»; 2) «предлог са самосталном речју означава положај, место» и 3) «предлог одређује место», при чему, ауторка, препоручује трећи начин, који највише одговара релационој функцији и значењу предлога, јер се у њему «предлог ... детерминише као самостална лексема којом се одређује релација према именичком појму уз који стоји и према појму управне речи» (Гортан Премк 1984: 35). Оваквим начином дефиниције, према овој ауторки, даје се информација о граматичкој позицији предлога и о њиховој семантичкој идентификацији, а метајезички израз «одређује» прикладнији је за релационе речи у дефиницији него израз «означава» који је примеренији пунозначним речима (исто: 39). На овај начин показује се да су предлози речи са својим самосталним, апстрактним значењем које се може одредити изван синтагме у којој се реализује, али и речи чије се граматичко значење реализује као опште падежно значење али и као модификација општег падежног значења (исто: 36–37). У дефиницији се релације, исказане предлогом, идентификују као глаголске валентности одређеног типа одговарајућим метајезичким јединицама.

8.4.7. У полисемним структурама наведених предлошких значења није реализована ни једна друга функција осим предлошке, јер лексеме исте по облику али са сопственим акцентом реализују друге функције, па су представљене, углавном, као посебне одреднице. Тако је акцентована лексема *на* у функцији партикуле дата као посебна одредница са одговарајућим граматичким маркером, као што су у посебне одреднице раздвојени предлог *близу* и прилог *близу*²⁰.

²⁰ У представљању генитивног предлога *због*, међутим, нису примењени прописани лексикографски поступци, ни у лематском делу ни у представљању конверзије, па је информација о падежу дата у делу леме истим типом слова као граматички маркер и није издвојена у заграду, док је функција везника представљена у оквиру поилсемне структуре као значење *због 2* на следећи начин: «(са додатком “што”, у везничкој функцији) заст».

8.4.8. Дакле, случајеви конверзије код предлога, па и везника, имају и своја формална, акценатска обележја, што отклања могућност лексикографске забуне и даје могућност разликовања конверзивних и хомонимних лексема, као и могућност њиховог транспарентног представљања, у првом случају у виду посебних необројчених одредница, а у другом случају у виду посебних обројчених.

8.5.1. За обраду везника у Упутствима се дају само опште напомене у вези са формирањем леме речничког чланка, и то да се као одреднице везници, као и предлози, наводе без акцента (мада се дају и напомене о акценту), и да се означавају граматичком ознаком у виду скраћенице «везн.». Тако је у обради везника *a* на основу броја и потврда појединачних реализација евидентирано да овај везник има два основна, примарна значења: супротно и саставно, у оквиру којих је реализовано по шест семантички реализација, семема са великим бројем потврда.

8.5.2. Ова везничка лексема реализује се у хомонимијској парадигми, што се у лексикографији показује степеновањем одредница. Везник *a* је степенован експонираним бројем 3, који се наводи одмах изнад одреднице. Речнички чланак везника *a* је хијерархијски структуриран у пет већих целина означених арапским цифрама, а свака целина, према граматичко-семантичким реализацијама, подељена је у мање целине означене малим словима азбуке. У прва три значења дефинисани су граматичко-семантичке функције овог везника, а у последњим значењима, на периферији, представљене су и друге невезничке функције ове лексеме, па и партикулска функција појачавања, коју је требало представити код партикуле *a*, с разлогом издвојене у посебну необројчену одредницу.

8.5.3. У обради везника *a*, у првом тому Речника (1959), методологија обраде ове врсте речи није била изграђена, међутим евидентно је да је у обради овог везника назначен систем одређених лексикографских поступака који ће у каснијим томовима бити дорађиван, што је нарочито евидентно у обради везника *u* у седмом тому Речника.

8.5.4. У обради везника речнички чланак није разграничен на два дела, на лему и на семантички део, дефинисање. Тако је граматичка ознака истовремено и део дефиниције којом се идентификује граматичко-лексичка архисема, док се у другим деловима дефиниција, за појединачне основне реализације значења, идентификује тип везничке функције. За везник *u* је идентификована функција саставног везника у првом и другом значењу, док се већ у другом значењу реализује и функција партикулског истицања, која је евидентирана у трећем и четвртном значењу према правилима Упутстава. Разматране чињенице показују да је невезничка, партикулска функција лексеме *u* настала конверзијом, и зато ју је требало представити у оквиру посебне одреднице, партикуле *u*, која није у Речнику издвојена²¹.

8.5.5. У погледу дефиниције код везника тежило се уједначености њиховог метајезика, па је у основним граматичко-лексичким реализацијама истицан тип везничке функције или је описивана њихова текстуална позиција и дискурсна ситуација употребе. Тако се у дефинисању везника *a* употребљавају формулације типа:

²¹ Међутим, лексема *u* у функцији узвика обрађена је као посебна одредница и реализује 4 значења.

«употребљава се / (са свезом *да* и *да не*) за искључивање ..., (обично уз одречну реченицу)», «у приповедању, за истицање истовременог ... изненадног збивања ... (кашто појачано са *то*)», «(ретко) за означавање делимичне супротности ...: *него*, *већ*», «за истицање нечег супротног ономе што би се очекивало према реченом у претходној реченици», «за истицање неког ограничавања претходног исказа: *на ипак*, *притом*», «за означавање различитости међу двома истовременим радњама или напоредним особинама: *док*, *међутим*» и сл. Ни у дефиницији везника, као ни у дефиницијама других граматичких врста речи, с правом се не оперише речју «означава» или неком другом која би упућивала на денотацију.

8.5.6. У обради везника, а и других функцијских речи, важни су семантички критеријуми и одређивање њихових инваријантних значења у свим реализацијама употребе да би се могле препознати и издвојити њихове различите функције и случајеви конверзије, случајеви у којима нема формалне разлике међу лексемама (исп. Пешикан 1981: 278). Значајно је и правилно установљење хијерархијске уређености значења полисемне структуре, којим се, поред осталог, може представити и историјски развој значења одређене лексеме (исто: 278–279).

8.6.1. Обрада речца, партикула дефинисана је у Упутствима, при чему се препоручује да само главне од њих треба дати као одреднице, и дефинисати на следећи начин: «партикула за појачавање» «партикула за подстицање» и сл.

8.6.2. У обради партикула *ево*, *ето* и *ено*, које чине уређен микросистем презентатива, уједначеност лексикографских поступака остварена је само у броју издвојених значења и сличности у начину дефинисања, али је начин хијерархијске устројености полисемне структуре другачији код партикуле *ено*, код које су значења издвајана под словима, од начина обраде партикула *ево* и *ето*, код којих су препозната паралелна значења, прецизније и тачније дефинисана и издвајана под бројевима. Ове партикуле реализују и функције предиката и везника, које с разлогом нису издвајане у посебне одреднице, него су представљене у оквиру полисемне структуре у виду издвојених значења.

8.6.3. У обради наведених партикула лематски део речничког чланка није одвојен, па граматичка ознака чини део дефиниције која се у појединим значењима допуњује описним дефиницијама. У њима се употребљавају речи метајезичког типа којим се исказују различите реализације значења и дискурсне ситуације употребе или граматички контекст употребе.: (речца) «за показивање», «казује ...», «употребљава се кад се указује ...» / «показује ...» / «у недоумици, колебању, резигнацији». Неке дефиниције се допуњавају синонимима. Најпрецизније и најтачније је обрађена партикула *ето*, код које су у посебна значења издвојене другачије, непартикулске функције: функција глагола, предиката и функција везника. Функција глагола код партикуле *ено* погрешно је одређена као узвик, а код партикуле *ево* није ни препозната, мада је евидентна у једном од значења и у потврђеном примеру.

8.7.1. На основу правила обраде узвика, према Упутствима, лематски део речничког чланка садржи акцентовану одредницу и њене акценатске варијанте, ако их има, као и граматичку ознаку врсте речи у виду скраћенице «узв.». Ако дефиниција

почиње речима «узвик за ...» (што је често најзгодније), скраћеница «узв.» изостава се, сем ако није још и другим подацима одвојена од почетка дефиниције²².

8.7.2. У лексикографском поступку сегментације речничког чланка, у обради неких узвика, није издвојен лематски део, јер граматичка ознака, дата у виду скраћенице, представља и део дефиниције, што је поступак мимо правила датим у Упутствима. Граматичка ознака врсте речи може бити део дефиниције код везника и партикула само када се употребљава у нескраћеном виду, што показује примери дефинисања ономатопеичних узвика.

8.7.3. Бројну групу узвика чине узвици глаголског порекла²³. Они се не уклапају у традиционалну дефиницију узвика, јер неки од њих нису непроменљиве речи, јављају се у функцији предиката и имају лексичко значење. У Речнику САНУ узвици, настали од глаголских облика, не издвајају се у посебне одреднице, као ни друге граматичке речи настале конверзијом на овај начин, него се обрађују у оквиру глаголске одреднице, било у делу полисемне структуре било о одељку под изразима.

8.8.1. На основу детаљнијег увида у начине обраде наведених примера граматичких врста речи у Речнику САНУ, која се одликује несистемношћу и недоследношћу примене прописаних правила из «Упутстава за израду Речника САНУ», утврђено је да се на основу добрих практичних решења у публикованим томовима Речника за поједине лексеме, могу критеријално дефинисати и/или допунити одређени лексикографски поступци за сваку врсту граматичких речи, чија би доследна примена обезбедила системски опис и представљање лексикографских типова у оквиру сваке од наведених граматичких врста речи. Уједначено дефинисање њиховог значења на нивоу архисема и критеријално представљање њиховог функционисања у лексичком и граматичком систему метајезичким јединицама традиционалне граматике, знатно би унапредило системски опис дескриптивне лексикографије. Тиме би се превазишле тешкоће у идентификацији карактеристичних обележја појединих врста граматичких речи и у одређивању граница између њих. Нејасност и растегљивост границе непрекидно се појачава великим приливом новонасталих јединица у различитим творбеним процесима, и то пре свега у творбеном процесу конверзије, па тако новонастале јединице, проширујући парадигму примарних јединица, истовремено појачавају њену хетерогеност.

9. Закључак

9.1. Лексикографска критика је у раду схваћена као један од жанрова филолошке, лингвистичке критике, са одређеним методолошко-теоријским приступом и тематском облашћу у којој се износе и критички разматрају актуелна лексикографска

²² Обухватну дефиницију узвика са семантичког, синтаксичког, комуникативног и функционалног аспекта дао је Тошовић 2006: 62.

²³ Б. Тошовић их означава различитим називима: узвици-предикати (65), предикатски узвици (67) и глаголски узвици (68), и издваја следеће типове: *боц, цуп, ћап, шкљоц, шмрц* и др., затим узвици који се јављају као пароними са глаголима: *бун, пљас, трас* и др. и узвици који имају глаголску парадигму: *хајде, хајдемо, хајдете, замисли/замислите, молим, опрости/опростите* и др. (Тошовић 2006: 64).

питања, било «изнутра», са позиције самих лексикографа односно оних који израђују речник или концепцију за израду речника, било «споља», са позиције других стручњака — нелексикографа, лингвиста и свих других корисника речника. Условно речено, у првом случају реч је о тзв. унутрашњој лексикографској критици, а у другом случају о тзв. спољашњој лексикографској критици.

9.2. На основу увида у србистичку литературу, која би се, на основу овако широког одређења, могла сврстати у лексикографску критику, дошло се до одређених закључака.

9.2.1. У србистици није мали број радова који се на критички начин бави лексикографским питањима непосредно везаним за поједине речнике, било да се истичу добра или лоша лексикографска решења, односно било да се високо или ниско оцењује квалитет речника у целини и његова корисничка вредност.

9.2.2. Могло би се чак рећи да постоји изграђена традиција посвећености питањима којим се бави лексикографска критика, са препознатљивим методолошко-теоријским приступима и тематским оквирима, који у србистици нису препознати као такви, па нису ни дефинисани, тако да у српској стручној јавности не постоји довољно изграђена свест о лексикографској критици као посебном жанру.

9.2.3. Доказ за овакав закључак налазимо у тврдњама филолога, лингвиста и лексикографа да у српској (српскохрватској) лексикографији нема праве реакције на значајне публиковане речнике или њихове томове, односно да нема праве лексикографске критике или да је нема у очекиваној, потребној мери

9.2.4. Неповољан утисак о стању лексикографске критике и негативна оцена њених резултата, јављају се управо као последица одсуства свести о њеној жанровској посебности, па је цела област којом се бави лексикографска критика још неомеђена у србистици, и као таква остала је на маргинама интересовања и озбиљнијих систематичних истраживања.

9.2.5. На основу овог истраживања о статусу лексикографске критике у домену дескриптивне лексикографије, утврђено је да у србистици постоји довољан број радова и веома значајних резултата из ове области, и то како у унутрашњој тако и у спољашњој лексикографској критици, чији утицај на развој српске лексикографије и њених блиских лингвистичких дисциплина треба тек истражити и показати.

ЛИТЕРАТУРА

- Белић Александар. Увод // Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ. Београд, 1959. С. VII–XXVI.
- Гортан Премк Даринка. Обрада предлога у великим описним речницима // Лексикографија и лексикологија: Зборник радова. Нови Сад; Београд, 1984. С. 35–39.
- Грицкат Ирена. Словарь современного русского литературного языка. Академия наук СССР. Институт за руски језик // Јужнословенски филолог XXI. Књ. 1–4. Београд, 1955–1956. С. 304–310.
- Грицкат Ирена. Лексикографический сборник. Вып. I. Академия наук СССР. Институт языкознания. Москва, 1957 // Јужнословенски филолог XXII. Књ. 1–4. Београд, 1957–1958. С. 296–303.
- Грицкат Ирена. Академијски речници и њихови задаци // Наш језик. Нова серија. Књ. X, св. 3–6. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1960. С. 88–100.

- Грицкат Ирена.* Лексикографски поступак у речницима САНУ и ЈАЗУ — показан на глаголима са префиксом *за-* // Наш језик XXV. Нова серија, св. 1–2. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1981. С. 3–23.
- Грицкат Ирена.* О прилозима у српскохрватској лингвистичкој науци // Јужнословенски филолог XXXIX. Београд, 1983. С. 1–41.
- Грицкат Радуловић Ирена.* Проблеми описне лексикографије, Приступна беседа одржана на Свечаном скупу Српске академије наука и уметности // Глас CCCLII. Књ. 13. Одељење језика и књижевности. САНУ. Београд, 1988. С. 7–13.
- Грицкат Радуловић Ирена.* Речник Српске академије науке и уметности, — почеци, лик, перспективе // Глас CCCLII. Књ. 13. Одељење језика и књижевности. САНУ. Београд, 1988а. С. 25–40.
- Грицкат Радуловић Ирена.* Прилошке речи посматране кроз феномен антонимије // Јужнословенски филолог XLV. Београд, 1989. С. 1–26.
- Daničić Đuro.* Ogled // Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Svezak 97. Dodatak — materijali o Rječniku (ur. Lj. Jonke): 5–9. JAZU. Zagreb, 1976.
- Зборник 2008: Теорија и историја славјанској лексикографији: Научные материалы к XIV съезду славистов / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2008.
- Zgusta Ladislav.* Priručnik leksikografije. Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. Sarajevo, 1991.
- Иванић Момчило.* Српски речник књижевног и народног језика по материјалу Лексикографског одсека Српске Краљ. Академије. Израдио Момчило Иванић. Београд, 1913.
- Ивановић Ненад.* Принципи формирања и организације корпуса Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ (у периоду од 1853. до 1953. године) // Шездесет година Института за српски језик САНУ: Зборник радова. Књ. II. Институт за српски језик САНУ. Београд, 2007. С. 53–78.
- Ивић Милка.* О српскохрватским прилозима «за начин» // Јужнословенски филолог XXXV. Београд, 1979. С. 1–17.
- Maretić Tomo.* Crtice o Rječniku naše Akademije // Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Svezak 97. Dodatak — materijali o Rječniku. (ur. Lj. Jonke). JAZU. Zagreb, 1976. S. 15–54.
- Николић Мирослав.* Награда радио-телевизије београд Речнику САНУ // Наш језик. Нова серија. Књ. XXI, св. 3. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1975. С. 195–196.
- Новаковић Стојан.* Предлог Српској краљевској академији учињен 5. априла 1893, да се отпочне купљење грађе за академијски Српски Речник, и да се за тај посао установи у Академији Лексикографски одсек. Посебно издање (прештампано из листа «Јавор»). Земун, 1893.
- Огледна свеска 1944: Речник српског књижевног и народног језика. Оглед I. Београд, 1944.
- Пешикан Митар.* О Речнику Српске академије наука и уметности — Уз рецензију М.С. Московљевића // Наш језик. Нова серија. Књ. XIII, св. 3–5. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1963. С. 169–196.
- Пешикан Митар.* Невоље рада на нашим описним речницима // Наш језик. Нова серија. Књ. XVI, св. 3. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1967. С. 193–204.
- Пешикан Митар.* Типолошка допуњавања Вуковог народног лексичког система за потребе књижевног језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. Књ. 17/1. Београд, 1987. С. 33–42.
- Позив и Упутство 1899: Позив и упутство за купљење речи по народу за речник Српске краљевске академије. Штампано у штампарији Краљевине Србије. Београд, 1899.
- Речник САНУ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика I–XVIII. САНУ. Београд, 1959–2010.
- Ристић Стана.* Начински прилози у савременом српскохрватском књижевном језику. Библиотека Јужнословенског филолога. Нова серија. Књ. 9. Београд, 1990.
- Ристић С., Радић–Дугоњић М.* Реч. Смисао. Сазнање (студија из лексичке семантике). Филолошки факултет Београдског универзитета. Београд, 1999.
- Ристић Стана.* Експресивна лексика у српском језику (теоријске основе и нормативно-културолошки аспекти). Монографије 1. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2004.
- Ристић Стана.* Раслојеност лексике српског језика и лексичка норма. Монографије 3. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2006.
- Ристић Стана.* Глаголи говорења у функцији метајезичких модификатора // Наш језик. Нова серија XXXVII/1–4. Институт за српски језик САНУ. Београд, 2006а. С. 15–24.

- Ристић Стана*. Прва лексикографска школа у Институту за српски језик САНУ // Шездесет година Института за српски језик САНУ, Зборник радова. Књ. I. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 131–149.
- Ристић Стана*. Глаголи говорења у функцији локутивних карактеризатора говорног поступка // Зборник за филологију и лингвистику Матице српске. 50. Нови Сад, 2007а. С. 791–802.
- Ристић Стана*. Модификација значења и лексички модификатори у српском језику. Монографије 10. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2009.
- Ристић Стана, Ивановић Ненад*. Предлог за модернизацију рада на речнику САНУ // Граматика и лексика у словенским језицима: Зборник радова с међународног симпозијума. (ур. Срето Танасић). Нови Сад: Матица српска, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2011. С. 529–553.
- Стејић Јован*. Предлогъ за србскій ричникъ и србску граматику // Гласник друштва српске словесности, св. V. 1853. С. 1–13.
- Тафра Бранка*. Од riječi до rječnika. Školska knjiga. Zagreb, 2005.
- Тошовић Бранко*. Лексичко-граматичко камелеонство // Научни састанак слависта у Вукове дане 35/1. Београд, 2006. С. 61–73.
- Упутства за израду Речника САНУ, рукопис за интерну употребу.
- Фекете Егон*. О Речнику српскохрватског књижевног и народног језика САНУ // Сто година лексикографског рада у САНУ. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1993. С. 21–49.
- Шипка Данко*. Унутрашња и спољашња лексичка динамика и њена лексикографска обрада // Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе: Зборник радова са научног скупа. Нови Сад; Београд, 2002. С. 39–47.

Приложение

ПЕРЕВОДЫ

З. ГЛАДКА, О. МАРТИНЦОВА
(Чехия)

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ЧЕШСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Лексикография у чехов имеет давнюю и богатую традицию. Составление словарей сыграло значительную роль при возникновении теоретического интереса к чешскому языку и одновременно способствовало языковому, национально-освободительному, культурному и политическому развитию чешского общества. В рамках очерка¹, отражающего исторические изменения в чешской лексикографии (отделы 1–5), мы сосредоточим свое внимание, прежде всего, на процессах, приведших к созданию **одноязычного толкового словаря**². При обзоре чешской лексикографии XX в. мы обратимся не только к толковым словарям (отделы 6.1), но и к **словарям специальным** (6.2–6.3). В заключение мы остановимся на некоторых недавно созданных типах словарей, которые расширили границы чешской лексикографии в к. XX — н. XXI вв. (6.3).

1. Начальный этап развития чешской лексикографии (до к. XV в.)

Зарождение чешской лексикографии было обусловлено стремлением сделать возможным понимание иноязычного письменного текста. Подготовительной стадией лексикографической работы можно считать появление переводных и объяснительных **глосс** на полях иноязычных, прежде всего, латинских рукописей. Сохранились сотни рукописей и множество ранних печатных изданий с глоссами на чешском языке; важнейшими для развития лексикографии являются глоссы на полях латинских словарей, например, в словаре «*Mater verborum*»³ XIII в. В некоторых случаях составители глосс сосредотачивали свое внимание на одной избранной тематической области и создавали специализированные списки слов, которые стали зародышем позднейших терминологических словариков. Такой характер имели, прежде всего, предметные или составленные по алфавиту списки глосс из латинских словарей лекарственных растений, так называемые «Травники» (в XIV–XVI вв. их известно около 40, к древнейшим относится «Оломоуцкий травник» — “*Olomoucký rostlinář*” — н. XIV в.)

¹ В отделах, посвященных чешской лексикографии (1–6.2) и написанных З. Гладкой, мы исходим из обзорных работ З. Гладкой (Hladká 2005; 2007). Мы опираемся также на ряд частных и обзорных исследований других авторов (см. завершающую статью библиографию). Подготовка статьи для этой публикации проводилась с опорой на проект GA ČR P406/11/0294 Nový encyklopedický slovník češtiny on-line. Замечание: названия некоторых старых словарей приводятся в условно сокращенном и графически упорядоченном виде.

² Под одноязычным толковым словарём мы понимаем вслед за Й. Филиппом «научный труд, охватывающий макроструктуру словарных статей отдельных лексем языка и предоставляющий в их микроструктурах всестороннюю семиотическую, системную и коммуникативно ориентированную информацию, необходимую пользователю словаря (Filipec, 1995b, s. 16).

³ Наряду с реально представленными исконными глоссами словарь включает и множество позднейших глосс, искусственно созданных Вацлавом Ганкой.

Особое назначение имели также так называемые «mamotrekty»⁴, толкующие по образцу итальянского францисканца Джиованни Маркесино, жившего в XIV в., непонятные слова Священного Писания (у чехов они представлены с XV–XVI вв., сведения о числе сохранившихся экземпляров расходятся, обычно говорится о 20–30 экземплярах). «Mamotrekty» были двух родов: одни из них относились к самому библейскому тексту, располагаясь в естественной последовательности (как, например, “Kapitulní mamotrekty” XV в.), другие были составлены в алфавитном порядке по образцу латинского словаря, называемого «Lucianus» (н. XIV в.) (например, “Klementinský mamotrekt”, ок. 1400 г.). Значение таких словариков заключалось прежде всего в том, что они способствовали становлению словарей с азбучным порядком расположения слов, а также в том, что они ориентировались не только на существительные, как это было у большинства остальных зародышевых форм словарных трудов.

Травники, «mamotrekty», различные простейшие сборники латинско-чешских переводных соответствий, называемые «вокабулы» («vokabula») или сборники вокабул (“vokabuláře”), так же как и специальные пособия, предназначенные для изучения латинского языка, еще нельзя считать настоящими словарями: к ним относились “sekvenciáře” (где представлен перевод на чешский язык латинского текста секвенций, песнопений, первоначально входивших в григорианский хорал, а затем отделившихся от него), “hymnáře” — переводящие слова гимнов, “roenitenciáře” — переводящие слова стихов *Poeniteas cito peccator*, “roháče” — составленные в стихах пособия для лучшего запоминания учащимися, “synonimáře” и т. д. В этих произведениях еще отсутствует определённая законченность в составительской или переводческой работе, нет собственно лексикографической макро- и микроструктуры, т. е. определенности в построении словарных статей. Средние века шли к этой цели постепенно. Что касается макроструктуры, то средневековая лексикография выработала две основные формы: алфавитные собрания слов (так называемые «Алфавиты») и предметные перечни слов (так называемые «Номенклаторы») из той или иной области знания⁵.

«Номенклаторы», опиравшиеся на иностранные по происхождению энциклопедические работы, были на первых этапах формирования чешской лексикографии более распространены, чем словари с алфавитным расположением слов. Первоначально из частей речи они включали почти исключительно существительные, позже в отдельных случаях появлялись и прилагательные. «Номенклаторы» были не только помощниками при переводах, но, по существу, в них предлагался логически классифицированный обзор научных знаний эпохи. В чешской среде эти тенденции зримо представлены прежде всего в словарных работах Бартоломея из Хлумца (называемого также Кларетом), которые в большой степени характеризуются целенаправленным стремлением зафиксировать чешскую специальную терминологию всех ответвлений науки того времени. Усилия по созданию терминологических словарей проходят красной нитью через несколько столетий чешской лексикографии.

Латинско-чешские словари Кларета⁶ возникли прежде всего для потребностей студентов только что основанного Карлова университета. Они относятся к первой половине 60-х гг. XIV в. и в богемистической литературе условно называются “Vokabulář”

⁴ См. напр.: (Ryba 1940).

⁵ Ср.: (Páta 1911: 9–10; Flajšhans 1926: XX).

⁶ См. например (в алфавитном порядке): (Flajšhans 1926; Michálek 1989; Ryba 1943; Vidmanová 1980).

(gramatický), “Bohemář” и “Glosář”⁷. Оригиналы словарей не сохранились до нашего времени, мы знаем только их позднейшие списки и извлечения из них. После целого ряда неизбежных ошибок и иногда даже детективных изысканий⁸ удалось почти полностью реконструировать предположительный первоначальный вид этих словарных работ.

В структурном отношении Кларет использовал прежде всего иностранные образцы обработанной лексики латинского языка. Чешские эквиваленты латинских терминов он черпал из существующих сборников и перечней слов, латинско-чешских школьных пособий и т. п. Он опирался также на помощь ряда своих сотрудников.

По форме словарики Кларета в полном согласии с эпохой были стихотворными, поскольку предназначались для запоминания.

Древнейший и наименее объемный “Vokabulář” (gramatický), подготовленный для потребностей артистического (семи свободных искусств) факультета Карлова университета, переводил в более чем 700 стихах⁹ латинскую терминологию. Пустые места в чешском словарном составе Кларет заполнил рядом новообразований. Для лингвистов особенно интересна часть лексики, связанная с грамматическими терминами, которым средневековый автор уделил наибольшее внимание. Она содержит как раз такие выражения, которые чешским языком не были приняты (например, грамматика — *slovočtena*, звательный падеж — *volánek*, превосходная степень — *nadzdvížení*, синоним — *mnohohlas*, слог — *sřěk*), но одновременно эти новообразования являются первой попыткой создания целостной системы языковедческих терминов в чешском языке.

Второй по порядку из словариков Кларета “Bohemář” содержит почти в 1000 стихах приблизительно 2500 чешских слов, относящихся к несколько менее специализированной лексике, чем “Vokabulář”, и только, в малой степени, включает вновь образованные слова. Он ценен тем, что представляет собой первый опыт фиксации чешского словарного запаса, поданного в более или менее систематизированном виде.

Последний и наиболее объемный “Glosář” включает приблизительно в 2700 стихах 7000 латинско-чешских лексических соответствий, организованных как и в предыду-

⁷ Обозначения *Vokabulář gramatický*, *Bohemář*, *Glosář* установились от первого полного (комплексного) издания всех трех словарей, подготовленных Вацлавом Флайшгансом (Flajšhans 1926). Определение «грамматический», присвоенное словарю В. Флайшгансом, в современной специальной литературе опускается, поскольку оно вызывает ошибочное представление о том, что словарь включает лишь грамматическую терминологию.

⁸ Например, два списка Глоссария, названные по месту составления как Прешпургский и Райградский словари, долго считались самостоятельными словарями. Автором так называемого Райградского словаря на основании неправильной интерпретации слов предисловия уже Добровским и целым рядом последующих исследователей считался несуществующий Клен Роскоханы. Этот миф был опровергнут только в к. XIX в. Фердинандом Менчиком, который также определил, что Прешпургский и Райградский словари относятся к одному и тому же первоначальному лексикографическому труду. Ошибочных шагов на пути обретения правды о словарях Кларета было предостаточно. Например, Вацлав Флайшганс, который сам выявил многие ошибки, еще при издании словарей в 1926 г. неверно полагал, что *Vokabulář* и *Bohemář* не могли быть составлены Кларетом. Авторство Кларета для всех типов словарей и его отождествление с Бартоломеем из Хлумца было установлено Б. Рыбой (Ryba 1943). Б. Рыбе кроме всего прочего удалось обнаружить акростих, образуемый первыми буквами отдельных частей Глоссария, в котором сам Бартоломей из Хлумца подтверждает авторство словаря: «A Bohemario Bartholomeo dicto Clareto de Solencia compilatus». В новейшее время поправки, корректирующие некоторые замечания к словарям Кларета, сделанные Флайшгансом, содержатся, прежде всего, в работах А. Видмановой.

⁹ А. Видманова (Vidmanová 1980: 214) убедительно доказывает, что часть В и С, начиная со стиха 479 по изданию Флайшганса, Словарю Кларета вообще не принадлежит.

щей части (“Bohemář”), однако с более проработанной внутренней структурой. Словарь был адресован студентам старших курсов и, по-видимому, писцам королевской канцелярии, поэтому он включает и специализированную лексику. В этом словаре Кларет ставит перед собой цель собрать (и дополнить новообразованиями) чешскую терминологию в относительно полном и комплексном виде.

Труд Кларета был вершиной лексикографических устремлений подготовительного периода в чешской лексикографии и надолго стал основой почти всех последующих словарей. Вплоть до эпохи гуманистического расцвета словарного дела эти труды лексикографически не перерабатывались, их только описывали, переписывали и дополняли. Словари Кларета служили источником материала для создателей словарей вплоть до эпохи чешского Возрождения.

Наряду с предметными списками слов в словарях Кларета с к. XIV в. и особенно в XV в. начинают появляться организованные в азбучном порядке «Алфавиты», которые составлялись по образцу алфавитных списков слов (*abecední mamotrekty*), например, растений. В отличие от тематических списков слов (*nomenklatořů*), они включали не только имена, но и по большей части также глаголы и наречия (иногда в азбучном порядке внутри каждой части речи). К числу самых больших алфавитов относится латинско-чешский «Велешинов словарь» (“*Vešešínův slovník*”) — рукопись 1458 г., представляющая собой список с более раннего оригинала, где содержалось более 3500 латинско-чешских соответствий. Со временем возник и смешанный тип словаря, в котором алфавитная часть (включающая, как правило, глаголы) комбинировалась с одним или большим количеством тематически упорядоченных списков слов. Смешанный характер имел, например, так называемый «Вьесенберский словарь» (“*Wiesenberský slovník*”) первой половины XV в.

В языковом отношении эти словари были до к. XV в. почти исключительно двуязычными, в абсолютном большинстве латинско-чешскими. В XV в. sporadически начинают появляться трехязычные латинско-немецко-чешские словари, например, в учебнике Яна Голубаржа (рукопись 1454 г.) или так называемый “*Triolog vídeňský*” (1489). Сохранился и четырехязычный еврейско-немецко-латинско-чешский словарь (рукопись XV в.).

В к. XV в. завершается эпоха рукописных, по большей части, латинско-чешских (тематических и алфавитных словарей)¹⁰, в стихах и прозе, обычно чисто практического характера, поскольку они имели целью объяснение латинских слов из разных тематических областей. Только в лучших работах заметны попытки представить чешскую терминологию разных областей знания. Стремление к комплексному описанию словарного состава чешского языка (с учетом специальных метаязыковых целей) проявляется уже в следующую эпоху.

2. Лексикография эпохи гуманизма — XVI в.

Значительному прогрессу в области лексикографии способствовала эпоха гуманизма, когда произошел рост образованности населения и было изобретено книгопечатание. Важным импульсом для наступления новой эпохи стали идеи Реформации, особая

---

¹⁰ См., напр.: (Ryba 1951; 1963).

роль принадлежит возникновению и становлению возрожденческих национальных объединений, которые стали обращать особое внимание на свой национальный язык. Латинский язык перестал быть единственным языком, достойным высшего интереса и специального изучения, как это было в Средние века, несмотря на то что он все еще сохранял привилегированное положение.

В чешской среде стало проявляться стремление рассматривать родной язык как инструмент, способный конкурировать с латинским языком. С этим были связаны возрастающие усилия зафиксировать словарное богатство чешского языка во всей его целостности (не только специальную лексику или вообще лексику высокого стиля), кроме того стали формироваться методы отражения живого узуса. Словари постепенно перестают быть лишь пособиями для перевода или в лучшем случае собраниями, представляющими лексическое богатство чешского языка, но приобретают черты теоретического описания собранного материала (появляются первые специализированные словарные работы, особенно этимологические словари, хотя и составленные, по большей части, еще на донаучном уровне).

Ряд чешских гуманистических печатных словарей открывает латинско-чешский «Lactifer»¹¹ (изданный в 1511 г. в Пльзени) Яна Воднянского, составленный по образцу труда итальянского гуманиста Гварино из Вероны. Целью этого словаря, организованного по тематическим рубрикам (с алфавитным расположением слов внутри них), было упрощение чтения латинских классиков. Это не только переводной словарь, но отчасти и этимологический, а местами и энциклопедический. Мнения о его качестве в литературе расходятся, однако очевидно, что речь уже не идет о работе, которая бы только «переписывала» или расширяла словари, восходящие к лексиконам Кларета. Следующие словари с 40-х до 70-х гг. XVI в. (Петра Кодицилла из Тулехова, Павла Ворличного и др.) отражают лексику каждодневной жизни, особенно городской, что действительно свидетельствует об их гуманистической направленности.

Первым словарем, где на первое место в словарной статье поставлено чешское слово, был, вероятно, «Dictionarium bohemicolatinum», вышедший в 1562 г. в Оломоуце как вторая часть к латинско-чешскому словарю «Dictionarium latinobohemicum» 1560 г. Томаша Решела (Reschelius) Градецкого. Он был составлен как школьное пособие на основе немецкого образца (латинско-немецкого и немецко-латинского словаря Петра Дасиподия).

Вершиной гуманистической лексикографии является труд книгопечатника Даниэля Адама из Велеславина (1546–1599)¹², выдающейся личности рудольфинской эпохи. Характерной чертой его лексикографических работ является постепенное выдвижение на первый план значения чешского языка, который в его последних словарях становится исходным языком. Велеславинские словари вносят свой вклад и в методологию развития чешской лексикографии. Даниэль Адам из Велеславина опирался почти исключительно на иностранные образцы, так как местную лексикографическую традицию оценивал весьма критически. Он сумел распознать качество иностранных лексикографических методов и использовал их при описании чешского языка.

---

¹¹ Название можно перевести как «млеконосный, живительный»; метафорическое название словарей принадлежит гуманистическому узусу.

¹² См., например: (Novák 1885).

Даниэль Адам из Велеславина издал четыре значительных словаря: «*Dictionarium linguae latinae*» (1579), «*Nomenclator tribus linguis*» (1586), «*Nomenclator quadrilinguis*» (1598), «*Sylva quadrilinguis*» (1598) (названия указаны в условном и сокращенном виде, их оригинальное название занимает несколько строк).

«*Dictionarium linguae latinae*» с алфавитным расположением слов составлен по образцу немецкого словаря Базиля Фабера Сорана, у которого Велеславин заимствовал способ расположения слов, иноязычный материал и цитаты. Его собственным вкладом был перевод труда на чешский язык. Похвалы заслуживают прежде всего переводы пословиц, при работе над которыми Велеславин не стремился к дословному переводу, а подыскивал соответствующие чешские эквиваленты. Словник должен был помогать при изучении латинской лексики, поэтому словарная статья начинается латинским словом и нацелена на его относительно полное описание.

«*Nomenclator tribus linguis*» является трехязычным тематическим словарем, в котором к латинским словам (пока еще стоящим на первом месте) добавляются чешские и немецкие слова. В основе этого труда был перечень слов голландского природоведа и врача Адриана Юния. В словарной статье Велеславин поставил чешский перевод перед немецким словом. Этот словарь оценивается как самый слабый из трех вышеуказанных словарей, несмотря на хороший уровень чешского перевода.

«*Nomenclator quadrilinguis*» — четырехязычный чешско-латинско-греческо-немецкий словарь, с расположением слов по тематическим рубрикам, его Велеславин издал одновременно со своим самым большим словарем, имеющим алфавитный порядок расположения слов, «*Sylva quadrilinguis*», как его дополнение. Образцом на этот раз послужил один из номенклаторов гессенского лексикографа Хельфрика Еммелия. К предметному словарю был присоединен объемный, организованный в алфавитном порядке, латинский и чешский перечень слов, а также (по образцу другого номенклатора Еммелия) семь глав, содержащих имена собственные в алфавитном порядке. В словаре 329 страниц и 138 страниц индекса слов. К его важным нововведениям следует отнести то, что здесь впервые словарная статья начинается чешским словом. За ним следует латинский, греческий эквиваленты и, наконец, немецкий эквивалент.

В 1598 г. (за год до смерти Велеславина) выходит из печати его завершающий лексикографический труд — чешско-латинско-греческо-немецкий словарь с алфавитным порядком расположения слов «*Sylva quadrilinguis*»¹³. Поначалу автор хотел лишь дополнить свой “*Dictionář*”, позже однако им был составлен во многом более качественный словарь по образцу пятиязычного лексикона Хельфрика Еммелия, изданного в 1592 г. в Страсбурге. Французский и еврейский языки оригинала он заменил чешским языком, чешское слово было поставлено в начале словарной статьи, а весь словарь упорядочен в соответствии с чешским алфавитом. Труд (фактически составленный за год) имеет объем в 958 двухколоночных страниц. Следуя образцу лексикона Еммелия, этот словарь вводит в чешскую лексикографию элементы гнездового расположения слов. Таким образом Велеславиному удалось не только сформировать в чешской среде модель

¹³ Латинское слово *silva* — в неклассической латыни допускается и правописание *sylva* — означает ‘лес, растительность’. Его метафорическое использование для обозначения лексического богатства не было в лексикографии XVI в. необычным. Оно обнаруживается и в названии словаря Еммелия, послужившего образцом для словаря Велеславина.

достаточно качественного словаря, но также составить в определенной полноте список чешских слов (причем не только существительных, как это было в номенклаторах) и, в доселе небывалой мере, указать на широту чешской синонимии и разнообразие фразеологии.

Таким образом, труды Велеславина можно считать реальным началом чешской лексикографии, первые шаги которой были сделаны в работах Кларета. Среди этих трудов словарь «*Sylva quadrilinguis*» занимал особое место. Впоследствии Йосеф Юнгман считал это произведение важным источником для своего словаря.

3. Лексикография в XVII в.

Продолжением гуманистических лексикографических усилий можно считать труды личности, стоящей на границе между эпохами ренессанса и барокко — Яна Амоса Коменского. Его самый большой словарный проект, латинско-чешский и чешско-латинский словарь («*Thesaurus linguae Bohemicae*»), должен был полностью охватить чешский словарный состав с синхронной и диахронной точек зрения, представить лексическую и грамматическую информацию, а также включить всю фразеологию и др., однако, этот проект не был реализован. Большая часть материалов, которые Коменский собирал в течение 20 лет, сгорела в пожаре в 1656 г. в Польше (г. Лешно). Сохранился сборник пословиц и поговорок “*Moudrost starých Čechů za zrcadlo vystavená potomkům*”, позже (в 1849 г.) изданный вместе с «Чешской дидактикой» (“*Didaktika česká*”).

Интерес к словарному составу чешского языка после белогорских событий (Белогорская битва 1620 г.) отвечал общему патриотизму эпохи барокко, которая характеризовалась особым вниманием к национальным языкам. Позднее возникло пуристическое стремление очистить чешский язык от чужих, особенно немецких, влияний. Увлечение пуризмом привело к весьма проблемному росту нежизненных, ошибочно созданных и, по большей части, ненужных неологизмов. Печатные словари XVII в. еще какое-то время придерживались образцов Велеславина, поэтому в них пуристические тенденции проявлялись довольно ограниченно, в то время как рукописные словари и грамматические труды были полны неологизмами.

Ценным в отношении материала и методики можно признать появившийся уже во второй половине XVII в. словарь Вацлава Яна Росы (умер в 1689 г.) «*Thesaurus linguae Bohemicae*»¹⁴. Хотя в целом В.Я. Роса не избег новаторского словотворчества¹⁵, в его трудах содержатся ценные импульсы к развитию чешской лексикографии. По сравнению со словарями эпохи гуманизма, Роса продолжал акцентировать внимание на чешском языке. Он не ставил своей целью демонстрацию и введение случайных неологизмов в лексический состав чешского языка, он шел в своей работе дальше в стремлении достичь более глубокого понимания чешской языковой системы.

---

¹⁴ См. напр. (в алфавитном порядке): (Novák 1902; Petráčková 1985; Petráčková, Roudný 1980; Tyl 1986; Volf 1929).

¹⁵ Идейную опору Роса нашел в защите Коменским латинских неологизмов, которая давала право на создание новых выражений в связи с развитием общества и реальными потребностями жизни (ср. Novák 1902, 158).

Четырехтомный с алфавитным порядком расположения слов «Thesaurus», содержащий 30–40 тысяч слов, организованных по принципу этимологических гнезд (что было новшеством для чешской лексикографии), является формально трехязычным чешско-латинско-немецким словарем, в действительности же в нем уже заметны черты, направленные на создание одноязычного толкового словаря чешского языка. В то время как Велеславин в своих словарных статьях (особенно в тех, где он ставил чешский эквивалент на первое место) еще не отказался от главенства латинского языка и стремился, по существу, показать лишь параллельные возможности своего языка по отношению к латинской лексике, Роса демонстрирует большее доверие к чешскому языку. Он стремится к наиболее полному сбору словарного материала (отчасти захватывая и диалектную лексику, например, слова моравского разговорного узуса¹⁶). Он не испытывает потребности сравнивать «совершенство» чешского языка с другими языками. Латинский и немецкий языки в его словаре отодвинуты, выполняя функцию помощника при переводе чешских слов. В центре внимания стоит чешский язык и его семантика: точно сделаны переводы значений слов, уделено внимание полисемии (в ряде случаев выделено до 10 лексических значений слова), определены этимологические и словообразовательные связи, а также (впервые!) присутствуют грамматические сведения.

Несмотря на то что лексикографический труд Росы никогда не был напечатан¹⁷, он оказал большое влияние на дальнейшее развитие чешской лексикографии. В позитивном плане лексикографическая работа Росы была оценена уже Й. Добровским (который безрезультатно пытался ее издать), многие его материалы были использованы Юнгманом в его словаре. (Неоднозначное отношение к словарю Росы связано как с излишне критическим отношением к его увлечению неологизмами¹⁸, так и с не слишком плодотворными поисками доказательств предполагаемой связи Словаря Росы с уничтоженным одноименным трудом Я.А. Коменского¹⁹).

¹⁶ Эти слова сам Роса классифицировал как моравизмы.

¹⁷ Сейчас существуют три рукописных экземпляра, из них один (так называемый «Neuberkův») использован как основа для электронной версии словаря Росы, доступного на веб-страницах сайта Института чешского языка АН Чешской Республики (<http://www.ujc.cas.cz>).

¹⁸ Из-за широкого пристрастия к неологизмам словарь Росы был подвергнут критике еще в эпоху Возрождения; позже его критиковали, например, Флайшганс, Лисицкий, Новак, Пата, а также Гавранек и др. Авторы некоторых новейших работ однако полагают, что в создании неологизмов Роса замечен менее, чем это утверждалось прежде, хотя бы пока идет речь об отношении к закономерностям чешского словообразования (напр. Petráčková 1985).

¹⁹ Уже, напр. Неуберк и Добровский полагали, что Роса имел в своем распоряжении утраченные материалы Я. А. Коменского. О правильности этого предположения кроме одинакового названия словарей и различных языковых улик свидетельствует, например упоминание Я. А. Коменского, что из его нереализованной работы сохранился точно неопределяемый первоначальный вариант, затем замечание Росы в ж. Sechořečnost, что ему был известен некий словарь (в литературе неизвестный) Я. А. Коменского, содержащий в том числе этимологию слов, далее, напр. ссылки в словаре Росы на Коменского и т. п. Мнение, что Роса пользовался словарем Коменского, подтвердил своим анализом языкового материала Новак (Novák 1902). Этой проблематикой занимался и Б. Рыба (Ruža 1949), который опубликовал справку о до сих пор неизвестном списке словаря Я. А. Коменского. В вопросе об отношении словаря Росы к ненапечатанному словарю Я. А. Коменского, однако он не пришел к однозначному выводу. Критически по отношению к возможности заимствования материалов Я. А. Коменского словарем Росы был настроен напр. З. Тыл (Tul 1986). Окончательный приговор все же не был вынесен.

4. Словари XVIII и начала XIX вв.: эпоха лексикографии Возрождения

Наибольшее развитие чешской лексикографии происходит в эпоху Возрождения. Мечта каждого образованного человека и многих полубразованных людей принять участие в очищении и обновлении чешской лексики принесла с собою кроме позитивных результатов и дальнейшую волну неудачного словотворчества, излишней «архаизации» и «славянизации» чешского языка.

Из лексикографических работ начала XVIII в. заслуживает внимания многократно переиздававшийся словарь немецко-латинско-чешского языка пражского книгопечатника Кашпара Захариаша Вусина «*Dictionary von dreien Sprachen, Teutsch, Lateinisch und Böhmisch...*» (1700–1706, 1722–1729, 3-е издание под названием «*Lexicon Tripartitum...*», 1742), неоправданно критикуемый за большое количество неологизмов (немного чешских новообразований находится только в немецко-чешской части, где они выступают как эквиваленты немецких слов). Наоборот, в значительной степени словотворческими тенденциями характеризовался, например, «*Slovář český*» (1705) Яна Франтишка Йосефа Рыволы, а из позднейших словарей, например, словарь Карела Игнаца Тама. К качественным работам относятся словари одаренного языковеда Франтишка Яна Томсы, который опирался в своей словарной работе, среди прочего, и на родной язык Турновска. После малого немецко-чешского словаря 1789 г. это был прежде всего «*Vollständiges Wörterbuch der böhmischen, deutschen und lateinischen Sprache*» (1791), который, между прочим, использовал словарные данные Йосефа Добровского и которому было предпослано его введение о чешском словообразовании.

Критическое отношение к попыткам словотворчества находится в работах Йосефа Добровского, основной вклад которого в развитие интереса к слову состоит, прежде всего, в создании выдающегося описания правил чешского словообразования («*Die Bildsamkeit der slawischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt*», 1799). В своей лексикографической работе «*Deutsch-böhmisches Wörterbuch*» (I. 1820, II. 1821)²⁰ Добровский впервые и надолго остался единственным, кто выделил принцип реальной представленности слова в разговорном и литературном употреблении.

Возрожденческие лексикографические притязания в полной мере отражены и в лексикографическом труде Йосефа Юнгмана.

5. Лексикографический труд Йосефа Юнгмана

Представители второго поколения национального возрождения, руководящим деятелем которых был Йосеф Юнгман, сформулировали цельную национальную культурно-образовательную и, прежде всего, языковую программу. В нее входило и создание большого обобщенного лексикографического труда, который представлял бы чешский народ и отвечал бы практическим потребностям говорящих и, кроме того, его можно было бы сравнить с появляющимися в то время большими национальными словарями

---

²⁰ Недавно заслугами М. Чейки и Б. Легечки возникла электронная «перевернутая», т. е. чешско-немецкая версия этого словаря, которая доступна в рамках портала *Vokabulář webový* на веб-страницах Института чешского языка АН ЧР (<http://www.ujc.cas.cz>).

других языков. Таким трудом стал пятитомный чешско-немецкий словарь (“Slovník česko-neměcký”) Йосефа Юнгмана²¹ (содержащий в авторском предисловии до сих пор актуальное утверждение: «Словарь национального языка относится к первейшим потребностям образованного человека»).

На составление словаря Юнгман решил в 1815 г., с наибольшей интенсивностью он работал над ним с 1828 г., и уже в конце 1833 г. словарь был подготовлен к печати. В концептуальном отношении Юнгман выбрал словарь с алфавитным порядком расположения слов, как наиболее удовлетворяющий практические потребности чешских пользователей. Таким образом, Юнгман отверг идею, поддерживаемую Добровским и Пухмайером, включать слова в корневое гнездо на основе этимологического принципа, больше отвечающего научным целям (который необходимо соблюдать, например, при сборе материала для задуманного сравнительного словаря славянских языков). Из практических соображений Юнгман также сильно ограничил словообразовательное гнездование в словаре.

Чешско-немецкий словарь Й. Юнгмана выходил в 1834–1839 гг. (на титульном листе 1835 г.) при поддержке Матицы чешской (в современном издании он вышел в 1989 г.). Образцом для Юнгмана послужил «Словарь польского языка» (“Słownik języka polskiego”. 1807–1814) Самуила Богумила Линде²². Материалы для своего обширного труда (4694 страницы) Юнгман собирал не сам, а получил его от ряда сотрудников, самым активным из которых был Антонин Марек. Юнгман использовал выписки из всех важных словарей, начиная с Кларета и кончая современными ему словарями, а также пользовался очень объемными эксцерпциями из старых и современных литературных памятников и, не в последнюю очередь, черпал лексику из разговорного узуса своего времени.

В задачу Юнгмана входил сбор всей чешской лексики, а именно слов старого и нового языка, разговорного и письменного, слов нейтральных и стилистически окрашенных, апеллятивов и собственных имен. В определенном объеме он включал в словарь диалектные и жаргонные слова, не исключал даже германизмы, если они характеризовали экспрессивные различия в языке или принадлежали к народной ремесленной терминологии и т. п. В случае необходимости в словаре приводились даже неологизмы эпохи Возрождения, особенно из области поэтического языка и вновь создающейся чешской терминологии, при условии, чтобы они отвечали правилам чешского словообразования; в этом направлении Юнгман последовательно исходил из теоретических воззрений Й. Добровского. С целью обогащения словарного состава чешского языка он включал в словарь также кальки с иностранных языков (в том числе с немецкого), а в особенности многочисленные заимствования из славянских языков, в первую очередь, из польского и русского. Он вводил в словарь также слова из словацкого языка, трактуя их в соответствии со своим временем как диалектизмы чешского языка.

При отборе лексем в словарь Юнгман, по существу, опирался на источники лексического развития, обозначенные им в его хрестоматии чешской литературы “Slovesnost” — это: а) древние памятники письменности, б) народная речь, в) новейшие пи-

²¹ См напр. (в алфавитном порядке): (Cervená a kol. 1982; Helcl 1959; Kamiš 1974; Petr 1981; 1989–1990; Šmilauer 1974; Tyl 1983; 1991).

²² Влияние Линде обнаруживается в упорядочивании всего словника, в структуре словарной статьи и, не в последнюю очередь, во множестве заимствований из польского языка. Т.З. Орлось (Orłós 1967) насчитала их более тысячи; в современном чешском языке их сохранилось 23%.

сатели, г) югославянские диалекты, д) внутренние творческие возможности чешского языка, е) буквальные переводы. В области создания терминологии из пуристических соображений Юнгман отдавал предпочтение чешским переводам терминов, позже, однако, он оценил значение легко воспринимаемой международной терминологии, особенно в естественных науках. Он подчеркивал также необходимость терминообразования в системе и отстаивал ту точку зрения, что в эпоху становления терминологии целесообразно предлагать несколько вариантов того или иного термина.

Словарь Юнгмана предоставил в распоряжение находящемуся в процессе обновления современному литературному языку разностилевую лексику, что сделало возможным употребление чешского языка в широком стилистическом диапазоне (особенно в специальных и художественных текстах). Таким образом, словарь заложил основы литературного языка нового времени и более ста лет выполнял роль признанного языкового арбитра.

Словарь Й. Юнгмана знаменует собой начало современной чешской толковой лексикографии. В соответствии со своим названием он представляет собой все еще только переводной словарь, в действительности же он имеет характер описательного толкового словаря чешского языка (присутствие немецкого языка в нем является отражением двуязычности тогдашней чешской среды и служит объяснению чешских слов). В словаре приводятся обширные сведения о значениях и контекстном употреблении чешских слов, о чешской фразеологии, синонимике и т. п. (Юнгман первоначально хотел ввести и подробную стилистическую классификацию слов, но из-за трудоемкости такой задачи в ситуации языковой неустойчивости в тот период развития чешского языка и по совету Й. Добровского, от этого намерения отказался). Труд Юнгмана по характеру макроструктуры и микроструктуры, по стремлению ко всестороннему охвату лексики и нацеленности на стабилизацию складывающегося литературного языка явился предвестником новейших толковых словарей чешского языка.

К словарю Юнгмана предполагалось создать дополнение, в котором собранная лексика была бы упорядочена по корням, т. е. в соответствии с первоначальным замыслом автора. Однако этот план был реализован только отчасти в шестидесятистраничной работе Франтишка Ладислава Челаковского в 1851 г., названной «Дополнения к словарю Й. Юнгмана» (“Dobavki ke Slovníku Josefa Jungmanna”)²³. Во введении к ней Ф. Челаковский призвал общественность, среди прочего, к продолжению сбора чешской лексики. Собранный материал использовал Франтишек Штепан Котт в своем «Чешско-немецком грамматико-фразеологическом словаре» (“Cesko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický”), который выходил в нескольких тимах и Дополнениях в 1878–1893. Словарь Котта, в составлении которого участвовало более чем 160 корреспондентов и сотрудников, имел не только практические, но и научные притязания, и, превосходя труд Юнгмана по объему (в целом он имел около 8500 страниц), не превзошел его по содержанию и особенно по качеству лексикографической обработки. Ядром словаря Котта остался не слишком удачно представленный словарный лексический материал словаря Юнгмана. С современной точки зрения он ценен относительно полным охватом фразеологии и особенно диалектного словарного запаса.

---

²³ См. (Cerná 2003).

Продолжением лексикографических усилий Юнгмана должен был бы стать словарь с перестановкой языков, а именно немецко-чешский словарь. Его подготовку взял на себя поначалу брат Й. Юнгмана Антонин, позже передавший свою работу Й.Ф. Шумавскому. Йосеф Франта Шумавский издал двухтомный «Vollständiges Deutschböhmisches Wörterbuch». I (1844), II (1846) объемом более чем в 2 000 стр., который все же не был столь качественным, как словарь Юнгмана. Шумавский подготовил также несколько сравнительных словарей славянских языков, которые сохранились в виде предварительных выпусков.

6. Лексикография в XX в.

В XX в. чешская лексикография значительно разрастается, становится более качественной и внутренне дифференцируется. Таким образом она реагирует на достигнутый уровень лингвистического познания и на развитие своей собственной дисциплины и одновременно стремится удовлетворить более взыскательные и разнообразные потребности специалистов и дилетантов, пользующихся словарями. До сих пор, в сущности, в лексикографии, с одной стороны, вычленяется как результат многовекового лексикографического развития **одноязычный толковый словарь чешского языка**, а с другой стороны складываются **специализированные лексикографические ответвления**, которые на предыдущих этапах развития чешской лексикографии или вообще не были представлены или существовали как работы невысокого теоретического и методологического уровня.

В XX в. обособилось составление диахронических словарей, описывающих территориальную лексику или лексику социального характера (диалектную и арготическую), словарей, ограниченных в отношении материала и тематики (терминологических, фразеологических, ономастических), словарей, характеризующихся неалфавитным способом расположения материала и особыми функциями (обратных, частотных, предметных/исчерпывающих, синонимических и др.).

6.1. Одноязычный толковый словарь чешского языка

Первым одноязычным толковым словарем чешского языка и собственно первым окончанным словарем этого типа в славянском мире был объемный «Настольный словарь чешского языка» («Příruční slovník jazyka českého». 1935–1957)²⁴. Он возник, в отличие от юнгмановской эпохи, в период, когда чешский язык уже имел развитую литературную традицию. «Настольный словарь чешского языка» стремился дать наиболее полное описание синхронного состояния лексики чешского языка и способствовал установлению его функциональной стилистической дифференциации. Поэтому он не был декларативно нормативным словарем (речь шла о научном описательном словаре), а имел целью, прежде всего, зафиксировать словарный состав литературного языка.

В отношении материала «Настольный словарь чешского языка» был основан на своей собственной расписке источников (для того времени невиданной по объему), характером представленных в нем выписок он способствовал углублению стремления

---

²⁴ См., напр. (в алфавитном порядке): (Filipec 1958; Hodura 1959; Weingart 1916; 1917; Získal 1938 (a), (b), (c)).

чешской толковой лексикографии к объективности (требуемой уже Добровским). В словаре было также всесторонне усовершенствовано лексикографическое описание, особенно той части микроструктуры, которая образует основу толкового словаря, т. е. системы подачи значений лексических единиц и охвата полисемии. В связи со стремлением к уяснению границ литературности/нелитературности словарь стал первой значительной попыткой стилистической классификации лексических единиц.

Первым о необходимости такого словаря уже в сер. 90-х гг. высказался Вацлав Флайшганс в “*Literárních listech*”, где, среди прочего, он опубликовал пробную статью на слово *louka*. Непосредственным импульсом к созданию нового словаря чешского языка было выступление Франтишка Пастернка, который 19 марта 1905 г. перед III отделением Чешской академии наук и искусств вынес на обсуждение конкретный проект его издания. Собственно реализация подготовки словаря началась в 1911 г., когда был организован специализированный академический центр — Кабинет Словаря чешского языка. В работе над словарем, ставшим престижным общественным предприятием, приняли участие ведущие чешские языковеды и множество внештатных сотрудников (в составлении словарных статей участвовало всего 26 авторов и 125 постоянных расписчиков текстов). Словарь начал выходить в 1935 г., через сто лет после издания словаря Йосефа Юнгмана, о преемственности с которым было заявлено авторами в Предисловии к словарю.

«Настольный словарь чешского языка» не имел прямого образца для подражания (однако он составлялся не без влияния опыта издаваемых тогда иностранных словарей, прежде всего, большого латинского тезауруса, подготовленного в результате сотрудничества пяти университетов в Мюнхене, и словаря, созданного Шведской Академией наук; авторам словаря были известны также лексикографические проекты Кракова и Загреба) и в чешской лексикографической традиции во многих отношениях он был новаторским предприятием. Поэтому понятно, что в ходе его подготовки произошли некоторые изменения в задуманной концепции. По первоначальному проекту Пастернка, например, словарь должен был отразить лексику всех эпох. В 1911 г. возникла точка зрения, что словарь должен включать лексику с 1770 г., и с этой поправкой он должен был стать словарем, отражающим изменения в хронологическом развитии лексем и информирующим о возникновении и исчезновении слов из языка. В конце концов, создатели словаря склонились к более или менее синхронной концепции, основанной на цитировании материалов последних 50–60 лет (т. е. от 1880 г. с включением более старого материала, если он относился к классикам чешской литературы). В словаре не было также реализовано первоначальное требование Пастернка приводить этимологические объяснения слов и параллели из других славянских языков. С ходом работы менялась и точка зрения на объем словаря. В 1931 г. было решено издать двухтомный словарь, но затем, однако, план изменился в сторону значительного расширения словаря. Первые выпуски поэтому получились более краткими и компактными. В словаре есть и другие недостатки, кроме того его характеризует отсутствие единообразия лексикографической методики. В ходе создания словаря изменился принцип подхода к материалу: первые выпуски по сравнению с последними имеют более пуристический характер, в них ограничен объем специальной терминологии и т. п.; наиболее наглядное представление о типе словаря поэтому следует искать в последних шести выпусках.

«Настольный словарь чешского языка» (планируемый первоначально как двухтомный словарь) выходил в 1935–1957 г. в восьми томах и девяти выпусках (4-й том состоял из двух частей; готовился и девятый том дополнений, который, однако, никогда не был издан)²⁵. В редактировании словаря принимали участие Олдржих Гуйер, Эмил Сметанка, Милош Вайнгарт, позже также Богуслав Гавранек, Владимир Шмилауер и Алоис Зискал. По данным, представленным в Заключении, он имеет объем в 10 824 двухстолбцовых страниц и содержит 250 000 словарных статей.

«Настольный словарь чешского языка» опирается почти исключительно на выписки из произведений литературного (письменного) языка, прежде всего, на эксцерпции из художественной литературы, приводятся также цитаты из публицистической и специальной литературы. Понимание литературности базировалось на концепции так называемого «хорошего автора». Наряду со словами литературного языка в словарь были включены в относительно большом количестве также диалектные, жаргонные и арготические слова, однако лишь такие, которые в эксцерпированной литературе фигурировали как особые средства литературного языка. Специальная терминология отражена в словаре выборочно, не включаются термины, известные лишь узкой группе специалистов. И все-таки этот словарь фиксирует чешскую терминологию в доселе небывалой полноте.

Словарь опирался на обширную и продуманную выборку (выборщики работали в соответствии с детальными письменными инструкциями, а результаты их работы контролировались специальными работниками; работа над составлением словарных статей началась в момент скопления 5 миллионов выписок, во время работы над составлением словаря выборка была увеличена вдвое) и, по меньшей мере, со второго тома также на продуманную теорию (прежде всего, на концепцию А. Зискала).

Макроструктура словаря основана на алфавитном расположении порядка слов. В самостоятельных словарных статьях разрабатываются производные и сложные слова, фонетические варианты, варианты по роду. Словарь, следовательно, намеренно избегает принципа гнездового порядка расположения слов (в рамках одной статьи разрабатываются только притяжательные прилагательные и возвратные глаголы), такой подход рассматривался создателями как одно из достоинств описательного словаря (современная лексикография опять возвращается к нему).

Заголовочное слово представлено словом в основной форме (у имен — именительным падежом, у глаголов инфинитивом), которое может сопровождаться пометами, сигнализирующими о редком употреблении, устаревшем характере слова или о его неправильности (последняя помета появляется чаще в первых томах словаря). Из грамматического описания приводится только основная информация в духе представлений А. Зискала о том, что главным содержанием словаря должна быть лексическая информация, в то время как информация грамматическая является сферой грамматики. В словаре находятся рекомендации по произношению слова (если в этом есть необходимость), для имен приводится форма родительного падежа и род, у глаголов — вид, затем — сведения о части речи, если это не очевидно из предшествующего описания, а также (при необходимости) — некоторые неправильные или проблемные грамматиче-

---

²⁵ «Вновь открытый» материал «Дополнений» в 2012 г. Институт чешского языка АН ЧР сделал доступным (в цифровой форме) для исследовательского сообщества.

ские формы. Важным вкладом словаря в развитие чешской лексикографии было введение относительно большого количества стилистических помет, указывающих на включенность слова, например, в территориальные или эмоциональные слои лексики (обл., нар., диал., фам., вульг.).

Ядром словарной статьи является толкование значения слова. Структура словарных статей исходит из основного значения (причем не всегда из этимологического значения), отдельные значения слов и сочетаний слов последовательно развиваются в одном или нескольких направлениях. Толкование основано на комбинации описательного толкования и синонимов. Примеры употребления слов имеют в словаре характер авторски приуроченной цитаты, поэтому словарь называют цитатным. Только у совсем обычных слов (на более поздних фазах работы, а также у терминов) словарь отказался от иллюстраций.

Параллельно с подготовкой «Настольного словаря чешского языка» создавался независимый в авторском и концептуальном отношении и меньший по объему толковый словарь, который в течение продолжительного времени (в нескольких изданиях и переработках) выполнял функцию справочного пособия для широкой чешской общественности. Это был первоначально двухтомный, а начиная с 1941 г., однотомный «Словарь чешского языка орфографический, культурный и фразеологический» (“*Slovník jazyka českého pravopisný, kulturní a frazeologický*, 1935–1937”) Павла Ваши и Франтишка Травничка, позже издаваемый под названием “*Slovník jazyka českého*” (в дальнейших изданиях фамилия Ваши исчезла). В нем содержался, среди прочего, самостоятельный грамматический отдел, что необычно для чешской лексикографической традиции. Этот словарь с алфавитным порядком расположения слов использует, однако, в достаточной степени гнездовой принцип расположения слов. Он опирается, прежде всего, на литературные материалы, уделяя внимание самой важной терминологии. Несмотря на то что, будучи последним представителем лексикографической традиции уходящей эпохи, словарь был в достаточной степени отмечен пуристическими наставлениями (а в последние годы и неуместной идеологизацией), тем не менее для своего времени он был качественным языковым пособием и пользовался большой популярностью у читателей.

Затем чешская лексикография на своем пути к современному одноязычному толковому словарю достигла кульминационной точки в «Словаре литературного чешского языка» (“*Slovník spisovného jazyka českého*”, 1960–1971)²⁶. Поскольку «Словарь литературного чешского языка» непосредственно следовал за «Настольным словарем чешского языка», его авторы могли использовать теоретический и практический опыт подготовки первого большого словаря, избежать повторения его ошибок и развить позитивные тенденции в обработке словарного материала. Специальная направленность «Словаря литературного чешского языка», который в отличие от «академического» описательного «Настольного словаря чешского языка» должен был выполнять функции словаря с нормативным статусом, привела к плотности в обработке материала, но не ограничила теоретическую ценность описания лексических единиц, а следовательно и использование словаря для специального изучения лексического состава чешского языка. «Словарь литературного чешского языка» по сравнению с «Настольным словарем чешского языка» отличается продуманным и более целенаправленным отбором лекси-

---

²⁶ См., напр. (в алфавитном порядке): (Helcl 1953; 1958; Jelínek 1961; Křístek 1971; Poldauf 1959; 1971).

ки, внутренней координацией в разработке словарных статей и подчеркиванием системного понимания словарного состава языка.

Вопрос о составлении «Словаря литературного чешского языка» был решен уже во время подготовки «Настольного словаря чешского языка». Первый выпуск вышел в 1958 г., т. е. через полгода после окончания работы над «Настольным словарем»; четырехтомное издание увидело свет в 1960–1971 гг. (современное переиздание вышло в 1989 г. в 8 томах). Членами редакционной коллегии под руководством Богуслава Гавранка были Яромир Белич, Милош Гелцл, Алоис Едличка, Вацлав Кржистек и Франтишек Травничек.

Первоначально «Словарь литературного чешского языка» должен был быть словарем меньшего объема, в конечном результате его запланированный объем увеличился почти в два раза (4500 стр. и 192 908 словарных статей), так что возник словарь среднего типа. Он был первым нормативным словарем литературного чешского языка, одновременно являясь нормативным словарем в отношении орфографии, орфоэпии и грамматики. Как и предыдущий словарь, он наряду с описанием лексики литературного языка включал в свой состав также слова нелитературные, особенно те из них, которые были употребительны в художественной литературе и публицистике (эксцерпированные для лексикографических целей с 40-х гг.). Словарь опирался на картотеку, созданную для работы над «Настольным словарем чешского языка» (после войны она содержала около 12 миллионов выписок), по сравнению с ним «Словарь литературного чешского языка» ориентировался на более современную лексику, включая прежде всего лексику последних 35 лет (точкой отсчета были 80-е гг. XIX в.). В большем объеме словарь учитывал также складывающуюся терминологию. Отбор слов определялся учебниками общеобразовательных заведений среднего уровня, для нужд словаря были созданы объемные специальные картотеки терминов из всех областей знания, в качестве консультантов были приглашены специалисты из высших учебных заведений, исследовательских институтов и производственных предприятий. То обстоятельство, что словарь был задуман как словарь среднего типа, привело к частичному ограничению территориально окрашенных и редких слов, в нем, наоборот, увеличен объем повседневной лексики (выбранной, однако, прежде всего, из литературы, а не из повседневного разговорного языка). По крайней мере декларативно «Словарь литературного чешского языка» стремился своими целевыми установками способствовать пониманию разговорного чешского языка как повседневной разговорной речи носителей литературного языка.

В обоих словарях лексика подается в алфавитном порядке, однако последний (в отличие от первого) не избегает гнездового расположения слов (в словарную статью включаются, например, уменьшительные слова, приставочные глаголы и т. п.). В отдельных словарных статьях в «Словаре литературного чешского языка» разрабатываются приставки, первые элементы сложных слов и отдельные глагольные основы (параллельно приводятся производные слова). Словарь тщательно фиксирует видовые оппозиции.

Словарная статья содержит заголовочное слово (с возможным вариантом) с указанием на литературное произношение, если это необходимо. При заголовочном слове имеется ссылка на часть речи, основные и проблемные формы, у заимствованных слов — сведения об их происхождении (новшество по сравнению с «Настольным словарем»),

стилистическая характеристика (она по сравнению с последним более продуманна; детальная шкала помет в принципе исходит из пяти точек зрения: литературности, принадлежности к стилям языка, частотности, употребительности, эмоциональности), намечен в словаре и показ сочетаемости слов (следующее новшество словаря; безусловно, речь не идет о показе сочетаемости слова в ее полном объеме). Далее следует толкование слова, примеры его употребления, устойчивые и фразеологические сочетания. В заключение приводятся производные слова.

При толковании значения, более эксплицитном, чем в «Настольном словаре», авторы стремились к точному определению существенных смысловых признаков и одновременно к более короткой формулировке. Помогали им в этом заботливо подобранные синонимические ряды слов (у нелитературных слов литературный синоним целиком замещает значение). Толкования в «Словаре литературного языка» более единообразны, чем в «Настольном словаре». В словаре более системно представлено членение и сцепление полисемантических структур, исходным значением которых, как и в «Настольном словаре», становится, по большей части, самое употребительное значение. Другие (пронумерованные) значения присоединяются по мере прибавления или убывания смысловых признаков. За прямыми значениями следуют постоянные метонимические и метафорические переносные значения.

Значительные расхождения по сравнению с «Настольным словарем» имеют место в цитатном аппарате. «Словарь литературного чешского языка» отдает предпочтение функциональности цитаты ее авторской верификационной аутентичности. Словарь использует типичные минимальные контексты (выбранные и проверенные на основе опыта составителей), которые лучше и в небольшом контексте иллюстрируют смысловые и эмоциональные оттенки слов. Составной частью цитатного раздела словарной статьи являются также многочисленные фразеологические сочетания. Из-за включения этого материала словарь служил в какой-то степени относительно обширным источником синхронной фразеологии (вплоть до появления современного фразеологического словаря во 2-й пол. XX в.).

В целом можно резюмировать, что «Словарь литературного чешского языка» развил, углубил и усовершенствовал лексикографические методы «Настольного словаря чешского языка» (в стилистической оценке, в толковании значений, в членении полисемии, в обработке фразеологии, в приведении дополнительных орфографических, произносительных и морфологических сведений), в нем появился ряд инноваций (например, фиксация глагольного управления, указание на видовые оппозиции, систематизация лексических единиц в рамках синонимии и отчасти омонимии, включение информации о происхождении заимствованных слов). Учитывая широкий охват разного рода информации, словарь смог отчасти выполнить функции ряда специальных словарей или грамматических пособий. Со времени издания словаря прошло уже значительное время, так что его использование из-за устаревших сведений, содержащихся в нем (особенно это касается некоторых помет), снижается, поскольку он уже не может выполнять функцию нормативного словаря. До сих пор, однако, он не замещен аналогичным по объему и содержанию толковым словарем чешского языка²⁷.

---

²⁷ *Словарь литературного чешского языка* имел более широкое лексикографическое значение. Из его опыта исходили иностранные словари славянских языков (напр., *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Lublaň 1970–1991), учитывался он и при составлении чешских двуязычных словарей и т. п.

Перечень толковых словарей чешского языка XX в. завершает «Словарь литературного чешского языка для школ и общественности» (“Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost”. 1978)²⁸, который является образцом толкового словаря меньшего объема, предназначенного для практических нужд пользователей²⁹. Своим целям он соответствует и благодаря выбору материала (в отличие от первых двух словарей, он отражает перенос тяжести с литературного языка художественной литературы на публицистику и в значительной степени стремится зафиксировать и разговорный лексический пласт языка), способу обработки словарного материала (своей наглядностью, детальным приведением орфографических, орфоэпических и грамматических сведений, включением практических приложений и т. п.), благодаря также своей нормативности, действующей, по меньшей мере, начиная со 2-го изд. 1994 г. (поскольку в 1-м издании словарь несколько опередил норму устранением некоторых разговорных явлений на оси нелитературность — литературность³⁰).

«Словарь литературного чешского языка для школ и общественности» (1978, второе исправленное и дополненное издание — 1994; третье издание с мелкими исправлениями — 2003, 2005 гг.) подготовлен авторским коллективом под общей редакцией Йосефа Филипца, Франтишка Данеша, Ярослава Махача (1-е изд.) и Владимира Мейстрика (2-е изд.), рабочая редакция Либуши Кроуповой, Белы Поштолковой и Зденки Соховой. Это однотомный словарь, который стремится охватить в основном пассивный словарный запас выпускников средних школ (приблизительно на 50 000 слов), второе издание словаря включает точно 45 366 словарных статей и 62 872 вычлененных значений.

Хронологически словарь нацелен на словарный запас, начиная с 1945 г., он учитывает также лексику времени первой республики. В отличие от своих предшественников, словарь освобождается от ряда слов поздней классической литературы и от различных окказионализмов писателей, он сильно ограничивает также включение региональных и социально специфических слов. Особое внимание в словаре уделяется дублетам и вариантам, являющимся частью живого узуса.

По сравнению с обоими большими толковыми словарями чешского языка «Словарь литературного чешского языка для школ и общественности» составлен более экономно (он использует, например, в значительной мере гнездовой порядок расположения слов, опирающийся на теорию Докулила, в нем опускаются второстепенные значения из смыслового спектра слова, прямо не приводятся сочетаемостные возможности глагола), однако на теоретическом уровне в нем нет упрощений. В противоположность «Словарю литературного чешского языка» он впервые оперирует положением, что основной системной и коммуникационной единицей словаря является однозначная лексема; в нем последовательно используется метод внутриязыкового сравнения обрабатываемых явлений и сопоставление соотносительных слов в частичных системах (например, у глаголов движения); более единообразно и в теоретическом отношении более

²⁸ См., напр. (в алфавитном порядке): (Filipec 1992; 1995(a); Machač, Sochová 1968; Novotný 1980).

²⁹ В этом смысле «Словарь литературного чешского языка для школ и общественности» связан с традицией словаря Ваши и Травничка, см. выше в тексте.

³⁰ В общем можно сказать, что этот словарь по сравнению со «Словарем литературного чешского языка» передвинул оценку ряда лексем из области общеупотребительного чешского языка в область разговорного слоя чешского литературного языка, а также, напр., из жаргона в область нейтральной лексики.

адекватно словарь обрабатывает такие части речи, как местоимения, числительные, предлоги, союзы, междометия и прежде всего, собственно, впервые — частицы и т. п. Оценивая словарь с точки зрения системности и выдержанности общей концепции, нужно сказать, что в нем нашел отражение тот факт, что «Словарь литературного чешского языка для школ и общественности» был (в ряду толковых словарей XX в.) первым трудом, составленным и изданным как единое целое. И это заслуга прежде всего Йосефа Филипца и всего его опытного коллектива составителей.

В соответствии с кодификационным назначением и в стремлении соответствовать потребностям рядового пользователя, для которого словарь часто был единственным наставлением по языку и замещал другие специализированные пособия, словарь содержит (как и большой «Словарь литературного чешского языка») сведения орфографические, орфоэпические и грамматические. Практическим целям служат также три приложения словаря, обзор сокращений и помет, обзор собственных имен, фамилий и географических названий (включая более сложные формы и основные производные слова). Третье приложение — словообразовательный очерк — способствует скорее специальному познанию языка и дополняет общие системные цели словаря.

В переработанном издании 1994 г. словарь отражает прежде всего значительные изменения в словарном составе чешского языка, связанные с развитием общества в к. XX в. (особенно с 1989 г.). Он должен был соответствовать языковой ситуации, в которой все более и более высокий престиж и функциональное распространение получают субстандарты (прежде всего, общепотребительный чешский язык), где происходит значительная стилистическая дифференциация и появляются «языки», обслуживающие новые задачи («язык» рекламы, «язык» электронной коммуникации) и в небывалой степени проявляется влияние иностранных языков (особенно английского). Необходимо было реагировать на возникновение ряда новых лексических единиц, на устранение многих слов, связанных с прошедшей эпохой или идеологией и, наоборот, на возвращение лексических единиц долгое время неупотребительных. В некоторых словарных статьях (например, *národ*, *pán*, *policajt*) нужно было обновить толкования значений слов или исправить порядок следования значений и т. п. Кроме того следовало произвести некоторые орфографические изменения (по «Правилам чешского правописания» 1993 г.) и морфологические изменения (например, в 3 л. мн. ч. глаголов типа *sází*). Необходимо было также изменить некоторые принципы составления словаря (так, был усилен гнездовой способ расположения слов, трансформировалась обработка фразеологии). Второе издание отличается почти 5 тыс. поправок.

Изданием данного словаря и его переработками была достигнута кульминационная точка развития и, по существу, завершен один из этапов развития чешской толковой лексикографии. Потребность создания нового толкового словаря, который бы в большей степени отражал современный словарный состав чешского языка и новый уровень его теоретического осознания, ощущается как лингвистами, так и обычными пользователями языка³¹. На создание нового репрезентативного толкового словаря чешского языка в настоящее время направлены усилия лексикографического отдела Ин-

---

³¹ Потребность рынка в наше время инициирует появление словарной продукции, подготовленной коммерческими фирмами (ср. малый толковый «Словарь современного чешского языка» (“Slovník současné češtiny”. Brno, 2011), изданный фирмой Lingea, специализирующейся, прежде всего, на выпуске толковых словарей).

ститута чешского языка АН ЧР. Концепция словаря должна считаться с рядом вопросов, определяемых современным культурным и лексикографическим контекстом. К наиболее спорным из них относятся: значимость кодификационной функции толкового словаря; соотношение охвата литературной и нелитературной лексики в словаре и связанного с этим решения о выборах из письменного и разговорного языка; соотношение между лексическим и грамматическим элементами в словаре; использование корпусных электронных источников, электронных лексических баз данных³² и компьютерной техники при составлении словаря и т. п.

6.2. Специальные словари

Уже на переломе XIX и XX вв. как самостоятельное ответвление в лексикографии обнаруживает себя **диахронная/историческая лексикография**, представленная качественным образцом в виде неоконченного труда Яна Гебауэра «Старочешский словарь» (“*Slovník staročeský*”. 1903–1904; в новом издании 1970 г., в алфавитном порядке он охватывает лишь слова от *A* до *netlánlivost*). Современным его продолжением является “*Staročeský slovník*”, издаваемый с 1968 по 2008 г. Институтом чешского языка Чехословацкой академии наук (Академии наук Чешской республики) и включающий слова *na – při* и, наконец, Электронный словарь старочешского языка, подготовленный Институтом чешского языка АН ЧР в 2005 г. и доступный на веб-страницах Института. Для нужд высших учебных заведений было составлено несколько лексикографических пособий в этом направлении, например, «Малый старочешский словарь» (“*Malý staročeský slovník*”. 1979) Я. Белича, А. Камиша и К. Кучеры.

С диахронным взглядом на чешский язык связана также **этимологическая лексикография**, получившая развитие особенно во второй половине XX в. Это направление представляет, например, «Этимологический словарь чешского языка» (“*Etymologický slovník jazyka českého*”. 1952) Й. Голуба и Ф. Копечного с отдельным обзором этимологии грамматических аффиксов, затем «Краткий этимологический словарь чешского языка с особым вниманием к культурным и иностранным словам» (“*Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelem k slovům kulturním a cizím*”. 1967, 2-е изд. 1978) Й. Голуба и С. Лыйера, объясняющий также и заимствованные слова, «Этимологический словарь чешского и словацкого языков» (“*Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*”. 1957; следующие издания 1968 и 1997 гг. ориентируются только на чешский язык) В. Махека, наоборот, нацеленный лишь на слова славянского происхождения и, в значительной мере, отражающий диалекты. Из новейших работ назовем, например, предназначенный для широкой общественности «Чешский этимологический словарь» (“*Český etymologický slovník*”, 2000) Я. Рейзека, объясняющего как славянские, так и заимствованные слова.

Далее в XX в. становятся самостоятельными словари, нацеленные на диалектную, социальную или как-то иначе ограниченную часть словарного состава, следовательно, на те слои лексики, которые развивающейся чешской толковой лексикографией, ориен-

³² Обширная база данных лексического состава чешского языка с н. XXI столетия создавалась, начиная в 2005 г., в Институте чешского языка АН ЧР как основа для планируемого толкового словаря чешского языка. Более подробную информацию о базе данных Pralex (Pražský lexicon) можно найти в рамках портала Lexico на веб-страницах Института чешского языка АН ЧР (<http://www.ujc.cas.cz>); см. также (Rangelová, Světlá, Jarošová 2008).

тированной прежде всего на литературный язык и нейтральную лексику, были отодвинуты в сторону. **Диалектная лексикография** была представлена уже в эпоху Гебауэра прежде всего обширным «Моравским диалектным словарем» (“Dialektický slovník moravský”. 1906) Франтишка Бартоша (в 1910 г. Франтишек Штепан Котт издает «Дополнения к Диалектному моравскому словарю» Бартоша), а также местными диалектными словарями Й.Ф. Грушки, К. Годуры. Начиная с 40-х годов XX в., диалектная лексикография развивалась под влиянием так называемой брненской диалектологической школы (словари И. Малины, А. Грегора, А. Лампрехта, С. Утешеного и т. д.). В к. XX в. н. XXI в. современную диалектную лексикографию представляют словари Я. Бахмановой, З. Соховой, Я. Войтовой и др. Общенациональное описание диалектной лексики, отражающее динамику развития разговорной лексики чешского языка, представлено в первых трех выпусках несловарного труда «Чешский лингвистический атлас» (“Český jazykový atlas”. 1–3; Balhar–Jančák a kol., 1992, 1997, 1999). В настоящее время в диалектологическом отделе Института чешского языка АН ЧР в Брно готовится Общенациональный диалектный словарь чешского языка.

Системное **лексикографическое описание чешской жаргонной лексики** относится лишь ко 2 пол. XX в. Теоретическому и словарному описанию этой лексики (по инициативе Франтишка Оберпфалцера-Йилки) посвящает труд всей жизни Ярослав Губачек (см. *Hubáček J.* “Malý slovník českých slangů”, 1988), значительные (особенно организационные) заслуги в изучении лексических богатств чешских сленгов принадлежат Лумиру Климешу. За последнее десятилетие мы имеем целый ряд новейших словарей, посвященных отдельным сленгам, см. *Suk J.* “Několik slangových slovníků” (1993).

Наряду с лексикографическими трудами, посвященными лексике отдельных сленгов, на рубеже двух веков и в первом десятилетии XXI в. появляются попытки картографирования во всей полноте стилистически ограниченной нелитературной лексики чешского языка (включая вульгаризмы), которую существующие толковые словари, нацеленные, прежде всего, на отражение литературного языка, приводили только в ограниченном объеме. Наиболее сложным по материалу в этой области является «Словарь нелитературного чешского языка» (“Slovník nespisovné češtiny” — Hugo, I. a kol., 2009).

Особую область словарного состава отражают также **терминологические словари**. Составление терминологических словарей, имеющее у чехов относительно давние корни (их зачатки следует отнести уже к эпохе словарей Кларета, значительные усилия по созданию терминологических словарей связаны особенно с эпохой Возрождения), в продолжение XX в. интенсивно развивается во всех научных и специальных областях. Перечисление конкретных словарей в данном обзоре было бы нецелесообразным.

В рамках словарных работ, специализированных на определенных частях словарного состава, в лексикографии XX в. как особый тип представлены также **словари иностранных слов**, тяготеющие по функции и выбору материала к терминологической лексикографии, а по своему происхождению — к лексикографии этимологической. Они появляются приблизительно в середине XX в., и с той поры издан уже целый ряд таких словарей, например, Иржи Галлер «Карманный словарь иностранных слов» (*Haller J.* “Kapesní slovník cizích slov”. 1954, 1956), Ян Кубишта – Ладислав Рейман «Словарь иностранных слов» (*Kubišta J. – Rejman L.* “Slovník cizích slov”. 1956), Ладислав Рейман «Словарь иностранных слов» (*Rejman Z.* “Slovník cizích slov”. 1966, 1971), Карел Кучера «Иностранные слова» (*Kučera K.* “Cizí slova”. 1978), Лумир Климеш «Сло-

варь иностранных слов» (*Klimeš L. "Slovník cizích slov". 1981; самое новое изд. — 2005; и много последующих, подготовленных коммерческими фирмами*). Самым объемным и в методологическом отношении более качественным из них является «Академический словарь иностранных слов» (*"Akademický slovník cizích slov". 1995, 2-е изд. 1997*), изданный (с участием ряда сотрудников) Верой Петрачковой и Иржи Краусом. Это однопольный толковый словарь, приводящий 100 000 значений заимствованных слов, употребительных в современном чешском языке. Он кодифицирует правописание и произношение заимствований, сообщает сведения об их происхождении, определяет их морфологическую и синтаксическую характеристику и стилистическую окрашенность. В переработанном и расширенном издании (охватывающем дополнительно еще 2000 слов и значений) этот словарь вышел в 2005 г. под названием «Новый академический словарь иностранных слов» (*"Nový akademický slovník cizích slov"*).

С точки зрения нацеленности на специальную часть словарного состава и в связи с возникновением самостоятельных лингвистических субдисциплин в новейшей чешской лексикографии выделились также **ономастические и фразеологические словари**. Они охватывают ту часть лексики, которую толковые словари отражали лишь частично, так как она не являлась предметом их описания.

Ономастическая лексикография возникает приблизительно в середине XX в., хотя отдельные работы относятся к более раннему времени. Развитие ономастической лексикографии характеризуется возрастающим подчеркиванием лингвистического подхода к материалу, связанным со значительным развитием ономастической теории. Лексикографическое описание топонимов представлено, прежде всего, в словаре Антонина Профоуса «Местные названия в Чехии, их возникновение, первоначальное значение и изменение» (*Profous A. "Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny", 1947–1957; IV том окончил Я. Свобода, к дополнительному V т. в 1960 г. В. Шмилауер присоединил полный систематический перечень местных названий*). Параллельно с ним Л. Госаком и Р. Шрамеком были изданы работы, охватывающие местные названия в Моравии и Силезии (*Hosák L., Šrámek R. "Místní jména na Moravě a ve Slezsku". I — 1970, II — 1980*). В самых общих чертах охватывает топонимы словарь И. Луттерера и Р. Шрамека «Географические названия в Чехии, Моравии, Силезии. Словарь избранных географических названий с объяснением их происхождения и исторического развития» (*Lutterer I., Šrámek R. "Zeměpisná jména v Čechách, na Moravě a ve Slezsku. Slovník vybraných zeměpisných jmen s výkladem jejich původu a historického vývoje", 1997, 2-е изд. 2004*). С конца XX в. ономастические исследования и лексикографическая активность в области картографирования чешской топонимики относятся, прежде всего, к фиксации топонимических наименований. Это, например., работа Л. Оливовой-Незбедовой, М. Кнапповой, Я. Маленинской, Я. Матушовой (*Olivová-Nezbedová L., Knappová M., Malenínská J., Matušová J. "Pomístní jména v Čechách". 1995*) или постепенно выходящие выпуски словаря Я. Матушовой и кол. (*Matušová J. a kol. "Slovník pomístních jmen v Čechách"*). В брненском отделении Института чешского языка АН ЧР в настоящее время подготавливается на бумажных носителях, а параллельно и электронный Словарь топонимов Моравии и Силезии (*"Slovník pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku"*). Антропономастическая лексикография также, по большей части, развивалась лишь во второй половине XX в. Фамилии в виде упорядоченных по алфавиту индексов сопровождают некоторые теоретические работы, напр., работу Я. Свободы

(*Svoboda J. "Staročeská osobní jména a naše příjmení"*. 1964), либо М. Кнапповой (*Knaппová M. "Příjmení v současné češtině"*. 1992; переработанное изд. "Naše a cizí příjmení v současné češtině", 2002). Чисто словарный характер носит собрание Д. Молдановой (*Moldanová D. "Naše příjmení"*. 1983; исправленное изд. 2004). Личные имена отражены, например, в словариках Ф. Копечного (*Kopečný F. "Průvodce našimi jmény"*. 1974; 2-е изд. 1991) или "Jak se bude jmenovat?" (1978 г. и в ряде других изданий; самое последнее 2006 г. под названием "Jak se bude Vaše dítě jmenovat?" М. Кнапповой).

Важным добавлением в толковую лексикографию являются **фразеологические словари**. Словарная обработка фразеологии и идиоматики имеет относительно давнюю традицию (начиная с гуманистической эпохи), правда, по большей части, речь идет об описательных работах, которые с современной точки зрения сохранили только историческую ценность. Из них достойны упоминания собрание пословиц М. Червенки в Чешской грамматике Яна Благослава (*Blahoslav J. "Gramatika česká"*. 1571), труды Я.А. Коменского (*Komenský J.A. "Moudrost starých Čechů"*. 1631) и Франтишка Ладислава Челаковского (*Čelakovský F.L. "Mudrosloví národu slovanského v příslovích"*. 1852). Фундаментальный труд Вацлава Флайшганса н. XX в. (*Flajšhans V. "Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a ve Slezsku"*. Část první: Prísloví staročeská A–N, O–Ž. 1911, 1913, 2-е изд. 2013), к сожалению, охватывает лишь старочешский материал (приблизительно 15 000 старочешских фразеологических единиц разного типа, пословицы среди них составляют лишь малую часть). Действительную картину состояния чешской фразеологии в XX в. представляют словари Ярослава Заоралка (*Zaorálek J. "Lidová gčení"*. 1947) и Йосефа Вацлава Бечки (*Bečka J.V. "Slovník synonym a frazeologismů"*. 1977). Отчасти, чешскую фразеологию фиксировали и все толковые словари чешского языка XX в.

В лексикографии XX в. чешская фразеология и идиоматика более комплексно разработаны в Словаре чешской фразеологии и идиоматики ("Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přígovnění". 1983; "Výrazy neslovesné", 1988; "Výrazy slovesné". A–P. 1994; R–Ž. 1994); другое полное черырехтомное издание словаря 2009 г. кроме того охватывает трудную для понимания теоретическую и практическую область фразеологических и идиоматических сочетаний: Výrazy větné. Главными редакторами первых трех томов были Ф. Чермак, Й. Гронек, Й. Махач, главным редактором четвертого тома был Ф. Чермак. Тома содержат ок. 27 000 словарных статей.

В словаре делается попытка наиболее полного в типологическом отношении описания области фразеологии и идиоматики, выбор фразем ограничен современным чешским языком (он опирается не материал второй половины XX в.). Словарь акцентирует свое внимание на разговорных выражениях, стремиться описать их реальную форму и способ употребления. Теоретическим исходным пунктом концепции Чермака в словаре стало такое понимание фразеологии и идиоматики, при котором решающим критерием отнесенности к ним того или иного идиоматического оборота является необычный семантический или/и формальный характер его «структурных элементов». Этим, в отличие от традиционного подхода, существенно была расширена область фразеологических единиц, так что словарь регистрирует в качестве фразем/идиом много оборотов — впервые, с точки зрения чешской традиции (например, включаются устойчивые связанные обороты). Словарь составлен в соответствии с одной концепцией и методикой, каждый том является по существу самостоятельным словарем, ориентированным

на определенный в структурном и функциональном отношении ограниченный тип фразем/идиом. Алфавитная словарная часть всегда дополнена упорядоченным в ономаσιологическом отношении указателем. Благодаря объединению теоретических воззрений на фразеологию и идиоматику (отдельные тома содержат, между прочим, теоретические очерки, относящиеся к обрабатываемому типу фразем/идиом) и словарной разработке ее конкретных единиц словарь стал трудом, фиксирующим эту важную область лексики по-настоящему комплексно.

Чешская лексикография XX в. разработала серию словарей, **дифференцированных функционально и по способу размещения материала**. Хотя в целом большинство из них сохранили алфавитный порядок словарных статей, специальные лексикографические цели привели к возникновению словарей, построенных на ономаσιологических принципах. К ним относятся словари **понятийные и синонимические**, у чехов представленные трудом Иржи Галлера и коллектива (*Haller J. i kol. "Český slovník věcný a synonymický"*. 1–3, 1969–1977; "Rejstřík k svazkům". 1–3, 1987), в котором к чешскому словарному составу было применено понятийное структурирование лексики, разработанное Р. Халлигом и Р. Варгбургом и новейшим, созданным по британскому образцу, тематическим словарем А. Клегра: *Tezaurus jazyka českého* (2007). Синонимические отношения в словарном составе прослеживались также в словарях более прикладного характера и меньшего объема, напр.: *Bečka J. V. "Slovník synonym a fraseologismů"* (1977), а из новейших словарей: *Pala K. – Všianký J. "Slovník českých synonym"* (1994; 3 изд. 2008, допечатка без исправлений 2012).

Значительным новшеством в лексикографии второй половины XX в. являются словари, основанные на принципе частотности. Первой чешской работой в этом направлении было пособие Я. Елинка, Й.В. Бечки, М. Тешителовой (*Jelínek J., Bečka J. V., Těšitelova M. "Frekvence slov, slovních druhů a tvarů v českém jazyce"*. 1961). Словари, созданные с помощью компьютеров, появились лишь в 70–80-е гг. (например, «Частотный словарь современной чешской публицистики» ("Frekvenční slovník současné české publicistiky"), подготовленный в 1980 г. М. Тешителовой). Значительному успеху в лексикографическом описании чешского языка, использующем принцип частотности, способствовала в к. XX в. корпусная лингвистика. Застрельщиком такого рода работ у чехов стал «Частотный словарь чешского языка» ("Frekvenční slovník češtiny", 2004), составленный авторским коллективом под руководством Франтишка Чермака и Михала Кржена. Собранные факты по частотности употребления слов (опирающиеся на материалы чешского национального корпуса) касаются 50 000 наиболее употребительных апеллятивов, 2000 чаще всего встречающихся имен собственных и 1000 сложносокращенных слов. При словаре имеется ряд приложений, он снабжен CD. Сотрудниками Института Чешского национального корпуса затем был подготовлен, например, «Частотный словарь разговорного чешского языка» ("Frekvenční slovník mluvené češtiny", 2007) и частотные словари языка выдающихся чешских писателей Карела Чапека и Богумила Грабала (2007 и 2009).

Особый способ расположения материала характеризует и **обратные словари**, напр., работу Элеоноры Славичковой (*Slavičková E. "Retrográdní slovník češtiny s připojenými inventárními slovníky českých morfémů kořenových, prefixálních a sufixálních"*. 1975). Следующий словарь этого типа составлен Марией Тешителовой, Яном Петром, Яном Краликом (*Těšitelova M., Petr J., Králík J. "Retrgrádní slovník současné češtiny"*); в нем комбинируются методы словаря обратного с частотным и одновременно с лексическим

и морфемным словарем (наряду с лексическими единицами он разрабатывает также формы субстантивов и глаголов).

6.3. Новые горизонты чешской лексикографии

В 90-е гг. XX в. в чешской лексикографии наряду с традиционными специальными словарями (диалектными, этимологическими, жаргонными и т. п.) появляются словари, до сих пор не представленные в чешской лексикографической традиции. Эти новые специальные словари, с одной стороны, направлены на грамматические явления, особенно на способность слов вступать в сочетания с другими словами и на их грамматическую связанность, с другой стороны, они обращаются к новой лексике, неологизмам в современном (стандартизированном) чешском языке. Показательно, что новые (для чешской лексикографии) типы словарей имеют, несмотря на различное содержание и рабочие методы, общий знаменатель: они ориентированы на современный чешский язык.

Грамматико-синтаксические словари³³

Словари, основанные на синтаксическом подходе, представлены двумя современными по концепции трудами: словарь “Slovesa pro praxi” с уточняющим подтитлом “Valenční slovník nejčastějších českých sloves” (1997), обработанный командой авторов в составе Н. Свозиловой, Г. Проузовой и А. Йирсовой и “Slovník slovesných, substantivních a adjektivních vazeb” (2005), составленный той же авторской троицей.

Словарь “Slovesa pro praxi (Valenční slovník)” связывает в соответствии с теорией валентностей, разработанной для чешского языка³⁴, уровень лексических единиц (глаголов) и их значений с уровнем предложно-синтаксическим. В нем представлено 767 глаголов, отбор которых произведен по частотности их употребления. Словарь имеет алфавитное расположение слов.

Характер разработки глаголов в Словаре, их многоуровневый анализ можно проиллюстрировать на примере словарной статьи *jmenovat se*:

JMENOVAT SE dok. i ned.

,mít jméno, nazývat se‘

Val 1 – VF – Val 2

někdo/něco – se jmenuje – nějak

Val 1: S nom [omn (minus mental)]

Val 2: S/A nom / praep S [nomin] // ADV [mod]

*Jejich chlapecek se jmenuje Jakub. – Vždyť ani já nevím, jak se ta dívka jmenuje a kde bydlí. – ...*³⁵

³³ При подготовке «Словаря литературного чешского языка для школ и общественности» (1978) некоторые части речи были разработаны как самостоятельное целое. Впервые таким образом были описаны производные предлоги и частицы. В последующем их разработка была использована в виде двух приложений к «Словарю чешской фразеологии и идиоматики» (“Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné”. 1988, см выше); в приложение *Předložky* включены так называемые предложные словосочетания (или сложные предложные сочетания), а в приложение *Spojky a částice* включены так называемые сочетания с союзами (союзные сочетания или сложные союзные обороты, многословные союзы) и многословные частицы. Условно мы можем говорить об этих разработках как о «грамматических» словарях.

³⁴ Теория валентностей в чешском языке разработана в монографии: “Větné vzorce v češtině” (Daneš, Hlavsa a kol. 1981; 1987) и «Mluvnice češtiny», 3. Skladba (1987).

³⁵ Иллюстративная часть словарной статьи сокращена.

Из примера видно, какие пункты включены в словарную статью. Она содержит: 1) заголовочное слово, 2) толкование глагольного значения, 3) предложную конструкцию (у приведенного примера: Val 1 – VF – Val 2), 4) эксплицитную форму предложного оборота (в примере: *někdo/něco – se jmenuje – nějak*). Результаты морфолого-синтаксического и семантического анализа представлены в пункте (5). (Ср. в приведенном примере, строка Val 2: S/A nom / praep S [nomin] // ADV [mod] показывает, что в нашем случае глагол может сочетаться с существительным или прилагательным (*chlapeček se jmenuje Jakob*) или с предложным падежом в функции номинатива (*Hospoda se jmenovala U hastrmana*) или с наречием способа действия (*To místo se jmenovalo hrozně strašidelně*). Следующий (6) пункт образует иллюстративная часть, где представлены все случаи возможной сочетаемости глагола. В иллюстративной части содержатся также замечания, касающиеся способов и обстоятельств употребления данного глагола и т. п.

Известно, что составление словарей возможных сочетаемостей (или валентностей) слов сопровождается рядом концептуальных проблем. К вопросам, которые считаются центральными для словаря валентностей чешского языка, относится проблематика отбора глаголов и общее расположение заголовочных слов в словаре. Чешский словарь валентностей показывает, что принятое решение, а именно использование критерия частотности при отборе глаголов и выбор алфавитного порядка расположения слов не связаны только с чисто техническими моментами. Применение критерия частотности делает возможным у самых стабильных глаголов показать развитие их синтаксических связей, стилистической характеристики и т. д. Выбор алфавитного порядка расположения слов, хотя и означает отказ от семантической классификации глаголов и от классификации по типам глагольных основ, но зато делает возможным дать подробный анализ синтаксических связей глагола и предложить большой иллюстративный материал при каждом глаголе.

«Словарь глагольных субстантивных и адъективных связей» является первой попыткой суммарного лексикографического показа сочетаемостных возможностей слов в чешском языке. В отличие от существующих общих толковых словарей чешского языка, где содержатся сведения о способности слова вступать в сочетания с другими словами наряду с другой информацией, словари валентности занимаются исключительно вопросами сочетаемости слов. С концептуальной точки зрения важно, что словарь сосредоточен на явлении, подверженном на современном этапе значительному развитию и изменениям. Другая значимая особенность словаря заключается в том, что в концептуальном отношении (в понимании синтаксических конструкций) он исходит из теории валентностей. И, наконец, не менее важной особенностью является его назначение — он предназначен для практического использования.

Для лучшего знакомства со словарем мы считаем важным остановиться на понимании сочетаемости (валентности), на материальной базе и на некоторых принципах лингвистической обработки материала в словаре этого типа.

Сочетаемость понимается широко, т. е. в словаре приводятся не только конструкции с управлением (формально согласованные), но и конструкции с примыканием (формально несогласованные). При опоре на теорию валентности понимание сочетаемости исходит из того, что синтаксические конструкции являются реализацией способности слов вступать в сочетания с другими словами. Не считаются важными, например, у существительных те конструкции, которым соответствует предложная трансформация,

а именно родительный качественной оценки, родительный притяжательный, родительный подлежащего (десятеля), родительный относительности. Поэтому существительные с такой сочетаемостью в родительном падеже в словаре не приводятся. (Подробная информация о других ограничениях сообщается во вводных разделах словаря.)

Основным источником при составлении словника словаря был «Словарь литературного чешского языка» (2-е изд. 1994 г.), кроме того использовались и другие толковые словари чешского языка. В целях охвата сочетаемостных отношений в стандартном литературном чешском языке, при отборе лексики для словаря отбрасывали слова, которые в толковых словарях трактуются как редкие, устаревшие, жаргонные, вульгарные и т. п. Лексические материалы почерпнуты из словарных архивов Института чешского языка Академии наук Чешской республики, которые были дополнены собственными выписками составителей словаря. В значительной степени был использован материал Чешского национального корпуса текстов.

Словарь имеет алфавитное расположение слов, все представленные в словаре лексические единицы разработаны в самостоятельных словарных статьях (гнездовое расположение слов не используется), каждое заголовочное слово подает соответствующую конструкцию или перечень конструкций вместе с иллюстративным материалом (ср., например, разработку сочетаемости глагола *vyjádřit*: **1** *něco*; *něco někomu* (,sdělit slovy, vyslovit‘) **2a** (někdo) *něco {něčím; v něčem; nějak}* (,tvárnit, projevit, zachytit‘) **2b** (*něco*) *něco*; *něco nějak*). В рамках отдельных словарных статей приводятся и варианты конструкций (*manipulovat něčím / s něčím*). У заголовочных слов не дается толкование значений; к краткому толкованию словарь прибегает только в случае необходимости дифференцировать отдельные значения у многозначных слов (см. приведенный пример с глаголом *vyjádřit*). Связи и соединения передаются самыми различными способами: неопределенными местоимениями *někdo* и *něco* (*přibouchnout něco*, *choulostivý na něco*), неопределенными наречиями (*vývoz odněkud*), описанием (*upravit něco za nějakým účelem*), некоторыми союзами (*že, aby* и т. п.) и сокращенными словами (*Vzt.* — т. е. второстепенное относительное предложение, *V.* — т. е. предложение в прямой и косвенной речи).

Словари неологизмов

Значительные изменения в словарном составе чешского языка с конца 80-х гг. прошлого столетия, а также благоприятное состояние исследования неологизмов в чешской лингвистике и стимулы, приходящие от заграничной «неологии» и «неографии», создали предпосылки к тому, чтобы описание и разработка неологизмов чешского языка выдвинулись на передний план.

В 1994 г. выходит переработанное издание «Словаря литературного чешского языка», куда включаются 600 новых слов и значений слов, подобным же образом ряд слов добавлен в подготовленную рукопись «Академического словаря иностранных слов», изданного в 1995 г., и в его новые издания. В 1994 г. выходит также словарь “*Co v slovníkách nenajdete*” с подзаголовком “*Novinky v současné slovní zásobě*”, понимаемый в принципе как добавление к «Словарю литературного чешского языка» (1960–1971) и к 1-му изданию «Словаря литературного чешского языка для школ и общественности» (1978). Вслед за ним в 1989 г. выходит словарь, составленный коллективом под руководством О. Мартинцовой (*Martincová O.* “*Nová slova v češtině 1. Slovník neologismů*”),

который описывает лексические единицы с чертами новизны, обнаруженные в современном литературном употреблении в 1985–1995 гг. Следующий словарь неологизмов “*Nová slova v češtině 2. Slovník neologismů*” выходит в 2004 г. Он связан с первым словарем неологизмов как в концептуальном, так и во временном отношении: первый словарь исходит из материалов до 1995 г., второй — из материалов 1996–2002 гг. В 1999 г. был издан «Русско-чешский» и «Чешско-русский словарь неологизмов», затем в скором времени появилось новое, расширенное издание 2004 г. “*Rusko-český a Česko-ruský slovník neologismů*” был подготовлен авторским коллективом в составе: Н.П. Савицкий, Р. Шишкова, Е. Шлауфова.

Чешская лексикография этого периода, следовательно, не только использует почти все существующие лексикографические подходы к новой лексике: а) включение неологизмов в существующие общие толковые словари, б) составление дополнений к словарям, в) составление специальных словарей новых слов. Она снова и снова при описании новых слов сталкивается с проблемой: должны ли стандартные словари неологизмов иметь характер дополнений, т. е. должны ли они быть связаны с общими толковыми словарями как по целям и намерениям, так и по использованию лексикографических методов, или же эти труды должны быть особыми самостоятельными словарями.

С этой точки зрения новшество в виде появления двух упомянутых словарей неологизмов чешского языка с их теоретическими принципами и использованными лексикографическими приемами говорит в пользу специальных словарей неологизмов³⁶. Они не регистрируют прирост лексики, т.е. новые санкционированные языковым сообществом элементы в лексической норме на соответствующих этапах развития языка, но фиксируют в рамках двух следующих друг за другом временных отрезков неологизмы с разной степенью лексикализации и употребительности, включая неупотребительные окказионализмы, другие получившие новую жизнь слова и выражения, употребление которых — первоначально связанное с производством, кружками по интересам, социальным окружением, с узкоспециальным общением — изменяется и вместе с этим переоценивается их первоначальный (профессиональный, жаргонный, специальный и т. п.) характер (см. далее).

«Словарь неологизмов чешского языка» (I, 1998) содержит 4600 заголовочных слов, охватывающих новую лексику повседневного речевого общения, публицистики, политики, экономической сферы, области компьютерной техники и т. п. В «Словаре неологизмов чешского языка» (II, 2004) обработано 7000 заголовочных слов. Включить в словарь такое большое количество неологизмов позволила хорошо продуманная база источников³⁷. Учитывая роль публицистики в современной коммуникации, новый лексический материал черпался, прежде всего, из газет и журналов (для первого словаря в 1991–1996 гг., для второго — в 1996–2002 гг.), а также частично из устных выступлений на телевидении и радио. Были привлечены также другие информационные материалы: листовки, проспекты, объявления и т. п. Кроме того проводилась расписка избранных произведений художественной литературы, большей частью переводных. Для отдельных областей (вычислительная техника, экология и др.) расписывалась также

³⁶ Ср., например, классификацию словарей новых слов, представленную в работе Е.А. Левашова (Levašov 1978).

³⁷ О выборе намеченного круга текстов как источников для обнаружения неологизмов см. Martinová 1996.

популярная специальная литература и учебные тексты. Обильно привлекались также (особенно при подготовке второго словаря) данные из Интернета и электронного архива NEWTON ON-LINE. Материалы для словаря неологизмов создавались с помощью вычислительной техники. Электронный архив неологизмов во многих отношениях является уникальным. Во время издания «Словаря неологизмов чешского языка» (2004) он насчитывал более 192 тысяч записей. Заметим также, что при отборе заголовочных слов (помимо других технических приемов) проводилось сравнение с заложенными в компьютер текстами Чешского национального корпуса.

При создании словарей новых слов и неологизмов в чешском языке исходят из широкого понимания неологизмов. Современные представления основаны на учете признака новизны лексического средства выражения как с точки зрения происхождения, так и с функциональной точки зрения (функционально системной, коммуникативной, стилистической). Признавая конкретную лексическую единицу неологизмом, в соответствии с требованиями «Словаря неологизмов чешского языка», применяется ряд критериев: критерий употребительности в литературном языке, временной критерий, критерий структурного типа и распространения в узусе. Эти критерии являются основополагающими при отборе заголовочных слов для словаря.

Понимание неологизмов можно пояснить на примере перечней слов, представленных в словаре. Так, в качестве заголовочных слов выступают: 1) однословные слова (производные слова и заимствования) типа *daňář, anketář, jogurtovač, florbalistka, plažovné, sprejařský, starostovat, zafaxovat, fondově, populistický, dealer, pub, snowboarding*, 2) сложные слова типа *autochladnička, minipočítač, rychlojídlna, ekonafťa, europoslanec* и такие выражения как *e-bankovníctví, i-noviny, m-platba*³⁸, 3) сочетания слов, такие как *city bike, joint venture, sales manager*, 4) слова с новым значением — например, *špinavý* ‘незаконный, нелегальный’, *žok* ‘внезапное изменение в определенной области’, *artikulovat* ‘мысль, аргументы’ (новые значения обозначаются в словаре особым графическим символом «□»), 5) сокращения, такие как CD, PR (и образованные от них слова *céděčko, píárka, píárový*), 6) под заголовочными словами с адресной функцией приводятся многословные и фразеологические сочетания, например, под словом *modrý* приводится сочетание *modré barety*, под *být* фразеологические сочетания *být in, být stejné krevní skupiny*, 7) в качестве заголовочных слов регистрируются и другие новые элементы в языке — продуктивные префиксы, корни, корнеподобные и аффиксоподобные элементы (например, *de-, re-, celo-, veko-, polo-, znovu-, spolu-, eko-, bio-, mini-, mikro-, -manie*) и вновь возникающие аффиксоподобные и корнеподобные элементы (например, *e-, euro-, sex-, sexu-, -holik, -gate*), а также продуктивные члены мультивербализованных наименований (например, *veřejnost* как определительный компонент словосочетаний *podnikatelská v., uživatelská v., internetová v., počítačová v.*)

При этом надо иметь в виду, что новый лексический слой не является монолитным. Наряду со словами, которые быстро прижились в языке (например, *bezolovnatý benzín, mikrovlnná trouba, bankomat, video, sponzor, fax, faxovat*) или созданы обычным способом, так что их новизна не ощущается (например, *kioskář, kinař, stánkař*), к ним относятся слова, образованные и употребленные по случаю (*jablkoholik, klenotka* ‘подруга,

³⁸ Для этих образований до сих пор нет закрепленного обозначения. Открытой остается также их номинационная принадлежность (они находятся на границе сложных слов и многословных наименований).

возлюбленная’, *krasosmutný, kyselostný*). Из-за проникновения некоторых лексических элементов из производственной сферы, жаргонной, узкоспециальной среды в литературное употребление в число неологизмов включаются также слова, изменившие стилистическую окраску (ср., например, слово *smažič* ‘потребитель, как правило, сильных наркотиков’, первоначально употребительное в среде наркоманов). К неологизмам современного литературного языка причисляются также те слова, которые надолго выпали из общественного официального употребления, а с 90-х гг. XX в. возвращаются вновь, например, *radní, radnice, hejtman* и т. д.

«Словарь неологизмов» является, по мнению некоторых исследователей, «несистемной совокупностью словарных единиц»³⁹. Одной из предпосылок к исследованию системных, динамических отношений и связей новых лексических единиц на разных уровнях является достижение большей систематичности и точности в лексикографическом описании. В связи с этим для словарей неологизмов чешского языка были разработаны некоторые приемы или принципы. К ним относятся: а) приведение после дефиниции синонимов с целью усиления их системной функции, б) гнездовой принцип расположения слов, в) принцип обработки новых многословных (составных) наименований и фразеологизмов как самостоятельных словарных единиц, г) принцип использования пометы для коммуникационной характеристики новых лексических единиц. В «Словаре неологизмов чешского языка» (2004) был также принят еще один принцип: отмечать в конце словарной статьи, что слово, приведенное в этом словаре, связано с соответствующим словом в «Словаре неологизмов чешского языка» (1998), т.к. оказалось, что от ряда неологизмов предшествующей поры были образованы новые слова, кроме того у неологизмов могли появиться новые значения и т. п.

Принятые в словаре принципы способствовали не только уточнению лексикографического описания, но также выявлению важных лексических процессов и изменений в новом слое лексики.

Использование (с целью систематизации) синонимов в дефинициях словарей неологизмов (первом и втором) сделало очевидным то, что, с одной стороны, некоторые неологизмы находятся в синонимических отношениях с единицами, уже существующими в словарном составе языка; с другой стороны, между самими неологизмами существуют богатые связи и отношения, что позволяет выявлять важные тенденции — например, появление синонимических пар, образованных новым заимствованием и своим родным словом, типа *hacker – průnikář*, что свидетельствует о языковой тенденции присоединять к новым заимствованиям свои слова.

Отказ от гнездового порядка расположения слов в этих словарях позволил проследить, как реально происходит «заполнение пустых мест» в словообразовательных гнездах/парадигмах, а также то, что помимо массового появления мотивированно связанных слов это заполнение проходит с разной длительностью — ср., например, словообразовательные неологизмы *vizážistický, vizážistika* в «Словаре неологизмов» (2004) к заголовочному слову *vizážista* в «Словаре неологизмов» (1998).

Принцип разработки новых многословных (составных) наименований и фразеологических сочетаний в виде самостоятельных словарных статей сделал возможным проследить мотивационные отношения единиц типа *plážový volejbal – plážový volejbalista*,

³⁹ Sochová, Poštolková 1994, 8.

что указывает также на номинативную вариативность слов в первой фазе их бытования в языке и на пестроту стилистических отношений (*patologické hráčství – chorobné hráčství – gamblerství*).

В функциональном отношении коммуникативная характеристика неологизмов является интегральной частью их лексикографического описания, и, как мы уже заметили, для этой характеристики использованы замечания, помещаемые в конце словарной статьи (ср., например, замечание в словарной статье *evrocentrismus* — ‘в высказываниях политиков и в политической публицистике’, в статье *profipráce* — ‘в рекламе’). Подобным решением словари неологизмов отказались от принятой в лексикографии практики использования стилистических помет. Но, в данном случае, было невозможно употреблять традиционный прием, т. е. снабжать новые и в определенном смысле неустоявшиеся лексические единицы неадекватными пометами, используемыми в современных толковых словарях чешского языка.

Подробным описанием словарей новых слов мы хотели не только указать на проблемы, стоящие перед составителями словарей новых слов, но и продемонстрировать то, к каким результатам пришла чешская лексикография вообще. Мы хотели также обратить внимание на некоторые используемые приемы в лексикографии, которые могли бы иметь более широкое применение. В данном случае имеется в виду принцип гнездового расположения слов, принцип разработки новых многословных (составных) наименований и фразеологических сочетаний в отдельных словарных статьях и принцип подачи коммуникативной характеристики лексических единиц в иной форме, нежели посредством кратких помет.

Заключение

В своем обзоре мы стремились показать развитие чешской лексикографии прежде всего в области толковых словарей. И если мы можем констатировать, что на современном этапе обнаруживается явная ориентация на специальные словари, это не значит, однако, что намерение создать новое современное комплексное описание чешской лексики отступает на задний план (см. выше). Бесспорно, таковое намерение требует как всестороннего анализа современных результатов чешской (и не только чешской) лексикографии и глубокой теоретической подготовки, так и полного учета того, что предлагают ныне современные методы компьютерной и корпусной лингвистики.

Перевод Г.Я. Романовой⁴⁰

Литературу см. в конце оригинальной части (с. ***_***)

---

⁴⁰ Ряд консультаций дала Ивета Крейчиржова, сотрудница Славянского Института Чешской Республики (Прага).

Ненад ИВАНОВИЧ
(Белград, Сербия)

ИСТОРИЯ РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ САНУ (1853–1953): ОДИН ВЕК РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕРБСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

0. Введение

0.1. По сравнению с лексикографическими трудами, которые появлялись в сербском культурном пространстве в XVIII–XIX вв., Словарь сербохорватского литературного и народного языка Сербской академии наук (“Речник српскохрватског књижевног и народног језика Српске академије наука”, далее по тексту Словарь САНУ) знаменует значительный шаг вперед в концепции и методологии работы.

В этом словаре в первый раз в сербской лексикографии применяются современные понятия о развитии и функционировании языка как системы, и на второй план отесняются ранее доминировавшие идеи о словарном описании как представлении этимологии и исторической эволюции слова. Лексикографический метод представления лексики путем ее сопоставления с другими языками, прежде всего латинским, оставлен в пользу одноязычного описания значения слова; как следствие этого, развивается мета-язык Белградской лексикографической школы — свод системных моделей, с помощью которых определяется и стандартизуется роль лексемы в языке. Благодаря работе лексикографов с собирателями слов, туманное знание лексических вариантов, которые распространены в «западных», «восточных» и «южных областях» штокавского наречия, сменяется точными представлениями об употреблении отдельных лексем в определенных диалектных ареалах, чем в Словаре САНУ подтверждается органическое единство народных говоров штокавского наречия. Наконец, в этом словаре культивируются шумадийско-воеводинский и восточно-герцеговинский диалекты, таким образом выделяется диалектная основа современной сербской литературы и языковой культуры.

0.2. Все упомянутые методологические достижения, которые ставят сербскую лексикографию в ряд современных лингвистических дисциплин, были сделаны в ходе подготовительных работ над Словарем САНУ, длившихся с небольшими перерывами с середины XIX до середины XX века. Рассмотренный как целое в своем историческом континуитете, Словарь представляет собой один из самых объемных филологических трудов сербской гуманистической мысли. Эта деятельность оставила след не только в лексикографии, но и повлияла на процесс кодификации и стабилизации сербского языка в переломные этапы его развития, формирование современных научных взглядов, которые основаны на рассмотрении внутренних отношений лексики и лексической системы в целом.

0.3. Кроме того, в имеющихся исследованиях по истории современной сербской лингвистики подготовительные работы над словарем САНУ чаще всего упоминаются только в самых общих чертах. Причину этого нужно искать, прежде всего, в недостатке архивных материалов, необходимых для больших научных обобщений; в смещении фокуса историко-языковых исследований из контекста словарной проблематики; а так-

же в отсутствии объемного труда по истории лингвистических идей, который бы в качестве одной из глав включал бы и историю современной сербской лексикографии.

0.4. Принимая во внимание изложенное, при рассмотрении значения подготовительных работ над Словарем САНУ, вопрос об исторической преемственности не ставится только как желание разяснить детали, свойственные отдельным историческим эпохам, но и как проблема их связи между собой. По этой причине, наше исследование сосредоточено прежде всего на двух вопросах:

а) история подготовительных работ над Словарем САНУ по этапам;

б) рассмотрение центральных филолого-лингвистических принципов работы над Словарем САНУ, которые были выработаны на протяжении всех этапов.

Другими словами, задача исследования — представить историю подготовительных работ над Словарем САНУ через процесс непрерывного исторического формирования толкового словаря — обязательного этапа стандартизации языка, его описания и обработки — и тем самым определить роль этого труда в развитии современной сербской лексикографии и лингвистики в целом.

* * *

0.5. Историю подготовительных работ над словарем САНУ можно разделить на шесть этапов. Упомянутые этапы лексикографической работы чаще всего организуются вокруг отдельных людей, которые создавали словарную методологию, а также событий, которые в эту эпоху стали ключевыми для науки и лексикографии. При этом каждый этап обладает характерным методологическо-научным контекстом, который его ограничивает и в котором осуществляется один из фрагментов лексикографической работы.

Принимая это во внимание, в продолжении работы мы представим обзор каждого этапа, после чего проследим формирование идейных и методологических основ работы над Словарем САНУ, которые были характерны для каждой из эпох.

1. Первый этап (1847–1867)

1.1. Первый этап подготовительных работ над Словарем САНУ относится ко второй половине XIX в. Его начало отмечено основанием и работой Общества сербской словесности (Друштво српске словесности), в рамках которого появляются первые опыты по представлению литературного и народного языка с опорой на лексикографические принципы.

Основание и работа Общества сербской словесности в аспекте языковых идей и лингвистической методологии того периода. Лексикографические идеи Общества

1.2. Общество сербской словесности (далее по тексту — Общество), предтеча современной Сербской академии наук, основано в 1841 г. В соответствии с интересом к языку, характерным для развития европейской гуманистической мысли XIX века¹, Общество поставило своей основной целью «описание сербского языка и развитие науки о сербском языке»². Появление Общества, духовными основателями которого были

---

¹ «Научные организации в Европе, в итоге названные академиями, почти всегда в качестве первоочередной задачи рассматривали заботу о языке и выпуск словаря; только после этого переходили к разработке более широких национальных и межнациональных дисциплин» (Грицкат 1993, 5).

² Устав Друштва српске словесности, члан 1, Гласник Друштва српске словесности (ГлДСС. 1847. 1. С. I).

Йован Стерия Попович, Атанасий Николитч и Димитрий Исаилович, представляет собой первую институализацию филологической науки в сербском культурном пространстве.

1.3. Для истории создания Словаря САНУ, как и современной сербской лексикографии в целом, особенно важно, что непосредственно после основания Общества решается облечь свои идеи о заботе и сохранении языка в *лексикографическую* форму. Тому было две причины.

1.3.1. В соответствии с общим интеллектуальным климатом XIX века, решение сделать выпуск словаря первоочередной задачей отвечало просветительской концепции сбора, сохранения и изучения слов как лексической формы воплощения необходимых для жизни понятий и идей. Согласно этой концепции, суть всякого филологического (и гуманитарного вообще) исследования заключается в создании целостных понятийных номенклатур одного языка, которые описывают духовную, интеллектуальную и материальную деятельность народа. С этой точки зрения, составление словаря представляет собой отражение философской установки на то, чтобы составить полный каталог слов по всем областям национальной духовной и материальной культуры.

1.3.2. Между тем, в выборе лексикографического подхода к сохранению языка и его научного описания члены Общества следовали не только философским взглядам ученых Европы. Может быть, и более того, они ориентировались на представление о лексикографии как отражении научной, социальной и культурной истории одного народа, которое в то время, в первую очередь благодаря Словарю Вука Караджича, уже было распространено в сербском обществе. Выпуском “Српског рјечника” в 1818 г. Вук Караджич, как минимум, ясно указал на приоритетное научное положение словаря по отношению к другим лингвистическим трудам, прежде всего, к грамматике (на материале Словаря Вук основал грамматическую реформу сербского языка). В то время в рамках Общества выпуск словаря считается приоритетной, а выпуск грамматики — второстепенной задачей. Кроме того, практика создания Словаря Вука указала и на другие методологические принципы, усвоенные Обществом: например, на педагогическую роль словаря как средства просвещения, с помощью которого в иноязычной среде будут учить сербский язык (упомянутая характеристика и в последующие времена будет одним из центральных стержней работы над Академическим словарем); или на важность непосредственного контакта с информантами, носителями того языка, словарь которого составляется (этот контакт в начале XX века перерастет во всестороннее и продуктивное сотрудничество лексикографов с собирателями народных слов).

1.4. Описанные культурные тенденции и потребности подтолкнули членов Общества к тому, что между 1842 и 1846 гг. началась лексикографическая работа. В этот период появилось несколько лексикографических опытов, которые были опубликованы в 1847 г. в первом томе «Вестника Общества сербской словесности» («Гласник Друштва српске словесности»). Это были, в первую очередь, отдельные проекты и идейные концепции: терминологического словаря («називословних речи»); дифференциальных словарей диалектных и областных слов и вариантов в сербском языке («српска наречница» и «речи пределне»); словаря синонимических гнезд («покушеније смислосродног речника»), а также словаря сербско-славянских слов, выпуском которого занялись члены Общества (Стерија et al 1847).

1.4.1. В сербской науке достаточно написано об этих опытах, в основном, с лексикографической точки зрения³. Отмечено, что по принципам представления лексического материала и его обработки они являют собой значительный шаг вперед по сравнению с господствующей лексикографической методологией того времени. Так, например, очерк, озаглавленный «Попытка (опыт) смыслопорождающего (синонимического) словаря» («Покушеније (оглед) смислосродног (синонимног) речника») посвящен выявлению «скрытых отличий» между, на первый взгляд, одинаковых слов. «Понять это различие» для автора Опыта значит «слова, так сказать, разрывать на части, значение каждого твердо определить, предметы, на которые указывают, хорошо изучить» — что является предвестием современной лексикографической практики в разграничении значений при дефинировании лексем. С другой стороны, основу очерка «О местных сербских словах» («О српским речима пределим») составляет определение слов «которые не встречаются у всего народа, только в отдельных местах и краях». В очерке делается дальновидный вывод о том, что местные слова делятся на *областные* (которые сохраняют оригинальную народную чистоту и могут употребляться в литературном языке, например, *личити*, *наликовати*, *муљати*, *кљукати* и др.); и *диалектные* (искаженные формы, которые не употребляются в литературном языке, например, *селдо* (вм. *седло*), *идеду*, *стојиду* и т. д.). Как обоснование этого вывода, формируется точка зрения, близкая современной диалектной лексикографии, согласно которой диалектные ареалы отличаются межъязыковыми контекстами: в то время как в открытых ареалах слова подвергаются воздействию соседних языков, в других, закрытых, эти слова «остаются в первоначальной форме» (Стерија et al. 1847, 1–58).

1.4.2. Написание лексикографических очерков, в которых исследовалась многоаспектность лексикографической обработки языка, в середине XIX в. помогло членам Общества овладеть различными типами работ над толковым словарем. По этой причине первый том “Гласника Друштва српске словесности”, рассмотренный как единое целое, может считаться своего рода «пробным томом» будущего словаря Сербской академии. В этом концептуальном «пробном томе» предлагается проект унифицированной словарной статьи, где слово рассматривается в терминологическом, диалектном, семантическом и историческом аспектах, — что отвечает главным лексикографическим принципам классификации, территориальной стратификации, семантического анализа и исторического синтеза.

«Проект сербского словаря и сербской грамматики» (“Предлог за српски речник и српску грамматику”) Йована Стейича (1853) и его значение для формирования современной лексикографической концепции Словаря САНУ

1.5. На основе сделанного, на очередном заседании 1852 года члены Общества приняли «Проект сербского словаря и сербской грамматики» (“Предлог за српски речник и српску грамматику”)⁴. Текст *Проекта* составил Йован Стейич, наряду со Стерией, один из первых современных сербских лексикографов⁵.

---

³ Ср. работы: (Грицкат 1960; 1996; 2004; Ивић М. 2000, Ивановичић 2007) и др.

⁴ “Предлог за српски речник и српску грамматику” написан чистым, не засоренным славянизмами сербским языком. Напечатан через год после доклада Стейича (1853), в пятом томе Вестника Общества сербской словесности (с. 1–13).

⁵ Несмотря на несомненно огромное значение трудов др Йована Стейича в области сербской науки о языке XIX века и, кроме того, в области сербской исторической лексикографии, должно научное внимание

«Проект сербского словаря и сербской грамматики» представлен в форме пожелания, чтобы под покровительством Общества немедленно началась работа по сбору материала для большого Словаря сербского литературного языка, „которым сейчас положено не только говорить, но и писать« (Стејић 1853, 6). В нем Й. Стейич, тогда заместитель председателя Общества, представил оригинальные положения о расслоении сербского лексического состава по социальным классам и сферам употребления, на которые до того времени лингвистическая наука не обращала особого внимания и которые могут считаться началом таких категоризаций.

1.5.1. Основу концепции большого Словаря, которая изложена в «Проекте», составляет положение о социальной дифференциации сербского общества, которое определяет лексическое расслоение. Заострив Досифеевскую концепцию сербского языка как идиома, чью основу составляет народный язык, в котором преобладают и который формируют законы полиглоссии, и дополнив эту концепцию социальной составляющей, Й. Стейич точно определил все элементы, которые, по его мнению, составят будущий корпус сербского литературного и разговорного языка, а также место, которые эти элементы займут в большом Словаре.

1.5.2. Й. Стейич сформулировал удивительно современную идею, что в сербском народе существуют различные общественные (социальные) классы, которые обладают собственными закономерностями лексического развития. Согласно его концепции, в лексическом составе сербского литературного языка существуют два основных регистра, которые состоят друг с другом в определенных отношениях: «разговорный простонародный язык», ядро которого представлено в Словаре Вука; и «письменный язык» как язык тех, «кто занимается с предметами самой широкой области науки и искусства». Поэтому автор полагает, что в сербской лексикографии существует потребность в словаре, который представит указанную двойственность языкового выражения, функциональную дивергенцию «разговорного» и «письменного» языка. «Как земледелец и каждый хлебороб придумывает и создает необходимые для *своей* жизни и *своих* потребностей слова, и говорит согласно *своему* чувству и разуму, — пишет Стейич, — так образованный и ученый человек ищет и создает нужные слова для предметов науки и потребностей мощного интеллекта, и дает языку ту правильность и чистоту... которая удовлетворяет облагороженное человеческое чувство и строго оценивающий просвещенный разум» (Стејић 1853, 2, курсив автора).

1.5.3. Свои доказательства существования двух языковых вариантов (или регистров), которые формируются в контексте деления сербского общества на два основных социо-культурных слоя — «простой народ» и «ученых людей», Й. Стейич подкрепил наблюдением, что сфера «письменного» языка, чье равноправное сосуществование с народным языком отстаивается в словарном корпусе, уже давно составляет языковую основу жизненно важных общественных процессов, например, школьного образования и современного законодательства. Также присутствует он и в литературе, влияние кото-

---

они привлекли лишь недавно. Может быть, лучшую характеристику Й. Стейичу дал П. Ивич (1998, 194), который относил его к писателям — сторонникам народного языка в литературе, хотя и не во всем согласного с Вуком. О критике языка Нового завета Стейичем среди первых написал М. Селимович (1975, 120 и сл.), который назвал Й. Стейича «первым серьезным критиком Вуковского языка». О Стейиче писали также М. Пешикан (1987), Й. Нуорлуото (1989), И. Грицкат (1993) и Л. Попович (1995), который составил до сегодняшнего дня самый объемный и целостный обзор Стейичевой концепции литературного языка.

рой на сербский язык в целом, согласно словам Стейича «больше не является ни малым, ни незначительным» (С. 3, 5). Учитывая это, Й. Стейич утверждает, что с выпуском большого Словаря (который будет содержать в себе, наряду с лучшими образцами «народного», и лучшие стандарты «письменного» языка)⁶. Общество сербской словесности может взять на себя роль регулятора норм сербского литературного языка в целом. Таким образом можно было навести порядок в той области, которая, по его мнению, все еще неупорядочена и хаотична: «Как ничто не может развиваться без заданного верного направления, так и без этого [Словаря] письменность нашего языка не сможет спокойно, упорядоченно, основательно и достойно развиваться... Но думаю, что оно [Общество] постарается столь добротнo выполнить задуманное, что тот, кто хотел бы наш язык узнать и выучить, если не каждое, то хотя бы каждое наилучшее и самое употребительное как разговорное, так и письменное его слово... а при этом и всякую... правильность сербского письма и свойственного говора [в нем найти]» (С. 5).

1.5.4. Вместе с замечаниями о формировании материала для таким образом задуманного Словаря, в своем Проекте Й. Стейич дал и первые конкретные указания по работе над Словарем, сформулировав методологические направления лексикографической работы над словом. Тем самым он резюмировал и обосновал работу в первом томе Гласника. «Около всякого слова, каким бы оно ни было по своим свойствам, — пишет он в завершение Проекта, — хорошо было бы, помимо прочего, что лексикологически необходимо, кратко указать, где и когда оно правильно употребляется или должно употребляться, в прямом и переносном смысле, приведя для этого, если необходимо, и подходящие примеры из хорошей речи, из народных пословиц и песен» (Т. 4. С. 9). На основе приведенной цитаты можно реконструировать его проект лексикографической статьи: при описании слова сначала приводятся «лексикологические данные» (грамматика, формы, ударение); затем дается определение основного значения слова, причем особое внимание уделяется сфере употребления (мотивированной его употреблением); затем определение переносного значения; после чего следуют примеры. В конце дается перевод слова на латинский и немецкий языки — эта практика сохранялась в сербской лексикографии до начала XX века.

1.5.5. Помимо этого, Й. Стейич продумал и метаязыковую основу задуманного словаря. У него находим в первый раз сформулированное предложение использовать в качестве языка словарных дефиниций сербский язык экавского наречия. «Нам необходимо определить, — пишет Стейич, — на каком наречии наш язык в этом Словаре представлять. Для нас, конечно, всякое наше наречие и мило, и прекрасно; но, насколько я могу судить, следует нам в этом случае выбрать одно и в нашей работе его придерживаться. Я — за то наречие, на котором мы говорим и которое с полным правом, без оговорки и какого-либо провинциального эпитета, называется *сербским*; только хочу, чтобы вместо Ъ употребляли в корне слова е, там, где эта буква пишется в старославянском языке — в основном, по той причине, что это уже стало привычным... и что эта буква — лучший посредник между этим нашим и другими нашими наречиями, в которых она перешла в и или ие» (Стейић 1853, 11–12).

---

⁶ «Чем на самом деле отличается письменный язык от разговорного простонародного языка, от которого происходит? Главное в том, что он не только народный; он одновременно и народный, и письменный язык... и так, что он один и тот же, и правильный, и „отполированный“, и достаточный для жизни и потребностей всего народа» (С. 2).

Работа Общества с собирателями лексического материала (1854–1867). Первые собрания народных слов

1.6. Стейичев Проект определил теоретическую основу задуманного словаря сербского языка и ознаменовал начало его практического воплощения. В связи с этим постоянный член Общества Милован Янкович составил призыв к сбору слов, которых нет в Словаре Вука Караджича, и отправил его по провинциям писателям, учителям и государственным служащим (ГлДСС. 1856. 8. С. 351–352). Таким образом, лексикографические идеи Общества подтолкнули к филологическим занятиям широкий слой образованных людей, которые находились в непосредственном контакте с народом.

На призыв М. Янковича они отвечали собраниями народных слов, в которых обращалось внимание как на лексику отдельных ареалов, так и на некоторые лексические вопросы. Внедренная тогда практика, согласно которой приток нового материала одновременно предполагает и новые лексикографические сведения, будет продолжаться в течение всего XX века.

1.6.1. Первый сборник слов приходит в Общество уже в 1854 г.: М. Живанович, писарь по профессии, присылает «несколько сербских слов из хомольского района». Ориентируясь на очерк «О сербских местных словах», М. Живанович приводит слова (их 12) с широким контекстом употребления (например, **растока**: “Кад потоци преко ливада текући испуне корито и разлију се на све стране, то народ овог краја оне барице именује *растока*”; **сливница**: “По луговима по угнутим местима налазеће се помање барице, именују *сливнице*, иначе веће баре називају *бара*”; **прислеж**: “Кад је површина једног брда (гребен) угнут на некоме месту, то место наричу *прислеж*”; **стаповина**: “Простор места у ком се више салаша или трла налазе, гди се масло мете и сир производи” и др.). Подобную структуру имеют и другие собрания народных слов, которые в это время приходят в Общество: М. Янковича (175 слов из Срема и Левча); А. Остойича (около 400 слов из разных регионов Сербии) и других.

Помимо собраний слов, фокусирующихся на отдельных диалектных ареалах, в этот период в Общество попадают и первые тематически организованные сборники, которые, в силу специфических аспектов языковой культуры, заслуживают нашего внимания.

1.6.2. Так, например, писатель Милан Дж. Миличевич свое собрание из 322 слов составляет как список необычных слов и выражений, которые употребляют его современники, сербские писатели: М. Глишич, И. Цепелич, К. Руварац, М. Вукичевич, В. Радишич и другие (например, **бизгов**: «развитый, но ленивый мальчик или юноша»: “Коликиј си бизговъ а не умешъ 20 да изброишъ”; **ерцопаль**: «Ерцопаль... говорится тому, кто телом вырос велик, но слаб душевными способностями и ловкостью»; **коньштип**: «Коньштипъ — насекомое, которое чаще всего живет в навозе; говорят, что больно кусается» и др.). С другой стороны, Джордже Натошевич, впоследствии председатель Матицы сербской, приносит в Общество собрание из 1500 бранных слов и наименований человека в сербском языке, самое большое собрание бранных слов того времени (например, **бекельило**, **дериклуна**, **горопадало**, **кашљуцало**, **кланцало**, **клапрњало**, **леньгуза**, **мољакало**, **вашкодер** и пр.).

1.6.3. В этот период между собирателями народных слов особенно выделяется Джордже Николаевич, протоиерей из Дубровника, работник просвещения, писатель и митро-

полит. Николаевич отправил в Общество богатое собрание из 1875 сербских слов из “Рјечосложја” лексикографа из Дубровника Йоакима Стулича⁷. Среди собранного материала есть и народные сербские слова, «родом» из Дубровника, которых нет у Вука (например, **белић**: “белое просо”; **бибав**: “гибкий, например, *бибаво море* ... обычно, когда сильный ветер стихнет, а море еще не успокоится”; **лабараст**: “который много *лабара*, болтливый” и др.); как и многочисленные итализмы, которые употребляют сербы в Далмации и около Дубровника (например, **брокет** (итал. *brocchetta*): “гвоздик, кнопка”; **ингваздати**: (из итал. *imbastire*) “большими стежками соединить раскроенный материал, наметать”; **каламир**: (из итал. *calmare*, успокоить) “отвес”; **напестати**: (исп. итал. *pestore*) “избить, избить кулаками”; **вачелати**: (итал. *vacillare*) “бредить при лихорадке”; **невав**: (исп. итал. *neve*, снег; диал. итал. *nevera*, непогода, гроза) “в плохом настроении, сердитый” и др). Упоминание сербского народного языка в “Рјечосложју” и интеграция этого лексического материала в Словарь САНУ уже во второй половине XIX в., говорит в пользу того, что серьезный анализ территориальной и культурной принадлежности лексического корпуса словаря Стулича, как и словарей других хорватских лексикографов, основу которых составляет штокавский идиом (Микаля, дела Бела, Белостенец и другие), еще только предстоит.

* * *

1.7.1. Рассмотренная в своей идейной основе лексическая концепция будущего словаря сербского литературного языка, сформированная в рамках Общества сербской словесности, отличается от концепции Вука, прежде всего, тем, что основывается на равноправной представленности лексики всех социо-культурных слоев сербского народа в Словаре. В связи с этим, Проект Стейича выражает стремление к тому, чтобы основа словаря расширялась, а сам словарь модернизировался и работа над ним приобрела институциональный статус.

1.7.2. Иначе говоря, в исторической перспективе видно, что вуковский лексикографический центр в середине XIX века уже находился в упадке. Он уже осуществил свою миссию в лексикографии, обратив внимание как на значение народного языка для литературы, так и на источники этого языка. Члены Общества подчеркивали, что в рамках культурных интитутотв необходимо работать над новым словарем, основанным на более широкой языковой базе и привлекающим более современные методы, чем словарь Вука. Идеями о функциональном расслоении сербского языка, точными наблюдениями над функционированием лексической системы, а также практической лексикографической работой, этот этап оказал значительное влияние ход дальнейших работ над Академическим словарем.

2. Второй этап (1867–1899)

2.1.1. Второй этап исторического развития Словаря САНУ охватывает четыре последних десятилетия XIX века. Золотые годы этого периода отмечены работой Стояна Новаковича над созданием Лексикографического отдела Сербской академии наук, в рамках которого продолжится работа над выпуском большого Академического словаря.

---

⁷ *Joachim Stulli. Rjecoslojje slovinsko-italijansko-latinsko. Ragusa, 1806.*

2.1.2. В современной лингвистической историографии Стоян Новакович справедливо считается лидером лексикографии своей эпохи⁸. Кроме того, что как теоретик лексикографии он обозначил научную и культурную необходимость в большом толковом словаре современного сербского языка, определил сложные отношения между литературной и народной формами языка в его корпусе и определил специфику задуманного словаря на фоне других лексикографических трудов своего времени; как организатор, С. Новакович в период основания национальных институтов одновременно сформулировал филолого-литературную программу, в которой работа над академическим Словарем считалась одной из важнейших научных задач.

2.1.3. Поэтому рассмотрение лексикографического становления Новаковича, как и генезиса его научных представлений, составляет главную часть описания этого этапа.

Джура Даничич как лексикограф и его влияние на Стояна Новаковича

2.2. В период между 1864 и 1867 гг. происходят важные изменения в сербской лексикографии. Со смертью Вука Караджича в 1864 г. угасает лексикографический центр, который на протяжении полувека существовал в его доме⁹. На этом завершается научно-методологическая эпоха, отмеченная двумя изданиями Сербского словаря (“Српски рјечник”). Вместе с этим меняется и общая социальная и культурная позиция по отношению к национальному словарю: в общественном сознании субъект этой деятельности уже не Вук со своими последователями, а научный институт обновленной Сербии, прежде всего, Матица Сербская и Общество сербской словесности (позже — Сербское ученое общество). Это изменение культурного климата дало членам Общества (среди которых больше всего было последователей Вука) возможность в последующие десятилетия задуматься об основании собственного лексикографического центра, в котором они будут заниматься выпуском большого толкового словаря сербского языка, руководствуясь современными научными принципами.

2.3.1. Этот период отмечен стремительным лексикографическим ростом Джуры Даничича. За четыре года преданной работы над вторым изданием Словаря Вука, Дж. Даничич из исследователя истории языка постепенно развился в исследователя современного сербского языка, его диалектов, ударения, морфологической и семантической парадигмы, синтаксиса падежных форм. Крайне важно, что в это время концепция Даничича и его лексикографическая самостоятельность во многом формировались как реакция на Вуковские принципы работы над словарем, в выпуске которого он участвовал и методами работы над которым он не был до конца доволен¹⁰.

⁸ Это мнение первым высказал А. Белич в первой половине XX века. Его утверждение позаимствовали и другие, более поздние исследователи: И. Грицкат: «Окончательное решение о начале работы над академическим словарем и его начальной концепции принял Стоян Новакович» (1996, 29); Е. Фекете: «Нельзя вести речь о Словаре Сербской академии, не упомянув в самом начале имя его идейного и духовного основателя Стояна Новаковича» (1993, 21); М. Пешикан; М. Стеванович; С. Ристич и другие.

⁹ О лексикографическом центре Вука, в который, кроме Вука и Даничича, входили многочисленные собиратели народных слов, см. в: (Стојановић 1924).

¹⁰ Это недовольство Даничич выразил в известном письме Дж. Натошевичу 25 сент. 1851 года. Говоря о том, что Словарь не оправдывает его ожидания («...Я давно (еще с тех пор как словарь начал публиковаться, а может, и до этого) говорил людям, которые разбираются в этой работе, что этот словарь не будет таким, который бы каждый мог ожидать от Вука, не говоря уже о том, каким на самом деле должен был быть»), Даничич высказывает два основных замечания по поводу труда Вука. Первое состоит в утверждении о роли словаря как научного издания, которое, согласно Даничичу, не следует рассматривать и читать ради развлече-

2.3.2. Учитывая сказанное, Дж. Даничич, по всей вероятности еще будучи в Вуковском «кружке», составил собственный план по выпуску современного толкового словаря. Упомянутый план, как и накопленные знания, Дж. Даничич реализовал в 1867 г., когда, переехав в Загреб, начал работу над монументальным Словарем хорватского или сербского языка Югославянской академии наук (“Рјечник хрватскога или српског језика Југославенске академије наука”) (далее по тексту — Словарь JAZU). Таким образом Даничич совершил первые шаги к системной лексикографии одного языка.

2.3.3. С переездом в Загреб, Дж. Даничич не порвал связей со своим белградским кругом. Его корреспонденция этого времени показывает, что Даничич посылает многочисленные письма своим ученикам из белградской Великой школы, где ранее работал преподавателем. В этих письмах Даничич привлекает некоторых из них к сбору лексического материала для Словаря JAZU.

2.3.4. В это время среди корреспондентов Даничича особо выделяется Стоян Новакович, постоянный член Общества сербской словесности. Имея в виду его научные интересы, а также отношения Даничича и Новаковича, с полным правом можем утверждать, что их сотрудничество в лексикографической работе — это первый лексикографический опыт Новаковича и одновременно зарождение его интереса к этой области науки¹¹.

2.3.5. Переписка между Даничичем и Новаковичем в 1867 и 1868 гг. говорит об их интенсивной лексикографической работе. Новакович задействован в работах по сбору и классификации слов, в то время как Даничич ответственен за теоретические наблюдения и выводы, которые вырабатывает на основе решения практических проблем при сборе материала. Так, например, в письме от 4.12.1867 г. Даничич говорит Новаковичу об основных принципах сбора лексического материала: «...возьмите сначала газету Давидовича, которую здесь печатали, и лист бумаги; на бумаге прежде всего запишите, что это слова из тех-то и тех-то газет за такие-то годы; после по порядку читайте газеты: как найдете какое угодно слово, которое годится для нашего языка, например, *указ*, в котором нет ничего противоречащего законам нашего языка, запишите на этот лист бумаги и сразу же добавьте целую фразу, в которой оно упоминается, и номер страницы (если на страницах есть номера); и так далее по-порядку (...) если какое-то слово несколько раз повторяется, то это не только не плохо, но даже и хорошо (...) но слова, которые слишком часто повторяются, не нужно всегда записывать, только ради особенной фразы, в которой они встречаются (...) Имена и фамилии, как и названия мест, будут для нас крайне ценны, также и слова, которыми, обозначается, кто из какого места (...) К тому,

---

чения, как любую другую книгу: «Из слов Вука увидишь, как он понимает, что такое словарь (“и одной забавы ради” пусть его “читает каждый серб или сербка, как и другую книгу”). С такими мыслями словари не пишутся». Другое замечание выражается в недовольстве тем, что Словарь 1852 года не имел редактора, который бы унифицировал все однотипные элементы в лексикографической работе («Не буду упоминать, что написано и добавлено за эти несколько лет, как помогаю ему со словарем и что в последних корректурах добавляется, если сказать, что я застал, опять-таки будет мало, очень мало для тридцати с лишним лет (...) Моя работа на самом деле состоит только в том, чтобы подготовить его к печати и хлопотать о его издании, а по большей части моя работа состояла в том, чтобы по возможности обработать материал Вука, но не по своей воле») (Шевих 1925, 242–243). Описанное расхождение во взглядах и принципах работы над словарем, которое существовало между Вуком и Даничичем, С. Новакович назовет различием между «субъективной» и «объективной» лексикографией (Новакович 1878, 168).

¹¹ Менее чем за десятилетие до переезда Даничича в Загреб, Новакович слушает его лекции в Великой школе. Обращение Новаковича к лексикографии совпадает со временем возрождения его интереса к филологической науке под покровительством Даничича (1865).

что я написал о собирании слов, нужно еще добавить, что подразумеваю только *литературные слова*, а не народные, которые уже есть в словаре Вука; однако ради особой фразы, в которой встречается и такое народное слово, *хорошо* было бы и его записать» (Кн. Ё. Д. 1976, 302–303).

2.3.6. Из процитированного отрывка видно, что Даниич, помимо техники фиксации слова для словаря, излагает и целостную стратегию сбора: на листе отмечаются только слова, «которые могут войти в наш язык» (по Вуковскому принципу «общей правильности»), по возможности в разнообразных примерах, которые демонстрируют богатство их употребления; слова, которые встречаются часто (и контексты с которыми повторяются) записываются только в отдельных случаях, «ради особой фразы», в которой употреблены. Пристальное внимание следует обратить на ономастику. Наконец, слова, которые фиксируются, должны быть литературными; из народных следует выбирать только те слова и значения, которые не известны Словарю Вука. Подобное содержание имеют и другие письма, датированные 1867 и 1868 гг.

2.3.7. С такого диалога между Даниичем и Новаковичем в рамках Общества сербской словесности и Югославянской академии начинается второй этап в развитии современной сербской лексикографии.

Ответ Новаковича на «Проект Словаря JAZU» Дж. Даниича (1878)

2.4. Сотрудничество Даниича и Новаковича продолжается до 1878 года, когда из печати выходит Проект Словаря JAZU, сочинение Даниича, в котором анонсируется первый том словаря Югославянской академии и демонстрируется проект современной словарной статьи. Даниич использовал Проект, чтобы выразить и утвердить собственную лексикографическую концепцию; в то время как Новакович, отреагировав на Проект, в первый раз самостоятельно выразил свою лексикографическую позицию.

2.4.1. В ответе на Проект Даниича Новакович выступает как историк и теоретик лексикографии. Поясняя характер Проекта, он, с одной стороны, определяет место этого Словаря среди других словарей того времени, представляющих лексику штокавского наречия, а также и свое отношение к возможностям и потребностям современной лексикографии. С другой стороны, Новакович пользуется случаем, чтобы обозначить необходимость в словаре современного языка, выпущенного на основе подобных научных принципов. Таким образом, ответ Новаковича на Проект Даниича имеет характер лексикографического манифеста, знаменующего скорое начало работ над словарем-тезаурусом сербского языка.

2.4.2. Ответ Новаковича на Проект Дж. Даниича можно тематически разделить на три части: вопрос хронологии сербской лексикографии, вопрос о дополнении лексикографической концепции Вука и вопрос временных рамок современного словаря.

2.5. При рассмотрении Проекта Даниича и его значения для филологии, утверждает Новакович, как основной вопрос ставится его историческая роль в развитии лексикографии того времени. В соответствии с этим, можно говорить о трех хронологических этапах.

2.5.1. *Первый этап* отмечен так называемыми «штокавскими словарями», в основном лексикографов из Дубровника: в них воплощена идея того, что в словаре должен быть представлен язык «целиком». *Второй (переходный) этап* в развитии современной лексикографии представляет словарь Вука 1818 года — единое и законченное целое. Нужно отдать должное Вуку, утверждает Новакович, он продвинул вперед сербскую

лексикографию, прежде всего, тем, что сделал ее основой *народный язык* и, создав словарь «народного разговорного языка и языка народной традиционной (устной), известной всему народу и принятой им, литературы» (С. 170), нанес удар русско-церковнославянской традиции. Между тем, по методологии создания Словарь Вука оставался очень близок «шокским» [хорватским. — *Ред.*] словарям первого этапа, преимущественно потому, что в нем не до конца были проработаны отдельные серьезные языковые вопросы (так, например, в Словаре не отмечаются лексические отступления в диалектах, не дается описание «места слова относительно родственных» (в русском и старославянском) и т. д.).

2.5.2. Учитывая сказанное, не удивительно, что *третий (современный) этап* развития сербской лексикографии, к которой относится Проект Даничиича, начинается признанием того, что для представления языка в толковом словаре лексикографической концепции Вука не достаточно. Чтобы сформировались современные научные принципы обработки лексического материала, концепции Вука были необходимы, согласно Новаковичу, два методологических дополнения.

а. *Первое дополнение* связано с равноправным представлением в словаре лексики всех социо-культурных слоев. Иначе говоря, Новакович рассматривает язык не как статичную, а как динамичную сущность, представленную целым рядом языковых вариантов, которые он называет «кругами языка». «Эти круги, — пишет Новакович, — связаны с различными профессиональными сферами. (...) Некоторые слова и многие значения слов, которые встречаются у проповедника, напрасно будем искать у математика или физика; одними (в известной мере) словами поется, а другими рассказывается; один язык у судьи, а другой у рабочего, иной у каждого мастера и каждого занятия. Отличие стиля, которое у каждого существует, возникает во многом не от собственно стилистических (по сути логических и синтаксических), но от лексических различий» (С. 172).

В этом отрывке Новакович подчеркивает, что существуют дифференциальные черты языковых вариантов, представленные на уровне лексики, и обусловленные социальным контекстом, в котором разворачивается языковая реализация. Только в своем единстве эти варианты, согласно авторскому мнению, составляют целостное понятие «литературный язык». Вук, утверждает Новакович, не мог исследовать эти сферы, поскольку в Словаре он программно представлял только народную основу литературного языка. «В нем (Словаре) не стоит искать... все эти разные лексические круги, которые не должны отсутствовать в полном словаре» (С. 171). Соответственно, лексический фонд, зафиксированный Словарем Вука, необходимо типологически дополнить системным рядом слов, которые стоят за понятиями и терминами, не известными языку Вука¹².

б. *Второе методологическое дополнение* лексикографической концепции Вука связано с представлением лексических особенностей диалектов. Современный описательный словарь, согласно этой точке зрения, служит и тому, чтобы его пользователи познакомились с лексическим богатством других диалектов: «Слов приморских никто не знает в горных районах; словарь горного жителя Кома и Дурмитора разве может быть во всей полноте известен жителю болотистой Мачвы?» (С. 172). Различия диалектов связаны не только с исконной лексикой, но и базируются на том факте, что некоторые ареалы претерпевают языковые изменения в большей мере, чем другие: «Серьезное отли-

---

¹² О современной разработке этой идеи Новаковича см. в (Пешикан 1987).

чие составляет и ближайшее соседство — заимствование слов итальянских, венгерских, турецких явно показывает, что различные группы народа по-разному контактируют и находятся под различным влиянием соседей» (С. 172).

2.5.3. В двух представленных положениях, дополняющих словарную концепцию Вука, находим зачаток теории Новаковича о динамической реализации языка в сербском культурном пространстве, которая, из чисто практических лексикографических нужд, зародилась на целых полвека раньше, чем современная лингвистика узнала понятия «социолекта» и «жаргона». В рамках упомянутой теории Новакович сформулировал концепцию материала Словаря САНУ как собрания всех видов лексического богатства сербского языка в его общественном (культурном и территориальном) окружении.

«Послание Сербской королевской Академии» С. Новаковича 1888 года как отражение эволюции его лексикографических взглядов

2.6. В десятилетие после ответа на Проект Даничића Новакович углубленно занимался практическими проблемами современной сербской лексикографии. Как результат этого увлечения выходит его Послание Академии наук 1888 года, озаглавленное «Сербская королевская академия и развитие сербского языка»¹³.

В Послании 1888 года Новакович, конкретизируя вопрос выпуска словаря современного сербского языка, помещает его в контекст проблемы языковой стандартизации; работу над Словарем должна проводить Сербская академия наук. Одновременно, эти предложения методологически обосновываются, и текст Новаковича представляет конкретный план работ над словарем современного сербского языка как своего рода синтеза всех лексикографических и вообще лингвистических представлений того времени.

2.6.1. Поскольку словарь Даничића «по характеру работы и по назначению является словарем не современного литературного языка, а народного, самородного и исторически до сегодняшнего дня сохраняемого», утверждает в Послании Новакович, заметно, что лексикографические труды того времени не затронули одну из сторон исследования языка, а именно выпуск словаря «народного литературного языка», который должен был охватить 100 последних лет литературной жизни (Новаковић 1888, 25–26).

2.6.2. Основная область применения задуманного словаря, согласно Новаковичу, — сопоставление и сохранение различных видов непрерывного употребления языка: исторического, территориального, грамматико-стилистического и семантического.

а. *Исторический континуитет*. Выпуск толкового словаря современного языка собрал бы и объединил бы удачные решения в употреблении отдельных лексем, метафорических оборотов, стилистических приемов и т. д. Таким образом был бы составлен список «удачных» решений в употреблении языка от Досифея до современных писателей, что явилось бы серьезным подспорьем в литературных трудах.

б. *Территориальный континуитет*. Создание единого словаря, объединяющего в себе лексическое наследие всех диалектов, составляющих этот язык, имело бы своей целью литературное единство на широком диалектном пространстве.

в. *Грамматико-стилистический континуитет*. В Послании 1888 года первый раз находим тезис, что таким образом составленный словарь может служить основанием грамматико-стилистической стандартизации сербского языка. Новакович уточняет обла-

¹³ Послание написано к столетию со дня рождения Вука Стеф. Караджича, а прочитано на торжественном собрании Академии, которое состоялось 10 сентября 1888 г. в честь этого события.

сти, в которых словарь нашел бы подобное применение: синтаксис падежных форм, фразеология глагола, употребление именных и глагольных форм, стилистическая парадигма («может быть известно и должно быть известно, что такое сербский стиль», С. 37), и др.

г. *Семантический континуитет*. Особое внимание Новакович обращает на семантическую парадигму слов, подобную полю, которое «затронуто только местами, мимоходом, но никто в него глубоко не заглядывал, с вниманием не изучал» (С. 39). Разработка вопроса о значениях слов в словаре, как и о синонимах (слова со сходными значениями) приведет не только к пониманию того, как каждое слово «употребить там, где следует», но и к общему развитию и обогащению литературного языка.

2.6.3. В третьей части Послания Новакович рассматривает вопрос соотношения литературного языка и диалектов, который определяет основу устройства словарного материала. Утверждая, что в языке каждого народа существуют диалекты, но нет такого народа, который «в своем народном литературном языке имел бы все свои народные диалекты»; Новакович описывает два языковых идиома: *народный литературный*, который представляет собой «культивирование» избранных диалектов в литературном языке; и *народный диалектный*, который представляет собой диалектную основу штокавского наречия (С. 41). Задача словаря — обработать и представить оба идиома, принимая во внимание то, что литературный язык должен быть на первом месте.

2.6.4. В заключении своего Послания Новакович еще раз обобщает задачи «Словаря народного литературного сербского языка» как труда, в котором бы «с критикой и рассудительностью, было бы собрано и показано все, что до сегодняшнего момента избранные литературные произведения сделали для лексического развития и усовершенствования народного литературного языка», т. е. «представил бы современное состояние народного литературного сербского языка» (С. 78 и сл.).

«Предложение Сербской королевской академии» (“*Предлог Српској краљевској академији*”) (1893), основание Лексикографического отдела и начало работ над большим Академическим словарем

2.7. Последние два десятилетия XIX века отмечены практической работой С. Новаковича по основанию Лексикографического отдела, в стенах которого будут сделаны первые конкретные шаги по выпуску большого Академического словаря. В этом смысле его Предложение о начале сбора материала для академического Сербского словаря и создания для этих целей в Академии Лексикографического отдела 1893 года являет собой произведение, которое в год основания Отдела суммирует и конкретизирует то, что автор прежде уже высказывал по этой теме.

2.7.1. На основе ранее изложенных принципов, в Предложении С. Новакович представил методологию формирования корпуса большого Словаря сербского языка, которую можно кратко изложить следующим образом:

а. *Историко-стилистический критерий*. В исторической перспективе, утверждает Новакович, сбор материала для Словаря САНУ начинается с Досифея и продолжается до наших дней; а выбор современных писателей, чьи произведения входят в корпус Словаря, опирается на критерий чистоты их языка, способности к «самостоятельному владению языком» и «творческой силы языка».

б. *Лексико-стилистический критерий*. Главую часть Предложения, где обосновывается лексикографическая концепция, С. Новакович посветил разработке *принципов*

формирования словарного корпуса, которые послужили основой всеохватного сбора словарного материала. В этой части труда в первый раз ясно сформулирована предложенная в самых грубых чертах концепция Й. Стейичем большого Академического Словаря сербского языка как лексикографического произведения, в котором явлено все разнообразие лексических аспектов литературного и народного языка. С. Новакович предлагает с помощью специальных анкет собирать из народного языка слова, связанные со всеми аспектами народной жизни, «в тех отдельных кругах, на которые она поделена»: «от охоты и рыболовства и до сельского и городского дома, от скотоводства и земледелия до мукомольного дела и всех ремесел ... леса и лесоводства, виноградарства и виноделия, изготовления ракии и казана для ракии, садоводства, огородничества и пчеловодства».

в. *Критерий тематико-стилистического расслоения литературного языка*. В своем Предложении С. Новакович, прежде всего, определил роль письменной формы в развитии сербского литературного языка, являющегося основой современного толкового словаря. Согласно автору, число слов, присутствующих в языке литературы, которые до сегодняшнего дня не были лексикографически обработаны, в десятки раз превышает число слов, присутствующих в народном языке (Новаковић 1893, 5а). Соответственно, задача нового Словаря сербского языка — не только охватить все различия его диалектов, но и с пристальным вниманием обработать «литературный тип» сербского языка, тем самым заложив для последующих поколений языковую основу территориального и социального единства. Для решения этой задачи, подчеркивает С. Новакович, большой Словарь должен собирать лучшие стандарты языковых употреблений, выступая в качестве регулятора норм языка и как можно более полно освещая взгляд на исторически процесс, в котором «народный язык... превратился в литературный» (Там же).

2.8. С точки зрения сербской исторической лексикографии, Стоян Новакович представляет собой личность, в которой в переломное для нашей науки время удачно соединились безумие и педантичность великого исследователя и авторитет академически и общественно влиятельного человека. Благодаря успешной реализации ряда оригинальных лингвистических идей, которыми начинается лексикография современного сербского языка, его вклад в работу над большим Словарем остается бесценным; а его научные традиции, научный дух сохранился в Лексикографическом отделе и в XX веке.

3. Третий этап (1899–1913)

3.1. Третий этап исторического развития современной сербской лексикографии охватывает время с начала XX века до Первой мировой войны. Этот период отмечен первым объемным сбором лексического материала для словаря Сербской академии, по принципам, обозначенным Новаковичем. Благодаря этой работе, за неполные два десятилетия был собран корпус из более миллиона лексем литературного и народного языка. Одновременно, благодаря опыту отдельных собирателей по созданию больших собраний слов (от 5.000 до 250.000 лексем) формируются и первые методологические положения по акцентологической, грамматической и семантической обработке языка в толковом словаре; подготовлен и издан первый пробный том Словаря (“Огледна свеска”) (1913). Таким образом, помимо теоретической организации корпуса Словаря, разработке которой была посвящена вторая половина XIX в., на рубеже XIX и XX вв. начинается его практическая организация, через упорядочение и обработку большого количества нового материала, поступающего в Отдел.

«Обращение и руководство к собиранию слов в народе для Словаря Сербской королевской академии» («Позив и упутство за купљење речи по народу за Речник Српске краљевске академије») (1899) как вид семантической организации словарного корпуса

3.2. На основе теории о «лексических кругах языка» С. Новакович сформулировал метод классификации лексики по тематическим областям, роду человеческих занятий и различным типам текстов. Конкретным предложением (1899 года) разработать для сбора новых слов в разговорном (и письменном) языке специальные вопросники, которые, согласно этой теории, охватывали бы терминологию широкого спектра человеческих профессий и ремесел, а также пожеланием, чтобы в этой работе не был пропущен ни один аспект народной жизни (ни в социальном, ни в географическом смысле), Новакович показал синтетический дух Большого словаря и сделал первые шаги к детальной семантической организации его корпуса.

3.3. Следуя замыслам Новаковича, секретарь только что основанного Лексикографического отдела Момчило Иванич в 1899 г. в газете «Српске новине» представил «Руководство по сбору слов в народе» («Упутство за купљење речи по народу»), программную статью, которая призывала литераторов, преподавателей, священников и других представителей сербской интеллигенции собирать, обрабатывать и посылать Лексикографическому отделу народные слова, которых нет в существующих словарях сербского и хорватского языка. Судя по тексту «Руководства», которое представляет собой конкретную реализацию теории о лексическом расслоении языка, от собирателей требовалось слово локализовать, обработать и отнести к определенной понятийно-семантической области. Одновременно внутри самого Отдела по тому же принципу собираются и определяются слова из литературных произведений, научных исследований, опубликованных терминологических списков, двуязычных словарей и других типов текстов.

3.4. Сам текст «Руководства по сбору слов» состоит из двух подглав: «Общие замечания» и «Слова по группам предметов и явлений». В «Общих замечаниях» собирателям даны напутствия по технической обработке народных слов — пожелание вместе со словом приводить данные о месте, где слово было записано, его ударении, грамматических формах и диалектных особенностях. Поскольку от собирателя категорично требуется, чтобы «он точно описал и истолковал предметное, переносное или абстрактное значение» каждого слова, в части «Руководства» под названием «Слова по группам предметов и явлений» описано 99 семантических классов явлений (с рядом подклассов), в рамки которых, ориентируясь на общее значение, собиратели должны распределить все записанные слова.

3.4.1. Упомянутые семантические классы, многие из которых и до сегодняшнего дня, остались благодатной темой для семантических исследований, приводятся не наугад, но в известном концентрическом порядке, имеющем цель отразить всю полноту народной жизни во всех ее проявлениях. Таким образом, внимание собирателей направляется на следующие группы слов: «климат и времена года»; «менее известные названия минералов»; «метафоры, фигуры и народные выражения, взятые из мира минералов, например: ‘Није све злато што се сија’ (Не все то золото, что блестит)»; затем «части растений (деревьев) и части этих частей», «вторичные производные древесины (древесный уголь, деготь/смола и др.)»; «виды и сорта фруктов», «прививка растений», «посадка и выращивание»; «сорта винограда» и «сорта вина»; «виды и сорта пшеницы и других посевов», «метафоры, фигуры и народные выражения, взятые из мира расте-

ний, например: 'Здрав као дрен' (букв. «Здоров, как кизил» = «Здоров, как бык»); 'Драги ми је као лук очима' (Дорог мне, как лук глазам)»; далее «слова, которые употребляются в скотоводстве вообще», например, «имена, которые дают пастухи скотине»; «имена, которыми прозывают медведя, волка, лисицу, оленя, лань и т. д.». От собирателя также требовались и слова, связанные с «плотницкой работой и инструментами», «разными видами оружия и их частей»; далее названия «человеческих жилищ (хижина, дом, каменный дом и т. д.)» и «их частей (комната, стена, дверь и т. д.)»; также «отдельных частей тела человека и животного»; слова, связанные со многими видами интеллектуальной и духовной жизни народа: «необычные названия для чувственного восприятия», «разного вида ощущений», «мысленные (абстрактные) понятия (ум, разум, ум, дух, сознание, желание, воля и т. д.)», и многие другие группы понятий (Иванић–Ђорђевић 1899, 5–13).

3.4.2. На основе приведенного фрагмента видно, что теория Новаковича, которая реализована в «Обращении и руководстве», восходит к утверждению, что в центре языковой системы находится понятие, вокруг которого группируются его лексические вариации (метафоры, выражения, поговорки и др.). Основной принцип этой классификации, как и языкового расслоения, — семантический. Соединив концепцию социо-культурных слоев сербского языка с представлением о семантической организации во всей глубине его понятийного расслоения, авторы «Обращения и руководства» сделали значительный шаг вперед — от теоретической концепции формирования словарного корпуса к концепции его тематической организации и итоговой лексикографической обработке.

Собрания народных слов и их влияние на методологию словарной работы

3.5. Непосредственно после выхода из печати «Обращения и руководства», количество присылаемых в Академию собраний слов значительно увеличилось. В том же 1899 г. Лексикографический отдел пополнился 352 964 словами, так что в первом десятилетии XX в. Академия располагала более чем 180 собраниями из разных регионов бытования штокавского наречия.

3.6. Собрания народных слов, которые были присланы в Отдел в первом десятилетии XX в. как ответ на «Обращение и руководство», дали не только картину тематических областей реализации народного языка в отдельных ареалах, но и прекрасное понимание того, какую лингвистическую информацию должна содержать современная лексикографическая статья. Во время проникновения структуралистской парадигмы в лингвистику, эти собрания слов являли собой первую (и единственную) попытку анализа лексического корпуса, первое прояснение языковой материи, первый шаг к лексикографической обработке языка.

3.6.1. Так, например, сербский писатель Йован Йованович Змай своим объемным собранием из более 8.000 слов, посвященным языковому творчеству, обратил внимание на то, что созданию новых слов, особенно словосложениям, в толковом словаре необходимо уделить пристальное внимание и выработать для них особый тип дефиниций. В отличие от большинства других собирателей народных слов для Словаря САНУ, которые были привязаны к лексике отдельных ареалов, Змай приводил слова, являющиеся произведением индивидуального языкового творчества (например, **додуварити**: «прижать кого-л. к стенке (**дувар**), вынудить»; **берићетник**: «счастливый человек»; **мимо-свет**: «человек, который ведет себя иначе, чем остальные»; **босоглав**: «лысый» и сл.). Своим объемным собранием Змай обратил внимание на то, что народная лексика долж-

на представлять не только лексическую базу говора одной территориально ограниченной целостности, но и манифестацию языкового творчества говорящего в различных коммуникативных ситуациях.

3.6.2. С другой стороны, собрание около 20 000 слов из Старой Черногории Андрия Йовичевича обогатило методологию лексикографического анализа тем, что впервые обратило внимание на специфические аспекты словообразования, например, образование отглагольных существительных (*азуравање, алакање, баречење, бацигање, вавукање, воскање, гаркање, гилићање, главобољање, насаврдавање, ћефљење, шушкорене* и др.); или глаголов совершенного и несовершенного вида (*бестимати, брецнути, миждјети, накобечити се, облизнути, омргинити се, осекнути се, проишкорити* и др.). Помимо этого, в собрании А. Йовичевича представлено и богатство диалектных вариантов (*аирли – хаирли; казивати – кажевати; каштигати – кастигати*); до того момента незафиксированные префиксальные формы (*накужевати – скужевати*); а также и различные диалектные варианты служебных слов, например, междометий (*боф, бофа, боха*).

3.6.3. Однако из «внештатных» сотрудников Отдела наибольший вклад в Академический словарь внес Владан Арсениевич, преподаватель Себской учительской школы. В течение последних тридцати лет жизни Арсениевич собрал и обработал (акцентологически, морфологически и семантически) более 250 000 слов, которые организовал в несколько тематических сборников (животные, растения, минералы, метеорологические явления, мифологические представления и т. д.). На основе этого лексикографического опыта, В. Арсениевич разработал и методологию работы над словарем, которая в своих основных чертах, была внедрена в методологию работы над Словарем САНУ.

а. Арсениевич в значительной мере уточнил и на практике воплотил теоретические положения Новаковича — тем, что указал на все *языковые* элементы тематической организации лексикона. Так, под одним понятием (например, *језик*) в его сборнике находятся: производные слова (*језичак, језичина, језичница, језиковати*); пословицы (*Једна глава, хиљада језика*); поговорки (*стоји ми наврх језика*); народные песни (*Ој ти зрно шенично! / Ти не буди језично, / Па ћеш бити честито; / Ако л' будеш језично, / Не ћеш бити честито!*); синонимические понятия (*језичак=реса*); части других понятийных аппаратов: *језичац=клатно=звечак* и т. п.

б. Кроме того, члены авторского коллектива Словаря САНУ и сейчас ценят Арсениевича за исключительную скупуплезность. Многочисленные технические решения, которые используются в оформлении словарной статьи, также появились благодаря его собранию: приведение лексических дублетов в словарной статье (например, *корњача = чанчара*), представление фразем как особых лексических единиц, обработка служебных слов, лексики диалектного происхождения и др.

3.6.4. Собраным материалом, как и методологией его обработки, упомянутые (а также и многие другие) собрания народных слов существенно повлияли на представления о языке, которые выработали члены Лексикографического отдела в первой половине XX века.

«Пробный том» Словаря Сербской академии (1913)

3.7. На основе сделанного во втором десятилетии XX века Отдел приступил к выпуску Пробного тома «Сербского словаря литературного и народного языка», опубликованного в 1913 г. В качестве автора указывается М. Иванич.

3.7.1. Пробный том Словаря САНУ 1913 года представляет собой обобщение тех достижений, которые, без полностью оформленного аналитического аппарата, были сделаны в ходе его выпуска. Во-первых, оформлена и указана в заглавии широкая концептуальная база представленного в Словаре языка, включающая наследие предыдущей эпохи: этим в известной степени определяется и название самого Словаря; качественно и количественно дополнены корпусы «сербского литературного и профессионального языка», а также «чисто народных слов»; для большей полноты материала в него «с осторожностью и осмотрительностью» введены первые хорватские писатели. Таким образом, создана общая концепция «современного литературного и народного языка», лексикографическая обработка которого представлена в Пробном томе.

3.7.2. Эту концепцию, помимо прочего, подтверждает и отдельно приведенный обзор источников материала. Из обзора узнаем, что основу материала для Пробного тома Словаря составили около 110 библиографических единиц и собраний слов, которые в основном относятся ко времени между 1840 и 1910 гг. Материал содержит многочисленные отсылки: сборники народных слов, народного творчества, песен и сказок; затем драмы, прозаические произведения, романы; научные исследования (этнографические, исторические, педагогические, религиозные, философские, географические, математические и другие произведения); законы и другие государственные документы; словари; журналы, календари и прочие периодические издания.

3.7.3. Словарная статья в Пробном томе осмыслена согласно гриммовским принципам словарной обработки, за тем исключением, что в дефиниции используются сербские, а не немецкие или латинские слова. В словарной статье, помимо этимологических, приводятся и синтаксическо-стилистические, а также прагматические экспликации значения. Принцип дефинирования лексем, между тем, не унифицирован, варьируется от лексемы к лексеме, благодаря чему, по авторским словам, испробуются различные лексикографические методы обработки слов.

3.8. Благодаря работе с «внештатными» сотрудниками, а также последовательному применению принципов Новаковича при сборе и обработке слов, этот период лексикографической работы Академии оказался отмечен большим притоком лексического материала и многочисленными методологическими решениями по его обработке, которая подготовила почву для будущей, структуралистской обработки языка в описательном словаре.

4. Четвертый этап (1921–1941)

4.1.1. Четвертый этап исторического развития современной сербской лексикографии охватывает время между двух мировых войн. Этот период отмечен трудами Александра Белича по соотносению концептуальной и методологической основы Словаря САНУ с современными лингвистическими принципами лексикографии.

4.1.2. Период между 1921 г., когда начинается деятельность А. Белича в Лексикографическом отделе, и 1941 г., когда в Европе начинается Вторая мировая война, связывается с самой активной лексикографической и вообще лингвистической деятельностью Белича. Развиваясь как лингвист структурно-феноменологического направления (на что, главным образом, повлияло участие в Словаре САНУ), в упомянутый период А. Белич окончательно оформил концепцию словаря и определил основные направления совре-

менной методологии работы над ним. Кроме того, А. Белич, благодаря новому подходу к лексическому материалу и принципам его обработки, определил место Словаря САНУ в сербской культуре, придав ему статус языковой оси, направляющей литературный язык современного штокавского коммуникативного пространства.

Александр Белич и современная сербская лексикография

4.2.1. В истории сербской и европейской лингвистики А. Белич является ученым, который достиг значительных результатов в диалектологии, сравнительной славянской лингвистике, истории языка, грамматике, теории языковой системы (общем языкознании) и других областях. По этой причине А. Белич считается основателем современных исследований в области многих из упомянутых научных дисциплин.

4.2.2. Между тем, в области, которой посвящено более пяти десятилетий непрерывного труда и в которую он внес самый весомый вклад — в лексикографии — Белич, как правило, не упоминается или упоминается лишь изредка как родоначальник современного метода. Поскольку лексикографическая работа всегда считается коллективной, в которой авторство, в особенности авторство идей, спорно, упоминание Белича как первого сербского современного лексикографа-практика проистекает из невозможности изолировать его работу в этой сфере и изучить отдельно. И кроме того, хотя лексикографическая мысль А. Белича мотивировала и организовывала вокруг себя чуть ли не большую часть его лингвистических идей — начиная от представлений о языковой концепции и до идей о языковой природе и языковом развитии, и с ней была связана значительная часть его жизни (с 1906 г. и до самой смерти), — большинство лексикографических работ Белича, размышлений и текстов, которые он посвятил этой проблеме — осталось неопубликованными, в рукописях, чаще всего в виде редакторских помет на полях первых томов Словаря САНУ.

4.2.3. При этом в работах о Беличе как ученом и его лингвистических идеях, обычно опускается из вида то, что и в других областях науки он опирался на лексикографию. Представляя А. Белича как лексикографа, можно сделать вывод, что во время подготовительных работ к выпуску Словаря САНУ, он осмыслил и системные языковые проблемы, проверил многочисленные теоретические положения (например, о словообразовании), совершенствовался как диалектолог, увидел значение филологических исследований для лингвистического анализа. Следовательно, можно сделать вывод, что лексикография и лексикология, как и их пограничные области (грамматика, синтаксис, диалектология) являются самыми важными сферами лингвистической деятельности Белича и главным источником его знаний о языке.

4.2.4. Согласно изложенному, работа Белича в области сербской лексикографии, прежде всего, над концептуальными и методологическими основами Словаря САНУ, имеет важное значение не только для истории новейшей сербской лексикографии, но и для истории новейшей сербской лингвистики в целом.

Книга Белича «Сербия и южнославянский вопрос» («Србија и јужнословенско питање») (1915) как концептуальная основа Словаря САНУ

4.3.1. Хотя начало работы Белича над Словарем САНУ относится к 1906 г. (когда одновременно он был избран членом Сербской академии наук и секретарем Лексикографического отдела), его первые размышления по теории лексикографии находим в

1915 г., в тексте книги «Сербия и южнославянский вопрос». Произведение издано во время Первой мировой войны (в Сербии еще шли бои), в Нише, как отдельное издание и рукопись. Здесь Белич излагает мысли о языковом единстве штокавских говоров, которые, в форме лексикографического концепта, легли в основу Словаря САНУ.

4.3.2. Ядро этой книги Белича посвящено языковым вопросам, решение которых помогает выработать лексикографические принципы. Как таковая, книга «Сербия и южнославянский вопрос» опирается на Послание Новаковича 1888 года. В Предисловии А. Белич напоминает, что книга написана как «плод насущных нужд»: «в основе этого произведения находятся авторские взгляды, которых он придерживается в южнославянских вопросах уже много лет» (Предисловие. С. 3). Из этого можем заключить, что его работа в Лексикографическом отделе в первом десятилетии XX в. была посвящена именно историко-филологическим основам Академического словаря.

4.3.3. В книге «Сербия и южнославянский вопрос» А. Белич сознательно выделяет два положения: о языковом единстве сербохорватского языка и литературно-культурных движениях, которые являются основой этого единства.

а. Ссылаясь на тот факт, что Словарь JAZU как исторический словарь «хорватского или сербского языка» написан на материале церковных памятников Рашки (историческая область на юго-западе Сербии. — прим. перев.), грамот и писем сербских властителей, на основе совокупной литературы Дубровника и Далмации, народных произведений всех территорий бытования штокавского наречия, — А. Белич делает вывод, что «составители этого словаря, так же, как и его издатель, его духовный патрон, Югославянская Академия, считали хорватский язык идентичным сербскому». Само название «сербохорватский язык», согласно Беличу, не исключает полицентризма: он утверждает, что его исторически могут составлять и штокавское, и чакавское наречия, но различия между ними сейчас утрачены (в пользу штокавского). Если рассмотреть соотношение сербохорватского языка с другими южнославянскими языками, станет понятным, что для дальнейшего его деления нет никакого основания (Белић 1915 [1999], 14–15): «(То, что) ... название хорватский значит и сербский, и наоборот, подтверждается и при “микроскопическом” научном анализе. Возводя сегодняшние языковые особенности к древним, убирая все, что представляет естественное, в лингвистическом смысле, развитие более древних черт, доходим до одного источника, из которого вытекли оба языковых потока: и штокавский, и чакавский. Поскольку штокавским диалектом говорят хорваты и сербы, а чакавским только хорваты, **я названием сербохорватский язык обозначаю не штокавско-чакавские диалекты, а единый по происхождению язык, на современных диалектах которого говорят те, кто называет себя сербами и хорватами**» (выделено мною. — Н. И.).

б. Согласно этой точке зрения, сербохорватский язык охватывает три наречия. Первый, по географическому положению, **восточный говор** употребляется в большей части северной Сербии: этот говор, особенно своей центральной, шумадийской частью, охватывает Срем, Бачку и Банат. Таким образом, эти сербские земли по своей языковой формации составляют одно целое с северозападной Сербией от Моравы до Дрины (стр. 22). Вторая группа — еще большая, хотя и не столь компактная, как первая. Это **южная диалектная группа**. Она включает юго-западную часть Сербии до больших гор от Цера и Рудника и до рек Гружи и Ибра. Этот диалект занимает компактную область

древнего Новопазарского Санджака, Черногорию и часть Боснии, Герцеговины и Далмации до рек Босны и Неретвы. Наконец, на западе Боснии и Герцеговины — колыбель третьей, **западной**, модификации верхнего сербохорватского диалекта. И носители этого диалекта, по тем же причинам, что и представители южного, переместились в Славонию, Хорватию и Далмацию (С. 23).

в. Отдельное внимание в книге «Сербия и южнославянский вопрос» А. Белич уделяет описанию единого литературно-культурного пространства таким образом очерченного языка. Становление этого единого пространства совпадает с культурным усилением Белграда, который в середине XIX в. становится политическим центром свободного княжества Сербии и начинает доминировать как центр литературы всей штокавской области. Наибольший вклад в этот процесс внесло литературное объединение, возникшее вокруг журнала “Словенски Југ” и “Српски књижевни гласник”, а также вокруг южнославянских выставок. Национальные институты (Музей, Библиотека, Университет) превращаются в институты по изучению культуры Балкан и сильные национальные центры. За основу и стандарт формируемого литературного языка берется экавское наречие (С. 30–44).

4.3.4. Таким образом, Словарь Сербской академии наук концептуально представлен как словарь единого, сербохорватского языка, который в стилистическом, акцентологическом и другом смысле централизуется вокруг Београдского культурно-языкового круга.

Работа А. Белича над Словарем САНУ в 1921–1941 гг.

4.4.1. С текстом *Сербия и южнославянский вопрос* в А. Беличе созревает та сила, которая будет подталкивать его к тому, чтобы предложить создание словаря на ранее разработанных методологических и культурологических принципах.

4.4.2. Случай представляется в 1921 г., когда Президиум Академии наук направляет ему приглашение изложить свой взгляд на текущую и дальнейшую деятельность Лексикографического отдела. Белич использует этот случай, чтобы направить в Президиум Академии предложение с программой последующих работ над Словарем САНУ. Из Академического Ежегодника (Годишњак) за 1921 год узнаем, что предложение было принято: руководство работами над Словарем Академия доверила своему члену А. Беличу; в Лексикографический комитет вошли также Р. Кошутич и Х. Барич (Годишњак 1922, 223).

4.4.3. После просмотра словарного архива было решено, что нельзя приступать к выпуску словаря без приведения в порядок материала, его пополнения из произведений современной литературы, терминологических словарей, а также новых собраний народных слов. Поэтому в качестве одной из первых задач перед обновленным Лексикографическим отделом, А. Белич поставил просмотр собранного материала и его упорядочение согласно утвержденным принципам.

4.4.4. Об основополагающих принципах сбора материала, как и проекте Словаря САНУ, в этот период, можем узнать из статьи Белича «Литературный сербохорватский язык» (“Књижевни језик српскохрватски”) в Сербско-Хорватско-Словенской энциклопедии С. Станоевича (“Енциклопедија српско-хрватско-словеначка” С. Станојевића). В этой статье Белич резюмирует внутренние закономерности литературного языка, на ко-

торые в то время ориентируются и собиратели материала для Словаря САНУ: язык следует принципу «общей правильности форм и звуков» в тех границах, которые определил Вук; из церковного языка в современный слова могут войти только в случае, если отвечают фонетическим, морфологическим и словообразовательным его законам: *конац*, *начело* и др.; новые слова, особенно терминология, не должны создаваться наугад (за недостатком лучшего, эту роль могут брать на себя заимствованные слова); турецкие и другие иноязычные слова, которые народ привнес в язык, могут «изгоняться» из языка, только если им есть хорошая народная замена. Для дальнейших работ над Словарем САНУ исключительно важна констатация того, что народный язык остается основой обогащения литературного, с той оговоркой, что региональные слова могут стать общелитературными, лишь когда большинство писателей использует их в своем творчестве (Белић 1925, 348).

4.5.1. В Лексикографическом отделе под руководством Белича на протяжении второго и третьего десятилетия 20 века идет интенсивная работа по сбору и обработке слов по изложенным принципам. Из отчета о работе Лексикографического отдела этого времени узнаем, что каждый год записывается, исправляется и упорядочивается от 50 000 до 200 000 карточек. Одновременно определяются и общие методологические принципы лексикографической обработки языка.

4.5.2. Основу лексикографической концепции Белича в 1921–1941 гг. составляет переход от теоретических положений о виде и функциях словаря к практическим принципам словарной работы. В связи с этим А. Белич строил свою работу над Словарем на двух группах научных принципов: концептуальном (касается общей природы и структуры языка, который лежит в основе толкового словаря) и методологическом (способ обработки этого языка в словарной статье).

а. В *концептуальном плане* Белич, учитывая исторические представления об употреблении единого литературного языка на территории бытования штокавского наречия, дополнил материал Словаря САНУ объемным корпусом современных хорватских писателей, которые, во времена от Илирийского движения до новейшего периода, руководствовались в своих произведениях принципами Вука Караджича. Этим значительно расширена и дополнена культурная основа Словаря САНУ, а его название, в соответствии с этим, изменено на словарь *сербохорватского* языка. Также Белич установил принцип, в соответствии с которым в задуманном словаре необходимо обрабатывать все слова, которые укоренились в современном литературном и народном языке новой эпохи — благодаря этому из сербской лексикографии был вытеснен принцип языкового пуризма и открыт путь обработке усвоенных заимствований, жаргонизмов, разговорных слов и других типов лексики.

б. В *методологическом плане* А. Белич в качестве приоритетного развивал **феноменологический принцип** анализа и обработки материала. Это подразумевает, что материал сам должен показать внутренние закономерности языка, без того, чтобы ему навязывали ранее истолкованные лингвистические контексты. Тем самым был установлен один из основных современных принципов работы над Словарем САНУ.

в. В соответствии с этим, Белич выделил три особых типа лексикографических работ, которые, взятые воедино, составляют основу современной обработки языка в толковом словаре. Первый тип работ связан с определением *всех грамматических деталей, которые присущи определенным словам*: их склонения, ударения, литературных

форм, словообразовательного типа и т. д. Второй тип работ связан с *определением значения и особенностей семантико-синтаксического и прагматического употребления слова*. И наконец, третий тип работ связан с *унификацией всех лексикографических действий в систему правил по обработке словарного материала*.

4.5.3. Наконец, в 1937 г., на основе 2 184 395 записей из 595 090 источников (книги, собрания слов, множество газет и журналов и др.) А. Белич объявляет об окончательной редакции и публикации словаря литературного и народного языка в 6–8 книгах объема Словаря Вука (около 350 000 слов). Таким образом задуманный словарь основан на следующих филолого-лингвистических принципах:

а. Словарь Академии охватывает литературный язык от реформы В. Караджича, а также народный язык, который служит в качестве дополнения.

б. Словарь сам по себе не может быть нормативным. Он отражает *состояние языка* от Вука Караджича и Людевита Гая в том виде, как он представлен в нашей литературе.

в. Словарь не только показывает развитие языка, но и служит средством понимания литературы и других письменных текстов.

г. Хотя словарь не нормативен, его составители ставят перед собой задачу выстроить иерархию в лексической системе, показав, какие из слов, синтаксических и фразеологических конструкций и оборотов неправильны, что противоречит духу нашего родного языка, а что без нужды заимствовано и т. д. (Белић 1937, 130–131).

* * *

4.6. Благодаря реализации ряда прогрессивных идей о языковой природе и развитии, А. Белич утвердил сербскую современную лексикографию как самостоятельную практическую дисциплину, «огражденную» от влияния позитивистских школ XIX века и их метода языкового анализа, и создал основу Словаря САНУ как современного лексикографического произведения. Лексикографическая работа первой половины XX в. не ограничивает научный портрет Белича, но проясняет генезис его идей, которые со временем развились в многочисленные и разнообразные научные концепции и представления.

5. Пятый этап (1941–1944)

5.1. Пятый этап исторического развития современной сербской лексикографии охватывает период Второй мировой войны и Сербии под оккупацией. В это время окончательно оформляются две группы принципов, которые делают Словарь САНУ современным лексикографическим произведением: принципы организации словарного корпуса; и принципы, на основе которых при последовательном использовании лингвистических методов оформляются словарные статьи. Как результат упомянутого этапа в первый раз в современной сербской у лексикографии появляется полностью формализованная система выпуска толковых словарей, на основе которой во второй половине XX в. помимо Словаря САНУ создаются и другие одноязычные словари из области штокавского наречия.

Работа в лексикографическом отделе во время Второй мировой войны

5.2. По сравнению с лексической концепцией Словаря САНУ как лексикографического произведения, которое охватывает говоры штокавского наречия и объединяет их в одном литературном идиоме, — период между 1941 и 1944 гг. приводит к регрессу

упомянутых принципов. По крайней мере, на фоне изменения культурно-политического климата Сербии под Оккупацией — культивированием антиюгославянских тенденций — концепция Словаря САНУ возвращается к «классическому сербскому языку», в центре которого стоит язык Вука и Негоша.

5.3.1. В таких обстоятельствах Академии стало ясно, что вокруг выпуска Словаря как крупнейшего национального проекта XX века будет вестись решающая битва, которая своим исходом определит направление культурной политики Сербии в последующие годы. Существовало общее соглашение, что Словарь САНУ в таком виде (как «словарь классического сербского языка») не должен выйти до конца войны, чтобы не усилить культурные амбиции временной власти и тем самым, на уровне самых высоких научных учреждений Сербии, не подорвать представление о единстве южнославянских народов и едином языке на территории распространения штокавского наречия.

5.3.2. Из этих соображений вместо Словаря Сербской академии (о чем скором в выходе А. Белич сообщал еще в 1937 г.) работа в Лексикографическом отделе в период Оккупации сводится к подготовке пробного тома Словаря. В ходе работы над Пробным томом сотрудники прибегают к постоянным ревизиям лексикографической работы: консультациям с внешними сотрудниками, новым собраниям материала, исследованиям ударения и др., которые продолжались без малого четыре года.

5.3.3. Благодаря такой, тенденциозно замедленной и детальной работе, Пробный том Словаря САНУ вышел из печати только осенью 1944 года, непосредственно перед Освобождением: тогда он больше не имел политической пользы, лишь научную. Одновременно, за четыре года в Лексикографическом отделе были завершены технические работы, которые продолжились и после освобождения: унифицирована и систематизирована лексикографическая обработка, выработан точный проект словарной статьи, замечены и исправлены многие из пропущенных ранее ошибок.

«Опыт Словаря сербского литературного и народного языка» (“Оглед Речника српског књижевног и народног језика”, 1944) и его влияние на развитие современной лексикографии

5.4.1. Новую и «совершенно лингвистическую» концепцию «Опыта Словаря сербского литературного и народного языка» 1944 года его авторы (Хенрик Барич, Милош Московлевич, Радосав Бошкович, Кирил Тарановски) изложили во Введении, где в качестве своей основной задачи поставили реформирование двух групп принципов: принципа формирования корпуса Словаря и принципа лексикографической организации этого корпуса.

5.4.2. Принципы организации словарного корпуса, которым в Опыте 1944 года посвящено особое внимание, изложены как ряд формальных критериев оформления и упорядочения словарного материала: одни определяют организацию материала в функциональном аспекте; другие касаются принципов, на основе которых, с помощью последовательного использования научной методологии, оформляются единицы лексической системы. Иначе, в Опыте 1944 года одинаковое внимание уделено и общей природе языка в сложном соотношении его литературного и народного идиомов, на чем базируется лексикографический концепт предыдущей эпохи; и его внутренней структуре, фундаментальное исследование которой приводит к теории леммного состава Словаря. Учитывая всесторонность научной методологии, изложенной в Опыте, не удивительно,

что оба эти принципа, в виде формальных правил, встроились в базовые принципы, на которых основана обработка словарного материала в наше время.

5.5. В Опыте 1944 года, принципы формирования и организации словарного корпуса изложены по следующим пунктам:

5.5.1. Словарные материалы, на основе которых подготовлен Опыт, согласно утверждениям его авторов, ограничены тремя принципами: *фактический, исторический и лингвистический*.

а. Задача *фактического ограничения словарного материала*, с учетом, что он базируется на довольно широкой основе, — системно и формально соотнести этот материал с самим языком. Фактическому ограничению наша современная лексикография обязана одним из своих основных принципов: того, чего нет в словарном корпусе, нет и в самом языке, который Словарь представляет. Между тем, в отличие от языковой системы, которая практически не ограничена, материал для Словаря, из-за его ограниченного объема, необходимо «культивировать», а именно, отбирать по способности иллюстрировать различные языковые явления. Это означает, что в словарный корпус необходимо включать лучшие, с лингвистической точки зрения самые интересные, а не только очевидные примеры.

б. В вопросе *исторического ограничения материала*, который входит в состав Словаря, авторы Опыта согласны с мнением Новаковича: Словарь должен содержать только язык нашей новой литературы, от Досифея до современных дней. В то же время задача Словаря — как можно полнее представить этот язык, его «литературный, поэтический, разговорный, официально-деловой, научный, профессиональный и публицистический стиль» (С. Х).

в. Весь оставшийся материал, по словам авторов Опыта, рассмотрен через призму концепции женеvской лингвистической школы — это значит, что из него путем лингвистической фильтрации выделено только то, что входит в **языковую систему** (*langue*). Это, прежде всего, предполагает определение статуса гапаксов (индивидуальное употребление слова), которые были довольно многочисленны в собранном материале. Согласно обоснованиям авторов Опыта, гапаксы не относятся к языку как к системе, но являются индивидуальными, «больше стилистическими, чем языковыми» образованиями, которые характеризуют **язык отдельного человека** (*parole*); и потому понятно, что эти слова не должны входить в Словарь, который представляет экспонент языковой системы.

5.5.2. В Опыте 1944 года подробно рассмотрены и некоторые проблемы формирования словника, которые представляли трудность как для собирателей материала для Словаря, так и для его обработчиков. Так, нелегко ответить на вопрос, могут ли производные, которые получены грамматическим варьированием мотивирующих слов (помимо отглагольных существительных или притяжательных прилагательных на **-ов** и **-ев**), получить статус отдельных статей (и, соответственно, свое место в словарном материале). Рассматривая этот вопрос, авторы Опыта пришли к выводу, что в языковой системе деривационная продуктивность обратно пропорциональна семантической продуктивности: то, что создается «легко, практически механически и без исключений» представляет собой не *языковое образование*, но *языковой потенциал*, который не следует включать ни в материал, ни в дальнейшую словарную работу.

5.5.3. Благодаря лингвистическим взглядам на язык как на упорядоченную систему элементов, с Опытом 1944 года сербская описательная лексикография начинает обращать внимание на то, что лексическая система составлена из ряда различных грамматических единиц, которые требуют особых подходов в лексикографической обработке. Одним из доказательств этого утверждения могло бы быть особо пристальное изучение типов фразем, научная фиксация и обработка которых является новшеством в сербской лексикографии. Фраземы в *Опыте* поделены на три группы: 1) выражения без буквального значения (*дићи кућу на главу, претурати по глави што*); и выражения одновременно с буквальным и переносным значением (*трљати главу, убити кога у главу*); 2) двусоставные выражения, термины, названия и др. («языковые этикетки»), которые могут быть заменены одним словом: *крунисана глава* и 3) двучленные синтагмы, чаще прилагательные и существительные, со сдвигом значения одного члена: прилагательного (*главни пријатељ, главни усев*), и соответственно, существительного (*водићи главну реч, у главним цртама*). Каждая из упомянутых групп семантически обработана своим особым способом.

5.5.4. В Опыте 1944 года представление об организации языка по семантическим полям, свойственное лексикографии XIX века, углубляется систематическим употреблением квалификаторов, представлениями о функционально-стилистической интерпретации слов. Помимо квалификаторов «литературное» и «разговорное», которые давно составляют основу такого членения, в Опыт теперь входят и пометы типа: неадаптированное, «устаревшее», «неологизм», «торжественное», «шутливое», «бранное» и др., благодаря чему совершенствуется функциональная организация материала. Употребление этих помет, уверяют авторы *Опыта*, «определяет как сферу, в которой отдельное слово имеет преимущественное право гражданства, так и стилистическую ценность слова в этой сфере» (С. XIX). В соответствии с этим, установлены и принципы словарного толкования как фиксации общего (основного) значения и дистинктивных значений слова.

* * *

5.6. Из всего изложенного видно огромное методологическое влияние Опыта Словаря САНУ 1944 года на формирование современной лексикографической статьи. В нем сделаны значительные шаги в определении и представлении материала: обнаружено и выделено различие между энциклопедической и лексикографической обработкой слова; определены все элементы словарной статьи и предложена их типичная обработка. По этой причине, принципы обработки материала, которую осуществили позднее, были приняты практически без изменений.

6. Шестой этап (1945–1953)

6.1. Последний, шестой этап подготовительных работ над Словарем САНУ отмечен возвращением А. Белича в Академию, завершением работ над Словарем и написанием «Руководства по словарной работе» и нового Пробного тома Словаря (1953).

6.2. Вопросу репрезентативности словарного материала с точки зрения современного языка в целом, решавшемуся на протяжении целого века подготовительных работ, подведен итог последним рядом интервенций в сложившиеся принципы лингвистической организации материала. С этого времени внимание лексикографов все больше устремляется на самую лексикографическую обработку — эта теоретико-методологическая

проблематика характерна для второй половины XX в.; а дополнения к материалу Словаря САНУ, хотя непрерывно продолжаются и до наших дней, только обогащают его корпус, не меняя ни центр тяжести, ни основ его организации.

6.3. Под влиянием Белича, в качестве центрального принципа лексикографического анализа в этот период принимается система комплексных, семантико-синтаксических принципов обработки материала. При этом формулируется важное замечание — изменение синтаксической конструкции или грамматической парадигмы слова должно интегрироваться в его словарную дефиницию. Таким образом совершаются первые шаги к систематизации полного языкового описания, которое представлено в Академическом словаре.

6.4. Кроме того, выпуск нового Пробного тома Словаря САНУ в 1953 г. требовал рассмотрения всех вопросов, связанных с образованием словника. С этой целью Авторский коллектив Словаря САНУ издает «Руководство по словарной работе», внутренний текст, в котором рассматриваются исключительно различные аспекты методологии лексикографической работы.

6.5. Все упомянутые принципы приводятся в Предисловии к Словарю САНУ (1959), статье Белича, которая резюмирует работу над этим Словарем в XX в. и дает обзор принципов, на основе которых выпущен его первый том.

7. Заключение

7.1. Как уже было сказано, все этапы работ над Словарем САНУ связывают общие филолого-лингвистические принципы, которые составляют основу современной лексикографической работы. Эти принципы выявляются через различные виды преемственности: концептуальной, методологической, культурологической и институциональной.

Концептуальный континуитет

7.2.1. Первый вид преемственности современной лексикографии связан с концепцией Словаря САНУ как произведения, которое, далекое от какой-либо навязанной или предполагаемой нормативности, возникает при осознании широкого функционального расслоения ткани языка: расслоения через языковые варианты, диалекты и временные этапы. В основе этого понимания лежит не-проскриптивное лингвистическое направление, свойственное синтетическому духу Гумбольтовской системы представлений.

7.2.2. Упомянутое направление работы обусловлено задачей, которая была поставлена перед Академическим словарем еще в 1853 г., — собрать как можно более разнообразный лексический материал из самых репрезентативных источников. Благодаря этому началась эволюция лексикографических представлений об общей природе и структуре языка, который должен стать основой будущего словаря. Начиная с конца XIX в. презентация лексического богатства языка базируется на представлении об организации собранного материала по семантическим полям, которые затем экстенсивно дефинируются. Другими словами, это сделало возможным эволюцию идеи о природе и развитии языка: она определила образ Словаря САНУ как лексикографического произведения, которое дает представление не только о языковых процессах и изменениях, но и языковом богатстве на всех стратификационных уровнях.

7.2.3. Выпуск современного толкового словаря начинается с осознания того, что языковая система не складывается из единиц одного ранга. Основное деление на исконные

и заимствованные слова, которое присутствует в исследованиях всех лексикографов, расширяется, и под влиянием новых представлений возникает метод жанровой, терминологической, региональной и диахронной оценки слов, которые входят в словарь.

Методологический континуитет

7.3.1. Второй вид преемственности современной лексикографии связан с определением общих лексикографо-методологических рамок создания Словаря как проблемы *принципов обработки языка*, который входит в состав большого толкового Словаря. Этот вопрос, который во второй половине XIX в. в своей переписке поставили С. Новакович и Дж. Даничич, со временем привел к развитию *методологии дефинирования* различных типов слов в словаре.

7.3.2. Методология обработки материала развивается как вопрос систематической обработки отдельных языковых явлений. Согласно этому, рассмотренная в своей исторической непрерывности, методология выпуска Словаря САНУ, параллельно с соответствующими взглядами на язык, со временем менялась по особому принципу подобно наслоению. Представления о природе лексического фонда и принципах его обработки не уничтожались, но наслаивались одно на другое (в широко понимаемых методологических рамках). Опираясь на работы своих предшественников, лексикографы смогли сформулировать большое количество лингвистических идей, которые в то время были практически непредставимы в сербской науке о языке. Таким образом, в истории выпуска Словаря САНУ практически нет методологических анахронизмов.

Континуитет культурологических границ Словаря

7.4.1. Третий вид континуитета современной лексикографии связан с определением общих культурологических границ, в которых возникает толковый словарь. Упомянутые рамки, в конечном счете, подразумевают понимание языкового единства штокавских говоров, которые благодаря Словарю САНУ получают свою институциональную опору.

7.4.2. Определение культурологических рамок Словаря САНУ приходится на конец XIX – начало XX в. Это время отмечено индустриальной революцией, экспансией различных областей языка, особенно в области лексики. Свою роль в этом процессе играют развитие литературы, военных наук, специальных областей и учебных материалов.

7.4.3. Указанные рамки в своей зрелой фазе (которая наступила после Первой мировой войны) определили развитие представлений об одном общем стилистическом и языковом центре, названном «белградский», который станет центром этого единства. Не случайно, что это представление сформировалось в начале XX в., в период развития белградского стиля. Таким образом, языковой узус Словаря САНУ (акцентологического, фонологического, лексического типа) оказался повернут к стандарту белградских литературных и сербских народных кругов.

7.4.4. С другой стороны, в этот период материал Словаря САНУ пополняется большим количеством сборников слов из различных ареалов бытования штокавского наречия. И здесь культурологические границы также сыграли важную роль: слова рассматриваются через фильтр литературного языка и таким образом происходит их развитие по отношению к стандарту.

Институциональный континуитет

7.5. Четвертый вид преемственности современной лексикографии связан с задачами института, в рамках которого Словарь САНУ формируется и издается. В соответствии с этим, на протяжении целого столетия подготовительных работ к изданию Словаря САНУ (чем в истории сербской лексикографии были отмечены вторая половина XIX и первая половина XX в.) несколько поколений сербских филологов и лингвистов всех эпох и направлений языковой науки, от позитивизма до структурализма, сконцентрировали свои научные интересы и профессиональные усилия на одной лексикографической работе: создании большого толкового словаря литературного и народного языка. Факт, что эта работа совершалась в рамках одной организации, Сербской академии наук, дает нам право утверждать, что развитие кодификации сербского языка в его главной фазе в значительной мере отмечено именно историческим развитием большого толкового Словаря САНУ.

Перевод К.В. Пьянковой

Литературу см. в оригинальной части (с. 196–198)

Майда МЕРШЕ
(Словения)

СЛОВЕНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛЕКСИКОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Введение

Обзору словенской лексикографии посвящен целый ряд работ, авторы которых подходили к рассмотрению словенских словарей с разных точек зрения (Breznik 1926; 1938; Novak 1970; Lukan 1978; Weiss 1997). В настоящей статье мы попытаемся представить целостную картину развития словенской лексикографии в прошлом и настоящем¹. Уже известные из других работ сведения о наиболее значимых для развития словенской лексикографии словарях дополнены новыми данными, полученными в результате изучения отдельных словарей и типов словарей.

1. Развитие словенской лексикографии до «Словаря словенского литературного языка» (1970–1991)

1.1. История словенской лексикографии тесно связана с историей словенского литературного языка, начало которого ознаменовано публикацией двух произведений Приможа Трубара. Словенские протестантские писатели как авторы первых словенских

---

¹ Словенская лексикография в последнее время нашла свое отражение в Польше, ср. (Ostromecka Frączak 2007). Исходя из собственного лексикографического опыта, автор особое внимание уделяет двуязычным словарям (польско-словенскому и словенско-польскому) (Ostromecka Frączak 2007: 129–149).

печатных книг, среди которых центральное место принадлежало библейским переводам, постоянно сталкивались с трудностями номинации, лексической недостаточностью словенского языка и проблемами перевода в целом. Потребность в практическом языковом пособии, связавшем бы в словарной форме между собой языки, с которыми протестантские писатели встречались как в повседневном общении, так и в своей переводческой деятельности, безусловно, была актуальной. О зарождении словарного дела в первые пятьдесят лет развития словенского литературного языка² свидетельствуют: 1) двадцать четыре пары латинско-словенских лексических соответствий в «Детской библии» Себастьяна Креля («*Otrozhia Biblia*», 1566) типа: *Deus* *Bog*; 2) написанный Адамом Бохоричем для школьных нужд, а позже утраченный латинско-немецко-словенский словарь «*Nomenclatura trium linguarum*»; 3) списки слов на нескольких языках в грамматике Адама Бохорича, иллюстрирующие типы склонения и спряжения³; 4) лексический регистр — приложение к переводу Пятикнижия Юрия Далматина (1578), а также регистр к Библии Юрия Далматина⁴, содержащий перечень краньских и, соответственно, литературных слов с их инодиалектными эквивалентами; 5) синонимичные пары слов, а также несколько примеров толкования слов, содержащиеся в предметных указателях к некоторым протестантским книгам.

1.1.1. Первым большим многоязычным словарем, включающим словенский язык, был немецко-латинско-словенско-итальянский словарь «*Dictionarivm qvatvor lingvarvm*» 1592 г. немецкого ученого и лексикографа Иеронима Мегисера. Хотя словенский язык выступает в этом словаре только в роли языка-эквивалента, важно то, что выбор представленных в словаре языков ограничивается именно теми языками, которыми пользовались образованные люди в словенских землях.

В 1603 г. вышел второй лексикографический труд того же автора, включающий в себя целый ряд языков, диалектов и говоров. Поскольку количество лексических единиц в нем значительно возросло, словенский язык здесь занимает видное место по сравнению с другими славянскими языками и словарем 1592 г.⁵ Это «*Thefaurus Polyglottus: Dictionarium Multilingue*». Мегисер в первый, а за ним и во второй словарь включил словенскую лексику из регистра к Библии Далматина и из списков слов в грамматике Бохорича. Он учел также общепотребительную лексику, включив в том числе слова, не отмеченные в книжных изданиях XVI в., например, для обозначения реалий, не упоминаемых в библейских переводах, так как они относятся к иной природной, культурной и исторической среде (Merše 2006).

1.2. Следующим словарем со словенской лексикой был итальянско-словенский словарь «*Vocabolario Italiano, e Schiauo*»⁶. Его в 1607 г. в Ундине (Видеме) издал патер

² Подробнее о начале словенской лексикографии см.: (Stabej 1967; Lukan 1978: 193; Novak 1988; Gjurin 1986 и др.).

³ Ср.: (Ahačić 2006: 143).

⁴ Регистр 1578 г. содержит 205 слов (Stabej 1967: 185), а регистр к Библии Далматина 1584 г. — 754 слова (Gjurin 1984: 185).

⁵ Стабей, меняя местами язык заглавного слова и переводного эквивалента, нашел 10 445 новых употреблений словенских слов по сравнению со словарем 1592 г. (Stabej 1977: XXIII). Следующий перевернутый словарь, подготовленный Аннелис Легрейд, указывает 4674 заглавных слова и 275 отсылки (Lägreid 1967: XVII).

⁶ Легиша (1979) указывает, что в словаре 2617 итальянских заглавных слов и 2841 словенский эквивалент. Словарные статьи простые, например: *amare* *lubit*.

Грегорио Аласиа да Соммарипа. Этот словарь относится уже к постпротестантскому периоду. Несмотря на то что автор лично знал Мегисера и использовал его словари, в этом словаре нет явной опоры на протестантские нормы литературного языка, и вписаться в центральнословенскую лексикографическую традицию ему не удалось. Как словарь, отражающий практические нужды в двуязычной среде, он не утратил своего интереса для истории лексикографии.

1.3. О том, что труды по созданию словарей продолжались также в XVII и в первой половине XVIII века, свидетельствуют три сохранившихся рукописных словаря. Ко второй половине XVII в. относится «Kranjsko besedishe pisanò» (словенско-немецко-латинский словарь). В этом словаре лексика, отобранная из словаря Мегисера, дополнена лексическим материалом, собранным в Гореньской (Верхней Крайне), откуда был родом анонимный автор (Orel 2006).

Автором второго рукописного словаря, сохранившегося только в списках, был священник Матия Кастелец (1620–1688). Рукописный латинско-словенский словарь Матии Кастелеца побудил патера Грегора Воренеца (1569/60–1730) записывать словенские слова в латинско-немецкий словарь Дасиподи 1592 г.⁷ Он использовал его в качестве основы при подготовке дополненной версии латинско-словенского словаря. Установить, какая часть лексики принадлежит именно ему, невозможно, поскольку оригинал словаря Матии Кастелеца утрачен (Stabej 1997: 569). Словарь демонстрирует индивидуальные особенности графики и орфографии. Представленная в нем лексика указывает на учет словарей Мегисера, хорватско-латинского словаря Хабделича, а также материала различных диалектов.

Вслед за словарем Кастелеца-Воренеца появляется весьма обширный рукописный словарь, составленный Янезом Адамом Гайгером, или отцом Иполитом (1667–1722). Немецко-словенско-латинский словарь под названием «Dictionarium trilingue», который был закончен в 1711–1712 гг., был одновременно и самым большим словенским рукописным словарем⁸. Иполит взял за основу латинско-немецкий и немецко-латинский словарь Йоханеса Фрисиуса (1709). Лексический материал он черпал из старых словарей, живой речи, а также сам создавал новые слова. Из словаря видно, что Иполит был хорошим знатоком словенского языка. Словари Кастелеца-Воренеца и Иполита отличаются от предшествующих большей семантической дифференцированностью словарных статей, расширением числа словенских эквивалентов и синонимических рядов⁹.

1.4. В то время как стечение обстоятельств помешало изданию словаря Кастелеца-Воренеца и словаря Иполита, словарь Мегисера 1592 г. был переиздан в 1744 г. в значительно расширенном виде¹⁰. Его издали корошские (каринтийские) иезуиты. Дополнения к словарю — заслуга Антона Миклауза, проповедника из Железной Капли. По сравнению с изданием 1592 г. в этой версии словаря много изменений в ряду переводных эквивалентов: отдельные лексические единицы заменены, добавлены также новые эквиваленты. Синонимичные ряды переводных эквивалентов дополнены корошской (ка-

---

⁷ В него было вписано приблизительно 10 000 словенских слов (Stabej 1997: 568).

⁸ Стабей (1995: 565), который выписал всю словенскую лексику, указывает, что в словаре свыше 320 000 употреблений слов.

⁹ Ср. (Orel - Pogačnik 1991; Merše 1997: 27–35, особенно 32).

¹⁰ Корошское издание словаря 1744 г. включает 21 188 словенских слов (об этом см.: Läg Reid 1967: XVI; Orožen 1989: 121).

ринтийской) лексикой словенского и иностранного происхождения, идентифицировать которые можно по характерным фонетическим, морфологическим и словообразовательным чертам (Orožen 1989: 121–133).

1.5. В рукописи также остался немецко-словенский словарь «*Dictionarium Germanico-Slavonicum*», датированный 1760 г. Его составил капуцин Иван Антон Апостел (1711–1784), принявший в монастыре имя Бернард Мариборский. В словаре представлена богатая коллекция слов, словосочетаний, пословиц и фразеологизмов, почерпнутых преимущественно из штаерских (штирийских) и прекмурских говоров¹¹. Синонимические ряды указывают на соотношение литературных и диалектных эквивалентов (Jesenšek 2002b).

1.5.1. После словаря Апостела в словенской Штирии было опубликовано два словаря («*Enu Mala Besedishe*» Андрея Чебула в 1789 г.¹² и известный немецко-словенский и словенско-немецкий словарь Антона Мурко в 1833 г.), был составлен ряд неопубликованных словарей¹³ и несколько небольших несохранившихся словарных коллекций¹⁴, которые позже были включены в большие общесловенские словари (например, Цигале и Плетершника). Как словари, так и словарные коллекции содержат региональные черты, указывающие на их происхождение.

1.6. В 1781 г. вышел словарь Марко Похлина «*Tu malu besedishe treh jezikov*», в котором словенский язык выступает в качестве языка-источника¹⁵. Словарь занимает прочные позиции в истории словенской лексикографии, поскольку опирается на предшествующие словари (опубликованные и рукописные) и учтен также косвенно или прямо более поздними словарями. Как в языке самого Похлина, так и в его словаре отражены черты разговорного языка Любляны (там он родился) и ее окрестностей, в первую очередь, результаты редукции гласных. Кроме признаков разговорного языка, отличительной особенностью словаря Похлина, равно как и словенской лексикографии на новом этапе развития в целом, является введение по мере необходимости эквивалентов из других славянских языков, прежде всего из хорватского (кайкаквского) и чешского. По причине ряда недостатков (например, графических особенностей, неудачных новообразований, непоследовательности и т. д.) словарь ценился не очень высоко¹⁶.

1.7. Вторым важным словарным трудом эпохи просвещения был немецко-словенский словарь 1789 г. Освальда Гутсмана с прилагаемой в конце небольшой словенско-немецкой частью¹⁷. Он создавался в этнически неоднородной двуязычной (немецко-

¹¹ В словаре 36 000 немецким заглавным словам соответствует 55 524 словенских слов (Jesenšek 2002a: 93).

¹² В словенско-немецкой коллекции Чебула чувствуется сильное влияние словаря Похлина, она представляет интерес из-за включения в нее оригинальной штаерской лексики (Jesenšek 1999: 362).

¹³ Самым обширным словарем был немецко-словенский словарь 1781 г. Загайшека (приблизительно 70 000 слов), известен также словарь в двух частях Пенна «*Deutsch-lateinisch-windisches, dann windisch-deutsches Wörter-Buch zum allgemeinen Gebrauche*» (приблизительно 67 000), заверченный в 1854 г.

¹⁴ Очень богатым был материал Франа Миклошича, собранный в 1849–1855 гг. Материал предназначался для словенско-немецкого словаря. Коллекцию дополняли сведения об источниках. Самой большой была общесловенская коллекция О. Цафа, которая собиралась в 1834–1874 гг. путем систематического расписывания словенской литературы (в том числе и прекмурской), а также опубликованных и рукописных словарей (Jesenšek 1999: 371).

¹⁵ Стабей отмечает, что словарь Похлина содержит около 12 640 словенских слов (Stabej 1973/74: 250).

¹⁶ Ср. (Jakopin 1988: особенно 37–40).

¹⁷ Якопин (Jakopin 1988: 41) отмечает, что в словаре приблизительно 25 000 немецких заглавных слов и приблизительно 6000 словенских.

словенской) каринтийской среде. Исследователи, оценивая словарь, отмечают, что знание корошских (каринтийских) диалектов, использование словенских и иностранных¹⁸ словарных пособий помогло О. Гутсманну создать важную основу для будущих словарников, в первую очередь для Валентина Водника, Антона Мурко, Антона Янежича. В словаре много хорватских и несколько словацких и чешских слов. Многочисленные его собственные новообразования, большое количество бытующих в корошских диалектах фразеологизмов и поговорок (Karničar 1999a: 23–24). Одна из наиболее заметных особенностей словаря — это широко представленное калькирование, которое с учетом состояния языка в тот период было почти неизбежным.

1.7.1. На словарь Похлина и Гутсманна во многом опирается словарь Янеза Дебецеца «Deutschkrainerisches Wörterbuch» (1795). Словарь демонстрирует более чистый язык по сравнению со своими образцами, состав включенной в него лексики остается в уже известных рамках.

1.8. Для словенской словарной деятельности XIX в. характерна известная двойственность, обусловленная направленностью к двум разным целям. Первая, долгосрочная, цель — это создание как можно более полного словенского словаря (хотя и в рамках полифункциональной двуязычной лексикографии), который бы охватил как можно больше лексики, употребляемой на всей словенской языковой территории. Вторая, краткосрочная, цель — это подготовка небольших двуязычных словарей, которые бы отражали живое, актуальное и в первую очередь литературное употребление слов.

1.8.1. Работа по созданию как можно более полного словенско-немецкого словаря началась уже в конце XVIII века. Такой словарь был включен в программные задачи возрожденного в 1797 г. научно-культурного общества «Академии деятельных» (Academia Operosorum). За реализацию замысла взялся основатель «Академии» Блаж Кумердей. Итогом его десятилетней работы была большая коллекция слов и неопубликованный словарь, заканчивающийся на букве L. Барон Жига Цойс, который был центральной фигурой словенского возрождения, доверил подготовку словаря выдающемуся деятелю Возрождения, поэту, грамматисту и журналисту Валентину Воднику. Основная часть его хорошо продуманного словаря была подготовлена в течение 1804–1806 гг. Оставшийся в рукописи по причине разных осложнений с публикацией словарь Водник дополнял и совершенствовал вплоть до 1817 г.¹⁹ Материал, который ему помогали собирать двенадцать помощников (Suhadolnik 1960: 225), включал самое большое по сравнению с предшествующими словарями количество словенской лексики, встречающейся как в устной речи, так и в печатных и рукописных источниках. В соответствии с идеями Ернея Копитара Водник черпал лексику из народной речи. Он заменил словенскими лексемами многие заимствованные слова и ряд новообразований. Заимствовал он также лексику и из других славянских языков. Ценность коллекции Водника увеличивают достаточно последовательно представленные сведения об источниках слов.

---

¹⁸ В первую очередь он учитывал словарь Ямбрешича 1742 г. (Breznik 1938: 17–22), а в качестве лексикографического образца избрал одноязычный немецкий словарь Аделунга, который публиковался в 1774–1775 гг. (Karničar 1999a: 19).

¹⁹ Словарь Водника после словаря Иполита является самым большим словенским рукописным словарем. Он включает 139 488 словенских лексем (9 500 было добавлено после смерти Водника); см. об этом: (Stabej 1973/74: 252).

1.8.2. Большое количество рукописных словарей XVII и XVIII вв., а также незавершенные словарные опыты первой половины XIX в. свидетельствуют о том, что с большим словарным трудом отдельному человеку справиться уже было не под силу и что наступило время коллективной работы над словарями, выполнение которой могли обеспечить только хорошая организация и специальный источник финансирования. На уже трудно поддающиеся лексикографической обработке объемы словарей влияли рост лексического фонда языка, развитие новых отраслей знания, все более высокий уровень ведущей (центрально)европейской лексикографии. В небольших авторских словарях, которые с небольшими интервалами выходили до середины XIX в. (словари Ярника, Мурко, Янежича), отразилась еще одна закономерность. А именно: актуальный функциональный словарь на основе удачно избранной концепции и при учете ограниченного, но информативного и продуманно отобранного материала можно сделать очень быстро.

1.8.3. Словари каринтийского лингвиста Урбана Ярника («Kleine Sammlung solcher altslavischer Wörter, welche im heutigen windischen Dialectae noch kräftig fortleben», 1822 и «Verfuch eines Etymologikons der Slovenifchen Mundart in Inner-Oesterreich», 1822) не имели характера общеупотребительных пособий. Типологически они относятся к этимологической лексикографии (ср. **2.2.2.**).

1.8.4. Большим лексикографическим достижением был словарь Антона Мурко, вышедший в двух частях (словенско-немецкий и немецко-словенский словарь) в 1833 г. Его издал лингвистически одаренный Антон Янез Мурко (1809–1871), которому в тот период не исполнилось и двадцати пяти лет. Словарь отличается актуальность включенной в него лексики, так как она была извлечена из последних словарных источников (словаря Гутсманна и Ярника), грамматик (Копитара, Метелко и Дайнко), а также из произведений современных центральнословенских и восточноштирийских писателей. Словарь был встречен в словенских землях с большим воодушевлением. Причиной этого в основном была, конечно, актуальность содержащейся в нем лексики. Заметным компонентом словаря были также слова из других славянских языков²⁰. Вобрав в себя лексику всей словенской этнической территории, он воплощал объединительные тенденции, которые лежали в основе выбора наиболее приемлемого пути дальнейшего развития словенского литературного языка. Словарь вводит также многочисленные лексикографические новации (например, последовательно выдержанный гнездовой принцип структуры словарной статьи, частеречные или грамматические пометы заглавных слов, использование типизированных описательных толкований значения слова, формализованную (с помощью помет) или описательную трактовку синонимов и т. д.)²¹.

1.8.5. Вслед за словарем Мурко через двадцать лет выходит словарь Антона Янежича. В 1850 г. была опубликована немецко-словенская часть, а через год словенско-немецкая. Автором обеих частей был двадцатидвухлетний корошский лингвист Антон Янежич (1828–1869). Словарь, в отличие от предыдущих, уже был напечатан новой, чешской, графикой. Быстрая подготовка и лексическая актуальность словаря были возможны благодаря продуманному выбору произведений (а с ними и наиболее актуальных жанров), из которых эксцерпировался лексический материал. В этот словарь вли-

²⁰ Материал он черпал из новейших славянских словарей, напр., словаря Белостенчича (1740) и словаря Вука Караджича «Srpski rječnik istolkovan njemačkim i latinskim riječma».

²¹ Ср. «Murkov zbornik», а резюме в (Jesenšek 1999: 367–368).

лись последние три опубликованных словаря (Гутсмана, Ярника и Мурко), лексика периодики того времени и художественной литературы. Включение многочисленных заимствований из славянских языков можно приписать влиянию иллирийского и панславянского движения. Как и в словаре Мурко, лучшей частью словаря Янежича была немецко-словенская часть. Особое место в словенской лексикографической традиции ему обеспечили многочисленные стереотипные издания.

1.8.6. Определенные следы в лексикографии XIX в. оставила активизация пуристических тенденций, сторонники которых пытались очистить литературный язык от проявлений длительного влияния немецкого языка. Мурко слова, заимствованные из немецкого языка, обозначал крестиком и тем самым рекомендовал их не употреблять. Дефицит лексики словарники пытались компенсировать заимствованиями из славянских языков, которые, впрочем, в небольшом объеме проникали в словенскую лексику с самого начала развития словенской лексикографии²².

1.8.7. Усилия по созданию большого словенского словаря вновь ожили в революционный 1848 год. Основанное в это время «Словенское общество», председателем которого был Янез Блейвейс, поставило перед собой задачу издать обширный немецко-словенский словарь, соответствующий уровню развития литературы. Блейвейс договорился о меценатстве с люблянским митрополитом Антоном Алоизием Вольфом. Для словаря необходимо было подготовить соответствующий лексический материал. Кроме коллекции Водника, которая легла в основу этого материала, включены были также рукописные словари и лексические картотеки, составленные в словенских землях во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в. Дополнительно использовался материал из опубликованных словарей, литературы и периодики того времени. Обширный материал обрабатывала целая группа сотрудников. В 1854 г. редактором словаря становится юрист, журналист и лингвист Матей Цигале. Двухтомный «Deutsch-slovenisches Wörterbuch» был опубликован в 1860 г. Цигале использовал структуру словаря Валентина Водника.

Как и в словаре Водника, независимо от немецкого заглавного слова словенских слов и значений больше, чем немецких²³. В словаре дифференцируются синонимы и обозначаются заимствования²⁴ и «бумажные» слова (Suhadolnik 1960: 229).

1.8.8. Вслед за большим, разработанным на научной основе, немецко-словенским словарем давно ожидался словенско-немецкий словарь. И этот словарь должен был издаваться на средства тогда уже покойного митрополита Вольфа. Инициатором начала работы по подготовке словаря стало Земельное собрание Крайны. Был создан комитет, отвечавший за сбор, редактирование материала и публикацию словаря. Базовую основу словаря составляли три большие лексические коллекции — Янеза Залокара (словенско-немецкий словарь), Орослава Цафа и Франа Миклошича. В работе по сбору, обработке материала и редактированию словаря принимало участие большое количество лиц. Но наибольшая заслуга в создании словаря принадлежит Максусу Плетершн-

---

²² Ср. (Orel Pogačnik 1996, особенно 37).

²³ В словаре приблизительно 103 000 немецких заглавных слов (Suhadolnik 1960: 227).

²⁴ При заимствованиях Цигале указывал на их происхождение. Идентификация слова как германизма означала рекомендацию его не употреблять. При многочисленных заимствованиях из славянских языков, которые выступали в разных словарных функциях, это было дополнительной информацией ср. (Orel Pogačnik 1996: особенно 43).

ку, который в 1883 г. становится редактором словаря. Плетершник за десять лет успешно справился с трудоемкой и ответственной работой. Он просмотрел и систематизировал огромное количество данных, накопившихся до конца XIX столетия в многочисленных и различающихся между собой по качеству лексических коллекциях²⁵. Последние включали в себя как эксцерпции из опубликованных источников, так и диалектный материал из различных регионов. Плетершник дополнил эти материалы собственными эксцерпциями (в первую очередь из новейшей литературы, а также из произведений, относящихся к периодам реформации, рекатолизации и возрождения). Первый том «Словенско-немецкого словаря» (А – О) вышел в 1894 г., а второй (Р – Ž) годом позже. Концепция словаря зарождалась независимо от иностранных образцов (Jakopin 1994; 1995). Плетершник старался отразить в словаре как можно полнее лексику словенского языка. Основным принципом было: «Принять все то, что есть в литературе и что употребляет в своей речи народ» (Pleteršnik 1894: VII). Словарь Плетершника считается классическим трудом словенской лексикографии. Он содержит более 102 000 заглавных слов. Плетершник включил в словарь также результаты лингвистических исследований известных лингвистов (Франа Миклошича, Франа Левстика, Станислава Шкрабца, Карела Штрекеля, Вагрослава Облака, Матии Мурко, Матии Валявеца). Богатство лексического материала²⁶, разнообразие и документированность содержащихся в нем сведений позволяют считать этот словарь полифункциональным. Будучи в первую очередь переводным двуязычным словарем, он содержит явные элементы моноязычного толкового (Orel 1998), исторического, диалектного, этимологического (Šivic-Dular 1997) и терминологического²⁷ словаря. Словарь демонстрирует собственную, опирающуюся на особенности словенского языка иерархию оценок (Vidović Muha 1994). Поэтому в свое время он выполнял также функцию орфографического справочника (Dobrovoljc 1999: 87).

1.9. После публикации двух самых лучших словарей XIX века — словарей Цигале и Плетершника, которые, учитывая языковую комбинацию, дополняли друг друга и составляли в каком-то смысле одно целое, — в начале XX в. наступает длительный застой в лексикографической работе. Это затишье прерывали лишь повторные издания словарей Янежича. Потребность нового отражения в словаре словенского лексического фонда, который, всесторонне развиваясь, стремительно менялся, обусловила подготовку первого словенского толкового словаря. Его подготовил Йужа Глонар. Словарь составлялся в 1934–1936 гг. и был опубликован в 1936 г. Значительная часть слов была отражена в словаре Плетершника, но треть словаря уже составляли впервые зарегистрированные лексемы. К числу отличительных особенностей словаря относятся многочисленные толкования значений слов, большое количество иллюстративных примеров и разносторонняя система помет, которая частично учитывала функциональную стратификацию литературного языка. Критические замечания в адрес словаря были обус-

²⁵ Имеются в виду материалы лингвистов, лексикографов и любителей, указанные во введении к словарю.

²⁶ Кроме того, Плетершник последовательно акцентировал все заглавные слова. Отражено политоническое ударение (Novak 1994: 48–49).

²⁷ Во введении к словарю сокращения, указывающие на сферу использования термина, охватывают 20 отраслей знания (использованы латинские и словенские наименования: architectura, astronomija, botanica, chemia, geographia, grammatica, historia, mathematica, mechanica, mercatura, militaria, mineralogija, montanisticum, musica, philosophia, physica, statistica, tehnica, typografia, zoologia) (Pleteršnik 1894).

ловлены его типологической неоднородностью. Задуманный первоначально как лексический и орфографический справочник, словарь постепенно перерастал в толковый словарь словенского языка (Suhadolnik 1984). Большого влияния на дальнейшее развитие словенского языка словарь не имел.

1.10. В период между Первой и Второй мировыми войнами в словенской Академии наук и искусств было начато несколько фундаментальных лексикографических трудов, в числе которых был и Большой академический словарь. Идея создания такого словаря, которая постепенно приобретала все более ясные очертания, начала планомерно реализовываться лишь после Второй мировой войны в рамках созданного Института словенского языка (Jakopin 1995). Итогом этой работы была картотека, включающая шесть миллионов эксцерпций из приблизительно 6500 публикаций. Материал эксцерпировался из художественных произведений, начиная со второй половины XIX в., публицистики, научных, специальных работ и учебников. Было собрано приблизительно 300 000 словарных единиц, из которых в словарь вошла только треть²⁸.

Окончательная концепция словаря была принята после основательного обсуждения в лингвистических кругах в начале шестидесятых годов. Пробный выпуск словаря был опубликован в 1964 г. Критические замечания словенских и иностранных специалистов оказывали влияние на выработку лексикографических принципов, которые уточнялись в первую очередь при работе над первым томом словаря. Этот словарь — коллективный труд редакционной коллегии, редакторов, сотрудников Лексикологического сектора Института словенского языка. В работе над словарем принимало участие приблизительно 150 специалистов по терминологии и консультантов, поскольку словарь включает лексику почти ста отраслей знания (Hajnshek Holz 1993: 21). Выходил словарь с 1970 по 1991 гг.

«Словарь словенского литературного языка» (SSKJ — ССЛЯ) по сей день является самым большим достижением словенской лексикографии. Его определяют как моноязычный толковый словарь современного литературного языка среднего объема. Одновременно это и информативно-нормативный словарь. Словарь содержит 107 000 словарных единиц. Наименование «современный литературный язык» надо понимать шире, имеются в виду не только последние сорок лет. Словарь охватывает все главные компоненты литературного языка: язык художественной литературы, науки, публицистики, газетной периодики, разговорный язык, терминологию, жаргонную и диалектную лексику. Наиболее полно представлен язык художественной литературы. Широко отражено варьирование и некоторые другие особенности языка. В словаре содержится также и наиболее полная по настоящее время грамматическая информация (Vidovič Muha 1993). Все заглавные слова словарных статей имеют семантические пояснения. Словарь характеризует также целый ряд лексикографических новаций, в числе которых отражение социальной и функциональной дифференциации языка, что опирается на достижения пражской лингвистической школы (Vidovič Muha 1996: 30). Для этого используются разного рода пометы.

---

²⁸ В Словаре словенского литературного языка (SSKJ) 93 152 заглавных слов словарных статей и 13 888 слов в рубриках внутри словарной статьи. Не вошли в словарь неупотребительные слова, узко книжные, искусственно созданные, бранные, а также устаревшая специальная лексика. В словаре нет легко прогнозируемых производных (например, уменьшительных существительных, притяжательных прилагательных и т. д.). Исключены были также личные имена.

1.11. Вслед за «Словарем словенского литературного языка» выходит в 1996 г. опирающийся на него обратный словарь (115 355 словарных статей)²⁹. Годом позже был опубликован лексикографический труд «Лексический фонд словенского языка с грамматическими сведениями»³⁰. В него вошла лексика, которая по концептуальным причинам не была принята в ССЛЯ.

1.12. Основные особенности словенской лексикографии до конца XX века. В обзоре развития словенской лексикографии в центре внимания оказались прежде всего словари, которые типологически (кроме двух исключений)³¹ относились к переводным (двуязычным или реже многоязычным), но функционально обладали общими свойствами полифункциональных или даже словарей общего типа. Обзор показал качественный рост словенской лексикографии, начиная с XVI в. Этот рост, несомненно, стимулировали иностранные образцы словарей. Однако уже с самого начала словенская лексикография демонстрирует свои собственные черты. Последние являются следствием специфичности отражаемой в словарях языковой реальности и прочных связей с отечественной, словенской, лексикографической традицией.

Словарная работа, как правило, мотивировалась острой нуждой в справочной литературе такого рода, хотя ее и испытывал нередко только узкий круг интеллигенции. За составление словарей часто брались авторы, которые занимались языкознанием. Бохорич, Похлин, Гутсманн, Водник, Мурко и другие лексикографы были одновременно грамматистами.

Словарники прошлого времени в основном были священниками и монахами, что косвенно указывает на культурные центры в истории словенского языка. Многие из них черпали лексический материал в той среде, где они жили и трудились, поэтому словари носят печать региональной окрашенности.

Легко сопоставимые и численно растущие синонимические ряды содержат разнообразную информацию (фонетическую, морфологическую, словообразовательную и семантическую) о развитии собственно словенской и заимствованной лексики. Лексика словарей четко указывает на соотношение между центральнословенским литературным языком и региональными вариантами, а также между хронологически разными явлениями внутри каждого из них.

Языки, включенные в многоязычные словари, имели решающее значение для среды, в которой создавались эти словари. Во второй половине XIX в. немецкий язык в школах стал замещать латынь. Одновременно в XIX в. крепнут представления о числе и близости славянских языков, и все актуальнее становится мысль, что и у словенского языка социальный статус должен быть выше.

Словенская лексикография в прошлом творчески использовала достижения языкознания, как отечественного, так и зарубежного. Поэтому словари можно условно счи-

²⁹ «Обратный словарь словенского языка» 1996 г. — это не первый справочник такого рода в Словении. Перед ним в 1993 г. вышел «Обратный словарь географических названий по атласу Словении», подготовленный Меткой Фурлан. За рубежом были составлены два обратных словаря: в Брно на основе словаря Плетершника в 1971 г., в Целовце (Клагенфурте) на основе «Словенско-немецкого словаря» Франце Томшича в 1987 г. (ср. Weiss 1991: 121–122).

³⁰ Словарь вышел уже в 1987 г., но как внутренняя публикация Института словенского языка им. Франа Рамовша.

³¹ Это «Словарь словенского языка» Глонара 1936 г. и ССЛЯ (1970–1991).

тать зеркальным отражением уровня развития языкознания в определенный период времени. Развитие словенской лексикографии с XVI в. и далее сопровождается ростом грамматической информативности словарей. В ранних двуязычных и многоязычных словарях видны также следы осознания их авторами структурных различий между словенским языком и языками, с которыми он разными способами и в различном объеме контактировал (чаще всего с немецким).

2. Современная словенская лексикография

2.1. Орфографические справочники³²

2.1.0. Потребность в создании специальных лексикографических справочников начала осознаваться только в начале XX в. Ранее их заменяли либо двуязычные словари, либо грамматики с различными рекомендациями. Со времени появления первого орфографического словаря Франа Левица в 1899 г. до «Словенского орфографического словаря» 2001 г. было написано несколько таких справочников. Поскольку нормирование языка является живым процессом, то и нужда в новых орфографических словарях всегда актуальна.

2.1.1. Публикация орфографического словаря Левица (*Slovenski pravopis*) в 1899 г., который официально утвердили в качестве школьного пособия, была продиктована нормативными колебаниями XIX в. Левиц придерживался норм, предписанных словарем Плетершника, а также принимал во внимание взгляды Станислава Шкрабеца (известного лингвиста конца XIX – начала XX в.)³³. В сомнительных случаях он отдавал предпочтение живым речевым вариантам, а иногда и вариантам, приемлемым для адресата, т.е. для учащихся и их учителей (Dobrovoljc 2004: 48).

2.1.2. Вслед за орфографическим словарем Левица выходит в 1920 г. орфографический словарь Антона Брезника, который был уже последним авторским словарем. Брезник взялся за подготовку орфографического справочника, будучи уже состоявшимся лингвистом. Он руководствовался убеждением, что орфографию, т.е. способ передачи на письме звуков и форм, определяет общепринятое написание, а другие правила употребления языковых форм задаются лингвистами. В рамках нового государства — сербов, хорватов и словенцев — словенский язык стал функционировать во всех сферах, уследить за всем орфография уже не могла. Основным недостатком словаря Брезника оказалось то, что он не мог удовлетворить нужд всех пишущих современников (Dobrovoljc 2004: 53–55).

2.1.3. После словаря Левица начали выходить под разными названиями небольшие справочники, появление которых обусловлено всемерным расширением функций языка и необходимостью согласованно решать актуальные проблемы языка. Часть типично орфографической проблематики обсуждалась в научных статьях.

---

³² Полное (монографическое) описание развития орфографии в Словении подготовила Х. Добровольц (см.: Dobrovoljc 2004).

³³ Современники остро критиковали Левица за правило, согласно которому существительные с суффиксом *-lec* (тип *bralec* ‘читатель’), означающие действующих лиц, должны писаться с суффиксом *-ves*. Это неудобное нормативное решение было принято под влиянием Шкрабеца, который отдавал предпочтение варианту *bravec*, т.к. в этом видел возможность обуздать активизацию так называемого элканья (Dobrovoljc 2004: 49).

2.1.4. В 1935 г. выходит орфографический словарь Брезника-Рамовша, который издала орфографическая комиссия люблянского Научного общества. Словарь является первым коллективным трудом в рамках этого жанра. Он входит в число либеральных орфографических справочников, осуществляющих нормирование дескриптивно, а не прескриптивно. Инновацией словаря были правила, определяющие произносительные нормы разговорного языка. В качестве образца при подготовке справочника Брезник использовал чешский орфографический словарь, что свидетельствует о сохранении связей в этой области со славянским миром.

2.1.4.1. В 1937 г. выходит сокращенный и адаптированный для школьных нужд вариант орфографического словаря. В нем был учтен ряд замечаний в адрес издания 1935 г.

2.1.5. В довоенный и межвоенный период работа по подготовке орфографических кодексов не велась. Однако необходимость твердых орфографических правил, которые бы учитывали и систематизировали изменения в функционировании языка, ощущалась и тогда.

2.1.6. В послевоенный период язык очень быстро изменялся, что требовало немедленной реакции. В 1950 г. редакционная коллегия Словенской академии наук и искусств в составе семи человек издала Словенский орфографический словарь (*Slovenski pravopis*), подготовленный на базе словаря Брезника–Рамовша. Работа над словарем велась три года. По сравнению с предшествующим словарем он больше по объему и шире по содержанию. Его отличает также четко выраженная нормативность. Заметной новацией являются рекомендации по морфологии и стилю (Dobrovoljc 2004: 74). Традицию довоенных небольших орфографических справочников продолжали руководства по орфографии, предназначенные работникам просвещения и школьникам.

2.1.7. Поскольку орфографический словарь, изданный Академией в 1950 г., не решил проблем расхождения между нормативными предписаниями и реальной языковой практикой, вскоре вновь возникла потребность в подготовке нового орфографического кодекса. Его составители уделяли большое внимание проблемам нормирования. Предписание во многих случаях должно было ориентироваться на языковую практику. Орфографический словарь, опубликованный 1962 г., заменив написание уже устоявшегося *-lec* на *-ves*, взбудоражил словенскую лингвистическую общественность, мнения которой разделились. Полемика закончилась официальной отменой предписаний словаря относительно написания этих суффиксов.

2.1.8. В 1970 г. начал выходить «Словарь словенского литературного языка» (ССЛЯ), который был определен как информативно-нормативный, поэтому до публикации следующего орфографического труда выполнял также нормативную функцию (особенно в вопросах орфографии, орфоэпии, акцентуации и тонемике). Словарь отказывается при оценке правильности от категоричных суждений. В ССЛЯ средства выражения оцениваются по их функциональности. Оценка правильности/неправильности выражена косвенно.

2.1.9. В 1981 г. редакционная коллегия нового словенского орфографического кодекса при Словенской Академии наук и искусств представила на суд общественности «Проект правил для нового орфографического словаря». Главными составителями были

Йоже Топоришич³⁴ и Якоб Риглер. Правила орфографии теоретически опирались на «Словенскую грамматику» Топоришича 1976 (1984², 1991³, 2000⁴), которая описывает структурные особенности словенского литературного языка и одновременно включает также вопросы орфографии. Велась оживленная дискуссия. Несловарная часть кодекса впервые вышла в 1990 г. «*Načrt pravil za novi slovenski pravopis*» («Проект правил для нового словенского орфографического словаря»), позднее выходили обновленные издания (1994³, 1997⁵). Топоришич представил концепцию словарной части кодекса в специальной статье (Топоришич 1984).

2.1.10. Новый кодекс «*Slovenski pravopis*» (исправленные правила и словарная часть) вышел в 2001 г. Это до сих пор самый большой словенский орфографический справочник. Хотя он и был задуман как специальный справочник с основными сведениями по правописанию, время, в которое он создавался (прошло десять лет после публикации последнего тома ССЛЯ), обусловило изменение первоначального замысла. Словарь должен был удовлетворить потребность в однотомном лексически и теоретически приемлемом издании. Вследствие информативной перегруженности словарь утратил характер справочного пособия, и возникла необходимость издания небольшого популярного справочника, предназначенного преимущественно для учебных целей³⁵.

«*Slovenski pravopis*» 2001 г. как первый по истечении сорока лет нормативный справочник привлек к себе большое внимание и вызвал много критических откликов. В числе всего прочего его упрекали в излишней либеральности и универсальности, в том, что он не опирается на актуальный лексический материал и не решает многих сложных орфографических проблем, что им трудно пользоваться и т. д. В 2003 г. с небольшими исправлениями словарь вышел повторно. В том же году появилась его электронная версия.

2.1.11. Словенские орфографические словари, появившиеся в XIX и XX вв., по своему отражали особенности языковой практики своего времени. Они росли по объему и становились все более исчерпывающими по своему содержанию.

2.2. Этимологические словари

2.2.1. Этимологический анализ словенской лексики начинается уже в XVI в. Бохорич в своей грамматике (1584), объясняя этимологию иностранных слов, привлекает к анализу и словенские слова. Небольшие этимологические заметки есть и в итальянско-словенском словаре Аласия (1607). В XVIII в. появились этимологии Поповича³⁶ и Похлина. Лексикографический труд Похлина «*Glossarium slavicum*» 1792 г. указывается как вообще первый славянский этимологический словарь. Хотя большая часть эти-

---

³⁴ Йоже Топоришич выступил с критикой лингвистического традиционализма, предложив структурные принципы, и заложил основы научной грамматики и правописания (Dobrovoljc 2004: 111).

³⁵ Одна из таких возможностей представлена в работе «Современный орфографический справочник. Между нормой и предписаниями» (Dobrovoljc, Jakor 2011). Наряду с показом причин и типологии языковых изменений, влияющих на стандартизованный язык, здесь предлагаются конкретные решения наиболее острых вопросов современной словенской орфографии.

³⁶ Коллекция Поповича «*Specimen vocabularii Vindocarniolici*» представляет собой одну из первых попыток составления этимологических словарей. Словенский материал картотеки (приблизительно 460 словенских слов) дополнен лексикой из других славянских языков, преимущественно из хорватского (словари Хабделича и Белостенца). Слова сопоставлялись с различными диалектными выражениями и многими иностранными языками.

мологий неприемлема, все опыты такого рода драгоценны, поскольку отражают состояние этимологических исследований своего времени. До XIX в. качество этимологических исследований и применимость их результатов зависела от интуиции автора и его знания исходного и других языков (Furlan 1994: 10).

2.2.2. Деятнадцатый век в словенских землях проходил под знаком расцвета этимологической науки (Furlan 1994: 11). На этимологические изыскания Урбана Ярника, издавшего два этимологического труда (ср. **1.8.3**) оказывал влияние Добровский. Ярник в свой словарь «*Verfuch eines Etymologikons der Slowenifchen Mundart in Inner-Oesterreich*», построенный по гнездовому принципу, включил приблизительно 24 000 словенских слов. Материал он черпал прежде всего из работ Метелко, Дайнко, Похлина и Гутсманна (Furlan 1994: 12–13). Лексемы в словаре расположены по корням слов. Впервые в словарной практике производные глаголы делятся на перфективные и имперфективные. Его этимологические интерпретации отражены в расположении лексики. Основы, в число которых он включал словенскую лексику, выделены на основе синхронной сегментации материала. Отдельные замечания, касающиеся материала других славянских языков (например, чешского, польского, русского, белорусского и сербского), свидетельствуют, что иногда он уже использовал метод внешней реконструкции.

Вслед за этимологическим словарем Ярника в 1886 г. публикуется этимологический словарь славянских языков Франа Миклошича. И этот словарь имеет гнездовую структуру. Словенская лексика здесь сравнивается с лексикой других славянских языков. На основе материала всех славянских языков в целом Миклошич реконструировал исходные славянские основы, т.е. воссоздавал общеславянский лексический фонд. В качестве заглавной словарной единицы³⁷ представлены основы (например, *ber-*, *tel-*, *vi-* и т. д.) и лексемы (например, *solь*, *nošь*). Пласт общеславянской лексики реконструирован с помощью сопоставлений и при учете строгих фонетических правил, а также достижений индоевропеистики (Furlan 1992: 20–22). Этимология словенских слов в словаре, как правило, отражена в распределении языкового материала. Специальные комментарии редки.

2.2.3. В конце XIX и в первой половине XX столетия целый ряд словенских лингвистов (Карел Штрекель, Фран Эрьявец, Станислав Шкрапец) своими исследованиями значительно расширили знания о происхождении и этимологии словенского лексического фонда. За последовательную этимологическую интерпретацию словенского лексического фонда на основе новых лингвистических знаний берется Иван Коштиал. Его словарь «*Slovenski etimološki besednjak*» не был завершен и остался в рукописи.

2.2.4. Идея создания современного научного этимологического словаря была выдвинута уже перед Второй мировой войной. Фран Рамовш при основании словенской Академии наук и искусств в 1939 г. включает в ее программу по словенистике также подготовку этимологического словаря. В 1942 г. была создана Комиссия по этимологическому словарю. В нее входили Райко Нахтигал, Фран Рамовш, Антон Брезник и Иван Графенауер. Проект словаря в том же году подготовил Фран Рамовш. Широкомасштабный замысел словаря он проиллюстрировал 20 образцами словарных статей. Поскольку комиссия не приступила к систематической работе, работа по подготовке и составлению словаря в 1952 г. была поручена Франце Безлаю.

³⁷ В словаре почти 6100 словарных статей (Furlan 1992: 331).

Планомерная и постоянная работа по составлению этимологического словаря словенского языка началась только в шестидесятые годы, когда Безлаю удалось основать этимологическую секцию в Институте словенского языка. Поскольку первоначальный замысел словаря, предложенный Рамовшем, в процессе работы оказался невыполнимым, Безлай, исходя из реальных условий, меняет концепцию словаря. Новую концепцию он представляет в 1963 г. в пробном выпуске. Основным принципом было то, что этимологический словарь словенского языка должен включать «все, что народ переосмыслил по-своему». Вторым условием для включения слова в словарь было его активное употребление в прошлом и/или настоящем. Особо подчеркивался критерий культурно-исторической ценности лексемы. В 1976 г. вышел первый том словаря (А–J), в 1982 г. — второй (К–О); в нем уже представлены отдельные самостоятельные словарные статьи Марко Сноя, в 1995 г.³⁸ — третий том (P–S), который отражает смену поколений (соавторами Безлая здесь были Марко Сной и Метка Фурлан), в 2005 г. — четвертый том (Š–Ž), который уже полностью подготовили младшие соавторы Безлая³⁹. Все тома придерживаются исходной концепции Франце Безлая. Издание включает пятый том, содержащий исчерпывающий перечень рассмотренных лексем, лексических основ, морфем и словосочетаний, распределенных на группы по тщательно продуманному принципу (Snoj, Klemenčič 2007).

2.2.5. Марко Сной издал в 1997 г.⁴⁰ вариант этимологического словаря научно-популярного характера, в 2003 г. было опубликовано расширенное и дополненное издание этого словаря. Этимологический словарь Сноя анализирует основной лексический фонд современного словенского языка и иностранные слова. Этимологические толкования научно-популярны. Аргументированность и документированность этих толкований минимальны (Snoj 1997: III). Представлен гнездовой способ организации лексики внутри словарной статьи.

2.3. Историческая лексикография⁴¹

2.3.0. Исторические словари как особый жанр словенской лексикографии при представлении лексики диахронического характера используют лексикографические приемы, отражающие уровень развития лексикографии и языкознания в период составления таких словарей.

2.3.1. К числу самых заметных достижений словенской исторической лексикографии относятся перевернутые словари. В таких словарях меняется порядок следования языков в исходных дву- и многоязычных словарях, в результате чего словенское слово, которое выступало в роли переводного эквивалента, оказывается в позиции заглавного слова словарной статьи.

2.3.1.1. Аннелис Легрейт (1967) перекомпоновала четырехязычный словарь Мегисера 1592 г., Йоже Стабей — словарь Мегисера 1603 г. «Thesaurus polyglottus», а также латинско-словенский словарь 1680–1710 гг. (Кастелец-Воренец). Последний сло-

---

³⁸ Третий том вышел через два года после смерти Франце Безлая.

³⁹ В общей сложности в словаре 9728 словарных статей.

⁴⁰ Словарь в составе 8 583 словарных статей анализирует 26 087 словенских слов (Snoj 1997: суперобложка).

⁴¹ Ср. (Merše 2000; 2002).

варь был опубликован в 1997 г. Хотя во всех трех случаях речь идет об одном типе словарей, между ними есть значительные различия. Эти различия объясняются разной направленностью их информативности и разным объемом сведений. Так, Стабей при подготовке перевернутого варианта тезауруса Мегисера полностью выписал все слова, которые были обозначены как словенские, краньские, корошские, хорватские или прекмурские/кайкавские. Его вклад как лексикографа также значим в словарной систематизации лексики. Грамматическая же информативность словаря скромная.

Во всех трех словарях заглавные слова приведены в осовремененной графической и фонетической форме, но уровень осовременивания не везде одинаков. Диахронический лексикографический подход виден также из семантических и другого рода пояснений. Легрейд устанавливает время употребления заглавных слов, проверяя их наличие в более поздних словарях; Стабей, проверяя источники словаря «*Thesaurus polyglottus*», ограничился словарными данными того времени: грамматикой Бохорича, первым словарем Мегисера 1592 г., лексическим регистром и маргинальными записями в Библии Далматина. Все данные были доступны, т.к. ранее были опубликованы скомпонованные варианты указанных трудов.

2.3.1.2. Стабей — автор еще двух небольших словарных компонок, которые в методологическом отношении существенно не отличаются от уже представленных. Первая — это словарная запись лексики примечаний на полях, поясняющих отмеченные звездочкой фрагменты текста Библии Далматина 1584 г. Вторая — это словарная обработка лексики всех четырех столбиков лексического регистра, прилагаемого к Библии Далматина.

От указанных выше компонок словарных произведений шестнадцатого века методологически несколько отличается словарный первенец Стабея, опубликованный в 1971 г. Это словенско-латинско-(частично) немецкий словарь, подготовленный на основе грамматики Бохорича. Подготовить такой словарь Стабея побудила разбросанность словенской лексики внутри грамматики, написанной на латинском языке, что затрудняло ее восприятие.

2.3.1.3. Переработка более позднего и обширного словаря Кастелеца – Воренеца велась Стабеем на основе тех же принципов, что при новой компоновке словаря Мегисера. Отличительные черты появились уже в конечной редакции, которую после смерти Стабея осуществили Стане Сухадолник, Франц Якопин, Франце Новак и Майда Мерше. Самым заметным было последовательное обозначение на основе принципов современной грамматической теории частеречной принадлежности заглавных слов, которые графически и фонетически приближены к оригиналу.

2.3.1.4. Современную электронную версию перевернутого словаря на основе немецко-словенского словаря Гутсмманна 1789 г. подготовил в Австрии Людвиг Карничар. Она появилась в 1999 г. Словарь Карничара во многом отличается от предыдущих. Этому во многом способствовало распределение слов с помощью компьютерных программ. Изменений оригинального текста здесь меньше по сравнению с изданиями обоих словарей Мегисера и словаря Кастелеца-Воренеца. Словенские слова в роли заглавных слов представлены во всех формах, отраженных в оригинале. Грамматические пометы заглавных слов отсутствуют. Новацией словаря является исчерпывающий и наглядный список словосочетаний с заглавным словом.

2.3.2. Настоящих словарей языка одного автора⁴², являющихся одним из основных типов исторических словарей, в прошлые периоды развития словенской лексикографии в Словении не было. Работа по подготовке планируемого толкового словаря языка Франце Прешерна остановилась, хотя для него был собран материал, о чем свидетельствуют конкордантный словарь поэтического сборника Прешерна «Poezije» Шербера (1977) и словник лексического фонда Прешерна с данными частотности лексем, изданный в 1985 г. Стане Сухадолником (Suhadolnik 1988).

2.3.2.1. В 2006 г. был опубликован «Словарь языка Янеза Светокришкового»⁴³, являющийся по сей день единственным примером классического словаря языка одного автора в рамках словенской исторической лексикографии. Этот словарь составил Марко Сной на основе компьютерной эксцерпции из проповедей Светокришкового, опубликованных в пяти книгах⁴⁴ под общим названием «Sacrum promptuarium». Словарь включает также имена собственные, снабженные, как правило, энциклопедическими сведениями. Определено основное значение заглавных слов. Автор особое внимание уделяет морфологическим сведениям. Все формы изменяемых заглавных слов снабжены грамматическими пометами и представлены многими примерами из текстов. Слова иностранного происхождения снабжены кратким этимологическим комментарием.

2.3.3. Отсутствие диахронического толкового словаря всего рукописного периода в истории словенского языка в какой-то мере компенсируют словари отдельных рукописных текстов. Их подготавливали различные авторы, поэтому методологически они не унифицированы.

2.3.3.1. Очень продуманную концепцию демонстрирует словарь «Брижинских памятников» («Фрейзингенских отрывков»), подготовленный Янезом Зором, Франце Якопином и Тине Логаром в 1992 г. Авторы понимали, что текст труден для понимания, и хотели как можно больше облегчить ознакомление с ним. В качестве заглавных слов словарной статьи выступают все отмеченные в тексте формы отдельного слова. Сохранены особенности графики оригинала. Приводятся все возможные грамматические пометы. Связь между заглавным словом в исходной форме и его другими формами отражена с помощью отсылок. Заглавные слова снабжены данными о реконструкции произносительных особенностей. Представлены также переводные эквиваленты из различных языков, в том числе и из старославянского языка.

2.3.3.2. Стиченская рукопись («Stiški rokopis»), которая на четыре столетия младше Фрейзингенских памятников, уже могла быть отражена в иной словарной форме. Такой словарь подготовил Йозе Топоришич (1992а). Грамматические определения заглавных слов здесь нередко точнее по сравнению с другими историческими словарями.

2.3.3.3. Словари отдельных текстов включены также в монографическое описание словенских рукописных памятников, написанных с XIV в. до 1550 г., изданное в 1998 г. в Амстердаме Николаем Михайловым. Здесь последовательно представлены фонетические реконструкции, заглавные слова переведены на современный словенский и немецкий языки.

---

⁴² О типах словарей языка одного автора ср.: (Suhadolnik 1993: 333–336).

⁴³ Светокришкий был самым плодовитым словенским писателем эпохи рекаатолизации и барокко.

⁴⁴ Словарь опирается на материал, собранный путем сплошного расписывания первой и пятой книг и выборочного расписывания второй, третьей и четвертой книг. Материал содержит 415 167 лексических единиц, представленных в 8539 словарных статьях.

2.3.3.4. Новейшие интернетные издания присяг⁴⁵ (как очень редкого в истории словенского языка типа текстов) также содержат словарь малоизвестных выражений, дополненный тематическими списками терминологических наименований (например, титулов монархов и представителей власти). Заглавные слова в словарных статьях снабжены современными синонимическими выражениями и проиллюстрированы выдержками из текстов присяг (Golec 2009; 2011).

2.3.4. С большим опозданием вышел словарь литературного прекурского языка раннего периода «Slovar stare knjižne prekmurščine», который в 1981–1987 гг. составил Вилко Новак. Публикацию словаря (2006) обеспечил Институт словенского языка им. Франа Рамовша Научно-исследовательского центра Словенской Академии наук и искусств. Пробный выпуск словаря, раскрывающий достаточно серьезный замысел, был опубликован в 1988 г. Словарь составлен на основе материала, собранного частично путем сплошного расписывания, но преимущественно путем комбинации сплошного и выборочного расписывания 25 произведений, изданных в течение 170 лет (1715–1886 гг.). Материал, отраженный в картотеке, содержащей 160 000 эксерпций, мотивировал выбор концепции словаря, приравненного по своим информативным свойствам к словарю языка одного автора. Значения заглавных слов толкуются с помощью синонимичных эквивалентов современного словенского литературного языка.

2.3.4.1. Словарное приложение содержится в работе, посвященной исследованию газетного языка как одной из функциональных разновидностей прекурского языка в прошлом (Ulčnik 2009). Основу словаря составляет лексика, характеризующая публицистический стиль этого языка. Отличительной чертой лексикографического подхода является особое внимание автора к языковым и стилистическим особенностям прекурской лексики.

2.3.5. Подготовка «Словаря словенских протестантских писателей XVI в.», который должен был быть первым в ряду исторических словарей отдельных периодов, спустя почти три десятилетия переходит из стадии сбора и систематизации материала в стадию составления. Методом сплошного расписывания всех сохранившихся печатных произведений протестантов была собрана картотека, насчитывающая свыше трех миллионов карточек. Лексикографические принципы словаря представлены в пробном выпуске, который был опубликован в 2001 г. В будущем словаре предполагается дать исчерпывающую характеристику графико-орфографических, морфологических, словообразовательных и в первую очередь семантических, а также связанных с ними синтаксических и частично стилистических особенностей всех заглавных словарных единиц.

2.3.5.1. К числу работ подготовительного этапа можно отнести также лексикографический труд под названием «Лексика словенского литературного языка XVI в.» (Ahačič, Legan Ravnikar, Merše, Narat, Novak 2011), который одновременно является и первой целостной информацией о лексике, относящейся ко времени возникновения словенского литературного языка. Заглавные слова в словарной статье сопровождаются указанием на частеречную принадлежность и другими грамматическими пометами. Приведен перечень источников, в которых встречено слово. Отражено также фонетическое, морфологическое, словообразовательное и частично орфографическое варьирование.

---

⁴⁵ Имеются в виду присяги горожан, торговых людей и представителей разных профессий в период с XVI до середины XIX в.

2.4. Диалектная лексикография

2.4.0. Большое количество и разнообразие словенских диалектов при небольшом числе носителей отдельного диалекта уже давно было стимулом для составления диалектных словарей.

2.4.1. Самыми ранними вариантами диалектного словаря можно считать Регистры, прилагаемые к переводу «Пятикнижия» Юрия Далматина (1578) и Библии (1584)⁴⁶. Печатные и рукописные словари прошлых столетий, включавшие словенский язык, в большинстве случаев содержали также и диалектную лексику. Учет диалектных особенностей и объем включенной диалектной лексики, как правило, были связаны с региональной принадлежностью автора словаря или зависели от места, в котором протекала его деятельность. Словарь Плелершника, который пытался охватить всю лексику прошлых столетий, актуальную и для своего времени, содержит также богатый и документированный материал из различных регионов словенского коммуникативного пространства. Это означает, что, будучи двуязычным и одновременно словарем общего типа, он обладает признаками (поли)диалектного словаря.

2.4.2. Первым научным словариком определенного диалекта был «Глоссарий церквянского наречия» Бодуэна де Куртенэ, опубликованный в 1885 г. (Boudouin de Courtenay 1885: 283–290, 432–462)⁴⁷. И только во второй половине XX в. выходит большой словарь чрновршского диалекта Томинаца (Tominec 1964). В следующих десятилетиях число диалектных словарей быстро росло. В них вошло большое количество лексики, употребляемой в различных регионах словенской языковой территории. Словари отражают в первую очередь лексику диалектов и говоров, находящихся на периферии словенской этнической территории. В направлении с запада на восток их можно полукругом расположить так: говор Св. Антона под Копером (Jakomin 1995), терский диалект⁴⁸, говор Биле (S. Giorgio) в Резии (Steenwijk 1992) и резьянские говоры вообще (Boudouin de Courtenay 1966), говор в окрестностях Гозда Мартулека на северо-западе Гореньской (Košir 1997), обирский диалект в Каринтии⁴⁹ (Karničar 1990) и вообще корошские говоры (Thesaurus 1982–1994)⁵⁰, белтинский прекурский говор (Novak 1985, 1996), северо-западную часть прлекского говора (Rajh 2010). Словарную «географию» словенских диалектов расширяют и дополняют словари двух центральных диалектов — уже упомянутый словарь чрновршского диалекта и пробный выпуск «Словаря говоров Задретской долины между Горним Градом и Назарьями» с буквами А–Н (Weiss 1998).

2.4.2.1. В течение нескольких десятилетий составлялся словарь костельского говора, но в силу стечения обстоятельств выпуск словаря был отложен. Готовятся также другие диалектные словари, например, словарь терского диалекта, автор Павле Мерку (Kenda-Jež, Weiss 1999, 41) и другие словари, которые дополняют монографические описания диалектов.

---

⁴⁶ Ср. 1.1.

⁴⁷ Ср. (Kenda-Jež, Weiss 1999, 27).

⁴⁸ Материал для него уже в конце XIX в. собрал поляк Бодуэн де Куртене, но в словарной форме он был издан только в 2009 г. благодаря усилиям Лиляны Спиноззы Монай, которая этот материал отредактировала и дополнила новой информацией.

⁴⁹ Словарь содержит лексику семантического поля «человек – животный мир – среда».

⁵⁰ В словарной части книги «Narodno blago iz Roža» представлен рожанский диалект (Šašel, Ramovš 1936).

2.4.2.2. Краткие словари диалектной лексики включены также в книжные издания диалектных текстов.

2.4.3. Авторы диалектных словарей, составившихся во второй половине XX в., — это или диалектологи, одновременно знающие и/или говорящие на диалекте (например, Томинец, Вейс, Карничар), или только носители диалекта, которые не были одновременно лингвистами и диалектологами (например, Якомин, Кошир, Вилко Новак). Словарь резьянского говора Била (S. Giorgio), входящий в монографическое описание диалекта, составил голландский диалектолог Стинвик, который является одновременно и исследователем и хорошим знатоком диалекта.

2.4.3.1. Словенские диалектные словари в основном, учитывая литературный язык, относятся к типу дифференциальных словарей. В некоторых словарях заглавные слова даются в литературной форме, в некоторых в диалектной (например, в словарях Якомина и Кошира). Методологически выделяется словарь белтинского говора Вилко Новака, который учитывал при написании заглавных слов фонологический принцип, при этом он опирался на региональную прекурскую литературную традицию. По сравнению со словарями общего типа отличительной особенностью диалектных словарей являются комментарии, которые факультативно могут дополнять словарную статью (Kenda-Jež, Weiss 1999: 39). Необязательным компонентом большинства из перечисленных диалектных словарей были иллюстративные примеры. Использование помет в диалектных словарях стало практиковаться только в последние двадцать лет. Их последовательное использование характерно преимущественно для словарей с хорошо продуманной концепцией, которые составлялись (или составляются) диалектологами (например, Карничар, авторы Тезауруса, Вейс).

2.4.3.2. Самым большим достижением словенской диалектной лексикографии двадцатого века считается «Тезаурус словенского народного языка в Каринтии» («Tezaver slovenskega ljudskega jezika na Koroškem»), который был задуман как многолетний проект (Kenda-Jež 2006, 26; Žejn 2006). Народный язык понимается как родной язык жителей определенного региона. Тезаурус — это одновременно и единственный словенский диалектный словарь, учитывающий социальную и функциональную дифференциацию языка. Он включает лексику всех диалектологических исследований в Каринтии, при этом даются пометы, указывающие на стратификацию и частотность, приводятся также данные об отражении этой лексики в словенских словарях литературного языка. С типологической точки зрения этот словарь можно охарактеризовать как несинхронный (включает выборки из литературы с первой половины XIX до восьмидесятых годов XX века) двуязычный (словенско-немецкий) научный словарь. Синхронный пласт в нем представлен данными современных диалектологических исследований и комментариями редакторов (Žejn 2006, 450). Опубликовано семь томов (А–М)⁵¹. Особо следует также отметить пробный выпуск «Словаря говоров Задретской долины между Горним Градом и Назарьями». Этот труд демонстрирует модель составления синхронного словаря одного диалекта (Kenda-Jež 2006, 26–27), но изначально высокий уровень информативности затрудняет реализацию этого проекта с привлечением всего материала.

⁵¹ Картотека содержит около 300 000 эксцерпций. В словарь предполагается включить приблизительно 12 000 словарных статей (Žejn 2006, 449; Karničar 2010).

2.4.4. Рост числа диалектных словарей в ближайшем будущем может быть мотивирован интересом словенских диалектологов к диалектной терминологии (Škofič 2001; Humar 2004, 26–27). Базу для них создают работы, исследующие разнообразную терминологию, употребляющуюся в различных регионах и диалектах (например, диалектные названия растений в добрепольском говоре, кузнечная терминология кропарского говора, полеводческая и виноградарская терминология в Истрии, рыболовецкая терминология говоров Триестского залива, наименования одежды в Каналской долине, виноградарская терминология на Гомиле при Коге, тесальная, пилильная, мельничная терминология и т. д.). В некоторых работах есть образцы словарных статей, что свидетельствует об интенсивном поиске концепции словаря.

2.5. Терминологические словари⁵²

2.5.0. Как и в других языках, в словенском языке отражение терминов в словаре было тесно связано с развитием терминологии, последнее же зависело от развития отраслей знания и от общественных условий.

2.5.1. Говоря об истории словенской терминологии, можно выделить несколько периодов наибольшего благоприятствования ее развитию. Одним из важнейших условий ее развития было введение словенского языка в школы, сначала в начальные (во времена Марии Терезии), а затем и в другие классы. Для времени просвещенного абсолютизма важным моментом был перевод официальных документов и специальных работ на словенский язык. Основы разнообразной терминологии закладывали учебники и специальные сочинения, публиковавшиеся во второй половине XIX в.⁵³ Количество отраслей, развивавших свой собственный язык, с середины XIX в. стремительно росло.

2.5.2. На формирование особого облика терминологии в различные периоды и на ее развитие существенно влияли те языки, с которыми в прошлом у словенского языка были тесные контакты. До середины XIX в. было сильное влияние немецкого языка, затем определяющим становилось влияние славянских языков, а применительно к тому времени, когда Словения была одной из республик Югославии, особо следует выделить влияние сербохорватского языка. Во второй половине XX в., особенно с момента обретения Словенией независимости (1991 г.) и далее, когда согласно конституции словенский язык становится официальным языком самостоятельного государства, в области терминологии все более заметно влияние английского языка. Значительное влияние латинского языка видно в терминологии отдельных (традиционных) специальностей (например, в ботанике, химии, медицине, фармацевтике).

2.5.2.1. Существующая терминология (например, сельскохозяйственная, конфессиональная, юридическая, природоведческая, медицинская и т. д.) была в прошлом хотя бы частично отражена в многоязычных словарях, как в полифункциональных, так и в словарях общего типа (например, в словарях Похлина, Гутсманна, обоих словарях Мурко

---

⁵² Обзор развития словенской терминологии и отражения ее в словарях здесь ограничивается только рамочным показом динамики развития того и другого, а также представлением типологии словарей на отдельных примерах. Целостная же картина ввиду высокого уровня дифференцированности терминологии и большого количества терминологических словарей в рамках настоящего очерка не может быть представлена.

⁵³ Ср. (Orožen 1979).

и т. д.). Тематический охват и объем отражения терминологии в самых больших словарях общего типа последних двух столетий (словарях Цигале, Плетершника и ССЛЯ) определялись исходной концепцией словаря. Начиная со словаря Цигале⁵⁴ и далее, термины сопровождаются наименованиями специальностей (Humar 1999, 240). Интенсивное развитие отраслей знания и производственной деятельности, рост специальных наименований вызвали к жизни необходимость отражения терминологии в специальных словарях. Заботу о том, чтобы словенцы получили как можно более полную научную терминологию, отражает труд Матея Цигале «Научная терминология с упором на средние учебные заведения» (*Znanstvena terminologija s posebnim ozirom na srednja učilišča*, 1880 г.) с обширной немецко-словенской и небольшой словенско-немецкой частью и с особо обозначенной лексикой различных специальностей (*Ibid.*). Цигале руководствовался убеждением, что использование интернационализмов оправдано, а образование новых выражений не должно отступать от словообразовательных моделей, существующих у других славян.

2.5.2.2. В первой половине XX в. появлялись прежде всего двуязычные (преимущественно немецко-словенские) терминологические словари практического характера. Они отражали почтовую, железнодорожную, автомобильную, ремесленную, торговую, горнодобывающую, рыболовецкую, философскую и другую терминологическую лексику, в том числе лексику узких специальностей (*Ibid.*). После основания в Любляне «Общества инженеров и архитекторов» в 1911 г., а годом позже (1912 г.) особой терминологической комиссией внутри общества началась работа по подготовке немецко-словенского технического словаря⁵⁵.

2.5.2.2.1. В деле дальнейшего формирования словенской специальной лексики большую роль сыграли профессиональные объединения, Университет (основан в 1919 г.) и Академия наук и искусств (1938 г.). План работы Академии наук и искусств включал также составление терминологических словарей. Этот план Академия начала реализовывать после Второй мировой войны в рамках терминологической комиссии и ее подкомиссий, а позже отраслевых терминологических комиссий (*Ibid.*)⁵⁶. Например, подкомиссия по технике подготовила «Общий технический словарь» I–II (1962; 1964; 1978; 1981), комиссия по сельскохозяйственной и пищевой терминологии подготовила проект «Сельскохозяйственного технического словаря» в 42 выпусках⁵⁷ в 1982 г. Начатая в 1982 г. работа по составлению ветеринарного терминологического словаря завершена в 2006 г. В Академии велась также работа по подготовке словаря юридической терминологии. В публикации «Юридический терминологический словарь. До 1991 г. Материалы» (1991 г.) представлены предварительные итоги проведенной работы. Концеп-

⁵⁴ В словаре Цигале сокращения указывают на целый ряд специальных отраслей (например, *geom.* = *geometrisch*).

⁵⁵ Для этого словаря после 1918 г. была собрана картотека, включающая приблизительно 50 000 выражений (Humar 1999, 240).

⁵⁶ Позже финансовым обеспечением издания терминологических словарей стали заниматься профессиональные общества. После открытия Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств такие труды создавались (и создаются) там (Adamič 1998, 14).

⁵⁷ До 2011 г. вышло несколько выпусков разного объема, в которых представлена специальная лексика различных отраслей, например, почвоведение (Sušin 1983), животноводство, защита растений, виноградарство, разведение трав и подготовка земли для выпаса скота как составная часть земледелия, садоводство (Adamič 1995) и т. д.

ции некоторых средних терминологических словарей представлены в пробных выпусках (например, медицинский, лесохозяйственный, библиотечный). Большая часть идей была уже реализована в словарях.

2.5.2.3. После Второй мировой войны было возможно обучение на словенском языке по всем специальностям. Словари охватывают все большее количество терминологических областей. С 1950 г. вышел целый ряд многоязычных словарей. Большая часть была подготовлена коллективами авторов. В число особо важных лексикографических принципов входит требование профессионально адекватного, точного, ясного и лингвистически правильного отражения терминов, что вызывало необходимость участия в этой работе лингвистов. Результаты такого сотрудничества отражают многочисленные многоязычные словари (например, резиновой и металлургической промышленности, статистический словарь, словари терминов бумажной промышленности, юридической и экономической терминологии и т. д.) и более редкие одноязычные толковые словари, как, например, ветеринарный, садоводческий, метеорологический, орфографический словарь медицинских выражений и т. д. (Humar 1998)⁵⁸.

2.5.2.4 В конце XX и начале XXI вв. многие отрасли и узкие специальности получили фундаментальные словари и лексиконы⁵⁹. Было опубликовано также много небольших узкоспециализированных словарей и несколько многоязычных словарей, предназначенных для международной профессиональной коммуникации в новых общественных и политических условиях⁶⁰ (Humar 1999: 241; 2004: 23–25).

2.5.3. Развитие терминологической лексикографии можно рассмотреть на примере юридической терминологии, имеющей самую долгую традицию в словенском терминоведении. С 1850 г. было опубликовано целых 23 юридических словаря, которые отражают развитие и изменение терминологии, а также преобразование способа лексикографической обработки термина (Müller 2002). Самыми большими достижениями, а также своеобразными вехами в развитии словенской многоязычной юридической лексикографии являются: «Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs», 1853 г. — работа нескольких коллективов (словенскую часть с помощью своих помощников подготовил Матей Цигале), «Немецко-словенская юридическая терминология» Бабника, 1894 г. и «Словенский юридический лексикон» П. Аповника и других, 1989 г.⁶¹ Перечисленные словари в момент их появления были тематически актуальны, т. к. опирались на действующую юридическую систему и на материал новейших юридических текстов.

2.5.4. Анализ типологии словенских терминологических словарей (опубликованных и составляемых) показал, что они могут быть одноязычными, многоязычными, толковыми или переводными, нормативными (если нормируют лексику с точки зрения языковой или терминологической адекватности) или ненормативными. Все три признака могут присутствовать в одном словаре. Среди терминологических словарей лишь

---

⁵⁸ О составлении терминологических словарей ср. (Košmrlj – Levačič 2005).

⁵⁹ Например, медицина (Slovenski medicinski slovar, 2002; 1007 стр.), атомная медицина, киноискусство, театр, электротехника (Ogorelec и другие 1997), ботаника (Botanični terminološki slovar, 2011), фармацевтика (Farmacevtski terminološki slovar, 2011), география (Geografski terminološki slovar, 2005).

⁶⁰ Например, словарь делового общения и словарь деловой лексики (например, Šega 1995; 1997) и т. д.

⁶¹ Словарь, состоящий из немецко-словенской (18 200 заглавных слов) и словенско-немецкой части (8800 заглавных слов), был подготовлен для словенского национального меньшинства в Каринтии. Терминология отражает австрийскую правовую систему (Müller 2002, 87).

немногие являются одновременно нормативными. Типологию терминологических словарей расширяют также словари с картинками. По своему качеству словари варьируются от богатых по своей информативности одноязычных толковых специальных словарей до многоязычных эквивалентных сопоставлений, в составе которых могут быть разные по степени своей употребительности словенские эквиваленты, и простых переводных специальных словарей.

Большинство новых терминологических словарей являются одновременно толковыми, нормативными и переводными (например, ботанический, пчеловодческий, фармацевтический, театральный, лыжного спорта). Словари, объединяющие наименования из разных сфер, имеют соответствующие указания.

2.5.5. Обращение к истории терминологической лексикографии показывает, что пройден путь от скромных рукописных коллекций⁶² до больших печатных словарей. Определение строгих границ жанра сейчас затрудняют многочисленные энциклопедии, включающие в словарные статьи толкования значений, характерные для словарей, например, такие оригинальные труды, как «Энциклопедия словенского языка» (Torošič 1992b) и десятилетия составляющийся «Словенский этнологический лексикон», 2004 г. или переводной «Библейский лексикон».

2.5.6. Стремительное изменение большинства отраслей знания, отражающееся и в терминологии, постоянно требует подготовки новых словарей. Некоторые специальности пытались компенсировать это повторными дополненными и исправленными изданиями существующих словарей⁶³. Решение было, как правило, краткосрочным. Некоторые из вновь возникающих современных отраслей должны были быстро и почти полностью перевести на словенский язык специальную лексику, ведь и сама отрасль зарождалась в иноязычной среде⁶⁴ (например, информатика, геновая инженерия, атомная энергетика).

2.6. Специальные словари

2.6.1. Фразеологические словари. Словенские фразеологизмы раньше были представлены в форме дву- и многоязычных словарей. Наиболее известен пятиязычный словарь, который в 1960 г. издал Йосип Павлица. Автор взял за основу 1000 словенских фразеологизмов и поговорок, но словарь был посвящен не столько показу и толкованию словенского материала, сколько сравнительной фразеологии. Вслед за пятиязычным словарем было опубликовано несколько двуязычных фразеологических словарей: хорватско-словенский (Menac, Rojs 1992), венгерско-словенский (Mukics 1993), немецко-словенский (Jenko 1994), словенско-итальянский (Fabjan Bajc 1995). Недостатки, отмечаемые в этих словарях рецензентами, в большой мере являются следствием отсутствия одноязычного толкового фразеологического словаря (Kržišnik 1995/96). Сейчас этот пробел восполняет фразеологический словарь, подготовленный Янезом Кебером (2011). В словаре представлена основная часть фразеологизмов, употребляющихся в словенском литературном языке (приблизительно 10 000). Составной частью сло-

⁶² В конце XVIII в., например, был составлен рукописный словарь ботанических наименований К. Цойса (Nunag 1999, 240).

⁶³ Например, «Словенский медицинский словарь» М. Чернича впервые был опубликован в 1957 г., при подготовке второго, значительно дополненного издания 1987 г. участвовали и другие специалисты.

⁶⁴ Самой влиятельной была англо-американская среда и соответственно английский язык.

варя является цитатный иллюстративный материал, сведения о происхождении фразеологических выражений и их соответствия в других европейских языках.

2.6.2. На «Словарь словенского литературного языка» как основной источник материала опирается ряд специальных словарей, уже подготовленных или еще создающихся в Институте словенского языка им. Франа Рамовша: словарь синонимов, фразеологический словарь и словарь сочетаемости. Концепции словаря синонимов и фразеологического словаря представлены также в виде пробных выпусков.

2.6.2.1. Объем словаря синонимов изначально определен принципом, что в него будут включены те словарные единицы, которые хотя бы в одном из своих значений вступают в синонимические отношения как минимум с одной словарной единицей (Ahlin, Lazar, Praznik, Snoj 2003, 9). Выбор синонимов определен рамками современного литературного языка.

2.6.2.2. Словарь сочетаемости подготовлен Андреей Желе (2008), автором целого ряда статей по проблематике сочетаемости слов, монографии «Сочетаемость в словенском языке (с акцентом на глаголе)» (2001)⁶⁵, а также справочника «Сочетаемость глагола: из теории в словарь» (2003). В словаре проанализировано с точки зрения сочетаемостных свойств более 2591 (производных и непродуцированных) глагольных единиц, что, по мнению автора, достаточно для полного отражения семантической и структурно-синтаксической сочетаемости в словенском языке (Žele 2003, 9; 2008, 7). Вслед за первым научным изданием последовала его вторая более упрощенная версия (Žele 2011).

Как готовящиеся к печати все три специальных словаря, так и уже опубликованные фразеологический словарь и словарь сочетаемостей демонстрируют, что необходимым условием актуальности словаря является учет данных электронных корпусов текстов словенского языка (особенно корпуса «Новое слово» — «Nova beseda»).

2.6.2.3. На основе ССЛЯ был также составлен «Словарь словенских омонимов» (1997)⁶⁶.

2.6.2.4. В Институте словенского языка им. Франа Рамовша, помимо перечисленных словарных трудов, подготовлен также словарь новой словенской лексики. Словарь содержит приблизительно 6500 слов и словосочетаний, появившихся в словенском литературном языке за последние 20 лет после публикации ССЛЯ. Поскольку большая часть новой лексики иностранного происхождения, очень важным компонентом информативности словаря являются этимологические сведения. Завершается работа по созданию нового, концептуально несколько переосмысленного и осовремененного «Словаря словенского литературного языка».

2.6.2.5. Опубликован пробный выпуск словаря однокоренных слов словенского языка (2004). Его подготовила Ирена Страмлич-Брезник. Он включает букву В (приблизительно 666 групп слов, с общим количеством 11 136 слов). Главным источником материала для него был ССЛЯ (600 групп однокоренных слов с общим количеством 7721 слово), а также «Лексический фонд» («Besedišče») и оба главных лексических корпуса («Nova beseda» и «FIDA», «FidaPLUS»).

---

⁶⁵ К числу работ, которые существенным образом определяли теоретические положения автора и влияли на формирование концепции словаря, относится монография Ф. Данеша и его соавторов “Větné vzorce v češtine” (Praha, 1987).

⁶⁶ Словарь включает 743 омонимических ряда с преобладанием двучленных рядов (Júlia Bálint 1997). Омонимы также, как и в ССЛЯ, определяются синхронно.

2.6.3. Если словенская лексикография согласованно пойдет по пути создания специализированных словарей, то к перечисленным достижениям и результатам, которые обещают ведущиеся работы, прибавятся новые, и том числе и новые типы словарей (например, орфоэпический, стилистический и др.).

2.7. Словари иностранных слов и заимствований

2.7.1. Необходимость написания особых справочников, которые бы объясняли значение слов иностранного происхождения, давно присутствовала в истории словенской лексикографии. Это доказывает, например, публикация в 1927 г. карманного словаря иностранных слов Глонара. Вслед за ним появляются словари иностранных слов Франа Брадача (1929 и 1942), Станко Бунца (1952) и достаточно большой словарь Вербинца (1968)⁶⁷. В 2002 г. вышел «Большой словарь иностранных слов», подготовленный коллективом авторов. Затем в 2005 г. появляются варианты словаря справочного характера в печатной и электронной версиях. Вслед за словенскими изданиями издаются словари словенских авторов за пределами государственной границы Словении. Последний словенский словарь иностранных слов отличается от более ранних объемом включенной лексики. Такой лексический фонд в связи с ростом количества иностранных слов в словенском языке стремительно увеличивается. Словенские словари иностранных слов, как правило, содержат достаточно большое количество специальной лексики. Из-за неизбежного дублирования в этой части терминологических словарей и словарей общего типа в последнее время появляются сомнения в целесообразности издания подобных справочников (Holz 2005).

2.7.2. Особую разновидность словаря представляют словарные обработки слов, заимствованных из какого-то одного языка. Такой словарь слов, заимствованных из немецкого языка, является составной частью монографии, подготовленной Стриедте-Темрс (1963). Небольшой список заимствований из немецкого языка (267 заимствованных слов, или 157 корней), извлеченных из теологического трактата Приможа Трубара «Длинное предисловие» («Ena dolga predgovor», 1558), представлен в виде словаря и этимологически прокомментирован в монографии Хелены Язбец (Jazbec 2007). Словарь 1888 русских слов, выписанных из рукописного словаря Водника и из опубликованного словаря Мурко, представлен в монографии А. Легрейд (1973).

2.8. Словари имен собственных

2.8.1. Существующие словари имен собственных очень различаются между собой. Среди них есть справочные издания смешанного типа. «Гидронимы» («Vodna imena») Франце Безлая содержат этимологические пояснения, «Лексикон имен» Кебера уже одним своим названием определен как справочник энциклопедического типа. Автор в нем исследует большую часть известных в Словении имен и их варианты. Ряд словарных трудов содержит словенские фамилии (например, Bezljaj 1974), некоторые — только фамилии, характерные для более узких географических зон (например, Merku 1982).

2.8.2. Справочник «Словенские областные имена» (1985 г.) преследует нормативные цели (варианты систематизированы по линии «литературное» – «диалектное»). Справочник «Античные имена по-словенски» (Aubelj 1997) приводит словенские эк-

---

⁶⁷ Как словарь Бунца, так и словарь Вербинца неоднократно переиздавались в неизменном виде.

виваленты античных имен с тем, чтобы их употребление было правильным и унифицированным. К числу новейших достижений в этой области относится «Этимологический словарь географических наименований» (Snoj 2009), где предпринята попытка ответить на вопрос о происхождении важнейших местных, областных наименований, оронимов, гидронимов (в 1600 словарных статьях), объясняется также происхождение некоторых известных наименований за пределами словенской этнической территории (в 208 статьях). Автор критически анализирует и дополняет уже известные ономастиологические сведения.

2.9. Двужычные словари

2.9.0. Дву- и многоязычные словари до конца XIX в. в основном выполняли функцию словарей общего типа. Вершиной такой лексикографии был самый богатый по своей информативности словарь Макса Плетершника. Этот словарь в развитии словенской лексикографии был своеобразной вехой еще и потому, что в нем присутствовали элементы многих специальных словарей. Эти элементы одновременно определяли и будущие тенденции в развитии лексикографии. Дву- и многоязычные словари, появившиеся после словаря Плетершника, были функционально уже. Они составлялись прежде всего с целью облегчить понимание языков (родного и иностранного/иностраных), по каким-то причинам контактирующих друг с другом, и обеспечить коммуникацию на этих языках. Составление словарей определялось разными нуждами. Кроме языков соседних народов (немецкий, итальянский, венгерский, хорватский, сербский и сербскохорватский), с которыми словенцы длительно контактировали (с разной степенью интенсивности в разные исторические периоды), по различным причинам в словарные комбинации включались и другие языки: оба классических языка (греческий и латинский⁶⁸), оба «международных» — английский и французский, эсперанто как международный искусственный язык, а также большие восточно- и западнославянские языки (русский⁶⁹, польский, чешский, словацкий). Нахождение словенцев в составе многонационального государства — Югославии, диктовало также подготовку македонско-словенского и албанско-словенского словарей. Включение Словении в новые экономические связи, вызванное процессами глобализации, требует новых словарных комбинаций словенского языка с иностранными языками. Перечень иностранных языков в двужычных словарях становится все длиннее. В него, кроме уже перечисленных, входят и другие иностранные языки: европейские, азиатские и языки, использующиеся на нескольких континентах (например, шведский, испанский, португальский, японский, китайский).

---

⁶⁸ Особого внимания заслуживает латинско-словенский словарь Виестхалера, который по своему замыслу входит в число самых больших двужычных словарей. В 1895 г. преподаватели латинского языка люблянской гимназии создали комитет по составлению латинско-словенского словаря. Во главе этого комитета был директор гимназии Фран Виестхалер. В 1925 г. вышел первый том словаря (A–facilis). Из-за отсутствия денег издание было прекращено. В несколько модернизированной форме словарь снова начал выходить в 1997 г., в 2007 г. издание было полностью завершено.

⁶⁹ Из славянских языков, представленных в комбинации со словенским в двужычных словарях, наиболее длительную традицию имеет русский язык. Мартин (Даворин) Хостник уже в 1897 г. составил средний русско-словенский словарь, а словенско-русскую часть в 1901 г. В двадцатом веке было опубликовано несколько русско-словенских и словенско-русских словарей, разных по объему и типологии.

2.9.1. Самую длительную и богатую лексикографическую традицию имеют словарные комбинации немецкого и словенского языков. Обзор двуязычных словарей, опубликованных после словаря Плетершника, отражает одновременно и тенденции развития двуязычной лексикографии в Словении. В начале XX в. составлялись небольшие немецко-словенские и словенско-немецкие словари для учебных и личных целей, а вслед за ними все более полные. Особо следует отметить словарную продукцию семейства Дебеньяк (Дорис, Божидар и Примож Дебеньяк). В 1974 г. впервые вышел (неоднократно переиздаваемый) «Немецко-словенский и словенско-немецкий словарь», составленный Дорис Дебеньяк. «Большой немецко-словенский словарь», подготовленный семьей Дебеньяк, был опубликован в 1992 г., а годом позже появилась его электронная версия, а затем и «Малый немецко-словенский словарь» (2004).

На длительное языковое соседство и необходимость взаимопонимания указывает также число двуязычных словарей, в которых в комбинации со словенским представлены итальянский, венгерский, сербохорватский или сербский и хорватский.

В последние десятилетия значительно возросло число англо-словенских и словенско-английских словарей различных типов и объема. Среди них также много терминологических. Двуязычные словари с включением словенского языка появлялись также на словенской этнической территории за пределами государственных границ Словении.

2.9.2. Большинство двуязычных словарей неоднократно переиздавалось, при этом были как стереотипные издания, так и дополненные и исправленные. Большинство авторов двуязычных словарей составило обе комбинации и их издало в одной книге. В последнее десятилетие появились электронные версии всех больших двуязычных словарей. Многие двуязычные словари включают также сжатые грамматические очерки языков. Наряду с большими двуязычными словарями издаются также средние, малые или карманные. В больших двуязычных словарях, которые все чаще составляет коллектив авторов, отмечается тенденция к актуальности лексического материала и информативной глубине. Оксфордский «Большой англо-словенский словарь» (первый том вышел в 2005 г.), являющийся результатом десятилетнего сотрудничества издательств «Oxford University Press» и DZS (Государственное издательство Словении), дает сведения о произношении, содержит грамматическую информацию, фразеологию, типовые примеры употребления слов и т. д.⁷⁰ Двуязычные словари в Словении публикуют издательства, ориентированные на рынок. Они же призваны заботиться о совершенствовании и расширении этих словарей, но в силу того, что книжный рынок маленький, эта задача трудновыполнима.

2.10. Лексиконы, энциклопедии и другие типы словарей

2.10.1. Очерк современной словенской лексикографии можно было бы дополнить, указав лексиконы, энциклопедические словари, особенно в тех случаях, когда граница между ними и словарями не совсем четкая. Поскольку в обоих типах справочников в центре внимания понятия и факты, мы выше привели только несколько наглядных примеров.

---

⁷⁰ Особенностью словаря является стремление представить в соответствующих функциях живой современный словенский язык, отраженный в словенских электронных корпусах (прежде всего в корпусе «FIDA»).

2.10.2. Словенскую коллекцию словарей нового времени разнообразит еще несколько не упомянутых выше типов словарей: например, переводные словари с картинками, словари сокращений, конкордантные словари и т.д.

2.11. Электронные издания словарей

2.11.0. Электронные издания словарей, которые обеспечивают простой и быстрый поиск информации, а также ее выбор по желанию, в последнее десятилетие стали все более частым событием и в словенской лексикографии. На CD представлены: «Словарь словенского литературного языка» (1998), «Словенский орфографический словарь» 2001 г. (2003), словарь Плелершника 1894–1895 гг. (2006)⁷¹, «Большой словарь иностранных слов», а также многие двуязычные словари, особенно те, которые пользуются большим спросом. На CD-ROM вышли большие словари (например, «Большой немецко-словенский словарь» уже в 1993 г.) и комбинации со словенским и иностранным языком в качестве исходного (например, «Испанско-словенский, словенско-испанский словарь» Антона Града, 2006 г. и др.).

2.12. Интернетные корпуса и словари

2.12.1. Современные лексикографические требования как можно большей адекватности словарной продукции в будущем можно выполнять только с помощью целевых компьютерных фондов и больших интернетных разностилевых или специализированных текстовых или лексических корпусов. Их цель — показать с помощью содержащегося в них материала реальное функционирование языковых средств, помочь выявить типичные или периферийные явления, определить изменения в языке и т. д.⁷² В Словении есть два представительных корпуса, которые постоянно растут за счет включения и обработки нового лексического материала и совершенствуются с точки зрения своей информативности. Это общедоступный лексический корпус «Nova beseda» («Новое слово») — собственность Института словенского языка им. Франа Рамовша, Научно-исследовательского центра при Словенской академии наук и искусств — и условно доступный корпус «FIDA» (владельцы — Философский факультет Люблянского университета, Институт им. Йожефа Стефана, Государственное издательство Словении DZS и фирма «Amebis»), дополненный и усовершенствованный вариант «FidaPLUS» финансировало Общественное агентство по научно-исследовательской деятельности Республики Словении⁷³. Оба корпуса одноязычные. «FIDA» (вместе с «FidaPLUS») — это корпус современного словенского языка конца XX – начала XXI века. «Новое слово» помимо современных (разностилевых) текстов содержит также несколько более ранних текстов. Формируются также корпуса специальных тестов, например, «Корпус словенского военного языка Grizold» (Gorjanc, Logar 2005). Часть словенской терминологии

---

⁷¹ Как новое книжное издание, так и электронная версия опирается на компьютерную транслитерацию словаря.

⁷² Ср. (Gorjanc 1999; 2000; Jakopin 2001 и 2003; Weiss 2001, 419–421).

⁷³ В 2012 г. корпус «Nova beseda» содержал 318 миллионов единиц (http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda.html), а корпус «FIDA» (1997–2000) в конце проекта — 100 миллионов единиц (Gorjanc, Logar 2005), а его продолжение «FidaPLUS» (2000–2006) в конце проекта — 621 150 000 слов.

гической лексики, например, включена также в многоязычную коллекцию «Евротерм», которая с 2000 г. общедоступна в интернете.

2.12.2. Современная специальная литература подчеркивает преимущества интернетных словарей и обращает внимание на первые словенские опыты в этой области. К ним, например, относится интернетный словарь информатики (Turk, Puc 2005, 34–35)⁷⁴, представляющий интерес и как модель для других терминологических словарей такого рода.

3. Тенденции развития словенской лексикографии

В число основных задач словенской лексикографии в следующем десятилетии безусловно входит продолжение и завершение уже начатых работ по составлению словарей (словаря синонимов, осовремененного издания «Словаря словенского литературного языка», первых выпусков словаря литературного языка XVI века, диалектных словарей, малого орфографического словаря и т. д.). Если забота о словенской специальной лексике останется актуальной и в условиях глобализации, то с одинаковой, а с учетом новых технологий и с большей интенсивностью будет вестись работа по подготовке разнообразных терминологических словарей. Изменение статуса термина, необходимость включения в словари новых терминов и прежде всего словенских переводных эквивалентов, замещающих иностранные наименования (преимущественно английские), делают целесообразным пересмотр и осовременивание уже существующих терминологических словарей. На основе имеющегося опыта и насущных потребностей можно сделать вывод, что в Словении в будущем к принятым типам словарей присоединятся также и интернетные. Успешное включение Словении в экономические и другие международные связи сделает возможным подготовку новых двуязычных словарей, либо недостающих в комбинации с противоположным исходным языком, либо дополненных и исправленных изданий уже существующих словарей. В словарной работе остается еще немало не упомянутых здесь пробелов, которые могло бы восполнить будущее.

4. Лексикология и лексикография во взаимосвязи

Как для словарей из прошлых столетий, так и для всех новых, в том числе и тех, что составляются в настоящее время, нужна была заранее продуманная концепция. Эта концепция должна была учитывать цель словаря, доступный материал, современный уровень развития словенской и зарубежной лексикографии, а также лингвистики (в целом или в определенных областях, таких, как этимология, диалектология, история языка и т. д.), других специальностей, с которыми лексикография соприкасается через словарную лексику. Результаты поиска наиболее приемлемых способов подачи материала и словарной информации отражены в словарных трудах. В последнее время словарные работы опираются, как правило, на результаты предварительно или параллельно проведенных теоретических исследований, с которыми лексикографы знакомят общественность в своих исследованиях, статьях и даже монографиях. Вклад в теорию

---

⁷⁴ Словарь доступен по адресу <http://www.islovar.org>.

лексикографии содержится в многочисленных работах, отраженных в прилагаемой библиографии, многие из них здесь не упоминаются⁷⁵. В связи со словарной работой в последнее время появился также целый ряд больших лексикологических трудов (например, Vidovič Muha 2000; Novak 2004; Snoj 2010 и др.).

Перевод О.С. Плотниковой

Литература приводится в конце оригинальной части (с. 244–251)

Тадеуш ПИОТРОВСКИЙ
(Польша)

ПОЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

1. Очерк истории польской лексикографии

Историю развития польской лексикографии можно разделить на три периода: 1) до 1795 г., 2) 1795–1939 гг., наконец, 3) с 1945 г. до настоящего времени. Это деление совпадает с политической историей Польши: период независимости до 1795 года, период разделов вместе с непродолжительным временем политической независимости, а затем — независимость, начиная с 1945 г. (относительная — до 1990 г. и полная — после 1990 г.).

Развитие словарного дела в Польше аналогично возникновению лексикографических трудов в других европейских странах. Первыми лексикографическими трудами, созданными в Средние века, были глоссы, глоссарии, а также вокабулярии, составленные для обучения латинскому языку. Одним из самых ранних, вероятно, 1424 г., является так называемый «Триденский вокабуляр» (*Wokabularz Trydencki*), содержащий 600 словарных статей. Два самых ранних печатных словаря относятся к 1528 году. Словарик голландца Яна Мырмелиуса (*Murmeling*, 1479–1527), озаглавленный «*Dictionarius Murmelii variarum rerum...*» (см. *Gruszczyński* 2000), приводил польские слова вместе с латинскими и немецкими, опирался на собрание поговорок, содержал около 2600 заглавных польских единиц, расположенных в традиционном тематическом порядке. Автор польской части неизвестен. Второй словарь 1528 года, составленный Франциском Мымером (*Mumerus*), «*Diccionarius trium linguarum: latinae, teutonicae etc. polonicae*», отражающий латинскую, немецкую и польскую лексику, содержал 2300 словарных статей. Эти словари имели тематическую (предметную) композицию, будучи созданными по образцу словарей Западной Европы.

Один из самых больших латинско-польских словарей, содержащий ок. 1000 страниц, составил Ян Мончиньски (1520–ок. 1587). Труд под заглавием «*Lexicon latino-polonicum*», изданный в 1564 г., содержал 20 500 словарных статей. Его макрострукту-

---

⁷⁵ Перечень можно было бы дополнить рядом работ, в которых рассматриваются различные проблемы лексикографии, в основном связанные с определенным типом словаря.

ра была уже алфавитной, однако в словаре использовался также гнездовой этимологический принцип построения, который позже использовался в других польских словарях. Этот словарь интересен также с точки зрения появления в нем разговорной лексики. Автор словаря не был католиком, что ограничивало число потенциальных покупателей; словарь был дорог, издан небольшим тиражом (500 экз.) и поэтому не оказал большого влияния на словарное дело в Польше. В 1585 г. польский язык, вместе с венгерским и английским, появился также в известном многоязычном словаре Амвросия Калепина (Calepinus Ambrosius. «*Dictionarium decem linguarum*») в лионском издании, а также в последующих его изданиях, например, 1590 г. Неизвестно, кто добавил польские эквиваленты; считается, что это сделал Мончиньски Петр или сам Ян. Польских эквивалентов насчитывается ок. 12 500, но зачастую они были плохо напечатаны и сильно искажены. Однако польский материал ценен тем, что автор не чувствовал себя связанным языковым соответствием. Польский язык появляется также в других многоязычных словарях эпохи Возрождения, например, в девятиязычном «*Teütsche Sprach und Weissheit. Thesaurus Linguae et Sapientiae Germanicae*» Георга Хениша 1616 г., который опирался на немецкий язык.

Наиболее важным словарем эпохи Возрождения в Польше является трехтомный труд, составленный иезуитом Георгом Кнапиусом, известным также как Кнапски(й). Он был опубликован в 1621–1632 гг. под названием «*Thesaurus Polono-Latino-Graecus*». Первый том, насчитывающий свыше 1500 страниц, содержал польско-латино-греческий материал, второй том — на 840 страницах — включал латинский индекс к первому тому, а третий том был собранием идиоматических выражений и пословиц, число которых достигало 1300 единиц. Этот словарь был важен для развития польской лексикографии с точки зрения новаторских методов. Методологически создатель словаря, опирался, по-видимому, на заграничные образцы предыдущего столетия, особенно на двуязычные словари с латынью и французским языком, составленные Анри Этьеном («*Dictionnaire François-Latin*», 1539/1549) и Робером Этьеном («*De la Conformité du Langage François avec le Grec*», 1565). Словарь Кнапиуса дает также информацию о проблемах взаимного перевода латинского и польского языков. Он также содержит значительную информацию энциклопедического характера. Считается, что словарь Кнапиуса насчитывает 40000 словарных статей.

Макроструктура словаря последовательно алфавитная, как идиоматические выражения, так и флективные формы и даже отдельные значения рассматриваются в отдельных словарных статьях. Внутри словарных статей имеются отсылки, часто приводятся синонимы. Иногда вместо иностранного эквивалента появляется толкование. В словарных статьях толкования упорядочены от более общих к специализированным. Эта черта типична для преобладающего большинства польских словарей. В словаре Кнапиуса не только приводятся примеры употребления отдельных слов, но также существуют отсылки к признанным авторам (43 случая). Интересно, что у него есть также коллокации. В словаре используется 150 помет. В отличие от Мончиньского (1564), Кнапиус осуществлял выборку слов, учтенных в словаре, пропуская те из них, которые признавал находящимися за пределами литературного языка (их он относил к «*dialectus maxime communis*»), например, варваризмы (даже распространенные), коллоквиализмы, вулгаризмы, а также маркированные жаргонные формы. По его мнению, язык — это относится и к его описанию в словаре — должен опираться на правила (норму) и

особенно должен быть лишен иностранных влияний. В связи с этим Кнапиус ввел ряд неологизмов, которыми хотел заменить иностранные слова и которые создал на основе чешского языка. Словарь Кнапиуса не является, конечно, словарем одноязычным, однако в его труде «польский язык не существует только для того, чтобы осуществлять переводы или быть переведенным на латинский язык, но, наконец, сам по себе является объектом внимания и изучения» (Puzynina 1961: 18); все это определяет значимость Словарь Кнапиуса для польской лексикографии.

Вплоть до середины XIX века «Тезаурус» Кнапиуса оказывал огромное влияние на последующие словари, не только польские, но и лексикографические труды, создававшиеся на основе литовского и латвийского языков. Сам словарь часто переиздавался (особенно второй том) или издавался в сокращенной версии. Материалы словаря Кнапиуса в большой степени были использованы и расширены в трехязычном французско-немецко-польском «Nouveau Dictionnaire François, Allemand et Polonais» в трех томах Абрахама Троца (Abraham Tros; фамилия пишется также: Trotz; ок. 1689–1769). Третий том этого словаря, польско-французско-немецкий, насчитывающий более 1500 страниц, появился в 1764 г. Троц был преподавателем польского языка в Лейпциге, где и опубликовал свой труд. В словаре Троца видны процессы исчезновения латыни как средства международного общения, с одной стороны, и возрастающая роль французского и немецкого языков, с другой. К словам, взятым у Кнапиуса, он добавил научную и техническую терминологию, много производных слов, иностранные слова, как новые, так и отвергнутые Кнапиусом, а также разговорную лексику. Троц был первым лексикографом, который ввел объединение значений слов в одной словарной статье, а также их нумерацию. Он широко употреблял пометы. Хотя число словарных статей в его словаре неизвестно, но оно значительно больше, чем в словаре Кнапиуса; некоторые страницы у Троца содержат вдвое больше статей, чем у Кнапиуса.

1795–1939 гг. Общие словари

Этот период открывает труд, который до сих пор остается весьма существенным для историка польского языка: «Словарь польского языка» (“Słownik języka polskiego”, 1807–1814) в шести томах Самуила Б. Линде (1771–1847) — первый одноязычный словарь польского языка. Более того, это также словарь одно- и многоязычный. Он появился очень поздно, если сравнивать его с достижениями других европейских стран, где первые одноязычные словари были изданы в XVII и XVIII вв. На фоне европейской лексикографии он выглядит, однако, чрезвычайно интересным опытом, хотя бы потому, что его создал немец, для которого польский язык не был родным (обширный список литературы по данному вопросу — см.: Matuszczyk 2006).

Словарь содержит ок. 60 000 словарных статей, причем он включает ок. 2000 имен собственных (Walczak 1991). Он охватывает лексику, начиная с XVI в. вплоть до начала XIX в. Словарные статьи, будучи расположенными в алфавитном порядке, одновременно сгруппированы в большие абзацы-гнезда, содержащие этимологически связанные словарные статьи. Этимологические выкладки Линде чаще всего наивные и, на фоне современных взглядов, устаревшие: например, еврейский язык был для него первичным языком. Словарная статья содержит, помимо заголовочного слова, его орфо-

графические варианты; грамматические пометы используются в соответствии с латинской грамматикой; в словаре приводятся параллели из других славянских языков, польское толкование, немецкие эквиваленты. Все значения сопровождаются цитатами, взятыми из сочинений 400 писателей, которые достаточно точно локализованы. В конце приводятся производные слова. Как значения, так и цитаты логически упорядочены: от конкретных — к абстрактным и специальным, например, научным.

Лексика, нашедшая свое место в этом словаре, охватывает триста лет, однако с точки зрения методов систематизации материалов это не исторический словарь (хотя именно так его называют в польской литературе) в узком смысле этого слова, так как на основе материала, содержащегося в словаре Линде, нельзя восстановить историю данной единицы языка. Историзм и исторический словарь — это наследие эпохи романтизма, а Линде и его словарь концептуально относятся к Просвещению.

Огромное собрание приводимых эквивалентов из других языков делает словарь Линде также словарем многоязычным. Зачастую даже немецкие эквиваленты кажутся в нем более важными, чем польские толкования — существуют словарные статьи, в которых нет толкований, но всегда есть немецкое соответствие. Представляется, что Линде, создавая большой толковый словарь, хотел приблизить польский язык к Западной Европе. В нем велико также число эквивалентов из других славянских языков (ок. 250 000).

Интересно, что в словаре можно найти слова (некоторые снабжены звездочками), которые, по-видимому, следуя за Кнапиусом, создал сам Линде. Таких статей ок. 5000 (Lewaszkiwicz 1980). Целью этих неологизмов было, похоже, восполнение лексических лакун польского языка, которые обнаруживаются при сравнении с лексикой других славянских языков. Однако в то время как Кнапиус последовательно опирался на чешский язык, Линде за образец взял, скорее, русский. Целью Линде, видимо, было сближение польского языка с другими славянскими языками. Ни один из этих неологизмов не вошел, однако, в польский язык. В цитатах Линде зачастую модернизировал правописание и флексии. Он также менял в цитатах слова таким образом, чтобы вся цитата не зависела от более широкого контекста и была понятной.

Линде не создавал нормативный словарь, поскольку он не проводил нормативный отбор фактов языка. Однако он имел в виду дидактические цели — его словарь должен был стать собранием лексики, из которого следующие поколения говорящих по-польски могли бы узнать, насколько всесторонним и богатым был польский язык. Линде и его аристократические меценаты таким образом хотели способствовать сохранению национального языка, поскольку после утраты государственности (после разделов Речи Посполитой в XVIII в., совершенных Австрией, Пруссией и Россией), велика была опасность, что вместе с государством исчезнет и польский язык.

Словарь Линде завоевал огромное признание. Это был первый сравнительный словарь славянских языков и один из первых в достаточной степени научных словарей одного славянского языка. Велико также было его влияние на другие польские словари и словари других языков, прежде всего, на чешские и особенно на словарь Юнгмана (“Slovník česko-německý”, 1835–1839), который ввел новые чешские слова на основе материалов Линде.

Труд Линде был прежде всего использован последующими польскими словарями, например, «Польско-немецким словарем» (1835), составленным Кшиштофом Мронго-

виусом (Mrongovius, 1764–1855), изданным в Восточной Пруссии, в Крулевце. Немецко-польская часть была опубликована в другом пограничном городе, Гданьске, в 1820 г. Этот словарь включает некоторое количество диалектных слов, а также разговорную лексику.

Влияние Линде заметно также в первом настольном словаре польского языка, каким является “Słownik wileński” (1861, Вильно, переизданный в Варшаве в 1986; см.: Walczak 1991). Этот двухтомный словарь, насчитывающий около 110 000 словарных статей, продвинулся дальше, если говорить о богатстве зафиксированной в нем лексики, представлении ее стилистического разнообразия на основе развитой системы стилистических помет и учете региональной (особенно периферийной) и обиходной лексики. Главным редактором словаря был Александр Зданович (1808–1868). Словарь этот оказал огромное влияние на другие польские словари с точки зрения структуры словарной статьи и принципа формирования словарных статей из лексического материала. Вероятно, благодаря этому словарь Здановича по-прежнему представляется совершенно современным.

В отличие от многих более ранних словарей, и особенно словаря Линде, словарные статьи в словаре “Słownik wileński” расположены строго в алфавитном порядке. В нем используется также большое количество помет, перечень которых приведен в начале словаря, чего в других словарях прежде не было. Словарь включает почти все словарные статьи, приведенные в словарях Линде и Мронговиуса. Из словаря Линде не взяты некоторые устаревшие слова. Почти 2000 словарных статей помечены как диалектные; словарь содержит много диалектизмов восточных территорий Польши и Литвы, а также достаточное число разговорных и научных лексем. Наиболее важной представляется структура словарной статьи, оказавшая огромное влияние на другие словари. Она очень наглядна, все значения пронумерованы. В словаре можно также найти много примеров, иногда основанных на цитатах из «Словаря польского языка» Линде или созданных самими авторами. Стоит также отметить фиксацию многих свободных фразеологических сочетаний и употребление научных латинских названий для обозначения названий растений и животных. Учитывая его влияние в области формы записи лексикографической информации, сегодня этот словарь можно считать одним из наиболее важных словарей польского языка.

Другим популярным словарем, издававшимся в течение нескольких десятилетий, был «Словарь польского языка» (“Słownik języka polskiego”, 1866) Эразма Рыкачевского (1803–1873). По сути, это был первый настольный словарь с большим объемом словарных статей. Рыкачевский, будучи полиглотом, проявил себя также как разработчик двуязычных словарей: польско-итальянского и итальяно-польского, и польско-английского и англо-польского.

Самым большим словарем среди изданных в Польше в XIX и XX веках был «Словарь польского языка» (“Słownik języka polskiego”) под редакцией Яна Карловича, Адама Крыньского, Владислава Недзведского, часто называемый «Варшавским словарем» (“Słownik warszawski”). Работа над ним началась в 1889 г. Тетради первого тома начали выходить в 1898 г., целиком первый том появился в 1900 г., а последний, VIII том, был издан в 1927 г. Однако концептуально словарь этот относится все же к девятнадцатому веку. Инициатором создания словаря и автором его концепции был Ян Карлович (1836–1903). В польской лексикографии он известен также как создатель «Словаря польских

говоров» (“Słownik gwar polskich”), а также незаконченного большого «Словаря слов иностранного... происхождения в польском языке» (“Słownik wyrazów obcego... pochodzenia w języku polskim”, 1894–1905).

Уже в 1876 г. Карлович планировал издание большого словаря польского языка, который своим объемом и качеством мог бы соответствовать другим словарям. Такой словарь должен был включать все зафиксированные польские слова вместе с их вариантами. Для каждого слова предполагалось воспроизведение его исчерпывающей истории посредством точно локализованных цитат, расположенных в хронологическом порядке. Предполагалось также учитывать в словаре свободные фразеологические сочетания, а также приводить точное грамматическое и, особенно, синтаксическое описание лексики. Широтой замысла Карлович опережал свою эпоху. К сожалению, ввиду отсутствия финансовых средств и достаточного количества квалифицированного персонала, «Варшавский словарь» не стал столь большим, как ожидалось, словарем и представляет собой компромиссное решение.

Тем не менее, до сих пор «Варшавский словарь» (“Słownik warszawski”) является самым большим словарем польского языка. Он содержит ок. 250 000 словарных статей (точных данных нет). «Варшавский словарь» вобрал в себя материалы предыдущих словарей, прежде всего, словаря Линде и «Словаря говоров» Карловича, с добавлением также выборки слов из средневековых текстов, не зафиксированных Линде. Таким образом, он охватывает польскую лексику всех социальных слоев и всех стилистических разновидностей от Средневековья до XIX в. Отсюда наличие в нем социолектов, например, воровского жаргона или обценной лексики. В словаре фиксируются лексические варианты (орфографические и флексийные), причем отдельно даются нормативные указания в виде предостережений для пользователя относительно употребления данного слова или его формы. Словарь содержит также (с соответствующим комментарием) формы, признанные неправильными.

Так же, как у Линде, структура словарной статьи основана не на историческом развитии значения слова, а на логических связях между значениями, которые расположены от конкретного к абстрактным и от наиболее частотных к наиболее редким или тем, употребление которых контекстуально обусловлено. Относительно немного внимания уделяется этимологии и вопросам грамматики. Цитаты, иллюстрирующие значения слов, лишены точной локализации, указывается только фамилия автора. На основании сложившейся практики, значения зачастую не толкуются, а описываются при помощи синонимических рядов. Метод этот, чрезвычайно распространенный в лексикографической практике, обычно достаточен для отечественного пользователя, которому словарь должен помочь в понимании текстов. Этот метод имеет то достоинство, что синонимы могут быть использованы также для создания новых текстов. Ту же цель выполняют отсылки к другим близким по значению словарным статьям, а также статьи, содержащие целые синонимические группы.

В словаре использовались различные, часто непроверенные, источники (например, излишне доверчиво цитировались материалы Линде), поэтому встречаются многочисленные неточности. Перед Второй мировой войной рецензенты, анализируя задачи словаря, указывали на отсутствие единства обработки собранного словарного материала. А уже после Второй мировой войны сами основы этого словаря, т. е. его принципиальная ненормативность и всеобъемлющий характер, были подвергнуты критике.

Правильно также указывалось на наличие в последних томах искусственных словарных форм (прежде всего имеются в виду префиксальные глаголы и их дериваты).

Перед Второй мировой войной появились и другие одноязычные словари. Словари, которые издавались в этот период Михаилом Арцтом (1840–1916), имели популярность благодаря своему замыслу, но не были особенно оригинальны, за исключением использования картинок-иллюстраций (их численность достигает 4300) для объяснения значения имен существительных в «Иллюстративном словаре польского языка» (“Słowniku ilustrowanym języka polskiego”. Т. I–III. Варшава, 1916, 1925, 1929). Арцту помогал Хенрик Галле (1872–1948). Сокращенными вариантами этого словаря были изданные после смерти Михаила Арцта «Малый словарь польского языка» (“Mały słownik języka polskiego”. Варшава, 1935) и «Настольный словарь польского языка» (“Podręczny słownik języka polskiego”. Варшава, 1939, 1957). В значительной мере они базировались на материалах «Варшавского словаря» и включали современную стандартную лексику. Словари эти содержат много фразеологизмов, хотя у авторов не было четкой и ясной концепции относительно задач словаря, отсюда большие расхождения при подаче материала в отдельных словарных статьях.

Конкурентное Арцту издательство Тшаски, Эверга и Михальского, имеющее традиции издания оригинальных и особо значимых трудов, а также умеющее привлечь к себе выдающихся авторов, в 1938 г. начало издавать «Словарь польского языка» (“Słownik języka polskiego”), ред. Т. Лер-Сплавинский (1891–1965). Разработка словаря началась в 1935 г., в 1939-м словарь дошел до статьи «Нормальный» (т. II). Хотя после войны можно было его закончить — так как, по-видимому, его материалы сохранились — идеи Дорошевского, готовившего после 1950 г. новый словарь (см. ниже), оказались столь привлекательными для государственных спонсоров, что дальнейшие работы были прекращены. Этот словарь, будучи более значительным по объему и методологически более зрелым по сравнению со словарями Арцта, он также содержал основную стандартную лексику. Существенным новшеством для польской лексикографии была фиксация принадлежности каждого заголовочного слова к определенной части речи.

Во время войны пропали материалы для тома дополнений к «Варшавскому словарю»: было собрано уже 60 000 словарных статей.

Период 1945–2006 гг.

Период 1945–2006 гг., в свою очередь, можно разделить на три более коротких периода: 1945–1970 гг., 1970–1989 гг. и 1989–2006 гг. Такое членение отражает периоды политического развития страны: в 1945 г. Польша оказалась в сфере влияния СССР, что означало: воздействие советских моделей, изолированность от остального мира, а также монополизацию издательского рынка. Однако для польской лексикографии этот период имел исключительное значение, поскольку именно тогда возникли основы современного польского словарного дела, а также были изданы или начали выходить важнейшие словари польского языка. В 1970 г. начался период либерализации и модернизации польской экономики, однако для лексикографии он знаменовал время относительной стагнации, так как в то время только продолжались работы, начатые в предыдущий период. Наконец, 1989 г. приносит полную политическую независимость, что означает возврат к свободному, конкурентному рынку, а также открытость для мира.

Приводимое ниже описание касается только общих словарей современного польского языка; научные словари будут охарактеризованы в разделе, посвященном типологии словарей.

После войны снова ожила идея издания дополнений к «Варшавскому словарю», однако вскоре она была отвергнута, и было принято решение издать новый словарь современного польского языка. Редактирование доверили Витольду Дорошевскому (1889–1976). После представления им в 1951 г. «Словаря современного польского языка (пробная тетрадь)» (“Słownik współczesnego języka polskiego”), его идеи были подвергнуты резкой и зачастую несправедливой критике. Дорошевский, защищая их и совершенствуя трактовку, представил теорию общей лексикографии на фоне истории польской лексикографии (Doroszewski 1954). Взгляды Дорошевского относительно задач лексикографии в целом, его интерпретация истории польской лексикографии и, прежде всего, осуществление его идей на практике, оказали огромное влияние на форму послевоенных общих польских словарей и, по сути, были действенными почти до конца XX в.; таким образом, лексикографическая модель Дорошевского доминировала в послевоенный период. Несмотря на то что она уже принадлежит истории, тем не менее эта модель по-прежнему оказывает огромное, хоть и опосредованное, влияние на польскую лексикографию через «Словарь польского языка» (“Słownik języka polskiego”), который остается самым важным словарем польского языка.

В результате, после упомянутых дискуссий, с 1958 г. стал появляться «Словарь польского языка» (“Słownik języka polskiego” — SJPDoг): десять томов и один том дополнений. Публикация его была завершена в 1969 г. (переизд. 1996–1997; версия на CD-ROM –1997). Подготовительные работы велись с 1950 г., в ходе их собрано ок. 6 500 000 карточек с цитатами из 3200 публикаций. На этой основе было сформировано 125 632 словарные статьи (115 636 словарных статей в основной части и 9996 словарных статей в дополнениях). Временные рамки охватывают период со второй половины XVIII в. до шестидесятых годов XX в., причем лексика начала этого периода описывалась избирательно. Следует подчеркнуть, что благодаря необычайно производительному труду коллектива, SJPDoг был создан чрезвычайно быстро.

С определенной точки зрения SJPDoг до настоящего времени является первым современным документированным словарем современного польского языка. Вообще первыми современными документированными словарями в Польше были «Старопольский словарь» (“Słownik staropolski”. Т. I. 1953) и «Словарь средневековой польской латыни» (“Słownik średniowiecznej łaciny polskiej”. Т. I. 1953). Документальная фиксация в SJPDoг точна и достоверна, однако серьезным недостатком словаря является использование более поздних (не первых) изданий источников, что приводило к тому, что издательские ошибки могли быть приняты за самостоятельные лексические единицы.

По сравнению с ранними польскими словарями SJPDoг имеет прозрачное строение словарной статьи, чем во многом обязан «Виленскому словарю». Его схема не учитывает исторический аспект; отдельные пронумерованные значения расположены от значений общих и конкретных (которые, согласно Дорошевскому, наиболее близки к реальности) к значениям переносным и техническим. Некоторого рода хронологическую систематизацию находим в многочисленных цитатах, которые зачастую расположены не так, как в исторических словарях: от цитат наиболее поздних к цитатам наи-

более ранним. В SJPDoг не представлены синонимы заголовочных слов. В нем содержится большое количество словосочетаний.

Совершенным же новшеством в словаре была грамматическая информация, разработанная Яном Токарским. Впервые польский словарь давал информацию, которая должна была показывать образование всех флективных форм изменяемых слов. Первый том SJPDoг содержит таблицу окончаний; каждая словарная статья снабжена соответствующим символом из этой таблицы. Эта схема не вполне удовлетворительна, например, она неэкономична: 58,3% проанализированных Груциньским существительных не изменяется по правилам, содержащимся в таблицах (Gruszczyński 1989: 87). Кроме того, так называемые функциональные слова были представлены значительно более точно и исчерпывающе, чем в предыдущих словарях.

Остальные элементы словаря, т. е. словарный состав и способ его описания, могут вызвать много замечаний. Материалы были подвергнуты очень тщательному отбору. Так, в SJPDoг процентное содержание новой лексики, т. е. лексики, не отраженной в предыдущих словарях, составляет лишь ок. 7% (в словарях же других языков — 22%).

Основы такой селекции понятны на фоне лексикографических взглядов Дорошевского. Согласно Дорошевскому, основной задачей лексикографии является улучшение отношений между людьми благодаря точной интерпретации вещей, к которым относятся слова. Фиксация и описание слов и словосочетаний подчинены этой основной цели. Интерпретация слов, обозначающих реалии, в словаре должна согласоваться с научным взглядом на мир и с требованиями общественной жизни. Можно сказать, что здесь видны три основных подхода к словарному описанию. Словари должны побуждать к смене взглядов пользователей словаря, таким образом, они имеют прогрессивный характер. Научное описание свойств вещи, подаваемое как описание значения слова, можно назвать описанием сциентистским. И, наконец, помещение в словаре слов и оборотов, считающихся соответствующими требованиям правильной речи, можно определить как нормативную установку.

Согласно теории Дорошевского, наиболее правильным описанием значения является реально-смысловая дефиниция, которая, по сути, не является описанием значения слова, а описанием реалий внешнего мира в духе сциентизма. Мерой правильности суждений о мире была для Дорошевского наука, научные же описания, включенные в толкование (дефиниции), должны были информировать пользователя о достижениях науки. Однако такие дефиниции плохо связывались с цитатами, имели общий характер, а выбор научных сведений, использованных при создании дефиниции, был чисто произвольным.

Дорошевский подчеркивал, что основным положением в его теории является нормативность. Согласно этому положению, лексикограф производит отбор лексики, которая должна оказаться в словаре. Дорошевский настаивал на том, что отбирать нужно только те слова, которые будут употребляться в будущем, т. е. выбор зависел от общественной значимости слов. Отсюда следовало то, что в SJPDoг опускались, например, очень многие разговорные слова, которые считались эфемерными, и не включалось большинство вульгаризмов как нежелательных лексем. Словарный состав, описанный в SJPDoг, можно определить как лексику письменной разновидности, прежде всего передающую говор Варшавы (например, большое количество производных с суффиксом *-ak*: *szoferak*, *inteligenciak* и др.), с большим насыщением бюрократизмами (напри-

мер, *kosztorysant*, *kosztorysiarz*, *kosztorysowiec*). Однако в SJRDor плохо представлена лексика, относящаяся к религиозной жизни. Наконец, зачастую структура словарной статьи и порядок значений в SJPDor взяты из предыдущего словаря¹.

SJPDor остается самым важным словарем современного польского языка. Следующие общие словари: «Малый словарь польского языка» (“Mały słownik języka polskiego” — MSJP) под ред. С. Скорупки, Х. Аудерской и З. Лемпинской (Варшава, 1968), новое издание — под ред. Е. Соболя (Варшава, 1993); трехтомный «Словарь польского языка Государственного научного издательства» (“Słownik języka polskiego PWN” — SJP PWN) под ред. Мечислава Шимчака (Варшава, 1978–1980), новое изд. — Варшава, 1995, а также «Настольный словарь польского языка Научного издательства PWN» (“Podręczny słownik języka polskiego PWN”) под ред. Е. Соболя (Варшава 1998) — являются, по сути, сокращенными версиями SJPDor, так же как и внешне привлекательный «Иллюстрированный словарь польского языка Научного издательства PWN» (“Ilustrowany słownik języka polskiego PWN”) под ред. Е. Соболя (Варшава 1999), в котором появляются иллюстрации, не применявшиеся в словарях польского языка с двадцатых годов (со времени словарей Арцта). Также двухтомный «Большой фразеологический словарь польского языка» (“Słownik frazeologiczny języka polskiego”) Станислава Скорупки (Варшава 1967–1968) в большей части основан на нем.

Трехтомный SJP PWN является, вероятно, самым популярным общим словарем польского языка, так как он был доступен в многочисленных изданиях (также в электронной версии), в настоящее время с ним можно бесплатно ознакомиться на сайте издательства PWN. В этом словаре еще сильнее сциентизм описания значения и заметны идеологические установки словаря. Например, в нем отсутствуют слова *stalinizm*, *stalinista*, *destalinizacja*, помещенные в SJPDor. Ухудшено грамматическое описание, как во флективных таблицах, так и в самих словарных статьях. В результате словарные статьи плохо связаны с таблицами. Зато в этом словаре было устранено много ошибок и неловкостей SJPDor, толкования часто улучшены, хотя большинство из них опираются на SJPDor и повторяют его ошибки.

После 1989 г., несмотря на возможность конкуренции, новые общие словари современного польского языка долго не появлялись. Соответствующей мастерской — коллективом профессиональных лексикографов — обладало лишь приватизированное Научное издательство PWN (Polskie Wydawnictwo Naukowe). Заметной переменной по отношению к модели Дорошеевского стали «Дополнения к SJP PWN» (“Suplement do SJP PWN”), изданные в 1992 г., восполнявшие лакуны последнего и содержащие новую польскую лексику. Впервые среди послевоенных общих польских словарей в «Дополнениях» появились выборочно коллоквиальные и обсценные слова. В издании 1992 г. из SJP PWN были убраны многие ошибки; нашли свое место почти все перечисленные выше «недостающие» слова, а также исправлены словарные статьи идеологического содержания на нейтральные. «Дополнения» включены в состав SJP PWN в новом издании 1995 г.

¹ Не исключено, что быстрые темпы обработки словаря заставили использовать уже готовые обработки лексического материала. Вероятно, этот фактор и стал причиной недостатков SJPDor (о некоторых из них см. ниже). Совершенно удивительно, например, то, что «Словарь близких по значению слов» (“Słownik wyrazów bliskoznacznych”) фиксирует значения, отсутствующие в SJPDor (см. Wawrzynczyk 1989), хотя главным редактором этого словаря был Станислав Скорупка, заместитель главного редактора SJPDor.

В 1994 г. в Познани (этот факт следует особо отметить, так как за небольшим исключением разработка словарей до сих пор производилась в Варшаве) появился первый том многотомного словаря современного польского языка, рассчитанного на 50 томов, — “Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny”, ред. Х. Згулкова. Судя по намерениям издателя и авторов, этот словарь имеет компилятивный характер, так как он базируется прежде всего на материалах других словарей. Это, по-видимому, первый крупный лексикографический труд в Польше на коммерческой основе — созданию его сопутствовала агрессивная рекламно-маркетинговая акция. Масштабы задуманного — огромны. По замыслу, словарь должен содержать всю необходимую пользователю информацию: описание значения, фразеологию, синонимы, нормативные пометы и т. п. К сожалению, в словаре много недостатков, он вводит совершенно искусственные лексические единицы, использует примеры неестественные или бессмысленные. Кроме того, словарные статьи также чересчур велики. На базе этого словаря не создана ни одна сокращенная или электронная версия.

В Кракове был подготовлен «Словарь современного польского языка» (“Słownik współczesnego języka polskiego”), изданный в Варшаве в 1996 г. под ред. Б. Дуная (новое измененное издание появилось в 1999 г.). Словарь базируется на традиционной выборке из текстов, а также использует материалы более ранних словарей. В нем содержится ок. 60 000 словарных статей, в том числе единицы, до настоящего времени не зафиксированные. В отличие от других современных польских словарей, каждый фразеологизм приводится в отдельной статье, в словарных же статьях находятся соответствующие грамматические валентности. В толкованиях, которые хотя зачастую и заимствованы из SJPDoG и производных словарей, используется современный язык, они проще и в значительной степени доступнее. Этот словарь был также механически сокращен, и имеет название «Популярный словарь польского языка» (“Popularny słownik języka polskiego”), ред. Б. Дунай (Варшава, 1999). Он доступен также в электронной версии.

Издательство PWN, самое большое словарное издательство в Польше, в 2000 г. в Варшаве опубликовало еще один словарь польского языка в двух томах (“Inny słownik języka polskiego PWN”, под ред. М. Банько). Он содержит около 40 000 словарных статей, 100 тысяч лексических единиц и 150 тысяч примеров; он основан на новаторской методологии описания языка (частично заимствованной у английских лексикографов-создателей серии словарей Cobuild), а также — дополнительно — на компьютерном корпусе текстов. Словарь содержит всестороннюю информацию: «нарративное» описание значения, грамматическое описание, нормативные пометы, фразеологию, синонимы и антонимы. Точность грамматического или, в целом, лексикографического описания очень высока, хотя нельзя не заметить также использования данных предшествующих словарей (встречаются описания значений, не совпадающие с узусом). Словарь этот, после устранения статей, которые могли бы вызвать возражения, с 2006 г. выходит как “Wielki słownik uczenia” (в двух томах), а в электронной версии он существует как «Мультимедийный школьный словарь» (“Multimedialny słownik szkolny”, 2005).

Тем же издательством подготовлен и «Универсальный словарь польского языка» (“Uniwersalny słownik języka polskiego”. Варшава, 2003; 2-е изд. — 2006) под редакцией С. Дубиша. Несмотря на то что в рекламных текстах издательство намекает на далеко идущие изменения, этот словарь представляет собой расширенную и измененную версию «Словаря польского языка PWN» (примерно 100 000 словарных статей),

куда выборочно введены имена собственные. Помимо добавления новейшей лексики, изменения заключаются в более последовательном упорядочении структуры словарной статьи, а также в добавлении новых примеров. Примеры эти не являются дословным приведением польских текстов. Этот словарь под тем же заглавием появился и в электронной версии, которая, хотя и менее объемна, но и имеет больше поисковых возможностей.

В 2005 г. начата работа над Большим словарем польского языка под редакцией Пйотра Жмигродского. Он должен стать научным трудом, учитывающим современные данные языкознания. Как первый словарь в Польше он должен быть доступным без всякой оплаты в Интернете (www.wsjp.pl; ср. Żmigrodzki i Przybylska 2007; 2008).

В продаже доступны также другие маленькие однотомные словари польского языка в основном издательств, занимающихся школьной тематикой, однако они явно вторичны по отношению к словарям PWN и не представляют особой ценности.

Интересным экспериментом является, несомненно, «Словарь 100 тысяч нужных слов» («Słownik 100 tysięcy potrzebnych wyrazów», ред. Е. Бральчик, 2005) издательства PWN, в котором содержится только список словарных статей вместе с толкованиями. Он является двойным экспериментом. Во-первых, этот словарь содержит черты толковых словарей двух типов: общего словаря (где фиксируется общеупотребительная лексика, хорошо известная носителю языка) и словаря иностранных слов (еще не ассимилировавшихся, но необходимых пользователю). Во-вторых, в общих польских словарях стандартно предлагается много информации, например: флексия, примеры употребления; в этом же словаре можно найти лишь толкования и пометы.

Другим интересным экспериментом был словарь, объединенный с энциклопедией, модель которого заимствована из французской лексикографии. Это «Всеобщая энциклопедия Larousse, или польская версия Le Petit Larousse Illustré. К сожалению, польский издатель совершенно потерял интерес к такой деятельности, и словарь отсутствует на рынке.

2. Методология — современные теоретические концепции

До середины XX в. не существовало описания лексикографических концепций. Появлялись лишь истории создания словарей. Методологические разработки появляются только с 1950 г., причем в период 1950–1990 гг. картина польской лексикографии, как и концепция описания языка в словарях современного языка, подчинялись взглядам Дорошевского (описанным в предыдущем разделе). Его утверждения повторялись в большинстве публикаций и закреплялись в издаваемых в то время словарях, идейно и содержательно опиравшихся именно на его теорию. Сегодня, хотя теоретические идеи Дорошевского не считаются обязательными, они по-прежнему оказывают влияние посредством продолжающих оставаться в обиходе словарей.

Если говорить об истории польской лексикографии, Пиотровский в ряде публикаций (1986, 1994, 2001) предложил иной взгляд на историю словарей в Польше (в кратком виде этот взгляд представлен в предлагаемом тексте), отличный от интерпретации Дорошевского и положительно принятый общественностью (см., к примеру: Bańko 2001; Żmigrodzki 2003). Пиотровский предлагает также, чтобы помимо обычной историко-лингвистической трактовки словаря, обычно опирающегося на какую-л. теоретическую кон-

цепцию, как реестра языковых единиц, воспринимать словарь как объект культуры и цивилизации, который можно анализировать с точки зрения истории культуры или социологии, а также понимать словарь как метод производства сложных книг и компьютерных программ. Этот тезис приобретает все больше сторонников (Bańko 2002: 24–25).

Если же речь идет о концепциях описания языка в лексикографии, отличных от концепции Дорошевского, в рассматриваемый период следует выделить несколько положений (большинство из них вытекает из дискуссий семидесятых годов на тему семантики и лексикографии, часто ссылающихся на достижения российских лингвистов, работающих в рамках модели Смысл-Текст). Одно положение касается представлений о единице языка и связанных с этим взглядов относительно семантики. В противовес традиционным взглядам Дорошевского на то, что является единицей языка и что чаще всего представляет собой также единицу словарного описания, появляются идеи современных польских семантиков, прежде всего Анджея Богуславского (Bogusławski 1988, 1994), а также Мачея Гроховского, которые, будучи созданы в более ранний период, дождались своего воплощения в виде словарей только в девяностые годы. Так, Богуславский, вместе с Яном Вавжиньчиком, издал труд под названием «Польский язык, который мы знаем» (“Polszczyznę, jaką znamy”. Варшава, 1993), представляющий собой род дополнения к существующим словарям. В нем на конкретных примерах показывается, как методологию Богуславского можно применить к описанию многих единиц языка. Мачей Гроховский в качестве реализации своих идей опубликовал «Словарь польских ругательств и вульгаризмов» (“Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów”. Варшава, 1995). В более упрощенной версии схожие идеи были использованы также в «Словаре современного польского языка» (“Słownik współczesnego języka polskiego”) под ред. Дуная, к сожалению, использованная им лексикографическая установка не была четко описана.

Согласно этим концепциям, в словаре единицей описания является не слово (одно-сегментное, как традиционно принято для лексикографии), а лексическая единица, которая может быть одно- и многосегментной, т.е. данная единица существует вместе с открытыми синтаксическими позициями, выражаемыми обычно (зачастую также индексированными) местоимениями. Единицы языка должны описываться в словарях, в которых они выступают как лексикографические объекты, т.е. единицы словарного описания. Причем один словарный объект должен в идеале соответствовать одной языковой единице. «Синтаксическо-генеративный словарь польских глаголов» (“Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich”) К. Полянского (Вроцлав; Краков, 1980–1993) в большей части также основан на этих концепциях. Подход Богуславского и Гроховского отличает большой методологический ригоризм, прежде всего структуралистский, из чего следует герметичность описания. Идеи Богуславского и Гроховского, несомненно, известны также по влиятельным публикациям Анны Вежицкой (Wierzbicka 1985; 1996), которая, несмотря на то что уже несколько десятков лет является австралийским ученым, всегда подчеркивает свои связи с польским и русским языкознанием, с одной стороны, и с методологией Богуславского, с другой.

Другой подход характерен для языковедов, интересующихся антропологической, этнографической лингвистикой, таких, как Ежи Бартминьски. Они выдвинули много упреков относительно способа описания лексики в словарях, опирающихся на методологию Дорошевского, так как они не отражают лексическую компетенцию поляка, его

«наивное мировоззрение». Языковеды-антропологи, во многом пользуясь методами Вежбицкой, своей целью ставят реконструкцию такого мировоззрения. Монументальным специальным словарем, который строится на основе этих взглядов, является «Словарь народных стереотипов и символов» (“Słownik stereotypów i symboli ludowych”). К этим языковедам принадлежал также Януш Анусевич, который (совместно с Я. Скавиньским) издал «Словарь польского разговорного языка» (“Słownik polszczyzny potocznej”), в нем использована ономаσιологическая структура, показывающая, по мнению авторов, доминанты разговорной речи.

Несомненно, концепции специалистов по семантике оказали большое влияние на новейшие словари и на их способ толкования слов. За исключением публикаций, опирающихся на «Словарь польского языка» под редакцией Витольда Дорошевского (SJPDor), в новейших словарях толкования обычно менее энциклопедичны, более понятны, заметна также большая забота об описании формальных аспектов, флексии и синтаксиса. Однако следует отметить, что помимо «Словаря современного польского языка» (“Słownik współczesnego języka polskiego”, под редакцией Дуная), эти концепции были непосредственно использованы в публикациях, которые не охватывают весь словарный состав, а только его избранные аспекты.

Очень интересное с методологической точки зрения описание всей общеупотребительной лексики можно найти в словаре, который по своему замыслу является популярным, под названием “Inny słownik języka polskiego PWN”. Теоретические положения, на которых базируется словарь, были описаны главным редактором, Мирославом Банько, в ряде публикаций, из которых самой важной является его монография (Bańko 2001). Банько использует достижения лексикографов и лексикологов польских (а также, традиционно, русских) и английских (особенно группы Джона Синклера). О том, что концепция этого словаря может оказать влияние на другие словари, свидетельствует факт создания общего словаря высокого качества исполнения, хотя он отходит от традиционного стереотипа польского словаря. Теоретические взгляды Банько уже повлияли на словари польского языка, особенно для детей и молодежи.

Следует отметить, что нормативный подход к фиксации и описанию лексических единиц, который, вслед за Дорошевским, был характерен для всех популярных словарей, изданных до 1990 г., позже был естественным образом отброшен. После 1990 г. именно маркированная лексика — разговорная, обсценная и социально обусловленная — быстрее всего подверглась лексикографическому описанию, хотя словарная обработка этой лексики началась еще раньше. Все современные словари для взрослых содержат вульгарные и разговорные единицы. Несмотря на то что время от времени появляются голоса протеста (чаще всего учителей), подавляющее большинство пользователей не видит ничего ненормального в том, что в словарях можно найти слова, с которыми поляки могут столкнуться в своем обиходе.

Стоит вспомнить еще об одной методологии, необычайно плодотворной именно в лексикографии, т.е. об использовании компьютерных корпусов естественного языка. В Польше до середины девяностых годов не было заметно большой заинтересованности в корпусных методах. В 1996 г. приступили к работе над коммерческим корпусом для научного издательства PWN. Прежде всего для нужд лексикографии создан Национальный корпус польского языка, в 2011 г. насчитывавший свыше 1,5 миллиарда единиц (<http://hkjp.pl/>).

3. Словари — типология

Этот подраздел содержит две части: первую, посвященную словарям для неспециалистов, вторую, — словарям для специалистов.

Словари для неспециалистов

М. Банько (Bańko (2003) приводит результаты анализа книжного рынка, главным образом варшавского, 2002 г., и опосредованно показывает не только структуру польских словарей для неспециалистов, но также их популярность. Они приведены в следующей таблице.

Распространение типов словарей в Польше в 2002 г.

тип словаря	количество заглавий	процентное участие в торговле словарями	популярность
<i>орфографические</i>	46	48	1
<i>иностранных слов</i>	14	15	2
<i>синонимов</i>	13	14	3
<i>общие</i>	11	12	4
<i>нормативные</i>	6	6	5
<i>фразеологические</i>	5	5	6
<i>ВСЕГО</i>	95	100	

Эта таблица отчетливо показывает традиционализм лексикографии в Польше. Все типы словарей, указанные в таблице, Пиотровский приводит в статье 1987 г. (Piotrowski 1987), в которой говорится о совершенствовании лексикографии в Польше, о словарях и их пользователях; его оценка популярности отдельных типов словарей совершенно такая же, как это следует из данных таблицы. Из этого вытекает, что изменилось лишь количество словарей отдельных типов — раньше каждый тип был представлен чаще всего одним заглавием, сейчас — многими; однако разнородность описания лексики не изменилась.

В этой структуре поражает деление информации на определенные типы, каждый из которых описывается в отдельном словаре: нормативное правописание (орфографический словарь), значение редких слов (словарь иностранных слов), различие стилей (словарь синонимов). Издатели не публикуют труды, которые приводят разнородную информацию в одной книге. Иными словами, не существует простых для восприятия словарей с универсальными тенденциями, которые, между прочим, приучали бы читателя пользоваться более сложными трудами, а также были бы попросту для него более полезными. Больше всего заставляют задуматься серии словарей, созданных для детей, в которых бездумно повторяется структура словарей для взрослых, в то время как ребенок, вероятно, скорее воспользовался бы одним словарем. Появляются редкие исключения; наиболее удачным является «Орфографический лексикон» (“*Łeksykon ortograficzny*”), скорее для детей школьного возраста, Эдварда Полянского и Пиотра Жмигродского, — одна из первых попыток создания польского словаря, объединяющего функции словаря нормативного, орфографического и словаря иностранных слов.

Другой попыткой является «Словарь 100 тысяч нужных слов» (“Słownik 100 tysięcy potrzebnych wyrazów”), скорее, для взрослого пользователя, в котором снова отсутствует какая бы то ни было информация нормативного характера (кроме правописания заголовочных слов).

В польской лексикографии существует много словарей иностранных слов и орфографических словарей; распространение указанных типов словарей — это, несомненно, черта, отличающая польскую лексикографию. Они привлекательны для пользователей, так как удовлетворяют наиболее актуальные их потребности, касающиеся графической формы слова, которую они не могут правильно написать, и относительно значений редких слов, которых они не знают. Заглавия этих словарей достаточно обманчивы, поскольку орфографические словари зачастую воспринимаются как словари грамматические, они фиксируют также флективные формы слов, а словари иностранных слов не содержат всех иностранных слов, а только неассимилированные, т. е. такие, которые могут быть непонятны отечественным пользователям. Словари иностранных слов являются, по сути, продолжением словарей трудных слов эпохи Возрождения. Отсюда отсутствие в них грамматической информации или примеров употребления.

В немецкой лексикографии словарь орфографический и словарь иностранных слов, или, более широко, слов трудных, объединены в одну публикацию, которая также имеет обманчивое заглавие «Duden Rechtschreibung» (Лейпциг, 1880) Конрада Дудена. Вполне вероятно, что этот немецкий словарь оказал влияние на польскую лексикографию, например, через «Орфографический словарь с добавлением непольских слов и оборотов» (“Słownik ortograficzny z dodatkiem niepolskich wyrazów i wyrażeń”. Познань, 1887) А. Ежиковского.

Типы словарей

Обзор носит тематико-хронологический характер: лексикографические публикации рассматриваются в группах, посвященных отдельным типам, в хронологическом порядке. На странице <http://leksikografia.uw.edu.pl/> можно найти описания важнейших словарей, а также заголовочные статьи. Описание в этой статье не охватывает всех словарей, их сейчас достаточно, но многие из них не представляют большой ценности.

Словари общие

Словари этого типа были рассмотрены выше в части, посвященной истории польской лексикографии, они оцениваются как самый важный тип словаря. Здесь следует отметить, что в настоящее время в постоянной продаже доступны все послевоенные общие словари (переизданы также некоторые значительно более старые). За небольшими исключениями, они были пересмотрены и дополнены, а также очищены от излишней идеологизации.

Нормативные словари польского языка

Общими словарями, в которых доминирует дидактическо-нормативная функция, являются так называемые словари правильного польского языка. Они продолжают традиции нормативных справочников, представленных в Польше трудами, например, Антони Красновольского (Варшава, 1903), Адама Крыньского (Варшава, 1921, 1931), Ста-

нислава Слоњского (Варшава 1947) и, прежде всего, «Орфоэпическим словарем» (“Słownikiem ortoepicznym”, Варшава 1937, издание VIII-е под заглавием «Словарь правильного польского языка» (“Słownik poprawnej polszczyzny”. Варшава, 1971) Станислава Шобера и «Словарем правильного польского языка» (Варшава, 1973) под редакцией Витольда Дорошевского и Халины Курковской. В 1999 г. в Варшаве появился «Новый словарь правильного польского языка PWN» (“Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN”) под ред. Анжея Марковского, который ранее отредактировал меньший по объему «Практический словарь правильного польского языка PWN» (“Praktyczny słownik poprawnej polszczyzny PWN”. Варшава, 1995). Это типичные словари, в которых узуальные варианты принимаются как второстепенные, а трудности решаются отсылкой к априорным критериям языковой правильности, а также интуиции автора.

Другим способом описания языковых вопросов пользуются Мария Краевская и Мирослав Банько в справочнике под названием «Словарь трудных слов» (“Słownik wyrazów kłopotliwych”, Варшава 1999); они полагают, что должны учитываться не только мнения нормативистов, но также «отчетливые тенденции развития... языковой узус и пригодность отдельных языковых средств к выражению мысли». Так же они поступают — ссылаясь на зафиксированный в текстах узус — в своей, образцовой по многим показателям, публикации.

Орфографические словари

«Орфографический словарь с добавлением непольских слов и оборотов» (“Słownik ortograficzny z dodatkiem niepolskich wyrazów i wyrażeń”. Познань, 1887) А. Ежиковского — это одна из первых в Польше публикаций, озаглавленных «Орфографический словарь». Другими авторами ранних орфографических словарей были, среди других, В. Коковски (Варшава, 1903), М. Галле (Варшава, 1907), А. Пассендорфер (Варшава 1911). Особенно много орфографических словарей появилось незадолго до Второй мировой войны. Именно в начале XX века ситуация в польском правописании не только не была стабильной, но не было консенсуса относительно способа ее унификации. Два влиятельных центра, краковский и варшавский, выдвигали собственные предложения. В 1918 г. было установлено новое правописание, кодифицированное в «Польском правописании» (“Pisowni polskiej”) Лося; книга содержала также орфографический словарь. Лось издал также отдельные «Принципы новой польской орфографии и орфографический словарь» (“Zasady ortografii polskiej i słownik ortograficzny”. Львов).

Проявлялись, однако, неточности, а также противоречия между общими правилами и словарем в «Польском правописании». Наконец, в 1936 г. утверждено новое польское правописание, с некоторыми изменениями в целом обязательное по нынешний день. В 1936 г. появилось также много орфографических словарей, кодифицирующих новые положения. Такие словари можно было найти, среди прочего, в публикациях Нитша, или Польской академии наук. Прежде всего стоит отметить шестое издание наиболее объемного до семидесятых годов двадцатого века, насчитывающего 60 000 словарных статей, «Орфографического словаря» («Słownika ortograficznego») М. Арцта. Небольшой словарь издали Тшаска, Эверт и Михальски. Наконец, в 1936 г. во Львове появилось первое издание широко известного справочника «Основы польского правописания и пунктуации с орфографическим словарем» (“Zasady pisowni polskiej i interpunkcji ze słownikiem ortograficznym”) Йодловского и Витольда Ташицкого, а их

орфографические словари, часто издаваемые после 1945 года, стали почти кодификационным стандартом примерно на 60 лет. Помимо их словаря, другим популярным, хотя значительно большим, справочником был «Орфографический словарь польского языка PWN» (“Słownik ortograficzny języka polskiego PWN”, ред. М. Шимчак, Варшава 1975), часто переиздававшийся вплоть до 1995 года.

До 1990 года совершенствовались и дополнялись только орфографические словари (и словари иностранных слов), а количество их изданий и тиражи в несколько раз превышали тиражи общих словарей польского языка (Piotrowski 1994). Нет возможности упомянуть все орфографические словари последнего периода; их публикуется огромное количество, вероятно, потому, что они кажутся самыми простыми для написания. Автор библиографии этих словарей, Данута Пипэр (Piper 2003) утверждает, что с 1936 по 2002 появилось, по крайней мере, 54 названия (по другим источникам их количество достигает 64), из них с 1991 вышло 46 словарей (57 публикаций), то есть 85 % от общего количества названий.

В целом словари делятся на три группы, определенные по количеству словарных статей: малые — до 20 000 статей, средние — от 20 000 до 60 000 статей, большие — свыше 60 000 словарных статей. Малых словарей, конечно, больше всего. Частым явлением является обработка нескольких словарей одним автором. Несколько изданий представили К. и М. Титтенбуны («Настольный словарь» — “Podręczny słownik” — 1992, «Универсальный словарь» — “Uniwersalny słownik” — 1999, «Большой орфографический словарь» — “Duży słownik ortograficzny” — 1997), Франчишек Новак («Орфографический словарь» — “Słownik ortograficzny” — 1999, и другие — 1995, 1998 гг.). Особенно плодовитым является Эдвард Поляньски, издающий, самостоятельно или в соавторстве, орфографические словари (по меньшей мере — 8) в пяти издательствах (например, с Новаком в 1995 г., со Жмигродским в 1999 г., а также «Орфографический словарь для самых маленьких» (“Słownik ortograficzny dla najmłodszych”) профессора Эдварда Поляньского (1999). Среди этих шаблонных изданий выделяется «Орфографический словарь ученика» (“Słownik ortograficzny ucznia”) З. Салони, К. Шафрана и Т. Врублевской (Варшава, 1994), который содержит лишь слова и их формы, вызывающие затруднения в правописании. После смерти Йодловского и Ташыцкого их труд продолжает Данута Йодловска-Веселовска, которая в девяностые годы издала также собственные словари (например, «Орфографический словарь» — “Słownik ortograficzny” — 1998, «Школьный словарь. Орфография» — “Szkolny słownik. Ortografia”) во многих вариантах.

Все больше появляется больших орфографических словарей, содержащих свыше 100 000 словарных статей. Словари эти все отчетливее начинают превращаться в реестры слов, существующих в польском языке (такой подзаголовок имеет один из них, Карповича; см. тоже Wawrzyńczyk 2002). А ведь в своей основе они нормативные, прескриптивные, представляют собой одно из важнейших орудий кодификации языка и должны давать только формы, рекомендованные к употреблению, в то время как во многих словарях только фиксируются встречающиеся в текстах формы специальных или архаичных слов, а их правильность не оценивается. Начало этой тенденции положил изданный в 1996 г. «Новый орфографический словарь PWN» — “Nowy słownik ortograficzny PWN”) под ред. Эдварда Поляньского с 125 000 словарными статьями. Функции реестра были подчеркнуты в нем приведением толкований. Более ортодоксален «Большой орфографический словарь польского языка» (“Wielki słownik ortograficzny języka pol-

skiego”, под ред. А. Марковского. Варшава, 1999), но, чтобы расширить количество словарных статей, в него введены, между прочим, без всяких сокращений, флективные формы, также такие, которые не вызывают особых затруднений. Следующий большой словарь издал Ян Гженя (более 100 000 статей; Варшава, 2000), где зафиксировано множество редко встречающихся слов, а позже Томаш Карпович (160 000 словарных статей; Варшава 2001). На той же основе, что и словарь Вильги, был разработан «Большой орфографическо-флективный словарь» (“Wielki słownik ortograficzno-fleksyjny”. Варшава, 2001), в котором представлено 182 154 словарные статьи.

Наконец, еще раз стоит вспомнить «Орфографический лексикон PWN» (“Leksykon ortograficzny PWN”. Варшава, 2001), очередной труд Эдварда Полянского и Пиотра Жмигродского, который является одновременно орфографическим, грамматическим и толковым справочником трудных (иностранных) слов. Это первый польский словарь, который пытается быть словарем, удовлетворяющим наиболее существенные потребности пользователей. Предназначенный прежде всего для учащихся средних школ, он содержит ок. 50 000 словарных статей. В значительной мере он основан на материале «Нового орфографического словаря» (“Nowy słowniki ortograficzny”).

Словари иностранных слов

К началу XX века вышли словари Ксаверия Лукашевского (Крулевец, 1847), Я. Рашевского (Быдгощ, 1847), Михала Амшеевича (Варшава, 1859), а также Юзефа Блотницкого. В словаре Амшеевича появляется много фраз, иллюстрирующих употребление слов; более поздние словари отступили от этого положения. Несомненным бестселлером был труд М. Арцта «Словарь иностранных слов» (“Słownik wyrazów obcych”), многократно переизданный. На его основе разработано много словарей поменьше. Снова Тшаска, Эверт и Михальски издали конкурентный труд — «Энциклопедический словарь иностранных слов» (“Encyklopedyczny słownik wyrazów obcych”. Варшава, 1939), до сих пор считающийся одним из самых обстоятельных.

После 1945 г. долго продержался словарь Зыгмунта Рысевича (1954; 12-е изд. — 1967); несмотря на то что над ним работали выдающиеся знатоки языка, он был заражен пропагандой и коммунистической идеологией. В 1959 г. появился маленький словарь Ф. Якубовского (Варшава, 1959), а первое издание популярного и доступного словаря Владислава Копалинского вышло в 1967 г. Сейчас он по-прежнему доступен во многих редакциях; вместе с электронной версией он опубликован несколькими разными издательствами, хотя создается впечатление, что его популярность уменьшилась, хотя бы потому, что он не слишком адекватно описывает современный словарный состав; вопросы, например, современной техники явно чужды автору. Словарь Копалинского, систематически изменяемый, вместе со значительно большим «Словарем иностранных слов PWN» (“Słownikiem wyrazów obcych PWN”) под редакцией Яна Токарского (1971; новое издание — 1995) принадлежал к самым популярным. Копалинский составил также своеобразный ономаσιологический словарь иностранных слов, «Словарь напоминаний» (“Słownik przypomnień”, Варшава 1992), вероятно, однако, не до конца продуманный. Новая отредактированная версия «Словаря иностранных слов PWN» появилась в 2005 г. Из него удалены многие словарные статьи, о которых можно сказать, что они полностью ассимилировались, в то же время добавлено много новых словарных статей, также почерпнутых при анализе корпуса текстов. Информация в словарных ста-

тнях расширена путем добавления флективных форм, приведены также словообразовательные дериваты. Словари иностранных слов могут служить также настольными этимологическими словарями, так как этот тип информации по каким-то причинам обычно считается в них весьма существенным. Этимологические сведения в словаре PWN подготовлены специалистами и выделяются высоким уровнем среди других словарей. Словарь PWN без сомнения является сейчас самым большим словарем этого типа.

Авторами менее крупных словарей были, например, А. Марковски (1995), М. Бочан (1997) или Р. Павелец (1999) в интересном нарративном словаре для детей PWN, а также Тереса Марчинов (1999), М. Яроша (под редакцией Ирэны Каминьской-Шмай, 2001). Павелец вместе с Марковским были также авторами «Словаря иностранных и трудных слов» (“Słownika wyrazów obcych i trudnych”), разработанного для издательства Вильга в Варшаве. Это первый большой словарь иностранных слов, изданный по современному, в котором появляются примеры употребления слов (к сожалению, придуманные авторами), а также нормативные пометы, которые, без сомнения, более существенны для пользователей таких словарей, чем для пользователей общих словарей.

Словари синонимов и антонимов

Первым словарем этого типа был труд Антония Красиньского 1885 года, в котором автор в обширных словарных статьях объяснял значение синонимов, а также разницу между ними. До последнего времени одним из наиболее интересных словарей был «Подбор слов» (“Dobór wyrazów”, 1926) Романа Завилиньского, первый польский словарь, группирующий польские слова ономаσιологическим способом, согласно значениям, составленный по образцу известного тезауруса англичанина М. Роже (1852). В течение многих лет, однако, он пребывал без продолжения в забвении.

В 1957 г. был издан очень хороший «Словарь близких по значению слов» (“Słownik wyrazów blizkoznacznych”, под ред. Станислава Скорупки, Варшава 1957; новое издание — 1999), благодаря многочисленным примерам употребления синонимов особенно подходящий для неспециалистов. До 1990 г. это был единственный словарь синонимов (при этом не было ни одного словаря антонимов). Позже появились и другие, в большинстве своем они использовали материалы Скорупки, среди прочих, словари В. Ценковского (1990, 1993), Т. Мики (1997), Павлус (1997), и основывающиеся на оригинальных концепциях словари З. Кужовой (1998, 24 000 единиц) или П. Жмигородского (1998; 15000 единиц). Для подготовленного читателя предназначен большой новаторский «Словарь синонимов» (“Słownik synonimów”) А. Домбрувки, Э. Геллер и Р. Турчина (1993; 50 000 значений), а также «Словарь антонимов» (“Słownik antonimów”) А. Домбрувки и Э. Геллер (1995; 64 500 значений). Эти два последних труда, по сути, тематические словари: они не приводят точных синонимов, но более свободно связанную между собой лексику. В 2005 г. появился «Большой словарь близких по значению слов PWN» (“Wielki słownik wyrazów blizkoznacznych PWN”), в котором в 80 000 словарных статьях используются отношения, описанные структурными семантиками, такие, как гипонимия и метонимия. Это первый словарь, в котором явно продемонстрированы языковедческие приемы. Большим словарем является публикация В. Бронярка «Когда тебе не хватит слова. Словарь синонимов». Он очень богат, включает только списки близких по значению слов. Концепция была заимствована из английской культуры, опирается на словарь: *Rodal J. The Synonym Finder.*

Словари фразеологические

Первым серьезным лексикографическим трудом в Польше, фиксирующим фразеологические единицы, был «Фразеологический словарь польского языка» Станислава Скорупки (“Słownik frazeologiczny języka polskiego”, Варшава, 1967–1968), в большей мере опирающийся на материалы «Словаря польского языка» (“Słownika języka polskiego”) под ред. Витольда Дорошевского, основывающийся на собственных теоретических концепциях автора, длительное время воспринимавшихся в Польше как стандартные. Словарь представлял не только фразеологизмы как особые, нелинейные, единицы языка, в противовес линейной единице, слову (или, по терминологии Скорупки, постоянные фразеологические сочетания, часто называемые идиомами), но также свободные фразеологические сочетания (часто называемые коллокациями). До сих пор это самое большое собрание коллокаций польского языка, к сожалению, отчетливо фиксирующее уже устаревшие единицы. В словарях же более поздних получила развитие, по сути, только концепция фиксации фразеологизмов как собраний идиомов.

Из более смелых разработок новейшие фразеологизмы содержит «Настольный фразеологический словарь польского языка PWN» (“Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego PWN”, С. Бомбы, Г. Дзямской, Е. Либерека. Варшава, 1998). К сожалению, один и тот же фразеологизм дается в этом словаре под каждым из слов, что приводит к тому, что словарь содержит значительно меньше фразеологизмов, чем ожидается, если судить по его внушительным размерам. Позже был издан больший по размеру «Фразеологический словарь современного польского языка» тех же авторов (“Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny”. Варшава, 2001), содержащий ок. 4000 фразеологизмов, а также 10 000 цитат. В этом словаре также материал повторяется.

«Популярный фразеологический словарь» (“Popularny słownik frazeologiczny”) Катажины Гловиньской (научный ред. Тадеуш Пиотровский, Варшава, 2000) — это первый словарь польской фразеологии, основанный на компьютерном анализе корпуса текстов, творчески использующий методологию фиксации фразеологизмов «Словаря современного польского языка» (“Słownika współczesnego języka polskiego”). Он содержит ок. 4000 словарных статей, а также почти 12 000 цитат, которые указывают не только на то, что данный фразеологизм появился в текстах, но также на его вариантность, которая в случае фразеологии огромна, таким образом, это первый словарь, указывающий на вариантность фразеологизмов. «Большой фразеологический словарь PWN с пословицами» (“Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłówkami”, Варшава, 2005) — это очередное собрание фразеологизмов, содержащее их ок. 17 000. Первым после труда Скорупки словарем коллокаций, скромным по размерам, но основанным на автоматическом анализе корпуса современного польского языка PWN, является «Словарь хорошего стиля PWN» под редакцией М. Баньки (“Słownik dobrego stylu”. Варшава, 2006). Свободные фразеологические сочетания (свыше 100 000) отмечает также интересный «Стилистический словарь польского языка» Эвы Геллнер и Анджея Домбровского (Варшава, 2007).

Словари маркированной лексики

Именно маркированная лексика: разговорная, обценная, социально обусловленная, после 1945 г. быстрее всего дождалась лексикографического описания, хотя, ко-

нечно, словарные разработки начались в предшествующий период. В предыдущие периоды специальных словарей этого типа скорее всего не было, но следует иметь в виду, что такую лексику включали общие словари, прежде всего «Варшавский словарь» (“Słownik Warszawski”), который по-прежнему остается чрезвычайно ценным источником сведений такого характера. Польский разговорный язык достаточно представлен в очень неровном любительском «Словаре тайных жаргонов преступного мира» Клеменса Стемпняка (“Słownik tajemnych gwar przestępnych”. Лондон, 1993). Сугубо маркированную лексику содержит новаторский «Словарь польских ругательств и вульгаризмов» (“Słownik polskich przekleństw i wulgarizmów”) Мачея Гроховского (Варшава, 1995), существенным недостатком которого являются искусственные примеры. На отборе текстов (в том числе речевых) основан «Словарь польского разговорного языка PWN» (“Słownik polszczyzny potocznej PWN”) Януша Анусевича и Яцека Скавиньского (Варшава; Вроцлав, 1996), имеющий ономаσιологическое строение. Другим интересным словарем этого типа является «Словарь эвфемизмов PWN» (“Słownik eufemizmów PWN”) Анны Домбровской (1998).

Среди многих таких публикаций отличается размерами компилятивный «Словарь польских сексуализмов» Левинсона (“Słownik seksualizmów polskich”, 1999), со строением как алфавитным, так и ономаσιологическим. Студенческий жаргон, преимущественно — экспрессивная лексика, находится в труде «Словарь студенческого жаргона» (“Słownik gwary studentskiej”) Леона Качмарка, Тересы Скубалинки, Станислава Грабиаса (словарь был издан в 1974 г., но не был допущен тогда к распространению и стал доступным лишь в 1994 г. в Люблине), школьный жаргон — в «Словаре ученического жаргона» Катажины Чарнецкой и Халины Згулковой (“Słownik gwary uczniowskiej”. Познань, 1991). Самой большой публикацией, охватывающей разговорную лексику, должен стать «Словарь польских разговорных лексем» (“Słownik polskich leksemów potocznych”) под редакцией Владислава Любася, первый том которого вышел в 2002 г. в Кракове (в настоящее время доступны томы I–III, A–J).

Электронные словари

Во второй половине девяностых годов XX века начали появляться одноязычные компьютерные словари. Одним из первых и самых больших был «Компьютерный словарь польского языка PWN» (“Komputerowy słownik języka polskiego PWN” (1996, 2-е изд. 1998, доступный в многочисленных редакциях), в действительности содержащий текст «Словаря иностранных слов» вместе со «Словарем польского языка» издательства PWN. Словарь обслуживала очень хорошая программа с морфологическим анализатором польского языка, что означает, что в словаре можно одновременно вести поиск всех флективных форм данного слова. Весьма дискуссионным является издание двух словарей в составе одного (встречаются диаметрально противоположные мнения), однако значительный выигрыш достигается благодаря оптимальным возможностям поиска в целом тексте. Словарь содержит также звуковую запись слов иностранного происхождения. В настоящее время Научное издательство PWN без сомнения захватило рынок серьезных одноязычных словарей; большинство его словарей существует в книжной и электронной версии. На своем сайте www.pwn.pl издательство бесплатно предоставляет три основных словаря (в старшей версии).

Многие издательства, как например, Вильга или PWN, с 2002 г. добавляют к своим популярным книжным словарям их цифровые версии, на CD-ROM, однако текст подается очень просто, нет более продвинутых возможностей их поиска. В настоящее время разные словари доступны бесплатно благодаря Интернету или сотовой телефонной связи. Эта тенденция может означать начало основательных перемен в пользовании словарями, отход от их книжных версий. Знаменательно, однако, отсутствие какого-либо словаря для карманных компьютеров (или сотовых телефонов, а также смартфонов), а это невероятно динамично развивающиеся устройства, отлично приспособленные для открытия доступа к словарям.

Специальные научные словари

После долгих лет подготовки после 1945 г. приступили к разработке исторических словарей. «Старопольский словарь» (“Słownik staropolski”, под ред. Станислава Урбанчика. Т. I. Варшава, 1953–1955, работы завершены в 2002 г.; издано 11 томов) охватывает лексику всех польских изданий до конца XV века, а также рукописей. Работа над ним длилась, по сути, весь XX век. Уже с 1895 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) разработал редакционную инструкцию, которая с небольшими изменениями использовалась в работе; им же была создана схема описания рассматриваемых документов. В связи с расширением в последнее время документальной базы, а также методологическими изменениями, планируется издание нескольких томов дополнений к словарю.

Эпоху Возрождения охватывает новаторский «Словарь польского языка XVI века» (“Słownik języka polskiego XVI wieku”, под ред. Марии Ренаты Майеновой. Т. I. Вроцлав, 1966; в 30 томах, дошел до буквы П). Опираясь на самую большую в польской лексикографии картотеку (свыше 8 000 000 карточек), он охватывает, по мере возможности, все лексические единицы этого периода. Было решено, однако, отступить от первоначального замысла охвата полной выборки из всех тогдашних текстов. Словарь дает описание синтаксически упорядоченных фразеологических сочетаний и приводит синонимы к отдельным значениям. Он содержит обширную источниковедческую информацию, точно локализованную, а также впервые в польской лексикографии — статистические данные.

В 1999 г. вышли первые тетради «Словаря польского языка XVII и первой половины XVIII века» (“Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku”. Варшава), работа над которым продолжается несколько десятков лет. По-прежнему нет научного, полного словаря XVIII и XIX в. В некоторой степени «Словарь польского языка» под ред. В. Дорошевского и, конечно, «Варшавский словарь» фиксируют лексику этого периода. Словарный состав разных исторических периодов отчасти отражают многочисленные словари языка авторов. Издан «Словарь языка Яна Хризостома Пасека» (“Słownik języka Jana Chryzostoma Paska”, под ред. Халины Конечной и Витольда Дорошевского. Т. I–II. Вроцлав, 1965–1973). Существует также «Словарь языка Адама Мицкевича» (“Słownik języka Adama Mickiewicza”, под ред. Конрада Гурского и Стефана Храбца. Т. I–X. Вроцлав, 1962–1980), а также «Словарь языка Яна Кохановского» (“Słownik języka Jana Kochanowskiego”, под ред. Мариана Куцалы. Краков, 1997–2003; дошел до буквы «P»).

Часто переиздаваемый «Этимологический словарь польского языка» (“Słownik etymologiczny języka polskiego”. Краков, 1927) А. Брюкнера (1856–1939) вплоть до 2005 г.

был единственным большим полным этимологическим словарем польского языка. Сжатую историю слов и прежде всего их этимологию дает современный, к сожалению, доведенный лишь до буквы «Ł» «Этимологический словарь польского языка» (“Słownik etymologiczny języka polskiego”) Франчишка Славского (т. I. Краков, 1952–1956). В 2000–2001 гг. начал издаваться трехтомный «Этимологический словарь польского языка PWN» (“Słownik etymologiczny języka polskiego PWN”, Варшава) Анджея Баньковского. Эрудированный автор (иногда несколько субъективно) приводит множество дополнительной информации, не связанной с этимологией. Ценной новой чертой является датировка первой фиксации данного слова в текстах или словарях польского языка. Преодолевая многие предрассудки и стереотипы, автор создает неконвенциональный труд. Более полным является словарь Веслава Борыся, «Этимологический словарь польского языка» (“Słownik etymologiczny języka polskiego”. Краков, 2005), содержащий 4600 словарных статей, в большинстве общеупотребительных слов польского языка. Он также содержит датировку заголовочных слов.

Если говорить о лексикографии диалектной лексики, то всю совокупность говоров по-прежнему содержит только «Словарь польских говоров» (“Słownik gwar polskich”. Т. I–VI. Варшава, 1900–1911) Яна Карловича, представляющий собой, в сущности, компиляцию детальных разработок. Изданный после смерти автора, он был первым в славянских странах отдельным словарем говоров, которые неоднократно отмечались в общих словарях (в России, например, в словаре Даля). Указывалось на многие его недостатки: неединообразное представление говоров, большие вольности в фонетической и графической записи, хаотическую структуру, неправильное указание источников. Это, однако, по-прежнему единственный полный словарь польских говоров.

Современный подход к описанию диалектных разновидностей должен представить новый «Словарь польских говоров» (“Słownik gwar polskich”), начало — под ред. Мечислава Карася. Т. I. Тетр. 1. Вроцлав, 1977; продолжен Ежи Рейхманом; дошел до буквы «D» в 5-ти томах). Для того чтобы сделать хотя бы частично доступным его содержание, был издан список слов, которые содержит картотека словаря; этот список насчитывает 240000 позиций, «Алфавитный индекс слов...». Конечно, приведенные слова — это лишь материал для разработки словарных статей, но после «Варшавского словаря» он обещает стать одним из самых больших сводов лексических единиц польского языка. Начал издаваться и другой большой словарь говоров, работа над которым продолжается с пятидесятых годов, «Словарь силезских говоров» («Słownik gwar śląskich», ред. Б. Выдерка. Ополе). Много польских регионов имеют свои законченные словари говоров; прежде всего стоит назвать монументальный труд Бернарда Сыхты «Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры» (“Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej”. Вроцлав, 1967–1976. Т. I–VII; если традиционно считать кашубский польским диалектом, а не отдельным региональным языком), а также четыре исследования городских говоров: варшавского — Бронислава Вечоркевича (Варшава, 1966), познаньского — Моника Грухмановой и Богдана Вальчака (Варшава; Познань, 1997). К сожалению, нет ни одного словаря языка территорий так называемых Воссоединенных Земель, например, Вроцлава, Щецина, Ольштына или Гданьска. В 1996 г. появился первый том редкого ономаσιологического словаря фольклора — «Словарь народных стереотипов и символов. I. Космос» (“Słownik stereotypów i symboli ludowych. I. Kosmos”, под ред. Е. Бартминьского. Люблин).

Весьма многочисленны ономастические лексикографические публикации. Изданы словники фамилий и имен, повсеместно употребляемых в Польше; начат историко-этимологический словарь фамилий, названий местностей и «Мотивационно-этимологический словарь старопольских личных имен» (“Słownik etymologiczno-motyacyjny staropolskich nazw osobowych”. Краков, 1995–2002) в предметном расположении.

Частотность слов в текстах представляют соответствующие частотные словари: «Лексика современного польского языка. Частотные списки» (“Słownictwo współczesnego języka polskiego. Listy frekwencyjne”. Т. I–V. Варшава, 1974–1977); сборный (синтетический) том Иды Курч, Анджея Левицкого, Ядвиги Самбор, Кшиштофа Шафрана, Ежи Ворончака «Частотный словарь современного польского языка» (“Słownik frekwencyjny polszczyzny”. Т.1–2. Краков, 1990); Халины Згулковой «Лексика современного произносимого (разговорного) польского языка» (“Słownik współczesnej polszczyzny mówionej”. Познань, 1983); Януша Имелчика «Субъективная вероятность слов. Первичный частотный словарь польского языка» (“Prawdopodobieństwo subiektywnie wyrazów. Podstawowy słownik frekwencyjny języka polskiego”. Варшава, 1987).

Разработано несколько индексов лексических единиц, так называемые индексы а терго, располагающие слова по очередности букв от конца, полезных при исследовании словообразования. Доступны индексы к словарю Линде под редакцией Ренаты Гжегорчиковой, Зофии Кужовой, Ядвиги Пузынины (Варшава, 1965); к словарю языка Паска (под ред. А. Пасонь и Казимежа Зелазко; Вроцлав, 1976); к SJPDoG (под ред. Ренаты Гжегорчиковой и Ядвиги Пузынины; Варшава, 1973); «Схематический обратный индекс польских словарных форм» (“Schematyczny indeks a tergo polskich form wyrazowych”) Я.Токарского и З. Салони, фиксирующий флективные окончания польского языка (Варшава, 1993).

Произношение слов представлено в «Словаре польского произношения» (“Słownik wymowy polskiej”, под ред. Мечислава Караса и Марии Мадеевой. Варшава, 1977); омонимы зафиксированы в «Словаре польских омонимичных форм» (“Słowniku polskich form homonimicznych”, под ред. Дануты Буттлер. Вроцлав, 1984) и «Словаре польских полных омонимов» (“Słowniku polskich całkowitych homonimów”, под ред. Дануты Буттлер. Вроцлав, 1989). Сочетаемость глаголов фиксирует «Генеративно-синтаксический словарь польских глаголов» (“Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich”, под ред. Казимежа Полянского. Т. I–VII. Вроцлав; Краков, 1980–1993).

В последнее время появляются словари глагольных спряжений, самый объемный из них — «Словарь форм спряжения польских глаголов» (“Słownik form koniugacyjnych czasowników polskich”) Станислава Мендака (Краков, 1997), а также, вероятно, наиболее экономичный, созданный по образцу известной серии словарей Bescherelle’a, изданных французским издательством Hatier, очерк «Польский глагол» (“Czasownik polski”) Зигмунта Салони (Варшава, 2001). Самым большим электронным словарем, дающим полный перечень всех изменяемых польских лексем, является «Грамматический словарь польского языка» Зигмунта Салони, В. Грушчиньского, М. Волиньского, Р. Волоша (Варшава, 2008), это одновременно самый большой индекс польских лексем, который включает ок. 250 000 единиц.

Перевод М.М. Шетэли, при участии М.А. Малыгиной

Источники и литературу см. в конце оригинальной части (с. 144–146)

СТАНА РИСТИЧ
(Белград, Сербия)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «ВНУТРЕННЕЙ»
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КРИТИКИ**
(критический обзор методологии и способов лексикографического
представления единиц в тезаурусном *Словаре САНУ*)

1. Введение

1.0. В настоящей работе с критической точки зрения рассматривается методология работы над дескриптивным тезаурусным «Словарем современного сербохорватского литературного и народного языка САНУ» (Словарем САНУ). Особое внимание уделяется концепции сбора материала для словаря и определению способов его лексикографического представления¹.

1.1. Базовая концепция создания Словаря САНУ зародилась в конце XIX века на базе корпуса единого сербскохорватского языка. Ее доработка и модификация проводилась в течение длительного периода в рамках Белградской лексикографической школы, развивавшейся параллельно с переменами, сопровождавшими работу над этим важнейшим проектом. В выработке данной методологии принимали участие выдающиеся сербские лингвисты разных поколений (Стоян Новакович, Александр Белич, Ирена Грицкат, Митар Пешикан, Даринка Гортан-Премк и др.). Они корректировали и дорабатывали методы в духе своего времени и различных лингвистических школ и течений, к которым они принадлежали.

1.2. В рамках исторического обзора с точки зрения «внутренней» лексикографической критики рассматриваются концептуальные и методологические принципы первого, среднего и младшего поколения представителей Белградской лексикографической школы и авторов Словаря, в том числе С. Новаковича, А. Белича, М. Пешикана, И. Грицкат и автора настоящей работы С. Ристич, а также подходы авторов пробных выпусков, предшествовавших работе над самим словарем.

1.3. В рамках обзора анализируются пути решения важнейших вопросов, от которых зависит научная и практическая ценность тезаурусного словаря современного языка. В случае Словаря САНУ имеются в виду следующие вопросы: репрезентативность корпуса словаря по отношению к современному сербскому (сербскохорватскому) языку, методологические подходы и целесообразность способов лексикографического описания, примененных при обработке отдельных частей речи и классов лексических единиц, полнота отражения лексического расслоения, нормативных, функционально-стилистических и прагматических характеристик лексики, представленность неологизмов, заимствованной и терминологической лексики.

---

¹ Работа над словарем САНУ (1–18), важнейшим проектом в области сербской лингвистики и культуры, ведется в Институте сербского языка САНУ в Белграде. К настоящему времени опубликовано 18 объемных томов, в которых обработана лексика до буквы «П». Первый том был опубликован в 1959 г., 18-й том — в 2010 г.

1.4. Вопрос репрезентативности корпуса словаря решался не только с лингвистической точки зрения, но и с точки зрения государственной и языковой политики, актуальной во время подготовки и создания Словаря². Таким образом, значение критического лексикографического подхода очевидно и на более широком, социально-политическом уровне.

1.5. Как следует из опыта лексикографической критики, для решения выше перечисленных задач наиболее компетентными специалистами являются сами лексикографы, что подтверждает важность так называемой внутренней лексикографической критики, которой до настоящего времени не придавалось особого значения. Цель настоящей работы — наряду с рассмотрением вышеприведенных вопросов доказать важность внутренней лексикографической критики для развития и совершенствования как лексикографической практики, так и теории лексикографии, лексикологии и иных смежных лингвистических дисциплин³.

1.6. Достижения внутренней лексикографической критики и ее значение для совершенствования лексикографической практики и лингвистической теории лучше всего можно продемонстрировать, описав критические подходы к важным лексикографическим вопросам, связанным с разработкой концепции словаря. В связи с этим далее мы рассмотрим подходы, сложившиеся за полувековую историю непрерывной работы над концепцией Словаря САНУ, вплоть до выхода первого тома данного словаря в 1959 г.

2. Концепция Стояна Новаковича

2.0. Наибольший вклад в формирование и разработку концепции составления корпуса и работу над Словарем на первой, подготовительной стадии внес Стоян Новакович, выдающийся филолог, культурный и политический деятель и член Сербской королевской академии. По этой причине его Предложение, направленное в Академию в 1893 г., считается началом истории создания тезаурусного словаря сербского языка.

2.1. В своем Предложении Новакович изложил основные принципы составления репрезентативного корпуса как в отношении литературного и народного языка, так и в отношении их диалектов, функционально-стилистической и социальной дифференциации лексики и, что немаловажно, в отношении ее тематической и семантической организации и репрезентативности. В его концепции четко сформулирована идея об Акаде-

---

² Вопрос репрезентативности языкового корпуса Словаря САНУ для современного сербского языка на новейшем этапе его развития после языковой дезинтеграции стал особенно актуален с точки зрения государственной и языковой политики Сербии. Для широкой же общественности наиболее остро стоит вопрос изменения названия Словаря и цели дальнейшей работы над ним на материале того же корпуса. В первую очередь, это связано с тем, что значительная часть данного корпуса теперь имеет отношение не только к одному языку, но и к новопровозглашенным отдельным языкам: хорватскому, боснияцкому и черногорскому.

³ Лексикографическая критика в настоящей работе понимается как один из жанров лингвистической критики, характеризующийся определенным методологическим подходом и тематической сферой, в рамках которой ставятся и критически рассматриваются актуальные лексикографические вопросы, как «изнутри», с позиции самих лексикографов, т. е. тех, кто работает над словарем или его концепцией, так и «извне», с позиции иных специалистов, не являющихся лексикографами, лингвистов и прочих лиц, для которых предназначен словарь. Условно говоря, в первом случае речь идет о так называемой внутренней лексикографической критике, а во втором случае — о так называемой внешней лексикографической критике.

мическом тезаурусном словаре сербского языка как о лексикографическом труде, охватывающем все разнообразие лексики литературного и народного языка.

2.2. Под влиянием крупных лексикографических трудов своего времени, созданных в соседних странах, С. Новакович ввел критерий тематической репрезентативности корпуса словаря, а также предложил составить анкеты для сбора материала из народного языка и таким образом зафиксировать слова из всех аспектов и «сфер», связанных с жизнью народа: «от охоты и рыбалки до сельского и городского домашнего быта, до скотоводства и земледелия, до мукомолья и всех видов ремесел ... леса и лесного хозяйства, виноградарства и виноделия, производства ракии, огородничества, садоводства и пчеловодства» (Новаковић 1893: 6). Подобным же образом, по его предложению, необходимо отразить и все многообразие лексики «письменного языка» в различных аспектах его употребления, тем более что «в письменном языке та же разнородность сфер или слоев еще в большей степени разветвляется и умножается». Новакович устанавливает хронологические рамки корпуса литературного языка, ограничив их произведениями новейших писателей, начиная с Досифея [Обрадовича] и заканчивая своими современниками. В его Предложении впервые вводится критерий лингвистической лексикографической и эстетической репрезентативности корпуса словаря: для корпуса предлагается выбрать писателей, отличающихся оригинальностью, индивидуальным стилем и творческой силой языка.

2.3. Включив принцип динамики языкового развития в концепцию составления корпуса словаря, Новакович решил для сербского языка вопрос репрезентативности данного корпуса и его актуальности в различные периоды развития языка. Для лексикографии как научной дисциплины он, в свою очередь, создал прочный фундамент, позволявший сербской дескриптивной лексикографии развиваться в соответствии с современными тенденциями⁴. Таким образом, благодаря преемственности традиций, в том числе на уровне репрезентации внешней и внутренней лексической динамики, в течение продолжительной работы над Словарем САНУ развивался и формировался достаточно разноплановый лексикографический метаязык. Он представлен большим числом классификаторов, свидетельствующих о многообразии лексики сербского литературного и народного языка.

3. Концепция, изложенная в «Обращении [к собирателям]» и «Руководстве [по сбору лексики]»

3.0. Детальная концепция составления репрезентативного лексикографического корпуса представлена в виде практических предписаний в тексте Обращения и Руководства, подписанных заместителем председателя отдела Лексикографии П.П. Джорджевичем и секретарем Момчилой Иваничем. В тексте данного документа в 1899 г. Лексикографический отдел обратился к заинтересованным в сборе народных слов для словаря сербского литературного языка (словаря Сербской королевской академии) из всех краев и областей, где говорят по-сербски. Из Обращения следует, что данная часть

---

⁴ О необходимости репрезентации внешней и внутренней лексической динамики в современной лексикографии и разработки модели ее словарного отражения см. (Шипка 2002: 39–47), об отражении лексической динамики и многообразия в Словаре САНУ см. (Ристић 2006).

корпуса должна стать дополнением к лексике, собранной на материале произведений выдающихся писателей XIX века (Позив и Упутство 1899: 4).

3.1. К собирателям материала предъявлялись весьма строгие требования, в частности, подразумевалось хорошее знание сербского языка (грамматики: части речи, грамматические формы, ударения, род, число и др.; и лексических значений: буквальное, переносное и абстрактное значение; а также редких слов в составе устойчивых выражений) и умение пользоваться словарями как источниками контроля: Словарем Вука Караджича третьего издания 1899 г. и загребским Словарем (Словарем JAZU).

3.2. В соответствии с предложением С. Новаковича о тематической и семантической организации лексики в виде «сфер», в Руководстве выделено 99 тематических групп с достаточно детальным описанием подгрупп, на основе которых должна быть собрана народная лексика. Они охватывают все реалии народной жизни, труда, интересов, верований, обычаев и т.д., как и всех остальных общих и абстрактных понятий. Наряду с тематическими группами, связанными с материальным миром, ближайшим окружением и непосредственным знанием, такими, как климат, географические термины, вода, местность, дни, месяцы, праздники, названия звезд и групп звезд, церковь и церковная утварь, дом, сад, товары, инструменты, части тела, игры, болезни, народные средства, свадьба, общественная и семейная жизнь, права и деловые отношения, организация административной и судебной власти и т. п., — выделяются также группы слов, обозначающих абстрактные и обобщенные понятия — это чувственные восприятия, ощущения, инстинкты, эмоции, воля, отвлеченные понятия (ум, интеллект, разум, дух, сознание, желание), симпатия и антипатия, и только потом: приветствия, ругательства, колдовство и прочие суеверия, брань и т. д. Список тематических групп не ограничивается вышеперечисленными; более того, предлагается записать и прочие известные собирателю слова, не относящиеся ни к одной из данных групп, а также выделить в рамках каждой группы актуальные метафоры, фигуры речи или поговорки (там же: 6–13). В помощь собирателям приводятся примеры карточек, отвечающих всем приведенным требованиям.

3.3. Столь детальное отражение тематического и семантического разнообразия лексики, характерное для корпуса Словаря в целом, однозначно свидетельствует о его репрезентативности на самом важном, семантическом уровне языка.

4. Концепция пробных выпусков Словаря

4.0. Преемственность традиций в выработке концепции репрезентативного корпуса наблюдается и на примере двух пробных выпусков Словаря, в которых не только учитываются введенные предшественниками критерии, но и реализуются идеи авторов данных выпусков.

4.1.1. Первый пробный выпуск, принадлежащий перу М. Иванича, первого и исполнявшего много лет обязанности секретаря Отдела лексикографии Королевской академии, вышел в печать в 1913 г. Опираясь на идею о динамике языкового развития, М. Иванич отмечал, что после периода, зафиксированного в словарях Даничиича и Вука, наступил период бурного развития «литературного и народного языка». Современный язык, по словам Иванича, представлен в словарном материале, содержащем, помимо

уже имеющихся слов, лексику из «литературных произведений и научных работ, а также из деловых документов, характеризующих современный сербский литературный и деловой язык» (Иванић 1913: IV). Он также принимает идею о социально-культурной и функциональной поливалентности сербского языка и многослойности его лексики, подчеркивая, что слова этого языка, почерпнутые из разных источников, охватывают все аспекты моральной, духовной и интеллектуальной культуры (там же: IV).

4.1.2. В качестве метаязыка словаря, по свидетельству Иванича, Отдел выбрал восточный, экавский диалект. Данное решение Отдела, остающееся в силе до сегодняшнего дня, укрепило превосходство экавского варианта единого сербохорватского языка. В настоящий момент этот выбор, помимо всего прочего, позволяет не сомневаться в репрезентативности корпуса Словаря САНУ и его важнейшей роли для новейшего развития сербского как отдельного языка.

4.1.3. К иностранным словам Иванич относился либеральнее, нежели его предшественники, и подчеркивал необходимость включения в материал словаря слов, заимствованных не только из славянских языков, но и из языков «народов, с которыми сербский вступал и продолжает вступать в различные контакты» (там же: V).

4.2.1. Для Пробного выпуска 1944 г., принадлежащего перу нескольких авторов, осталась актуальной идея о многофункциональности языка, об экавском варианте как основе для метаязыка Словаря, однако, по понятным причинам, изменилась временная граница корпуса. В Предисловии, автором которого является Милош Тривунац, утверждается, что корпус Словаря охватывает всю сербскую литературу от Досифея до настоящего времени, а также все отрасли науки и техники, равно как и все аспекты жизни народа и государства в целом (Огледна свеска 1944: III).

4.2.2. Однако во Введении к выпуску приводится еще несколько положений о корпусе, представляющих интерес с точки зрения его репрезентативности. Согласно данным положениям, корпус ограничивается тремя факторами: фактическим, историческим и лингвистическим. Фактический фактор ограничивает лексику сербского языка словами, включенными в корпус Отдела лексикографии и возможными дополнениями к ним редактора. Исторический фактор определяет язык корпуса как язык новейшей литературы и всех идиомов литературного языка: научного, технического и официально-делового стиля. Лингвистический фактор был сформулирован на базе традиций Женевской лингвистической школы: в качестве материала для Словаря рекомендуется лексика, отражающая язык (*langue*), а не окказиональная лексика, относящаяся к языку индивидуума (*parole*) (гапаксы, поэтические новообразования и неологизмы) (там же: IX, X).

4.2.3. Введением лингвистического критерия в качестве основного для формирования корпуса словаря впервые придается особое значение языковой, или лексикографической, репрезентативности. Согласно данному критерию, в качестве наиболее репрезентативного с лингвистической точки зрения источника рекомендуется словарь Вука и Даничића, а также вся лексика из картотек Академии без исключения — народные, областные и диалектные слова, благодаря которым центральная часть корпуса выходит за рамки литературного языка и расширяется за счет народной лексики. Однако последовательного соблюдения лингвистического критерия не наблюдается даже в данном пробном выпуске, не говоря уже о дальнейших дополнениях к корпусу и разработке самого Словаря.

4.2.4. В Пробном выпуске авторы придерживаются концепции динамики языкового развития и наиболее детально разрабатывают ее в аспекте развития языковых стилей.

4.2.5. Применение лингвистического фактора на стадии сбора материала и пополнения корпуса словаря привело к положительным результатам главным образом в области «типологической» лексики. Важность пополнения лексического фонда современного сербского языка данным типом лексики отмечается как в первых предложениях о создании данного проекта, начиная с Й. Стеича в 50-х годах XIX в., так и в новейших дополнениях к корпусу (Стејић 1853).

4.2.6. Пополнение литературного языка «типологической» лексикой в различные периоды его развития, согласно М. Пешикану (1987: 33–42), начинается с включения в корпус лексики старого, довуковского литературного периода, например, существительных на *-ост*, затем отглагольных существительных, лексикализированных причастий, прилагательных и т. п. (там же: 34–38), а также добавления новых словообразовательных и иных типов лексики. Таким путем можно добиться репрезентативности корпуса словаря в области лексической системы во все периоды языкового развития.

5. Концепция А. Белича

5.0. Разработка концепции сбора материала и составления самого Словаря тесно связана с именем Александра Белича, академика и президента Сербской академии наук и искусств. Работать над Словарем Белич начинает во второй период его создания после Первой мировой войны в 1920 г., когда он был избран на должность заведующего обновленным Отделом.

5.1. Из его Введения (1959) к первому тому Словаря мы узнаем, что, с помощью сотрудников Отдела, Белич организовал всестороннее исследование содержания и формы уже имеющегося корпуса, и определил приоритетные задачи дальнейшей работы, усовершенствовав лексикографические методы организации и оформления материала. Особое внимание уделялось пополнению корпуса словаря материалом из хорватской литературы и из произведений запрещенной литературы довоенного времени, а также из газет и журналов, изданных с начала XIX века до новейшего времени.

5.2. Был введен метод проверки и распределения по алфавиту карточек, добавлен материал из новых письменных источников и народных говоров. Для сбора народной лексики была доработана методология полевого исследования. В частности, в 1949 г., М. Павлович составил карту имеющихся лексических собраний и написал новое «Руководство по проведению полевого сбора материала».

5.3. Приводя основные характеристики корпуса словаря, Белич формулирует и собственное представление о литературном и народном языке, равно как и об их взаимоотношениях в динамике языкового развития. По его словам, ценность корпуса данного Словаря, в числе прочего, заключается в том, что он основывается на материале своих важнейших лексикографических предшественников. Корпус полностью включает классический словарь народного языка Вука Караджича (1818, 1852), часть большого Словаря Югославской академии наук и искусств (его источники от начала XIX в. до новейшего времени); а также языковой материал словаря Броза и Ивековича (1901), в особенности его богатую фразеологию из работ Вука и Даничича; словарь Ристича и Кангрге

(1928), в котором хорошо представлен разговорный язык начала XX в., и в некоторой степени словарь Бакотича (1936) (Белић 1959: VII).

5.4. Во Введении Белич, продолжая традицию авторов второго Пробного выпуска словаря, подчеркивает значение функционально-стилистического критерия для создания концепции корпуса словаря и его репрезентативности. Он полагает, что в письменных источниках «широко представлены все важнейшие сферы культурной жизни: помимо художественной литературы, это работы и из других областей: работы по этнографии (этнология и фольклор), записи произведений народного творчества, словари, биографии, труды по истории, эстетике и искусству, этике и морали, педагогике, религии, философии науки, географии, путевые заметки, сочинения на политические и социальные темы, по праву, экономике, медицине (и санитарии), естественным наукам, математике, финансам, армии, транспорту, календарям» (там же: XIII). С данной точки зрения репрезентативность корпуса является удовлетворительной. По словам Белича, его необходимо пополнить также материалом из журналов и газет⁵.

5.5. После выхода первого тома предполагалось, что объем всего Словаря будет составлять от 300 тысяч до 400 тысяч слов. Сегодня же эта цифра увеличилась до приблизительно 500 000 слов.

6. О сербской (сербохорватской) лексикографической критике

6.0. О статусе лексикографической критики в сербистике/сербокroatистике часто высказываются отрицательные мнения, причем подчеркивается, что такая критика или вовсе не существует, или не отвечает своим задачам. Таким образом, лексикографическая критика осталась на периферии лингвистических интересов, а последствия ее положительного или отрицательного влияния на состояние лексикографии и смежных дисциплин не становились предметом специальных исследований.

6.1. Затрагивая вопрос разработки и публикации важнейших словарей, сами лексикографы указывали на то, что в Сербии отсутствует подлинная, качественная лексикографическая критика. На это обращает внимание и Тома Маретич, известный хорватский филолог, опытный лексикограф и редактор исторического тезаурусного «Словаря хорватского или сербского языка». Он ссылается на пример не критических рецензий на «Обзор» автора концепции, первого лексикографа и редактора словаря JAZU Джуре Даничича⁶. Даже после публикации первого тома данного словаря в 1880 г., как отмечает Т. Маретич, не было написано ни одной профессиональной рецензии должного уровня «ни к первому тому, ни к словарю в целом, ни в момент выхода словаря, ни после него» (Маретич 1976: 51).

---

⁵ О репрезентативности корпуса Словаря САНУ с точки зрения функционально-стилистического разнообразия лексики см. (Ристић 2006: 79–98).

⁶ Данный Обзор по сути представляет собой пробный выпуск, вышедший в 1878 г. и включивший в себя 35 лексем, начинающихся на буквы А и Б. В нем Дж. Даничич представил свою концепцию создания Словаря JAZU. Серьезных критических отзывов на пробный выпуск не последовало, а критические замечания отдельных рецензентов (связанные с отсутствием территориальной репрезентативности материала, неверным определением корня базовых слов, слишком длинными дефинициями и т.п.) остались незамеченными, т.к. Даничич принял к сведению только хвалебный отзыв Ф. Миклошича, крупного авторитета в области филологии того времени (Маретич 1976: 49–51).

6.2. Рецензия юриста Ф. Пилепича в газете «Обзор», упоминаемая Маретичем, интересна с точки зрения возможного влияния так называемой внешней лексикографической критики, тем более, что она отражает мнение обычного человека, для которого академический словарь неудобен и непрактичен, поскольку он не предписывает норму, которой должны придерживаться авторы, а наоборот, «вносит смуту». Кроме того, размер и высокая цена делают его недоступной роскошью для простого народа (там же: 51–52).

6.3. Положительная оценка лиц, пользующихся словарем, становится для лексикографов особенно эффективным стимулом, если она выражается в виде общественно-го признания или награды. В случае с такими крупными проектами, как Словарь САНУ, она может оказать серьезное влияние на дополнительное или постоянное финансирование проекта со стороны компетентных государственных учреждений, а также на консолидацию авторского коллектива. Такого рода признание служит дополнительной мотивацией для продолжения ежедневного тяжелого и ответственного труда. Об этом свидетельствует пример вручения Ежегодной премии Радио и телевидения «Белград» «Институту сербохорватского языка г. Белграда как авторскому коллективу за проект “Словарь сербохорватского литературного и народного языка”», «вносящий вклад в развитие культуры речи». Вручение награды было приурочено к выходу восьмого тома Словаря в 1974 г. Жюри отметило высочайшую ценность данного Словаря, представляющего собой труд, «уникальный по своему объему и богатству, значительно превышающий по количеству слов и обработанных значений уже существующие сербские словари» и «способного стать базой для разнообразных лексических исследований лингвистов». Людям пера ... он дает прекрасную возможность для обогащения и совершенствования выразительных средств, а более широкой аудитории пригодится для перевода огромного числа малоизвестных слов сербского и иноязычного происхождения» (Николић 1975: 195–196).

6.4. Недостаток внешней критики М. Пешикан (1967)⁷ видит в активности «бескомпромиссных критиков», подмечающих то, чего в словаре нет, что в нем отсутствует. Это вполне понятно, так как в тексте словаря не заметны все лексикографические методы, все результаты работы и все новые данные, приводимые в отдельных словарных статьях или словообразовательном гнезде в целом. По словам данного автора, основным критерием практической ценности толкового словаря должно стать то, насколько полезнее созданный словарь в качестве рабочего инструмента и источника информации для языковеда, любителя/практика или деятеля искусств; насколько богаче, полнее, систематичнее, репрезентативнее по сравнению с предшественниками он отражает лексический материал (Пешикан 1967: 200). Критики, по словам М. Пешикана, выносят вердикт, главным образом основываясь на качестве обработки специальной или

---

⁷ В данной работе М. Пешикан отвечает на критическую кампанию политического характера, последовавшую после публикации первых двух томов Словаря сербохорватского литературного языка (1–6) Матицы сербской и Матицы хорватской (Словарь МС), в работе над которым участвовал он сам. Данный нормативный словарь единого сербохорватского литературного языка, не устроил противников языкового единства, утвержденного Новисадским договором 1954 г. В качестве доказательства политических причин такой бурной реакции лексикографических критиков на данный словарь, Пешикан приводит тот факт, что сербское профессиональное и научное сообщество того времени никак не отреагировало на выход нескольких томов Словаря САНУ, в отличие от специалистов в отдельных зарубежных странах, от которых, по словам автора, последовала своевременная и корректная оценка (Пешикан 1967: 193).

периферийной лексики, в то время как обработка ключевых слов основного лексикона: местоимений, предлогов, союзов, модальных слов, вспомогательных и т. п. глаголов — их интересует в меньшей степени. Худшим случаем критики подобного рода является установление связи между характером обработки лексем и определенными политическими тенденциями и приписывание определенных политических взглядов авторам словаря (там же: 201)⁸.

7. Внутренняя лексикографическая критика

7.0. Далее мы рассмотрим важнейшие мнения о словаре самих лексикографов, Митра Пешикана и Ирены Грицкат, а также оценим их критический подход к решению отдельных лексикографических вопросов.

7.1.1. Начиная разговор о таких крупных и дорогостоящих лексикографических проектах, как Словарь САНУ, Митар Пешикан, выдающийся филолог, лексикограф и редактор данного словаря, в работе 1963 г. ставит под сомнение существенность разграничения внутренней и внешней лексикографической критики. В частности, он подчеркивает, что важен не столько тот факт, подвергается ли словарь критике «со стороны или изнутри», сколько установление того, каким он является по сути. Необходимо учитывать объем и масштаб данного тезаурусного словаря, особенно в случае противоречий внутри авторского коллектива, в частности, в связи с вопросом расширения корпуса словаря. При добавлении новой лексики процесс работы усложняется едва ли не в геометрической прогрессии, в особенности, когда речь идет о терминологической лексике, за счет которой происходит постоянное пополнение материала Словаря САНУ (Пешикан 1963: 170).

7.1.2. Из всех предложений, касающихся путей решения отдельных лексикографических вопросов, поставленных в работе, наряду с принципиальными вопросами, автор выделяет важнейшие для лексикографа проблемы, а именно: вопрос передачи ударения в данном типе словаря и отбора лексики (помимо нормированной лексики, входящей в общий фонд, тезаурусный словарь включает в себя и менее известные и распространенные образования, встречающиеся в литературном языке и народных говорах; охватывает все лексические категории, весь объем лексики отдельного языка и ее семантику, чтобы принести пользу как лингвистам, так и писателям и всем, кто стремится поддерживать и совершенствовать свой языковой стиль). Он также обращает внимание на проблему способов лексикографического представления грамматически производных слов (отглагольных существительных, деминутивов и аугментативов, относительных и притяжательных прилагательных). На аргументацию Белича в пользу включения в Словарь бессмысленных слов из считалок и загадок, которые могут оказаться ценными для истории языка, Пешикан отзывается критически, подчеркивая, что лексикографическая практика не подтвердила их историческую ценность, однако по-

---

⁸ Однако, несмотря на все трудности и недооценку лексикографического труда, Пешикан подчеркивает, что выход «каждого словаря, более богатого, чем предшествующие, — это большое культурное событие» и любая попытка недоброжелательных и непрофессиональных критиков дискредитировать этот лексикографический труд и поставить под сомнение дальнейшую работу над ним, является «преступлением против культуры» (Пешикан 1967: 204).

казала, что такого рода слова могут быть представлять интерес в качестве иллюстрации народного юмора (там же: 177–179).

7.1.3. Предметом внутренней лексикографической критики, как следует из упомянутой работы Пешикана, может стать вопрос включения в словарь имен собственных (там же: 179–180); вопрос объема и степени включения в словарь терминологической лексики и способ ее обработки (180–182). Автор подчеркивает важность приведения примеров при обработке значений слов (182–185), употребления классификаторов (186–188), пояснения происхождения слова (188–190) и обращает внимание на деликатность обработки слова и толкования значения ввиду конкретных особенностей каждой отдельной лексемы. Учитывая вышеприведенные и иные проблемы, решаемые в рамках тезаурусной лексикографии, М. Пешикан, как лексикограф и редактор, считает, что опубликованные тома Словаря САНУ демонстрируют весьма достойный общий уровень, сопоставимый с мировыми аналогами (там же: 171).

7.1.4. Критический подход лексикографов к собственному труду позволяет также выявить проблемы и «подводные камни» работы над крупными лексикографическими проектами, неочевидные не только для людей, пользующихся словарем, но и для критиков со стороны. Выявление таких проблем и «подводных камней» необходимо как для организации успешной коллективной работы, так и для поддержания собственных навыков работы над словарем, что способствует повышению его уровня.

7.1.5. Таким образом, по словам М. Пешикана (1967 г.), для успешной совместной работы необходимы компромиссы между коллегами, которые ежедневно сталкиваются с проблемами, нуждающимися в разрешении. Одна из них — дилемма выбора между полнотой и детализацией описания материала с одной стороны и рациональностью объема словаря — с другой. Нужно также учитывать, что на каждого лексикографа давит осознание того, что широкая научная и иная общественность не сможет получить доступ к имеющемуся материалу из каких-либо иных источников, кроме опубликованных томов словаря. Вопрос сокращения материала, в свою очередь, решается скорее на этапе совместной, нежели авторской работы.

7.1.6. По сути, как пишет М. Пешикан, лексикограф не имеет возможности отразить в словаре большую часть результатов своей работы и проблем, с которыми он сталкивается при его создании. Он обращает внимание и на вопрос использования метаязыкового описания лингвистических фактов и энциклопедических понятий (например, невозможность лингвистического описания дистрибутивности производных с префиксом *на-*, таких, как *набрати*), который связан с практической стороной использования словаря людьми, не имеющими отношения к лингвистике; также рассматривается проблема соотношения запланированных сроков и качества разработки словаря (Пешикан 1967: 193–196).

7.2.1. Большое значение с точки зрения внутренней лексикографической критики толковой лексикографии, в особенности Словаря САНУ, имеют наблюдения Ирены Грицкат, прошедшей путь от составителя до редактора словаря и, наряду с А. Беличем, ответственной за методологию его разработки. В частности, приобретенный практический лексикографический опыт она успешно объединила с теоретическими достижениями лингвистики того времени и включила их в «Руководство по работе над словарем САНУ», пособие для коллег-лексикографов, содержащее правила обработки отдельных грамматических и лексических классов.

7.2.2. В своей работе (1957/58) она подчеркивает важность лексикографической практики, которая в сербской «лексикографии, возможно, не самой богатой и стремительно прогрессирующей, однако сохраняющей достойный уровень... значительно опередила теорию». Таким образом, лексикографы, «даже любительского уровня, прокладывают дорогу для наиболее интересных филологических и лингвистических решений» (Грицкат 1957/58: 296).

7.2.3. Будучи лексикографом, она обращает внимание на значение критики как для выявления лексикографических ошибок, так и для положительной оценки отдельных решений, тем более, что сами лексикографы нередко высказывают весьма строгие «замечания» к собственной работе. Они осознают возможность ошибочной субъективной оценки языковых фактов в случаях, когда устоявшихся критериев не существует, а таких случаев в практике разработки тезаурусного словаря немало (там же: 303).

7.2.4. Как отмечает И. Грицкат в своей второй работе (1960), в таких случаях, как Словарь САНУ, работа над которым, учитывая сбор материала и разработку концепции, длится уже более одного столетия, очень важно сохранить в рамках первого издания концепцию первой редакции, чтобы люди держали в руках цельную работу (Грицкат 1960: 94). Это также необходимо иметь в виду как при внешней, так и при внутренней лексикографической критике словаря данного типа.

7.2.5. Критический отзыв на концепцию словаря, по словам данного автора, имеет смысл, если он совпадает по времени с разработкой концепции. Такой подход является общепринятым в отношении отзывов или рецензий на пробные выпуски словаря, которые, как и изложенная концепция и методология, публикуются до начала работы над самим словарем. В таких случаях возможны замечания, касающиеся полноты корпуса на пространственном и временном уровне, типов источников, способов лексикографической обработки и т.п. (там же: 98).

8. Критический подход к способам лексикографического описания в Словаре САНУ

8.0. Далее предметом критики автора настоящей работы, С. Ристић, станут способы лексикографического описания грамматических частей речи в Словаре САНУ. В частности, ссылаясь на работы других авторов (И. Грицкат, Д. Гортан Премк и М. Пешикана), а также на отдельные собственные исследования и монографию, мы отмечаем необходимость создания системы способов лексикографического описания наиболее существенных лексико-грамматических характеристик наречий, предлогов, союзов, частиц и междометий⁹, не представленных в имеющихся словарях и грамматиках сербского языка. Вопрос обработки грамматических частей речи рассматривается с точки зрения способов лексикографического описания¹⁰ и уровня развития лексико-

---

⁹ При рассмотрении наречий и способа их обработки в Словаре САНУ, мы ссылались на монографию С. Ристић (1990) и упомянутые работы И. Грицкат (1983, 1989), при рассмотрении частиц — на разделы монографии Ристич, Радич Дугоич (1999), при рассмотрении предлогов — на работу Д. Гортан Премк.

¹⁰ Представление способов лексикографического описания подразумевает выделение релевантных элементов лексикографического описания, к которым, наряду с метаязыком и техническими методами составления левой и правой части словарной статьи, относится описание структуры словарной статьи (Тафра 2005: 158).

графического метаязыка сербской традиционной толковой лексикографии, главным представителем которой является тезаурусный Словарь САНУ¹¹.

8.1.1. Целесообразность лексикографических способов описания грамматических частей речи оценивается с точки зрения системности, точности и четкости, которая достигается путем последовательного применения предписанных правил лексикографической обработки и последовательного использования лексикографического метаязыка в зоне леммы и в зоне семантического описания лексем. Составление леммы словарной статьи, т. е. ее левой части, в Словаре САНУ основывается на правилах традиционной грамматики, в то время как при семантической обработке и толковании лексем основные принципы базируются на лингвистических данных, полученных в результате длительной работы над словарем. Эти данные постоянно совершенствуются и дополняются в соответствии с развитием Белградской лексикографической школы¹².

8.1.2. Однако в тезаурусной дескриптивной лексикографии не существовало образцов ни для составления леммы, ни для семантической обработки «грамматических слов» (с учетом природы их грамматического, неденотативного значения) как на уровне лексикографической практики, так и на уровне грамматической обработки такого рода слов. Таким образом, дескриптивная лексикография, описывая функцию и семантические реализации отдельных лексем, не только служила источником информации о грамматических и семантических характеристиках отдельных слов (их лексикографических портретах), но и в течение многолетней практики искала пути комплексного описания их микросистем, т. е. их лексикографических типов.

8.1.3. В соответствии с критерием точности и четкости при толковании слов, критически проанализируем общие правила из «Руководства по работе над Словарем САНУ», релевантных и для толкования грамматических частей речи. Фактически, согласно данному Руководству, точной и четко сформулированной считается дефиниция, содержащая не больше и не меньше элементов, нежели необходимо (Упутства: 41), что в лексикографии определяется как достаточность дефиниции. Руководствуясь принципом точности и четкости, лексикограф должен определить и истолковать инвариантное значение, а не контексты употребления отдельных лексем. Достаточность дефиниции достигается за счет перечисления достаточного числа грамматических и семантических характеристик, за счет которых одна реализация значения лексемы отличается от ее иных семантических реализаций.

8.1.4. В связи с этим, дефиниция, согласно Руководству, может дополняться примечаниями в скобках или глоссами. Глоссы, в которых приводятся ограничения на грамматическую/морфологическую сочетаемость, печатаются в начале дефиниции обычным шрифтом, в то время как глоссы, в которых приводятся ограничения на лексическую/семантическую сочетаемость, печатаются в конце дефиниции курсивом, как и

---

¹¹ Критический анализ лексикографического метаязыка сербской дескриптивной лексикографии на примере Словаря САНУ и предложения по его усовершенствованию и обновлению в соответствии с новейшими теоретическими подходами к систематической лексикографии и интегральному описанию языка, созданными и получившими свое развитие в рамках Московской семантической школы, дается в нескольких наших работах и монографиях, в том числе на примере обработки экспрессивной лексики (Ристић 2004), а также при описании многослойности лексической системы и использования классификаторов (Ристић 2006); самому же лексикографическому метаязыку посвящена целая глава данной монографии (стр. 113–134).

¹² О формировании и развитии Белградской лексикографической школы см. Ристић 2007.

сама дефиниция. Как следует из Руководства, примечания в скобках относятся не к «лексическому содержанию слова», а к сведениям «о его употреблении» (там же: 43).

8.1.5. Для лексикографических методов обработки грамматических слов немало важным является также приведенное в Руководстве правило иерархической организации полисемической структуры: «При группировке значений иметь в виду то, что идти нужно от более общеупотребительных к более редким значениям и от более конкретных к более абстрактным. Затем приводить нестандартные и диалектные значения. Значения нужно, по возможности, расположить по порядку в зависимости от их сходства, чтобы они как бы перетекали из одного в другое» (там же: 44).

8.1.6. Данное правило позволяет нам сделать вывод о различных лингвистических сферах и подходах. Из него следует, что правильная организация полисемической структуры основывается на языковом чутье носителя сербского языка об «общеупотребительности» и о частотности, что связано со сферой языковой личности. В нем также содержится ссылка на критерии концептуальной организации лексической системы, согласно которым абстрактные значения концептуализируются на основе конкретных. Следовательно, обращается внимание на тот факт, что процессы семантической деривации в лексической системе, как правило, проходят по схеме конкретные значения → абстрактные значения. Данное предписание, касающееся места в системе необщеупотребительных и диалектных значений, подчеркивает важность выделения центра и периферии при формировании полисемической структуры лексемы, а также адекватного иерархического расположения значений. Порядок перечисления значений согласно критерию сходства, «перетекания значений из одного в другое» связан с явлением цепочечной связи значений в рамках единой полисемической структуры.

8.1.7. Правило иерархического устройства полисемической структуры¹³ также свидетельствует о прототипическом подходе к организации лексического значения, так как основное «общеупотребительное значение», выделяемое в практической лексикографии, базируется на «прямом, доминантном значении»¹⁴, так же, как и прототипическое значение, теоритически выделяемое и рассматриваемое в рамках когнитивной лингвистики.

8.2.1. Принимая во внимание все, что к настоящему моменту было написано в работах о грамматических частях речи, мы рассмотрим вопрос их статуса в лексической системе сербского языка в рамках правил, обозначенных в «Руководстве по работе над Словарем САНУ». В Руководстве, наряду с вышеперечисленными, приводятся общие и частные правила обработки так называемых неизменяемых частей речи, к которым традиционно относят наречия, предлоги, союзы, междометия и частицы.

8.2.2. Общие правила рекомендуют приводить основные сведения о частеречной принадлежности в зоне леммы в виде грамматической пометы в сокращенной форме: прил.(ог), предл.(ог), св.(еза), узв.(ик), хотя при обработке междометий и частиц пометы «узвик» и «речца» нередко даются в рамках самой дефиниции, в ее начале. В таком случае нет необходимости приводить помету дважды (Упутства: 31–32).

---

¹³ Данное правило еще раз свидетельствует о том, что лексикография должна устанавливать значения и наиболее общие связи между ними. Связи отражаются двумя способами: с помощью порядка перечисления значений и с помощью символов, указывающих на их иерархическую организацию (цифры и буквы).

¹⁴ Доминантный смысл Ладислав Згуста определяет как значение, которое приходит в голову большинству носителей определенного языка, если данное слово приводится изолированно, вне какого-либо контекста (Згуста 1991: 66).

8.2.3. В рекомендациях по обработке отдельных категорий неизменяемых, грамматических слов отмечаются некоторые общие для них лексико-грамматические характеристики. Как показывают примеры из Словаря, для составления леммы и систематической лексикографической обработки наиболее сложным явлением оказывается конверсия. В связи с этим далее мы рассмотрим проблемы, имеющие отношение к конверсии, т.е. словообразовательному процессу перехода лексемы из одной части речи в другую вследствие изменения ее функции¹⁵.

8.2.4. В Руководстве проблема конверсии, как правило, ставится и описывается на уровне полисемии, а не на уровне словообразовательного процесса деривации, особенно характерного для грамматических частей речи (Ристић 1990 и 1999: 98–99 см. Ристић, Радић Дугоњић). Так, например, наречие может употребляться в функции союза или предлога, а союз в функции междометия. Однако в Руководстве подчеркивается, что такие случаи следует отличать от ситуаций, когда слово действительно относится к двум категориям, которые должны быть отражены в рамках двух словарных статей (например, наречие *близу* и предлог *близу*). В целом, грамматические части речи включают в себя ограниченное количество первичных единиц, лексем, однако их парадигмы представляют собой открытые списки, которые могут дополняться иными частями речи, их формами и конструкциями¹⁶.

8.2.5. В некоторых случаях различные функции лексем в Словаре не рассматривались ни как отдельные значения в рамках одной словарной статьи, ни различные заглавные слова. При их обработке применялся лексикографический метод двойной или тройной грамматической маркированности заглавного слова, указывающей на реализацию различных функций отдельно взятой лексемы. Так, лексема *e*, описанная в рамках одной статьи, обозначена как «местоимение и частица». Тот же метод может быть применен и при обработке лексем *благо*, *де*, *ама*, *море* и т. п. Дважды маркированными являются лексемы *где* «наречие места (реже направления и времени) и союз» и *како* «наречие образа действия и союз», причем пометы приводятся в зоне толкования, а не леммы. Лексема *кад(а)*, характеризуется тройной маркированностью, но при этом в зоне леммы стоит помета «наречие времени, союз и частица». В случае лексемы *a* раз-

¹⁵ Для систематического описания данного процесса в лексикографии, на наш взгляд, наиболее приемлемым является подход Бранки Тафра (2005: 99–160), согласно которому конверсия определяется как словообразовательный процесс возникновения новой лексемы. Новое слово по сравнению с базовым имеет иное лексическое и грамматическое значение и грамматические свойства, в большей степени синтаксические, нежели лексические (Тафра: 100). Словообразовательный процесс конверсии в литературе обозначается также с помощью иных терминов: трансформация, мутация, транспозиция, трансфигурация, гипостаза (там же: 99, далее 142).

¹⁶ Например, Б. Тафра показала схему конверсии с помощью графика (Тафра 2005: 106). Из схемы и ее описания следует, что существительные и глаголы дают наибольшее число конверсивов в виде грамматических слов; от существительных образуются наречия, предлоги, союзы, междометия и частицы, от глаголов — частицы, союзы, междометия и наречия. От прилагательных, местоимений и числительных образуются только наречия; в то же время сами грамматические слова очень продуктивны в качестве базовых единиц в процессе конверсии для образования новых грамматических слов. В обзоре показано, что наиболее продуктивными для конверсии являются наречия, от которых образуются любые другие категории грамматических слов, даже существительные. Предлоги и союзы дают только наречия, а частицы — только союзы (*тек*, *нека*, *још*) (там же: 106–108), хотя судя по результатам нашего исследования частицы, союзы и междометия демонстрируют весьма разветвленную схему конверсии (Ристић 1999: 98–99 см. Ристић, Радић Дугоњић). О степени лексикализации отдельных глагольных форм в функции частиц и способе представления данного типа конверсии в Словаре САНУ см. (Ристић 2006а; 2007а).

личные функции и иные релевантные факторы оказались достаточным основанием, чтобы выделить и отдельные словарные статьи: для союза (лексема без ударения), для междометия (лексема, характеризующаяся различными фонетическими и интонационными вариантами и независимым положением в высказывании) и для частицы (ударная лексема, отличающаяся независимой позицией в высказывании).

8.2.6. Вообще говоря, определение конверсии и способ ее отражения ставят перед лексикографом целый ряд проблем. Чаще всего возникает вопрос, описывать ли две (или более) лексических единиц, одинаковых по форме, в рамках одной или нескольких словарных статей. В связи с этим возникает проблема определения и разграничения конверсии и омонимии¹⁷, а также разграничения конверсии и изменения функции отдельной части речи и иных типов контекстуального употребления слова в новой функции (Тафра 2005: 100)¹⁸.

8.2.7. Данные причины и проблемы, связанные с конверсией, привели к тому, что в Словаре САНУ, наряду с ситуациями, вписывающимися в установленные правила, встречается и немало случаев непоследовательной обработки единиц на грамматическом и лексемном уровне. Причины заключаются также и в том, что не всегда легко определить не только соответствие необоснованно подобранным параметрам «более частотного употребления» и «происхождения» лексических конверсивов, но и первичную функцию лексем, относящихся к грамматическим частям речи.

8.3.1. Так, например, при рассмотрении наречий в Руководстве отмечается продуктивность образования наречий от прилагательных, типичного случая конверсии (Ристић 1990). Поэтому «общеупотребительные» наречия данного типа рекомендуется включить в Словарь даже если в собранном материале их «случайно не оказалось», но их существование подтверждается наличием в корпусе соответствующих прилагательных. Однако полисемическая структура данных наречий, согласно Руководству, должна быть описана упрощенно, с помощью общей дефиниции, например, «...(таким-то) образом» и дополнена синонимичными наречиями или наречными словосочетаниями, соотносящимися со значениями данного наречия. Выделять отдельные значения, как у соответствующего прилагательного, не следует. Для наречий, образованных от деноминативных прилагательных на *-ски* и *-чки*, приводится иной тип общей дефиниции: «как X» (где X заменяется на существительное, от которого образовано прилагательное).

8.3.2. Позднее обработка наречий образа действия показала, что упрощенный способ толкования невозможно применить по отношению ко всем наречным лексемам. Необходимо, напротив, расширять способы их лексикографического представления в связи с развитием новых семантических и стилистических значений, отсутствующих у прилагательных (Грицкат 1989: 24).

8.3.3. Способы лексикографического представления конверсии и обработки наречий в Словаре САНУ подробнее рассматриваются на примере различных категорий наречий: времени, места и образа действия, в том числе местоименных наречий. Отме-

---

¹⁷ О различиях между конверсией и омонимией и о критериях их разграничения, имеющих большое значение для лексикографии см. (Тафра 2005: 113–114, 101–104). В то же время на теоретическом уровне эта разница не учитывается, так, например, Б. Тошович не проводит грань между конверсией и омонимией, рассматривая их как единое явление «лексико-грамматического хамелеонства» (Тошович 2006: 62).

¹⁸ Об отдельных критериях разделения словарных статей в случае конверсии наречий образа действия и частиц и см. (Ристић 1990: 53).

чается, что такие местоименные наречия, как *онда*, *онде*, *онако*, по своему лексико-грамматическому значению намного ближе к грамматическим частям речи, нежели наречия образа действия, образованные от прилагательных с помощью конверсии (Ристич 1990: 43–44). Тем не менее, как для местоименных наречий, так и для наречий образа действия характерно, что в процессе конверсии они служат для образования главным образом одних и тех же частей речи: частиц, союзов и предлогов¹⁹.

8.4.1. Сформулированный в Руководстве способ обработки предлогов и их лексико-грамматический статус регламентируют исключительно общие лексикографические методы. Согласно данным предписаниям, лемма должна содержать заглавное слово, причем для односложных предлогов обычно приводится безударная форма. Однако поскольку иногда на предлоги перемещается ударение, акцентированную форму следует указывать в скобках, сразу после заглавного слова. К зоне леммы относится и грамматическая помета, указывающая на часть речи в виде сокращения «предл.» и помещенная после скобки наряду с указанными и/или иными изменениями слова. Правая часть словарной статьи, посвященной предлогу, в зоне толкования обязательно начинается с перечисления падежей, с которыми он сочетается, хотя имеются примеры, когда информация о падежах приводится в зоне леммы (например, в случае предлога *због*).

8.4.2. В словарной статье, посвященной предлогу *на*, автором которой является опытный лексикограф и редактор Словаря САНУ Даринка Гортан Премк, наряду с леммой, в рамках которой, согласно правилам, приводится предлог, дается указание на его грамматическую принадлежность и сочетаемость с падежами. Данный предлог отличается довольно сложной полисемической структурой, иерархически представленной в трех крупных разделах, обозначенных римскими цифрами. В каждом разделе под арабскими цифрами описываются основные значения, а под буквами — оттенки значений. В первой части статьи под римской цифрой I рассматриваются значения данного предлога в сочетании с аккузативом и локативом, под римской цифрой II — только с аккузативом, под цифрой III — только с локативом.

8.4.3. На примере полисемической структуры, построенной таким способом, очевидно, что предлог *на* по своей реляционной функции в первую очередь является предлогом, управляющим аккузативом, так как в общей части статьи среди всех значений и оттенков значений в первую очередь описываются особенности аккузативных синтагм, и лишь затем локативных. В свою очередь, полисемическая структура данной части содержит наибольшее количество основных значений (12) и множество оттенков при большинстве значений в центральной части. На периферии описываются ограничения семантической сочетаемости предлога *на* с отдельными существительными. Предлог *на* в сочетании только с аккузативом способен употребляться в семи значениях, многие из которых имеют оттенки значения, в то время как на периферии представлены ограничения на сочетаемость данного предлога с отдельными глаголами, числительными и прочими лексемами с семантикой меры. Предлог *на* в сочетании только с локативом, описанный в третьей части, употребляется в двух значениях, второе из которых также лексически ограничивается исключительно глаголами благодарения.

8.4.4. При обработке реляционной функции данного предлога, авторам также удалось добиться завидной систематичности, наглядности и последовательности в способе

---

¹⁹ О местоименных наречиях как основах для образования частиц, союзов и предлогов с помощью конверсии см. (Ристич 1990: 44).

толкования отдельных значений на всех уровнях полисемической структуры. Наблюдается единообразие использования метаязыка в толкованиях, кроме того, данные о падеже ставятся на первое место в скобках и таким образом относятся и к зоне леммы, и к семантической зоне словарной статьи. Лексико-грамматическая архисема во всех трех разделах толкуется с помощью лексемы с реляционным значением, правда, в этот раз с помощью термина «определяет» вместо «указывает», рекомендуемого для толкования предлогов и использованного для дефиниции архисемы предлога *oko*. Следующие по рангу семы, указывающие на отношения именных синтагм при заполнении глагольной валентности и выполнении определительных функций, отражены в описательных фрагментах толкования с помощью последовательного использования метаязыка.

8.4.5. В обзоре методов обработки предлогов в Словаре САНУ и в Словаре Матицы Сербской Д. Гортан Премк выделяет способы толкования их значения: 1) «предлог в сочетании с самостоятельной частью речи обозначает предмет»; 2) «предлог в сочетании с самостоятельной частью речи обозначает положение, место» и 3) «предлог определяет место». Автор рекомендует третий способ, лучше всего отражающий реляционную функцию и значение предлога, так как в данном случае «предлог ... определяется как независимая лексема, детерминирующая отношение к понятию, выражаемому именем, с которым он сочетается, и к понятию, обозначаемому главным словом» (Гортан Премк 1984: 35). Такого рода толкование, по словам автора, предоставляет сведения о грамматических и семантических особенностях предлогов, а метаязыковой термин «определяет» в большей степени применим к толкованию реляционных слов, нежели термин «обозначает», подходящий для описания полнозначных лексем (там же: 39). Данное толкование доказывает, что предлоги являются словами с собственным независимым, абстрактным значением, которое может быть определено вне синтагмы, а также то, что их грамматическое значение реализуется как общее значение падежа или его модификация (там же: 36–37). Отношения, выраженные предлогом, в составе дефиниции определяются с помощью соответствующих метаязыковых единиц как валентности глагола определенного типа.

8.4.6. В полисемических структурах семантики упомянутых предлогов реализуется исключительно функция предлога, так как совпадающие с ними по форме или ударные лексемы употребляются в иных функциях и чаще всего выделяются в отдельные словарные статьи. Например, ударная лексема *na* в функции частицы рассматривается в рамках отдельной словарной статьи с соответствующей грамматической пометой, так же, как и предлог *близу* и наречие *близу*²⁰.

8.4.7. Таким образом, конверсивы, образованные от предлогов, как и от союзов, различаются в том числе наличием формальной пометы ударения. Это исключает вероятность лексикографического недоразумения и позволяет разграничивать конверсивы и омонимы, а также четко отразить эту разницу в словаре, в первом случае в виде отдельных пронумерованных статей, во втором случае в виде отдельных пронумерованных статей.

²⁰ При обработке генитивного предлога *zбог*, однако, не были применены предписанные лексикографические методы. Это касается и леммы, и отражения процесса конверсии, к тому же информация о падеже дается в зоне леммы тем же шрифтом, что и грамматическая помета, и не выносится в скобки. В то же время функция союза выделяется в рамках полисемической структуры как значение *zбог 2* следующим образом: «(в сочетании с “што” в функции союза) устар.».

8.5.1. Для обработки союзов в Руководстве даются только общие указания, связанные со структурой зоны леммы в составе словарной статьи: в качестве заглавных слов союзы, как и предлоги, должны быть приведены в безударной форме (однако об ударении делаются отдельные замечания), и обозначены грамматической пометой в виде сокращения «везн.». Например, при обработке союза *a* число его отдельных употреблений в корпусе показало, что данный союз используется в двух главных, первичных значениях: противительном и соединительном, в рамках каждого из которых отмечается по шесть семантических реализаций, семем, имеющих большое количество подтверждений.

8.5.2. Данный союз входит в состав омонимической парадигмы, отраженной в словаре в виде градации заголовков. Союз *a* обозначен цифрой 3, вынесенной непосредственно перед заголовком. Словарная статья союза *a* иерархически структурирована в виде пяти крупных разделов, пронумерованных арабскими цифрами. Каждый раздел, в соответствии с грамматико-семантическими вариантами, состоит из меньших разделов, обозначенных строчными буквами. В первых трех разделах определяются грамматико-семантические функции данного союза, а в последних значениях, на периферии, описываются иные, нехарактерные для союза функции лексемы, в том числе функция усиления, характерная для частиц. Данную функцию следовало упомянуть в статье, посвященной частице *a*, справедливо оформленной в виде отдельного пронумерованного заголовка.

8.5.3. Статья, посвященная союзу *a*, вошла в первый том Словаря (1959), изданный в то время, когда методология обработки данной части речи не была разработана. Однако очевидно, что при обработке данного союза наметилась система определенных лексикографических методов, доработанных в более поздних томах. Это особенно заметно на примере союза *u* в седьмом томе Словаря.

8.5.4. При обработке союзов словарная статья не подразделяется на зону леммы и семантическую зону, или толкование. Следовательно, грамматическая помета одновременно является частью толкования, с помощью которого определяется лексико-грамматическая архисема, тогда как в подразделах толкования, в которых рассматриваются основные лексико-семантические варианты, она определяет тип функции союза. Союзу *u* в первом и втором значениях приписывается функция соединительного союза, однако во втором значении реализуется также функция выделения, характерная для частицы и отмеченная в третьем и четвертом пунктах статьи в соответствии с предписаниями Руководства. Проанализированные факты показали, что функция частицы *u* лексемы *u* возникла путем конверсии. В связи с этим ее следовало представить в рамках отдельной словарной статьи, посвященной частице *u*, которая в Словаре не выделяется²¹.

8.5.5. Проанализировав дефиниции союзов, мы можем отметить тенденцию последовательного использования метаязыка, однако, что касается описания основных лексико-грамматических реализаций, то здесь авторы выделяют тип функции союза или описывают его позицию в тексте и дискурсивную ситуацию употребления. Например, при толковании союза *a* используются такие формулировки, как: «употребляется (в сочетании с *da* и *da ne*) в значении исключения ..., (как правило, с отрицанием)», «в

---

²¹ Тем не менее, лексема *u* в функции междометия выделяется в отдельную словарную статью и рассматривается в четырех значениях.

повествовании, чтобы выделить одновременное ... неожиданное событие ... (иногда усиливается с помощью *то*)), «(редко) для выражения частичного противопоставления...: *него, већ*», «чтобы подчеркнуть противопоставление тому, что ожидалось после сказанного в предыдущем предложении», «для акцентирования какого-либо ограничения, налагаемого на предыдущее высказывание: *на ипак, притом*», «чтобы подчеркнуть разницу между двумя одновременными действиями или сопутствующими характеристиками: *док, међутим*» и т.д. При толковании значений союзов, как, впрочем, и иных грамматических частей речи, авторы закономерно не используют термин «обозначает» или иное понятие, отсылающее к денотации.

8.5.6. При обработке союзов, а также иных служебных слов, немаловажными являются семантические критерии и определение инвариантных значений во всех вариантах употребления. Такой способ позволяет идентифицировать и разграничить различные функции и случаи конверсии в ситуациях, когда формальные различия между лексемами отсутствуют (Пешикан 1981: 278). Большое значение имеет также правильное построение иерархии значения полисемической структуры, с помощью которой, в числе прочего, может быть описана история развития значения отдельной лексемы (там же: 278–279).

8.6.1. Что касается частиц, то в Руководстве даются определенные указания по их обработке: следует выделить в отдельные статьи лишь базовые частицы и толковать их следующим образом: «усилительная частица», «побудительная частица» и т.д.

8.6.2. При обработке частиц *ево, ето* и *ено*, составляющих упорядоченную микросистему презентативов, последовательность способов лексикографического описания выражается лишь в выделении ряда значений и сходстве метода толкования, однако характер иерархической организации полисемической структуры частицы *ено* отличается от двух других частиц. Значения данной частицы обозначены буквами, в то время как аналогичные значения частиц *ево* и *ето* пронумерованы и описаны более детально и точно. Данные частицы употребляются также в функции предиката и союза, которые справедливо не выделяются в качестве отдельных словарных статей и описываются в рамках полисемической структуры в виде отдельных значений.

8.6.3. При обработке данных частиц зона леммы в словарной статье не выделяется, а грамматическая помета составляет зону толкования и в отдельных случаях дополняется описательными дефинициями. В такого рода толкованиях используются понятия метаязыка, с помощью которого отражены различные реализации значения и дискурсивные ситуации употребления или грамматический контекст: (частица) «указательная», «выражает...», «употребляется, чтобы указать...» / «показать...» / «при сомнении, колебании, отрицании». Отдельные толкования дополняются синонимами. Наиболее детально и точно обработана частица *ето*: авторы выделяют в качестве ее отдельных значений иные, нехарактерные для частицы функции: функцию глагола, предиката и союза. Глагольная функция частицы *ено* ошибочно определяется как междометие; в случае же частицы *ево* она даже не выделяется, хотя в одном из значений данная функция очевидна и находит свое подтверждение в примере.

8.7.1. Согласно правилам обработки междометий в Руководстве, зона леммы словарной статьи содержит заглавное слово с указанием места ударения и его вариантов, если таковые имеются, а также грамматическую помету в виде сокращения «узв.». Если

толкование начинается со слова «междометие...» (что, как правило, наиболее удобно), сокращение «узв.» опускается, за исключением тех случаев, когда иные данные отделяют его от начала дефиниции²².

8.7.2. На этапе сегментации словарной статьи при обработке отдельных междометий, не выделяется зона леммы, так как грамматическая помета в форме сокращения, относится и к зоне толкования, что противоречит правилам, приведенным в Руководстве. Грамматическая помета, указывающая на часть речи, может являться частью толкования союзов и частиц, только если она приводится в полной форме, как, например, в случае толкования звукоподражательных междометий.

8.7.3. Многочисленную группу составляют междометия глагольного происхождения²³. Они не вписываются в традиционное понятие междометия, поскольку некоторые из них не являются неизменяемыми, употребляются в функции предиката и обладают лексическим значением. В Словаре САНУ междометия, образованные от глагольных форм, равно как и иные грамматические слова, образованные путем конверсии от глаголов не выделяются в отдельные словарные статьи, а рассматриваются либо в рамках статьи, посвященной глаголу, либо в рамках полисемической структуры, либо в разделе под устойчивыми выражениями.

8.8.1. В результате подробного анализа способов обработки приведенных примеров грамматических частей речи в Словаре САНУ, отличающейся отсутствием системы и непоследовательностью применения правил, предписанных «Руководством по работе над Словарем САНУ», мы пришли к выводу, что, взяв за основу удачные практические решения, примененные в отношении отдельных лексем в опубликованных томах Словаря, можно определить и/или дополнить критерии определенных методов лексикографической обработки для каждого типа грамматических частей речи. Последовательное применение данных методов позволило бы систематически описать лексикографические типы в рамках каждой из упомянутых грамматических частей речи. Единообразии толкования их значения на уровне архисем и описание критериев их функционирования в лексической и грамматической системе метаязыковых единиц традиционной грамматики способствовало бы значительному развитию системного описания дескриптивной лексикографии. Данные меры помогли бы избежать трудностей при идентификации характерных черт отдельных категорий грамматических слов и определении границ между ними. Неопределенность и размытость границ постоянно осложняется притоком многочисленных новообразований, возникших в результате различных словообразовательных процессов, в первую очередь, процесса конверсии. Однако в итоге новообразования, расширяя парадигму первичных единиц, в то же время усиливают ее гетерогенность.

---

²² Наиболее полное определение междометий в семантическом, синтаксическом, коммуникативном и функциональном аспектах дает Тошовић (2006: 62).

²³ Б. Тошовић присваивает им различные названия: междометия-предикаты (65), предикативные междометия (67) и глагольные междометия (68), — и выделяет следующие типы: *боц, цуп, ћап, шкљоц, шмри* и т. д., затем междометия-паронимы, соотносящиеся с глаголами: *бун, пљас, трас* и др. и междометия с глагольной парадигмой: *хајде, хајдемо, хајдете, замисли/замислите, молим, опрости/опростите* и т. д. (Тошовић 2006: 64).

9. Заключение

9.1. Лексикографическая критика в работе понимается как один из жанров лингвистической критики, характеризующийся определенным методологическим подходом и тематической сферой, в рамках которой ставятся и критически рассматриваются актуальные лексикографические вопросы, как «изнутри», с позиции самих лексикографов, т.е. тех, кто работает над словарем или его концепцией, так и «извне», с позиции иных специалистов, не являющихся лексикографами, лингвистов и прочих лиц, для которых предназначен словарь. Условно говоря, в первом случае речь идет о так называемой внутренней лексикографической критике, во втором — о так называемой внешней лексикографической критике.

9.2. В результате анализа научных работ в области сербистики, которые в широком смысле слова можно отнести к лексикографической критике, мы пришли к следующим выводам.

9.2.1. В сербистике написано немало работ, в которых наблюдается критический подход к лексикографическим вопросам, непосредственно связанных с конкретными словарями. В такого рода работах либо отмечаются удачные или удачные решения лексикографов, либо высоко или низко оценивается качество словаря в целом и его практическая ценность.

9.2.2. Можно даже сказать, что существует развитая традиция изучения вопросов, относящихся к области лексикографической критики, со своими характерными теоретическо-методологическими подходами и тематическими рамками, которые в сербской лингвистической традиции не выделяются и не идентифицируются. Следовательно, в сербской научной среде лексикографическая критика пока в недостаточной мере осознается как особый жанр.

9.2.3. Подтверждение данного вывода мы находим в работах филологов, лингвистов и лексикографов, утверждающих, что в сербской (сербохорватской) лексикографии отсутствуют рецензии должного уровня на публикацию важнейших словарей или их отдельных томов, т.е. подлинная лексикографическая критика либо отсутствует, либо не соответствует ожидаемым, необходимым нормам.

9.2.4. Неблагоприятное впечатление о состоянии лексикографической критики и отрицательная оценка ее результатов являются следствием недостаточного осознания ее жанровой специфики. Таким образом, сфера интересов лексикографической критики в сербистике до сих пор не выделяется как целое и фактически остается на периферии интересов и серьезных систематических исследований.

9.2.5. Данное исследование, посвященное статусу лексикографической критики в области дескриптивной лексикографии, показало, что в сербистике создано достаточное количество работ и достигнуты весомые результаты в сфере как внутренней, так и внешней лексикографической критики, влияние которой на развитие сербской лексикографии и смежных лингвистических дисциплин еще предстоит исследовать и доказать.

*Перевод М.Л. Кулешовой
Литературу см. в конце оригинальной части (с. 722–724)*

А. ЯРОШОВА
(Словакия)

СЛОВАЦКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

1. Исторический обзор

1.1. Словари от древности до кодификации А. Бернолака

Старые рукописные и печатные словари, возникшие на территории Словакии, были предназначены для латинских школ, и поэтому, наряду с латинским языком, они содержали, как правило, также немецкие, венгерские, чешские либо словацкие эквиваленты. Это обстоятельство указывает на необычайно сложную языковую ситуацию. Наряду с латинским языком, находящимся в привилегированном положении до XV в. и сохраняющим роль дипломатического языка вплоть до XIX столетия, в частной переписке в Словакии использовался стандартизованный или словакизированный чешский язык (выполнявший с XIV в. у словаков роль культурного и культового языка), а начиная с сер. XVI в. — культурные наддиалектные формы словацкого языка. Языком юридических и деловых документов на словацкой территории были также немецкий и венгерский языки (особенно в XVII и XVIII вв.).

Средневековые школьные словари очень часто составлялись в стихах. Те из них, в которых латинские выражения переводились чешскими словами назывались *Bohemarie* (от *bohemiarius* «богемский»). Рукопись такого словаря, принадлежащая Мартину из Стражницы (*Martin zo Stražnice: Bohemarius*), содержит большое количество западно-словацких диалектных выражений. Чешские глоссарии, которые были составлены в эпоху Карла IV Кларетом (*Claretus de Solentia*) и его сотрудниками, были распространены и в Словакии. Значительное количество словацких лексических элементов содержится в переводе Франтишека Булёвского (*F. Bul'ovský*) учебника Яна Амоса Коменского «*Janua linguae latinae reserata aurea*» (*Komenský 1666*) и в другой работе Коменского «*Orbis sensualium pictus quadrilinguis*», изданной в Левочи (*Komenský 1685*).

В 1635 г. был основан университет в Трнаве. Открытие Трнавского университета было связано с общей политической ситуацией в стране, когда после захвата турками столицы Венгрии периферийные города Братислава и Трнава, расположенные на западе Словакии, надолго стали политическими и культурными центрами Венгрии. Рекатолизация в Верхней Венгрии (нынешняя Словакия) нашла сильную опору в Трнавском университете, при котором работала большая типография. Богословские образованные круги, сплотившиеся вокруг Трнавского университета, включились в работу по созданию популяризированной религиозной литературы на чешском языке, который все более и более словакизировался. Из этой ситуации извлекла пользу и словацкая лексикография. Первым известным печатным школьным словарем, где словацкий язык (с чешскими элементами) представлен в качестве одного из основных языков, стал так называемый «Трнавский словарь» («*Trnavský slovník*» — «*Verborum in institutione grammaticae in ungaricum et sclavonicum translatio*» — 1648). Он содержал 1300 расположенных в алфавитном порядке латинско-венгерско-словацких заголовочных слов.

Из окружения трнавской типографии вышли и другие латинско-венгерско-немецко-чешские/словацкие словари. К числу самых известных относится «*Catalogus onomasticus*» Яна Лицеи (Lyczei 1707) — четырехязычный (латинско-венгерско-немецко-словацкий) словарь, приплетенный к концу книги «*Iter Oeconomicum*», знакомящей читателей с образцово организованной экономической жизнью той эпохи: городами, господскими владениями, хозяйственными дворами, миром домашних зверей, обработанными полями и, наконец, мастерскими ремесленников. Несколько изданий имели два насыщенных в информационном отношении словаря (тоже четырехязычных), предназначенных образованному читателю: «*Gradus ad Parnassum sive novus synonymorum, epithetorum et phrasium poetiarum thesaurus*» (Gradus 1725 — 1-е изд.) и «*Universae phraseologiae latinae corpus*» (Wagner 1750 — 1-е изд.). Уже в первом издании Gradus ad Parnassum видны тенденции словакизации, которые усиливались в последних изданиях. Сложные словарные статьи содержат много иллюстративных речений и цитат. Известный труд Ф. Вагнера «*Universae phraseologiae latinae corpus*» был дополнен чешскими (словакизированными) и словацкими элементами Б. Зарубалом. Словарные статьи в словаре имеют подробно разработанную семантическую структуру с иллюстративными примерами, а при подборе эквивалентов к латинским словам в нем используется богатая синонимика.

Источником сведений о западнословацком варианте литературного словацкого языка является латинско-словацкий словарь с чешскими элементами, известный под названием “*Nomenclator pružinský*”. Этот предметный словарь, включающий 36 понятийных сфер, сохранился в списке, предположительно, относящемся к XVIII в. В словаре 36 страниц, и он является частью рукописного Лечебника с Травником.

Первым рукописным словарем, систематически фиксирующим среднесловакизмы, является труд: *Ř. Latsný. «Dictionarium Cognatum, seu Conventiam linguarum: Hungarica et slavica exhibens, pro nationalibus Scholis Slavenicis adernatum»* (Latsný 1767–1797). На этот словарь, содержащий около 13000 слов, обратил внимание научной общественности в 1967 г. P. Király. Он датировал этот труд 1767–1797 годами. В словаре заголовочное слово представлено на венгерском языке, затем следует словацкий и, наконец, латинский эквивалент.

Другим важным словарем, отразившим стремление к языковой и орфографической нормализации западнословацкой формы литературного языка, был так называемый «Камалдульский словарь» “*Kamaldulsky slovník*” (“*Syllabus dictionarii latino-slovenicus*”. 1763). Этот рукописный труд в 948 страниц был составлен монахами камалдульского ордена, которые работали над переводом Библии на словацкий язык. То обстоятельство, что «Камалдульская Библия» и «Камалдульский словарь» остались только в рукописи, уменьшает их значение для закрепления западнословацкого языка в качестве литературного. С другой стороны, они являются важным свидетельством существования западнословацкого культурного узуса, к которому не раз апеллировал А. Бернолак при своей кодификации западнословацкого языка.

Ю. Палкович (Juraj (Jirí) Palkovič), профессор кафедры чехословацкого языка и литературы, издал чешско-немецко-латинский словарь — «*Böhmish-deutsch-lateinisches Wörterbuch*» (Palkovič 1820–1821), который должен был стать практическим пособием для моравских и словацких образованных людей. Словарь является свидетельством борьбы автора за сохранение чистоты чешского языка в его классической форме. Источником словаря является, прежде всего, классическая чешская литература XVI века.

С нашей точки зрения, словарь интересен тем, что, наряду со словами чешского литературного языка, в нем зафиксировано и множество словацких и моравских слов, характерных для чешского языка, употребляемого в то время на территории Моравии и Словакии. Словацкий материал автор черпал из богатых лексических собраний Рибая и Ш. Лешки. Эти слова с пометой *сл.* он понимал как диалектизмы, так как высшей формой литературного словацкого языка он считал чешский язык. С точки зрения лексикографической обработки отдельных словарных статей словарь был на хорошем уровне, поскольку его автор был знаком с лучшими для своего времени работами по филологии.

1.2. От Словаря Бернолака до 1918 г.

В 1787 г. Антон Бернолак (1762–1813) начал публиковать замечательный комплекс трудов, где впервые в нашей истории кодифицировал словацкий литературный язык. Составной частью кодификационных описаний словацкого языка стал его пятитомный «Словацкий словарь, чешско-латинско-немецко-венгерский» (Bernolák 1825–1827). Это словарь с так называемым Реперториумом (перечнем) остригомского каноника Ю. Палковича вышел в 1825–1827 гг. Словацкий язык представлен там не только в виде отдельных слов, но и в свободных и устойчивых сочетаниях, в пословицах и поговорках. Хотя в словаре сравнительно много неупотребительных и отсылочных слов, все же зафиксированные в нем лексемы, по большей части, являются надёжным свидетельством их употребления в определенных значениях в словацком литературном языке. Содержит словарь и некоторые слова, созданные самим автором. Свою кодификационную и нормативную функцию словарь выполнял с помощью разграничения языковых средств, признаваемых Бернолаком литературными, от народных лексических выражений, чешских и иноязычных (обозначенных в словаре специальными пометами). При кодификации литературного языка Бернолак исходил из традиции западнословацкой языковой культуры, но он дополнил литературный язык среднесловацкими и общенародными элементами, исключив при этом из него значительное число ненужных богемизмов.

Ю. Рибай (J. Ribay), выдающийся словацкий филолог и современник Бернолака, является автором обширных рукописных трудов, из которых самым значительным был «Idioticum Slovacicum» (словацко-немецко-латинский словарь, включающий 14 700 слов) (Ribay 1808). Работа была написана преимущественно на основе среднесловацкого языкового материала, который Рибай собирал 30 лет, и по отношению к чешскому языку она представляет собой дифференциальный словарь. Хотя ценный словарь Рибая не был напечатан, собранный лексический материал был использован Й. Добровским при создании его немецко-чешского словаря, который содержал и словацкие эквиваленты. В работе над словарем Добровскому помогал словацкий языковед Ш. Лешка (Š. Leška), принимавший непосредственное участие и в работе над словарем Юнгманна и Палковича. Он занимался проблемой происхождения иностранных слов в венгерском языке, уделяя особое внимание словам словацкого происхождения («Elenchus vocabulorum Europaeorum magyarici usus» — Leška 1825).

В середине XIX в. частью словацких интеллигентов под руководством Л. Штура была провозглашена вторая кодификация словацкого литературного языка, основанная на среднесловацкой диалектной базе, более отдаленной от чешского языка. Словарем,

представляющим штуровскую кодификацию стал двухтомный “Novi Slovensko-maďarskí a maďarsko-slovenskí slovník” Ш. Янчовича (Jancovič 1848). Венгерско-словацкому словарю предшествует краткая словацкая грамматика на венгерском языке, а в словацко-венгерской части словаря представлена венгерская грамматика на словацком языке. Словарные статьи в словацко-венгерской части снабжены отсылками к типам склонения или спряжения, приведенным в грамматике. Наиболее употребительные в языке заголовочные слова проиллюстрированы типичными и устойчивыми оборотами. В словарных статьях, посвященных глаголам, приводятся глагольные формы в алфавитном порядке, так что в качестве заголовочной формы часто выступает страдательное причастие. Автор объединяет глаголы, близкие по алфавиту (часто приставочные) в одну словарную статью, сильно уменьшая этим приемом ее наглядность.

Период реформы штуровской орфографии и усилия, направленные на закрепление норм «исправленного словацкого», представлены в словаре “Slovník slovenskej maďarskej a nemeckej reči” И. Лооса (Loos 1871), являющемся третьей частью трехтомного трехязычного словаря (“A magyar, német és tót szótára”, 1869; “Wörterbuch der deutschen, magyarischen und slowakischen Sprache”, 1870). Все производные слова имеют в словаре Лооса самостоятельные позиции, следовательно, гнездовой принцип подачи слов в нем не используется. Разные значения слов автор отделял точкой с запятой. Заголовочные слова не подтверждены иллюстрациями. Словарь можно упрекнуть в наличии большого количества чешских слов и искусственных новообразований. В качестве сильной стороны следует отметить наличие в нем административно-юридической терминологии. Из-за недостатка материала и узкопрактической направленности словарю не удалось зафиксировать словарный состав находящегося в процессе становления молодого словацкого литературного языка.

Языковая практика словацких журналов и книг, издаваемых в Мартине после упразднения культурно-просветительской организации Матицы словацкой (1875–1963), стала основной для так называемого мартинского узуса литературного языка. Мартинский узус получил форму орфографической кодификации в трудах С. Цамбела (S. Czambel). И хотя кодификация Цамбела в значительной степени способствовала закреплению многих орфографических явлений в языке, она не привела к окончательному становлению литературного словацкого языка на среднесловацкой диалектной основе, она не была, по словам Л. Новака, достаточной, особенно, в области лексики. Словарный состав словацкого языка конца XIX века относительно хорошо отражен в двух дифференциальных словарях — в словацко-чешском/чешско-словацком словаре авторов К. Калала и К. Салвы (Kálal – Salva 1896) и в русско-словацком словаре Л. Мичатка (Mičátek 1900). Лексикографическую картину того времени дополняет двуязычный и двунаправленный “Slovník slovenský a maďarský” А. Пеханя (Pechány 1906).

1.3. Словари в период между двумя войнами (20-е и 30-е годы XX в.)

Словацкая лексикография после 1918 г., когда Словакия стала частью Чехословакии, фиксирует все изменения культурной и экономической жизни словаков. Существование двух близкородственных языков в одном государстве отражается во многих **дифференциальных словацко-чешских словарях**, а функционирование словацкого языка в качестве государственного потребовало издания **административно- юриди-**

ческих и терминологических словарей. Богатым информационным источником о словацком лексическом составе стал практический дифференциальный словарь Карела и Мирослава Калалов “Slovenský slovník z literatury aj z nářečí” (Kálal – Kálal 1923). Словарь содержит около 40 000 словарных статей и вопреки характерному для данного времени сочетанию литературного языка с диалектами он способствовал дальнейшему развитию литературного языка. Функции дифференциального и синонимического словаря сочетались в работе Яна Гарая (Garaj 1937).

К числу известнейших и лучшим образом разработанных терминологических словарей в первой Чехословацкой республике относится словарь анатомической терминологии «Nomina Anatomica» Й. Ледени (Ledényi 1935), “Maďarsko-nemecko-slovenský železničný slovník” И. Виеста и Й. Шкултетого (Viest – Škultéty 1919), двухтомный “Právnický terminologický slovník” В. Файнора и А. Затурецкого (Fajnor – Záturecký 1921–1923) и работы О. Ферьянца (O. Ferianec) по зоологической терминологии.

Значительным вкладом в лексикографическую обработку **исторической лексики** словацкого и чешского языков стала публикации В. Важного под названием «Glossarium Bohemoslavicum» (Vážný 1937). Речь идет о языковом анализе и словаре (с алфавитным порядком расположения слов) к сборнику писем, изданном В. Халоупецким (V. Chaloupecký) в книге “Středověké listy ze Slovenska. Sbíрка listů a listin psaných jazykem národním z let 1426–1490” (1937).

Двуязычные школьные словари этого времени были очень слабыми. Во времена первой Чехословацкой республики в средней школе обязательным для обучения иностранным языком был немецкий, поэтому ощущалась потребность в школьных словарях именно этого языка. Наиболее издаваемыми авторами немецко-словацких и словацко-немецких словарей (во многих переизданиях) были Й.М. Зеварт (J.M. Seewarth) и Й. Шульц (J. Schultz). С точки зрения современных критериев лексикографической обработки эти словари были очень несовершенными. До второй мировой войны у нас вышел только один французско-словацкий словарь (Šedivý 1933); обратный словарь (словацко-французский) вышел в 1938 г., несмотря на то что французский язык был относительно востребованным языком в гимназиях. Хуже дела обстояли с английским языком, до войны вышел только один малый англо-словацкий словарь. Выгодно выделяются качеством лексикографической обработки только два двуязычных словаря: *Tvrđý P. Slovník latinsko-slovenský* (Tvrđý 1923) и *Hvozdík J. Zovrubný slovník slovensko-maďarský a maďarsko-slovenský* (Hvozdík 1937).

Тридцатые годы прошлого столетия в словацкой литературе были проникнуты идеей борьбы между двумя тенденциями в вопросах литературного словацкого языка: между объединительной тенденцией (понимающей словацкий язык как диалект несуществующего чехословацкого языка) и антиобъединительной тенденцией (сосредоточенной на особенностях словацкого языка). Вопреки тому, что словацкий язык в общем чехословацком государстве развивался очень интенсивно и последовательно выполнял функцию средства общественной и официальной коммуникации, конституция 1920 года не гарантировала ни существования отдельного словацкого народа, ни самостоятельного словацкого языка, так как ею провозглашался искусственный конструктор чехословацкого народа и чехословацкого языка в двух формах. Результатом влияния унификационного давления стало издание Правил словацкого правописания — “Pravidlá slovenského pravopisu” под руководством В. Важного (Pravidlá 1931). Мы упоминаем это издание в

связи с тем, что частью «Правил» был и **орфографический словарь**, который оказывал предпочтение словам, более близким к чешскому языку. Большая часть словацкой интеллигенции выступила с острой критикой «сближающей» тенденции «Правил» В. Важного, в результате чего в 1939 г. появился проект «Исправленных правил», выработанный Бартеком (Н. Bartek). И хотя «Исправленные правила» Бартека не были полностью приняты университетской комиссией, все же новые официальные “Pravidlá slovenského pravopisu” (Pravidlá 1940) устранили наиболее вопиющие случаи «чехизации» словаря. Эти «Правила» использовались до 1953 г., времени выхода третьего издания новых правил правописания, направленных на усиление фонетико-фонологического принципа в ущерб традиционному историко-этимологическому орфографическому принципу.

Борьба за словацкое правописание, которая началась критикой «Правил» 1931 г., стимулировала и давно начатую подготовительную работу над **толковым словарем словацкого языка**. В «Матице словацкой» наряду с работой над новыми правилами орфографии под общим руководством Шкултетого и Влчека расписывались источники для большого словаря. Хотя лексическая картотека начала создаваться в «Матице» сразу после Первой мировой войны, работа над словарём сильно не продвинулась. В конце концов словарь составил П. Тврдый (P. Tvrđý), выдающийся словацкий лексикограф периода между двумя мировыми войнами. Словарь не был составлен на основе систематических эксцерпций, не имел он и понятийной концепции, касающейся структуры словарной статьи. «Матица» отказалась его издавать, и автор в конце концов издал словарь в Трнаве, в Ордене святого Войтеха. Петр Тврдый своим словарем “Slovenský frazeologický slovník” (Tvrđý 1931; 2-е изд. 1933 г., Дополнения — 1937) начал традицию издания нормативных толковых словарей. Слово «фразеологический» в названии словаря означает, что значение слова, в первую очередь, описывается с помощью иллюстративных фраз, указывающих на функционирование слова в контексте. В этих же целях он использовал (непоследовательно и неравномерно) и идиоматические сочетания, пословицы и поговорки. Автор не различал отдельные формы существования народного языка и некоторые вошедшие в употребление выражения отодвигал на периферию литературной лексики.

2. Современная лексикография: обзор важнейших результатов работы над разными типами словарей

2.1. Одноязычные словари

2.1.1. Словари, комплексно описывающие словарный состав отдельных разновидностей или отдельных периодов развития языка

2.1.1.1. Толковые словари современного литературного языка. В сороковые годы прошлого столетия проходила подготовка к изданию современного толкового словаря словацкого языка на обширном цитатном материале одновременно в двух учреждениях: в Матице словацкой и в недавно основанной Словацкой академии наук и искусств (1942). В 1946–1949 гг. в Матице словацкой выходит «Словарь литературного словацкого языка» — “Slovník spisovného jazyka slovenského” (Jóna – Jánošík 1946–1949), являющийся первой попыткой издания современного толкового словаря на основе ши-

рокой цитации из литературных произведений; проект представлен в виде первого выпуска (буквы А–J).

После войны (в 1949 г.) проект создания толкового словацкого словаря перешел в лингвистический институт Академии наук (название этого института неоднократно менялось), который издал шеститомный «Словарь словацкого языка» — “Slovník slovenského jazyka” (1959–1968). Этот словарь, отредактированный Ш. Печиаром (Š. Peciar), был основан на текстах периода 1860–1960 гг. и содержал больше 120 000 словарных статей. Словарь словацкого языка имел большое значение не только для научного изучения словарного состава словацкого языка, но и для изучения других областей лингвистики, таких как морфология, словообразование, синтаксис. Его публикация вызвала широкую дискуссию по вопросам языковой нормы (критика указывала на недостаточное отражение в словаре нормативного критерия), в ходе дискуссии был поднят также вопрос о необходимости новой теории литературного языка. Несмотря на определенные недостатки, этот словарь является самым значительным лексикографическим трудом среди изданных до сих пор словарей словацкого языка. Он был и остается основой дальнейших лексикографических описаний лексического состава словацкого языка и является важным источником для сравнительного изучения славянских языков.

В середине 60-х гг. на совещании специалистов была подвергнута обсуждению концепция краткого настольного словаря литературного словацкого языка. Участники совещания пришли к заключению, что краткий словарь должен быть новым предприятием на новой материальной базе с использованием новой лексикографической теории при отборе заголовочных слов и определении значений. Особенно подчеркивался нормативный характер словаря.

Настольный словарь, изданный под названием “Krátky slovník slovenského jazyka” (1987, ред. J. Kačala – M. Pisárčiková), содержит комплексную информацию об основном лексическом составе словацкого языка. Он представляет собой фундаментальное практическое пособие, предназначенное для широкой общественности и преследует, прежде всего, нормативные цели. До сегодняшнего дня вышло три дополненных издания (1989, 1997, 2003). Словарь содержит 66 000 заголовочных слов, источником для его создания стала новая лексическая картотека. При актуализации словаря использовались материалы текстовой базы данных — Словацкого национального корпуса текстов. Краткий словарь словацкого языка является синтезом предшествующей кодификации, проводимой в шеститомном Словаре словацкого языка, и отдельных кодификаций, представленных в статьях, публикующихся в специальных журналах. Следовательно, речь идет о второй комплексной кодификации словацкой лексики после Второй мировой войны.

2.1.1.2. Исторические словари. В области лексикографии, описывающей историческую лексику, следует упомянуть, прежде всего, такой труд, каким является «Словарь к Жилинской книге» (“Slovník k Žilinskej knize”) (Ryšánek 1955). Это полный словарь к одной из древнейших городских архивных книг в Словакии с записями 1451–1651 гг. В книге отражен чешский язык (в роли литературного языка словаков) и лексические словакизмы окрестностей Жилины. Теперь язык «Книги» оценивается как словацкий.

После многолетнего сбора ценного языкового материала, создания архива, фотокопий редких рукописей и изданий, после классификации, расписки и монографической

обработки отдельных тематических групп лексики в 1991 г. начал выходить «Исторический словарь словацкого языка» — “Historický slovník slovenského jazyka”: Т. 1 — 1991; Т. 2 — 1992; Т. 3 — 1994; Т. 4 — 1995; Т. 5 — 2000; Т. 6 — 2005 и Т. 7 — 2008; научный редактор М. Майтан (М. Majtán). В этом словаре представлен словацкий язык долитературного периода от древнейших времен, каким он зафиксирован в рукописных и печатных памятниках и в древних латинских источниках (прежде всего, словацкие имена апеллятивного происхождения) вплоть до кодификации словацкого языка А. Бернолаком в к. XVIII в. Этот репрезентативный труд словацкого языковедения имеет кроме научной и документальной ценности и большое национально-культурное значение как свидетельство преемственного развития словацкого языка от эпохи распада праславянского единства вплоть до современности.

2.1.1.3. Диалектные словари. Перед выходом общеславянского диалектного словаря в Словакии вышло несколько региональных диалектных словарей. Два словаря являются словарями тематическими, в них слова расположены по предметным темам: «Лексика Новограда» — “Lexika Novohradu (Matejčík 1975) и «Предметный словарь Нижнетренчанских говоров» — “Vecný slovník dolnotrenčianskych nárečí” (Ripka 1981). В алфавитном порядке представлен лексический материал в «Диалектном словаре Гемера» — “Gemerský nářečový slovník” (Orlovský 1982).

Публикациями, придавшими исследованию словарного состава общенациональный масштаб, стали словообразовательный и лексический тома «Атласа словацкого языка» (“Atlas slovenského jazyka”) (Т. 3 — 1978; Т. 4 — 1984). В этом монументальном предприятии участвовало несколько поколений языковедов, собравших уникальный языковой материал со всей территории Словакии.

В 1994 г. вышел первый и в 2006 г. второй том запланированного трехтомного общенационального «Словаря словацких диалектов» — “Slovník slovenských nárečí” (гл. ред. И. Рипка), который является дифференциальным словарем (не тезаурусом), описывающим апеллятивную лексику словацких говоров. Заголовочное слово в нем имеет литературную (стандартизованную) форму, при нем приводятся все областные варианты с нестандартными фонетическими изменениями. Значение лексических единиц определяется с помощью литературных эквивалентов, отсылочных дефиниций, а также с помощью точных толкований и описаний.

К нелитературной лексике относятся не только диалекты, но и жаргонные средства выражения. Этот слой лексики представлен в «Словаре словацкого сленга» — “Slovník slovenského slangu” (Hocheľ 1993).

2.1.2. Специальные словари

В обозреваемый период вышел ряд словарей, охватывающих часть лексического состава на основе ограничительного критерия, каким является например характер номинативной функции лексических единиц (выделяющий функционально маркированные разряды — термины, фразеологизмы, имена собственные), тип формально-смысловой корреляции слов (определяющий парадигматические группы слов — синонимы, антонимы и др.) или критерий происхождения лексем (заимствованные слова).

2.1.2.1. Словари функционально маркированной лексики. 50-е и 60-е годы XX в. характеризовались нарастанием числа издаваемых **терминологических словарей**, ко-

торые были результатом работы более чем тридцати терминологических комиссий, под эгидой академического языковедения. Ведущей фигурой в осуществлении теоретических и практических работ по терминологии был Я. Горецкий (J. Horecký).

Институт языкознания в наше время не имеет терминологических комиссий и не координирует издание терминологических словарей, как это было в предшествующей период. Лингвистической стороной терминоведения занимаются языковеды, участвующие в ведомственных терминологических комиссиях, образованных, как правило, при соответствующих министерствах.

Забота о технической терминологии возложена на Словацкий институт технической стандартизации, который, кроме прочего, не только предлагает терминологические нормы, но и создает базу данных, доступную для всех пользователей. Переводчики в рамках своей организации «Объединение устных и письменных переводчиков» осуществили проект «Терминологическая служба в Словакии» (Prieskum terminologických aktivít na Slovensku) и составили «Каталог терминологических проектов в Словацкой республике» (“Zoznam terminologických projektov v Slovenskej Republike”), который опубликован в Интернете (автор V. Křečková). Каталог охватывает существующие терминологические базы, размещенные на CD ROM, опубликованные и разработанные терминологические словари (толковые и переводные), дипломные и диссертационные работы по терминологической проблематике. В 90-е годы вышло несколько терминологических толковых словарей из области естественных наук (например, астрономический словарь), техники (например, словарь авиационной терминологии) и общественных наук (например, большой экономический и юридический словари, серия педагогических словарей; словари из области литературоведения, фразеологии, изобразительного искусства и музыки).

И хотя в Словакии существует (начиная с работы Д. Синапия-Горчички «Neoforum Latino Slavonicum», 1678) более чем трехвековая традиция издания **сборников паремий** — пословиц, поговорок, загадок, присловий, крылатых слов, у нас нет до сих пор большого **фразеологического словаря** словацкого языка. Поскольку паремиологические образования представляют собой междисциплинарный предмет изучения и в Словакии ими занимается, помимо лингвистики (J. Mlacek, P. Ďurčo), прежде всего, фольклористика (как этнографическая дисциплина), мы не включили паремиологические сборники в наш обзор словацких лингвистических словарей. В порядке информации упомянем лишь, что книга “Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia” А. Затурецкого (1886) имеет несколько новых изданий. Критическое издание вышло в 1975 г. (Záturecký 1975), а последнее — в 2006 г. Большой популярностью пользуется и двенадцатязычный словарь пословиц Б. Гечка «Не мечите бисер перед свиньями» — “Nehádzte perly sviniam” (Hečko 1994).

В нескольких изданиях вышел «Малый фразеологический словарь» — “Malý frazeologický slovník” (Smiešková 1973, 1-е изд.) и два тематически упорядоченных популярных пособия словарного типа «Человек в зеркале фразеологии» — “Človek v zrkadle frazeológie” (Habovštiaková – Krošláková 1990) и «Человек и природа в фразеологии» — “Človek a príroda vo frazeológie” (Habovštiaková – Krošláková 1996). Относительно распространенным жанром являются двуязычные фразеологические словари, например, словацко-немецкий (Cierna – Juríková – Ondrčková 1995), немецко-словацкий (Ondrčková – Hanning 1978), словацко-венгерский (Smiešková – Šimová 1981), вен-

герско-словацкий (Habovštiaková – Hasák – Törörková 1984) и многие другие. Польско-словацкий словарь диалектной фразеологии — “Polsko-slovenský slovník nářečovej frazeológie” составлен Ф. Буффой (Buffa 1998). Высоким качеством обработки выделяется «Русско-словацкий фразеологический словарь» — “Rusko-slovenský frazeologický slovník” (Doroťjaková – Ďurčo – Filkusová – Petrufová – Malíková 1998).

Обширные сборники наименований ономастических объектов, хорошо разработанная теория собственного имени и ее применение в практических пособиях свидетельствуют о том, что ономастика является в Словакии одной из сильных научных дисциплин. **Словари собственных имен (ономастические словари)** занимают важное место в словацкой лексикографии. В качестве примера можно привести такие популярные публикации как «Названия населенных пунктов в Словакии за последние 200 лет» — “Názvy obcí na Slovensku za ostatných 200 rokov” (Majtán 1972) и «Имена для наших детей» — “Meno pre naše diet’ a (Majtán – Považaj 1983). Начиная с 70-х годов прошлого века благодаря созданию Топонимической комиссии при Словацком управлении геодезии и картографии была проделана значительная часть работы по стандартизации словацкой топонимики. Одной из задач вышеупомянутой комиссии была выработка методики упорядочения топонимов. Результатом её работы было издание 56 топонимических публикаций (некоторые написаны в сотрудничестве с чешскими коллегами) с 1974 до 1998 г. Прежде всего, был издан перечень географических названий Основной карты Словацкой республики в масштабе 1 : 50 000, а позже дело дошло до стандартизации топонимов карты в масштабе 1 : 10 000. Вышли многие словари гидронимов и словари, охватывающие другие специализированные разряды географических названий, например, пещер и пропастей, холмов и гор, заповедников и т. п.

Давней традицией словацкой лексикографии, начиная с 20-х гг. XX в., является издание **словарей иностранных слов**. Первый словарь такого типа издал П. Твердый (P. Tvrđý): “Slovník inojazyčný”, 1922. В период между двумя войнами вышло три таких словаря. В послевоенное время наиболее успешным автором в этом жанре была М. Иванова-Шалингова (M. Ivanová-Šalingová). Ее «Малый словарь иностранных слов» (“Malý slovník cudzích slov”) вышел в 1959 г. (Šalingová 1959) и многократно переиздавался в переработанных и расширенных изданиях. В 60-х годах она (в соавторстве) издала «Словарь иностранных слов» (“Slovník cudzích slov”) среднего типа, содержащий 27 000 постоянно употребляющихся в словацком языке слов иностранного происхождения (Šaling – Šalingová – Peter 1965, 2-е изд. 1966; 3-е изд. 1970). Под тем же названием позже вышел словарь существенно большего объема, содержащий 60 000 слов (Ivanová-Šalingová – Maníková, 1979). Начиная с 90-х гг., выходят переиздания «Большого словаря иностранных слов» (“Veľký slovník cudzích slov”), содержащего более 100 000 слов (Šaling – Ivanová-Šalingová – Maníková 2006, 4-е изд.).

2.1.2.2. Парадигматические словари. Достойной внимания коллективной работой Института языкознания является обширный синонимический словарь словацкого языка (“Synonymický slovník slovenčiny”), помогающий читателю ориентироваться в стилистическом разнообразии словацкой лексики. Речь идет о первом объемном труде такого рода в словацком языке (13 000 синонимических рядов и 45 000 отсылок), так как «Малый синонимический словарь» — “Malý synonymický slovník” (Pisárčiková – Michalus 1973), предназначенный для школьников, охватывал лексическую синонимию словацкого языка лишь выборочно. В новом словаре (гл. ред. М. Писарчикова), отбор

синонимов в синонимические ряды производится, исходя из широкого понимания синонимии, т. е. включаются полные и частичные синонимы, дифференцированные по хронологическому признаку, учитывается частота употребления, функциональность стилистического и эмоционального характера, а также конкурирующие в смысловом отношении слова, относящиеся к нелитературным образованиям словацкого языка — диалектам, сленгу и нестандартным лексическим элементам.

Лакуна между специальными словарями словацкого языка, описывающими часть словарного состава на основе формально-семантических (парадигматических) отношений, была заполнена публикацией «Словаря омонимов» — “Homonymický slovník” (Ivanová-Šalíngová 1997) и «Словаря паронимов» — “Paronymický slovník” (Škvareninová 1999). Паронимический словарь содержит теоретическое введение, а в его словарной части находится 12 000 паронимических единиц, почерпнутых из перечня в 80 000 слов.

2.1.2.3. Словари отдельных параметров слов. Среди словарей словацкого языка можно назвать словари, представляющие отдельные лексические параметры: «Частотность слов в словацком языке» — “Frekvencia slov v slovenčine” (Mistrík 1969), «Обратный словарь словацкого языка» — “Retrográdny slovník slovenčiny” (Mistrík 1976), «Настольный орфоэпический словарь» — “Príručný slovník slovenskej výslovnosti” (Král 1979); позже вышли и его дополненные версии. Частотный словарь и обратный словарь сопровождаются обширными теоретическими введениями, в обоих словарях на заключительном этапе работы использовалась компьютерная техника.

Частью основного пособия по норме в словацком языке — «Правил словацкого правописания» (“Pravidlá slovenského pravopisu”, 1991) — является «Орфографический и грамматический словарь» (“Pravopisný a gramatický slovník”), содержащий 60 000 слов (в третьем издании 2000 г. — почти 70 000 слов). В словарных статьях представлены основные сведения о частях речи, а также данные о ключевых грамматических формах, необходимых для идентификации типов склонения или спряжения. В трудных случаях приводится расширенный набор форм.

Первый словарь морфем словацкого языка — “Morfematický slovník slovenčiny (Sokolová – Moško – Šimon – Benko 1999) составлен под руководством М. Соколовой, которая разработала теоретические принципы морфемного анализа. Словник словаря включает почти 70 000 лексических единиц. Лексемы даны в алфавитном порядке. Целью словаря является применение установленных правил сегментации к лексемам и идентификация отдельных сегментов как морфем или субморфем. Словарь служит исходной точкой для описания структуры морфем, комбинаторных возможностей и частоты употребления отдельных морфем, а также разграничения их инвентаря в словацком языке.

Со словарем морфем связана и другая работа этого же авторского коллектива «Словарь корневых морфем словацкого языка» — “Slovník koreňových morfév slovenčiny” (Sokolová a kol. 2005), морфемно-словообразовательного характера. Словарь организован по совокупностям корневых морфем, которые обычно совпадают со словообразовательным гнездом, но при полисемии корней совокупности корневых морфем шире, чем гнезда. Благодаря своему комплексному подходу к проблеме, указанный словарь может заменить отсутствующий в настоящее время словообразовательный словарь.

«Словарь сочетаемости словацкого глагола» — “Valenčný slovník slovenských slovies” (Sokolová – Nižníková 1998) и «Словарь сочетаемости словацкого глагола, Т. 2 (на основе корпуса)» (Nižníková 2006) описывает валентный потенциал наиболее частотных сло-

вацких глаголов, их видовые и возвратные формы. Первый том словаря носит пробный характер и описывает 625 глаголов с 2060 значениями. В работе присутствует теоретическая и словарная часть. В теоретической части представлены: основная характеристика и принципы составления словаря, семантическая классификация глаголов, система глагольных форм, их грамматическая и семантическая характеристика, проблематика относительно видовых пар и трансформационных структур. Словарная часть содержит сочетаемостные структуры глаголов по их частотности. Второй том словаря (568 глаголов и 1531 значений) черпал иллюстративный материал из Словацкого национального корпуса.

2.2. Двухязычные словари

После Второй мировой войны двухязычные словари выходили более или менее случайно и по инициативе отдельных составителей. Как правило, это были переиздания довоенных словарей, например, немецкие словари Шульца, венгерско-словацкие и словацко-венгерские словари Г. Орбана и М. Меча. Уровень лексикографической обработки и объем этих прикладных словарей не был удовлетворительным. Бесспорно, переломным моментом в области двухязычной лексикографии стало издание двухтомного «Словацко-русского словаря» (“Slovensko-ruský slovník”), составленного с помощью студентов и аспирантов-русистов А.В. Исаченко (Isačenko 1950–1957). В своей работе автор исходил из концепции Л.В. Щербы и опирался на принципы, примененные Л.В. Щербой в его «Русско-французском словаре». А.В. Исаченко воспитал целую плеяду лексикографов, которые продолжили его работу и углубили теорию двухязычной лексикографии (Братиславская лексикографическая школа). Настоящим словацким вкладом в лексикографию является шеститомный «Большой русско-словацкий словарь» — “Veľký rusko-slovenský slovník” (Filkusová – Kučerová – Lapárová – Sekaninová 1960–1970; гл. ред. L. Ďurovič, J. Ferienčík, J. Horecký), являющийся двухязычным словарем академического типа. Словарь, преследующий научные, а не только практические цели, возник на основе хорошо разработанных принципов подбора переводных эквивалентов. В течение 80-х – 90-х годов издавалось его соответствие (двойник) «Большой словацко-русский словарь» (“Veľký slovensko-ruský slovník”) (1979–1995), являющийся самым большим словацко-иноязычным словарем в словацкой лексикографии. Кроме сравнительной и переводной направленности в Словаре осталась незабытой и его посредническая общеславистическая направленность.

Существенно отличной была ситуация с изданием двухязычных словарей по другим мировым языкам. Ощущалось отсутствие не только качественных школьных словарей, но и переводных словарей среднего типа. В конце пятидесятых годов из Министерства образования и культуры исходят инициативы, направленные на улучшение подготовки издания двухязычных словарей малого и среднего типа. Издание словарей было сосредоточено в Словацком педагогическом издательстве.

Большинство изданных переводных словарей связано с немецким языком, чаще всего речь идет о словарях пассивного типа (где исходным языком является немецкий). Основательно разработана, например, лексика в «Немецко-словацком словаре», составленном коллективом авторов (“Nemecko-slovenský slovník”) (Čierna – Géze – Juríková – Menke 1981). Словарь содержит приблизительно 80 000 слов с богато представленным

справочным материалом и примерами правильного употребления слова в контексте. Наряду с повседневной лексикой словарь содержит и термины из различных научных областей, разговорные выражения и фразеологизмы. Долгое время единственным словарем среднего типа для работы с английским языком был «Англо-словацкий словарь» (“Anglicko-slovenský slovník”) Я. Шимка (Šimko 1967), выдержавший четыре издания (1968, 1971, 1991). В последние годы появились хорошо обработанные однотомные словари активного типа (т. е. словацко-иноязычные словари) всех трех мировых языков, наиболее распространенных в Словакии: «Словацко-английский словарь» (“Slovensko-anglický slovník”) (Čániková – Slobodníková – Barac – Červenčíková 1997), «Словацко-немецкий словарь» (“Slovensko-nemecký slovník”) (Čierny – Čierna 2002) и «Словацко-французский словарь» (“Slovensko-francúzsky slovník”) (Porubská – Gründlerová 2005). Большое значение в словацком культурно-общественном контексте имеют словари с венгерским языком. Из последних словарей можно упомянуть «Венгерско-словацкий настольный словарь» (“Maďarsko-slovenský príručný slovník”), составленный опытным лексикографом и внимательным рецензентом лексикографической продукции Е. Хренковой (Chrenková 2003).

Классическую филологию в словацкой лексикографии представляют Ю. Шпаняр (Špaňár 1962) и Й. Грабовский (Hrabovský 1962) — авторы латинско-словацких и словацко-латинских словарей, первые издания которых вышли в 1962 г., в различных модификациях выходящие до сих пор.

Кроме упомянутых русско-словацкого и словацко-русского словаря, важных с общеславянистической точки зрения, уместно отметить также словари, сравнивающие словацкий язык с другими славянскими языками. В условиях словацко-чешского двуязычия очень востребованными оказываются словари с чешской частью. На хорошем уровне составлен «Чешско-словацкий словарь» (“Česko-slovenský slovník”) (1979), созданный в Институте языкознания под редакцией Г. Горака (G. Horák) в сотрудничестве с чешскими лексикографами. Этот однотомный словарь среднего типа содержит около 60 000 слов.

Для пары словацкий язык — польский язык у нас имеются «Польско-словацкий» и «Словацко-польский словари» (Buffa – Stano 1975, 2-е изд. 1988). К малым словарям относятся «Болгарско-словацкий словарь» (Zemková 1977), «Словацко-украинский словарь» (Bunganič 1985), а теперь уже устаревший «Словацко-сербохорватский и сербохорватско-словацкий словарь» (Horák 1991). В настоящее время выходит трехтомный «Болгарско-словацкий словарь», опирающийся на концепцию переводных эквивалентов Братиславской лексикографической школы (Kosková a kol. 2004). Коллектив авторов имеет хорошую лингвистическую подготовку и к обработке словарных статей относится очень ответственно. Словари, сравнивающие словацкий и словенский языки, вышли только в Словении.

Серия **многоязычных терминологических словарей** под названием «Технический переводной словарь» была издана в 70–80-х годах издательством «Альфа» (более 30 словарей). **Двуязычные терминологические словари**, издаваемые переводчиками или одиночками, использующие компьютерную компиляцию существующих словарей и баз данных, как правило, отличаются невысоким качеством лексикографической обработки. Исключение составляют два словаря по экономической терминологии: «Итальянско-словацкий словарь по экономике и торговому праву» (“Taliansko-slovenský

slovník ekonómie, finančého a obchodného práva”) (Taraba – Tarabová 2001) и «Немецко-словацкий экономический словарь» (“Nemecko-slovenský ekonomický slovník”) (Ondrčková – Lišková – Pospíšilová, 2000), его пара с исходным словацким языком вышла в 2005 г. (Ondrčková – Lišková – Pospíšilová 2005). Некоторые терминологические словари выходят как многоязычные лексикографические проекты по созданию баз данных при поддержке Европейской комиссии, например, «Терминологический словарь и глоссарий из области социальной защиты» (“Terminologický slovník a glosár z oblasti sociálnej ochrany”) (программа Консенсус, 2000) и «Многоязычный мультимедийный словарь окружающей среды и научных дисциплин, касающихся изучения Земли» (“Viacjazyčný multimedialný slovník životného prostredia a vedných disciplín týkajúcich sa Zeme”) (программа «Леонардо да Винчи», 2005). Оба словаря вышли за границу.

3. Проблемы словацкой лексикографии и перспективы ее развития

Несмотря на то, что в течение двух последних десятилетий вышли или постепенно выходят словарные труды, охватывающие самые разные области словацкой лексики (однотомный толковый словарь современного языка, большой синонимический словарь, исторический словарь, диалектные словари), все же нам не хватает некоторых важных словарей: современного толкового словаря среднего типа или большего объема (шеститомного и более), этимологического словаря, большого фразеологического словаря, словообразовательного словаря и некоторых других. Все перечисленные словари за исключением фразеологического уже в стадии разработки.

До сих пор были опубликованы два тома «Словаря современного словацкого языка» — “Slovník súčasného slovenského jazyka” (Т. 1. А–Г, 2006; Т. 2. Н–Л, 2011; SSSJ), рассчитанного на восемь томов, где описывается словарный состав словацкого языка последних пятидесяти лет. Он выходит на основе комбинированных материалов — классической картотеки с выписками из текстов и электронных текстовых источников корпуса текстов и интернетовских страниц на словацком языке. Оба тома содержат 55 711 словарных статей. По своему типу SSSJ является толковым словарем (с толкованиями слов, основанными на новейших теоретических достижениях из области лексической семантики и корпусной лингвистики), словарем справочным (документирующим статус слова как части аутентичных высказываний и текстов), а также словарем описательным (последовательно отражающим результаты исследования широкой материальной базы и современного квалифицированного взгляда на лексикографическую единицу с точки зрения построения культивированного языкового высказывания). Руководитель этого многотомного проекта — А. Ярошова (А. Jarošová), вместе с К. Бузашишовой (К. Buzássyová) они являются главными редакторами опубликованных томов словаря.

Этимологический словарь чешского и словацкого языка составил чешский языковед В. Махек (1957). Во втором издании Этимологического словаря (1968) словацкие слова, не имеющие соответствий в чешском языке, в качестве заголовочных не приводятся. Этот словарь, по многим причинам устаревший, в Словакии до сих пор используется как основное руководство по этимологии. Специалист в области индоевропеистики и славистики Ш. Ондруш (S. Ondruš 2000–2005) несколько десятилетий

публиковал этимологические объяснения отдельных слов в научных и научно-популярных журналах. В последние годы вышли три книги его стилизованных под эссе этимологических зарисовок отдельных словацких слов, собственных имен и географических названий. Труд, названный “Odtajnené trezory slov” — «Рассекреченные архивы слов» (Ondruš 2000–2005) частично заменяет до сих пор не составленный полный этимологический словарь словацкого языка и является плодом исследовательской работы автора в течение всей его жизни.

Реализация проекта подробного этимологического словаря словацкого языка, который охватывал бы лексику современного литературного языка, старших периодов в развитии словацкого языка и словацких наречий, требует участия в нем высококвалифицированных специалистов. Недостаточное кадровое обеспечение этой научной области в Словакии позволяет осуществить только альтернативный проект — составление краткого (однотомного) научно-популярного этимологического словаря. Такой словарь сможет хотя бы частично устранить лауну в словакистике, а по словам его автора, Л. Кралика (Králík 1999: 71), — «в будущем он мог бы служить отправной точкой для подготовки упомянутого подробного этимологического словаря». Издание Краткого этимологического словаря словацкого языка Л. Кралика находится в стадии окончательной редакции.

Мы предполагаем, что к работе по изданию большого **фразеологического словаря** можно будет приступить после издания многотомного Словаря современного литературного языка.

4. Теоретическое отражение лексикографического творчества

Традиция научных встреч, посвященных лексикографической и лексикологической проблематике, началась общегосударственной конференцией чешских и словацких лексикографов в Братиславе в 1952 г. Целью конференции было обсуждение основных вопросов лексической семантики, лексикологии и теории лексикографии с учетом имеющегося опыта, с тем чтобы действительно изменить ситуацию в работе над готовящимися и уже разработанными словарями. Дискуссия о русско-словацком и русско-чешском словарях указала на основные различия в понимании структуры словарной статьи в двуязычном словаре между братиславскими и чешскими русистами. На этой конференции братиславская группа отчетливо сформулировала принцип своей концепции двуязычного словаря (использование переводных эквивалентов и членение заголовочного слова на основании эквивалентов, а не смысловой структуры исходного слова). Сборник докладов этой конференции (Lexikografický zborník 1953) стал одной из первых работ современной теоретической лексикографии в Европе, он обильно цитируется и Л. Згустой в его пособии по лексикографии «Manual of Lexicography», которое имеет принципиальное значение для общей теории лексикографии.

В 1959 г. по инициативе школьных объединений состоялось совещание о двуязычных словарях в Пештянах (Lexikografický zborník 1961). Участники совещания отметили пробелы в тогдашней лексикографической теории, а также тот факт, что словарная работа была расплывлена по нескольким научным центрам и редакциям. Прозвучали на нем и некоторые теоретические доклады, опирающиеся на практический опыт состав-

ления словарей, но много докладов имели практическую направленность. Совещание дало организационный импульс к тому, чтобы работа над малыми, средними и специальными двуязычными словарями была сосредоточена в редакции иностранных языков Словацкого педагогического издательства.

Институт языкознания Академии наук организовал в 1965 г. научную конференцию по проблемам словаря литературного языка, на которой были обсуждены результаты работы над первыми четырьмя томами Словаря словацкого языка (1959–1964) и рассмотрены основные положения подготавливаемого настольного словаря словацкого языка. Словарь был признан недостаточно нормативным в тех случаях, когда речь идет о разграничении словарного состава чешского и словацкого языков и, наоборот, слишком активным, когда дело касается выведения из словаря экспрессивных и более распространенных (благодаря литературе) региональных слов за пределы литературного языка. Доклады конференции были опубликованы в журнале “Slovenská reč” в 1966 г.

На состоявшейся в 1970 г. конференции по проблемам лексикологии и лексикографии (*Slovo a slovník* 1973) обсуждались все предшествующие словарные предприятия. Конференция была задумана как кульминационный пункт работы над Большим русско-словацким словарем и была нацелена на подведение итогов многолетнего опыта работы над всеми типами словарей. Вводный тематический цикл «Лексика как система» был посвящен вопросам лексикологии в связи с более общими понятиями языкознания.

Следующая конференция, посвященная исследованию и описанию лексем, «Содержание и форма в лексике» состоялась уже в 1983 г. (*Obsah a forma v slovnej zásobe* 1984). На конференции дискутировались все словарные проекты, разрабатываемые в Словакии: толковый, переводной, диалектные, исторический и этимологические словари. Кроме лексикографических проектов на конференции были обсуждены проекты лексических атласов, а один из тематических разделов конференции образовали доклады о динамических явлениях в словарном составе словацкого языка. Главные выступления традиционно были посвящены теоретико-методологическим проблемам в исследовании словацкой лексики.

Проблематике издания словацких словарей был посвящен также один из четырех тематических разделов международного симпозиума по лексике славянских языков «Методы исследования и описания славянских языков», который состоялся одновременно с седьмым рабочим заседанием Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов (*Metódy výskumu a opisu slovanských jazykov* 1990). На симпозиуме обсуждались отдельные проблемы синонимического, исторического и большого двуязычного словаря. Впервые на симпозиуме шла речь о компьютерной обработке словацкой лексики.

В 1991 г. состоялось четвертое общесловацкое совещание языковедов, посвященное словацко-иноязычной лексикографии. На совещании прозвучали доклады по теоретической проблематике двуязычных словарей, например, типологии переводных эквивалентов и фразеологии в двуязычной словарной статье, одновременно речь шла и о разрабатываемых в настоящее время словарных проектах.

Шестое общесловацкое совещание языковедов было посвящено проблематике подготавливаемых одноязычных словарей, описывающих специальные аспекты словарного состава (морфемный словарь, словарь сочетаемости, словообразовательный сло-

варь, словарь словацких местных названий и др.). Другой блок выступлений на конференции составили доклады, сближающие проблематику взаимоотношения теории и практики, концепции и реализации разрабатываемых словарных проектов (диалектный, исторический, синонимический словари). Частью этого блока стала проблематика использования компьютерной техники при создании словарей.

Сборник *Lexicographica'99* (2001) отражает в целом верную картину состояния современной словарной продукции в Словакии, поскольку семь вводных статей, образующие первую часть сборника, представляют заинтересованную авторскую и редакторскую точку зрения на отдельные словарные проекты. Вторую часть сборника образуют статьи по специальным вопросам. В них речь идет о лексикографической обработке отдельных параметров слова как комплексной языковой единицы. Затрагиваются также такие аспекты, как стилистическая маркированность слова, произношение, функциональная характеристика слова и др.

В статьях сборника «Слово в словаре» (*Slovo v slovníku 2012*) разрабатываются существенные для лексикографии аспекты семантики, грамматики и прагматики.

Достаточно подробное обозрение работ, посвященных исследованию по истории создания словацких словарей, дает в своей двухтомной работе по словацкой лексикографии М. Гайекова (*Hayeková 1979, 1992*). В конце справочного аппарата мы помещаем ссылку на научный обзор (*Prehľad odborných prác*), дополненный несколькими более новыми названиями работ по словацкой лексикографической проблематике.

Перевод Г.Я. Романовой

Источники и литературу см. в оригинальной части (с. 213–216)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Апресян Юрий Дереникович

академик
зав. отделом теоретической семантики
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
apr@iitp.ru

Беленчикова Ренате Renate Belentschikow

Dr. phil. habil.
Professor für Slavistische Linguistik
Otto-von-Guericke-Universität Magdeburg,
Institut für fremdsprachliche Philologien
Magdeburg, Deutschland
renate.belentschikow@ovgu.de

Белоусова Алла Сергеевна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
gramilex@inbox.ru

Биргегорд Улла

Ulla Birgegård
filosofie doktor
professor em. i ryska
Institutionen för moderna språk,
Uppsala universitet
Uppsala, Sverige
ulla.birgegard@moderna.uu.se

Биржакова Елена Эдуардовна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

Благова Эмилия

Emilia Bláhová
PhDr.
Slovanský Ústav Akademie Věd ČR
Praha, Česká republika

Верижникова Елена Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
eluska@mail.ru

Гладка Зденька

Zdeňka Hladká
Doc. PhDr.
Ústav českého jazyka Filozofické fakulty
Masarykovy univerzity
Brno, Česká republika
zdena@phil.muni.cz

Гудков Владимир Павлович

кандидат филологических наук
доцент кафедры славянской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Драгичевич Райна М.

Рајна Драгићевић
доктор филолошких наука
професор Лексикологије српског језика
и Лексикографије српског језика
Катедра за српски језик и јужнословенске
језике
Филолошки факултет Универзитета у Београду
Београд, Србија
rajnad@yahoo.com
rajnad@fil.bg.ac.rs

Дубичинский Владимир Владимирович

Дубічинський Володимир Володимирович
доктор філологічних наук
завідувач кафедри української, російської мов
і прикладної лінгвістики
Національний технічний університет
«Харківський політехнічний інститут»
голова Харківського лексикографічного това-
риства
Харків, Україна
vovodu@bk.ru

Иванович Ненад

Ненад Ивановић

Магистар филолошких наука, докторанд
Сарадник Института за српски језик САНУ
Помоћни уредник Речника САНУ
Београд, Србија
nenad.ivanovic@isj.sanu.ac.rs

Каленчук Мария Леонидовна

доктор филолошких наука, професор
зам. директора по научной работе
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
mkalenchuk@yandex.ru

Касаткин Леонид Леонидович

доктор филолошких наука, професор
главный научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
rolekas@yandex.ru

Касаткина Розалия Францевна

доктор филолошких наука
главный научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
rolekas@yandex.ru

Копорская Елена Сергеевна

доктор филолошких наука
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
gramilex@inbox.ru

Крысин Леонид Петрович

доктор филолошких наука, професор
зав. отделом современного русского языка
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
leonid-krysin@mail.ru

Кузнецова Ирина Евгеньевна

научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
kuznetsova4irina@rambler.ru

Куркина Любовь Викторовна

доктор филолошких наука
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
lyukurkina@rambler.ru

Мальшева Ирина Алексеевна

доктор филолошких наука, професор
ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
iamalysheva@mail.ru

Мартинцова Ольга

PhDr. **Olga Martincová**, CSc.
Praha, Česká republika
o.martincova@seznam.cz

Мерше Майда

Majda Merše
Dr. PhD
izr. prof.
znanstvena svetnica
Znanstvenoraziskovalni center
Slovenske akademije znanosti in umetnosti
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
Ljubljana, Slovenia
majda.merše@guest.arnes.si

Мызников Сергей Алексеевич

доктор филолошких наука, професор
главный научный сотрудник
зав. Словарным отделом
Институт лингвистических исследований РАН
заведующий кафедрой уральских языков,
фольклора и литературы
РГПУ им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
myznikovs@rambler.ru

Павлова Сабина Любомирова

доктор (PhD)
научен сътрудник, главен асистент
Секция за българска лексикология
и лексикография
Институт за български език при БАН
София, България
sabina_ns@abv.bg

Пиотровски Тадеуш

Tadeusz Piotrowski
prof. dr. hab.
Katedra Leksykografii i Translatologii, Kierownik
Wyższa Szkoła Filologiczna
Wrocław, Polska
tadpiotr@poczta.onet.pl

Поликарпов Анатолий Анатольевич

профессор кафедры русского языка
заведующий лабораторией общей и компью-
терной лексикологии и лексикографии
филологический факультет
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
anatpoli@mail.ru

Ристич Стана

Стана С. Ристич

доктор филолошких наука, ред. проф.,
научни саветник, руководилац проекта
Институт за српски језик САНУ
Београд, Србија
stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

Скляревская Галина Николаевна

доктор филологических наук, профессор
заведующая Лабораторией компьютерной
лексикографии
Институт филологических исследований
Санкт-Петербургский государственный уни-
верситет
Санкт-Петербург, Россия
gsklyarevskaya@mail.ru

Стефанович Мария

Марија Стефановић

ванредни професор
шеф Одсека за славистику
Универзитет у Новом Саду,

Филозофски факултет, Одсек за славистику
Нови Сад, Србија
mstefanovic@ff.uns.ac.rs
majazrenj@yahoo.ca

Тафра Бранка

Branka Tafra

dr. sc., red. prof. u trajnom zvanju
Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu
Zagreb, Hrvatska
branka.tafra@hrstud.hr

Финк-Арсовски Желька

Željka Fink Arsovski

dr. sc. red. prof.
predstojnica Katedre za ruski jezik
Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
Zagreb, Hrvatska
zfink@ffzg.hr

Чернышева Маргарита Ивановна

доктор филологических наук, профессор
ведущий научный сотрудник
и.о. зав. отделом исторической лексикографии
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
chernysheva@bk.ru

Чоролеева Мария Георгиева

доктор на филолог. науки, професор
Секция за българска лексикология
и лексикография
Институт за български език при БАН
София, България
char_m@abv.bg

Шестакова Лариса Леонидовна

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
lara.shestakova@mail.ru

Щербин Вячеслав Константинович

Шчэрбін Вячаслаў Канстанцінавіч

вядучы навуковы супрацоўнік,
лаўрэат Дзяржаўнай прэміі
Рэспублікі Беларусь у галіне навукі і тэхнікі
Цэнтр сістэмнага аналізу і стратэгічных

Сведения об авторах

даследаванняў Нацыянальнай акадэміі навук
Беларусі
Мінск, Беларусь
slavalex@mail.ru

Якушкина Екатерина Ивановна

кандидат филологических наук
старший преподаватель
кафедры славянской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия
jkatia@yandex.ru

Ярошова Александра

Alexandra Jarošová

kandidátka vied samostatná vedecká pracovníčka
vedúca projektu
Slovníka súčasného slovenského jazyka
Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra,
Slovenská akadémia vied
Bratislava, Slovensko
sasaj@juls.savba.sk

ПЕРЕВОДЧИКИ

Кулешова Мария Львовна

аспирантка
кафедры славянской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
sereda@rambler.ru

Малыгина Мария Анатольевна

кандидат филологических наук
младший научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
maria-malygina@yandex.ru

Плотникова Ольга Сергеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры славянской филологии
филологический факультет
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
osplotnikova@bk.ru

Пьянкова (Осипова) Ксения Викторовна

кандидат филологических наук
редактор
кафедра русского языка и общего языкознания
филологический факультет
Институт гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета
Екатеринбург, Россия
fasmer@yandex.ru

Романова Галина Яковлевна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
gal_romanova@mail.ru
ruslang@ruslang.ru

Шегзля Мирослав Мечиславович

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия

CONTENTS

Preface (by M.I. Chernysheva)	7
--	---

Part 1

HISTORY AND CURRENT STATE OF LEXICOGRAPHIES IN SLAVIC COUNTRIES

Belarus: <i>V.K. Shcherbin</i> (Minsk, Belarus) Belarusian Lexicographic Tradition: History and Present	21
Bulgaria: <i>M. Choroleeva</i> (Sofia, Bulgaria) History and Current State of Bulgarian Lexicography	61
Macedonia: <i>E.V. Verizhnikova</i> (Moscow, Russia) Macedonian Lexicography	90
Poland: <i>T. Piotrovsky</i> (Wroclow, Poland) Polish Lexicography (in Polish)	121
Serbia: <i>V.P. Gudkov, E.I. Yakushkina</i> (Moscow, Russia) Serbian Lexicography	146
Serbia: <i>N. Ivanovich</i> (Belgrad, Serbia) History of Work on the Dictionary SANU (1853–1953): One Century of the Development of Modern Serbian Lexicography (in Serbian)	166
Slovakia: <i>A. Yaroshova</i> (Bratislava, Slovakia) Slovak Lexicography (in Slovak)	198
Slovenia: <i>M. Mershe</i> (Ljubljana, Slovenia) Slovenian Lexicography and Lexicology in Historical Perspective (in Slovenian)	217
Ukraine: <i>V.V. Dubichinsky</i> (Kharkov, Ukraine) Ukrainian Lexicography: Past and the Present	251
Croatia: <i>B. Tafra, Zh. Fink Arsovski</i> (Zagreb, Croatia) Croatian Lexicography	310
Czech Republic: <i>Zd. Hladka</i> (Brno, Czech Republic) – <i>O. Martintsova</i> (Praha, Czech Republic) Traditions and the Present in the Czech Lexicography (in Czech) ...	340

Part 2

LEXICOGRAPHY OF SLAVIC LANGUAGES

<i>Zh. Fink Arsovski</i> (Zagreb, Croatia) About the Croatian-Slavic Dictionary of Comparative Phraseological Units	373
<i>R. Dragichevich</i> (Belgrad, Serbia), <i>M. Stefanovich</i> (Novi Sad, Serbia) About Slavic Associative Lexicography	390
<i>E. Blagova</i> (Prague, the Czech Republic) Old Slavonic Lexicography in the Czech Republic	405
<i>L.V. Kurkina</i> (Moscow, Russia) Russian Etymological Lexicography on a Slavic Background	424

Part 3
LEXICOGRAPHY IN RUSSIA

<i>Y.D. Apresyan</i> (Moscow, Russia) «The New Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian»	445
<i>Y.D. Apresyan</i> (Moscow, Russia) Theoretical Bases of an Active Lexicography	471
<i>A.S. Belousova</i> (Moscow, Russia) About Three New Dictionaries of Russian under Edition of an Academician N. Yu. Shvedova	481
<i>E.E. Birzhakova, I.A. Malysheva, I.E. Kuznetsova</i> (Saint-Petersburg, Russia) Russian Lexicography – the XVIII Century	497
<i>M.L. Kalenchuk, R.F. Kasatkina, L.L. Kasatkin</i> (Moscow, Russia) Orthoepic Dictionaries of Russian: Modern Approaches and New Principles	520
<i>E.S. Koporskaya</i> (Moscow, Russia) Principles of the Description of a Lexicon in «The New Explanatory Dictionary of the Modern Russian Literary Language with Expanded Data on the Word (in Book and Profound Electronic Versions)»	536
<i>L.P. Krysin</i> (Moscow, Russia) Dictionaries of Modern Russian. Types of Dictionaries	542
<i>S.A. Myznikov</i> (Saint-Petersburg, Russia) Russian Comprehensive Dialect and Regional Lexicography (the XIX–XXI Centuries)	563
<i>G.N. Sklyarevskaya</i> (Saint-Petersburg, Russia) Modern Russian Lexicography: Achievements and Lacunas	579
<i>M.I. Chernysheva</i> (Moscow, Russia) Russian Historical Lexicography	615
<i>L.L. Shestakova</i> (Moscow, Russia) Russian Author’s Lexicography: General State and Development Tendencies	645

Part 4
SLAVIC LEXICOGRAPHY
IN THE NON SLAVIC COUNTRIES

<i>R. Belentschikov</i> (Magdeburg, Germany) Slavic Lexicography in Germany	655
<i>U. Birgegord</i> (Uppsala, Sweden) Russian Lexicography in Sweden	667

Part 5
QUESTIONS OF THE THEORY OF LEXICOLOGY
AND LEXICOGRAPHY OF SLAVIC LANGUAGES

<i>A.A. Polikarpov</i> (Moscow, Russia; Barcelona, Spain) Model of Life Cycle of a Sign: to the Theoretical Bases of Historical Lexicology and Derivatology	679
<i>S. Ristich</i> (Belgrad, Serbia) Some Aspects of the «Internal» Lexicographical Criticism (Critical Review of the Methodology and Ways of Presentation of Lexicographical Units in the Thesaurus SANU)	702

APPENDIX. TRANSLATIONS

<i>Zd. Hladka, O. Martintsova</i> (Czech Republic) Tradition and the Present in the Czech Lexicography. Translation into Russian by G. Ya. Romanova	727
<i>N. Ivanovich</i> (Serbia) History of Work on the Dictionary SANU (1853–1953): One Century of the Development of Modern Serbian Lexicography. Translated into Russian by K. V. Pyankova	758
<i>M. Mershe</i> (Slovenia) Slovenian Lexicography and Lexicology in Historical Perspective. Translated into Russian by O.S. Plotnikova	787
<i>T. Piotrovsky</i> (Poland) Polish Lexicography. Translated into Russian by M.M. Shetelya (with the assistance of M.A. Malygina)	817
<i>S. Ristich</i> (Serbia) Some Aspects of the «Internal» Lexicographical Criticism (Critical Review of the Methodology and Ways of Presentation of Lexicographical Units in the Thesaurus SANU). Translated into Russian by M.L. Kuleshova	842
<i>A. Yaroshova</i> (Slovakia) Slovak Lexicography. Translated into Russian by G. Ya. Romanova	863
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	880

Научное издание

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Международная коллективная
монография

ISBN 978-5-91172-076-6

Подписано в печать 25.06.2013.
Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 72,15. Тираж 800 экз. Гарнитура Таймс. Заказ

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типографии № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15
Тел.: 8 (8352) 28-77-98, 57-01-87
Сайт: www.volga-print.ru